Библиотека Литературы Древней Руси

ТОМ 13

(XVI век)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 13: XVI век. – 860 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

О. В. Творогов. Предстатели земли Русской: агиография XVI века
Житие Антония Римлянина *(Подготовка текста, перевод и комментарии О. А. Белобровой)*
Жития Зосимы и Савватия Соловецких *(Подготовка текста Р. П. Дмитриевой, перевод и комментарии О. В. Панченко)*
Житие Арсения Коневского *(Подготовка текста Н. А. Охотиной-Линд, перевод А. Г. Боброва, комментарии Н. А. Охотиной-Линд и А. Г. Боброва)*
Житие Ферапонта Белозерского *(Подготовка текста и комментарии Е. Э. Шевченко, перевод Г. М. Прохорова и Е. Э. Шевченко)*
Житие Мартиниана Белозерского *(Подготовка текста и комментарии Е. Э. Шевченко, перевод Г. М. Прохорова и Е. Э. Шевченко)*
Житие Макария Желтоводского и Унженского *(Подготовка текста, перевод и комментарии И. М. Грицевской)*
Житие Корнилия Комельского *(Подготовка текста и комментарии А. Г. Сергеева, перевод А. А. Романовой)*
Житие Кирилла Новоезерского *(Подготовка текста, перевод и комментарии Т. Б. Карбасовой)*
Житие Кассиана Босого *(Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Ольшевской)*
Житие Фотия Волоцкого *(Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Ольшевской)*
Рассказ Вассиана Кошки о последних днях и преставлении тверского епископа Акакия *(Подготовка текста, перевод и комментарии Е. В. Крушельницкой)*
Сказание о Валаамском монастыре *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. А. Охотиной-Линд)*
Повесть о Псково-Печерском монастыре *(Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой)*
Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков *(Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой)*
Повесть о явлении икон Богородицы на Синичьей горе *(Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой)*
Житие Никандра Псковского *(Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой)*
Житие Герасима Болдинского *(Подготовка текста, перевод и комментарии Е. В. Крушельницкой)*
Похвальное слово Антонию Сийскому и русским святым царевича Иоанна Иоанновича *(Подготовка текста, перевод и комментарии Е. А. Рыжовой)*
Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого *(Подготовка текста, перевод и комментарии Е. В. Крушельницкой)*

Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова *(Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Ольшевской)*
Житие митрополита Филиппа *(Подготовка текста, перевод и комментарии И. А. Лобаковой)*
Песнопения службы митрополиту Филиппу *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Рамазановой)*

Вступление

ПРЕДСТАТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ: АГИОГРАФИЯ XVI ВЕКА

Предлагаемый вниманию читателя том Библиотеки литературы Древней Руси содержит в основной своей части жития русских святых, созданные в XVI веке. Общие литературные тенденции столетия, которое Д. С. Лихачев охарактеризовал как эпоху «второго монументализма», нашли отражение и в агиографических памятниках этого времени: повествование в них, как правило, степенно и многословно, пронизано пафосом «пресветлого православия» и отражает бурную жизнь Русской церкви XV—XVI столетий, когда один за другим возникают все новые монастыри, при этом не только в центральных районах Руси, но и на ее окраинах. Активно осваивается русский Север, его самые глухие уголки, где дремучие леса по берегам светлых рек и незамутненных озер, уединенность и тишина так хорошо гармонировали с идеалами монашеского безмолвия и отрешенности от суетного мира.

Данный том не просто знакомит нас с памятниками русской агиографии, но и открывает в ряде случаев малоизученную, а порой и вообще доселе неведомую страницу истории словесности, ибо некоторые жития публикуются впервые, другие — по единственным сохранившимся спискам. Том отражает результаты источниковедческих и текстологических разысканий последних десятилетий.

Большинство из публикуемых в томе памятников — это жития основателей монастырей, что придает материалам тома особую познавательную ценность: ведь речь идет не только о подвижниках и аскетах, но и об активных деятелях Русской церкви. И хотя описываемые в житиях события развертываются на бескрайных российских просторах, создается впечатление некоего замкнутого пространства, объединенного духовной общностью: все монастыри, и давно существующие, и вновь создаваемые, тесно связаны друг с

другом, и этим связующим звеном оказываются преподобные подвижники и их ученики. Действительно, один из основателей знаменитого Соловецкого монастыря был постриженником монастыря Кирилло-Белозерского и, вероятно, учеником самого Кирилла. Основатель монастыря на острове Коневец Арсений — постриженник Лисицкого монастыря, что под Новгородом, прошедший к тому же школу духовного совершенствования и устройства монастырского жития на Афоне. Ученики Корнилия Комельского — Кирилл Новоезерский, Геннадий Костромской, Адриан Пошехонский, Филипп Ирапский — основывали монастыри в Костроме, Пошехонье, на берегах озера Белого и в других областях Северной Руси, подобно тому как столетием ранее ученики Сергия Радонежского создали созвездие подмосковных монастырей.

Но святые отцы не всегда оставались замкнутыми в тишине своих келий: они постоянно оказывались участниками бурной политической жизни: Мартиниан Белозерский приютил и духовно поддержал Василия Темного, свергнутого своим двоюродным братом Дмитрием Шемякой, Кассиан Босой был приглашен стать восприемником от купели будущего царя Ивана Грозного, а соловецкий игумен Филипп, ставший митрополитом всея Руси, поплатился жизнью за то, что с величайшим достоинством и мужеством пытался отвратить того же царя от его кровавых деяний. В житиях этого времени мы встретим немало отзвуков мирской, политической и военной жизни эпохи.

Разумеется, жития следовали агиографическому канону. Как поразительно сходны описания прихода будущего подвижника в монастырь, когда его, отрока, предупреждают о трудностях иноческой жизни, на что он отвечает словами евангельской притчи, что лишь отрекшийся от мирской суеты окажется достоин Царства Божия. Как много сюжетных параллелей найдем мы в описании чудес, творимых святыми. Как сходны описания их кончин. И тем не менее мы нередко встретим в житиях живые подробности, свидетельствующие о том, что агиограф был осведомлен об обстоятельствах описываемых событий и не удержался от желания поведать о них своим читателям. Так, удивительно нагляден и подробен рассказ Вассиана Кошки о кончине тверского епископа Акакия. Останавливает внимание и поэтическое начало Сказания о Валаамском монастыре. Традиционный рассказ о разделении земли между народами, восходящий к Библии, обычно представляет собой сухой перечень этнонимов. Здесь же он сопровождается лаконичной, но в то же время конкретной характеристикой регионов, чем-то напоминающей описание Руси в

Слове о погибели Русской земли: «Овѣх убо под теплотными странами всели и сластьми благовонных аромат възвесели, и златом, и дражайшими многомастными камыкы украси. Овѣх же на плодоносных землях жити учини и веселħйшими винограды обогати. Овѣх же по пустыням разсѣа, скотопитательство велие дарова имъ». И далее, характеризуя, как можно думать, Русскую землю, автор пишет: «Инѣи же на премножайших водах и в велицѣх лѣсех насели и рыбами преумножи и красно-видных зверей кожами одаривъ». Упоминание на первом месте «премножайших вод» для характеристики северорусских монастырей, расположенных либо на островах (Соловецкий, Валаамский, Коневецкий, Троицкий Зеленецкий), либо на берегах рек и озер (Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Новоезерский и др.), совершенно уместно. Вообще, топос — пустынник селится в глухом лесу возле родника или ручья — видимо, не случаен: помимо бытовой потребности в чистой воде, «криница» (источник), возможно, символизировала чистоту и уединенность отшельнического жития, а само уподобление распространения христианской веры рекам и потокам, напояющим землю, также традиционно и широко употребимо.

Помимо житий и сказаний о монастырях в том включена также воинская Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков, стилистически близкая к таким шедеврам этого жанра, как Сказание о Мамаевом побоище или Казанская история. Повесть о явлении икон Богородицы на Синичьей горе — одно из многочисленных сказаний о явлении чудотворных икон, написанное простым языком, но стремящееся как можно более наглядно и убедительно повествовать о явившемся чуде. Включено в том и Похвальное слово Антонию Сийскому и всем русским святым, позволяющее судить о начитанности и литературном умении царевича Ивана, сына Ивана Грозного. Завершают том песнопения службы мирополиту Филиппу. Все названные произведения различных жанров и различного уровня литературного мастерства позволяют лучше представить себе репертуар книжности второй половины XVI века.

О. В. Творогов

ЖИТИЕ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА

Подготовка текста и комментарии О. А. Белобровой

ВСТУПЛЕНИЕ

ЖИТИЕ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА

Сказание о житии преподобного Антония Римлянина и о прихождении от града Рима в Великий Новгород — житие популярного новгородского святого, сочетающее черты легендарности и реальных событий. В Житии названы исторические личности XII в.: новгородский епископ Никита, князь Мстислав Владимирович Мономах, посадники Иван и Прокопий, отмерявшие землю для основания монастыря и храма Рождества Богородицы, описывается тяжба между Антонием и местными рыбаками, поставление Антония в игумены и его пространные предсмертные наставления братии.

Появление Антония — италийского отшельника — в новгородских пределах объясняется в Житии как чудо: он приплывает из Рима, стоя на камне, через Неву, Ладожское озеро и достигает реки Волхов, воды которой приносят бочку с сокровищами, принадлежавшими еще родителям Антония. В Житии отплытие Антония из Рима отнесено к 1105 г., а его кончина к 1142 г.; в Новгородской I летописи Антониев монастырь упоминается впервые под 1117 г., а о смерти Антония сообщается под 1147 г. Житие написано в XVI в. монахом Антониева монастыря Нифонтом, а повествование ведется со слов инока Андрея, бывшего духовным отцом Антония. Житие известно в многочисленных списках XVI—XVIII вв. По мере его переписки к нему были добавлены Предисловие, похвала, чудеса, статья о перенесении мощей Антония.

Текст Жития публикуется нами (без Похвального слова и чудес, но с Предисловием) по списку ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Ф. А. Каликина, № 35, XVII в., лл. 176—196.

ОРИГИНАЛ

ЖИТИЕ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА

МЕСЯЦА ГЕНВАРЯ В СЕДМЫЙ НА ДЕСЯТЬ ДЕНЬ И АВГУСТА ВЪ 3 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА, ИГУМЕНА БЫВШАГО В ВЕЛИКОМЪ НОВѢГРАДѢ И СОЗДАВШАГО МОНАСТЫРЬ И ХРАМЪ ВО ИМЯ ЧЕСТНАГО И СЛАВНАГО ЕЯ РОЖЕСТВА ПРЕЧИСТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ. СПИСАНО ТОЯ ЖЕ ОБИТЕЛИ УЧЕНИКОМЪ ЕГО СВЯЩЕННОИНОКОМЪ АНДРЕЕМЪ, ИЖЕ БЫСТЬ ОТЕЦЪ ЕГО ДУХОВНЫЙ И ПО НЕМЪ ТОЯ ЖЕ ОБИТЕЛИ ИГУМЕНОМЪ

Благослови, отче!

Понеже всякъ без мысли начиная вещь, якоже во тмѣ шествуетъ. Ибо без мысли трудяйся, соборнѣ по всему обнищаетъ. Принеси предлежащую мысль слова, да речемъ: яко да благоприятна будутъ глаголемая.

Мысль убо намъ есть еже от великихъ мало хваление принести равноаггельному житиемъ, иже от Бога хвалимому, и от аггелъ блажимому, и от человѣкъ славимому, во всѣхъ благихъ добродѣтелех совершенному въ чистомъ его и непорочномъ житии, преподобному святому Антонию. Но како азъ, оскверненый грѣхомъ и окалянъ, и всѣхъ страстныхъ плотьскихъ хотѣний исполненый, нося же в себѣ многосмущенную бурю, ниже слово имый довлѣти к мыслимым, могущее подобно таковому свѣтилнику похвалу изрещи? Но якоже пестротами златыми, богодухновенных пророкъ и богонаученных апостолъ словесы, тѣми похвалю и ублажу и украшу сего, а не своимъ растлѣнным умомъ, и недостаточнымъ словомъ. Мое убо слово, якоже рѣхъ, ничтоже. Но милостиви ми будите, Богомъ почтеннии, молюся, да не когда сугубъ прииму посмѣхъ, ненаучение вкупѣ и неразумѣние люто. Проститъ же ся убо еже ненаучения согрѣшение, аще точию не от лѣности происходитъ; не тщеслово убо, но смиреномудриемъ разума снизившеся, желаемаго приимемся. «Не бо можете вѣровати в мя»,[1] рече Христосъ истинна, славу от человѣкъ приемлюще, и «всякъ возносяй себе смирится, а смиряяй себе вознесется».[2] Сего святаго блаженнаго смирения востребуемъ и мы, да благодать просвѣтителную приимемъ, да освятится мысль сердца нашего, и от сего начало сотворимъ, глаголемъ же слово.

Приидите, церковнии свѣтила, всего християнскаго народа пастырие и учителие; градите, богоблаженнии отцы; притецыте, все иноческое святое о Христѣ собрание; пришельствуйте, священное сословие. Приидите, мужие купно и жены, стариа и юнии, юноши и девы, и людие иже в супружьствѣ, и иже от препростых, и иже от разумнѣйших, празднуйте со мною преподобнаго отца торжество. Просвѣти бо ся намъ сей Богомъ дарованный радостный и достохвалный и красный день, просвѣщаемъ свѣтозарным солнцемъ, веселие намъ даровая и радость в память свѣтлаго и честнаго добраго торжества богоноснаго отца. Возрадуемся того празднеству радостною душею, возвеселимся веселиемъ сердца нашего, торжествуемъ же великому сему духовно, а не плоторабно. Достоитъ убо намъ всѣх святых мужей торжествовати памяти, отверзати языкъ на благочестие, да глаголемъ что о них, и слухъ чювственъ имѣти, да слышим, и мысль нашю очищенну имѣти, да разумѣем яко много наставляюще насъ и наказующе к добродѣтелемъ, якоже суть сия: алчныхъ накормляти, жадныхъ напаяти, странныхъ вводити в домы своя, нагия одѣвати, болных посѣщати, в темницах седящих приходити к нимъ и утѣшати их,[3] к симъ же шестеро

милосерднымъ добродѣтелем, преданным самѣмъ Господемъ, стяжевати и прочая ины добродѣтели.

Таковое празднество духовно, и сихъ торжество святыхъ угодно, таковое совокупление преподобнымъ любовно. Сице же празднующе празднество могут глаголати ко святымъ пророкомъ: «Радуйтеся, праведнии, о Господѣ»,[4] «праведнымъ подобаетъ похвала».[5] И паки: «Веселитеся о Господѣ и радуйтеся праведнии».[6] И паки: «В память вѣчную будетъ праведникъ».[7] О таковых торжественицѣхъ Соломонъ вопиетъ: «Похваляему праведнику возвеселятся людие»,[8] безсмертие бо есть память его, яко от Бога познавается и от человѣкъ, угодна бо бѣ Господеви душа его. А иже празднуя и чрево наполняя, и веселит различными брашны и пияньству желаетъ, и прочая злы дѣтели сотворяетъ, таковыхъ праздникъ недуховенъ, но плоторабенъ. Паче же реку таковыхъ празднество июдейско и еллиньско, а не християньско, сия вещь всякой злобѣ начало. Сего ради бодрено воспрянемъ от злобъ наших, яко от сна тяжька, празднуемъ благочинно, помолимся Богу нелѣностно, да осияет насъ свыше Божия благодать. Аще убо благо свыше от Бога человѣкомъ даруется, понеже «всяко даяние благо, и всякъ даръ совершенъ»[9] свыше сходит, Отчимъ совѣтомъ посылаемъ на сыны человѣческия, ищущих его всякими дѣлы праведными и чистымъ житиемъ; той свѣтъ «просвѣщает и освящаетъ всякаго человѣка, грядущего в миръ».[10]

Что ино сладчайши таковаго свѣта или сего вкусившимъ, рекше разума иже о Бозѣ. Тѣмъ и Давида глаголюща слышимъ: «Свѣтъ восия праведнику»,[11] и паки: «Просвѣщаеши ты дивно от горъ вѣчныхъ»,[12] и паки: «Посли свѣт твой и истинну твою».[13] И паки: «Во свѣте Господни узрим свѣтъ»[14] трисоставный и нераздѣлимый; лицѣ же трисоставенъ, существомъ и естеством нераздѣлимъ. Како же сей узрим? Явѣ есть, яко имъже образом Давидъ глаголетъ къ Богу: «Во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ», рекше: въ Дусѣ — Сына.

Сего горняго свѣта невечерняго, благожелаемаго трисиятелнаго, безмѣрнаго, неугасимаго, идѣже гласъ и радость празднующихъ есть, веселящихся дуси и душа праведныхъ, таковаго свѣта вожделѣ видѣти и работати ему сей преподобный старецъ, Божий человѣкъ, вѣрный рабъ, подвижник Христовъ, страдалецъ Спасовъ, славный в чюдесѣхъ, чюдный во иноцѣчъ, дивный житиемъ своимъ, благоукрашенный нравомъ, цѣломудреный смисломъ,непоколебимый умомъ, паствѣ учитель, постником слава и преподобнымъ утвержение, непрелестный наставникъ, всеблагий наказатель, истинный кормникъ, благоподатный врачь, изящный предстатель, трудолюбный подвижникъ, иже купи себѣ Царство Небесное милостынею нищихъ и помилованием убогих, обрѣте вѣчную славу, правдою житие некончаемо, чистотою вѣнецъ славы, кротостию в рай вхождение, молитвою со аггелы пѣние купно, трудомъ

покой, и бдѣнием лице невидимаго Бога, постомъ и жаждею вѣчных благъ наслаждение. Что таковаго разума лучши, что сего ума свѣтлѣйши, что сего смысла мудрѣйши?

Самъ бо Владыка Небесный Царь коснуся чистаго сердца его и беззлобивыя кроткия души его и отверзе ему сокровище своея благодати, в не же вшедъ, обрѣте три камени честны: вѣру, упование, любовь, от нихъже исплете себѣ многоцѣнный вѣнецъ и принесе къ Царю царюющим и Господу господьствующимъ. И таковыми добродѣтельми спѣющи, яко маслина плодовита в дому Божии, яко древо саждено при исходящихъ водъ духа, еже плодъ свои дастъ во уреченное время.

Кто же сей, и откуду намъ таковое свѣтило возсия, великое солнце, свѣтлая луна, прекрасная заря, утреняя звѣзда, пастырь добрый, слѣпымъ благочестия вождь, благихъ даровъ обогатителю, милостивый любовный священный чиститель, столпъ терпѣния, старостию почтенный, сединами украшенный, образомъ благолѣпный, весь духовенъ яко жилище и сосудъ Святаго Духа; иже яко в ризу злату во благия добродѣтели одѣянъ, облеченъ благолѣпием и украшенъ Духа Святаго дарованиемъ; не толико небо испещренно свѣтозарными звѣздами, яко сего боголюбивая душа благими добродѣтельми украшена, — равноаггельный отецъ, Русской странѣ свѣтилникъ?

К нимъже отвѣщаю: приступите ко мнѣ вси вжелѣющии слышати, протягните слухи вашя, внемлите глаголемымъ мною. Повѣмъ вамъ всѣмъ, боящимся Господа, елика слышахомъ и разумѣхомъ я и отецъ нашъ преподобный Антоний повѣдаше намъ, и отверзу уста своя, да словесы удобренную и украшенную истинну съ Богомъ и того изложу благодатию, еиже слава внутрь облистающи иже прочитающих и слышащих с подобною чистотою и смущающих помыслъ отложениемъ просвѣщает бо лучами. Реку же к вам мое слово о святѣм Антоние именуемъ, и повѣм вамъ, братие, повѣсть дивну, еже слышах от преподобнаго. Повѣда ми, отходя жизни сея, рече ми: «Се нынѣ, чадо Андрее, приближается конецъ жизни моея», и ина многая изрече о преставлении своем: «и нынѣ вся ти извѣстно сотворю еже о моей худости».

Сказание о житии преподобнаго Антония Римлянина и о прихождении от града Рима в Великий Новъград

Сей преподобный и богоносный отецъ нашъ Антоний родися во градѣ в велицѣмъ Римѣ, иже от западныя части, от Италийския земли от латынска языка, от християну родителю; и навыче вѣрѣ християньстѣй, еяже држаста родители его в тайнѣ, крыющеся в домѣхъ своихъ, понеже Римъ отпаде вѣры християньския,[15] и приложишася в латыни, конечнѣ отпаде от папы Формоса[16] даже и доднесь; и ина многа о отпадении римскомъ повѣда ми и о богомерзской ереси ихъ, но убо о семъ да премолчимъ.

Отецъ же его и мати преподобнаго Антония в добрѣ исповѣдании отидоша къ Богу. Преподобный же навыче грамотѣ и изучи вся Писания греческаго языка. И прилѣжно начатъ чести книги Ветхаго и Новаго Завѣта и предание святыхъ отецъ седми соборовъ, еже изложиша и изъясниша вѣру християньскую; и вожделѣ восприяти иноческий образъ. И помолися Богу и раздая имѣние родителей своихъ нищимъ, а прочее от имѣния своего вложи в сосудъ в дельву, рекше в бочку, и заковавъ и всякою крѣпостию утвердивъ, скры и предастъ морю. Самъ же пойде от града в далние пустыни, взыскати мниховъ и труждающихся Бога ради, крыяся от еретик в пещерахъ и в разсѣлинах земныхъ. И Божиим промысломъ вскорѣ изъобрѣте мнихи в *пус*тыни живущии, в нихъже бѣ единъ имѣяше презвитерский чинъ. Преподобный же Антоний много моляшеся имъ со слезами, да бы его присочетали к своему Богомъ избранному стаду. Они же много его вопрошаху с прещениемъ о християнствѣ, и о ереси римстѣй, боящеся искушения от еретикъ; онъ же християнина себе исповѣдавъ. Они же ему рекоша: «Чадо Антоние, понеже юнъ еси, и не можеши терпѣти постническаго жития и трудовъ чернеческихъ» (понеже ему бывшу в то время осминадесяте лѣтъ), и ина много ему прещаху. Онъ же неослабно кланяяся имъ и моляся о восприятии мнишескаго образа; и едва получи желание свое, постригоша его во иноческий образъ. И пребысть же преподобный с ними в пустыни той двадесять лѣт, тружаяся и постяся и моляся Богу день и нощь. Бысть же, рече, вдалѣе насъ, яко 30 поприщь в пустыни возгражена от ту живущихъ мниховъ церквица мала, во имя боголѣпнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа. Обычай же бѣяше всѣмъ мнихомъ ис пустыни сходящеся к Велицѣй суботѣ, презвитери же и диякони литургисавъ Божественную службу, и вси причастився Божественных тайн, весь же день той и нощь поюще и молящеся; во утрии же на самый день свѣтлаго Христова тридневнаго его Воскресения, на Святую Пасху, пѣвъ заутренюю и святую божественную Литургию, такоже причастився Святыхъ и Пречистыхъ Божественных и Животворящих Христовыхъ Тайнъ, и отхождаху койждо во свою пустыню.

Ненавидяй же добра дияволъ, воздвиже гонение конечное на християны. Послаша князи града того и папа по пустыням, и начаша имати мнихи, и предаяху на мучение. Преподобнымъ же онѣмъ отцемъ богоизбраннаго Христова стада от страха того разшедшимся по пустыни и не возвѣдаше другъ друга. И начат же преподобный Антоний

жити при мори не в проходныхъ мѣстехъ, толико на камени нощи и дни беспрестани стоя и моляся Богу, никакоже покрова ни хижи не имѣя, точию мало пищи вкушая от недели до недели, еже принесе ис пустыни своея. И пребысть ту на томъ камени годищное время и месяца два. И толико трудися к Богу моляся в постѣ и во бдѣнии и молитвахъ, елико аггеломъ подобенъ бысть.

Но понеже убо тайну царьскую подобаетъ хранити, — похвално и безбѣдно есть и велми полезно хранящим ю, да никимже невѣдомо будетъ, да не инако будетъ царьское повелѣние, — дѣла же Божия и чюдеса преславная, творима святыми его, подобаетъ вездѣ и повсюду всяко с высокимъ проповѣданиемъ и извѣщанием сия проповѣдати и ничтоже о нихъ скрыти или забвению предати — во общую ползу и спасение всѣмъ христоименитымъ людемъ. Бысть же в лѣто шестьтысящное шестьсот четвертое на десять мѣсяца сентября въ 5 день, на память святаго пророка Захарии, отца Предтечева. Восташа вѣтри велицы зѣло и море восколебася, яко николиже тако быша, и волнамъ морскимъ до камени восходящимъ, на немъже преподобный Антоний пребываше стоя и беспрестанныя молитвы Богови возсылая. И абие внезапу едина волна напрягшися и подъятъ камень, на немже преподобный стояше, и несе его на камени, яко бы на карабли легцѣ, никакоже ничимъ не повреди, ни устраши. Преподобный же стоя и беспрестани моляся Богу, возлюби убо Бога всею душею своею, сладость бо и просвѣщение и радость присно есть любящимъ его. И якоже возлюби и присно, тако же и в немъ живетъ Богъ, ревнитель есть пречистый святый и живетъ въ души боящагося Его, и творитъ волю возлюбившаго Его. Преподобный же имѣя образъ его въ сердцы своем присно, икону Божию преславну, не шаромъ на довцѣ образовану или на иномъ чесомъ, но ту, глаголю, икону Божию бываемую добрыми дѣлесы, постомъ, воздержаниемъ, исправлении добрыми, бдѣниемъ и молитвами, вписуя себѣ сокровенно въ сердцы выну шаромъ иконнымъ образъ небеснаго Владыки и зряще умныма сердечныма очима изъ облака Пречистую Богородицу, держащи пречистыма своима рукама превѣчнаго младенца Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, — и «не свѣмъ, — рече, — когда день, когда ли нощь», но свѣтом неприкосновеннымъ объятъ бысть.

Камени же текущи по водамъ ни кормилца имущи, ни кормчия, ни разумъ человѣчь можетъ изрещи — ниже скорбь, ни страхъ, ни туга, ни ина которая печаль, ни алчьба, ни жажда не прииде ко преподобному; но токмо пребысть моляся Богу во умѣ своемъ и веселяся душею. И от Римския страны по теплому морю, из негоже в реку Неву, и из Невы в Нево езеро,[17] из Нева же езера вверхъ по рецѣ Волхову противу быстрин неизреченных, даже и до мѣста сего камень не приста нигдѣже.

И приста камень, на немъже преподобный стояше и моляшеся, при брезѣ великия рѣки нарицаемѣй Волхова, на мѣсте семъ, в третию стражу нощи,[18] в сельцѣ, еже именуемо Волховскомъ. И во время заутренняго пѣния начаша во градѣ звонити къ заутреннему пѣнию; и услыша преподобный звонъ великъ по граду, и стояше во страсѣмншѣивнедоумѣнии, и от страха же начатъ быти в размышлении и во ужасѣ велицѣ и чаяше, яко ко граду к Риму принесенъ бысть на камени.

Нощи же мимошедши, дневному свѣту уже наставшу, солнцу же возсиявшу, стекошася ко преподобному людие, иже ту живущии, и зряще на преподобнаго и дивящеся, и приидоша к нему и начаша вопрошати его о имени и о отчествѣ, и от коея страны прииде. Преподобному же нимало русску языку умѣющу, и никотораго отвѣта недоумѣяше отдати, но токмо имъ поклонение творяше, самъ же с камени не смѣяше поступити. И пребысть ту три дни и три нощи, на камени стоя и моляся Богу. В четвертый же день преподобный помолився Богу на многъ часъ о увѣдении града и о людех и да бы ему послалъ Богъ таковаго человѣка, иже бы ему повѣдалъ о градѣ семъ и о людех. И сниде преподобный с камени и поиде во градъ в Великий Новъградъ. И обрѣте человѣка греческия земли, гостьбу Дѣюща, купецкий чинъ имуща, иже умѣяше римскимъ и греческимъ, и русскимъ языкомъ; и узрѣв же преподобнаго, вопроси его о имени и о вѣрѣ. Преподобный же ему повѣдаше имя свое и християнина себе нарече и грѣшна инока и недостойна аггельскаго образа. Купецъ же онъ падъ к ногама святаго, прошаше благословения от него, преподобный же благословение ему дарова и о Христѣ цѣлование. Вопросившу же его преподобному о градѣ семъ и о людех и о вѣрѣ, и о святыхъ Божиихъ церквахъ, Готфинъ[19] же преподобному повѣдаше вся поряду, глаголя: «Градъ сий есть Великий Новъград, людие же в немъ православную християнскую вѣру имуще; соборная же церковь — святая Софѣя Премудрость Божия; святитель же во градѣ семъ епископъ Никита,[20] владѣющу же градомъ симъ благочестивому великому князю Мстиславу Володимеровичю Манамаху, внуку Всеволодову».[21] Преподобный же слыша от греченина сего повѣсти сия, возрадовася душею и всесилному Богу велие благодарение воздаяше во умѣ своемъ. Вопроси же преподобный греченина Готфина, глаголя: «Еще мнѣ повѣждь, друже, колико разстояние от града Рима до града сего и в колико время людие путь сей преходятъ?» Онъ же ему повѣда и рече: «Далняя страна есть и нуженъ путь по морю и посуху, едва преходятъ гостьбу дѣющии в полъгодищное время, аще кому Бог поспѣшитъ». Преподобному же размышлящу и дивящуся в себѣ о величии Божии, — како въ два дни и въ двѣ нощи толику долготу пути преиде, и едва от слезъ удержася в то время; и поклонься ему до земли, миръ и прощение ему даровавъ.

И вниде преподобный во градъ, помолитися святѣй Софѣи Премудрости Божии и великаго святителя Никиту видѣти. И видѣвъ церковное

благолѣпие и чинъ и святительский санъ, вельми возрадовася душею, и помолився, и обхождаху всюду, и паки отиде на мѣсто свое. Святителю же Никитѣ в то время никакоже явися преподобный, понеже еще не навыче словеньску и русску обычаю и языку.

И начатъ же преподобный молитися стоя на камени своемъ день и нощь, да бы ему Богъ открылъ русский языкъ. И видѣвъ Господь Богъ преподобнаго подвиги и труды, и начаша приходити к нему иже ту близъ живущии людие и граждане молитвы ради и благословения. И Божиимъ промысломъ преподобный въскорѣ от нихъ начатъ разумѣти и глаголати русскимъ языкомъ. Людем же вопрошающимъ его о отчествѣ и коея земли рождение и воспитание, и о пришествии его, преподобный же имъ никакоже повѣдаше о себѣ, токмо себе грѣшна именуя.

По малѣ же времени дойде въ слух о немъ до святителя Никиты того же Великаго Новаграда. Святитель же Никита посла по него и повелѣ его привести пред собя. Преподобный же во страсѣ в велицѣ бывъ, еще же и радостию одержим бысть, иде ко святителю в велицѣ смирении. Святитель же введе его в келию свою, и сотворив молитву преподобный, и рече: «Аминь». И приемлет преподобный благословение от святителя со страхомъ и с любовию, яко от Божии руки. Святитель же Никита провидѣ Святымъ Духомъ еже о преподобнѣм, иначатъ вопрошати его о отчествѣ и о пришествии его в Великий Новъград, и откуду и како прииде. Преподобный же святителю не хотя повѣдати тайны славы ради человѣческия, но токмо грѣшна себе именуя. Святитель же Никита с великимъ прещениемъ, еще же и съ заклинаниемъ вопрошая преподобнаго и рече: «Мнѣ ли, брате, не повѣси тайны своея, а вѣси, яко Богъ имать открыти нашему смирению, яже о тебѣ, ты же преслушания судъ приимеши от Бога».

Преподобный же падъ пред святителем на лицы своемъ и плакася горко, и моля святителя, да не повѣсть тайны сея никомуже, дондеже преподобный в жизни сей. И повѣда о себѣ тайну наединѣ святителю Никитѣ вся порядку – о отчествии своемъ и о воспитании и о прихождении своемъ из Рима в Великий Новъград, — яже исперва писана.

Святитель же Никита, сия слышавъ от преподобнаго, не мняше его яко человѣка, но яко аггела Божия и, воставъ от мѣста своего, и отлагаетъ жезлъ пастырьский, и на многъ часъ ста и моляся и дивяся бывшему — якоже прославляетъ Богъ рабъ своих! По молитвѣ же рече преподобный: «Аминь!» Святитель же Никита падъ пред преподобным на землю, прося благословения и молитвы от него, преподобный же падъ пред святителемъ на землю, моляся и прося благословения, себе

же недостойна и грѣшна именуя; и оба лежаста на земли, плакастася, помочая землю слезами на многъ часъ, другъ у друга благословения просяще и молитвы.

Святитель же Никита рече ко преподобному: «Ты велика дара от Бога сподобленъ еси и древним чюдесемъ, уподобился еси Илии Фезвитянину[22] или апостоломъ, иже на Успение Пресвятыя Богородицы принесены быша на облацѣхъ. Тако и град нашъ Господь присѣти тобою, угодником своим, новопросвѣщенных людей благослови и присѣти». Преподобный же рече ко святителю: «Ты еси иерей Бога вышняго, ты помазанникъ Божий, тебѣ довлѣетъ о насъ молитися».

Святитель же воставъ от земли, и не можаше утѣшитися от слезъ, воздвизаетъ от земли, давъ ему благословение и о Христѣ цѣлование, и много бесѣдовавъ съ преподобнымъ, и никакоже можаше насытитися сладкихъ и медоточных словесъ от преподобнаго. И хотѣ прославити чюдо, но не хотяше моления преподобнаго презрѣти. Святитель же Никита много моляше преподобнаго, да бы избралъ себѣ мѣсто потребно у него и пребывалъ с нимъ до исхода души своея. Преподобный же никакоже не восхотѣ сего сотворити, и отвѣщавъ, рече: «Господа ради, святче Божий, не нуди мене, довлѣетъ бо ми на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже ми Богъ повелѣ». Святитель же Никита давъ благословение, и отпусти преподобнаго с миромъ на богоизбранное мѣсто.

Не по мнозѣ же времени поѣха Никита епископъ ко преподобному Антонию, видѣти камень сий и мѣсто. Преподобный же стояше на камени, аки на столпѣ, и никакоже схожаше, моляся Богу день и нощь. И яко узрѣ святителя грядуща к нему, сшедъ с камени и пойде в срѣтение ему, и приимъ благословение и молитву от святителя. И начат святитель дивитися в себѣ о чюдеси, и обхождаше мѣсто села того сюду и сюду. И рече ко преподобному святитель Никита: «Изволилъ Богъ и Пречистая Богородица и избра мѣсто сие, хощетъ, да воздвигнется твоимъ преподобьствомъ храмъ Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Рожества, и будетъ обитель во спасение мнихомъ, понеже на предпразднњство[23] того праздника на се поставилъ тя Богъ на мѣстѣ семъ». Преподобный же рече: «Воля Господня да буди». Святитель же хотѣ поставити ему хижицу близъ камени, преподобный же сего никакоже не восхотѣ, но всяку скорбь терпяше Бога ради.

Святитель же Никита хотя истѣе увѣдѣти о чюдеси, бояся искушения, начатъ розводя наединѣ селянъ тѣхъ вопрошати о явлении преподобнаго. Они же единодушно рѣша ему: «Воистинну, святче, человѣкъ сий Божий по водамъ принесенъ бысть на камени» — и вся

ему по ряду извѣстно и достовѣрно изрекоша о преподобнемъ. Святитель же наипаче возгорѣся духовною любовию ко преподобному; и дастъ благословение преподобному и отъѣха же ко святѣй Премудрости Божии святѣй Софѣи во двор свой.

О началѣ Пречистыя Богородицы Антониева монастыря, иже в Великомъ Новѣградѣ

И святитель Никита посылаетъ по посадниковъ,[24] по Ивана и по Прокопия, по Ивановых дѣтей посадничихъ, и рече имъ: «Чада моя, послушайте мене. Есть во отчествѣ вашем сельцо близъ града, рекомое Волховско; Богъ изволи и Пречистая Богородица воздвигнутися на мѣстѣ том храму Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Рожества, и устроитися обители странным симъ, преподобнымъ Антониемъ, и возшлется молитва къ Богу о спасении душъ вашихъ, и воспомяновение будетъ родителемъ вашимъ». Посадницы же с любовию послушаша святителя и отмѣриша под церковь и под монастырь земли на всѣ страны по пятидесятъ саженъ. И повелѣ епископъ Никита возградити церквицу древяну малу, и освяти ею, и едину келейцу поставити мнихомъ на прибѣжище.

Чюдо преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонияо обрѣтении сосуда делвы, сирѣчь бочки, со имѣниемъ преподобнаго

По лѣтѣ же единемъ пришествия преподобнаго близъ камени преподобнаго рыболовцы ловитву дѣюще, и очрезъ всю нощъ тружавшися, и не яша ничесоже; и от труда изнемогоша, и извлекоша мрежа своя на брегъ, и в велицѣй скорби быша. Преподобный же, скончавъ молитву, иде к ловцам и глагола имъ: «Чадца моя, вѣжте милость Божию, токмо имамъ гривенный слиток сребра, — понеже в то время у новгородцких людей не бысть денегъ, но лияша слитки сребреныя, ово в гривну,[25] ово в полтину, ово в рубль, и тѣмъ куплю дѣяху, — и сию гривну, слитокъ, вдаю вамъ, — послушайте нашея худости, ввверзите мрежа своя в великую сию реку в Волховъ, и аще что имете, то в домъ Пречистыя Богородицы». Они же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше, рѣша: «Объ всю нощь тружавшеся, и ничтоже яхомъ, токмо изнемогохомъ». Преподобный же с прилѣжанием моляше ихъ, да бы послушали его. Они же по повелѣнию преподобнаго ввергоша мрежа в реку Волховъ и извлекоша на брегъ множество много великих рыбъ молитвами святаго, едва не проторжеся мрежа, яко николиже тако яша. Еще же извлекоша сосуд древянъ делву, сиирѣчь бочку, окованую всюду обручми желѣзными. Преподобный же благословяше ловцовъ, глаголя: «Чадца моя, вѣжте милость Божию, како Богъ промышляетъ рабы своими; азъ же васъ благословляю и вдаю

вамъ рыбу, себѣ же вземлю сосудъ, сиирѣчь бочку окована, понеже ми вручи Богъ на здание монастыря».

Ненавидяй же добра дияволъ, хотя пакость сотворити преподобному, порази и ожести сердце лукавствомъ ловцовъ тѣхъ, и начаша рыбу давати преподобному, бочку же хотяще взяти себѣ. И рекоша ко преподобному: «Се мы наяхомся у тебе рыбы ловити, а бочка нашя есть»; еще же и жестокими словесы досаждающе и укаряху преподобнаго. Преподобный же отвѣщав, рече: «Господия мои, азъ с вами пря не имамъ никоеяже о семъ, пойдемъ во градъ и повѣдаем судиям градскимъ, судия бо есть учиненъ от Бога, еже разсуждати люди Божии». Ловцемъ же угоденъ бысть совѣтъ преподобнаго, и вложиша бочку в лодийцу свою, и вземше преподобнаго, и вшедшим имъ во градъ и пришедъ пред судия, и начаша стязатися с преподобнымъ. Преподобный же рече: «Сия ловцы объ всю нощь тружавшеся, и ничтоже яша и от труда изнемогоша. Азъ же много молихъ ихъ, да быша взяли наемъ у мене, еже имѣяхъ у себе гривну слитокъ сребрянъ. Они же не хотѣша послушати мене, и едва повинувшеся нашей худости, вземше наемъ, и ввергоша мрежа своя, и извлекоша множество рыбъ, еще же и сосудъ, сиирѣчь бочку сию. Азъ же имъ уступався рыбъ, глаголя: „Бочку сию вручи ми Богъ на здание монастыря Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии”. Они же мнѣ даяша рыбы, а бочку емлюще себѣ».

Судия же вопросиша ловцов: «Рцыте намъ, тако ли, якоже рече старецъ сий?» Они же рекоша: «Мы бо наяхомся рыбы ловити, рыбу вдаемъ ему, а бочка нашя есть, понеже мы ввергохомъ ю в воду сию на соблюдение себѣ». Старецъ же рече: «Господия мои, вопрошайте ловцовъ сихъ, что они имутъ вложенное в бочку сию?» Ловцы же недоумѣющеся, что отвѣщати к тому. Преподобный же рече: «Сия бочка нашей худости, вдана морстѣй водѣ в Римѣ сущемъ от наших бо грѣшных рукъ, вложенное же в бочку сию сосуди церковнии, златии, и сребрянии, и хрусталнии, потири и блюда, и иная многая от священных вещей церковных, и злато и сребро от имѣний родителей моихъ, — вверженое в море сокровище сие тоя ради вины, еже бы не осквернилося, — священнѣйшии сосуди, — от богомерзъских еретикъ и от опресночных бѣсовских жертвъ;[26] подписи же на сосудѣхъ римскимъ языкомъ написаны».

Судия же повелѣша разбити бочку, и обрѣтоша вся по словеси преподобнаго. И даша преподобному бочку, и отпустиша его с миромъ, и к тому никтоже смѣяше вопросити его, ловцы же отидоша посрамлени.

Преподобный же Антоний иде ко святителю Никитѣ, радуяся и благодаря Бога о обрѣтении бочки, и повѣда вся святителю. Святитель же о семъ много хвалу воздав Богу и разсудивъ благоразсуднымъ своимъ разсуждением, и рече: «Преподобне Антоние, на се бо тя предпостави Богъ по водамъ на камени из Рима, спасителя в Великомъ Новѣградѣ, еще же и бочку вверженую в Римѣ вручи тебѣ, да воздвигнеши церковь каменну Пречистѣй Богородицы и устроиши обитель».

Преподобный же Антоний полагаеть сокровище свое во святительстѣй ризницѣ на соблюдение себѣ, а самъ вземъ благословение у святителя и начат строити обитель; и купи землю около монастыря у посадниковъ градскихъ и со живущими иже ту на той земли людми прилучившимися и до скончания вѣка, доколѣ Божиимъ строением мир вселенныя стоитъ. И при велицѣй рекѣ Волховѣ рыбную ловитву купи на потребу монастырю, и межами отмеживъ и писму вдавъ и въ духовную свою грамоту написавъ. И начатъ труждатися беспрестани чрезъ весь день, и труды ко трудомъ прилагая, нощи же без сна пребывая, на камени стоя и моляся.

И видя его Богом подобное аггельское житие князь великий Мстиславъ и святитель Никита и вси старѣйшины града того и людие начаша блажити и велию вѣру имѣти, тайны же о пришествии его не вѣдаше никтоже, развѣ епископъ Никита. И начаша прибиратися братия къ преподобному, онъ же с любовию приимаше ихъ. Мнѣ же священноиноку Андрею Богъ сподобилъ восприяти аггельский образъ во обители сей, и быхъ в послушании и во учении преподобнаго.

О создании церкви каменной во второе лѣто по пришествии преподобнаго

Потомъ начатъ святитель Никита совѣтъ совѣщевати съ преподобнымъ о церкви каменной, — да бы заложити церковь каменну: «На се бо Богъ сокровище вручи тебѣ». И начат преподобный расчитати обрѣтенное в бочки сребро и злато на строение храму, и рече преподобный: «Надѣюся на Бога и на Пречистую Богородицу и на твои святыя молитвы, токмо ты благословение намъ даруй».

Святитель же Никита, размѣривъ мѣсто церковное и сотворивъ молитву, и начатъ подшву церковную копати своима честныма рукама. И заложиша церковь каменну, и соверши Богъ и подписа чюдно и всякимъ украшениемъ украсивъ ея, образы и сосуды церковными

златыми и сребряными, и ризами, и книгами божественными в славу Христа Бога нашего и Пречистыя его Матери, якоже подобаше церкви Божии. И потомъ обложиша трапезницу каменну во имя Срѣтения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа. И келии возгради, и ограду устроивъ, и всѣмъ обилиемъ добрѣ устроивъ, якоже годѣ.

Имѣния же преподобный ни от когоже не восприятъ, — ни от князь, ни от еископа, ни от велможь градскихъ, — но токмо благословение от чюдотворца Никиты епископа, но все строяше из бочки сея, еже из Рима Богъ постави водами в Великомъ Новѣградѣ, и поты и труды своими. И аще кто что принесетъ Бога ради потребная от имѣния своего или пищу, преподобный же тѣмъ братию питая, еще же и сиротъ и вдовицъ, убогихъ и нищихъ питая. И потомъ преподобный з братиею и с сиротами своими начатъ прилагати ко трудомъ труды.

Не по мнозѣ же времени святитель Христовъ Никита епископъ начатъ изнемогати, и призва преподобнаго, и повѣда ему отшествие свое от жизни сея, и, много наказавъ его, отиде къ Богу. Преподобный же в велицѣй скорби и въ слезах бысть о преставлении святителя Никиты, понеже великъ духовный совѣтъ имѣяху между собою.

О поставлении преподобнаго Антония во игумены

Божиею помощию и Пречистыя Богородицы и молитвами преподобнаго начатъ обитель распространятися и братия собиратися. И нача преподобный з братиею совѣтъ совѣщавати, да бы избрати игумена себѣ во обитель. Многу же избранию бывшу, и не обрѣтоша такова человѣка. Начаша братия молити преподобнаго Антония: «Отче преподобне Антоние, молимъ тя, послушай насъ, нищихъ, да приимеши священнический чинъ, еще же совершеный намъ отецъ буди игуменъ, да принесеши жертву Богу чисту и бескровну о нашемъ согрѣшении, да прията будет жертва твоя къ Богу в пренебесный жертвеникъ. Видѣхом бо толикия твоя труды и подвиги в мѣсте сем, яко никакоже мощи во плоти человѣку толиких трудовъ понести, аще не Господь поможетъ». И рече преподобный: «Добръ совѣтъ вашъ, братие, но азъ недостоинъ есмь толикаго великаго сана, но избиремъ себѣ от братии мужа добродѣтелна и достойна на толикое дѣло». Братия же со слезами вопияху: «Отче святый, не преслушай насъ, нищих, но спаси ны». Преподобный же рече: «Буди воля Господня, аще что восхощетъ Бог, то и сотворитъ».

Шедше же братия ко архиепископу Нифонту с преподобным Антониемъ, бѣ бо в то время ему святительский престолъ держащу, и възвѣщають ему о вещи. Святитель же Нифонтъ велми радъ бысть благому совѣту ихъ, бѣ бо любляше преподобнаго з*а* премногую его добродѣтель; и поставляеть преподобнаго во дияконы, потомъ же во священницы, та же и игуменомъ.

И поживе преподобный в ыгуменьствѣ лѣтъ шесть на десять в добрѣ исправлении и упасъ стадо Христово. И, увѣдѣвъ преподобный свое отшествие к Богу, призвавъ мя и нарече мене себѣ отца духовнаго, и добрѣ исповѣдавъ со слезами. И повѣда моему окаяньству преподобный свое пришествие из Рима, и о камени, и о сосудѣ древяномъ — о делвѣ, сирѣчь о бочкѣ, еже исперва писано. И повелѣ ми вся сия по преставлении своемъ написати и Церкви Божии предати, чтущимъ и послушающимъ на пользу души и на исправление добрыхъ дѣлъ, в славу и честь Святѣй и Живоначалнѣй и Нераздѣлимѣй Троицѣ, Отцу и Сыну и Святому Духу, и Пречистѣй Богородицѣ. Мнѣ же о сем в велицѣ удивлении бывшу.

Преподобный же Антоний призва братию и рече имъ: «Братия моя и спостницы, молю убо васъ, се нынѣ отхожду от жизни сея ко Господу Богу моему Исусу Христу, да молите за мя Бога и Пречистую Богородицу во преставлении моемъ, да измут милостивии аггели душю мою и да избѣгнусѣтей вражиихъ и от воздушныхъ мытарствъ вашими святыми молитвами, понеже грѣшенъ есмь. Вы же изберите себѣ на игуменьство от братии на мое мѣсто отца и учителя, и пребудите у него въ постѣ и в молитвѣ, и в трудѣх, в пощениих и во бдѣниихъ, и въ слезахъ, еще же и в любви меж себе, и в послушании ко игумену и ко отцемъ своим духовнымъ и ко старѣйшимъ братии, писано бо есть: „Блажени нищии духомъ, яко тѣх есть Царство Небесное; блажени плачющиися, яко тии утѣшатся; блажени кротцыи, яко тии наслѣдятъ землю; блажени алчющии и жаждущии правды ради, яко тии насытятся; блажени милостивии, яко тии помиловани будут; блажени чистии сердцемъ, яко тии Бога узрятъ; блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся; блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть Царство Небесное; блажени есте, егда поносятъ вамъ, и изженутъ вы, и рекут всяк золъ глаголъ на вы лжуще имени моего ради; радуйтеся и веселитеся, яко мзда вашя многа есть на небесѣхъ"».[27] И ина многая преподобный наказавъ братии, поучивъ яже ко спасению. Братия же, видѣвше преподобнаго в последнъмъ издыхании, быша в велицѣмъ умилении, и в сѣтовании, и въ слезахъ многахъ, и рекоша: «О, добрый нашъ пастырю и учителю, се нынѣ уже зримъ тя впослѣднемъ издыхании на кончинѣ вѣка. И нынѣ к кому прибѣгнемъ, и от кого насладимся медоточных словесъ учения, и кто попечется о наших грѣшныхъ душахъ? Но молимъ тя, угодниче Спасовъ, аще обрящеши пред Богомъ милость по отшествии своем от жизни сея, моли о насъ неослабно Бога и Пречистую Богородицу. И здѣся, господине, избери

намъ игумена от братии нашея, якоже годе твоей святыни, понеже тебѣ вся наша духовная тайна извѣстна».

Преподобный же Антоний, избираетъ на игуменьство и благословляетъ нашю худость, понеже быхъ ему исперва ученикъ и потомъ отецъ духовный, како пасти христоименитое стадо. И впредь полагаетъ преподобный братии заповѣдь, аще лучится избрати игумена, но избирати от братии, иже кто на мѣсте семъ терпитъ. И аще князь нашлетъ игумена или епископъ по насилию или по мздѣ, и тѣхъ преподобный проклятию предаетъ; таже и о земли утвержая и глаголетъ: «О, братия моя, егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ, купилъ есмь село сие и землю и на рецѣ сей рыбную ловитву на строение монастырю, цѣною изъ Пречистыя сосуда, сирѣчь из бочки. И аще кто начнетъ обидѣти васъ или наступати на сию землю, ино имъ судитъ Мати Божия».

И давъ братии прощение и о Христѣ послѣднее цѣлование, и ставъ на молитвѣ и помолився на многъ часъ, аще убо и радостно тому бяше еже разрѣшитися от плоти и со Христомъ быти, но показуя, яко всѣм страшно чаша смертная и многия же по воздухомъ истязателя имамы, паче же смирениемъ ведыйся, помолися к Богу сице глаголя. Молитва. Явися, Господи, и помози ми и избави мя от руку князя и власти и миродержителей тмы, да не покрыетъ мене темный тѣх воздухъ, ниже дымъ ихъ помрачитъ душю мою; укрѣпи мя, Господи мой, Господи, да прейду огненныя волны и глубины бездонныя, яко да не потопленъ буду в нихъ, да не обрящетъ врагъ оклеветати мя, но да прейду миродержителя и лукаваго вожда ихъ, и от темныхъ князь и тартаръ избавленъ да буду; и тако да явлюся пред тобою чистъ и непороченъ и восприиму тобою обѣщанная благая святымъ твоимъ.

Оле великаго и богоподражаннаго смиреномудрия и богопроповѣдника и апостолом подобна! Како можаху тому прикоснутися темнии князи, егоже Господь не к тому нарече раба, но друга и обѣща идѣже Той тому вселитися, еже зрѣти славу Его. Сия вся вѣдый, смиренная паче изволи, иже не поврежаютъ, но паче укрѣпляютъ таковая, сего ради таковыя молитвы источи глаголы.

И повелѣ священноиноку Андрею себе накадити и отходная пѣти. И возлегъ, отиде къ Богу в вѣчный животъ и покой. И погребенъ бысть честно архиепископомъ Нифонтомъ со множествомъ народа града того со свѣщами и с кандилы, со псалмы и пѣнми и пѣсньми духовными, в лѣто 6650-е месяца августа въ 3 день, на память преподобныхъ отецъ наших Исакия, Далмата и Фауста. И положено бысть честное тѣло его в церкви Пречистыя Богородицы, еже самъ созда. Поживе же лѣтъ с

пришествия своего до игуменьства 14, в ыгуменьствѣ же бысть 16 лѣтъ. И всѣхъ лѣтъ поживе во обители 30.

И по благословению преподобнаго архиепископъ Нифонтъ поставляетъ во игумены ученика преподобнаго, священноинока Андрея. Сий же Андрей повѣда архиепископу Нифонту и княземъ града того и всѣмъ людемъ, еже слыша от преподобнаго; и о чюдесѣхъ сихъ архиепископъ и вси людие велми почюдишася, и воздаша хвалу Богу и Пречистѣй Богородицѣ и великому чюдотворцу Антонию; и оттолѣ начатъ зватися Антоний Римлянинъ. И повелѣ архиепископъ Нифонтъ сие житие преподобнаго изложити и написати и церкви Божии предати на утвержение вѣрѣ; християнстѣй и на спасение душамъ нашимъ, а римляном, еже отступиша от православныя греческия вѣры и преложишася в латыньскую вѣру, — на посрамление, и на укоризну, и проклятие, в славу же и въчесть, Святѣй и Живоначальнѣй Троицѣ, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1] *«Не бо можете вѣровати в мя»...* — Ср.: «...вѣруйте въ Бога, и въ мя вѣруйте» (Ин. 14, 1).

[2] *...«всякъ возносяй себе смирится, а смиряяй себе вознесется».* — Ср.: «...всяк возносяйся, смирится, смиряяй же себе, вознесется» (Лк. 18, 14).

[3] *...алчныхъ накормляти, жадныхъ напаяти... и утѣшати их...* — Ср.: «Ибо алкал я, и вы дали мнѣ есть, жаждал...» (Мф. 25, 35—36).

[4] *«Радуйтеся, праведнии, о Господь, праведным подобаетъ похвала».* — Пс. 32, 1.

[5]

[6] *«Веселитися о Господѣ и радуйтеся праведнии».* — Пс. 31, 11.

[7] «*В память вѣчную будетъ праведникъ».* — Пс. 111, 6.

[8] *«Похвалаему праведнику возвеселятся людие»...* — Ср.: «Похваляемымъ праведнымъ возвеселятся людие» (Притчи Сол. 29, 2).

[9] *...«всяко даяние благо, и всякъ даръ совершенъ».* — Иак. 1, 17.

[10] *...«просвѣщает и освящаетъ всякаго человѣка грядущаго в миръ».* — Ин. 1, 9.

[11] *«Свѣтъ восия праведнику»...* — Пс. 96, 11.

[12] *«Просвѣщаеши ты дивно от горъ вѣчных»...* — Пс. 75, 5.

[13] *«Посли свѣтъ твой и истинну твою».* — Пс. 42, 3.

[14] *«Во свѣте Господни (твоем) узрим свѣтъ»...* —Дважды цитируется текст Пс. 35, 10.

[15] *...Рим отпаде вѣры християньския...* — Отпадение Рима от Византии наметилось еще в V—VII вв. и окончательно оформилось к 800 г. В 1054 г. произошло разделение христианской церкви на православную и католическую.

[16] *...от папы Формоса...* — Формоз — папа римский (891—896); после смерти был обвинен в узурпации папского престола, предан духовному суду и проклят.

[17] *...Нево езеро...* — Ладожское озеро.

[18] *...в третью стражу нощи...* — Отсчет времени, принятый в новозаветной традиции. Ср.: «...в кую стражу приидетъ тать...» (Мф. 24, 43).

[19] *Готфинъ* — имя или прозвище греческого купца, торговавшего в Новгороде.

[20] *Епископ Никита* — архиепископ Новгородский, из монахов Киево-Печерского монастыря.

[21] *...князю Мстиславу Володимеровичю Манамаху, внуку Всеволодову...* — Старший сын Владимира Мономаха Мстислав (1076—1132) правил в Новгороде дважды: с 1088 по 1093 и с 1095 по 1117 г.

[22] *...уподобился еси Илии Фезвитянину...* — Пророк Илия был чудесным образом взят живым на небо.

[23] *...на предпраздньство...* — Накануне церковного праздника.

[24] *...посылаетъ по посадниковъ...* — Посадник — высшая государственная должность в Новгороде и Пскове. Посадник избирался на вече из числа богатых и знатных бояр. С 1354 г. вместо одного посадника стали избирать шестерых, а с 1417 г. — восемнадцать посадников (с 1478 г. институт посадников был упразднен).

[25] *Гривна* — слиток серебра, служивший денежной и весовой единицей.

[26] *...от опресночных бѣсовских жертвъ...* — Речь идет о неприемлемой в православии практике западной церкви — употреблении бесквасного хлеба для Таинства Евхаристии.

[27] *«Блажени нищии духомъ... мзда вашя многа есть на небесѣхъ».* — Мф. 5, 3—12.

ПЕРЕВОД

ЖИТИЕ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА

МЕСЯЦА ЯНВАРЯ В СЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ И АВГУСТА В ТРЕТИЙ ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА, БЫВШЕГО ИГУМЕНОМ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ И ОСНОВАВШЕГО МОНАСТЫРЬ И ХРАМ ВО ИМЯ ЧЕСТНОГО И СЛАВНОГО РОЖДЕСТВА ПРЕЧИСТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ. СПИСАНО УЧЕНИКОМ ЕГО СВЯЩЕННОИНОКОМ ТОЙ ЖЕ ОБИТЕЛИ АНДРЕЕМ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЕГО ДУХОВНЫМ ОТЦОМ, А ПОСЛЕ НЕГО ИГУМЕНОМ ТОЙ ЖЕ ОБИТЕЛИ

Благослови, отче!

Когда кто-либо начинает дело без определенного замысла, он будто бредет в потемках. Ибо кто трудится без мысли, тот все целиком теряет. Сообщая предшествующую мысль, скажем: пусть излагаемое будет благоугодно.

Наша мысль — принести малое хваление из многого святому преподобному Антонию, равноангельскому житием, хвалимому Богом, почитаемому ангелами, прославляемому людьми, во всех благих добродетелях совершенному в чистом и непорочном его житии. Но как же я (смогу это сделать), оскверненный грехом и нечистый, исполненный всех страстных плотских желаний, отягченный бурей многих сомнений, не располагая достаточным для задуманного словом, которое могло бы подобающим образом такому светилу выразить похвалу? Но будто золотыми узорами, словами богодухновенных пророков и наученных Богом апостолов, — похвалю я и прославлю и украшу его, а не своим развращенным умом и недостаточным словом. Ибо мое слово, как я уже говорил, ничто. И молюсь, будьте милостивы ко мне, почтенные Богом, чтобы не заслужить мне когда-нибудь сугубую насмешку за неученость вместе с лютым неразумением. Простится ведь грех невежества, если только он происходит не от лености; не с тщеславием, но умалившись со смирением разумом, примемся за желаемое. «Не можете верить в меня», — говорит Христос истинно, принимая прославление от людей, и «всякий возвышающий сам себя смирится, а унижающий себя возвысится». Подобного святого

и блаженного смирения потребуем и мы, да примем просветительную благодать, да освятится мысль нашего сердца, и отсюда положим начало, и скажем слово.

Придите, церковные светила, пастыри и учители всего христианского народа; грядите, богоблаженные отцы; приблизься, все иноческое святое о Христе собрание; прибудь, священное сословие. Придите, мужчины вместе с женщинами, старики и молодые, юноши и девицы, и люди, состоящие в супружестве, и простецы, и из мудрецов, празднуйте со мною торжество преподобного отца. Просиял этот Богом дарованный нам радостный и достохвальный и прекрасный день, озаренный светозарным солнцем, даруя нам веселие и радость в память светлого и честного доброго торжества богоносного отца. Возрадуемся его празднеству радостною душою, возвеселимся веселием нашего сердца, справим праздник этому великому отцу духовно, а не плотски. Ведь нам должно праздновать памяти всех святых мужей, настраивать язык на благочестие, чтобы говорить что-либо о них, иметь чуткий слух, чтобы слышать, и сохранять мысль нашу чистой, чтобы разуметь нам, как много раз наставляли и учили они нас добродетелям, а именно таким: насыщать голодных, утолять их жажду, оказывать гостеприимство странникам, одевать раздетых, посещать больных, навещать сидящих в тюрьме и утешать их, и к шести этим милосердным добродетелям, установленным самим Господом, добавлять и все прочие добродетели.

Такое празднество духовно и торжество святых угодно, такое собрание любезно преподобным. Те, кто так празднует праздник, могут так говорить святым пророкам: «Радуйтесь, праведные, о Господе», «праведным подобает похвала». И вновь: «Веселитесь о Господе и радуйтесь, праведные». И снова: «Вечной памяти заслужит праведник». О таких празднующих восклицает Соломон: «Когда прославляют праведника, веселится народ», ибо память его — бессмертие, что познается от Бога и от людей; угодна была Господу душа его. А тот, кто празднует, чрево наполняя, и веселит себя различными яствами, устремляясь к пьянству, и совершает прочие злые дела, праздник таких людей бездуховен, подчинен плоти. И больше того — назову празднество подобных иудейским и эллинским, а не христианским, — это начало всякому пороку. Сего ради смело отойдем от пороков наших, как от тяжелого сна, станем праздновать благочинно, помолимся Богу без лени, пусть озарит нас свыше Божия благодать. Ведь благо даруется людям свыше, от Бога, так как «всякое даяние благо, и всякий дар достойный» нисходит свыше, будучи послан по указанию Отца сынам человеческим, которые стремятся к благу различными праведными делами и непорочным житием; этот свет «сияет и освящает путь всякого человека, пришедшего в мир».

Что еще слаще этого света вкусившим его, то есть разума, что о Боге. Потому слышим и царя Давида, который говорит: «Свет сияет на праведника», и снова: «Просвещаешь ты дивно от гор вечных», и снова: «Пошли свет твой и истину твою». И снова: «В свете Господнем узрим свет» трисоставный и неразделимый; лицом же трисоставен, а существом и естеством неразделим. Как же это мы увидим? Ясно, что таким же образом, как Давид говорит Богу: «В свете твоем узрим свет», то есть: в Святом Духе — Сына.

Этот высший свет — немеркнущий, благожеланный, трисиянный, безмерный, неугасимый, в котором (слышны) голоса и (ощутимы) радость празднующих, дух веселящихся и души праведников, — такой-то свет и мечтал увидеть и желал служить ему этот преподобный старец, Божий человек, верный раб, подвижник Христов, страдалец Спасов, прославленный в чудесах, достойный уважения в монашестве, удивительный жизнью своей, доброго нрава, целомудренный образом мыслей, непоколебимого ума, учитель пастве, постникам слава и опора для преподобных, надежный наставник, прекрасный учитель, истинный кормчий, добродетельный врач, искусный пастырь, трудолюбивый подвижник, который заслужил Царство Небесное милостыней нищим и милосердием к убогим, обрел вечную славу, правдой — жизнь бесконечную, чистотою — венец славы, кротостью — вхождение в рай, молитвой — совместное с ангелами богослужение, трудом — покой, бдением — лик невидимого Бога, постом и жаждою — наслаждение вечных благ. Что же лучше такого образа мыслей, что светлее этого ума, что мудрее этого рассудка?

Сам Владыка Царь Небесный коснулся его чистого сердца и незлобивой кроткой его души и открыл ему сокровище своей благодати, а когда он вошел в нее, то обрел три досточтимые твердыни: веру, надежду, любовь, из которых он сплел себе многоценный венец и принес его к Царю царствующих и Господу господствующих. И созревал подобными добродетелями как маслина плодовитая в доме Божием, как дерево, посаженное у источников духа, которое дало свои плоды в положенное время.

Кто же он, и откуда воссияло для нас такое великое солнце, светлая луна, прекрасная заря, утренняя звезда, добрый пастырь, поводырь слепых на пути к благочестию, щедрый податель благих даров, милосердный любящий священнослужитель, столп терпения, почтенный старостью, украшенный сединами, благолепный образом, весь духовный как вместилище и сосуд Святого Духа, который одет благими добродетелями как золотыми ризами, облечен благолепием и украшен даром Святого Духа; не столько небо испещрено светозарными звездами, как его боголюбивая душа украшена благими добродетелями, — равный ангелам отец, светильник Русской страны?

На это отвечаю: приступите ко мне все желающие слышать, откройте свои уши, внемлите тому, что мною говорится. Скажу всем вам, боящимся Господа, что слышал я и понял, что и отец наш преподобный Антоний поведал нам, и открою свои уста, чтобы изложить с Божьей помощью истину, облагороженную и украшенную, слава которой, блистающая изнутри, освещает лучами читающих и слушающих с подобающей чистотой и отвержением нечистых помыслов. Говорю же вам мое слово о святом по имени Антоний и расскажу вам, братие, повесть дивную, которую слышал от преподобного. Поведал он мне, отходя от этой жизни, сказал мне: «Ныне, чадо Андрей, приближается конец жизни моей», и иное многое высказал о своем преставлении: «и ныне все извещу тебе о моем ничтожестве».

Сказание о житии преподобногоАнтония Римлянина и о прихождении (его) из города Рима в Великий Новгород

Преподобный и богоносный отец наш Антоний родился в великом городе Риме, что на западе, в католической Италийской земле, у родителей христиан; и научен он был христианской вере, которой придерживались родители его тайно, укрываясь в домах своих, поскольку Рим отступился от христианской веры и перешел в католичество, окончательно он отделился со времени папы Формоза — вплоть до сего дня; и много другого поведал мне о римском отступлении и о богомерзкой их ереси, но об этом умолчим.

Отец и мать преподобного Антония отошли к Богу в добром исповедании веры. Преподобный же научился грамоте и изучил все Писание на греческом языке. И стал он прилежно читать книги Ветхого и Нового Завета и предание святых отцов семи соборов, что изложили и изъяснили христианскую веру; и пожелал он принять иноческий чин. Он помолился Богу и роздал нищим имение своих родителей, а прочее из своего имущества вложил в сосуд делву, то есть в бочку, и, закупорив ее и надежно запечатав, спрятал и предал ее морю. Сам же он ушел из города в дальние пустыни, чтобы разыскать монахов и подвижников во имя Бога, которые скрывались от еретиков в пещерах и в земных расселинах. И вскоре промыслом Божиим нашел он монахов, живущих в пустыни, среди которых был один, имевший священнический сан. Преподобный Антоний много и слезно молил их, чтобы они приобщили его к своей Богом избранной пастве. Они же много и строго расспрашивали его о христианстве и о римской ереси, боясь искушения от еретиков; он же поведал им про себя, что христианин. А они ему сказали: «Чадо Антоний, ты молод и не сможешь вынести подвижнической жизни и трудов чернических» (поскольку ему в то время было восемнадцать лет), и многим другим его пугали. Он же

непрестанно им кланялся и умолял о восприятии иноческого чина; и насилу достиг своего желания — постригли его в монахи. И пробыл преподобный с ними в той пустыни двадцать лет в трудах и в посте и в молитвах Богу день и ночь. Была же, — говорил он, — подальше от нас, верст за тридцать, малая церковка во имя боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, построенная в пустыни живущими там монахами. Существовал обычай всем монахам из пустыни собираться к Великой субботе (на службу), а священники и дьяконы служили Божественную службу, и причащались все Божественных Тайн, и пели и молились весь тот день и всю ночь; утром же в самый день светлого Христова тридневного его Воскресения, на Святую Пасху, отпев заутреню и святую божественную Литургию, причастившись также Святых и Пречистых Божественных и Животворящих Христовых тайн, расходились каждый в свою пустынь.

Ненавистник же добра дьявол воздвиг опустошительное гонение на христиан. Князья того города и папа разослали (гонцов) по пустыням, и стали хватать монахов и подвергать их мучениям. И преподобные те отцы из богоизбранного Христова стада от страха разбрелись по пустыням и не сообщались друг с другом. А преподобный Антоний стал жить у моря в непроходимых местах, стоя только на камне, беспрестанно, ночью и днем, и молясь Богу, без всякого укрытия и хижины, принимая от воскресенья до воскресенья совсем мало пищи, которую он принес из своей пустыни. И пробыл он тут на том камне целый год и два месяца. И столько трудился он, молясь Богу, в посте и в бдении и в молитвах, что был подобен ангелам.

Но ведь тайну царскую подобает хранить, — это похвально и безопасно для хранящих ее и весьма полезно, чтобы никому она не стала известна, чтобы не изменилось царское повеление, — а вот дела Божии и преславные чудеса, совершаемые его святыми, следует везде и всюду всячески проповедать громогласно и ничего о них не скрывать и не предавать забвению — на общую пользу и на спасение всем христианским людям. Было же это в лето шесть тысяч шестьсот четырнадцатое в пятый день месяца сентября, на память святого пророка Захарии, отца Предтечи. Поднялись очень сильные ветры и взволновалось море, как никогда еще не бывало, и морские волны доходили до камня, на котором неизменно стоял преподобный Антоний, воссылая Богу беспрестанные молитвы. И вдруг внезапно напряглась одна волна и подняла камень, на котором стоял преподобный, и понесла его на камне, как на быстром корабле, ничуть его не испугав и ничем ему не повредив. Преподобный стоял и непрестанно молился Богу, ведь возлюбил он Бога всею душою своею, ибо для полюбивших его всегда Он сладость и свет и радость. И как он возлюбил Его навечно, так и в нем живет Бог — святой пречистый защитник — и живет в душе боящегося Его, и творит волю возлюбившего Его. Преподобный, нося постоянно его образ в своем сердце — преславную икону Божию, не красками написанную на доске или на чем-либо ином,

но ту, говорю, икону Божию, которая представляется добрыми делами, постом, воздержанием, добрыми свершениями, бдением и молитвами — и тайно вписав навсегда в своем сердце иконописный образ небесного Владыки и видя внутренним оком Пречистую Богородицу в облаке, держащую своими пречистыми руками превечного младенца Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, — «не знаю, — говорил, — когда (был) день, а когда ночь», был он объят неземным светом.

Камень же плыл по водам без руля и без кормчего, и человеческий разум не может представить, что ни скорбь, ни страх, ни уныние, ни иная какая печаль, ни голод, ни жажда не посетили преподобного; только пребывал он в мысленной молитве Богу и радовался душою. И из Римской страны по теплому морю, из которого в реку Неву, а из Невы в Ладожское озеро, а из Ладожского озера вверх по реке Волхову против несказанных быстрин вплоть до этого места камень не приставал нигде.

И пристал камень, на котором стоял и молился преподобный, у берега великой реки, называемой Волхова, на этом месте, в третью стражу ночи, в сельце, что называется Волховским. И во время заутрени стали в городе звонить к заутреней службе; и услышал преподобный великий звон по городу, и стоял в великом страхе и в недоумении, а от страха впал в размышление и в великое отчаяние и подумал, что он был перенесен на камне к городу Риму.

Когда же миновала ночь, настал день и засияло солнце, стали стекаться к преподобному жившие там люди и, глядя на преподобного и удивляясь, приблизились к нему и стали спрашивать его об имени и о родителях, и из какой страны он пришел. Преподобный же, ничуть не владея русским языком, не умел дать никакого ответа, но только им кланялся, не смея сам сойти с камня. И пробыл он тут три дня и три ночи, стоя на камне и молясь Богу. В четвертый же день преподобный долгие часы молился Богу о том, чтобы понять, что это за город и люди, чтобы послал ему Бог такого человека, который рассказал бы ему об этом городе и о людях. И сошел преподобный с камня и пошел в город Великий Новгород. И нашел он человека из греческой земли, ведущего торговлю, имеющего купеческое звание, который владел римским и греческим, и русским языком; и увидев преподобного, он спросил его об имени и о вере. Преподобный сообщил ему свое имя и назвался христианином и грешным иноком, недостойным ангельского образа. Купец же тот пал к ногам святого, прося у него благословения, и преподобный даровал ему благословение и похристосовался с ним. Преподобный же спросил его об этом городе и о людях, и о вере, и о святых Божиих церквах, и Готфин поведал преподобному все по порядку, сказав: «Город этот — Великий Новгород, люди же в нем исповедуют православную христианскую веру; соборная же церковь — святая София Премудрость Божия; святитель же в этом городе епископ

Никита, а владеет городом этим благочестивый великий князь Мстислав Владимирович Мономах, внук Всеволодов». И преподобный, слыша от грека эти известия, возрадовался душою и воздал мысленно великое благодарение всесильному Богу. И спросил преподобный грека Готфина: «Еще мне скажи, друг, каково расстояние от города Рима до этого города и за какое время люди совершают этот путь?» Он же ему ответил, сказав: «Далекая это страна и труден путь по морю и по суше, ведущие торговлю приезжают едва за полгода, если кому Бог поможет». И преподобный, размышляя и внутренне дивясь величию Божию, — как это за два дня и за две ночи он преодолел такую дальность пути, — едва удержался в то время от слез; и поклонился ему до земли, даровав ему мир и прощение.

И вошел преподобный в город, чтобы помолиться святой Софии Премудрости Божией и увидеть великого святителя Никиту. И увидев церковное благолепие и порядок и священнослужителей, весьма возрадовался душою, и помолился, и все обошел, и снова вернулся на свое место. Перед святителем же Никитой на этот раз преподобный не являлся, потому что еще не научился славянскому и русскому языку и обычаям.

И стал преподобный молиться стоя на своем камне, день и ночь, чтобы Бог сделал ему понятным русский язык. И увидел Господь Бог подвиги и труды преподобного, и стали приходить к нему живущие поблизости люди и горожане для молитвы и за благословением. И Божьим промыслом преподобный вскоре научился от них понимать и говорить по-русски. Люди же спрашивали его о его родителях, и в какой земле он рожден и воспитан, и как пришел (сюда), — но преподобный им ничего не рассказал о себе, только называл себя грешным.

В скором времени слух о нем дошел до святителя того же Великого Новгорода Никиты. Святитель же Никита послал за ним и велел привести его к себе. Преподобный в сильном страхе, и охваченный в то же время радостью, отправился к святителю в глубоком смирении. Святитель ввел его в свою келью, и преподобный, сотворив молитву, сказал: «Аминь». И принял преподобный благословение от святителя со страхом и любовью, как из Божьих рук. А святитель Никита, постигший Святым Духом (все) о преподобном, стал его спрашивать о родине и о прибытии его в Великий Новгород и откуда и как он пришел. Преподобный же, не желая раскрыть святителю тайны, — славы ради человеческой, — только называл себя грешником. Святитель же Никита, расспрашивая преподобного с великой строгостью и с заклятием, сказал: «Если ты, брат, не поведаешь мне своей тайны, — а знай, что Бог все о тебе откроет нашему смирению, — тогда ты примешь от Бога наказание за непослушание».

Преподобный пал ниц перед святителем и плакал горько, умоляя его, чтобы не поведал он никому этой тайны, пока преподобный жив. И наедине открыл о себе тайну святителю Никите, все по порядку — о родине своей и воспитании и о прибытии своем из Рима в Великий Новгород, — как вначале написано.

Святитель Никита, услышав то от преподобного, принимает его не за человека, а за ангела Божия и, поднявшись со своего места, отстраняет (от себя) пастырский жезл и долгое время молится и дивится бывшему — как прославляет Бог рабов своих! По окончании молитвы преподобный сказал: «Аминь!» Святитель же Никита пал перед преподобным на землю, прося у него благословения и молитвы, а преподобный пал на землю перед святителем, молясь и прося благословения, себя же называя недостойным и грешным; и оба лежали на земле, плача, долго орошая землю слезами, прося друг у друга благословения и молитвы.

И святитель Никита говорил преподобному: «Ты удостоен от Бога великого дара и (способности творить) как в древности чудеса, уподобился ты Илье Фезвитянину или апостолам, которые на Успение Пресвятой Богородицы были принесены на облаках. Так и наш город Господь одарил тобою, угодником своим, — новопросвещенных людей благословил и призрел». Преподобный же говорил святителю: «Ты — священник Бога вышнего, ты — помазанник Божий, тебе следует молиться о нас».

Святитель же, поднявшись с земли и не унимая слез, поднимает (преподобного) с земли, благословляя и лобызая его во имя Христово, и долго беседует с преподобным и никак не может насытиться его сладкими и медоточными речами. И желал он прославить чудо, но не хотел пренебречь молением преподобного. И святитель Никита долго просил преподобного, чтобы он выбрал у него удобное для себя место и остался бы с ним до конца жизни. Но преподобный никак не захотел сделать это и сказал в ответ: «Святитель Божий, ради Господа, не принуждай меня, мне должно держаться на том месте, где повелел мне Бог». И святитель Никита дал благословение и отпустил преподобного с миром на богоизбранное место.

Недолгое время спустя епископ Никита поехал к преподобному Антонию, чтобы увидеть этот камень и место. Преподобный стоял на камне, как на столпе, и, не спускаясь с него, молился Богу день и ночь. А когда увидел идущего к нему святителя, сошел с камня, пошел ему

навстречу и принял от святителя благословение и молитву. И стал святитель внутренно дивиться чуду и обошел все село — там и здесь. И сказал преподобному святитель Никита: «Пожелал Бог и Пречистая Богородица и избрал это место, хочет Он, чтобы твоим преподобием был воздвигнут храм Пречистой Богородицы, честного и славного ее Рождества, и будет обитель во спасение монахам, ибо ради этого в день предпразднества этого праздника поставил тебя Бог на этом месте». Преподобный отвечал: «Да будет воля Господня». Святитель хотел поставить ему хижину около камня, но преподобный этого никак не пожелал и терпел всякое неудобство Бога ради.

Святитель Никита, желая достоверно узнать о чуде, боясь искушения, стал расспрашивать селян, разводя их по одному, о явлении преподобного. Они единодушно говорили ему: «Воистину, святитель, этот человек Божий по водам принесен был на камне» — и все подробно и достоверно рассказали ему по порядку о преподобном. И святитель воспылал еще больше духовной любовью к преподобному; и дал ему благословение и уехал к святой Премудрости Божией святой Софии на свой двор.

О начале Антониева монастыря Пречистой Богородицы, что в Великом Новгороде

И святитель Никита посылает за посадниками, за Иваном и за Прокопием, за Ивановыми подсадничьими детьми, и говорит им: «Дети мои, послушайте меня. Есть в вашем краю сельцо вблизи от города, называемое Волховское; на том месте по воле Бога и Пречистой Богородицы будет воздвигнут храм Пречистой Богородицы, честного и славного ее Рождества, и устроится обитель пришельцем этим преподобным Антонием, и будет воссылаться молитва к Богу о спасении душ ваших, и будет воздано поминовение родителям вашим». Посадники с расположением выслушали святителя и отмерили земли под церковь и под монастырь — на все стороны по пятидесяти сажень. И повелел епископ Никита возвести малую деревянную церковь, и освятил ее, и еще поставить одну келейку для прибежища монахов.

Чудо преподобного и богоносного отца нашего Антония об обретении сосуда делвы, то есть бочки, с имуществом преподобного

Через год после прихода преподобного рыбаки вели лов вблизи от его камня, и трудились они всю ночь, но ничего не поймали; и изнемогли они от трудов, и вытащили свои сети на берег, и пребывали в глубокой

печали. Преподобный же, окончив молитву, пошел к рыбакам и сказал им: «Детки мои, узнайте милость Божию, есть у меня только слиток серебра в гривну (поскольку в то время у новгородцев не было денег, но слитки серебра отливали, либо в гривну, либо в полтину, либо в рубль, — и так вели торговлю), и эту гривну-слиток я отдаю вам, — послушайтесь моего ничтожества, забросьте свои сети в эту великую реку Волхов, и, если что поймаете, то это будет в дом Пречистой Богородицы». Они же не захотели этого сделать и сказали в ответ: «Мы трудились всю ночь и ничего не поймали, только изнемогли». Преподобный настойчиво просил их, чтобы они его послушали. И они по велению преподобного забросили сети в реку Волхов и молитвами святого вытащили на берег такое великое множество крупных рыб, едва не прорвав сети, какого никогда еще не вылавливали. Еще они извлекли деревянный сосуд-делву, то есть бочку, окованную со всех сторон железными обручами. Преподобный благословил рыбаков, сказав: «Детки мои, узнайте милость Божию, как Бог печется о рабах своих; я же вас благословляю и отдаю вам рыбу, себе же беру сосуд, то есть окованную бочку, поскольку Бог вручил ее мне на построение монастыря».

Ненавистник же всего доброго дьявол, желая сделать преподобному пакость, поразил и ожесточил лукавством сердца тех рыбаков, и они стали рыбу отдавать преподобному, бочку же захотели взять себе. И говорили они преподобному: «Это мы нанялись у тебя ловить рыбу, а бочка-то наша»; да еще и грубыми словами оскорбляли и упрекали преподобного. Он же сказал в ответ: «Господа мои, об этом у меня с вами нет никакого спора, пойдемте в город и расскажем городским судьям, судья поставлен от Бога, чтобы судить людей Божиих». Рыбакам понравился совет преподобного, они положили бочку в свою лодку, взяли преподобного, а когда достигли города и предстали перед судьями, стали считаться с преподобным. Он сказал: «Эти рыбаки трудились всю ночь, но ничего не поймали и изнемогли от трудов. А я долго просил их, чтобы они взяли у меня плату (по найму) — имевшийся у меня серебряный слиток-гривну. Но они не хотели послушаться меня, и, с трудом повиновавшись нашему ничтожеству, взяли плату, забросили свои сети и вытащили множество рыбы, а также еще и сосуд, то есть эту бочку. Я уступил им рыбу, сказав: „Эту бочку вручил мне Бог на создание монастыря Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии”. Они же отдали мне рыбу, а бочку взяли себе».

Судьи спросили рыбаков: «Скажите нам, так ли было, как сказал этот старец?» Они ответили: «Мы нанялись ловить рыбу, рыбу мы отдаем ему, а бочка-то наша, потому что мы спрятали ее в воду, чтобы сохранить для себя». Старец же сказал: «Господа мои, спросите этих рыбаков, что у них положено в этой бочке?» Рыбаки не знали, что на это ответить. А преподобный сказал: «Это бочка нашего ничтожества, она предана морской воде в Риме нашими грешными руками, а

положены в эту бочку церковные сосуды, золотые, и серебряные, и хрустальные, потиры и блюда, и много другого из священных церковных вещей, и золото и серебро из имущества моих родителей, — погружено это сокровище в море с той целью, чтобы оно — священные сосуды — не осквернилось от богомерзких еретиков, от бесквасных (их) бесовских жертв; а подписи на сосудах сделаны на римском языке».

Судьи приказали бочку разбить, и все оказалось, как говорил преподобный. И отдали бочку преподобному, и отпустили его с миром, и никто больше не посмел спрашивать с него, а рыбаки ушли посрамленными.

Преподобный Антоний пошел к святителю Никите, радуясь и благодаря Бога за обретение бочки, и рассказал все святителю. Святитель воздал за это хвалу Богу и, рассудив благоразумным своим умом, сказал: «Преподобный Антоний, на все это тебя избрал Бог — (приплыть) на камне из Рима, спастись в Великом Новгороде, еще же и бочку, спущенную (на воду) в Риме, вручил тебе, чтобы ты воздвиг каменную церковь Пречистой Богородицы и устроил обитель».

Преподобный Антоний помещает свои сокровища на сохранение в святительской ризнице, а сам получает благословение у святителя и начинает строить обитель; и купил он у новгородских посадников землю около монастыря вместе с живущими на этой земле людьми до скончания века, пока Божьим промыслом стоит вселенная. Купил он и рыбные ловли при великой реке Волхове на потребу монастырю, определив их пределы и закрепив их письменно, записав их в свою духовную грамоту. И стал он трудиться не переставая весь день, прилагая труды к трудам, а ночью пребывая без сна, стоя на камне и молясь.

И видя его богоподобное ангельское житие, великий князь Мстислав и святитель Никита, и все старейшины этого города, и люди стали его прославлять и иметь к нему веру, тайны же о прибытии его не знал никто, кроме епископа Никиты. И стала собираться братия к преподобному, а он с любовью принимал их. Меня же, священноинока Андрея, Бог сподобил воспринять ангельский образ в этой обители, и был я в послушании и в учении у преподобного.

О создании каменной церкви на второй год по прибытии преподобного

Потом святитель Никита стал держать совет с преподобным о каменной церкви, — чтобы заложить каменную церковь: «На это Бог и вручил тебе сокровища». И стал преподобный рассчитывать найденное в бочке серебро и золото на постройку храма, и сказал преподобный: «Я надеюсь на Бога и на Пречистую Богородицу и на твои святые молитвы, только ты даруй нам благословение».

Святитель же Никита, размерив место под церковь и помолившись, стал собственноручно копать землю под фундамент храма. И заложили церковь каменную, и завершил ее Бог, и расписал ее искусно, и украсил ее всякими украшениями, иконами и церковными сосудами, золотыми и серебряными, и ризами, и божественными книгами во славу Христа Бога нашего и Пречистой его Матери, как подобает Божьей церкви. И потом заложили и каменную трапезную во имя Сретения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И соорудил он кельи, и устроил ограду, и устроил все со всем обилием, как и подобает.

Имущества же преподобный ни от кого не брал, — ни от князей, ни от епископа, ни от городских вельмож, — одно только благословение от чудотворца епископа Никиты, и все строил (на средства) из той бочки, которую Бог доставил водою из Рима в Великий Новгород, потом и трудом своим. А если кто принесет Бога ради что-либо полезное из своего имущества или еду, преподобный тем кормил братию, а также и сирот и вдов, убогих и нищих. И потом преподобный с братией и с сиротами своими стал прилагать труды к трудам.

В скором времени святитель Христов епископ Никита стал болеть, он призвал преподобного, поведал ему о своем уходе из этой жизни и, дав много наставлений, отошел к Богу. Преподобный был в глубокой скорби и в слезах из-за кончины святителя Никиты, ибо у них было между собой великое духовное согласие.

О поставлении преподобного Антония в игумены

Помощью Божией и Пречистой Богородицы и молитвами преподобного стала обитель распространяться и братия собираться. И стал преподобный держать совет с братией, чтобы избрать игумена в свою обитель. Долго длился выбор, но не нашлось такого человека. Братия стала просить преподобного Антония: «Преподобный отче Антоний, молим тебя, послушай нас, нищих, прими священнический сан, будь нам настоящим отцом-игуменом, чтобы приносить Богу чистую и бескровную жертву за наше согрешение, да будет принята твоя жертва

Богу в небесный жертвенник. Ибо мы видели такие твои труды и подвиги в здешнем месте, какие никак невозможно вынести обычному человеку, если не поможет Господь». И сказал преподобный: «Совет ваш добрый, братия, но я недостоин столь великого сана, на подобное дело изберем себе мужа добродетельного и достойного из братии». Братия же восклицала в слезах: «Святой отец, не отказывай нам, нищим, но спаси нас». И преподобный сказал: «Да бу-дет воля Господня, если что захочет Бог, то и сотворит».

Братия с преподобным Антонием, направившись к архиепископу Нифонту, который в то время занимал святительский престол, сообщает ему о деле. И святитель Нифонт был очень рад их благому решению, ибо он любил преподобного за его высокую добродетель; и поставляет он преподобного в диаконы, потом в священники, и затем в игумены.

И прожил преподобный в игуменстве шестнадцать лет в добрых делах и берег стадо Христово. И когда узнал преподобный о своем отшествии к Богу, призвал он меня, назвал своим духовным отцом и исповедался в слезах. И поведал преподобный моему ничтожеству про свое прибытие из Рима, и о камне, и о деревянном сосуде-делве, то есть о бочке, как вначале написано. И приказал мне все это после своей смерти написать и передать Церкви Божией, читающим и слушающим на пользу души и на исполнение добрых дел, во славу и честь Святой и Живоначальной и Неразделимой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, и Пречистой Богородицы. Я же сильно дивился этому.

А преподобный Антоний призвал братию и сказал им: «Братия моя и сопостники, молю вас, ныне я ухожу из этой жизни к Господу Богу моему Иисусу Христу, молите же за меня Бога и Пречистую Богородицу во время преставления моего, чтобы взяли мою душу милостивые ангелы и чтобы я избег вражьих сетей и воздушных мытарств вашими молитвами, ибо я грешен. А вы изберите себе на игуменство на мое место отца и учителя из братии и пребудете у него в посте, и в молитве, и в трудах, в постах и во бдениях, и в слезах, и в любви между собой, и в послушании перед игуменом и своими духовными отцами и перед старейшими из братии, ибо написано: „Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное; блаженны плачущие, ибо они утешатся; блаженны кроткие, ибо они наследуют землю; блаженны алчущие и жаждущие правды ради, ибо они насытятся; блаженны милостивые, ибо они помилованы будут; блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят; блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими; блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное; блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах”». И много другого преподобный наказал братии, поучая ее во спасение. Братия же, видя преподобного при последнем издыхании,

была в великой горести, и в печали, и во многих слезах, и говорила: «О, добрый наш пастырь и учитель, мы видим тебя теперь при последнем издыхании в конце жизни. К кому же мы прибегнем теперь, и от кого получим радость медоточных словес учения, и кто озаботится о наших грешных душах? Но молим тебя, Спасов угодник, если ты обретешь милость перед Богом после своего ухода из этой жизни, то моли о нас неустанно Бога и Пречистую Богородицу. А здесь, господин, избери нам игумена из нашей братии, как угодно твоей святости, потому что тебе известны все наши духовные тайны».

И преподобный Антоний избирает на игуменство и благословляет наше ничтожество (потому что я сначала был его учеником, а потом духовным отцом), чтобы пасти христоименитое стадо. И наперед завещает преподобный братии заповедь, когда приведется избирать игумена, то избирать из братии того, кто на этом месте подвизается. А если князь или епископ пришлют игумена насильно или за мзду, то их преподобный предает проклятию; затем и о земле утверждает (заповедь) и говорит: «О, братия моя, когда я поселился на этом месте, то купил это село и землю и рыбные ловли на этой реке для устроения монастыря, оплатив (все) из сосуда Пречистой, то есть из бочки. А если кто станет вас обижать или захватывать эту землю, суди их Матерь Божия».

И простившись с братией и совершив последнее о Христе целование, став на молитве, он долго молился, ибо хоть и радостно было ему освободиться от плоти и быть с Христом, но показывая, что всем страшна смертная чаша и много у нас воздушных истязателей, ведомый смирением помолился он Богу, говоря так. Молитва. Явись, Господи, и помоги мне и избавь меня из рук князя и от власти и от властителей тьмы, да не скроет меня темный их дух, не помрачит душу мою их дым; укрепи меня, Господи мой, Господи, да преодолею огненные волны и бездонные глубины, да не буду я потоплен в них, да не сумеет враг меня оклеветать, но миную властителя тьмы и лукавого их вождя, и да буду избавлен от темных сил и от тартар; и да явлюсь я пред тобою чистым и непорочным и восприиму обещанное благо твоим святым.

О великое и подражающее Богу смиренномудрие (преподобного) богопроповедника, подобного апостолам! Как могли прикоснуться князья тьмы к тому, кого Господь называл не рабом, но другом, и кому обещал Он поселить его там, где и сам (обитает), чтобы видеть славу Его. Все это зная, предпочел он смиренное, то, что не наносит вреда, но еще больше укрепляет, потому приносил он такие слова молитвы.

И повелел (преподобный) священноиноку Андрею покадить над собою и петь отходную. И возлегши (на одр), отошел к Богу в вечную жизнь и покой. И был погребен честно архиепископом Нифонтом со множеством народа того города со свечами и светильниками, с псалмами и пением, с песнями духовными, в год 6650-й (1142) месяца августа в 3 день, на память преподобных отцов наших Исаакия, Далмата и Фауста. Положено было честное его тело в церкви Пречистой Богородицы, которую он сам создал. Прожил же он со времени прибытия своего до игуменства четырнадцать лет, игуменом же был шестнадцать лет. А всего прожил в обители тридцать лет.

По благословению преподобного архиепископ Нифонт поставляет в игумена ученика преподобного священноинока Андрея. Этот же Андрей поведал архиепископу Нифонту и князьям того города и всем людям, что слышал от преподобного; и тем чудесам весьма подивились архиепископ и все люди, и воздали они хвалу Богу и Пречистой Богородице и великому чудотворцу Антонию; и с тех пор начал он называться Антонием Римлянином. И приказал архиепископ Нифонт это житие преподобного изложить и написать и передать Божией церкви во утверждение христианской веры и на спасение душ наших, а римлянам, которые отступили от православной греческой веры и перешли в латинскую веру, — в посрамление, укоризну и проклятие, во славу же и в честь Святой и Живоначальной Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЯ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ

Подготовка текста Р. П. Дмитриевой, перевод и комментарии О. В. Панченко

ВСТУПЛЕНИЕ

ЖИТИЯ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ

Жития Зосимы и Савватия Соловецких были созданы на рубеже XV—XVI вв. двумя выдающимися книжниками — соловецким игуменом Досифеем и митрополитом Киевским Спиридоном. Кроме них в создании житий принимали участие преп. Герман Соловецкий и выдающийся деятель Русской Церкви конца XV — нач. XVI в. архиепископ Геннадий Новгородский. История создания житий соловецких преподобных рассказана самим Досифеем в его

послесловии к житиям («Слове о сотворении жития первоначальников Соловецких Зосимы и Савватия»).

Игумен Досифей был учеником преп. Зосимы и после кончины своего старца жил в одной келий с преп. Германом, со слов которого и записал рассказы о жизни преподобных Зосимы и Савватия («памяти ради»). По словам Досифея, Герман был неискусен в «божественном писании» и рассказывал о жизни соловецких святых просто и незатейливо. Некоторое время спустя записи его рассказов были утрачены: их взял почитать некий священноинок, пришедший из Белозерья, и, уйдя, унес их с собой. Так пропали «памяти» о жизни основателей Соловецкого монастыря — живое свидетельство о них «спостника их» преп. Германа.

Будучи человеком весьма деятельным (которого по праву считают одним из создателей библиотеки Соловецкого монастыря), Досифей прибыл по монастырским делам в Новгород и при встрече с архиепископом Геннадием рассказал ему о жизни основателей Соловецкого монастыря. Оказалось, что архиепископ Геннадий в молодости был учеником преп. Савватия. Услыхав рассказ Досифея о жизни своего старца на пустынном острове и о создании на месте его подвигов Соловецкого монастыря, Геннадий тотчас благословил Досифея написать жития обоих подвижников. Так было положено начало созданию житий соловецких святых — благословением, преподанным ученику преп. Зосимы учеником преп. Савватия, и благоговейным желанием обоих сохранить память об их духовных отцах.

Уединившись и заново вспоминая рассказы Германа о жизни Зосимы и Савватия (самого Германа к этому времени уже не было в живых), Досифей сочинил некий «первый опыт» житий соловецких чудотворцев. Разумея несовершенство своего сочинения и нуждаясь в помощи другого, более опытного, писателя, Досифей постарался найти такового в Ферапонтовом монастыре, где в это время находилось сразу несколько видных иерархов Русской Церкви: архиепископ Ростовский Иоасаф, епископ Пермский и Вологодский Филофей и митрополит Киевский и всея Руси Спиридон. Было это в 1503 г. (примерно через год после того, как в Ферапонтове трудился Дионисий, расписавший по заказу архиепископа Иоасафа церковь Рождества Богородицы).

Архиепископ Иоасаф и епископ Филофей являлись постриженниками Ферапонтова монастыря и теперь пребывали там на покое. Киевский же митрополит Спиридон — в прошлом глава Русской Церкви на территории Литовского государства и законный претендент на московский митрополичий стол — находился в Ферапонтовом монастыре «в заточении».

Митрополит Спиридон был известным книжником, хорошо знавшим Священное Писание, и именно к нему Досифей и обратился за помощью. И Спиридон согласился ему помочь. Используя сочинение Досифея в качестве основного источника сведений о жизни основателей Соловецкого монастыря, он написал жития соловецких

преподобных в соответствии со всеми требованиями агиографического жанра.

Сочинение Спиридона замечательно своим точным следованием агиографическому канону. Почти не располагая достоверными данными о жизни преп. Савватия, Спиридон сумел (используя житийную топику) написать полноценное житие, распространяя с помощью «общих мест» те немногие сведения, которые он почерпнул из сочинения Досифея.

Трудности в создании Жития Савватия были связаны прежде всего с отсутствием сведений о раннем периоде жизни святого. Вследствие этого целый ряд тем, характерных для жанра жития: происхождение героя (место его рождения и родители), воспитание, обучение, описание места монашеского пострига и т. д., — в Житии Савватия не могли получить развития. Значимость названных «топосов» для житийного жанра митрополит Спиридон осознавал вполне отчетливо. Поэтому при создании Жития Савватия он применил весьма изящный прием: он лишь наметил большинство из названных житийных «топосов» как бы пунктиром (сославшись на свое неведение), сумев при этом воспроизвести традиционную схему житийного «энкомия»: «А из какого *города или селения* были его *родители,* этого мы не знаем точно, ведь много лет прошло до нынешнего написания. И не смогли узнать мы, *в каком возрасте он принял иноческий образ».*

Отсутствие фактических сведений о жизни Савватия в Кирилло-Белозерском и Валаамском монастырях также не могло помешать Спиридону описать его иноческие подвиги, благодаря тому что топос «монашеского делания» был уже хорошо разработан.

В заключительной части Жития Савватия, посвященной последним дням жизни преподобного, Спиридон также использовал известный житийный топос описания «кончины праведника». Приготовление Савватия к кончине земного пути изображено им весьма подробно: святой предвидит свой уход, просит Бога о причащении Святых Тайн, чудесным образом удостаивается святого причащения, и затем, готовясь к уходу, поет по себе чин на отшествие души.

Описание кончины Савватия выполнено с поразительной достоверностью, притом что Спиридон (в отличие, например, от автора «Записки о кончине Пафнутия Боровского») не был ни учеником преп. Савватия, ни свидетелем его последних дней. Почти с кинематографической точностью писатель фиксирует каждый шаг преп. Савватия, предшествующий его кончине: вот он взял в руки кадильницу, положил на уголья ладан и пошел помолиться в часовню; потом возвратился в келию, покадил в ней честным иконам, помолился Господу и, почувствовав, что силы от него уходят, сел на лавку, а кадильницу опустил рядом с собой… Так и умер он сидя, с возжженной кадильницей, поставленной рядом с собой.

Яркий художественный образ (возжженная кадильница рядом с усопшим Савватием), возникающий на фоне бесстрастно-

проникновенного повествования, производит на читателя сильное впечатление, делая его незримым свидетелем последних мгновений жизни преподобного.

Таким образом, несмотря на почти полное отсутствие фактических сведений о преп. Савватии, митрополит Спиридон сумел написать цельное произведение о его житии, умело воссоздавая в нем недостающие эпизоды и широко используя житийную топику.

В сравнении с Житием Савватия, Житие Зосимы Соловецкого содержит больше сведений о жизни святого. Основные факты Жития Зосимы были собраны и расположены в хронологической последовательности, по-видимому, еще игуменом Досифеем. Редакторская правка митрополита Спиридона выразилась прежде всего в стремлении дополнить «событийный» ряд Жития изображением иного, «несобытийного», ряда духовной биографии святого, основным содержанием которого является описание неустанного монашеского «делания». Отдельные эпизоды Жития Зосимы писатель объединил с помощью внешне «бессобытийных» сюжетных «скреп», изображающих непрерывность монашеского подвига: «С того времени начал блаженный Зосима к трудам труды прилагать (...) Тело повинуя духу, предавался он всенощным стояниям и воссылал непрестанные молитвы к Богу...»

Вновь и вновь возвращаясь к заданной теме, автор изображает неизменность «внутреннего пути» преподобного и его постепенное восхождение по ступеням монашеского «делания» («от силы в силу», от подвига к подвигу): «И устремился он к еще большим подвигам, слезами каждый день ложе омывая, молитвами, постом и жестоким изнурением тело свое удручая и непрестанные молитвы вознося Богу...». «Блаженный же еще больше предавался духовному деланию, труды к трудам прилагая (...) и предупреждением страстных помыслов сердце всегда очищая...», «И после того пребывал раб Божий игумен Зосима во многих трудах и сугубом пощении немало лет...» (подобные фрагменты повторяются в Житии 14 раз).

Сочетание упомянутых «бессобытийных» фрагментов с эпизодами «событийного ряда» создает неповторимую композицию Жития Зосимы. Каждый из двух «рядов» композиции этого Жития соответствует одному из двух главных жизненных поприщ Зосимы — созиданию обители и устроению души (ср.: «...и устремился он на подвиг, телесный и духовный: телесный — в созидании монастыря непрестанном, духовный же — в вооружении не невидимых врагов постом и молитвой»).

«Исправляя» жития соловецких преподобных и «украшая» их цитатами из святоотеческой литературы и Священного Писания, Спиридон не преследовал цели чисто «эстетические». Библейские цитаты использованы им для обозначения конкретных монашеских подвигов. За большинством из этих цитат в святоотеческой традиции закреплен определенный смысл, выражающий аскетический опыт святых отцов. Описывая монашеские подвиги Зосимы, Спиридон использует, например, то сравнение из «Лествицы» Иоанна Синайского («...и

каждую ночь, выходя из келий до того, как начинали бить к утрене, Зосима плакал о своей душе, словно над покойником...»), то стих из псалма Давида («...и, „слезами каждый день ложе омывая" (Пс. 6, 7), непрестанные молитвы возносил Богу»). «Слезы покаяния» являются неотъемлемой частью монашеского подвига, о необходимости которых говорили многие святые отцы, например Антоний Великий: «Каждую ночь слезами своими обливай ложе свое и смачивай постель твою, и смиряй себя пред Христом Господом (...) Непрестанно плачь о грехах своих, как если бы ты имел мертвеца в келий своей» («Устав отшельнической жизни»). О слезах покаяния говорит и Иоанн Лествичник в 5-й главе своей книги, вспоминая подвижников, «рыдавших над своими душами, как над мертвецами» (глава «О покаянии»),

Опираясь на опыт собственной духовной жизни, Спиридон подобно искусному зодчему «выстроил» жития Зосимы и Савватия на «твердом основании» святоотеческой традиции, подтвердив слова, сказанные о нем архиепископом Геннадием, назвавшим его «столпом церковным» и «старцем чудной жизни».

Жития соловецких преподобных Зосимы и Савватия связаны между собой единством замысла и повествования (включая и их общие «чудеса») и представляют собой единое произведение. Предположительно древнейшая редакция обоих житий сохранилась в сборнике *РГБ,* Волоколамское собр., № 659 (список датируется 30-ми гг. XVI в.). Впоследствии жития Зосимы и Савватия неоднократно редактировались и пополнялись за счет добавления новых «чудес». Среди редакций XVI в. наиболее известна так называемая «редакция Великих Миней Четьих» (созданная не позднее 1520-х гг.).

К 1535—1536 гг. относится создание похвальных слов и служб Зосиме и Савватию, написанных по заказу соловецкой братии сербским монахом Ианикитой Львом Филологом. Официальная канонизация преподобных Зосимы и Савватия была совершена на соборе 1547 г., установившем их повсеместное почитание в качестве общерусских святых.

Текст «Житий Зосимы и Савватия» издается по списку *РГБ,* Волоколамское собр., № 659.

ОРИГИНАЛ

СЕНТЯБРЯ 27. САВАТЕЯ СОЛОВЕЦКОГО ЖИТИЕ. ЗРИ ПОСЛЕ СЕГО СЛОВА И ЗОСИМЕ СОЛОВЕЦКОМУ. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ И ОТЧАСТИ ЧЮДЕС ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ЗОСИМЫ, НАЧАЛНИКА СОЛОВЕЦКАГО МАНАСТЫРЯ, И О ЗАЧАЛѢ МАНАСТЫРЯ ТОГО, ПОНЕЖЕ БО ЗАЧАТСЯ СВЯТАЯ СИА ОБИТЕЛЬ ЖИТИЕМЬ И НАЧАЛЬСТВОМ РАБА БОЖИА СТАРЦА САВАТИА И ПОДРУГА ЕГО ГЕРМАНА, НѢКОЕГО БОГОЛЮБИВА МНИХА. СПИСАНО БЫСТЬ СПИРИДОНОМ, МИТРОПОЛИТОМЪ КИЕВЬСКИМЪ[1]

Благослови, отче![2]

Бысть въ дни благочестиваго великого князя Василия Васильевича Володимерьскаго и Московскаго и великого князя Бориса Александровича Твѣрьскаго, и великого князя Феодора Резанскаго Олговича в лѣто 6 тысяч девятсотъ 44-е; архиерѣйскый престолъ правящу тогда нѣкоему от грекъ Фотию митрополиту и в Новѣгородѣ съдержащу престолъ архиепископу Ифимию Брадатому.[3]

Бѣ во едином от манастырей Бѣлозерскых Кирилов именуем,[4] ту бо бѣ пребывая и прежде реченный Саватие, егоже выше рекохом. А иже града или веси родителю его пребываниа, невѣмы извѣстно, многа бо лѣта прешла суть да написаниа сего, и не возмогохом обрѣсти, коликыми лѣты възраста своего вниде во образ иноческаго жития. Нъ точию обрѣтохом от боголюбивых мужий и бесѣд духовных от приходящих инок острова того, и о них испытах вмалѣ бесѣдами в ползу душевную хотящиим спасениа душам своим и сих ревновати по Бозѣ добродѣтелному житию, якоже сей жителствуя въ предреченной обители сь пребывающими тамо мнихи и съодолѣв вся послушаниемь къ игумену и всему еже о Христе братству в заповѣданных ему службах, к сему же многим въздержанием и пощениемь изнуряше тѣло свое и съодолѣваще страстемъ, купно же и всѣм съличным четам бѣсовъскым и самому дьяволу не малу язву наложи.

Любим же бѣ и славим от всѣх тамо пребывающих инок и от самого игумена обители тоя за премногое его послушание и кротость и смирение; от всѣх почитаем бяше яко быти ему образ всѣм тамо пребывающим въ всѣх добродѣтелех и исправлениих житиа. И начат стужати си, глаголя: «Славу от человекь приемлюще, а славы, яже от единого Бога, не ищете».[5] Многа бо лѣта имый в манастыри оном и тщася в лучшия преходити[6] житием блаженый Саватие — по глаголещему пророку: «въсхожениа в сердци си полагая юдоль плачевну на мѣсте, идеже положи, ибо благословение дасть Закон Даяй, и пойдут от силы в силу».[7]

Начатъ же молити игумена живущими ту братиями и собою, дабы отпущенъ был съ благословением. Слышал бо бѣ от нѣкых пришелцевъ, глаголющих сице: «Есть озеро в Ноугородцкой области, глаголемо Ладожьское, и на том озере — остров, рекомый Валам.[8] На островѣ же томь бяше манастырь Господа нашего Исус Христа Преображение. И тамо иноци имуще неослабно житие, тружающеся и дѣлающе своими руками, и от таковаго труда пищу нужную приимаху, пѣниа же и молитвы беспрестани к Богу приносяще». От слуха же того увѣрився раб Божий Саватие и много в желание боголюбно таковаго помысла прииде во еже быти ему тамо.

Не по мнозѣ же времени и получи желание свое. По нѣкоему Божию смотрению прииде в манастырь онъ, рекомый Святаго Спаса иже на Валамѣ, и приатъ бысть игуменом и братиею манастыря того. Пребываше же ту съ братиею, тружаяся и къ трудом труды прилагааше; и бѣ любим всѣми. И пребыв тамо немало время и добрѣ устрояя заповѣданныя ему службы въ обители той съ всяцем смирениемъ и многим терпѣнием и кротостию зѣлною. Не довлѣ бо ему таковаго труда

подвига еже изнурити тѣло и весма плоть поработити духу. Истнив бо сию до конца, жилище явися Святаго Духа.

Видѣвъ же игумен и братиа обители тоя в таковѣм устроении толика времени неуклонно въ трудѣх пребывающа и тако дивишася и рѣша в себѣ: «Что убо сътворим, яко видим тако сего подвизающася, а ничтоже вѣщающа, но съ всяцѣм тщанием зѣло, яко раб нѣкий без искупа работаша здѣ без всякого прекословиа. Воистинну раб есть Божий и велик дѣлатель заповедей Его».

Внят же се слухом словеса сиа блаженый Саватие и тяжко вмѣнив, бѣ бо отнюдь ненавидя похвалы человеческыя. И рече к себѣ: «Что сътворю? Которому разумѣнию вдамся? Азъ бо за грѣхи моя предах себе прародителска осуждениа, иже в раи. Сам бо Владыко Христос нам сей образ положи и подписание: богат сый нас ради обнища, да мы его нищетою обогатимся.[9] Сиа повелѣниа и заповеди его, ихъ же подобааше хранити яко же мощно, рече бо пречистыми своими усты: „Иже кто хощет по Мнѣ ити, да възмет крестъ свой и послѣдует Мнѣ”.[10] Лучше ми есть отлучитися от пребываниа мѣста сего, нежели честь приимати и похвалы и покой подобных мнѣ человѣк — и всуе труд мой будет, да никако тѣло изнурив мъзды лешен буду!» Не бо можашѣ град укрытися верху горы стоя,[11] но зрим бяше от всѣх, сице и добродѣтелных мужий богоугодное житие не возможет утаитися; въпиют к Господу втайне, и Бог творит тех явленны, рече бо: «Славящая Мя прославлю».[12]

Снѣдааше же ся утробою блаженный Саватие, видя себе почитаема от игумена и всей братии, и помышляаше безмолвиа путь гонити. Слышал бо бѣ от живущих ту о островѣ, рѣкомѣм Соловкы, в мори акиана сказовашеся. Отстоит же от земли яко два дни шествиа имяше. Глаголют, округ его яко верстъ сто или множае, а вдоль биаше острова того яко тридесять верстъ. Имяше же посреди себе езера многи, и рыбы разны образы множество в них беху по родом ихъ, а не морьскыя. А иже в мори округ его ловитвы рыб, то бѣху морьскыя рыбы. Преплаваху же с брега морьскаго населници ловитвы ради рыбныя и звъри морьскаго ловци, кождо их с добытки отхождаху в домы своя. Островъ же той древесы разными цвѣтяше и бориемъ верси горам покровени, и по раздолиамъ всяко древеса имяше и ягодичиа многа разны бяху, и сосниа древеса велиа бяху к созиданию храмов — и на вся потребы благоустроен бѣ. Есть же доброугоден к сожитию человеческому по всему, въ еже хотящим пребывати тамо.

Преподобный же Саватие, слышав сиа, сердечною уязвися безмолвиа любовнию, въ еже ити ему тамо, поминая в себѣ речениа псаломская: «Се удалихся бѣгая и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающаго мя».[13] И начат с молением проситися у игумена и всей братии, да его бы съ благословением отпустили на взыскание острова того. Сим же нимало послабѣвшим приати оного моление, не въсхотѣша пустити его ради добродѣтелнаго житиа, поразумѣша бо о нем, яко истинен раб Божии есть, образом и дѣлом превелик устав сим проувидѣся, сего ради немалу тщету себѣ вмѣняху быти отшествие праведнаго. Сему же сердцемъ распалающуся поити в желаемое мѣсто, Богом изволеный

покой, и рещи съ Давыдомъ: «Сей покой мой, здѣ вселюся, обратися душа моя в покой твой, яко благоизволи тебѣ Богъ».[14] И пребысть еще мало нѣкое время и помышляаше в себѣ, како бы ему достигнути остров он.

Но понеже не возможе умолити игумена и братии обители тоя, дабы его отпустили съ молитвою и благословениемъ, но възложи себе на Божию волю, рекъ: «Якоже годѣ Господеви, тако и буди, благословено имя Господне отнынѣ и до вѣка». И знаменася крестным знамением, глаголя: «Господи Исусе Христе Боже, Сыне и Слово Отчее, родивыйся от Отца превечна прежде всѣх векъ и послѣжде от Пречистыя Девы Богородица въплотися непреложно, неизреченно рожество имѣя на небеси, горѣ, и несказанно на земли сшествие! Владыко, не пришел еси спасти спасаемых, но призвати грѣшных в покаяние![15] Настави мя, Господи, на путь, в онже пойду, яко к тебѣвзяхдушу мою,[16] и спася мя, уповающаго на Тя!»[17] И тако утаився от всѣх, нощию изыде из манастыря, нося молитвы отеческыя, възложив себе на Божию волю. Историжеся якоже птица от пругла и яко серна от тенета,[18] — и рад бысть зѣло.

И тако изыде блаженый Саватие, распалаем любовию безмолвиа, начат гонити шествие долгаго пути; бяше бо разстояние от Валамскаго манастыря до брега морьскаго яко седмьсот версть или и множае. Шествуя, Богу помогающу, храним бѣ действом Святаго Духа и направляем даже и до моря благодатию Христовою.

И начат въпрашати живущих ту близ моря о состоянии мѣсту и колико отстоит от брега в мори Соловецской остров. Начаша же ему повѣдати населници мѣстнии, иже прямо острова того живущеи, есть убо остров той в мори отстояй от брега не близ суще, но яко двѣма деньма въ благолучныи вѣтри едва достизают в плавании. Блаженому же Саватию съ многым прилѣжаниемь въпрашающу их подробну: каков величеством и о древесѣх и о сладкыхъ водах и о всяком устроении.

Они же жителие поразумѣша мысль блаженнаго, что ради толико прилѣжно въпрашаеть, яко хощеть тамо вселитися. Рѣша же к нему: «О старче, остров онъ велик есть и всяческы угоден ко устроению человечьскаго житиа имать быти. Мнози бо от мног лѣт тамо вселитися хотѣша и невозмогоша людие сожительствовати страхованиа ради морскыа нужда». Друзии же глаголаху: «Еще тя зримь, о мнише, въ всяцемъ убожествѣ и нищетѣ, то чим имаши питатися или одежда имѣти?» В сицевых сѣдинах многолѣтных бяше, яко ничтоже могыи тружатися, еже хотяше быти ко устроению человечьскаго житиа, а страна сиа хладна бѣяше. Рече же преподобный Саватие: «Азъ убо, о чада, такова имам владыку, Христа Сына Божиа, укрѣпляющаго мя, естество старости юностно творяща и младенцам до старости съвръшеный возрастъ подающа, убогих обогащающа, алчныа насыщающа, нагиа одѣюща. Всевѣдець бо есть всѣм, вся строя на ползу боящимся Его и хранящим заповеди Его. Нѣкогда бо ему пятью хлѣб 5000 народа насытившу,[19] развѣ жен, и дванадесять кошниць укрух избытка ученикомъ събравшем. И пакы седмью хлѣб 4000

насытившу[20] — и седмь кошниць взяша; иногда воду вино сътворша».[21]

Человеци же они слышавше глаголемая святым, имущей разум дивляхуся Божию человеколюбию и святаго премудрости учениа, овии же, не имущеи смысла блага, ругахуся и понашахут ему, яко не имущу смысла. Он же наипаче възлюби а и непрестанно глаголя Божия чюдеса. По сих же, помышляа в себѣ реченное Давидомъ: «Възверзи на Господа печаль твою и Той тя препитает в вѣкы»,[22] и сътвори молитву и благословивь их и миръ дав, отиде в путь свой, радуяся, яко обрѣте желаемое.

И прииде на рѣку Выг, мѣсто бо наричемо Сорока.[23] Ту бо бяше храм молитвеный, завомый чясовня. И обрѣте тамо нѣкоего мниха, выше мененаго, именем Германа, бяше бо сей родом корѣлскых людей. И сътворше молитву, сѣдоста. Начат же его блаженый въпрашати с тихостию о мѣсте острова оного и о шествии путном къ острову. Герман же повѣда ему все извѣстно, якоже и прежнии и яко самовидец бяше острова того. И съвѣт сътвориша не токмо допроводити его тамо, но и съжителствовати с ним на островѣ Соловецком.

И по малѣ времени начаста путное шествие творити по морю, сѣдши въ малу ладиицу, иже глаголеться карбас,[24] и по Божию смотрению плаванию бывшу благополучну, Богу съхраняющу своих раб. И въ третий день достигоша острова Соловецского. Блаженый же Саватие възрадовася радостию виликою, яко не презрѣ Богъ молениа его!

Изыдоста на сухо и ту поставиша шатеръ; и сътворша молитву, въдрузиста крестъ на мѣсте том, идеже достигоша пристанища. И начаста шествовати по острову смотряюще сѣмо и овамо, гдѣ бы хижица въдрузити себѣ къ упокоению. Видѣвше же мѣсто нѣкое стройно и начаста здати кѣлиа себѣ близ езера, малым отстояща от моря яко поприще едино. Бѣ же над езером тѣм гора превысока зѣло.[25]

Рабъ же Божий Саватие с подругом си Германом начаста здати кѣлиа себѣ близ моря и езера — и съвершиста въскоре благодатию Христовою. Начат же преподобный усердно кь трудом труды прилагати, разжегся теплотою духа, яко желание сердца своего получив, и радуяся. К вышним умъ свой вперяя,[26] плоть духови повинуя, вдаваашеся на всенощная стояниа и молитвы беспрестанныя, поучаяся присно въ псалмѣх и пѣниих духовных, поя Господеви въ сердци своем:[27] «На тя бо, Господи, упова душа моя,[28] и помощник ми бысть».[29]

И тако тружахуся с подругом своим Германом, землю копающе мотыками, и тѣм питахуся. Нужную пищу приимаху и «в поте лица, по глаголющему, снѣдааху хлѣб свой».[30] И бѣ Богъ питая их съ множѣм обилием.

Увидѣвши же то мужие живущеи по брегу моря, яко вселишася иноци на остров Соловецскый; и населници прямо острова того начаша завидѣти им и восхотѣста изгнати их со острова, глаголюще сице: «Мы паче ближае всѣх земля Корѣлскыя сроднии наслѣдници острова сего.

Начнем имѣти в наслѣдие по отечеству себѣ и чадом нашим и въ прочаа лѣта родов наших, а сих пришелцев изгоним от мѣста того». И съвѣщавшеся, послаша единого от житель корѣлскых людей с женою и чады.

Той же прииде на остров по съвѣщанию съсѣд своих; и начаста здати храмы, яко же бы мощно житие имѣти, и по езером начаша ловити рыбы. Преподобному же Саватию не вѣдущу тѣхъ пришествиа на остров, ни подругу его Герману.

Прилучи же ся в день воскресениа, дни свитающу, святому же поющу заутренюю и въ время исшедшу ему ис кѣлиа покадити Честный Крестъ, иже и бѣ въдрузилъ близъ кѣлия своея поклонениа ради,[31] и слыша глас и вопль велик вопиющь, моляся. И бысть въ удивлении и в ужасѣ от гласа вопля того, и възва Германа ис кѣлиа, рече: «Что, яко слышу глас вопля человеческаго?» Он же рече: «Откуда бѣ таковый глас слышашеся, а не имущим жития человеком, развѣ нас?» И знаменавшеся крестным знамениемъ, отидоша в кѣлию, дивяшеся глаголаху: «Что се бысть? Откуду бѣ таковъ гласъ?» И кончаста утренюю, сътворша молитву. Гласу же паки болма слышащуся. Германъ же приимъ благословение от святаго и поиде на глас той.

Пришедшу же ему, обрѣте жену лежащу и плачющу с воплем. Герман же въпрашаше вины плача ея: «Что ти бысть, жено, почто плачеши кричащи?» Она же съ многым въсклицаниемь начат повѣдати, сице глаголющи: «Господине отче! Идущу ми на езеро к мужу своему, и срътоста мя два юноши страшна образом свътла зѣло и начаста мя бити дубци, глаголюще: „Изыдета скоро от острава сего, вам бо не достоит жити зде! Но благоволи Богъ на пребывание иноческого чина устроену быти мѣсту сему! Вы же скорѣе отидете отсуду, да не како злою смертию погыбнете! Сие же мѣсто иноческое жительство будеть отселѣ, да съберутся ту множество иноческых чина, и да прославляеться от них имя Божие на мѣсте семь, и храм во имя Исусъ Христа възъдвигнется!” И тако невидима быша».

Герман же, слышав сие, отиде от неа, скоро възвратися кь старцу Саватию и сказавъ ему вся пореду, еже слыша. И тако поразумѣша от Бога хотящую быти благодать на острове том. И от того времене никтоже смѣя дерзнути от человекъ мирьскых приближатися ко острову тому жити. Преподобный же, слышав от Германа, въстав, прослезися и съкрушеным сердцемь общу хвалу въздаша Господеви и Пречистѣй Его Матери съ многым благодарением. Начаша жити на мѣсте том въ всяцех трудѣх и злостраданиих мнозех.

По лѣтех же нѣколикых Герману обычное благословение испросившу от святаго, еже отити на брег моря и на Онѣгу рѣку нѣкыя ради потребы. И тамо отшед, умедли. Старцу же Саватию единому оставшу на островѣ и пребывающу много времени. И сперва убо мыслию поскорбѣ о отшествии Германовѣ, и по сих нача болма простиратися на подвиг и, слезами на всяк день постелю омокая, псаломскы рече: «Господи, Боже мой, на Тя уповах, спаси мя![32] Яко к Тебѣ взях душю мою[33] от

юности моея, и не лиши мене, от мног лѣт въжделѣвша мѣста сего святаго!»

Видевшие же нечистии дуси себе утѣсняеми и страдалца крѣпко оружием крестным утвердившася, начаша досады многы и страшилища творити и сподвигошася на нь всею силою. Приидоша, воображахуся овии въ змиа, инии же в различныа звѣря дивия, поглотити хотяше. Святый же оградився крестным знамением и начатъ пѣти: «Да въскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его!»[34] И скончавъ весь псаломъ, и тако вси лукавых козни без вести быша. И тако святый пребысть без вреда, день же и нощь всегда пребываа в молитвах безпрестани.

Герману же пришедшу на осень къ брегу морьскому, хотящу шествиа творити на остров Соловецькый, и не возможе, бѣ бо воздухъ хладен, и вѣтри противни, и снѣговѣ мнози, и бяше въ мори велико волнение. И пакы възвратися на Онѣгу озимѣти. Въ второе же лѣто хотяше ити в путь свой взыскати старца, и бѣ обиять болезнию на многа времена, и пакы не возможе шествовати, к нему же желааше.

Преподобный же Саватий, стоя на обычном своем правиле[35] и единъ къ единому Богови бесѣдуа в молитвах, и прием извѣщение от Бога, еже отрешитися съюзъ плотскых и отити к Господу, егоже от юности въжделѣ. И начатъ молитися, сице глаголя: «Господи Боже, Вседръжителю, услыши мя, Человеколюбче, не презри молитву недостойнаго раба своего! Сподоби мя быти причастника Пречистых и Животворящих Тайнъ Пречистаго Ти Тѣла и Всечестныа Крове Твоея, Господа моего Исуса Христа, юже нас ради пролия! Понеже бо много времена лишен бых сего сладкого просвѣщениа, якоже с Валаама изыдох и пребых во островѣ сем».

Святый же по молитвѣ изыде на брег острова к морю и обрѣте карбас на брезе съ всяцемь устроением, якоже мощно быти плаванию. И уразумъв бывшее Божие смотрение, не възвратися в кѣлью, но сѣде в карбас, поиде шествие творя по морю, аможе Богъ наставит й обрѣсти желаемое.

Бывшу же стройну плаванию: бысть в мори тишина велиа, вѣтру тонку дыхающу. Блаженый же моляшеся, глаголя: «О Владыко, Ты утвердил еси силою твоею море,[36] възмущение же волны его Ты укращаеши».[37] И тако сохраняемъ Божьею благодатию, въскорѣ преплу пучину морскую, яко единем днем, на Выгънаволокъ.[38] И обрѣтѣ ту игумена именем Нафонаила[39] на Выгу-рѣцѣ у часовни, пришедше тамо посещения ради православных християн. И яко узрѣ его блаженый Саватие, возрадовася духом и рече: «Величит душа моя Господа,[40] яко на презрѣ молениа моего Благыи!» И, сотворше молитву, лобызааше друг друга святым целованием, и един от единого просяше благословения. Посем рече преподобный Саватие: «Подобает убо тебѣ, о священный отче, благословити наше смирение, понеже сподобися просвещениа благодати Святаго Духа, приимь великый чинъ священьства вязати и рѣшати согрѣшающая,[41] ими же и нашу худость просвѣтити и направити к Божиим повелѣнием и святых заповедей хранению».

Поразумѣв же игуменъ Нафонаилъ Божиа раба суща старца и рече: «Кто ты еси, отче? И откуду? И камо идеши?» Отвѣщав же, блаженныи рече к нему: «Азъ, о отче святый, многрѣшный Саватие нарицаюся, живях в нѣкоем островов сих морьскых, страны сея имый пребывание. И пребых нѣколико лѣт, работаа Господеви. И имѣх с собою брата именем Германа, и се второе лѣто, якоже отиде от мене со острова, и не вѣм, что случися ему. Аз же, грѣшный, молих Господа Бога о сем, да мя сподобить Пречистых Тайнъ причастия, поразумех бо, яко ошествие мое приближися, и не вѣм дне скончаниа моего. И се Божья благодать настави мя приити до тебе. И нынѣ молю свою святость, да отимеши грѣхы моя от мене честнымь исповѣданием. И аще Богъ благоволит и твое священьство, да мя сподобиши быти причастника Святых и Животворящих Тайнъ Пречистаго Тѣла и Честныа Крови Владыкы Христа и Бога моего, от много бо лѣт желаю напитатися душепитателною сею пищею! Нынѣ же человеколюбець Богъ объяви ми твое боголюбье чистителя душам и врача, да оцестиши мя от согрѣшениих, яже согреших от юности моеа, словом и дѣлом и помышлением, отнележе родихся, даже и доднесь».

И отвѣща игумен преподобному Саватию: «Богъ да простит ти, отче святый, мною, недостойным рабом своим!» И на небо возведе очи свои, глаголаше: «О колико имать Господь съкровеных рабъ, имьже не бѣ достоинъ весь мир!»[42] И надолзѣ стоя, дивяся, взирая к преподобному и съ слезами глаголаше: «Да бых аз имѣл грѣхы твоя, отче, въ оцищение моего недостоинъства!»

И намнозѣ рад бых игуменъ, яко видению блаженаго Саватиа сподобися и слышав от него богодухновеная словеса. Бѣ бо многа слава о немъ добродѣтелнаго ради житиа его. Тогда глагола преподобный къ игумену: «Отче святый, время уже настоит: концу приближающуся моего житиа; молюся твоей святыни, да подаси ми комкание пречистаго бисера — Тѣла и Крове Господа нашего Исуса Христа! Да не умедлиши нимало!»

Игумен же глагола ему тако: «Да идеши ты, господи мой Саватие, на Выг-рѣку к часовнѣ и пождеши мене. Аз же скоро заутра възвращюся к тебѣ». И прииде бо в то время нѣкый человекь по игумена от населных тамо живущих, сказуа человека тяжка боляща и желающа отца духовнаго. Блаженый же Саватие глагола ему яже о себѣ: «Како же убо, отче духовный, не отлагай до заутра въ еже сподобити мене Божественных Тайнъ причастия! Не убо вѣмы, аще съберемь духа от въздуха дыханиа до заутра». Прорече же й исхождение свое. «А иже payечеши ми на Выг-реку к часовнѣ, иду, а по сих сключившихся, не вем, что будеть, понеже сила моя в немощи совершается».[43]

Игуменъ же познает раба Божиа; и слышавъ извѣстно от него о исшествии ис телесе и том часѣ причасти его Пречистых и Животворящих Тайн Тела и Крове Христа Бога нашего. И давъ ему целование, отпусти и рекъ: «Молю, рабе Божии, да пождеши мя при часовне на Выгу». Святый же отвеща: «Аще Богъ повелит, всяко имамь преждати тя при часовне, — якоже тъи самь рече Владыка Христос: „Небо и земля мимоидеть, а словеса моя не преидут"».[44] Игумен же

отоиде на присѣщение болнаго оного, егоже прежде рекохом, и тщашеся скоро возвратись къ блаженому.

Саватие же прииде на реченое от Бога мѣсто на Выг к часовне, и радостию великою возрадовася, яко сподобися Пречестных Тайнъ причастия. И вшед в часовню, помолився на мног час, хвалу възсылая Господеви и Его Пречистѣй Матери Богородици. И отоиде в кѣльицу, затвори себѣ, и тамо молитвы безпрестани въздая Богови, готовляшеся к вѣчному шествию.

В то же время прииде нѣкый купець из Новаграда, иды в насадѣ,[45] именем Иоаннь. И пришед из насада, вниде в часовню поклонениа ради святых иконъ — образа Господа нашего Исуса Христа и Пречистыа Его Матере и иных святых икон, обрѣтшихся тамо. И прииде в кѣлью блаженнаго Саватиа, въсхотѣ благословитися от него. Старець же отверзъ двѣри кѣлиа и приат его.

Муж же той боголюбив сый, и бѣ богатство имѣя много, и рабы, и рабыня, и принесе милостыня. Старець же не въсхотѣ взяти. Купець же много молив старца, дабы что взял от руку его: одежда или пища, или сребреница. И отречеся блаженый, едино рек ему: «Аще хощеши творити милостыня, то имате требующих». И поучив его доволно о милостини, о любви и цѣломудрии, и о милосердии домочадець, и о заступлении вдовиць и сиротах, и о прочей ползи душевнѣй — и благословивъ, отпусти и́.

Иоан же отиде, зѣло скорбя о сем, яко не приятъ от него святый ничтоже, и тщету велию вмѣнив си, бѣ бо любя иноческы чинъ. Блаженый же проувидѣвъ о сем, что ради прискорбен бысть, и възва и́, глаголя: «Не скорби, чадо Иоанне, но послушай мене. Препочи на брезе до утра — и узриши благодать Божию быти хотящую. И въ утреи безтрудным плаванием отидеши в путь свой».

И по малѣм времени бысть буря велиа, и громи, и молния, и трус велик бысть в мори и в рецѣ чрез всю нощь. Иоанн же, видѣвъ пременение въздуха, и волнение морьское и рѣчное устремление, по пророчеству старца, и ужасеся зѣло: восхотѣв бо ити и не возможе. И, приимъ благословение старче, отиде в шатеръ свой и препочи в нощи ту.

Святый же беспрестани поя и моляся всю нощь, исходныа молитвы всылаа ко Владыцѣ Христу. И кадилницу въсприимъ, и фимиянъ на углие възложи, и отшед в часовню. И тамо доволно молитвовав, отиде в келью. И покадивъ святыа иконы, съвершив молитвы Господеви, и поне вмале изнеможе, и седе на обычном мѣсте келия, кадильницу же особь по странѣ себе постави. И руцѣ въздвигь горѣ, и рече: «Господи, в руцѣ Твои предаю духъ мой».[46] И тако предасть блаженую свою душу в руцѣ Божии, и в безславии славы о Бозѣ словый славне изыде.[47]

Утру же бывшу, въздух на тихость преложися и свѣтлость солнечная въсия. Прииде Иоаннъ в часовню поклонитися образом святых икон, и по сем къ келии приходить преподобнаго, хотя от него благословениа прияти и отити в путь свой. И сътворь молитву, и не бысть гласа.[48] И

пакы сътворивъ молитву, не бѣ гласа ни послушаниа.[49] И бѣ толкый вь двери — и отверзошася. Он же, сотворь молитву, вниде в кѣлью — и слыша велие благовоние, а святаго сѣдяща, и ужасеся, мня его жива суща. И глагола к старцу: «Отдай же ми, отче честный, яко дерзностнѣ внидохъ к тебѣ, многою вѣрою обьдержим кь твоей святости, понеже не смѣю отити в путь свой не приим благословениа от тебе». И стояше пред святым, а отвѣта никоегоже слыша от него.

В мантии[50] бо и куколѣ[51] сѣдяше блаженый, и кадилница стояше въскраи его. Келия же бѣ исполнь благоуханиа неизреченаго. И приступль, рече: «Благослови, отче Саватие, к путному шествию раба своего». Та же приник и видѣв его о Господѣ скончавшася.

И стоя помышляя, в себѣ глаголаше, взирая ко образу Господня иконы: «О Владыко Господи,что сотворю? Которому разумѣнию вдамся? Аще оставлю мощи преподобнаго сего без управлениа, то боюся, Милостиве, а прикоснутися не смѣю святаго телеси его недостойныма рукама своима, да некако что бѣдно постражу за недостоинъство мое!» И помену в себѣ слово Господне, глаголюща кровоточивѣй: «Вѣра твоя спасеть тя».[52] И дерзнув с вѣрою велиею, приступив, взять и, възложи на рамѣ свои, яко легкый ерем Христовъ,[53] отнесе и положи посреде часовни и, лобзавь со слезами, изыде.

И в той час прииде игумен Нафанаил к чясовнѣ. Изьявил бо бяше преподобный исход свой от телесе тогда, егда комкаше от руку его Пречистых Тайн Тѣла и Крове Господа нашего Исусъ Христа! И облобызав честныя мощи со слезами, и начат въпрашати купца о преставлении святаго. Он же сказав вся извѣстно о блаженнѣм: како прииде прежде еще ему живу сущу; и о всѣх полезных богодуховных словес, яже наказая и́ учише; и о хотящем быти наказании от Господа — въздуха пременении — како прорече; и како виде его и по преставлении сѣдяще, яко жива.

Игумен же въздохнувъ из глубины сердца, рече: «Слава тебѣ, Боже, прославляющему святых своих!»[54] И тако, съ псалмы и пѣснми, честнѣ погребоша святыя мощи преподобнаго Саватия, вдавше персть персти, месяца септеврия в 27,[55] славяще Христа Бога.

По погребении же преподобнаго сѣдоста оба вкупѣ, Иоан же и игумен, и рече игумен: «Вѣси ли, Иване, какыя благодати сподобихомься от владыкы Христа, такова свята мужа послужихом погребению?» И начатъ повѣдати ему о житии святаго на островѣ и о пришествии со острова, како единъ по морю плавание творя, и яже слыше от устъ блаженаго. Онъ же начат дивитися, глаголя: «Въистинну, господине отче, мене недостойнаго много наказа от Божественых Писании, како жити подобает православному християнину и имѣти чистоту и цѣломудрие и милость к ближнему; и како прорече ми святая уста его хотящее быти божие наказание и человеколюбие? И аще бых увѣдѣлъ честное его преставление, то никакоже бых отступил от кѣлья сея! Но и о семь благодарю всемилостиваго Бога, яко сподоби мя видети преставльшася земнаго аггела, а небеснаго человека яко жива сѣдяща,

и по преставлении, отнести в часовню честныя и трудолюбныя его мощи!» И дасть игумену милостыню доволну.

И тако, чюдящеся, воздаша хвалу Богови, творящему дивная чюдеса святыми своими угодникы, «ихже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце любострастнаго не взыде, яже уготова Богъ любящимь Его».[56]

И разыдошася кождо восвоя, носящи яко съкровище многоцѣнно[57] в домы своя молитвы святаго Саватиа, славяще святую Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и в вѣки вѣком. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ И ОТЧЯСТИ ЧЮДЕС ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО ИГУМЕНА ЗОСИМЫ, НАЧЯЛНИКА СОЛОВЕЦЬСКЫЯ ОБИТЕЛИ, И О ПРИШЕСТВИИ ЕГО НА ОСТРОВЪ СОЛОВЕЦСКЫЙ, И О ЗАЧЯЛѢ МОНАСТЫРЯ ТОГО

Благослови отче!

По преставлении же блаженнаго Саватиа минувшу единому лѣту,[58] хотя Человеколюбец Богъ въздвигнути мѣсто оно, да в незабвении труди угодника его изъостанут. И въсхотѣ болма прославити, идѣже преподобный Саватий лѣта многа препроводивь[59] житиемь чюдным и трудолюбным пребываниемь въ островѣ Соловецком, якоже преди речеся, по аггельскому речению яже рекоша к женѣ: «Сие мѣсто благоволи Богъ селение иноческаго жития быти». И тако судбамъ Божиимъ изволися и молитвами присвятыа Богородица въздвигнути мѣсто то.

Бѣ нѣкый муж от тамо живущих, в веси Шунга[60] нарицаемо, именем Зосима. Сьй бяше благочестиву и богату родителю сынъ,[61] и измлада възраста нравъ имѣя аггелъ, дѣтьскых глумлений ошаяшеся отнюд. Прежде бо бѣста родителя его имуща житие в Великом Новѣгородѣ, и тако вселистася въ оной веси близъ моря. Ту убо хотяста житие имѣти — яко двѣстѣ верстъ от моря или множае, тамо бо хотяше Богъ прославити угодника своего.

Тъй отвержеся мира и бысть мних.[62] И желааше мѣста пустыннаго, еже уединитися и единъ единому Богу бесѣдовати въ молитвах, «якоже желает елень на источникы водныя».[63] И помышляаше в себѣ, глаголя: «Како азъ и еще сыи исполу, вмалѣ отвержение мира сътворих — словом, писано есть: „не словесемь отвержения мьзды даются, но дѣлателем”,[64] а „не послушници закона спасаються, но творци”.[65] Родителем всегда пред очима моима и всѣм ближникомь по плоти, другом же и знаемым, и съобращаяся посреди их, — что же есть мое отвержение от мира? Писано бо есть: „Не любите мира и яже в нем”,[66] не бо есть мощно единѣм окомь зрѣти на небо, а другимь на землю,[67] ни пакы „единому рабу двѣма господинома работати, любо единаго възлюбит, а другаго възненавидит, или единаго держится, а о друзѣм же нерадити начнеть, сирѣч, Богу работати и мамонѣ”».[68] Сия помышляющу рабу Божию Зосимѣ всегда вь сердци своемь — и разгараашеся на любовь Божию по вся дни и нощи, како бы отлучитися

от мира, и прилагаше любовь к любви и огнь ко огню и искаше спомогающаго ему въ духовный подвиг.

Таже по малѣ времени по Божию смотрению прилучися обрѣсти Зосимѣ прежереченнаго раба Божия старца Германа, иже бѣ преже съжительствовавый съ блаженным Саватием на томъ Соловецком островѣ. И начаста бесѣдовати к себѣ духовнѣ друг къ другу. Герман же начат повѣдати ему о блаженнѣм Саватии: како подвизася въ островѣ Соловецком, и како, ему отшедшю съ острова, блаженый подвиг течения съвершивъ на брезѣ морстѣмь.

Зосима же, слышав бесѣду о святѣм и о состоянии острова и угодных мѣстех къ устрою манастыря: иже дѣлныя земля, и древа к създанию храмов, и многы езера с рыбами, и морских рыбъ ловитвы — и слышав сие Зосима от Германа, радовашеся духомь, и рече в себѣ, очи возвед на небо, глаголя: «Господи, Владыко Человеколюбче, постави мя на путь, в он же пойду,[69] и како спасуся, Милостиве!» И тако просвѣтишася ему очи сердечнѣи;[70] начат съвѣтъ творити о путном шестьвии по морю с Германом, како бы достигнути Соловецкаго острова. Рече к Герману: «Давидъ Богоотець[71] в пѣснех рече: „Въпроси бо, рече, отца твоего — и възвѣстит тебѣ, и старца твоя — и рекут тебѣ”»;[72] и открываше Зосима Герману тайная сердца своего, не бо терпяше скрытися Божия велѣния съкровище; яже Богъ благоволи, сих человекъ преложити не можеть. Понеже бо яко огнь възгорѣся вь сердци блаженнаго Зосимы от великаго желания. И тако съ многим тщаниемъ устраяетъ к морю хотящаго ему путнаго шествия. Съвосприемлеть же с собою и Германа и вся потребная ко устрою мѣстному.

В та же времяна отець его, болѣзнию огненою обьятъ быв, отиде к Господу. Мати же его оста вдовьствующи. Он же съ многыми слезами и псалмопѣнием честнѣ погребе отца своего, — и приходит в дом отчий, съвѣщая съвѣтъ благъ своей родителници, глаголющи ей: «Госпоже моя мати, Богу тако изволившу — твоего супруга, а моего отца отшествие. Богу изволившу тако. Не вся ли прах, не все ли пепелъ?»[73] Она же, повинувшися всей быти воли его, рече: «Якоже повелиши, чадо, никако же преслушаю тебе ни в чем же». И тако блаженый съвѣщавает оставити дом и имѣние, отити тамо близ сущи девическый манастырь и прияти великий аггельскый образ. Мати же, все сътворив по воли его, отиде в манастырь и вся остави, якоже годѣ бысть ему. И тако блаженный, расточив вся имѣния своя убогим и родитель своих вся жителства домовная раздавъ нищим, рабы же и рабыня вся свободи и достойную часть имѣния подадѣ им. Сам же на предняя подвигы възвращается, пакы второе отвержение мира сътворяет[74] (первѣе — родителей и сродникъ по плоти, пища и всѣх красных мира): рода и отечества и всѣх знаемых удаление.[75]

И приходить на прежереченное мѣсто к Герману и, вся устроивъ к морскому плаванию, таже пути касаются, по морю шествие творяще. И тако, Божиим строением, вѣтру пособну дыхающу, въ вторый день достизаютъ острова Соловецскаго. И поставиша карбасъ въ пристанищи, сам же въсходить на островь с Германом предиреченым. И начатъ блаженый Зосима обходити мѣста острова того, помышляаше в

себѣ, гдѣ бы на коемь мѣстѣ манастырю здатися подобно, аще Богъ изволить и Пречистая Богородица. Обрѣте же мѣсто ко устроению, доволно на вмѣщение обители и зѣло изрядно и прекрасно, да и езеро близ над моремъ, яко единѣм стрѣлениемь вдалѣе, и пристанище моря тихо и невлаемо.[76] Ту бо бѣ и ловитва рыбамъ морьскым. И на том мѣсте поставиша шатеръ свой и в нем пребыша, всю нощь бдяще и молящеся, поюще псаломьская пнѣния съ многою вѣрою къ Христу Богу и Пречистѣй Его Матери и всею духовною любовию друг къ другу.

Утру же бывшу, изшедшу блаженному Зосимѣ из шатра, явльшуся ему нѣкоему страшну видѣнию: лучю пресвѣтлу, просвѣщающу его, и осиянию Божественому осиявшу мѣсто оно. И ужас нападе на нь от таковаго видѣния; и зрит кь востоку церковь превелику зѣло, пречюдну, простерту на воздусѣ стоящу. И от таковаго видѣния страшнаго измѣнися образом, и прииде кь Герману, и начатъ повѣдати видѣние.

Он же възрѣвъ на нь, и видѣ измѣнена лицемъ, и поразумѣ, понеже тъй мудръ бѣ и искусенъ от многолѣтнаго чернечества и добраго жития. И въпроси его: «Что ти бысть, о любимый? Егда что приключи ти ся, или зрак, или вид нѣкый възмяте сердце и душю твою?» Зосима же изрече ему все подробну: яже видѣ неизреченный он свѣтъ и церковь прекрасну. Герман же ражжеся духомь и рече: «Дерзай, любимый, тебе убо благоволи Богъ на место сие! То же и азъ реку ти: о бывшем чюдеси, яже и преже повѣдах ти, при блаженѣмь Саватии бывшее. Аггеломь Божиим изгнавшим из мѣста сего рыболовца и жену едину казнившим дубци. „Изыдѣта, рече, скоро отсюду, да не злою смертию умрета; се мѣсто острова в наслѣдие будет иноческаго пребывания". И се уже речение аггельско по малѣ времени всяко хощеть испольнитися. Рече бо сам владыка Христос: „Небо и земля преидет, словеса же Моя не преидуть".[77] Показа бо древле Богъ скынии образ в пустыни Моисѣови,[78] тако и тебѣ на мѣстѣ семъ яви страшное видение; се тобою имать въздвигнути мѣсто сие».

И сия Герману рекшю кь блаженному Зосимѣ, укрѣпив и́ на подвигъ и дерзостна сътвори его. И тако устремися на подвиг, телесный и духовный: телесьнѣй убо еже о здании манастыря неотложно, кь духовным же — еже на невидимыя врагы въоружатися постомь и молитвами. И укрѣпляшеся от Германа и наипаче же от Бога, дающаго помощь рабом своим побѣдити съпостаты. И помолистася оба вкупѣ, глаголюще сице:

«Господи Исусе Христе, Сыне Божий, Слово безначалнаго Отца, рекый правдивому Аврааму: „Изыди от земля твоея и от дому отца твоего и вселися в землю, юже ти аще покажу, — и тамо реку ти, яже подобаеть творити”,[79] — тако и бысть. Изведыи Иякова от Лавана с женами и дѣтицами и съ имѣниемъ животным многым[80] и сътворивыи его обрѣсти благодать пред Исавом,[81] и преложи его вь язык въ Египтѣ.[82] Иосифа праведнаго положи царя страстемъ и князя всему Египту и пшеницодавца на вселеную.[83] И Моисѣя руководителя и наставника всему Израилю далъ еси, правителя и законодавца.[84] И Аарона пречюднаго жреца сътворилъ еси, служителя законным жертвам.[85] И Исуса Наввина причастодавца съдѣлав земли обѣтования.[86] И Давида

пророка и царя сътвори праведна роду еврѣйскому,[87] и обѣщаниемь с клятвою извѣща ему Христу Господу от сѣмени сѣсти на престолѣ его, на нь же языци уповаютъ,[88] — се убо прииде, ему же щадѣся. О сих всѣх дерзающе и уповающе, молим Тя, всемилостиваго Владыку Христа Бога, да сътвориши на нас по милости твоей, а не по нашего недостоиньства недоумѣнию! Но щедротами человеколюбия твоего направи нас на твоего хотѣния волю, да и мы, немощнии, смирении и недостойнии, сподобимся слышати кроткых глас оного: „Се цѣлъ еси и ктому не съгрешай”,[89] или: „Вѣра твоа спасет тя, иди с миром”.[90] Утверди ны, Господи Владыко Христе, на мѣстѣ семъ прославити имя твое святое — Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и в вѣкы вѣком. Аминь».

И по молитвѣ начаста древеса сѣщи и кѣлия здати.[91] И въскорѣ совершиста благодатию Христовою. И оттоле преподобный Зосима начатъ къ трудом тр*у*ды прилагати, радуяся о Господѣ и «умъ свой к вышнимъ вперяя».[92] Тело убо духови покаряя, вдааше себе на всенощная стояниа, и молитвы беспрестанныя възсылааше к Богу, присно поучаяся в псалмѣхъ и пѣниих духовныхъ, поя Господеви[93] непрестанно, рече: «На тя, Господи, уповахъ, спаси мя[94] по милости твоей! Буди нам помощник на противника нашего дьявола, яко благословенъ еси въ вѣкы! Аминь».

И тако бяху с Германом: копаху землю мотыками и от того питахуся — и «в потѣ лица, по глаголющему, снѣдаху хлѣбъ свой».[95] И Бог бѣ питая их.

По нѣкоему же времени Германъ съвѣщеваетъ съ блаженным Зосимою отити на брег моря къ христолюбивым людем, потребъ ради еже на съзидание обители. И приим молитву, отиде в путь свой на брег. Старцу же Зосимѣ единому оставшу на островѣ. Герману же тамо пребывшу нѣколико времени, и умедли. И пакы на брег моря прииде, въсхотѣ ити къ острову Соловецкому, и не възможе, бѣ бо уже осень, и въздух небесный к стюдению премѣнися, и бяху снѣгове велиции, и волнение морьское неукротимо бѣ, ледовом многым по морю плавающим. И томяшеся с нуждею, хотяаше доити къ острову, и не возможе. И тако Герману озимѣвшю на брезѣ, нѣсть бо мощно никомуже преити къ острову; бѣша бо на мори ледове снѣжнии велици и естество водное неукротимо: преходит сѣмо и онамо съ устремлениемъ, быстряся зѣло. Сие бо и Давидъ пророкъ писа въ Псаломъской книзѣ, глаголя: «Духомъ устъ Его вся сила их, събираа яко мѣхъ воды морьскыя, полагая въ скровищахъ бездны».[96] И пакы море възвращаяся съ устремлениемь, быстряся велми. Такоже и ледове преходят, с водою обращающеся, испроверзая их быстрина и истирая. Да сего ради нѣсть мощно кому преити на островь или со острова.

Блаженному же Зосимѣ единому на островѣ пребывающу. И сперва убо мыслию поскорбѣ о старци Германѣ, потомъ же, възложив упование на Господа Бога, и рече: «Господи Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя![97] Яко „к Тебѣ приверженъ есмь от юности моея и от чрева матере моея!”[98] И нынѣ, Человеколюбче, утверди мя на камени вѣры и неподвижна мя съхрани, яко к Тебѣ взях душю мою! Никогдаже бо

отлучаешися своих рабъ, но присно в них пребывая, Христе, свѣте истинный, не остави мене раба своего, уповающаго на Тя!» И тако начат болших подвигъ касатися и слезами на всяк день постелю омакая,[99] молитвами же и постом и злостраданиемъ тѣло свое удручая, непрестанныя молитвы возсылая Богови.

Видѣвше же бѣси себе поругаемы и изгоняемы от острова молитвами преподобнаго Зосимы, и тако начаша вьоружатися на нь и клопот многъ творити, и сподвигошася на нь всею силою, елико их тамо жилища имяху. Не обрѣтаху бо ся ту живущии человеци на островѣ томъ никогдаже — отнелиже солнце вь небеси до пришествия блаженыхъ Саватия и Зосимы.

Приидоша нечистии дуси на преподобнаго Зосиму, скрегчюще зубы, овии въ змия въображахуся, друзии же в различныя звѣря, и гады, и скоръпия, и ящерица, вся присмыкающаяся по земли. И устремишася вси вкупѣ: змия — зияющи, хотяще ѝ пожрети, звѣрие же — рыкающе, мняшеся растерзати его. Раб же Божий Зосима никакоже убояся, ни усумнѣся онѣх лукавьства и наглости, но вопияше, глаголя: «О вражья грубая немощь, аще прияли есте на мя власть от Бога, то творите еже хощете; аще ли ни, то всуе тружаетеся, мене бо вы от любве Христовы никакоже отлучити възможете».[100] И знаменався непобедимымъ оружиемъ животворящаго креста Господня: «Да въскреснет Богъ, и разыдуться врази Его, и да бѣжат от лица вси ненавидящеи Его, яко исчезает дым, да исчезнут»,[101] — и тако вся вражиа сила без вести бысть. Святый же въздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Боже вѣчный, Царю безначалный, Съдѣтелю всей твари, молю Ти ся азъ, раб твой: Ты еси Царь царем и Господь господемь![102] Ты еси разрѣшитель душам, Ты еси избавитель в Тя вѣрующим! Ты еси упование тружающимся, Ты еси наставник рабом и всѣм уповающим на Тя! Ты еси утѣшитель плачющимся! Ты еси творець тварем, Ты еси любитель всякому добру! Ты еси владыка и съдѣтель всѣмь! Ты еси радость и веселие святых, и живот вѣчный, и свѣт незаходимый! Ты еси источник святыни и сиание славы Бога и Отца прежде всѣх вѣк! Ты еси спаситель миру и исполнение Святаго Духа! Ты сѣдиши одесную Бога и Отца, владыи живыми и мертвыми в бесконечныя вѣкы! Ты убо, Господи Пресвятыи Царю, услыши мя в час сей, недостойннаго, молящагося твоей благости! Не отврати лица твоего от мене, яко скорблю;[103] избави мя от устъ пагубнаго змиа, зияющаго пожрети мя и свести во адъ жива, и всѣх коварствий человекоубийца дьявола! Да, ополченьемь святых Твоих аггелъ съхраняемъ и наставляемъ, достигну въ единство вѣры[104] и в разум единосущныа Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком. Аминь».

И абие словом вся противныя силы без вести быша. И оттоле преподобный Зосима приат власть на нечистыя духы, и не можаху весма никакоже приближитися к нему призраки и мятежными виды своих прелестий. И тако святый пребывая без мятежа и моляся по вся дни и нощи, воздая молитвы своя Господеви.

И по мале времени недостаток бѣ пища; и о сем вмалѣ поусумнѣся помыслом, таже возложи упование на Господа Бога, глаголя в себѣ

псаломскы реченое: «Възверзи на Господа печаль твою, и Тъй тя препитает в вѣкы».[105] И по мале времени, въ един от днии молящуся ему в кѣлии своей, приидоша к нему два мужа свѣтлы зѣло образом, влекуще за собою кережу,[106] полну хлѣбов и мукы и масла. И сътворша молитву, приимше от преподобнаго обычное благословение, и глаголаша ему: «Приими, господине отче, у нас хлѣбы и муку и масло и положи у собя, а мы идем на добыткы на море. И аще будет у тебе недостаток яди, и ты яжь хлѣбы сиа и муку и масло; а мы, аще Богъ повелит, по времени будем у тобе». Старець же, много время алчен пребывая, ожидааше мужий тѣх, и не приидоша. И ураземѣ Божие милосердие, яко се Богомь послано ему, и прославив Человеколюбца Господа о всей милости Его, яко не презрѣ раба своего, уповающаго на Нь.

По времени же, веснѣ приходящи, прииде Герман старец с брега морьскаго, и с ним муж Марко именем, бѣ бо сьй хитръ на рыбную ловитву, имыи с собою морскаго рыбнаго запасу много и иныя запасы, яже бѣ на потребу манастырю; бѣ бо муж на то строен.

Не по мнозе же времени присташа людие къ острову, с ними же бѣ инок именем Феодосие. Сей прииде къ преподобному Зосимѣ, хотяше съжительствовати с ним на островѣ, бяше бо имый священничества чин. Святый же съ усердием приат ѝ, с радостию великою прослави Бога, яко сподоби его съжительствавати съ братиею вкупѣ. И повелѣниемъ преподобнаго сей постризает во иноческый образ предреченнаго Марка и нарицает имя ему Макариа. И по семь мнози прихожаху иноци к нему на остров, хотящеи съжительствовати с ним о Бозѣ. Святый же радостною душею приимаше их и глаголаше: «Владыко Господи, призри с небесе и виждь и посѣти мѣсто сие, еже сътвори десница Твоя».

И начаста древеса сѣщи и кѣлиа здати. По сих же и церквицу малу въздвиже, и трапезку малу по странѣ церкви присъвокупи, — на том мѣсте, идѣже лучю свѣтавидѣ неизреченнаго и церковь на воздусѣ. Церковьже именова во имя Господа нашего Исуса Христа святое Преображение.

Таже съвѣщавает сь братиею и посылает старца в Великий Новград къ пресвященному архиепископу Ионѣ;[107] да въсприимут от него благословение и просят святости церковныа на освящение храма антимиса,[108] да и игумена просити свящати церковь и имѣти попечение о братии. Брат же нѣкый наредяся скоро по благословению святаго и пути касается; и благостройно ему бяше путное шествие по морю и по рекам и по езером, молитвами преподобнаго Зосимы. Въскоре приходит вь пресловущий Новград.

И прииде къ архиепископу, просяше благословениа. Архиерѣй же старца благослови и въпрашает ѝ: «Откуду, о иноче, и чьсо ради твое к нам пришествие?» Чернець же отвѣща и рече: «Владыко святый, съвершися божественый храм вновѣ в морском островѣ окыяна в твоей державѣ. И аще повелит твое святительство, дай нам благословение свое на освящение храму Господа нашего Исуса Христа боголѣпнаго

Преображениа антимис. Якоже годѣ бысть твоему святительству, дай нам и игумена съ благословениемъ». Архиепископъ же глаголя: «Гдѣ, брате — селико вдалѥе от людей? Да кто может жити тамо?» Бѣ бо приближилися чюжевѣрных земли — Мурманская и Каянская.[109] «И како церкви быти тамо?» И по сем мало размысливь в себѣ, рече: «Невозможная от человекъ, вся бо возможна суть от Бога;[110] аще Богъ въсхощет, вся сиа будут. Наша убо начати, Божие же съвершити. Буди имя Господне благословено въ вѣкы».

И старца посолника благослови, и учредивъ ѝ, повелѣ дати на освящение церкви антимис. И избрав старца нѣкоего именем Павла, чином священничества подобнѣ украшена, и дасть им игумена. И сего наказав благодухновенными словесы, како пасти Христово стадо словесных овец и имѣти прилѣжно попечение о душах их. И тако повелѣв дати им потребнаа на путь и отпусти с миром. Они же, приимше от старца благословение, скоро пути касахуся, и не по мнозѣ времени, деньми яко четыредесяти, достизают острова Соловецскаго, молитвами преподобнаго.

Таже начаша повѣдати блаженному Зосиме святительское благословение. Он же радостною душею прослави Бога, яко получи желание сердца своего. Павел же игумен освяти церковь священиемь во имя святаго Преображениа Господа нашего Исуса Христа — преподобный же велми возрадовася духом о величии Божии! И тако съ игуменом и братиею пѣниа и молитвы беспрестани възсылаху Богови и Пречистѣй Его Матери. И тружахуся постом и молением, купно же и ручным дѣломъ: овогда землю копаху, иногда же древеса на устрой манастырю сготовляху; иногда дров множество сѣкуще готовляху, и росол морскый черплюще, и тако соль варяху — и даяху купцем, приходящим къ острову, и от них взимаху всяко орудие на потребу манастырскую, и в прочих дѣлехъ тружахуся. Такоже и рыбную ловитву творяху в мори и по езером, бѣша бо на острове езера многы, числом яко 70 или множае.[111] Благоугодно бо бѣ мѣсто то къ устрою манастырьскому! И тако от своихъ трудовъ и потовъ питаахуся. Бѣ бо их число братии съ игуменом и съ блаженым Зосимою 20 и два; и бѣ всѣм подвиг о обители, яко едина душа в разных телесѣх тщание.

Видѣвше же бѣси себе поругаемы и уничижаеми от преподобнаго и от братии, иже с ним подвизающихся, и мног мятеж и смущениа приношаху всякими козньми, и лаянии, и призракы, и мятежными виды своих прелестий, и ничимже възмогоша вредити блаженнаго. Но паче инѣми злыми ухищренми възустиша на нь нѣкыя неразумныя человекы на погыбель душамъ их. Начаша людие многы пакости творити святому: преходящии морем населници — болярьстии людие и приказници раби — рыбную ловитву творяху на островѣ по езером, много оскорбляху преподобнаго. И зле належаще, не даваху рыбы ловити братии и злыми словесы нарѣчие дающе ему, глаголюще сице: «Почто ты, калугере, здѣ вселяешися? Се есть по отечеству наслѣдие наших болярь!» Такоже и корѣльстии люди преходяще, ловитву творяху на море округъ острова и по езером на островѣ, рекоша: «Се есть наша отчина, корѣльскыя земля» — и пакости многы творяще.

Святый же рече: «Господи Владыко Человеколюбче! Яко же рече пророкъ Давидъ в третиемь псалмѣ: „Господи, что ся умножиша стужающеи ми? Мнози въсташа на мя и глаголють души моей: нѣсть спасениа ему",[112] многы скорби наносять рабом твоим, уповающим на Тя». И рече к Герману: «Се, брате, на ны бѣсовское ухыщрение — злыхъ человекъ въстаниа». Отвѣщавъ Германъ, глаголя: «Отче святый, потреба терпѣнию и молитвам, но вѣм, яко не оставит Господь моление раб своих, боящихся Его».

Святый же крѣпко въоружився на невидимых врагь ополчениа. Нечистии же дуси видѣвше свою погибель, не можаху приближитися никакоже зло сотворити блаженому, но крѣпцѣ въоружаху на нь лукавых человекь, мняще лукавии: еда, когда поне досады человечьскыя не терпя, отбѣгнет от мѣста оного. И сбысться на них реченое въ псалмѣх: «Тии спяти быша и падоша»,[113] твердаго же столпа покалебати никакоже възмогоша. Раб же Божий Изосима яко воинъ непобедимый крѣпцѣ ратоваше врагы Христовою благодатию, день и нощь присно въ псалмех и пѣниих и пѣснех духовных, поя вь сердци своем Господеви,[114] глаголя: «На Тя, Господи, уповах, да не постыжуся в вѣкы».[115]

И помощь Божиа приспеваше. Братьство же о Христѣ събираашеся, и мѣсто распространяшеся. Вси же братия последоваша въ всем своему пастырю, преподобному Зосимѣ: въ мнозѣ смирении и терпѣнии, в постѣх и молитвах беспрестани и в дѣлѣх ручных тружахуся. Павелъ же игуменъ, даный архиепископомь, сей не могы понести труда пустыннаго жителства; немного лѣт пребыв, и отиде всвояси. И по сем инаго игумена избраша себѣ по съвѣту преподобнаго, именемь Феодосья. И тъй в мало лѣт подвизася пустынным подвигомь и пакы остави и отиде, аможе въсхотѣ.

Преподобный же Зосима съвѣт сътворяет з братиею, да поставится имъ игумен иже от обрѣтшихся у них въ обители братиа. Бяше бо ту старец Игнатие, трудолюбно по Бозѣ проходя житие и лѣта доволна имый, и пострижеся в той же обители, имяше на себѣ чинъ дьяконства.[116] И сего въсхотѣ преподобный, да будет игумен имъ, или аще кого от своих въсхотят братиа. И никтоже от них смѣаше дерзнути в чин тъй, подражая смиреномудрию по бозѣ своего отца.

Нъ съвѣтъ сътворше, вся братиа начаша глаголати Герману: «Господине отче, ты прииде с нашим началником на мѣсто сие святое! Инаго ходатая не имамы к нему, развѣ тебе, да речеши к нему! Мы вси приидохом здѣ наставитися к нашему спасению от еговы святости и в любви истиннаго цѣломудриа за слух добродетелнаго его жития. И се нынѣ видѣние паче слуха увѣряеть, мы же о сем да глаголемь: никто же от нас может начальствовати на мѣстѣ семь святѣм, точию емуже намѣнено бысть от Бога, а не от человекъ».

Герман же сия слышав от братия, прииде и глагола преподобному. Он же никако хотяше прияти хиротониа[117] за многу кротость и смирение. Братии же намнозѣ належащим и стужающе ему, рекуще: «Аще ли ты не хощеши хиротанисатися, то разыдемся отсюду вси, и

въздаси отвѣтъ Богови вь День Судный о душахъ наших!» Преподобный же неволею повинуся хотѣнию ихь. Они же възрадовашася вси единодушно о даровании святаго.

Нѣции же от братии, потщание сътворше, въсхотѣша ити в Великый Новьгород къ архиепископу о прошении святаго на игуменство. И испросивше молитву от него, пути касахуся. Таже по малѣ времени приидоша в Новгород къ архиепископу Ионѣ[118] и приимше благословение и рекоша к нему: «Владыко святый, манастырь нашь вновѣ съставляется, и не имамы игумена». И рече им архиепископъ: «То почто манастырь, а игумена нѣсть?» — «Молит тя, владыко святый, съборъ обители тоя, священници и братия: да сътвориши попечение о спасении наших душь!» Он же рече им: «Колико братии бѣ в манастыри вашем?» И глаголаша: «Господи владыко, имамы числом яко четыредесят с началником нашим». Он же отвѣща: «Или таковаго не имате от братиа вашеа? Аще будеть иерѣи, то благословение дарьствуемь вашего ради прошения, аще ли мних, то хиротонию возложим на нь». Они же, яко нѣкый даръ въсхытивше слово от устъ архиепископа, глаголаше: «Владыко святый, есть у нас таковый — началникъ мѣста того святаго, и много молихом его, но не приемлет моления нашего! Имя бѣ старцу Зосима. И аще повелит твое святительство, да послеши по него и да приидеть к тебѣ и да глаголеши ему сам о веши!» Архиепископъ же рече: «Пакы вы шедше, призовите ѝ ко мнѣ скоро!» Мниси же молиша архиепископа, да послеть писание свое к нему с повелѣниемъ прийти. И тако приимше писание от святителя, скоро възвратишася. И пришедше в манастырь и вдаша преподобному послание съ благословением архиепископа.

Написанию же вина сице: «Сыну нашего смирения старцу Зосимѣ. По нашего писания посланию скоро и ничтоже умедлив да приидеши по нашему благословению к нам, имамы до тебе свое орудие». Святый же възвѣщаетъ Герману и братии и прочитает пред братиею послание. Они же рекоша: «Ничтоже разсужая, отче, да идеши къ святителю». Блаженый же рече: «Воля Господня да будет!» И възрѣвь на образ Господень, глаголя: «О Владыко Христе, Царю, милостивъ буди мнѣ грѣшному, на Тя бо, Творче, упование възложих от юности моея!»[119] И се рекь, умолче.

И начать устремлятися к путному шествию. И поять с собою нѣкыя от братии ити к Новугороду, и тако пути касахуся. Бѣ бо святому путь благостроенъ по морю и по езером и по рекам. И не по мнозѣ времени обрѣтеся вь пресловущемь Великомь Новѣградѣ.

И възвѣстиша о нем архиепископу. Пришедшу же преподобному Зосимѣ ко архиепископу. Святитель же благословивь его и повелѣ сѣсти, и въпрашашеть ѝ от богодуховенных писаний многыми словесы, и о довѣдѣнии острова, и о устроении манастыря. И *блаженый* же повѣда ему вся о себѣ и о пришествии на меѣсто то. Бяше бо ему и преж пришествия преподобнаго вѣдомо о нем, и поразумѣ архиепископъ *по* образу и видѣнию смысла и разума его, яко въистину Божий человекъ бѣ.[120] И тако освяти ѝ, и священьства саном почте, и съверши его, игумена Спасьскаго Соловецкаго манастыря постави.

И дает братии с ним пришедшим, и рекь им: «Едино сей отець вашь игумен. Имѣйте его вь Христовъ образ со всяцѣм послушаниемъ и покорением». И дасть игумену Зосимѣ яже на устрои манастырю сребра и злата, сосуды и ризы, и вся ихже на путь требующихъ; и, благословивь, отпусти я с миром.

Мнози же боляре града того даша манастырю блаженнаго имѣния доволно, и от сосуд и одежь церковных, и сребро и жита. И инии же съ мнозѣмь обѣщаниемь хотяху помогати манастырю его, велию бо слуху о нем прошедшу добродѣтелнаго его ради жития, и славно бяше имя его въ странѣ той. Рече бо Господь: «Славящая Мя прославлю»[121] — и тако «волю боящихся Его сътворяет».[122]

Преподобный же помолися въ церкви съборнѣй святыя София и прочим святым церквам, строя яже на путь; и тако отходит вь свой манастырь, нося доволно на устрои церковныи и манастырьскыя потребы, и благодатию Божиею стройнѣ достизает манастыря.

Германъ же старець и вся братия изыдоша въ стрѣтение преподобнаго подъ манастырем вь пристанищи. И тако, о Христѣ целование дав, благослови всѣх, и внидоша вь церковь святаго Преображения Господа нашего Исуса Христа. Дьяконъ же сътвори ектению[123] за правовѣрныя князя и архиепископа и за все православное хрестияньство.

Внидоста вь трапезу, и подаютъ писание от архиепископа братии, и възведенъ бысть на мѣсто игуменское. И тако поучивъ братию доволно, и разыдостася кождо вь свою кѣлью. Бѣ бо уже приспѣвшю вечеру, и повелѣ игуменъ Зосима ту сущим иереомъ и дьякону готовитися къ божественѣй Литургии, понеже бо и сам хотяше комкати Пречистое Тѣло и Кровь Господа нашего Исуса Христа и съвершити божественую службу по Глаголющему: «Ядыи мою Плоть и пия мою Кровь въ Мнѣ пребывает, и Азъ в нем».[124] И по сих повелѣ келарю[125] износити из ладия вся, яже суть привезена из града, даемое блаженному от христолюбцовъ на потребу манастырскую. По сем же заутренѣй[126] съвершившися, и времени приспъвьшу божественъй службѣ. И повелѣ священником, тако же и сам вниде въ святую церковь, и начаста божественую Литургию.

Да якоже причастися Божественых Тайнъ преподобный, видѣша вси священници и братиа лице его просвѣтившася яко лице аггелу, и церкви исполнившися благоухания, свидѣтелствующе достоинство священства блаженаго. Братья же, яко видѣша таково преславное видѣние, възрадовашася радостию великою зѣло и прославиша Бога, прославляющаго святых своих.

И тако съвершися божественая служба. Внидоша нѣции гостие вь церьквь; игумен же Зосима благослови их, и подав им просфиру[127] службы своей, и възвав ихъ на обѣд с братиею ясти. Они же гостие, приимше просфиру, и идоша к ладии своей потребы ради. И коим неведѣниемъ от пазуху им испаде просфира. И поискавше ю, не обрѣтше, сжалися о семъ зѣло.

Игумен же Зосима, вь трапезѣ сѣдя на мѣстѣ своем, и възрѣвь, не видѣ званных мужей на трапезѣ, и повелѣ келарю послати по них. Келарь же посла нѣкоего брата имѣнем Макария. Он же скоро изыде к ладьи, а пред нимь песь излѣзъ из манастыря, текыи вдальи мало вержением камени. И начат брехати зѣло, с пути не съвращаяся никаможе и хотяще усты своими яко взяти что — и не можаше: и вержеся скоро, и възвратися, и пакы вержеся. Макарие же зря и преспѣвая, хотя увѣдѣти бывшее. Якоже приближаяся к мѣсту, и видѣ огнь пламенем исхожаше от мѣста оного из земля, идѣже пес, скача, брехаше. И рече скоро, помышляя в себѣ видѣти, что се мѣстооно, идѣже пламень исхождааше. Пес же обозрѣся на старца, отскочи сь яростию, паче тщася яко въсхытити усты, наипаче пламенем огня отгоним бысть от мѣста.

Брат же Макарие ускори приити и обретѣ на мѣсте том просфиру, юже бе далъ преподобный от олтаря гостем на благословение, и взем, съкры ю, но токмо удивляяся огненому видѣнию, ужас бо обдержаше ѝ. И пришед к ладии и зваше гостей, и по звании глагола имъ: «Что изгубисте, идуще от церкви, вне манастыря?» Они же рѣша: «Ничтоже ино, точию просфиру — благословение игумена вашего». Он же, иземъ ю от нѣдръ своих, и рече: «Сия ли суть?» Они же реша: «Еи, та же есть». И глаголаша старцу: «Повѣжь нам, отче, яко вѣдѣхом тя медляща на пути и пса ярящася и усты своими хапающа пламень, дондеже ты прииде». Макарие же сказа имь вся бывшая.

И тако приидоста в трапезу, приносяще братии потребная. Игумен же благословивь их и въпроси: «Что тако умедлисте, о чада?» И глагола: «Макарие, что ради умедли толико?» Макарие же, пад, поклонися ему до земля, изрече вся бывшая, еже видѣ своима очима. И гостие они тако же рѣша. И тако блаженный и вся братия рекоша: «Вѣрен Господь въ всѣх словесѣх своих и преподобенъ въ всѣх дѣлех своих,[128] творяй чюдеса единъ».[129] И вси яко единѣми усты прославиша Бога.[130]

Преподобный же Зосима, подвизаем Божиею благодатию, начатъ труды кь трудом прилагати и спѣхъ к спѣху. И тако, радуяся, течаше, в вышних умъ вперяя.[131] И по сем повелѣ създидати церковь превелику Святое Преображение Господа нашего Исуса Христа на том мѣсте, идѣже, *якоже* предърекохом, видѣние видѣв луча божественнаго явльшяся ему.

И обложив сь братиею церковь,[132] и тако начаша рубити. И прииде на дѣлателя церковныя комары и мшица и уядаху их зѣло. Они же възгнѣтиша себѣ мало огня дыма ради, курящагося и на отгнание комаровъ и мшиць. И срубиша дажь до прага церковных двериии, и восхотѣша дѣлатели почити въ время полудне. Не вѣдѣ како, приближшуся огню к начинию церкви и възгорѣся и попали все до основания.

Братия же дѣлатели смутишася, глаголюще: «То уже Богъ не велит нам въздвизати великия церкви». Преподобный же Зосима глагола има: «О, чада, сие есть злоба от неприязни, той нам пакости дѣетъ. Мы же не престанем подвизающеся». И повелѣ ударити в било.[133] Събрашася братия, и начат пѣти молебенъ Господеви и Пречистой Его Матери. И

по молебнѣ освятив воду, и покропи мѣсто и дѣлателя, и благословивь их Животворящаго Креста знамениемь, и сам положи начало основанию церкви. И тако начаша мастеры здати по обычаю, и во время мало в полудне приимаху покоя. В та же времена, егда почиваху здателе, мнози от братии слышаху стукъ зиждущих церковь: яко рубят на церкви и тешут невидимо. Се же слышаху не единою, ни дважды, но многащи — Божия бо помощь посылаашеся молитвами преподобнаго Зосимы. И тако благодатию Христовою в малѣ времени церковь съвершивше Преображение Господа нашего Исуса Христа.

Потом же начаша здати трапезу велию, понеже братство множашеся числом и не бѣ гдѣ вмѣститися. И с въсточныя страны трапезы начаста здати церковь во имя Пречистыя Владычица нашея Богородица честнаго Успения. И тако помощию Божьею и Пречистыа Его Матере, и угодника их преподобнаго игумена Зосимы молитвами, обитель всѣмъ распространяшася, и мѣсто исполняшеся, и братство о Христѣ множашеся; иереи, приходяще, священнодѣйствоваху, и дьякони, и клирици; и кѣльи многи здахуся, и поварня, и хлѣбня в доволство. Вся сия съвершахуся благодатию Христовою и поспѣшеством Святаго Духа.

Блаженый же простирашеся болма на духовное дѣлание, труды кь трудомь прилагая и успѣвая на лучшая,[134] по реченному: «текох и направих»,[135] и радуяся, шествуя без преткновения по стопам Владыки своего, вышних ища[136] и умъ к небеси простирая, и сердце предочищая от всѣх страстьных помышлений всегда.[137] И пребываше въ всенощных стояниих непрестанно. Добродѣтелнаго же ради жития его всѣми зримь бяше яко, въ плоти сый, аггелом подобяся. И пронесеся всюду о нем слава. И мнози отвсюду приходяще, желающе съжителствовати с ним и слышати от устъ его слово спасения, жадаху «яко елень на источникы»[138] — сице и любящей Бога и ищуще спасения душам своим. Блаженный не токмо словесы учаше, но и дѣлы въ всем образъ бываше стаду, известно творяше, по реченному въ Евангелии: «Блаженъ, иже сътворитъ и научит, — се велий наречется въ Царствии Небесном».[139]

И мнози от окрестъных стран приходящи иноци и хотяще ревновати добродѣтельному его житию и исправлению. Он же, яко чадолюбивый отець, всѣх с радостию приимаше, и безмѣрною кротостию и смирением поучаше духовнѣ, и телесный подаваше покой: трапеза всѣм равно, и питие, и одежда, и обуща.[140] И множашеся число братии, и вси имуще, и изообилство бе всем, и бѣ по чину уставному изрядно зъло.

Весь чинъ положи по Типику иерусалимскому[141] въ своем монастыри. И учаше братию хранити вся заповѣди, преданныя по Божественѣм Писании святыих апостол и святыих отець седмии Соборов,[142] непреложно блюсти инночьскаго жития правила, уставъ хранити неизьмѣнно, иже предасть великый Антоние, и Еуфимие, и Сава, и Феодосие, и Пафомие,[143] и прочий преподобнии отци, симь послѣдоваша. Тако и сей преподобный учаше и въ всяком дѣле образ собою показаваша вышних искати.[144] Братия же, яко благоплодная земля, приемлюще съмена, и во всем повиновахуся, послушание творяще, зряще чюднаго его пребывания, терпѣния и смирениа

нелицемѣрнаго, постъ и молитвы беспрестани съ умилением. И тако пребывающе с ним, в дьлех ручных тружахуся, и от своихъ трудовъ и потовъ пищу приимаху, даже и доднесь, благодатию Христовою и Пречистыя Его Матере, и во всяцем устроении без мятежа. Мы же на предняя възвратимся.

По нѣколицех лѣтехъ своего пастырьства преподобный Зосима въспомянувь о блаженѣм Саватии, яко преже подъятъ подвизи, труды, постъ и терпѣние и многыя добродетели, а нынѣ мощи его на мѣсте пусте суть положени. И съвѣтъ положи с братиею, глаголаше: «О братие, како прельстихомся от неразумия о сицевой вещи!» Сия ему глаголющу, приидоша братия, посланнии на службу к Новугороду, и принесоша послание с Бѣла-езера, писано изъ обители Пречистые Богородица Кирилова манастыря, послано от игумена братии, глаголюще сице:

«Възлюбленному о Христе благодать и милость от Бога Отца Господа нашего Исуса Христа![145] Духовному настоятелю боголюбивому игумену Зосиме и со всею еже о Христѣ братиею — радоватися.

Слышахом бо нѣкогда от приходящих страны вашиа до нас о островѣ том Соловецком, яко не приближно бѣ человеком первие за морскую скорбь и нужду во еже тамо пребывания от древних лѣт, отнелиже солнце вь небеси. Нынѣ же слышим от многых самовидець, яко той остров Божиим изволением и Пречистыя Богородица ходатайством и вашего по Бозѣ трудолюбия тщанием състависте обитель и братства множество събрася, и монастырь създан бысть честенъ, и храми въздвигошася велѣлѣпнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа и его Пречистыя Матери честнаго ея Успения, и вся добрѣ исправисте добродѣтели, памяти достойна. Но единого дара лиховани бысте, — иже прежде вашего трудолюбиа о Бозѣ жительствующаго и скончавшаго житие в молитвах, и трудѣх, и в пощениих, и въ исправлении добродѣтелнем съвершена. Якоже древнии бяху преподобнии отци, тако и той блаженный Саватие удалився мира и всею душею Христа възлюбивъ и в совершении блаженую кончину приятъ, радуяся. Слышаху бо нѣции братия от манастыря нашего, бывшеи в Велицѣм Новѣгородѣ, сицеву повѣсть от нѣкоего христолюбца мужа именем Иванна. Сей повѣдая рече: „Идущу ми к морю из рѣкы Выгъ, и обрѣтох старца отшелника имянем Саватия, жительствовавшаго на Соловецком островѣ. И сподоби мя Богъ погрести святыя мощи его съ игуменом Нафаналом близъ Выгу-рѣкы у часовни. И молитвами его чюдодѣйствоваше Богъ преславная чюдеса”. Такоже и о братѣ своем Феодорѣ изрече, яко поклонися токмо гробу преподобнаго и от каковы злыя смерти съхранен бысть на мори молитвами блаженнаго Саватиа! И ина многа чюдеса и знамениа, яже творяхуся у гроба его святаго.

Сего ради пишем вашему преподобию о сем, яже слышахом. А и сами есмы свѣдетели добродѣтелному его житию, понеже бо сей блаженый Саватие житие имѣаше в дому Пречистыя Богородица Кирилова манастыря, якоже предиречеся.

Нынѣ же вашей святости даем съвѣт духовный: да не лиховани будете таковаго дара, егоже сподоблени бысте от Бога, но скоро с потщаниемь шедше, пренесѣте блаженнаго мощи въ свой манастырь, да идѣже лѣта многа тѣлом потрудився, тамо и святыя мощи его да будут положени.

Здравьствуйте о Христѣ Исусѣ в вѣчную жизнь, и нас вь молитвах ваших поминайте, яко боголюбиви, да некли и нам подасть Господь Богъ свободу от всѣх зол, находящих на ны, молитвами своего угодника, преподобнаго Саватиа».

Блаженый же игумен Зосима прочет написаная к ним послания Кирилова манастыря и възрадовася душею, тако же и братство все о Господѣ, въздаша благодарение Богови. И рѣша вси, яко единѣми усты: «Нѣсть се от человекъ послание, но от самого Бога, прославляющаго святыя своя!»

И в том часѣ съ множеством братии начат готовитися к шествию насады по морю. И тако повелѣ ударити в било — и начат пѣти молебен Господу Богу и Пречистѣй Его Матери, дабы Человеколюбець по милости своей дал получити желаемое. И молебная совершивше, глагола к братии: «Благословите мя, отци святии, и помолитеся вси купно, яко да устроит нам Господь путь по своему милосердию!» И възвѣявшу вѣтру благополучну. Онъ же с братиею пути касаются; и заповеда в манастыри братии, рекь: «Аще не закосним в пути, но скоро възвратимся с брега, то получихом искомое. Вы же, стража приставльше, бдите прилѣжно. Егда же узрите вѣтрила по знамению, тогда въсприимше свеща и фимиан,[146] священници, вся братиа изыдѣте въ срѣтение». И се рек, изыде к насаду, путнаго шествиа касаеться. Бѣ бо ему стройно по морю плавание молитвами искомаго. И въ вторый день доплывше мѣста, идѣже бѣ гроб блаженнаго Саватиа.

Обретше же время благополучно, никомуже възбраняющу имь, и раскопавше землю, обрѣтоша гроб, в немъже положены быша честныя мощи святаго. И бѣ дивно видѣние! Въздух исполняшеся благоуханиа неизреченнаго, яко миро[147] многоцѣнно. И дивляхуся зѣло. Открыша раку — и обрѣтоша тѣло блаженнаго Саватия, цѣло и ничимьже вредимо, — Богу съблюдающу своего угодника. Но и ризы его яко вчера облъчени! О, дивно чюдо, братие: колико лѣт бысть в земли, что ни поне ризам тлѣние прикоснуся! Преподобный же Зосима, видѣвь таково Божие смотрение к человеком, велми възопи съ слезами, глаголя: «Велий еси, Господи, и дивен в дѣлех твоих, яко вся премудростию сътвори!»[148] И припадая, лобызаше мощи святаго, глаголаше: «Избранник Божий, святый Саватие, велико имаши к Богу дерзновение! Даруй нам святыя своя мощи пренести к желающим тя словесному стаду христовых овець — на мѣсто свое, идѣже многолѣтне потрудися!»

И так молитвами преподобных Саватиа и Зосимы вѣтръ благостроен бываше и въспят шествие творяше возвращению пути. Раб же Божий игумен Зосима зѣло веселяшеся духовнѣ, зря молитвы святаго Саватиа помогающа ему. И приим честное тѣло святаго в рацѣ, скоро в насад отнесе. И въздвизаху вѣтрила спѣшно, къ обители шествие творяшеся има яко единѣм днѣм по смотрению же Божию.

Егда приближахуся ко острову Соловецкому, тогда узрѣша из манастыря, и изыдоша вся братия на срѣтениа съ свѣщами и с кандилы к мощем святаго, изнесоша честно из насада и положиша на одрѣ. И тако съ псалмопѣением достойно внесоша въ святую церковь Преображениа Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа. И знаменавашася к мощем святаго до утриа. Наутриа же надгробное пѣние съвершивше. И мнози стражуще различными недуги, приходяще с вѣрою, облобызающе мощи святаго, и исцѣление приемлюще, здрави отхожаху въсвоя, радующеся и благодаряще Христа Бога и Пречистую Его Матерь, иже такыми почести даровавших угодника своего. Братиа же, видѣвши чюдеса многа, бывающа от раки преподобнаго, зѣло радовахуся о обрѣтении таковаго бесцѣннаго бисера, плодителнаго душевному спасению. И ископавше гроб за олтарем церкви Пречистые Богородици честнаго ея Успениа, и тако погребоша честнѣ святыя мощи преподобнаго Саватия,[149] покрыша землею съ псалмы и пѣснми, идеже лежат и до сего дне, подавающе исцѣлениа всѣм, иже с вѣрою притекающим.

Раб же Божий игумен Зосима болшими подвиги начат простиратися, Вышняго себѣ прибѣжище положи,[150] жестокое прохожаше житие. И възгради гробницу над мощьми блаженаго Саватиа и в ней постави иконы — образ Господа нашего Исуса Христа и Пресвятыа Богородица, приходити на поклонение братии.И свѣщу повелѣ поставити над гробом преподобнаго. И съвѣщевает сь братиею, еже бы велѣти и образ написати блаженнаго и поставити на гробѣ. По малѣ же времени привезоша из Новагорода икону от Иванна, оного купца, преже реченнаго, погребшему честно тѣло святаго съ игуменом Нафанаилом на Выгу у чесовни. От того же времени тъй Иван и Феодоръ, брат его, велию вѣру имѣста на Соловки къ Спасу и Пречистѣй Его Матери и их угодником преподобному Саватию и Зосимѣ игумену; и вдаша игумену Изо*си*мѣ образ блаженнаго Саватия. Он же постави ю на гробѣ святаго. И во вся дни и нощи по всяком славословии церковнаго правила игумен и вся братиа приходяще ко гробу святаго поклонятися образу Господа нашего Исуса Христа и Пречистыа Богородица и их угоднику блаженому Саватию.

Игумен же Зосима приходя в нощи, поя и молясь, имы во устѣх псалмопѣние непрестанно и колѣнопреклонениа многажды творяше всю нощь даже и до заутрении къ образу Владыкы Христа и того Пречистыя Матере, над гробомъ стоящих блаженнаго Саватиа, к преподобнаго образу, яко к живу глаголаше: «О, рабе Божий, преподобне, аще и тѣлом скончал еси свое житие от земных селений, но духомь неотступно буди с нами, молясь Владыцѣ Христу Богу; руководьствуй нам и достойны представи шествовати божественныя его заповѣди съвершены, якоже рекшу въ святѣм Еуангелии, „взем крестъ, послѣдовати по Себѣ”.[151] Ты убо, преподобне, имыи дерзновение ко Господу и Пречистѣй Его Матери, буди молитвеник о нас, недостойных рабѣх твоих, живущих въ святѣй обители сей, ейже ты бысть началник! Тако и нынѣ буди помощник Богомь събранному стаду словесных овец, еже о Христѣ братству сему! Да твоими молитвами к Богу невредими будем, пребывающе на мѣсте сем, от враг видимых и невидимых и человекъ, зло творящих святому мѣсту сему! Да всегда съхраняеми

ходатайсътвом Ти, славу възсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и в вѣкы вѣком! Аминь».

И по сих рабу Божию игумену Зосимѣ пребывающу во мнозѣх трудѣх и сугубых пощениих лѣта доволна. Лукавии же человеци, от врага поощряеми, многа зла сътворяху обители блаженнаго, насилуя и оскорбляюще, да како бы възмогли изгнати его от мѣста того святаго.

Святый же съвѣтъ сътворяет с братьею, яко пойти ему в Великый Новград и молити архиепископа, дабы ему был помощник от обидящих человекъ и творящих пакости его манастырю. И начат строитися к путному шествию. И повѣле ударити в било — братии съшедшеся, начинат молебнаа к Господу Богу и Пречистѣй Его Матери за благовѣрныя князя и архиепископа и о устроение земьском, и о всем православном христьянъствѣ, и на помощь призываа блаженнаго Саватия, еже способьствовати молитвам его. И молебьная съвершив, нѣкых от братии поимь с собою, и поиде в путь свой, шествие творя по морю к Великому Новуграду. И стройно бяше плавание блаженному по морю и по рѣкам, и по езером.

И не по мнозѣх временѣх достизаеть Новаграда; и прииде къ архиепископу.[152] И повѣдано бысть о нем. Архиепископъ же, видѣв и благослови его, и въпрошает о братии, о строении манастыря. Зосима же все повѣда ему, и въстав от мѣста, поклонся архиепископу до земля, моля его и глаголя сице: «Господи мой и владыко святый, буди нам милостивъ, заступая нас от оскорбляющих лукавых человекъ, многажды злѣ належаще на ны! Приходят болярьстии раби, населници, и пакости многи творяще, не дающе нам округ острова рыбъ ловити и ина многа насилствующе, хотяще мѣсто разорити и нас изгнати!» Отвеща архиепископъ: «Азъ, отче, помагающу ми Богови, готов есмь пособьствовати манастырю твоему, а се оповѣдаю боляром первым, съдержащим град».[153] Зосима же поклонся архиепископу и отиде. И приходя к боляром, моляше их, таже глаголяше о скорбех бывающих ему. И вси боляре, съдержащеи град, съ мнозем тщанием обѣщашася помагати манастырю его.

И прииде к нѣкоей болярыни, именем Марфѣ,[154] молити ея от скорбии населникъ ея, приходящих на остров Соловецскый и многи пакости творяще манастырю преподобнаго, и хотя ей изглаголати, еже творят раби ея обиды многи. Она же, услышав от рабъ своих о вещи, чесо ради прииде к ней блаженый, и разъярився, повелѣ его отслати от дому своего, не восхотѣ благословениа. И удалися от нея.

Рабъ же Божий отиде, ничтоже сумняся от лица злобы, и помянув евангельскый гласъ реченный: «Идѣже аще внидете в дом и глаголете: миръ дому сему, аще ли достоинъ будет дом мира, и миръ вашь пребудет на нем; аще ли же ни, то пакы к вам възвратится, исходяще же оттуду, и прах от ног ваших отрясете въ свѣдетелство имъ».[155] И позыбав главою, сущим иже с ним братии глаголаше: «Се дние грядут, иже дому сего жителие не изслѣдят стопами своими двора сего. И затворятся двери дому того и ктому не отверзуться, и „будет дворъ их

пустъ”».[156] И се рек, умолче, дондеже сбышася реченая Божиим угодником въ свое время. Но на предняя възвратимься.

Игумен же Зосима, паки шед къ архиепископу, въспоминает о обидах, бывающих от населникъ онѣх и от рабъ боляръских. Архиепископъ же създа к себѣ боляр и сказа им о скорбех, бывших преподобному от неразумных человекъ. Боляре же вси съ мнозѣм обещанием[157] изволиша помогати монастырю святаго и вдаша ему написание на совладѣние острова Съловецскаго,[158] и к тому другий остров Анзер, отстоя яко десять поприщь от Соловецского острова, и третий остров Муксома, яко три поприща отстоящь. И приложиша к написанию восмь печатей оловяных:[159] первую владычню, другую посадничю,[160] третью тысяцского, таже пять печатей с пяти концевь града.[161] И запечатлѣв, даша блаженному на утвержение. Архиепископъ же, одарив преподобнаго, и вдасть манастырю потребная доволно и, благословив, отпусти его с миром. И мнози боляре града того даваху в манастырь имѣниа и от сосуд церковных и одеж и жита, и вси съ многим тщанием и вѣрою обещастася помогати манастырю его.

Та же предреченная болярыня Марфа прииде в раскаяние, еже оскорби преподобнаго, слышала бо бѣ, яко вси людие велию вѣру имяху к нему и дааху манастырю потребных доволно. И увѣдѣ от многых, яко муж боголюбив и житием добродѣтелным цвѣтыи, и въсхотѣ благословитися от него и причастна быти вь приношении кь Спасу, в дом святаго Преображениа Господа нашего Исуса Христа к Пречистыа Его Матере. Посла к нему съ многим молением, дабы пришел и благословил ея, бѣ бо та едина от славнѣйших и первых града. Понеже бо первѣе прогнѣвася на преподобнаго, рекущи, яко «отчину нашу отъемлет». И по сих размысли в себѣ, глаголющи: «То како аз на много время прогнѣвах Божиа раба? Но прииму от него и аз благословение и молитвы, и да отдасть ми Богъ съгрѣшениа, елико съгрѣших къ угоднику его, яростию сътворши!» И тако призывает его с молениемъ.

Пришедшу же блаженному, и приемлет от него Марфа благословение с чады своими вкупѣ же, и прощениа просит о нихъже съгреши невѣдѣниемъ. И възва и на обѣд, и посади и́ посредѣ пиршества. И вси възрадовашася о пришествии преподобнаго, понеже слышаху по Бозѣ добродѣтелное его житие и въздержание, и чудишася. Он же, обычным смирением и кротостию одержим сый, и сѣдя възмалѣ пища причастися, бяше бо от юности любя безмолвие, не точию на трапезѣ, но и всегда. И възрѣв на возлежащих и дивляшеся, поник на землю, ничтоже вѣщаше. И пакы възрѣ, то же видѣ и поничe долу. И еще възвѣд очи третицею, то же зрит: нѣкыя от возлежащих в первых сѣдяща, а глав не имуща.

И ужасеся блаженный о таковом необычном видѣнии, из глубины сердца въздохнув, прослезися, и ктому не приложи вкусити ничтоже от предложеных на трапезѣ, дондеже въсташа. И по воздвижении святаго Пречистыя хлѣба,[162] сътворь поклонение, хотяше изыти. Болярыни же, предиреченая Марфа, моляше преподобнаго, паче же и прощениа прошаше, дабы молил Бога о ней и чадѣх ея, и давъ манастырю его деревню на рецѣ Сумѣ,[163] на пристанищи брега, и ина потребная дав манастырю, елико можаше.

Велможа же вси, иже бяху възлежащеи на пиршествѣ том, ти такожде манастырю даяху потребная доволно и молиша блаженнаго молити Бога о них, велию бо слуху прошедшу, и славно бѣ имя его въ странѣ той чюднаго ради житиа его, рече бо Господь: «Славяща Мя прославлю»,[164] и «волю боящихся Его творит».[165] Таже поклонся преподобный, благослови ихъ, отиде.

Герман же, старець предреченый, иже прииде съ святым на остров Съловецскый, имѣя к нему дръзновение, рече: «Отче, не прогрѣвайся на мя, и нихже ти глаголю». Онъ же рече: «Рци о полезных». Герман же глагола к нему: «Почто ты, отче, въ время обѣда, позрѣв на предсѣдящая, и пониче на землю, и паки возрѣвъ, скоро пониче, и третицею тако же сътвори, и позыбав главою, въздохнув и прослезися и оттолѣ ничтоже вкусив от представляемых тебѣ брашен, аще и нудим еси от них много?» И отвѣщав блаженый, рече ему: «Чадо, „ожестил еси просити".[166] Но обаче Богъ давыи тебѣ дерзновение о вопрошении сем, то ни аз от тебя съкрыю судеб Его неизреченных, иже хотят быти въ свое время. Но обаче не повѣж сего никомуже, дондеже исполнится время Божиих велѣний! Видѣх шесть мужий, преди седящих на трапезе сей, без главь! И видѣх — и дивихся много, и не възмогох ни ясти, ни пити принести ко устом от такова ужасна видѣниа! Но о сих никомуже повѣж, яже глаголах тебѣ!»

Потом же нѣкий муж, имянем Памфилие, и приимы иноческый великий образ и нареченъ бысть Похомие, имьш житие добродѣтелно, и сей бяше от славных града, и сѣдяй на трапезѣ сь преподобным и имѣяй велию вѣру к нему, тако же видѣв святаго взирающа, яко и Герман, и внят себѣ Пахомие въ сердци своем. На утрии же день тъи благочестивый муж Пахомие прииде к преподобному, моля, и възва ѝ к себѣ на обѣд сь братьею. И велми учредив, таже съ опасением наединѣ приступль, въпроси блаженнаго: «Отче честный, не возгнушайся мене грѣшнаго, моляща тя, но повѣж ми истинну, яко видѣ тя взирающа на председящих боляръ не единою, но дважды и трищи, и позыбавша главою и прослезившася, и оттоле ничтоже вкусивша». Святый же съ многимь запрещением повѣда ему все, якоже и Герману, бѣ бо сей вѣрен ему, приемля божественых словес поучение съ всяцѣм вниманием.

Се же аз слышах от ученикъ его, и пакы хотѣх увѣдѣти извѣстно о сем, и въпросих того старца Пахомиа. И повѣда ми вся тако же, якоже и ученици рѣша. И увѣдѣв извѣстно, предах писанию.

Игуменъ же Зосима с братиею отиде въ свой манастырь на Соловкы.

По нѣкых же лѣтех приидоша гости по морю, и присташа къ острову Соловецскому, и начаша повѣдати блаженному, яко приде благовѣрный великий князь Иван Васильевич,[167] самодержець всея Русии, съ всею своею братиею и служащими ему царьми и князьми татарскыми[168] и со всѣми силами, и съвокупив воиньства бесчисленое множество на Великий Новград,[169] и ста в Русѣ.[170] И съвѣщав с братиею, посла дву воевод своих на Шелону.[171] И срѣтоша и́ новогородци со многими силами,[172] и бысть бой воеводам великого князя. И побиша

новогородцов;[173] изымаша 6 боляринов великых, иных множество приведоша к великому князю. Онъ же овѣх к Москве отосла,[174] а иных казнил, да и прочии страх имут. И шесть боляринов: Дмитрея Исакова, да Губу Селезенева, да Кипреяна Арзубьева и иных три с ними, — повелѣ им князь великий глав посѣщи.[175] И отиде к Москвѣ.

И по нѣколиких лѣтех пакы прииде князь великий Иван в Великый Новград на осмотрение[176] — и взят вся казны, издавна положеныя от великого князя Ярослава Володимерича[177] и даже и до его самодержавства в велицѣи церкви Съфѣи,[178] и по всѣх церквах градскых по улицам, и болярьскыя казны по домох их; и владыку Феофила к Москвѣ свел,[179] и вся нарочитыа града с женами и дѣтми; и оное болярыню предиреченую Марфу съ сыномь ея Феодоромь и дщерми и внучаты, сих посла в Нижний Новьград.[180]

Въспомянуша же бывшеи ту раба Божиа игумена Зосиму, иже видѣниа видѣ в дому пиршества оноя болярыни Марфы, яко седящим мужем на трапезѣ, а глав не имущим, имже бысть кончина въ свое время, и пророчество блаженнаго, иже о запустѣнии дому ея изрече, егда отслан бысть от лица Марфы оноя, — и не преходим бысть дом ея даже и днесь наслѣдникы ея по пророчеству святаго.[181] И сиа убо о сих; и тако сбыстся, иже рече блаженый. Мы же на предняя възвратимся.

Преподобный же игумен Зосима пребываше въ мнозѣх трудѣх и въздержании, иже памет смертную и Суд Божий в себѣ всегда имѣти хотя и понужая себе на дѣлание плача.[182] И създа себѣ гроб и положи в клѣтцѣ кѣлии своея; в земли гроб вь мѣру того сам себѣ ископа своими рукама. И по вся нощи исходя ис кѣлии до утреняго клепаниа,[183] плачася своея душа, яко мертвеца, над гробом своим.[184] Писано бо есть: «Воздыханиа и скорби от душа вопиют къ Господу, а яже от страха слезы, та прилѣжно молят Господа».[185]

И тако вся дни своя въ иночестѣм житии сице пожив в воздержании, яко ни дне, ни часа отщетитися когда хотя от трудов и славословиа Божиа, но Господеви сиа вся изнуряше. И образ всѣх добродѣтелей остави пребывающим тамо иноком.

О преставлении святаго Зосимы

По сих же разумѣв блаженый къ Господу свое отшествие, и призвав братию, глаголаше им: «Се убо, о чада и братие, время моего скончания приходит. Вас же оставляю Всемилостивому Богу и Его Пречистѣй Матери. То изберете себѣ кого хощете имѣти с Богомъ игумѣна вмѣсто мене». Братия же вси, яко единѣми усты рѣша: «Аще бы мочно нам умрети с тобою, отче, нежели от тебе разлучитися, пастырю добрый! Но се есть воля Божиа, а яже ти извѣсти всевѣдый Богъ твое отшествие к вѣчным обителем, Тои может тебе ради подати нам пастыря и учителя, егоже въсхощет. И да будет нам наставник и вожь къ спасению и твое от нас грѣшных к Богу моление! Ты бо, господине отче, въ нынѣшнем житии имаши попечение о душах наших. Но молим тя, не остави нас сирых и по своемъ к Богу шествии, имаши бо дерзновение к Нему!» И сиа глаголаста съ многым плачем и рыданиемь, слезами землю мочаху.

Блаженый же глагола имъ: «Не скорбите, о чада, се уже предаю вас Богови и Пречистѣй Его Матери; и аще будутъ угодна дѣла моя Богови, то не оскудѣет потребными святая обитель сиа до скончаниа вѣка и болма распространится. Но токмо любовъ имѣйте друг къ другу и смирение нелицемѣрно, и страннолюбие, и милостыни съ тщанием прилежите, без нееже никтоже узрит Господа. А о игумене възложите упование на Господа Бога и Пречистую Богородицу и на наше смирение, то уже наставник вам вмѣсто мене да будет Арсение».[186]

И тако вручает ему манастыр и братию, глаголя сице: «Се убо, о брате Арсение, оставляю тя по Бозѣ строителя и наставника святѣй обители сей и всей братии, о Бозѣ събранѣй. Но блюди, брате, паче всего, да ничтоже погрѣшиши обычая манастырского, по правилом святых апостолъ и святых отець седми Събор Вселеньскых, иже имат Церкви Божиа! Пѣние и чтение съборное без мятежа съ вниманиемь да будет ти, и на трапезе ястия и питие с молчанием, вь благодарении и послушании Божественых Писаний! И *блюди* весь чин и обычай манастыря сего, уставленый о Бозѣ нашим смирениемь, — и Господь Богъ да исправит стопы ваша к дѣланию заповедей Его, молитвами Пречистыа Богородица и всѣх святых, и преподобнаго отца нашего старца Саватиа! И Господь да съхранит вы и утвердить в любви своей! Азъ же, аще телесне отхожу от вас, но духомъ с вами неотступно пребуду! И о семь разумно да будет вам: аще обрящу благодать от Господа, то обитель сиа по моем отшествии наипаче распространиться, и съберутся множество братии в любви духовнѣй, и в телесных потребах ничимъже скорбнии будете».

И тако поучив их доволно и всѣм о Христѣ цѣлование дав, отпусти их когождо во свою кѣлию, молитвами одарив и благословением печатлѣ. Самъ же безпрестани славословию прележа, на вѣчный путь готовляшеся. И въздвиг руцѣ горѣ, знаменавався крестным знамением, и лице перекрестив, дав миръ всѣм, и рече: «Владыко Человеколюбче, сподоби мя одесную Тебе стати в послѣдний день,[187] егда приидеши во славѣ судити живым и мертвым и воздати комуждо по дѣлом его!» И сиа рек, возлежа на одрѣ. И так предасть честную свою душю в руцѣ Божии блаженый Зосима игумен, началник Соловецскаго манастыря, в лѣто 6986, месяца априля вь 17, на паметь преподобнаго отца нашего Симеона иже в Персидѣ.[188]

И так скуташа честное и трудолюбное тѣло; и погребен бысть братиею честно с кандилы и съ свѣщами и надгробным пѣнием. Положиша ѝ въ гробѣ, иже ископа себѣ своима рукама, за олтарем церкви Святаго Преображениа[189] Господа нашего Исуса Христа.

О явлении преподобнаго Зосимы

В девятый день по погребении своем явися блаженый нѣкоему от ученикъ своих — старцу имянемь Данилу. Сему стоящу на обычном своем правилѣ,[190] и зрит посреди манастыря полкъ велик зѣло нечистых духовъ, тмообразных бѣсов, и по воздуху множество их, акы дыма темна. Сему же надолзѣ зрящу, и прииде явленно преподобный Зосима к Данилу, глаголя: «Се видиши, от сих нечистых темнообразных

духовъ и многокозненых бѣсов избѣжахъ! Мнози бо простерты по воздуху сѣти дьяволя,[191] но помилова мя Богъ и с преподобных лики причте.[192] Вы же съхраняйтеся от лаяния их!» И се рек, невидим бысть. Мы же се слышахом от старца Данила, прославихом Господа о посѣщении святаго; яко же обѣщася духом не отступен быти от обители своея, так исполняше обѣщание!

О поставлении гробници над гробом преподобнаго

По третьем же лѣте успениа святаго ученици възградиша гробницу над гробом его. И в ней поставиша образ Господа нашего Исуса Христа и Пречистыа Богородица на покланяние братии, приходящим къ гробу святаго. И свѣщу поставиша пред иконами у гроба его. И прихожаху ученици на всякъ день къ гробу пастыря своего, блаженаго Зосимы, молящеся Владыцѣ Христу и Пречистей Его Матери, и кь преподобному, яко к живу, глаголаху: «О рабе Божий, истинный пастырю и наказателю нашь, аще телеснѣ скончалъ еси свою жизнь, но духом неотступно буди с нами! Мы бо чада твоа и овца словеснаго ти стада. Поминай стадо, еже събра мудрѣ, и съблюди Богом дарованную ти пасьству яко чадолюбивый отець! Но руководствуй молитвами си, представи нас Христу Богу достойны шествовати по заповѣдем Его и творити повѣления, „взем крестъ, послѣдовати Ему".[193] Тя убо нынѣ молим, призывающе на помощь, еже молитися о нас, недостойных, к Богу и Пречистѣй Богородици о Богом събраннѣй иже въ святѣй обители сей братии, юже ты своими труды съгради и началникъ бысть, да и мы твоими молитвами и заступлением, пребывающе на мѣсте сем, невредими от бѣсов и злых человекъ пребудем, славяще Христа Бога нашего!»

О явлении святаго въ гробницѣ

Бѣ нѣкый старец имянемь Тарасие. Сей велию вѣру имѣя кь преподобному Зосимѣ. По вся нощи приходя, молитвы и колѣнопреклонение творяше у гроба святаго, къ Владыцѣ Христу и Пречистѣй Богородици глаголюще: «Боже! Владычице Богородице! Умоли Сына своего, Христа Бога нашего, дабы съхранилъ святое мѣсто сие от враг видимых и невидимых молитвами угодника вашего, преподобнаго игумена Зосимы!» К святому же яко живу глаголаше: «О старче, нынѣ убо припадая, молю тя и на помощь призываю, буди молебникъ къ Христу и Пречистѣй Его Матери о мнѣ грѣшнем! Азъ бо *есмь* „овча ограды твоея",[194] яко да пребывая на мѣсте сем святѣм, невредимь пребуду от всегубителя врага молитвами твоими!» И тако моляся, отходя в кѣлью свою.

Въ едину же от нощей, пришедшу ему вь гробницу по обычаю помолитися, и видѣ у гроба дскы удвинуто и край мантии немало внѣ гроба висящь. Старец же, хотя опрятати мантию во гроб, и укры мало дскы, и вѣдѣ преподобнаго лежаща верху земля, и образ его свѣтлосвѣтяся, яко финик цвѣтущь въ удолии и яко крин селный сияя;[195] и руцѣ его на персех лежаща согбены накрестъ и обнажены мало не до лактии и такоже свѣтящася.

И сие старець видѣвъ и, шед, повѣда игумену Исаии[196] и многым братиям. Мы же се слышавше, дивихомся, вѣдуще, яко погребохом святаго тѣлов земли, и как обрѣтеся верху земля. И тако прославихом Бога и его угодника преподобнаго игумена Зосиму.

Чюдо святаго, како явися на мори в бедѣ стражущим

Бѣ нѣкый старець имянем Митрофан. Сей имый пострижение в Муромском манастыри[197] на Онѣгѣ езерѣ, тамо и житие имый. Тъй ми повѣда сие:

«Еще сущу ми в мирѣ пребывающу и домовное попечение имѣх. И нѣкогда плавающу ми по морю на весновании, и имѣх многы добыткы, и далече ми сущу в пучинѣ моря. И тридесят дьнии носим бѣхъ в мори волнами, и не видѣх брега, ни острова. И прииде буря вѣтреняя велика зѣло, и в мори трус велий, волны лютѣ устремляхуся. Мы же отчаяхомся своего спасениа от нахождения волнъ, покрывають бо ладью нашу волны морскыя, и начахом молити Господа Бога и Пречистую Богородицю и святых многых призывати на помощь, сих и иных, и не преста волнение. И прииде ми въ умъ, начах молитися и призывати на помощь началника соловецкаго, блаженнаго Зосиму; и обѣщахомся кь Спасу на Соловкы дати на молебенъ и на обѣдню. И в той час внезапу обрѣтеся в ладии нашей старець, сѣдя на кормѣ. И прихожаху волны морскыя с великым устремлением, хотяаху покрыти ладию нашю. Старецже он простираше вскрылие мантии[198] обѣма рукама на обѣ страны ладии — и волны прохождааху ладию нашю мирно и тихо.

И тако плавахом многы дьни и нощи, носими вѣтреными дыхании. Старец же он пакы по вся дьни сѣдя на кормѣ, съблюдая нас от волнъ и окормляя даже и до брега. И тако невидим бысть. Достигшим же нам пристанища тиха, и на брегъ изыдохом; и начахом повѣдати друг другу о видѣнии старца, бяше бо не всѣмь видим, но трем токмо. И так на мног час дивящуся, прославихом Бога, творящего преславная чюдеса святым своим угодником!»

Се же повѣдаша нам близ моря живущеи, в веси Шуи-рѣка[199] наричемо

А это поведали нам живущие в поморье: в деревне, называемой Шуя-река

Нѣкыим от сущих ту по морю стражущим в плавании и велику бѣду приемлюще от буря волнъ. И так начаша молитися Всемилостивому Богу и того Пречистѣй Матери, и святых на помощь призывати началников соловецскых Зосиму и Саватия. И так единѣм часом волны престаша и море на тихость преложися.

И многым являющеся по морю и по суху, скории в бѣдах помощьници. И от сего вси человеци округ моря и от многых странъ велию вѣру имяху к ним.

И вся болящая различными недугы и злѣ стражющих от духь нечистых мучимы, — сих приводяще в манастыр и ко гробом прикладающе, вхскоре вси исцѣление приемлют и здравии отходят в домы своя.

И вси близ моря живущии человеци имуще велию вѣру к манастырю Соловецкому, понеже бо от началников тѣх видяху многа чюдеса бываема. И начаста писати образы их и в домѣхъ у себя держаху и, вносяще в церкви Божия, поставляху на поклоняние всѣм православным христьяном. Мы же, иноци суще, не смѣюще дерзнути таковых угодников Божиихъ по тридесятех лѣт преставлениа их, и неимуще образа преподобных у себе,[200] а Богови творящу их ради такова преславнаа чюдеса! Мирстии же человеци, православнии христьяне, велию вѣру кь святым имуще, молящеся Христу Богу и святых его угодниковь на помощь призывающе, невредими пребываютъ от всѣхъ вражиих обьстояний, славу и благодарение възсылающе Христу Богу.

О явлении столповъ огненых

Инъ нѣкый старець, имянем Осифъ, — тый нам повѣда сице: «Нѣкогда ми пловущу по морю, прилучися пристанище у острова нѣкоего, рекомый Кузова,[201] за тридесят поприщь отстоящь Соловецкаго острова. И стоящу ми в том пристанищи нѣколико дьни ради противных вѣтръ и волнения морскаго. И в нѣкую нощь изыдох из шатра и взыдох на гору высоку и зрех на море. И се вижу: над островом Соловецкым, яко над манастырем тѣм, два столпа огнены свѣтяща и до небесе досязающа. И зрях и дивихся на многъ час. И сшед с горы, повѣдахъ братии всѣм сущим со мною. Они же глаголаша: „Се началникы манастыря того сияют от гробов своих, просвѣтившеся духа зарями. Се есть столпи духовнии, велми подвизавшеся въ временней сей жизни въ молитвах и трудѣх, въ бдениих же и пощениих, и нынѣ яко свѣтила сиаютъ, съ аггелы предстояще святѣй Троици”.

Мы же начахом молити всесилнаго Бога и Пречистую Богородицу, и их угодников преподобных Зосиму и Саватия, на помощь призывающе: „О блаженнии свѣтилници, вы убо непрестанно Христа славословяще и неизреченную его славу ясно зряще! Но и на чад своих не презрите, яко приясте от Бога за труд въздаание! Просвѣтите наша сердца омраченная, с вѣрою к вам притекающих! Да молитвами вашими съхраняеми, от всѣх зол избавит ны Христос Богъ нашь!” На утри, яже въстахом, и бысть на мори тишина велия. Мы же, сѣдше в карбасы, и яко трема часы достигохом острова Соловецкаго. И тако прославихом Бога и Его угодник Зосиму и Саватия».

Чюдо преподобных о двою человеку стражущих

Обрѣтох в том манастыри Соловецком старца нѣкоего, многолѣтна суща, имянем Саватия, имуща въ обители той лѣт пятдесят. Сей повѣда ми вещь чюдну о сих преподобных началникѣхъ соловецких, Зосимѣ и Саватии, при игуменѣ Исаи бывшую:

«Въ время Великого поста, и Спасеной страсти Господа нашего Исуса Христа приближающися, нам же дѣлающим трапезу съ иными братиями, внезапу прииде к нам игумен Исаиа ис кѣлии своея слезенъ велми, яко въ ужасѣ, яко нѣкоим видѣнием движим, начат нам глаголати жалостно: „И кто, — рече, — от вас, братие, хощет потружатися до Шужмоя-острова?[202]” (Бѣ же той остров от манастыря отстоя верстъ яко шестьдесят). Нам же въпрашающим о вещи: „Что ради, отче, тако скорбенъ еси и ненадежну нам сицеву нужну службу повелеваеши?” — понеже море не учистилося, ледове зѣло многии велици по морю; и всѣм отрицающимся таковыя службы. Он же к нам рече: „Есть на Шужмои-островѣ нужно мучатся и злѣ стражут православнии христьяне вь велице скорби!” Мнѣ же, Саватию, уязвися сердце о игуменском послании, и не рѣхъ того никому, точию прииде ми желание не преслушати игумена.

Не по мнозѣ же времени посла нас игумен с другым братом, имянем Ферапонтъ, противу служебников пошедших к Новуграду нѣкыа ради потребы манастырьскыа, в Вирму.[203] Тамо бо бяше пристанище на брезе, дворъ манастырской и всякыя потребы и запасы. Нам же отпущеном на службу, изыдох из манастыря и озрѣхся вьспят, еже поклонитися кь церкви, и абие узрѣх от въстока яко плащаницу огнену по въздуху летящу, и прилетѣвъ прямо гробници преподобнаго Зосимы, и невидима бысть. Мнѣ же страхом и радосию объяту бывшу о предивнѣм видѣнии, наипаче извѣщение приимшу ми о игуменском повелѣнии еже до Шужмоа-острова. Мы же, помолившеся Господу Богу и Пречистѣй Его Матери и преподобных Зосиму и Саватия на помощь призывающе, отпустихомся на море гребью меж ледов.

И тако Божиею помощью приплухом к нѣкоей лудѣ морстѣй;[204] нарицаема Габлуда, от Шужмоя-острова яко пятнадесятъ верстъ, ту же и пристахом. Уже вечеру сущу, възрѣвъшу ми на Шужмои-островъ, идѣже ми игуменъ повелѣ быти, проплухом бо мимо его, вѣтромъ носими, и показа ми ся знамение нѣкое вьскраи острова того: яко два столпа багровидны, не велми великы, — и дивихся видѣнию. И повѣдах брату Ферапонту, сущу съ мною, и глагола ми, яко „и азъ то же зрю”.

Мы же възгнѣтихом себѣ огнь, за належащую стюдень, и възлегох къ огню плечима. Не спящу же ми, токмо грѣющуся, а брату Ферапонту отшедшу в судно почивати. Внезапу слышу за собою человѣка, огнь спотыкающа. Мнѣ же помышляющу: „Что се есть?” Онъ же рече ко мнѣ: „Саватѣй, ехат ли ти в Шужмои?” Мнѣ же отвѣщавшу: „Аще Богъ повелит, и Пречистая Богородица, и началник Зосима — ѣхати ми”. Он же отвѣша ми: „Бог тебя благословитъ, поѣди!” Аз же начах зрѣти около себе и никогоже видѣх, и сего никому же повѣдах сущим со мною.

Въставъше же заутра, яхомся пути; Богу помогающу, достигохом до Вирмы. Манастырьское же дѣло спѣшно устроися нам. Азъ же начах ту живущих въпрашати, есть ли каковыи люди зимовникы в Шужмои-островѣ. Они же повѣдаша: „Судно, рече, розбило там еще с первозимья, иного не вѣмы ничтоже”. Аз же зѣло уязвихся и начах домышлятися, как бы достигнути Шужмоя. Абие отплых от пристаница, начах молити брата иже съ мною, как бы игуменом заповѣданое

сътворити. Оному же не хотящу. Аз же рѣх: „Аще Богъ повелить быти наж тамо, то и вѣтръ дасть по нас". Еже и бысть вскоре. Вѣтру бо дохнувши прямо кь Шужмою-острову. И так въздвигше вѣтрила, скоро достигохом. Брату же прекословящу и вельми смущающуся на мя. Аз же молих его с терпѣнием вещь понести.

Ходящим же нам по острову с нуждею, снѣгу зѣло велику сущу. Мы же тружахомся, гдѣ бы искомое обрѣсти. Потом же обрѣтохом при камени храминку малу, в ней же два человека, нага и гладна, и ногам ихъ гниющим зѣло, точию еле живу сущу. И яко узрѣша нас, начаша кричати, елико могуще: „Господие, кто есте? Или вас соловецкые старци к нам послаша?” Нам же въпрашающим: „Кого глаголите соловецкыхъ старцовъ?” Они же реша: „Два, рече, старца приходяще здѣ, посѣщаху нас, единому имя Зосима, другому же — Саватѣи. И егда прихожаху к нам, тогда нам болѣзнь облегчаше, и глад отхождаше, и стюдень престааше. И нынѣ были пред вашим приходом, рекуще: «Уже пришлемь по вас, не скорбите!» Ино то они ли вас прислали?” Нам же чюдящимся зѣло удивьляющим преподобных отець посѣщению и милости. Какову приязнь имѣют, аще кто с вѣрою их на помощь призывает! Сим же ничтоже о сем вѣдящим, мняху — простии старци приходяще к ним, тако зовоми.

Мы же начахом помалу кормити их и по днех взяхом ихь с собою в карьбас, отвести к манастырю. И начахом плыти. Богъ же молитвами преподобныхъ дая нам тишину велику вь мори. Егда же бѣхом посреди салмы,[205] абие множество ледов прииде, елико нелзѣ протиснутися карбасу. Брат же нача мя которати о взятии болных. Стражющии же, яко услышаша старца сваряща мя, начаша глаголати промежи себя: „Почто старець бранит про нас Саватия, не видит ли людей онѣх, лед распихающих?” Нам же того ничтоже видящим, точию начать лед расплыватися пред нами. Нам же яко рѣка доволно на прохождение посреди ледовъ, такоже и воды по нас устремишася. Мы же в радости и веселии в манаст*ыр*ь достигохом».

Сия ми сказа старець Саватие съ многыми слезами. Обрѣтох бо того в манастыри, пребывающа въ всяком благочестии и чистотѣ и цѣломудрии, многа лѣта имуща въ обители и в чернеческых исправлениих зѣло искусна. Сего же не повѣда ми, каково извѣщение игумену тому бысть, азъ же того и не написах.

О явлении святаго

Бѣ некий старець имянем Герасим,[206] ученикъ блаженнаго Зосимы, живый в пустыни. Сей повѣда намъ:

«Нѣкогда ми пришедшу ис пустыни в манастырь вечере в суботу, и слышах утреняя в день въскресения вь трапезе, и по отпѣтии утреняя братья разыдошася кождо въ свою кѣлью. Мнѣ же оставшю в трапезе, и мало, яко час, пребых, изыдох ис трапезы, уже свѣтящися утренеи зари свѣтло. И мало не дошедшу ми гробници блаженаго Саватиа и възрѣхъ, вижу старца изшедша из гробници Саватиевы и ко Изосиминѣ идуща и, озрѣвься на мя, глагола: „Подвизайся, да приимеши противу трудовь

своих!” И азъ узрѣх образ лица его и познах, яко въистину преподобный Зосима. И вниде вь гробницу свою, затворися. И мнѣ, въслѣд его пришедшу, и отверзох двери гробници, и зрях: не бысть никогоже, точию гроб святаго, — и се явленно видѣх его. И рекох в себѣ: воистину неложна суть обѣщания святаго духом пребывати с нами! Иногда же, пакы пришедшу ми ис пустыня въ святый Великый четверток, и время Литургии наста, идох въ трапезу и стах близ дверей, и се вижу дверми явьствено входяща старца. И зрях на нь прилѣжно, и познах, яко блаженый Зосима прииде; и иде вь церковь. И азъ идох въслѣд его и стах по странѣ дверей церковных, а Зосима стояше на игуменьском мѣсте. Егда же Литургии съвершающися, святый приступи близ царьскых дверей и начат причащати братию Пречистых Тайн Тѣла и Крове Христа Бога нашего; и глагола ми святый: „Иди и ты причастися”. И азъ же идох, причаститися, великым страхом обьятъ бых, зря преподобнаго. И вся братиа причастишася; а святый стояше близ Тайн Христовых, и так невидим бысть. И се разумно буди вам, братие, якоже неложно святый духом с нами пребывает, якоже обѣщася».

О погыбшем съкровищи и о утѣшении братнѣ

Бяше нѣкий старець именем Филимон, повѣда нам глаголя: «Живущу ми в пустыни, и вражнимь наваждением прииде ми скорьбь велия зѣло и възмете ум мой, и пребых нѣколико дьний смущаяся. И въстаах на обычное свое правило помолитися. По молитвѣ же сѣдшу ми, и мало въздремахъ и бых в забвение. Се приидоша в кѣлию мою два старца, аз же глаголах к нимь: „Что без молитвы приидосте здѣ?”[207] И рекоша ми: „Се сътворихом молитву. И ты ли не слыша?” И рекох има: „Сядита, господина моя". И сътворше молитву, сѣде един. И въпросих его: „Господи мой, кто ты еси? Не нашего вы манастыря старци и не имам знати вас". И рече ми: „Зосима ми имя, а се есть Саватие”. И глагола ми о скорби моей, утѣшая мя: „Не буди ти скорби о том, что погибе в кѣльи твоей; то будет, точию подвизайся, а не унывай!” И ина глагола на утѣшение души моей. И так невидимь бысть. И азъ воспрянух и не видѣх никогоже. Скорбь же отиде от мене, и бых в радости.

Нѣкый бо брат положи в моей кѣлии числом 12 гривен сребра, и се, не вѣм како, погибе. Братъ же оскорбися. И аз такоже скорбь приа его ради. И по глаголу преподобнаго, погыбшее съкровище обрѣтеся на своем мѣсте. И азъ от скорби утѣшихся, и брат мой. И въздахом хвалу Богови и святым Его угодникомъ Зосимѣ и Саватию, посѣщающим чадъ своих».

О явлении преподобнаго Зосимы

Се повѣда нам священноинок Досифей, ученикъ святаго: «Бывшу ми нѣкогда игуменом на Соловках.[208] И стоях в паперти[209] церковнем на пѣнии, братии нефимон поющимь.[210] И приида ми въ умъ о нѣкоемь братѣ клирицѣ,[211] болящем тяжким недугом, стражущу от бѣса. И взирах ко образу преподобнаго, начах молитися, глаголя: „Отче святый и преподобне Зосимо! Ты еси началник святѣй обители сей и о Бозѣ събраннѣй братии, не печеши ли ся о брате сем? Много бо время

стражющу ему в недузѣ том! Не можеши ли ты исцѣлити его и въставити здрава?” И се изглаголахъ, опрѣхся о пососѣ[212] и яко въздремах, то же помышляа. И се вижу идуща преподобнаго от своея гробница в церковь, и озрѣвся, рече ми: „Нѣсть ти на ползу прошение, еже молитися о оном брате; еще ему в том пребывати”. И се рек, невидим бысть. Азъ же възрѣхъ и трепет обьять мя. По отпущении же пѣниа, идох по обычаю ко гробу святаго с братиею, и повѣдах им, еже видѣх его на пѣнии и яже изрече ми. И се вси братиа прославиша Бога, глаголюще: „Въистину, господине отче, слышахом от многых братии, яко беспрестани посѣщаеть преподобный святое мѣсто сие по своему обѣщанию, и нас назирая, да некако в лѣности преходим житиа сего поприще”».

Чюдо о нѣкоемь черньци, Елесѣи имянем

Ину вещь памяти достойну повѣда ми прежереченый старець Саватие, глаголя: «Послал нас игумен и братиа на службу: рыб ловити на рецѣ Выгу, у поруга у Золотца. А нас четыре браты, оприч мирянъ: первый — Данила, вьторый — Елисѣй, третий — азъ, Саватий, четвертый — Филаретъ. Идущим же нам по морю и приидохом на уреченое мѣсто Золотець. Начахом по обычаю нашему платити ветхыя сѣти. И не вѣм чесо ради, начат глаголати Даниил Елисею: „Почто, брате Елисѣй, всуе тружаешися, платя сѣти сиа, а уже твоа ловля минула. Ктому убо не имаши рыбъ ловити, се бо ти смерть приближися”.

Елисѣй же сия слышав от него, начат тѣлом утерьпати, душею же ужасатися. И обьять ѝ скорбь велика, понеже не у сподобися великаго образа аггелскаго — схимы;[213] священноиноку бо не сущу ту близ,[214] понеже на пустѣ мѣсте быхом. Мы же начахом его увѣщавати утѣшителными словесы, глаголюще: „Почто тако, брате, малодушьствуеши и себе съкрушаеши;[215] положи упование на Бога,[216] и Тъй сътворит яко же хощеть, Человеколюбець бо есть, и устроить путь твой. Аще на пусте мѣстѣ есмы и священноиноку не сущу, но Богъ вездѣ вся зритъ, Всевидящее Око, аще кто призовет Его от всея душа чистым сердцем. Ты же сътвори достойно и, прекрестяся, положи на себя схиму, молитвы призывая преподобных отець наших Зосимы и Саватиа”.

Нощи же приспѣвшю, начат Елисѣй зѣло пакы скорбѣти, глаголя: „Яко рече ми Данил, как бы ми копие вь сердце въньзе!” И по глаголу нашему положи на себя святую схиму. Нам же велми скорбящим о скорѣм преложении брата; положихом его на постели, и сами опочити възлегохом близ его. Таже сном побѣжени быхом крѣпцѣ. И убудившеся, не обретохом брата на одрѣ. И воставъ, скоро идохом на взыскание его. Мало же поискавъше, срѣтохом его идуща к нам, схимы же не бѣ на главѣ его. Мы же въпросихом: „Гдѣ, брате, схима, бывшаа на главѣ твоей?” Он же отвѣща: „Приидоша множество бѣсов и въсхитиша мя от мѣста, на немже лежа, вам же спящим. И схиму с меня сняша, не вѣм гдѣ”. Мы же въпросихом его, како от бѣсовскых тѣхъ рукь избѣже. Отвѣща: „Зосима, началникь нашь, отъял мя у них”. Мы же и схиму обрѣтохом, на кляпинѣ висящу.

Болный же начать зѣло скорбѣти, якоже и преже, — молит нас, како бы мощно домыслитися вь схиму пострищи его. Мы же положихом его в карбас и пустихомся по Выгу-рецѣ вниз. Бѣ бо рѣка она страшна велми — порогы высокы зѣло и неудобь проходимы. И ужасахомся вельми стремления воднаго. Болный же укрѣпляя нас, глаголя: „Не бойтеся, Зосима здѣ с нами”. Мы же, благодаряще Господа и святаго на помощь призывающе, без вреда преидохом по страшной оной рецѣ и моря достигохом, Богу помогающу нам.

По морю и в Вирму приидохом. Болному же зѣлне болящу и велми скорбящу о своем несъвершении. Нам же о сем мыслящим, како бы вещь съкратить: пуститися к манастырю — далече, яко верстъ от пристанища того 120, а вѣтри по морю противни. Мы же умысливше везьти его в Суму-рѣку,[217] тамо сущу священноиноку, но пакы нощи темнѣ сущи. Вложихом его в большее судно и людей на помощь к себѣ прияхом. Начахом плыти по морю к Сумѣ-рецѣ, и яко быхом посреди губы, вьста на мори буря велика зѣло. И смяте нас и в недоумѣние приведе, понеже парус раздрася и стыр изломися от зѣлныя буря, волны же, горам подобны, въсхождаху на нас. И всѣм нам живота отчаявшимся, людие же с нами в суднѣ горко укоряху и проклинаху нас и болнаго.

Болной же, яко услыша их укоряющих и велми ужасающихся, понеже ничто надѣятися, разве смерть пред очима, зане и весла волны из рук избиша и осташа бездѣлни, ниоткуду помощи надеятися, точию на всесилнаго Бога надежю възложихом и непрестанно преподобных Зосиму и Саватиа на помощь призывахом, нощи же темнѣ сущи, другу друга пред собою не видѣти, болный же рече: „Не скорбите, братие, и не бойтеся, вижю бо отца нашего святаго Зосиму с нами в суднѣ, помогающа нам! Сия же вся стражемь от врага, хотящаго погубити душю мою! Богъ же проженет съпостата молитвами преподобных угодник Своих!” По мале же времени начат вѣтръ улягати и море тишитися. И бысть тишина велиа молитвами святых, — и дьни свитающу.

Мы же познахомься близ пристанища, егоже не надѣяхомся, понеже бо вдахомся волнам, отнюд не имуще о себѣ промышлениа. Приидохом же в Суму-рѣку и манастырскаго дому достигохом. Аз же, Саватѣй, текох позвати игумена того,[218] и сказах старца болнаго, требующа его. Он же не обленися, но скоро прииде съ мною. Приидохом же — и обрѣтохом старца умерша. Мы же начахом плакати горкыми слезами, и на святаго поимы дѣюще и слезы къ слезам прилагающе, глаголахом: „Что, преподобне, толика труда подьяхом, колику в мори бѣду приимше, а надѣяхомся на твою помощ и заступление! Нынѣ же всего лишихомься, егоже надѣяхомся, и не получихом!” Абие же мертвый нача двизатися, мы же припадше и обрѣтохом жива. Начат же глаголати к нам ясно и цѣломудрено. Внесохом же его в кѣлию, и священник начатъ постригание великаго образа, и, съвершив, причастив его Святых Тайнъ Тѣла и Крове Христа Бога нашего. Болный же о всем прославив Бога, и миръ дав всѣм и о Христѣ цѣлование, и пакы успе о Господѣ,[219] сподобився божественаго просвѣщениа[220] молитвами преподобных отець Зосимы и Саватия».

О пожарѣ и о поставлении новыя трапезы

Повѣда ми той же старец Саватѣй:

«Случися, рече, по нашим грѣхом, Богу попущающу сгорѣла у нас в манастырѣ трапеза и церковь теплаа Успение Пресвятыя Богородица.[221] И что было в церкви: сосуды, и ризы, и книгы, и в трапезѣ и под трапезою в подклѣтех всякыя запасы манастырскыя, — то все погорѣ, понеже попусти Богъ тому быти в зимное время. Ни единоя иконы успѣша вынести из церкви или из трапезы; елико служба съдержит церковнаа, и чимь питатися братии, от рыб и от всякого запасу, то все огнь потреби, зане в нощи сущи прииде огнь. Нам же в конечнѣй нищетѣ оставшим, и начахом съвѣтовати, терпѣти ли на мѣсте томъ, или разытися, кого гдѣ Богъ направит. Но токмо едино утѣшение имамы: еже къ гробом началников своих чюдотворцев приходяще молитися, и от них помощи и заступлениа просяще, понеже в недоумѣние впадохом о своем пребывании.

Старец нѣкый, Макарие именем, спостник бѣ преподобному отцу нашему игумену Зосимѣ, живяще бо тогда в пустыни,[222] — той прииде к намъ в монастырь на посѣщение — и нам зѣло в скорби сущи. Он же начат утѣшати нас, глаголя: „Не скорбите, братие, но потерпите с благодарениемь, възложше упование на Господа Бога и Пречистую Богородицу, и преподобных отець наших Зосиму и Саватиа на помощь призывающе. Не оставит Господь, призирая на мѣсто сие святое, своих ради угодник; точию подвизаитеся!”

Мы ж словесы его утѣшевшеся, дѣлу касахомся; братию разрядихом: овѣх — к Москвѣ к великому князю, а инѣх — в Великый Новград къ архиепископу Генадию, понеже велику вѣру имяше къ обители преподобных;[223] и повелѣхом на Москвѣ и в Новѣгородѣ просити у всѣх христолюбцов на създание новыа церкви — храма Пречистыа Богородица честнаго ея Успениа. И отпустихом служебников на море, как бы мощно на брег доити, понеже еще зимѣ належащи и ледове многи ходяще по морю.

Симъ же отшедшим, и мы, оставшеи, идохом в лѣс и начахом приспѣвати древеса на здание церковное и трапезное. Мнѣ же, Саватию, дѣлающу с братиею, и начат ми в нощнѣм видѣнии являтися старець — не единою, но многащи приходя, глаголя ми сице: „Саватѣй, ѣхати тебѣ за салму проводити братию, ихъже отпустисте на службу!” Азъ же помыслих се бѣсовско мечтание быти, не вѣровах видѣнным, дондеже в дѣло произыде.

Старци же повелѣша ми ити в манастырь. И приидох вьскоре, аже посланнии на службу братиа бездѣлны възвратишася. Начаше же мене нудити, яко проводити их за салму. Аз же притекох къ гробу преподобнаго, начах глаголати спроста, яко к живу, к святому: „О, старче Божий, братия нудят мя на такову скорбьную службу! И аще будет угодно святыни твоей, буди ми помощник на дѣло се!” По молитвѣ же идох в соборъ; священици же и старци всѣм служебником слушати

меня повелѣша, и знаменаша нас крестомь, и отпустиша. Мы же яхомся пути на мори.

Доплыхомъ же нѣкоея луды, и неугодно бѣ пристанище, но понеже нощи наставши, поставихом карбас при брезѣ. Мнѣ же хотящу выше възвлещи, онѣмъ же не хотящим, и своеволнѣ поставиша; вѣсла же и дрова, еже имѣхом с собою за настоящую зиму, туто же, близ судна, положиша. Аз же умолчах ради прекословия, и почихом.

Въставше же заутра, судно едва удержахом, весла же и дрова — все вода отнесе.[224] И начахом скорбѣти велми: в манастырь леды не пустят, а на море нѣ с чим пуститися! Всѣм слезы во очию, а помощи ниоткуду! Аз же глаголахъ к ним: „Добро было, братие, слушати мене; а нынѣ какова беда от вашего преслушаниа!"

Начахомъ же молити Господа Бога и Пречистую Богородицу и преподобных на помощь призывати. И смотряхом на море — и паки дрова наши и вѣсла, аки нѣкым гоними, к нам пловяху, дондеже и кь брегу приткошася! Мы же все извлекохом, отнюд ничтоже погибе. И прославихом Бога и Его угодников!

Обаче же единако скорбни есмы, понеже ледове мнози по морю плаваху и пути нѣсть. И зрях к манастырю — и се вижу к нам летящи бѣлы яко снѣг двѣ птици, яко бы мало поменши гуси, и яко прилетѣша близ нас и пакы невидими быша.

Азъ же един отшед кромѣ братии, смотрях на море вод и видех судно к нам пловуще, бѣ же велми хорошо. Слышу же и говорь людской в суднѣ том, глаголющих руским языком. Аз же призвах слугу, шедшаго с нами, [225] и показах ему судно то. Онъ же рече: „И азъ вижу". Мы же много час ждахомь, яко бы близ нас, и пакы невидимо бысть. Нам же ледове разступишася и вода многа явися. Всѣдохомъ же въ свой карбас и преплыхом безбѣдно даже и до брега, направляемы молитвами преподобных Зосимы и Саватия.

Пристахом же и судно извлекохом на гору, и идоша служебники во свой путь кождо, идеже послан. Единъ же старец устремися к Шуе-реце, а бяше от пристанища 60 верстъ. И изнеможе старець на пути. И видит человека, ѣдуща скоро на дровнях, именем Иеремиа.[226] И вопроси й старець: „Далече ли, господине, ѣдешь?" Отвеща ему Еремиа: „Не вѣм откуду приде старець и посла мя по тебя, рече: «Брат изнеможе на пути, иди и возми его!» — и невидим бысть от мене. Аз же скоро изыдох по тебе". И привезе его к себѣ в Шуи-рѣку, понеже бо велию вѣру имяше человекъ той к манастырю. И повѣда старец Иеремию о скорби той, яже в манастыре съдѣяся: что трапеза сгорѣла с церковью и съ всяким запасом. Еремѣи же, учредив его и отвезе в Вирму-реку на пристанище манастырьское к старцу именем Зосимѣ.[227]

Старець же повѣда Зосимѣ бывшую скорбь в манастырѣ, что и вина служебнаго нѣту: нечем Литургии служити. И вопроси Зосимы: „Уже ли, господине, из Новагорода прислали что запасу?" Он же отвѣща: „Еще служебники не поспѣли и к Новугороду! Но не вѣм кто без мене

привез коробью велику за печатми”. Старець же по съвѣту сь Зосимою, — и мнѣ, Саватию, туто же прилучися быти, — отпечатахом крабию, оже в ней всѣ тѣ вещи церковные, о коих наказывали священници и братия: и съсуды, и ризы, и вина съсуд служебнаго. Мы же възрадовахомся и прославихом Господа и Пречистую Богородицю и преподобных началников своих Зосиму и Саватиа, и отпустихом все то в манастырь.

Азъ же, Саватѣй, рекох Зосимѣ, живущему в Вирмѣ: „Гдѣ будет, господине, мощно половити рыбы или купити, и ты, Бога ради, пошли: нѣчего ясти братии!” Онъ же ми отвеща: „Идут отселе людие рыбъ ловити на езера, да и от меня с ними идет старець. Хощеши, и ты поиди с ними”. И начаша нарежати лыжи и кережи, и поидоша ловити рыбы. И азъ с ними же идох. И яша рыб много множество. Азъ на свою долю ях с пять тысящь лещей. И прииде весна, бысть расторопь, соли нѣт, чимъ рыба солити, — а се ужины не ставает![228] Мы же начахом скорбѣти и призывати началников на помощь. В нощи же той яви ми ся преподобный Зосима, глаголя: „Не скорбите; въстав, идѣте в путь свой!” Мы же, въставше, обретохом живущих ту христолюбцов много, пришедших на лыжах, и привезоша на кережах ови соль, инии хлѣбы. И так устроихом ловитву свою. Сами же паки пути яхомся и двѣма дьньма достигохом в Вирму, молитвами преподобных Зосимы и Саватиа».

Чюдо святых Зосимы и Саватиа о Онисимовой женѣ

Повѣда ми священник тоя обители Геласиа именем: «Нѣкий человекь в Шуи-рецѣ именем Анисимь, жену имѣя именем Марью. Человекъ же тъи богобоязнив, саном быше дьякь церковный,[229] живыи вь благочестии с женою своеою, но и правило по вся дьни держашеся. В правилѣ же своем и канун[230] пояше преподобному Зосимѣ, понеже велию вѣру имыи къ святому, видя и слыша бывающая чюдеса от гроба преподобнаго.

Случи же ся женѣ его в лют недуг впасти, от бѣса мучимѣ. На мнозе же сему бывающу, Богу попущающу за съгрѣшениа человека ко исправлению нашему на болшую ползу. Еже и бысть. Сему же Анисиму прииде во ум ити в манастырь на Соловки Всемилостивому Спасу и Пречистѣй Богородици, и къ гробом преподобных отець Зосимы и Саватиа ити, и помолитися с женою своеою. И сътвори тако. И вложивше болную жену в карбас, начаша плыти по морю. Болная же на сон обратися. Възбнувши же от сна, начатъ глаголати мужу своему: „Аз уже была в манастырѣ”. Онъ же нача претити ей: „Престани, жено, что бѣснуешися". Она же пакы крѣпляшеся тако быти. И нача повѣдати какова церковь, какова ли другая церковь, какова трапеза в манастырѣ.

Абие же манастыря достигоша. Анисим же по благословению священниковъ и старцов приводит болную свою жену в манастырь, и помолився вь церквах Спаса и Пречистыа Богородица. Молебная съвершивше, внидоша вь гробницу преподобнаго Зосимы. И остави жену едину у гроба святаго молитися, самъ же изыде въ другую гробницу — преподобнаго Саватиа, отстоящу ступеней яко четыредесять, тамо помолитися о болящей. Сему же молящуся, болная

велми въскрича гласомъ. Анисим же слышав, тече скоро и обрѣте ю лежащу на земли безгласну. Подъятъ же ея и отведе в теплую церковь у трапезы — храм Пречистыя Богородица честнаго ея Успениа. Священникъ же, предиреченый Геласие, освятивъ воду и покропи ея освященною водою, и знаменав Животворящим Крестомъ. Она же пременися от недуга и бысть здрава и смыслена, яко николиже болѣв, и начат глаголати: „Яко внидохом вь гробницу, и мужу отступльшу от мене, мнѣ же молящеися у гроба, ста предо мною ефиопъ чернъ страшен образом, держа в руцѣ древо велико, и удари мя древом по главѣ. Аз же от страха взора того и от удара възопих, елико могыи, и падох на земли. Не вѣдѣ себе, колико лежах. Таже вижду исшедша из гроба старца сѣда брадою. И нача мя отирати мантиею своею по лицу и по главѣ и рече ми: «Жено, буди здрава от недуга твоего». Яви же ми ся и Саватѣй преподобный и глагола ми: «И почто мене не призываеши на помощь, не вѣси ли, яко оба едино есмы?». Зосима же глагола ему: «Не дѣи ея, отче, понеже во мнозѣ скорби не успѣ»”.

Жена же, получивши исцѣление у гробов преподобьных, отиде в дом с мужем своим, радующеся и славя Бога и Пречистую Богородицю и их угодников Зосиму и Саватиа. И оттолѣ болма начаша держати вѣру къ святым и обители их.

По нѣкых же временех случися тому Онисиму самому страдати от зѣлнаго недуга, еже фрянчюги наричются.[231] Он же, забыв благодѣаниа святых к себѣ, прелстився малоумием и призвав нѣкоего кудесника к себѣ в дом, хотя от него врачеватися.[232] И позва его ясти к себѣ. Сѣдоста же на обѣде — и кудеснику с ними за столом. Абие кудесник начат кричати, въскочив, нелѣпыми гласы и очи развращати и побѣже из дому. Мариа же, Анисимова жена, над неюже преже реченое чюдо бысть, пакы смятеся умом и въскочи от стола, начатъ ужасатися и плакати. Анисиму же в недоумѣнии сущу.

Абие же пакы по малѣ Мариа собрав си умъ. Муж же нача въпрашати ея: „Что ти бысть? Почто тако ужасеся?” Она же рече: „Яко сѣдящим намъ за столом, абие внидоша въ нашу храмину преподобнии Изосима и Саватѣй, с ними же познах и третьяго старца, Иоан имя ему".[233]

Той же Иоан всѣми знаемъ бѣ; мнози свидѣтелствуют добродѣтелное его житие, яко велик подвижник бысть в манастыри том, пустынное бо и отходное жителство любя, всякым послушаниемь и смирением, и кротостию украшен, много лѣт поработав в манастыри. Мы же, сиа оставльше, на предлежащее възвратимся.

„Зосима же вшед, держа жезлъ в руцѣ,[234] и нача бити кудесника, глаголя: «Почто прииде, окаянне и страстнѣ, к рабу Божию? Не подобает ти сѣмо приходити, но иди к подобным тебѣ!» Приступи же к тебе Зосима, имыи в руцѣ съсудець мал, и нача помазывати из него яко кистью по главѣ твоей и по лицу. Азъ же, в себе пришед, не видѣх ничтоже”.

Сиа же слышав Анисим от жены своея, абие въ уныние впаде, начат велми скорбѣти и плакати о своем съгрѣшении, глаголя: „Горе, мнѣ

грѣшному, яко Бога прогнѣвах и преподобных отець Зосиму и Саватиа в негодование на ся приведох!” И о сем велми скорбя и каяся. Являет же ся ему в сонномъ видѣнии преподобный Зосима, глаголя: „Что скорбиши тако, человече, и зѣло унываеши! Аз ти даю сѣвѣт, в немже велику обрящеши ползу: аще хощеши исцѣлѣти до конца, молися Богу прилѣжно и глаголи Псалтырь. Аще не можеши самъ, то ученику вели глаголати Псалтырь, сам же, послушая, твори Исусову молитву.[235] Егда же приидет праздник святых Богоявлений,[236] ты же искупайся въ иердани[237] и получиши цѣлбу". Анисимь же вся повелѣнная в видѣнии явѣ сътвори — и абие бысть здравъ всѣм тѣлом, яко николиже болѣв.

Въпрашаетъ же и кудесника оного, что ради тако воскрича. Он же, понашая ему, рече: „Почто нас призываеши на срамоту, а имыи у собя такова врача, от негоже азъ злѣ пострадах!” Той же Анисим поживе многа лета, здравьствуя и благодаря Бога и угодников Его — преподобных Зосиму и Саватиа. И вь старости добрѣ и исповѣдании преставися».

Се же написах к вашей любви на ползу, слышах бо от неложных устъ достовѣрных человекъ. Вы же, Господа ради, простите мя, понеже дерзнух растлѣннымъ смыслом и недоумѣнным разумом, отнюд недоволен к сицевой повѣсти. Сами раздрѣшите недоумѣние мое, о Бозѣ имѣя разум по данному вам от Господа таланту, и сиа украсив, и нас просвѣтите и мьзду приимете от Вседержителя Бога.

Чюдо о жене умръшей

Нѣкий человек, имянем Иеремѣй, измлада живый у преподобнаго въ обители, послужив лѣта доволна в манастыри всякую службу, еще блаженному Зосимѣ сущу в животѣ. Потомъ же той Иеремѣй отиде в Шую-реку и пребываше мирьскым обычаем: поят себѣ жену и породи чадо. Преподобный же въ своя времяна отиде Господу, егоже от юности възлюби, и преиде в вѣчную жизнь.

Той же Иеремѣй, самовидець быв чюдному житию святаго, аще и в миру живый, но обаче велию вѣру имяше к святому; аще коя скорбь прилучашеся ему, онъ же моляшеся Богови и на помощь вь молитвѣ Зосиму призываше. Имяше же у собя дщер едину; да яко прииде юная в возрастъ подобный на счетание брака, онъ же приатъ себѣ нѣкоего юношу в дом свой и вдасть за него дщерь свою в жену. Сим тако бывающим: юным онѣм пребывающим вь благопокорении, съюзѣ любовнѣм и о всѣм отцу и матери угажающим.

Ненавидяй же добра искони дьявол состави им брань меж себя. Оскорбися юноша гнѣвом велиимъ на отроковицу — и связа ей руцѣ слабцѣ же нѣкако, сам же отступи нѣгде мало взыскати орудиа, чим бити ю. Являет же ся ей кознь бѣсовъская въ образѣ человечи, показаяй нож, лежащь близ ея, глаголя: «Возми нож сий и заколи себе, понеже муж твой велми разгнѣвася на тя и хощет тя мучити без милости». Она же, наваждениемъ врага, исторже руцѣ от юзѣ и, похватив нож, нача рѣзати себя по горлу и по грудем. Прииде же муж ея и обрѣте ю

лежащу, всю кроваву, мало дышущу. Мышляше же юноша въ умѣ, хотя вринути ея в рѣку и без вести сотворити. В то же время прилучися быти тамо игумену соловецьскому Исайи. Родителя же отроковици, ощутивше сия, скоро притекоша в дом, плачюще горцѣ. И тако призывают игумена Исайю, идѣже лежаше мертвая.

Прииде же отець отроковици в память чюдес бывающих Зосимою, начат съ слезами призывати преподобнаго на помощь, глаголя: «Умоли Бога, отче святый, о лишенѣй сей отроковици, да негли умилосердиться Богъ твоими молитвами и въздвигнеть еа от смертныя язвы! Помяни, блажене, яко послужихъ тебѣ съ всѣм усердиемъ и николиже заповѣди твоя преступих! Помози ми, старче Божий, бѣдующу и убогое свое чадо видя злѣ кончающеся! Услыши, святый Божии, не презри нас, молящихся в час сей, припадающихъ твоей святости!» Сия отцу отроковици съ слезами горкыми и рыданием въпиющу, яко и всѣх ту сущих на плач подвиже с собою.

Умили же ся игумен Исайа, зря человека того в велицей скорби и бѣдѣ, начат молити Господа Бога и святых молитвы на помощь призывати о умершой отроковици. Сим же молящимся, мертвая ненадежно очи възведе и въста абие, яко от сна. Они же сия видѣвше, ужасом одержими бѣяху; и прославиша Бога и преподобнаго Зосиму! И бѣ видѣти странно зрѣние: смертныя раны на тѣле имущи и кровию всю обагрену, но молитва святаго, сь Богом, възможе и неисцѣлныя цѣлити!

Отець же еа, радость съ слезами смѣсив, въпияше къ святому, яко живу сущу и ту предстоящу: «О блажене отче Зосимо! Аще възмоглъ еси о Бозѣ мертвую въздвигнути, то и раны сия можеши въскорѣ исцѣлити!» Болная же на сон обратися — и являются ей преподобнии Зосима и Саватие во снѣ; и дасть ей Зосима съсудець, яко масти исполнь, глаголя: «Помажи себе по ранамъ, понеже отца твоего и матере слез не можем стерпѣти! Того ради приидохом исцѣлити тя». Она же сътвори тако, и абие по трех днех раны оны неисцѣлныя без вести быша.

Сице безмѣздный врач дѣйствова благодатию Святаго Духа и възможе неисцѣлнаа въскорѣ целити! Дивити же ся и человека того вѣрѣ: якоже нѣкто от подруга своего должное прошаше, сице и сей похвалным безстудством прошение получи! Понеже добрѣ проси — и приат независтнѣ! По нѣкых же лѣтех тьй Иеремѣй отвержеся мира и прият аггельскый образ на Соловках, въ обители святаго, и поживе в добрѣ исповѣдании, и тако скончася о Господѣ.

Чюдо о Василии разбойницѣ

Нѣкий человекъ ноугородець, рода болярьска, Василие именемь, бѣ же силою велми мочен, живый непотребно житие, сирѣчь буяческо, бѣ бо разбойник лют. И прииде ему въ умѣ, како бы отрещися злаго того нрава и приати иноческый образ. И прииде на Соловкы въ обитель преподобнаго Зосимы, и ту постризается от игумена, и облачит его въ мнишескый образ. Пребысть же нѣколико время в манастырѣ в повиновении и в велицѣ послушании и смирении.

Ненавидяй же добра искони злый съвѣтник диаволъ начат разжигати и влещи его на первый обычай. Приим же си въ умъ бѣжати из манастыря. Таже злый съвѣт и на дѣла производит окааннаго. Украдает себѣ карбас манастырской и елико же гдѣ что обрѣте: от книг или платья, или иныа какыа вещи, якоже есть обычай крадущим, събирает же вся сиа в карбас. Нощи же наставши, Василию бдящу, подобна времени ожидающу, и съ всѣм тѣм, елико имяше, бѣгу ся ят, един пловый по морю, аможе вѣтръ несый его.

Приносим же бывает въ Анзеры — остров тако нарицаем, Соловецкый же бѣ; той остров от манастыря верстъ пять на десять. Абие сонъ нестерпим наиде на нь, елико немощно гренутися или очию възвести. Он же приставает к брегу, хотя мало опочити. Поставляет карбас с рухледию при брезѣ, сам же падает на земли, сном тяжко одержим. Спящу же ему, являются два старца къ нему пришедша. Единъ же от них, со гнѣвом възрѣв на нь, рече: «Како, окаанне, крадеши мя! Азъ съзидаю, ты же разаряеши!» Тать же и въ снѣ, яко на явѣ, нача каятися к нему: «Прости, господине отче, прости!» Святый же отвеща: «Прощение получиши, а седѣти три дни на мѣсте том, плача!» Еже и бысть. Възбнув же от сна, не бѣ гласа, ни послушаниа: ни старцевь, ни карбаса. Он же начат плакати о своем съгрѣшении 3 дни. В четвертый же день гостем ѣдущим с Двины близ острова того, он же начат вопити и звати их к себѣ. И послаша по него с малым карбасомъ, и привезоша й к себѣ в ладию.[238] Он же сказа им вся яже о себѣ. И тако привезоша его в манастырь.

Мы же на предняа возвратимся: каково промышление имѣет святый о своей обители. Ловцем манастырьским сѣдящим на тони[239] за морем во Умбѣ-рецѣ,[240] отстоит от Соловецского острова яко пятьсот верстъ или множая. Бѣ же тамо старець Фотѣй именем. Сему же спящу в кѣлии, от труда ловитвенаго почивающу. Являются ему два старца; зрит же, яко и молитву сътвориста. Фотей же позна единого, бѣ бо ученикъ святаго, рече: «Какъ бы тя знаю, господине, ты еси Зосима, отець нашь». Святый же отвеща: «Азъ есмь. Привезох же вам и карбас, аще требуете. А яже в карбасѣ, сия вся съхраните, да ничтоже от тѣх погибнет!» Сим же бѣ нужна потреба, карбаса на ловлю не имѣющим.

Фотѣй же, от сна възбнув, истинно видѣние обрѣте. Призываетъ же и сѫдѣлникъ-подруг своих и възвѣщает видѣннаа во снѣ. Они же явѣ шедше на море, обретоша карбасъ съ всею рухледию, ничтоже от положеных погибе! А таково растояние долготы моря: колико ловцов, колико ѣздящих по брегу и по морю, а ником же бысть врежено положеное в карбасѣ! Видите ли, братия, каково попечение имат о мѣсте сем блаженый отець наш Зосима! Сия же видяще и слышаще, подобает намъ съ страхом о своем спасени пещися, и несумненною вѣрою Богови молитися прилѣжно, и угодников его преподобных Зосиму и Саватиа на помощь призывающе — да молитвами их избудем вѣчныя муки и будущих благъ сподобимся!

Чюдо святых отѣць Зосимы и Саватиа, како спасоша от потопа Феодора Парфѣева

Поведа нам некий человекъ именем Феодоръ, житие имыи в Сумѣ-рецѣ вскрай моря, имея же велию вѣру к преподобным Зосиме и Соватию, началником соловецскым, и глаголя:

«Случися нам нѣкогда в лодиях ити по морю з Двины, а азъ сь своими наимникы в лодии, и внезапу приде буря велика в мори. Нам же в велице бѣдѣ сущи. И начахом молити Всемилостиваго Бога и Пречистую Богородицу и преподобных на помощь призывати Зосиму и Саватиа. Лодии же стоящи на якори, велми обуреваемѣ, и нам отчаявшимся живота. Мне же влѣзшу внутрь лодии, и сѣдя, от печали въздремах — и се вижу: на лодии нашей два старца сѣдяща и глаголюща кормнику: „Вороти лодию носом к вѣтру — и стройно будет". Азъ же възбнух, скоро притек к сущим во льяле, воду льющим,[241] и начах сказывати, яже видех. Единъ же от них рече: „Азъ льях много воды и утрудихся, и сон обьят мя. Седя дремах — и вижу два старца сѣдяща на лодии нашей в сий час, и един к другому глаголя: «Побреги, брате, лодии сея, азъ спешю къ обѣдне на Соловкы»".

Мы же сие видѣхом, и слышавше глаголанная, велми возрадовахомся и прославихом Бога и преподобных Зосиму и Саватиа. И надежаю веселихомся о спасении нашем от истоплениа. И абие вѣтръ преста, и море на тихость преложися, и бысть нам повѣтрее благостройно и до пристанища, ко молитвами святых здрави достигохом в домы своя».

Чюдо святаго о Никонѣ

Многа от многых человекъ слышах о семь преподобнѣм Зосимѣ, игумене соловецском, по рекам и по наволокам[242] живущих во всем Помории. Аще ко гробу его кто с теплою вѣрою приходит, призывая на помощь, всяк тощь не отходит. Не точию же у гроба исцѣление бываеть, но и по морю и по суху: идеже аще кто призовет къ Богу в молитвѣ преподобнаго Зосиму, абие милость Божиа послѣдует и скоръ в помощи обретается. Нынѣ же ми слово предлежит, еже слышах извѣстно от повѣдающих сиа.

Есть в Помории наволок, Унежма[243] завомо мѣсто то. Нѣкий же человекъ, Никон имянем, тамо живый. Сему же прилучися болѣзнь тяжка зѣло: бѣсъ лют нападе на нь. И удолжися болѣзнь его яко до полутора года. И живота отчаяся, непрестанно мучим от бѣса на всяк день. Нападению же бѣсовскому сице вина бысть на Никона.

Два волхва живяху в той веси, имѣюшу прю между собою и тяжущася на судѣ. Никону же прилучися свѣдетельство между има: и единому угоди, а другаго оскорби. Оскорбленный же похвалися на нь. И так, бѣсовскым ухищрениемъ и прелестию своею, злокозненым дѣйством нача кудесбити — и насылает бѣса на Никона, Богу попущающу съгрѣшений ради. Начатъ же бѣс мучити его без милости. Никон же разумѣ, откуду сиа скорбь наиде ему, яко похвалися на нь окаанный той волховъ. Посылаетъ же сына своего къ другому волхву, емуже приазнь сътвори, да бы ему помоглъ и бѣса прогнал от него. Он же расмотрив въ своем вълхвовании, отвеща сице: «Не мощно ми прогнати бѣса от тебе, понеже самому сатонѣ предан еси, но и кости твоя отдав бѣсам на

раздѣление. Нѣчто ти мало помогу за твое добро — на един месяць, прочее же промысли о себѣ. Аз ти даю съвѣт: аще хощеши съвершенѣ избыти от беса того, то поѣди на Соловкы к тамошнему старцу. Инако бо не можеши избыти, понеже сатанѣ предан еси в даръ».

Никонъ же бяше зело мучим от врага, съвѣщавает своим, повелѣ вести собя на Соловки къ Всемилостивому Спасу и Пречистые Богородици, и ко гробом преподобных Зосимы и Саватиа. Абие бѣс нача мучити его без отпуска на многи дни, разумѣ бо окааный скорое свое побѣждение от святаго. И толма умучи болнаго, яко замертва лежаща. Сердоболи же его в недоумѣнии быша: вести ли в манастырь или не везти, понеже видѣща его конечное дышуща, и ничтоже надѣятися, развѣ смерть. Еще же ему дышащу, они же по перьвому съвѣту и по его вѣре, тѣх вѣру восприимше, иже при Христѣ разслабленаго принесше на одрѣ къ Христу[244] на исцѣление, и не обрѣтше кудѣ внести народа ради, они же верхъ храмины прокопавше, свѣсиша съ одром пред Исуса, Христосъ же по принесших вѣрѣ исцѣли разслабленаго. Сице и сих вѣра дѣйствова. Положиша болнаго в карбас еле жива, Богъ же подасть им угодно плаваниа, скоро достизають манастырь. И вземше болнаго на одръ, в гробницу преподобнаго внесоша.

Лежащу же ему у гроба святаго от третьяго чеса нощи даже до шестаго. Старець же нѣкий, имѣя к нему приязнь, прииде въ гробницу посетити болнаго. Дѣти же его седяху над нимъ. Старець же глагола им: «Отидите от него и шедше почиите, не подобает вам ту сѣдѣти». Самъ же един оста у него и начат рѣчи истязати от болнаго. Он же точию очи възведе, гледая сѣмо и овамо. Показует ему старець гроб преподобнаго. Он же едва мичаша, рѣчь же его не знаашеся. И отиде старец в кѣлию, его же остави единого. Помедлив же мало, пакы приходит къ гробници. И пришед кь дверем, молитву сътворяет, болный же, внутрь сѣдяй, отвѣща сладцѣ свѣтлым гласомъ: «Аминь». Старець же скоро вниде вь гробницу, обрете Никона здрава и сьмыслена, в ногах у гроба святаго приседяща.

И начатъ въпрашати его, како исцѣление получи. Болный же рече: «Зосима чюдотворець исцели мя». Въпрашаше же ѐ старець: как и кыим образом? Онъ же отвѣща: «Приидоша множество бѣсов и начаша клопот велик творити, идѣже лежахъ. И стѣну начаша гробници подоймати: хотяху отсюду похитити мя. Гласы же страшными кричаху. Ови же крючие поддѣюще, влечаху мя. Кождо их поглотити хотяше, зубы скрегчюще. Аз же слышу глас из гроба преподобнаго, к себѣ зовуща мя, и рече: „Приближися ко мнѣ, а не устрашайся ловлениа их!” Аз же отвещах: „Не могу, господи мой, въсклонитися!” Он же рече: „Опирайся рукама и ногама — и Богъ поможеть ти”. Аз же едва въстах и приползох къ гробу святаго. Онъ же прият мя своима рукама и посади мя здѣ и рече ми: „Богъ помилова тя, яко к нам прибѣглъ еси; отселе не бойся лаяниа их, и не имаши их ктому узрѣти”».

Никон же повѣдая старцу бесовские рѣчи: «Якоже отъят мя у них преподобный, они же начаша тязати бѣса того, кои мя мучил, от негоже мя избави Господь молитвами святаго чюдотворца Зосимы: „Почто, — рече, — окаанне, пустил еси его сѣмо к прелагатаю сему? Или не вѣси

его, колико нам много зла творяща! Что ради там не предал еси его горцѣй смерти, да не избежал бых от рук наших? Се был предан отцу нашему сатанѣ!” Той же к ним вѣщаше: „И добрѣ умучих его, но не вѣм, како гонзя от мене!”»

Никон же здравъ бысть, благодатию Христовою. Веде его старец в кѣлию свою, и даша ему ясти и пити. Дѣти же не хотяху взяти его в дом свой, бояхуся пакы бѣсовскаго нападаниа. Являет же ся ему преподобный в нощнѣм видѣнии в кѣлии и рече: «Иди в дом свой, ничтоже бояся; якоже преже рѣх ти, не узриши ктому бѣсовскаго злодейства». Отиде же в дом свой, радуяся и веселяся и славя Бога, и благодать исповѣдая угоднику Христову преподобному Зосимѣ, яко его молитвами и заступлением исцеление получив.

Оттоле же велию вѣру стяжа къ святому. Его же и сам видѣх здравьствующа и скачюща, хваляща Бога. Яко Енѣя он, иже при апостолѣх исцеление получи, иже бывый хром от чрева матерня, егоже Петръ и Иоан исцели,[245] и тако и сей «мертвъ быв и оживе, и изгиблъ бѣ и обрѣтеся».[246] Сице дѣйствуют молитвы преподобнаго отца нашего Зосимы! Не токмо же се, но ина многа и неисчетенна чюдеса! Мы же елика достигохом, сиа и писанию предахом.

Чюдо о чернци Викентии

Брат нѣкий, живый в том манастыри на Соловках, Викентие именем, повѣда нам сицеву вещь о себѣ. Не точию же от него единого слышахом, но и от многых с нами живущих в манастыри.

Отверьгшуся ему мира в юности и приимшу иноческый образ в той обители, поживе же во исправлениих чернеческых, якоже лѣпо юным черньцем; в послушании у старца живяше даже и до днесь. И сему тако живущу, елика сила подвизающуся о своем спасении, Богу попущающу, искушение прииде на нь от врага, ли юннаго юность наказующе, или угодника своего преподобнаго Зосиму прославляюща, да и всѣм победителя покажет его на нечистыа духы, еже и бысть.

Случися ему такова страсть от бесов, мука нестерпимая; за лѣтнее обхожение мучаху его непрестанно, на всяк день разбивающи, пѣны кровавы точаща, якоже ми сам сповѣда. Егда же мало облегчаше ему, он же хождааше к церкви на съборное пѣние. И бѣси непрестанно нападаху на нь: егда к церкви или от церкви идяше, они же емше, в лѣс влечахут ѝ. Когда же приступлют к нему нечистии дуси, тогда являхуся ему два старца в куколех и отимают его у них, и проваждаху в кѣлью его. Являет же ся иногда третий старець с ними незнаем, иже велику приазнь имѣя к нему. Въ время егда мучаху его дѣмони, к себѣ влекущу и своим называюще, старець же той отгоняше их, знамением креста ограждая болнаго. Болный же вопрошаше его, глаголя: «Кто еси, господи мой, сице мене милуеши, окааннаго?» Он же отвеща: «Не знаеши ли мя? Аз бѣх вашь ближний съсѣд, понамарь[247] на Ильинѣ улицѣ; имя мое Василей»[248]* — бѣ бо той Викентие ноугородець родом. Повѣдает же извѣстно и о тѣх дву старцех, иже в куколѣх являются, провожающе болнаго до кѣльи: «Той, рече, отець нашь

преподобный Зосима, а другий — Саватѣй». Се же мнит ми ся яко аггелъ его хранитель или ин нѣкто от святых.

Потом же и язык отъятся у болнаго брата яко на месяць. Приставлени же бяху к нему два брата стрещи его, и водяхут его по вся дьни ко гробом преподобных Зосимы и Саватиа. Въ един же от дьни приведоша его вь гробницу блаженнаго — болный же зрит явьствено преподобнаго Зосиму, въставша из гроба и вь правой руцѣ держаща крест и знаменающа его, и по лицу мантиею своею отираше. И абие в той час отверзеся язык его, и бысть здравь и смыслень, начат глаголати ясно Божиа величиа и святаго чюдеса, како пострада от бесов и како исцѣлѣ благодатию Христовою и Пречистыя Богородица — общиа надежда и ходатаици всѣм христианом, и преподобных отець наших Зосимы и Саватиа.

Чюдо святаго о слѣпом

Человек нѣкый земледѣлецъ, Иоан именем, житие имыи в Золотицерѣкѣ,[249] отстоит от Соловецского острова яко 60 верстъ. Сему случися болезнь очная, тяжка зело, бысть даже до года, дондеже и свѣт очию погуби. Отнюд ничтоже видя, прочее ногама ходя и руками осязая, водим бываше человекы. Сей слыша многа чюдеса бывающа у гроба преподобнаго Зосимы, начялника соловецьскаго. Нача молити нѣкыя от тамо живущих, яко да везут его на Соловкы къ Всемилостивому Спасу и Пречистѣй Богородици и целбоносному гробу богоноснаго отца. Они же умильшеся на нь, взяша его с собою в манастырь.

Приводят его к нѣкоему старцу от живущих ту, дабы ѝ научил како помолитися, бяше бо простъ поселянин. Старець же веде его к священнику, егоже неделя, и повѣлѣ дати на молебен и на службу. Священнику молебная съвершающу, старець отводит слѣпаго ко гробу преподобнаго и рече ему: «Молися прилѣжно Господу Богу и преподобному Зосиме, да некли милостив ти будеть Богъ, молитвами святаго, и получиши желаемое». Слѣпый же все сътвори по повелѣнию старца.

Божественѣй службѣ съвершаемѣ, оному же стоящу у гроба святаго въ велицѣ умилении, съ многы слезами молящуся и лицемь к земли прекланяющеся, — абие милость Божиа послѣдова, и слѣпому сладкый свѣт даровася. Он же начат велиимь гласом хвалити Бога и святому благодать исповѣдая. И вниде в трапезу человек той, и с братиею яст и пит веселяся; заутра бѣ слѣп, нынѣ же прозрачно видит!

Идущу же ему посреди монастыря, ненавидя искони добра враг вложи в сердце его, яко не молитвами святаго прозрѣ, но тако просто болѣзнь отиде. И паки мрак наиде на нь, ничтоже видя. Он же, въскричав, начат осязати пакы, яко же и преже. Взятъ же быв нѣкым и отведен к тому же старцу. Старець же той, искусен сый, въпроси его: «Что ты помысли о себѣ, егда прозрѣ?» Болный же, срамом побѣжен, утаив вещь. Старец же прилѣжно въпрошаа, он же едва в чювство прииде своего маловѣриа, начат каятися старцу, яко: «Помысли лукавии сътвориша

ми се! Сия же ми помышляющу (конец моему невѣрию!) — казнь приях от Бога и от преподобнаго Зосимы: в той час ослѣпох». Старец же, тазая его досадителными словесы, глаголаше: «Окаянне и страстне! Как дерзнул еси таковая помыслити о святѣм — и прогнѣва Господа и преподобнаго! Нынѣ же даю ти съвѣт на ползу: аще хощеши помилован быти, иди къ гробу святаго и плачися о своем безумии, моляся Богови и святаго на помощь призывая, да некли помилует тя Господь молитвами преподобнаго, и отпустит ти съгрѣшениа!»

Он же, шед в гробницу, нача горко плакати своего лишения и, припадая пред гробом святаго, с многыми слезами каяся о своем зломыслии. Братии всей плачася, еже молити за нь, и исповѣдаяся Господеви прилѣжно в сокрушении сердца умиленною душею, якоже пишет въ Книзѣ Псаломстей: «Сердце съкрушено и смирено Богъ не уничижит». [250] Умилосердися убо Всемилостивый и незлобивый Владыка Христосъ молитвами угодника своего, дарова ему в той час пакы прозрѣти. Он же изыде из гробници свѣтел очима и здрав всѣми чювствы, много благодарив Господа и Пречистую Богородицу и великаго в чюдесех преподобнаго Зосиму, свое же безумие укаряя и маловѣрие; и достовѣрен быв проповѣдник чюдесем святаго, понеже сам искусись не поношати святым, но теплѣ молитися.

Чюдо о юноши, како обогатѣ посѣщением святаго

Нѣкый юноша именем Анфим прииде из Новаграда с нѣкым купцем в Поморие купля ради в зимное время. И обиташа въ Шуи-рецѣ на брезѣ моря. Приспѣ же тогда вешнее время. Люди с мѣста того хотяху итти на добыткы на море на веснование.[251] Въсхотѣ же и тъй Анфим с ними итти на промыслъ. Таже поплыша в судѣх по обычаю. Богъ же дарова им угодно плавание, достигоша до онѣх местъ, идеже имать обычай звѣрь восходити. Они же велми много яша звѣри добытка, кождо на свою часть, юноша же той в заговоре с нѣкиим человеком тамо живущих, и поплуша въсвояси в велицѣ гобзавании веселящися.

Принесе же их вѣтръ к Соловецскому острову. Бѣ же обычай манастыря того, по грамотѣ великого князя жаловалной: аще кого прикинет ко острову з добытком, игумен з братьею того манастыря от всякого добытка емлют на монастырь десятое.[252] Послаша же к ним единого старца имянем Пахомия. Той же рече имъ: «Дайте нам, чада, десятину от добытка вашего, якоже обычай содержит». Они же не хотяху дати десятины, отвещаша тако: «Дадим мало нѣчто, еже обѣщахом дати Николе на молебен». Той же юноша Анфим скоро притек, рече старцу: «Азъ, господине, от своего добытка дам десятую часть». Старець же благослови его, рек: «Богъ, чадо, исправит добрую твою мысль». Мѣсто же то от манастыря тринадесять верстъ, идѣже присташа.

Юноша же той, отпустив старца, возлеже почити. И якоже успе, абие слышит нѣкоего стояще над собою и молитву Исусову творяща. И по молитве рече: «Богъ, чадо, да исправит мысль твою благую, еже добрѣ съвѣщал еси, да воздасть ти сторицею в нынешний год и въ прочая, да умножатся имѣниа твоя!» Юноша же, яко услыша, скоро въскочив с мѣста, на немже лежа, нача зрѣти прилежно, от кого сие слыша. Абие

видит дале старца идуща от него, худы ризы носяща и мала возрастом. И скоро течаша вьслѣд его, еже бы постигнути. Он же невидим бысть. Анфим же извѣстився видѣнием, с радостию отдав манастырю десятину от своего добытка, ничтоже разсужая.

Мужие же они, иже скупостию одержими, не восхотѣша дати десятины манастырю, вкладшеся в насады,[253] поплыша от острова в голомя. И абиа въста буря велиа, и много тружшеся, ничтоже успѣша, но и насады их съ всѣм добытком опровергошася въ глубину. И едва сами еле живи спасени быша от иступлениа. Приплувша на брег, поискавше же добытков и ничтоже обретоша, възвратишася въ своя тщама рукама.

Юноша же Анфим отиде по морю стройно, благодатию Христовою и молитвами преподобнаго игумена Зосимы, исторгова добрѣ и придобы доволное богатство по словеси святаго.

Чюдо о болнѣм отрочати

Повѣда ми старец тоя же обители Соловецскые:

«Послан бых на службу игуменом и братиею в Великый Новград и тамо о дѣлех манастырьскых упражняющу ми ся. И нѣкый гость именем Михайло Сысоев позва мя к себѣ. Сему же Михаилу сын боляше велми, Матфѣй именем, отроча возрастом шестью лѣт. Бяше же болезнь тяжка зело: оба прохода занело, и оток прииде на все тѣло его, и уже лежащу у последняго издыханиа без ответа на долго время; отець убо и мати отчаястася живота его.

Пришед же к нему и обрѣтох его в велицей скорби по дѣтищи. Бѣ видѣти жалостен позоръ и умилениа достоин. Сына отцу и матери еле жива зрящу, мало дыхающа, и начаша ми глаголати: „Слышали есме, господине, о чюдесѣх преподобнаго Зосимы, вашего началника, яко его ради молитвъ Богъ многим подает исцѣление. И нынѣ помолися к нему, отче, дабы помиловал чадо наше!” Азъ же, видя их в велице скорби, дерзостнѣ отвещах: „Аще хощете его жива видѣти, обѣщайте его на Соловкы преподобному Зосимѣ!” Они же, с радостию слово приимше, рекоша: „Не точию, господине, его, но и дворъ сей в дом Всемилостивому Спасу на Соловки и Его угоднику преподобному Зосимѣ!”

Азъ же, приступив ко отрочати, начах именем звати его: „Матфѣй!” Онъ же яко от сна възбудися: очи възведе, ясно зря на мя, и языком проглагола, яко здравъ. И азъ подъимъ его, посадих на постели. Начат же отрок ясти просити. И принесоша скоро. Онъ же ясть и пить, и бысть здравь, благодатию Христовою. Отець же и мати начаста дивитися Божию человеколюбию и отрока скорому измѣнению, яко да от врат смертных изведен бысть въ едином часѣ, — и прославиша Господа Бога и Пречистую Его Матерь и угодника их Зосимы чюдотворца».

Чюдо святаго о ином отрочяти

Инъ нѣкий гость в том же Великом Навѣградѣ имянем Алексѣй Курюков. Сего же сынъ имянем Василей тяжкым недугом одержим, якоже и много случается отроком юнным. Отець же отрока бяше в велице скорби, видя чядо свое на всяк день мучимо от лютаго бѣса. Но и скорбяше, а человеческа пакы помышляше, а не разумѣ твердаго пристанища, еже просити от Бога милости и святых его призывати на помощь («плотстии бо, рече, духовная мудрьствовати не могут»[254]). Пристави ко отроку нѣкоего волхва. Той же и по иным волхвом ношаше его, и ничтоже успѣша. Болезни же продолжившися на много время, и дѣтищу в горшее пришедшу. И бѣ видѣти родителем странно зрѣнием. О, очи развращеннѣ смысла не имущу!

Прииде же въ ум Алексѣю тому, отцу отрока, колико время погуби и много имѣниа истощи волхвам и обавником, а ползы ни малы получи! (Како бо мощно бѣсу, бѣса изгнати, а естественую любовь межьду собою имущим!) Съвѣщавает съвѣт благъ - прибѣгает к Господу Богу и Его Пречистѣй Матери, и преподобнаго Зосиму, началника соловецскаго, на помощь призывает, бѣ бо слышал от многих о святемъ, яко его ради молитвъ бывают многа исцѣлениа.

В то же время прилучись старцу соловецскому быти в Новѣгородѣ. Алексѣй же старца призывает в домъ свой и повѣдает о отрочати, како стражет нестерпимую болѣзнь от нечистаго бѣса: «Молим же тя, отче, помоли Бога и Пречистую Богородицу и преподобнаго Зосиму, началника вашего, дабы его молитьвами Богъ помиловал дѣтище наше!»

Старець же, верою огражен преподобнаго Зосимы, повелѣ отроча к себѣ принести. И принесоша. И взем на руцѣ отроча, глаголя: «Молитвами преподобнаго отца нашего игумена Зосимы — буди, чадо, здравъ!» И взем рукою своею руку отрока и прекрести его трижды. Абие же отрок нача веселѣти и свѣтло склабитися, потомъ же сам нача креститися. И тако, Божьею благодатью и молитвами преподобнаго, отроча исцѣлѣ[255] и даровася отцу сынъ здравь, очистився от лютаго бѣса, яко николиже болѣв. Алексѣй же послав Соловецскому манастырю доволно милостыню. И от того времени велию вѣру стяжа к Спасу на Соловкы и его угоднику преподобному Зосимѣ.

Чюдо о ином отрочати

Человекъ нѣкий, Андроник именемъ, бѣ же от нарочитых, данник великого князя, житие имыи во Унбѣ-рецѣ.[256] Ѣдущу ему на Лопъ дани брать,[257] и прилучися ему быти в Варзузѣ-рецѣ[258] с ним же и жена его. Бѣ же дѣтище у них мужскый пол, Симеон имянем, двою лѣт сущи. Впаде же отроча оно в болѣзнь тяжку зѣло и к концу приближися, послѣднее дышущу. Отець же и мати жалостно плакаху над дѣтищем и гробная уже приготоваша.

Прилучи же ся тамо быти старцем Соловецскаго манастыря, ловцем рыбным на тонях. И приидоша ко Ондронику утѣшити его от скорби бывшей ему, понеже бо человекъ той велию вѣру имѣ к манастырю. Рече же к ним Андроник: «Помолитеся, отци святии, Спасу и

Пречистѣй Богородици и преподобному Зосимѣ чюдотворцу, дабы молитвами его ожило наше дѣтище!» Отроча же ни очию възведе, точию мало дыша.

Единъ же от старець тѣх, теплъ вѣрою к преподобному, рек ко Андронику и женѣ его: «Хощете ли — продадите ми сына вашего? Азъ куплю его на Зосимино имя. Единаче вам уже не требѣ мертвое сие тѣло». Они же рекоша: «Купи, отче; даждь нам на нем, елико хощеши». Онъ же, иземъ сребреницу, дасть им. Отроча же кончавающеся. Старець же, взем на руки отрока, рече: «Отселе се дѣтище нѣсть ваша, но преподобнаго Зосимы, началника соловецского!»

Отроча же нача устнама двизати, якоже бы нѣчто ясти. Старец же осязая рукою отроча по главѣ и по устом. Таже проглагола дѣтище, рече: «Дай еще!» Андроник же и жена его видѣша чюдо преславное, начаша вопити от радости, благодарение въздающи Всемилостиву Богу, дивному въ святых своих, дѣйствующему их ради преславная чюдеса! Отроча же, благодатию Христовою и молитвами святаго, устрабися и бысть здраво, знамение на себѣ нося преподобнаго игумена Зосимы.

Чюдо святаго о ином детище

Бяше нѣкий купець в Великом Навѣграде именем Матфѣй. Сей жену имѣя Мамелфу именем. Человекъ же тъй богатство имыи доволно, живыи благочестием украшен и всѣми потребными изообилуя. Жена же его ражаше ему чада, но не воспитааше. Седмь бо бремен бяше ей, но ни единого наслѣдника оста: вси бо млади умирающи, точию в просвящении святаго крещениа, пожинаеми, яко незрѣла пшеница. Матфѣй же с супружницею своею вь скорби велице бѣша о сем и моляхуся прилѣжно Богови, и святых Его на помощь призывающе.

Прилучи же ся в то время соловецскому старцу Саватию быти въ градѣ. Той же христолюбець призвав старца в дом свой на обѣд, яко имѣ обычай странных и нищих кормити. Сяде же на трапезе и, въздохнув, прослезися, нача скорбѣти о бесчадии. Възрѣв жена своего супруга слезяща и тако же разлиася слезами, помянув скорби своя; понеже болѣзни многы подъятъ, а ни едино утѣшение обрѣте, лишено бо бяше оноя радости, якоже бывает родителем о чадех велико веселие. Бѣ же Мамелфа в то время имущи во чревѣ. Саватие же видѣ их скорбящих велми и умилися, рече к Мамелфѣ: «Сей, нынѣ имаши, госпоже, въ чревѣ, прадажь й мнѣ! Азъ же куплю его на Зосимино имя, началника соловецского». Она же отвеша: «Купи, отче! Да будет сей не ктому наше дѣтище, но старца Зосимы раб неотходный!» Старец же, яко глумяся, изем двѣ мѣдници, дасть ей.

По времени же жена роди отроча мужескъ пол, и по днех крестиша ѝ. Отроча же растяше без всякого вреда, дондеже и в съвершен възраст приидե. Потомъ же Мамелфа многы сыны и дщери породи, и вси здрави быша благодатию Христовою и молитвами угодника Его преподобнаго Зосимы. И оттоле велию вѣру имяста къ святому. И бѣ видѣти преже бесчадну скорбящу, нынѣ же «матерь о чадѣх веселящуся».[259] Сицево благодеание и скорое премѣнение блаженнаго от скорбных на

радостная: приходящим к нему с вѣрою и усердно призывающим на помощ не тщи бывают надежда.

Слово о сътворении жития началник соловецскых Зосимы и Саватия

Слово о создании жития основателей Соловецкого монастыря Зосимы и Савватия

Вѣдомо да будет о сих началникох соловецскых, како житие их начало приат написанию. Азъ, многогрѣшный и неключимый ни в коемъ же дѣле блазѣ и грубый разумом священноинок Досифей,[260] ученикъ блаженаго Зосимы, пребых у него и до скончаниа его, скутах и погребох честное и трудолюбное тѣло святаго, и елика очима видѣх и слышах от честных его устъ, сие и предах писанию.

По преставлении же государя своего преподобнаго игумена Зосимы пребых у его спутника у старца Германа в кѣлии. Бѣ же той Герман пришедый прежде со преподобным Саватием. И повѣда ми вся яже о преподобнѣмь — бывшее житие и отчасти чюдес. Но азъ, грубый смыслом, недоумѣвах сие удобрити, но толико памети ради написах, да не в забытии будет такова праведнаго мужа житие. Потом же начах въпрашати старца Германа о блаженѣм Зосимѣ: како прииде с ним на остров и како при животѣ преподобнаго чюдодѣйствоваша святыя его молитвы и кая суть до нашего пришествие къ старцу съдѣяшеся чюдеса. Сиа вся написах памети ради и сим ползовахся.

Бѣ же той Герман от простых человекъ, не учився Божественному Писанию, но тако просто повѣдааше святых житиа и чюдеса. Азъ же, неразумный, како слышах, тако и написах, не украшая писаниа словесы, понеже груб сый и невѣжда, но точию памяти ради писах. Братиа же — овии любяще писанная мною, а иныи глумящеся о написанных и въ смѣх сиа полагааху.

Прииде же нѣкий священноинок именем Иосиф з Бела-езера тамошних манастырей и пребысть у нас время немало въ обители Соловецкой. И той испроси почести житиа святых, и удержав в кѣлии у себя много время. И пакы отиде въсвоями, и житие святых, написаное Германом, с собою увезе. Мы же остахом бес паметий о житии началником, понеже Герман преставися.[261]

По времени же послан бых игуменом и братиею на службу в Великий Новоград. И приидох къ архиепископу Генадию[262] благословитися от него. И благослови мя, и начат въпрашати многими словесы о вѣдании места, и о устрои манастыря, и о началникѣхмѣста того и манастыря, како и от кого зачатся. Азъ же, елико помня, вся подробну повѣдах архиепископу. Онъ же рече: «Напиши ми, брате, о житии и о чюдесѣх началников манастыря вашего вся сиа, еже ми еси повѣдал». Азъ же отвещах: «Господи архиепископе, человекъ есмь груб естеством, на сие дѣло не доволенъ, како добрѣ изложити». Архиепископъ же рече: «Елико Богъ вразумит тя, напиши. Вѣру бо имам к началником манастыря вашего, понеже Саватие, началник вашь, старець ми был,[263] азъ у него в послушании бых немало время и вѣм достойна

житием старца, велика и свята. Нынѣ же благословляю тя: иди и напиши». И так, понужен бых от архиепископа, приах благословение, испросихся у него писати в манастырѣ и к нему привести.

И сѣдох в кѣлии уединясь, и понудив себе, елико возмогъ, простстрох грубую си десницу и, колико въспомних, вся написах, Богу поспѣшествовавшу ми, молитвами преподобных отець Саватия и Зосимы. Написание же держаах у себя и помышлях: «Како везти ко архиепископу? Стыжуся, понеже истинну написах, но удобрити якоже бы сложно недоумѣхся». И о семь размышлях: «Како бы изообрѣсти такова человека, могущаго украсити якоже подобает?»

Послан же бых игуменомъ и братиею къ осподствующему граду Москвѣ о потребах манастырских. И на пути прилучи ми ся быти на Белѣ-езере в манастыри Ферапонтовѣ.[264] И приидох тамо благословитися к нѣкоему старцу — мужу добродѣтелну, вь всѣх исправлениих пребывающу и премудростию разума украшену, Спиридону именемъ, бывшему митрополиту Кыевскому. И той начат въпрошати мя о острове Соловецском, и о создании манастыря, и о началникѣх. Аз же повѣдах ему все подробну, и начах молити его о изложении житиа преподобных; и показах ему свое грубое писание, понеже бѣ муж мудръ, измлада извыче и добрѣ умѣя Божественая Писаниа — Новая и Ветхая. И, Божиа ради имени, не отречеся понудити старость свою: изложи и написа добрѣ, якоже подобно въ общую ползу хотящим спастися и ревновати сих преподобных житию. Азъ же, грубый, возрадовахся зѣло, яко сподоби мя Богъ изъобрѣсти такова благоразумна старца, яко желание сердца моего исполни и недостаточная наверши.

Сиа же везох ко архиепископу Генадию. Онъ же почет и похвали зѣло, и начат блажити мя, глаголя: «Како ты, брате, селико имы разума и отрицаешися святых житие писати? Се воистину добро!» И рекох ему: «Прости мя, владыко святый, не мое се творение!» И повѣдах вся пореду, како и от кого сътворена суть. Онъ же рече ми: «Благословенъ ты от Бога, чадо, яко такова благоразумна мужа обрѣте! Сий человекъ в нынешняя роды бѣяше столпъ церковный, понеже изъмлада извыче Священная Писаниа и чюден бяше старець житиемъ, многолѣтными сѣдинами украшен».

Списано же бысть житие се преподобных отець, началников соловецскых, Саватиа и Зосимы в лѣто 7011 Спиридоном, митрополитом Кыевьскым,[265] заточену ему сущу тогда во странѣ Бела-езера в манастыри Пречистыа Богородица честнаго Ея Рожества, глаголемо Ферапонтовь, въ славу Христу Богу.

Молитва

Мы же к сим да приложим: молящеся Богови и святых Его на помощь призывающе, сице рцем:

«О пастырие добрии и истиннии строителие, наставници и наказателие иноческаго житиа; отцемь славо и преподобным единокровници, и праведнымъ инокомъ наставници, общему житию съвершителе и

събесѣдници бесплотным! Страннымь питателие, нищим богатное сокровище, недугующим врачеве; плѣненым свободителие, слепым вожди, старости подпора; заблужшим руководителе, скудостным — ума наказателе, съкровенным возвестителие, вь скорбѣх утѣшители; княземь православным миротворци и поборници на сопротивныя, крѣпость на поганыа!

Троици съ бесплотными предстояще, и нас не отступайте; поминайте стадо, еже собрасте мудре, и соблюдите Богомь дарованную вам паству, яко чадолюбивии отци; и не презрите иже вѣрою и любовию чтущих пречестную и многорадостную память вашу, защищающе нас и съблюдающе от находящих враг! Да, молитвами вашими присно съблюдаеми, Царствия Небеснаго сподобимся, о Христѣ Исусѣ, Господе нашем, Ему же подобаеть слава и держава — съ безначалным Отцемь и Пресвятыим и благым и животворящим Духом, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомь. Аминь».

---

[1] *...Спиридоном, митрополитомъ Киевьскимъ.* — Митрополит Спиридон — выдающийся деятель Русской Церкви третьей четверти XV в. В 1476 г. был рукоположен в Константинополе патриархом в сан «митрополита Киевского и всея Руси» в качестве единого главы Русской Церкви, разделенной границами Московского и Польско-Литовского государств. Однако в этом сане Спиридон не был признан ни в Польше, ни в Москве, где с середины XV в. была учреждена независимая от Константинопольского патриархата Московская митрополия. В Польше митрополит Спиридон был заключен в крепость (в гор. Пуне), где написал «Изложение о православной истинной нашей вере». В Москву он был отпущен после 1482 г., но снова оказался в заточении — в Ферапонтовом монастыре на Белом озере. В Москве его обвинили в подкупе константинопольского патриарха и в покровительстве ему со стороны «безбожного Турского царя», по повелению которого Спиридон был рукоположен в сан митрополита. О своем положении непризнанный митрополит написал в «Изложении о православной истинной нашей вере»: «Сладки нам узы и радостно изгнание...» О высоте духовной жизни митрополита Спиридона сказал его современник архиепископ Новгородский Геннадий: «Человек этот в наше время был столпом церковным <...> и был старец чудной жизни, украшенный многолетними сединами».

[2] *Благослови, отче!* — С этими словами чтец обращается к священнику за благословением перед чтением в церкви или за трапезой.

[3] *Бысть въ дни... великого князя Василия Васильевича... и великого князя Бориса Александровича Твѣрьскаго, и великого князя Феодора Резанскаго Олговича в лѣто... Фотию митрополиту... и в Новѣгород ... архиепископу Ифимию Брадатому.* — Упоминание названных здесь светских и духовных правителей Руси в соотнесении с 1436 (6944) г. не

соответствует данным летописей: в 1436 г. в действительности правили только великий князь Московский Василий II Темный (1425—1462) и великий князь Тверской Борис Александрович (1426—1461). Великий же князь Рязанский Федор Ольгович (1402 — ок. 1427) и оба упомянутых церковных иерарха — митрополит Фотий (1408—1431) и архиепископ Новгородский Евфимий (1423—1428) — к указанному сроку скончались. Время правления названных исторических деятелей может быть отнесено только к короткому промежутку 1426—1427 гг. (который, по-видимому, и следует считать точкой отсчета рассказа о преп. Савватии, начинающегося с описания его жизни в Кирилловой монастыре). Что же касается 1436 года, то согласно позднейшей соловецкой традиции этот год считается временем прибытия на Соловки преподобных Зосимы и Германа и, следовательно, датой основания собственно монастыря (эта традиция отражена, в частности, в Соловецком Летописце, созданном в начале XVIII в.).

[4] *...во едином от манастырей Бѣлозерскых Кирилов именуем...* — Кирилловский монастырь в Белозерье был основан преп. Кириллом в 1397 г. Преп. Савватии был младшим современником и, по-видимому, учеником преп. Кирилла (ум. в 1427 г.).

[5] *...«Славу от человекь приемлюще, а славы, яже от единого Бога, не ищете».* — Ин. 5, 24.

[6] *...тщася в лучшия преходити...* — Ср.: Евр. 11, 16.

[7] *..лвъсхожениа в сердци си полагая... и пойдут от силы в силу».* — Пс. 83, 6—8.

[8] *...остров, рекомый Валам.* — Валаам — остров в Ладожском озере с несколькими прилежащими к нему островками: известен благодаря монастырю, основанному в XIV в. преподобными Сергием и Германом Валаамскими.

[9] *...«богат сый нас ради обнища, да мы его нищетою обогатимся».* — Почти дословная цитата из Слова на Пасху св. Григория Богослова. С этими же словами игумен обращается и к каждому новому брату, приступающему к монашескому постригу (в чинопоследовании иноческого пострижения).

[10] *...«Иже кто хощет поМнѣ ити, да възмет крестъ свой и послѣдуетМнѣ».* — Мф. 16, 24; Мр. 8, 34; Лк. 9, 23. С этими словами игумен обращается к новопостригаемому в чине «оглашения», предваряющем монашеский постриг.

[11] *Не бо можашѣ град укрытися верху горы стоя...* — Ср.: Мф. 5, 14.

[12] *...«Славящая Мя прославлю».* — 1 Цар. 2, 30.

[13] *...«Се удалихся бѣгая... чаях Бога, спасающаго мя».* — Пс. 54, 8—9.

[14] *...«Сей покой мой... яко благоизволи тебѣ Богъ».* — Пс. 114, 7.

[15] *...не пришел еси спасти спасаемых, но призвати грѣшных в покаяние.* — Ср.: Мф. 9,13; Мр. 2, 17; Лк. 5, 32.

[16] *«Настави мя, Господи, на путь... яко к Тебѣ взях душу мою»...* — Пс. 142, 8.

[17] *«...спаси мя, уповающаго на Тя».* — Пс. 85, 2.

[18] *...якоже птица от пругла и яко серна от тенета...* — Ср.: Притч. 6, 5.

[19] *...пятью хлѣб 5000 народа насытившу...* — См.: Мф. 14, 13—21; Мр. 6, 35—46; Лк. 9, 12—17.

[20] *...седмью хлѣб 4000 насытившу...* — См.: Мф. 15, 34—38; Мр. 8, 5—9.

[21] *...воду вино сътворша.* — См.: Ин. 2, 1 —11.

[22] *...Възверзи на Господа печаль твою и Той тя препитает»...* — Пс. 54, 23.

[23] *И прииде нарѣку Выг, мѣсто бо наричемо Сорока.* — Селение Сорока (Сороцкое) находится на острове в устье реки Выг, в месте впадения ее в Онежскую губу Белого моря. Название «Сорока» происходит от карельского слова «саарийоки» — «река с островом». В 1938 г. село Сорока было переименовано в город Беломорск.

[24] *Карбас* — беломорская лодка с веслами и парусом.

[25] *Бѣ же над езером тѣм гора превысока зѣло.* — Место первоначальной пустыннической жизни преподобных Савватия и Германа находилось у озера Долгого невдалеке от Секирной горы. Позднее здесь находилась «Савватиева пустынь», где хранилась икона Божией Матери Одигитрии, принесенная, по преданию, преподобным Савватием. В 20—30-е гг. XX в., когда на Соловках был устроен лагерь особого назначения, на «Секирке» находился штрафной изолятор.

[26] *К вышним умъ свой вперяя...* — Ср.: Кол. 3, 2.

[27] *...поучаяся присно въ псалмѣх... поя Господеви въ сердци своем...* — Ефес. 5, 19.

[28] *... На тя бо, Господи, упова душа моя...»* — Пс. 129, 4.

[29] «*...и помощник ми бысть».* — Пс. 37, 7.

[30] ...«в *поте лица... снѣдааху хлѣб свой».* — Ср.: Быт. 3, 19.

[31] *...исшедшу ему ис кѣлиа покадити Честный Крестъ, иже и бѣ въдрузилъ близъ кѣлия своея поклонениа ради...* — Каменный четырехконечный крест преп. Савватия впоследствии был обретен игуменом Филиппом (в 1556 г.). Он небольшого размера (50 X 45 см) и имеет две надписи: с лицевой стороны — «Царь Славы ИС ХС НИКА,

крест Саватиа чюдотворца началной», с оборотной — «лѣта 6064 взысканиемъ и потружениемъ игумена Филиппа». Хранится в Благовещенской церкви Соловецкого монастыря.

[32] *...«Господи, Боже мой, на Тя уповах, спаси мя!»* — Пс. 7, 2.

[33] *«...яко к Тебѣ взях душю мою...»* — Пс. 85, 4; Пс. 142, 8.

[34] *...«Да въскреснетъ Богъ... врази Его!»* — Пс. 67, обычно читаемый в трудных обстоятельствах.

[35] *...стоя на обычном своем правиле...* — Речь идет о монашеском правиле, состоящем в определенной последовательности молитв и духовных песнопений.

[36] *«...ты утвердил еси силою твоею море...»* — Пс. 73, 13.

[37] *«...възмущение же волны его Ты укращаеши».* — Пс. 88, 10.

[38] *Выгнаволок* — село в устье реки Выг.

[39] *И обрѣтѣ ту игумена именем Нафонаила...* — В народе игуменами называли иеромонахов, служивших при приходских церквах.

[40] *...«Величит душа моя Господа...»* — Начальные слова Песни Богородицы (Лк. 1,46).

[41] *...вязати и рѣшати согрѣшающая...* — Ср.: Мф. 18, 18.

[42] *«...имьже не бѣ достоинъ весь мир!»* — Евр. 11, 38.

[43] *«...понеже сила моя в немощи совершается».* — 2 Кор. 12, 9.

[44] *...«Небо и земля мимоидеть, а словеса моя не прейдут».* — Мф. 24, 35; Мр. 13, 31.

[45] *Насад* — плоскодонное грузовое судно с поднятыми бортами.

[46] *«...в руцѣ Твои предаю духъ мой».* — Ср.: Лк. 23, 46; Пс. 30, 6.

[47] *...и в безславии славы о Бозѣ словый славне изыде.* — Автор Жития приводит почти дословную цитату из «Лествицы» св. Иоанна Синайского (из 4-го слова, глава «Об Исидоре»): «...по прошествии десяти дней, *чрез бесславие свое со славою отошел* ко Господу» (см.: Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Сергиева лавра. 1898. С. 29).

[48] *И сътворь молитву, и не бысть гласа.* — Купец Иоанн прочел молитву, обычно произносимую при встрече или, как здесь, пред дверью монашеской келий: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», — но не услышал ответного слова: «Аминь».

[49] *...не бѣ гласа ни послушаниа.* — Цар. 18, 26.

[50] *Мантия* — монашеское одеяние, накидка без рукавов, которая символизирует всепокрывающую силу Божию, а также строгость и смирение монашеской жизни.

[51] *Куколь* — «шлем спасения», наглавник с несколько остроконечным верхом, покрывающий голову и плечи монаха, символизирующий благодать Божию, покрывающую ум и чувства монаха и охраняющую его от демонов, для чего он обшит пятью красными крестами на челе, на груди, на плечах и на спине.

[52] *...глаголюща кровоточивѣй: «Вѣра твоя спасеть тя».* — Мф. 9,22; Мр. 5,34; Лк. 8, 48.

[53] *...яко легкий ерем Христовъ...* — Ср.: Мф. 11, 30.

[54] *«...прославляющему святых своих!»* — Ср.: 1 Цар. 2, 30.

[55] *...честнѣ погребоша... месяца септевриа в 27...* — Согласно «Соловецкому Летописцу», преп. Савватий умер 27 сентября 1435 г.

[56] *..лихже око не виде... яже уготова Богъ любящимъ Его».* — 1 Кор. 2, 9.

[57] *...яко съкровище многоцѣнно...* — См.: Мф. 13, 44.

[58] *По преставлении же блаженного Саватиа мину вшу единому лѣту...* — «Соловецкий Летописец» сообщает о прибытии преподобных Зосимы и Германа на Соловки летом 1436 г. Однако большинство дат, указанных в «Соловецком Летописце», страдает малой достоверностью. Все они являются результатом позднейших хронологических расчетов составителей «Летописца», время создания которого относится к началу XVIII в.

[59] *...идѣже преподобный Саватий лѣта много препроводивь...* — Согласно «Соловецкому Летописцу» преп. Савватий провел на Соловецком острове 6 лет.

[60] *Шуньга* — одно из древнейших новгородских поселений в Обонежье, расположенное в северо-восточной части Заонежского полуострова. В позднейших редакциях Жития местом рождения преп. Зосимы названо село Толвуй (расположенное в 16 верстах от Шуньги).

[61] *Сьй бяше благочестиву и богату родителю сынъ...* — В позднейших редакциях Жития названы имена родителей преп. Зосимы — Гавриил и Варвара.

[62] *Тъи отвержеся мира и бысть мних.* — «Соловецкий Летописец» называет местом пострижения преп. Зосимы Палеостровский монастырь на Онежском озере. Однако, как следует из Жития, Зосима, отрекшись от мира, продолжал жить в родном селении, «имея перед

своими глазами родителей и всех близких своих, друзей и знакомых». Вероятную причину этого назвал автор Похвального слова преп. Зосиме Ианикита Лев Филолог, написавший об этом в 30-е гг. XVI в.: «Ибо не было в том месте монастыря для монахов <...> и отрекающиеся от мира продолжали сообщаться с миром, проживая в мирских домах». Скорее всего, Зосима был пострижен в монахи «игуменом» (священноиноком) своей же приходской церкви, при которой, как это нередко бывало на Севере, мог иметься «крошечный монастырь — погост — из тех, которые принято называть мирскими „монастырями"» (В. О. Ключевский). О подобном случае пострижения в монахи обыкновенным священноиноком приходской церкви (называемом «игуменом») рассказывается и в одной из позднейших редакций Жития преп. Зосимы (в «Чуде об иноке Сергии», записанном при игумене Филиппе).

[63] *...«якоже желает елень на источники водныя»...* — Пс. 41, 2.

[64] ...*«не словесемь отвержения мьзды даются, но дѣлателем»...* — 1 Кор. 3, 8.

[65] ...*«не послушници закона спасаються, но теории».* — См.: Рим. 2, 13.

[66] *...«Не любите мира, и яже в нем»...* — 1 Ин. 2, 15.

[67] *...не бо есть мощно единѣм окомь зрѣти на нѣбо, а другимь на землю...* — Сходную мысль высказывает св. Иоанн Лествичник: «Как невозможно *одним глазом смотреть на небо, а другим на землю,* так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился совершенно от всех своих родственников и неродственников» (Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Сергиева лавра. 1898. С. 18). Похожее высказывание содержится и в «Слове об отречении от мира» аввы Исайи Нитрийского, египетского подвижника IV в.: «Как нельзя одним глазом смотреть на небо, а другим — на землю, так и уму нельзя пещись и о Божием, и о мирском» (Добротолюбие. М., 1895. Т. 1. С. 343).

[68] *...«единому рабу двѣма господинома работати... сирѣч, Богу работати и мамонѣ».* — Мф. 6, 24; Лк. 16, 13. «Мамона», по словам того же аввы Исайи Нитрийского, означает «всякое делание мира сего» (Добротолюбие. М., 1895. Т. 1. С. 397). Сходным образом и Иоанн Лествичник называет «мамоной» любое делание, отличное от молитвенного (см.: Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Сергиева лавра. 1898. С. 109).

[69] *«...постави мя на путь, в он же пойду»...* — Пс. 142, 8.

[70] *...просвѣтишася ему очи сердечнѣи...* — Ср.: Ефес. 1, 18.

[71] *...Давидъ Богоотець...* — Иисус Христос происходит из рода царя Давида, который является его праотцем. См.: Мф. 1, 1; Лк. 3, 31.

[72] *.«Въпроси... отца твоего... и старца твоя — и рекут тебѣ»...* — Зосима обращается за советом к Герману как к более опытному в подвижнической жизни, следуя заповеди, полученной Моисеем: «Вопроси отца твоего, и возвестит тебе...» (Второзакон. 32, 7), которую автор Жития ошибочно приписывает псалмопевцу Давиду.

[73] *«Не веяли прах, не всели пепелъ?»* — Ср.: Быт. 18, 17; Иов. 30, 19; а также со словами из Чина погребения: «...вся персть, вся пепел, вся сень...» (4-я стихира).

[74] *...пакы второе отвержение мира сътворяет...* — И здесь автор Жития опирается на опыт святых отцов, прежде всего — Иоанна Лествичника. Ср.: «Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит *первого, второго* и *третьего отречения.* Первое есть отречение от всех вещей, и человеков, и родителей; второе есть отречение своей воли; а третие — отвержение тщеславия, которое следует за послушанием» (Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Сергиева лавра. 1898. С. 12).

[75] *...рода и отечества ивсѣх знаемых удаление.* — Автор Жития цитирует известное место из книги Бытия (Быт. 12, 1), трактуемое в монашеской традиции как призыв к духовному странничеству. Именно так объясняет эти библейские слова, обращенные к Аврааму, св. Иоанн Лествичник: «Никто в такой мере не предавал себя странничеству, как тот Великий, который услышал: „Изыди от *земли твоея,* и от *рода твоего,* и от *дому отца твоего"* (Быт. 12, 1)...» (Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Сергиева лавра. 1898. С. 17). Подобное толкование содержится и у Иоанна Кассиана Римлянина, который связывает библейский призыв к странничеству с тремя отречениями от мира: «Эти три отречения все вместе совершить повелел Господь Аврааму, когда сказал ему: *„изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего"* (Быт. 12, 1). Во-первых, сказал: „от земли твоея" — т. е. от богатства мирского и стяжаний земных; во-вторых: „от рода твоего" — т. е. от прежнего образа жизни, прежних нравов и пороков <...>; в-третьих: „от дому отца твоего" — т. е. от всякого воспоминания о мире и о всем, что представляется взору очей» (Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседования египетских подвижников // Преп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М., 1993. С. 208).

[76] *...и пристанище моря тихо и невлаемо.* — Место, которое нашел Зосима для монастыря, «лежит на западном краю острова при спокойном заливе, загражденном с моря около двух верст коргами, лудами или островками...» (Фомин А. Описание Белаго моря... и топография Соловецкого монастыря... СПб., 1797. С. 92). Залив этот носит название бухты Благополучия.

[77] *...«Небоиземля прейдет, словеса же Моя не преидутъ».* — Мф. 24,35; Мр. 13,31.

[78] *Показа бо древле Богъ скынии образ в пустыни Моисѣови...* — См.: Исх. 3, 2.

[79] *...«Изыди от земля твоея... и тамореку ти, яже подобаеть творити»...* — Быт. 12, 1.

[80] *Изведши Иякова от Лавана... и съ имѣниемъ животным многым...* — См.: Быт. 31.

[81] *...обрѣсти благодать пред Исавом...* — См.: Быт. 27, 28—30.

[82] *...и преложи его въ язык въ Египтѣ.* — См.: Быт. 46, 3; 48, 27.

[83] *Иосифа Праведного... пшеницодавца на вселеную.* — См.: Быт. 41, 57; 45, 8.

[84] *И Моисѣя... долг еси, правителя и законодавца.* — См.: Исх. 3, 10.

[85] *И Аарона... служителя законным жертвам.* — См.: Исх. 28, 1; 40, 1.

[86] *И Исуса Наввина... причастодавца съдѣлав земли обѣтования.* — См.: Иисус Навв. 1, 6.

[87] *И Давида пророка и царя... роду еврѣйскому...* — См.: 2 Цар. 5, 3.

[88] *...извѣща ему Христу Господу от семени сѣсти на престол ѣ его, нань же языци уповають...* — См.: 2 Цар. 7, 12; а также Пс. 131, 11.

[89] ...«Се *цѣлъ еси и ктому не съгрешай»...* — Слова, обращенные к исцеленному у Овчей купели (Ин. 5, 14).

[90] *...«Вѣра твоа спасет тя, иди с миром».* — Мр. 5, 34; Лк. 8, 48; а также Лк. 7, 50.

[91] *...начаста древеса сѣщи и кѣлия здати.* — Келий Зосимы и Германа были сооружены, по пустынническому обыкновению, в полуверсте друг от друга и находились примерно в трех верстах к северо-западу от нынешнего монастыря.

[92] *«умъ свой к вышнимъ вперяя».* — Ср.: Кол. 3, 1—2.

[93] *...присно поучаяся в псалмѣхъ... поя Господеви...* — Ефес. 5, 19.

[94] *...«На Тя, Господи, уповахъ, спаси мя...»* — Пс. 7, 2.

[95] *...«в потѣ лица... снѣдаху хлѣбъ свой»...* — Ср.: Быт. 3, 19.

[96] *...«Духомъ устъ Его вся сила их... полагая въ скровищахъ бездны».* — Пс. 32, 6—7.

[97] *«...на Тя уповахъ, спаси мя!»* — Пс. 7, 2.

[98] «*...к Тебѣ привержен̂ъ есмь... от чрева матере моея!*» — Пс. 21, 1.

[99] *...слезами на всяк день постелю омакая...* — См.: Пс. 6,7. Речь идет о слезах покаяния, о пользе которых говорится в сочинениях святых отцов, например в «Уставе отшельнической жизни» преп. Антония Великого: «Каждую ночь слезами своими обливай ложе свое и смачивай постель твою, и смиряй себя пред Христом Господом...» (Цит. по кн.: Добротолюбие. М., 1895. Т. 1. С. 116).

[100] *...от любве Христовы никакоже отлучити възможете!* — Рим. 8, 39.

[101] *...«Да въскреснет Богъ... яко исчезает дым, да исчезнут»...* — Пс. 67.

[102] *«...Царь царем и Господь господемь!»* — 1 Тим. 6, 15; Откр. 17, 14; 19, 16.

[103] *«...Не отврати лица твоего от мене, яко скорблю...»* — Пс. 68, 18.

[104] *...достигнути въ единство вѣры...* — Ефес. 4, 13.

[105] *«...Възверзи на Господа печаль твою и Тъй тя препитает в вѣкы».* — Пс. 54,23.

[106] *...приидоша к нему два мужа свѣтлы зѣло образом, влекуще за собою кережу, полну хлѣбов и мукы и масла.* — По сохранявшемуся в Соловецком монастыре позднейшему преданию, мука, которую привезли Зосиме ангелы, впоследствие употреблялась в монастыре для изготовления просфор. Об этом рассказывается в 3-й редакции «Написания о Соловецкой обители» (созданной в 1618 г.): «...а в тех просвирах мука сицева есть ис житницы преподобнаго отца нашего Зосимы, соловецкаго чюдотворца, иже от Бога послана бысть ему пища, полна кережа муки и масла, святыми ангелы во время недостатка его. И та мука в житницы святаго пребывает, и до сего дни хранима есть, и держат ю по вся дни на святыя службы на вся престолы церковный. И святыя просвиры вдают их гостем на благословение, и от тех просвир приемлющим православным христианом и хранящим честно многая бывает различная исцеления и чудеса велия»... (Цит. по рукописи *РНБ,* Q. I. 1038, л. 5 об.). *Кережа* — лопарские оленьи или собачьи саночки в виде лодочки на одном полозе.

[107] *...и посылает старца къ... архиепископу Ионѣ...* — Иона — архиепископ Великого Новгорода и Пскова (1458—1470 гг.). Если признать, следуя тексту Жития, что первая церковь на Соловках была освящена при архиепископе Ионе, то окажется, что это произошло не ранее чем через 20 лет после прибытия Зосимы на Соловецкий остров. Кажется более вероятным, что освящение церкви могло совершиться раньше — при предшественнике Ионы архиепископе Евфимии II (1429—1458).

[108] *Антиминс* — греч. «вместопрестолие» — освященный плат из льняной ткани с зашитыми в него частицами мощей святых мучеников;

на плате изображается положение Христа во гроб, орудия страстей и четыре евангелиста. На антиминсе совершается святая евхаристия. Неосвященный храм получает освящение через присланный архиереем антиминс со святыми мощами.

[109] *Бѣ бо приближилися чюжевѣрных земли — Мурманская и Каянская.* — Мурманская земля — северное побережье Кольского полуострова, от Святого Носа до норвежской границы. Каянская земля (названная так по имени одного из финских племен — «квенов») прилегала с севера к Ботническому заливу и Ледовитому океану, а на юге граничила с Новгородской землей (Вотской пятиной); в настоящее время — это территория западной Финляндии.

[110] *...«Невозможная от человекъ, вся бо возможна суть от Бога...»* — Ср.: Мф. 19, 26; Мр. 10, 27; Лк. 18, 27.

[111] *...бѣша бо на острове езера многы, числом яко 70 или множае.* — В XIX в. архимандрит Досифей перечислил 97 озер, находящихся на Соловецком острове (Географическое ... описание ... Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 13—70). В 20-е гг. XX в. при изучении гидрологии Соловецкого острова учеными-узниками Соловецкого лагеря было насчитано около 400 озер (см.: Материалы Соловецкого Общества Краеведения. Вып. 3. Соловки. 1927. С. 9). Согласно современным данным, на Соловецком острове насчитывается более 500 озер.

[112] «... *Господи, что ся умножиша стужающеи ми... несть спасении ему»...* — Пс. 3, 2—3.

[113] *...«Тии спяти быша и падоша»...* — Пс. 19, 9.

[114] *...присно въ псалмех... поя вь сердци своем Господеви...* — Ефес. 5, 19.

[115] *...«На Тя, Господи, уповах, да не постыжуся въ вѣкы».* — Пс. 30, 2; 70, 1.

[116] *Дьякон* — священнослужитель низшей из трех ступеней священства, помощник священника при совершении богослужений и таинств.

[117] *Хиротония* — греч. «рукоположение» — таинство посвящения во священнический сан через возложение рук епископом на главу рукополагаемого, которому при этом сообщаются особые благодатные дары Святого Духа.

[118] *...приидоша в Новгород къ архиепископу Ионѣ...* — Соловецкий Летописец (составленный в начале XVIII в.) сообщает о поставлении преп. Зосимы в сан игумена архиепископом Ионой в 1452 г. Данное известие следует признать несомненным анахронизмом, так как сам Иона стал архиепископом Великого Новгорода и Пскова только в 1458 г.

[119] *«...упование възложих от юности моея!».* — Пс. 70, 5.

[120] *...въистину Божий человекъ бѣ.* — См.: 2 Тим. 3, 17.

[121] *...«Славящая Мя прославлю»...* — 1 Цар. 2, 30.

[122] *...«волю боящихся Его сътворяет».* — Пс. 144, 19.

[123] *Ектения* — греч. «усиленное моление» — церковное моление, состоящее из нескольких отдельных прошений, возглашаемых на амвоне дьяконом, вслед за каждым из которых молящиеся и хор произносят: «Господи, помилуй» или «Подай, Господи».

[124] *...«Ядый мою Плоть и пия мою Кровь въ Мне пребывает, и Азъ в нем».* — Ин. 6, 56.

[125] *Келарь* — одно из первых лиц в монастырской иерархии, в ведении которого находится хозяйственное управление монастырем.

[126] *Утреня* — одно из богослужений суточного круга.

[127] *Просфора* — греч. «приношение» — квасной хлебец из пшеничного теста, состоящий из двух частей, верхней и нижней, соединенных вместе, в обозначение двух естеств Иисуса Христа — божественного и человеческого, с изображением креста и надписью на сторонах креста — «ИС ХС НИ КА» — «Иисус Христос Победитель» (до реформ патриарха Никона надпись была другая: «се агнец Божий, вземлеи грѣхи всего мира» и изображение креста было восьмиконечным). Частицы, вынимаемые из просфор в начале Божественной литургии за живых и умерших, затем погружаются в животворящую Кровь Христову со словами: «Омый, Господи, грѣхи поминавшихся зде Кровию Твоею честною, молитвами святых твоих». Просфоры, из которых были вынуты частицы, по окончании Литургии раздают молящимся во освещение их душ и телес.

[128] *...«Вѣрен Господь въ всѣх словесѣх своих и преподобенъ въ всѣхъ дѣлех своих...»* — Пс. 144, 13.

[129] *«...творяй чюдеса единъ».* — Пс. 71, 18.

[130] *...яко единѣми усты прославиша Бога.* — Ср.: Римл. 15, 6.

[131] *...в вышних умъ вперяя.* — Кол. 3, 2.

[132] *И обложив съ братиею церковь...* — Издревле существует обычай полагать основание церкви общим молебном с крестообразным каждением места будущего храма и его строителей и с водружением на том месте креста.

[133] *Било* — деревянная или металлическая доска, ударами в которую созывали на общую службу братию.

[134] *...успѣвая на лучшая...* — Ср.: Евр. 11, 16.

[135] *...по реченному: «текох и направих»...* — Источник этой цитаты не установлен.

[136] *...вышних ища...* — Кол. 3,1. Взыскание «вышнего» — один из основных мотивов в сочинениях многих отцов Церкви: «Ты приписан к вышнему граду, принят в тамошнее гражданство, вступил в общество ангелов <...> Туда будем стремиться непрестанно. „Вышних ищите, — говорит, — апостол, идѣже есть Христос, одесную Бога сѣдя"» (Творения св. о. н. Иоанна Златоуста. СПб., 1898. Т. 1. Кн. 2. С. 771).

[137] *...и сердце предочищая от всѣх страстьных помышлений всегда.* — «Хранение сердца» от помыслов, достигаемое с помощью «молитвы Исусовой», является главным деланием монаха.

[138] *...«ляко елень на источники»...* — Пс. 41, 2.

[139] *... «Блаженъ, иже сътворитъ и научит... въ Царствии Небесном».* — Мф. 5, 19.

[140] *...трапеза всѣм равно, и питие, и одежда, и обуща.* — С самого начала существования Соловецкого монастыря в нем был заведен общежительный устав, согласно которому никто из братии не имел собственности: пища и одежда для всех равная, имущество — общее.

[141] *Весь чинъ положи по Типику иерусалимскому...* — Устав последования церковных служб, или Типикон, содержит указания о порядке церковного богослужения на каждый день года, сочетая суточный строй службы с триодным и минейным. В истории Церкви известно несколько богослужебных уставов (Студийский, Иерусалимский, Афонский и др.). Устав, называемый «Иерусалимским», был составлен в VI в. св. Саввой Освященным для лавры, находившейся невдалеке от Иерусалима. Устав Саввы Освященного долгое время был известен только в Палестине, но затем получил распространение в Константинополе (в XII—XIII вв.) и на Руси (с конца XIV в.), где вскоре вытеснил усвоенный вместе с принятием христианства Студийский устав.

[142] *...хранити вся заповѣди... святыих апостол и святыих отець седмии Соборов...* — Речь идет о соблюдении церковных канонов — «Правил святых апостолов и святых отцов», собранных в Книге правил — Кормчей, или Номоканоне.

[143] *...уставъ хранити неизьмѣнно, иже предаешь великий Антоние, и Еуфимие, и Сава, и Феодосие, и Пафомие...* — Правила иноческой жизни были установлены великими отцами монашества в Египте и Палестине. *Антоний Великий* (231—356) — зачинатель скитского монашества в Египте, основатель первой общины пустынножителей (лавры), автор «Устава отшельнической жизни». *Евфимий Великий* (376—477) — основатель Палестинского монашества, создатель известной Евфимиевой лавры близ Иерусалима. *Савва Освященный* (438—532) —

ученик Евфимия Великого, основатель лавры при потоке Кедрон близ Иерусалима, для которой написал правила монашеской жизни. *Феодосии Великий* (424—529) — основатель первого в Палестине общежительного монастыря (киновии). *Пахомий Великий* (292—348) — основатель общежительных монастырей в Египте, для которых впервые написал устав иноческого общежития.

[144] *...вышних искати.* — Кол. 3, 1.

[145] *«Възлюбленному о Христе благодать и милость от Бога Отца Господа нашего Исуса Христа!»* — Этими же словами начинаются некоторые из посланий апостола Павла (см., например: 2 Тим. 1, 2).

[146] *Фимиам* — ароматическая смола; то же, что ладан.

[147] *Миро* — благовонное масло.

[148] *«...вся премудростию сътвори».* — Пс. 103, 24.

[149] *...погребоша честнѣ святыя мощи преподобнаго Саватия...* — Согласно Соловецкому Летописцу, мощи преп. Савватия были перенесены в Соловецкий монастырь в 1465 г., спустя 30 лет после преставления преподобного.

[150] *...Вышняго себѣ прибѣжище положи...* — Пс. 90, 9.

[151] *...«взем крестъ, послѣдовати по Себѣ».* — См.: Мф. 16, 24; Мр. 8, 34; Лк. 9, 23.

[152] *...и прииде къ архиепископу.* — Имя архиепископа, занимавшего Новгородскую кафедру во время второго путешествия преп. Зосимы в Новгород, не названо в Житии. Однако, как следует из «Жалованной грамоты Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова», данной во время второго посещения Новгорода преп. Зосимой, этим архиепископом был святитель Иона (1458—1470).

[153] «...а *се оповѣдаю боляром первым, съдержащим град». —* «Боярами» в Новгороде называли члены «совета господ», в который входили «степенные» и «старые» посадники и тысяцкие, а также старосты пяти концов Новгорода.

[154] *...к нѣкоей болярыни, именемМарфѣ...* — Боярыня Марфа — известная Марфа Посадница, вдова новгородского посадника Исака Андреевича Борецкого.

[155] *...«Идѣже аще внидете в дом и глаголете: миръ дому сему... въ свѣдетелство имъ».* — Мф. 10, 12—14; Мр. 6, 10—11; Лк. 9, 4—5.

[156] «...и *„будет дворъ их пустъ"».* — Пс. 68, 26.

[157] *Боляре же вси съ мнозѣм обещанием...* — «Обещание» — пожертвование, сделанное по обету.

[158] *...и вдаша ему написание на совладѣние острова Съловецскаго...* — Жалованная грамота Великого Новгорода Соловецкому монастырю закрепляла за монастырем право на владение всеми Соловецками островами — «с землею, и ловищами, и тонями, и пожнями, и лешими озеры». Кроме того, она устанавливала право монастыря на получение десятой части добычи с каждого охотника или рыбака, который придет на Соловки «на ловлю или на добыток». Текст грамоты неоднократно издавался (см.: История Российской иерархии. М., 1810. Ч. 3. С. 386—391; Летописец Соловецкий. М., 1833. С. 9—13; Досифей (Немчинов), архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. С. 48—51; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1.№ 62; Чаев Н. С. Северные грамоты XV в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1929. Вып. 35. С. 151—153. № 46; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 151—153. № 96). На основании одновременного упоминания в грамоте степенного посадника Ивана Лукинича и тысяцкого Трифона Юрьевича В. Л. Янин датирует ее 1468 г. (см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологические комментарии. М., 1991. С. 252—253). При этом в самом тексте грамоты содержится одно очень существенное несоответствие с Житием преп. Зосимы: игуменом монастыря в ней назван не Зосима, а Иона. (Примечательно, что имя игумена Ионы — «Ивоня» — было упомянуто в грамоте дважды, но впоследствии в одном месте оно было кем-то выскоблено и исправлено на «Изосима», а в другом так и осталось «Ивоня»). Следует отметить, что имя игумена Ионы встречается не только в жалованной грамоте Великого Новгорода, но и в ряде других соловецких грамот 1460-х гг. На основании этого В. Л. Янин полностью отрицает факт игуменства Зосимы в Соловецком монастыре, считая его «только тенденциозным фактом агиографии, но не истории» (см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологические комментарии. С. 358). Не имея возможности объяснить указанное противоречие между данными соловецких грамот и Житием преп. Зосимы, остается лишь предположить, что далеко не все исторические факты нашли отражение в самом Житии и что, по-видимому, некоторые из них (например, игуменство Ионы в 60-е гг. XV в.) были обобщены в Житии вокруг образа центрального героя — игумена Зосимы.

[159] *И приложиша к написанию восмь печатей оловяных...* — Жалованная грамота Великого Новгорода на Соловецкий и другие острова находилась в Соловецком монастыре до самого его закрытия в 1920 г., после чего была передана в 1922 г. в Археографическую комиссию при Академии наук. Сейчас грамота находится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (колл. 174, оп. 1, № 8). К грамоте приложено 8 свинцовых печатей, что точно соответствует числу, указанному в Житии. Фотография грамоты и 8 печатей опубликована в «Летописи занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг.» (в приложении к статье Н. С. Чаева). См.: Чаев Н. С. Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35. С. 151 — 153. № 46. Табл. 3, 4.

[160] *...другую — посадничю, третью — тысяцского...* — Посадник и тысяцкий — два высших выборных чина в Великом Новгороде, один из которых управлял гражданскими делами, а другой — военными и полицейскими.

[161] *...с пяти концевь града.* — «Конец» — крупная административная часть древнего Новгорода. В Новгороде было 5 концов: Плотницкий и Славенский на Торговой стороне; Неревский, Загородский и Людин — на Софийской.

[162] *И по воздвижении святаго Пречистыя хлѣба...* — Возвышение святого хлеба Пречистой Богородицы — обычай благодарения Пресвятой Богородицы по окончании трапезы. Этот обычай описал в XV в. св. Симеон Солунский: «По окончании трапезы сперва совершается благодарение и ради хлеба насущнаго поется молитва „Отче наш". Во время ее пения изъемлется за всех тресторонняя частица, изображающая всеми своими сторонами Троицу и единство Ее <...> Изсеченную таким образом, по апостольскому преданию, частицу хлеба <...> приносим единому в Троице Богу нашему во имя Богородицы, „которая родила нам Хлеб небесный, живой и пребывающий, и всегда питающий наши души". Затем священник перстами обеих рук поднимает вверх изъятую в честь Божией Матери частицу и возглашает: „Пресвятая Богородице, помогай нам", на что остальные отвечают: „Тоя молитвами, Боже, помилуй и спаси нас" и продолжают: „Блажим Тя вси роди, Богородице Дево". Затем поют „Достойно есть" и „Честнейшую херувим" и все вкушают от хлеба Пресвятой Богородицы, именуемого по-гречески панагией (всесвятой)». Обычай этот исполняется ныне только в монастырях, а во времена преп. Зосимы соблюдался и в частных домах.

[163] *...Марфа... давъ монастырю его деревню на рецѣ Сумѣ...* — Вкладная грамота Марфы Борецкой на деревню на Суме-реке, данная «в дом святому Спасу и Пречистѣй Его Матери и святого Николы на Соловки, игумену Ионѣ и старцам», хранится в фонде Соловецкого монастыря в архиве СПбИИ РАН. Текст этой грамоты неоднократно издавался (см.: Летописец Соловецкий. М., 1833. С. 14; Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропи-гиального Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. С. 47; Чаев Н. С. Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35. С. 143—144. № 30; Грамоты Великого Новгорода и Пскова... № 307. С. 300). По мнению В. Л. Янина, вкладная Марфы Борецкой на ее Сумскую вотчину была дана уже после казни ее сына Димитрия в 1471 г., о чем свидетельствует условие Марфы ставить в монастыре поминальную трапезу по ее почившим родственникам «на Дмитрѣев день» (см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 257—258). В архиве Соловецкого монастыря существует еще одна — поддельная — «грамота Марфы Посадницы», которая якобы была дана ею игумену Зосиме на ее вотчину в Умбе-реке. Текст этой «грамоты» сохранился в списке XVII в., которую, однако, долгое время принимали за оригинал, так как к ней была приложена свинцовая «печать Марфы Посадницы» (впоследствии утраченная), а в самой грамоте была указана дата — 1470 г. (см.: Летописец Соловецкий. М., 1833. С. 17; Досифей, архимандрит.

Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. С. 57; Чаев Н. С. Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35. С. 129—130. № 30; Грамоты Великого Новгорода и Пскова... № 219). Доказательства поддельности этой грамоты были приведены в исследованиях В. Л. Янина и В. А. Бурова (см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 357—358; Буров В. А. О печати «Марфы-Посадницы» (из истории фальсификации) // Российская археология. 1999. № 1. С. 193—196).

[164] *...«Славяща Мя прославлю»...* — 1 Цар. 2, 30.

[165] *...«волю боящихся Его творит».* — Пс. 144, 19.

[166] *...«ожестил еси просити.»* — IV Цар. 2, 10.

[167] *...приде благовѣрный великий князь Иван Васильевич... на Великий Новград...* — Великий князь Иван III (1462—1505) предпринял свой первый поход на Великий Новгород летом 1471 г.

[168] *...съ всею своею братиею и служащими ему царьми и князьми татарскими...* — Иван III пришел к Новгороду вместе со своими младшими братьями князьями Юрием, Андреем и Борисом Васильевичами; в его войске находился также служилый татарский царевич Данияр Касымович «съ его царевичи и со князьми и съ его казаки и со всеми их людьми» (см.: ПСРЛ.Т. 6. СПб., 1853. С. 9, 192).

[169] *...и съвокупив воиньства бесчисленоемножество на Великий Новград...* — Помимо собранных им полков Московского и удельных княжеств Иван III призвал к походу на Новгород Псков и Тверь.

[170] *...и ста в Русѣ.* — Русса была взята передовыми полками великого князя 23 июня 1471 г. и полностью сожжена ими (ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 127). Великий князь вступил в Руссу месяцем позже.

[171] *...посла дву воевод своих на Шелону.* — Река Шелонь впадает в озеро Ильмень. Услышав о продвижении по берегу Шелони новгородского войска, Иван III отправил к реке отряд под начальством князя Даниила Дмитриевича Холмского и боярина Федора Давидовича Пестрого-Стародубского (ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 9, 191).

[172] *И срѣтоша и новогородци со многими силами...* — Новгородское войско составляло около 40 тысяч человек, которым на реке Шелони противостояло немногим более 4 тысяч воинов великого князя (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 190; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 143), а по другим источникам — около 5 тысяч (ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 231; Т. 27. С. 133).

[173] *И побита новогородцов...* — В сражении на Шелони, происшедшем 14 июля 1471 г., новгородцы потеряли около 12 тысяч убитыми и более 2 тысяч плененными (ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 231; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 133).

[174] *Онъ же овѣх к Москве отосла...* — Пятьдесят «лучших» новгородцев вместе с посадником Василием Казимиром были отосланы в Москву, а затем заточены в Коломне (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 193). Однако вскоре после поставления в Москве новгородского избранника Феофила архиепископом Великого Новгорода, зимой того же года все новгородские пленники были отпущены в Новгород «къ женамъ ихъ и къ дѣтемъ». (Там же. С. 15).

[175] *...Дмитрея Исакова, да Губу Селезнева, да Кипреяна Арзубьева и иных три с ними, — повелѣ им князь великий глав посѣщи.* — В большинстве новгородских и московских летописей говорится о казни не шести, а четырех новгородских бояр, выступавших за союз с Литвой: посадника Дмитрия Исаковича Борецкого (старшего сына боярыни Марфы), Василия Ивановича Селезнева Губы, Киприана Арзубьева и чашника новгородского архиепископа Еремея Сухощока (см.: ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 128; СПб., 1853. Т. 6. С. 12; СПб., 1910. Т. 20. С. 294; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 290). Впрочем, в некоторых летописях (Второй Софийской, Типографской, Летописном своде 1497 г.) говорится о повелении великого князя отсечь головы не только четверым перечисленным боярам, но «и ихъ товарищомъ» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 193; Пг., 1921. Т. 24. С. 191; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 144).

[176] *...пакы прииде князь великий Иван в Великий Новград на осмотрение...* — Второй поход великого князя на Великий Новгород состоялся осенью 1475 г. и был, по словам летописцев, «мирным». Рассмотрев жалобы двух новгородских улиц на насилие и разбой со стороны степенного посадника и верховных бояр, Иван III «поймал» шесть бояр новгородских вместе с посадником и, заковав их, отправил в Москву в заточение. Среди высланных шестерых бояр оказался и второй сын боярыни Марфы — Федор Борецкий (ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 130; СПб., 1853. Т. 6. С. 220; СПб., 1913. Т. 18. С. 252; СПб., 1910. Т. 20. С. 316; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 305).

[177] *...от великого князя Ярослава Володимерича...* — Ярослав Мудрый (978—1054), княжил в Новгороде при жизни своего отца — великого князя Владимира. *Святая София* — кафедральный собор в Новгороде, построен сыном Ярослава Мудрого Владимиром в 1045—1050 гг.

[178] *...и взят вся казны... в велицѣй церкви Софѣи...* — Казну, хранившуюся в Святой Софии, великий князь взял позднее — во время своего четвертого похода на Великий Новгород осенью 1479—зимой 1480 г. Тогда в заговоре против Москвы был обвинен новгородский владыка Феофил — «и казну его взяша: множество злата и сребра и сосудов его» (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 198; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 148).

[179] *...и владыку Феофила к Москвѣ свел...* — Архиепископ Феофил (1470—1483) был увезен в Москву зимой 1480 г. и заточен в Чудовом монастыре, где через три года подписал отреченную грамоту. (См.: ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. С. 516; СПб., 1853. Т. 6. С. 221; СПб., 1910. Т. 20. С. 335).

[180] *...болярыню предиреченую Марфу съ сыномъ ея Феодоромь и дщерми и внучаты, сих посла в Нижний Новьград.* — Боярыня Марфа оказалась в заточении в феврале 1479 г., во время третьего похода Ивана III на Великий Новгород. Марфу и ее внука Василия великий князь приказал отправить в Москву, а имущество их «велѣлъ на себя отписати» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 220; СПб., 1910. Т. 20. С. 334). Сын ее Федор, взятый под стражу еще раньше — в 1475 г., во время «мирного» похода Ивана III на Новгород, был сослан в Москву, а затем в Муром, где и скончался в 1476 г., приняв монашество (см.: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 25). Сама боярыня Марфа впоследствии была выслана в Нижний Новгород, где приняла постриг в Воскресенском женском монастыре с именем Марии.

[181] *...и не преходим бысть дом ея даже и днесь... по пророчеству святаго.* — Осенью 1477 г., за год до высылки Марфы Борецкой с семьей из Великого Новгорода, большой пожар в Нерев-ском конце уничтожил «Марфы посадницы чюдный дворъ» (ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 130). Случилось это еще при жизни преподобного Зосимы. В Соловецком монастыре Марфу Посадницу поминали наряду с другими вкладчиками обители и совершали по ней ежегодную панихиду с поминальною трапезой «в субботу пред мясопустною субботою» (см.: «Кормовую книгу Соловецкого монастыря» — *РНБ,* Соловецкое собр., № 191/191. Л. 145 об.).

[182] *...памет смертную и Суд Божий в себѣ всегда имѣти хотя и понужая себе на дѣлание плача.* — Здесь, как и на протяжении всего Жития, Спиридон не ограничивается изображением только «внешних» событий жизни подвижника, но и повествует о содержании его духовной жизни. «Делание» плача, по мнению святых отцов, является одним из основных монашеских подвигов. Средством для достижения духовного сокрушения является «память смертная» — «матерь молитвы и слез» (Филофей Синайский).

[183] *И по вся нощи исходя ис кѣлии до утреняго клепаниа...* — К утрене обыкновенно ударяли в три часа ночи, а в праздники — в два или в час пополуночи.

[184] *...плачася своея душа, яко мертвеца, над гробом своим.* — Это же сравнение встречается у святых отцов, например у св. Антония Великого: «Непрестанно плачь о грехах своих, как если бы ты имел мертвеца в келий своей» (Добротолюбие. М., 1895. Т. 1. С. 110).

[185] *...«Воздыханиа и скорби от душа... прилежно молят Господа».* — Источник этой цитаты не установлен.

[186] *«...то уже наставник вам вмѣсто мене да будет Арсение».* — Арсений стал игуменом Соловецкого монастыря сразу после смерти преп. Зосимы, но пробыл на игуменстве недолго, не больше года.

[187] *...сподоби мя одесную Тебе стати в послѣдний день...* — Ср.: Мф. 25, 33—34.

[188] *...на паметь преподобнаго отца нашего Симеона иже в Персидѣ.* — Св. Симеон был епископом Селевкии и Ктезифона, умер мученической смертью в 344 г.

[189] *Положиша и въ гробѣ... за олтарем церкви Святаго Преображений...* — Сейчас это место, где был погребен преп. Зосима, находится под алтарем перестроенного при игумене Филиппе Преображенского собора.

[190] *...стоящу на обычном своем правилѣ...* — Повседневное келейное молитвенное правило состоит из определенной последовательности молитв и духовных песнопений; оно включает чтение Евангелия, Апостола и Псалтири, канонов и акафистов, личного помянника и исполнение «пятисотницы» — многократно творимой Иисусовой молитвы с поклонами.

[191] *Мнози бо простерты по воздуху сѣти дьяволя...* — Подобным образом видел сети дьявола, простертые по всей земле, св. Антоний Великий: «Он видел, что сети диавольские устроены по земле таким же образом, как звероловы протягивают свои. <...> Под таким образом представились авве Антонию виды всех страстей телесных и душевных, которыми бесы борют монахов» (Добротолюбие. М., 1895. Т. 1. С. 145—146).

[192] *...помилова мя Богъ и с преподобных лики причте.* — Слово «преподобный» означает здесь «святой, праведник». В этом значении слово чаще всего употребляется в библейских книгах, особенно в «Псалтыри», например: «Не оставиши душу мою во аде, ниже даси *преподобному* Твоему видети нетления» (Пс. 15, 10); «Господь любит суд и не оставит *преподобных* Своих» (Пс. 96, 10); «Честна пред Господем смерть *преподобных* Его» (Пс. 115, 6), и т. д.

[193] *..лезем крест, последовати Ему».* — Мф. 16, 24; Мр. 8, 34; Лк. 9, 23.

[194] *...ловча ограды твоея»...* — Ср.: Ин. 1, 26—27.

[195] *...яко финик цвѣтущь в удолии и яко крин селный сияя...* — Ср.: Пс. 91, 13; Песнь Песней. 2, 1-2; 5, 13; 7, 7.

[196] *...повѣда игумену Исайи...* — Исайя был четвертым игуменом после преп. Зосимы; его игуменство длилось около 20 лет.

[197] *Муромский монастырь* — один из древнейших в Обонежье; по преданию, был основан иноком Лазарем в XIV в.

[198] *...простираше вскрылие мантии...* — Монашеская мантия по своему духовному значению символизирует «образ ангельских крил» (толкование принадлежит патриарху Герману Константинопольскому, VIII в.).

[199] *Шуя-река* — селение в устье реки Шуи, впадающей в Онежскую губу Белого моря. Позднее в Шуе-реке была построена церковь во имя св. Климента папы Римского.

[200] *...по тридесятих лѣт преставлений их, и не имуще образа преподобных у себе...* — В более позднее время в Соловецком монастыре возникло предание о том, что первая икона преподобных Зосимы и Савватия была написана учеником преп. Зосимы игуменом Досифеем в 1478 г. (т. е. в первый год после кончины преп. Зосимы) (см.: Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. С. 295). Это предание зафиксировано в ряде описаний этой иконы, сохранившихся в монастырских документахXVII в.: «Да образ „Соловецкие чюдотворцы", обложен серебром чеканным, позолочен, и венцы чеканные позолочены, в венцах и в цатах вставки жемчюжные. А тот образ — письмо Дософея игумена, ученика преподобнаго отца нашего игумена Зосимы чюдотворца» (см.: Опись Соловецкого монастыря 1632 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. № 137. Л. 23). После закрытия монастыря икона была вывезена в Москву и сейчас находится в музее «Московский Кремль» (инв. № Ж—798/1—2; 33,5 X 28 см). Исследователи датируют ее XVI в., относя время ее создания к игуменству Филиппа Колычева. На оборотной стороне иконы прикреплена серебряная пластинка с резной надписью, сделанной в XIX в.: «Икона первописанная по преставлении преподобнаго отца Зосимы въ 5 (так! — *О. П.)* лето ученикомъ его бывшимъ игуменомъ Досифеомъ 3-мъ. 1478 года». Икона была опубликована в кн.: 1) Щенникова Л. А., Клевцова Р. И., Соколова И. М. Святые иконы в Соловецком монастыре // Соловецкий монастырь. М.; СПб., 2000. С. 220, 243. Ил. 20; 2) Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: Каталог выставки. М., 2001. С. 56—57. Ил. 1.

[201] *...у острова нѣкоего, рекомый Кузова...* — Острова, называемые Кузова, или Немецкие, находятся к западу от Соловецких островов, отделенные от них большим проливом шириною в 30 км.

[202] *...до Шужмоя острова...* — Острова Шужмуй (Большой и Малый) лежат в Онежской губе Белого моря к югу от Соловецких островов.

[203] *Вирма* — село в месте впадения реки Вирмы в Онежскую губу Белого моря. В Вирме находилось подворье Соловецкого монастыря с церковью св. апостолов Петра и Павла.

[204] *...приплухом к нѣкоей лудѣ морстѣй...* — «Лудами» поморы называют голые гранитные острова в Белом море.

[205] *Салма* — пролив, протока между островами.

[206] *Герасим Пустынник* — один из местночтимых соловецких святых (см.: Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. М., 1881. С. 128; Сергий, архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1903. Т. 2. Ч. 3. Прил. 3. С. 61).

[207] *...«Что без молитвы приидосте здѣ?»* — Прежде чем войти в келию к монаху, надлежит прочитать молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас!» — и входить только после ответного возгласа: «Аминь».

[208] *Се поведа нам священноинок Досифей, ученикъ святаго: «Бывшу ми* к 6 *когда игуменом на Соловках...»* — Досифей был третьим игуменом после преп. Зосимы; время его игуменства относится к периоду не ранее 1479 г. и не позднее 1484 г.

[209] *Паперть* — галерея или крыльцо перед входом в храм, имеющая над собой крышу.

[210] *...братии нефимон поющим...* — Мефимон — великое повечерие. Название происходит от греческого припева «оти меф̑ имон о Феос» («яко с нами Бог»), многократно повторяемого за великим повечерием.

[211] *Клирики* — церковные чтецы и певцы.

[212] *...опрѣхся о пососѣ...* — Посох является символом пастырской власти игумена монастыря, на котором лежит обязанность управлять «стадом разумных овец».

[213] *...великаго образа аггелскаго — схимы...* — Схимничество есть высшая ступень монашеской жизни, сутью которой являются покаяние и молитва за весь мир.

[214] *...священноиноку бо не сущу ту близ...* — Пострижение монаха, согласно церковным канонам, может произвести только монашествующий; мирскому священнику это не позволяется.

[215] *...«Почто тако, брате... себе съкрушаеши»...* — Принятие перед кончиною схимы является предметом особой заботы монаха: «Кто близок к кончине <...> во всем да уготовляет себя. Не имеющий полного образа (иноческого) пусть примет его, чтобы не отойти несовершенным и без совершительнейшего священнодействия схимы» (Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. СПб., 1856. С. 521).

[216] *...положи упование на Бога...* — Ср.: Пс. 77, 7.

[217] *Сума-река* — селение на берегу Онежской губы Белого моря, в котором находилось подворье Соловецкого монастыря с церковью св. Николая Чудотворца.

[218] *...текох позвати игумена того...* — Т. е. духовника из священноиноков (о значении слова «игумен» см. коммент. к стр. 56).

[219] *...и пакы успе о Господь...* — Тело схимонаха Елисея было погребено за алтарем церкви святителя Николая в Суме-реке. В 1665 г. гроб с его мощами был обнаружен на поверхности земли, и вслед за тем последовали явления преподобного и исцеления по его молитвам. Над

его могилой была поставлена часовня и установлено его местное почитание.

[220] *...сподобився божественаго просвѣщениа...* — «Божественным просвещением» обыкновенно называют таинство крещения. Здесь же крещению уподоблено пострижение великого ангельского образа, которое, по словам св. Симеона Солунского, и есть «второе крещение».

[221] *...сгорѣла у нас в манастырѣ трапеза и церковь теплаа Успение Пресвятыя Богородица.* — Этот пожар в Соловецком монастыре случился в Великий пост в 1485 г.

[222] *Старец нѣкый, Макарие именем... живяще бо тогда в пустыни...* — Пустынножитель Макарий — это, по-видимому, тот самый «муж по имени Марк», который приплыл вместе с Германом к преп. Зосиме и был пострижен с именем Макария. В Житии он упоминается еще один раз — как свидетель чуда о потерянной просфоре. Пустынь, где впоследствии подвизался преп. Макарий, сохранила название «Макариевой пустыни».

[223] *...в Великий Новград къ архиепископу Генадию, понеже велику вѣру имяше къ обители преподобных...* — Геннадий был рукоположен в архиепископа Великого Новгорода и Пскова незадолго перед тем, как на Соловках случился пожар. Архиепископ Геннадий имел особые причины заботиться о Соловецком монастыре, т. к. преп. Савватий был его келейным старцем.

[224] *...весла же и дрова — все вода отнесе.* — В Белом море изменение уровня воды (приливы и отливы) совершаются через каждые 6 часов 12 минут.

[225] *Аз же призвах слугу, шедшаго с нами...* — Монастырские «слуги», как правило, служили стряпчими или приказчиками в монастырских вотчинах. В монастыре они занимали несравненно более высокое положение, чем так называемые «служебники». Монастырские слуги происходили обычно из дворян, духовенства или горожан и по своему положению соответствовали служилому классу в государстве. Нередко, прослужив монастырю несколько лет, монастырские слуги принимали постриг, после чего, как правило, избирались братией на различные административно-хозяйственные посты (келаря, казначея, строителя монастырского подворья, приказного старца).

[226] *И видит человека, ѣдуща скоро на дровнях, именем Иеремиа.* — По-видимому, это тот самый Иеремей, о котором рассказывается в «Чуде о жене умершей».

[227] *...в Вирму-реку на пристанищеманастырьское к старцу именем Зосимѣ.* — Упоминаемый здесь настоятель подворья Соловецкого монастыря в Вирме старец Зосима известен как духовный наставник преподобного Феодорита Кольского, просветителя лопарей.

[228] *...а се ужины не ставает!* — «Ужиной» поморы называют съестные и прочие припасы, необходимые для промысла (одежду, утварь, орудия лова, дрова, соль) в расчете на каждого члена артели.

[229] *...саном бяше дьякь церковный...* — Т. е. чтец.

[230] *Канон* — гимнографическое произведение, состоящее, как правило, из восьми песен, посвященное празднику или святому.

[231] *...страдати от зѣлнаго недуга, еже «фрянчюги» наричются.* — «Французской болезнью» в народе называли сифилис.

[232] *...и призвав нѣкоего кудесника... хотя от него врачеватися.* — Поморы верили в сверхъестественную способность лопарских колдунов (нойдов) изгонять болезни, отсылая недуги к пославшему их. Наряду с нойдами врачеванием занимались и знахари, которые в отличие от первых лечили природными средствами, не прибегая к колдовству.

[233] «...с *ними же познах и третьяго старца, Иоан имя ему».* — О явлении преп. Иоанна вместе с преп. Зосимой и Савватием рассказывается и в другом чуде — «О явлении старцу Леониду», записанном при игумене Филиппе, которое вошло в состав позднейших редакций Жития.

[234] *Зосима же вшед, держа жезлъ в руцѣ...* — Жезл — символ пастырской власти.

[235] *...твори Исусову молитву.* — «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

[236] *...праздник святых Богоявлений...* — То же, что праздник Крещения Господня (6 января по старому стилю).

[237] *Иордань* — прорубь для освящения воды в праздник Крещения.

[238] *...в ладию.* — Ладья — двухмачтовое палубное судно.

[239] *Тоня* — рыбачий стан.

[240] *Умба-река* — деревня на реке Умбе, впадающей в Кандалакшскую губу Белого моря (на юге Кольского полуострова). Позднее в Умбе была построена церковь во имя Воскресения Господня (с пределом Кирилла Белозерского).

[241] *...скоро притек к сущим во льяле, воду льющим...* — «Льялом» называется нижняя часть судна, по бокам киля, где скапливается и откуда вычерпывается вода.

[242] *Наволок* — мыс, полуостров.

[243] *Унежма* — мыс в Онежской губе Белого моря.

[244] *...иже при Христѣ разслабленаго принесше на одрѣ къ Христу...* — Мр. 2, 3—12; Лк. 5, 18—26.

[245] *Яко Енея он... иже бывый хром от чрева материя, егоже Петръ и Иоан исцели...* — Автор Жития упоминает здесь о двух разных исцелениях, совершенных св. апостолами: об исцелении расслабленного Енея в г. Лидде апостолом Петром (Деян. 9, 33—34) и об исцелении хромца у Красный врат в Иерусалиме апостолами Петром и Иоанном (Деян. 3, 1—9).

[246] *...«мертвъ быв и оживе, и изгиблъ бѣ и обрѣтеся».* — Лк. 15, 24.

[247] *Пономарь* — церковный служитель, в обязанности которого входит возжигать и гасить свечи, подавать кадило, вносить просфоры, вино, воду и ладан в алтарь, а также звонить к богослужению.

[248] *Являет же ся иногда третий старець с ними незнаем... Василей.* — Василий, по прозвищу Новгородец, — один из собора местночтимых Соловецких святых.

[249] *Золотица-река* — деревня на Летнем берегу Белого моря, в устье реки Золотицы, впадающей в Онежскую губу (следует отличать от одноименной деревни Золотицы на Зимнем берегу).

[250] *...«Сердце съкрушено и смирено Богъ не уничижит».* — Пс. 50, 19.

[251] *...хотяху итти на добытки наморе на веснование.* — «Беснование» — весенний промысел тюленей, в основном серки, на льдинах в Белом море, который обычно начинался со дня св. Евдокии (1 марта).

[252] *...по грамотѣ великого князя жаловалной... емлют на монастырь десятое.* — После покорения Великого Новгорода Москвой великий князь Иван III дал игумену Феодосию жалованную грамоту (в 1479 г.), в которой подтвердил права монастыря на все Соловецкие острова («по старине»), а также право на получение «десятины» от охотников и рыболовов, приходящих на Соловецкий остров на промысел.

[253] *...вкладшеся в насады...* — Насад — плоскодонное грузовое судно с поднятыми бортами.

[254] *...«плотстии бо, рече, духовная мудрьствовати не могут».* — См.: Рим. 8, 5.

[255] *...и молитвами преподобнаго, отроча исцѣлѣ...* — О герое этого повествования Василии Курюкове, исцеленном во младенчестве по молитвам преп. Зосимы, сохранилось известие о том, что уже в зрелом возрасте он был казнен Иваном Грозным во время его новгородского похода зимой 1570 г. (См.: Веселовский С. Б. Ономастикой. М., 1974. С. 158).

[256] *Умба-река* — селение на юге Кольского полуострова, на реке Умбе, впадающей в Кандалакшскую губу Белого моря.

[257] *...Ѣдущу ему на лопъ дани брать...* — Русские лопари, селившиеся на берегах Белого моря на Кольском полуострове, после покорения Великого Новгорода Москвой стали данниками великого князя.

[258] *Варзуга-река* — селение в южной части Кольского полуострова на р. Варзуге, впадающей в Белое море. Позднее в Варзуге была построена церковь св. Николая Чудотворца.

[259] *...«матерь, о чадѣх веселящуся».* — Пс. 112, 9.

[260] *Досифей* — игумен Соловецкого монастыря, ученик преп. Зосимы, автор его Жития, один из создателей Соловецкой библиотеки (вложивший в нее 46 рукописных книг). Скончался после 1514 г. По-видимому, в конце жизни подвизался в затворе.

[261] *...понеже Герман преставися.* — Преподобный Герман скончался в 1479 г. в Новгороде, в монастыре св. Антония Римлянина, куда был послан игуменом Арсением по нуждам Соловецкой обители. Ученики Германа везли тело его в Соловецкий монастырь, но из-за распутицы вынуждены были похоронить его у часовни в деревне Хаврониной на реке Свири. Через пять лет, при игумене Исайе, мощи его были обретены и перенесены в Соловецкий монастырь.

[262] *И приидох къ архиепископу Генадию...* — Геннадий (Гонозов) — архиепископ Великого Новгорода и Пскова (1484—1504), скончался в 1505 г. в Чудовом монастыре. В юности был учеником преп. Савватия, а в конце своей жизни благословил священноинока Досифея написать Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Архиепископ Геннадий известен как составитель первого на Руси полного кодекса библейских книг, а также как борец с антитринитарной ересью так называемых «жидовствующих». Архиепископ Геннадий причтен церковью к лику святых. День его памяти празднуется 4 декабря.

[263] *...понеже Саватие, началник вашь, старецьми был...* — Старец — опытный монах, имеющий дар духовного рассуждения, которому вверяется в послушание новоначальный инок для усвоения дисциплины монашеской жизни.

[264] *...на Белѣ-езере в манастыри Ферапонтовѣ.* — Ферапонтов монастырь был основан сподвижником Кирилла Белозерского преподобным Ферапонтом в 1398 г. В 1502 г. соборную церковь Ферапонтова монастыря расписал знаменитый иконописец Дионисий с сыновьями.

[265] *Списано же бысть житие се... в лѣто 7011 Спиридоном, митрополитом Кыевьскым...* — Жития соловецких чудотворцев были написаны Спиридоном в 1503 г. По мнению некоторых исследователей (на наш взгляд, весьма спорному), спустя некоторое время Спиридоном было написано еще одно сочинение — «Послание о Мономаховом венце», посвященное генеалогии московских великих князей и истории получения ими царских регалий. В «Послании» Спиридон сообщил и некоторые сведения о себе: упомянул о своем преклонном возрасте

(«имея от роду 91 год») и назвал себя двойным именем («Спиридон рекомый, Савва глаголемый»), — что дает им основание полагать, что к концу своей жизни Спиридон принял схиму с именем Саввы.

ПЕРЕВОД

27 СЕНТЯБРЯ. ЖИТИЕ САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКОГО (СМОТРИ ПОСЛЕ СЕГО СЛОВА И ЖИТИЕ ЗОСИМЫ СОЛОВЕЦКОГО). ЖИТИЕ И ПОДВИГИ, И НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЧУДЕС ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ЗОСИМЫ, ОСНОВАТЕЛЯ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ, И О НАЧАЛЕ МОНАСТЫРЯ ТОГО, ПОСКОЛЬКУ ОСНОВАНА СВЯТАЯ ЭТА ОБИТЕЛЬ ЖИТИЕМ И НАЧИНАНИЕМ РАБА БОЖИЯ СТАРЦА САВВАТИЯ И СПОДВИЖНИКА ЕГО ГЕРМАНА, НЕКОЕГО БОГОЛЮБИВОГО МОНАХА. НАПИСАНО СПИРИДОНОМ, МИТРОПОЛИТОМ КИЕВСКИМ

Благослови, отче!

Было это в дни благочестивого великого князя Василия Васильевича Владимирского и Московского и великого князя Бориса Александровича Тверского, и великого князя Федора Ольговича Рязанского в 1436 году; на архиерейском престоле правил тогда митрополит Фотий, по происхождению грек, а престолом в Новгороде владел архиепископ Евфимий Брадатый.

В одном из Белозерских монастырей, называемом Кириллов, жил вышеупомянутый Савватий, о котором мы сказали в начале. А из какого города или селения были его родители, этого мы не знаем точно, ведь много лет прошло до нынешнего написания. И не смогли узнать мы, в каком возрасте он принял иноческий образ. Но узнали только от боголюбивых мужей и из бесед духовных с иноками, приходящими с острова того, и у них расспросили в кратких беседах для духовной пользы всех, кто хочет спасти свою душу и последовать добродетельному житию этих святых, о том, как жил он вместе с другими монахами в названной обители и все преодолел послушанием к игумену и всей во Христе братии в возложенных на него службах, и еще многим воздержанием и постом изнурял свое тело и одолевал страсти, — и всем этим воинству бесовскому и самому дьяволу немало досадил.

Был он любим и прославляем всеми пребывавшими там иноками и самим игуменом той обители за многое его послушание, кротость и смирение; и среди всех там живущих почитался как образец всех добродетелей и правил (иноческой) жизни. И стал он скорбеть об этом, говоря: «От людей славу принимаете, а славы, которая от единого Бога, не ищете». Ибо много лет жил в том монастыре блаженный Савватий, стремясь своей жизнью восходить к совершенству, — как сказано пророком: «восхождения юдоль плачевную полагая в сердце своем — том месте, что назначено ему, ибо дает благословение давший Закон; и пойдут от силы в силу».

И начал он просить игумена сам и молитвами братии, чтобы отпустил его с благословением. Ибо слышал от неких странников такой рассказ: «Есть в Новгородской земле озеро, называемое Ладожским, а на том озере — остров, именуемый Валаам. На том острове стоит монастырь Преображения Господа нашего Иисуса Христа. Проводят там иноки жизнь очень суровую: пребывают в тяжелых трудах и все делают своими руками — и от этих трудов нелегкую пищу себе добывают, песнопения же и молитвы беспрестанные Богу принося». От этого известия уверился в своем стремлении раб Божий Савватий и появилось у него боголюбивое желание там поселиться.

И в скором времени исполнилось желание его. Пришел он, по промыслу Божьему, в тот монастырь, называемый именем Святого Спаса на Валааме, и был принят игуменом и братиею монастыря того. И жил там вместе с братиею, в трудах пребывая и к трудам труды прилагая; и был любим всеми. И пробыл там немало времени, прилежно исполняя возлагаемые на него в обители послушания со всяческим смирением, и многим терпением, и великой кротостью. И изнурял свое тело, чтобы плоть поработить духу, — и недостаточно ему было трудов этого подвига. Когда же усмирил плоть до конца, явился жилищем Святого Духа.

Игумен же и братия той обители, видя его в таком внутреннем устроении, столько времени неуклонно в трудах пребывающего, дивились и говорили про себя: «Что делать? Видим, как этот (брат) подвизается, ничего не говоря, и с каким усердием работает здесь без всякого прекословия, словно некий раб, не имеющий выкупа. Воистину, это и есть раб Божий и великий делатель заповедей Его».

Услышал эти слова блаженный Савватий и тяжко ими опечалился, ибо более всего ненавидел похвалу человеческую. И сказал себе: «Что мне делать? Какой найти выход? Ведь я за свои грехи предал себя тому же осуждению, что и прародитель в раю. Но сам Владыка Христос нам этот пример показал и заповеди оставил: будучи богат, ради нас обнищал, чтобы мы его нищетою обогатились. Эти повеления и заповеди Его подобает хранить, что есть сил, ибо Он сказал пречистыми своими устами: „Тот, кто хочет за Мной идти, пусть возьмет крест свой и следует за Мной". Лучше мне оставить место это, чем принимать честь и похвалы и покой от таких же, как я, людей — и напрасен труд мой будет; да не случится, что, изнурив тело, лишен буду награды!» Ибо как не может укрыться город, стоящий на вершине горы, но всем виден бывает, так и добродетельных мужей богоугодное житие не сможет утаиться; взывают они к Господу втайне, а Бог их делает явными, ибо сказал: «Славящих Меня прославлю!»

Скорбел душою блаженный Савватий, видя себя почитаемым игуменом и всей братией, и помышлял о подвиге безмолвия. Ибо слыхивал от тамошних жителей об острове, называемом Соловки, расположенном в море-океане, как сказывали. От земли удален он двумя днями плавания. Говорят, в окружности имеет верст сто или более, а в длину — верст около тридцати. Имеется посреди него много озер, а в них — множество разной рыбы различных пород, но не морской. А то, что в

море вокруг него ловят, то морская рыба. Приплывают туда с побережья на рыбную ловлю местные жители и охотники на морского зверя — и каждый из них с добычей домой возвращается. Остров тот украшен множеством разных деревьев: вершины гор его покрыты бором, в долинах растут различные древесные породы и множество всякой ягоды, а огромные стволы сосен пригодны для строительства храмов — и всем необходимым тот остров благоустроен. И во всем благоугоден для жизни людей, желающих там поселиться.

Преподобный же Савватий, слышав об этом, проникся в сердце любовью к безмолвию и желанием идти туда, вспоминая про себя псаломское изречение: «Вот, убегая, удалился и поселился в пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня». И начал просить с молитвой игумена и всю братию, чтобы отпустили его с благословением на поиски того острова. Они же нимало не уступили его мольбам и не захотели отпустить его из-за добродетельного его жития, ибо понимали, что он «истинный раб Божий», в облике и делах его видели величайший <для себя> образец и потому большой для себя утратой считали уход праведного. А у него сердце разгоралось стремлением уйти в желаемое место — <в> Богом дарованный покой, чтобы сказать с Давидом вместе: «Вот покой мой, здесь поселюсь. Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо благоволил тебе Бог». И пребыл он <в монастыре> еще немного времени и размышлял про себя, как бы ему добраться до острова того.

Но поскольку не смог он умолить игумена и братию той обители, чтобы отпустили его с молитвой и благословением, то положился на волю Божию, сказав: «Как угодно Господу, пусть так и будет! Благословенно имя Господне отныне и довека!» И осенил себя крестным знамением, говоря: «Господи Иисусе Христе, Боже, Сыне и Слово Отчее, родившийся от предвечного Отца прежде всех век и от Пречистой Девы Богородицы непреложно вочеловечившийся, неизреченное рождество имеющий на небесах, горе, и несказанно на землю сошедший! Владыко, не пришел спасти спасаемых, но призвать грешных на покаяние! Наставь меня, Господи, на путь, которым пойду, ибо к Тебе возношу душу мою, и спаси меня, уповающего на Тебя!» И, утаившись от всех, ушел ночью из монастыря, неся <с собой> молитвы отеческие и полагаясь на волю Божию. Вырвался, как птица из петли или как серна из сети, — и очень был этому рад.

Так ушел блаженный Савватий, разгораясь любовью к безмолвию, — и отправился в долгий путь; ибо было расстояние от Валаамского монастыря до берега морского около семисот верст или более. И сопутствовала ему Божия помощь, и храним был действом Святого Духа, и до самого моря направляем благодатью Христовой.

И стал он расспрашивать живущих в Помории людей о местоположении Соловецкого острова и насколько удален он от берега. И рассказали ему местные жители, селившиеся напротив того острова, что лежит этот остров в море от берега неблизко, но, что, плывя при попутном ветре, с трудом за два дня достигают его. А блаженный Савватий со

многим усердием обо всем их подробно расспрашивал: о величине острова, о деревьях, о пресной воде и о всяких особенностях.

И те жители поняли замысел блаженного, отчего он так усердно расспрашивает: видно, хочет он там поселиться. И сказали ему: «О старче, остров тот велик и во всем пригоден для обитания людей. Но издавна хотели там многие люди поселиться, а жить не смогли из-за страха перед морскими опасностями». И другие ему говорили: «К тому же видим тебя, о монах, в совершенном убожестве и нищете, чем же ты <там> будешь питаться и во что одеваться?» Был он в таких многолетних争 сединах, что ничего не мог делать из того, что нужно для устроения человеческого житья, а земля эта была холодной. Ответил им преподобный Савватий: «Я ведь, о чада, такого имею владыку, Христа Сына Божия, укрепляющего меня, естество старости юношеским сотворяющего, младенцам прежде старости зрелый возраст дающего, убогих обогащающего, голодных насыщающего, нагих одевающего. Ибо всеведущ Он и все устраивает на пользу боящимся Его и хранящим заповеди Его. Однажды пятью хлебами насытил Он пять тысяч человек, не считая женщин и детей, — и двенадцать коробов кусков, оставшихся в избытке, собрали ученики Его. Потом он снова семью хлебами насытил четыре тысячи — и семь корзин собрали; в другой раз Он воду превратил в вино».

Люди же те, слушая речи святого, имевшие разум дивились Божьему человеколюбию и мудрости учения святого, другие же, не имевшие благоразумия, насмехались и оскорбляли его как безрассудного. Он же, превелико возлюбив их, непрестанно рассказывал о Божиих чудесах. Потом, помышляя про себя реченное Давидом: «Возложи на Господа заботу твою, и Тот тебя укрепит вовеки», — сотворил молитву и, благословив их и призвав души их к миру, отправился в путь свой, радуясь, что обрел желаемое.

И пришел на реку Выг в селение, называемое Сорока. Был там храм молитвенный, называемый часовня. И встретил там некоего монаха вышеупомянутого, именем Герман, был же он родом из карел. И сотворили они молитву, и сели. И начал блаженный расспрашивать его с кротостью о местоположении того острова и о пути к нему. Герман же рассказал ему все достоверно, то же, что прежние, ибо и сам он видел тот остров своими глазами. Посоветовались они и решили, что Герман не только сопроводит его туда, но и будет жить вместе с ним на острове Соловецком.

И в скором времени отправились они в путь по морю, сев в малую лодку, называемую карбас, и, по Божию смотрению, было их плавание благополучным, ибо сохранял Бог рабов своих. И на третий день достигли они острова Соловецкого. Возрадовался блаженный Савватий радостью великой, что не презрел Бог моления его!

Вышли они на сушу и там устроили шалаш; и, сотворив молитву, водрузили крест на том месте, где достигли пристанища. И начали осматривать остров, ища место, где бы им хижину себе поставить для обретения покоя (труда монашеского). Найдя же удобное место, начали

строить себе келии вблизи озера, невдалеке от моря — на расстоянии одной версты. Была же над тем озером очень высокая гора.

И начали раб Божий Савватий со сподвижником своим Германом строить себе келии невдалеке от моря и от озера — и вскоре, благодатью Христовой, завершили. И стал преподобный усердно к трудам труды прилагать, разгоревшись теплотой духа, оттого что исполнилось желание сердца его, и радуясь. К горнему свой ум устремляя и плоть повинуя духу, предавался он всенощным стояниям и беспрестанным молитвам, «поучаясь всегда в псалмах и пениях духовных, поя Господу в сердце своем»: «На Тебя, Господи, уповала душа моя, и Ты помощник мне был».

И так трудились они с другом своим Германом, землю копая мотыгами, и этим питались. Нелегким трудом пищу себе добывали и, как сказано, «в поте лица ели хлеб свой». И питал их Бог со многим обилием.

Увидели же это люди, живущие на побережье, что поселились иноки на острове Соловецком; и те, что селились напротив того острова, начали им завидовать и захотели изгнать их с острова, говоря так: «Мы самые близкие в Карельской земле кровные наследники острова этого. Будем же владеть им как своим отцовским наследием — себе и детям нашим и в будущие лета родов наших, а этих пришельцев прогоним с места того». И, посовещавшись, послали на остров одного из карельских жителей с женой и детьми.

Он же пришел на остров по совету своих соседей; и начали они строить себе дома, чтобы было где жить, и стали по озерам рыбу ловить. Преподобный же Савватий не знал об их приходе на остров, так же как и друг его Герман.

Случилось же, в один воскресный день, когда рассветало, а святой пел заутреню, — когда он вышел покадить у Честного Креста, который водрузил вблизи своей келии для поклонов, услышал он возглас и громкий вопль, взывающий с мольбою. Удивился он и пришел в ужас от того вопля, и позвал Германа из келии, и сказал: «Что это? Как будто слышу вопль человеческий?» Тот же ответил: «Откуда бы мог слышаться этот голос, если здесь никто не живет, кроме нас?» И, осенив себя крестным знамением, пошли они в келию, удивляясь и говоря: «Что это было? Откуда мог быть этот крик?» И, помолившись, закончили утреню. И снова услышали возглас, еще более громкий. Тогда Герман получил от святого благословение и пошел на тот крик.

Придя, нашел он женщину, лежащую и плачущую навзрыд. И спросил ее Герман о причине ее плача: «Жена, что случилось с тобой? Отчего ты плачешь и кричишь?» Она же, с многими восклицаниями, стала рассказывать ему следующее: «Господине отче! Когда я шла на озеро к своему мужу, встретили меня два грозных юноши со светлыми лицами и стали бить меня прутьями, говоря: „Уходите скорее с этого острова, ибо не до́лжно вам жить здесь! Но благоволил Бог устроить это место для жизни иноков! Вы же уходите скорее отсюда, да не погибнете здесь злою смертью! Отныне на этом месте будет обитель иноческая и да

соберется здесь множество монахов, и имя Божие да прославляется ими на месте этом, и храм во имя Иисуса Христа воздвигнут будет!” И сказав так, невидимыми стали».

Герман же, услышав это, оставил ее и скорее возвратился к старцу Савватию и рассказал ему обо всем по порядку, о чем услышал. И так они узнали, что по воле Божией пребудет на том острове благодать. И с той поры никто из мирян не смел дерзнуть приблизиться к тому острову, чтобы жить там. Преподобный же, услышав от Германа (о случившемся), встав, прослезился — и с сокрушенным сердцем воздали они общую хвалу и многое благодарение Господу и Пречистой Его Матери. И жили они на том острове в непрестанных трудах и злостраданиях многих.

Прошло несколько лет, и Герман испросил, по обычаю, у святого благословение, чтобы отправиться на побережье и на Онегу-реку ради некоторых надобностей. И, уйдя туда, задержался. Старец же Савватий один остался на острове и жил так долгое время. Сперва погрустил он в помыслах об уходе Германа, но потом стал еще усерднее подвизаться и, слезами каждый день ложе омывая, взывал стихами псалмов: «Господи, Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня! Ибо Тебе отдал душу мою от юности моей, и не отвергни меня, многие лета желавшего этого места святого!»

Увидели же нечистые духи, как теснит их подвижник, утвердившийся крепко оружием крестным, и стали чинить ему многие досаждения и устрашать его, и двинулись на него всею силою. Пришли, обратившись: одни — в змей, другие — в различных диких зверей, хотящих поглотить его. Святой же оградился крестным знамением и стал петь: «Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!» И закончил весь псалом — и все козни бесовские исчезли. И так остался святой невредим, днем и ночью всегда пребывая непрестанно в молитвах.

Герман же пришел осенью на побережье, желая плыть на остров Соловецкий, но не смог, так как настала стужа, дул встречный ветер, шел снег и было сильное волнение на море. И возвратился он зимовать на Онегу. На следующее лето снова хотел он идти в путь, чтобы вернуться к старцу, но был тяжело болен долгое время и опять не смог идти к тому, к кому так желал.

Преподобный же Савватий, стоя на обычном своем правиле и в молитвах наедине беседуя с Богом, получил весть от Бога, что надлежит ему освободиться от телесных уз и отойти к Господу, к которому от юности стремился. И стал он молиться, говоря так: «Господи Боже, Вседержителю, услыши меня, Человеколюбче, не презри молитву недостойного раба своего! Сподоби меня быть причастником Пречистых и Животворящих Тайн Пречистого Твоего Тела и Всечестной Твоей Крови, Господа моего Иисуса Христа, которую Ты ради нас пролил! Ибо долгое время лишен был я этого сладкого просвещения — с тех пор как ушел с Валаама и живу на этом острове».

После молитвы пошел святой на берег к морю и нашел на берегу лодку с полным снаряжением, готовую к плаванию. И усмотрев в этом Божие попечение, не стал возвращаться в келию, но сел в лодку и отправился в путь по морю, куда его Бог направит, чтоб обрести желаемое.

И было легким плавание: на море стояла тишина и тихий ветер веял. Блаженный же молился, говоря: «О Владыко, Ты разделил силою Твоею море и мятеж его волн Ты укрощаешь!» И так, хранимый Божией благодатию, вскоре переплыл морскую пучину — всего за один день — и приплыл в Выг-наволок. И встретил там на Выгу-реке у часовни игумена по имени Нафанаил, который пришел туда для посещения православных христиан. Когда увидел его блаженный Савватий, возрадовался духом и молвил: «Величит душа моя Господа, ибо не презрел моления моего Благой!» И, сотворив молитву, целовали они друг друга святым целованием, и просили один у другого благословения. И тогда сказал преподобный Савватий: «Подобает же тебе, священный отче, благословить наше смирение, ибо ты удостоился просвещения благодатию Святого Духа, получив великую власть священства освобождать или связывать согрешающих, ею же и нашу худость просвети и наставь к исполнению Божиих повелений и хранению святых Его заповедей».

Понял же игумен Нафанаил, что старец — истинный раб Божий, и спросил: «Кто ты, отче? И откуда? И куда идешь?» Отвечая, блаженный сказал ему: «Зовут меня, о отче святой, многогрешный Савватий, жил я на одном из этих морских островов, находящихся в этом краю. И прожил там несколько лет, служа Господу. И имел с собой брата по имени Герман, но вот уже второй год, как он ушел от меня с острова, и не знаю, что с ним случилось. Я же, грешный, молил Господа Бога о том, чтобы сподобил меня причастия Пречистых Тайн, ибо познал я, что уход мой близок, но не знаю дня кончины моей. И вот Божия благодать направила меня к тебе. И ныне молю твою святость, разреши меня от грехов моих таинством исповеди! И, если благоволит Бог и изволит твое священство, сподоби меня быть причастником Святых и Животворящих Тайн Пречистого Тела и Честной Крови Владыки Христа и Бога моего, ибо много лет желаю напитаться сей душепитательной пищей! И ныне Человеколюбец Бог указал мне твое боголюбие — врача и чистителя душам, да очистишь меня от согрешений, которыми я от юности моей согрешил, словом и делом и помышлением, от рождения даже и доныне».

И отвечал игумен преподобному Савватию: «Бог да простит тебя, отче святой, мною, недостойным рабом своим!» И возведя очи к небу, произнес: «О, сколько имеет Господь сокровенных рабов своих, которых недостоин и целый мир!» И долго стоял он в изумлении, глядя на преподобного, и со слезами говорил: «О если бы мне иметь грехи твои, отче, во очищение моего недостоинства!»

И очень был рад игумен, что удостоился видеть блаженного Савватия и слышать его богодухновенные слова. Ведь из-за добродетельной его жизни шла о нем многая слава. И тогда сказал преподобный игумену: «Отче святой, время уже наступает: приближается кончина моя; молю

твое священство, подай мне причастие пречистого бисера — Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа! Не медли нисколько!»

Игумен же ответил ему так: «Ступай, господин мой Савватий, на реку Выг к часовне и подожди меня. Я же утром возвращусь к тебе вскоре». Ибо пришел тогда за игуменом один из местных жителей от тяжелобольного, зовущего к себе отца духовного. Блаженный же Савватий сказал ему о себе: «Как же так, отче духовный, не откладывай до утра причащения Божественных Тайн! Ведь не знаем того, сохраним ли дух, чтобы дышать до утра» (предсказал ему этим уход свой). «А теперь, коль велишь мне идти на Выг-реку к часовне, — иду, а что после случится, того не знаю, „ибо сила моя в немощи совершается"».

И познал в нем игумен Нафанаил истинного раба Божия; и услышав от него достоверно о разлучении с телом, тотчас причастил его Пречистых и Животворящих Тайн Тела и Крови Христа Бога нашего. И простившись с ним святым целованием, отпустил его и сказал: «Молю тебя, раб Божий, подожди меня на Выгу при часовне!» Святой же ответил: «Если Бог повелит, то всяко должен буду дождаться тебя при часовне, — ибо об этом говорит и сам Владыка Христос: „Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут”». И отправился игумен посетить того больного, о котором мы ранее сказали, желая поскорее вернуться к блаженному.

Савватий же пришел в указанное ему Богом место — к часовне на реке Выг, и возрадовался радостью великой, что сподобился причастия Пречистых Тайн. И войдя в часовню, молился там долгое время, воссылая хвалу Господу и Пречистой Его Матери Богородице. И ушел в кельицу и затворился, и там беспрестанно воссылая молитвы Богу, готовился к отходу в вечность.

А в то время пристал к берегу некий купец из Новгорода, плывший в насаде, по имени Иоанн. Сойдя с судна, пришел он в часовню поклониться святым иконам — Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери и другим святым иконам, находившимся там. И пришел в келию блаженного Савватия, желая получить от него благословение. Старец же, отворив двери келии, принял его.

Был же тот муж боголюбив и имел большое богатство, многих наемных работников и работниц, — и принес милостыню. Старец же не захотел ее взять. Купец долго молил старца, чтобы взял что-нибудь из рук его: одежду или пищу или серебряную монету. Но отказался блаженный, одно лишь сказав ему: «Если хочешь творить милостыню, то сотвори нуждающимся». И, поучив его достаточно о милостыни, о любви и целомудрии, о милосердии к домочадцам, о заступничестве вдов и сирот и о многом другом для пользы душевной и благословив, отпустил его.

Иоанн же ушел очень огорченный тем, что святой не взял у него ничего, ибо, любя монашеский чин, счел это большой для себя утратой. Блаженный же, провидя причину его скорби, окликнул его и сказал: «Не скорби, чадо Иоанн, но послушай меня. Передохни на берегу до

утра — и увидишь Божию благодать. А утром безопасно отправишься в путь свой».

И в скором времени началась сильная буря, с громом и молнией, и страшный ураган бушевал на море и на реке всю ночь. Иоанн же, видя перемену погоды: бурю на море и ураган на реке, — бывшие по пророчеству старца, — пришел в ужас: ведь он восхотел идти дальше и не смог. И, получив от старца благословение, ушел в шатер свой и там заночевал.

Святой же всю ночь пел и молился не переставая, воссылая отходные молитвы ко Владыке Христу. И, взяв кадильницу, положил на уголья ладан и пошел в часовню. И помолившись там довольно, возвратился в келию. Покадил в ней честным иконам, помолился Господу и, почувствовав, что силы от него уходят, сел на обычном месте в келии, а кадильницу поставил рядом с собой. И воздев руки, молвил: «Господи, в руки Твои предаю дух мой». И так предал блаженную свою душу в руки Божии — и в бесславии человеческой славы, но прославленный у Бога, преславно отошел.

Наутро же ветер утих и воссияло солнце. Пришел Иоанн в часовню поклониться святым иконам, а затем приходит к келии преподобного, желая получить от него благословение и отправиться в путь свой. И сотворил молитву, но не услышал ответа. И снова произнес молитву, но не было ни звука, ни отклика. И стал он стучать в двери — и они отворились. Сотворив молитву, вошел он в келию и почуял дивное благоухание, и (увидел) святого сидящего и, думая, что тот живой, ужаснулся (своей дерзости). И сказал старцу: «Прости меня, честный отче, что я дерзко вошел к тебе, ибо имею большую веру к твоей святости, поэтому не смею отправиться в путь, не получив твоего благословения». И стоял он перед святым, но не услышал от него никакого ответа.

Блаженный же сидел в мантии и куколе, и рядом с ним стояла кадильница. Келия же была наполнена несказанным благоуханием. И приблизившись, сказал он святому: «Благослови, отче Савватий, раба своего в путь». И, склонившись, увидел, что тот предал душу Господу.

И стоял Иоанн размышляя, и молился про себя, возводя взор к образу Господа: «О Владыко Господи: как мне поступить? Какое принять решение? Боюсь оставить мощи преподобного сего без приготовления к погребению, Милостивый, но и не смею прикоснуться к святому его телу недостойными руками своими — да не навлеку на себя беду за свое недостоинство!» И вспомнил слова Господа: сказавшего жене кровоточивой: «Вера твоя спасла тебя». И, дерзнув с великою верою, приступил, взял его, возложил себе на плечи, словно «легкое бремя Христово», отнес и положил посреди часовни — и, поцеловав со слезами, вышел.

А в это время пришел к часовне игумен Нафанаил. Ведь предрек ему преподобный исход свой из тела, когда причащался из рук его Пречистых Тайн Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа! И

облобызав со слезами честные его мощи, стал расспрашивать купца о кончине святого. Тот же подробно рассказал ему все о блаженном: как пришел к нему, когда тот был еще жив; и о всех полезных и богодухновенных словах, которыми поучал его, наставляя; и о том, как предсказал грядущее наказание от Господа — внезапную перемену погоды; и как увидел его — уже после смерти — сидящего, точно живого.

Игумен же, вздохнув из глубины сердца, сказал: «Слава Тебе, Боже, прославляющему святых своих!» И так с псалмами и песнопениями достойно погребли они святые мощи преподобного Савватия, земное земле предав и славя Христа Бога, — в месяце сентябре в 27 день.

После погребения преподобного сели они вместе, игумен и Иоанн, и сказал игумен: «Знаешь ли, Иван, какой благодати мы удостоились от Владыки Христа, послужив погребению такого святого мужа?» И стал рассказывать ему о жизни святого на острове, и о том, как пришел он с острова, один плывя по морю, и обо всем том, что слышал из уст блаженного. Тот же удивлялся, говоря: «Воистину, господине отче, и меня, недостойного, он много наставил от Божественного Писания, как подобает жить православному христианину и иметь чистоту и целомудрие, и милость к ближнему; и ведь как он предрек мне святыми своими устами грядущее наказание Божие и человеколюбие Его! О, если бы я знал о святой его кончине, то никоим образом не отлучился бы из этой келии! Но и за то благодарю Всемилостивого Бога, что удостоил меня видеть земного ангела и небесного человека, — сидящего и после кончины, точно живого, — и отнести в часовню честные и трудолюбивые его мощи!» И подал игумену довольно милостыни.

И так, дивясь, воздали они хвалу Богу, творящему святыми своими угодниками дивные чудеса, «которых ни око не видело, ни ухо не слышало, и не приходило то на сердце любострастного, что уготовал Бог любящим Его».

И разошлись они каждый в свою сторону, неся в дома свои, словно некое сокровище многоценное, молитвы святого Савватия и славя Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ И НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЧУДЕС ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО ИГУМЕНА ЗОСИМЫ, ОСНОВАТЕЛЯ СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ, И О ПРИШЕСТВИИ ЕГО НА ОСТРОВ СОЛОВЕЦКИЙ, И О НАЧАЛЕ МОНАСТЫРЯ ТОГО

Благослови, отче!

Прошел год после кончины блаженного Савватия, и пожелал Человеколюбец Бог восстановить то место, чтобы труды угодника Его не остались в забвении. И восхотел Он еще больше прославить остров Соловецкий, на котором преподобный Савватий провел многие годы чудной и трудолюбивой жизни, о чем было сказано выше, — по

пророчеству ангелов, сказавших <карельской> жене: «Благоизволил Бог, чтобы место это было селением иноков». И так, изволением Божиим и молитвами Пресвятой Богородицы, суждено было тому месту быть восстановленным.

Был некий муж среди местных жителей, в деревне, называемой Шуньга, по имени Зосима. Был он сын благочестивых и богатых родителей и, с юных лет имея ангельский нрав, всячески сторонился детских забав. Прежде родители его жили в Великом Новгороде, а потом поселились в той деревне вблизи моря. Там захотели они жить — примерно в двухстах верстах от моря или немногим более, ибо там пожелал Бог прославить угодника своего.

Отрекся Зосима от мира и стал монахом. И, как «олень стремится на источники вод», так и он желал найти место пустынное, чтобы уединиться и в молитвах наедине беседовать с Богом. И размышлял он про себя, говоря: «Ведь я еще наполовину состоялся, лишь в малом отречение от мира совершил — только словом, но написано: „Не за слова отречения дается награда, но за дела", а также: „Не слушающие закон спасаются, но исполняющие его". А я всегда имею перед глазами своими родителей и всех близких своих, друзей и знакомых, и нахожусь среди них — в чем же отказ мой от мира? Ведь написано: „Не любите мира, ни того, что в нем", ибо невозможно одним оком смотреть на небо, а другим — на землю или „одному рабу служить двум господам: либо одного возлюбит, а другого возненавидит, либо одному станет усердствовать, а о другом не радеть, — то есть Богу служить и мамоне"». Об этом постоянно размышлял в своем сердце раб Божий Зосима, и разгорался любовью к Богу во все дни и ночи, желая уйти от мира, и прилагал любовь к любви и огонь к огню, и искал себе помощника в духовном подвиге.

И вот в скором времени случилось ему встретить, по Божьему промыслу, вышеупомянутого раба Божия старца Германа, который прежде жил вместе с блаженным Савватием на Соловецком острове. И завели они между собой духовную беседу. Герман стал рассказывать ему о блаженном Савватии: как подвизался он на Соловецком острове и как, после ухода Германа с острова, блаженный окончил свой путь на морском берегу.

Зосима же, слушая рассказ о святом, и о расположении острова, и о местах, пригодных для создания монастыря: о земле для возделывания, и о деревьях для строительства, и о множестве рыбных озер и мест для лова морской рыбы — слушая обо всем этом Германа, Зосима радовался духом и молился про себя, возводя очи к небу: «Господи Владыко Человеколюбче, направь меня на путь, которым пойду, и так да спасусь, о Всемилостивый!» И тогда просветились у него очи сердечные; и стал он советоваться с Германом о морском путешествии, как бы добраться до Соловецкого острова. И сказал он Герману: «Богоотец Давид изрек в песнях: „Спроси отца твоего — и возвестит тебе, и вопроси старцев твоих — и рекут тебе"», — и открыл Герману тайны сердца своего, ибо более не могло быть сокрыто сокровище веления Божия; ведь того, что благоизволил Бог, человек изменить не может. Потому что как будто

огонь разгорелся в сердце блаженного Зосимы от такого великого желания. И так стал он с великим усердием готовиться к предстоящему морскому путешествию. Увлек же с собою и Германа и (начал собирать) все, что необходимо для устройства на том месте.

А в это время отец его, заболев горячкой, отошел ко Господу; а мать его осталась вдовой. Он же со многими слезами и псалмопениями достойно похоронил отца своего — и приходит в отчий дом и говорит родительнице своей, давая ей добрый совет: «Госпожа моя мати, Бог так изволил — взять твоего супруга и моего отца. Божия на то воля. Не все ли прах, и не все ли пепел?» Она же, повинуясь во всем его воле, говорит: «Что ни повелишь мне, чадо, ни в чем тебя не ослушаюсь». И дает ей блаженный Зосима совет: оставить дом и имение и уйти в близлежащий женский монастырь, и принять там монашеский постриг. Мать же его, во всем следуя его воле, ушла в монастырь — и все оставила, как ему было угодно. Блаженный же раздал все имение убогим и весь домашний скарб, оставшийся от родителей, отдал нищим, а слуг отпустил и немалую часть имения им отдал. Сам же возвратился к прежним подвигам — и второе отречение от мира совершил: ранее — родителей и родственников своих оставил и отверг все услады мирской жизни, (а теперь) род и отечество свое покинул и от всех знакомых удалился.

И приходит он на прежнее место к Герману — и, все приготовив к плаванию, отравляются они в путь по морю. И так, Божиим устроением, при попутном ветре, на второй день достигают острова Соловецкого. Поставили они лодку в удобном месте и вместе с вышеназванным Германом поднялись на остров. И стал блаженный Зосима осматривать остров, размышляя про себя, в каком месте монастырь следовало бы устроить, если изволит Бог и Пречистая Богородица. И нашел такое место — просторное для размещения обители, удобное и очень красивое; невдалеке над морем было озеро — на расстоянии полета стрелы — и морской залив был тихий и укрытый от ветра. Тут же была и заводь для лова морской рыбы. И на том месте устроили они себе шалаш и провели в нем ночь в бдении, молясь и поя псалмы, со многою верою ко Христу Богу и Пречистой Его Матери, и имея друг ко другу любовь духовную.

Когда же настало утро, вышел блаженный Зосима из шалаша — и было ему явлено некое предивное видение: увидел он луч пресветлый, который всего его просветил, и Божественное сияние место то осияло. Объял его ужас от такого видения; и видит он на востоке церковь, стоящую на воздухе, большую и прекрасную, простершуюся над землей. От такого пречудного видения изменился в лице Зосима — и пришел к Герману, и стал рассказывать ему о видении.

Тот же, взглянув на него и увидев, как он изменился в лице, догадался, (что произошло с ним что-то необыкновенное), ибо был он мудр и опытен (благодаря) многолетним монашеским трудам и праведной жизни. И спросил его: «Что случилось, любезный? Что-нибудь приключилось с тобой или, может быть, какой-нибудь образ или видение возмутили твое сердце и душу?» И Зосима подробно рассказал

ему обо всем: как увидел он тот неизреченный свет и предивную церковь. Герман же воспламенился духом и сказал: «Дерзай, любимый, ибо тебя Бог благоволил (избрать) для места этого! О том же и я тебе скажу: о том чуде, о котором и прежде рассказывал тебе, случившемся (здесь) при блаженном Савватии. Ангелы Божии прогнали с этого места рыбака, а жену его наказали прутьями. „Уходите, — сказали, — скорее отсюда, а не то умрете злою смертью; место это на острове унаследуют иноки!" И вот спустя небольшое время ангельское пророчество должно исполниться. Ведь и сам Владыка Христос сказал: „Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут". Ибо, как в древности показал Бог образ скинии Моисею в пустыне, так и тебе явил здесь предивное это видение; значит, тобой Он хочет место это устроить».

Сказанное Германом укрепило блаженного Зосиму на подвиг и исполнило его дерзновения. И устремился он на подвиг, телесный и духовный: телесный — в созидании монастыря непрестанном, духовный же — в вооружении на невидимых врагов постом и молитвой. И укреплялся он от Германа, а более всего — от Бога, дающего помощь рабам своим победить супостатов. И помолились они вместе, говоря следующее:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Слово Безначального Отца, сказавший праведному Аврааму: „Выйди из земли твоей и из дома отца твоего и поселись в земле, которую Я укажу тебе, — и там скажу тебе, что подобает творить", — так и произошло. Ты изведший Иакова от Лавана — с женами и детьми и со многими животными — и давший ему обрести благодать прежде Исава, и сделавший его одним из народов в Египте! Праведного Иосифа Ты поставил царем над страстями и князем над всем Египтом и пшеницедателем для всего мира. И Моисея Ты дал руководителем и наставником всего Израиля, правителем и законодателем; и Аарона сотворил предивным жрецом, служителем законных жертвоприношений. И Иисуса Навина соделал наследником земли обетованной. И Давида сотворил пророком и царем праведным для еврейского народа, и обещал ему с клятвою, что от семени его сядет на престоле его Господь Христос, на которого уповают народы, — и вот, настало то, что было обещано. Подобно всем этим, дерзая и уповая, молим Тебя, всемилостивого Владыку Христа Бога, да сотворишь и с нами по милости твоей, а не по неразумию нашего недостоинства! Но щедротами Твоего человеколюбия направь нас на исполнение воли Твоей, чтобы и мы, немощные, смиренные и недостойные, удостоились услышать тот кроткий глас: „Вот, ты выздоровел, и больше не согрешай", — или: „Вера твоя спасла тебя; иди с миром". Утверди нас, Господи Владыко Христе, на месте этом — прославить Имя Твое Святое, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

И, после молитвы, начали они рубить деревья и строить келии. И, благодатью Христовой, вскоре завершили. С того времени начал блаженный Зосима к трудам труды прилагать, радуясь о Господе и «ум свой устремляя к горнему». Тело же повинуя духу, предавался он всенощным стояниям и воссылал беспрестанные молитвы к Богу, всегда поучаясь в псалмах и пении духовном и поя Господу непрестанно: «На

Тебя, Господи, уповаю, спаси меня по милости Твоей! Будь помощником нам на противника нашего — дьявола! Ибо благословен Ты во веки! Аминь».

И так они жили с Германом: землю копали мотыгами и от земли питались — и, как сказано, «в поте лица ели хлеб свой», — и Бог питал их.

Через некоторое время спросил Герман совет у блаженного Зосимы о том, чтобы отправиться ему на побережье к христолюбивым людям ради нужд монастырского строительства. И, получив напутственную молитву, отправился в путь свой — на берег. Старец же Зосима один остался на острове. Пробыл там Герман некоторое время и задержался. А когда вернулся к морю, желая плыть на Соловецкий остров, то уже не смог, потому что наступила осень и погода переменилась на стужу, выпало много снега, а на море было неукротимое волнение и плавало множество льдин. И томился он поневоле, желая добраться до острова, но не мог. И остался Герман зимовать на побережье, потому что невозможно было переправиться на остров: плавали по морю огромные снежные льдины и морская стихия была неукротима, устремляясь то в одну, то в другую сторону с огромной скоростью. О6 этом и пророк Давид написал в Книге Псалмов, говоря: «Духом уст Его вся сила их; собрал Он, словно мех, воды морские, положил в хранилищах бездны». А на море был сильный прибой. И в волновой круговерти носились льдины вращаясь, швыряемые течением и стираемые одна о другую. Потому и невозможно было переплыть на остров или с острова.

Блаженный же Зосима один оставался на острове. И сперва потужил он по старце Германе, потом же, возложив упование на Господа Бога, сказал: «Господи Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня! Ибо Тебе предан от юности моей и от чрева матери моей! И ныне, Человеколюбец, утверди меня на камне веры и сохрани меня в постоянстве, ибо Тебе отдал душу мою! Ведь Ты никогда не отступаешь от рабов своих, но, всегда в них пребывая, Христе, Свете Истинный, не оставь меня, раба своего, уповающего на Тебя!» И устремился он к еще большим подвигам, слезами каждый день ложе омывая, молитвами, постом и жестоким изнурением тело свое удручая, и непрестанные молитвы вознося к Богу.

Бесы же, видя себя поруганными и изгоняемыми с острова молитвами преподобного Зосимы, стали вооружаться против него и учинили страшный грохот, и двинулись на него всею силою, сколько их там обитало. Ибо никогда раньше не жили на острове том люди — с тех пор как солнце светит в небе и до прихода блаженных Савватия и Зосимы.

Пришли нечистые духи к преподобному Зосиме, скрежеща зубами, обратившись: одни в змей, другие — в различных зверей, и гадов, и ящериц, и скорпионов, и всяких пресмыкающихся по земле. И устремились все вместе на него: змеи — отверзая зев, желая поглотить его, звери же — рыча, как будто готовые его растерзать. Раб же Божий Зосима нисколько не испугался и не устрашился их наглости и притворства, но воскликнул: «О вражия грубая немощь, если получили

на меня власть от Бога, то делайте, что хотите; если же нет, то напрасно себя утруждаете, ибо от любви Христовой ничем отлучить меня не сможете!» И осенил себя непобедимым оружием Животворящего Креста Господня со словами: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его вси ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут», — и вся вражия сила внезапно исчезла. Святой же, воздев руки к небу, произнес: «Боже вечный, Царь безначальный, Создатель всего мира, молю Тебя, раб Твой: Ты Царь царей и Владыка владык! Ты освободитель душ и избавитель верующих в Тебя! Ты упование труждающихся, наставник рабов и всех, надеющихся на Тебя! Ты утешение плачущих! Ты творец всех созданий и любитель всякого добра! Ты владыка и создатель всех! Ты радость и веселие святых, и жизнь вечная, и свет незаходящий! Ты источник святости и сияние славы Бога и Отца прежде всех веков! Ты спаситель мира и изобилие Святого Духа! Ты сидишь одесную Бога Отца, властвуя над живыми и мертвыми в бесконечные веки! Ты же, Господи, Пресвятой Царь, услышь меня в этот час, недостойного, молящегося Твоей благости! Не отврати лица Твоего от меня, ибо скорблю; избавь меня из уст пагубного змия, разверзающего пасть пожрать меня и живым свести во ад, и спаси от всякого коварства человекоубийцы-дьявола! Да, сохраняемый и наставляемый ополчением святых Твоих ангелов, достигну единства веры и разумения Единосущной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

И тотчас, после сих слов, вся вражия сила исчезла без следа. И с тех пор приобрел преподобный Зосима власть над нечистыми духами, и не могли они к нему никак приблизиться: ни в виде призраков, ни другими смутительными видениями своих соблазнов. И так пребывал святой безмятежно, молясь все дни и ночи, воссылая молитвы свои ко Господу.

Спустя малое время обнаружился недостаток в пище; и об этом он немного поколебался в помыслах, но потом возложил упование на Господа Бога, повторяя про себя псаломское изречение: «Возложи на Господа печаль твою, и Он тебя напитает во веки». И в скором времени, когда он молился в своей келии, пришли к нему два мужа, светлые образом, тянувшие за собой саночки, полные хлебов, муки и масла. Сотворили они молитву — и, получив, по обычаю, у преподобного благословение, сказали ему: «Возьми, господине отче, у нас хлебы, муку и масло и положи у себя, а мы идем на промысел в море. И если будет у тебя недостаток в пище, то ты ешь эти хлебы, муку и масло; а мы, если Бог повелит, вернемся к тебе через некоторое время». Старец же, терпя голод долгое время, ожидал тех мужей, но они не пришли. И понял он милосердие Божие, что это было послано ему Богом, и прославил Человеколюбца Господа за всю милость Его, ибо не презрел раба своего, уповающего на Него.

Спустя некоторое время пришла весна, и приплыл с побережья старец Герман, а с ним — человек по имени Марк, был он искусен в рыбной ловле, и привез с собой много рыбных запасов и иные припасы для нужд монастыря; ибо был он весьма опытен в этом деле.

Через небольшое время пристали к острову люди, и с ними был инок по имени Феодосий. Пришел он к преподобному Зосиме и хотел жить вместе с ним на острове, имел же он священнический сан. Святой принял его с усердием — и прославил Бога в великой радости, что удостоил его жить вместе с братией. И, по повелению преподобного, постриг (Феодосий) вышеназванного Марка в иноческий образ и нарек имя ему — Макарий. Потом и многие иноки стали приходить к нему на остров, желая жить вместе с ним для Господа. Святой же принимал их с радостною душою и молился: «Владыко Господи, призри с неба, увидь и посети место это, которое создала десница Твоя!»

И начали рубить деревья и строить келии. Потом построил он небольшую церковку, и пристроил к ней малую трапезную, — на том месте, где видел лучи неизъяснимого света и церковь на воздухе. И назвал церковь во имя святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

Потом посоветовался с братией и послал одного из старцев в Великий Новгород к преосвященному архиепископу Ионе, чтобы получил у него благословение и испросил антиминс и святыни церковные для освящения храма, да попросил им игумена, чтобы освятил церковь и опекал братию. Один же из братии быстро собрался по благословению святого и отправился в путь; и благополучным было его путешествие по морю, по рекам и по озерам, молитвами преподобного Зосимы. И вскоре приходит он в преславный Новгород.

И пришел он к архиепископу, прося благословения. Архиерей благословил старца и спрашивает его: «Откуда ты, инок, и для чего к нам пришел?» Монах же отвечает ему: «Владыко святой, построен божественный храм внове на морском острове в океане, во владениях твоих. И если повелит твое святительство, благослови дать нам антиминс для освящения храма боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа. И если твоему святительству будет угодно, дай нам игумена с благословением». Архиепископ же говорит: «Где, брат? Так далеко от людей? Да кто может жить там?» (Ибо приблизились они к землям иноверцев — Мурманской и Каянской). «И как там может быть церковь?» Но затем, немного поразмыслив, сказал: «Невозможно это для людей. Богу же все возможно; если Бог захочет, то все это сбудется. Наше дело начать, а Божие — совершить. Да будет имя Господне благословенно во веки!»

И благословил (архиепископ) монаха-посланника, и одарил, и повелел дать антиминс для освящения церкви. И избрал некоего старца именем Павел, достойно украшенного саном священства, и дал им в игумены. И поучил его богодухновенными словами, как пасти Христово стадо словесных овец и иметь прилежное попечение об их душах. И, повелев дать им все необходимое в дорогу, отпустил с миром. Они же, получив от старца благословение, скоро отправились в путь — и в скором времени, дней через сорок, достигли Соловецкого острова, по молитвам преподобного.

И поведали блаженному Зосиме о святительском благословении. Он же с радостною душою прославил Бога за исполнение желания сердца своего. Игумен же Павел освятил церковь во имя святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа; и возрадовался духом преподобный о величии Божием! И так они вместе с игуменом и братией возносили непрестанные молитвы и пение ко Господу и Пречистой Его Матери. И трудились постом и молитвой и ручным деланием: то землю копали, то заготавливали деревья для строительства монастыря; а то, наколов множество дров, складывали их и, черпая морской раствор, потом варили соль (и продавали ее купцам, приходящим к острову, а от них получали различные средства для нужд монастыря), и другими делами занимались. А также и рыбу ловили в море и на озерах (было же на острове много озер — около семидесяти, а может и более. Весьма благоугодное было место то для создания монастыря!). И так они от своих трудов и потов питались. Было же их всех — братии вместе с игуменом и блаженным Зосимой — 22 человека; и все они трудились для обители, словно одна душа подвизалась в разных телах.

Бесы же, видя себя в таком поругании и уничижении от преподобного и подвизающейся с ним братии, приносили им много беспокойств и волнений всякими кознями и хулою, и призраками, и прельстительными видениями, но ничем не могли досадить блаженному. И тогда при помощи иных злых ухищрений напустили на него неких неразумных людей, на погибель их душам. И стали те люди многие пакости творить святому: переходя через море, местные жители — боярские люди, и приказчики, и слуги — ловили рыбу на острове по озерам и сильно досаждали преподобному. И жестоко притесняя братию, не давали им рыбу ловить, а преподобному передавали со злостью следующие слова: «Зачем ты, монах, селишься здесь? Это отцовское наследство наших бояр!» Также и карельские люди, переплывая, ловили рыбу в море вокруг острова и на острове по озерам, и говорили: «Это наша вотчина, карельская земля!» — и многие пакости творили.

Святой же сказал: «Господи Владыко Человеколюбче! Как говорит пророк Давид в третьем псалме: „Господи, что умножились притесняющие меня? Многие восстали на меня и говорят душе моей: нет спасения ему!" — и многие скорби приносят рабам Твоим, уповающим на Тебя». И сказал Герману: «Это, брат, бесовские ухищрения против нас — возмущение злых людей». Отвечал ему Герман: «Отче святой, нужны терпение и молитвы, и знаю, что не оставит Господь моления рабов своих, боящихся Его».

Святой же крепко вооружился против ополчения невидимых врагов. Нечистые духи, видя свою погибель, никак не могли к нему приблизиться, чтобы причинить вред блаженному, но еще сильнее вооружали против него злых людей, думая, лукавые, что вдруг он, не вытерпев человеческих оскорблений, уйдет с места того. И сбылось с ними сказанное в псалмах: «Те повержены были и пали», а крепкого столпа поколебать не смогли. Раб же Божий Зосима, как непобедимый воин, мужественно сражался с врагами благодатью Христовой, днем и

ночью всегда пребывая в пении псалмов и песен духовных, поя Господу в сердце своем: «На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь во веки!»

И помощь Божия прибывала. Братство во Христе собиралось и обитель распространялась. И вся братия во всем следовала своему пастырю, преподобному Зосиме: в великом смирении и терпении, в постах и беспрестанных молитвах — и занимались (различными) рукоделиями. Игумен же Павел, присланный архиепископом, не смог вынести тягот пустынножительства: прожил там несколько лет и ушел назад. И после него избрали себе, по совету преподобного, другого игумена — по имени Феодосий. Но и он немного лет подвизался пустынным подвигом и тоже оставил монастырь и ушел, куда захотел.

Преподобный же Зосима принял решение с братией, чтобы игумен у них был поставлен из числа живущей в обители братии. Был же там старец Игнатий, трудолюбиво служивший Господу и находившийся в зрелом возрасте, который принял постриг в той же обители и имел сан диакона. Его-то и хотел преподобный, чтобы был им игуменом, — или же тот из своих, кого пожелает братия. Но никто из них не посмел дерзнуть на этот сан, подражая смиренномудрию своего отца.

Но, собравшись на совет, вся братия стала просить Германа: «Господине отче, ты пришел с нашим первоначальником на это место святое! Нет у нас иного ходатая к нему, кроме тебя; поговори с ним! Все мы пришли сюда с любовью к истинному целомудрию, чтобы быть руководимыми его святостью к нашему спасению, услышав о его добродетельном житии. И вот то, что видим теперь, убеждает нас еще больше, чем то, о чем слышали; об этом и хотим сказать: никто из нас не может управлять на этом месте святом, кроме того, кому это было назначено Богом, а не людьми».

Герман же, выслушав это от братии, пришел и рассказал все преподобному. Но тот не желал принимать рукоположения по великой своей кротости и смирению. Братия же сильно настаивала и понуждала его, говоря: «Если не хочешь рукополагаться, то все мы разойдемся отсюда, и (тогда) воздашь ответ Богу о душах наших в День Судный!» И преподобный поневоле покорился их желанию. Они же все возрадовались единодушно о согласии святого.

И некоторые из братии, исполнившись усердия, пожелали идти в Великий Новгород к архиепископу, чтобы просить себе святого на игуменство. И испросив у него напутственную молитву, отправились в путь. И в скором времени пришли в Новгород к архиепископу Ионе — и, получив благословение, сказали ему: «Владыко святой, монастырь наш устраивается внове, но нет у нас игумена». И сказал им архиепископ: «Что же это за монастырь, если нет игумена?» — «Молит тебя, владыко святой, собор той обители, священники и братия: сотвори попечение о спасении душ наших!» Он же сказал им: «Сколько братии в вашем монастыре?» И они ответили: «Господин владыко, нас сорок человек — вместе с основателем нашим». Он же сказал им в ответ: «И что, разве нет такого среди братии вашей? Если это будет иерей, то дадим ему благословение, ради вашей просьбы, а если монах, то возложим на него

священный сан». Они же, восхитив эти слова из уст архиепископа, словно некий подарок, сказали: «Владыко святой, есть у нас таковой — основатель того места святого, и много раз мы просили его, но не приемлет он молений наших! Имя же старца — Зосима. И если изволит твое святительство, то пошли за ним — и пусть он придет к тебе, и ты скажешь ему обо всем сам!» Архиепископ же сказал: «Идите назад и призовите его ко мне немедля!» Монахи же просили архиепископа, чтобы послал к нему письмо с повелением прийти. И, получив от святителя послание, вскоре возвратились (на остров). И, придя в монастырь, передали преподобному послание с благословением архиепископа.

Содержание же письма было следующее: «Сыну нашего смирения старцу Зосиме. По получении нашего послания скоро и без промедления приходи к нам, по нашему благословению. Имеем к тебе дело». Святой объявил об этом Герману и братии и прочитал перед ними послание. Они же сказали: «Ни о чем не рассуждая, отче, иди к святителю». Блаженный же сказал: «Воля Господня да будет!» И, устремив взор к иконе Господней, молвил: «О Владыко Христе, Царю, милостив будь ко мне грешному, ибо на Тебя, Создатель, возложил упование мое от юности моей!» И сказав это, умолк.

И начал готовиться к путешествию. Взял с собою некоторых из братии, чтобы идти в Новгород, и так отправились в путь. Был же путь святого благополучным — по морю, по озерам и по рекам. И в скором времени оказался он в преславном Великом Новгороде.

И сообщили о нем архиепископу. И пришел преподобный Зосима к архиепископу. Святитель же благословил его и повелел сесть, и начал расспрашивать обстоятельно о Божественном Писании, и об исследованности острова, и об устроении монастыря. Блаженный же рассказал ему все о себе и о своем приходе на то место. Было же известно о нем архиепископу еще до прихода преподобного, и понял он по виду его и по уму и по образу мыслей, что это воистину «человек Божий». И рукоположил его, почтив саном священства, и совершил поставление игуменом Спасского Соловецкого монастыря.

И дал его пришедшей с ним братии и сказал им: «Отныне этот отец — ваш игумен. Имейте его во образ Христов — со всяческим послушанием и повиновением!» И дал игумену Зосиме на устроение монастыря золота и серебра, церковные сосуды и ризы, и все, что необходимо в дорогу, и, благословив, отпустил их с миром.

Многие же бояре города того дали в монастырь блаженного немало всякого добра, и сосудов и одежд церковных, серебра и жита. И другие давали обещания помогать его монастырю, ибо пронесся о нем слух, благодаря добродетельной его жизни, и имя его в той стране стало известно. Ведь говорит Господь: «Славящих Меня прославлю» — и «волю боящихся Его творит».

Преподобный же помолился в соборной церкви Святой Софии и в прочих святых церквах, готовясь в путь; и ушел в свой монастырь, неся

немало (пожертвований) для устроения церкви и нужд монастыря, — и, с Божией помощью, благополучно достиг своей обители.

Старец же Герман и вся братия вышли встречать преподобного к пристани под монастырем. Он же, приветствовав их целованием во Христе, благословил всех — и вошли они в церковь святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа. Дьякон же сотворил ектенью за правоверных князей и за архиепископа и за всех православных христиан.

Вошли в трапезную — и подают послание архиепископа к братии: и был возведен он на место игуменское. И преподал братии (игуменское) поучение — и разошлись каждый в свою келию. И наступил вечер, и повелел игумен Зосима бывшим там священникам и дьякону готовиться к божественной Литургии, потому что и сам хотел причаститься Пречистого Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа и совершить божественную службу, по слову Глаголющего: «Ядущий мою Плоть и пиющий мою Кровь во Мне пребывает, и Я в нем». И затем повелел келарю выносить из ладьи все, что было привезено из города, данное блаженному христолюбцами для нужд монастыря. После этого была совершена утреня и наступило время божественной Литургии. И повелел он священникам идти, и сам вошел с ними в святую церковь — и начали божественную литургию.

И когда преподобный причастился Божественных Тайн, увидели все священники и братия, что лицо его просветилось как лицо ангела, и церковь наполнилась благоуханием — в свидетельство достоинства священного сана блаженного. Братия же, созерцая такое преславное видение, возрадовались радостью великой и прославили Бога, прославляющего своих святых.

И так закончилась божественная Литургия. Вошли в церковь некие торговые люди; игумен же Зосима их благословил, и дал им просфору своего служения, и позвал на обед — вкушать вместе с братией. Те же купцы, приняв просфору, пошли к своей ладье за некоей надобностью. И, неведомо как, выпала просфора у них из-за пазухи. Они же, поискав ее и не найдя, очень тем опечалились.

Игумен же Зосима, сидя в трапезной на своем месте, взглянул и не увидел за трапезой приглашенных мужей — и повелел келарю послать за ними. Келарь же послал некоего брата по имени Макарий. Тот быстро отправился к лодке, а впереди него выбежал пес из монастыря, держась невдалеке — на расстоянии брошенного камня. И начал он сильно лаять, никуда с пути не сворачивая, стараясь как будто что-то схватить зубами, — и не мог: бросился вперед, отскочил, бросился опять. Макарий же, видя это, поспешил, желая узнать, что происходит. И когда приблизился к тому месту, то увидел огонь, пламенем исходивший из земли, — от того места, где прыгал и лаял пес. И пошел он быстрее, надеясь увидеть, что это за место, от которого исходит пламень. Пес же оглянулся на старца — и отскочил с яростью, еще настойчивее пытаясь ухватить что-то зубами, но еще сильнее был отогнан пламенем от того места.

Брат же Макарий ускорил шаг, чтобы поскорее дойти, — и нашел на том месте просфору, которую преподобный вынес купцам из алтаря в благословение, и, взяв, спрятал ее, дивясь виденному им огню; и охватил его трепет. И придя к ладье, позвал купцов (на трапезу), после чего спросил: «Не потеряли ли вы чего, возвращаясь из церкви, вне (ограды) монастыря?» Они же сказали: «Ничего иного, кроме просфоры — благословения игумена вашего». Он же, вынув ее из-за пазухи, спросил: «Не эту ли?» Они же ответили: «Да, эта и есть». И спросили старца: «Ответь нам, отче, видели мы, как ты промедлил на пути и как пес ярился и хватал пламя зубами, пока ты не пришел». Макарий же рассказал им обо всем, что произошло.

И пришли они в трапезную, принеся (пожертвование) на нужды братии. Игумен же благословил их и спросил: «Что так задержались, чада?» И спросил Макария: «Макарий, отчего промедлил столько?» Макарий же, пав, поклонился ему до земли и рассказал обо всем, что случилось, виденном им своими глазами. И купцы рассказали о том же. И сказали блаженный и вся братия: «Верен Господь во всех словах своих и праведен во всех делах своих, один творящий чудеса!» И все, словно едиными устами, прославили Бога.

Преподобный же Зосима, движимый Божией благодатью, стал труды к трудам прилагать и усердие к усердию. И так он подвизался, радуясь, к вышнему ум устремляя. И затем повелел строить большую церковь — Святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа — на том месте, где, как мы прежде сказали, предстало ему видение божественного луча.

И положил он с братиею основание церкви, и начали строить. И налетели на строителей церкви комары и мошка и сильно их донимали. Они же развели небольшой костер — ради дыма, чадящего для отгнания комаров и мошки. И когда довели сруб уже до порога церковных дверей, захотели работники отдохнуть во время полуденное. И, неведомо как, приблизился огонь к строящейся церкви — и возгорелся, и сжег все до основания.

Братия же строившая смутилась, говоря: «Это, видно, Бог не велит нам возводить большую церковь». Преподобный же Зосима сказал им: «О чада, это напасть от неприятеля, (это) он нам пакости творит. Мы же не перестанем подвизаться». И повелел ударить в било. Собралась братия, и начал он петь молебен Господу и Пречистой Его Матери. И после молебна освятил воду и покропил место и работников, и благословил их знамением Животворящего Креста, и сам положил начало основанию церкви. И затем мастера начали строить, по обычаю; и через небольшое время, в полдень, дали себе отдохнуть. И в то время, когда строители отдыхали, многие из братии слышали стук (топоров) из строившейся церкви: как будто на церкви рубят и тешут невидимо. Слышали же это не раз и не два, но множество раз, — так как посылалась им помощь Божия молитвами преподобного Зосимы. И так, благодатью Христовой, в скором времени построили церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

Потом начали строить большую трапезную, потому что братия умножалась и негде было им помещаться. С восточной же стороны трапезной стали возводить церковь во имя Честного Успения Пречистой Владычицы нашей Богородицы. И так, с помощью Божией и Пречистой Его Матери и молитвами угодника их преподобного игумена Зосимы, обитель распространялась, и место заселялось, и братия во Христе умножалась: приходили священники — и совершали божественные службы, и дьяконы, и клирики; строились многие келии, и поварня, и пекарня — для удовлетворения братии. Все это совершалось благодатью Христовой и поспешением Святого Духа.

Блаженный же еще больше предавался духовному деланию, труды к трудам прилагая и «устремляясь к лучшему», как сказано: «Стремился — и нашел путь», радуясь и шествуя без преткновения по стопам Владыки Своего, «высшего ища» и ум к небесам устремляя, и предупреждением страстных помыслов сердце всегда очищая. И проводил он все ночи стоя в беспрестанных молитвенных бдениях. И из-за добродетельного его жития казался он всем подобным ангелу, сущему во плоти. И разнеслась о нем слава повсюду. И многие стали приходить к нему из разных мест, желая жить вместе с ним и слышать из его уст слово спасения, — стремились, «как олень на источники вод» (точно так же (стремятся) и любящие Бога и ищущие спасение своим душам). Блаженный же не только учил их словом, но и в делах во всем был примером для паствы, точно исполняя сказанное в Евангелии: «Блажен, кто сотворит и научит, — тот большим наречется в Царствии Небесном».

И из окрестных мест приходили к нему многие иноки, хотевшие следовать его добродетельной жизни и духовному деланию. Он же, как чадолюбивый отец, с радостью всех принимал, и с безмерной кротостью и смирением духовно поучал, и давал телесный покой: всем равную еду и питье, одежду и обувь. И умножалось число братии — и все имели достаток, и было всего в изобилии, и жили по установленному порядку весьма благополучно.

Весь же порядок в своем монастыре установил он по Иерусалимскому уставу. И учил братию сохранять все заповеди, содержащиеся в Божественном Писании святых апостолов и святых отцов семи Вселенских Соборов, непреложно соблюдать правила иноческой жизни и хранить устав неизменным, переданный Антонием Великим, Евфимием, Саввой, Феодосием, Пахомием, которому следовали и другие преподобные отцы. Так же и сей преподобный учил, и во всяком деле показывал пример стремления к вышнему. Братия же, как плодородная земля, семена принимая, во всем повиновались, исполняя послушания, — видя его чудное житие, терпение и непритворное смирение, пост и беспрестанные молитвы с умилением. И так они жили: трудились ремеслами, и от своих трудов и потов пищу себе добывали; так и доныне живут, благодатью Христовой и Пречистой Его Матери, в мире и благополучии. Мы же к прежнему возвратимся.

Через несколько лет своего пастырства вспомнил преподобный Зосима о блаженном Савватии, о том, что он прежде (всех) подвизался в

трудах, посте и терпении, и во многих добродетелях, а ныне мощи его лежат в неустроенном месте. И позвал он на совет братию, и говорил: «Братия, как же мы соблазнились по неразумию о таком деле!» И когда он говорил это, пришли некоторые из братии, посланные на службу в Новгород, и принесли послание с Белого озера, написанное в обители Пречистой Богородицы Кириллова монастыря, присланное игуменом и братией; а говорилось в нем следующее:

«Возлюбленному во Христе — благодать и милость от Бога Отца Господа нашего Иисуса Христа! Духовному настоятелю Боголюбивому игумену Зосиме со всею во Христе братиею — радоваться!

Слышали мы раньше от людей, приходивших к нам с вашей стороны, об острове Соловецком, что прежде был он недоступен для людей из-за морских бед и тягот пребывания на нем — с тех древних лет, как солнце светит в небе. Ныне же слышим от многих очевидцев, что на острове том, Божиим изволением и молитвами Пречистой Богородицы и усердием вашего о Господе трудолюбия, создана обитель и собралось множество братии, и построен честной монастырь, и воздвигнуты храмы преславного Преображения Господа нашего Иисуса Христа и всечестного Успения Пречистой Его Матери — и все добрые дела вы совершили как следует, достойно памяти. Но одного вы лишены дара — того, кто жил <на острове> прежде вашего о Господе трудолюбия и окончил свою жизнь в молитвах, трудах и посте, будучи совершенным в исполнении монашеских подвигов. Как и преподобные отцы в древности, так и этот блаженный Савватий, удалившись от мира и всей душой возлюбив Христа, принял блаженную кончину в радости, достигнув совершенства. Некоторые же из братии нашего монастыря, бывавшие в Великом Новгороде, слышали от некоего христолюбивого мужа по имени Иван следующий рассказ. Вот что он поведал: „Однажды, идя в море из реки Выг, встретил я старца-отшельника по имени Савватий, жившего на Соловецком острове. И удостоил меня Бог вместе с игуменом Нафанаилом похоронить святые мощи его у часовни близ Выга-реки. И молитвами его совершал Бог преславные чудеса”. И рассказал о брате своем Федоре, который лишь поклонился гробу преподобного — и от какой страшной смерти был сохранен в море молитвами блаженного Савватия! — и о многих других чудесах и знамениях, которые совершались у гроба его святого.

Потому мы и пишем вашему преподобию о том, о чем слышали. Да и сами мы свидетели добродетельного его жития, потому что жил этот блаженный Савватий в Доме Пречистой Богородицы Кириллова монастыря (о чем было сказано прежде).

Ныне же даем вашей святости духовный совет: да не будете лишены такого дара, уготованного вам от Бога, но идя скоро, со рвением, перенесите мощи блаженного в свой монастырь, чтобы там, где он многие годы потрудился телесно, были положены и святые мощи его.

Здравствуйте во Христе Иисусе в вечную жизнь и поминайте нас в ваших молитвах, будучи боголюбивы, дабы и нас освободил Бог от всех

бед, наступающих на нас, молитвами Своего угодника, преподобного Савватия».

Блаженный же игумен Зосима, прочитав послание из Кириллова монастыря, возрадовался душою, а с ним и вся во Христе братия, — и воздали благодарение Богу. И сказали все, словно едиными устами: «Не от людей это послание, но от самого Бога, прославляющего святых Своих!»

И в тот же час стал он готовиться, вместе со множеством братии, к путешествию в судах по морю. И повелел ударить в било — и начал служить молебен Господу Богу и Пречистой Его Матери, чтобы Человеколюбец дал им, по милости своей, обрести желаемое. И, совершив молебен, обратился к братии: «Благословите меня, отцы святые, и помолитесь все вместе, чтобы Господь устроил нам путь по своему милосердию!» И подул попутный ветер. Он же с братией отправился в путь; и приказал оставшейся в монастыре братии: «Если в пути не замедлим, но скоро возвратимся с побережья, — значит, обрели искомое. Вы же, поставив стражу, внимательно следите. Когда, по сигналу ее, увидите паруса, тогда, взяв свечи и ладан, — священники и вся братия — выходите навстречу». Сказав это, пошел к лодке и отправился в путь. И было его плавание по морю благополучным — по молитвам того, кого он искал. И на второй день приплыли к тому месту, где находилась могила блаженного Савватия.

Выбрав удобное время, когда им никто не препятствовал, они, раскопав землю, обрели гроб, в котором были положены честные мощи святого. Увиденное было дивным! Воздух наполнился несказанного благоухания, словно от мирра многоценного, и все они дивились. Открыли гроб — и обрели тело блаженного Савватия, целое и ничем не поврежденное, ибо Бог сохранял угодника своего. Но и ризы его были будто вчера надеты! О дивное чудо, братия: сколько лет пролежал он в земле — и даже риз его тление не коснулось! Преподобный же Зосима, видя такое Божие попечение о людях, воскликнул со слезами: «Велик ты, Господи, и дивен в делах твоих, Премудростию все сотворив!» И, припадая, целовал мощи святого и говорил: «Избранник Божий, святой Савватий, великое ты имеешь к Богу дерзновение! Даруй нам перенести святые твои мощи к ожидающему тебя словесному стаду Христовых овец — на место свое, где ты много лет потрудился!»

И так, молитвами преподобных Савватия и Зосимы, подул благоприятный ветер, устраивая путь к возвращению. Раб же Божий игумен Зосима возрадовался духом, видя, как помогают ему молитвы святого Савватия. И, взяв честное тело святого во гробе, скоро отнес его на судно. И поднимали они спешно паруса, и доплыли до обители всего за один день, по промыслу Божию.

Когда же они приближались к Соловецкому острову, увидели их из монастыря, и вышла вся братия встречать мощи святого со свечами и светильниками, и вынесли их с почетом из судна, и положили на одре. И торжественно внесли с псалмопениями в святую церковь Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. И

поклонялись мощам святого до утра. Утром же совершили надгробное пение. И многие страдавшие различными недугами, приходя с верою, облобызав мощи святого, получали исцеление и возвращались домой здоровыми, радуясь и благодаря Христа Бога и Пречистую Его Матерь, одаривших угодника своего таким почитанием. Братия же, видя многие чудеса, совершающиеся от гроба преподобного, радовалась обретению такого «бесценного бисера», приносящего плод душевного спасения. И, выкопав могилу за алтарем церкви Пречистой Богородицы, во имя честного ее Успения, похоронили с честью святые мощи преподобного Савватия, покрыв их землей, с псалмами и песнопениями, где лежат они и до сего дня, подавая исцеление всем, приходящим с верою.

Раб же Божий игумен Зосима стал подвизаться с еще большим усердием; и «избрав Вышнего прибежищем себе», жизнь вел очень суровую. И воздвиг гробницу над мощами блаженного Савватия, и поставил в ней иконы — Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы, чтобы приходила на поклонение братия. И повелел поставить свечу над гробницей преподобного. И стал советоваться с братией о том, чтобы повелеть написать икону блаженного и поставить ее на гробнице. А в скором времени из Новгорода привезли икону — от Ивана, того вышеупомянутого купца, который вместе с игуменом Нафанаилом с почетом похоронил тело святого на Выгу у часовни. И с того времени Иван тот и брат его Федор имели великую веру к Соловкам — к Спасителю и Пречистой Его Матери и к угодникам их — преподобному Савватию и игумену Зосиме; и прислали игумену Зосиме икону блаженного Савватия. Он же поставил ее на гробнице святого. И во все дни и ночи, после каждого славословия церковного правила, игумен и вся братия приходили ко гробу святого поклоняться образу Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Богородицы и угоднику их — блаженному Савватию.

Игумен же Зосима, приходя ночью, пел и молился, имея на устах непрестанные псалмопения, и совершал всю ночь множество коленопреклонений, до самой заутрени, перед образом Владыки Христа и Пречистой Его Матери, стоящих над гробом блаженного Савватия, — и обращался к образу преподобного как к живому: «О, раб Божий, преподобный, хотя ты и кончил телом свою жизнь в земных селениях, но духом неотступно пребывай с нами, молясь Владыке Христу Богу, руководи нами, и представь достойными шествовать по пути божественной Его заповеди совершенной, заповедавшему в Святом Евангелии: „взяв крест, последовать за Ним”. Ты же, преподобный, имея дерзновение к Господу и Пречистой Его Матери, будь молитвенником о нас, недостойных рабах твоих, живущих в этой святой обители, которой ты был начинатель! Так же и ныне будь помощником собранному Богом стаду словесных овец — братии сей во Христе! Да твоими молитвами к Богу пребудем невредимы на месте сем от врагов видимых и невидимых и от людей, творящих зло этому святому месту! Да сохраняемые всегда твоим заступлением, воссылаем славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков! Аминь».

И после того пребывал раб Божий игумен Зосима во многих трудах и сугубом пощении немало лет. Злые же люди, поощряемые врагом,

причиняли обители блаженного много вреда, насилуя и оскорбляя, надеясь, что смогут изгнать его с места того святого.

Святой же спросил совета у братии, чтобы пойти ему в Великий Новгород и просить архиепископа, дабы был ему помощником от обижающих его людей и от творящих пакости его монастырю. И стал готовиться к путешествию. Повелел ударить в било — и, когда собралась братия, начал петь молебен ко Господу Богу и Пречистой Его Матери о благоверных князьях и архиепископе, о земном устроении и о всех православных христианах, призывая на помощь и блаженного Савватия, чтобы способствовал им своими молитвами. И, совершив молебен, взял с собой некоторых из братии и отправился в путь, идя по морю к Великому Новгороду. И легким было плавание блаженного по морю, по рекам и по озерам.

И в скором времени прибыл он в Новгород, и пришел к архиепископу. И было доложено о нем. Архиепископ же, увидев его, благословил и стал расспрашивать о братии и об устроении монастыря. Зосима же рассказал ему обо всем и, встав с места, поклонился архиепископу до земли, моля его и говоря следующее: «Господин мой и владыко святой, будь к нам милостив, заступись за нас от оскорбляющих злых людей, много нас притесняющих! Приходят к нам слуги боярские — местные жители, чиня нам многие пакости, не давая нам вокруг острова рыбу ловить и совершая много других насилий, желая то место разорить и нас изгнать!» Отвечал архиепископ: «Я, отче, готов, с Божьей помощью, помогать твоему монастырю, а об этом расскажу первым боярам, управляющим городом». Зосима же поклонился архиепископу и ушел. И, приходя к боярам, молил их о том же и рассказывал о чинимых ему притеснениях. И все бояре, правящие городом, со многим усердием обещали помогать его монастырю.

И пришел он к некоей боярыне по имени Марфа просить у нее защиты от оскорблений ее поселян, приходивших на Соловецкий остров и причинявших монастырю преподобного много вреда, и желая рассказать ей о многих обидах, которые творят ее слуги. Она же, услышав от своих слуг о деле, ради которого пришел к ней блаженный, — разгневавшись, повелела отослать его от своего дома и не захотела принять благословение. И удалился он от нее.

Ушел раб Божий, нимало не смутившись перед лицом неправды, помянув слово, сказанное в Евангелии: «Где бы вы ни вошли в дом, и скажете: мир дому сему, — и если достоин будет дом мира, то мир ваш пребудет на нем, если же нет, то снова к вам возвратится, — выходя же оттуда, и прах от ног ваших отрясите во свидетельство им». И, покачав головою, сказал бывшей с ним братии: «Вот, приближаются дни, когда жители этого дома не ступят своими стопами во двор сей. И затворятся двери дома сего и впредь не отверзутся — и „будет двор их пуст”». И, сказав это, об остальном умолчал, — пока не сбылось сказанное угодником Божиим во время свое. Но возвратимся к прежнему.

Игумен же Зосима, придя снова к архиепископу, напомнил ему об обидах, чинимых теми поселянами и слугами боярскими. Архиепископ

же созвал к себе бояр и рассказал им о напастях, творимых преподобному неразумными людьми. Бояре же все, со многими обещаниями, изволили помогать монастырю святого и дали ему грамоту на владение островом Соловецким, и вместе с ним — другим островом, Анзером, лежащим в десяти верстах от Соловецкого острова, и третьим островом — Муксолмой, лежащим в трех верстах. И приложили к грамоте восемь оловянных печатей: первую — владыки, вторую — посадника, третью — тысяцкого, и дальше пять печатей — от пяти концов города. И, запечатав, дали блаженному для уверения. Архиепископ же, одарив преподобного, дал монастырю многое из необходимого (для жизни) и, благословив, отпустил его с миром. И многие бояре того города давали в монастырь немало добра и церковных сосудов, одежд и хлеба — и все с большим усердием и верою обещали помогать его монастырю.

Та же вышеупомянутая боярыня Марфа раскаялась в том, что оскорбила преподобного, ибо слышала, что имеют к нему все большую веру и дают монастырю немало полезного. И узнала она от многих, что муж тот боголюбив и живет добродетельной жизнью; и захотела благословиться у него и быть причастной к приношению Спасителю, в дом святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери. И послала к нему со многими молениями, чтобы пришел и благословил ее, ибо была она одной из самых знатных и влиятельных в городе. Потому что поначалу она прогневалась на преподобного, говоря: «он вотчину нашу отнимает». А потом подумала про себя, поразмыслив: «А что если я на долгие времена прогневала Божьего раба? Но получу и я у него благословение и молитвы — и пусть отпустит мне Бог согрешения, которыми я перед угодником его согрешила, сотворив это в ярости!» И приглашала его с молениями.

Пришел блаженный — и взяла у него Марфа благословение вместе с детьми своими, и просила прощения за все, в чем по неведению своему согрешила. И пригласила его на обед, и усадила посреди пиршества. Все же возрадовались приходу преподобного, потому что слышали о добродетельном его житии и воздержании и очень тому дивились. Он же, пребывая в обычном смирении и кротости, сев к столу, лишь немного к еде прикоснулся, потому что с юности любил безмолвие — не только за трапезой, но и всегда. И, взглянув на сидящих, удивился увиденному — и, опустив глаза долу, ничего не сказал. И снова взглянул, но увидел то же, что и ранее, и вновь поник взором. И в третий раз поднял глаза, но видит все то же — нет голов на некоторых из сидящих среди первых!

И ужаснулся блаженный от такого необычайного видения и, вздохнув из глубины сердца, прослезился и более не прикоснулся ни к чему из предложенного за трапезой, пока не встали. И после возвышения святого хлеба Пречистой Богородицы, сотворив поклон, хотел уйти. Боярыня же вышеназванная Марфа молила преподобного и усердно просила прощения, чтобы молил Бога о ней и о чадах ее, и дала его монастырю деревню на реке Суме, на берегу залива, и много другого для содержания, сколько могла.

Бояре же все, которые были на том пиру, тоже давали монастырю на содержание немало и просили блаженного молить Бога о них — ибо пронеслась о нем слава, и имя его в той стране стало известно благодаря его чудному житию, ведь сказал Господь: «Славящих Меня прославлю» — и «волю боящихся Его творит». И затем преподобный, поклонившись, благословил их и ушел.

Герман же, тот вышеназванный старец, который пришел вместе со святым на Соловецкий остров, — имея к нему дерзновение, спросил: «Отче, не прогневайся на меня за то, о чем тебе скажу». Он же ответил: «Говори о полезном». Герман же спросил его: «Отче, почему ты во время обеда, посмотрев на сидящих среди первых, опустил глаза и, взглянув снова, сразу потупил взгляд, и в третий раз сделал так же — и покачал головой, и вздохнул, и прослезился, и потом уже ничего не вкусил из предлагаемых тебе угощений, хотя и много был понуждаем?» И, отвечая, сказал ему блаженный: «Чадо, „трудного просишь". Но если Бог дал тебе дерзновение об этом спросить, то и я не скрою от тебя непостижимых Его судеб, которые сбудутся во время свое. Но только не говори об этом никому, пока не придет время исполнения Божьих велений! Видел я шестерых мужей, сидящих во главе этой трапезы, без голов! Видел — и сильно дивился, и не смог ни еды, ни питья к устам поднести от такого ужасного зрелища! Но только никому не расскажи о том, о чем я тебе поведал!»

Потом и некий муж по имени Памфил, — который принял затем монашеский постриг и был наречен именем Пахомий, весьма добродетельной жизни, один из самых знатных в городе, — сидевший за трапезой вместе с преподобным и имевший к нему большую веру, так же как и Герман, видел взоры святого, (обращенные на сидящих), и запало это Пахомию в сердце. И на следующий день пришел тот благочестивый муж к преподобному и, моля, пригласил его к себе на обед вместе с братией. И достойно почтив их, приступил потом наедине к блаженному и осторожно спросил: «Отче честный, не погнушайся меня, грешного, за просьбу мою, но поведай мне истину: видел я, как ты посмотрел на сидящих впереди бояр — и не один только раз, но и второй, и третий — и покачал головой, и прослезился; и потом уже ничего не вкушал». Святой же, запретив ему об этом рассказывать, поведал обо всем, как и Герману, ибо (видел, что) тот был верен ему, принимая поучение божественных речей с полным вниманием.

Об этом я слышал от учеников его, но захотел заново узнать обо всем достоверно — и расспросил того старца Пахомия. И он рассказал мне обо всем так же, как и ученики говорили. А я, узнав достоверно, так и записал.

Игумен же Зосима с братией ушел в монастырь свой на Соловки.

А через несколько лет пришли купцы по морю, и пристали к Соловецкому острову, и стали рассказывать блаженному, как пришел к Новгороду благоверный великий князь Иван Васильевич, самодержец всея Руси, со всеми своими братьями, и находящимися у него на службе царями и князьями татарскими, и со всеми силами, и, собрав на

Великий Новгород неисчислимое войско, стал в Руссе. И, посоветовавшись с братьями, послал двух своих воевод на Шелонь. И встретили их новгородцы со многими силами, и дали сражение воеводам великого князя. И (те) разбили новгородцев; и захватили шестерых их старших бояр, и иных множество, — и привели к великому князю. Он же одних в Москву отослал, а других покарал, чтобы и прочие страшились. А шестерым боярам: Дмитрию Исакову, Губе Селезневу, Киприану Арзубьеву и иным трем — повелел отрубить головы. И ушел в Москву.

Прошло несколько лет, и снова пришел великий князь Иван в Великий Новгород для рассмотрения (жалоб) — и взял все сокровища, положенные с давних пор в великой церкви Святой Софии со времени великого князя Ярослава Владимировича и до его собственного самодержавного правления, и казны из всех городских церквей по улицам, и из боярских домов; и владыку Феофила в Москву свел, и всех именитых горожан с их женами и детьми; а ту вышеназванную боярыню Марфу с сыном ее Федором, с дочерьми и внуками, — этих отослал в Нижний Новгород.

И вспомнили те, кто был с ним (на пиру у боярыни Марфы), раба Божия игумена Зосиму, который видел в дому той боярыни Марфы видение за трапезой: сидят мужи за столом, а голов не имеют (которых и постигла такая кончина во время свое), и пророчество блаженного о запустении дома ее, когда отослала его от себя боярыня Марфа, — и не бывал в доме ее никто из наследников ее, даже и доныне, по пророчеству святого. Вот и все об этом; так и сбылось, как предсказал блаженный. Мы же к прежнему возвратимся.

Преподобный же игумен Зосима пребывал во многих трудах и воздержании, стремясь всегда иметь память о смерти и о Суде Божием и побуждая себя к плачу духовному. И сделал себе гроб, и поставил в клети при келии своей; и той же величины выкопал себе могилу в земле своими руками. И каждую ночь выходя из келии до того, как начинали бить к утрене, плакал о своей душе, словно над покойником, над гробом своим. Ибо написано: «Воздыхания и скорби от души взывают к Господу, и слезы страха Божия прилежно молят Господа».

И так прожил он все дни своей монашеской жизни в воздержании, ни на один день или час не желая отрешиться от трудов и от славословия Божия, но все силы истощил для Господа. И оставил живущим там инокам пример всех добродетелей.

О преставлении святого Зосимы

Потом понял блаженный, что пришло время уходить ко Господу, и, призвав братию, сказал им: «Вот уже, дети мои и братия, время кончины моей приходит. Оставляю вас Всемилостивому Богу и Пречистой Его Матери. Изберите себе, кого хотите иметь с Богом игуменом вместо меня!» И вся братия, словно одними устами, сказала: «О если бы и нам можно было умереть с тобой, отче, чем разлучаться, пастырь добрый! Но Божия на то воля; и Тот, Который известил тебя об

уходе твоем в вечные обители, Всеведущий Бог, и нам может дать ради тебя пастыря и учителя, кого Он захочет. И пусть будет нам наставником и вождем ко спасению и твое — от нас, грешных, — к Богу моление! Ибо ты, господин и отец наш, в нынешней жизни имеешь попечение о душах наших. Но молим тебя: не оставь нас, сирых, и после ухода твоего ко Господу, ибо имеешь к Нему дерзновение!» И говорили это со многим плачем и рыданием, и землю окропляли слезами. Блаженный же сказал им: «Не скорбите, о чада, ведь уже предаю вас Богу и Пречистой Его Матери; и если дела мои будут угодны Богу, то не оскудеет необходимым святая обитель эта до скончания века и еще более расширится. Но только имейте друг к другу любовь и смирение нелицемерное и заботьтесь о странниках и будьте щедры на милостыню, без которой никто не увидит Господа. А об игумене возложите упование на Господа Бога и Пречистую Богородицу, и на наше смирение; и пусть вам наставником вместо меня будет Арсений».

И вручил ему монастырь и братию с такими словами: «Итак, брат Арсений, оставляю тебя о Господе управителем и наставником этой святой обители и всей собранной во Христе братии. Но блюди, брат, более всего, да ни в чем не нарушишь монастырский обычай, который имеет Церковь Божия по правилам святых апостолов и святых отцов семи Вселенских Соборов! Пение и чтение соборное да будет у тебя без суетности со вниманием, и за трапезой еда и питие — в молчании, с благодарением и слушанием Божественного Писания! Исполняй весь обычай этого монастыря, установленный нашим о Господе смирением, и Господь Бог да направит стопы ваши к деланию заповедей Его, молитвами Пречистой Богородицы и всех святых, и преподобного отца нашего старца Савватия! И Господь да сохранит вас и утвердит в любви своей! Я же, хотя телесно ухожу от вас, но духом неотступно пребуду с вами! И да будет вам известно: если обрету благодать у Господа, то после ухода моего обитель эта еще более распространится, и соберется множество братии в любви духовной, — и в телесных потребностях ни в чем у вас нужды не будет».

И так, поучив их довольно и поцеловав всех Христовым целованием, отпустил их каждого в свою келию, молитвами одарив и скрепив благословением. Сам же, непрестанно славя Господа, готовился в вечный путь. И, воздев руки к небу, осенил себя крестным знамением, — и, перекрестив лицо, призвал души всех к миру, и сказал: «Владыко Человеколюбче, сподоби меня стать одесную Тебя в последний день, когда придешь во славе судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его!» И, сказав это, возлег на ложе. И так предал честную свою душу в руки Божии блаженный игумен Зосима, основатель Соловецкого монастыря, в лето 6986 (1478)-е, месяца апреля в 17 день, в день памяти преподобного отца нашего Симеона Персидского.

И спеленали честное и трудолюбивое тело его; и был он с честью погребен братией — с каждением и со свечами и с надгробным пением. И положили его в могилу, которую он выкопал себе своими руками, — за алтарем церкви Святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

О явлении преподобного Зосимы

В девятый день по погребении его явился блаженный одному из своих учеников — старцу по имени Даниил. Стоял сей на обычном своем молитвенном правиле — и видит: посреди монастыря несметное полчище нечистых духов, темнообразных бесов, и в воздухе — великое множество их, словно черного дыма. Он же наблюдал это долгое время, — и явился к Даниилу преподобный Зосима, говоря: «Вот, видишь, убежал я от этих нечистых темнообразных духов и многокозненных бесов! Много же распростерто по воздуху сетей дьявольских, но помиловал меня Бог и сопричел ко святым. Вы же остерегайтесь их козней!» И, сказав это, сделался невидим. Мы же слышали это от старца Даниила и прославили Господа за посещение святого: как обещал он духом не отступать от своей обители, так и исполнял обещание!

О поставлении гробницы над могилой преподобного

Спустя три года после кончины святого ученики воздвигли над могилой его гробницу. И поставили в ней образ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Богородицы для поклонения братии, приходящей ко гробу святого. И поставили свечу перед иконами у гроба его. И каждый день приходили ученики ко гробу своего пастыря, блаженного Зосимы, молясь Владыке Христу и Пречистой Его Матери, — и к преподобному обращались, точно к живому: «О раб Божий, истинный пастырь и наставник наш, хотя ты телесно окончил свою жизнь, но духом неотступно пребывай с нами! Ибо мы дети твои и овцы твоего словесного стада. Поминай стадо, которое ты собрал премудро, и сохраняй Богом дарованную тебе паству как чадолюбивый отец! Направляй нас молитвами своими и представь нас Христу Богу достойными шествовать по заповедям Его и творить повеление Его, „взяв крест, последовать за Ним!” Молим же тебя ныне, на помощь призывая: молись о нас, недостойных, Богу и Пречистой Богородице о Богом собранной братии в этой святой обители, которую ты создал своими трудами и которой ты был основатель, дабы и мы, живя в этом месте, пребывали невредимы — твоими молитвами и заступлением — от бесов и от злых людей, славя Христа Бога нашего!»

О явлении святого в гробнице

Был некий старец по имени Тарасий. Имел он большую веру к преподобному Зосиме. Каждую ночь приходя ко гробу святого, молился он и клал поклоны, взывая к Владыке Христу и Пречистой Богородице: «Боже! Владычице Богородице! Умоли Сына Своего, Христа Бога нашего, сохранить это место святое от врагов видимых и невидимых, молитвами угодника вашего, преподобного игумена Зосимы!» И к святому обращался, как к живому: «О старче, припадая ныне, молю тебя и призываю на помощь: будь молебником ко Христу и Пречистой Его Матери о мне, грешном! Ведь я „овча ограды твоей” — и, пребывая на месте этом святом, да невредим буду от всегубителя дьявола молитвами твоими!» И, так помолившись, уходил в свою келию.

В одну из ночей пришел он в гробницу, как обычно, помолиться — и увидел, что доски у гроба сдвинуты и край мантии свисает наружу. Старец же, желая спрятать мантию в гроб, немного приоткрыл доски — и увидел преподобного, лежащего поверх земли; и лик его светился светом, как «финик, цветущий в долине», и сиял, словно «лилия полевая», а руки его лежали на груди, сложенные крестом и обнаженные почти до локтей, и тоже светились.

Увидев это, старец пошел и поведал игумену Исайе и многим из братии. Мы же, услышав об этом, дивились, зная, что мы погребли тело святого в земле, — и как оно оказалось поверх земли? И прославили Бога и угодника Его преподобного игумена Зосиму.

Чудо святого, как явился он на море терпящим бедствие

Был некий старец по имени Митрофан. Принял он постриг в Муромском монастыре на Онежском озере и жил там. Поведал он мне следующее:

«Еще жил я в миру и имел попечение о делах житейских. И однажды плавал я по морю во время весеннего промысла — и имел большую добычу, но находился далеко в пучине морской. Тридцать дней носили меня по морю волны, и не видел я ни берега, ни острова. И налетела страшная буря, и был сильный шторм на море, и яростно устремлялись волны. Мы же не чаяли своего спасения из-за нашествия волн — ибо покрывали уже нашу ладью морские волны — и начали молить Господа Бога и Пречистую Богородицу, и многих святых на помощь призывать — и одних, и других, — но волнение не прекращалось. И пришло мне на ум — и стал я молить и призывать на помощь первоначальника Соловецкого, блаженного Зосиму; и обещали мы дать на молебен и на обедню к Спасу на Соловки. И в ту же минуту оказался вдруг в нашей ладье старец, сидящий на корме. И приходили морские волны и хотели накрыть нашу ладью. Старец же тот простирал воскрылия мантии обеими руками по обе стороны судна — и волны проходили мимо нашей ладьи мирно и тихо.

И так плавали мы много дней и ночей, носимые порывами ветра. Старец же тот все так же сидел на корме, защищая нас от волн и направляя до самого берега. И потом стал невидим. Когда же мы достигли тихой пристани и вышли на берег, то начали рассказывать друг другу о видении старца, потому что не все его видели, но только трое. И так, дивясь еще долгое время, прославили Бога, творящего святым своим угодником преславные чудеса!»

А это поведали нам живущие в поморье: в деревне, называемой Шуя-река

Некие из жителей поморских оказались во время плавания в великой беде, терпя бедствие из-за разбушевавшихся волн. И стали они молиться Всемилостивому Богу и Пречистой Его Матери, и святых на помощь призывать — первоначальников соловецких Зосиму и Савватия. И в одночасье волны прекратились и море утихло.

И многим они являются на море и на суше, скорые помощники в бедах. И потому все поморяне и люди из многих других сторон имеют к ним великую веру.

И всех, кто страдает различными недугами или люто страждет, мучимый нечистыми духами, приводят в монастырь и прикладывают ко гробам — и все они вскоре получают исцеление и здоровыми уходят в дома свои.

И все люди, живущие вблизи моря, имеют к Соловецкому монастырю великую веру, потому что видели многие чудеса, совершаемые основателями (монастыря). И стали писать их иконы — и держали у себя в домах, и, принося в церкви Божии, ставили для поклонения всех православных христиан. Мы же, будучи иноками, не смели дерзнуть (написать) таковых угодников Божиих в течение тридцати лет по преставлении их, и не имели образа преподобных у себя, а ведь Бог творит ради них такие преславные чудеса! Мирские же люди, православные христиане, имея к святым великую веру, молясь Христу Богу и святых Его угодников на помощь призывая, невредимы пребывают от всех вражеских напастей, славу и благодарение воссылая Христу Богу.

О явлении столпов огненных

Другой старец, по имени Иосиф, поведал нам следующее: «Однажды плыл я по морю, и случилось мне пристать у острова, называемого Кузова, в тридцати верстах от Соловецкого острова. И стоял в том пристанище несколько дней из-за встречных ветров и волнения на море. И в одну из ночей вышел из шалаша, и взобрался на высокую гору, и смотрел на море. И вижу: над островом Соловецким, где-то над монастырем, светятся два огненных столпа, достигая неба. Долго смотрел я и дивился. И, спустившись с горы, рассказал (об этом) всей бывшей со мной братии. Они же сказали: „Это основатели монастыря того сияют из гробов своих, просветившись духовным светом. Это — столпы духовные, подвизавшиеся во временной сей жизни в молитвах и трудах, бдениях и постах, а ныне как светила сияют, предстоя вместе с ангелами Святой Троице”.

Мы же начали молить Всесильного Бога и Пречистую Богородицу — и их угодников, преподобных Зосиму и Савватия, на помощь призывать: „О блаженные светильники, вы непрестанно Христа славословите и несказанную славу Его ясно зрите! Но и чадами своими не пренебрегите, получив от Бога за труд воздаяние! Просветите наши сердца омраченные, приходящих к вам с верою! Да молитвами вашими будем хранимы, и да избавит нас от всех зол Христос, Бог наш!” Наутро, когда мы встали, была на море полная тишина. Мы же, сев в лодки, за три часа достигли острова Соловецкого. И прославили Бога и его угодников Зосиму и Савватия».

Чудо преподобных о двух страждущих

Повстречал я в том монастыре Соловецком некоего многолетнего старца по имени Савватий, живущего в обители той около пятидесяти лет. Поведал он мне удивительную вещь об этих преподобных основателях соловецких, Зосиме и Савватии, бывшую при игумене Исайе:

«Во время Великого поста, когда приближались дни спасительной страсти Господа нашего Иисуса Христа, готовили мы трапезу с другими братиями — и вдруг пришел к нам игумен Исайя из своей келии, весь в слезах, — словно в ужасе, движимый будто каким-то видением, и стал говорить нам горестно: „А кто, — говорит, — из вас, братия, хочет потрудиться до Шужмоя-острова?" (Был же тот остров удален от монастыря примерно верст на шестьдесят). Мы же стали расспрашивать его о деле: „Отчего ты, отче, так скорбен и зачем такую опасную и трудную службу нам повелеваешь?" — потому что море не очистилось и было на море очень много больших льдин; и все отказывались от такой службы. Он же сказал нам: „Есть на Шужмое-острове православные христиане, тяжко они мучатся и жестоко страдают в великой беде!" Мне же, Савватию, запали в сердце игуменские слова, и не сказал я о том никому, но только возникло у меня желание не ослушаться игумена.

Немного спустя послал нас игумен с другим братом по имени Ферапонт в Вирму навстречу братиям, ушедшим на службу в Новгород ради какой-то монастырской потребности. Была там на берегу пристань, монастырский двор и всякое потребное и запасы. Когда же мы были отправлены на службу, вышел я из монастыря и оглянулся назад, чтобы поклониться церкви, и вдруг увидел с востока как будто бы огненную плащаницу, летящую по воздуху, — и, прилетев к гробнице преподобного Зосимы, она стала невидимой. Я же объят был страхом и радостью от такого предивного видения, но более всего от того, что получил подтверждение повелению игумена плыть на Шужмой-остров. И, помолившись Господу Богу и Пречистой Его Матери и призывая на помощь преподобных Зосиму и Савватия, отправились мы в море, гребя между льдов.

И так, с Божьей помощью, приплыли к скальному островку, называемому Габлуда, верстах в пятнадцати от Шужмоя-острова, и там пристали. Уже был вечер, и посмотрел я на Шужмой-остров, где повелел мне быть игумен (ведь мы проплыли мимо него, носимые ветром) и увидел некое знамение с краю от того острова: как будто бы два багряных столпа, не очень высоких, и дивился такому видению. И рассказал брату Ферапонту, находившемуся со мной, и сказал он мне: „И я то же вижу".

И развели мы себе огонь, так как стояла сильная стужа, и возлег я спиной к огню. Не спал я, но только грелся, а брат Ферапонт ушел в судно отдыхать. Вдруг слышу: позади меня человек подкладывает огонь. Я думаю: „Что это может быть?" А он спросил меня: „Савватий, поедешь ли в Шужмой?" Я же отвечаю: „Если Бог повелит, и Пречистая Богородица, и игумен Зосима, — поеду". Он же сказал мне: „Бог тебя

благословит, поезжай!” Я же стал осматриваться вокруг себя и никого не увидел, и никому об этом не сказал из бывших со мной.

И, встав утром, мы тронулись в путь и, с Божьей помощью, достигли Вирмы. Монастырское дело успешно у нас устроилось. И стал я расспрашивать местных жителей, есть ли на Шужмое-острове какие-нибудь люди-зимовщики. Они же ответили <мне>: „Разбило там судно еще с первозимья, а ни о чем другом не знаем”. Я же почувствовал сильное угрызение <совести> и начал размышлять, как бы достигнуть Шужмоя. А как только отплыл от пристани, стал просить бывшего со мной брата о том, чтобы исполнить порученное игуменом. Он же не хотел. И я сказал: „Если Бог повелит нам быть там, то и ветер даст нам попутный”. Что и произошло вскоре. Потому что ветер подул прямо к Шужмою-острову. И так, подняв паруса, вскоре достигли острова. Брат же прекословил и очень сердился на меня. Я же просил его вынести это с терпением.

Ходили мы по острову с большим трудом, так как снег был очень глубок. Мы же старались изо всех сил, лишь бы найти искомое. Потом нашли у камня маленькую избушку, а в ней — двух человек, нагих и голодных, и ноги у них сильно гноились, так что они едва были живы. И, когда увидели нас, то стали кричать изо всех сил: „Господа наши, кто вы? Уж не соловецкие ли старцы вас к нам послали?” Мы же спросили: „Кого вы называете соловецкими старцами?” Они же сказали: „Два старца приходили сюда, посещали нас, одному имя Зосима, а другому — Савватий. И, когда приходили к нам, болезнь наша ослабевала, и голод отступал, и стужа прекращалась. И нынче были перед вашим приходом, говоря: «Уже пришлем за вами, не скорбите!» Не они ли вас и прислали?” Мы же дивились такому удивительному посещению и милости преподобных отцов. Какую же они имеют заботу о тех, кто с верою призывает их на помощь! Эти же (люди) ничего не знали об этом, думали, что это простые старцы к ним приходили, которых зовут так.

Мы же начали их понемногу кормить и через несколько дней взяли с собою в карбас, чтобы отвезти в монастырь. И отправились в путь. Бог же, молитвами преподобных, послал нам великую тишину на море. Когда же мы были посреди пролива, внезапно нагнало множество льдин, так что карбасу нельзя было и протиснуться между ними. Брат же стал укорять меня за то, что мы взяли больных. Страждущие же, когда услышали, что он ругает меня, стали говорить между собой: „Зачем этот старец бранит из-за нас Савватия, разве не видит людей тех, расталкивающих лед?” Мы же ничего такого не видели, только лед перед нами стал расступаться. И образовалась впереди нас будто река, достаточная для прохождения среди льдов, и вода устремилась за нами. Мы же в радости и веселии достигли монастыря».

О, этом рассказал мне старец Савватий со многими слезами. Нашел я его в монастыре, пребывающего во всяком благочестии и чистоте и целомудрии, прожившего в обители много лет, и в монашеском делании весьма искусного. А о том не рассказал мне, каково было извещение игумену тому, и я о том не написал.

О явлении святого

Был некий старец по имени Герасим, ученик блаженного Зосимы, живший в пустыни. И поведал он нам следующее:

«Однажды пришел я из пустыни в монастырь в субботу вечером, и слушал утреню в день воскресения в трапезной, и по окончании утрени братия разошлись каждый в свою келию. Я же остался в трапезной и пробыл там недолго, около часу, и вышел из трапезной, когда уже утренняя заря ясно светила. И, немного не дойдя до гробницы блаженного Савватия, взглянул — и вижу старца, вышедшего из гробницы Савватия и идущего к Зосимовой, и, оглянувшись на меня, сказал: „Подвизайся, да получишь по силе трудов своих!" И увидел я лик его, и узнал, что воистину это преподобный Зосима. И вошел он в свою гробницу и затворился. Я же пришел следом за ним, и открыл двери гробницы, и смотрел: но никого не было, только один гроб святого, — а ведь только что ясно видел его. И сказал я про себя: воистину неложны были обещания святого духом пребывать с нами! В другой раз, когда я снова пришел из пустыни в святой Великий четверг и настало время Литургии, пошел я в трапезную и стал возле дверей — и вот явственно вижу, как в двери входит старец. И смотрел я на него прилежно, и узнал, что это пришел блаженный Зосима; и прошел он в церковь. И я пошел вслед за ним и стал возле церковных дверей, а Зосима стоял на игуменском месте. Когда же Литургия заканчивалась, святой подошел к царским вратам и начал причащать братию Пречистых Тайн Тела и Крови Христа Бога нашего; и сказал мне святой: „Иди и ты причастись". И я пошел, и причастился, объятый сильным трепетом, видя преподобного. И вся братия причастилась; а святой стоял возле Тайн Христовых, а потом стал невидим. И пусть известно вам будет, братия, что святой воистину духом пребывает с нами, как и обещал».

О пропавшем сокровище и об утешении брата

Был некий старец по имени Филимон, и рассказал он нам следующее: «Жил я в пустыни, и, наваждением вражиим, случилась со мной печаль великая и смутила мой ум, и пробыл я несколько дней в смятении. И встал я на обычное свое правило помолиться. После же молитвы сел и немного задремал, и находился в забвении. И вот пришли в мою келию два старца, я же обратился к ним: „Что вы пришли сюда без молитвы?" И сказали они мне: „Мы сотворили молитву. Разве ты не слыхал?" И сказал я им: „Садитесь, господа мои". И, сотворив молитву, один из них сел. И спросил я его: „Господин мой, кто ты? Ведь вы не из нашего монастыря, и я вас не знаю". И ответил он мне: „Мое имя Зосима, а это Савватий". И сказал мне о моей печали, утешая меня: „Не печалься о том, что пропало в келье твоей; то найдется, только подвизайся, а не унывай!" И иные слова говорил мне в утешение души моей. И потом стал невидим. Я же проснулся и никого не увидел. И печаль моя оставила меня, и стал я радостен.

А случилось так, что некий брат положил в келии моей 12 гривен серебра, и оно, неведомо как, пропало. Брат же тот сильно опечалился.

И я тоже из-за него был в печали. И вот, по слову преподобного, пропавшее сокровище нашлось на месте своем. И я от печали утешился, и брат мой. И воздали мы хвалу Богу и святым Его угодникам Зосиме и Савватию, посещающим чад своих».

О явлении преподобного Зосимы

Поведал нам об этом священноинок Досифей, ученик святого: «Был я некогда игуменом на Соловках. И стоял во время службы на церковной паперти, в то время как братия пела великое повечерие. И пришло мне помышление о некоем брате-клирике, болящем тяжким недугом, страждущем от беса. И, взирая на образ преподобного, стал я молиться, говоря: „Отче святой и преподобный, Зосимо! Ты основатель святой этой обители и собранного для Бога братства, не печешься ли о брате сем? Давно ведь страждет от этого недуга! Не можешь ли исцелить его и восстановить в здравии?" И, произнеся это, оперся на посох и будто задремал, думая о том же. И вот вижу преподобного, идущего из своей гробницы в церковь, — и, оглянувшись, сказал он мне: „Не на пользу тебе прошение, — то, о чем просишь об этом брате; надлежит ему еще побыть в том недуге". И, сказав это, стал невидим. Я же проснулся — и объял меня трепет. И по окончании службы пошел я, как обычно, ко гробу святого с братией и рассказал им о том, как видел его во время службы, и о том, что он сказал мне. И вся братия прославила Бога, говоря: „Воистину, господине отче, слышали мы от многих братий, что преподобный непрестанно посещает место это святое по своему обещанию, и нас опекает, чтобы и мы без лености проходили поприще этой жизни"».

Чудо о некоем чернеце по имени Елисей

Другую историю, памяти достойную, поведал мне вышеупомянутый старец Савватий: «Послал нас игумен и братия на службу: ловить рыбу на реке Выг, у порога Золотца. А нас было четыре брата, кроме мирян: первый — Данила, второй — Елисей, третий — я, Савватий, четвертый — Филарет. Шли мы по морю и пришли в назначенное место Золотец. И начали, как обычно, чинить ветхие сети. И, не знаю, по какой причине, стал говорить Даниил Елисею: „Зачем ты, брат Елисей, напрасно трудишься, чиня эти сети, ведь ловля твоя миновала. Не придется тебе рыбу ловить, потому что смерть твоя приблизилась".

Елисей же, услышав это, стал телом неметь, а душой ужасаться. И объяла его великая скорбь, потому что не успел он принять великого ангельского образа — схимы; священноинока же не было там поблизости, потому что находились мы в пустынном месте. Мы же стали увещевать его и успокаивать: „Зачем, брат, так малодушествуешь и сокрушаешься; возложи упование на Бога, и Тот сотворит так, как захочет, ибо Человеколюбец, и устроит путь твой. Хотя и находимся в мы пустынном месте и нет здесь священноинока, но Бог, Всевидящее Око, везде и все видит, если кто призовет Его от всей души чистым сердцем. Ты же приуготовь себя достойно — и, перекрестясь, возложи на себя схиму, призывая молитвы преподобных отцов наших Зосимы и Савватия".

Когда же наступила ночь, Елисей опять стал сильно тужить, говоря: „Как только сказал мне это Даниил, то будто копье мне в сердце вонзил!" И, по совету нашему, возложил на себя святую схиму. Мы же были сильно опечалены такой скорой переменой, происшедшей с братом; и положили его на постель, а сами легли отдохнуть возле него. И одолел нас крепкий сон. И, пробудившись, не нашли мы брата на ложе. И, встав, немедленно отправились на его поиски. Недолго поискав, встретили его идущим навстречу, схимнического же покрова не было на главе его. И спросили: „Где, брат, схима, бывшая на главе твоей?" Он же отвечал: „Пришло множество бесов, и похитили меня с того места, на котором я лежал, когда вы спали. И схиму с меня сняли, не ведаю где". Мы же спросили, как он из тех рук бесовских убежал. Он же ответил: „Зосима, первоначальник наш, отнял меня у них". И нашли мы схиму его, висящую на коряге.

Больной же стал сильно тужить, как и прежде, и просил нас придумать, как постричь его в схиму. Мы же положили его в карбас и пустились вниз по Выгу-реке. Была та река очень опасной из-за высоких и труднопроходимых порогов. Мы же сильно ужасались, глядя на стремительное течение вод. А больной укреплял нас, говоря: „Не бойтесь, Зосима здесь с нами!" И мы, благодаря Господа и призывая на помощь святого, без ущерба прошли по той страшной реке и достигли моря с Божией помощью.

И пришли по морю в Вирму. Больной сильно страдал и скорбел о том, что не успел принять схиму. Мы же думали о том, как бы дело ускорить: плыть в монастырь — далеко, верст около 120-ти от того места, а на море — встречные ветры. И решили везти его в Суму-реку, где был священноинок, но тут снова ночь наступила. Положили мы его в большее судно и взяли на помощь себе людей. И поплыли по морю к Суме-реке, и, когда были посреди губы, поднялась на море страшная буря. И привела нас в смятение и в полную безысходность, потому что и парус разодрался, и мачта сломалась от сильной бури, и волны, подобные горам, обрушивались на нас. И все мы не надеялись уже остаться в живых; люди же, бывшие с нами в судне, горько укоряли нас и проклинали нас и больного.

Больной же, когда услышал, как они укоряют нас и в каком ужасе пребывают, — ибо уже не на что было надеяться, кроме смерти, стоявшей перед глазами, так что и весла из рук выбило, и все мы остались без дела, — и неоткуда уже было надеяться на помощь, но только возложили надежду на всесильного Бога и преподобных Зосиму и Савватия непрестанно на помощь призывали, — а ночь была такая темная, что и друг друга перед собою не видно, — как вдруг больной сказал: „Не скорбите, братия, и не бойтесь: вижу отца нашего, святого Зосиму, в одном судне с нами, помогающего нам! А это все терпим от врага, желающего погубить мою душу! Но Бог прогонит супостата молитвами преподобных своих угодников!" И в скором времени ветер стал утихать и море успокаиваться. И наступила полная тишина на море, молитвами преподобных, — и стало светать.

Мы же оказались вблизи пристанища, о котором уже и не помышляли, отдавшись на волю волн и не зная, где мы находимся. И пришли мы в Суму-реку и добрались до монастырского подворья. Я же, Савватий, побежал звать игумена того и сказал ему о больном старце, нуждающемся в нем. Он же не поленился и быстро пошел со мной. Пришли мы — и обнаружили старца умершим. И заплакали горькими слезами, укоряя святого и плача все сильнее и сильнее: „Как же так, преподобный, ведь мы столько вынесли тягот и такую беду в море претерпели, надеясь на твою помощь и заступление! И ныне всего лишились, и того, на что надеялись, не получили!" И вдруг умерший пошевелился, мы же склонились над ним и увидели, что он ожил. И стал он говорить с нами ясно и разумно. Внесли мы его в келию, и священник начал пострижение его в великий ангельский образ — и, совершив, причастил больного святых Тайн Тела и Крови Христовых. Больной же прославил Бога за все — и, простившись со всеми, и дав во Христе целование, снова почил о Господе, удостоившись божественного просвещения, по молитвам преподобных отцов Зосимы и Савватия».

О пожаре и о построении новой трапезной

Поведал мне тот же старец Савватий:

«Случилось, что, по грехам нашим и попущением Божиим, сгорела у нас в монастыре трапезная и теплая церковь Успения Пресвятой Богородицы. И все, что было в церкви: сосуды, и ризы, и книги, и в трапезной, и под трапезной, находившиеся в подклетях всякие запасы монастырские (ибо Бог попустил случиться этому в зимнее время), — все то сгорело. Ни одной иконы не успели вынести из церкви или из трапезной; и все, что используют в церковной службе и чем питается братия — рыбные и всякие запасы, — все то огонь истребил, так как пожар начался ночью. Мы же остались в крайней нищете и стали советоваться, потерпеть ли нам еще на месте том или разойтись, кого куда Бог направит. И одно только утешение имели: приходить ко гробам первоначальников наших, чудотворцев, молиться и просить у них помощи и заступления, поскольку совершенно не знали, как нам быть.

Старец же некий по имени Макарий, бывший когда-то спостником преподобного отца нашего игумена Зосимы, живший тогда в пустыни, пришел в монастырь посетить нас и застал в великой печали. И стал утешать нас, говоря: „Не скорбите, братия, но потерпите с благодарением, возложив упование на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, и преподобных отцов наших Зосиму и Савватия на помощь призывайте. Не оставит нас Господь, призревая на место это святое, ради угодников своих; только подвизайтесь!"

Мы же, словами его утешившись, взялись за дело; разослали братию: одних — в Москву к великому князю, других — в Великий Новгород к архиепископу Геннадию (ведь имел он великую веру к обители преподобных), и повелели им и в Москве, и в Новгороде просить у всех христолюбцев помощи на строительство новой церкви во имя Честного Успения Пречистой Богородицы. И отправили своих посланцев в море,

чтобы они как-то добрались до побережья, ведь еще стояла зима и множество льдин плавало по морю.

И отправились они в путь, а мы, оставшиеся, пошли в лес и начали заготовлять деревья для строительства церкви и трапезной. Я же, Савватий, трудился вместе с братией, и стал являться мне во сне по ночам старец — и приходил не однажды, и говорил мне: „Савватий, поезжай за салму проводить братию, посланную на службу!” Я же думал, что это бесовское видение, и не верил ему, пока оно не сбылось.

Однажды велели мне старцы возвратиться в монастырь. И пришел я туда вскоре и увидел, что посланные на службу братия ни с чем назад возвратились. И стали они меня понуждать, чтобы я проводил их за салму. Я же пришел к гробу преподобного и обратился к святому просто, как к живому: „О старец Божий, братия понуждают меня на такую тяжелую службу! И если будет угодно твоей святости, будь мне помощником в этом деле!” После молитвы пошел я в собор; священники же и старцы повелели всем посланным на службу слушаться меня, и осенили нас крестным знамением, и отпустили. Мы же тронулись в путь по морю.

И доплыли до некоего скалистого островка; и хотя место было неподходящим для стоянки, но наступала ночь, и мы поставили судно у берега. Я же хотел вытащить его повыше, но другие не захотели и сделали все по-своему; а весла и дрова, которые мы везли с собой из-за зимнего времени, положили здесь же, возле судна. Я же промолчал, чтобы не спорить, и мы заснули.

Встав поутру, мы едва удержали судно, а весла и дрова — все вода унесла. И стали мы сильно тужить: ведь в монастырь льды нас не пустят, а по морю не с чем плыть! У всех слезы на глазах, а помощи нет ниоткуда! Я же сказал им: „Хорошо было бы, братия, послушаться меня; а теперь вот какая беда случилась из-за вашего ослушания!”

И стали мы молить Господа Бога и Пречистую Богородицу, и преподобных на помощь призывать. И взглянули на море — а наши дрова и весла, будто бы кем-то гонимые, плывут к нам обратно, пока к берегу не пристали! Мы же все вытащили, и ничего не пропало. И прославили мы Бога и святых Его угодников!

Но было нам все же невесело, так как по морю плавало множество льдин и пути не было. И взглянул я в сторону монастыря — и вижу: летят к нам две белые, как снег, птицы, величиною чуть меньше гуся, и, когда прилетели к нам ближе, стали невидимы.

Я же, отойдя в сторону от братии, стал смотреть на море — и увидел судно, плывущее к нам, необыкновенно красивое. И услышал я речь людей на том судне, говорящих на русском языке. И позвал я слугу, плывшего с нами, и показал ему на то судно. Он же сказал: „И я его вижу". И ждали мы долго, пока оно к нам приблизится, но судно снова стало невидимым. А перед нами льды расступились и море очистилось.

Сели мы в свой карбас и безопасно доплыли до самого берега, направляемые молитвами преподобных Зосимы и Савватия.

Пристали мы к берегу и вытащили судно на гору, и отправились каждый в свой путь, кто куда послан. Один же из старцев устремился к Шуе-реке; а было туда от места, где пристали, 60 верст. И утомился он в пути. И вдруг видит человека, едущего на дровнях, по имени Еремей. И спросил его старец: „Далеко ли ты, господин, едешь?” И отвечал ему Еремей: „Пришел ко мне инок, не знаю откуда, и послал меня за тобой; сказал: «Брат изнемог в пути, поезжай и возьми его!» — и стал невидим. Я же тотчас выехал за тобой”. И привез его к себе в Шую-реку, ибо великую веру имел человек тот к монастырю. Старец же поведал Еремею о той беде, которая случилась в монастыре: о том, что сгорела трапезная с церковью и со всеми запасами. Еремей же уважил его и отвез в Вирму-реку на двор монастырский к старцу по имени Зосима.

И рассказал старец Зосиме о случившейся в монастыре беде, о том, что даже вина церковного нет и нечем Литургию служить. И спросил у Зосимы: „Уж не прислали ли, господин мой, какие-нибудь запасы из Новгорода?” Он же ответил: „Нет, посланные еще и в Новгород не поспели! Но вот, не знаю кто, привез без меня большой короб запечатанный”. Старец же, посоветовавшись с Зосимой, — да и мне, Савватию, случилось при этом быть, — распечатал короб и обнаружил в нем все те вещи церковные, о которых наказывали священники и братия: и сосуды, и ризы, и сосуд вина для божественной службы. Мы же возрадовались и прославили Господа, и Пречистую Богородицу, и преподобных основателей обители нашей Зосиму и Савватия, и отправили все то в монастырь.

Я же, Савватий, сказал Зосиме, живущему в Вирме: „Если где-нибудь, господин, можно будет наловить или купить рыбы, то ты, ради Бога, пошли, потому что нечего есть братии!” Он же ответил мне: „Собираются отсюда люди рыбу ловить на озера, и от меня идет с ними старец. Если хочешь, пойди и ты с ними”. И стали они готовить лыжи и санки и пошли ловить рыбу. И я пошел с ними. И наловили мы рыбы огромное множество. И получил я на свою долю около пяти тысяч лещей. Но наступила весна, и была распутица, и не оказалось соли, чем рыбу солить, и кончились съестные припасы. Мы же стали тужить и призывать на помощь основателей обители. И в ту же ночь явился мне преподобный Зосима и сказал: „Не скорбите, но, встав, идите в путь свой!” Мы же, встав, увидели, что пришло к нам на лыжах множество людей-христолюбцев, и привезли они на санках одни — соль, другие — хлеб. И так мы сохранили улов свой. И вскоре снова отправились в путь и через два дня достигли Вирмы молитвами преподобных Зосимы и Савватия».

Чудо святых Зосимы и Савватия об Онисимовой жене

Поведал мне священник той же обители по имени Геласий: «Жил некий человек в Шуе-реке по имени Онисим; и имел жену именем Марью. Человек он был богобоязненный, имел сан дьячка церковного, жил с

женою своею в благочестии и каждый день держался молитвенного правила. В правиле же своем пел канон преподобному Зосиме, потому что особенно почитал его, видя и слыша о чудесах, совершающихся у гроба преподобного.

Случилось жене его занемочь тяжким недугом: стал бес ее мучить. Длилось это долгое время, попущением Божиим за согрешения человеческие, — к нашему же исправлению. Так и случилось. Пришло Онисиму на ум идти на Соловки в монастырь Всемилостивого Спаса и Пречистой Богородицы ко гробам преподобных отцов Зосимы и Савватия и помолиться там со своею женою. Так он и сделал. Положил больную жену в лодку — и отправились они в путь по морю. Больная же заснула. А пробудившись, говорит мужу своему: „А я уже была в монастыре". Он же стал возражать ей: „Перестань, жена, что беснуешься?" Но она настаивала, что так и было. И стала рассказывать, какая там церковь, и какая другая, и какая трапезная в монастыре.

И вот добрались они до монастыря. Онисим, по благословению священников и старцев, привел больную жену свою в монастырь. И помолился с ней в церквах Спаса и Пречистой Богородицы. И, отслужив молебен, вошли они в гробницу преподобного Зосимы. И оставил он жену одну у гроба святого молиться, а сам вышел в другую гробницу — преподобного Савватия, находящуюся примерно в сорока шагах, чтобы помолиться там о болящей. И, когда он молился, больная вдруг громко закричала. Онисим, услышав это, быстро прибежал к ней и нашел ее лежащей безмолвно на земле. Поднял он ее и отвел в теплую церковь у трапезной — в храм Честного Успения Пречистой Богородицы. Священник же, вышеназванный Геласий, освятил воду и окропил ее святой водой и осенил Животворящим Крестом. И избавилась она от недуга, и стала здоровой и разумной, словно никогда и не болела, и стала рассказывать о случившемся: „Когда вошли мы в гробницу и муж отошел от меня, начала я молиться у гроба, и возник предо мной эфиоп, черный и страшный обличьем, державший в руке огромную палку, и ударил меня этой палкой по голове. Я же от страха и от удара закричала что было сил и упала на землю. Не помню, сколько я пролежала. Потом вижу: вышел из гроба седобородый старец и стал отирать мне мантией лицо и голову, и сказал мне: „Женщина, исцелись от недуга твоего!" И явился мне преподобный Савватий и сказал мне: „А что же ты меня не призываешь на помощь, разве не знаешь, что мы оба едино есть?" Зосима же ответил ему: „Не укоряй ее, отче, это она из-за тяжелой болезни не догадалась призвать тебя".

И женщина, получив исцеление у гробов преподобных возвратилась домой с мужем своим, радуясь и славя Бога, и Пречистую Богородицу, и их угодников Зосиму и Савватия. И с тех пор стали они еще больше почитать святых и их обитель.

А через некоторое время случилось и самому тому Онисиму заболеть тяжелой болезнью, называемой „французской". И, забыв о благодеянии ему святых, прельстился он по скудоумию и призвал к себе в дом некоего колдуна, чтобы тот его вылечил. И позвал его обедать. Сели они за стол — и колдун вместе с ними. И вдруг колдун, вскочив, стал

кричать дурным голосом, вытаращив глаза, и побежал прочь из дому. А у Марии, Онисимовой жены, с которой произошло чудо, рассказанное выше, опять помутился рассудок, и вскочила она из-за стола, и стала кричать и плакать. Онисим же не знал, что и делать.

Спустя некоторое время к Марии вернулся рассудок. И стал муж расспрашивать ее: „Что случилось с тобой? Отчего ты так испугалась?” Она же ответила: „Когда сидели мы за столом, вдруг вошли в нашу комнату преподобные Зосима и Савватий, и узнала я третьего старца, бывшего с ними: имя его Иоанн”.

Был же тот Иоанн всем известен; многие свидетельствуют о добродетельном его житии: был он в монастыре том великий подвижник, любил жизнь пустынническую, украшен был всяческим смирением, кротостью и послушанием, и много лет потрудился в монастыре. Мы же пока оставим его и возвратимся к прежнему повествованию.

„Зосима же вошел с жезлом в руке — и стал бить им колдуна, приговаривая: «Зачем ты пришел, окаянный и страстный, к рабу Божию? Не подобает тебе приходить сюда, но ступай к подобным себе!» И подошел к тебе Зосима с небольшим сосудцем в руке и стал помазывать чем-то вроде кисти твою голову и лицо. Я же, придя в себя, ничего больше не видела”.

Услышав это от своей жены, Онисим впал в уныние и стал сильно сокрушаться о своем согрешении, говоря: „Горе мне, грешному, ибо прогневал я Бога и преподобных отцов Зосиму и Савватия!” И сильно об этом сокрушался и каялся. И явился ему в сновидении преподобный Зосима и сказал: „Что так скорбишь, человек, и так унываешь! Послушай мой совет, который поможет тебе: если хочешь выздороветь до конца, молись Богу прилежно и читай Псалтырь. Если же не можешь сам, то вели ученику читать Псалтырь, а сам слушай и твори молитву Иисусову. Когда же придет праздник святого Богоявления, искупайся во иордани и получишь исцеление”. Онисим же все, что было сказано ему Зосимой, выполнил — и полностью исцелился, будто никогда и не болел.

Спросил он и колдуна того, отчего тот так завопил. Колдун же, укоряя его, сказал: „Зачем зовешь нас на посрамление, если имеешь у себя такого врача, от которого я так сильно пострадал!” И прожил Онисим тот много лет, здравствуя и славя Бога и угодников Его — преподобных Зосиму и Савватия. И в старости доброй и в праведной вере преставился».

Написал же я это на пользу вашей любви, о том, о чем слышал из уст нелживых, от людей, заслуживающих веры. Вы же, Господа ради, простите меня за то, что дерзнул написать это, имея растленный и беспомощный ум, будучи непригоден к таковому повествованию. Вы же, имея талант от Бога, исправьте мой неумелый рассказ, чем и нас просветите и награду получите от Вседержителя Бога.

Чудо об умершей жене

Некий человек по имени Иеремей, с детства живший у преподобного в обители, послужил в монастыре немало лет, исполняя различные службы, когда еще жив был блаженный Зосима. Потом Иеремей ушел в Шую-реку и зажил там мирской жизнью: взял себе жену и родил ребенка. Преподобный же Зосима в свой срок отошел ко Господу, «которого от юности возлюбил», и переселился в жизнь вечную.

Иеремей же, будучи очевидцем чудного жития святого, хотя и в миру жил, но имел великую веру к святому, и, если приключалась с ним какая беда, молился Богу и в молитвах Зосиму на помощь призывал. Имел же он единственную дочь, и, когда достигла девица та возраста, приличного для сочетания брака, принял к себе в дом некоего юношу и выдал дочь свою за него замуж. И так они жили: молодые пребывали в согласии и союзе любовном и во всем отцу и матери угождали.

Искони же ненавидящий добро дьявол учинил между ними ссору. Рассердился юноша на отроковицу и связал ей руки, но не очень туго, а сам отошел куда-то неподалеку поискать, чем побить ее. И является ей искушение бесовское в человеческом облике, и показывает ей на нож, лежащий возле нее и говорит: «Возьми этот нож и заколи себя, потому что муж твой сильно разгневался на тебя и хочет тебя безжалостно мучить». Она же, по наваждению бесовскому, освободилась от уз и, схватив нож, стала резать себя по горлу и по груди. И пришел муж ее, и нашел ее лежащей в крови и еле дышащей. И замыслил юноша бросить ее в реку и сокрыть без вести. А в это время случилось быть там соловецкому игумену Исаии. Родители же отроковицы, почуяв беду, быстро прибежали домой и стали горько плакать. И позвали они игумена Исаию в дом, где лежала умершая.

Отец же отроковицы вспомнил о чудесах, творимых Зосимой, и стал призывать преподобного на помощь, говоря со слезами: «Умоли Бога, отче святой, о несчастной этой отроковице, да, быть может, умилостивится Бог твоими молитвами и воскресит ее от смертельной раны! Вспомни, блаженный, как я служил тебе со всем усердием и никогда заповедей твоих не преступил! Помоги мне, старец Божий, бедствующему и видящему бедное свое чадо погибающим! Услышь, святой Божий, и не оставь нас, молящихся в час сей и припадающих к твоей святости!» И взывал так отец отроковицы с горькими слезами и рыданиями, что заставил всех плакать вместе с собой.

Умилился игумен Исаия, видя несчастье того человека, и стал молить Бога и призывать на помощь молитвы святых об умершей отроковице. И вот, когда они молились, мертвая вдруг открыла глаза — и встала, как после сна. При виде этого объял их трепет — и прославили они Бога и преподобного Зосиму! И предстало им зрелище непостижимое разуму: на теле у нее были смертельные раны, и вся она была в крови, но молитва святого, с помощью Божией, сумела и неисцелимое исцелить!

Отец же ее, радуясь и плача, продолжал молить святого, точно живого и рядом стоящего: «О блаженный отче Зосима! Если сумел ты, с

Божией помощью, мертвую воскресить, то и раны ее можешь вскоре исцелить!» Больная же заснула — и явились ей во сне преподобные Зосима и Савватий, и дал ей Зосима сосудец, наполненный какой-то мазью, и сказал: «Помажь себе раны, потому что не можем терпеть слез отца твоего и матери! Поэтому и пришли исцелить тебя». Так она и сделала, и уже через три дня от тех неизлечимых ран не осталось и следа.

Так действовал бескорыстный врач благодатью Святого Духа и сумел неисцелимое скоро исцелить! Удивляет же и человека того вера: как если бы кто-то просил у своего друга о каком-нибудь долге, так и он, с похвальною дерзостью, просимое получил! Просил усердно — вот и получил изобильно! По прошествии же нескольких лет Иеремей тот отрекся от мира и принял монашеский постриг на Соловках, в обители святого, и пожил в благочестии, и скончался о Господе.

Чудо о Василии-разбойнике

Некий человек, новгородец, из рода боярского, по имени Василий, обладал большой силой, но жил непотребной жизнью, иначе говоря — разбойною, ибо был он разбойник лютый. И решил он отказаться от такой жизни и принять иноческий образ. И пришел на Соловки в обитель преподобного Зосимы, и принял постриг, и облачился в монашеское одеяние. И прожил некоторое время в монастыре в повиновении, смирении и послушании.

Но ненавидящий добро злой советчик дьявол стал соблазнять его вернуться к прежней жизни. И замыслил он бежать из монастыря. И вскоре воплотил этот злой замысел. Украл он монастырский карбас и собрал все, что попалось ему под руку: из книг, и платья, и других вещей, как обычно поступают воры, — и сложил все это в карбас. Когда же настала ночь, Василий не спал, дожидаясь удобного времени, и, улучив момент, бежал из монастыря, пустившись один по морю, куда его ветер направит.

И принесло его на Анзер — на один из Соловецких островов, находящийся в пятнадцати верстах от монастыря. И стал одолевать его сон, так что не мог он ни веслом взмахнуть, ни век приподнять. И пристал он к берегу, желая немного отдохнуть. Поставил карбас со скарбом у берега, а сам свалился наземь, охваченный крепким сном. Во сне же явились ему два старца. И один из них, гневно взглянув на него, сказал: «Как же это ты, окаянный, крадешь у меня! Я созидаю, а ты разоряешь!» Вор же во сне, точно наяву, стал перед ним каяться: «Прости, господине отче, прости!» Святой же ответил: «Получишь прощение, но будешь сидеть на этом месте три дня, плача!» Так и случилось. Очнулся он ото сна, а от старцев и от карбаса — ни слуху, ни духу. И стал он плакать о своем согрешении — и плакал три дня. На четвертый же день плыли купцы с Двины вблизи того острова; и стал он вопить и звать их на помощь. И послали за ним людей с малым карбасом, и привезли его к себе в ладью. Он же рассказал им все о себе. И отвезли его в монастырь.

Но возвратимся к тому, с чего начали: о том, как заботится святой о своей обители. Однажды сидели рыбаки монастырские на тоне за морем в Умбе-реке, находящейся от Соловецкого острова в пятистах верстах или более. И был среди них старец по имени Фотий. Спал он как-то в келии, отдыхая от рыболовецкого труда. И явились ему два старца, и приветственную молитву сотворили. Фотий же узнал одного из них, потому что сам был учеником преподобного Зосимы, и сказал: «А ведь я знаю тебя, господине, ты — Зосима, отец наш». Святой же ответил: «Я и есть. Привез вам карбас, если вам нужен. А то, что в карбасе, все сохраните, чтобы ничего из него не пропало!» Им же действительно был нужен карбас для рыбной ловли.

Фотий же, проснувшись, убедился, что видение было истинным. Позвал он товарищей своих и рассказал им о видении. Они же действительно пошли к морю и нашли карбас со всею поклажею — и ничего, из положенного в нем, не погибло! А ведь каково было расстояние, пройденное им в море, сколько рыбаков, сколько путешествующих по берегу и по морю — и никто не тронул поклажи в карбасе! Видите, братия, как заботится о месте этом блаженный отец наш Зосима! Видя же это и слыша, подобает и нам со страхом заботиться о своем спасении и прилежно молиться Богу, и призывать на помощь угодников Его, преподобных Зосиму и Савватия, — да молитвами их избавимся от вечной муки и удостоимся будущих благ!

Чудо святых отцов Зосимы и Савватия, как спасли от потопления Федора Парфеева

Поведал нам некий человек по имени Федор, живший в Суме-реке у моря, глубоко почитавший преподобных Зосиму и Савватия, первоначальников соловецких; и рассказал он следующее:

«Случилось однажды нам плыть на ладьях из Двины по Белому морю, и находился я вместе со своими работниками в одной из ладей. И вдруг поднялась сильная буря, и оказались мы в страшной беде. И стали молить Всемилостивого Бога и Пречистую Богородицу и призывать на помощь преподобных Зосиму и Савватия. Ладья же стояла на якоре, захлестываемая водой, и мы уже не надеялись остаться в живых. Я же влез внутрь судна и задремал от тоски — и вижу: сидят на нашей ладье два старца и говорят кормчему: „Повороти ладью носом к ветру — и будет надежно”. Я же проснулся и быстро прибежал к работникам в нижней части судна, черплющим воду, и рассказал им о видении. И один из них сказал: „Когда я черпал воду и устал, и сидя задремал, то увидел двух старцев, сидящих на нашей ладье, и один из них сказал другому: «Побереги, брат, ладьи эти, а я спешу к обедне на Соловки»”.

Мы же, увидев это и услышав рассказанное, возрадовались и прославили Бога и преподобных Зосиму и Савватия. И ободряли себя надеждой на спасение. И вдруг ветер утих, и море успокоилось. И дул нам попутный ветер до самого пристанища, и так, молитвами святых, целыми и невредимыми добрались до дома».

Чудо святого о Никоне

Много раз я слышал об этом преподобном Зосиме, игумене соловецком, от многих людей, живущих по рекам и по наволокам во всем Поморье. Каждый, кто приходит ко гробу его с теплою верою, призывая его на помощь, не уходит не получив просимое. И не только у гроба его бывают исцеления, но и на море, и на суше: где только кто помолится Богу и призовет преподобного Зосиму, тотчас последует милость Божия, и сам он скоро приходит на помощь. Ныне же предстоит мне слово о том, о чем я сам достоверно слышал из первых уст.

Есть в Поморье наволок, называемый Унежма. Жил там некий человек по имени Никон. Случилась с ним тяжелая болезнь: напал на него лютый бес. И болел он около полутора лет. И уже не надеялся остаться в живых, потому что каждый день мучил его бес. А причиной нападения бесовского послужило следующее.

Жили в той деревне два волхва, находившиеся в ссоре и ведшие тяжбу в суде. Никон же был у них свидетелем: и одному угодил, а другого обидел. И обиженный пригрозил ему. А затем, с помощью бесовской и своими чарами, стал волхвовать — и наслал на Никона беса, по Божию попущению за его согрешения. И стал бес безжалостно мучить его. Никон же понял, откуда пришла к нему эта болезнь, которую наслал на него тот окаянный волхв. И послал сына своего к другому волхву, которому оказал услугу, чтобы тот помог ему и прогнал от него беса. Но тот поколдовал и сказал ему: «Не могу я прогнать от тебя беса, потому что предан ты самому сатане, и даже кости твои отданы на разделение бесам. Немного помогу тебе за твое добро, но только на один месяц, а дальше позаботься о себе сам. Дам же тебе совет: если хочешь совершенно избавиться от того беса, поезжай на Соловки к тамошнему старцу. А иначе не сможешь от него избавиться, потому что предан ты в дар самому сатане».

Никон же, сильно страдая от беса, посоветовался со своими родными и велел везти себя на Соловки ко Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице, и ко гробам преподобных Зосимы и Савватия. И сразу же бес стал сильно мучить его — и не отпускал много дней, ибо понял, окаянный, что вскоре будет побежден святым. И так измучил больного, что тот лежал как мертвый. Родные же его были в недоумении: везти его в монастырь или не везти, потому что видели его на последнем издыхании и не на что уже было надеяться, кроме смерти. Но он еще дышал, и они, уповая на веру его, поступили, как решили ранее, — помня о вере тех, которые при земной жизни Христа принесли к Нему на одре расслабленного и, не найдя куда внести его из-за множества народа, разобрали крышу дома и спустили его с одром перед Иисусом, и Христос, видя веру принесших его, исцелил расслабленного. Такая же вера двигала и этими людьми. Положили они больного в карбас, еле живого, — Бог же послал им благополучное плавание — и вскоре достигли монастыря. И, взяв больного на носилки, внесли в гробницу преподобного.

Лежал он у гроба святого с третьего часа ночи до шести утра. Один же из братии, имея к нему сострадание, пришел в гробницу навестить больного. Дети же его сидели над ним. И сказал им инок: «Оставьте его

и пойдите отдохните, не следует вам сидеть здесь». Сам же остался с больным и попытался завязать с ним разговор. Но тот только глаза приоткрыл и посмотрел по сторонам. Инок же показал ему на гроб преподобного, но тот только мычал в ответ, и речь его была непонятна. И ушел инок в келию, а его оставил одного. Немного спустя пришел он снова к гробнице. И, подойдя к двери, произнес молитву; больной же, сидевший внутри, ответил ему радостным голосом: «Аминь». Инок же поспешил войти — и увидел, что Никон сидит в ногах у гроба святого, в добром уме и полном здравии.

И стал он расспрашивать Никона, как тот получил исцеление. Больной же ответил: «Чудотворец Зосима меня исцелил». И спросил его инок: как и каким образом? Он же рассказал: «Пришло множество бесов, и учинили страшный шум в том месте, где я лежал. И стали поднимать стену гробницы, желая меня отсюда похитить. И кричали страшными голосами. Другие же тащили меня, поддевая крючьями. И каждый хотел поглотить меня, скрежеща зубами. И услышал я голос из гроба преподобного, подзывавшего меня к себе; и сказал мне: „Приблизься ко мне и не страшись их угроз!" Я же ответил: „Не могу, господин мой, приподняться!" А он сказал: „Опирайся руками и ногами — и Бог поможет тебе". И я с трудом встал и приполз ко гробу святого. Он же обнял меня, и посадил здесь, и сказал: „Бог помиловал тебя — за то, что ты к нам обратился; впредь не бойся их угроз и больше их не увидишь"».

Пересказал Никон иноку и бесовские речи: «Когда отнял меня у них преподобный, тогда стали они винить того беса, который меня мучил и от которого избавил меня Господь по молитвам чудотворца Зосимы. „Зачем, — говорили они, — окаянный, пустил ты его сюда к противнику нашему? Разве не знаешь, сколько зла нам творит! Почему не поразил его там, и тогда не ушел бы из рук наших? Ведь был он отдан отцу нашему сатане!" Он же отвечал им: „Уж измучил я его изрядно, но не знаю, как он ускользнул от меня!"»

Никон же выздоровел, благодатью Христовой. Отвел инок его к себе в келию, и дали ему есть и пить. Но дети не хотели брать его домой, боясь снова бесовского нападения. И явился к нему в келию преподобный Зосима в ночном видении и сказал: «Иди в дом свой и ничего не бойся; как я и сказал тебе прежде, больше не увидишь бесовского злодейства». И ушел он в дом свой, радуясь и веселясь, и славя Бога, и благодаря угодника Христова преподобного Зосиму, чьими молитвами и заступлением получил исцеление.

И с тех пор приобрел он великую веру в святого. И сам я видел его здравствующим и пляшущим и славящим Бога. Как тот Енея, который при апостолах исцеление получил, будучи хром от чрева матери, которого Петр и Иоанн исцелили, так же и этот «мертв был и ожил, пропал и нашелся». Вот как действуют молитвы преподобного отца нашего Зосимы! И не только это чудо, но и множество других у него неисчислимых чудес! Мы же что узнали, то и предали писанию.

Чудо о чернеце Викентии

Брат некий, живущий в том монастыре на Соловках, по имени Викентий, рассказал нам о себе такую историю. Впрочем, слышали мы ее не только от него, но и от многих других, живущих с нами в монастыре.

Отрекся он от мира в юные годы и принял в той обители иноческий постриг, и жил в послушаниях монашеских, как подобает юным чернецам; и живет в послушании у своего старца даже и до сего дня. И когда он жил так, усердно трудясь и заботясь о своем спасении, пришло на него, попущением Божиим, бесовское искушение — или для того, чтобы юношу научить, или для того, чтобы прославить угодника Своего преподобного Зосиму и показать его победителем над нечистыми духами, — как и получилось.

Наслали на него бесы мучительную болезнь, и весь год не переставали мучить его: разбил его паралич, и уста его источали кровавую пену, как он сам мне об этом поведал. Когда же становилось ему легче, шел он в церковь на соборную службу. А бесы постоянно нападали на него; и когда он шел в церковь или из церкви, хватали его и волокли в лес. Но как только нападали на него нечистые духи, являлись ему два старца в куколях, и отнимали его у них, и провожали в келию. Иногда же являлся с ними и третий старец, ему незнакомый, проявлявший к нему большое участие. Когда те демоны мучили его и тащили к себе, своим называя, старец тот отгонял их и ограждал больного крестным знамением. Больной же спрашивал его: «Кто ты, господин мой, что так меня милуешь, окаянного?» А тот отвечал: «Разве не узнаешь меня? Я был ваш ближайший сосед, пономарь с Ильиной улицы, имя мое Василий» (был же тот Викентий новгородец родом). И рассказал ему о тех двух старцах, которые являлись в куколях и провожали больного до келии: «Первый, — говорит, — это отец наш, преподобный Зосима, а другой — Савватий». (Сам же, думается мне, был его ангел-хранитель или кто-то другой из святых).

Потом же и язык отнялся у больного брата почти на месяц. И были приставлены к нему два брата стеречь его, и каждый день отводили его ко гробам преподобных Зосимы и Савватия. В один же из дней привели его в гробницу святого — и увидел он воочию преподобного Зосиму, восставшего из гроба и державшего крест в правой руке: и осенил его крестным знамением, и отер лицо его своею мантией. И в ту же минуту возвратилась к нему речь и здравый ум, и стал он ясно рассказывать о величии Божием и о чудесах святого: о том, как пострадал от бесов и как исцелел благодатью Христовой и Пречистой Богородицы — всеобщей надежды и ходатаицы всех христиан, и преподобных отцов наших Зосимы и Савватия.

Чудо святого о слепом

Человек некий, земледелец, по имени Иоанн, жил в селении Золотице-реке, находящемся в 60 верстах от Соловецкого острова. Случилась у него глазная болезнь, очень тяжелая, и продолжалась около года, пока не померк для него белый свет. Совсем ничего не видя, мог он только передвигать ногами и осязать руками и ходил с поводырем. Слышал же

он о многих чудесах, совершающихся у гроба преподобного Зосимы, основателя Соловецкого монастыря. И стал молить некоторых из местных жителей, чтобы повезли его на Соловки ко Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице и к целительному гробу богоносного отца. Они же, пожалев его, взяли с собой в монастырь.

И привели его к одному из старцев, живущих там, чтобы научил его, как ему молиться, ибо был он простой поселянин. Старец же отвел его к священнику, чей черед был служить в ту неделю, и велел дать ему на молебен и на службу. Когда же священник совершал молебен, отвел старец слепого ко гробу преподобного и сказал ему: «Молись прилежно Господу Богу и преподобному Зосиме, да милостив будет к тебе Бог по молитвам святого, и получишь желаемое». Слепой же исполнил все, как велел ему старец.

И когда совершалась божественная Литургия, стоял он у гроба святого в великом умилении, молясь со многими слезами и преклоняясь лицом к земле, — и вдруг снизошла милость Божия, и был дарован слепому сладостный свет. И стал он во весь голос славить Бога и исповедовать благодеяние святого. И вошел тот человек в трапезную, и ел, и пил с братиею, веселясь: ведь утром был слеп, а ныне ясно видит!

Когда же шел он посреди монастыря, то искони ненавидящий добро враг вложил ему в сердце помысл, что прозрел он не по молитвам святого, но что просто так болезнь отступила. И снова напал на него мрак, и ничего он не видел. И, возопив, стал снова ходить наощупь, как и прежде. Тогда взял его кто-то и отвел к тому же старцу. Старец же, будучи опытен, спросил его: «Что ты подумал про себя, когда прозрел?» Больной, будучи побежден стыдом, утаил это. Старец же продолжал прилежно расспрашивать его, и тот, как только ощутил свое маловерие, стал каяться старцу, говоря: «Это лукавые помыслы такое со мной сотворили! Как только я помыслил лукавое (конец моему неверию!) — тотчас был наказан Богом и преподобным Зосимой — и в ту же минуту ослеп!» Старец же стал допекать его досадливыми словами, говоря: «Окаянный и страстный! Как дерзнул ты такое помыслить о святом — и прогневал Господа и преподобного! Ныне даю совет тебе на пользу: если хочешь получить прощение, иди ко гробу святого и плачь о своем безумии, молясь Богу и святого на помощь призывая, да, быть может, помилует тебя Господь, молитвами преподобного, и отпустит тебе согрешения!»

Он же, пойдя в гробницу, стал горько плакать о своей утрате и, припав к земле пред гробом святого, каялся со многими слезами в своих дурных помыслах. И взывал с плачем ко всей братии, чтобы молились за него, и исповедовался Господу умиленною душою и сокрушенным сердцем, как сказано в Книге псалмов: «Сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит». И умилостивился всемилостивый и незлобивый Владыка Христос, по молитвам угодника своего, и даровал ему тотчас прозреть. Вышел он из гробницы с прозревшими глазами и в полном здравии, непрестанно благодаря Господа и Пречистую Богородицу и великого чудотворца преподобного Зосиму и укоряя себя за свое неразумие и маловерие; и был достоверным проповедником

чудес святого, ибо сам приобрел опыт не оскорблять святых, но тепло им молиться.

Чудо о юноше: как разбогател он по милости святого

Некий юноша по имени Анфим пришел из Новгорода в Поморье с неким купцом, чтобы закупить товар в зимнее время. И поселились они в деревне Шуе-реке на берегу Белого моря. И пришла весна, и люди из тех мест стали собираться в море на весенний промысел. Захотел же и Анфим пойти с ними на промысел. И поплыли они на судах, как обычно. Даровал же им Бог благополучное плавание, и достигли они тех мест, где зверь имеет обыкновение выходить на лед. И поймали много зверя, каждый на свою долю (юноша же тот был в паре с одним из местных жителей), и радостные поплыли домой с большим уловом.

И принес их ветер к Соловецкому острову. А был обычай в том монастыре, по жалованной грамоте великого князя: если принесет кого-нибудь к острову с добычей, то игумен с братией берут от всякой добычи на монастырь десятую часть. И послали к ним одного инока по имени Пахомий. И сказал он им: «Дайте нам, чада, десятую часть от вашей добычи, как установлено обычаем». Они же не хотели дать десятину и отвечали: «Дадим немного — то, что обещали дать на молебен Николе». Юноша же Анфим, подошел к иноку и сказал: «Господин, я дам от своей добычи десятую часть». Инок благословил его и сказал: «Чадо, да исполнит Бог доброе твое намерение». Место же то, где они пристали, находилось в тринадцати верстах от монастыря.

Юноша же тот, простившись с монахом, лег отдохнуть. И когда уснул, то услышал, что кто-то стоит над ним и творит молитву Иисусову. И после молитвы сказал: «Чадо, да исполнит Бог доброе твое намерение, о чем ты верно рассудил, и да воздаст тебе сторицею в нынешнем году и в будущие, и да умножатся богатства твои!» Юноша, услышав это, быстро вскочил с места, на котором лежал, и стал искать взглядом, кто произнес эти слова. И увидел старца, удаляющегося от него, одетого в худые ризы и малого ростом. И побежал следом, чтобы догнать его. Но тот вдруг исчез. Анфим же, ободренный этим видением, с радостью отдал монастырю десятую часть, ни о чем не рассуждая.

Другие же люди, одержимые скупостью, не пожелали дать десятину монастырю и, сев в свои суда, покинули остров и ушли в море. И вдруг поднялась сильная буря, и, как они ни старались спасти суда, ничего не удалось, и лодки их со всею добычею ушли на дно. И сами они едва спаслись. Добравшись до берега, стали они искать свою добычу, но ничего не нашли, и возвратились домой с пустыми руками.

А юноша Анфим, по благодати Христовой и по молитвам преподобного игумена Зосимы, уплыл благополучно — и наторговал удачно, и приобрел немалое богатство, по слову святого.

Чудо о больном ребенке

Поведал мне инок той же Соловецкой обители:

«Был я послан игуменом и братией на службу в Великий Новгород и занимался там монастырскими делами. И некий купец по имени Михаил Сысоев позвал меня к себе. Был же у этого Михаила шестилетний сын по имени Матфей, который был тяжело болен. Перекрыло у него оба прохода, и все тело его распухло от отека, и лежал он на последнем издыхании, не откликаясь уже долгое время, так что ни отец, ни мать не надеялись видеть его живым.

Придя же к купцу, нашел я его в глубокой скорби о ребенке. При виде этого печального зрелища нельзя было удержаться от слез. Родители же его, видя, что сын их еле дышит, обратились ко мне со словами: „Слышали мы, господин, о чудесах преподобного Зосимы, основателя вашего монастыря, что по молитвам его Бог подает многим исцеление. И ныне помолись ему, отче, чтобы помиловал сына нашего!” Я же, видя их в глубокой скорби, дерзостно отвечал: „Если хотите видеть его живым, обещайте отдать его на Соловки преподобному Зосиме. Они же с радостью приняли мои слова и сказали: „Не только его, господине, но и двор этот отдадим в дом Всемилостивому Спасу на Соловки и угоднику Его преподобному Зосиме!”

Я же, приступив к ребенку, стал звать его по имени: „Матфей!” Он же словно от сна пробудился: открыл глаза и посмотрел на меня ясно, и внятно ответил, как здоровый. Я же поднял его и посадил на постели. И ребенок стал просить есть. Тотчас принесли ему еду. Он же поел, попил и стал здоров, благодатью Христовой. Отец же и мать дивились человеколюбию Божию и скорому выздоровлению сына — тому, как в одно мгновение был избавлен от смерти, — и прославили Господа Бога и Пречистую Его Матерь и угодника Их чудотворца Зосиму».

Чудо святого о другом ребенке

Жил другой купец в том же Великом Новгороде — именем Алексей Курюков. Сын его, по имени Василий, одержим был тяжким недугом, как это часто случается с малыми детьми. Отец же ребенка пребывал в глубокой скорби, видя дитя свое страждущим от лютого беса. Но и скорбя, продолжал он мыслить по-человечески и не видел надежной пристани в том, чтобы просить милости у Бога и призывать на помощь Его святых («ибо плотские, — сказано, — о духовном помышлять не могут»). И приставил он к отроку некоего волхва. Тот же стал носить его по другим волхвам, но никто из них не мог помочь. Болезнь затянулась на долгое время, и ребенку стало еще хуже. И видели родители, что он уже при смерти. О очи развращенные, лишенные разума!

И вдруг понял тот Алексей, отец отрока, как много времени он зря погубил и сколько денег истратил на волхвов и колдунов, а ни малейшей пользы не получил! (Ибо как может бес изгнать беса, если между ними естественная любовь!) И пришла ему добрая мысль — обратиться к Богу и Пречистой Его Матери и призвать на помощь преподобного Зосиму, основателя Соловецкого монастыря, ибо слышал от многих людей об этом святом, что по молитвам его бывает множество исцелений.

А в то время случилось быть в Новгороде одному из соловецкой братии. И позвал Алексей его в дом свой и рассказал ему о ребенке, как он страдает от нечистого беса: «Молим тебя, отче, помолись к Богу и Пречистой Богородице и преподобному Зосиме, основателю вашего монастыря, дабы, его молитвами, помиловал Бог дитя наше!»

Старец же, огражденный верой в преподобного Зосиму, повелел принести ребенка к себе. И принесли его. Он же, взяв дитя на руки, сказал: «Молитвами преподобного отца нашего игумена Зосимы — будь, чадо, здоров!» И, взяв своей рукой руку отрока, перекрестил его трижды. И сразу отрок повеселел и стал радостно улыбаться, а потом и сам стал креститься. И так, Божиею благодатию и молитвами преподобного, ребенок исцелел, и отцу был дарован здоровый сын, избавившийся от лютого беса, словно никогда и не болел. Алексей же послал Соловецкому монастырю изрядную милостыню. И с той поры приобрел огромную веру к Спасу на Соловках и к Его угоднику преподобному Зосиме.

Чудо о другом ребенке

Некий человек знатного рода, по имени Андроник, служил сборщиком дани у великого князя и жил в селении Умбе-реке. Однажды поехал он к лопарям собирать дань и остановился в селении Варзуге-реке, а вместе с ним была жена его. Был же у них двухлетний сын по имени Симеон. И ребенок тот тяжело заболел, и был уже при смерти, на последнем издыхании. Отец и мать горестно плакали над младенцем и уже приготовили погребальное.

Случилось же оказаться там инокам Соловецкого монастыря, ловившим рыбу на тонях. И пришли они к Андронику утешить его в выпавшем ему несчастье, так как человек тот глубоко почитал Соловецкий монастырь. И сказал им Андроник: «Помолитесь, отцы святые, Спасу и Пречистой Богородице и преподобному Зосиме-чудотворцу, чтобы, молитвами его, ожило наше дитя!» При этом ребенок не открыл даже глаз, а только слабо дышал.

И тогда один из тех иноков, имевший к преподобному теплую веру, сказал Андронику и жене его: «Хотите — продайте мне вашего сына? Я куплю его на имя Зосимы. Все равно вам не нужно уже это мертвое тело». Они же сказали: «Купи, отче: дай нам за него, сколько хочешь». Он же вынул серебряную монету и дал им. А ребенок уже умирал. Тогда инок, взяв мальчика на руки, сказал: «Отныне дитя это уже не ваше, а преподобного Зосимы, первоначальника Соловецкого!»

И ребенок стал шевелить губами, как будто бы что-то ест. Инок же погладил ребенка рукой по голове и по губам. И ребенок произнес: «Дай еще!» Андроник же и жена его, видя это преславное чудо, возопили от радости, воссылая благодарение Всемилостивому Богу, дивному во святых своих и творящему ради них преславные чудеса! Ребенок же исцелел, по благодати Христовой и по молитвам святого, и пребывал в здравии, нося на себе благословение преподобного игумена Зосимы.

Чудо святого о другом ребенке

Жил в Великом Новгороде некий купец по имени Матфей, и была у него жена Мамелфа. Человек тот был богат и благочестив и ни в чем не знал недостатка. Жена его рождала ему детей, но не успевала вскормить их. Ибо семь раз была она беременна, но не осталось у них ни одного ребенка: все во младенчестве умирали, успев только принять святое крещение, пожинаемые, как незрелая пшеница. Матфей же со своею супругою были из-за этого в великой печали и усердно молились Богу, призывая святых Его на помощь.

Случилось же в то время быть в городе соловецкому иноку Савватию. И позвал его тот христолюбец в дом свой обедать, ибо имел обычай кормить странников и нищих. Сел он за трапезой и, тяжело вздохнув, прослезился, скорбя о своем бесчадии. Жена же его, видя супруга своего плачущим, тоже залилась слезами, вспомнив о своих страданиях, потому что вынесла она много мук, но не обрела ни одного утешения и была лишена той радости, какую испытывают родители от детей своих. А в то время Мамелфа снова носила во чреве. Савватий же, видя, как сильно они скорбят, сжалился и сказал Мамелфе: «Тот, которого, госпожа, ты носишь сейчас во чреве, продай его мне! Я же куплю его на имя Зосимы, первоначальника Соловецкого». Она же отвечала: «Купи, отче! Пусть отныне это будет не наше дитя, но преданный раб старца Зосимы!» Инок же, будто бы в шутку, вынул два медяка и дал ей.

А через некоторое время родила та жена сына, и спустя несколько дней крестили его. И рос ребенок в добром здравии, пока не стал совсем взрослым. А Мамелфа потом родила еще многих сыновей и дочерей, и все они были здоровы, по благодати Христовой и по молитвам угодника Его преподобного Зосимы. И с тех пор они глубоко почитали святого. Люди же видели раньше бездетную женщину скорбящую, а теперь — «мать, радующуюся о детях своих». Таково благодеяние преподобного, так сумел он превратить горе в радость; и у всех, кто приходит к нему с верою и усердно призывает на помощь, не напрасны бывают надежды.

Слово о создании жития основателей Соловецкого монастыря Зосимы и Савватия

Да будет известно об этих первоначальниках соловецких, как было написано их житие. Я, многогрешный и непригодный ни в каком добром деле и грубый разумом священноинок Досифей, ученик блаженного Зосимы, пребывал с ним до самой кончины его, и спеленал и похоронил честное и трудолюбивое тело святого, и все, что видел своими глазами и слышал из честных его уст, то и написал.

После же кончины господина своего преподобного игумена Зосимы жил я в одной келии со спутником его старцем Германом. Тот же Герман пришел на остров еще раньше с преподобным Савватием. И рассказал он мне все, что знал о преподобном, — о прежнем его житии и о некоторых чудесах. Но я, грубый разумом, не умел это украсить и только для памяти записал, чтобы не было забыто житие такого

праведного мужа. Потом стал я расспрашивать старца Германа о блаженном Зосиме: как пришел с ним на остров и как при жизни преподобного чудодействовали его святые молитвы, и какие чудеса были сотворены до нашего прихода к нему. И все это я записал для памяти и этими записями пользовался.

Был же тот Герман из простых людей, не учился Божественному Писанию, и весьма бесхитростно рассказывал о житии святых и об их чудесах. Я же, неразумный, как слышал, так и записал, не украшая написанного книжными словами, поскольку я груб и невежда, но только ради памяти и записал. Братии же — одним нравилось написанное мной, а другие подсмеивались над этим и в смех обращали.

Пришел же к нам некий священноинок с Белого озера по имени Иосиф, из одного из тамошних монастырей, и прожил у нас в Соловецкой обители немалое время. И попросил он почитать житие святых, и продержал у себя в келии долгое время. И когда ушел назад, то и житие святых, написанное Германом, увез с собой. Мы же остались без записей о житии первоначальников, потому что и Герман к тому времени преставился.

Через некоторое время был я послан игуменом и братией на службу в Великий Новгород. И пришел к архиепископу Геннадию испросить у него благословение. Он же меня благословил и стал подробно расспрашивать о месте том, и об устроении монастыря, и об основателях обители, — как и кто положил ей начало. Я же, что помнил, обо всем подробно рассказал архиепископу. Он же сказал мне: «Напиши мне, брат, о житии и о чудесах основателей вашего монастыря все то, о чем сейчас мне рассказал». Я же ответил: «Господин архиепископ, я человек по природе грубый и непригодный для такого дела, чтобы хорошо изложить». Архиепископ же ответил: «Как Бог вразумит тебя, так и напиши. Ибо я очень почитаю основателей вашего монастыря, потому что Савватий, первоначальник ваш, был моим старцем, и пребывал я у него в послушании долгое время и знаю его как старца достойной жизни, великого и святого. Ныне же благословляю тебя: иди и напиши». И так, понуждаемый архиепископом, получил я у него благословение и испросил разрешение писать в монастыре, а потом к нему привезти.

И сел я в келии, уединившись, и понудил себя, сколько мог, — и простер грубую свою десницу и все, о чем вспомнил, записал, с помощью Божией, по молитвам преподобных отцов Савватия и Зосимы. Написанное же держал у себя и размышлял: «Как везти это к архиепископу? Стыдно, потому что, хотя и правду написал, но украсить так, чтобы складно было, не сумел». И вот о чем еще думал: «Как бы найти мне такого человека, чтобы смог украсить это как подобает?»

И послан я был игуменом и братией в престольный град Москву по делам монастырским. И по пути случилось мне быть на Белом озере в Ферапонтовом монастыре. И пришел я там просить благословение у некоего старца — мужа добродетельного, во всех подвигах монашеских пребывающего и премудростью разума украшенного, — бывшего

митрополита Киевского по имени Спиридон. И стал он расспрашивать меня о Соловецком острове, и о создании монастыря, и о его основателях. Я же подробно обо всем ему рассказал и стал просить его, чтобы он изложил житие преподобных; и показал ему свое неумелое писание, ибо был он муж мудрый, смолоду изучил и хорошо знал Божественное Писание — и Новый, и Ветхий Завет. И он, ради имени Божия, согласился потрудиться, несмотря на свою старость: изложил и написал стройно, как подобает, — для общей пользы хотящим спастись и следовать житию этих преподобных отцов. Я же, грубый, возрадовался весьма, что помог мне Бог найти такого премудрого старца, исполнившего желание сердца моего и завершившего начатое мной.

И отвез я это архиепископу Геннадию. Он же прочитал и похвалил весьма, и стал восхвалять меня, говоря: «Как же это ты, брат, имея столько разума, отказывался писать житие святых? Воистину хорошо написано!» И сказал я ему: «Прости меня, владыко святой, не мое это творение!» И рассказал ему обо всем по порядку, как и кем оно было создано. Он же сказал мне: «Благословен ты от Бога, чадо, что нашел такого премудрого мужа! Человек этот в наше время был столпом церковным, ибо смолоду изучил Священное Писание и был старец чудной жизни, украшенный многолетними сединами».

Написано же было это житие преподобных отцов, основателей Соловецкого монастыря, Савватия и Зосимы, в лето 7011 (1503) митрополитом Киевским Спиридоном, находившимся тогда в заточении в Белозерском крае, в монастыре Пречистой Богородицы — честного Ее Рождества, называемом Ферапонтов, во славу Христа Бога.

Молитва

Мы же да прибавим к этому следующее — молясь Богу и святых Его на помощь призывая, скажем:

«О пастыри добрые и истинные строители, наставники и учители иноческой жизни, святым отцам слава и преподобным единокровные, праведным инокам наставники и общего жития устроители, собеседники бесплотных сил! Странствующим питатели, нищим — богатое сокровище, недугующим — врачи; плененным — освободители, слепым — водители, старости — опора; заблудшим — исправители, скудоумным — вразумители, прикровенного открыватели, в скорбях — утешители; князьям православным миротворцы и защитники от супротивных, крепость против безбожных!

Пресвятой Троице с бесплотными силами предстоя, и от нас не отступайте; поминайте стадо, собранное вами премудро, и блюдите Богом дарованную вам паству как чадолюбивые отцы; и не оставляйте почитающих с верою и любовью пречестную и многорадостную память вашу, защищая и сохраняя нас от наступающих на нас врагов! Да, молитвами вашими всегда сохраняемые, сподобимся Царствия Небесного во Христе Иисусе, Господе нашем, которому подобает слава

и держава — со безначальным Отцом, и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

ЖИТИЕ АРСЕНИЯ КОНЕВСКОГО

Подготовка текста Н. А. Охотиной-Линд, перевод А. Г. Боброва, комментарии Н. А. Охотиной-Линд и А. Г. Боброва

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие Арсения Коневского — самобытный и недостаточно изученный памятник древнерусской литературы, несомненно новгородского происхождения. Композиция Жития напоминает икону с клеймами, а его стиль — лаконичные иконы «северных писем». Древнерусское Житие Арсения дошло до наших дней по крайней мере в 15 списках. Помимо рукописей Житие преподобного Арсения можно прочитать в целом ряде изданий прошлого века (в частности, 1850 и 1879 гг.), однако опубликованный в них текст заметно отличается от древнерусского и был написан, очевидно, в первой половине XIX в. в связи с включением определением Синода 1819 г. памяти Арсения Коневского в церковные месяцесловы.

Местное почитание преподобного началось значительно раньше, бесспорным свидетельством чего являются дошедшие до нас древнерусские рукописи с Житием преподобного. Согласно указаниям заглавий списков оно было «списано» (что в Древней Руси означало не только переписывание, но и сочинение произведений) игуменом Коневской обители Варлаамом. Многие исследователи отождествляли игумена Варлаама с известным псковским автором многочисленных служб и житий Василием, в иноках Варлаамом, жившим и писавшим свои сочинения в 40—60-х гг. XVI в., но никаких конкретных доказательств этой догадки не приводилось. Известен и Коневский игумен по имени Варлаам: он назван в послании Ивана Грозного в Коневский монастырь 1578 г. (Материалы по истории Карелии: XII—XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 254), причем X. Киркинен и М. Виднее предполагали, что ранее именно он был псковским писателем Василием-Варлаамом, а около 1578 г. уже на Коневце составил интересующее нас произведение (Kirkinen H., Widnas M. Pyhittaja Arseni Konevitsalaisen Elama // Ortodoksia. Karkkila, 1963. N 14. S. 17). Варлаам, однако, — имя достаточно распространенное, и в истории Коневского монастыря в разные годы мог быть не один игумен с таким именем. Проблема авторства древнерусского Жития Арсения, таким образом, тесно связана с проблемой его датировки. Для ее разрешения обратимся к самому тексту Жития.

Согласно Житию Арсений, приняв иночество в Лисицком монастыре, узнает о приходе в Новгород старцев с Афона (Святой горы) и упрашивает игумена благословить его на путешествие к Афону. О

связях именно новгородского Лисицкого монастыря со Святой горой в конце XIV — первой половине XV в. у нас действительно имеются конкретные свидетельства. Анализ книгописной деятельности иноков Лисицкого монастыря позволяет утверждать, что на протяжении конца XIV — первой половины XV в. эта обитель играла значительную роль в культурной жизни Новгорода. Поддерживая связи с Афоном, лисицкие книжники были «проводниками» второго византийского и южнославянского влияния на культуру Новгородской республики. Свидетельство Жития Арсения о том, что именно в Лисицком монастыре он узнает о приезде афонских старцев и именно отсюда отправляется на Святую гору, таким образом, полностью соответствует современным научным представлениям о роли этой обители в культурных связях того времени (См.: Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV — первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78—98).

Возвращение Арсения в Новгород с благословением святогорских старцев и основание монастыря автор Жития относит ко времени архиепископа Новгородского Иоанна, «иже бысть по архиепископе Алексии», т. е. Иоанна III (1388—1415), что полностью согласуется с авторитетной летописной датой строительства церкви Рождества Богородицы на Коневце в 1398 г. Впервые это известие появляется в первой части так называемой Новгородской Карамзинской летописи, написание которой предположительно датируется 1411—1412 гг. и связывается с именем Юрьевского архимандрита Варлаама, бывшего монахом той же Лисицкой обители в одно время с Арсением Коневским, потому, видимо, и внесшего в свою летопись сообщение о строительстве церкви на Ладожском озере своим сподвижником (см.: Бобров А. Г. Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Мат-лы чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 89—101). В принципе соответствует летописной дате этой постройки (1398 г.) и приведенная в Житии дата поселения Арсения на острове Коневец (1393 г.) — ясно, что строительство церкви должно было занять несколько лет.

Описанное в 4-й главе Жития первоначальное недостаточно последовательное соблюдение в монастыре общежительных правил, очевидно, было характерно для той эпохи. Это известие находит прямую аналогию в смешении общежительного и келлиотского уставов в те же годы монахами Псковского Снетогорского монастыря (1380—1410) (см.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987. Т. 3. С. 486—495). Справедливо также и утверждение автора Жития, что посетивший Коневец архиепископ Новгородский Евфимий II и Арсений являлись выходцами из одного и того же Лисицкого монастыря (правда, он ошибочно думает, будто они жили в этой обители одновременно — на самом деле Евфимий был постриженником Вяжищского монастыря, а Лисицким игуменом стал уже после отъезда Арсения на Коневец). Дата смерти преподобного (12 июня 1447 г. согласно Житию) подтверждается тем, что владыка Евфимий II посетил монастырь еще при жизни Арсения, а поездка архиепископа в северные

земли республики засвидетельствована современной описываемым событиям Новгородской четвертой летописью под 7 августа 1446 г.

Подтверждением достоверности и, следовательно, ранней датировки Жития является и упоминание в 4-й главе Михея Кобылкина из Новгорода: дело в том, что новгородские бояре Кобылкины были переселены в конце XV в. в Нижегородский уезд (Веселовский С. Б. Ономастикой: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 145). Завершающие Житие три посмертных чуда преподобного (гл. 10—12: об избавлении монастырских рыбаков из ледового плена, о слепце, приведенном семилетней дочерью от Вяжищ под Новгородом до Коневца, и об исцелении недужного инока Леонтия) не имеют хронологических примет, но их бесхитростная простота по стилю близка основному повествованию о жизни Арсения. Вероятно, весь текст принадлежит перу одного автора, создавшего его вскоре после кончины преподобного, когда подробности его жизни были еще свежи в памяти.

Гипотеза о написании Жития Арсения во второй половине XVI в. противоречит и еще одному обстоятельству. Хотя наиболее ранний полный список Жития датируется 30—40-ми годами XVII в. *(РГАДА,* собр. Оболенского, № 52), однако существует отрывок Жития (в рукописи *РГБ,* собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 806, л. 244—246), на который обратил внимание еще В. О. Ключевский, датировавший рукопись XVII в. и признавший его отражением «простой первоначальной редакции без книжных украшений» (Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 357). На самом же деле, как установила Н. Охотина-Линд, бумага этой части сборника относится к концу 30-х гг. XVI в. Текст, озаглавленный в этом списке просто как «Сказание о авве Арсении», достаточно точно соответствует четвертой и пятой главам Жития Арсения в других полных списках (Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 107).

Не может противоречить ранней датировке Жития Арсения и то, что Евфимий II упоминается как «блаженоименитый и чюдный во архиерѣох, иже послѣжде просия в чюдесѣх». Дело в том, что, хотя архиепископ Новгородский Евфимий II, умерший в 1458 г., был официально канонизирован только на церковном соборе 1549 г., Житие его (с посмертными чудесами) было написано знаменитым сербским писателем Пахомием Логофетом уже в 1460-х гг.

Как же быть с указанием на авторство Коневского игумена Варлаама в заглавии Жития? Оказывается, что в Летописи Авраамки под 1458 г. есть упоминание в качестве кандидата на «владычество» «мужа честна Варлама Коневьского». Учитывая высказанные выше соображения, следует поставить вопрос: не мог ли он быть автором Жития преподобного Арсения? Во всяком случае, его авторство представляется значительно более вероятным, чем авторство коневского игумена Варлаама, жившего в последней четверти XVI в.

Хотя память Арсения Коневского официально была включена в церковные месяцесловы только в XIX в., его почитание началось значительно раньше. Известен, например, хранящийся в Православном музее Куопио покров 1551 г. с надписью «Преподобный Арсений старец Коневскаго монастыря». Житие, однако, является наиболее ранним свидетельством почитания преподобного, начавшегося вскоре после его кончины.

Мы публикуем Житие по списку *РГАДА,* ф. 201, собр. Оболенского. № 52, середины XVII в., л. 442—463 об.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА ИЮНЯ В 12 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ, И ОТЧАСТИ ЧЮДЕС ИСПОВѢДАНИЕ ПРАВЕДНАГО ОТЦА НАШЕГО АРСЕНИЯ, НАЧАЛЬНИКА КОНЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ. СПИСАНО ИГУМЕНОМ ВАРЛАМОМ ТОЯ ЖЕ ОБИТЕЛИ КОНЕВСКИЯ

Евлогисон, патеро!

Приидѣте, отцы и братие, приидѣте, стадо христоименитое, приидѣте православных собори и приклоните слухи ваша во глаголы усть моих, и нелѣностно глаголемых послушайте, яко да насладимся духовнаго сего пира, не плотьскими брашны утучена, но Божествеными догматы сложена, не тѣло насыщающе, но ум просвещающе, паче же и душу и тѣло освящающа глаголы Божественых догмат. Что же реку, ли что возглаголю, ли откуду начало повести прииму о доблести жития, и о мужествѣ терпѣния, и о продвизѣ духовнем твердаго адаманта и крѣпкаго воздержника, и чюднаго во благоговѣиньствѣ, иже во иноцѣх дивнаго и житием славнаго, и многим похвалам достоинаго, иже привлачати к себѣ жития его послушателя могущаго, и желание ревности влагати онѣм душа, иже послѣдовати того стопам во иноческое жителство? Елма убо иже во всем добрый и благодатию Святаго Духа исполненый, и в чюдесѣх просиявый преподобный отецъ и великий старецъ, и началникъ Коневскаго киновия, доблий подвижникъ Арсений, нынѣ нам в повесть предлагается.

Ублажим убо добродѣтелнаго сего мужа и того житие всѣм повѣдаем. И вспомянем о рождении его и о возрастѣ, и о мирском того пребывании, и о отвержении мира, и како доиде во Святую гору и потрудися тамо, и приял благословение от святогорскихъ старцевъ и от игумена Иоанна Святыя горы, иконою Пресвятыя Богородица бысть благословенъ, и оттуду благословениемъ отецъ в Великей Новъград прииде, и от архиепископа Иоанна на сограждение обители благословение испроси, и како из Великаго Новаграда к сѣверным странам отъиде, и в Корельстей земли на велицѣм езерѣ Нево[1] тако нарицаемо, в Коневский отокъ вселися, и со иконою, иже имѣ от Святыя горы, юже и донынѣ в своей обители благодатию Божиею цѣлу и невредиму снабдѣ, еще же и Уставъ иноческаго жительства от Святыя горы с собою принесе, и како пребысть на отоцѣ скитским житиемъ тригодищное время. И потом благоизволением и милостию человѣколюбца Бога,

помощию же и заступлением и молитвами Святыя горы игумена Иоанна и иже тамо отецъ, такоже благословением и молитвами архиепископа Иоанна, и иже о нем священнаго собора, своими же посты и подвиги, и труды, и ученикъ его и братьи, иже в то время сошедшихся сожительствовати ему, чюден и честенъ храм воздвиже во имя Пресвятыя и Всенепорочныя Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мария, честнаго и славнаго ея Рожества, и киновь велик сгради, и братии множество совокупи, и тѣм законъ по древних святых отецъ уставу предастъ, паче и яко же во Афонстей горѣ виде, тако же и сам с ними добрѣ постничествова, и Богу по премногу угоди.

Его же добродѣтелное житие написати потщахомся не самоизволением обьяти бывше, но обители его отцемъ повелѣнию повинувшеся, паче же вѣрою и любовию к тому святому отцу влекоми и от того вперяеми. Аще и нѣсмы на се доволни, но человѣколюбца и даров подателя Исуса Христа Бога нашего на помощъ призывающе и слова во отверзение устъ просяще, и молитвамъ преподобнаго отца споспѣшьствовати нам надѣющеся, по сицевое дѣло коснухомся. Той бо святый отецъ добродѣтелным си житием Богу угоди и бысть небесными добротами утворенъ, и в добродѣтелех свершенъ. Стѣцемся убо, о любимицы, того душевных доброт созерцати. Управим же очеса разума нашего быстрѣиша, да некако что от того доброт видѣния отчюждимся. Того убо чюдное житие Богъ возлюби и прият, и аггели удивишася и похвалиша, и имя его написано есть на небесѣхъ. Тѣмже потщимся духовне вси и в честнѣй его памяти торжествуим свѣтло, начальствующеи убо — яко началнику боголюбну, ученицы — яко учителю премудру, чада — яко отцу чадолюбцу, ликъ составльше и подобную честь воздающе.

И откуду убо сей толикий и таковый муж возсия, еда от Иерусалима ли от Синая? Нѣсть убо, нѣсть от Иерусалима, ни от Синая, но славная Росийская страна и Великий Новград того произведе и возрасти, и во благочестии укорени, и в смирении насади, и в воздержании укрѣпи, и в чистотѣ воспита, и во благоговѣиньствѣ житие его створи, и милостыни прилѣжати научи, и в любви сверши, и во святыни содержа, и страх Божий в сердце его всади, и душу его в любовь Божию распали, и во иноческое жительство того препусти, и от мирскаго мятежа отведе, и постническому лику причета, и заповѣдей хранениемъ Господеви присвои.

Времяни же лѣт рождения его и звания мирскаго, и родитель, иже по плоти его родиста и святым крещением просветиста, именования обрѣсти не возмогохомъ, прехождения ради многих лѣт. Но обаче отца имяста всѣх создателя, к немуже все возложеся, монастырь же — вышний Сион, егоже постигнути потщася, сродники же — лики святых, ихже житию и стопам послѣдова блаженный преподобный отецъ Арсение, о немже нынѣ повести воспоминания и слова сказания нам предлежит. *век*

<Глава 1>. Начало житию блаженнаго

Сей убо преподобный и блаженный отецъ нашъ Арсений родися в славном Великом Новѣградѣ от благовѣрну и христолюбиву родителю. Воспитан же бысть в добрѣ наказании и учении и во всяком благоговѣиньствѣ и чистотѣ. Пребываше же в страсе Господни и день от дне преспѣвая в дѣлех Божиих, игры же и смѣхотворная словеса, якоже обычай есть юным, ненавидяше и гнушашеся. И сладких брашен не ядяше, но паче воздержание любяше и того лобзаше, и всѣх тлѣнных мира сего отнюдь не возлюби, но измлада изволи единому Богу работати. Тѣм и ко святым церквам часто приходя и Божественых словес со вниманием послушаше, и сих прочитанием услаждаем бываше.

По сем же вданъ бысть родителема своима на учение ремественому дѣлу. Мастеру же повелѣвающу ему дѣлу касатися, отрок же со усердием повелѣная ему творяше и тако вскоре изучися сему дѣлу, и бысть мѣдный ковачь. Вдасть же ся многому труду и подвигу, и дѣле своем прилѣжаще, и в тѣх дни своя провождая, и нищим милостыню от труда своего со тщанием подаваше, бѣ бо зѣло милостивъ и любя выну молитися Богови со тщанием, и весьма в Божиих пребываше. Тѣмже Божественою любовию разгорѣвся, изволи отрещися мира, и поработати Богови в безмолвии, еже благодати Божии поспѣшествующи сотвори. Оставль бо родителя своя и имѣния, и стяжания, и всѣх житийских отвергъся, и иде во един от монастырь, зовомый Лисья гора, [2] и восприят на ся святый аггельский образ. Вкупѣ же со отъятием влас и всяко мудрование плотское отрѣзает, и в жесточайшее вдастъся житие, и во всяко послушание в службах монастырьских выну работая, не дая себѣ покоя. Уста же его николиже праздна бываху от молитвы Исусовы, но присно моляшеся Богу. И вся узаконеная иноком со многим тщанием творяше, во всякой добродѣтели тщаливно трудяся, и желаше болших подвигъ и свершеныя добродѣтели, помышляше, како обрѣсти наставника блага у како удобно есть ему спастися. Но не лишит Господь жадающих полезных, но желание их ко благому исполнит.

Бысть же ему желание ити во Святую гору; помышляющу же ему о сем, како дойти Святыя горы, и в то время приидоша старцы от Святыя горы в Великий Новъград. Си же слышавъ блаженный Арсение, рад бысть и желаше видѣти я и благословения восприяти. Пришедшу же блаженному к ним и поклонися имъ до земля. Они же видѣвше смирение его, почудишася, и благословиша его и даша ему о Христѣ цѣлование, якоже обычай бѣ мнихомъ. Таже, сотворша молитву, сѣдоста, и начат я блаженный Арсение с кротостию вопрошати, како отцы иже во Святѣй горѣ пребывают. Они же сказаша ему вся по ряду, яже о Святѣй горѣ и о пребывающих в ней святых отецъ. Он же наипаче разгорѣся любовию и сказа имъ желание свое, и молит их спутнику ему быти с ними. Они же с радостию обѣщастася взяти его с собою. Блаженный же о сем вельми возрадовася, како бы ему желаемое получити. И приходит ко игумену, яко да благословит его ити во Святую гору. Игумен же не хотя его отпустити надолзѣ, добраго ради жития его и смирения и послушания; мняше бо си тщету быти, еже сего отпустити. Арсению же паки о сем молящу игумена надолзѣ, игумен же не могии преслушати моления, преклоняется к молению блаженнаго и

отпущает его со благословением. Он же приим благословение от игумена, отходит во Святую гору и бывает спутник старцемъ Святыя горы, Богу помагающу угодникомъ своим.

И приходит во Святую гору, и тамо любезно приемлемъ бывает от игумена Иоанна Святыя горы[3] и от братьи. И повелѣно бысть ему служити. Он же заповѣданую службу со всяким утѣхом и смирением творяще. И извѣсътно испыта о нем преподобный игуменъ Иванъ и уразумѣвъ, яко въ страсѣ Божии со многим тщанием произволяет добродѣтелный подвигъ, и наказуяше его истинному пути спасения. Он же всю волю свою отвергъ и во всем того послушаше без разсуждения.

И повелѣно бысть ему службы монастырьския проходити и труждатися в магерницѣ и в хлѣбопечницѣ, и в прочих службах з братьями. Блаженный же Арсение со всяким усердиемъ повелѣная творяше, во всяко дѣло благо послушая, имѣя смирение. Понеже немощно есть кому благое житие без смирения исправити, аще не преже сам смирится, якоже и сей весь ся в боголюбие преложе и вмѣнися всѣх послѣдний и хуждьший. Устнама же от молитвы не престая, бдѣнием и жаждею сердце свое согнѣтая, весьма в любовь Божию предасться, тѣмже и прият умиления даръ, источники слез от очию изливая, пищу вельми умалену всѣх неполезных сохранение и отнюдь образ благъ всѣм бысть. Сего ради любим бѣ и почитаем от всѣх.

По сем же вѣдомо бывает ремество блаженнаго Арсения, и повелѣно бысть ему от игумена Иоанна и братьи ковати сосуды и всякия потребы монастырьския. Он же повелѣная без лѣности творяше, не дадый себѣ покоя. Днем убо повелѣная ему коваше, нощию же на молитве Богови предстояше, сна же мало приимаше телеснаго ради союза, бѣ же тѣлом крѣпокъ. Видѣв же игумен и братия хитра его суща дѣлу оному и тако труждающася яко безплотна ли яко куплена раба, удивишася терпѣнию его, наипаче же возлюбиша его. И пребысть тако труждаяся много время. И недоволно бысть ему таковаго орудия дѣла единаго монастыря, но из ыных монастырей приношаху ему сосуды. Он же со тщанием творяше, ничто же взимая и Бога ради труждаяся. Бѣ же приходящих множество сицеваго ради орудия, и помысли изыти в другия монастыря, требующих ради сицеваго орудия, да не стужаютси братья приходящих ради к нему.

И приходит ко игумену Иоанну и молит его, сказуя ему мысль свою, аще повелит ему ити в другия монастыря сицеваго ради орудия и поработати Бога ради. Игумен же видѣв тщание и усердие его, яко не мзды ради хощет поработати, но Бога ради и от него мзду восприяти, и благослови его. Блаженный же Арсений со благословением обходит монастыря Святыя горы, такоже труждаясь, якоже пред рекохом. И от всѣх благословение приемлет и молитвы, яко Богу тако изволшу, да не туне благословение святых отецъ наслѣдит, но многим трудом и подвигом. И пребысть тако 3 лѣта, труждаяся на братию.

И бысть ему желание, аще Бог поможет ему, создати монастырь во имя Пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мария честнаго и славнаго ея Рожества, и благословение восприяти от Святыя

горы монастырю его. Приходит же блаженный Арсение ко игумену Иоанну Святыя горы и сказует желание свое, прося от него благословения и молитвы, и желания не погрѣшает. Игумен же зря его прозрачныма очима, яко муж бѣ благъ и пророческаго дара исполнь, проразумѣ будущее. И благослови блаженнаго Арсения и прорече о нем, яко: «Имать Богъ тобою воздвигнути обитель под сѣверною страною, и многи люди имут спастися тамо, избавити же ся имать страна та многия лети». И ина многа поучивъ блаженнаго, благослови. Дасть же ему икону Пресвятыя Богородица, иже и донынѣ во обители блаженнаго всѣми зрима, Святогорская зватися обыче,[4] такоже и Устав Святыя горы. Таже помолися о немъ глаголя: «Господи Боже нашихъ, призри на раба своего Арсения! Да будет благодать твоя на нем и благословение, идѣже аще вселится, да будет ту благословение Святыя горы». И, си рекъ, отпусти его с миром.

Арсений же паки обхождаше монастыря и особно живущих, сказает им желание свое, аще Богъ поможет. И от них благословение приимет создати монастырь во своей странѣ. И от всѣхъ благословение приимаше и отхождаше в страну свою и тако храним бѣ Божиею благодатию.

И прииде в Великий Новъград со благословением Святыя горы. Тогда правящу престолъ София неизреченныя премудрости Божия в Великом Новѣграде архиепископу Иоанну, иже бысть по архиепископе Алексии.[5] Блаженный же приходит к нему и сказует благословение Святыя горы, тако же и сам молит его и просит благословения, аще Богъ ему поможет, въ его архиепископии составити монастырь во имя Пресвятыя Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мария, честнаго и славнаго ея Рожества. Архиепископъ же благослови его и вдастъ ему потребная. Блаженный же Арсений приим благословение, тако же и потребная взем, моляшеся Господу Богу и Пресвятей Богородицы свершити ему желание. И всѣдает в насад, и прииде по рецѣ Волхову на езеро великое Нево, Богу же помогающу ему, и Пресвятии Богородицы тако изволшу, приходит на островъ рекомый Коневецъ.

Глава 2. О разсмотрении мѣста старцем Арсениемъ и о изволении пресвятыя Богородица како быти монастырю на островѣ сем, рекомем Коневецъ. В лѣто 6901

Блаженному же Арсению приѣхавшу на островъ сей и разсмотряющу мѣста, гдѣ вселитися, обшед же островъ, якоже еленъ борзостию. И не у еще присмотрѣся мѣсто ему, зане же сказаша ему людие: «Островы многия напреди на езерѣ сем и пустыни великия». Он же устремися напред и приста в Городецкой рекѣ, разсмотряющу мѣста на вселение, ни же паки ту присмотрѣся. Помышляше же блаженный, како бы ему и далния островы видѣти, хотя же изыти ис пристанища, и бысть держимъ вѣтром много время, не мог никамо же ѣхати. Помышляющу же блаженному, что се будет, и начат о сем молити Бога и Пречистую его Матере, да послет свою милость и тишину, и гдѣ волит Пречистая быти монастырю во имя свое. Помолив же ся со слезами и помысли во умѣ своем, аще гдѣ Богъ принесет и Пречистая Богородица, ту

вселитися по воли Божии и хотѣнием Пресвятыя Богородица. И абие бысть тишина велия.

И выеха блаженный на езеро и устремися напред. Срѣтѣ его вѣтръ велик зѣло, и не може противу грѣстися, ниже индѣ пристати, занеже вѣтру велию возвѣявшу, Господу Богу и Пресвятей Богородицы тако изволшем, во едином часѣ принесе насад блаженнаго Арсения паки ко острову Коневскому. Приезжающим же им ко острову, слышаста звонъ великъ зѣло. Помышляющим же имъ, откуду есть звонъ сей — церкви нѣсть на острову сем, ни же жильцовъ. Рече же блаженный ученикомъ своим: «Чада, знамение се бысть нас ради, яка изволи Богъ и Пречистая Богородица быти монастырю на островѣ сем, да не помышляем никамо же отселе ити, се же яко на крилѣх единем часом Пречистая постави нас здѣ». И вышед на брегъ, похвали Бога и Пречистую Богородицу. И вшед на гору, постави крестъ, и потом постави кѣлию и поживе ту лѣто едино. И преиде в другое мѣсто, во Владычню лахту, послѣди тако зовомо. Сия же до здѣ.

<Глава> 3. О прозвании острова, почему зовется Коневец, и о прогнании бѣсов из острова

Егда же прииде блаженный старецъ Арсении на островъ сей и начат на нем жити, и обрѣтѣ ту рыболова именем Филиппа. И вопроси его, почему зовется Коневский остров сей. Рече же рыболовъ ему: «Есть, отче, на сем островѣ камень велик, словет Конь, и тому каменю невѣрнии жертву приносили — на всяко лѣто приводили по коню, и потому зовется Коневский остров сей. А еще корму на нем много, сего ради привождаху населницы мѣста сего на остров сей много живота в лѣтовище от звѣря и от татей, не пасущи ея. Давают же и жертву камени, чтобы скоту пакости не было, ни самим для бѣсовскаго дѣйства».[6]

Рече же ему блаженный Арсений: «Друже, покажи ми камень той». Рыболов же шед показа ему камень. Блаженный же шед в станъ свой и пребысть всю нощъ без сна моляся, чтобы Богъ и Пречистая очистили мѣсто то от бѣсовскаго дѣйства. И на утрия встав, повелѣ облещи ся в священую одежду. И взем икону Пречистыя Богородица, юже принес от Святыя горы, еюже благослови его Иоаннъ игумен Святыя горы, сию икону взем, и святую воду и фимиянъ, и шед х каменю, и пѣвше молебенъ Пресвятей Богородицы, а сам со слезами моляшеся о очищении мѣста. И обшед около, и покропи святою водою и прогна нечистыя духи. Повѣдаша же ловцы, яко видѣша тогда врановъ стадо[7] лѣтяще к сѣверу, иже аки волы ревуще рыдаху. И оттоле благодатию Божиею и молитвъ ради преподобнаго старца Арсения началника очистися мѣсто то и до сего дни.

<Глава 4>. О христолюбцы Михеи и о прозорливом старцы

Нѣкогда убо приѣха в монастырь христолюбецъ именем Михѣй Кобылкин из Великаго Новаграда ко блаженному Арсению, и кормив братию, и милостнею удоволив, и паки возвратися в Новград со благословением, и велику ползу приим. Еще бо живяше старецъ в

старом монастыри и немного имѣ братьи. Имяше же обычай тогда простъ: приходящим к нему клирошаном и старцем ползы ради, он же ползовавъ их от Божественых Писаний и предлагаше им ястие любве ради Божия, а сам молитвами и постом и трудом изнуряяся. Предреченный же христолюбецъ Михей в Новѣградѣ начат прославляти старца Арсения и доброе о Бозѣ житие его.

Бѣ же тогда в монастыри на Коневцы брат духовенъ и прозорливъ. Во едину же нощъ молящуся ему, слышит дѣмоновъ дву, глаголющих между собою, и вопроси единъ другаго: «Откуду прииде?» Он же отвѣща: «Бѣх в нощи сей в Новѣградѣ и слышах многих похваляющих житие обители сея и старца Арсения началника. И ты како видиши ихъ?» Рече же ему другий: «Бысть тако и есть житие их и правило монастырьское без порока. Но единем мя утѣшает старецъ Арсений — держит в кѣлии у себя ястие приходящих ради к нему, и кормит их за любовь. Аще бы не тако, ино бы не было от них жития нам». Прозорливый же старецъ слышав сия от бѣсов, повѣда старцу Арсению. Блаженный же повелѣ келарю трапезу держати равну братии, а в кѣлии ничто же не держати у себе. И приим пользу от прозорливаго старца.

<Глава> 5. О нѣкоемь мужи корѣлянинѣ

Мужъ нѣкий простълюдинъ от веси Олонецкия корѣлянин, живяше благочестно близ монастыря Коневскаго, по вся же дни прихождаше в церковь на молитву и милостыню творяше по сил радосною душею. Имый страннолюбие велие иноком и нищим, призывая в домъ свой и трапезу поставляше скудну, и смирен зѣло. Прилучи же ся ему нѣкогда у своих быти на пиру, и егда же взлегоша на обѣд, и той муж с ними яде и пия с воздержанием. По сих же пойде в дом свой единъ, а прочим людем в пиру еще веселящимся. И яко же бысть на полупути, муж незнаем прииде к нему, и глаголя ему: «Мир ти, друже». Он же устрашися. И рече ему пришедый: «Не бойся, друже». И абие отъят от него страх. И начат глаголати ему: «Аз есмь посланъ к тебь от Господа Бога Вседержителя повѣдати кончание живота твоего, добродѣяний твоих ради. Ты же отселе иди в дом свой и управи о имѣнии своем и о домашних твоих. И шед в монастырь облѣцыся во иноческий образ, и пристроися о покаянии. По 40-хъ днех прииду по душу твою». И сия рек невидим бысть.

Муж же той пришед в дом свой, и не закоснѣвъ нимало, управи живот свой и з домашними своими прощение получив, иде в монастырь на Коневецъ в дом Пресвятыя Богородица, честнаго и славнаго ея Рожества, и припаде со слезами ко игумену, моля его, дабы его постриглъ во иноческий образ, и повѣда ему явльшагося глаголы вся. Игуменъ же удивлься о том вельми, и облече и во святый аггельский образ, и причте и ко святей дружинѣ. Он ж пребысть в монастырѣ в покаянии, в молитвѣ и постѣ труждаяся, ожидая времени явльшагося и глаголавшаго ему. И по 40 днех преставися к Богу, егоже возлюби, по пророчению явльшагося ему аггела Божия, и погребоша его со отцы.

<Глава 6>. О житии преподобнаго старца Арсения Коневскаго и о явлении Пресвятыя Богородица ученику Арсениеву старцу Иоакиму, и о изобилии потребных

Нѣкогда убо сему блаженному Арсению отшедшу в Святую гору при архиепископѣ Семионѣ новгородском,[8] и тамо ему закоснѣвшу. Братии же иже на Коневцѣ без него в велицей нужди бывшем от скудости потребных и в конецъ изнемогшем, и разытися хотящим глада ради. Един же старецъ именем Иоаким, муж добродьтеленъ, всѣми добрыми дьлы сияя, единою же ему вшедшу на гору нѣкую близ монастыря, и моля Бога и Пресвятую Богородицу со многими слезами, дабы не запустьло мѣсто то. И в сонъ тонокъ сведенъ бысть, и явися ему Святая Богородица, глаголя: «Не скорби, старче, и братии рцы, да не изыдут от мѣста сего. Старецъ вашъ Арсений вскоре к вам будетъ со множеством потребных».

Он же возбнувъ от видѣния и шед в монастырь, повѣда братии почщение Богоматере. Братия же радостною душею объщастася со благодарением терпѣти на мѣсте сем, надежду возложише на Господа Бога и на Пречистую Богородицу. Во утрии же день, по проречению Богородицы, прииде старецъ Арсений в великую двою насаду, нося множество всяких потребъ. Даже и до днесь изообиловано мѣсто сие милостию Божиею и молитвами Пресвятыя Богородица, и тщанием преподобнаго отца нашего Арсения началника и спостникъ его трудоположныхь духовных старцов.

<Глава> 7. О прозвании Святыя горы

Тогда братия совѣт сотвориша и поставиша на той горѣ крестъ и образ Пресвятыя Богородица на том мѣсте, идѣже явися Святая Богородица старцу Иоакиму, и рече: «Не скорби, старче, но шед, рцы братьи, да не изыдут от мѣста сего. Старецъ вашъ Арсеней вскоре будет со множеством потребных». Сего ради братия тако сотвориша в память таковаго чюдеси преславнаго и посѣщения Божия матере Пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мария, и сего ради нача зватися «Святая гора» и до сего дни. Братия же и приходящеи православнии християне начаша ходити на Святую гору на поклонение честному кресту и образу Пресвятыя Богородица, понеже недалече бѣ от монастыря, яко пол поприща. Бывают же исцъления многа на мѣсте том с вѣрою приходящим посѣщения ради Божия Матере.

<Глава 8>. О преставлении монастыря на другое мъсто и о посѣщении архиепископа Еуфимия к старцу Арсению

Еще же живущу старцу Арсению з братиею в древнем монастыри, иже бысть во Владычнѣ лахтѣ, тако нарицаемо мѣсто оно. Прозвание же мѣсту тому от сего бысть. Нѣкогда убо приѣха из Новаграда к преподобному старцу Арсению на Коневский островъ блаженоименитый и чюдный во архиерѣох, иже послѣжде просия в чюдесѣх, вторый Евфимий архиепископъ новгородский,[9] помолитись чюдному образу Пресвятъй госпожи Богородицы, иже от Святыя горы Афонския принесена бысть, и видѣти монастырь Коневский, и

благословение подати старцу Арсению и братии, и от них к Богу молитвъ сподобитися. И тогда приста ко острову оной лахте, и оттоле прозвася тако Владычня лахта.

Бѣ убо сей архиепископъ Евфимий велию любовь имѣя къ старцу Арсению, понеже убо сии оба в начале постничества своего во единой обители иже в Лисичье горѣ тако нарицаемѣй пожиста. Евфимию убо тогда обители оноя пастырьский жезл врученъ бысть, и добрѣ о паствѣ печашеся и о спасении многих душъ промышление творяше. Арсении же смиреное послушание любовию провождая и в тѣлесных трудѣх добрѣ трудяся пребываше, и от сего знаем бѣ блаженному Евфимию яко рабъ бѣ Божий и поспѣпшлив к трудом иноческим. Того ради архиепископъ сотвори ему посѣщение и дасть в созидание монастырю его имѣние много, и братию учреди, и милостнею удовлив, старца же духовнаго цѣлования сподобивъ, и дастъ ему ветхий клобукъ свой бѣлый носити. Сам же возвратися в Великий Новград на свой престолъ. Мы же о архиепископе повесть скратим, сия же до здѣ, мы же на предняя возвратимся.

И поживе блаженный Арсений в том монастыри старом 25 лѣт, и церковь тамо постави, и трапезу, и кѣлии многи устроиша, и братьи умножися немало. И потом прииде вода велика[10] и до прага церковнаго и под трапезою бысть вода и под кѣлиями. И оттоле начаша мыслити монастырь преставити ни ино мѣсто выше того. Помышляющим же им гдѣ преставити монастырь, и начат блаженный о сем молити Бога и Пречистую Богородицу, да извѣстит ему о сем. Единою же ему ходящу по острову и разсмотряющу, гдѣ преставити монастырь. И прииде к рыболову именем Филиппу и начат с ним блаженный бесѣдовати о преставлении монастыря. И рече ему рыболовъ: «Где восхощет Богъ и Пречистая изволит, тамо и будет. А есть, господине, мѣсто гладко, на оном мѣсте имярекъ тому». И тако бесѣдовавше разыдостася. Во едину же нощъ молящуся блаженному и всклонився мало почити, и зрит ся ходяща по острову; и пришедша на то мѣсто, идѣже нынѣ благодатию Христовою и Пречистыя Богородица милостию монастырь стоит. И видѣ ся очерчающа мѣсто, гдѣ быти монастырю. И противу себе видѣ идуща рыболова онаго и тако же очерчающа. И егда быста близ себе кождо их и паки разыдостася; ни един же ни единому не явися, оба потаитися хотяща, да не видит его другий. И убудився блаженный от сна и помолився Богу, рече: «Господи, аще годе тако державѣ твоей, буди воля твоя и Пресвятыя Богородица. И аще волиши на сем мѣсте создатися монастырю твоему, да обѣма нама единому явлению сему быти, и о сем истинна извѣстится».

Заутра же, вставъ и взя жезлъ свой, пойде к рыболову оному, и пришед рече: «Миръ ти, друже». Он же благословися у старца. Блаженный же Арсений рече: «Богъ да благословит тя, чадо». Вопроси же его старецъ: «Гдѣ еси был в нощи сей, чадо?» Он же рече: «В стану с товарыщи, честный отче». Блаженный же рече тихим гласомъ: «Что еси, чадо, видѣл нощи сея? И аще не исповѣси ми истинны, то не имам дружбы с тобою». Он же рече ему: «Аще тако вопрошаеши, повѣм ти всю истинну». И тогда рече: «Видѣх ся, честный отче, на оном мѣсте ходяща

тя и очерчающа монастырь. Тако же и себе видѣх, идуща з другия страны и тако же очерчающа. Егда же аз увидѣх тя, честный отче, ни же ты ко мнѣ прииде». И рече ему блаженный Арсении: «И аз, чадо, тако же видѣх, яко же ты ми повѣда, и мѣсто нарекъ, во оном мѣсте не снидохомся». И почюдистася оба таковому видѣнию, яко обѣма тако явися.

И рече блаженный: «Поидем, чадо, на мѣсто, идѣже быхом, и извѣсти ми о сем». Поидоста же оба и приидоста на мѣсто, и видѣстася и не снидостася, и обрѣтеся истинна. Бѣ же и мѣсто равно и угодно на строение монастырю. Блаженный же Арсений похвали о сем Бога и Пречистую Богородицу, и тако разыдостася.

И повѣда братьи мѣсто, на немже хощет монастырь поставити. Братия же яко единеми усты рѣша: «Аможе ти Богъ извѣсти и Пречистая Богородица, и идѣже ты, отче, а мы с тобою». И повѣда им видѣние. Братия же рѣша, яко от Божия промышления сему быти явлению. И начаша братия повѣдати старцу Арсению: «И мы, честный отче, многажды на мѣсте том видѣхом свѣт великъ, а иногда звонъ слышахом, овогда благоухание велие слышася и недомышляхомся, что се будет». Тогда же блаженный Арсений повелѣ облещи ся во священую одежду, и взят икону Пресвятыя Богородица, юже принесе от Святыя горы, идоша на мѣсто и обыдоша его, начертающе монастырь по прежереченному явлению, и пѣвше молебная. Помолив же ся блаженный рече: «О Госпоже, Пресвятая Владычице Богородице, призри на мѣсто сие. И да будет благодать твоя на мѣсте сем и благословение Святыя горы». И тако начат сѣчи берна и очищати мѣсто. И тако Богу помогающу и Пресвятѣй Богородицы, преставиша монастырь на се мѣсто и церкви воздвигнуша во имя Рожества Пресвятыя Богородица, идѣже и нынѣ благодатию Христовою зрим всѣми. И начаша братия умножатися и устроиша монастырь велик со всѣм устроением милостию Божиею и Пресвятыя Богородица.

<Глава 9>. О преставлении преподобнаго Арсения

Жив же блаженный лѣта доволна в добром воздержании и трудѣ. И пришед в старость глубоку, нимало от Божественых пѣнии отлучися, и елико состарѣяшеся возрастом, толико крѣпляшеся усердием и божественых подвигъ мужественѣ и теплѣ касашеся, никако же старостию побѣждаем. Пребысть же в чернечествѣ 65 лѣт,[11] не измѣнив правила чернеческаго николи же, и сперва многим трудом и подвигом, послѣди же постом и молитвами. От многаго стояния нози его яко столпие бѣху, день от дне якоже степенем приближаяь к Богу.

Месяца июня начат блаженный изнемогати. И разумѣ свое к Богу отхождение, естества отдати долгъ, духъ же к желанному Исусу предати, призывает игумена Иоанна с братиею, новоизбранное стадо, и бесѣду простеръ подобающу к ползѣ, поучив непреткновенно в православии пребывати и единомыслие другъ к другу хранити завѣща, имѣти же чистоту душевную и тѣлесную, и любовь нелицемерную, от злых же и скверных помыслъ отлучатися, хранити же устав Святыя горы. Завѣща же и трапезу держати равну братии, пияньственаго же

пития не повелѣ держати; странныя же и приходящая гостити кормити и потребная на путь подавати: «Таковыя бо жертвы приемлет Богъ и благословение подает. И аще тако имате жити, не оставит Господь мѣста сего». И прочее много наказавъ рече: «Аз ко Господу Богу зовущу мя отхожу от вас тѣлом, но духомъ присно с вами пребываю. И аще пребудете в моем наказании, то не будет скудна ничим же обитель сия и по моем отшествии, доколе Богъ благоволит и Пречистая Мати Божия. Нынѣ же предаю вы Всемогущему Богу и Пречистой Богоматери, да будет вам прибѣжище и стѣна от сѣти вражиих и лаяниих».

И в самый убо исходъ душа его, в он же хотяше тѣлеснаго союза разрѣшитися, Владычняго тѣла и крове причастися, ученикъ рукама того немощныя уды подкръпляемы. Воздѣв же на небо руцѣ и молитву сотворив, чистую и святую свою душу с молитвою Господеви предасть в лѣто 6955 июня во 12 день на память преподобных отецъ наших Ануфрия Великаго и Петра Афоньскаго. Излия же ся тогда благоухание велие и неизреченно от тѣлесе святого. Братиям же всѣм собраном плачем и рыданием скрушахуся, и на одрѣ честное и трудолюбное тѣло положише честно, псалмопении надгробными того провождаху, и от ученикъ источницы слез проливахуся, кормчия отщетившесь и учителя отъяти бывше, разлучения не терпяще плакахуся, аще бы им мощно и съумрети с ним. Лице же святого свътляшеся яко снъгъ, а не яко обычай есть мертвым, но яко живу, ли аггелу Божию показающу душевную чистоту, еже от Бога мздовоздание трудом его.

И положиша честное тѣло его в созданней от него обители внѣ церкви Рожества Пресвятыя Богородица в паперти в предѣле преподобнаго отца нашего Ануфрия Великаго, и погребоша честныя и чюдотворныя мощи его. И подают исцъление с вѣрою приходящим и до сего дни к рацѣ мощей его. И тако отъиде блаженный в вѣчную жизнь, славя Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа.

<Глава> 10. Чюдо святого Арсения о рыбаловех монастырьских, како избави из лѣду

Повѣда нѣкто от старецъ именем Моисий тоя же обители Коневъския, муж богобоязнивъ, яко «нъкогда во едину есень, иже тогда игуменъ и братия послаша нас из монастыря в Вощаный островъ тако зовом, зимныя ловити рыбы, якоже и прежде обычай бѣ ѣздити. Бысть же в то время есень мразна зъло. Поселяне же не поѣхали никто налѣжащия ради зимы, токмо нам, монастырьским ловцем. Бывшим же нам тамо и по обычаю ловящим, и уже хотящим сѣти собрати, зимѣ же велицѣ налѣжащи, и начаша ледове ходити. Нам же бывшим в велицей печали о сем, како доѣхати в монастырь, и наутрие яхомся пути. И егда быхом о полу пути, абие бысть сомракъ и буря велия, и леду множество; начати же и суды наша ледом протирати. Мы же и живота отчаяхомся отнюдь, точию смерти ожидахом. И начахом молитися Господу Богу и Пречистей его Матери, заступницы нашей, и святыя его угодники на помощъ призывати. И начахом призывати на помощь началника преподобнаго старца Арсения Коневскаго. Такоже слышахом от древних старцов, яко дана бысть от Бога благодать на езерѣ семъ

преподобному старцу Арсению началнику нашему и многим в бедѣ сущим помогает. И сего ради з горкими слезами молихомся о избавлении бѣды налѣжащия, бури же нимало престающи, но болѣ паче налѣжащи. Богу же хотящу угодника своего преподобнаго Арсения прославити. Леду же суды трущу вельми, а нам грѣсти не могущим, ни избыти из леду; и бѣхом ледом носими, точию ожидахом смерти. Мнѣ же, Михаилу, на кормѣ отчаянием дремлющу и видѣх против себе идуща от монастыря прямо старца велика, сѣда власы, браду имуща велику. И, пришед до нас, начат вопрашати о здравии, глаголя: „Все ли здраво, какъ вас Богъ милует?" Аз же абие убудихся от дремания и не видѣх никого же. И от того часа начат пред нами лед разступатися, яко рѣка доволна на прехождение. Аз же Михаилъ начах сказовати своим товарыщем, како видѣх началника преподобнаго старца Арсения. Бысть же и вѣтръ покосенъ по нас, и тако Богу помагающу и Пречистей его Матери и преподобнаго старца Арсения молитвами доидохом острова Коневскаго».

<Глава> 11. Чюдо святого о слѣпцы

Человѣкъ нѣкий на Вяжищах[12] в Коровие селѣ живяше монастыря того, случися ему болѣзнь тяжка зѣло от очию и ослѣпе. И начат жити ту в бобылех и просити Бога ради милостыня; водим по миру, и тѣм кормяшеся. Живущу же ему тако, во едину нощъ явися ему старецъ святолѣпенъ и рече: «Аще хощеши исцѣлитися, то иди к Пречистой на Коневецъ». Слѣпый же рече ему: «Како могу доити — не вижу нимало, а водити нѣкому, дѣтище мало». И рече ему старецъ: «Иди, Богъ поможет ти». И вопроси его слѣпый: «Откуду еси, отче, яко не знаю тя, не нашея ты обители». И рече ему святолѣпный он старецъ: «Аз иду в Новъград». Вопросих же имени его. И рече ему: «Арсений ми есть имя». Аз же убудихся от сна, и идох на Вяжища въ монастырь и повѣдах видѣние старцемъ. Они же повелѣша ему ити на Коневецъ. Вопросих же их: «Кто знает старца Арсения?» Они же рѣша: «Началника ли Коневъскаго? Мним бо яко сему посѣтившу тя. Но иди, еда како получиши по обѣщанному ти старцем».

Слѣпый же нимало помедливъ поиде, водим дщерию своею сущею седми лѣтъ, и прииде на Коневецъ к Пречистей Богородицы и к преподобному старцу Арсению, и у чюдотворнаго его гроба приложшуся. Бывшу же святому собору, и поющим святую Литургию. И егда начахом пѣти «Достойно есть», и абие слѣпый прозрѣ и начат вопити велиим гласомъ и славити Бога и Пречистую Богородицу, и преподобнаго старца Арсения. И повѣда всѣм нам видѣние, како виде святого, мы же прославихом Бога. Той же отъиде здравъ в дом свой, никим же водим, радуяся и хваля Бога.

<Глава> 12. Чудо святого Арсения о инокѣ Леонтии

Нѣкто инокъ во обители Коневской именем Леонтий, муж богобоязнивъ и добродѣтеленъ, сему случися болѣзнь тяжка зѣло: плоть его разслабися и лице его искривися, и языком не може глаголати. Болящу же тако ему время доволно, ниоткуду же помощи обрѣтшу. И в себе пришед, нача Господа Бога молити и Пречистую его Богоматерь, и

преподобнаго старца Арсения, угодника их, о избавлении налѣжащия ему болѣзни. И приходит к гробу преподобнаго старца Арсения началника и повелѣ пѣти понахиду, такожe и святую Литургию, бѣ бо велию вѣру имѣя к началнику ко преподобному Арсению. И тако молитвъ ради святого исцѣления получи.

Быша же и ина многа чюдеса преподобнаго старца Арсения, но прежде сего не быша писана ни от кого же. Мы же сия списахом памяти ради, еже сотворися пред очима нашима у гроба преподобнаго старца Арсения началника.

---

[1] *Нево* — так называлось Ладожское озеро.

[2] *...монастырь, зовомый Лисья гора...* — Рождества Богородицы Лисицкий монастырь находился в 7 верстах от Новгорода по старой Московской дороге; впервые упоминается в 1389 г., но, видимо, существовал и ранее.

[3] *...игумена Иоанна Святые горы...* — Под 1396 г. среди братии монастыря Русика (Пантелеймонова) на Афоне упоминается «стары духовникъ Иоанникие». В 1366 г. он подписал Акт о передаче Русику келий Корнилия как «иеромонах и блюститель Святой горы», а в 1375 г. — Акт об уступке Алексеем Палеологом Русику своего имения — как «монах и бывший блюститель» ([Азария, монах]. Акты русского на Святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873. С. 406, 115, 187). Впрочем, среди братии Пантелеймонова монастыря в перечне 1396 г. упоминается также «духовник Иоан», а около 1420 г. — «еклесиархъ попъ Иоаннъ». (Там же. С. 406, 408).

[4] *Дасть же ему икону Пресвятыя Богородица, иже и донынѣ во обители блаженнаго всѣми зрима, Святогорская зватися обыче...* — Чудотворная Коневская икона Богородицы, хранящаяся с 1940 г. в Финляндии (ныне — в Ново-Валаамском монастыре), датируется ее исследовательницей А. Яаскинен «самым концом XV в. или, скорее всего, XVI в.» (Jaaskinen A. The Icon of the Virgin of Konevitsa. Helsimki, 1971. P. 22). Э. С. Смирнова, видевшая икону в процессе ее реставрации, предлагает датировать ее началом—серединой XVI в. (пользуемся случаем поблагодарить Э. С. Смирнову за консультацию). Характерная особенность иконографии этого образа заключается в том, что Младенец держит в руке голубка. По мнению финской исследовательницы, эта икона — копия с более ранней (другие списки XVI в. находятся в Третьяковской галерее, в Русском музее и в Троице-Сергиевой Лавре) (Jaaskinen A. The Icon of the Virgin… P. 189—200). Близость всех известных копий между собой указывает на то, что они восходят к одному протографу — итальяно-византийскому прототипу, попавшему на Русь или через Арсения Коневского, принесшего икону с Афона, либо благодаря общему влиянию византийской живописи на

древнерусскую (Jaaskinen A. The Icon of the Virgin... P. 216). В сохранившихся источниках нет никаких указаний на то, что случилось с оригиналом Коневской иконы Богородицы, однако Н. Троицкому была известна запись на Евангелии XVI в. из Тульского краеведческого музея, сообщающая о сильном пожаре в Коневском монастыре в 1527 г. (Троицкий Н. Коневская икона Пресвятой Богородицы «с птичкой» // Светильник. 1913. № 5—6. С. 25—32). Время замены оригинальной иконы копией может служить косвенным датирующим признаком для Жития Арсения, так как его автор не знает о гибели образа и о написании нового, и называет икону «Святогорской».

[5] *Тогда правящу престолъ София неизреченныя премудрости Божия в Великом Новѣграде архиепископу Иоанну, иже бысть по архиепископе Алексии.* — Архиепископ Новгородский Иоанн III управлял епархией с 1388 по 1415 г.

[6] *...тому каменю невѣрнии жертву приносили — на всяко лѣто приводили по коню... чтобы скоту пакости не было, ни самим для бѣсовскаго дѣйства.* — Существуют некоторые косвенные свидетельства почитания лошадей карелами в средневековый период. Известно наименование «кобылицкая корела» в летописной статье 1338/39 г. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 349), но локализация этого топонима (или этнонима?) не ясна: это какая-то пограничная новгородско-шведская территория; по предположению С. И. Кочкуркиной, — или юг Карельского перешейка, или юго-восточная часть Финляндии, территория Саво (Кочкуркина С. И. Корела и Русь. Л., 1986. С. 48—49). В источниках XIV—XVI вв. фиксируются топонимы «на Кобылицах», «Коневы Воды» на территории Карелии (см.: Кочкуркина С. И. Корела и Русь. С. 48).

[7] *...видѣша тогда врановъ стадо...* — Ворон — это популярный образ в средневековых скандинавских верованиях, но в финских культах он не встречается. В Житии, надо думать, вороны являются символом дьявола, темной силы, а не отражением реальных языческих верований карел.

[8] *...при архиепископѣ Симионѣ Новгородском...* — Новгородский архиепископ Симеон управлял епархией с 1415 по 1421 г.

[9] *...блаженоименитый и чюдный во архиерѣох, иже послѣжде просил в чюдесѣх, вторый Евфимий архиепископъ новгородский...* — Архиепископ Новгородский Евфимий II (1429—1458) был канонизирован только на Макарьевском церковном соборе 1549 г., но Житие его с посмертными чудесами было написано Пахомием Сербом по заказу его преемника архиепископа Ионы уже в 1460-х гг. Поездка Евфимия II в северные земли республики засвидетельствована современной описываемым событиям Новгородской четвертой летописью под 7 августа 1446 г.

[10] *...вода велика...* — Крупное наводнение описано в Новгородских летописях под 1421 г.

[11] *Пребысть же в чернечествѣ 65 лѣт...* — Учитывая, что дата кончины преподобного 12 июня 6955 (1447) г., получаем, что Арсений стал иноком Лисицкого монастыря около 1382 г.

[12] *...на Вяжищах...* — Вяжищи — местность в 12 верстах от Новгорода, где находится основанный не позже 1411 г. Вяжищский Николаевский монастырь.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ИЮНЯ В 12 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ, И ЧАСТИЧНО ИЗЛОЖЕНИЕ ЧУДЕС ПРАВЕДНОГО ОТЦА НАШЕГО АРСЕНИЯ, ОСНОВАТЕЛЯ КОНЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ. НАПИСАНО ВАРЛААМОМ, ИГУМЕНОМ ТОЙ ЖЕ КОНЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ

Благослови, отче!

Придите, отцы и братья, придите, стадо именующихся христианами, придите, собор православных, и преклоните слух ваш к словам уст моих, и без лени послушайте то, что говорится, чтобы насладиться нам этим духовным пиром, изобильным не плотской пищей, но составленным из Божественных истин, не тело насыщающим, но ум просвещающим, и более того, душу и тело освещающим словами Божественных истин. Что же скажу, и что изреку, и откуда начну повесть о доблестном житии, и о мужестве терпения, и о подвиге духовном твердого алмаза, стойкого в воздержании и чудного в благоговении, дивного среди иноков и славного житием, и достойного многих похвал, могущего привлекать к себе послушателей и вкладывать им в душу ревностное желание последовать по его стопам в иноческое жительство? Ибо ныне вам предлагается повесть о добром во всем и исполненном благодатью Святого Духа, и просиявшим чудесами преподобном отце и великом старце, основателе Коневского общежительства, доблестном подвижнике Арсении.

Ублажим же этого добродетельного мужа и поведаем всем его житие. И вспомним о рождении его и о том, как он рос, и о жизни его в миру, и об отказе от мирской жизни, и как он дошел до Святой горы и потрудился там, и принял благословение от святогорских старцев и игумена Иоанна Святогорского, получив благословение иконой Пресвятой Богородицы, и оттуда по благословению старцев пришел в Великий Новгород, и испросил благословение от архиепископа Иоанна на создание обители, и как отошел из Великого Новгорода в северные края, и в Корельской земле на великом озере, называемом Нево, на Коневском острове поселился с иконой, полученной на Святой горе, которую и доныне в своей обители сохранили Божией благодатью целой и невредимой, — а еще он и Устав иноческой жизни принес со Святой горы, — и как прожил на острове в скиту три года. И потом благоизволением и милостью человеколюбца Бога, помощью же и заступничеством и молитвами игумена Святой горы Иоанна и тамошних старцев, а также благословением и молитвами архиепископа Иоанна и всего духовенства, да своими постами и подвижничеством,

также и трудами учеников его и братии, сошедшейся в то время, чтобы жить с ним, воздвиг он чудный и честной храм во имя честного и славного Рождества Пресвятой и Всенепорочной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и создал большой общежительный монастырь, и собрал множество иноков, и передал им правила по уставу древних святых отцов, которые он видел на Афоне, также и сам с ними усердно подвижничал, и Богу премного угодил.

Его же добродетельное житие мы написать попытались, не подчиняясь собственному желанию, но повинуясь повелению иноков его обители, а более того — влекомые верой и любовью к тому святому отцу, и от того воодушевляемы. Если мы и не способны на это, но призывая на помощь человеколюбца и даров подателя Иисуса Христа Бога нашего, и прося слов, которые бы отверзли уста, и надеясь на помощь молитв преподобного отца, взялись за такое дело. Ибо этот святой отец угодил Богу своим добродетельным житием, и был украшен небесными добротами и совершен в добродетелях. Соберемся же, о возлюбленные, созерцать его душевную красоту. Скорее направим очи разума нашего, да не просмотрим что-либо из его доброты. Его же чудесное житие Бог возлюбил и принял, и ангелы ему удивились и похвалили его, и имя его написано на небесах. Потрудимся же душой и светло отпразднуем его почитаемую память: начальствующие — как возлюбленного Богом начальника, ученики — как премудрого учителя, чада — как отца, любящего детей, хор составив и воздавая ему подобающую честь.

И откуда же воссиял такой этот муж, не от Иерусалима ли или от Синая? Нет же, не от Иерусалима и не от Синая; родили и взрастили его славная Российская земля и Великий Новгород, и в благочестии укоренили, и в смирении посеяли, и в воздержании укрепили, и в чистоте воспитали, и в благоговении житие его сотворили, и милостыне прилежать научили, и в любви усовершенствовали, и во святости поддерживали, и страх Божий в сердце его вложили, и душу его к любви Божественной распалили, и в иноческую жизнь его привели, и от мирской суеты его упасли, и к постническому лику причли, и сохранением заповедей к Господу приобщили.

Времени рождения его и мирского имени, и имени родителей, которые его во плоти родили и просветили святым крещением, найти мы не смогли, так как прошло много лет. Но, впрочем, отцом ему был Создатель всех, которому он все вверил, а монастырем — небесный Сион, который он пытался постичь, родственниками же — собрание святых, житию и пути которых следовал блаженный преподобный отец Арсений, о котором теперь и предстоит нам рассказать и поведать воспоминания.

Глава 1. Начало жития блаженного

Этот преподобный и блаженный отец наш Арсений родился в славном Великом Новгороде от благоверных и христолюбивых родителей. Получил же он хорошее воспитание и образование, рос в благочестии и чистоте. Жил он, почитая Господа, и каждый день трудился во славу Бога, а игры и забавные разговоры, свойственные детям, ненавидел и

гнушался ими. Не ел он и вкусной пищи, а более того воздержание любил и одобрял, всем же преходящим сего мира пренебрегал и с юных лет пожелал служить только одному Богу. Потому и к святым церквам часто приходил, и внимательно слушал Божественные слова, и наслаждался, когда их читали.

Затем отдан он был родителями своими учиться ремеслу. И в то время, как мастер заставлял его приобщаться к работе, мальчик усердно исполнял то, что ему говорили, и быстро научился этому делу, и стал кузнецом по меди. Посвятил он себя многим трудам и подвигу, делом своим прилежно занимаясь и проводя дни таким образом, нищим милостыню от трудов своих с усердием подавал, ибо был очень милостив, и любил всегда усердно молиться Богу, и в Божественном весь пребывал. И потому он, Божественной любовью разгоревшись, решил отречься от мира и послужить Богу в безмолвии, что и сделал с помощью благодати Божией. И оставил он родителей своих и имения, и имущество, и отверг все житейское, и пошел в один из монастырей, называемый Лисья гора, и принял на себя святой ангельский образ. Вместе с волосами и все мудрствование житейское отрезал, и суровейшей жизни отдался, и во всяком послушании в службах монастырских всегда работал, не давая себе покоя. Уста же его никогда не бывали праздны от Исусовой молитвы, но непрестанно молился он Богу. И все положенное инокам с великим усердием он творил, во всяком добром деле усердно трудясь, и желал больших подвигов и совершенной добродетели, помышляя, как бы ему обрести благого наставника и как лучше ему спастись. Господь же не отвергнет жаждущих душевной пользы, но исполнит их желание на благо.

Было же у него желание идти во Святую гору; и размышлял он о том, как дойти до Святой горы, а в то время пришли монахи от Святой горы в Великий Новгород. Услышав это, блаженный Арсений обрадовался и захотел увидеть их и получить благословение. Когда же блаженный пришел к ним, то поклонился им до земли. Они же, увидев его смирение, подивились, и благословили его, и приветствовали его во Христе, как это принято у иноков. Затем, сотворив молитву, они сели, и начал блаженный Арсений кротко расспрашивать их, как живут святые отцы во Святой горе. Они же рассказали ему все по порядку о Святой горе и о живущих там святых отцах. Он же еще больше разгорелся любовью, и сказал им о желании своем, и молил их позволить ему быть их попутчиком. Они же с радостью обещали взять его с собой. И блаженный очень обрадовался тому, что получит желаемое. И вот приходит он к игумену, чтобы тот благословил его идти во Святую гору. Игумен долго не желал его отпускать из-за его доброго жития и смирения, и послушания; посчитал он, что не стоит его отпускать. Арсений же вновь долго молил о том игумена. И игумен, не в силах отказать его мольбе, склонился к просьбе блаженного и отпустил его с благословением. Он же, получив благословение от игумена, пошел на Святую гору вместе со святогорскими монахами, благодаря Богу, помогающему своим угодникам.

И приходит он во Святую гору, и там его любезно принимают святогорский игумен Иоанн и вся братия. И было повелено ему

служить. Он же положенную службу творит со всем удовольствием и смирением. Преподобный игумен Иоанн, испытав его доподлинно и поняв, что проходит он подвиг добродетелей в страхе Божием и с великим усердием, наставлял его истинному пути спасения. Он же всю волю свою отверг и во всем игумена слушался беспрекословно.

И повелено ему было пройти через службы монастырские и трудиться на кухне и в пекарне, и в прочих службах вместе с братьями. И блаженный Арсений со всем усердием исполнял повеленное, послушный во всяком благом деле и смиренный. Невозможно ведь никому без смирения жить благостно, сначала не смирив себя. Так и он всего себя боголюбию посвятил и считал себя последним из всех и наихудшим. Устами же не переставая молиться, бодрствованием и жаждою сердце свое усмиряя, полностью предался он Божественной любви, благодаря чему получил дар умиления, проливая источники слез из своих очей, ограничивая себя в пище, оберегаясь от всего неполезного, и был всем очень добрым примером. За это его все любили и почитали.

Вскоре становится известно о ремесле блаженного Арсения, и повелел ему игумен Иоанн с братией ковать сосуды и все необходимое монастырю. Он же порученное неленостно исполнял, не давая себе покоя. Днем он ковал то, что ему наказывали, а ночью предстоял перед Богом с молитвой, сна же почти не имел, для телесного обуздания, а был он крепок телом. Игумен же и братия, видя, что он искусен в этом деле и трудится, словно бесплотный или словно купленный раб, удивились терпению его и еще более возлюбили его. И трудился он так многое время. Мало было ему таких поручений от одного монастыря, но и из других монастырей приносили ему сосуды. Он же с усердием работал, не беря платы и работая Бога ради. Многие приходили по этому делу, и задумал он идти в другие монастыри, в которых требуется его ремесло, чтобы братии не было беспокойства от приходящих к нему.

И приходит он к игумену Иоанну, и молит его, поведав ему мысль свою, да повелит ему идти в другие монастыри для этого занятия и поработать Бога ради. Игумен же, видя старательность и усердие его, и что не ради вознаграждения хочет поработать, но Бога ради и от Него вознаграждение получить, благословил его. Блаженный же Арсений, получив благословение, обходит святогорские монастыри, также работая, как и раньше мы говорили. И от всех он получает благословение и молитвы, как соизволил Бог, чтобы не даром он благословение святых отцов унаследовал, но многими трудами и подвигом. И прожил он так три года, трудясь на братию.

И было у него желание, если Бог поможет ему, создать монастырь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честному и славному ее Рождеству и получить благословение своему монастырю от Святой горы. И приходит блаженный Арсений к игумену Святой горы Иоанну и говорит ему о желании своем, прося от него благословения и молитвы, и желания этого не отступается. Игумен же, глядя на него прозорливыми очами, ибо был он человек благочестивый и исполненный пророческого дара, уразумел будущее. И благословил

он блаженного Арсения, и предсказал ему: «Твоми руками Бог воздвигнет обитель в северной стране, и многие люди смогут спастись там, страна же та освобождена будет на многие годы». И другому многому поучив блаженного, благословил его. И дал он ему икону Пресвятой Богородицы, которую и доныне в обители блаженного все видят, называемую Святогорская, а также и Устав Святой горы. Затем он помолился о нем, говоря: «Господи наш Боже, призри на раба своего Арсения! Да будет благодать Твоя на нем и благословение, а где он поселится, да будет там благословение Святой горы». И, так сказав, отпустил его с миром.

Арсений же, вновь обходя монастыри и отдельно живущих, рассказывает им о своем желании, если Бог поможет, создать монастырь в своей стране, и от них благословение получает. Получив же от всех благословение, отошел он в землю свою и так был храним Божественной благодатью.

И пришел он в Великий Новгород с благословением Святой горы. Тогда правил престолом Софии, неизреченной премудрости Божией, в Великом Новгороде архиепископ Иоанн, который был после архиепископа Алексия. Блаженный же приходит к нему и рассказывает о благословении Святой горы, также и сам молит его и просит благословения с Божией помощью создать в его архиепископии монастырь во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честному и славному ее Рождеству. Архиепископ же благословил его и дал ему все необходимое. Блаженный же Арсений, получив благословение и взяв все необходимое, помолился Господу Богу и Пресвятой Богородице, чтобы его желание исполнилось. И вот садится он в лодку, и приплывает по реке Волхову на озеро великое Нево, и с помощью Бога и соизволением Пресвятой Богородицы приходит на остров, называемый Коневец.

Глава 2. О выборе места старцем Арсением и о соизволении Пресвятой Богородицы быть монастырю на этом острове, называемом Коневец. В году 1393

Когда блаженный Арсений приехал на этот остров и выбирал место, где бы ему поселиться, обошел он остров быстро, словно олень. И не присмотрел еще места, ибо сказали ему люди: «Многие еще есть острова впереди на этом озере и глухие места». И устремился он вперед, и пристал у реки Городецкой в поисках места для поселения, но и тут снова не приглянулось ему. Подумывал блаженный, как бы ему и дальние острова увидеть, но, желая покинуть пристань, удержан был ветром на долгое время, и никак не мог плыть дальше. И размышлял блаженный, что теперь будет, и начал о том молиться Богу и Пречистой его Матери, да пошлют они свою милость и тишину, и где же повелит Пречистая, там и быть монастырю в ее имя. Помолившись же со слезами, подумал он, что куда Бог принесет и Пречистая Богородица, там он и поселится по Божьей воле и желанию Пресвятой Богородицы. И тотчас настала великая тишина.

И выехал блаженный на озеро, и устремился вперед. Встретил его очень сильный ветер, и не мог он ни грести против него, ни пристать где-либо, ибо поднялся сильный ветер, по изволению Господа Бога и Пресвятой Богородицы, за один час принесло лодку блаженного Арсения вновь к острову Коневскому. Когда же подъезжали они к острову, то услышали очень сильный звон. Раздумывали они, откуда раздается этот звон — ведь ни церкви нет на том острове, ни жителей. И сказал блаженный своим ученикам: «Дети мои, знамение это нам предназначено, ибо соизволили Бог и Пречистая Богородица быть монастырю на острове этом, и чтобы не помышляли мы никуда отсюда идти, вот, словно на крыльях, за один час Пречистая принесла нас сюда». И, выйдя на берег, вознес он хвалу Богу и Пречистой Богородице. Взойдя на гору, поставил он крест, а потом поставил келью и прожил в ней один год. И перешел в другое место, называемое позже Владычная лахта. Этот рассказ до сюда.

Глава 3. О названии острова, почему называется Коневец, и об изгнании бесов из острова

Когда пришел блаженный старец Арсений на этот остров и начал на нем жить, встретил он там рыбака по имени Филипп. И спросил его, почему называется остров этот Коневский. Сказал же ему рыбак: «Есть, отче, на этом острове большой камень, известный как Конь, и тому камню язычники жертву приносили — каждый год приводили по коню, и потому называется этот остров Коневский. А еще на нем много корма, поэтому обитатели этих мест привозили на этот остров много скотины на лето от хищников и воров, не выпасая ее. Дают же жертву камню, чтобы скоту и им самим вреда не было, по бесовскому обряду».

И сказал ему блаженный Арсений: «Друг, покажи мне тот камень». Рыбак пошел и показал ему камень. Блаженный же вернулся в свое пристанище и пробыл всю ночь без сна, молясь, чтобы Бог и Пречистая очистили то место от бесовского обряда. И, встав наутро, повелел облачить себя в священнические одежды. И, взяв икону Пречистой Богородицы, принесенную от Святой горы, которой благословил его святогорский игумен Иоанн, вот эту икону взяв и святую воду, и фимиам, и пошли они к камню, и пели молебен Пресвятой Богородице, а сам он со слезами молился об очищении того места. И обойдя вокруг, покропил он святою водой и прогнал нечистых духов. Рассказали же рыбаки, что видели тогда стаю воронья, летящую к северу, рыдающую, словно ревущие волы. И с тех пор благодаря благодати Божией и молитвам преподобного старца Арсения наставника очистилось то место и до наших дней.

Глава 4. О христолюбце Михее и о прозорливом старце

Приехал однажды в монастырь христолюбец по имени Михей Кобылкин из Великого Новгорода к блаженному Арсению и, накормив братию и милостынею оделив, вновь возвратился в Новгород с благословением, и получил великую пользу. В ту пору еще жил старец в старом монастыре и имел немного братии. Был же тогда у него простой обычай: когда к нему приходили клирошане и старцы пользы ради, он поучал их от

Божественного Писания и предлагал им пищу во имя Божией любви, а сам изнурял себя молитвами, постом и трудами. Упомянутый же христолюбец Михей в Новгороде начал прославлять старца Арсения и доброе житие его в Боге.

Был же тогда в монастыре на Коневце монах духовный и прозорливый. В одну из ночей во время молитвы услышал он двух демонов, разговаривающих между собой, и один другого спросил: «Откуда пришел?» Тот же отвечал: «Был я этой ночью в Новгороде и слышал многих, хвалящих жизнь в этой обители и старца Арсения наставника. А что ты думаешь о них?» Сказал же ему другой: «Была и есть их монастырская жизнь и правило монастырское без порока. Но одним только меня утешает старец Арсений: держит у себя в келье пищу для приходящих к нему и кормит их во имя (Божией) любви. Если бы не это, то не было бы нам от них житья». Прозорливый же старец, услышав это от бесов, поведал все старцу Арсению. Блаженный же повелел келарю разделять трапезу братии поровну, а в келье у себя ничего не держать. И так пользу получил от прозорливого старца.

Глава 5. О некоем человеке кареле

Был некий человек простолюдин из Олонецкой деревни, карел, и жил благочестиво около Коневского монастыря, каждый день приходил он молиться в церковь и раздавал милостыню по мере своих сил с радостной душой. Имел он любовь большую к инокам и нищим, приглашал их в свой дом и угощал трапезой скудной, и был очень скромен. И случилось ему однажды быть на пиру у своих близких, и когда приступили к обеду, тот человек с ними ел и пил с воздержанием. После того он пошел один к себе домой, а другие люди продолжали веселиться на пиру. Был он еще на полпути, и явился ему неведомый человек, сказав ему: «Мир тебе, друг». Он же испугался. И сказал ему пришедший: «Не бойся, друг». И тотчас покинул его страх. И тот начал говорить ему: «Я послан к тебе Господом Богом Вседержителем, чтобы за твои добрые дела предупредить тебя о конце твоей жизни. Иди отсюда в свой дом и распорядись о своем имении и о своих домочадцах. Потом иди в монастырь и прими иноческий образ, и позаботься о покаянии. Через 40 дней я приду за твоей душой». И сказав так, стал невидимым.

Человек же тот пришел в свой дом, и не медля нимало, распорядившись имуществом своим и испросив прощения у своих домашних, пошел в монастырь на Коневец в дом Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Рождества, и обратился со слезами к игумену, умоляя его, чтобы тот постриг его в иноческий образ, и рассказал ему обо всем, что говорил являвшийся ему. Игумен же тому очень удивился, и облек его в святой иноческий образ, и причислил его к своей святой дружине. Он же пробыл в монастыре, трудясь в покаянии, молитве и посте, ожидая времени, о котором говорил являвшийся ему. И через 40 дней, согласно предсказанию явившегося ему ангела Божия, преставился к Богу, которого он возлюбил, и погребли его с другими иноками.

Глава 6. О житии преподобного старца Арсения и о явлении Пресвятой Богородицы его ученику старцу Иоакиму, и о изобилии необходимого

Однажды этот блаженный Арсений поехал в Святую гору, при архиепископе Симеоне Новгородском, и там задержался. Братия же, которая осталась на Коневце без него, была в великой нужде из-за недостатка самого необходимого, и совсем они изнемогли, и от голода хотели разойтись из монастыря. Один же из старцев по имени Иоаким, муж добродетельный и просиявший всяческими добрыми делами, однажды взошел на некую гору около монастыря, молясь со многими слезами Богу и Пресвятой Богородице, чтобы не запустело то место. И был он погружен в чуткий сон, и явилась ему Святая Богородица, говоря: «Не скорби, старец, и братии скажи, чтобы не расходились от этого места. Старец ваш Арсений скоро к вам вернется со множеством необходимого».

Он же, пробудившись от видения, пошел в монастырь и поведал братии о посещении Богоматери. Братия же, радуясь душевно, обещали с благодарностью еще терпеть на этом месте, возложив надежду на Господа Бога и Пречистую Богородицу. Поутру же, как и предсказывала Богородица, вернулся старец Арсений на двух больших лодках и привез множество всего необходимого. Даже и до сих пор изобильно это место милостью Божией и молитвами Пресвятой Богородицы, и усердием преподобного отца нашего Арсения наставника и подвижничавших с ним трудолюбивых духовных старцев.

Глава 7. О названии Святая гора

В ту пору братия собрались на совет, и поставили они на той горе крест и образ Пресвятой Богородицы на том месте, где явилась Святая Богородица старцу Иоакиму и сказала: «Не скорби, старец, но пойди и братии скажи, чтобы не расходились от этого места. Старец ваш Арсений скоро вернется со множеством необходимого». Вот из-за этого иноки так сделали в память этого преславного чуда и посещения Божией матери Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и из-за этого называется «Святая гора» и до наших дней. Братия же и приходящие православные христиане начали ходить на Святую гору на поклонение честному кресту и образу Пресвятой Богородицы, ибо было это недалеко от монастыря, примерно в половине версты. На том месте случаются многочисленные исцеления приходящим с верою благодаря посещению Божией Матери.

Глава 8. О перенесении монастыря на другое место и о посещении старца Арсения архиепископом Евфимием

В те времена жил еще старец Арсений с братией в старом монастыре, который находился во Владычной лахте, как называлось то место. Название же это произошло от следующего. Приехал некогда из Новгорода к преподобному старцу Арсению на Коневский остров блаженный и чудный среди архиереев, просиявший позже в чудесах, новгородский архиепископ Евфимий Второй, чтобы помолиться чудному образу Пресвятой госпожи Богородицы, принесенному от

Афонской Святой горы, и увидеть монастырь Коневский, и дать благословение старцу Арсению и его братии, и от них сподобиться молитв к Богу. И тогда пристал он к острову в той лахте, и оттого она стала называться так — Владычная лахта.

Этот архиепископ Евфимий великую любовь имел к старцу Арсению, потому что они в начале постничества своего жили оба в одной и той же обители, называемой «на Лисичьей горе». Евфимию же тогда был вручен пастырский жезл той обители, и он хорошо о пастве своей заботился, и имел попечение о спасении многих душ. Арсений же с любовью нес свое смиренное послушание и в телесных трудах усердно время проводил, и поэтому известен был блаженному Евфимию как добрый раб Божий и ревностный в трудах иноческих. Именно поэтому архиепископ посетил его и дал его монастырю на созидание многие средства, и братию угостил, и милостынею одарил, старца же духовного сподобил чести и дал ему носить свой старый белый клобук. Сам же он возвратился в Великий Новгород на свой престол. Мы же об архиепископе рассказ сократим, только до сих пор, и на предшествующее возвратимся.

Прожил же блаженный Арсений в том старом монастыре 25 лет, и поставил там церковь с трапезной, и много келий было устроено, и братии собралось там немало. А потом случилось наводнение, и вода дошла до порога церковного, и под трапезной была вода, и под кельями. И с тех пор начали они думать о том, чтобы перенести монастырь на другое место, более высокое. Так они размышляли, куда же перенести монастырь, и начал блаженный молиться Богу и Пречистой Богородице, да известят его о том. И однажды ходил он по острову и искал, куда бы перенести монастырь. И пришел он к рыбаку по имени Филипп, и начал блаженный с ним беседовать о перенесении монастыря. И сказал ему рыбак: «Где захочет Бог, и где Пречистая соизволит, — там и будет, но есть, господин мой, ровное место, и имя тому месту такое-то». Побеседовав так, они разошлись. В одну из ночей, когда блаженный молился, прилег он немного отдохнуть, и видит он сам себя, ходящего по острову; и вот пришел он на то место, где ныне благодатью Христа и по милости Пречистой Богородицы стоит монастырь. И видит себя, очерчивающего место, где быть монастырю. И видит он идущего себе навстречу того рыбака, также очерчивающего. И когда приблизились друг к другу, то вновь разошлись, не окликнули один другого, но оба хотели остаться незамеченными. Пробудился блаженный от сна и помолился Богу со словами: «Господи, если угодно так быть твоей власти, то да будет воля твоя и Пресвятой Богородицы. И если изволишь на месте этом быть создану монастырю твоему, то обоим нам одинаковое явилось, и о том истина откроется».

Встав наутро, взял он свой жезл и пошел к тому рыбаку, и придя, сказал: «Мир тебе, друг». Он же благословился у старца. А блаженный Арсений сказал: «Да благословит тебя Бог, чадо». И спросил его старец: «Где ты был этой ночью, чадо?» Он же отвечал: «На стоянке с товарищами, честный отец». Блаженный тогда спросил его тихим голосом: «Что ты, чадо, видел этой ночью? Если не откроешь мне истину, то не буду иметь дружбы с тобой». Он же отвечал ему: «Если

так спрашиваешь, то поведаю тебе всю истину». И сказал тогда: «Видел тебя, честный отец, на том самом месте идущего и очерчивающего монастырь. Также и себя видел, идущего с другой стороны, и также очерчивающего. Когда же я увидел тебя, честной отец, то мы друг к другу не подошли». И сказал ему блаженный Арсений: «И я, чадо, то же видел, о чем ты мне рассказал», и назвал место, в котором они не сошлись друг с другом. И подивились они такому видению, что им обоим такое явилось.

И сказал блаженный: «Пойдем, чадо, туда, где мы были, покажи мне то место». И пошли оба, и пришли на то место, и показали друг другу, где виделись и где не сошлись, и открылась истина. Было же то место ровным и пригодным для постройки монастыря. Блаженный Арсений похвалил за это Бога и Пречистую Богородицу, и так они разошлись.

Рассказал он братии о том месте, на котором хочет поставить монастырь. Братия же, словно едиными устами, сказали: «Где тебе Бог известил и Пречистая Богородица, и где ты, отец, решил, там и мы согласны». Тогда поведал он им бывшее видение. Братия же сказали, что от Божественного промысла было это явление. И стали братия рассказывать старцу Арсению: «И мы, честный отец, много раз на том месте видели яркий свет, а иногда звон слышали, порой же благоухание сильное доносилось, и не могли мы понять, что же будет». Тогда блаженный Арсений повелел облачить его в священническую одежду, и взял икону Пресвятой Богородицы, которую принес со Святой горы, и пошли на то место, и обошли его, начертав монастырь, как было ему явлено, с пением молитв. И, помолившись, блаженный сказал: «О, Госпоже, Пресвятая Владычица Богородица, позаботься об этом месте. И да будет благодать Твоя на месте этом и благословение Святой горы». И так начал рубить бревна и расчищать это место. Так, благодаря помощи Бога и Пресвятой Богородицы, перенесли монастырь на это место и церковь воздвигли во имя Рождества Пресвятой Богородицы, где и ныне он благодатью Христа всем видим. И стало число братии умножаться, и создали они большой монастырь со всем устройством по милости Бога и Пресвятой Богородицы.

Глава 9. О кончине преподобного Арсения

И жил блаженный много лет в строгом воздержании и трудах. Когда же наступила глубокая старость, он ничуть не отлучился от Божественной службы, но насколько старился возрастом, настолько укреплялся усердием, и приступал к Божественным подвигам мужественно и сердечно, не давая старости себя побеждать. Пробыл же он в иночестве 65 лет, ни разу не изменив монашеским правилам, сначала спасаясь многими трудами и подвигами, в конце же — постом и молитвами. От постоянного стояния ноги его словно столпы сделались, день ото дня как по ступеням приближались они к Богу.

В июне месяце начал блаженный изнемогать. И понял он, что отходит к Богу, (что пора) отдать долг естеству, а дух предать желанному Исусу, и призывает он игумена Иоанна с братией, новоизбранное стадо, и подобающим образом побеседовав с ними на пользу душевную, завещал

им неизменно в православии пребывать и единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную, и любовь нелицемерную, от злых же и скверных помыслов отлучаться и хранить устав Святой горы. Завещал также и трапезу иметь равную для братии, хмельного же питья не повелел иметь; странствующих же и приходящих в гости велел кормить и необходимое в дорогу им давать: «Такие жертвы принимает Бог и благословение подает. И если так будете жить, то не оставит Господь этого места». И еще много поучив их, сказал: «Я к Господу Богу, зовущему меня, отхожу от вас телом, но духом всегда с вами буду. И если выполните мое завещание, то не оскудеет ничем эта обитель и после моего ухода, пока Бог благоволит вам и Пречистая Матерь Божия. Теперь же передаю вас Всемогущему Богу и Пречистой Богородице, да будут они вам прибежищем и стеной от вражьих сетей и козней».

И в самый час исхода души его, когда хотела она освободиться от телесного союза, причастился он Владычного тела и крови, ученики же руками поддерживали его немощное тело. Воздел он к небу руки и молитву сотворил, и с молитвою предал Господу свою чистую и святую душу в 1447 году, 12 июня, на память преподобных отцов наших Ануфрия Великого и Петра Афонского. И разлилось тогда великое и несказанное благоухание от тела святого. Братия же все, собравшись, с плачем и рыданием печалились, и на ложе досточтимое и подвижническое тело положили с почетом, и пением псалмов надгробных его провожали, и ученики его потоки слез проливали, кормчего лишившись и учителя потеряв, плакали, не вынося разлучения, желая с ним вместе умереть. Лицо же святого светилось как снег, не так, как обычно у мертвых, но словно у живого или у ангела Божия, показывая его душевную чистоту, в награду от Бога за труды его.

И положили досточтимое тело его в созданной им обители вне церкви Рождества Пресвятой Богородицы в паперти, в приделе преподобного отца нашего Ануфрия Великого, и погребли досточтимые и чудотворные мощи его. И подают они исцеление приходящим с верой к раке с мощами его и до наших дней. Так отошел блаженный в вечную жизнь, прославляя Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа.

Глава 10. Чудо святого Арсения о монастырских рыбаках, как избавил их из льда

Один из старцев той же Коневской обители по имени Моисей, человек благочестивый, рассказал вот что: «Однажды осенью игумен и братия послали нас из монастыря на так называемый Вощаный остров, на зимний лов рыбы, как и до того обыкновенно ездили. Была же в тот раз осень очень холодной. Местные же жители не поехали из-за надвигающейся зимы, но только мы отправились, монастырские рыбаки. Когда же мы были там и, как обычно, ловили рыбу, и уже хотели собирать сети, суровая зима наступила, и начали льды двигаться. Мы же из-за этого сильно опечалились и раздумывали, как же вернуться в монастырь, а наутро устремились в путь. Когда мы проехали половину пути, внезапно наступили сумерки и началась

сильная буря, и принесла множество льда, и наши лодки стало затирать льдом. Мы же совсем отчаялись спастись и только ожидали смерти. И начали мы молиться Господу Богу и Пречистой его Матери, заступнице нашей, и призывать на помощь святых его угодников. И начали призывать на помощь наставника преподобного старца Арсения Коневского. Так мы слышали от прежних старцев, что дана была от Бога благодать преподобному старцу Арсению, наставнику нашему, спасать на этом озере и что многим попавшим в беду он помогает. Вот потому с горькими слезами молились мы об избавлении от надвигающейся беды, но буря ничуть не прекращалась, а все усиливалась. Бог же хотел прославить угодника своего преподобного Арсения. Лед с силою затирал лодки, а мы не могли ни грести, ни вырваться из льда, и носило нас во льдах, а мы ожидали только смерти. Я же, Михаил, сидя на корме, в отчаянии задремал и увидел напротив себя идущего прямо от монастыря высокого старца с седыми волосами и с большой бородой. И, подойдя к нам, стал он спрашивать о нашем положении, говоря: „Все ли благополучно, как вас Бог милует?” Я же тотчас пробудился от дремы и никого тут не увидел. С того момента начал перед нами лед расступаться в ширину, словно река, так что можно было проплыть. Я же, Михаил, стал рассказывать своим товарищам, как видел наставника преподобного старца Арсения. Ветер также был попутный, и так с помощью Бога и Пречистой его Матери и молитвами преподобного старца Арсения дошли мы до острова Коневского».

Глава 11. Чудо святого о слепце

Жил некий человек в селе Коровие Вяжищского монастыря, и случилось ему тяжко заболеть глазами, и ослеп он. Начал он тогда жить бобылем и просить милостыню Христа ради; водили его по миру, и тем он кормился. Так он и жил. Однажды ночью явился ему почтенный старец и сказал: «Если хочешь исцелиться, то иди к Пречистой на Коневец». Слепой же ответил ему: «Как мне дойти — не вижу ничего, а вести некому, ребенок мой мал еще». И сказал ему старец: «Иди, Бог поможет тебе». Слепой вопросил его: «Откуда ты, отче, что я тебя не знаю, не из нашего ты монастыря». И сказал ему тот почтенный старец: «Я иду в Новгород». Тогда он спросил его об имени. И сказал старец: «Имя мое Арсений». Я же пробудился от сна и пошел в Вяжищи, в монастырь, и поведал о видении старцам. Они же повелели ему идти на Коневец. Спросил он их: «Кто знает старца Арсения?» Они сказали: «Не основатель ли Коневский? Думаем, что это он посетил тебя. Иди, может быть, получишь обещанное тебе старцем».

Слепой же, ничуть не промедлив, пошел, ведомый своей семилетней дочкой, и пришел на Коневец к Пречистой Богородице и к преподобному старцу Арсению, и к чудотворному его гробу приложился. Было же тогда святое богослужение, и пелась святая Литургия. И когда начали мы петь «Достойно есть», тотчас слепой прозрел и начал кричать громко и славить Бога и Пречистую Богородицу, и преподобного старца Арсения. И рассказал он всем нам о своем видении, как видел святого, мы же восславили Бога. Он же,

выздоровев, пошел к себе домой, и никто его не вел, а он радовался и хвалил Бога.

Глава 12. Чудо святого Арсения о иноке Леонтии

Был в Коневской обители некий инок по имени Леонтий, человек богобоязненный и добродетельный, и случилось ему очень тяжело заболеть: разбил его паралич, и лицо перекосило, и языком говорить он не мог. Болел он так долгое время, и ничто не могло ему помочь. Очнувшись, начал он молить Господа Бога и Пречистую его Богородицу, и преподобного старца Арсения, угодника их, об избавлении от тяготившей его болезни. Пришел он ко гробу преподобного старца Арсения наставника и повелел петь панихиду, а также святую Литургию, ибо имел он крепкую веру в наставника преподобного Арсения. И так он благодаря молитвам святого получил исцеление.

Бывали и другие многие чудеса преподобного старца Арсения, но раньше не были они никем записаны. Мы же это написали для поминовения того, что случилось на наших глазах у гроба преподобного старца Арсения наставника.

ЖИТИЕ ФЕРАПОНТА БЕЛОЗЕРСКОГО

Подготовка текста и комментарии Е. Э. Шевченко, перевод Г. М. Прохорова и Е. Э. Шевченко

ВСТУПЛЕНИЕ

Жития Ферапонта и Мартиниана Белозерских — памятники древнерусской литературы середины XVI в., написанные, по всей видимости, иноком Ферапонтова монастыря. Эти произведения связаны композиционно, поскольку имеют общую похвалу святым. Кроме того, Житие Мартиниана продолжает Житие Ферапонта тематически. В стилистическом отношении оба жития опираются на сочинения известного писателя XV в., приехавшего на Русь с Афона Пахомия Серба, часто и прямо заимствуя соответствующие пассажи из его творений, особенно из Жития Кирилла Белозерского.

О преподобном Ферапонте известно немногое, главным образом то, что сообщается в его Житии. Сохранилось несколько адресованных ему грамот, до нас также дошли сведения Вкладной книги XVIII в. Лужецкого Богородице-Рождественского Можайского монастыря, несколько строк посвятившей роду Поскочиных-Клементьевых, из которого происходил Ферапонт.

О Мартиниане сохранилось больше сведений. Грамоты, дополняющие наши представления о его жизни, хранятся в различных собраниях

древних манускриптов в Москве и Санкт-Петербурге. Мы располагаем также книгами, целиком или частично переписанными Мартинианом. По содержанию этих сборников можно судить об интересах писца, который следовал традициям своего учителя, Кирилла Белозерского, включая в свои книги статьи естественно-научной тематики. Так же как и Кирилл, Мартиниан известен как организатор библиотеки основанного им Вожеозерского Чарондского Спасского монастыря (в 100 км от Кириллова). По его повелению создавались книги и в Ферапонтове монастыре, настоятельство в котором он принял вскоре после Ферапонта. Отметим, что монастырь, судя по грамотам XV—XVI вв., долгое время именовался Мартимьяновым. Переход Мартиниана на игуменство в Троице-Сергиев монастырь из Ферапонтова способствовал развитию духовных связей этих обителей.

Мартиниан общался с такими книжниками XV—XVII вв., как Пахомий Серб (именно с его слов знаменитый агиограф составил Житие Кирилла Белозерского, как он пишет в предисловии), архиепископ Ростовский Иоасаф Оболенский, известный редактор древнерусских произведений и составитель оригинальных сборников кирилло-белозерский монах Ефросин.

Мартиниан играл заметную роль в политической жизни своего времени. Согласно Житию, он вдохновлял великого князя московского Василия II Васильевича Темного на борьбу с его двоюродным братом Димитрием Шемякой за великокняжеский престол.

Умер Мартиниан в Ферапонтовой монастыре в 1483 г., над его ракой на южной внешней стене собора Рождества Богородицы замечательные художники рубежа XV—XVI вв. Дионисий с сыновьями, расписавшие собор внутри, поместили фреску с изображениями Ферапонта и Мартиниана.

Житие Мартиниана существует в двух редакциях; причем вторая была написана вскоре после первой, в ней добавлены чудеса, происходившие у гроба святого. Житие Ферапонта тоже до нас дошло в двух редакциях, вторая была напечатана в Прологе, изданном на Московском печатном дворе в 1662 г.

Впервые (исключая проложное Житие Ферапонта) эти жития издавались в 1991 г. небольшим тиражом (Ферапонтовский сборник. М., 1991. С. 359—400).

Тексты житий (Житие Ферапонта в первой редакции, а Житие Мартиниана — во второй редакции) публикуются здесь по их старейшему известному списку — *РНБ,* Софийское собр., № 467, 60-е гг. XVI в., л. 14—120.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА МАИЯ ВЪ 27. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ФЕРАПОНТА, ИЖЕ НА БѢЛѢЕЗЕРѢ ОБИТЕЛЬ

СЪСТАВЛЬШАГО ПРЕЧИСТЫА БОГОРОДИЦА, ЧЕСТНАГО ЕА РОЖДЕСТВА

Понеже убо краснаа мира сего, и тлѣнна сущи и преходима, вѣдятъ любящихъ та привлачити ко иже желающим сиа малыа ради сладости чювства колѣбати и умъ къ страстемъ парити, творяще яко презирати не точию обѣщанныхъ благъ, но и того самого Творца истиннѣй жизни — увы! — отвращатися и сиа убо настоащая преди избирати, нежели она будущаа благаа, лютую и бесконечную смерть волею приемлюще.

Такоже и въжделѣтелемъ вѣчныхъ благъ и еже о сихъ упование имѣющемъ безмѣрно суще желание, и еще от здѣ бываеть, тамошняго сущаго блаженства въспоминающе, трудомъ въздааниа и еже тамо красныхъ натрижнениа. Иже бо сущимъ здѣ очищеномъ не точию обычай есть временнаа и суетнаа презирати и възлюбленую, глаголю, яко подобно, и душю свою погубити Христа ради,[1] якоже въ святыхъ Еуангелиихъ речено есть, и паче всѣхъ сладкыхъ и красныхъ оного ради любити смерть. Аще и не обрѣтают сиа въскорѣ, зане гонителемъ не сущимъ сдѣати, то они инако желаемой приити помышляют, долгую и нужную приемлюще смерть, иже тысящами болѣзней исплъненую на всяко время, и сихъ трьпяще пощениемъ, бдѣниемъ и многоразличными подвигы, съ ненавидящими бѣсы борющеся и естьство присно понуждающе бесплотным противитися, въ плоти суще. О сицевых убо добрыхъ и божественых мужей нѣокоемъ повѣдати хощу.

Не самъ сия изволихъ или начати дръзнухъ. Но аще кто и любомудренъ умъ имѣлъ бы и къ словесемъ силнѣйшим, ни тъ дръзостнѣ к такову дѣлу съвлекъ бы ся. Колми убо мы, имѣюще умъ страстенъ и нечистъ и пустъ мыслей премудрыхъ, слово же грубо всяческы и ненаказано и, якоже бы рещи, всяческы варварско, боязнию съдръжимся к начинанию сего дѣла. Но обаче, святаго сего призравше к Богу на молитву, и еже к Богу и человѣкомъ благонравнымъ любезно начну повѣдати яже о святѣмъ от начала — рожение и въспитание и прочее пребывание.

Съ преподобный отець нашь Ферапонтъ родися[2] от благочестиву и благородну и христиану родителю, дѣтей болярскыхъ, Поскочиных зовомыхъ,[3] от града отечьства Московскыа земля и Волоколамскаго.[4]

Прииде нѣкогда въ страхъ Божий и помышляше в себѣ, како бы ему избѣжати от суетнаго мира сего и попечений житейскыхъ. Вѣдяше бо блаженный, колицехъ наполняется золъ, скорбей и болѣзней человѣчьскаа душа, прилѣпляася суетѣ мира сего, и колицѣхъ благъ лишается, многажды бо отпадаа и от Създателя своего, Бога, прогнѣвающи его на всякъ день многыми неправдами, и повинна вѣчнѣй муцѣ бывает. Обычей убо бяше бывает многым человѣкомъ въ благочестии живущим, многу печаль и о сихъ имѣти и часто поучатися, и в размышлении бывати своего жителства, разсматряа, како пребывает душа его, якоже и съ сътвори блаженный Феодоръ. Сие бо бяше имя его наречено от родителю его въ святомъ крещении, и от родитель своих симъ именемъ зовяшеся и много любимъ от нихъ бываше, и в научении

благых дѣлъ възрастомъ преспѣваше. Любим же бывает и от сродникъ своихъ, и от съсѣд ближнихъ, якоже и многажды обычай бывает мирскыхъ съжителствиих.

Он же паче о семъ велику печаль имяаше, моля всегда Всемилостиваго Бога и на помощь призываа Пречистую Богородицю, дабы ему како избѣжати от мирскыа суеты вѣка сего и сподобитися святаго иноческаго образа. На то бѣаше ему хотѣние и желание велико. Но понеже печалное не много пребывает в печали своей, паче же по Бозѣ, якоже и Писание глаголеть Святое: «Печаль мужу покаание нераскаано наводитъ и обращение еже к Богу»,[5] — якоже и на семъ сбыстьса въскорѣ.

Усмотрѣвъ убо себе блаженный время благополучно и утаився своихъ си, прииде въ приградие царьствующаго града Московьскыа дръжавы в домъ Пречистыа Богородица, в Симановъ монастырь,[6] и молитъ архимандрита и братию, дабы его сподобилъ святаго иноческаго образа. Богъ же не презрѣ моление раба Своего и Пречистаа Богородица, положи в сердце архимандриту о немь, и приатъ бысть архимандритомъ и братиею, и повелѣ ѝ острищи и въ иноческаа одѣати. И нарекошя имя ему Ферапонтъ, и предасть его в научение старцу келейнаго жителства и чина монастырскаго, дабы позналъ искусъ служебнаго дѣланиа, бдѣниа, глаголю, божественаго и постничества.

Он же, Божиею благодатию, пребываше у старца в послушании велицѣ и тружаася добрѣ въ молитвахъ и колънопреклонениихъ, моляшеся Богу выну день и нощь, и постяшеся по уставному времени, и вся чювства своа добрѣ храняше, наипаче же душевную чистоту и телесную, елико сила можаашe. Помыслы же своа и хотѣниа всегда старцу исповѣдоваше, и отцу своему духовному каашеся, и добрѣ себе съблюдаа от стрѣлъ вражиихъ, моляся Богу часто, и Пречистую Богородицю всегда на помощь себѣ призываше, и молитвами отечьскыми ограждашеся, и отнюд въ всемъ воля своеа не творяше, якоже и обычай бывает многымъ послушникомъ Бога ради. Тщалив же бѣ и на церковное пѣние и въ всякую монастырскую службу искусенъ, добрѣ послушаа отца и всю братию и всѣх моля теплѣ, припадаа, молити о нем Бога и Пречистую Богородицю.

Отець же его, видя, и братиа, в таковѣ добрѣ устроении, благодаряху Бога, и моляхуся о спасении душа его, искушающе его въ всяку службу монастырскыхъ потребъ. Блаженный же Ферапонтъ, вся сиа от них с радостию приемля бяше, и съ смирениемъ многым и молчаниемъ усердно повиновашеся, и служаше отцемъ без всякого прекословиа. Вѣдяше бо блаженный, яко ничемже тако исправляется иноку душа, якоже смиреномудрием и трьпѣниемъ в послушании живущимъ. Аще бѣ святый и не хытръ грамотѣ, но душевную доброту и умъ здравъ стяжа, якоже и отець нашь Великый Антоние[7] рече: «Не требует книгъ душа человеча, аще имать умъ здравъ».

Блаженный же Ферапонтъ многа лѣта послужи отцемъ в таковѣ устроении, якоже и прежде речеся. Начат же архимандритъ его и братиа и внѣ монастыря посылати, потребъ ради монастырскых. Он же

вся отцемъ заповѣданаа усердно и съ прилежаниемъ творяше. Посылаху же его по градомъ и в далняа страны купованиа ради потребъ монастырскых. Послаша же его иногда и на Белоезеро[8] потребы ради нужныа. Он же, и тамо шед, Божиею благодатию исправи отчее повелѣние. Мѣста же та далеча бяху и разстоаниа многа имущи от тамошниа страны, Московскыя земля. Пустынно бо бѣаше мѣсто и лѣсы многыа имущи и блата непроходнаа, пришли же и воды многы, езера и рѣкы. Преподобный же, хотя мѣста та извѣстно увѣдѣти, обхождааше страну ону, доволно разсматряа, и възлюби ю зѣло. Желаше бо душа она святаа и инаа нѣкаа от добродѣтелей начати, еже есть всѣм връхъ добродѣтелем безъмлъвие.

Что же чюдный Богъ, проразумникъ всяческыхъ? Вѣдяще бо испръва, что хощет сътворити, акы пръстомъ показуа бяше душямъ онѣмъ блаженнымъ, наводя на полезнаа, чѣмъ хощеть землю ону просвѣтити, якоже и збысться напослѣди. И о сих тако бывает.

Ферапонтъ же отиде въ своа страны, Богомъ хранимъ, и прииде въ свой ему монастырь къ отцу и братиамъ, и повелѣнаа добрѣ исправи.

И в та же времяна прилучися преподобный Кирилъ, нынѣ зовомъ Бѣлоезерскый Чюдотворецъ, пребываа в старомъ монастырѣ Рожества Пречистыа[9] и тамо безмлъствуа бяше. Помышляше же и съ еже нѣгдѣ далече от мира уединитися и тамо безмлъствовати, и много с таковымъ помысломъ боряшеся, выну моляся Богу и Пречистѣй Его Матери, глаголя: «Пречистаа Мати Христа моего! Ты вѣси, яко всю мою надежду по Бозѣ на тебе възложихъ от юности моеа. Ты убо, якоже сама вѣси, настави мя на путь, в немже възмогу спастися». И тако ему многажды молящуся. Бяше же обычай святаго по многом своемъ правилѣ и славословлениих въ глубокый вечеръ, егда хотяше нѣчто мало сна вкусити, а абие Акафисто Пречистой послѣди поаше. Тако бо всегда творяше.

О видѣнии Пречистыа

Случи же ся ему въ едину от нощей молящуся, вечеру глубоку сущу, и Акафисто Пречистой по обычаю святому поющу пред образомъ еа, и, егда доиде мѣста, писаннаго въ икосѣ «Странно рожество видѣвше, устранимся мира и ум на небо предложимъ», и абие слышить гласъ, глаголющь: «Кириле! Изыди отсюду и иди на Бѣлоезеро, тамо бо уготовахъ ти мѣсто, в немже възможеши спастися». И абие съ гласомъ онѣмъ и свѣтъ велий явися тогда. Отворив же оконце келии, видитъ свѣтъ велий, сиающ к полуденнымъ странамъ Бѣлаезера. И гласом онѣм, якоже пръстомъ, показоваше мѣсто то, идѣже нынѣ монастырь стоитъ. Тѣм же святый от гласа оного и видѣниа радости многы исплънися, разумѣ бо от самого того истоваго видѣниа, яко «не презрѣ Пречистаа Богомати прошениа моего». И всю нощь бдяше, дивяся бывшему съ гласом видѣниа. И не бяше ему нощь яко нощь, но яко день пресвѣтлый.

И понеже убо симь тако бывающим, по малѣ времени прииде Ферапонтъ въеже посѣтити святаго. И молитвѣ бывши и благословению — понеже

блаженный Ферапонтъ едино пострижение имый съ святым и равносверстенъ бяше и лѣты съ преподобным, — начат же его Кирилъ въпрашати, глаголя: «Есть ли мѣста тамо, възлюблене, на Бѣлеезере, идѣже бы мощно иноку безмлъствовати?» Ферапонтъ же: «Ей, зѣло, — рече, — суть многа мѣста, отче, къ уединению». Блаженный же видѣниа ему и еще не повѣда, но тако просто въпрашаше его.

Таже по времени, съгласившеся, оба изыдошя от монастыря и тако, Богу поспѣшествующу имъ, пути касаются. И многы дни шествие творяши, придошя на Бѣлоезеро. И тако обхождааху многа мѣста, но нигдѣже святый не възлюби мѣста, но искаше указанаго ему мѣста и суднаго, на нь же Пречистою преже, еще сый въ древней обители, званъ бяше. По обхождении же им многыхъ мѣстъ, послѣди приидошя на мѣсто, идѣже нынѣ монастырь стоитъ, и абие позна святый прежде указаное ему мѣсто, и възлюби е зѣло, и сътвори молитву, и рече: «Се покой мой въ вѣкъ вѣка, зде вселюся, яко Пречистаа изволи его. Благословенъ Господь Богъ отнынѣ и до вѣка, иже услыша моление наю». И тако крестъ въдрузивше на мѣстѣ и благодарный канонъ отпѣвше в похвалу Пречистыа Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мариа.

Тогда убо блаженный Кирилъ вся явлена сътворяет спутнику своему преподобному Ферапонту, како Пречистаа явися ему еще сы в древнѣй обители и «в сия мѣста приити показа ми», и гласъ, бывшей к нему, еже изыти от древняа обители, еже и не погрѣшихъ, рече «помощию наставляеми Пречистыа Богородица».

Ферапонтъ же, яко услыша, и обрадовася зѣло о милости Божией, и оба прославишя Бога и Пречистую его Богоматерь. И тако первѣе сѣнь поткошя, начашя копати и келийцу в земли, и тако, сему бывающу, и время нѣкое препроводивше вкупѣ.

О отшествии святаго Ферапонта

Блаженный же Ферапонтъ немного время пожитъ съ преподобнымъ Кириломъ. Божиею же волею хотящаа на ползу извѣсти, прииде ему помышление свое жителство начати и въ отлученое мѣсто отити. Он же та възвѣщает преподобному Кирилу, понеже и обычай имъ бяше между събою съвѣтъ творити о духовных, и многу любовь имѣяху о Христѣ блаженнии, другъ другу вся повѣдающе и вся о полезныхъ и душевных на Бога възлагающе и на Пречистую его Богоматерь. То им всегда поучение бяше и утверждение о добрыхъ желанием. И рече: «Находит и стужает ми всегда отити на ино мѣсто, отче, и безмлъствовати особь». Преподобный же Кирилъ к нему отвѣща: «Аще воля Божиа, брате, будеть, может и на дѣло произыти». — «Есть мѣсцо, отче, недалече отсюду, яко поприщь[10] 15 или мало множае, хощу тамо, аще Господь Богъ изволитъ, жителствовати. И молю Бога ради честную ти святыню, да не оскорбишися на мя о разлучении семъ».

Преподобный же к нему отвѣща: «Воля Божиа, брате, о всемъ да будет». Молит же его блаженный Ферапонтъ, да его с любовию отпустит, и

молит его молити Бога о нем и Пречистую Богородицю и о всякых вещехъ богоугодныхъ съвѣтъ между собою имѣти о Христѣ.

И тако молитву веземъ, святый отиде от преподобнаго Кирила, и другъ от друга разлучистася. Блаженный же Кирилъ оста на мѣстѣ томъ, Ферапонтъ же отиде прочее оттуду и обрѣте мѣсто близъ езера, Паское зовомо, другое же езеро повыше того, Бородавское,[11] промежь ихъ, якоже стрѣлы врьжение или мало множае, велми красно мѣсто то и угодно на жителство паче инѣчъ мѣстъ. И възлюби ё блаженный зѣло. Помолився Богу и Пречистой Богородици, начать жителство сътворяти.[12] Прежде кѣлийцу малу постави.

Аще и мѣсто бѣ пустынно и лѣсно, но ему бяше паче всѣх селений на земли радовашеся душею, благодаряше Бога и Пречистую его Матерь, яко обрѣте мѣсто покойно. И помалу начатъ очищати мѣсто то, таже и оградою бяше вкругъ ограждь.

По малѣ же времени прииде къ преподобному Кирилу и сказает ему вселение свое. Преподобный же похвали мѣсто и благослови его безмлъствовати ту, якоже и тъ опасно знаетъ мѣсто оно. Он же, от блаженнаго съвѣтъ веземъ и благословение, начатъ усердно прилежание жителства творити. Прьвие особно въздержащися, посем же святому лѣсъ посѣкшу и мѣсто отребившу, и въедино събираа бяше хврастие оно. Мысляаше бо блаженный и зелие нѣкое насѣяти, заеже скудну быти мѣсту тому и отнюд пустынну. Тѣмъ себѣ святый нужную кормлю управляа бяше на телесную потребу. И на многы дни труды къ трудомъ прилагаа блаженный, лѣсъ разсѣкаа по ближним мѣстомъ и землю разчищаа.

Орудиа бо бяху им на то угодна от прьвыхъ святыхъ отець наказовахуся жителствовати, прьвие — к Богу молитва непрестанна съ слезами, смирение, трьпѣние, постъ, въздрьжание повседневное. В нощи сънъ бдѣниемъ изганяху, въ дни же уныние и помыслы вражиа, труды и подвигы на успѣхъ жительства своего. Сим тыа предлагаху и без вѣсти сия творяху и ина, подобная тѣмъ. И симъ тако бывающимъ.

Егда же прииде Божие изволение, тогда святый начатъ и ины кѣлиа поставляти, понеже и братиа уже начашя събиратися. Тѣмже понудишя его и церковь въздвигнути. Он же намнозѣ от нихъ стужаемъ не рачи быти, веземъ съвѣтъ и благословение от святителя, постави церковь въ имя Пречистыа Владычица нашеа Богородица и Приснодевы Мариа, честнаго еа Рожества.[13] И украси ю книгами и честными иконами, елика сила можааше.

Пострада же блаженный исперва и от вражиихъ нападаний и от разбойникъ нашествия. Многажды убо приходяще бяху къ святому и устрашающи, бесчинно грозящи и смертию претящи, иногда имѣниа просящи и съ яростию глаголящи: «Изыди отсюду, дондеже тя смерти не прадамы, не можеши бо здѣ с нами жити!» Блаженный же сия от нихъ ни въ что же вмѣняше, но Бога на сихъ призываа бяше и Пречистую Богородицю. Безаконию же дѣлатели бездѣлни от святаго отхождааху, помощию Божиею и Пречистыа Богородица

заступлениемъ, срама и студа исполнени бяху, видяще бо его никоегоже богатства имущи. Близъ бо нѣгдѣ святаго жилище имяху, и надорожно бо бѣаше мѣсто то между езеры и лѣсы непроходными.

Но и звѣрие бяху мнози живуще окрестъ вселениа святаго, тѣмъ и страхованиа многа бывают въ дне и в нощи. Он же сия вся наносимаа бяше от тѣхъ крѣпце трьпяше и Бога часто моляше, и Пречистую Богородицю на помощь призывающи, всегда въспоминаа бяше себѣ апостольское слово, глаголющее: «Блаженъ мужь, иже претрьпить напасти въ время свое Бога ради; приимет вѣнець нетлѣнный».[14] Богъ же, видя трьпѣние раба своего и прилежание еже за имя Его, отвсюду защищаше его и покрываше от всѣхъ тѣхъ коварствъ вражиихъ, и утѣшаше й, и всякымъ изъобилиемъ мѣсто святаго управляа бяше. Даждь и донынѣ не оставляет бо всегда Господь Богъ рабъ своихъ, служащих ему день и нощь и «на всякомъ мѣстѣ владычьствиа его».[15]

Таже по сих начашя приходити къ святому мнозии отвсюду: овии ползы ради, инии же хотяху съжителствовати с нимъ. Он же по мнозѣмъ умилении тѣхъ приимаше и почиташе я акы отца и братию. Они же, видѣвше доброе произволение мужа того, паче же по Бозѣ тръпѣние же и смирение многое и къ всѣмъ любовь нелицемѣрную, зѣло любляаху его, и почитаху акы отца и наставника душямъ ихъ къ спасению, и въ всѣмъ повиновахуся ему. Блаженный же Ферапонтъ, смирение любя, отрицашеся отнюд болшимъ себе видѣти и недостойна себе к тѣхъ наказанию нарицаше.

Прииде же к нему нѣкогда и от священническаго чина братъ. Он же с радостию приатъ его и достойнѣ упокоивъ, велми почиташе ѝ, акы отца. И повелѣ ему блаженный начастѣ съвръшати службу Христовыхъ Божественых Таинъ. Божиею же благодатию и Пречистыа Богоматере молениемъ и заступлениемъ множашеся стадо то, Богомъ избранное, Христовыхъ словесныхъ овец. Блаженный же радовашеся о нихъ, благодаряше Бога и Пречистую его Богоматерь, въ всѣмъ помогающую ему.

Прииде же к нему нѣкогда христианинъ от ближниа веси, моля его пострищися тѣмъ и жити с ним. Блаженный же, умоленъ бывъ братиею, повелѣ ѝ священнику острищи и въ иноческаа одѣати. И нарекоша имя ему Григорие, и доволне наказавъ его святый иноческымъ подвигом, он же, от отца вся добрѣ приемля, искусен же бяше и на рыбнаа ловлениа и послушливъ зѣло, всегда съ благословением исходя и многы рыбы принося ловлениемъ удою и сѣтьми.

Повсегда же святый исходя от келиа своеа, вземъ сѣчиво и котыгу, тружащеся по вся дни зѣло, многажды же и в нощи без сна пребываа бяше. Видящи же его братиа добрѣ прилежаща къ трудомъ, такоже с нимъ труждаахуся, усердно подвизающеся день и нощь. Церковное же пѣние съ уставомъ укрѣпляюще и благочиннѣ и благоустройнѣ всегда прихождааху къ церкви Божии. Такожде и на пѣнии стоаху съ вниманиемъ мнозѣмъ и млъчаниемъ, не бесѣдующе другъ з другомъ о неполезныхъ, но всегда страх Божий пред очима имуще бяху и поучающеся день и нощь в заповѣдехъ Господинихъ. Святый же съ

прилежаниемъ наказоваше ихъ по вся дни и келейному жительству, и монастырскому служению, каково пребывание имѣюще бяху святии они отци, предниии иноцы, священнаа сиа и Богомъ дарованнаа дѣланиа, спасающеся Бога ради, живуще бяху в пустынях и въ общихъ житиахъ, тружающеся по вся дни въ церкви Божии на пѣнии и по келиам молитвеное пѣние пред Богомъ съ страхомъ мнозѣмъ и смиреномудриемъ. Они же вся сиа от него *с* радостию приемлюще бяху, усердно исправляху. Видящи же его братиа словомъ наказующа и въ всѣмъ образъ дѣломъ творяща, тщахуся и ти единонравни ему быти. И бысть ихъ уже до 10, и до 15, и болши. И начашя обще ясти въ единой храминѣ по уставу монастырскому.

Ходяше же святый на посѣщение и ползы ради къ преподобному Кирилу, и о всѣмъ с ним съвѣтъ творяще — о келейном жителствѣ и о церковномъ пѣнии, велику же пользу и уставъ жительства бяше от него приемля, якоже от солнца луча сиающи, просвѣщаа бяше стадо свое многымъ поучениемъ. Новосаждена бо бяху, якоже нѣкаа «древеса при исходищихъ водъ»,[16] требует многа отребления.

Понеже убо и мѣсту распространяющуся велми, и братству множащуся, и славѣ мнозѣй от нихъ происходящи, от селъ и градовъ мнозии приходяще бяху человѣци и велможи Бога ради, милостыня многы посылающе въ имя Пречистыа Богородица на церковное устроение: свѣщи, и въскъ, и фимианъ, — и братии въ упокоение. Блаженный же Ферапонтъ вся сиа яко от Бога приемля, и братию утѣшаа, глаголаше: «Братие и отци! Не азъ възградих мѣсто сие святое, но Пречистаа Богородица. Та насъ может и на полезнаа направити, и заступати от всѣхъ золъ».

Такоже посем помощию Божиею и игумена въ своей обители поставишя и прочаа вся по чину монастырскому сътворяют. Сам же блаженный Ферапонтъ всѣми печаашеся, и въ службахъ утѣшааше братию, и укрѣпляше въ трьпѣнии пребывати, и съ смирением многымъ и млъчаниемъ Богу служити, но и слово его бѣаше сладко велми, божественою «солию растворено», сиречь благодатию. Вси же братиа, приходяще бяху к нему, велику ползу и утѣшение от него приемлюще, с радостию отхождааху в келиа своа, якоже нѣкыми крилы въспаряхуся на предниа подвигы. Многы же и от далних странъ и монастырей святыхъ приходяще бяху — пѣвцы церковныа и служебникы всякого чина. Он же всѣхъ с радостию приимаа бяше и богоугодне правляше. Кѣлиа же окрестъ церкви поставляющи двоекровны и трикровны. И великой покой бяше братии, и управление з Богомъ от святого бывает, нужда убо бяше и попечениемъ уже касатися.

Начат же и в келиахъ братиамъ заповѣдь святых отець предлагати, якоже днесь и донынѣ ведется онѣх блаженныхъ отець Богомъ дарованое тѣхъ святое начало, уставъ и наказание иноческаго жителства. Но понеже и сам сиа не невѣси извѣстнѣйше, единъ чинъ и начало имѣют братиа Кирилова монастыря и Ферапонтова. Заповѣдь же сихъ преподобных сицева (и не вѣмъ, господие, аще изволите ми рещи): по келиамъ братиамъ питиа не дръжати, такожде и ядениа, — кромѣ трапезнаго покоа и уставнаго времене, кромѣ немощи и развѣ нужда

ради, — токмо едины иконы божественыа, а книжицъ мало божественаго ради пѣниа, и орудиа рукодѣлникомъ. Не та глаголю рукодѣлиа, что мшелоимства ради или ненасытящихся събраний богоненавистных, — да не будет! — но нужныхъ ради потребъ монастырскыхъ. Но и та вся дѣлающи заповѣдают к себѣ приносити и в казну сиа полагающе на братскую нужу и въ служениа монастырскаа.

Понеже и велику бяше теплоту и радѣние имѣють человѣци въ всякомъ новѣ дѣле начинающем, но и паче еже по Бозѣ, тако и сии з Богомъ начинающе пѣние въ церкви Божии, безмлъвие по келиамъ съ всякымъ утвержениемъ, всякого рукодѣлиа чинъ въображающе: инии книгы пишют, друзии книгамъ учятся, инии сѣти плетуть на рыбнаа ловлениа, друзии келиа дѣлают, дрова в магерницю и въ хлѣбню, и въ трапезу, инии воду носяще, хлѣби, и варениа приготовляющи. И отнюд вся братиа, аще и многаа служениа, вся та събою бяше в монастыри томъ исправляющи, кромѣ и мирскыа чяди, не бо тогда видѣти мирскыхъ приближающася. Велику же и чистоту, телесную и душевную, имѣаху, день и нощь в безмлъвии съ смирениемъ Бога ради тружающеся, другъ другу повинующе, с любовию раствореною съзидающе выну небесныя обители, духомъ горяще, Богу работающе, постомъ и молитвами, съ многымъ въздръжаниемъ, нищету духовную гонящи, небесным богатством богатѣющи.

И симъ тако бывающимъ добрѣ, проиде же слухъ и в далняа страны самодръжцемъ, великымъ княземъ, и до самого того князя Андреа Димитриевича,[17] иже бѣ и вътчина его та Белоезерскаа страна, и еже ти бяху монастыри поставляющеся въ благочестиа дръжаву въ имя Всесилнаго Царя Славы, иже бѣ на небесѣх, Господа нашего Исуса Христа, и Пречистыа Его Богоматере, и благовѣрных и благочестивыхъ слугъ его, глаголю, великыхъ князей Русскыа земля — та страна и отечьствие в того славу и величествие живущаго на небесѣхъ в род и родъ, и в бесконечныя вѣкы вѣкомъ. Аминь.

И по сихъ, услышавъ тъ, предреченный князь Андрѣй велми обрадовася зѣло, яко таковы Богъ всели преподобны мужя в того отечьствии, благодаряше Бога и Пречистую Его Богоматерь и съ многою радостию посылааше к нимъ милостыня и подмогу на церковнаа устроениа и в монастырскаа потребы. Дааше землю своего отечьствиа невъзбранно и воды многы, езера и рѣкы в питание обителемъ тѣмъ.[18] Посылает же и писание князь Андрѣй с молением, молити Бога повелѣвает и Пречистую Богородицю о здравии его и о спасении. Блаженный же Ферапонтъ Бога молити о немъ не необѣщевается, а о многомъ его даании небрежааше, в нищетѣ бо живяше и о духовных паче печашеся. И сицеваа такова бывают. Что же по сих сътворися?

Волею Божиею и милостию и Пречистыа Богородица молениемъ и заступлениемъ вся въ благу надежду приходятъ, и братии множащимся, уже вся по общему чину и уставу монастырскому, аще и не велика суть, но въ образъ приходят вся по чину и Божиею милостию съвръшаются. Слышах притчю праведника нѣкоего, глаголюща: «О всем да буди на насъ воля Божиа! Буди имя Господне благословено въ вѣкы.[19] Се нищии възвашя, и Господь услыша их[20] и от всѣхъ скорбей спасетъ я.

[21] Близъ бо Господь Богъ съкрушенных сердцемъ, и смиренныа духомъ спасеть».[22] И о сих до здѣ.

О Сведении святаго з Белаезера

Прииде нѣкогда властелинъ нѣкый[23] в Белоезерскыа страны намѣстникомъ от князя Андрѣа Димитриевича, и прилучися ему быти въ обители Пречистыа Богородица у преподобнаго Ферапонта, и бесѣдова съ блаженнымъ о душевныхъ вещех и о телесных потребах, иже в мирѣ бывают и случаются многымъ человѣкомъ. Он же ему отвѣтъстройнѣ показа, якоже есть лѣпо инокомъ к мирскымъ человѣкомъ бесѣдовати. Тъ же велможа, слышавъ бяше от преподобнаго, и удивися о разумѣ его, и възлюби его зѣло, и много насладився от бѣседы его, бѣ бо и слово его сладко велми и умилено, и обычай кротокъ, по многу смирениа имѣа, якоже и от образа его много ползоватися человѣку. Велможа же тъ, якоже речеся, братию кормивъ и милостыню монастырю доволну давъ, отиде въ своа.

И по времени нѣкоемъ, и яко прииде господеви своему, князю Андрѣю Димитриевичю, сказает бяше про отечьство его, Бѣлоезерскыа страны (град бо и еще бѣаше Белоезеро не у бяше поставленъ тогда,[24] но тако бяше просто мѣсто то и безчеловѣчьно, гдѣ нынѣ град поставленъ бысть). Сказает же и преподобных монастыря, и бесѣду святаго старца Ферапонта, и тѣх жителство блаженное по Бозѣ, и устроение монастырское. Князь же Андрей, слышавъ сиа от болярина своего, удивися, и ублажися душею своею, и велми обрадовася зѣло, глаголя: «Слава тебѣ, Господи Христе, Царю человѣколюбче, яко таковы преподобны жителя подарова отечьству нашему». Бѣ бо господинъ тъ благочестив бяше зѣло и боголюбивъ и велми почитает мнишескый чинъ, паче же аггельскый, якоже инъ никтоже. Что же по сих изволи быти?

Прииде ему хотѣние велико и желание непреклонно, еже близъ себе обитель съставити въ имя Пречистыа Богородица, еже и бысть. И смотрит, гдѣ бы обрѣлъ мужа съвръшена разумом на устроение такову дѣлу, и не обрѣте близъ себе ктакову начинанию, аще и многолюден сы. Положи съвѣтъ з боляры своими, гдѣ бы обрѣсти мужя такова, и никакоже възмогошя. Всѣхъ обшедъ и обыска, но никтоже смѣ касатися къ такову сушу велию начинанию. Прииде на сего блаженнаго Ферапонта, иже обитель състави на Белѣезерѣ въ отчинѣ его, и положи в разумѣ своемъ, и нѣсть паче оного нареченнаго къ начинанию такову дѣлу, укрѣпивъ болярь своих, да не явлено будет оному.

Прьвие посылаеть къ преподобному дары и милостыню доволну в монастырь къ Пречистѣй Богородици. Посемъ, мало время съкративъ, посылает етера мужа от служащих ему с посланиемъ, моля его, дабы не ослушался Бога ради и молениа его и вѣры, еже къ Пречистѣй Богородици «и къ твоей святыни, отче, не отставилъ, но побывай у нас Бога ради и благослови насъ. Есть ми, — рече, — до тобя дѣло велико духовное наединѣ изрещи».

Блаженный же, сиа слышавъ, недоумѣся о вещи, или что отвѣщати посланнику тому недовѣдѣ, токмо едино отвѣща: «Воля, — рече, — Господня да будет». И съзывает к себѣ всю братию на съборъ, и възвѣщает послание князя Андрѣа Димитриевича. Братиа же глаголаху къ святому: «Не подобает тебѣ, отче, такова господина и мужа честна оскорбити, наипаче Бога ради призывающаго тя. Но мы з Богомъ еще и надежду к нему о всем имѣем, но понеже дръжителе суть земстии». Блаженный же съвѣта братня послуша и отвѣща к ним: «Воля, — рече, — Господня да будет о всемъ». Призывает к себѣ посланника того и пред всею братиею глаголя: «Мнѣ, господине, отити отсюду невъзможно есть, якоже мнит ми ся: боюся Бога и Пречистыа Богородица. Но и чернець есмь немощенъ и грубъ, якоже мя и самъ видиши. Да кое дѣло имат господинъ нашь, великый князь Андрѣй Димитриевичь, до мене, нищаго и худаго? Должни мы, нищии, о нихъ Бога молити, а не еже по миру влачитися безчинно на позоръ и осуждение мирскымъ человъкомъ». Посланникъ же отвѣща къ преподобному: «Мнѣ, отче-господине, не повелѣно есть никакоже възвратитися безъ святыня твоеа». И, падъ на землю, крѣпко моляше святаго и братию всю, да не ослушается господеви его.

Братиа же, пакы къ святому тая же глаголаху. Блаженный же Ферапонтъ о всем велми слезенъ бысть и глагола к ним: «Воля, — рече, — Божиа и Пречистыа Богородица и ваша любовь да будеть на мнѣ грешнемъ», — и не хотя повинутися воли ихъ.

Мало же съкратив день и другый, отпѣвъ молебнаа Спасу и Пречистой и о устроении наказавъ богоподобно — Бога ради дозирати церковь Божию Пречистыа Богородица, и о създании тщатися, и богоугодно творити в началствии его, — помолився Богу и Пречистѣй Богородици, пути касашася, и другаго брата вземъ с събою.

Много же разстоаниа имѣаху мѣста та, далечнаго ради шествиа. Богу помагающу, доидошя града, идѣже бѣ князь Андрѣй живетъ.[25] Он же, увидѣвъ пришествие святаго, срѣте его с великою честию, якоже подобает, и велми радостен бысть о пришествии его. «Богъ исплънит, — рече, — и Пречистаа Богородица любовь твою, отче честный, еже к намъ сътворилъ еси. Толикаго пути не обленися шествиа! Богъ изъчтеть стопы твоа и въздасть ти мзду противу трудовъ твоихъ. И много длъженъ есмь святыни твоей». Почтив же святаго и трапезным учреждениемъ, дав же ему и храмы въ обитание, еже гдѣ упокоитися.

Пребывшу же ему ту дний немало, и пакы посемъ въпрашает его князь Андрѣй о Бѣлоезерскыхъ странахъ и устроении обителей Пречистыа Богородица. Он же вся сказает ему по чину. Князь же Андрѣй, видѣвъ говѣние старца и еже по Бозѣ смирение многое, възрадовася зѣло, глаголя: «Якоже слышахъ, такоже и видѣша очи мои». И пакы глагола къ святому: «Вѣси ли, отче, на что възвах тя?» Блаженный отвѣща: «Богъ, господине, единъ вѣсть человѣчьскаа сердця и помышлениа. И кто есмь азъ, худый и препростый грѣшникъ? Како могу сиа увѣдѣти?» Князь же Андрѣй глагола: «Мое желание, отче честный, едино. И сие повѣмъ ти. Молю же твою святыню, яко даси ми едино прошение от твоеа святости». Блаженный отвѣща: «Да како ми, господине,

дарованиа мощно дати твоему величеству, худу и грѣшну черньцу, и никоегоже блага имущи?» Князь же Андрѣй, близъ его посадивъ, и начат его молити любовию многою, дабы ему обитель сътворилъ инокующим въ спасение близъ дръжавы его. Святый же к нему отвѣща съ всяцѣмъ смирением: «Прости мене Госпоада ради. Кто есмь азъ, яко таковая умыслилъ еси о мнѣгрѣшнем, сицеваа начати или помыслити мнѣ недостойному? Бога есть единаго, господине, сие дѣло; и паче мѣры моеа есть дѣло. Отпусти мене Господа ради и Пречистыа Богородица въ отчину свою, на Бѣлоезеро. Азъ длъженъ Бога молити, господине, за твое здравие и спасение и до моей смерти. Тамо, господине, есть починочекъ: началъ есми жителствовати и церковь поставилъ, и братиа уже живут, Бога ради приходяще, и Бога молятъ, господине, о вашемъ господьском здравии день и нощь». Князь же Андрѣй отвѣща: «Вѣмъ, отче, вѣм, и благодарствую зѣло Господа Бога и Пречистую Богородицю о вашемъ благомъ произволении». И възлюби старца и стройный отвѣтъ его.

И пакы глагола: «Уне ми есть, отче, съ всѣмъ разстатися, нежели твою святыню отпустити от себе. И на таково паче желание мое, еже призвах тя. А о монастырѣ Пречистыа Богородица и о твоемъ начатии — то вѣдает Богъ, якоже азъ потщуся удовлити монастырь твой всяцѣми потребами, — не токмо же азъ, но и дѣти мои, елико сила нашя может, Божиа ради милости домъ Пречистыа Богоматере дозирати. Ты о том никакоже поскорби, на моей души то и остави попечение. Токмо единаго прошу у тебе: любви ради Божиа пребуди с нами здѣ и имися желание душа моеа исплънити. Хощу бо за молитвъ твоих Богу помогающу ми, дом въздвигнути душямъ спасающимся, дабы и мнѣ Господь Бог ихъ ради спасениа оставилъ души моей грѣхы и мукы вѣчныа избавилъ вашими святыми молитвами».

Блаженный же Ферапонтъ молитъ его съ многым молениемъ, дабы его отпустил пакы на Белоезеро, глаголя: «Выше мѣры моеа есть, господине, дѣло сие. Остави мя Господа ради». Елико же святый крѣпляашеся, множае князь Андрѣй молбу простирааше. Ферапонтъ же недоумѣся, что сътворити, но понеже весь бяше в руку его, якоже бы рещи, Богомъ судим, никаможе ся дѣти можааше.

Видѣ святый непреклонный княжь разумъ, яко немощно ему бяше преслушатися его и оскорбити, наипаче Бога ради моляща его. И нехотя повинуся воли его, рече: «Воля Господня да будет». Тому бо словеси всегда поучаашеся, вся на Бога възлагаа бяше и на Пречистую Богородицю. Князь же Андрѣй, яко слышавъ слово се от святаго, радости многы исплънися, благодаряаше Бога и Пречистую Богородицю и преподобнаго Ферапонта о покорении, яко не преслушася молениа его.

Тѣмже мало время съкративъ, молитъ преподобнаго, дабы шед мѣста разсмотрѣлъ близъ града Можайска, гдѣ бы угодно к съставлению обители. Блаженный же Ферапонтъ, первие помолився Богу и Пречистой Богородици, изъшед, обрѣте мѣсто къ съставлению обители, паче инѣхъ мѣстъ велми красно и угодно бяше, близъ града Можайска, яко поприще едино близъ рѣкы словущиа Москвы. Князь же Андрѣй и

самъ пришед на мѣсто оно, и похвали è. И вземъ благословение от святителя, повелѣ церковь поставити,[26] по съвѣту Ферапонтову, и наречение ей давъ тезоименитыа обители его Бѣлоезерскыя — Рожество Пречистыа Богородица. И начатъ келии поставляти, якоже есть обычай строитися обителемъ, и украси церковь Божию иконами и книгами, и всяцѣми потребами монастырь онъ удовли. И часа того постави имъ игумена. И толико бяше почте мѣсто то — и паче всѣхъ инѣхъ мѣстъ ближнихъ его, — въскорѣ же архимандритию устрои. Преподобнаго же Ферапонта много благодарствивъ и началника его мѣсту тому постави, и велми печашеся им, и добрѣ почте, и упокоивъ старость его, и ни в чем преслушаниа к нему не сътвори.

И от тѣх мѣстъ наипаче князь Андрѣй Димитриевичь и его благочестиваа княгини и их богодарованнаа чада велику вѣру стяжашя къ Пречистѣй Богородици, и на Бѣлоезеро в Ферапонтовъ монастырь не токмо домы великыя приложишя с пашнями, но и езера многыя и рѣкы и на нихъ грамоты жаловалныя[27] съ крѣпкими подписми и печатьми Пречистыа ради Богородица, даже и донынѣ, и нами видими суть милостию Божиею.

Блаженный же Ферапонтъ, якоже нѣции от древних мужий повѣдают о немъ, много же потрудися в животѣ своемъ Бога ради, труды къ трудом прилагаа. О славѣ же и богатстве никакоже попечеся и до старости своеа нищету, паче духовную, храняше. Многу же скорбь и печаль святаа она душа имяше и о Пречистыа обители Бѣлоезерскыа. Аще и помощникы з Богомъ имѣ, но всегда втайнѣ Богу моляшеся и Пречистую Богородицю на помощь призываа бяше, дабы не запустѣло мѣсцо то и чинъ бы монастырскый укрѣпилъся в нем по уставу святыхъ отець, глаголя к себѣ: «Аще призрит Господь Богъ милосердый и Пречистаа Богородица на мѣсцо то, то и азъ бы грѣшный поне мало дръзновение имѣл к Богу о немъ».

И всегда моляшеся Богу и къ Пречистѣй Богордици, многы слезы испущаа, и до преставлениа своего о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем, емуже слава съ Отцем и съ Святым Духомъ нынѣ и присно и въ вѣкы.

---

[1] *...и душю свою погубити Христа ради...* — Ср.: Мф. 10, 39; 16, 25; Мк. 8, 3; 2 Кор. 4, 11.

[2] *...Ферапонтъ родися...* — Ферапонт родился, видимо, около 1337 г., так как был сверстником Кирилла Белозерского.

[3] *...дѣтей болярскых, Поскочиных зовомыхъ...* — Род бояр Поскочиных упоминается во Вкладной книге Лужецкого Рождества Богородицы Можайского монастыря (XVIII в.).

[4] *Волоколамск* — город, известный с XII в., расположен на притоке реки Ламы, в 100 км к северо-западу от Москвы, на границе с Новгородской республикой.

[5] *«Печаль мужу покаание нераскаано наводить и обращение еже к Богу»...* — 2 Кор. 7, 10.

[6] *Симановъ монастырь* — Московский Симонов монастырь Успения Богородицы, основанный ок. 1370 г. племянником Сергия Радонежского Феодором.

[7] *Антоний Великий* — один из отцов Церкви III в., основатель монашества. Его сочинения пользовались большой популярностью в Древней Руси.

[8] *Послаша его иногда и на Белоезеро...* — Белозерское княжество находилось в современной Вологодской земле. Симонов монастырь имел там свою вотчину, село Ендома.

[9] *...в старомъ монастырь Рожества Пречистыа...* — В 1379 г. Симонов монастырь был перенесен на новое место, но старая обитель продолжала существовать до конца XVIII в. В настоящее время на этом месте сохранилась церковь Рождества Богородицы.

[10] *Поприще* — древнерусская мера длины, равная примерно версте.

[11] *...езера, Паское зовомо, другое же... Бородавское...* — Озера, между которыми стоит Ферапонтов монастырь.

[12] *...начать жителство сътворяти.* — Основание Ферапонтова монастыря относят к 1398 г.

[13] *...постави церковь въ имя Пречистыа Владычица нашеа... еа Рожества.* — Первоначальная деревянная церковь Рождества Богородицы не сохранилась, существующая сейчас каменная построена в конце XV в.

[14] *«Блаженъ мужь... приимет вѣнець нетлѣнный».* — Иак. 1, 12.

[15] *...она всякомъ мѣстѣ владычьствиа его».* — Пс. 102, 22.

[16] *...«древеса при исходищихъ водъ»...* — Пс. 1, 3.

[17] *...князя Андреа Димитриевича...* — Князь Андрей Дмитриевич Можайский (1382—1432), третий сын великого князя Дмитрия Ивановича Донского. В 1389 г. согласно духовному завещанию отца получил в удел Можайск, Верею, Медынь, Калугу и Белозерск. Был верным союзником своего брата, великого князя Василия Васильевича Темного. Направлял послание Кириллу Белозерскому, где написал о чуде Богородицы, избавившей христианский народ от нашествия иноплеменных врагов (послание до нас не дошло), и получил на него

ответ (см. наст. изд., т. 6, с. 424—439). Умер в Можайске, похоронен в Москве в Кремлевском Архангельском соборе.

[18] *Дааше землю... в питание обителемъ тѣмъ.* — Сохранились грамоты, свидетельствующие об этом.

[19] *Буди имя Господне благословено въ вѣкы.* — Пс. 112, 2; Иов. 1, 21.

[20] *Се нищий възваша, и Господь услыша их...* — Пс. 33, 7.

[21] *...и от всѣхъ скорбей спасетъ я.* — 1 Цар. 10, 19.

[22] *Близъ бо Господь Богъ съкрушенных сердцемъ, и смиренный духом спасеть.* — Пс. 33, 19.

[23] *Прииде нѣкогда властелинъ нѣкый...* — Это был, по всей вероятности, Юрий Васильевич Сугорский, ставший первым наместником князя Андрея Дмитриевича на Белоозере после 1389 г.

[24] *...град бо и еще бѣаше Белоезеро не у бо бяше поставленъ тогда...* — Кажется, речь идет не об известном по летописям с 862 г. городе Белозерске, находящемся к северу и от Москвы, и от Кириллова монастыря на берегу Белого озера (в 1363—1364 гг. он был перенесен со своего первоначального места на 20 км западнее, где существует и поныне). По всей видимости, имеется в виду современный г. Кириллов.

[25] *...идѣже бѣ князь Андрѣй живетъ.* — Имеется в виду Можайск, город, расположенный в нынешней Московской области при впадении ручьев Можайки и Петровки в реку Москву. Существует с XIII в. По завещанию великого князя Дмитрия Ивановича Донского достался в удел его сыну Андрею Дмитриевичу.

[26] *...повелѣ церковь поставити...* —Лужецкий Можайский монастырь Рождества Богородицы был основан в 1403 или 1408 г., его постройки сохранились на окраинах современного г. Можайска до наших дней.

[27] *...и на нихъ грамоты жаловалныя...* — Некоторые из этих грамот сохранились доныне.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА МАЯ В 27 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕРАПОНТА, СОЗДАВШЕГО НА БЕЛООЗЕРЕ ОБИТЕЛЬ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ, СЛАВНОГО ЕЕ РОЖДЕСТВА

Красоты этого мира, тленные и преходящие, умеют привлекать любящих их и этой малой сладостью колебать чувства возжелавших их, воспарять ум их страстями и заставлять не только презирать обещанные блага, но и отвращаться — увы! — от самого Творца истинной жизни, предпочитая эти настоящие блага будущим и добровольно принимая лютую и бесконечную смерть.

Соответственно и те, кто возлюбил вечные блага и, на них уповая, безмерно их возжелал, еще здесь получают, о тамошнем истинном блаженстве помышляя, воздаяние и награду за труды тамошней красотой. Ведь для живущих здесь очищенными обыкновенно не только презирать временное и суетное, но и душу свою возлюбленную губить, как и подобает, ради Христа, как сказано в святых Евангелиях, и больше всех сладостей и красот любить смерть за него. И когда не находят они быстрой смерти, потому что нет гонителей, способных им ее доставить, то решают они иначе прийти к желанной цели — принимая долгую и трудную смерть, испытывая во всякое время тысячи болезней, претерпевая их в постах, в бдении и многих различных подвигах, борясь с ненавистниками-бесами и постоянно, во плоти пребывая, принуждая естество сопротивляться бесплотным. Об одном из таких достойных и божественных мужей я и хочу поведать.

Не сам я решился или дерзнул за это взяться. Даже и философским умом обладающий человек и в слове сильнейший — и тот ведь не принялся бы за такое дело дерзостно. Тем более меня, страстный и нечистый ум имеющего, лишенный премудрых мыслей, словом же вовсе грубого, необученного и по всему, можно сказать, варвара, боязнь удерживает от того, чтобы начать это дело. Но все-таки, самого этого святого призвав молить Бога, я начну и Богу, и благонравным людям приятное повествование о нем с самого начала — с рождения, воспитания и прочего его пребывания (в мире).

Этот преподобный отец наш Ферапонт родился у благочестивых и благородных родителей-христиан, детей боярских, по фамилии Поскочиных, происходящих из города Волоколамска в Московской земле.

Однажды напал на него страх Божий и стал он думать, как бы бежать ему от этого суетного мира и от житейских попечений. Ибо знал блаженный, сколько зол, скорбей и болезней претерпевает человеческая душа, погружаясь в суету этого мира, и какого множества благ лишается, отпадая от своего Создателя, Бога, каждый день вызывая его гнев многими неправдами и заслуживая вечную муку. У многих ведь благочестиво живущих людей в обычае подолгу размышлять об этом, часто это обдумывать и, рассматривая свою жизнь, изучать состояние своей души; так делал и этот блаженный Феодор. Таким ведь именем он был наречен своими родителями во святом крещении, и так и звали его родители и очень любили; и он рос, преуспевая в изучении благих дел. Любили его и родственники его, и ближайшие соседи, как это часто бывает у сожительствующих в миру.

Сам же он прежде всего о том печаль имел, постоянно молясь Всемилостивому Богу и призывая на помощь Пречистую Богородицу, как бы избежать мирской суеты века сего и сподобиться святого иноческого образа. К этому он стремился и сильно этого желал. Но как печальный не долго пребывает в своей печали, тем более о Боге, о чем и Святое Писание говорит: «Печаль производит в человеке неизменное покаяние и обращает к Богу» — так и с ним вскоре произошло.

Выбрав подходящее время и утаившись от своих родных, пришел он в дом Пречистой Богородицы в пригороде царствующего города Московской державы, в Симонов монастырь, и стал там умолять архимандрита и братию, чтобы они удостоили его святого иноческого образа. Бог же и Пречистая Богородица не пренебрегли мольбой раба своего, обратили к нему сердце архимандрита, и он был принят архимандритом и братией, и тот повелел постричь его и облечь в иноческую одежду. И нарекли ему имя Ферапонт, и передали его старцу для научения жизни в келье и монастырскому чину, чтобы он познал искусство иноческого служения, я имею в виду, — божественного бдения и постничества.

И пребывал он, Божией благодатию, в великом послушании у старца, добросовестно трудясь в молитвах и коленопреклонениях, постоянно молясь Богу, постясь в установленное время день и ночь и все чувства свои старательно, изо всех сил, оберегая, а особенно душевную и телесную чистоту. Помыслы же свои и желания он всегда исповедовал старцу, каялся своему духовному отцу, и хорошо соблюдал себя от вражеских стрел, часто Богу молясь, и всегда призывал на помощь себе Пречистую Богородицу, отеческими молитвами ограждался и совершенно ни в чем не следовал своей воле, как то и обычно у многих послушников Бога ради. Старателен он был и в церковном пении и искусен во всякой монастырской службе, добросовестно слушаясь отца и всей братии и с настойчивостью горячо убеждая всех молиться о нем Богу и Пречистой Богородице.

Отец же и братия, видя такие его хорошие устремления, благодарили Бога и молились о спасении его души, испытывая его во всяких необходимых для монастыря службах. Блаженный же Ферапонт все это с радостью от них принимал, с глубоким смирением и молчанием усердно им повиновался и служил отцам совершенно беспрекословно. Ибо знал блаженный, что ничем так не исправляется душа живущего в послушании инока, как смиренномудрием и терпением. Хоть и не был святой искусен в грамоте, зато стяжал он душевную доброту и здравый ум, о чем и отец наш Антоний Великий говорил: «Не нуждается в книгах человеческая душа, если имеет здравый ум».

Много лет блаженный Ферапонт прослужил отцам так, как уже было рассказано. И начали архимандрит и братия посылать его и за пределы монастыря по монастырским делам. И все, что отец ему повелевал, он усердно с прилежанием исполнял. Посылали же его по городам и в дальние земли для покупки потребного монастырю. Послали его однажды и на Белоозеро по необходимым делам. И он, отправившись туда, Божией благодатью исполнил то, что повелел ему отец. А было это далеко, на большом расстоянии от тамошней страны, Московской земли. Местность же та была пустынной, и много там было лесов, непроходимых болот, множество вод, озер и рек. И преподобный, чтобы лучше с теми местами познакомиться, обошел ту землю, внимательно ее рассматривая, и очень ее полюбил. Ибо желала эта святая душа и некоторые новые добродетели стяжать, — верх же всех добродетелей есть безмолвие.

Что же чудный Бог, все предвидящий? С самого начала зная, что Он хочет сделать, словно перстом показывал Он путь тем блаженным душам, направляя их к тому полезному, с помощью чего хотел просветить ту землю, что и осуществилось впоследствии. А произошло это так.

Ферапонт вернулся в свою страну, Богом хранимый, и пришел в свой монастырь к отцу и братьям, добросовестно исполнив то, что ему повелели.

Преподобный же Кирилл, называемый ныне Белозерским Чудотворцем, пребывал в то время в старом монастыре Рождества Пречистой, живя там в безмолвии. И подумывал и он куда-нибудь далеко от мира уединиться и там безмолвствовать, но долго с этим помыслом боролся, постоянно молясь Богу и Пречистой его Матери, говоря: «Пречистая Мать Христа моего! Ты знаешь, что всю мою надежду о Боге я на тебя возложил с юности моей. Ты и наставь меня, как сама знаешь, на тот путь, на котором я могу спастись», и так он подолгу молился. Был же у святого обычай после долгого своего правила и славословий, поздним вечером, непосредственно перед тем, как вкусить немного сна, петь напоследок Акафист Пречистой. Он всегда так делал.

О видении Пречистой

И однажды ночью, когда он, по своему обыкновению, допоздна молился и пел Акафист Пречистой перед ее образом, дойдя в икосе до слов «Необычное рождение видя, устранимся от мира и ум обратим к небу», вдруг он услышал голос, говорящий: «Кирилл! Выйди отсюда и иди на Белоозеро, ибо там я приготовила тебе место, на котором ты сможешь спастись». И одновременно с тем, как раздался этот голос, воссиял яркий свет. Отворив оконце келии, Кирилл увидел яркий свет, сияющий к южной стороне Белоозера. И этим голосом, словно перстом, ему было показано место, где теперь стоит монастырь. От этого голоса и видения святой исполнился великой радостью, ибо по этому видению уразумел, что — «Не пренебрегла Пречистая Богоматерь моей просьбой!» И всю ночь провел он, бодрствуя, удивляясь сопровождавшему голос видению. И была эта ночь для него не ночью, но словно пресветлым днем.

А спустя небольшое время после того, как это с ним произошло, пришел посетить святого Ферапонт. Они прочли молитву и благословились, — поскольку блаженный Ферапонт пострижен был там же, где святой, и по возрасту был ему сверстник — и начал Кирилл выспрашивать его: «Нет ли, возлюбленный, там, на Белоозере, места, где бы можно было иноку безмолвствовать?» Ферапонт отвечал: «Да, очень много там, отец, подходящих для уединения мест». Блаженный же о своем видении ему еще не рассказал, но как бы просто так расспрашивал его.

Затем, через какое-то время, договорившись, они оба ушли из монастыря и, с Божьей помощью, отправились в путь. И шествуя много дней, пришли они на Белоозеро. И стали они обходить там многие места, но все они не нравились святому, потому что искал он указанное

и суженое ему место, на которое прежде был зван Пречистой, еще в старой обители. Походив много, пришли они наконец туда, где теперь стоит монастырь, и тут же святой узнал указанное ему ранее место и очень его полюбил, и, прочтя молитву, сказал: «Здесь покой мой во век века, здесь поселюсь, потому что Пречистая изволила это. Благословен Господь Бог отныне и до века, услышавший нашу молитву». И они водрузили на том месте крест и пропели благодарственный канон в похвалу Пречистой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии.

Тогда блаженный Кирилл все открыл своему спутнику, преподобному Ферапонту, — как Пречистая явилась ему, еще когда он жил в старой обители, и «сказала мне прийти в эти места», и что слышал он голос, повелевший ему уйти из старой обители, что он и исполнил, как он сказал, «с помощью наставляющей меня Пречистой Богородицы».

Ферапонт же, услышав это, очень обрадовался милости Божией, и оба они прославили Бога и Пречистую его Богоматерь. И так они сначала навес построили и принялись копать в земле келийку и, занимаясь этим, некоторое время провели вместе.

Об уходе святого Ферапонта

Блаженный Ферапонт немного времени пожил с преподобным Кириллом. Божьей волей, направляющей желания на пользу, пришла к нему мысль начать собственное жительство и отойти в предназначенное ему место. Он сказал об этом преподобному Кириллу, потому что у них был обычай советоваться друг с другом в духовных делах, и многую любовь о Христе имели блаженные друг к другу, всем делясь и все, что касается пользы и души, возлагая на Бога и на Пречистую его Богоматерь. Так всегда совещались они и утверждались в добрых желаниях. Ферапонт сказал: «Ко мне приходит и неотвязно преследует меня (мысль) перейти на другое место, отец, и безмолвствовать отдельно». Преподобный же Кирилл ему отвечал: «Если будет на то воля Божия, брат, то это может и на деле произойти». — «Есть, отец, местечко неподалеку отсюда, поприщ около пятнадцати или немного больше, где я хотел бы жить, если Господь Бог изволит. И молю честную твою святыню Бога ради не обижаться на меня за это разлучение».

Преподобный ему отвечал: «Воля Божия, брат, да будет во всем». Умолял его блаженный Ферапонт, да с любовью отпустит его и молит Бога о нем и Пречистую Богородицу и во всех богоугодных вещах иметь совет между собой о Христе.

Итак, выслушав молитву, святой ушел от преподобного Кирилла, и они друг с другом разлучились. Блаженный Кирилл остался там, а Ферапонт ушел оттуда и нашел очень красивое место, более других пригодное для житья, поблизости от Паского озера и другого озера, повыше того, Бородавского, между которыми — полет стрелы или чуть больше. Очень понравилось оно блаженному. Помолившись Богу и Пречистой Богородице, начал он устраивать там жилище. И сначала поставил маленькую келийку.

Хотя было там пустынно, и рос лес, но больше, чем всем селениям на земле, радовался Ферапонт душою, благодаря Бога и Пречистую его Мать, что обрел место спокойное. И начал он понемногу очищать его, а затем огородил со всех сторон оградой.

Спустя небольшое время пришел он к преподобному Кириллу и рассказал ему, где поселился. Преподобный похвалил его выбор и благословил его безмолвствовать там, потому что и он хорошо знал это место. И тот, получив у преподобного совет и благословение, стал усердно заниматься своим жилищем. Прежде от особых усилий он воздерживался, после же этого святой вырубил лес и расчистил то место, собирая хворост в кучу. Надумал блаженный и некие овощи там посадить, потому что место то было бедным и совершенно пустынным. Тем добывал себе святой требующее для тела пропитание. И в течение многих дней труды к трудам прилагал блаженный, рубя вокруг себя лес и расчищая землю.

Оружием же, необходимым для этой жизни, были у них наставления первых святых отцов, прежде же всего — к Богу непрестанная со слезами молитва, смирение, терпение, пост, повседневное воздержание. Ночью сон бдением они изгоняли, а днем уныние и вражеские помыслы — трудами и подвигами, строя свое жилище. Одному другое противопоставляли они и заставляли то и подобное тому исчезать. Так они жили.

Когда же пришло Божие изволение, тогда начал святой и иные кельи ставить, потому что и братия начала уже собираться. Те что побудили его воздвигнуть и церковь. Не желая, чтобы они долго ему об этом напоминали, получив совет и благословение у святителя, он поставил церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, славного ее Рождества. И, насколько было ему по силам, украсил ее книгами и честными иконами.

Первое время блаженный страдал от нападений врагов и разбойничьих нашествий. Ибо много раз приходили они к святому и пугали его, грубо угрожая и стращая смертью, требуя порой богатств и с яростью говоря: «Уходи отсюда, пока не предали мы тебя смерти, ибо не сможешь ты здесь с нами жить!» Блаженный же этим их угрозам никакого значения не придавал, только Бога призывал и Пречистую Богородицу. И благодаря помощи Божией и заступничеству Пречистой Богородицы делатели беззакония уходили от святого ни с чем, исполненные срама и стыда, ибо видели, что у него никакого богатства нет. Их жилища находились поблизости от святого, а место то было на дороге, шедшей между озерами и непроходимыми лесами.

Также и звери многие жили вокруг обители святого, оттого и страшно бывало там и ночью, и днем. Но он все причиняемое ими кротко терпел и часто Бога молил, Пречистую Богородицу на помощь призывая, постоянно напоминая себе слова апостола: «Блажен человек, который перенесет искушение во время свое Бога ради; он получит венец нетленный». Бог же, видя терпение раба своего и прилежание о имени Его, отовсюду защищал его, укрывал от всех тех вражеских коварств,

утешал и всякое изобилие посылал на место, где жил святой. Даже и доныне никогда не оставляет ведь Господь Бог рабов своих, служащих ему день и ночь «на всяком месте владычества его».

Затем начали приходить к святому отовсюду многие люди: одни пользы ради, а другие, желая с ним жительствовать. И он, очень умилившись, принимал их и почитал как отцов и братьев. А они, видя доброе к себе отношение этого мужа, особенно же терпение его Бога ради, глубокое его смирение и ко всем нелицемерную любовь, очень полюбили его и почитали его как отца и наставника их душ ко спасению и во всем повиновались ему. Блаженный же Ферапонт, любя смирение, решительно отказывался видеть в себе большего и называл себя этого недостойным.

Пришел к нему некогда и из священнического чина брат. Он же, с радостью приняв его и достойным образом поселив, очень почитал его, как отца. И повелел ему блаженный, и начали они совершать службу Христовых Божественных Таин. И Божьей благодатью и молитвами и заступничеством Пречистой Богоматери умножалось это богоизбранное стадо Христовых словесных овец. Блаженный радовался за них и благодарил Бога и Пречистую его Богоматерь, во всем ему помогавшую.

Пришел к нему однажды некий христианин из ближайшего селения и попросил постричь его, желая с ним жительствовать. Братия уговорила блаженного, и он повелел священнику постричь его и облечь в иноческие одежды. И нарекли ему имя Григорий; святой должным образом научил его иноческим подвигам, и тот, от отца все хорошо воспринимая, оказался искусным рыболовом и очень послушным человеком; всегда уходя с благословением, он приносил много рыбы, которую вылавливал удочкой и сетями.

Святой всегда выходил из своей кельи, взяв топор и рубаху, и трудился каждый день помногу, а часто и ночи проводил без сна. Видя, как прилежно он трудится, и братия трудилась с ним так же, усердно подвизаясь и день и ночь. Соблюдая же правило церковного пения и устав, они всегда благочинно в положенное время приходили в Божию церковь. И во время пения стояли со многим вниманием в молчании, не беседуя друг с другом о неполезном, но всегда имея страх Божий перед глазами и поучаясь день и ночь в заповедях Господних. Святой же прилежно учил их всякий день и тому, как жить в келье, и монастырским службам, и каким правилам следовали отцы, первые иноки, и священному, Богом дарованному, деланию, которое они делали, спасаясь Бога ради, живя в пустынях и общежитиях, трудясь каждый день в церкви Божией за службой и по кельям в молитвенном пении предстоя перед Богом со многим страхом и смиренномудрием. Они же все это, от него с радостью перенимая, усердно исполняли. Видели братья, что, словом уча, он во всем подает пример делом, и сами старались жить так же, как он. И было их число до десяти, до пятнадцати и более. И начали они вместе есть в одном помещении, согласно монастырскому уставу.

И ходил святой к преподобному Кириллу, чтобы посетить его и получить пользу, и обо всем с ним советовался — и о келейном жительстве, и о церковной службе, великую пользу и устав жительства от него получая, словно от солнца — сияющие лучи, и просвещал стадо свое многими поучениями. Ибо были они новыми насаждениями, словно некие «деревья при источниках вод», и требовали многой заботы.

Поскольку же обитель быстро распространялась, братство множилось и разносилась о них большая слава, из сел и городов приходили к ним многие люди, в том числе и вельможи, и много милостыни присылали Бога ради в дом Пречистой Богородицы для устройства церкви: свечи, воск, фимиам, — и пищу для братии. Блаженный же Ферапонт, все это словно от Бога принимая и давая братии, говорил: «Братья и отцы! Не я устроил это святое жительство, но Пречистая Богородица. Она и может и направить нас к полезному, и защитить от всех зол».

После этого с Божьей помощью они и игумена в своей обители поставили и прочее все по чину монастырскому устроили. Блаженный же Ферапонт обо всем заботился сам и братию в службах ободрял и укреплял, уча пребывать в терпении и с глубоким смирением в молчании служить Богу, и слово его было очень сладко, божественной солью, то есть благодатью, приправлено. И все братья, приходя к нему, великую пользу и утешение от него получая, с радостью уходили в свои кельи, словно на неких крыльях устремляясь на новые подвиги. Многие же и из дальних земель и святых монастырей приходили — певцы церковные и служебники всякого чина. И он всех с радостью принимал и угодным Богу путем направлял. Келии же вокруг церкви ставили двух- и трехэтажные. И великий покой был для братии, а управлял ими с Божьей помощью святой, ибо появилась уже нужда в его попечениях.

И начал он излагать братьям заповеди святых отцов о жизни в кельях, согласно которым и сегодня, и доныне все ведется, — тех блаженных отцов Богом дарованное святое правило, устав и распорядок иноческой жизни. Как это тебе хорошо известно, одни и те же чин и правило имеют братья Кириллова и Ферапонтова монастырей. Заповедь же этих преподобных такова (не знаю, господа, позволите ли мне это сказать): по кельям братии питья, равно как и еды, не держать — сверх того, что дается на трапезе в уставное время, за исключением если только человек болен и по какой-то необходимости, — только божественные иконы, немного книг для божественного пения и инструменты для ручной работы. Не о той ручной работе я говорю, что делается ради корысти или ненасытных богоненавистных стяжаний, — да не будет! — но ради необходимых монастырских потребностей. Но и то все делаемое повелевают (отцы) приносить к ним и складывать в казну для удовлетворения нужд братии и монастырского служения.

Великие жар и любовь бывают у людей, когда они начинают какое-либо новое дело, а тем более дело для Бога; то же было и у них, когда они с Богом начинали службу в церкви Божией, со всевозможной твердостью хранили по кельям безмолвие и всякого рукоделия чин совершали: одни книги писали, другие книги изучали, одни плели сети для рыбной

ловли, другие строили кельи, носили дрова на кухню, в пекарню и в трапезную, а иные воду носили, пекли хлеба и готовили пищу. И хотя много было работ в монастыре, совершенно все делала сама братия, без мирских помощников, да тогда и не увидеть было поблизости мирских людей. И великую чистоту телесную и душевную имели они, день и ночь в безмолвии со смирением трудясь Бога ради, друг другу повинуясь, любовью охваченные постоянно созидая небесные обители, горя духом, для Бога работая постом и молитвами со многим воздержанием, к нищете духовной стремясь, небесным богатством обогащаясь.

Так это все и шло хорошо, и дошел слух даже до дальних стран, до самодержцев, великих князей, и до самого того князя Андрея Дмитриевича, чьей вотчиной и была та Белозерская земля, о монастырях, поставляемых во имя Всесильного пребывающего на небесах Царя Славы, Господа нашего Иисуса Христа, и Пречистой его Богоматери, для благочестия державы и благоверных и благочестивых его слуг, я говорю о великих князьях Русской земли, — чтобы та страна, их отечество, пребывала благочестивой во славу его, живущего на небесах, в род и род, и в бесконечные веки веков. Аминь.

После чего, услышав об этом, упомянутый выше князь Андрей очень обрадовался, — что Бог вселил таких преподобных мужей в его отечество, и благодарил Бога и Пречистую его Богоматерь и со многою радостью посылал к ним милостыню и помощь для устроения церкви и монастырских потребностей. Он беспрепятственно давал им земли своего отечества и многие воды, озера и реки для пропитания тех обителей. Написал князь Андрей и послание с просьбой молить Бога и Пречистую Богородицу о его здоровье и спасении. Блаженный же Ферапонт молить Бога о нем не необещал, щедрыми же его даяниями пренебрегал, ибо жил в нищете и больше заботился о духовном. Так вот это было. Что же произошло после этого?

Божьей волей и молением и заступничеством Пречистой Богородицы все укреплялись в благой надежде, братия множилась, все шло уже по чину и уставу монастырского общежития, хотя и немного их было, но по чину все образовывалось и Божиею милостью совершалось. Слышал я притчу одного праведника, говорившего: «Во всем да будет на нас воля Божия! Да будет имя Господне благословенно во веки! Вот, нищие воззвали, и Господь услышал их и от всех скорбей спасет их. Ибо близок Господь Бог к сокрушенным сердцем, и смиренных духом спасет». Об этом — до сих пор.

О том, как святого увели с Белого озера

Пришел однажды некий властелин наместником князя Андрея Дмитриевича на Белозерские земли, и случилось ему быть в обители Пречистой Богородицы у преподобного Ферапонта, и он беседовал с блаженным о душевных делах и о телесных потребностях, которые бывают в миру и случаются у многих людей. Тот в ответ достойно показал, как подобает инокам беседовать с мирским человеком. И этот вельможа, услышав речь преподобного, удивился его разуму и очень

его полюбил, получив наслаждение от беседы с ним, ибо очень сладко было слово его и умиленно, а держался он кротко, многое смирение имея, так что и сам облик его мог принести человеку большую пользу. И тот упомянутый вельможа, накормив братию и дав щедрую милостыню монастырю, вернулся к себе.

А через некоторое время, придя к своему господину, князю Андрею Дмитриевичу, он рассказал ему про его отечество, про Белозерские земли (город Белоозеро еще не был тогда поставлен, и то место, где ныне стоит город, было пустынным и ненаселенным). Рассказал он и о монастырях преподобных, и о беседе со святым старцем Ферапонтом, и об их блаженной жизни для Бога, и о монастырском устройстве. Князь же Андрей, услышав это от своего боярина, удивился, почувствовал в своей душе блаженство, очень обрадовался и сказал: «Слава тебе, Господи Христе, Царь человеколюбивый, что таких преподобных жителей даровал нашему отечеству!» Ибо господин тот был очень благочестив и боголюбив и весьма почитал монашеский чин — лучше сказать, ангельский, — как никто другой. Что же произошло после этого?

Очень захотелось ему, и пришло к нему непреодолимое желание устроить поблизости от себя обитель во имя Пречистой Богородицы, что и сбылось. И искал он, где бы найти ему мужа совершенного разумом для осуществления этого дела, и не находил он вокруг себя подходящего для такого предприятия человека, хотя и много было у него людей. Устроил он совет со своими боярами (и спрашивал), где бы ему найти такого человека, и никак не смогли они (отыскать). Всех он обошел и расспросил, но никто не посмел взяться за такое поистине великое начинание. Пришел ему на ум блаженный Ферапонт, создавший обитель на Белоозере в его отчине, и решил он в разуме своем, что лучшего человека для начинания такого дела нет, и повелел боярам своим, чтобы тому об этом не говорили.

Первым делом он послал преподобному дары и щедрую милостыню в монастырь Пречистой Богородицы. Затем, спустя небольшое время, направил к нему одного из своих слуг с посланием, умоляя его не ослушаться Бога ради и не пренебречь его мольбой и верой в Пречистую Богородицу «и к твоей святыне, отец», и побывать «у нас Бога ради и благословить нас. Есть, — говорил он, — у меня к тебе великое духовное дело, о котором скажу наедине».

Блаженный же, услышав это, недоумевал, что это может быть за дело, или не знал, что ответить тому посланнику, одно только проговорил: «Воля Господня да будет». И созвал он к себе всю братию на собор, и огласил послание князя Андрея Дмитриевича. Братья же сказали святому: «Не подобает тебе, отец, такого господина и уважаемого человека оскорбить, тем более Бога ради зовущего тебя. Мы ведь кроме Бога и на него во всем надеемся, потому что он из числа земных властителей». Блаженный выслушал совет братии и ответил им: «Воля Господня да будет во всем». Позвал он к себе того посланника и перед всей братией сказал ему: «Мне, господин, уйти отсюда, как мне кажется, невозможно: боюсь Бога и Пречистой Богородицы. Я ведь

немощный и грубый чернец, как ты и сам видишь. Да что за дело имеет наш господин, великий князь Андрей Дмитриевич, ко мне, нищему и худому? Должны мы, нищие, о них Бога молить, а не по миру волочиться бесчинно на позор и осуждение мирским людям». Посланник же отвечал преподобному: «Мне, отец-господин, никак не велено возвращаться без твоей святыни». И, пав на землю, очень умолял он святого и всю братию не ослушаться его господина.

Братия вновь святому то же повторила. Блаженный Ферапонт из-за всего этого сильно прослезился и отвечал им: «Воля Господня и Пречистой Богородицы и ваша любовь да будет со мною грешным», и нехотя повиновался их воле.

Проведя же день и другой, отпев молебен Спасу и Пречистой, наказав богоподобно устраивать все ради Бога, заботиться о церкви Божией Пречистой Богородицы, продолжать строительство, поступать богоугодно в начатой им обители, помолился он Богу и Пречистой Богородице и отправился в путь, взяв с собой другого брата.

Велико расстояние между теми местами, так что путь был дальним. Но с Божьей помощью они дошли до города, где жил князь Андрей. Тот, увидев, что святой пришел, встретил его, как и подобает, с великой честью и очень обрадовался его приходу. «Бог, — сказал он, — и Пречистая Богородица воздадут тебе за твою любовь к нам, честной отец. Такой путь не поленился ты пройти! Бог сосчитает твои шаги и воздаст тебе мзду по твоим трудам. И я много должен святыне твоей». И, почтив святого трапезным угощением, он дал ему покои для обитания, чтобы тому было где отдохнуть.

Прожил он там немало дней, и затем стал спрашивать его князь Андрей о Белозерских землях и об устройстве обителей Пречистой Богородицы. Тот все рассказывал ему по порядку. Князь же Андрей, увидев благоговение старца и многое перед Богом смирение, очень обрадовался и сказал: «О чем я слышал, то и увидели очи мои». И еще сказал святому: «Знаешь ли ты, отец, зачем я тебя позвал?» Блаженный отвечал: «Один Бог, господин, знает человеческие сердца и помыслы. А кто такой я, худой простейший грешник? Как я могу это знать?» Князь же Андрей сказал: «У меня, честной отец, одно желание. И его поведаю тебе. Умоляю твою святыню дать мне то единственное, что я попрошу у твоей святости». Блаженный отвечал: «Да как же могу я, господин, что-то дать твоему величеству в подарок, худой и грешный чернец, никакого добра не имеющий?» И князь Андрей, посадив его рядом с собой, начал со многой любовью умолять его создать поблизости от его столицы обитель для спасения иноков. Святой отвечал ему с глубочайшим смирением: «Прости меня Господа ради. Кто я такой, что ты задумал это обо мне грешном, недостойном не только начать это, но и помыслить об этом? Одного Бога, господин, это дело; выше моих сил это дело. Отпусти меня Господа ради и Пречистой Богородицы в свою отчину на Белоозеро. Я должен Бога молить о твоем, господин, здоровье и спасении до самой моей смерти. Там, господин, есть починочек: там я начал обитель и церковь поставил, и братия уже там живут, собравшись Бога ради, и Бога молят, господин, о вашем

господском здоровье день и ночь». Князь же Андрей отвечал: «Знаю, отец, знаю, и очень благодарю Господа Бога и Пречистую Богородицу за ваше благое предприятие». И очень понравился ему старец и его достойный ответ.

И снова он сказал: «Легче мне, отец, всего лишиться, нежели отпустить от себя твою святыню. Так велико мое желание, ради которого я тебя и позвал. Что же до монастыря Пречистой Богородицы и начатого тобой дела, то знает Бог, что я постараюсь удовлетворить твой монастырь всем необходимым, — и не только я, но и дети мои, насколько будет у нас сил, будем ради Божией милости заботиться о доме Пречистой Богородицы. Ты о том не печалься нисколько, оставь это попечение моей душе. Одного только я у тебя прошу: ради Божией любви останься здесь с нами и возьмись исполнить желание моей души. Я ведь хочу твоими молитвами с Божией мне помощью воздвигнуть дом для спасающихся душ, дабы за их спасение и мне Господь Бог оставил грехи моей души и от вечной муки избавил вашими святыми молитвами».

Блаженный же Ферапонт умолял его со многим смирением, чтобы отпустил он его назад на Белоозеро, говоря: «Выше моих сил, господин, это дело. Оставь меня Господа ради». Но чем больше святой сопротивлялся, тем дольше князь Андрей продолжал его умолять. Ферапонт же не знал, что и делать, но поскольку полностью был он у того в руках, так сказать, Богом судимый, никуда не мог он деться.

Видел святой, что князь непреклонен в своем решении и что невозможно ему ослушаться и оскорбить его, тем более что он умолял его Бога ради. И нехотя повиновался он его воле и сказал: «Воля Господня да будет». Этими словами он всегда поучался, все возлагая на Бога и на Пречистую Богородицу. Князь же Андрей, услышав эти слова от святого, радости многой исполнился и благодарил Бога и Пречистую Богородицу и преподобного Ферапонта за покорность, что не ослушался мольбы его.

И спустя малое время затем попросил он преподобного, чтобы тот пошел посмотреть места вокруг города Можайска и выбрать то, какое ему понравится для создания обители. Блаженный же Ферапонт, помолившись сначала Богу и Пречистой Богородице, пошел и нашел место для созидания обители, значительно более, чем другие, красивое и удобное, поблизости от города Можайска, примерно в одном поприще от известной реки Москвы. Князь Андрей, придя туда сам, похвалил его. И, взяв благословение от святителя, повелел он, по совету Ферапонта, поставить церковь и нарек ее тем же именем, что и в Белозерской обители, — Рождества Пречистой Богородицы. И начал он келии строить, как то обычно при создании обителей, и украсил церковь Божию иконами и книгами, и снабдил монастырь всем необходимым. И сразу затем поставил им игумена. И так почтил он ту обитель — гораздо больше всех других близких обителей, — что вскоре учредил там архимандритию. Преподобного же Ферапонта он много благодарил и поставил начальником того места, и очень пекся о нем, и хорошо почтил и упокоил его в старости, и ни в чем его не ослушался.

И с тех еще пор особенно князь Андрей Дмитриевич и его благочестивая княгиня и их Богом дарованные дети обрели великую веру в Пречистую Богородицу и пожаловали на Белоозеро в Ферапонтов монастырь не только большие имения с пашнями, но и многие озера и реки, и ради Пречистой Богородицы дали на них жалованные грамоты, скрепленные подписями и печатями, действующие даже доныне, и милостью Божией мы можем их видеть.

Блаженный же Ферапонт, как некоторые из старых мужей рассказывают о нем, много потрудился в жизни своей Бога ради, труды к трудам прибавляя. О славе же и богатстве он совсем не заботился и до самой своей старости сохранял нищету, особенно же духовную. Много скорбела и печалилась эта святая душа и о Белозерской обители Пречистой. Хоть и имел он с Богом помощников, но всегда втайне молился Богу и призывал на помощь Пречистую Богородицу, дабы не запустела та обитель и чин монастырский укрепился бы в ней по уставу святых отцов, говоря самому себе: «Если призрят Господь Бог милосердный и Пречистая Богородица на ту обитель, то и я грешный буду иметь хоть некоторое дерзновение о ней к Богу».

И всегда, молясь Богу и Пречистой Богородице, многие слезы проливал он до самого преставления своего о Христе Иисусе Господе нашем, которому — слава с Отцом и Святым Духом ныне и присно и вовеки.

ЖИТИЕ МАРТИНИАНА БЕЛОЗЕРСКОГО

Подготовка текста и комментарии Е. Э. Шевченко, перевод Г. М. Прохорова и Е. Э. Шевченко

ВСТУПЛЕНИЕ

Жития Ферапонта и Мартиниана Белозерских — памятники древнерусской литературы середины XVI в., написанные, по всей видимости, иноком Ферапонтова монастыря. Эти произведения связаны композиционно, поскольку имеют общую похвалу святым. Кроме того, Житие Мартиниана продолжает Житие Ферапонта тематически. В стилистическом отношении оба жития опираются на сочинения известного писателя XV в., приехавшего на Русь с Афона Пахомия Серба, часто и прямо заимствуя соответствующие пассажи из его творений, особенно из Жития Кирилла Белозерского.

О преподобном Ферапонте известно немногое, главным образом то, что сообщается в его Житии. Сохранилось несколько адресованных ему грамот, до нас также дошли сведения Вкладной книги XVIII в. Лужецкого Богородице-Рождественского Можайского монастыря, несколько строк посвятившей роду Поскочиных-Клементьевых, из которого происходил Ферапонт.

О Мартиниане сохранилось больше сведений. Грамоты, дополняющие наши представления о его жизни, хранятся в различных собраниях древних манускриптов в Москве и Санкт-Петербурге. Мы располагаем также книгами, целиком или частично переписанными Мартинианом. По содержанию этих сборников можно судить об интересах писца, который следовал традициям своего учителя, Кирилла Белозерского, включая в свои книги статьи естественно-научной тематики. Так же как и Кирилл, Мартиниан известен как организатор библиотеки основанного им Вожеозерского Чарондского Спасского монастыря (в 100 км от Кириллова). По его повелению создавались книги и в Ферапонтове монастыре, настоятельство в котором он принял вскоре после Ферапонта. Отметим, что монастырь, судя по грамотам XV—XVI вв., долгое время именовался Мартимьяновым. Переход Мартиниана на игуменство в Троице-Сергиев монастырь из Ферапонтова способствовал развитию духовных связей этих обителей.

Мартиниан общался с такими книжниками XV—XVII вв., как Пахомий Серб (именно с его слов знаменитый агиограф составил Житие Кирилла Белозерского, как он пишет в предисловии), архиепископ Ростовский Иоасаф Оболенский, известный редактор древнерусских произведений и составитель оригинальных сборников кирилло-белозерский монах Ефросин.

Мартиниан играл заметную роль в политической жизни своего времени. Согласно Житию, он вдохновлял великого князя московского Василия II Васильевича Темного на борьбу с его двоюродным братом Димитрием Шемякой за великокняжеский престол.

Умер Мартиниан в Ферапонтовой монастыре в 1483 г., над его ракой на южной внешней стене собора Рождества Богородицы замечательные художники рубежа XV—XVI вв. Дионисий с сыновьями, расписавшие собор внутри, поместили фреску с изображениями Ферапонта и Мартиниана.

Житие Мартиниана существует в двух редакциях; причем вторая была написана вскоре после первой, в ней добавлены чудеса, происходившие у гроба святого. Житие Ферапонта тоже до нас дошло в двух редакциях, вторая была напечатана в Прологе, изданном на Московском печатном дворе в 1662 г.

Впервые (исключая проложное Житие Ферапонта) эти жития издавались в 1991 г. небольшим тиражом (Ферапонтовский сборник. М., 1991. С. 359—400).

Тексты житий (Житие Ферапонта в первой редакции, а Житие Мартиниана — во второй редакции) публикуются здесь по их старейшему известному списку — *РНБ,* Софийское собр., № 467, 60-е гг. XVI в., л. 14—120.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА ГЕННУАРИЯ ВЪ 12 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО МАРТИНИАНА БѢЛОЕЗЕРСКАГО, УЧЕНИКА СВЯТОГО КИРИЛА ЧЮДОТВОРЦА

Богъ всемилосердый не навыче презирати угодникъ своих, молящихся Ему и служащихъ день и нощь, но всегда бывает печалным утѣшение, сирымъ отець, нищимъ питатель, вѣренъ бо есть заступати притѣкающих к Нему. Сице и сего услыша моление раба Своего Ферапонта, якоже иногда древле израильтяном сътвори (взятъ от них Моиссиа пророка и дасть имъ в него мѣсто Исуса Наввина пещися ими и промышляти),[1] такоже и здѣ сицевым образом сътвори: аще изволи милость его взяти от насъ Ферапонта, тогда же, часа того посла в него мѣсто преподобнаго Мартиниана, ученика святаго Кирила чюдотворца, о немже нынѣ намъ слово предлежит (аще и медлено видится исшествие, но скоро на истину прииде). И служителя того крѣпка Пречистѣй Богородици, Матери своей, постави еа святыми молитвами.

О рождении святаго

Съ преподобный отець нашь Мартинианъ родися[2] от благочестиву и христиану родителю, и крестишя ѝ въ имя Отца и Сына и Святаго Духа и нарекошя имя ему въ святомъ крещении Михаилъ.

Устрабившу же ся отроку, и прочее растущу ему въ всякомъ благоговѣинствѣ и чистотѣ и просвѣщеном разумѣ, в послушании родитель своих, и бывшу ему уже в разумѣ о учении грамотномъ, и не обрѣте доволна пекущегося о немъ на таковое устроение. Всѣхъ же насъ промысленикъ и строитель животу человѣчьскому Богъ всемилосердый изволи попещися о отроцѣ семъ: приведе его нѣкогда в руцѣ угодника своего блаженнаго Кирила.

И еще ему сущу от млады връсты, сродници же его, приведше, поставишя его близъ святаго. Отрокъ же, видѣ его акы аггела стоаща и разсматряюща юность его, недовѣдѣ что ино глаголати, токмо умиленно падаше на нозѣ святаго: «Възми мене, господине, к себѣ», — глаголаше. Блаженный же видѣ юннаго умилена стоаща, милосердова о немъ, зжаливъси, акы отець благоютробный, и поразумѣ благородие душа его, с радостию приатъ его яко Богомъ предана ему суща.

И в та времена прилучися — близ обители святаго человѣкъ нѣкый живяше, имя ему Олеш Павловъ, диакъ монастырскый.[3] Дѣло его бѣаше книгы писати и учити ученикы грамотныа хытрости, и зѣло искусенъ сый таковому художьству. Сего Кирилъ призвавъ, рече ему: «Друже, сътвори ми любовь Божию: научи ми отрочка сего грамотѣ, егоже видиши. Да и се ти глаголю пред Богомъ: съхрани его, яко зѣницю ока, въ всякой чистотѣ». Он же,埋 взем благословение от святаго и отрока, начат усердно прилежание о немъ творити. И въскорѣ Божиею благодатию научи его грамотнѣй хытрости доволно и спѣшно, яко всѣмъ дивитися скорому его научению: акы въ снѣ шествие преидоша молитвами святаго. И приведе его учитель его, предасть ѝ в руцѣ преподобнаго. Святый же вземъ у него отрока и благослови его и отрока.

И еще ему из младыа връсты сущу, искушаше и сматряаше его святый, кое предложение имать. И повелѣ ему святый книгамъ поучатися.[4] И опасно издавна опытавъ о немъ, — яко не от далныхъ странъ имать пришествие отрок, но от ближнихъ властей святаго, Сяма зовомо,[5] — видѣв же преподобный кротость и смирение юннаго, наипаче душевную чистоту и незлобие, възлюби его зѣло. Постризает его, и одѣвъ въ иноческаа, и нарече имя ему Мартинианъ. И сътвори его блаженный себѣ ученика, и въ своей келии жити повелѣ. И бысть ему любимый ученикъ.

Сего видѣвъ преподобнаго си отца, Мартинианъ възревнова доброму его житию, и всѣм умомъ повиновашеся ему, и опасно зряше аггельскаго того пребываниа, въ молитвах протяжное, безгнѣвное же, и въ трудѣхъ любомудреное. Видящи же его безмѣрныа труды, а и в толицей старости тако подвизающася, яко отнюдь нечесомуже падати от заповѣданыхъ, юноша же тщашеся вся събою та исправити, и тако бяше старцу повинуася, якоже аггелъ Христу. И велми радовашеся душею, благодарствуа бяше Бога, яко такову мужу святу вдасть его Господь Богъ в руцѣ в научение блаженнаго дѣланиа.

И сице постъ вмѣняаше, яко наслаждение нѣкое, и наготу, яко красное одѣание, и тако въздръжаниемъ томляше плоть свою, по реченному апостолу, «плоть изнуряа, душю же просвѣщаа». Моляше же и о семъ святаго, дабы ему постъ уставилъ выше трапезнаго времене юности ради. Преподобный же не попусти ему, но повелѣ ему з братиею хлѣбъ ясти, и сиа не до сытости.

Егда же блаженный Кирилъ в келии своей пѣние съвръшааше, сему повелѣваше поклоны творити. И сиа многажды бывааше и до времени клепаниа мало нѣчто дааше ему сна причаститися телесныа ради нужда. В соборѣ же тщаашеся прьвѣе всѣхъ обрѣстися на пѣнии и послѣ всѣхъ исхождааше.

Егда же бяше помыслы когда стужати ему начинаахуть или разлѣнение, та онъ вся старцу своему съ страхомъ сказоваше, наипаче силою Животворящаго Креста и молитвами святаго вся сиа без вѣсти от него бывааху. И толико старцу служааше съ смирением и келию его храняше, яко и самому тому блаженному Кирилу радоватися о нем, и благодарити Господа Бога и Пречистую его Богоматерь, и глаголати братии: «Съ хощет, братие, искусенъ инокъ быти». Якоже и бысть святыми его молитвами.

Бысть же у великаго того подвижника время немало, никоеа же своеа воля имый, токмо неразсуднаго послушаниа, посем же повелъниемъ святаго посылаемъ искуситися в службахъ в хлѣбню и в поварню. Он же тамо начатъ въздержатися, и вся чювства своа добрѣ храняше без зазрѣниа всякого, и съ смирениемъ всѣхъ послушаше, воду нося, и дрова сѣкый, и хлѣбы братиамъ принося, и от всѣхъ молитвы приемля и благословение, и всѣмъ припадаа съ смирениемъ многым, моля молити Бога о нем и Пречистую Его Богоматерь, и в келию отхождаше блаженнаго Кирила съ молитвою и молчаниемъ. И вѣру толику къ святому стяжа, не яко человѣка его, но яко аггела Божиа зрѣти, не бо

грубо или что безумно глаголати пред нимъ, но всегда съ благословениемъ отходя, такоже и в келию приходя. Блаженный же възлюби его и толико его в келии дръжа, елико довлѣет его юность исправити.

Разумѣ же преподобный на нем Божию благодать, яко может и единъ в келии жительствовати. Святый же отпущает его съ молитвою и благословляет в жительство къ братии. Блаженный же Мартиніанъ молитвами святаго си старца и тамо благостройно живяаше, вся заповѣданаа ему от старца съ страхомъ исправляаше.

Посемъ преподобный клирика его сътворяет[6] и, тако мало время згодивъ, в диаконство поставляет его съборнѣй церкви с ним служити. Он же вся службы церковныа с подобающим смирениемъ опасно сматряаше и прилѣжно печашеся ими съ многым смирением и благоговѣниемъ. Якоже видит отца творяща, тако и онъ тщашеся исправити, — наипаче младости ради, якоже и многым братиамъ, зрящимъ его смирение и трьпѣние, ползоватися от него и ревновати его добрымъ дѣломъ и глаголати: «Блажен братъ съ, яко такова подвижника сподобися ученикъ быти!» И въскорѣ исправися милостиею Божиею и преподобнаго молитвами и учениемъ.

Овии любяше его и моляаху Бога о нем, инии же завистию подстрѣкаеми, зазирающе ему, осуждааху, якоже многажды въ человѣцѣх бывает страсть сиа смущеннаа. Он же вся сиа Бога ради трьпяаше и ничтоже о сихъ вмѣняаше, якоже наученъ бысть от святаго старца вся Бога ради претрьпѣвати. На единa праведнаа сматряаше, тѣмъ поучаашеся, всѣхъ равно вмѣняаше и всѣхъ равно почитааше, съ смирением и любовию всѣм покаряшеся, и всѣхъ послушаше, и низко покланяшеся, и с любовию къ всѣмъ отвѣщаваааше.

Что же по сих? На святѣмъ Кирилѣ изволися быти воли Божии, якоже и на всѣхъ человѣцѣхъ бывает общий судъ Божий. Преставися убо блаженный Кирилъ от житиа сего и взыде къ Господу в вѣчный покой, Ему же усердно послужи и желаемаа получи от Господа Бога, Спасителя душямъ.

Блаженный же Мартиніанъ, добрѣ проводивъ отца своего, и молитвеника к Богу велика предпосла, благодаряше Бога и Пречистую Его Богоматерь, яко желаемаа получи от Бога наказаниемъ старчим. Аще и жалостию намнозѣ съдръжимъ, добляго си отца и учителя оставъ и проводивъ къ гробу святыа и честныа его мощи, болма начатъ подвизатися, святаго си отца на молитву призываа бяше и поминаа доброе жителство его, акы на хартии, держа писана на сердци своемъ, и яко по лѣствицѣ добрѣй шествие свое творяше. И поживе немало врѣмя в пострижении своемъ.

Прииде ему нѣкогда помыслъ безмлъствовати и свое жителство начати. Помолився Богу и Пречистѣй Богородици и у преподобнаго си отца Кирила гроба бывъ, благословися у него, изыде на особное мѣсто, разстоаниа немало имый, яко поприщъ близъ ста, Вожь езеро зовомо.[7] Есть островъ на немъ немалъ, и велми угодно мѣсто то на особь

единствие или и мнозѣмъ от мирскыа чяди удалися. Тамо убо пустынное и безмлъвное начинает житие.[8]

Мало время преиде, приидошя к нему нѣции и от братиа на жителство и умолишя его, дабы церковь поставилъ. Он же ихъ послуша, намнозѣ моляща его, начяша же церковь съзидати въ имя Преображениа Господа нашего и Спаса Исуса Христа. И по обычаю свѣщавъ, иконами и книгами украсивъ,[9] даже и до днесь стоит въ славу Божию, якоже подобаше церковному чину. И пѣние в ней изложишя, якоже лѣпо есть безмлъствующимъ иноком.

И въсхотѣ нѣкогда блаженный ити помолитися къ Пречистѣй Богородици в Ферапонтов монастырь. Игумен же и братиа начяшя звати его, дабы с ними у Пречистыа жителствовалъ. Блаженный же, видѣвъ ихъ вѣру и любовь нелицемѣрную, рече к ним: «Аще Господь Богъ изволит и Пречистаа Богородица не отринет мене грѣшнаго, то азъ буду с вами жителствовати, оже дасть Богъ, в предниа дни». И пакы отиде въ свою пустыню и поживе на мѣстѣ томъ немало врѣмя.

Приидошя же к нему и другыя жителя (многажды же аще и начинают человѣци, но Богъ же всяведый на полезнаа паче наводит). Блаженный же, видѣвъ их прилежание, остави их ту жителствовати и се имъ прирекъ: «Якоже сами изволили есте». И, заповѣдавъ имъ о церкви Божии попечение имѣти, помолився Спасу и Пречистѣй Богородици, отиде к Ферапонтовъ монастырь.

Игумен же его и братиа с великою честию приашя и велми радовахуся о нем: якоже обѣщася к ним приити, тако и сътвори с великою любовию. Блаженный же Мартинианъ начатъ с ними усердно жителствовати и свойствено прилежание имѣти. Но понеже къ церкви Божии великъ поспѣхъ в службахъ имѣа бяше и уставъ жителства чернеческаго доволно знает, о смирении же его и говѣнии что и глаголати, яко всѣмъ образъ доволенъ бяше, и толико братиа святаго възлюбишя, яко своего домашняго строителя и домоводца истинна.

По сих же мало время препроводивъ, волею Божиею игуменъ игуменство монастыря того остави, братиа же недоумѣахуся, что сътворити. Начяшя блаженнаго Мартиниана молити, дабы игуменство взялъ. Он же, смирение любя, глаголя: «Недоволенъ есми, господине, к таковому начинанию, и выше мѣры моеа дѣло есть сие, но понеже всяка власть велику бѣду и попечение души наносить, азъ есмь человѣкъ грубъ и немощенъ», — и отрицаашеся намнозѣ. Братиа же мало время спустя пакы събрание сътворишя, и съ многою любовию начашя святаго молити, и едва умолиша ѝ. И нарекошя его игумена Пречистѣй Богородици Ферапонтову монастырю.

И идошя о нем бити челомъ князю Михаилу Андрѣевичю[10] и сродникомъ его,[11] но понеже то и очьчина их бяше и великую вѣру дръжатъ къ Пречистѣй Богородици в Ферапонтовъ монастырь, якоже и отець его, князь Андрѣй Димитривичь. Они же милостию Божиею възлюбишя блаженнаго Мартиниана, якоже и прежде знают его опасно, часа того поставишя его игумена Ферапонтову монастырю и,

покоити монастырь его доволно обѣщавшася, писанием утвердивъ, и милостыню ему давъ, и отпустишя его в монастырь къ Пречистѣй Богородици. Инии же глаголют, самого еще князя Андрѣа предавша монастырь Пречистыа Богородица Мартиниану, мы же о семъ не пререкуемъ, но понеже едино имѣшя произволение и отець, и сынъ его, князь Михайло.

Блаженный же Мартинианъ, пришед в монастырь, и начатъ подвизатися наипаче, труды къ трудом прилагаа, постомъ и молитвами и въздръжаниемъ многымъ, якоже и наученъ бысть от преподобнаго си отца Кирила. И глаголаше к себѣ: «Аще дано будет много, много и взыщется от него»?[12] Начат же и о монастырѣ том попечение велико имѣти — о церкви Божии, и о келейном управлении, и о трапезном благочинии. Вся устраяет въ образъ от Кирилова обычаа: по уставному времени обще питие, такожде и ядение, незазорно и благочинно, и всѣмъ равно творити, и съ смирениемъ многымъ и молчанием, якоже есть всегда нѣкая трапеза царьскаа святаа, паче же Христова, всѣмъ равна и изобилна, и всѣм независтна, и въистину в воню благоюханиа божественыхъ заповѣдей Господнихъ, якоже есть лѣпо святымъ и зѣло благоугодно, такожде и к нищимъ милование благоразсудно. Даже и доднесь то ихъ Богомъ дарованное начало Святаго Духа разсуждениемъ и смотрениемъ ведется добрѣ и съблюдается милостию Божиею и Пречистыа Богоматере молитвами.

Слышавше же блаженнаго сего мужа, о немже нынѣ слово намъ, добродетѣлное житие и устроение еже в жителствѣ его святаго того аггельскаго образа, мнозии отвсюду стекахуся, якоже пчелы нѣкыя, слышаще цвѣтъ медовный, — инии ползы ради, друзии же жителствовати с нимъ хотяше; мирстии же прихождааху и моляше святаго сподобитися имъ аггельскаго образа. Блаженный же, разсматраа ихъ, приимаше по мнозѣхъ тѣхъ умолении, и постризаше ихъ въ иноческаа, и крѣпко им начало дааше, якоже и самъ наученъ бысть добродѣтелному тому дѣланию.

Многа же добра сътвори монастырю тому блаженный Мартинианъ, распространи и укрѣпи въ славу Божию, якоже и до нынѣ суть. Начало ихъ доброе и блаженное въ спасающихъ душахъ вселися, к Богу жертва жива приносится, понеже никое приношение тако любит Богъ, якоже от спасающихся душях прилежание и попечение имѣти.

Слышав ше же сиа, князь Михайло Андрѣевичъ и сродницы его, иже бѣ очьчинника мѣсту тому, радовахуся, благодарствующе Бога и того Пречистую Богоматерь, тамо Ферапонта ублажающе, здѣ же преподобнаго Мартиниана, якоже нѣкаа два брата домоводця, стройнѣ заповѣди Господня исправляющя и добродѣтелныя плоды Господови приносящя: овъ 30, другыи въ 60, инъ въ сто, якоже земля благоплоднаа,[13] — радовахуся о нихъ, безпрестанно милостыня посылающе и очьчинныя земли дающе с крѣпкыми грамотами и печатьми[14] в домъ Пречистыа Богородица милости ради Божиа. Даждь и донынѣ суть благодѣаниа ихъ въ славу Божию.

Немало же время подвизася в монастыри том доблий онъ подвижникъ, игумен Мартинианъ, на игуменствѣ болѣ 20 лѣтъ[15] молящи Бога день и нощь и Пречистую Богородицю.

О самодеръжцѣ великомъ князѣ, и о всѣхъ благочестивыхъ князѣхъ, и о земском благоустроении русскыа дръжавы за православную вѣру христианскую

И о сих тако. Что же по сих? Изволение прииде Божие. Обычай убо бяше Богу всегда свое създание наказовати за съгръшение наше овогда мором, иногда гладом, иногда же пленении языкъ, иногда же в земскых самодръжцех неустроение междусобное, грѣх ради нашихъ наводя, да бы ся покаали и избыли вѣчные муки.

Прилучися нѣкогда великому князю Василию Василиевичю[16] всеа Руси ехавъ помолитися к Живоначальнѣй Троици в Сергиевъ монастырь.[17] Позавидѣвъ того дръжавы, якоже нѣкый другый Каинъ братоубийца,[18] князь Димитрей Шемяка,[19] събрався съ многыми людми, посла вьслѣдъ его в Сергиев монастырь, и поимавъ того великаго князя Василиа Василиевича, и безъ милости над ним сътвори: приведе его к Москвѣ с своими ближними угодникы, въ 3-й день изятъ обѣ очи его — увы мнѣ! — и, свѣта сего лишивъ, съсла его на Углечь[20] и с великою княгынею и з дѣтьми.[21] Матерь же его, великую княгыню Съфию,[22] на Чюхлому отсла.[23] Сам же, шед, сѣде на Москвѣ на столѣ его, на великом княжении, самоволно, никомуже възбраняющу ему или противляющуся.

О семъ пророкъ глагола Духомъ Святымъ: «Аще не Господь съзиждеть дому, всуе трудится зиждяй».[24] Прогнѣвася Богъ на того князя Димитриа Шемяку и отврати лице свое святое. Тѣмже и бывшу ему въ смятении мнозѣ и страсѣ велицѣ о неправдѣ тъ и о измѣнении еже въ крестном цѣловании, иже сътворилъ бяше великому князю Василию Василиевичю.

Аще Господь Богъ оставит человѣка и отимет благодать Свою от него за многаа прегрѣшениа его и неправды, иже сътворилъ бяше пред Нимъ въ вся дни живота своего, и не въспомянет покаатися и обратитися от золъ своихъ, не бывает человѣкъ тъ въ благыхъ сдѣанихъ, но въ спущении мнозѣ и мятежи, якоже въ тмѣ, дни своа проходитъ, неисправлением губя душю свою. Такоже и здѣ явися неправды ради нашеа и грѣхъ.

По мнозѣх же смятений князя того, якоже прежде рѣхъ, — не судя глаголю, — да не будеть! — но истину представляа, — начатъ разкаеватися и тужити, наипаче принуженъ бысть многыми бяше святители тоа Московскыа области и своими ближними съвѣтникы, таче ехавъ съ владыками и князьми своими и боляры на Углечь к великому князю Василию Темному, выпустивъ его и его великую княгыню Марию и дѣтей их, добивъ ему бяше челомъ, и умирися с нимъ, и отпусти его на Вологду,[25] в далниа страны от Московъскаго царства, но понеже то ему далъ бяше и с великою княгынею и з дѣтьми въ очьчину.

О, бѣды и неправды! Сродника сего ближняго како се сътвори! Такову велику господину и самодръжцу Росскиа земли иже единем градомъ упокоитися и управити, иже прежде прьвие недоволну сущу бывшу всея Русскыа земли областию! Никакоже Господь силамъ сего въсхотѣ, ниже изволи сему быти, милостивъ бо Господь Богъ, кроткым и смиреннымъ срьдцы дает царство и власть,[26] емуже хощет и волитъ. Не токмо бо сими бяше православными людми, витязи и боляры, пособие сътворилъ бяше ему, но и из ыныхъ многых странъ безчисленое въинство подвигну и въспосла ему на помощь, но и ти самии врази душямъ нашимъ, варвари, рекше тотари, ис Черкасъ приидошя з двема царевичи[27] на помощь к тому великому князю Василию Василиевичю Темному.

Но аще ми о сихъ не възвѣруеши, азъ ти истинны свѣдѣтеля на се представлю: възми книгу Лѣтописчиа Русскыа земля,[28] — тамо изъобрящеши моимъ недостатъкомъ наполнение.

Нѣсть бо, нѣсть лзѣ бяше такову сущу самодръжцу Русскыа Великиа земля в тацѣй далнѣй пустыни заточену быти,[29] наипаче с таковыми дѣтьми своими, благородными великыми князьми!

Помолився убо бѣаше Богу и Пречистѣй Богородици и великымъ чюдотворцемъ, рекъ: «,,Ты, Господи, Сердцевидче",[30] живый на небесѣхъ, и на смиренныа призираеши, Ты подаеши немощнымъ силу и болнымъ здравие, Ты даеши царемъ дръжаву и князѣж власть, Ты, Господи Боже, сирымъ помощникъ от насилующих неправедно и в бѣдах великый заступникъ, виждь неправду недруга нашего и супостата, помози нам всесильною Твоею рукою! Господи Боже, „аще бы врагъ поносилъ ми, претрьпѣлъ бы ему убо, аще бы ненавидяй мя на мя велерѣчевалъ, укрылъ бых ся от него".[31] Якоже пророк, Господи, глаголеть: „Аще и братъ на нь въстанет, неправду слагаа, и ищет душю мою изяти, ничимже не негорши злодѣа"».

Всемилостивый же Богъ не въсхотѣ забыти трудовъ слугы своего, како пострада за имя его и святыа церкви, и за православную вѣру християнскую въ плѣнении и на ратѣхъ за земское устроение. Аще и телеснаго свѣта лишенъ бысть, но душевнаа доброта просвѣщает умъ всякого человека. И Псаломник глаголеть: «Господь умудряетъ слѣпца»[32] и «дает премудрость»[33] емуже хощетъ и силу. Сътвори обратитися всѣмъ людемъ к великому князю Василию Василиевичю Темному, и начяшя съежжатися мнозии князи, и боляре, и все въинство дръжавы его от всѣхъ странъ и градовъ, якоже прежде речеся, не въсхотѣшя никакоже князю Димитрию Шемякѣ служити, ни же крестнаго цѣлованиа дати.

Князь же великий Василие Василиевичь, видѣ на себѣ милосердие Божие и Пречистыа Богородица помощь и великых чюдотворцевъ, благонадеженъ сътворися и в радости велицѣй бывъ, всѣхъ к себѣ призывает и укрѣпляет словом Божиим. И поразумѣ около себе бесчисленое множество срищущихся войска его и многыя слезы изливающя о незгодѣ господина своего, и уныние оттрясъ печали своеа, якоже орелъ нѣкый приемъ быстрость крилъ своихъ — толикым народомъ обогатися внезаапу.

Помолився Богу и Пречистѣй Богородици и с великою княгынею, и з дѣтми своими, и съ многыми бесчисленными вои, посла часа того и к великому князю Тферскому Борису Александровичю,[34] дабы шелъ с нимъ на помощь на князя Димитриа Шемяку. Он же к посланнику его отвѣща: «Аще женитъ у мене сына своего, великаго князя Иоанна,[35] то азъ готовъ с ним на помощь на недруга его». Посланник же тъ възвратися к великому князю, господеви своему, и сказает вся от великаго князя Тверьскаго еже к нему реченнаа. Князь же великый Василие Василиевичь давъ ему слово на томъ и обрученнаа пославъ сынови своего, и укрѣпишася между събою.[36]

И посем князь великый Василие иде с Вологды помолитися къ Пречистѣй Богородици в Кириловъ монастырь. Такожде и в Ферапонтовъ прииде съ всѣми вои своими сущую тамо братию накормити и благословитися от них. Срѣте же его игуменъ Мартинианъ съ всѣю братиею внѣ монастыря с великою честию и радостию и благослови его Честнымъ и Животворящим Крестомъ. Молебнаа пѣвъ и любезно трапезою учреди, доволно покой подавъ и благонадежна сътвори его утѣшителными словесы, благословляеть его и повелѣваетъ итти противу супостата,[37] иже толику неправду над нимъ сътворшаго, понеже и вѣдят вси, яко не Божиею волею сѣде на великом княжении тъ князь Димитрией Шемяка, но надѣася на гордыню свою, и възмущенъ бысть врагомъ весь умъ его. Князь же великый Василие Василиевичь, వземъ благословение от святаго и словеса душеполезна, възлюби его зѣло, глаголя: «Отце Мартиниане! Аще будеть на мнѣ милосердие Божие и Пречистыа Богородица и великых чюдотворцевъ моление, и твоими молитвами сяду на столѣ своемъ, на великомъ княжении, аже дасть Богъ, монастырь твой упокою доволно и сътворю тя близъ себе». Якоже и бысть.

Дав же и милостыню Пречистыа Богородица монастырю елико сила можааше, взем благословение от святаго, изыде скоро съ всѣмъ воинствомъ своим на недруга своего, и снятся съ Тверскымъ великымъ князем, поидошя вкупѣ на Шемяку.

А князь Димитрей Шемяка съ своимъ воинствомъ противу их на Волоцѣ стоит.[38] А уже мнози людие от него побѣгли бяху к великому князю Василию Темному. Он же, услышавъ, непреподобный, страшный тъ приходъ, съ срамомъ и студомъ бѣжит от Московы-града в Галичь[39] и оттолѣ в Новъградъ Великый,[40] и тамо — о немъ нѣцыи повѣдают — окормленъ бысть зѣлием от повара своего и умре, смерть бѣдную приать,[41] и положенъ бысть въ Юрьеве монастырѣ.[42]

Князь же великый Василие, якоже прежде речеся, пришедъ к Москвѣ съ многыми людми, сѣде пакы на своем великомъ княжении, а великаго князя Тверскаго, одаривъ, и с великочестию отпусти въ свое отечьство. В лѣто 6960-го жени сына своего великаго князя Иоана у великаго князя Бориса дщерию его Мариею. И о сих — до здѣ.

В то же время прилучися в Сергиевѣ монастырѣ у Живоначалныя Троици игумену преставитися, пятому по Сергии чюдотворцѣ[43] Князь великый Василие Василиевичь въспомяну обѣтъ свой еже къ

преподобному Мартиниану и,埋 вземъ, часа того посла на Бѣлоезеро по Мартиниана игумена в Ферапонтовъ монастырь. И, нехотящу ему, умоли и взяти его, и сведе к Москвѣ, и дасть ему игуменство у Живоначалныа Троица в Сергиевѣ монастыри.[44] В него же мѣсто у Пречистыа в Ферапонтовѣ постави игумена их же постриженика именемъ Филофиа, — послѣ того Великой Перми и Вологдѣ 30 лѣтъ, повѣдают, владычьство дръжалъ.[45]

Что же сиа подробну писати или глаголати о преподобнѣм Мартинианѣ? И тамо, у Живоначалныа Троица, много послужи, и многыа труды показа, и братию добрѣ снабдѣ, и великому князю Василию духовный отець бывъ и великую от него любовь и честь приатъ.

И сия нелѣпо забвению предати о блаженнем Мартинианѣ. Сице прилучися дивному сему отцу. Бояринъ нѣкый отъеха от великаго князя Василиа Темнаго к Тверскому великому князю. Он же зѣло зжалиси о бояринѣ томъ и не вѣдѣ, что сътворити или како възвратити его назадь, понеже от ближнихъ его съвѣтникъ. Посылает моление къ преподобному Мартиниану в Сергиевъ монастырь, дабы его възвратилъ, и обѣщавает много паче прьваго честна и богата сътворити его. Святый же послуша его, надѣався на духовное сыновство, възврати болярина того. И въ въсѣмъ нятся ему преподобный. И яко прииде бояринъ тъ к великому князю, он же не удержа ярости гнѣва на болярина того, повелѣ и оковати.

Сродници же его вдашя нарѣчие къ преподобному Мартиниану в Сергиевъ монастырь. Слышав же сиа, святый оскорбися зѣло, яко измѣну сътвори над бляриномъ. Сѣд на коня, иде скоро к великому князю с великою печалию. И, пришед, прьвие помолився святым церквамъ, и внезаапу прииде в великаго князя храмины, никому же вѣдяшу его. Пришед, тлъкнувъ двери. Дверници же сказашя великому князю пришествие святаго, он же повелѣ его скоро пустити к себѣ. Блаженный же, вшед, помолився Богу и молитву сътвори, также близъ его напрасно пришедъ, и рече: «Тако ли, самодръжавный князь великый, ты праведно судити научился еси, господи! Почто еси душю мою грѣшную продалъ и послалъ еси въ ад? Почто еси болярина того, иже мною призванного, душею моею, оковати повелѣлъ и слово еси свое преступилъ? Не буди мое, грѣшнаго, благословение на тебѣ и на твоем великомъ княжении!» И обратився от гнѣва, скоро изыде их храмины. Всѣд пакы на коня, възвратися къ Троици в Сергиевъ монастырь, нимало побывъ на Москвѣ.

Смотрите ми, Господа ради, мужа того разсудителное и неуклонное мудрование, яко таково дрьзновение приложи и еже многымъ неудобь исправляемо. Но едино разсудивъ, взираше на вся сътворша и Бога, и еже по Бозѣ неправду гоня, правду же въставляа, и якоже солнце показа, не устыдѣся таковаго величества, не убоася казни, ниже заточениа, ниже имѣниемъ отъятиа или власти разрушениа, не помяну Иоанна Златоуста, глаголюша, яко «прещение царево ярости лвовѣ подобися»,[46] шед, обличи, не токмо обличи, но и в запрещение положи.

Что государь тъ чюдный? Поистиннѣ велика бяше разсужениа и послѣднюю премудрость имѣ смиреномудриа, наипаче по Бозѣ, убоася суда Божиа, глаголя в себѣ: «Яко и азъ человѣкъ есмь, всяко Богомъ судим, и всяко правда истяжется. Аще и царьскую власть приалъ есмь судити самовластно, но пред Богомъ „вся нага и обнажена суть пред очима его”:[47] судитъ и царя, якоже и простаго человѣка». Позна неправду свою, не прогнѣвася, ниже възъярися неправедно или безсловесно възмутися, рече к себѣ: «Виноватъ азъ пред Богомъ, съгрѣших к Богу, преступих слово свое».

Боляре же скоро приидошя к нему. Он же единако глагола, акы гнѣваася: «Боляре, смотрите ми черньца того болотнаго, что ми сътвори: напрасно пришедъ в храмину мою и обличи, и Божие благословение снят, и безъ великаго княжениа мя постави». Боляре же недумѣахуся, что к нему отвѣщати. Он же пакы им глагола: «Азъ, брате, виноватъ пред Богомъ и пред нимъ, что забыхъ слово свое и неправду сътворих. Идемъ убо къ Живоначалнѣй Троици, та нас разрѣшит, и къ преподобному Сергию, и къ игумену тому, помолимся вкупѣ, яко да прощение получимъ». З болярина же часа того опалу с него сложи и, очи ему давъ, паче прьваго сътвори его у себе в жаловании и в любви. И иде скоро з боляры своими къ Живоначальнѣй Троици в Сергиевъ монастырь.

Игумен же Мартинианъ, слышавъ приход его, срѣте его внъ монастыря съ всею братиею, благодадарствуа бяше Бога, съ многою радостию видѣвъ его доброе обращение, и великое смирение, и покаание еже к Богу. Дивный же онъ самодръжец, князь великый Василие Василиевичь, не помяну никоегоже гнѣва, ниже възмущение сътвори или досаждение въспомяну. Шед борзо, пад у Живоначалныа Троица, прощение приатъ покааниемъ своим. И съ смирениемъ многымъ у чюдотворцева гроба Сергиева помолися, и у игумена Мартиниана прощение взятъ и пакы благословение о всемъ. И благослови его святый Честнымъ и Животворящим Крестомъ, и самъ от него прощение взят о дрънутыхъ.

Христолюбець же истинный, князь великый, молебнаа сътворивъ, и братию кормивъ, и милостыню доволну давъ монастырю, отиде пакы с радостию на столъ свой въ славный град Москву, благословенъ и прощенъ, в вѣкы аминь.

Видите ли, господие, праведное смирение боголюбца того, великаго князя, разсудительное и безгнѣвное? Кто не удивится или кто не ублажит и не прославит, такова видѣвъ праведна велика и смирена царя! Поистинѣ бо и вправду, якоже нѣции от древнихъ глаголють о нем: «Велику от Бога мзду имать и милость государь тъ. Много пострада и много претерпе от находящих бѣд въ пленении и на ратехъ, от невѣрных царей и междуусобныа брани. Аще и наказание от Бога приатъ, но въ всѣм благодарственъ явися и храбръ, и вѣрою многою к Богу утверженъ». Якоже и писаниа святыхъ отецъ глаголют: «Аще кого любитъ Господь Богъ, того и наказует. Биетъ же сына своего, егоже приемлеть».[48]

Мы же пакы на прьваа обратимся, о преподобнѣмъ Мартиниане. Живщу же святому и послѣ притча тоа немало врѣмя. Государь же тъ, князь великый, паче прьваго възлюби блаженнаго Мартиниана и ни в чем его не оскорбляа бяше, но паче въ всѣмъ его послушааше и велми почитааше его. И много лѣтъ царствова на Москвѣ, многыхъ великыхъ князей породи и по удѣломъ посади, и многых великыхъ въевод, князей и боляръ к себѣ привлече любовию и милосердием, и много добра в Русской земли сътвори милостию и щедротами Живоначалныа Троица и молениемъ Пречистыа Богородица и великыхъ чюдотворцовъ Русскыа земля. Болшаго же своего сына при своемъ животѣ наслѣдника себѣ сътвори, великаго князя Иоанна, благослови и предасть ему скипетръ Русскыа дръжавы.[49] И о сихъ тако.

Бывшу же блаженному Мартиниану на игуменствѣ у Живоначалныа Троица в Сергиеве монастырѣ, с великым тщаниемъ и усердиемъ послуживщу и многыми труды и подвигы пасущи Христово стадо словесныхъ овець, немало врѣмя препроводи, до осмих бо лѣтъ нѣкогда дошедши и в размышлении бывъ жительства своего, понеже и въ старость уже приходя, и многыя недугы приближатися начинаху: ово подвига ради, ово попечений многыхъ ради находяших винъ от царствующаго града, и ино от монастырскаго нахождениа, — того дѣлма святый хотяше игуменство оставити. Братиа же моляхут его, глаголюще: «Потрьпи Господа ради и еще, отче, на мѣстѣ сем, снабдящи стадо Живоначалныа Троица и достоание преподобнаго Сергиа». Он же ихъ в кратцѣ послушавъ, лубве ради. Въспоминаше бо блаженный и сиа часто на умѣ учителя своего наказание, преподобнаго си отца Кирила чюдотворца, слово глаголющее, яко: «Добро, — рече, — иноку млъчание хранити и нестяжание и отбѣгати вредящихъ душевнаа чювства».

Немалу убо праведный скорбь имяше и о Пречистыа обители Ферапонтова монастыря. «Наченшу ми, — рече, — тамо игуменити и ничтоже ихъ ползовашу». И велми зазираше себѣ о том блаженный, како бы имъ помощи, понеже «не у еще мѣсцо то, — рече, — потребами нужными удоволися», и, яко остном, стрѣчемъ от съвести всегда попечением обители тоа.

Вѣдяше бо Всемилостивый Бог, чѣмъ хощеть Матере Своеа обитель, Пречистыа Богородица, украсити и наполнити благыми Своими даровании, таковы и жителя прьвие преподобным устрааеет и, яко утварь царьскую церкви своей хощет положити мощи преподобнаго Своего угодника Мартиниана, велику убо вѣру и любовь по Бозѣ праведнаа она душа имяше къ обители Пречистыа Ферапонтова монастыря, якоже нѣкое наслѣдствие приемъ от Бога обитель ону.

Что де по сихъ сътвори? Съзвавъ убо блаженный братию всю, Богомъ избранное стадо, сътвори к ним послѣднее поучение, якоже и обычай имяше къ братии, и монастырское строение чисто отдавъ, входить в съборную церковь, помоляся у Живоначалныа Троица и у гроба преподобнаго Сергиа бывъ, цѣловавъ мощи его, и обѣты своа отдавъ послушаниа, цѣловавъ убо бяше и братию всю, и благословение давъ и прощение послѣднее, такоже и у нихъ взятъ, оставляет убо стадо на

великаго пастыря Христа, отиде въ страны Бѣлоезерскыа, Божиимъ миромъ хранимъ.

И яко прииде в наслѣдьствие свое, Пречистыа обитель Ферапонтова монастыря,[50] слышав же игуменъ и братиа, вси с великою радостию въстрѣтишя святаго и приашя ѝ акы отца истинна с великым усердием и честно упокоишя старость его, якоже напред идый слово скажет. Он же всѣхъ любезно цѣловавъ и дарми и благословениемъ всѣхъ одаривъ. И бысть радость велика в братии о пришествии святаго. И сътворишя праздникъ честенъ радипришетвиа его. Игумен же акы отцу игуменство дааше, и отступаше от мѣста своего, и попечение вси з Богомъ възлагающе бяху на нь, акы на пастыря велика, и кръмчиа быти глаголаху имъ и наставника душямъ их къ спасению.

Блаженный же, видѣвъ ихъ великую любовь и *у*сердие еже по Бозѣ к нему, благодарствуа бяше Бога и Пречистую Его Богоматерь, и о семъ познаваше, яко «не презрѣ Богъ и Пречистаа Богородица молениа моего, — глаголя, — и желание мое все исплъни ради брата моего молитвъ и началнику мѣсту сему преподобнаго Ферапонта», — и прочее вселися ту. И по малѣ времени начатъ игуменъ и вся братиа молити святаго, дабы строителство взялъ мѣста того и попечение обители Пречистыа Богородица. Блаженный же, видѣвъ вѣру ихъ и усердие еже к нему, отвѣща к нимъ съ смирением: «Азъ, братие и отцы, недостоин о всемъ, еже таковое ми попечение съдръжати, понеже на то изыдох от обители Сергиева монастыря Живоначалныа Троица — плакатися грѣх своих, покой и безмлъвие старости моеей обрѣсти». Игумен же и братиа с великым молениемъ приступишя к нему, блаженный же к ним отвѣща съ всяцѣмъ умилениемъ: «Аще, господине, изволися Господу Богу и Пречистѣй Его Богоматери и вашей любви, то уже азъ за послушание готовъ и умрети въ обители Пречистыа и за брата моего и господина блаженнаго Ферапонта». Игумен же и вся братиа съ благодарениемъ великымъ, пад, поклонишяся ему, яко послуша молениа ихъ Бога ради и взятъ строительство и попечение всего монастыря.

И толико потрудися блаженный и подвигы показа на старость жителства своего, яко всѣмъ чюдитися и удивити прилежанию его и усердию, и еже по Бозѣ о благочинии съборнемъ, и устроении монастырстѣмъ, и еже к братству въ крѣпости, якоже от нѣкоего съкровища, емля от нѣдръ своих, ино от устава Кирилова монастыря и ино от Живоначалныа Троица Сергиева монастыря, — акы нѣкый купець или побѣдникъ, пришедый от далниа земля, износя от съкровищь своих, по апостолу, ветъхаа и новаа,[51] насыщаа и предаа въ душя жаждущаа[52] и хотящаа питатися от духовныа того трапезы.

Всѣ же бывающиа игумены и братиа обители тоа по чину, якоже и нѣкоему кладезю бяше неисчерпаему, приходяще и емлющи полезнаа словеса, куплю дѣющи бисера многоцъннаго, еже есть Христос[53] Сице и о телесных попеченииихъ бяху весь съвѣт и указание о потребных монастыря того вси приемлюще бяху от преподобнаго Мартиниана и до послѣдняго его преставлениа и еже к Богу отшествиа души его от тѣла.

Въм же и азъ о семъ преподобнѣм и блаженнемъ отцѣ вѣрна свѣдетеля о добрых его исправлении Пахомиа Святыа Горы священноинока,[54] творца житиамъ Сергиа преподобнаго и Кирила, сице глаголюща: «Пришедшу ми, — рече, — в обитель святаго Кирила, видѣхъ тамо настоателя тоа обители, Касиана именемъ,[55] достойна игуменомъ зватися, мужа, от многыхъ лѣтъ въ трудѣхъ постническых състарѣвшася. Съ убо множае начат ми глаголати нѣчто о святѣмъ написати Кирилѣ, бяше бо и вѣру имѣа велию къ святому, иже и самовидець бяше блаженнаго и многым его чюдесемъ сказатель истинный. Обрѣтох же тамо и иныхъ многыхъ от ученикъ его. Якоже стлъпи непоколебими въ истиннѣ пребывающе, иже и многа лѣта живша съ святымъ, в постѣ и молитвахъ и бдѣниихъ безмлъствующе. Якоже видѣшя отца творяща, сиа они тщахуся и дѣлы исправити. И бяше видѣти образъ житиа ихъ доволенъ и кромѣ писаниа къ извѣщению тѣхъ добродѣтелей. Их же азъ въпросихъ о святѣмъ, и начашя бесѣдовати къ мнѣ о житии святаго и чюдесех, бывающихъ от него: овъ сиа и ин же, подобнаа тѣм. И на многы различныа части глаголанна бяху святаго дѣйствиа». И яко прииде на сего блаженнаго Мартиниана, о немже прежде въспомянухомъ свидѣтелствѣ, рече: «Елма же азъ слышавъ от самовидца тогова житиа, паче же достовѣрнѣйша всѣх от самого того ученика, Мартиниана именем, бывшаго игумена тезоименитаго монастыря, Сергиева зовома, иже от мала възраста живша съ святымъ Кириломъ, иже и вѣдый извѣстно о святѣм, съ поряду вся сказоваше мнѣ о немъ»,[56] — и от сего начертавъ, начать знаменати дѣйствиа житиа преподобнаго. Отецъ бывъ сему блаженный Кирилъ, видѣ его искрення ученика себѣ и тепла вѣрою к Богу и желаниемъ добродѣтелей, не съкры, ниже презрѣ, но яко чадолюбивъ отець вся повѣда и откры сынови своему, надѣли и подарова. Сказатель о сихъ, пришед, на сего прииде блаженнаго Мартиниана и взят свѣдетельство истинно и подѣлуся ня тъ.

Мы же на прьваа обратимся, приснопамятнаго отца.

Не ласкаа глаголю, ниже сих ради похваляю преподобныя си отца, Ферапонта, глаголю, и Мартиниана, не требуют бо святии наших похвалъ или украшениа словесъ, довлѣет бо им небеснаа красота и наслаждение еже с Богомъ быти и зрѣти выну Пречистаго того лица, якоже пророк глаголеть: «Похвала праведнику от Господа бываеть и строение его от Вышняго».

Ферапонтъ же преподобный въ своа лѣта отиде къ Господу, добрѣ упасъ о немже попечению врученъ бысть от Бога. И положены бышя честныа мощи его в Лужкѣхъ в Можайсцѣ у Пречистыа Богородица,[57] якоже и прежде указася, понеже и тому убо бяше началникъ мѣсту святому. Тѣломъ убо възлегъ, душа же его взыде къ Господу, нам же остави пекущагося възлюбленнаго намъ о Христѣ преподобнаго отца Мартиниана. Тъ нача, то бяше остави, съ же недокончаное навръши. Тъ отиде на куплю духовную в далняа страны, Богомъ посылаемъ, Богомъ ведомъ, отиде, съ же блаженный Мартинианъ Богомъ приведенъ в него мѣсто, к намъ прииде и вселися в достоание его, акы наслѣдникъ нѣкый или братъ по плоти бяше, прилѣпися желанно, начатъ подвизатися трудолюбезно, труды къ трудомъ прилагаа, болѣзни к болѣзнямъ, день и

нощь печашеся, боряся з духы лукавьствиа, находящаа безстуднѣ на стадо Христово словесныхъ овецъ, ищуще коегождо насъ растлити или въсхытити от ограды добраго нашего пастыря Христа. Он же, яко добрый пастухъ, ово събою, ово другы своими, сирѣчь ученикы своими, пасый и ограждаа, укрѣпляа отвсюду, направляа бяше и от вльќъ губящих, бѣсовъ, из гортаней схыщаа, подражаа своего прьваго пастыря и учителя Христа, якоже онъ взыде на небеса, остави ученикы своя, постави многы святителѣ, пастыря и наставникы, наставляющая на путь спасеный.

Простите мя Господа ради, отцы и братиа, и не осудите худость мою, мало ми нѣчто провѣщати к вашему благородству. Никакоже азъ просту мню вещь сию быти, но божественаго промысла того человеколюбиа, того милосердиа многаго, еже на нас сътворися и заступлениемъ великыа помощница нашеа, Пречистыа Его Богоматере: аще не бы угодна была Богови дѣланиа си блаженныхъ онѣхъ отець, то не бы утвердилъ Богъ и възградилъ таковы двѣ обители, якоже град утверженъ пред славою его и величествомъ предстоятъ спасающихся ради душь. Колико ихъ спасошяся и спасаются въ имя того Всесилнаго Бога и Пречистыа его Богоматере! И сиа, вѣмъ, не невѣсть святость твоа, о възлюбленне, — пред тобою нынѣ вся предлежят: мнози от нѣдръ онѣхъ преподобных отець епископи изыдошя, мнозии игумени, учителие и наставници общим житиамъ. И сиа, вѣмъ, не невѣси: мнози отцы и братиа, ученици их, прозорливи бышя и мнози Божиа благодати исплънени и райскыа пища сподобишася. И се ти мало нѣчто повѣм о тѣхъ исправлении, да уразумѣеши истину.

Носивый братъ блаженнаго отца Мартиниана старости ради многыа и недуг на съборнаа пѣниа — имя ему бѣаше Галахтионъ,[58] и ученикъ его бяше — прииде нѣкогда в трапезницу з братиею, вновѣ ей поставленѣ, братиа же храмину начяшя хвалити, яко добра сущи и зѣло красна. Он же, яко юродъ, такожде глагола: «Добра, добра, да и недолговѣчна». Они же ни въ что же сиа от него вмѣнишя и яко юрода его бяше мняху. У Бога же явися премудръ: въ другый же день възгорѣся келиа брата нѣкоего и по другых ся нят огнь многъ, и немощно бяше изяти от нихъ ничтоже. Иосафъ,[59] бывый владыка Ростовскыа земля, въстужи си зѣло о положении вещи нѣкыа монастырскаго ради строениа,[60] братъ же онъ юрод, пришед, начатъ прѣтити ему, глаголя: «Что твориши, отче?! Бога прогнѣваеши, скорбя». Он же к нему: «Азъ, брате, не себе ради сиа удръжахъ, но нужда ради монастырскыа». Тъ же брат: «Аще сице глаголеши, да где суть и в коемъ мѣстѣ лежить съкровище оно?» Он же явѣ показа ему мѣсто в келии. Блаженный же юрод утекомъ скоро устремися г келии и, оградився крестным знамениемъ, пад въ пламень оноа келии и изятъ съкровище. Принесъ, постави è пред владыкою Иоасафомъ, глаголя: «Се, не тужи, о худом дѣле скорбиши». Братиа же удивишася вси и прославишя Бога о дрързновении брата непостыднем.

Келиа же оны взят огнь великъ, такоже и трапезницу ону до конца потреби. Людие же, текше скоро, начяшя звонилницу сѣщи, да не згорять колоколи. Он же приснопамятный, притекъ, отрину человѣкы и з сѣчивомъ, глаголя: «Сему не горѣть», — и ста у звонилницы. Огнь же

отнюдь не прикоснуся емъ, а и близъ сущи. И збысться проречение брата оного, поистиннѣ дивнаго.

Въ вся же службы готовъ з братиею, и тщаливъ зѣло, покоа же телеснаго весма не требоваше, и на съборном пѣнии паче всѣх обрѣташеся. И сиа от него извѣстно увидѣшя, яко блаженным Мартинианомъ разсудися и благословенъ бысть от него на чюдное сие и блаженное дѣлание.

Провидѣ же и преставление свое за многы дни. Егда прииде к нему нѣкый брат посѣщениа ради, и съвѣтникъ его бяше присный, Симановскаго монастыря постриженикъ, служба его бяше просфирам печение творяше, и нача скорбѣти о болѣзни его, он же к нему отвѣща: «Не скорби, брате, о мнѣ: еще и отити хощу от васъ, въ осмый же день и ты приидеши за мною». Он же, недоумѣашеся о вещи, повѣда братии речение его. И преставися онъ к Богу, разболѣся и съвѣтникъ его Сава, сие бо бяше имя его, въ осмый день отиде душа его от тѣла проречениемъ юрода оного блаженнаго.

И ина многа вѣмъ чюдеснаа. И другый брат повѣда ми тому же подобно, уже старець нынѣ, болии 30-ти лѣтъ дръжа игуменства. «Въ уныние ми, — рече, — нѣкогда впадшу, отнюд спроста хотѣх отступити от обители Пречистыа, учитель же мой, сѣд на празѣ келиа, рече къ мнѣ: „Что се, брате, умыслилъ еси? Врага послушаеши! Нѣсть ти мощно избѣгнути от волнениа его. Аще и от нас избѣжеши, тѣх же сѣтей и лукавствиа не можеши избѣжати нигдѣже”. Аз же, слышахъ от старца, и удивихся проразумѣнию его, вся бо ми умышлениа сердца моего пред лицем моим постави».

И иных братии бывших добраго сего разума вѣмъ исправлениа, да время повелѣ ми съкратити. Тѣмже сиа многаа глаголати ми оставим и пакы на прьваа обратимся.

Мартиниан же блаженный, якоже речеся, добрѣ подвизася, понеже и в великую старость уже приближися и частыа недугы видит, приближающася на нь, ничесоже ожидаа бяше, токмо нашествиа смерти и часа послѣдняго, но толико блаженный имяше усердие и вѣру еже к Богу и желание неуклонно и до самых послѣдних дней не отступи от съборнаго пѣниа. О келейном же что и глаголати! Такоже бяше и пощение съвръши, якоже и наученъ бысть от отца своего, преподобнаго Кирила. На съборное же пѣние братиею возим, иногда рукама поддержимъ бяше старости ради немощи многыа.

Слышу же некых глаголюша и блядуща простыа сиа глаголы: «Святитель немощен, — рече, — не живет, сирѣчь съкрушенъ». Афонасиа Афонскаго[61] не свята ли глаголеши, убиена съ церкви и смертъ побѣдну приемша? Семиона Стлъпника,[62] едину ногу имуща, а другую червми снѣдену? И многаа в тѣх святыхъ великыхъ тѣлеснаа съкрушениа обрящеши, душевную же их крѣпость паче всякого желѣза и камене твердѣйши святаа писаниа глаголютъ. Не слышали Владыку Христа глаголюща къ Иову праведному: «Еда мя инако мниши? Ни, но токмо яко да явишися праведенъ». Кто может Господня судьбы Божиа

изслѣдовати?[63] Вси святии въ трудѣхъ и болѣзнех животъ свой скончашя. Или нам иже нынѣ глаголаннаа: «Како нам не являются и не глаголють к нам святии сице и сице?» Аще бы в мѣру святыхъ отець достигнули быхом, то и мы бы дарованиа нѣкоего сподобилися быхом. Писаниа глаголють святых отець: «По мѣрѣ всякого добродѣтелей и дарованиа подает Богъ».[64] И о сихъ тако.

Видѣв же себе блаженный вконец от старости изнемогша и к концу приближающася, призывает к себѣ тоа обители иже с ним Богови работавших противу силѣ своей и предо всѣми игумену заповѣда предание и чинъ обители тоа съхранити, отнюдь не разорити никомуже от чина монастырскаго и устава, «якоже от наю, — рече, — обители тоа предано», и к симъ свидѣтеля Бога представляа и Пречистую Богородицю. «Якоже видѣсте, отцы и братиа, от наю, тако сиа и творите. Божиа же любы и милость и Пречистыа Богородица буди с вами». Благословение и прощение давъ игумену и братии, такоже и от них взятъ и послѣднее цѣлование, Пречистаго же Тѣла и Честныа Крове Христа Бога нашего и на послѣднихъ днехъ причастися.

Жит же в чернечествѣ множае седмидесят лѣтъ преблаженный и преподобный отець наш Мартинианъ и преставися к Богу, от дней в неделю, въ старости добрѣй, в съвръшеном образѣ, в лѣто 6991-го, месяца генваря въ 12, и приложися къ отцам своим в жизнь вѣчную.[65]

Игумен же и братиа вси стекошяся с плачем, скуташя мощи святаго и погрѣбоша ѝ честнѣ у болшиа церкви Пречистыа Богородица на десной странѣ олтаря,[66] и сътворишя память ему честно.

О благословении Мокариа митрополита[67]

Да не съблазнятся нѣции о сем, глаголюще: «Почто великый святитель Мокарие, митрополитъ Русскыа земля, не положи в грамотахъ, иже посла по градомъ и великымъ монастыремъ в лѣто 7055-го в преименовании царя великаго князя Иоана Васильевича и всеа Русии,[68] и иже избра и разсуди с того же бяше събора пѣти и праздновати повелѣ святых отець по всѣмъ церквам Великия Росиа, а сихъ остави?» Но понеже не небрежениемъ сиа сътвори святый митрополитъ, ниже просто якоже прилучися вещь сиа.

Приѣхавши убо игумену тоа обители,[69] послѣ събора того много дний минувшимъ, и житиа святыхъ отець Ферапонта и Мартиниана с събою привезшу повелѣниа и благословениа господьска просити, и вдасть сиа в руцѣ святителя. Великый же, сиа бяше разсмотрѣвъ, повелѣ пакы събору быти. И събравшимся к нему всѣм святителемъ прьваго того събора: Алексию архиепископу Ростовскому, да Ионѣ епископу Суздалскому, да Ионѣ же епископу Рязанскому, да Акакию епископу Тверскому, да Феодосию епископу Коломенскому, да Савѣ епископу Сарскому, да Киприану епископу Пермьскому,[70] — и з честными архимандриты, и зъ честными игумены великыхъ монастырей, и старцемъ избраннымъ, и всему священному събору, и взятъ книгы тыа и повелѣ пред собою прочести житиа святыхъ и чюдеса. И разсудивъ всѣмъ тѣм събором, яко неправедно есть отставити святыхъ, благослови

и повелѣ игумену тоа обители пѣти и празновати святыхъ отець съ предреченными святыми, преподобнаго Ферапонта и Мартиниана, и житиа их чести на съборѣ въ славу Отца и Сына и Святого Духа, Вседръжителя Бога.

Но и се яко да не възглаголють нѣции мнѣниемъ рекуще: «Повелѣлъ есть святый митрополитъ единой церкви обители тоа праздновати святыхъ». Смотри и испытай извѣстно: не бывает сицево повелѣние въ святых писаниихъ, — неправды зазоръ сътвориши и обрящешися ложь пред Богомъ. Святыа книгы пишуть: «Едино стадо и един пастырь, Христос,[71] едина церкви, едина вѣра».[72] Далъ есть единой церкви — и инымъ вда, не дати — ниже единой вдасться. Добрѣ святый митрополит сътвори и зѣло полезно есть: якоже нѣкую утварь царьскую церкви Божией приложи, святыхъ отець праздновати повелѣ и благослови.

Мы же, блаженныа сиа отця поминающе, братие, добраа ихъ предания, не имамы ино что въздаание имъ даровати или достойно похваление принести противу трудовъ ихъ и болѣзней и любезнаго попечениа, еже о душях нашихъ искрено положишя и любовь о Христѣ велику показашя, всегодно празднуемъ пречестную память ихъ, акы благородная и възлюбленнаа чяда родитель своихъ, и теплѣ молимъ вси, купно глаголюще: но, о пастырие добрии преблаженнии, истиннии строителие винограда Христова и наказтеле иноческаго житиа, отцамъ славо, преподобным единокровнии и праведнымъ инокомъ наставници, аггельскымъ житиемъ жизнь свою поживше, смирении мудростию, приателе всекраснии, прибѣгающимъ к вамъ всѣм помощници, пророком и постникомъ радование и съжителства иже с ними.

О, преблаженнии отци Ферапонте и Мартиниане! Свыше нас назираита, отечьскы призирающи, иже над нами дръжаву добрѣ и благолюбезнѣ устроита. И егда же Богъ на суднѣмъ престолѣ сядеть, наша дѣла и словеса испытаа, праведно приидѣте, предложите болѣзни и труды ваю, ихже в постничествѣ тмами понесли есте, и благому помолитеся Владыцѣ, иже нас ради самому до крестныа смерти исшедшему, спасеныхъ части причастникы сътворити насъ, благодатию и щедротами и человѣколюбиемъ Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, емуже слава, честь, и дръжава, и покланяние съ Безначалнимъ его Отцемъ и съ Пречистым и Благым и Животворящим Духом нынѣ и присно.

Мало же нѣчто и от чюдесъ святаго и преподобнаго отца нашего Мартиниана повѣдати изволихомъ

Хотяй преблагый Господь Богъ нашь прославити Своего угодника и явити, какову имать милость от Него и дръзновение еже к Нему, сицевым образомъ сътвори и показа.

В лѣто 7022-го случися преставитися от тѣла и отити к Господу Ростовскыа земля бывшему архиепископу именемъ Иосафу въ обители Пречистыа Ферапонтова монастыря. Игумен же тоа обители прилучися Каменскый постриженикъ, имя ему бѣаше Селиверстъ,[73] — положи

съвѣть з братиею и въсхотѣ погребсти мужа того близъ преподобнаго Мартиниана, помянувъ доброродие его, понеже сродникъ онъ бяше великаго князя, но и постриженникъ преподобнаго Мартиниана и ученикъ, — сего ради бяше въсхотѣшя у святаго положити ѝ, Богу тако изволшу.

Игумен же и братиа събором молитву сътворишя, съ страхомъ многым и боязнию начяшя надгробнаа святаго отрывати и отребляти землю около. И открывше гробъ, видѣшя чюдное то зрѣние и умилениа достойно, яко не токмо бяше честное его тѣло цѣло и здраво съблюдеся, но и одежда его, в нейже погребенъ бѣ, цѣла бяше всяко и тлѣнию никакоже съпричастна.

И се убо дивно бяше: егда честную ону раку открышя, вода от обою страну ковчега видяшеся, телеси же святаго, ни ризъ его никакоже сътвори вредити, якоже иногда древле въ преподобнаго гробѣ Сергиа явися такоже вода. И видѣвше вси, прославишя Бога и Пречистую Его Богоматерь, иже толикыми лѣты сущу въ гробѣ тѣлу святаго съблюдену быти, по 30 бо лѣт сие чюдное зрѣние видѣся.

Игуменъ же и братиа страхомъ и ужасомъ многымъ одръжими, не разсудивъ богодарованнаго того дара, повелѣшя из гроба святаго воду испустити. Нѣции же от братиа, вземше желѣзо и провертѣшя малу скважню, и начат вода она тещи на землю и бысть невидима. Нѣции же от братиа бяху вѣрою утверждени къ святому, взяшя от воды тоа в съсуд малъ на благословение. Такожде и мирстии человѣци близъ ту сподобишася быти и взяшя мало такожде в съсуды вода тоа.

Чюдо 1, о Памвѣ

Братъ нѣкый тоа же обители, старца Силуана ученикъ, имя бѣаше брату тому Памва, недугомъ тяжцѣмъ одръжимъ, и все тѣло его болѣзнено бяше, и зѣло страждаа от недуга того, взятъ от воды тоа священныа гроба святаго и, вѣрою истинною обдержим къ преподобному, испитъ от воды тоа и помаза тѣло все, и здравъ бысть от часа того, благодаряще Бога и Пречистую Его Богоматерь и преподобнаго Мартиниана, иже молитвами его исцѣление получи, вкупѣ и здравие.

О болящем утробою

Человѣкь нѣкий от ближниа веси святаго, Итъкла зовома, имя ему бяше Тарсанъ, в та же времена прилучися у чюдотворцева гроба, недугомъ бяше велиемъ одръжимъ, и растяше вся утроба его, уже и смерти надѣашеся, и много время одръжим бѣ недугом тѣмъ. Отець же его духовный взятъ от воды тоа, испити ему повелѣ и мазаше чрево его и все тѣло, и от того дни здравъ бысть человѣкь тъ. Хвалу и благодарение въздааху Богу и Пречистѣй Его Богоматери и чюдотворцу Мартиниану, прьвие смерти чааше и не надѣашеся, здравие приать молитвами преподобнаго.

Повѣдашя ми и се нѣции от братиа, самовидци бышя чюдесемъ тѣмъ, глаголюще:

Человѣкь нѣкый, мирянинъ, имя ему бѣаше Губа, но и диакъ бяше христианомъ тѣмъ приходником, сподобися взяти благодатныа тоа воды в съсуд малъ. Болѣзнь бо и тъ имѣаше телесную немалу и надѣася здравие получити молитвами святаго, еже и бысть. Помазася убо тою же водою святою и весь цѣлъ и здравъ бысть молитвами преподобнаго отца.

И многым болным мирскым человекомъ дааше воду ту, и всѣ исцѣлѣшя от недугъ своихъ благодатиею Божиею, славяще и благодаряще Господа и Пречистую его Богоматерь и преподобнаго чюдотворца Мартиниана.

Вѣдѣ же и азъ, недостойный, нѣкыхъ от братиа, глаголющых о богодарованней сей водѣ: «Аше бы нынѣ такова вода была, многыми златникы каплю едину куповали быхом». И свидѣтелствуют о ней, глаголюще: «Нѣсть еа вид таков, якоже есть земным водам естьство, но чиста бяше всяко и свѣтла, якоже слеза нѣкаа». Но Божие дарование велико и милость на преподобнѣмъ, якоже и есть, но наше недостоинство възбрани нам неудръжаное удръжати.

О разслабленѣм

Братъ нѣкый тоа же обители, имя ему Селиверстъ, недугомъ велиимъ одръжимъ бяше на много время, и зѣло бѣ тяжка болѣзнь его: всѣ бо уди его разслабѣли бѣшя, и гниаше плоть его, уже ни ходити могый, ни самъ кормитися. Братиа же нѣции Бога ради попечение о нем творяхут, приносяще ядь и питие, и питахут ѝ по вся дни. Он же велику скорбь имѣа бяше о здравии своемъ, паче неже о пищи, и плакаше зѣло, многыа слезы испущаа бяше от очию своею, и Бога моляше всегда о сем и Пречистую Его Богоматерь, дабы здравие получилъ и спасение души своей. Много же лѣтъ пребысть в недузѣ томъ.

Богъ же всемилостивый, хотяй всѣмъ человѣкомъ спастися и в разумъ истинный приити, положи ему въ ум, и начат помышляти, дабы его несли къ преподобному Мартиниану, и боашеся, да нѣкако желаемаго не получитъ и не послушаютъ его о семъ братиа. Начат же паче велику вѣру прилагати и моление къ милости Божией и къ преподобному Мартиниану и слезами многыми и желаниемъ святаго на молитву к Богу призываа бяше. Нѣгдѣ бо и келиа его близъ гроба святаго прилучися. Бывшу же ему иногда единому в келии своей, и въ едину от нощей зжаливси о животѣ своем, нача плачем велиемъ к Богу молитися и Пречистую Богородицю на помощь призывати и къ преподобному молениемъ вперив си умъ и многаго разсужениа, начатъ полъзти ис келиа своеа, елика сила можаше, къ гробу преподобнаго.

И бывшу ему у гроба святаго, валяшеся с плачемъ многымъ, въпиа, глаголаше: «Помилуй мя Господа ради, угодниче Христовъ! Помолися за мя грѣшнаго, преподобне отче, дабы на мнѣ показалъ милость свою молитвами твоими святыми! Помяни, отче, колико послужилъ есми святыни твоей, еще ти живу сущу, и въ обители твоей колико лѣт послужилъ есми!». И на многъ часъ велий плачь простираа бяше и прилагаа главу свою къ гробу святаго, и акы забывъ болѣзнь, всею крѣпостию моляшеся.

О, великых твоих судебъ, Христе царю! Акы от сна въставъ братъ он весь здравъ, ни слѣда болѣзни на себѣ видѣвъ, и съ многыми слезами и желаниемъ и любовию объемля гробъ святаго, страхомъ и радостию лобъзаше, припадаа, хвалу же и благодарение велие бяше принося Господу Богу и того пречистѣй Матери. Смерти уже чааше внезапу и, не надѣашеся, здравие получи молитвами преподобнаго отца Мартиниана, отиде в келию свою с радостию многою.

На утрии братиа, видящи брата оного здрава, дивляхуся скорому его предложению на здравие и въпрашающе его намнозѣ. Он же имъ вся повѣда, како милость Божию получи молитвами святаго. Прилучивый же ся ту братъ слыша, тъ мнѣ повѣда всю истину. Вси же славящи и благодарящи Христа, Бога нашего, и Пречистую Его Богоматерь, написахом чюдеса преподобнаго отца нашего Мартиниана.

О беснующейся женѣ

Инаа чюдеса повѣда ми преподобнаго отца священникъ нѣкый Кириловы обители, чюдотворца, — прихождаше часто в монастырь преподобных отецъ Ферапонта и Мартиниана, служааше чреду службы своеа в съборѣ з братиею, и тезоименитъ бяше чюдотворцу именованиемъ Мартиниану.

Приидошя нѣкогда бяху от ближних съсѣдъ, зовущи его к болящему поновлениа ради, понеже не прилучися священникъ их, мирскыа чяди. Он же, боася суда Божиа, иде скоро тамо на посѣщение болящаго и, пришед, сътвори потребнаа болящему. И се видитъ жену, на примостѣ пещнем сѣдящу, и глумы нѣкиа бяше творит, бѣснуася.

«Въпросих же азъ болящаго: „Что суть жена си?" Он же отвѣща: „Дщи моа, господине мой, жена Гавриила Крамзы, — тако бо имя бѣаше мужеви ее. Много время, господине, уже како бѣснуется и глумы нѣкыя творит, немотуа и, аще какъ в сумракъ нощный, глуха бывает и нѣма, и очима отнюд не видит никогоже, и бѣснуется всегда. И не вѣмы, господине, что сътворити ей". Азъ же рѣх к ним: „То почто не идѣте с нею къ Пречистѣй помолитися и къ чюдотворцу Мартиниану? Вѣрую бо Богови и Пречистѣй Богородици, не отидете вътще от преподобнаго гроба". Они же обѣщаховѣся, азъ же отидохъ въ своа.

По малъх же днехъ стоащу ми на пѣнии службы своеа, прииде человѣкь онъ къ преподобному в монастырь з женою своею и с материю еа. Мы же введошя его к чюдотворцеву гробу, начатъ же азъ молебенъ пѣти Пречистѣй Богородици Одигитриа. И по чтении Еуангелиа начатъ болнаа очищатися от недуга своего и, притек къ гробу, лобзати начатъ гробъ святаго с воплем и слезами, радуася. И бысть здрава от недуга своего Божиею благодатию, и добрѣ видя очимя, и глагола, благодарящи Бога.

Глаголаше же к нам, обратився: „Се чюдотворець, въставъ из гроба, благословилъ мя крестомъ и отиде". Такожде и азъ, отпѣв молебна, благословихъ`ю Честным и Животворящимъ Крестом. Вси же, видѣвше преславное то чюдо, и удивишася, прославихом Бога и Пречистую его

Богоматерь и преподобнаго Мартиниана. Муже тъ отиде, радуася, в домъ свой, съ всѣми своими хвалу въздааху Богу и чюдотворцу Мартиниану».

О друзей женѣ беснующейся

Тъ же повѣда ми священникъ.

Живущу ми нѣкогда въ преподобнѣх монастырѣ Ферапонта и Мартиниана, жена нѣкаа от ближних селъ святаго — имя ей бѣаше Акулина, селу тому имя Сусло — духом нечистым на много время одръжима бѣ. И зѣло страждущи ей, муж же еа и сродници водящи еа всегда на праздникъ чюдотворца Кирила и, бывши им тамо, не обрѣтошя ей полезнаго. Не да чюдотворца похуляю, — да не будеть! — но Богу тако изволшу.

Иногда же на утрии чюдотворцевы памяти поидошя въспять вси людие в домы своя, такожде и жена та съ своими възвратися. И яко приидошя противу врат монастырскыхъ Ферапонтова монастыря и преподобнаго Мартиниана, начатъ въпити и кричати жена та зѣло, яко всѣмъ ужаснутися и отбѣжати. И нѣкамо въсхотѣ бяше бѣжати, бѣсомъ тѣм възмущаема. Людие же ти, иже с нею бяху, удръжашя̀ю, и инии от монастырскых пособие имъ сътворишя. Она же паче въпиаше, кричющи, глаголаше: «Чернець мя биет древомъ!» И на много время сиа бяше глагола.

Они же, вземше, приведошя̀ю къ преподобнаго гробу Мартиниана. Начатъ же священникъ тъ преждереченный молебенъ пѣти Пречистѣй Богородици. Жена же та от вопля тишити нача и единако глагола тааже словеса. Братиа же и людие мирстии рѣшя: «Что глаголеши, жено? И никтоже тя биетъ». Она же к ним отвѣща: «Не видите ли за враты монастырскыми нача мя древомъ бити, глаголя: „Всегда мимо врата моа ходите и презираете мя"». Мы же к ней: «Что глаголеши и млъвиши? Кто биеть тя? Мы не видимъ черньца, биюща тя». Она же отвѣща: «Се пошелъ тамо, — пръстомъ кажа, — и тече къ гробу святаго. Се пошелъ и риза его черна бяше». Мы же познахомъ, яко в видѣнии преподобнаго видѣ и бѣса того в ней измучи и отгна.

Священникъ же благословѝю крестомъ у гроба святаго, и от часа того приатъ здравие, благодарящи Бога и Пречистую Его Богоматерь и преподобнаго чюдотворца Мартиниана, отиде в домъ свой, радуася.

О иной женѣ беснующейся

Другаа жена от ближниа веси преподобнаго, съ езера Бородавскаго, имя ей бѣаше Екатерина, духом же нечистымъ одръжима бѣ. И много время разбиваше еа нечистый онъ бѣсъ, валяася и пѣны теща. Муж еа и сродници не вѣдяху, что сътворити ей. Водяху еа на память чюдотворца Кирила и моляхуся с нею, дабы здравие получила, и в домъ свой отхождааху с нею. И пакы бѣсъ онъ, находя, възмущашѐю.

Прииде нѣкогда имъ въ ум о преподобнѣм Мартиниане своего монастыря. Приведошя`ю с плачемъ, молящеся Пречистѣй Богородици, и къ гробу святаго приложиша`ю, с вѣрою молящеся и съ слезами, не токмо бяху молебен възмогошя отпѣти, нищетою стужаеми, ни от кого же помощникъ или пришедшихъ видѣшя. Но Богъ равно на вся призираа: бысть здрава от часа того жена та и исцѣлѣ от недуга своего благодатию Божиею. Мужь еа обрадовася зѣло, и братъ его Иосавъ, нынѣ иноческаа носяй, тъ ми сам повѣда, самовидець бывъ чюдеси тому. И отидошя в дом свой радующеся, славящи и благодарящи Господа Бога и Пречистую Его Богоматерь и преподобнаго Мартиниана.

О юноши бѣснующемся Никифоровѣ

Юношя нѣкый от властей великаго князя, яко 10 поприщь отстоание имый, имя ему бѣаше Гавриилъ, духом нечистым одръжимъ. И по вся дни, находя, бѣсъ тъ давляху его, многы пѣны тоща и злѣ разбиваше его. И толико облада имъ, еже не познавати ему бѣаше отца и матерь и всѣхъ сродникъ, но и в болѣзнь впаде послѣднюю: ни яде, ниже пиа. Отець же его ради и мати многым плачем одръжими бяху и недоумѣахуся, что сътворити ему. Мнози глаголаху, смерть ему ненадежну възвѣщающе бяху. Съсѣди же ихъ и сродници сътворишя съвѣтъ к ним, веляху имъ бѣснующагося вести въ обитель Пречистыа къ преподобному Мартиниану. Тѣмже прьвѣе вдашя вѣсть стрыеви юноша того священноиерею святаго пророка Ильи. Он же вѣдѣ ихъ великую скорбь, часа того прииде к нимъ. Онем же намнозѣ плачемъ съдръжащим, чающе смертнаго часа сынови своему. Священникъ же тъ, видѣвъ сестру свою многым плачем убивающуся, и тъ нача плакати. И слышавъ съвѣтъ ихъ, и тъ им тоже умысли.

И възложише бяху болнаго на возила, и тии на конѣхъ въслѣд его идяху, но понеже лѣтнее бяше время. Мати же его акы мертва плачем провождающи, видя странно видѣние сынови своего, не токмо бяше безгласна его зрящи, но и главѣ его, кромѣ крѣпости телесныа, трясатися, и очи его замжарени бяху. И яко приидошя близъ обители и въ врата монастырскаа ввезошя болнаго и яко в монастырь, он же възрѣвъ очима и великым гласомъ проглагола: «Ох мнѣ бѣды! Нимало покоа не дадут кричаниемъ своим». Стрый же его притекъ съ инѣми, и нача въпрошати его, что глаголет. Он же к ним отвѣща, глядаа: «Се вънъ осталися на мосту томъ многыя черны и страшны, въплем въздух испълняюще, глаголють: „Не възите его, уже нашь есть!" Нынѣ же их никого на вижду». Мы же обрадовахомся о милости Божии и въпрашахом его: «Нас знаеши ли?» Он же, гладаа бяше, отвѣща: «Господи, знаю васъ», — нарековаа имяна. Мы же, несше его на руках, положишя у ракы святаго. И начат священникъ обители тоа Пречистой молебенъ пѣти Одигитрию. Такоже и азъ въ диака мѣсто начатъ с ним пѣние творити и молити Господа Бога съ слезами и болящемъ, и с материю его. Болный же начат помалу цѣломудрено глаголати, и въставъ на нозѣ свои, плакатися начатъ и молитися такожде. Мы же его приведохомъ къ кресту Спасова образа и приложихом главу его, такожде и къ гробу святаго, сам знаменатися нача.

И от того дне прьвие ясти и пити начатъ въ обители Пречистыа и весь здравъ бысть и смысленъ, даже доднесь, хвалящи и благодарствующи Господа Бога и Пречистую его Богоматерь и святаго и преподобнаго отца Мартиниана.

О диакѣ Семионе бѣснующемся

Съ же повѣда ми священникъ тому же подобно.

«Прилучися иногда брату в сродствии моемъ, на том же Волокѣ, имя ему мое же бѣ, Семионъ — прилучися вещь сицева. Грѣх ради нашихъ и небрежениа многажды бывает на человѣцѣхъ многаго ради питиа и обьядениа, что не знати нам Бога и законъ его удалятися, прочее наказаниемъ Божиим все бяше нам бывает. Вниде бѣсъ лютъ въ человѣка того, и начатъ неистовитися, нелѣпаа глаголати и бити начатъ всѣхъ сущих в дому его. И немощно его бяше умирити от многаго злодѣаниа и укрѣпити ѝ. И связашя руцѣ его и на нозѣ възложишя ему южя желѣзны. И едва мало дний възмогохом претрьпѣти от него бесчиннаа, и такожде приведохом ѝ в домъ Пречистыа Богородица къ преподобному Мартиниану, четырми мужи влекома связана, и введохом его к чюдотворцеву гробу.

Начать же священникъ молебенъ пѣти, такожде и азъ с ним, бѣсновавый же бяше милостию Божию тишити начатъ. Человѣцы же, иже с ним, отъяшя южя от него, и на моление вси обратихомся. Такожде и болный бяше помалу обратися на моление к Спасову образу и Пречистѣй Богородици, и бысть весь здравъ и смысленъ. И по три дни приходя въ гробницу, съ слезами бяше моляшеся непрестанно, лобзающи гробъ святаго и благодарствующи Господа Бога и Того Пречистую Богоматерь и преподобнаго Мартиниана».

Аз же, слышав от священника того сиа изъ устъ, писанию предахъ, яко неложенъ бяше свидѣтель и самовидець не токмо симъ, но и прьвымъ слышатель и видѣтель истый. Полъчетвертацат бо лѣтъ священьствуа бяше въ едином мѣстѣ, у святаго пророка Ильи, и въ обители Пречистыа всегда недели своеа чреду служаще и молебнаа пѣниа.

И ина чюдодѣйствиа святаго слышах многаа, вѣдомаа человѣкомъ и не вѣдомаа. Богу же вся вѣдома, якоже не мощно бяше Божиихъ судеб изслѣдити, ниже святыхъ его угодникъ чюдесъ исписати, точию ползы ради слышащихъ и мзды ради творящих волю Божию. Нам же подобает комуждо себѣ внимати, наипаче в сее время, и ревновати тѣх добрымъ дѣломъ и своа дѣла и испытаниа готовити на суд Господу Богу и Спасу нашему, емуже слава нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком, аминь.

О юноши болящемъ

К сим же и сие повелѣно ми бяше новоявленное сие чюдо великаго милосердиа Божиа явьствено сътворити. Бысть, рече, юноша нѣкый среброкузнец, лѣт 20 или мало вящше, псковитинъ родом, имя ему бяше Стефанъ; отца благочестива именем Феодора Клѣщева зовома, таже ему ремества и купованиа имуще. Отшедшу же ему от родитель своих и в

далних странах скитающуся, сему же юноши приложися болѣзнь тяжка — опроказися рука деснаа ему и бысть толико тяжка, яко желѣзо нѣкое, и мало можаше владѣти ею. И видѣ себе въ мнозѣй скорби и болѣзни, и недоумѣашеся, что бы сътворити ему. Начат Всесилнаго Бога молити и Пречистую Богородицю на помощь призываа бяше, дабы исцѣление получилъ, и обѣщася по святымъ чюдотворцемъ ходити, призываа бяше на помощь святых и молитвы къ Всесилному Богу, якоже и многым человѣком обычай бывает. Егда въ скорби бываем, тогда съ многым желаниемъ и вѣрою Бога взыскуемъ, аще обрящемся въ благоденьствѣ и здравии, тогда вмалѣ к нему вѣрою прилагаемся и егоже от нас изыскует — душевнаго глаголю спасениа — нимало печемся, акы бесмертни мнимся ходяще. Такожде и съ юноша: обумѣвся и обшед многа мѣста, и не обрѣте никоеаже ползы.

Таже прииде в пресловушую лавру святаго чюдотворца Кирила, нищим питателя, и ту помолися, такожде и в Ферапонтовъ монастырь къ гробу преподобнаго Мартиниана, и по сем отиде в волость, глаголемую Сяму, и тамо помолися Пречистые Богородици иконѣ, от неяже милость многым бывает с вѣрою приходящим. Яко не бысть ему легчае, тъ же поразумѣ о себѣ и взятъ от нѣкыхъ ризы иноческыа и положи на ся и пакы възвратися въ обитель к чюдотворцу Кирилу и тамо нача молити игумена Афонасиа[74] и старцевъ, дабы его причли стаду Христову. И не благоволяше игуменъ за прокажение болѣзнь рукы его. И пребысть въ страннoприемницѣ внѣ монастыря съ инѣми болящими седмици 3.

И яко видѣ себе ничтоже от сего ползующася, но паче болѣзнь его на горшее въсхождаше — сие же смотрение Божие бысть, не яко чюдотворцемъ не могущемъ исцѣлити, но да накажет стражущаго вѣрнѣ и богоугоднѣ от Бога милости просити, еще же и трьпѣти съ благодарениемъ и прилучыпаася — и се по съвѣту нѣкии пакы прииде въ обитель Пречистыа Богородица Ферапонтова и Мартинианова монастыря в постъ Рождества Христова.

Игумену же Гурию[75] отшествие хотящу творити въ Царствующий град потребъ ради монастырскых. Тъ же чернець нача молити игумена и братию въ причтении стада Христова. И нѣции, ему знаемии, къ игумену моление о нем творяху, тѣм же умоленъ бывъ от братии, и приатъ его яко иноческаа носяща и вдасть его в келию старцу от знаемых ему, понеже тъ и испоречение о нем вдасть. И яко пребысть въ обители близъ 12 седмиц, рука же его толико съгни, яко не възмощи с ним никомуже в келии жити, ни близъ его стоати смрада ради, бывающего от него. Он же поразумѣвъ свою нужную жизнь, — яко нѣсть ему от прокажениа ослабы, наипаче боашеся и извержениа от обители, вси бо братиа и старци, видящи его в толицей нужней болѣзни, смущаахуся о нем, велику бо недостатку быти в немъ въ служении телеснем, не точию бо можаше поклонениа сътворити пред образомъ Божиимъ, но и самого того пресладкаго имени, глаголю, честнаго и страшнаго знамениа Животворящаго Креста на прьсѣх сътворити, но лѣвою рукою мало крестяшеся. Служениа же его бяше крылоснаа от среднихъ в чину.

И се нѣкогда смысливъ в себѣ, с великою вѣрою вниде въ гробницу къ гробу преподобнаго Мартиниана и начатъ плакатися многыми слезами, прикладаа себе к рацѣ святаго и молящеся, яко да исцѣлитъ его от тяжкаго того недуга, святыми к Богу молитвами, и обѣщавается поработати у гроба его въ вся дни живота своего въ обители Пречистыа Богородица. И, положивъ обѣтъ свой, прииде того же дни г келарю и начат молити его и старцевъ, исповѣдаа, яко не постриженъ есть, но такъ просто облечеся въ иноческый образъ приатиа ради, моляшеся, яко да съвръшат его. Келарь же и старци по съвѣту повелѣшя его острищи священнику нѣкоему Симону и умолишя его и попечение о немъ старчества имѣти, и нарекошя ему имя Сергие. Священникъ же тъ намнозѣ отрицашеся и мало о нем попечение хотяше имѣти, наипаче предниа ради вины, о нейже выше помянухом.

Брат же тъ въ мнозѣй скорби прииде въ другый день, еже от дней неделя, къ преподобнаго гробу, акы залогъ нѣкий имѣа обѣщаниа своего. И съ многою жалостию и слезами намнозѣ моляшеся, прилагаа и руку свою болящую к раце святаго и сим назнаменуа болѣзнь сердца своего.

И се в нощь от дни того, въздремавшу ему, и видѣ, якоже нѣкто, пришед, двигъ его и рече: «Въстани и молися». Он же от страха възбнувъ, и не видѣ никогоже, и ощути лехкость безмѣрную от сущиа ему болѣзни, бѣ бо рука его обвита портищемъ. И толико съгни плоть его, яко едина рана от мышца и до пръстъ, и в четырех мѣстех кости видѣтися, и такова сущи проказа неисцѣлна. Божиею же благодатию и Пречистыа Богородица и преподобнаго отца Мартиниана молитвами обрѣтеся въ единъ часъ всяческы здрава, ни мала же вреда имущи. Отпадшу бо портищу, яко лубъ, и се, тѣло явися яко отрочате младу.

Старци же и братиа, сиа видьвъ и самого того болнаго отнюд здрава суща, сказашя игумену, пришедшу от царьствующаго града. И игумен же сие извѣстно опытавъ и от того самого, о немже чюдо сие бысть, прославихомъ Бога и Того Пречистую Богоматерь и его угодника чюдотворца Мартиниана.

Богу нашему слава нынѣ и присно.

---

[1] ...*якоже иногда древле... пещися ими и промышляти.* — Имеются в виду события, изложенные в библейских книгах Втор. 34, 1—12; Чис. 14, 29—31; 34—35; 27, 18—23.

[2] *Мартинианъ родися ......* — Мартиниан родился ок. 1400 г.

[3] ...*Олеш Павловъ, диакъ монастырскый.* — Олеш, или Алексей Павлов, известен как писец некоторых книг, дошедших до нас в составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.

[4] *И повелѝему святый книгамъ поучатися.* — О работе Мартиниана с книгами свидетельствуют рукописи с подписью «Мартиниан» из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, хранящиеся теперь в Российской национальной библиотеке и в Русском музее.

[5] *Сяма* — село на пути из Вологды в Кирилло-Белозерский монастырь.

[6] *Посемъ преподобный клирика его сътворяет*... — Т. е. рукополагает в низший чин церковного клира, дьячка.

[7] ...*Вожь езеро зовомо.* — Озеро Воже в 100 км к северо-востоку от Кириллова монастыря.

[8] *Тамо убо пустынное и безмлъвное начинает житие.* — Вожеозерский Чарондский Спасо-Преображенский монастырь был основан Мартинианом между 1427 и 1438 гг., упразднен в XVIII в.

[9] ...*и книгами украсивъ*... — Опись книг Вожеозерской церкви сохранилась (*РНБ*, ОСРК, Q. IV, № 391, л. 7—7 об.).

[10] ...*князю Михаилу Андреевичю*... — Михаил Андреевич Верейский (ум. в 1486 г.), младший сын Андрея Дмитриевича Можайско-Верейского, внук Дмитрия Донского. В середине XV в. Белоозеро входило в его вотчину.

[11] ...*и сродникомъ его*... — В 1-й редакции Жития Мартиниана вместо «сродников» называется «Иван Андреевич» — князь Иван Андреевич Можайский, брат Михаила Андреевича, известный как союзник Дмитрия Шемяки в борьбе с Василием Темным.

[12] «*Аще дано будет много, много и взыщется от него*». — Лк. 12, 48.

[13] ...*доброды́телныя плоды... якоже земля благоплоднаа*... — Ср.: Мф. 13, 8; Мк. 4, 3; Лк. 8, 5.

[14] ...*и очьчинныя земли дающе с крѣпкыми грамотами и печатьми*... — Эти грамоты сохранились.

[15] ...*на игуменствѣ болѣ 20 лѣтъ*... — По-видимому, это описка, и следует читать «12» лет.

[16] ...*князю Василию Василиевичю*... — Великий князь Московский и всея Руси Василий II Васильевич Темный (1425—1462). В 1446 г. в ходе борьбы за великое княжение был по приказу Дмитрия Шемяки схвачен в Троице-Сергиевом монастыре, привезен в Москву и ослеплен (отсюда его прозвище Темный). В качестве гарантий отказа от притязаний на Московский престол Шемяка взял у него так называемые «проклятые грамоты», в которых Василий Темный призывал на себя проклятие в случае, если возобновит борьбу против него. Особое благоволение Василия Васильевича к Кирилло-Белозерскому монастырю объясняется тем, что игумен этого монастыря Трифон освободил его от этой клятвы. Это развязало Василию руки, и он в союзе с Борисом Александровичем

Тверским, а также отрядами литовцев и татар вернул себе московский великокняжеский престол.

[17] ...*к Живоначальнѣй Троици в Сергиевъ монастырь*... — Монастырь, основанный в 1340 г. преподобным Сергием Радонежским; один из самых значительных духовных и культурных центров Древней Руси, ныне — Троице-Сергиева лавра.

[18] ...*Каинъ братоубийца*... — Убийца своего брата Авеля, о котором рассказывается в Библии, см. Быт. 4, 2—8.

[19] ...*князь Димитрей Шемяка*... — Князь Дмитрий Юрьевич Большой Шемяка, — сын Юрия Дмитриевича Галицкого, дяди Василия Васильевича, князь Галицкий. После смерти Юрия (1434 г.) поддержал Василия Васильевича против своего старшего брата Василия Косого, а с 1446 г. активно повел собственную борьбу с Василием Васильевичем за великокняжеский престол. В 1552 г. бежал в Новгород, где и был при посредстве московского дьяка Степана Бородатого отравлен собственным поваром.

[20] *Углич* — древний город, расположенный недалеко от Ярославля; после 1434 г. был во владении Димитрия Шемяки.

[21] *...с великою княгинею и з дѣтьми.* — Великая княгиня Мария Ярославна, дочь серпуховского князя Ярослава Владимировича, великая княгиня московская (1433—1485); дети — сыновья: старший — Иван, будущий великий князь Иван III (1462—1505), второй — Юрий, удельный князь Дмитровский (1462—1473); третий — Андрей Большой, родился в Угличе в 1446 г., с 1462 г. удельный князь Угличский и Звенигородский, погиб, заточенный Иваном III, в 1493 г.

[22] *...великую княгиню Съфию...* — Софья Витовна, дочь великого князя Литовского Витовта, жена Василия I Дмитриевича, великая княгиня Московская (1392—1453), мать Василия II Васильевича.

[23] *...на Чюхлому отсла...* — Чухлома, город в Галицком уезде, владение галицких князей, в то время Димитрия Шемяки.

[24] *«Аще не Господь съзиждеть дому, всуе трудится зиждяй».* — Пс. 126, 1.

[25] *Вологда* — город Вологда впервые упоминается в летописи под 1147 г., с конца XI в. находился под властью московских князей.

[26] *...милостивъ бо Господь Богъ, кротким и смиренным сръдцы дает царство и власть...* — Ср.: Пр. 3, 34; Иак. 4, 6.

[27] *...ис Черкасъ приидошя з двема царевичи...* — Сыновья татарского хана Махмета (Улу-Мухаммеда), Касым и Якуп, с которыми у Василия Темного завязались дружественные отношения, когда он был в плену у их отца и обещал значительный выкуп (1445).

[28] *...книгу Лѣтописчиа Русскыа земля...* — Об этих событиях повествуется в нескольких летописных сводах.

[29] *Нѣсть бо, нѣсть лзѣ... заточену быти...* — Цитата из летописи, восходящей к Московскому летописному своду 90-х гг., возможно Вологодско-Пермской летописи.

[30] *...«Ты, Господи, сердцевидче»...* — Деян. 1, 24.

[31] *...«аще бы врагъ поносилъ ми, претръпѣлъ бы ему убо, аще бы ненавидяй мя на мя велерѣчевал, укрылъ бых ся от него».* — Пс. 54, 13.

[32] *...«Господь умудряеть слѣщаь...* — Пс. 145, 8.

[33] *...«дает премудрость»...* — Пр. 2, 6.

[34] *...великому князю Тферскому Борису Александровичю...* — Борис Александрович, великий князь Тверской (1425—1461), в борьбе за великокняжеский престол союзник сначала Дмитрия Шемяки, затем — Василия Темного.

[35] *...великаго князя Иоанна...* — Иван III Васильевич, сын Василия Темного, с 1462 г. великий князь Московский, проявил себя как умный политик и талантливый военачальник; добился больших успехов в централизации вокруг Москвы великорусского государства.

[36] *...и укрѣпишася между собой.* — Князь Иван был обручен с малолетней дочерью Бориса Тверского Марией, ставшей затем его первой женой. Это обручение как условие помощи Василию Темному Бориса Александровича Тверского отмечает и Устюжский летописец.

[37] *...благословляеть его и повелѣваетъ итти противу супостата...* — Мартиниан благословил Василия Темного на борьбу с Димитрием Шемякой следом за игуменом Кирилло-Белозерско-го монастыря Трифоном (о благословении князя игуменом Трифоном говорит летопись).

[38] *...на Волоцѣ стоит.* — Т. е. у города Волоколамска.

[39] *Галич* — город, после 1441 г. принадлежавший Димитрию Шемяке.

[40] *Новъградъ Великий* — Новгород, в то время столица самостоятельного государства, из двух претендентов на московский стол предпочитал галицкого князя Димитрия Шемяку.

[41] *...и тамо... смерть бѣдную приать.* — Схожую трактовку причины смерти Димитрия Шемяки дают Ермолинская и Львовская летописи.

[42] *...в Юрьеве монастырь.* — Монастырь в 3 км к югу от Новгорода, основанный в 1030 г.

[43] *...пятому по Сергии чюдотворцѣ.* — Пятый игуменом Троице-Сергиева монастыря после Сергия Радонежского был Досифей (1446—1447).

[44] *...и дасть ему игуменство... в Сергиевѣ монастыри.* — Мартиниан стал игуменом в Троице-Сергиевом монастыре в 1447 или 1448 г.

[45] *В него же мѣсто... владычьство дръжалъ.* — Неточность автора: игуменами в Ферапонтовой монастыре после Мартиниана были Герман и Иоаким. Ученик и постриженник Мартиниана Филофей стал епископом Пермским в 1471 г.

[46] *...не помяну Иоанна Златоуста... львовѣ подобися...* — Иоанн Златоуст (IV—V), один из отцов Церкви, проповедник, автор слов и поучений, один из творцов Литургии. Его сочинения пользовались на Руси большой популярностью. В данном случае — цитата из книги Притчей Соломона 19, 12.

[47] *...вся нага и обнажена суть пред очима его...* — Евр. 4, 13.

[48] *«Аще кого любитъ Господь Богъ... егоже приемлеть».* — Пр. 3, 12.

[49] *Болшаго же своего сына... скипетръ Русскыа дръжавы.* — Иван III был объявлен соправителем отца в 1450-х гг.

[50] *...и яко прииде в наслѣдствие... Ферапонтова монастыря...* — Мартиниан вернулся в Ферапонтов монастырь в 1455 г.

[51] *...износя от съкровищь своих... ветьхаа и новаа...* — Ср.: Мф. 13, 52.

[52] *...насыщаа и предаа въ душя жаждущаа...* — Ср.: Пс. 106, 9.

[53] *...куплю дѣющи бисера многоцѣннаго, еже есть Христос.* — Ср.: Мф. 13, 46.

[54] *...Пахомиа Святыа Горы священноинока...* — Пахомий Серб, или Логофет, писатель XV в., приехавший на Русь с Афона. Автор ряда житий древнерусских святых, в том числе Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. Его сочинения послужили образцом для многих создателей произведений такого жанра.

[55] *...и настоателя... Касиана именемъ...* — Кассиан был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря в 1448—1469 гг.

[56] *«Елма же азъ... сказовашемнѣ о немъ»...* — Цитата из написанного Пахомием Сербом Жития Кирилла Белозерского.

[57] *Ферапонтъ же преподобный въ своалѣта отиде... у Пречистыа Богородица...* — Ферапонт умер в 1426 или 1428 г., погребен в Лужецком монастыре Рождества Богородицы у южной стены внутри церкви Иоанна Лествичника, переименованной в 1720 г. в церковь Ферапонта.

[58] *Галахтионъ* — ферапонтовский старец, юродивый, умер после 1506 г. Упоминается в Степенной книге в роли предсказателя рождения Ивана Грозного и его победы над Казанью за 47 лет до этого события.

[59] *Иосафъ* — Иоасаф Оболенский, ученик и постриженник Мартиниана, в 1481 г. посвящен из ферапонтовских игуменов в архиепископа Ростовского, затем, ок. 1489 г., вернулся в Ферапонтов монастырь, где скончался и был похоронен в ногах у Мартиниана.

[60] *...въстужи си зѣло... монастырского ради строений...* — Полагают, что это сокровище Иоасаф хранил для постройки нынешнего каменного собора Рождества Богородицы.

[61] *Афонасий Афонский* — основатель афонской лавры св. Афанасия, жил в X в.

[62] *Семионъ Стлъпник* — Семион Новый, Столпник, называемый также Дивногорцем, христианский аскет IV—V вв., более 40 лет проживший на столпе, общаясь с людьми через небольшое отверстие.

[63] *Кто может Господня судьбы Божиа изслѣдовати?* — Ср.: Рим., 11, 33.

[64] *По мѣрѣ всякого добродѣтелей и дарования подает Богъ.* — Ср.: Еф. 6, 8.

[65] *...преподобный отець наш Мартинианъ... къ отцам своим в жизнь вѣчную.* — В одном из кирилло-белозерских летописчиков XV в. отмечено, что феропонтовский старец Мартиниан преставился в субботу 11 января, в 9 часов ночи, а в другом, тоже XV в., сказано, что преставление его было «в неделю», т. е. в воскресенье.

[66] *...погрѣбоша и честнѣ у болшиа церкви... на десной странѣ олтаря...* — Мартиниан был похоронен, видимо, рядом с прежней церковью Рождества Богородицы, потому что новая каменная была выстроена в конце XV—начале XVI в., а над его ракой в XVII в. сооружена церковь Мартиниана. На внешней стороне церкви Рождества Богородицы в начале XVI в. Дионисием с сыновьями написана фреска, изображающая Богородицу с предстоящими архангелами Михаилом и Гавриилом и коленопреклоненными Мартинианом и Ферапонтом.

[67] *Мокарий митрополит* — Макарий, с 1542 г. митрополит Московский, занимавший положение советника при царе Иване Грозном, известен своей деятельностью по канонизации русских святых и собранием для этой цели их житий. Провел несколько соборов (в 1547, 1549 гг. и позже), на которых были канонизированы многие русские святые.

[68] *...в лѣто 7055... Иоанна Васильевича и всеа Русии...* — Иван Васильевич IV Грозный в 1547 г. был венчан митрополитом Макарием на царство и стал царем.

[69] *Приѣхавши убо игумену тоа обители...* — Вероятно, это был Гурий, игумен Ферапонтова монастыря в 1545—1551 гг.

[70] *И събравшимся к нему... да Киприану епископу Пермьскому...* — Перечислены иерархи Русской православной церкви, присутствовавшие на соборе 1547 г. Преподобные Ферапонт и Мартиниан были канонизированы, видимо, на одном из ближайших следующих соборов в 1549 или в 1553 г.

[71] *Едино стадо и един пастырь Христос...* — Ин. 10, 16.

[72] *«...едина церкви, едина вѣра».* — Еф. 4, 5.

[73] *Игумен же тоа обители... Селиверстъ...* — Постриженник Спасо-Каменного Преображенского монастыря на Кубенском озере в Вологодской земле, был игуменом Ферапонтова монастыря в 1511—1514 гг.

[74] *Игумен Афанасий* — Афанасий, князь Палецкий, был игуменом Кирилло-Бело-зерского монастыря в 1539—1551 гг., после чего был рукоположен в епископа Суздальского.

[75] *Игумен Гурий* — Гурий, игумен Ферапонтова монастыря в 1545—1551 гг.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ЯНВАРЯ В 12 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО МАРТИНИАНА БЕЛОЗЕРСКОГО, УЧЕНИКА СВЯТОГО КИРИЛЛА ЧУДОТВОРЦА

У Бога всемилосердного не в обычае презирать угодников своих, молящихся и служащих ему день и ночь, но всегда оказывается Он для печальных утешителем, для сирых отцом, для нищих кормильцем, ибо верный заступник Он тех, кто обращается к Нему. Так услышал Он и мольбу этого раба Своего Ферапонта и сделал — как некогда в древности израильтянам: взяв у них пророка Моисея, дал им вместо него Иисуса Навина, чтобы тот пекся и заботился о них. Так же и здесь таким же образом Он поступил: хоть и изволила милость Его взять у нас Ферапонта, но тогда же, в тот же час послал на его место преподобного Мартиниана, ученика святого Кирилла чудотворца. О нем — лежащее теперь перед нами слово (хоть и медленным кажется исход, но скор к истине приход). И верным служителем Пречистой Богородицы, своей Матери, поставил Он его ее святыми молитвами.

О рождении святого

Преподобный сей отец наш Мартиниан родился у благочестивых родителей-христиан, и крестили они его во имя Отца и Сына и Святого Духа и нарекли имя ему во святом крещении Михаил.

Когда же отрок подрос, и дальше возрастал во всяком благоговении и чистоте, в просвещенном разуме и в послушании у своих родителей, и был уже достаточно разумен, чтобы учиться грамоте, не оказалось человека, который позаботился бы о том, чтобы это устроить. И тогда промышляющий обо всех нас и устраивающий человеческую жизнь всемилосредный Бог изволил Сам позаботиться об этом отроке: привел его однажды в руки угодника Своего, блаженного Кирилла.

Еще совсем юного родственники привели и поставили его перед святым. И пока тот стоял и размышлял над его молодостью, отрок смотрел на него, как на ангела и, не зная, что еще сказать, пав к ногам святого, умиленно говорил одно: «Возьми меня, господин, к себе». Блаженный же, видя умиление мальчика, смилостивился над ним, сжалился, как добрый отец, и, почувствовав благородство его души, с радостью принял его как врученного ему Богом.

А в то время случилось, что поблизости от обители святого жил некий человек по имени Олеш Павлов, монастырский дьяк. Делом его было книги писать и учить учеников искусству грамоты, и он был в этом очень искусен. Призвав его к себе, Кирилл сказал ему: «Друг, сделай Божеское дело: выучи мне этого мальчика, которого ты видишь, грамоте. И вот еще что говорю тебе перед Богом: сохрани его, как зеницу ока, во всяческой чистоте». И тот, приняв от святого с благословением отрока, начал усердно с ним заниматься. И вскоре Божьей благодатью успешно и достаточно научил он его грамоте, так что все удивлялись скорости его учения: как во сне прошел он этот путь молитвами святого. И привел его учитель его, и вернул в руки преподобного. Святой же, взяв у него отрока, благословил их обоих.

И пока тот был еще мальчиком, испытывал и наблюдал его святой, (стараясь понять), к чему тот способен. И повелел ему святой изучать книги. Подолгу тщательно расспрашивая о нем — не из дальних ведь стран пришел отрок, но из одного из ближних волостей от святого, называемого Сяма, — увидел преподобный его кротость и смирение, особенно же душевную чистоту и беззлобность, и очень его полюбил. И постриг он его, и, одев в иноческие одежды, нарек ему имя Мартиниан. И сделал его блаженный своим учеником, и повелел ему жить в своей келье. И стал тот его любимым учеником.

Глядя же, как живет его преподобный отец, Мартиниан поревновал его добродетельной жизни и, всем умом ему повинуясь, внимательно изучал ангельский образ его бытия, проходящего в долгих молитвах, безгневного, философски трудолюбивого. Видя безмерные труды человека, и в глубокой старости подвизающегося так, что совершенно не выпускал он из того, что подобало совершать, юноша старался и сам тому же научиться и повиновался старцу, как ангел Христу. И очень радовался он душой и благодарил Бога, что такому святому мужу в руки дал его Бог для научения блаженному деланию.

И воспринимал он пост словно некое наслаждение, а наготу — словно прекрасное одеяние, и таким образом томил свою плоть воздержанием, по словам апостола, «плоть изнуряя, душу же просвещая». И просил он

святого о том, чтобы тот установил ему пост далее времени трапезы ввиду его молодости. Преподобный же этого ему не позволил, но повелел ему с братией есть хлеб, пусть не до сытости.

Когда же блаженный Кирилл совершал в своей келье пение, он повелевал ему класть поклоны. И часто бывало, что до самого утреннего клепания лишь немного давал он ему сна причаститься ради телесной нужды. В соборе же Мартиниан старался оказываться на службе раньше всех и после всех уходил.

А когда начинали одолевать его помыслы или лень, он обо всем этом со страхом говорил своему старцу, и тут же силой Животворящего Креста и молитвами святого все это у него бесследно исчезало. И с таким смирением служил он старцу и келью его сохранял, что и сам тот блаженный Кирилл радовался о нем, благодарил Господа Бога и Пречистую его Богоматерь и говорил братии: «Он, братья, будет искусным иноком». Что и осуществилось его святыми молитвами.

Пробыл он у того великого подвижника немалое время, никакой своей воли не имея, слушаясь его без рассуждений, а потом повелением святого был послан испытать себя в службах в хлебне и поварне. Он и там стал вести воздержанную жизнь, все свои чувства хорошо сохраняя, совершенно безупречно, со смирением всех слушаясь, воду нося, дрова рубя, хлеб братии доставляя и от всех принимая молитвы и благословение, всем кланяясь с глубоким смирением, умоляя молиться о нем Богу и Пречистой Его Богоматери и с молитвой молча уходя в келью блаженного Кирилла. И такую веру обрел он в святого, что смотрел на него уже не как на человека, но как на ангела, и не говорил перед ним не слова грубого или неумного, но всегда благоговейно уходил и так же приходил в келью. И блаженный полюбил его и держал его в своей келье столько, сколько было нужно, чтобы его в его юности наставить.

Понял потом преподобный, что есть на Мартиниане Божья благодать, так что может он и один в келье жить. И святой с молитвой отпустил его и благословил жительствовать с братией. Блаженный же Мартиниан молитвами своего святого старца и там жил добрым образом, все заповеданное ему старцем со страхом выполняя.

Потом преподобный сделал его клириком, а немного времени спустя поставил его в дьяконы соборной церкви, чтобы с ним служить. И тот все церковные службы с подобающим старанием внимательно наблюдал и прилежно о них заботился с глубоким смирением и благоговением. Видел он, как совершает их отец, и сам старался так же исполнять, — потому особенно, что был молод, так что многие братья, видя его смирение и терпение, получали от этого пользу, подражали его добрым делам и говорили: «Блажен этот брат, что сподобился быть учеником такого подвижника!» И он быстро выучился, милостью Божией, молитвами преподобного и его научением.

Одни любили его и молили Бога о нем, другие же, подстрекаемые завистью, порицали и осуждали его, ибо часто бывает, что людей

смущает эта страсть. А он все это Бога ради терпел, никакого значения этому не придавая, так как был научен святым старцем все Бога ради претерпевать. На одних праведных он смотрел и тем себя воспитывал, считая всех равными, равно всех почитая, со смирением и любовью всем покоряясь, всех слушая, всем низко кланяясь и с любовью всем отвечая.

Что же было затем? Исполнилась на святом Кирилле Божия воля, совершился над ним общий, всех людей постигающий Божий суд. Ибо преставился блаженный Кирилл от этой жизни и взошел в вечный покой ко Господу, которому усердно послужил, и желаемое получил у Господа Бога, Спасителя душ.

Блаженный же Мартиниан, подобающим образом проводив отца своего, великого молитвенника к Богу предпослал, и благодарил он Бога и Пречистую Его Богоматерь за то, что с наставлениями старца получил от Бога желаемое. Хоть и овладела им на долгое время печаль оттого, что лишился он своего мужественного отца и учителя, проводив ко гробу его святые и честные мощи, однако же еще больше начал он подвизаться, призывая своего святого отца молиться о нем и вспоминая его добрую жизнь, сберегая ее написанной в своем сердце, как на листе, и будто по крепкой лестнице совершая свое восхождение. И немалое время прожил он на месте своего пострижения.

Однажды пришло Мартиниану желание безмолвствовать и начать свое жительство. Помолившись Богу и Пречистой Богородице, побывав у гроба преподобного отца своего Кирилла, благословившись у него, ушел он на другое место, на немалом расстоянии, поприщоколо ста, называемое Воже озеро. Есть на нем остров немалый, очень удобный для уединенной жизни или даже чтобы многим удаляться от мирских людей. Там он начал свое пустынное и безмолвное житие.

Прошло немного времени, пришли к нему жительствовать и некоторые из братий и уговорили его поставить церковь. Он их послушался — очень уж они его просили, — и начали они строить церковь во имя Преображения Господа нашего и Спаса Иисуса Христа. И, освятив ее как положено, украсили иконами и книгами, и даже доныне стоит она во славу Божию, как то церкви и подобает по чину. И службу в ней учредили, как то следует безмолвствующим инокам.

Захотелось однажды блаженному пойти помолиться к Пречистой Богородице в Ферапонтов монастырь. Тамошние же игумен и братия начали звать его жить с ними у Пречистой. Блаженный же, видя их веру и нелицемерную любовь, сказал им: «Если Господь Бог изволит и Пречистая Богородица не отвергнет меня грешного, то я буду с вами жить, если Бог даст, в будущее время». И снова ушел он в свою пустыню и прожил на том месте немалое время.

Пришли к нему и другие жители (часто дело начинают люди, а направляет его к большей пользе всеведущий Бог). И блаженный, видя их прилежание, оставил их там жительствовать, сказав при этом: «Поскольку вы сами этого захотели». И, заповедав им заботиться о

церкви Божией, помолившись Спасу и Пречистой Богородице, сам он ушел в Ферапонтов монастырь.

Игумен же и братия приняли его с великой честью и очень радовались ему: как обещал он к ним прийти, так по великой любви и сделал. Блаженный же Мартиниан начал вместе с ними усердно следовать правилам монашеской жизни, все делая с подобающим прилежанием. И так как он очень ревностно относился к службе в церкви Божией и устав чернеческой жизни хорошо знал, о смирении же его и постничестве что и говорить, ибо для всех он был хорошим примером, то и братия полюбила святого как своего домашнего руководителя и истинного домоправителя.

Спустя небольшое время после этого игумен того монастыря по воле Божией игуменство оставил, и братия недоумевали, не зная, что сделать. И начали они умолять блаженного Мартиниана, чтобы он принял игуменство. А тот, любя смирение, говорил: «Недостоин я, господин, взяться за такое дело, выше оно моих сил, да и всякая власть приносит душе великую беду и заботу, а я человек грубый и немощный», — и долго отказывался. Братия же, малое время спустя, вновь собрались и со многой любовью начали умолять святого, и едва его уговорили. И нарекли его игуменом Пречистой Богородицы Ферапонтова монастыря.

И пошли они бить о нем челом князю Михаилу Андреевичу и родственникам его, потому что это была их вотчина, и очень верили они в Пречистую Богородицу и Ферапонтов монастырь, как и отец его, князь Андрей Дмитриевич. Божией милостью и они полюбили блаженного Мартиниана, ибо и прежде хорошо его знали, и тотчас же поставили его игуменом Ферапонтову монастырю, и, пообещав как следует заботиться о его монастыре, утвердили это записью, и, милостыню ему дав, отпустили его в монастырь к Пречистой Богородице. Другие же говорят, что еще сам князь Андрей передал монастырь Пречистой Богородицы Мартиниану, и мы с этим не спорим, поскольку одинаковым было желание сделать это и у отца, и у его сына, князя Михаила.

Блаженный же Мартиниан, придя в монастырь, стал еще больше подвизаться, труды к трудам прилагая, постом, молитвами и долгим воздержанием, как и был научен преподобным отцом своим Кириллом. И говорил он себе: «Кому дано много, много и взыщется с него». И начал он очень заботиться о том монастыре — о церкви Божией, о келейном правиле, о благочинии на трапезе. И все устроил по образцу того, как было обычно при Кирилле: повелел пить и есть сообща в уставное время достойно и благочинно, всем поровну, с глубоким смирением, в молчании, ибо всегда это должна быть трапеза царская, святая, лучше сказать, Христова, для всех равная и изобильная, ни у кого зависти не вызывающая, поистине содействующая благоуханию аромата заповедей Господних, как то и подобает святым и весьма богоугодно, и по отношению к нищим — милостыня благоразумная. И даже до сих пор тот их дарованный Богом порядок, призрением и

наблюдением Святого Духа, хорошо сохраняется и соблюдается по милости Божией молитвами Пречистой Богоматери.

Слыша об этом блаженном муже, о котором мы теперь говорим, о его добродетельной жизни и схожих с ангельскими порядках в его обители, многие люди отовсюду стекались, словно некие пчелы, чуя медоносный цветок, — одни пользы ради, другие желая с ним жительствовать; мирские же люди приходили и умоляли святого сподобить их ангельского образа. И блаженный, изучая их, после долгих их просьб принимал их и, постригая их в иноки, отдавал под строгое начало, — как и сам научен был этому добродетельному деланию.

Много хорошего сделал для того монастыря блаженный Мартиниан, распространил и укрепил его во славу Божию, как это и доныне есть. Доброе и блаженное правило в души спасающихся там вселилось, Богу живая жертва приносится, ибо никакое приношение от спасающихся душ Бог не любит так, как прилежание и попечение.

Слыша об этом, князь Михаил Андреевич и его родственники, вотчинники той земли, радовались, благодаря Бога и его Пречистую Богоматерь, ублажая там Ферапонта, а здесь преподобного Мартиниана, как неких двух братьев домоправителей, точно исполняющих заповеди Господни и плоды добродетелей Господу приносящих: один тридцать, другой шестьдесят, а иной сто, как земля плодородная, — и радовались о них, милостыни беспрестанно посылая и вотчинные земли даруя, скрепляя это грамотами с печатями, в дом Пречистой Богородицы ради милости Божией. Благодеяния их даже и поныне существуют во славу Божию.

Немалое время подвизался в том монастыре мужественный этот подвижник, игумен Мартиниан, на игуменстве более двадцати лет моля Бога и Пречистую Богородицу день и ночь.

О самодержце великом князе, обо всех благочестивых князьях и о земском благоустроении Русской державы по православной вере христианской

С этим обстояло так. Что же было дальше? Свершилась Божия воля. Всегдашний ведь это у Бога обычай — свое создание наказывать за наши согрешения то мором, то голодом, то пленом у других народов, а иногда междоусобной борьбой земских самодержцев, наводя это на нас за наши грехи, чтобы мы покаялись и избежали вечной муки.

Случилось однажды великому князю всея Руси Василию Васильевичу поехать помолиться к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь. Позавидовав же его власти, словно некий новый Каин-братоубийца, князь Димитрий Шемяка, собрав много людей, послал вослед его в Сергиев монастырь и, схватив того великого князя Василия Васильевича, поступил с ним немилосердно: привел его в Москву со своими ближайшими помощниками, на третий день вынул у него оба глаза — увы! — и, лишив этого света, сослал его в Углич с великой княгиней и с детьми. Мать же его, великую княгиню Софию, отослал в

Чухлому. А сам пошел и сел в Москве на его столе, на великом княжении, самовольно, потому что никто не возбранял ему и не противился.

Об этом пророк сказал Духом Святым: «Если Господь не созиждет дом, понапрасну трудится строящий». Прогневался Бог на того князя Димитрия Шемяку и отвратил от него свое святое лицо. И оттого большое смятение и великий страх вызвала та неправда, измена в крестном целовании, которую он совершил перед великим князем Василием Васильевичем.

Если Господь Бог оставит человека и отнимет благодать Свою от него за многие прегрешения его и неправды, которые тот сотворил перед Ним в течение всей своей жизни, а покаяться и отвратиться от своих зол не собрался, то не бывает человек тот способен к благим свершениям, но в большом смущении и беспокойстве, как во тьме, дни свои проводит, неисправлением губя душу свою. Так же и здесь произошло из-за нашей неправды и грехов.

После сильного смятения тот князь, о котором я выше сказал, — не осуждая говорю, — да не будет! — но истину представляя, — начав раскаиваться и тужить, а в первую очередь принужден будучи святителями той Московской земли и своими ближайшими советниками, поехал с владыками, со своими князьями и боярами в Углич к великому князю Василию Темному, выпустил его, его великую княгиню Марию и их детей и, бив ему челом, помирился с ним и отпустил его в Вологду, в дальние от Московского царства земли, потому что дал он их ему с великой княгиней и детьми в вотчину.

О, беды и неправды! Как мог он сделать это своему близкому родственнику! Такому великому господину и самодержцу Русской земли, которому прежде мало было высшей власти над всей Русской землей, одним городом удовлетвориться и управлять! Никак не захотел этого Господь сил, не позволил тому быть, ибо милостив Господь Бог, кротким и смиренным сердцем дает он царство и власть — кому хочет и благоволит. И помог Он ему, причем не только нашими православными людьми, витязями и боярами, но и из иных многих стран подвигнул и послал ему в помощь бесчисленное воинство, так что даже самые враги наших душ, варвары, называемые татары, пришли из Черкес с двумя царевичами на помощь тому великому князю Василию Васильевичу Темному.

А если ты этому не поверишь, я тебе на это представлю свидетеля истины: возьми книгу Летописную Русской земли и там найдешь моим недостаткам восполнение.

Ведь нельзя, нельзя было такому истинному самодержцу Великой Русской земли в столь дальней пустыне быть заточенным, тем более с такими своими детьми, благородными великими князьями!

Помолившись Богу и Пречистой Богородице и великим чудотворцам, он сказал: «,,Ты, Господи, сердцеведец" живущий на небесах, Ты на

смиренных призираешь, ты подаешь немощным силу и больным здоровье, Ты даешь царям державу и князьям власть, Ты, Господи Боже, защитник сирот от несправедливо творящих насилие и великий заступник в бедах, взгляни на неправду недруга нашего и супостата, помоги нам Твоей всесильной рукой! Господи Боже, „если бы враг мне это причинял, я бы стерпел, если бы ненавидящий меня возвышал на меня голос, я бы от него укрылся”. Как пророк, Господи, говорит: „Если и брат восстанет, неправду слагая, и ищет душу мою взять, — ничем он не лучше злодея”».

Всемилостивый же Бог не захотел забыть труды слуги Своего и то, как он пострадал за имя Его, за святые церкви и за православную веру христианскую в плену и в сражениях за порядок на земле. Хоть и был он телесного света лишен, но ведь душевная красота просвещает ум всякого человека. И Псалмопевец говорит: «Господь умудряет слепцов» и «дает премудрость» и силу кому хочет. И обратил Он всех людей к великому князю Василию Васильевичу Темному, и начали съезжаться к нему многие князья, бояре и все воинство державы его изо всех земель и городов, как уже было сказано, никак не захотев ни служить князю Димитрию Шемяке, ни дать ему крестное целование.

Великий же князь Василий Васильевич, видя на себе милосердие Божие и помощь Пречистой Богородицы и великих чудотворцев, приобрел уверенность и, будучи в великой радости, всех к себе призывал и ободрял словом Божиим. И понял он, что вокруг него собирается бесчисленное множество его войска, обильно проливающее слезы о несчастье своего господина, и отряс он уныние печали своей, и, словно некий орел, ощутил быстроту крыльев своих, — таким количеством народа он обогатился внезапно.

И помолился он Богу и Пречистой Богородице с великой княгиней, с детьми своими и с бесчисленным количеством воинов, и тотчас же послал к великому князю тверскому Борису Александровичу, дабы тот шел к нему на помощь против князя Димитрия Шемяки. А тот ответил его посланнику: «Если женит он у меня сына своего, великого князя Ивана, то я готов идти с ним помощником на его недруга». Посланник тот возвратился к великому князю, своему господину, и пересказал ему все сказанное ему великим князем Тверским. Великий же князь Василий Васильевич дал ему в этом слово, и послал залог обручения своего сына, и они договорились между собою.

А потом великий князь Василий пошел из Вологды помолиться к Пречистой Богородице в Кириллов монастырь. Также и в Ферапонтов монастырь пришел он со всеми своими воинами накормить живущую там братию и получить у них благословение. И встретил его игумен Мартиниан со всею братией вне монастыря с великой честью и радостью, и благословил его Честным и Животворящим Крестом. Спев молебен и гостеприимно учредив трапезу, он дал ему хорошо отдохнуть, придал ему уверенности утешительными словами, благословил его и повелел ему идти против супостата, который так несправедливо с ним поступил, потому что все знают, что не Божьей волей сел на великом княжении тот князь Димитрий Шемяка, но надеясь на гордыню свою, и

помрачен был врагом весь ум его. Князь же великий Василий Васильевич, взяв благословение у святого и выслушав душеполезные слова, очень его полюбил и сказал: «Отец Мартиниан! Если будет на мне милосердие Божие и Пречистой Богородицы и великих чудотворцев молитва, и твоими молитвами сяду на своем столе, на великом княжении, если даст Бог, то и монастырь твой достаточно обеспечу, и тебя возьму поближе к себе». Что и произошло.

И дав монастырю Пречистой Богородицы милостыни сколько он мог, взяв благословение у святого, он поспешно выступил со всем своим воинством на недруга своего, и, соединившись с Тверским великим князем, они вместе пошли на Шемяку.

А князь Димитрий Шемяка со своим воинством стоял, ожидая их, на Волоке. Но уже многие люди побежали от него к великому князю Василию Темному. И, услышав о приближении страшной силы, со срамом и стыдом бежал он от города Москвы в Галич, а оттуда в Великий Новгород, и там, рассказывают о нем некоторые, был отравлен своим поваром и умер, бедственную смерть приняв, и положен был в Юрьевом монастыре.

Князь же великий Василий, о котором прежде говорилось, придя к Москве со многими людьми, сел снова на своем великом княжении, а Тверского великого князя, одарив, с великой честью отпустил в его отечество. А в 6960 (1452) году он женил своего сына, великого князя Иоанна, у великого князя Бориса на дочери того Марии. Об этом — до сих пор.

А в то время случилось, что в Сергиевом монастыре, у Живоначальной Троицы, преставился игумен, пятый после Сергия Чудотворца. Князь же великий Василий Васильевич вспомнил свое обещание преподобному Мартиниану и взял и тотчас же послал на Белоозеро за игуменом Мартинианом в Ферапонтов монастырь. И хотя тот не хотел, уговорил, взял его, привел в Москву и дал ему игуменство у Живоначальной Троицы в Сергиевом монастыре. А на его место у Пречистой в Ферапонтове поставил игуменом их же постриженника по имени Филофей, — он после того в Великой Перми и в Вологде тридцать лет, рассказывают, владычество держал.

Что тут подробно писать или говорить о преподобном Мартиниане? И там, у Живоначальной Троицы, много он послужил, и многие труды совершил, и о братии добросовестно бдел, и великому князю Василию духовным отцом был, и великую от него любовь и честь получил.

И вот что нехорошо предать забвению о блаженном Мартиниане. Такой случай произошел с этим дивным отцом. Один боярин отъехал от великого князя Василия Темного к тверскому великому князю. И очень сожалел великий князь Василий об этом боярине, потому что тот был из его ближайших советников, и не знал он, что сделать и как возвратить его назад. И послал он к преподобному Мартиниану в Сергиев монастырь, прося, чтобы тот его возвратил, обещая почтить и обогатить того гораздо больше, нежели раньше. Святой послушал его и,

понадеявшись на духовное сыновство, возвратил того боярина. И во всем доверился князю преподобный. А когда (этот боярин) пришел к великому князю, тот не сдержал ярости и гнева на него и повелел его заковать.

Родственники же боярина сообщили об этом преподобному Мартиниану в Сергиев монастырь. Услышав об этом, святой очень расстроился оттого, что оказался предателем перед боярином. Сев на коня, он быстро поехал к великому князю, очень печалясь. И, приехав, сначала помолился перед святыми церквами, затем внезапно, когда еще никто не знал о его приходе, пришел в покои великого князя. Подойдя, он постучал в двери. Привратники сказали великому князю о приходе святого, и тот повелел его тут же впустить к себе. Блаженный же, войдя, помолился Богу и затем, сотворив молитву, вдруг подошел близко к князю и сказал: «Так-то праведно, господин самодержавный великий князь, научился ты судить! За что ты душу мою грешную продал и послал в ад? Зачем боярина того, мною призванного, моею душою, повелел оковать и слово свое преступил? Да не будет мое, грешного, благословение на тебе и на твоем великом княжении!» И, повернувшись во гневе, быстро ушел из покоев. Снова сев на коня, он возвратился к Троице в Сергиев монастырь, совсем не побыв в Москве.

Посмотрите, Господа ради, на рассудительную и неуклонную мудрость мужа того, ибо он проявил такую смелость, на какую многие неспособны. Лишь об одном думая, взирая на все сотворившего Бога и неправду по отношению к Богу, преследуя, справедливость же восстанавливая, словно на солнце он указал, не испугавшись княжеского величия, не убоявшись ни казни, ни заточения, ни отнятия имущества или лишения власти, не вспомнил слов Иоанна Златоуста, что «гнев царя ярости льва подобен», пошел и обличил, и не только обличил, но и запрещение наложил.

Что же чудный тот государь? Обладая поистине великой рассудительностью и крайней премудростью смиренномудрия, особенно по отношению к Богу, убоялся он суда Божия и сказал себе: «Ведь и я человек, значит обязательно буду Богом судим, и обязательно правда восторжествует. Хоть и царскую власть я обрел, дающую право судить самовластно, но перед Богом все наго, „все обнажено перед очами его", и Он судит царя так же, как простого человека». Осознал он свою несправедливость и не прогневался, не разъярился неправедно, не возмутился бессловесно, но сказал себе: «Виноват я перед Богом: согрешил я перед Богом, преступив свое слово».

Скоро пришли к нему бояре, и он сказал только, будто гневаясь: «Бояре, посмотрите на того чернеца болотного, что он со мной сделал: пришел вдруг в мои покои, обличил меня, Божье благословение снял и без великого княжения меня оставил». Бояре были в недоумении, не зная, что ему ответить. А он еще им сказал: «Я, братья, виноват перед Богом и перед ним, что забыл свое слово и поступил несправедливо. Идем же к Живоначальной Троице, она нас разрешит, и преподобному Сергию, и к игумену тому, помолимся вместе, чтобы получить прощение». А с боярина того сразу же опалу он снял и, приняв его,

сделал его у себя большим, чем ранее, в жалованьи и любви. И скоро пошел с боярами своими к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь.

Игумен же Мартиниан, услышав о его приходе, встретил его вне монастыря со всей братией, благодарил Бога, с большой радостью увидев его доброе обращение, великое смирение и покаяние перед Богом. Дивный же тот самодержец, великий князь Василий Васильевич, не помянул никакого гнева, не возмутился и о досаде не вспомнил. Быстро подойдя, он пал перед Живоначальной Троицей и получил прощение благодаря своему покаянию. И в глубоком смирении помолился он у гроба Сергия чудотворца, и получил у игумена Мартиниана прощение и новое благословение на все. И благословил его святой Честным и Животворящим Крестом, и сам у того прощение получил за смелость.

Истинный же христолюбец, великий князь, совершив молебен, накормив братию и дав щедрую милостыню монастырю, вновь с радостью вернулся на свой стол в славный город Москву, благословенный и прощенный, во веки аминь.

Видите ли, господа, праведное смирение того боголюбца, великого князя, рассудительное и безгневное? Кто не удивится, кто не похвалит и не прославит такого праведного, великого и смиренного царя! Поистине справедливо ведь то, что некоторые из древних говорят о нем: «Великую награду и милость от Бога имеет тот государь. Много он пострадал и много претерпел бедствий в плену и в сражениях, от неверных царей и междоусобных войн. И хоть и принял он от Бога наказание, но во всем проявил себя как благодарный и храбрый человек, твердый сильной верой в Бога». Как и писания святых отцов говорят: «Кого Бог любит, того и наказывает. Бьет всякого сына своего, которого принимает».

Мы же вновь обратимся к повествованию о преподобном Мартиниане. Жил святой после того случая немалое время. Государь же тот, князь великий, больше прежнего полюбил блаженного Мартиниана и ни в чем не обижал его, а во всем слушал и очень почитал его. И много лет царствовал он в Москве, многих великих князей породил и по уделам посадил, и многих великих воевод, князей и бояр привлек к себе любовью и милосердием, и много добра сотворил в Русской земле милостью и щедротами Живоначальной Троицы и молитвами Пречистой Богородицы и великих чудотворцев Русской земли. Старшего же своего сына, великого князя Ивана, при своей жизни сделал он своим наследником, благословил его и передал ему скипетр Русской державы. 06 этом мы сказали.

Пробыв в игуменах у Живоначальной Троицы в Сергиевом монастыре, с великим тщанием и усердием служа и со многими трудами и подвигами пася Христово стадо словесных овец, немалое время, приближавшееся к восьми годам, начал блаженный Мартиниан размышлять о своей жизни, ибо к старости уже подходил, и многие недуги начали к нему приближаться: одни — как следствие его подвижничества, другие — по

причине многих приходящих из царствующего града попечений, а иные — из-за монастырских дел, — и потому святой уже хотел игуменство оставить. Братия же молила его, говоря: «Потерпи Господа ради еще, отец, на этом месте, заботясь о стаде Живоначальной Троицы и достоянии преподобного Сергия». И он какое-то время из любви их слушал. Но часто приходило блаженному на ум наставление его преподобного отца, Кирилла Чудотворца, — слова, звучащие так: «Хорошо иноку хранить молчание и нестяжание и избегать того, что вредит душевным чувствам».

Немало кручинился преподобный и об обители Пречистой Ферапонтова монастыря: «Начал я там игуменствовать, — говорил он, — а пользы им никакой не принес». И очень озабочен был блаженный тем, как бы им помочь, потому что, говорил он, что «не вполне еще та обитель самым необходимым удовлетворяется», и словно шипом постоянно колола его совесть, чтобы он заботился о той обители.

Знал ведь Всемилосердный Бог, чем хочется Ему украсить обитель Матери Своей, Пречистой Богородицы, и какими благими дарами Своими ее наполнить, таких и преподобных жителей сначала он там поселил, и словно царскую драгоценность пожелал потом положить там мощи Своего преподобного угодника Мартиниана, ибо великую веру и любовь о Боге имела эта праведная душа к обители Пречистой Ферапонтова монастыря, словно некое наследие приняв от Бога эту обитель.

Что же сделал блаженный после этого? Созвав всю братию, Богом избранное стадо, он произнес им последнее поучение, как то обычно было для него учить братию, и, сдав полностью все монастырское хозяйство, вошел в соборную церковь, помолился у Живоначальной Троицы и у гроба преподобного Сергия, целовал его мощи, отдал свои обеты послушания, целовал всю братию, дал благословение и последнее прощение, то же и у них получил, оставил стадо на великого пастыря Христа и ушел в Белозерские земли, Божьим миром хранимый.

И когда пришел он в свое наследие, в обитель Пречистой Ферапонтова монастыря, игумен и все братья, услышав об этом, с великой радостью встретили святого и приняли его как истинного отца с великим усердием и достойно упокоили его старость, о чем далее будет сказано. Он же всех приветливо целовал и дарами и благословением всех одарил. И великая радость была у братии от прихода святого. И устроили они большой праздник в честь его прихода. Игумен же как отцу давал ему игуменство и уступал ему свое место, все попечения с Богом возлагая на него как на великого пастыря, и называли они его их кормчим и наставником их душ ко спасению.

Блаженный же, увидев их великую к нему любовь и усердие о Боге, благодарил Бога и Пречистую Его Богоматерь, понимая по этому, как он говорил, что «не пренебрегли Бог и Пречистая Богородица моим молением и исполнили все мои желания молитвами брата моего и начинателя обители сей преподобного Ферапонта», — и затем поселился там. А спустя небольшое время начали игумен и вся братия

умолять святого, чтобы он взял на себя должность строителя в монастыре и попечение обителью Пречистой Богородицы. Блаженный же, видя их веру и усердие по отношению в нему, отвечал им со смирением: «Я, братья и отцы, вовсе недостоин того, чтобы мне взять на себя таковое попечение, потому-то и ушел я из обители Живоначальной Троицы Сергиева монастыря — оплакивать грехи свои и обрести покой и безмолвие в старости моей». Игумен же и вся братия с настойчивой мольбой приступили к нему, и блаженный отвечал с глубоким умилением: «Если, господа, угодно это Господу Богу, Пречистой Его Богоматери и вашей любви, то ради послушания я готов уже и умереть в обители Пречистой за брата моего и господина блаженного Ферапонта». Игумен же и вся братия с великой благодарностью, пав, поклонились ему за то, что послушался он их мольбы Бога ради и взял на себя должность строителя и попечение обо всем монастыре.

И так трудился блаженный и такие подвиги совершал в старости жизни своей, что все изумлялись и удивлялись тому, как он старался и усердствовал в заботах и о соборном о Боге благочинии, и об устройстве монастырском, и о крепости братства, вынимая из недр своих, как из некоего сокровища, что-то из устава Кириллова монастыря, что-то из устава Живоначальной Троицы Сергиева монастыря, как некий купец или победитель, пришедший из дальней земли, достающий из сокровищ своих, по апостолу, старое и новое, насыщая и передавая душам жаждущим и желающим напитаться от его духовной трапезы.

Все же игумены и братия, бывшие в обители той по чину, как к некоему неисчерпаемому кладезю, приходили к нему и брали полезные слова, покупая многоценный бисер, каковой есть Христос. Также и все советы, касающиеся телесных нужд, и указания о потребном тому монастырю — все получали у преподобного Мартиниана до самого преставления его и отшествия к Богу его души от тела.

Знаю я также, что священноинок Пахомий со Святой Горы, создатель житий преподобных Сергия и Кирилла, как верный свидетель так говорит об этом преподобном и блаженном отце, о его добрых делах: «Прийдя в обитель святого Кирилла, увидел я там настоятеля той обители, Касьяна именем, достойного зваться игуменом, мужа, состарившегося в многолетних постнических трудах. И он еще больше начал убеждать меня написать что-нибудь о святом Кирилле, ибо и большую веру имел он в святого, и сам видел блаженного, и правдиво рассказывал о многих его чудесах. Нашел я там и иных многих из учеников его. Как столпы непоколебимые в истине пребывая, многие годы жили они со святым, в посте, молитвах и бдениях безмолвствуя. Как — видели они — делает отец, так и они старались поступать. И было достаточно видеть, как они живут, чтобы и без описаний понять их добродетели. И я расспросил их о святом, и они начали мне рассказывать о жизни святого и о чудесах, бывающих от него: один — одно, другой — схожее с тем. И за много раз по частям были рассказаны деяния святого». И дойдя тут до этого блаженного Мартиниана, о свидетельстве которого мы упомянули раньше, он говорит: «Когда же я услышал его житие от очевидцев, особенно от

самого достоверного из всех, от самого ученика его по имени Мартиниан, бывшего игумена тезоименитого монастыря, называемого Сергиевым, жившего с малых лет со святым Кириллом, знавшего хорошо о святом — он подряд все рассказывал мне о нем», — и, его рассказ записав, начал он намечать ход жития преподобного. Будучи отцом сего блаженного, Кирилл видел, что искренен этот его ученик, с горячей верой в Бога и желанием добродетелей, и не скрыл и не пренебрег, но как чадолюбивый отец все поведал и открыл своему сыну, наделил его и одарил. И рассказывающий об этом, встретив блаженного Мартиниана, получил от него истинное свидетельство и взялся за дело.

Мы же вернемся (к рассказу) о приснопамятном отце.

Не льстиво я говорю и не ради них хвалю я этих преподобных отцов, Ферапонта и Мартиниана, ибо не требуют святые наших похвал или словесных прикрас, потому что достаточно для них небесной красоты и наслаждения пребывать с Богом в постоянном созерцании Его пречистого лика, о чем и пророк говорит: «Похвала праведнику от Господа бывает, и забота о нем от Вышнего».

Преподобный же Ферапонт отошел в свое время к Господу, будучи хорошим пастырем для тех, попечение о ком было вручено ему Богом. И положили его честные мощи в Лужках в Можайске у Пречистой Богородицы, как уже было прежде сказано, ибо он был начинателем той святой обители. Телом лег он там, душа же его взошла ко Господу, а нам он оставил заботящегося о нас возлюбленного нами о Христе преподобного отца Мартиниана. Тот начал, но оставил, а этот незаконченное завершил. Тот ушел за духовной покупкой в дальние земли и, посланный Богом и Богом ведомый, ушел, а этот блаженный Мартиниан Богом был приведен на его место, пришел к нам и поселился в достоянии его, как некий наследник или брат по плоти, и остался с желанием, стал подвизаться трудолюбиво, труды к трудам прилагая, болезни к болезням, день и ночь заботясь, борясь с духами лукавства, бесстыдно находящими на стадо Христово словесных овец, стараясь каждого из нас растлить или похитить из ограды доброго нашего пастыря Христа. Он же, как добрый пастух, то сам, то с помощью друзей, то есть учеников своих, пася и ограждая нас, укрепляя отовсюду, направляя и у волков губящих, бесов, из гортаней выхватывая, подражал первому своему пастырю и учителю Христу и, как и он, взошел на небеса, оставив учеников своих, многие из которых стали святителями, пастырями и наставниками, направляющими на путь спасения.

Простите меня Господа ради, отцы и братья, и не осудите худость мою, что мало рассказал вашему благородству. Ничуть не случайным считаю я это, но делом божественного промысла Его человеколюбия, Его многого милосердия, осуществившимся на нас заступничеством великой вашей помощницы, Пречистой Его Богоматери: если бы не было угодно Богу дело этих блаженных отцов, то не утвердил бы Бог и не возвел бы две такие обители, — словно укрепленная крепость предстоят они перед славой Его и величеством ради спасающихся душ. Сколько их спаслось и спасается во имя того Всесильного Бога и

Пречистой Его Богоматери! И знаю я, что не неведомо это святости твоей, о возлюбленный, — пред тобою ныне все они лежат: много из недр этих преподобных отцов вышло епископов, много игуменов, учителей и наставников общежитий. И то, знаю, не неведомо тебе, что многие отцы и братья, ученики их, были прозорливы, и многие, Божьей благодатью исполненные, и райской пищи сподобились. И еще кое-что коротко расскажу тебе об их жизни, да узнаешь истину.

Брат, носивший на соборное пение блаженного отца Мартиниана по причине его старости и многих болезней, — имя его было Галактион, и он был его учеником, — пришел некогда с братией во внове поставленную трапезную, и братия начала хвалить постройку, что, мол, хороша она и очень красива. И тот тоже сказал, как будто юродствуя: «Хороша-то, хороша, да недолговечна». Они не придали этим его словам никакого значения и отнеслись к нему как к юродивому. У Бога же он оказался премудрым: на другой же день загорелась келья некоего брата и от нее занялись сильным огнем другие кельи, и невозможно было вынести из них ничего. Иоасаф же, бывший владыка Ростовской земли, затужил о некоей вещи, отложенной в келье ради монастырского строения, а юродивый брат, подойдя, начал упрекать его, говоря: «Что ты делаешь, отец?! Бога гневишь, скорбя». Тот ему: «Я, брат, не для себя это хранил, но для монастырских нужд». А этот брат: «Если так говоришь, то где оно, в каком месте лежит это сокровище?» Тот точно указал ему место в келье. И блаженный юрод бегом быстро помчался к келье и, оградив себя крестным знамением, бросился в пламя этой кельи и вытащил сокровище. Принес, поставил его перед владыкой Иоасафом, говоря: «Вот, не горюй, о худом деле скорбишь». Братия же вся удивилась и прославила Бога за непостыдную смелость брата.

Кельи же те объял великий огонь, также и трапезную ту уничтожил он до основания. Люди, быстро прибежав, начали рубить звонницу, чтобы не сгорели колокола. А тот приснопамятный (юродивый), прибежав, оттолкнул людей с топорами и сказал: «Этому не гореть!», — и стал у звонницы. И огонь ничуть не коснулся его, хотя и был близок. И сбылось пророчество этого поистине дивного брата.

На все службы с братией был он готов и очень старателен, в покое же телесном совсем не нуждался и на соборной службе раньше всех оказывался. И точно узнали мы от него, что это блаженный Мартиниан рассудил и благословил его на то чудное и блаженное дело.

Провидел он и преставление свое за много дней. Когда пришел к нему посетить его некий брат, с которым советовался приснопамятный, постриженник Симоновского монастыря, службой которого было печь просфоры, и начал сочувствовать ему в его болезни, он ему отвечал: «Не скорби, брат, обо мне: хоть я и уйду от вас, но на восьмой день и ты придешь за мной». А тот, не понимая смысла его слов, пересказал их братии. И преставился он к Богу, а затем разболелся и советник его Савва, таково ведь было его имя, и на восьмой день отошла душа его от тела, как и предсказал тот блаженный юрод.

И иные многие знаю я чудеса. И другой брат, более тридцати лет державший игуменство, ныне уже старец, рассказывал мне нечто подобное. «Однажды, — сказал он, — когда я впал в уныние и вовсе решил просто уйти из обители Пречистой, мой учитель, сев на пороге кельи, сказал мне: „Что это, брат, ты замыслил? Врага слушаешь! Не можешь ты избежать причиняемого им волнения. Если и убежишь от нас, нигде не сможешь ты избежать его сетей и обмана”. Слыша это от старца, я удивился его проницательности, ибо все помыслы моего сердца он представил перед лицом моим».

Знаю я дела и иных братьев, обладавших таким же добрым разумом, да время повелевает мне сократить (рассказ). Потому много говорить об этом не будем и вновь обратимся к прежнему.

Блаженный Мартиниан, как уже было сказано, хорошо подвизался, ибо и к глубокой старости уже приблизившись, и частые недуги, подступающие к нему, видя, и ничего не ожидая, кроме прихода смерти и последнего часа, однако же такое блаженный усердие имел и веру в Бога, что до самых последних дней неуклонно не желал отступать от соборной службы. О келейной же что и говорить! Так же и пост он совершал, как научен был отцом своим, преподобным Кириллом. А на соборную службу братия возили его, иногда же на руках носили его по причине старости и большой немощи.

Слышу, как некоторые отвечают ложью на эти простые слова: «Немощных святителей, — говорят они, — не бывает, значит, он пал». Афанасия Афонского не назовешь ли святым, убившегося, упав с церкви, и победную смерть принявшего? Или Симеона Столпника, одну ногу имевшего, а другую червями съеденную? Да и много можно найти телесных недостатков у тех великих святых, душевную же их крепость всякого камня и железа твердейшей святые писания называют. Не слышал ли ты, как Владыка Христос говорит Иову праведному: «Неужели иначе Меня представляешь? Нет, это — только, чтобы ты оказался праведен». Кто может исследовать судьбы Господни? Все святые в трудах и болезнях окончили свою жизнь. И верно ли то, что говорят нам ныне: «Почему не являются нам и не говорят нам святые то и то?» Если бы мы достигли меры святых отцов, то и мы сподобились бы некоего дарования. Писания святых отцов говорят: «По мере добродетелей всякого и дарования Бог подает». Об этом довольно.

Увидел блаженный, что от старости совсем он изнемогает и к концу приближается, призвал к себе иноков той обители, работавших вместе с ним для Бога по мере своих сил, и перед всеми заповедал игумену сохранять предание и чин обители той, чтобы никто совершенно не нарушал монастырского чина и устава, «какие нами, — сказал он, — даны этой обители», в свидетели тому выставляя Бога и Пречистую Богородицу. «Как мы, отцы и братья, видите, делали, так и вы это делайте. Божия же любовь и милость Пречистой Богородицы да будет с вами». Благословение и прощение игумену и братии дав и у них получив, также и последнее целование, в последние свои дни причастился он Пречистого Тела и Честной Крови Христа Бога нашего.

Прожил же преблаженный и преподобный отец наш Мартиниан в чернечестве более семидесяти лет и преставился к Богу в воскресный день в глубокой старости в совершенном образе в 6941 (1483) году месяца января в 12 день и соединился с отцами своими в жизни вечной.

Игумен же и все братия, собравшись, с плачем взяли мощи святого, с честью погребли у большей церкви Пречистой Богородицы по правую сторону от алтаря и достойно совершили ему память.

О благословении митрополита Макария

Пусть некоторые не обманываются в этом, говоря: «Почему великий святитель Макарий, митрополит Русской земли, не включил в грамоты, которые он разослал по городам и большим монастырям в 7055 (1547) году при переименовании в царя великого князя всея Руси Иоанна Васильевича, (Ферапонта и Мартиниана) в число святых отцов, которых тот собор, обсудив и избрав, повелел петь и праздновать по всем церквам Великой России, а их оставил?» Но ведь не из пренебрежения ими сделал так святой митрополит, и не просто это так получилось.

Когда минуло после того собора много дней, игумен той обители приехал и привез с собой жития святых отцов Ферапонта и Мартиниана, чтобы попросить повеления и благословения у своего господина, и дал их в руки святителя. Великий же (отец), рассмотрев их, повелел снова собраться собору. И когда собрались к нему все святители, бывшие на том первом соборе: Алексей архиепископ Ростовский, Иона епископ Суздальский, Иона же епископ Рязанский, Акакий епископ Тверской, Феодосий епископ Коломенский, Савва епископ Сарский и Киприан епископ Пермский, — с честными архимандритами, с честными игуменами великих монастырей, с избранными старцами и всем священным собором, взял он те книги и повелел прочесть перед ними жития святых и чудеса. И, рассудив всем тем собором, что несправедливо не включить их в число святых, благословил митрополит и повелел игумену той обители петь и праздновать этих святых отцов, преподобных Ферапонта и Мартиниана, вместе с прежде названными святыми, и жития их читать соборно во славу Отца и Сына и Святого Духа, Вседержителя Бога.

Да не говорят некоторые сомневающиеся также и следующее: «Повелел святой митрополит только в одной церкви той обители праздновать тех святых». Посмотри и ясно осознай: не бывает таких повелений в святых писаниях, — (а то окажешься) повинен в неправде и лжецом перед Богом. В святых книгах написано: «Едино стадо и один пастырь, Христос, одна церковь и одна вера». Что дал он одной церкви, то и иным дал, а не дал бы — так ни одной бы не дал. Хорошо и весьма полезно то, что сделал святой митрополит: словно некую царскую утварь вложил он в церковь Божию повеление и благословение праздновать память святых отцов.

Мы же, братья, вспоминая этих блаженных отцов, их добрые предания, не можем иначе воздать им дар и достойно их похвалить, — достойно их трудов, болезней и внимательного попечения, заботливо проявленного

ими о наших душах, и великой о Христе любви, которую они показали, как только ежегодно празднуя их пречистую память, — как благородные и возлюбленные дети (память) своих родителей, и горячо их молим, все вместе говоря: о, пастыри добрые и преблаженные, истинные строители винограда Христова, учителя иноческой жизни, отцов слава, преподобным единокровники и праведным инокам наставники, жизнь свою подобно ангелам прожившие, смиренные мудростью, приятели прекрасные, всем прибегающим к вам помощники вы, пророков и постников радость и сожители тех, кто с ними.

О, преблаженные отцы Ферапонт и Мартиниан! Назирайте нас свыше, отечески призирая, хорошо и добролюбиво учредив над нами державу. И когда Бог сядет на судейском престоле проверять наши дела и слова, придите, праведные, и покажите ваши бесчисленные болезни и труды, какие понесли вы в постничестве, и помолитесь благому Владыке, пошедшему ради нас добровольно на крестную смерть, и сделайте нас причастниками к части спасенных, благодатью, щедротами и человеколюбием Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, которому слава, честь, держава и поклонение с Безначальным Его Отцом и Пречистым, Благим и Животворящим Духом ныне и вовеки да будет.

Хочу я поведать и некоторые из чудес, сотворенных святым и преподобным отцом нашим Мартинианом

Преблагой Господь Бог наш, желая прославить Своего угодника и показать, какую тот обрел у Него милость и смелость перед Ним, сделал и показал это следующим образом.

В 7022 (1514) году случилось в обители Пречистой Ферапонтова монастыря преставиться от тела и отойти к Господу бывшему архиепископу Ростовской земли Иоасафу. Игумен же той обители — а это был постриженник Спасо-Каменного монастыря по имени Селивестр, — посоветовавшись с братией, решил похоронить этого мужа рядом с преподобным Мартинианом, памятуя о его родовитости, ибо тот был родственником великого князя, а также то, что он был постриженником и учеником преподобного Мартиниана, — потому-то и захотели они положить его вблизи святого, если Бог изволит.

И вот, игумен и братия собором, сотворив молитву, начали выкапывать гроб святого и очищать землю кругом. И, открыв гроб, увидели они чудесное видение, умиления достойное, ибо не только славное тело его сохранилось целым и невредимым, но даже его одежда, в которой он был погребен, осталась совершенно целой и ничуть не затронутой тлением.

И вот что было удивительно: когда они открыли эту честную раку, с обеих сторон ковчега была видна вода, но ни телу святого, ни его ризам она не причинила никакого вреда, — как и прежде, давно, вода, оказавшаяся в гробе Сергия. И, увидев это, все прославили Бога и Пречистую Его Богоматерь за то, что столько лет тело святого сохранилось в гробу, ибо после 30 лет они увидели это чудное видение.

Игумен же и братия, охваченные сильным страхом и ужасом, не рассудив об этом дарованном Богом даре, повелели выпустить воду из гроба святого. И кто-то из братии, взяв железное (орудие), провертел небольшую скважину, и вода начала течь на землю и исчезла. Но некоторые из братий, имевшие крепкую веру в святого, налили той воды в маленький сосуд — на благословение. Также и сподобившиеся оказаться тут поблизости мирские люди тоже взяли немного этой воды в сосуды.

Чудо 1, о Памве

Один из братьев той обители, ученик старца Силуана, имя брата того было Памва, лежал в тяжелом недуге, от которого все тело его болело, и он очень от этого недуга страдал, взяв немного той священной воды из гроба святого, с глубокой верой в преподобного попил той воды и помазал ею все тело, и тотчас же выздоровел. И благодарил он Бога, Пречистую Его Богоматерь и преподобного Мартиниана, молитвами которого получил исцеление, а вместе с тем и здоровье.

О болевшем животом

Один человек из ближней деревни, называемой Иткла, имя его было Тарсан, оказавшийся в тот момент у гроба чудотворца, имел тяжелую болезнь, и росла вся его утроба, так что он уже приготовился к смерти, и много времени уже болел он этой болезнью. Отец же его духовный, взяв той воды, повелел ему попить ее и помазал ею весь его живот и все его тело, и с того дня стал этот человек здоров. И воздали они хвалу и благодарность Богу, Пречистой Его Богоматери и чудотворцу Мартиниану за то, что ожидавший в безнадежности смерти человек получил здоровье молитвами преподобного.

Некоторые из братьев, оказавшиеся очевидцами тех чудес, поведали мне также следующее:

Один человек, мирянин, по имени Губа, бывший дьяком для христиан, тамошних прихожан, сподобился взять той благодатной воды в маленький сосуд. Была и у него немалая телесная болезнь, и он надеялся получить здоровье молитвами святого, что и произошло. Ибо помазался он той святой водой и молитвами преподобного отца полностью исцелился и стал здоров.

И многим больным мирским людям давали эту воду, и все благодатью Божией исцелялись от своих недугов, и славили и благодарили Господа, Пречистую Его Богоматерь и преподобного чудотворца Мартиниана.

И я недостойный слышал, как некоторые из братий говорили об этой дарованной Богом воде: «Если бы была такая вода ныне, то одну каплю ее покупали бы мы за множество золота». И они свидетельствуют о ней, говоря: «Она не так выглядит, как это естественно для земных вод, ибо была она совершенно чистой и светлой, словно некая слеза». Велики дары Божии и милость, являемые на преподобном, как было и в тот раз, наше же недостоинство помешало нам удержать неудержимое.

О расслабленном

Один из братьев той же обители по имени Селиверст долгое время был одолеваем опасным недугом, очень тяжело болел: все члены его расслабились, и гнила его плоть, так что он уже не мог ни ходить, ни сам есть. Некоторые из братии Бога ради заботились о нем, принося ему еду и питье, и кормили его день за днем. Он же очень скорбел о своем здоровье, более, чем о пище, и сильно плакал, много слез проливая из глаз своих, и постоянно молил Бога и Пречистую Его Богоматерь, желая получить здоровье и спасение для своей души. И много лет провел он, страдая от этого недуга.

Всемилостивый же Бог, желающий, чтобы все люди спаслись и к познанию истины пришли, подал ему мысль, и он начал думать о том, чтобы отнести его к преподобному Мартиниану, да боялся, что его желание не исполнят, что не послушает его в этом братия. И начал он с еще большей верой молиться преподобному Мартиниану, с обильными слезами горячо призывая святого помолиться о нем Богу. А келья его, надо сказать, находилась поблизости от гроба святого. И вот, однажды ночью, будучи один в своей келье, загрустив о своей жизни, начал он с громким плачем молиться Богу, Пречистую Богородицу на помощь призывать и, обратив весь свой ум и всю свою мысль к преподобному, пополз из своей кельи из последних сил ко гробу преподобного.

И, оказавшись у гроба святого, повалился он там с громким плачем, вопия: «Помилуй меня Господа ради, угодник Христов! Помолись обо мне грешном, преподобный отец, чтобы Бог показал на мне Свою милость твоими святыми молитвами! Вспомни, отец, сколько я послужил святыне твоей при твоей жизни и сколько лет прослужил я в твоей обители!» И много часов он сильно плакал, прижимая голову ко гробу святого, и как бы забыл болезнь, изо всех сил молясь.

Велики твои суды, Христос царь! Как от сна восстал тот брат совершенно здоровым, ни следа болезни на себе не видя, и со многими слезами, горячо, обнимая с любовью гроб святого, он его со страхом и радостью целовал, прижимаясь к нему, принося Господу Богу и Его Пречистой Матери хвалу и огромную благодарность. Ведь, уже ожидая прихода смерти, в безнадежном состоянии получил он здоровье молитвами преподобного отца Мартиниана. И ушел он в келью свою в большой радости.

Наутро братия, видя этого брата здоровым, удивлялись скорому его исцелению и долго его расспрашивали. И он им все рассказал, — как он получил Божие помилование молитвами святого. А мне, как все это произошло, поведал случившийся при этом брат, все это слышавший. Мы же, славя и благодаря Христа, Бога нашего, и Пречистую Его Богоматерь, записали чудеса преподобного отца нашего Мартиниана.

О беснующейся женщине

О других чудесах рассказал мне один священник из обители Кирилла чудотворца, тезоименитый чудотворцу Мартиниану, — он часто

приходил в монастырь преподобных отцов Ферапонта и Мартиниана служить в свою чреду службы в соборе с братией.

Пришел однажды кто-то из ближайших соседей позвать его к больному для исповеди, поскольку их, мирских людей, священника не оказалось. И он, боясь суда Божия, тут же пошел посетить больного и, придя, сделал для больного все необходимое. И тут он увидел женщину, сидящую на печном примосте и, беснуясь, кривляющуюся.

«Я спросил больного: „Что это за женщина?" Тот отвечал: „Дочь моя, господин мой, жена Гавриила Крамзы, — так звали ее мужа. Много уже времени, господин, как она беснуется и делает всякие гримасы, онемевая, как в сумраке ночном, и становясь глухой и немой, и глазами не видя совершенно никого; все время она беснуется. И не знаю я, господин, что с ней делать". Я сказал им: „А почему вы не пойдете с ней помолиться к Пречистой и к чудотворцу Мартиниану? Верю я в Бога и Пречистую Богородицу, что не уйдете вы впустую от гроба преподобного". Они пообещали, и я ушел к себе.

А через несколько дней, когда я стоял на своей службе и молился, пришел этот человек в монастырь к преподобному с той женщиной и с ее матерью. Мы подвели его ко гробу чудотворца, и я начал петь молебен Пречистой Богородице Одигитрии. И по чтении Евангелия начала больная очищаться от недуга своего, и, подбежав ко гробу, стала целовать гроб святого с криком и слезами в радости. И выздоровела она от недуга своего Божьею благодатью, и начала хорошо видеть и говорить, благодаря Бога.

И, повернувшись к нам, она сказала: „Это чудотворец, поднявшись из гроба, благословил меня крестом и ушел". Так же и я, отпев молебен, благословил ее Честным и Животворящим Крестом. И все, видевшие это преславное чудо, удивились, и мы прославили Бога, Пречистую Его Богоматерь и преподобного Мартиниана. И человек тот ушел к себе домой, радуясь, со всеми своими воздавая хвалу Богу и чудотворцу Мартиниану».

О другой беснующейся женщине

Тот же священник мне рассказывал.

В то время, когда я жил в монастыре преподобных Ферапонта и Мартиниана, некая женщина из ближних сел святого — ее звали Акулина, а название села Сусло — долгое время была одержима духом нечистым. И так как она тяжело страдала, муж же ее и родственники всегда водили ее на праздник чудотворца Кирилла, и, хоть она и бывала там, не обрели они для нее полезного. Я не чудотворца хулю, — да не будет этого! — но на то была Божья воля.

А однажды по заутрени в память чудотворца пошли все люди назад к себе домой, и та женщина тоже со своими возвращалась. И когда дошли они до монастырских ворот Ферапонтова и преподобного Мартиниана монастыря, начала эта женщина (возмущаемая тем бесом), сильно

вопить и кричать, отчего все испугались и отбежали. И она, возбуждаемая бесом, захотела куда-то бежать. Но бывшие с ней люди удержали ее, и другие люди, из монастырских, помогли им. А она все больше кричала, говоря: «Чернец бьет меня палкой!» И долгое время она это говорила.

Они же, взяв ее, привели ее ко гробу преподобного Мартиниана. И начал тот вышеупомянутый священник петь молебен Пречистой Богородице. И та женщина стала вопить тише, но по-прежнему говорила те же слова. Братия же и мирские люди спросили: «Что ты говоришь, женщина? Никто ведь тебя не бьет». А она им отвечала: «Разве вы не видели, как за воротами монастырскими он начал меня бить, говоря: „Всегда мимо ворот моих ходите и презираете меня"». Мы же ей: «О чем ты говоришь, что рассказываешь? Кто тебя бьет? Мы не видим, чтобы тебя бил чернец». Она же отвечала, указывая пальцем: «Вот он пошел и приблизился к гробу святого. Вон он пошел, и риза у него была черная». Мы же поняли, что она в видении видела преподобного и что тот помучил и изгнал бывшего в ней беса.

Священник же благословил ее крестом у гроба святого, и с того времени она стала здоровой и, благодаря Бога, Пречистую Его Богоматерь и преподобного чудотворца Мартиниана, ушла к себе домой, радуясь.

О другой беснующейся женщине

Другая женщина из ближней деревни святого, с Бородавского озера, имя ее Екатерина, была одержима нечистым духом. На протяжении многих лет разбивал ее этот нечистый бес, и она падала и испускала пену. Муж же ее и родственники не знали, что с ней делать. Они водили ее на память чудотворца Кирилла и молились о ней, чтобы она выздоровела, но возвращались с нею к себе домой (ни с чем). И снова бес, нападая на нее, терзал ее.

А однажды пришла им на ум мысль о Мартиниане, преподобном их монастыря. И привели они ее с плачем, молясь Пречистой Богородице, и приложили они ее ко гробу святого, с верой и со слезами молясь, только молебен не будучи в состоянии отпеть, стесняемые нищетой и ни от кого из пришедших не видя помощи. Но Бог равно на всех призирает: стала с того времени здоровой эта женщина, исцелившись от своего недуга благодатью Божией. Муж ее очень обрадовался, а также брат его Иоасаф, носящий теперь иноческие (одежды), он сам об этом мне и рассказал, будучи очевидцем этого чуда. И ушли они в свой дом, радуясь, славя и благодаря Господа Бога, Пречистую Его Богоматерь и преподобного Мартиниана.

О беснующемся юноше Никифорове

Некий юноша из земель великого князя, живший примерно в десяти поприщах, по имени Гавриил, был одержим нечистым духом. Каждый день, нападая на него, этот бес давил его, много пены источая и тяжело разбивая его. И он владел им настолько, что тот не мог узнать ни отца,

ни мать, ни кого-либо из родных и дошел в болезни до предела: не ел и не пил. Отец же, жалея его, много плакал, но был в недоумении, не зная, что предпринять. Многие предсказывали юноше неизбежную смерть. Соседи же их и родственники дали им совет: велели им везти беснующегося в обитель Пречистой к преподобному Мартиниану. Для этого первым делом известили дядю этого юноши, священника (церкви) святого пророка Ильи. Узнав об их великой скорби, он тотчас же к ним пришел. Они тогда горько плакали, думая, что наступил смертный час их сына. И священник тот, увидев свою сестру, убивающуюся в горьком плаче, тоже расплакался. Услышав же об их решении, он и сам о том же подумал.

И, положив больного на повозку, они на конях поехали следом за ним, потому что было летнее время. Мать же провожала его с плачем как мертвого, видя, как изменился облик ее сына, — что он не только безгласен, но и что голова его бессильно болтается, а глаза закрыты. И когда они приблизились к обители и ввезли больного через монастырские ворота в монастырь, он открыл глаза и громким голосом проговорил: «Ох, беда мне! Нисколько не дадут мне покоя своим криком!» Дядя же его, который пришел вместе с другими, стал его спрашивать, о чем он говорит. И тот им ответил, указывая: «Вон, они остались снаружи, на том мосту, во множестве, черные и страшные, наполняя воздух воплем: „Не везите его, он уже наш!” А теперь я никого не вижу». И мы обрадовались милости Божией и спрашивали его: «Нас-то ты узнаешь?» Он же, оглядев нас, отвечал: «Господи, знаю я вас», — и называл имена. Тогда мы, взяв его на руки, положили его у раки святого. И начал священник той обители Пречистой петь молебен Одигитрии. Также и я вместо дьячка стал с ним петь и молить Бога со слезами о больном и о его матери. Больной же понемногу начал говорить чисто и, встав на свои ноги, заплакал и тоже начал молиться. И мы привели его ко кресту у Спасова образа и приложили к нему его голову, а также и ко гробу святого, и он начал сам креститься.

И начав с того дня вновь есть и пить — в первый раз в обители Пречистой, — он полностью выздоровел и стал осмысленным, каковым и пребывает до сего дня, хваля и благодаря Господа Бога, Пречистую Его Богоматерь и святого и преподобного отца Мартиниана.

О беснующемся дьяке Симеоне

Этот же священник поведал мне подобное же.

«Случилось однажды с братом моим, жившим с моими родственниками на том же Волоке, — имя его, как и у меня, Симеон — такое дело. По грехам нашим и небрежности часто с людьми от перепоя и обжорства бывает, что забываем мы Бога и от закона Его удаляемся, и потому наказанием Божиим все такое у нас бывает. Вошел лютый бес в этого человека, и начал он неистовствовать, говорить нелепости и бить всех находившихся в его доме. И невозможно было удержать его от множества злодеяний и усмирить. Тогда, связав ему руки, на ноги ему положили железные узы. И несколько дней с трудом вытерпев творимые им бесчинства, привели мы его в дом Пречистой Богородицы

к преподобному Мартиниану, четверо мужчин влекли его связанного, и ввели его ко гробу чудотворца.

Священник начал петь молебен, также и я с ним, и бесноватый начал милостью Божией утихать. Люди же, бывшие с ним, сняли с него узы, и все мы обратились к молитве. Также и больной начал понемногу обращаться к молению перед образами Спаса и Пречистой Богородицы и стал полностью здоров и осмыслен. И три дня подряд, приходя в гробницу, со слезами молился он непрестанно, целуя гроб святого и благодаря Господа Бога, Его Пречистую Богоматерь и преподобного Мартиниана».

Я же, услышав рассказ этого священника, записал его, ибо не лжив был этот свидетель и сам это видел; а также и то, о чем выше рассказано, он или слышал, или видел воистину. Ибо тридцать пять лет был он священником на одном месте, у святого пророка Ильи, и в обители Пречистой постоянно в свою череду неделями служил и пел молебны.

И о многих иных ведомых и неведомых людям чудесах святого я слышал. Богу же все ведомо, так что невозможно Божьи судьбы проследить, равно как и чудеса святых Его угодников переписать, — разве что для пользы слушающих и ради мзды творящих волю Божию. Нам же подобает каждому себе внимать, особенно в это время, и стараться подражать их добрым делам, а свои дела готовить к испытанию на суде у Господа Бога и Спаса нашего, которому слава ныне и присно и во веки веков, аминь.

О больном юноше

Повелено мне было вдобавок к тем и это новоявленное чудо великого Божьего милосердия сделать известным. Был, говорят, некий юноша, серебряных дел мастер, двадцати лет от роду или чуть больше, пскович родом, по имени Стефан; благочестивого его отца звали Федор Клещев, и он занимался теми же ремеслом и торговлей. Уйдя от своих родителей и скитаясь в дальних странах, этот юноша заболел тяжелой болезнью — на его правой руке появилась проказа, и рука стала такой тяжелой, словно какое-нибудь железо, и он с трудом мог ею владеть. Увидев себя во многой скорби и болезни, он не знал, что ему делать. И начал он молить Всесильного Бога и призывать на помощь Пречистую Богородицу, чтобы получить исцеление, и обещал ходить по святым чудотворцам, призывая святых на помощь и на молитвы к Богу, как то обычно у многих людей. Ведь когда мы оказываемся в беде, тогда с большими желанием и верой ищем мы Бога, а когда пребываем в благоденствии и здоровье, тогда мало верой к нему прилагаемся и ничуть о том, что он у нас ищет — я говорю о спасении души, — не беспокоимся, будто воображаем себя бессмертными. Также и этот юноша: образумившись, обошел многие места, но не нашел он никакой пользы.

Пришел он затем в преславную лавру святого чудотворца Кирилла, нищих питателя, и тут помолился, также и в Ферапонтов монастырь ко гробу преподобного Мартиниана, а после этого отошел в волость,

называемую Сяма, и там помолился перед иконой Пречистой Богородицы, от которой милость бывает многим с верою приходящим. Но ему легче не стало, и он, подумав о себе, взял у каких-то людей иноческие одежды, облачился в них и вновь пришел в обитель к чудотворцу Кириллу и начал там умолять игумена Афанасия и старцев, чтобы причли его к стаду Христову. Но игумен не давал благословения из-за его пораженной проказой руки. И пребывал он в странноприимнице вне монастыря вместе с другими больными три недели.

Когда же увидел он, что нет ему от этого никакой пользы и что болезнь его больше усиливается, — а это было не оттого, что чудотворцы не могли его исцелить, но Божиим промыслом — чтобы научить страждущего богоугодно с верой просить у Бога милости и с благодарностью терпеть происходящее, тогда, по совету неких людей, вновь пришел он в обитель Пречистой Богородицы Ферапонтова и Мартинианова монастыря, в пост перед Рождеством Христовым.

Игумен же Гурий собирался уйти в Царствующий город по монастырским делам. И тот чернец начал умолять игумена и братию причесть его к стаду Христову. И некоторые монахи, знавшие его, просили о нем игумена, и тот, будучи умолен братией, принял его как иноческие одежды носящего и отдал его в келью к одному из знавших его старцев, поскольку тот и поручение о нем дал. Но когда пробыл он в обители около двенадцати недель, рука его настолько сгнила, что никто не мог ни жить с ним в одной келье, ни стоять поблизости от него по причине смрада, исходившего от него. И он, размышляя о своей тяжелой жизни, — что нет ему облегчения от проказы, особенно же боясь изгнания своего из обители, поскольку все братья и старцы, видя, что он в такой тяжелой болезни, смущались, глядя на него, ибо его великий недостаток был препятствием для него в телесном служении, так как не мог он не только поклона перед образом Божиим сотворить, но и самого его пресладкого имени помянуть, я имею в виду — сотворить на груди честное и страшное знамение Животворящего Креста, и левой рукой едва крестился. Служба же его была в чину средних на клиросе.

И вот, однажды, подумав о себе, с великой верою вошел он в гробницу ко гробу преподобного Мартиниана и начал плакать горькими слезами, прижимаясь к раке святого и молясь, чтобы исцелил он его от этого тяжелого недуга святыми к Богу молитвами, и обещал поработать у гроба его все дни жизни своей в обители Пречистой Богородицы. А дав свой обет, в тот же день пришел он к келарю и стал умолять его и старцев, признавшись, что он не пострижен, но просто так облекся по-иночески ради того, чтобы они его приняли, и умолял совершить над ним пострижение. Келарь же и старцы повелели некоему священнику Симону постричь его и уговорили того взять на себя старческое попечение о нем, и нарекли его именем Сергий. Этот священник долго отказывался и не очень хотел брать на себя попечение о нем, особенно по той причине, о которой мы упомянули.

Брат же тот на другой день, бывший воскресеньем, во многой скорби пришел ко гробу преподобного, словно некий залог имея свое обещание. И со многими жалобами и слезами долго молился он, прикладывая свою больную руку к раке святого, этим выказывая болезнь своего сердца.

И вот, ночью после того дня, задремав, он увидел, как кто-то, подойдя, пошевелил его и сказал: «Встань и молись». Он от страха проснулся, и не увидел никого, и ощутил безмерную легкость от отсутствия своей болезни, рука же его была завязана тканью. Плоть его сгнила настолько, что одна рана тянулась от мышцы до его пальцев, и в четырех местах виднелись кости, и эта проказа была неизлечимой. Божией же милостью и Пречистой Богородицы и молитвами преподобного отца Мартиниана в один момент оказался он совершенно здоров, никакого не имея изъяна. Отпала, как кора, повязка, и обнажилось тело, чистое, как у маленького ребенка.

Старцы же и братия, увидев это и самого того больного совершенно здоровым, сказали игумену, пришедшему тогда из царствующего города. И игумен внимательно проверил это на самом том, с кем это чудо произошло, и мы прославили Бога, и Его Пречистую Богоматерь, и угодника Его, чудотворца Мартиниана.

Богу нашему слава ныне и присно.

ЖИТИЕ МАКАРИЯ ЖЕЛТОВОДСКОГО И УНЖЕНСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии И. М. Грицевской

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие Макария Желтоводского было написано около 1552 г. (Понырко Н. В. Житие Макария Желтоводского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. С. 291—293). Местом создания Жития можно считать Макарьевский Унженский монастырь, который был основан Макарием в 1439 г. (находится на территории современной Костромской области). Житие активно переписывалось; в XVII в. появилась иная редакция этого сочинения, снабженная затейливыми словесными украшениями.

Макарий вышел из круга учеников Дионисия Суздальского — известнейшего церковно-политического деятеля 2-й половины XIV в. От своего учителя он перенял приверженность общежительному уставу и склонность к «сладкому безмолвию», т. е. к исихазму, — особому течению, распространявшемуся в то время среди православного монашества.

Однако обстоятельства не позволили Макарию целиком отдаться монашескому подвигу. Ему пришлось участвовать в бурных событиях своего времени. Не случайно именно Макарий стал небесным патроном Нижегородского ополчения 1612 г.

Согласно Житию, Макарий с самого детства был необыкновенным человеком. Автор говорит о нем не иначе как о «леторасли» (побеге) райской лозы. При создании образа святого угодника использованы традиционные мотивы житийной литературы. Известно, например, что многие подвижники начинали свою монашескую жизнь без благословения родителей, а то и против их воли. Например, мать св. Симеона Столпника, жившего в Сирии в V в., долгое время искала своего пропавшего сына по разным монастырям; когда же она, наконец, нашла его, святой не разрешил ей увидеть себя. Старая женщина, истомленная долгой дорогой и горем, умерла под стеной, окружавшей жилище знаменитого уже чудотворца. Не менее драматична история отношений между основателем Киево-Печерской Лавры Феодосием Печерским и его матерью, властной и суровой женщиной, желавшей сделать сына счастливым по-своему, против его воли. Сходным образом и Макарий доставляет горе родителям, уйдя без их ведома в монастырь. Для правильного понимания этого характерного для житий мотива надо помнить, что подвижники поступали по буквально понятому завету Христа: «Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, и притом и самой жизни своей, — тот не может быть моим учеником» (Лк. 14, 26).

Из больших и процветающих монастырей Макарий, взыскуя безмолвия, уходит в пустынные безлюдные места. Аналогичные мотивы мы также найдем во множестве византийских житий.

Важной частью Жития является повествование о том, как Макарий выводил доверившихся ему людей из татарского плена в безопасные места (когда это случилось, Макарию было 90 лет!). Описание тяжкого, наполненного лишениями пути является сюжетным центром повествования.

Рассказ о жизни преподобного завершается двенадцатью чудесами, одиннадцать из которых произошли после смерти Макария. Среди них имеется рассказ об исцелении от болезни царского воеводы Ивана Выродкова. В кратком повествовании дан яркий, запоминающийся портрет воина, верного долгу, сохраняющего верность присяге даже с опасностью для жизни. В двух других посмертных чудесах сам Макарий выступает как воин, защитник городов Унжи и Солигалича — на сивом коне, с пращей или луком в руках, в иноческой одежде багрового цвета.

А еще в двух чудесах рассказано о помощи Макария женщинам в сложных жизненных ситуациях — о спасении Марии от плена и позора, об избавлении Елены от страшного греха самоубийства. Два эти чуда объединены одной особенностью: в критические моменты повествование ведется от первого лица, женщины сами рассказывают о том, что они пережили.

Возможно, не все двенадцать чудес написаны одним автором. Последнее из этих небольших сочинений снабжено громогласным, не похожим на общий стиль повествования вступлением, которое составлено из фраз, заимствованных из праздничных проповедей знаменитого русского ритора Кирилла Туровского.

Для публикуемой краткой редакции Жития характерен динамичный стиль повествования. Одно за другим проходят события из жизни святого, нет пространных цитат из Св. Писания. Действие развивается быстро, на обширных географических пространствах, с участием множества действующих лиц. Язык Жития легок, близок к разговорному.

Краткая редакция Жития ранее не публиковалась. Текст, легший в основу настоящей публикации, взят из рукописи XVIII в., хранящейся в библиотеке Российского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Нижегородское собр., № 1560).

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА ИЮЛЯ В 25 ДЕНЬ ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО МАКАРИЯ ЖЕЛТОВОДСКАГО И УНЬЖЕСКАГО ЧУДОТВОРЦА

Благослови, отче!

Сей преблаженный отецъ нашъ Макарий родися в Нижнем Новѣградѣ, честна сынъ родителю и благовѣрну, именем отца Ивана и матери Марии, младеньческая леторасль и райская лоза соверъшена мужа разумом. Сущу же святому на рукахъ матери, егда слышаше церковный гласъ проповѣдника[1] вѣщающа, и возбужашесе в кладбицы своей, зѣло верескаше младенческим плачем, яко отцу бѣ и матери его стужитися от плача его и недоумѣваху отрочати плача. Сице не бѣ было время плакаше отроча, но обаче въ подобно время, егдаже обычай есть миру утреннюю молитву Богу возъсылати, но многажды тако стужитися младенцу.

По нѣкоем убо времени бысть праздникъ честенъ. Отцу же его и матери хотяще има по обычаю итти на утреннюю молитву ко святѣй церкви, и отроча же паче плакаше. Отцу же и матери его глаголяста има себѣ: «Аще бы младенецъ наю преста от плача своего у святыя церкви, и тако бы всегда повелѣ носити его ко святѣй Божии церкви». И абие повелѣваше пѣсьтуну нести отроча ко церкви. Младенецъ же той во церкви святое пѣние сълышаше и веселяшесе и къ матери своей радостно ласкашесе. И паки грядущая дние, егда слышитъ младенецъ церковный звонъ, такоже плакаше, отцу же и матери его младенца повелѣвая ко церкви носити. И тако во церкви отроча утѣшашесе, и понеже от церкви приношаху младенца радостно бываше. И оттолѣ бысть има знамение на отрочати, яко нѣкоему быти Божию смотрению на младенце, и бысть согрѣянъ от Святаго Духа.

Егда же устрабитися отроку, и родителя его въдаста на учение грамотѣ. Богу же помогающе ему, и бысть стройно учение книжное отроку. И не токмо же книжно слово учению прилежа отрокъ, но паче заповѣди Божия внимаше себѣ, еще же по вся дни прихождаше ко святѣй церкъви и в сладость послушающе святаго пѣния. Со юныма же никако водворяяся на игры и на иныя кая вещи мимо текущаго свѣта сего. Смирение и тихость зѣло любляше, сия же паче всѣхъ возлюбивъ чистоту тѣлеси и беззлобие, без нея убо и никтоже может спастися и выну узрити Господа. И паки любим бывая от всѣхъ человекъ добродѣяния ради отрока. Родители же его дивисьтася о смирении и о добродѣтели отрока, и сице радуяся таковѣмъ дарѣ благодаряще Бога.

Обычай же има и дѣтещу от родителей своихъ ходити во святый великий Печерский монастырь,[2] яже отстоящу ему три поприща[3] от града, иже есть на Волзе. Любяше же отрокъ той бесѣдовати со етеры и вопрошати ихъ о спасении человечестѣмъ, имъже хваляще житие иноческаго пребывания. Слышавъ же сия от етеръ, дѣтище зѣло распаляшеся сердечным пламенем. И тако люблениемъ любляше иноческий чин, и бысть ему желание велие облещися во святый иноческий образъ.

Добрый же Премилостивый Спаситель наш Христосъ, зрителен бывая, вся бо вѣдый сердца и помышления человѣча, никомуже убо возбраняющу ему къ себѣ прийти, но желая всѣх в разумъ исътинный привести, наставляетъ юнаго сего яко совершена человека. И тако подобно времени искаша дѣтищь утаитися родителей своихъ,簡 вземъ крестъ, послѣдова Христу.

Во единъ же убо от днии и абие отходящу ему от дому родителей своихъ, обрѣте нѣкоего едина на пути от нищихъ, испросивъ ризу нищаго, емуже подастъ ризы своя, юже самъ носяща. И облечеся яко в нѣкую странную ризу и да никимъ познанъ будетъ. Приходящу же ему ко обители Вознесения Господа нашего Исуса Христа и Святыя Богородицы в Печерский монастырь, яко единъ от убогихъ. Сущу ему двунадесять лѣт, молитъ ту обители тоя пастыря, мужа честна и свята, архимандрита именем Деонисия,[4] оболчену быти ему во мнишеское одѣяние и отврещися мира и яже суть в мире. Пастырю же обычная творяху вопрошения детища: «Чадо, камо и ких родителей?» И дѣтищь же тои повѣда ему о себѣ, яко: «Иного града есми юноша, не имам отца и матери. Зане человек грѣшен есмь, токмо ты, святче Божии, сотвори со мною милость, приими на покаяние душу мою». Видѣв же пастырь юность дѣтища и возрастъ младости, глаголя ему: «Чадо, вѣру ими ми, жестоко и прискорбно убо есть носити иго иноческаго жительства. Видѣхом бо тя зѣло юна суща и неудобь достигша мужественаго возраста. Писано убо есть: „Никтоже возложитъ руку свою на рало, зряй въспять, управленъ будетъ во Царствие Божие"»,[5] — и тако отлагает ему моление. Дѣтищь же той, слышавъ таковая словеса от пастыря, и моляше его слезами и сице глаголюще: «Святче Божии, не сѣ ли челъ или слышалъ писаннаго въ Законѣ Спасовѣ, рече бо Господь: „Приходящая ко мнѣ не иждену вонъ"».[6] И паки той же рече: «Оскорбляяй брата своего, Христа опечалуяи. Аше ли, господи отче мой, презреши моление мое — жив Господь, — даси за мя въ день

Страшнаго Суда отвѣть Богу моему». Слышавъ же пастырь таковое моление и прещения дѣтища и удивляяся о разумѣ и о премудрости дѣтища, и паки проразумѣвая пастырь, яко нѣкоей быти Божией силѣ на отрокѣ.

И абие же пастырь возвѣщаетъ ему уставъ и чины монастырьскыя. И той жестоко полагаетъ ему, глаголя: «Чадо мое, невозможно ти, ибо еще юну сущу, постническия труды и яремъ носити, и находимая от человекъ скорбей терпѣти, и от бѣсовъ носимая напасти и претыкания». Отвѣщав же отрок той: «Ни, господи отче мой, не апостоли прознаменовая и не Писанием написах вам, ни огнь, ни меч, ни иная кая тварь от любве Христовы не может разлучити».

И тако пастырь на милость преклоняяся дѣтищу, и паки въводитъ его во святую церковь и сице остризаетъ власы главы его во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И одеявъ его во весь иноческий образъ и нарече имя ему Макарий. По совершении же того причитаетъ его братиямъ и сице приемлюще его во свою кѣлию.

Абие же пастырь той бысть ему учитель, и старецъ приемлетъ его под свой кровъ; мужъ велико житие имый по Бозѣ, прохотяй въ молитвахъ и въ постѣ и бдѣниихъ и во всяком воздержании (послѣди же бысть Сужделю епископъ). Ему же бысть ученикъ Макарие преподобнеи, еже опасно зряще того в молитвах протяжное, яко и трудоположныи подвиги учителя своего, и тщашеся собою творимая вся отцем своим исправляти.

Учителю же его довольно поучая, и заповѣдуя ему дольняя преобидѣти, а горняя прияти, всекрасная льщения съвѣта сего ни во чтоже въмѣнити. Сице подробну ко иноческому наставляюще жительству, паче же реку, терьпѣние, послушание, смирение и хожжение, седание и пред старцы молчание, и ина подобна к наставлению иноческаго жительства. Блаженный же слышащи сия и написующе себѣ на сердци своем не яко от человека, но яко от самого Бога приемля наказания. И бысть има изряденъ дѣлатель: безърассудно имѣя ко всѣм послушание, пощениемъ и бдѣниемъ преспѣвая, яко совершена мужа, безлобиемъ убо и тихостию паче инѣхъ хождааше братие, смиреномудрием же всѣхъ превзыде во обители. Никакоже кому являюще бесѣду, аще ли кто хотяще что вопросити его, емуже смиреномудрием прикрывающа себѣ, и отвѣщевааше: «Прости, рече, и моли за мя Бога»! Пощение же яко таково сокровено имѣя. Многажды убо братиямъ видяща его на святѣй трапѣзе со страхом Божиим сѣдяща и молитву дѣюща. Насыщения же тако имѣя, яко комкати ему Тѣло и Кровь Христову, и да не явитъся постяйся, яко всегда въкупѣ обрѣтался на трапѣзе з братиею. Писание бо рече: «Постящу ти ся, не лихо глаголи, Отецъ твой Небесный, видяи тя въ тайне, и воздастъ тебѣ явѣ».[7] Тольма же блаженный, хлѣба ядуща ему, яко чрезъ недѣлю въмѣсто просфирѣ издержеваху ему хлѣба. И тако преподобный является совершеный житель иноческаго устава.

Отцу же и матери всюду искаше его и не обрѣтаху и абие недоумѣвахуся о отрочати, камо отиде, иде обитая жилище свое? И

бысть има плачь и скорбь велия, яко о плаче том дивитися соседом ближним. И мняше убо, яко изгибъ бѣ, или аще от звѣрей снѣден быхъ, и ова же убо яко от злыхъ человекъ во ину страну отведенъ быхъ, или гдѣ на пути от разбойницъ убиенъ бысть. Сице же не можаху и утѣшитися о нем от многаго плача своего, и тако во иныя страны и веси заповѣдуя о дѣтище: аще ли же гдѣ кто обращет таковое отроча, мздодательное цѣну прииметъ от родителей его.

Невозможно убо есть любящему Бога съ неимущими страха Божия обрѣстися; тако и блаженному сему сущу. Уже бѣ три лета мимо грядый, никакоже родителя его вѣдаста во святой Печерстѣй обители той — хотяи Господь явити вѣру раба своего и паки прославити боящаяся и уповающая на милость его.

По времени убо нѣкоем мних нѣкто обители тоя посланъ бысть пастырем нѣкого ради орудия во градъ сущим на потребу братиям. Ему же во градѣ свершающе, мних той абие повелѣния пастырева внезапу срѣтостася со отцемъ блаженым, понеже знаем бе мних той отцу блаженнаго. Отец же его по обычаю благословение приемъ от старца, и нача мниху тому скорбь свою повѣдати, яко и прочим мужемъ, о изгибление единороднаго своего сына. Мнихъ той слышавъ таковая глаголы от Ивана и вопрошаше Иванови, како изгибе сынъ его и кимъ обычаемъ въ кия ли времена отыде от дому твоего? Иванови же нача старцу повѣдати вся бывшая о отрокѣ и о смирении его, и о терпѣнии мужества его, яко да: «От младых ноготъ никакоже видаща нама его со юными дѣтищема водворяяся или праздно нѣкое слово изопустѣ его исходяще, но паче пощѣнием и молитвами, и прилѣжа ко церквам Божиимъ. Днесь же убо нама, отче, с супругою моею не можаще утѣшитися о немъ от плача нашего, яко велия суть предъ Богом согрѣшения наю, и не вѣмъ его, нынѣ яко три лѣта минуя». Сия же Иванъ той вся по ряду мниху сказующе, занеже и день той повѣда ему, яже отиде от дому его. Разумѣвъ же сия старецъ и слыша глаголы от Ивана и рече Иванови, яко: «Мнитъ ми ся убо, Иване, пришедша в таковая времена во обитель наю дѣтище, образом добровиденъ и благонравенъ, в конечней нищитѣ приб[ывающъ], шедше и моляше пастыря, яко да бы отврещися мира и яже суть въ мирѣ. Пастырю же не могии преслушатися моления детища, и исполни нелицимѣрную его любовь къ Богу и тепложеланну вѣру отрока, и соверши его во святый иноческий образ. Нынѣ же зѣло преспевая добродѣтельми паче насъ, по Бозе живыи во обители».

Слышавъ же Иванъ таковая глаголы от старца, и уязвено бысть яко стрѣлою сердце его. И умильно горцѣ плачюшеся сице, от тоя годины идящи во святый Печерский монастырь и паки опасно смотряще сѣмо и овамо во обители сына своего. И абие яко нѣким ухищрениемъ молитъ пастыря и сущая с ним братию, да явита ему единороднаго сына своего. Пастырю же и братиям отрицашеся, яко не бѣ има таковаго во обители: бѣ бо Иванъ той мужъ честенъ и паче же многим богатеством кипай, понеже не вѣдыи во обители о блаженнѣм, яко сын бе Иванови. Ивану же паки съ прилѣжанием моляше пастыря да увидитъ единороднаго своего сына, пастырю же съ прилѣжанием искаше и не обрѣтаху, и въмѣняше сия яко Макарию быти. И абие же он чюдной пастырь

приглашааше ученика своего и обычную молитву сотворивъ, глаголя ему: «Чадо мое Макарие, отец твой ищеве тебѣ, хотяще бо тебѣ видѣти». Преподобный же отвѣщав рече ему: «Отец ми есть Господь Богъ мой, сотворивый небо и землю и вся яже на ней, и нынѣ, господи, ты, учителю мой, отче». Отцу же его внѣ кѣлии стояща с плачем глаголюще: «Чадо мое присное Макарие, яви ми лице свое отцу твоему и бес печали сотвори наю». Преподобный же вънутрь келии своея стояща и внѣ оконца глаголя отцу своему: «Не убо возможно, отче, господи мой, здѣ нама видѣтися, тако глаголетъ Господь в Евангелии: „Аще кто любит отца или матерь паче мене, нѣсть мене достоин".[8] Да аще, господи, нынѣ хощеши видѣти мене, но да во онамо вѣцѣ узримося. И нынѣ, отче мой, не стужи ми сия и съ миром отыди от келия моея, яко да Владычня дару не лишу себѣ». Отцу же его паче глаголющу: «Чадо мое, аще не явиши ми лице твое, отцу своему, и тако не имам отойти от келия твоея. Или простри ми десницу твою, чадо!» Преподобный же не можаше утолити моления отча, но едва с великим трудом обнажаше руку свою и во оконце показуя руку отцу своему, лицу же его никако явити ему. Отецъ же емъ его за руку и лобзая руку святаго, глаголюще: «Чадо мое сладкое, Макарие, спаси ся яко да моли за мя Бога, и аз молитвами ти спасуся». И тако отыде въ домъ свой, радуяся, яко нѣкое обрѣтъ безцѣнное сокровище, хваляи Бога. И оттоле повѣда супруге своей, матере блаженнаго, вся творимая преподобным, и сице обоя вкупѣ радующеся и славя Бога о таковѣмъ единороднаго своего сына.

Преподобный же бысть ту чтимъ и славимъ от всѣх во обители братии, поне добродѣтельнаго ради жития его. Блаженный же, не хотя чести от человекъ и славы временныя, хотяще бо утаитися и сладкого молчания желая,[9] сего ради паки от обители отходитъ и касается путному шествию в пустыню безмолвнаго ради пребывания на реку, глаголемую Лухъ.[10] И ту созда себе кѣлию малу и нача подъвизатися противу невидимаго врага борца слезными молитвами, бдѣниемъ же и пощениемъ и всенощным стояниемъ. И абие же всюду происхождаша слава о нем, яко добродеяния его ради, и бысть ту чтимъ и славимъ. Мнози же приходяше к нему от человек пользы ради, оставляюще своя миръская пребывания и моляще его с нимъ пребыти: Господь же не попускаетъ таковым быти светильником единьственое пребывание, но паче же святыми так исправляютъ человеки ко спасению и наставляютъ к вѣчнѣй жизни. Преподобный же ту церковь созидаетъ во имя Господа Бога нашего Исуса Христа, чуднаго его Богоявления, и сице братию совокупляетъ, создавъ же ту обитель и соединивъ словесное стадо Христово, да иже и донынѣ.

Блаженный же отнюдъ не хотяй славы свѣта сего, но паче еже от самого Господа искаше и желаше конечнаго ради безмолъвия, и сице помышляше себѣ, яко да оставити ему обитель свою, юже самъ созда. И сотвори тако, и паки оттолѣ отходитъ отай братии своея. И тако Богу поспешествующу ему, и той же приходитъ въ нутренюю пустыню[11] на Желътыя Воды,[12] иже есть езеро об онъ полъ Волъзе. И ту абие сотворяетъ себе зѣло малу пещеру, той же подвизается противу злокозненаго супостата диавола, и во всякихъ преспѣвая добродѣтелѣх день и нощь. И бысть предиреченнаго блаженный паче славим всюду, якоже оттоле толъковатися Макарий Желътоводъцкий.

И нынѣ убо «невозъможно бяше граду укрытися версѣ горы стоя, ни въжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его под спудом, но на свѣщинице свѣтитъ всѣмъ, иже во храминѣ суть».[13] Ельма убо от славы и похвалы от человекъ бѣгаше, тольма же Бог множае того святого прославляющи. И тако происхождаше всюду слава о немъ, яко самодержцемъ знаемъ бѣ за многую его добродѣтель. Тѣмъже мнози приходяще к нему и моляше его с ним жительствовати. Блаженный же паче заповѣди Божия исполняя, — рече бо Господь: «Приходящая ко мнѣ не иждену вон».[14] И паки: «Любяй брата своего, Богу в нем и он в Бозе живетъ, вся бо сия от любви Христовы составитася»,[15] — егдаже по нѣкоем времени ту совокупляетъ братию и паки помалѣ возгражаетъ церковь во имя прецарствующия Святыя Единосущныя Троицы. И тако зъ братиею въкупѣ безмолвия сѣдяше во всяцѣмъ опасении добрѣ о Господе. Самъ же трудоположный подвижникъ труды ко трудомъ прилогаше, братии своей во обители не обинуяся служаще всякими монастырьскими службами: иногда мѣлюще, а овогда же пекуще и варяше. Самъ же нищету же вольнаго Христа богатаго сътяжаше. Конечна еже послѣдънее себѣ въ братию прелагаяся, не к тому же мняше себѣ наставника и учителя, но яко раба и послушника, глаголя себѣ быти по словеси Господа своего: «Аще кто хощетъ вящей в васъ быти, и будет всѣмъ рабъ».[16]

Яко и поганымъ славимъ бе блаженный же за премногую его добродѣтель, и еже невѣрнии пищу приношаху ко святому на потребу з братиею, овии пшеницу, а овии же от меду, по реченному сице: «Аще право сѣдиши пред Богомъ, той яко срацыньску сердцу извѣщаетъ Бог о потребѣ твоей».[17] И тако да свѣтитися свѣтъ вашъ предъ человеки, яко да видят ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ.

Ненавидяй же добра дияволъ супротивъникъ бываетъ роду християньскому и тако рати воздвизаетъ. Богу на ны же попущающе за грѣхи наша, овогда ратию нашествиемъ иноплеменныхъ, иногда пожаромъ, а овогда же гладомъ и еще же различными казньми наказуя насъ, но не казня нас, но яко отецъ милуя и наказуя насъ во праведныхъ путех его ходити.

Бѣ во дни тыя и лета 6947 (1439) бысть брани велий благочестивому самодержцу великому князю Василию Василиевичю, обоя въкупѣ глаголю быти с нечестивым Бахъметомъ и злообразным безглавным сыном его Момотяком.[18] Много ны тогда сыновом руским зла сотвори, и бѣ во дни тыя приходъ злодѣй тѣхъ на Нижний Новград и на предѣлы его ратию. Внезапу же нападоша варвари[19] на обитель святого Макария, иже бысть на Желтых водахъ. И тако до основания погании огнемъ пожегоша обитель блаженнаго, и братию его тогда мячи яко класы пожаша, и тако оны святыя страдальцы от владыки Христа достойно страдания своего побѣдными вѣнцы увязошася, ко бесконечней жизни отидоша. Блаженнаго же емъше и ведоша его къ воеводѣ варварскому. И абие слышано бысть в варварѣхъ, яко Макарие пленен бѣ, бѣ бо мужъ той праведенъ и воистину рабъ Исусъ Христовъ, и тоиже с нимъ яша множество от христианъ плененыхъ. Слышавъ же воевода той о Макарие, яко преподобен бѣ, и тако со гнѣвомъ

поношающе воином своимъ, зане почто таковаго мужа оскорбиста. Но человеколюбивый же Богъ, иже десницу простираетъ призывающихъ его всѣмъ сердцемъ, невѣрному воеводѣ ко святому на милость сердце его обращает и сице даетъ свободу преподобному, и сущая плененыя с ним молениемъ святаго отпущаетъ християны, сорок мужей кромѣ женъ и дѣтей, и имѣния ихъ. И паки тойже невѣрный воевода полагаетъ преподобному заповѣдь, глаголя, никакоже ту седѣти ему с нима, но повелѣ да идета тамо, идѣже хощета. Блаженный же испросивъ мало время у срацинина,[20] яко да погребетъ ю братию свою, юже закланыя от варваръ. И тако надгробными пѣсньми и пѣньми погребоша святая она страдальцы, и абие с миром отыде въ путь свой.

Преподобный же помышъляше себѣ и совѣтъ сотворяюще мирови и яко да преселитися има оттоле на рѣку глаголемую Уньжю. Бѣ бо тогда мало от живущихъ ту по весѣмъ, но бѣ малъ градъ единъ.[21] И сотвори тако, Богу же помогающу ему. И тако належащу ему путному шествию, народу же по немъ идяше, яко присная своя чада идыи во слѣдъ отца своего. Блаженный же довольно поучая и наказуя народъ той о божественыхъ завѣщаниих, и тако Святымъ Писаниемъ утѣшая ихъ и глаголяша има святый: «Не скоръбите сия, чадца моя, о нашедшей на ны бѣды тоя, за грѣхи наша, от варваръ: яко да видитъ Господь скорбь нашу и той сотворитъ полезная нама, якоже хощетъ». Имъ же радоватися о словеси том, исходяще из устъ его, понеже паче отшествие блаженнаго с ними.

И сице продолжащеся путное шествие, зане бѣ мѣсто то яко отстояния имать от оного мѣста, идѣже чающе блаженный преити шествие свое на рѣку глаголемую Уньжю, и еже глаголю быти 240 и множащая поприщь. Нутренею пустынею и непроходными болотами идяху страха ради поганыхъ.

Богу же прославляющу угодника своего. Бысть же недостатка хлѣба въ народе томъ, има же гладом тающая и бѣ има скорбь велия, яко ни у единаго что снедну обрѣстися. И абие Божиимъ мановениемъ обретоша народи дивия звѣря глаголемый лось. И яша его жива молитвами преподобнаго, и благословение прося от святаго, хотяща его заклати на пищу. Святый же возбраняюще имъ, не бѣ бо тогда приспѣ время християном мяса ясти, якоже бысть тогда постъ святыхъ апостолъ Петра и Павла,[22] еще же не прешедшу 3 дни святаго поста. Преподобный же глаголюще има: «Днесь не скорбите, чада моя. Аще Господь хощетъ, и той препитаетъ ны въ пустыни сей, токмо не разрѣшайте святаго поста до дни святых апостолъ». И тако заповѣдуя народу: «Отрешити ухо лосю и пустити его во своя жилища». И рече: «Якоже хощет Богъ, в день той зверь ваю будет вама». Люди же те сотвориша по словеси святаго, отрешающе ухо и пусти его во своя жиры.

Преподобный же щедритъ, но еже паче ихъ зѣло оскорбляяся, яко не могий видѣти томимыя гладом, и моляшеся Богови, яко да поможетъ им Господь избавиться, дние тѣ без порока преити от глада того. Народи же моляше святаго, яко да о нихъ молитву сотворит Богу и не злѣ гладом погибнутъ въ пустыни сей. И тако идяща 3 дни и 3 нощи,

ничесоже кому что въкушающа. Святый же утѣшая их глаголя: «Не скорбите, чада моя, но паче молите благодать Божию, яко прекоръмивыи Богъ Израиль 40 лѣтъ въ пустыни манною,[23] понеже тако и нынѣ ваю может Богъ препитати от глада въ пустыни сей, вся бо сия сотворена от живодательныя десницы Божия».

Преспѣвшу же дни тому честному празднику святыхъ апостолъ, и тако блаженный уклонився внутрь пустыни и воздѣвъ на нѣбо руцѣ свои и рече: «Хвалю тя, Господи Исусе Христе, благословенный Боже! Призри с высоты святыя твоя! И воистину, „всяко дыхание благословитъ тя"[24] и всяка тварь славитъ тя! Услыши моление недостойнаго раба твоего и по множеству милости твоея призри. Ты убо, Господи, прекоръмивый пять тысящь въ пустыни народу пятию хлѣбом и двѣма рыбома, избытков наполниша 20 кош.[25] Нынѣ же, милостивыи Боже царю, призри на людии своя въ пустыни сей». Господь же готовъ во услышание молящихъся ему, призирая на рабы своя и не забывая творящихъ заповѣди его, и паки прославляя угодъника своего.

Народи же от глада зѣло изнемогающа, и тако по пророчеству святаго чающе въ день той пищи. И абие молитвами святаго внезапу во утрия празднику святыхъ апостолъ ураниша зверь той дивий лось обрѣтеся въ народе. И паки народи яша его жива, и познаста его яко той же лось: бѣ ухо имый отрешено. И чюдишася преподобному, яко збысться проречение святого! И тако ведоша его ко блаженному. Святый же благословивъ его и повелѣ заклати народу на пищу. И глаголя има святый: «Чада моя, отселе не имате скорбѣти, яко Господь препитаетъ вы». Народи же возрадовашася радостию велею и вси насытишася, похвалиша Бога и угодника его преподобнаго Макария. И оттоле же не токмо то едино творяще народи, но по вся дни обрѣтающе пищу народи молением и молитвами святаго, овогда лося, иногда же еленя. И тако доидоша мѣста, питаеми молитвами преподобнаго, радующеся и славяще Бога и угодника его преподобнаго Макария.

Прииде же святый от пленения ко граду глаголемей Уньжи. Народи же града того с велиею честию срѣтоша его, понеже вѣдыи его мужа свята и честна, и житием по Бозѣ преходяй. И тако гражане зѣло возрадовашеся радостию велиею о пришествии к ним блаженнаго. Преподобный же от младыхъ ноготъ любяше безмолвное пребывание, яко пустыннолюбивая горлица. По Лѣсьтвичникову словеси:[26]* «Вкусивыи горняя и удобь преобидитъ дольняя».

И ту вопрошающе ему от граженъ, яко да извѣстно кто увѣсть мѣсто, идѣже аще потреба суть молъчанию. Гражане же повѣдаша ему мѣсто достойно молъчанию быти и отстоящу ему от града того 15 поприщь. Никтоже ту от живущихъ обрѣтахуся, но мѣсто гладко и ровно, красотою цвѣтуща, по скрай езера близъ рецѣ Уньжи. Блаженный же тоу водворивъ себѣ въ пустыню, благослови мѣсто то. И водрузи Крестъ Господа нашего Исуса Христа и помале ту кѣлию возградивъ себѣ, и тако во глубоцѣ старости подвизася противу невидимаго супостата диавола. Любяи же Господа своего, сей пребываетъ въ тисе безмолвнѣ местѣ, чающе Владыки своего пришествия.

О исходѣ души святаго преподобнаго чюдотворца Макария Желътоводъцкаго

Егдаже блаженному сему отцу нашему Макарию ко Господу отити въ некончаемый вѣкъ (по пророческому словеси, «честна предъ Господѣмъ смерть преподобныхъ его»[27]), егдаже предастъ блаженный духъ свой в руцѣ Господови, тогда наполнишася благовония градъ той, не якоже бѣ единъ градъ той благаго дара пополнися, сущим же и по весемъ града того. Егда же гдѣ кто кождо идяше и стояше или седяще, то всяка душа тогда благия воня наполънися окрестъ града того, яко от кандила напояеми. И познаша преподобнаго отшествие ко Господу, и тако вси до единаго кождо ихъ стекошася во градъ на честное успение его. Тогда мнози аще кто одержимъ бѣ коею болѣзнию, и тако молитвами преподобнаго прияша прощение. И весь народъ идяше по нем со свѣщами и с кандилы плачющуся, яко таковаго свѣтильника лишистася и учителя. И тако честно на главахъ несоша святого народи въ пустыню, еже отстояние бѣ 15 поприщь от того града, идѣже самъ блаженный любляше безъмолъствовати и зъ братию. И тако погребоша его честно и разыдостася восвояси, славяще Бога и угодника его преподобнаго Макария. Житъ же святой 95 лѣт, ко Господу отиде месяца июля в 25 дни, чернечества его лѣтъ 63,[28] неуклонно работая день и нощъ.

О христианине, како избави от нечистаго духа святый Макарий дщерь его

Бѣ нѣкто унежестей христианин именем Феодоръ, имѣя дщерь у себе единочадую. Божиим попущениемъ навѣту бывшу отроковице от диавола: многажды убо нечистому духу поражати ю, понеже и ослѣпи ю.

По днехъ убо нѣкихъ мужъ той Феодоръ, бысть же ему отшествие от дому своего прецарствующему граду Москвѣ, и тамо ему куплю творяше, помышляя же себѣ, яко да купитъ утвари отроковицѣ на исцѣление очию ею. И возъдохнувъ же, убо ему глаголющу себѣ: «Кий нам успѣхъ будетъ, яко да от твари и дѣла рукъ человеческихъ помощи требуя? Аще ли от того поможения ищу, то како от Владыки Христа милость обрящу? Увы мнѣ, грѣшному, согрѣшивый предъ Господемъ Богомъ моимъ. Вѣмъ бо азъ, яко да близъ веси нашея въ пустыни живетъ великий отецъ Макарий Желтоводъскии. Аше отселѣ прейду путная шествия къ дому моему, и тако приведу отроковицу ко преподобному, и яко да за ню молитву сотворитъ къ Богу, исцѣлѣтъ дщерь моя». Супругѣ же его того дни тоя годины начатъ себѣ тако же помышляти, яко: «Да господин мой приидетъ от путнаго шествия, и тако ведем я ко святому старцу отроковицу. И да за ню молитву сотворитъ къ Богу, и абие исцѣлеетъ отроковица наю».

Прииде же мужъ той Федоръ въ домъ свой и воспомяну обѣтъ свой, еже обѣщавеся ко блаженному вести отроковицу на исцѣление. Сия же слышавъ супруга его таковая глаголы от мужа своего и нача повѣдати ему день той и часъ годины тоя, и яко же она къ себѣ помышляше молитвъ ради ко преподобному вести отроковицу на исцѣление.

Мужъ же той Федоръ разумѣвъ сия, яко Божию промышлению быти, хотяи Господь угодника своего прославити. И повелѣ супруге своей дары учредити преподобному; въземъ дары и отроковицу с материю и всади я на свой скотъ, и пойдеве ко блаженному въ пустыню.

Достигше убо има въ пустыню и благословения сподобистася от святого, и паки нача молити преподобнаго о отроковице тоя, яко за ю молитву сотворитъ къ Богу. Преподобный же смирена повѣда себѣ быти и глаголя има: «Азъ рабъ грѣшенъ есмь». Има же наипаче съ прилежаниемъ святого моляше. И повѣда вся бывшая о отроковицѣ, како беснуется и како ослѣпи ю диявол девицу. Святый же приклонися на милость, въземъ крестъ и знамена отроковицу, глаголя има: «Вѣру ваю спасета, чадца моя». И абие въ той часъ отпаде от очию ея яко чешуя велия, и дастъся свѣтъ очию еи молитвами преподобнаго. И тако же бысть здрава от недуга своего от того часа молитвами святаго.

Мужъ той Федоръ съ супругою и со дщерию своею благодаря Бога и угодника его преподобнаго Макария идоста въ домъ свои, радуяся и славяще Бога.

Лѣта 7 тысяч тридесятого, месяца июля въ 5 день на память преподобнаго отца нашего Афанасия Афоньскаго

Бысть за умножение ради грѣхъ нашихъ велие належание от поганыхъ варваръ Унежескому граду. Прииде велия рать поганыхъ ко граду тому и хваляхуся истиннии врази креста Христова град той взяти. И объступившу же убо има всюду погании градъ той, бѣ бо числомъ их 20 тысящь.

Малъ бѣ градъ той, но зѣло велика и крѣпка помощьника себѣ имѣя блаженнаго отца нашего Макария Желътоводъцкаго и еже градъ той возлюби и къ нему прииде и в нем же отдастъ дух свой в руцѣ Господеви.

Сия же погании, велия безъстудъство имѣя, напрасно ко граду приступая: овогда стрѣляюща, а овии зажигающе. И тако 3 дни и 3 нощи неослабно борющеся со града съ варвары. Бысть же страху и ужасу велию во градѣ томъ.

Воеводе же Феодору именемъ Супоневу совѣтъ сотворше со гражены, вопрошающе гражанъ, какъ избыти налѣжащия сия бѣды от варваръ. Гражане же повѣдаша ему о чюдесехъ преподобнаго Макария, како изъбавляетъ градъ той от варваръ: «Довольно, господине Феодоре, о чюдесѣх святаго писанию предати, яко первие того бысть намъ велие належание от варваръ, и тако много приходяще варвари ратию ко граду тому и покушающеся ему многа зла сотворити, но никакоже возмогоша, молениемъ и молитвами чюдотворца Макария. Овогда минуя градъ нашъ, иногда же мало стояше, и тако бѣжаще. Намъ же нѣкогда от нихъ яху воини ихъ и вопрошахъ ихъ, зане что одаль града наю ходяща, и почто невозмогоста подъ градом быти? И тако варвари повѣдаху нам: овогда градъ той видѣху в руцѣ святаго држаща, а овогда же во облацѣ

видяста его, иногда же яко на кони преподобнаго ѣздящя, и тако от града отсылающе варъвари».

Слышавъ же той Феодоръ о чюдесѣхъ преподобнаго Макария, скоро идый во церковь, и той падъ предъ образомъ святаго и моляшеся со слезами, сице глаголюще: «Заступниче, заступниче, скорый помощниче святый Макарие, избави градъ сей от поганых варваръ и в немъ, блаженне, люди своя соблюди от пленения, да некако поругаются нам погании и посмѣются чюдесемъ твоимъ, зане вѣдятъ тя, яко ты, господи, градъ сий много избавляя от нихъ. И паки нынѣ изъбави его и сонъмища ихъ посрами!»

И сице тако молящеся ему, варвари же в то время приступивъ сотворше граду и зажже градъ той. И абие бысть пламя до полуграда. Оле, воистину страшно и ужасу исполнено бѣ видѣти огнь поядая, мячь посѣцая. Тако граждаﬥ отчаявше жизнь свою и всѣ от страха того горцѣ плачущеся и единогласно вопиюще: «Святый Макарие, помози намъ, избави насъ от настояния сия бѣды!» И тако молящеся има сице, мнози от гражанъ видѣвше святаго на верстѣ града стояща и в руцѣ своей имѣя водоносъ тъ. И той на пламя лиюще воду. А погании же до единого кождо ихъ вси видѣвше святаго ово стрѣляюща ихъ, ова же видѣстася убо има пращами бияху ихъ преподобный от града. Бысть же преславно чюдесъ святаго убо имъ видѣти: християне видяще, яко воду лиюще на пламя и тако угасяще огнь, варвари же видѣвше я стреляюще ихъ и биюще от града.

И абие молитвами преподобнаго бысть в то же время велии дождь с небеси, яко восплыти граду тому, и еже угаситися пламя огненое. И тако страхъ велий нападе на варвари, и смятошася полки варъварьстии, и бысть зла сѣча межу има. Тогда же гражане множество живыхъ яша от варваръ и ведоша ихъ воеводе града того. Воевода же и сущим ту гражаном обычно вопрошаше варвари: «Зане како смятошася полки ваю?» Варвари же вся подробну сказующе, како преподобнаго на версѣ града видяще: «Нѣкто калугеръ на верху града вашего стояще и зѣло вамъ помогающе, ово стрѣляюще насъ, а овогда же пращами от града биюще насъ и много нам зла сотвори. И тако дождемъ угаситися пламени градному, и калугерю же в той часъ явитися въ полцех наю, имѣя подъ собою конь, яко велии зѣло сивъ. И тако смятошася полки наша. И намъ же хотяща яти его, а овемъ же хотяща посѣщи его, и не возмогоша ему сего сотворити». О великое Божие милосердие! И воистину поспѣшна бываетъ молитва преподобнаго: злѣ сами побишася и останцы ихъ не вемъ камо бѣжаху. И тако бысть радость велия во градѣ томъ, славяще Бога и угодника его преподобнаго Макария.

Тоя рати 300 варваръ вне реце Уньжи бѣжаху, и тако доидоша убо има обители преподобнаго. Видѣвше же погании варвари обитель святаго, и тако нача окаянии ти злѣ умышляти, яко да разбиют обитель преподобнаго. Господь больма хотяще прославити угодника своего, и тако нападоша погании на обитель святаго, Богу же попущающу за грехи наша.

Сия же варвари видѣвше церковный крестъ, бѣ бо утворенъ от бѣлаго желѣза, и паки мня себѣ погании, яко быти велии корысти. Единъ же от нихъ нѣкто варваръ злодѣйственъ сыи, дияволомъ наученъ бѣ, възыде на церковь. И тако возлѣзшу ему, нача церковный крестъ подъсѣцати, чающе множество сребра. И абие же варваръ той напрасно съпаде съ церкви и злѣ окаянне во преисподняя аду душю свою испусъти. А инии же от нихъ варвари вънидоста во церковь и начаша раку святаго обоимати. И тако молитвами преподобнаго вси во церкви варвари ослѣпоша, и до единаго кождо ихъ. И бысть страшнии, зѣло ужаса велия исполнени бѣ, ни единъ же от нихъ что возмогоша възяти от раки преподобнаго. Воистинну преславно чюдо видѣти: сѣмо и овамо варвари ходяща и стезя своихъ не познаша. И тако христиане успѣша и побиша ослѣпленыя варвари. Нѣции же от нихъ конечнаго страха наполнени бяше, и мнози ту оружия своя оставльше, и бѣжаща въ подолия к рецѣ Уньжи яко нѣкимъ гоними бываху. И тако мнози от нихъ ту в реце истопоша молитвами преподобнаго. И останцы посрамлени от той идоша восвояси, дивястася чюдесем преподобнаго.

Отнеле же варвари не токмо что сами хотяща зло содѣяти обители преподобнаго, яко да иным варваром заповѣдающе ходити ко обители святаго. Аще случитася има злодѣйсътвеныма варваромъ ратию итти мимо обитель преподобнаго и той же яко мнози варвари сътрегуща у вратъ обители преподобнаго. И тако милуя обитель святаго.

Лѣто 7040-го месяца геньваря во 18 день

Прииде рать велия поганых въ Галическия предѣлы, 14 тысящь идоста же ко граду глаголемѣй Галичестей Соли.[29] Идоша же убо има варваром и хваляхуся градъ той яти с высокою гордостию, зѣло величахуся, наущени быша отцѣмъ своим сатаною диаволом на святые Божия церкви, на православныя християне пакость творити. А не вѣдый агарьское сѣмя своея погибели, о семъ пророкъ свидѣтельствует: «Да постыдятся вси кланяющеися истуканным, и хвалящеися о идолѣхъ своихъ погибънуть[30]». И паки апостолъ глаголя: «Вѣруяй въ Господа Исуса Христа не погибнемъ[31]».

И тако безвѣстно убо нападоша варваромъ, въсюду облекше окрестъ града. И невѣрныи же врази истинии зѣло на градъ належаще, и овии хотяху сожещи градъ той, и тако друзии стреляюща. Ужасу же бывшу велию во градѣ томъ и сѣтования, плачю же и вопля всюду исполнися. И тако граждане 3 дни и 3 нощи биющеся с варвары.

Бѣ бо во граде томъ храмъ всеславное Успение Пречистые Владычицы нашея Богородицы, в немже бѣ убо образъ Макария чюдотворца Желтоводъцкаго, велия убо бѣ прежде быша чюдеса от образа того, даиже и до нынѣ. Иереомъ же Божия тоя церкви начатъ повѣдати всему народу бываемая чюдеса от чудотворныя иконы Желтоводъскаго Макария чюдотворца, и тако иереи служители Христовы повелѣваетъ народу молити Бога и Пречистую его Матерь Богородицу деву и угодника ихъ преподобнаго отца нашего Макария въ помощь и на заступление призывати.

Слышавше же сия граждане и паки ведыи его, яко заступникъ бѣ Галичю и предѣлом его, и ища его вездѣ помощника, ельма же аще молятъ предъстателей Христовых, яко да видѣние народу вънѣ церкви изнесутъ образ чюдотворца Макария, и паки да во священная иереи облекутся и въкупѣ молитву сотворятъ с народом. И тако иерей повелѣваше въ проповѣдники ударяти, и абие единодушне граждане же начаху съ женами и съ сущими младенцы на рукахъ матеръниихъ, сълышаху проповѣдника гласъ вопиющаго у святыя церкви. Презвитеры же Христовы во священная облечеся, и нача съ [проповедником] Господа Бога молити: «Помилуй насъ Боже по велицѣй милости твоей, изми насъ от врагъ наших. Господи, къ тебѣ прибѣгохъ, и погубиши вся стужающыя нам». И овии же канонъ благодарственѣ поюще Святѣй Богородицѣ. И народу же окрестъ церкви стояху и единогласно вопиюще: «Господи, помилуй нас и рождьшия тебѣ ради, и молитвъ ради святаго Макария, помощника нашего и теплаго заступника». Жалостно со слезами вопиюще ко образу: «Святый Макарие, избави градъ сей от поганыхъ!» Жены же с сущими младенцы, умильными гласы взывающе, младенцы своя на рукахъ воздымаху и ко образу святого приношаху, яко живу сущу показоваху ему, и тако глаголюще: «Тѣхъ ради, преподобне, ущедри градъ сей. Поне убо нѣкоея ради свѣта сего приобщахуся, и нынѣ же внезапу хотяща яко класы незрелы пожатися. Бѣдно убо нам видѣти младенцы наю предъ нами побивающа. Полезне убо нам воистину преже ихъ умрети, да не смятется от горести утроба наша!» И так молящимъся им во ужасѣ, въ кипѣлицахъ же внѣ града неослабно борющеся съ погаными.

Свѣту же пятку сияющу, внезапу градъ той отворися, мнози же видѣша (а не вси — боящеися Бога и просвѣщенными душами) во градныхъ вратѣхъ мужа честна, многолѣпными сѣдинами украшена; и одежда бѣ ему огнеобразна, иночесъкаго чину багровидну. Конь же имѣя подъ собою сивъ, яко начертанъ. И внѣ града ѣздяща, и поганым тако глаголюще: «Беззаконницы и злодатели, аще не отступите, то имате побѣждени быти!» Варвари же слышавше же и видяща его, и нача полки поганыхъ мястися, и зѣло страхъ велий нападе на нь и не вѣдаху камо бежати. Пудари же ис кипѣльницы множество побивающа варваръ.

О великое Божие милосердие, онемъ же имамы избавление! И воистинну поспѣшно бываетъ молитва праведнаго. Невооруживыися вооруженыхъ, нагия окованыхъ побиша. А инии с велиимъ трудом посрамлении отидоша.

И тако избавлен бысть градъ той молениемъ и молитвами чюдотворъца Макария. Сице же людие псаломскую пѣснию воспѣвающе: «Спаслъ есть насъ от стужающихъ намъ, и ненавидящихъ насъ посрамилъ еси». [32] Народи же достойную мзду прияша: вмѣсто плача радования, и в сѣтование же веселие, и сотвориша праздникъ честенъ. Тако заложиша церковь во имя чюдотворца Макария, и бысть радость велия во граде томъ. Овии яко побѣдителю вопиюще, другие яко защитителя, инии яко помощника тепла именоваху: «Радуйся, святый Макарие, соблюдше градъ невредимъ от поганыхъ! Радуйся, преподобне Макарие, воисътину ниже погрѣшитъ нарицати тя заступника граду нашему.

Радуйся, доблии воинѣ Христовъ преподобниче, подавый нам доброе утешение: и нынѣ паки и мы радуемся, ужики твоя, и младенца наю. Слава Богородицѣ, Христу, одаривый тя богатно чюдесы!»

И тако славяще Бога и угодника его чюдотворца Макария.

Чюдо святаго Макария о нѣкоем христианине како избави сношеницу его

Бѣ нѣкто унежестей христианинъ, именем Иванъ, близ живый обители чюдотворца Макария, велию вѣру имый ко святому. Плодовитъ бѣ добрыми дѣлы, и въ нынѣшнѣм богатьствѣ кипяи; паче же чада многа имый въ дому своемъ.

Бысть же нѣкогда часто нахождение от казаньских варваръ. Тогда погании велию пакость християном творяху, овии посѣцаху, а инии плѣниша. С предиреченнаго того мужа Ивана сношеницу его плениша, сына его жена именем Марию, добровидну и добронравну.

Егда же плѣниша ю погании и ведоша ю во своя предѣлы; ведома же быша, и плакася зѣло горцѣ. Первое плакася о сохранении чистотѣ плоти ея, второе плакася да свободитъся от плѣна. И на помощь призывая преподобнаго Макария, и паки надежу и упование всю на него возложиша, вѣдый бо его яко пленным помощникъ и заступникъ.

Трема же деньми ведома быша, неослабно плакася, ни пия, ни ядый, яко и поганым дивитися плача ея. Ово любезно, ова же велиим плачем преподобному плакася и глаголя себѣ: «Святый Макарие, измы рабу твою от поганыхъ, не дай же имъ въ поругание рабу твою. Вѣмъ бо тя, господи мой преподобниче, яко многия избавилъ еси от плѣнения, мене ли едину рабу твою не хощеши помиловати. Да некако похулится от поганых чюдотворения твоя, яко да и не посмѣются погании християном, занеже тя, господи, и поганыи вѣдятъ, яко ты всей Галичестѣй странѣ помощникъ и заступникъ. Аще помилуеши мене, убогую рабу, и паки удивиши погании варвари чюдесы твоими, въпредь убоятся и ужаснутся, и проповѣдят тя, яко ты еси помощникъ и избавитель плѣнным!» — сицевыми же молебными гласы вопиющу.

«Вечеру же бывшу, тяжекъ сонъ объятъ мя шествия ради путнаго и непристаннаго воздыхания моего, на земли поверже себѣ и крепцѣ спя. Тоя же нощи видѣвъ возглавия моего мужа честна и страшна видѣниемъ, сѣдинами украшена стояху, одежду имѣя иноческаго чину багровидну. И глаголя ми: „Жено, не скорбѣй, азъ есми Макарие. Поне восстани и идеве восвояси”. И емь мя за руку, и тако косънувся десницею своею сердцу моему, и от тоя годины утишитися болѣзни сердца моего. И паки второе рече ми: „Жено, востани, послѣдъствуй ми". Азъ же воскочихъ от ложа своего, ужасохъся и убояхъся зѣло, паче же мня ся яко во видѣнии видѣхъ. Онъ же идохъ, азъ же послѣдовахъ ему; варвари же не видѣвше и не слышавше сего. Утру же хотящу быти, оттолѣ не видѣхъ его, мнѣ же яко от сна видѣния мняшася и недомышляшуся, камо и гдѣ бѣ, оскорбися зѣло, яко пусто мѣсто бѣ: ни християнъ виде, ни варваръ. Возрѣвшу же мнѣ сѣмо и овамо, видѣвъ же

градъ сей свой, егоже есми предѣлъ жена. И нача плакатися от радости моея, како приидохъ нощию ко граду сему и абие кто приведе мя долготу пути моего, яко 3 дни идох тамо, единую нощию въспять возвративъся. Мнѣ же смиреннѣй и ко вратом града пришедши и нача неосьлабно бити во градъныя врата. Стражи же града того слышаху толцания моя и течаху ко вратом и нача вопрошати мя: „Кто се есть у вратъ?”»

Она же не могии провѣщати рыдания ради слезного, но едва возможе проглаголати и прозва себѣ сношеницею быти предиреченному мужю Ивану.

И Иванови же тоя нощи бдяще и молящеся ко Господу Богу со слезами, и преподобному Макарию обѣты пологающе ему, и на помощь призываху о плененой женѣ той. Ему же аще не скончавъ молитвы, се вѣстникъ прииде стражъ града того, и повѣда ему сынове его жену у градныхъ вратъ стоящу. Онъ же слышавъ сия словеса и от радости зѣло прослезися, и поиде ко вратомъ града, нача благодаръныя пѣсни Богу возсылати и преподобному Макарию, яко теплу помощнику и избавителю, глаголя себѣ: «Святыи Макарие, кии дар принесу тебѣ или что воздам противу помощи твоея и заступления? Зане ничто мое приношение противу милости твоея, яко таковая милость к рабом твоимъ, „на тя бо уповахъ душа моя и не посрамися”,[33] но паче преславно чюдо сотворилъ еси».

И ведоша же внутрь града жену и нача вопрощати ю: «Како избѣже от поганыхъ или кто сѣмо приведе тя?» Она же от многия радости нача со слезами повѣдати, како видѣ преподобнаго, и како ми повелѣ въ слѣдъ себѣ шествовати, якоже есть преди писанно.

Воистину преславна чюдеса твоя, святый Макарие, яко трема деньми вѣдома во плѣнъ, твоею же помощию единою нощию въспять обрѣтеся! Слава давшему ти таковая чюдеса преславно творити! И тако славяще Бога и угодника его чюдотворца Макария.

Чюдо о нѣкоемъ християнине, яко избави его святый Макарий от недуга

Человекъ бѣ нѣкто именем Григорие от града Юрьевца,[34] иже есть на Волъзе, два лѣта нѣмъ ходяй. Никакоже кому бесѣдуя, или что слово проглаголя, понеже прильпѣ языкь той во главѣ. Слышавъ же человекъ той Григорей о богоноснѣмъ отцѣ нашемъ Макарие Желтоводцком Унежеском чюдотворце, яко велия чюдеса изливаетъ рака преподобнаго. Глусии слышатъ, нѣмии громогласуютъ, прокаженнии очищаютъ, и сице вѣрою ко гробу святаго приходяще, и тако здрави бываху.

Человекъ же той Григорей прииде во обитель святаго, и ведоша его ко гробу чюдотворца, и начаша обычно молебная пѣти. Ему же стояще, припадая на колѣну чудотворца, толъцая в перси съвоя плачущеся.

И тако игумену наченше святое Евангелие чести, и абие простреся языкъ нѣмаго молитвами чюдотворца Макария, и бысть тако ясенъ, яко

первие глаголахъ. И тако отиде в путь свой радуяся, славя Бога и угодника его чюдотворца Макария.

Чюдо святаго Макария о изъбавлении болѣзни нѣкоего христианина

Бѣ нѣкто от синъглита сана именем Иванъ, пореклом Выродковъ, почтенъ бысть от царя воеводъскою честию, бѣ зѣло велию болѣзнию нутренею одержим бе, велию веру имы ко преподобному. Сему же во мнозей болѣзни бывшу, прииде ему послание от царя, яко да скоро изыдетъ на брань противу зловѣрныхъ казаньскихъ варваръ. И сице во мнозей печали бывшу ему, и недоумѣвахуся, како бяше мощно на брань изыти, зане люта бѣ зѣло нутреняя болѣзнь его: яко первие того бѣ ему на брани уязвену быти от варваръ стрелою. И болящу велие утробѣ его, да иже и всѣм удомъ его ослабитися от болѣзни тоя.

Разумѣвъ же Иванъ сия в послание цареве написание, ити ему во страну казаньских варваръ противу собрания ихъ, яко же да и воевати предѣлы Казаньския. И паки вѣдый Иван, бѣ бо тамо близъ страны Казаньския чюдоносный гробъ преподобнаго отца нашего Макария Желтоводъцкаго чюдотворца, велия убо бысть чюдеса от гроба святаго. Вѣруще же Иванъ, яко исцѣление прияти хощет от святаго, и понеже и сия разумѣвъ, яко нѣсть лѣпо воеводе ослушатися царя его, ни воину воеводе своего, и сице съпрошающе ему повелѣния царева. И изыде на брань от дому своего, еще же носим бяше от отроковъ своихъ за болѣзнь ону.

Иванови же пришедшу во уреченная мѣста, идѣже градъ Уньжа повелѣниемъ царевымъ собирахуся воини во граде томъ. Бѣ же отстоящу от града того обитель Макария преподобнаго 15 поприщ. Видяще же Иванъ инии воеводы, братия его, зѣло болѣзнию одержима суще, отнюдъ ни ядуще ни пияху; и глаголюще ему воевода глаголемый Семион Конъстянтиновичь Заболотский: «Брате Иване, како хощеши изыти на брань или кою достойную похвалу принесеши цареви твоему? Видѣхомъ бо тя велию болѣзнию одержимъ, яко да конечныя ради болѣзни твоея возвратися въ жилища твоя, и себѣ без вреда соблюдеши».

Слышавъ же Иван той таковая глаголы от воеводъ братии своей, глаголюща има: «Не имате увѣщати мене, дондеже не видѣхъ обители преподобнаго Макария чюдотворца или не осязахъ чюдоноснаго гроба его, не имам возъвратитися. Или аще не скончавъ повелѣния царя моего, то како хощу возвратитися?» И рекоста ему воевода, яко зрачнѣй сего во гробъ полагается. «Или что ти есть многия потребы, яже на пути хощеши умрети?» Иванови же глаголюща има: «Рцыте ми, воини, вы ли залогъ приясте отецъ своихъ, посланная вами царем на брань и не сотворше повелѣния царева возвратитися въспять, отнюдуже исходъ сотворихом? Таковии кую похвалу приимутъ, зане достойную ярость изнесутъ на ся? Мнѣ же навыкохъ от родителей моих заповѣданная царем сохраняти. Дерзновенно убо ми есть гонзнути живота моего въ повелѣнии цареве, нежели въспять возвратитися» — и тако не возмогоста увѣщати его.

По малехъ же убо днехъ идый Иванъ ко обители преподобнаго, и еще носимъ бывая от отроковъ своихъ. И абие со страхом Божиимъ совершающе вѣру ко святому, и тако обѣщася: яко да узритъ обитель преподобнаго, и сице от мѣста того ногама своима приидетъ до обители его. Отроки же его ведуща, Иванови же труды ко блаженному прилагающа со мъногимъ трудом, идяще и моляшеся Богу и святого Макария тѣпло на молитву призывающе, чающе от святого прощения прияти.

И тако приведоша его ко обители преподобнаго и введе его по обычаю въ трапезу. Ждуще молебнаго пѣния, и абие вожжадався от труда того, и видѣ ту водочерпия воду черплюща, и глаголя водочерпию: «Принеси ми мало воды тоя, яко утолю си жажду мою». Водочерпий же принесе ему воды, Иванови же пия довольно воду, яже въторый и третицею приносяще ему пити воды. Елико же онъ пияше воду, толико же желающе. Даже до седми крат пиюще воду. Отроком же его дивисътася, яко николи ино что Иванъ тако пиюща. Иванови же вопрошающе водочерпия: «Откуду вода сия и что бѣ сладка зѣло? Сладость явимися во устѣхъ моихъ, сладчайши бо ми „паче меда и сота"».[35] И глаголя ему водочерпий: «Имамы, господи, зде студенецъ, ископана рукама преподобнаго отца нашего Макария Желътоводцкаго чюдотворца; якоже и мы, господи, пияхомъ воду от студенца того, и тако молитвами святаго здраве бываем».

Иванови же от того часа не бысть во утробѣ его огненыя болѣзни, молитвами святого велие облегчение приятъ. И тако приспѣ молебная пения, Иванъ же той идяше въ путь свой радуяся, молитвами преподобнаго чюдотворъца Макария, давшаго ему исцѣление.

О юноши, како окраде медъ из улия

Бѣ нѣкто юноша, живый во обители преподобнаго отца Макария, именем Алексѣй клирикъ сый. Той же юноша Алексѣй наученъ сый, бѣсовскою лестию наусти его диаволъ, окраде медъ из улия преподобнаго, от того же на память святаго свѣщу и понахиду приносяхъ. Сущу же ту игумену свѣдый, яко юноша той бѣ окраде медъ из улия, игумену же истязаше того юношу Алексѣя. Ему же нача отрицатися, никако сего сотвори, и зѣло нача клестися именемъ чюдотворца Макария. И тако клятъся юноша, и въ той часъ отяся свѣтъ от очию его, и бысть слѣпъ. И жесточися сердце его не покаятися, и отиде от обители преподобнаго.

По нѣких же днехъ сий юноша позна своя согрѣшения и нача каятися, прииде во обитель преподобнаго, моляше ту игумена, и повѣдая грѣхъ той, и прощения прося. Игуменъ же веде его ко гробу чюдотворца Макария, и по обычаю молебная поюще. И нача юноша со слезами плакатися у гроба святаго и прощения прося, и тако дастъся ему свѣтъ очию его. Алексѣй же той юноша славя Бога и угодника его чюдотворца Макария, и ту во обители живый радуяся.

Чюдо святаго Макария о нѣкоей боляринѣ о избавлении болѣзни

Болярыни нѣкая вдова именем Мария, Чюхломскова града,[36] одержима бѣ болѣзнию коръчию. Извѣсто же всюду убо слышано и вѣдый бо яко велия чюдеса бываютъ от гроба чюдотворца Макария, и тако велѣ себѣ отвести рабом своим во обитель чюдотворца Макария. И тои же привезоша ю.

И несе ю ко гробу святаго, и игумену же по обычаю начаша молебная пѣти, ей же лежаще и не въладѣюще ни едином удом своимъ, плачющуся и прощения прося от преподобнаго. И тако помале нача простиратися удомъ ея, сия же лютѣ плакашеся, не могии терпѣти оноя ради болѣзни тоя. Сущимъ же ту всѣм слышати троскотанием жилам ея, яко дивитися има. И паки по скончании молитвенаго правила и по обычаю игумену окропивъ ю водою чюдотворца Макария. И абие от часа того бысть здрава молитвами святого, яко воста от ложа своего. Сице прощение прия от святого, иде от гроба преподобнаго, ни кимъ водима бывая. И тако отиде въ путь свой радуяся, хваля Бога и угодника его чюдотворца Макария.

Чюдо святаго Макария о нѣкоем бояринѣ

Бѣ нѣкто сынъ болярский Галическаго града именем Алексѣй зовомъ Коровин, 3 лѣта лежа на одрѣ своемъ в рослаблении, никимъже удомъ владѣя собою. Слышано же есть всюду о чюдесѣхъ преподобнаго отца нашего Макария Желтоводцкаго. Той же Алексѣй моляше отроки своя, да въскорѣ везета его во обитель святаго. Отроком же его по обычаю скончавъ повелѣние господина своего, привезе его въ монастырь и отнесе его въ церковь ко гробу святаго.

Игумену же нача по обычаю молебная пѣти. Ему же воставъ и со слезами моляшеся, прощения прося от преподобнаго. Бысть преславно чюдо видѣти, яко 3 лѣта нимало не воста со одра своего, и носимъ бывая рукама человеческима. Нынѣ же молитвами преподобнаго прощение приимъ, и бысть здравъ. И отиде от гроба святаго ни кимъ водимъ бывая. И тако идый в путь свой со отроки своими радуяся, славя Бога и угодника его чюдотворца Макария.

Слово о нѣкоемъ християнине како его избавилъ святый Макарей прелютаго недуга

Бѣ человекъ во граде Унежестемъ именем Карпъ, зѣло прелюто боляи пияньственным недугом (емуже азъ не сужю, но общий Владыка нашъ Господь Исусъ Христосъ судя во всѣмъ нам). Паче еже и злобивъ сый. Жену имѣя себѣ именемъ Елену, яко быти добродѣтельну и благоговѣиную жену, паче же вѣру имый ко преподобному. На память святаго на кийждь годъ свѣтло память чтуще преподобнаго, свѣщу и фимиянъ ко церкви приносяще, иерею же повелѣвающе святую безкровную жертву приносити Господови Богу нашему. Такоже въ дому своемъ трапезу уготовляющу ерѣю и страждущим нищетою за имя Христово, по трапезѣ же нищих надѣляя. И въ честь день той преподобному творяще.

Мужъ же той Карп ослѣпленъ сый многимъ пияньством, и от безмернаго того пияньства яко несвоеумие стяжаша ему, по много различныя бѣсовъския сѣти падающе. Паче же зѣло не любляше подружию свою, и многия муки налагающе на ню, якоже от многаго мучения того костемъ ея троскотати. И тако на многа дни неослабно мучащу ю. Женѣ той недостоточно являюще терпѣние свое, искони еже диаволъ ненавидяй нашего спасения. И тако жена та нача умышляти себѣ, яко да обѣситися ей или же утопитися, понеже не могии терпѣти зельнаго мучения того. И сице умысли себѣ яко да утопитися ей. И тако воставъ нощию иде ко кладязю, идяще же и плачущеся ко Господу Богу со слезами, и умильно имя святаго Макария призывающе.

«И той же пришедъше ми ко кладезю и видящя на кладезе мужа честна и сѣдолѣпна сѣдяща, во иночестѣм образѣ оболченна».

И сице ужасна бысть жена, недоумѣвашеся и не смѣяше приближитися ко кладязю.

«И не вѣдѣ, что глаголати ми. Мнѣ же съмиренней, от многаго страха того едва возмогохъ проглаголати к нему, и вопрошахъ его: „Кто есть, господи, ты отче?” Емуже отвѣща ми глаголя: „Жено, отыди от кладязя сего, да не горѣе оного постражеши. И отселе не имаши скорьбѣти. Азъ есмь Макарей Желътоводъцкий, приидохъ избавити тя от потопа сего". И тако падъ поклонити ми ся ему, и абие к тому не видѣ его. И наполънися радостию сердце мое, возвратитися въ домъ свой, повѣда мужеви своему и окрестъ живущимъ сосѣдомъ нашим ведѣние бывшее».

И оттолѣ пременися скорбь ея на радость, и тако обоя въкупѣ славяще Бога и угодника его чюдотворца Макария.

Сказание о чюдѣсѣхъ преподобнаго отца нашего Макария Желтоводцкаго и Уньжескаго чюдотворца

Благослови, отче!

Многа суть и различна милость Божия, и человеколюбие Господа нашего Исуса Христа, и благодать Святого Духа, дарованную обильно человеческому роду. Сказуя вамъ, братие доблии, христолюбивии послушницы, чада церковная, сынове свѣта и причастницы царства небеснаго, не от своего бо сердца изношю словеса, въ души бо грѣшне не раждается ни дѣло добро, ни слово полезно, — но творимъ повѣстъ сию о чюдесѣх преподобнаго отца нашего Макария.

Неизмѣрна суть небесная высота, неисъпытана преисподняя глубина, елика неизчетна множество песка въ скрай моря, сице и множество звѣздъ. Тако и Божия смотрения таиньства, велика бо неизреченна милость его на человѣческомъ родѣ, еюже помиловани быхом, того бо ради и мы днесь, братие, должни есмы пѣти и прославляти Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, исповѣдающе великая его чюдеса, яже творити святымъ своимъ, якоже и симъ блаженнымъ отцемъ нашимъ Макариемъ. О немъ же намъ къ похвалению языкъ движетъ восъпомянути сие преславное чудо сие.

Бысть въ лѣто 1615 во дни благочестиваго и христолюбиваго царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русии самодержца, во въторое лѣто царства его. Человек нѣкий Варфоломѣй именемъ, живый на Кинешме на посаде, имяше дщерь трилѣтну сущу. И внезапу нападе на ню очная болѣзнь люта зѣло, дондеже отъяся свѣтъ очею ея. И пребысть семнадцать лѣтъ не видѣ солнца, ни ино что. И хожаше осязая своима рукама, и водима бываше.

И нѣкогда убо отецъ ея слыша о чюдесѣхъ преподобнаго отца чюдотворца Макария Желтоводъцкаго и Уньжескаго, веземъ дщерь свою и прииде во обитель Святыя Троицы къ цѣлебноносному гробу чюдотворца Макария на преставление его, июля въ 25 день. И во время молебнаго пѣния постави ю близъ раки святаго, она же убо теплою вѣрою начатъ молитися со слезами глаголаше: «О рабе Божии преподобне Макарие, тя убо нынѣ молю и въ помощь призываю. Буди ходатай и молебникъ ко Христу Богу нашему и ко Святѣй Богородици о мнѣ грѣшней. Азъ есмь овца ограды истиннаго пастыря Исуса Христа. И не вѣмъ, како отлучихъся и заблудихся от пути истиннаго и в ровъ погибельный въпадохъ. И воста буря вѣтреняя и возвѣя песокъ и ослѣпи ми очи. Уже бо имамъ 17 лѣтъ не видя свѣта не ино что. Но ты убо, о преподобне, умилосердися на мою нищету, направи мя на путь спасения своими ко Христу молитвами. Уже бо языкъ мой оцѣпене всегда вопрошающи, когда день, когда нощь, да и руцѣ мои ослабѣша от сътѣннаго осязания, и глава ми изнеможе от разбиения ово от стѣны, ово о столпие ударяющеся, и нозѣ мои одревянеша от каменнаго претыкания, уже бо и очию моею изсохша слезнии потоцы. Но нынѣ, святче Божии Макарие, аще восхощещи, можеши умолити Всемилостиваго Бога, дающаго свѣт всякому дыханию, да твоими молитвами и мнѣ отверзетъ зеницы, да поне бых узрѣла твоихъ многоцѣлебныхъ мощей раку».

Игумену же съ клиросы молебная сотворяющу. И внезапу Милосердый Господь молитвами преподобнаго свѣтъ ей дарова. Она же возопи со слезами глаголя: «О великое Божие милосердие, о пресвѣтлый свѣтильниче, пресвѣтлое свѣтило чюдотворче Макарие, яко на мнѣ убозей скоро показалъ еси великое свое и преславное чюдо въ мегновении ока. Ибо 17 лѣтъ не видѣхъ свѣта, ни солнца, нынѣ же твоею помощию свѣтло зрю твою многоцѣлѣбную раку».

Родителя же ея такоже от радости слезы изливающе и преподобному велехвальныя пѣсни воспѣвающе Давыдъскую: «Сии день, иже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимъся в онъ».[37] И тако отидоша въ домъ свой радуяся.

Здѣ скончашася о Господѣ преподобнаго отца нашего Макария чюдеса его предивныя.

[1] *...церковный глас проповедника...* — здесь «проповедником» назван церковный колокол.

[2] *Печерский монастырь* — Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь был основан в 50-х гг. XIV в. Дионисием.

[3] *Поприще* — мера расстояния, равная 1000 шагам.

[4] *Архимандрит Дионисий* — выходец из Киево-Печерского монастыря, основатель Нижегородского Печерского монастыря; впоследствии — епископ Суздальский. Поощрял в монастыре работу книжников и иконописцев.

[5] *«Никтоже возложитъ... Царствие Божие».* — Лк. 9, 62.

[6] *«Приходящая... ииждену вонъ».* — Ин. 6, 37.

[7] *«Постящу ти ся... явб».* — Ср.: Мф. 6, 16; 6, 2; 6, 18.

[8] *«Аще кто... достоин».* — Ср.: Лк. 14, 26.

[9] *...сладкого молчания желая...* — На Руси было широко известно учение греческого православного монашества о достижении еще при жизни приобщения к Богу путем особого образа жизни, монашеских подвигов (непрерывная молитва, пощение, внутреннее самоуглубление и сосредоточение). Последователей этого учения называли «исихастами», от греческого «исихия» — молчание, безмолвие. К исихастам принадлежал и Дионисий Печерский со своим учеником Макарием Желтоводским. Нежелание славы — обычный в житиях монахов-исихастов мотив, объясняющий смену монастырей, мест жительства.

[10] *...реку... Лухъ.* — Правый приток р. Клязьмы. Протекает по территории Костромской и Владимирской областей. Местоположение первого монастыря, основанного Макарием, неизвестно.

[11] *...нутренюю пустыню...* — «Внутренней», или Скитской, пустыней называлась в Египте отдаленная пустыня с тяжелыми для жизни природными условиями. С IV в. там селились первые христианские монахи, искавшие тяжелых испытаний для умножения духовной силы.

[12] *Желтые Воды* — Желтоводское озеро в настоящее время покрыто водами Волги. Еще в начале XIX в. оно существовало напротив Желтоводского Макарьевского монастыря, на правом берегу реки Волги.

[13] *...«невозъможно ... во храминѣ суть».* — Мф. 6, 14.

[14] *«Приходящая... вонъ».* — Ин. 6, 37.

[15] *«Любяй... составитася».* — Ин. 16, 21.

[16] *«Аще кто хощет... всѣмъ рабъ».* — Мф. 20, 26.

[17] *...аще право сѣдиши... о потребѣ твоей.* — Ср.: Мф. 6, 7—8.

[18] *...бысть брани велий... Момотяком.* — Великий князь Василий Васильевич княжил в Москве с перерывами с 1425 по 1462 г. В борьбе за власть с Дмитрием Шемякой был ослеплен по приказу соперника и получил прозвище «Темный». Золотоордынский хан Улу-Махмет (Бахмет) принимал участие в русских междоусобных распрях. В 1445 г. он даже занял Нижний Новгород.

[19] *Варвары* — так в Житии (по византийскому образцу) названы татары — нехристиане.

[20] *Сарацины* — в средневековой Европе так называли мусульман.

[21] *...на реку глаголемую Уньжу... градъ единъ.* — Город Унжа находится на берегу реки Унжи, притока Волги. Расположен на территории современной Костромской области. Впервые упомянут в Воскресенской летописи под 1219 г.

[22] *...пост святыхъ апостолъ Петра и Павла...* — Начинается через неделю после Троицы и кончается 29 июня (по новому стилю 12 июля), в день памяти апостолов Петра и Павла.

[23] *...яко прекоръмивыи... манною...* — В библейской книге Исход (16, 15—31) рассказывается о том, как Бог в течение 40 лет кормил скитавшийся по пустыне еврейский народ падающей с неба манной.

[24] *...«всяко дыхание... тя»...* — Ср.: Пс. 150, 6.

[25] *...прекоръмивыи... 20 кош.* — Имеется в виду евангельский эпизод (Мф. 14, 19—20), когда Иисус накормил двумя рыбами и пятью хлебами пять тысяч человек. Однако, по Евангелию, оставшихся кусков набралось не на 20, а на 12 коробов.

[26] *...по Лѣсьтвичникову словеси...* — Иоанн Лествичник, или Иоанн Синайский, — византийский писатель-монах VI—VII вв. Его сочинение «Лествица» было очень распространено на Руси. Особой популярностью пользовалось у монахов-исихастов.

[27] *...«честна перед Господѣмъ... его»...* — Пс. 115, 6.

[28] *...чернечества его лѣтъ 63...* — Если Макарий умер в 95 лет, а монахом стал в 12 лет, то число лет его монашеской жизни должно равняться 83. Очевидно, в рукописи допущена ошибка.

[29] *Галичская Соль* — Солигалич, Соль Галицкая, Галич — город, известный с 1335 г. Сейчас — районный центр Костромской области. Знаменит окружавшими его соляными месторождениями.

[30] *«Да постыдятся... погибънуть».* — Пс. 96, 7.

[31] *Вѣруяй... погибнемъ.* — Евр. 32; Рим. 9, 33; Ин. 3, 15.

[32] *Спаслъ... посрамилъ еси.* — Пс. 43, 9.

[33] *...«на тя бо уповахъ... посрамися»...* — Пс. 30, 1; 56, 1.

[34] *Юрьевец* — город на правом берегу Волги, ныне районный центр.

[35] *...«паче меда и сота».* — Ср.: Пс. 118, 103.

[36] *...Чухломскова града...* — Чухлома — в настоящее время районный центр Костромской области.

[37] *«Сии день... в онъ».* — Пс. 117, 24.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ИЮЛЯ В 25 ДЕНЬ ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО МАКАРИЯ ЖЕЛТОВОДСКОГО И УНЖЕНСКОГО ЧУДОТВОРЦА

Благослови, отче!

Сей преблаженный отец наш Макарий родился в Нижнем Новгороде, он сын славных и благоверных родителей — имя отца Иван, а матери Мария, — он райская лоза и юный побег совершенного разумом мужа. Еще был он грудным младенцем, но всякий раз, когда слышал глас церковного «проповедника», пробуждался в своей колыбельке и плакал младенческим плачем так, что отец и мать огорчались, не понимая, что с ребенком. Обычно младенец не плакал, но только в то время, когда мир воссылал утреннюю молитву к Богу; и было так множество раз.

Однажды был большой праздник. Когда мать и отец, как всегда, хотели идти на утреннюю молитву ко святой церкви, ребенок заплакал. Отец же и мать тогда решили между собой: «Если бы ребенок прекратил плакать у святой церкви, то повелел бы он всегда носить его туда». И приказали воспитателю нести ребенка к церкви. Младенец же в церкви святое пение услышал и возвеселился, и стал к матери радостно ласкаться. И в следующие дни, когда слышал он церковный звон, то снова плакал, повелевая отцу и матери нести его к церкви. Младенец в церкви утешался и был радостен, когда его приносили оттуда. И это было им знамением о том, что есть некий Божий замысел о ребенке, и согрет он от Святого Духа.

Когда подрос отрок и родители отдали его в обучение грамоте, то с Божией помощью учение было успешным. Не только книжное учение осваивал отрок, но и заповеди Божии глубоко воспринимал, и приходил каждый день к святой церкви, и услаждался пением. С юными же никогда он не вступал ни в игры, ни в иные дела этой мимолетной жизни. Любил он смирение и тишину, еще же более любил целомудрие и кротость, без которых никто никогда не может спастись и узреть

Господа. И любили его все люди за его добродетели. Родители же его дивились этому, радовались такому дару и благодарили за него Бога.

Обычай имели родители — а с ними и ребенок — ходить в святой великий Печерский монастырь, стоявший на Волге в трех поприщах от города. Любил отрок беседовать с иными и вопрошать их о спасении человеческом, хвалили они при этом иноческое житие. Слышал это ребенок и распалялся сердечным пламенем. Полюбил он иноческий чин с такой силой, что возникло у него желание облечься в светлый иноческий образ.

Добрый же и Всемилостивый Спаситель наш Христос зорок: ведая сердца и помышления людей, никому не возбраняя прийти к себе, но желая всех в истинный разум привести, наставляет юношу сего действовать как настоящего мужа. Так что искал отрок удобного времени, чтобы, утаясь от родителей, взять крест и последовать Христу.

Однажды, отойдя от дома родителей своих, встретил он на пути нищего, попросил у него его одежду и отдал ему свою, которую носил. Чтобы не быть никем узнанным, облекся он в эту чужую ризу. И пошел к обители Вознесения Господа нашего Иисуса Христа и Святой Богородицы, в Печерский монастырь, как один из нищих — а было ему 12 лет, — и молит он пастыря обители, мужа честна и свята, архимандрита Дионисия, чтобы было позволено ему облечься в монашеское одеяние и отречься от мира и от всего, что есть в мире. Пастырь, как обычно, вопросил ребенка: «Чадо, откуда ты и каких родителей?» Тот поведал ему о себе: «Я из другого города, и нет у меня отца и матери. Я человек грешный, а ты, святой отец, будь ко мне милостив и прими на покаяние душу мою». Пастырь же, увидев юность просящего и молодость его, ответил: «Чадо, поверь: тяжко и мучительно носить иго иноческой жизни. Я же вижу, что ты слишком юн и не достиг зрелого возраста. В Писании сказано: „Никто, возложивший руку на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия"». И отказал ему в просьбе. Отрок же, услышав эти слова от пастыря, стал молить его со слезами: «Святой отец, не читал ли ты, не слыхал ли ты слов Господних из Святого Писания: „Приходящего ко мне не изгоню”». И еще он сказал: «Оскорбляющий брата своего и Христа огорчает. Если ты, господин мой отец, отвергнешь мою просьбу, то — Богом клянусь! — в день Страшного Суда дашь за меня ответ Богу». Услышав от ребенка эти мольбы и заклинания и удивившись его разуму и премудрости, понимает пастырь, что в отроке есть некая Божественная сила.

И тотчас пастырь сообщает ему устав и чин монастырский. Он рассказывает ему о строгости этого устава и говорит: «Дитя мое, не сможешь ты, столь юный, нести подвижнические труды и ярем, обиды от людей и напасти от бесов». Ответил на это отрок: «Нет, господин отец мой, ни ссылки на апостолов и Писание, ни огонь, ни меч — ничто в мире от любви Христовой не может отлучить».

Пастырь умилостивился к отроку, ввел его в святую церковь и состриг волосы с его головы во имя Отца, Сына и Святого Духа. И, одев по

иноческому уставу, нарек отрока именем Макарий. По совершении этого причтен отрок был к братии, и принял игумен его в свою келью.

Пастырь становится вскоре учителем Макария и берет его под свое покровительство; а был тот пастырь мужем, жившим жизнью, посвященной Богу, в молитвах, посте и бдениях и всяком воздержании (после стал он епископом Суздаля). Ему-то и был учеником Макарий, так что, внимательно наблюдая долгие молитвы и трудоположный подвиг учителя своего, старался отрок поступать так же, как и отец.

Учитель же много поучал его, заповедуя пренебрегать низким, принимать лишь высшее, прелестями же света сего не дорожить. Подробно учил он Макария иноческому жительству, то есть терпению, смирению, послушанию, молчанию, поведению перед старцами и другим подобным, важным в иноческой жизни, вещам. Блаженный слушал все это и записывал в сердце своем, как будто не от человека, а от самого Бога принимал наставления. Эти наставления он тщательно исполнял: был послушен без рассуждений, в пощении и бдении преуспевал юный монах не хуже взрослого, был смиреннее и тише других, смиренномудрием же всех превзошел в обители. Никогда ни с кем Макарий первым не заговаривал; если же кто-то спрашивал у него о чем-либо, он, укрываясь смиренномудрием, отвечал: «Прости и моли за меня Бога!» Кроме того, он всегда тайно постился. Много раз братья видели его во время святой трапезы, сидящего со страхом Божиим и творящего молитвы. Насыщался же он только за причастием от Тела и Крови Христовой, не показывал он свое пощение, всегда приходил к трапезе вместе со всеми. В Писании сказано: «Когда постишься, не кричи об этом, и Отец твой Небесный, видящий тайное, воздаст тебе явно». Блаженный ел столько хлеба в неделю, сколько бы хватило на одну просфору. Так Макарий стал совершенным последователем иноческого устава.

Отец и мать Макария хватились его и не могли найти, и сильно тревожились об отроке — куда он делся и где обитает? И плакали они, и скорбели так сильно, что удивлялись даже соседи. Думали, что Макарий погиб: или был растерзан зверями, или злыми людьми уведен на чужбину, или где-то на дороге разбойниками убит был. Но не могли родители утешиться: заповедывали они уезжавшим в разные страны и области расспрашивать о ребенке своем: не найдет ли кто отрока и получит тогда от родителей вознаграждение.

Но невозможно любящему Бога обретаться вместе с не имеющими страха Божьего; так было и с блаженным Макарием. Три года прошло, а родители не могли узнать его в Печерской обители, ибо хотел Господь явить веру раба своего и прославить боящихся его и уповающих на милость его.

Через некоторое время один монах из Печерской обители был послан пастырем в город по какому-то делу, необходимому для братии. Выполняя поручение пастыря, случайно встретил он отца Макария, с которым был знаком. Отец, по обычаю, принял благословение от старца и начал ему, как и всем прочим, рассказывать о своем горе, о гибели

своего единственного сына. Монах выслушал и спросил Ивана, как это случилось, что погиб сын, как вышло, что он ушел из дома и когда это было. Иван поведал старцу все об отроке — о смирении его и о терпеливом мужестве: «От младых ногтей никогда не видели мы его играющим со своими сверстниками или попусту болтающим, но только постящимся, молящимся и прилежащим к церкви Божией. А теперь мы с супругою, отче, не можем утешиться, так велики наши перед Богом согрешения, что мы уже три года не знаем, где наш сын». И поведал Иван все по порядку, сказал и день, в который сын исчез из дому. Услышав это, старец ответил: «Вспоминается мне, Иван, что в тот самый день пришел в обитель нашу отрок, внешностью красивый и душой благонравный, но пребывающий в крайней нищете. Он умолял нашего пастыря, чтобы тот позволил ему отречься от мира и от всего, что есть в мире. Пастырь же не мог отвергнуть моления ребенка и горячей, страстной его веры: совершил над отроком обряд пострижения в святой иноческий образ. Ныне же тот ребенок, живя в обители, преуспевает в добродетели больше всех».

Услышал это Иван, и уязвлено было сердцо его, как стрелою. Горько плача, тотчас пошел он в святой Печерский монастырь, и стал он там старательно высматривать своего сына. Потом стал он молить пастыря и бывших с ним братьев, чтобы показали ему его единственного сына. Пастырь и братья ответили ему, что нет такого в обители: Иван был человеком известным и обладал большим богатством, поэтому сначала не подумали в обители о блаженном Макарии как о сыне Ивана. Но тот неотступно молил пастыря показать ему сына, а пастырь искал и не находил его, и понял он, что речь идет о Макарии. Тотчас чудный этот пастырь позвал к себе ученика своего и, сотворив обычную молитву, сказал: «Чадо Макарий, отец твой ищет тебя, хочет видеть». Преподобный же ответил: «Отец мне — Господь Бог мой, сотворивший небо и землю, и все, что на ней, а ныне, господин, — ты, учитель мой». Отец же его, вне кельи стоявший, заплакал: «Чадо мое родное, Макарий, покажись мне, отцу своему, избавь нас от печали». Преподобный, стоя внутри кельи, ответил ему в оконце: «Невозможно, господин мой отец, здесь нам увидеться, так как написано в Евангелии: „Если кто любит отца или мать более меня, — недостоин меня”. Если ты, господин, хочешь увидеть меня, то свидимся мы в будущем веке. А сейчас, отец мой, не огорчай меня этим и с миром отойди от кельи моей, да не лишусь я Господнего дара». Отец снова сказал: «Чадо мое, если ты не явишь мне лицо свое, не отойду от твоей кельи. Протяни мне хотя бы руку твою!» Преподобный не мог утолить мольбу отца; с великой неохотой обнажил он руку свою и протянул ее отцу в окно, а лица своего так и не показал. Отец взял Макария за руку и, лобзая, промолвил: «Чадо мое сладкое, Макарий, спасись сам и моли за меня Бога, чтобы и я молитвами твоими спасся». И пошел домой, радуясь, как будто нашел некое бесценное сокровище, и восхваляя Бога. Тогда же поведал о сыне и супруге своей, матери блаженного. И оба радовались и славили Бога за такую милость для своего сына.

Все братья в обители чтили и славили преподобного за великую его добродетель. Но блаженный не хотел чести от людей и славы временной, желая уединения и сладкого безмолвия, и ради этого ушел

он из обители и отправился в пустынное место, на реку под названием Лух. Здесь он построил себе маленькую келью и начал подвизаться против невидимого врага — слезными молитвами, бдением, пощением, всенощными молебнами. Вскоре всюду прошла слава о нем из-за его добродетелей, и люди стали чтить и славить его. Многие, приходящие к нему ради душевной пользы, оставляли свою мирскую жизнь и молили, дабы блаженный разрешил остаться возле себя: Господь не допускает, чтобы такие светочи были в одиночестве, ибо они исправляют людей к спасению и наставляют их к вечной жизни. Преподобный построил церковь во имя Господа нашего Иисуса Христа и чудного его Богоявления, собрал братию, совокупил словесное Христово стадо и создал обитель, существующую и доныне.

Но, не желая славы света сего, искал блаженный полного безмолвия и славы от самого Господа Бога, так что решил он оставить свою обитель, которую создал. И сделал так, и снова тайно удалился он от братии своей. И с помощью Божьей пришел Макарий во «внутреннюю пустыню» на Желтые Воды — так называлось озеро на другом берегу Волги. И тут вырыл он себе малую пещеру и стал подвизаться против злокозненного супостата дьявола, стремясь к добродетели день и ночь. И славили его повсюду больше, чем прежде. С тех пор и зовут его Макарием Желтоводским.

Но «не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме». Сколько бы не убегал он от человеческой славы и похвал, столько Бог прославлял святого. И так распространилась слава о нем, что знали о нем даже самодержцы. Поэтому многие приходили к Макарию и просились жить с ним. Блаженный исполнял Божью заповедь, ибо сказал Бог: «Приходящих ко мне не изгоню». И еще так говорил: «Кто любит брата своего, тот живет в Боге, и Бог в нем живет, так как все от любви Христовой произошло». Так что через некоторое время собирает он тут братию и снова чуть позже ставит небольшую церковь во имя царствующей Святой Единосущной Троицы. И безмолвствовали они вместе, усердно пребывая во всякой добродетели. Сам же усердный подвижник, труды к трудам прилагая, братьям своим по обители безотказно служил всякими монастырскими службами: иногда молол зерно, иногда пек и варил пищу. Сам он был нищ добровольной нищетой Христа. Он предлагал последнее свое достояние братии не так, как наставник и учитель, но как раб и послушник, исполняя слова Бога: «Кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом».

И язычники почитали блаженного за его добродетель. Язычники же и пищу приносили святому и всей братии, некоторые — пшеницу, а другие — меды, ибо сказано: «Если ты праведен перед Господом, то и сарацинскому сердцу он внушит сделать необходимое тебе. Пусть светит свет ваш перед всеми людьми, чтобы видели все ваши добрые дела и прославили Небесного Отца».

Дьявол же, ненавидя добро, творит всякий вред роду христианскому и возводит на него брань. Бог допускает это, наказывая нас за грехи

наши: иногда ратью иноплеменных, иногда пожаром, или голодом, или другими различными наказаниями воспитывая нас. Но при этом Бог не казнит нас, а наставляет и милует, как отец, уча ходить праведными путями.

Так, в 1439 году была великая брань благочестивого самодержца великого князя Василия Васильевича против нечестивого Бахмета со злообразным и безумным его сыном Момотяком. Много они сынам русским зла сотворили. В те дни пришли злодеи и к Нижнему Новгороду и в его окрестности. И внезапно напали варвары на обитель святого Макария, которая была на Желтых Водах. До основания поганые сожгли обитель блаженного, братию же посекли мечами, как колосья во время жатвы, — те святые страдальцы увенчались победными венцами и отошли к вечной жизни. Самого блаженного враги схватили и повели к варварскому воеводе. И узнали среди варваров, что пленен праведный Макарий, воистину раб Христов, а с ним множество христиан. Слышал воевода варварский о праведности Макария, и с гневом обратился к воинам своим — зачем они столь почтенного мужа оскорбили. Это человеколюбивый Бог десницу простирает тем, кто призывает всем сердцем: даже у нехристиан воевода становится милосердным и дарует свободу Макарию и тем, кого схватили с ним. По молению святого отпустили 40 мужей христианских, их жен и детей, а также вернули их пожитки. Но воевода при этом поставил условие: не оставаться Макарию с людьми на прежнем месте, но уходить, куда захотят. Блаженный лишь испросил у сарацина немного времени, чтобы похоронить братию, убитую варварами. Погреб он страдальцев по чину, с надгробными песнопениями, и ушел с миром.

Преподобный подумал, посоветовался с людьми и решил переселиться с ними на реку, называемую Унжа. Малолюдный то был край, был там лишь небольшой городок. И он сделал так с Божьей помощью. И так он пустился в путь, а народ шел за ним, как родные дети идут за своим отцом. Блаженный много поучал народ о божественных заповедях и утешал от Святого Писания: «Не горюйте, детки, о случившейся с нами за грехи наши беде: видит Господь печаль нашу и даст нам помощь как захочет». Народ же радовался его словам, радовался и тому, что блаженный шел с ними.

Долгим был их путь. Более 240 поприщ отделяло их от того места на реке Унже, куда хотел прийти блаженный. Шли «внутренней пустыней», непроходимыми болотами — из-за страха перед нападением поганых.

Тогда-то Бог снова прославил угодника своего. Кончился у идущих хлеб, люди таяли от голода и были в великой скорби: ни у кого не нашлось никакой еды. И тогда Божьим мановением нашли люди дикого зверя, называемого лось. По молитве преподобного поймали его живым и стали просить благословения у святого, желая употребить лося в пищу. Но святой запретил им, так как еще не наступило время, когда христианам можно было есть мясо: был пост святых апостолов Петра и Павла, не прошло еще трех дней поста. Сказал при этом преподобный людям: «Не скорбите, чада мои. Если Господь захочет, он прокормит

вас в этой пустыне — только не прерывайте святого поста до дня святых апостолов». И так заповедал народу: «Отрежьте ухо лосю и отпустите. Зверь будет ваш, когда захочет того Бог». Люди так и поступили: отрезали зверю ухо и отпустили его пастись.

Преподобный жалел людей и очень скорбел, видя их, томимых голодом, и молился Богу, да поможет Господь спастись и прожить эти дни голода без ущерба. Народ же просил святого: пусть он молится за них Богу, да не погибнут они злою смертью в этой пустыне. И так шли они три дня и три ночи без еды. Святой утешал их, говоря: «Не скорбите, дети мои, но молите благодать Божию: Бог, прокормивший весь народ Израильский в пустыне манною в течение 40 лет, и вас прокормит в этой пустыне — все сотворено живодательной десницей Божией».

А когда наступил день честного праздника святых апостолов, блаженный ушел в пустыню и, воздев руки к небу, промолвил: «Хвалю тебя, Господи Иисусе Христе, благословенный Бог! Призри с высоты святой своей! Воистину, „все дышащее да хвалит Господа", и все, сотворенное тобой, благословляет тебя! Услышь моление недостойного раба твоего и по великой милости твоей исполни его. Ты, Господи, накормил 5 тысяч человек в пустыне пятью хлебами и двумя рыбами и при этом в избытке были 20 коробов пищи. Ныне же, милостивый Боже, взгляни на людей своих в этой пустыне». Господь же, готовый услышать молящих его и помочь своим рабам, не забывает живущих по его заповедям. И снова прославляет он угодника своего.

Народ изнемогал от голода, но по пророчеству святого ожидал в тот день пищи. И вот, по молитвам святого, поутру в день праздника святых апостолов встали рано, и вдруг тот дикий лось снова оказался среди них. Люди же поймали его живого и увидели, что тот самый лось: у него было отрезано ухо. И удивлялись они преподобному: сбылось его предсказание! И привели они лося к блаженному. Святой благословил зверя и велел заколоть его и употребить в пищу. И произнес при этом: «Дети мои, не скорбите более, вас пропитает Господь!» Народ возрадовался великой радостью, все насытились и хвалили Бога и угодника его преподобного Макария, и с тех пор каждый день народ обретал пищу молением и молитвами святого; иногда это был лось, иногда — олень. И так, питаемые молитвами, радуясь и славя Бога и угодника его преподобного Макария, дошли все до конца пути.

Пришел святой из плена к граду, называемому Унжа. Жители города встретили его с великими почестями: знали его как мужа святого и честного, ведущего жизнь по Богу. Все горожане сильно обрадовались приходу к ним блаженного. Преподобный же от младых ногтей любил безмолвие и жизнь, подобную той, которую ведет пустыннолюбивая горлица. Как говорил Иоанн Листвичник: «Вкусивший горнего — легко отвергает дольнее».

Спросил Макарий горожан, нет ли в окрестностях места, которое бы подошло безмолвствующему монаху. И горожане показали ему подходящую местность в 15 поприщах от города. Это был берег озера вблизи реки Унжи, ровный и очень красивый; никто там не жил.

Блаженный благословил эту пустыню и поселился в ней. И водрузил он Крест Господа нашего, и вскоре построил себе келью, и жил здесь до глубокой старости, борясь с невидимым врагом — дьяволом. Любя Господа своего, пребывал он в тихом и пустынном месте, ожидая пришествия своего Владыки.

О исходе души святого и преподобного чудотворца Макария Желтоводского

Когда блаженный отец наш Макарий отошел ко Господу в нескончаемую жизнь (по словам пророков, прекрасна перед Господом смерть праведных), когда передал он свой блаженный дух в руки Господни — наполнился благовонием город, благим этим даром наполнились и окрестности. И душа каждого человека, пребывавшего в городе и поблизости от него, наполнилась благовонием, как из кадила. Все поняли, что это преподобный отходит ко Господу, и все до единого стекались в город, где было честное его успение. Тогда многие, одержимые какой-нибудь болезнью, приняли прощение молитвами преподобного. И весь народ шел за гробом со свечами и с кадилами, плача о том, что лишились такого светильника и учителя. Понесли святого со всеми почестями, на главах, в пустыню на расстоянии 15 поприщ от города, где блаженный любил безмолвствовать со своею братией. Там погребли его с почестями и разошлись, славя Бога и угодника Божия преподобного Макария. Жил святой 95 лет, к Богу же отошел 25 июля. Монашеская же его жизнь и неуклонная работа днем и ночью продолжалась 63 года.

О некоем христианине и о том, как его дочь была избавлена от нечистого духа святым Макарием

Жил в Унже некий христианин по имени Федор, и была у этого Федора единственная дочь. Божиим попущением эта отроковица была подвержена козням нечистого духа: много раз дьявол поражал ее и в конце концов ослепил.

Однажды Федор отправился из дома в царствующий град Москву по торговым делам; надеялся он купить там средство для исцеления очей отроковицы. Но, вздохнув, сказал он себе: «Какая может быть помощь от сотворенного и от дела рук человеческих? Если ищу я помощи от людей, то найду ли я помощь у Владыки Христа? Увы мне, согрешил я перед Господом Богом моим. Ведь знаю я, что недалеко от нашего города в пустыне живет великий отец Макарий Желтоводский. Когда приеду домой, то поведу отроковицу к преподобному; он сотворит молитву Богу, и исцелится моя дочь». И супруге его в тот же час пришла эта мысль: «Когда приедет господин супруг мой из своей поездки, отведем мы дочь ко святому старцу. Пусть он за нее помолится Богу, и исцелится девочка наша».

Вернулся Федор домой и вспомнил о своем обете — отвести дочь к святому на исцеление. Услышала об этом супруга и поведала ему, что в тот же час и день и ей пришла мысль отвести отроковицу для излечения к преподобному, чтобы он помолился за нее.

Понял тогда Федор, что это Божий замысел, желает Господь прославить своего угодника. Приказал он супруге собрать дары преподобному; взял он эти дары, посадил на повозку отроковицу и ее мать и поехал ко блаженному в пустыню.

Достигнув пустыни и удостоившись благословения святого, начал просить его, чтобы помолился он Богу об отроковице. Преподобный же со смирением сказал им: «Я грешный раб». Тогда стали просить его еще более настойчиво. Поведали все, что было с отроковицей: как бесновалась она и как ослепил ее дьявол. Святой пожалел девицу. Взял он крест, перекрестил ее и сказал: «Верой вашей спасется, дети мои». И тотчас же от глаз отроковицы отпала как бы чешуя, и вернулось к ней зрение. Помогли отроковице молитвы преподобного. И с того часа выздоровела она от своего недуга.

Федор с супругой и дочерью отправились домой с радостью, благодаря Бога и угодника его преподобного Макария.

5 июля 1522 года в день памяти преподобного Афанасия Афонского

В этот день, в наказание за множество наших грехов, городу Унже случилась великая напасть от язычников. Подошла к городу большая рать поганых, и хвалились враги Христовы взять его. Окружили они Унжу, а числом их было 20 тысяч.

Невелик город Унжа, но имеет великого и крепкого помощника — блаженного отца Макария Желтоводского, который возлюбил этот город, пришел сюда, здесь же и передал душу свою в руки Господа.

Эти дерзкие варвары стремительно подступали к городу; некоторые из них стреляли, некоторые поджигали дома. Три дня и три ночи неослабно сражались с ними защитники Унжи. Наступил в городе великий страх и ужас.

Воевода города Федор Супонев созвал тогда горожан на совет, спрашивая, как избыть им беду варварского нашествия. Тогда горожане поведали ему о чудесах преподобного Макария и о том, что ранее уже избавлял он город от варваров: «Достойны, господин Федор, чудеса святого того, чтобы их записать, ибо уже и прежде нападали на нас варвары, хотели сотворить много зла, но не могли: святой Макарий молился за город. Иногда враги проходили мимо Унжи, иногда осаждали, но все равно бежали; мы же от них не бежали никогда. Однажды взяли в плен мы их воинов и спросили, почему их войско ходит вдали, почему не подходит? Варвары отвечали, что видят они, как святой либо держит город в руках, либо на облаке видят его, а иной раз преподобный ездит на коне и так отгоняет варваров от города».

Услышал Федор про чудеса Макария, тут же пошел в церковь, пал перед образом святого и стал молиться со слезами, повторяя: «Заступник, заступник, скорый помощник святой Макарий! Избавь город от поганых варваров и сохрани, блаженный, в нем своих людей от плена, да не поругаются над нами поганые, да не посмеются над

твоими чудесами. Они ведь знают, Господин, что ты всегда защищал город. Защити его и ныне, а вражеские сонмища посрами!»

Так он молился, а варвары в то время подступили к городу и зажгли его. И был огонь на полгорода. Увы, воистину страшное было зрелище: огонь пожирал, а меч сек. Граждане были в отчаянии и страхе, горько плакали и единогласно призывали: «Святой Макарий, помоги нам, избавь от этой беды!» И тут многие, молясь, увидели святого, стоящего над городом и держащего в руках кувшин, и лил он воду на пламя. А поганые все до единого видели святого, стреляющего в них стрелами или бьющего в них из пращи. Это было преславное чудо: христиане видели, как он лил воду на пламя и гасил огонь, варвары — как он стрелял и отбивал их от города.

И тут же молитвами преподобного начался столь великий дождь, что город затопило; пламя угасло. И тут напал на варваров великий страх, началось смятение в их полках, и случилась между ними злая сеча. Граждане многих из них захватили и отвели к городскому воеводе. Стали воевода и граждане расспрашивать варваров: «Почему смешались полки ваши?» Варвары подробно рассказали, как увидели преподобного над городом: «Некий монах, — говорили они, — стоявший над городом, помогал вам: он стрелял в нас, бил пращой и много зла нам сотворил. В то время, когда дождь гасил пламя, монах явился среди наших полков верхом на огромном сивом коне. Тогда и вышло смятение в рядах наших. Одни хотели схватить его, а другие — посечь его мечом, но никто ничего не мог ему сделать». О великое Божие милосердие! Воистину быстра молитва преподобного: жестоко побили они сами себя, а остатки их бежали неведомо куда. И была в городе великая радость, и все славили Бога и угодника его преподобного Макария.

Из той рати 300 варваров бежали за реку Унжу, и так оказались варвары у обители преподобного. Увидели поганые варвары обитель святого и стали помышлять разорить ее. Господь за наши грехи, а также еще более желая прославить угодника своего Макария, позволил им захватить монастырь.

Увидели варвары, что церковный крест сделан из белого железа, и решили, что от него будет большая корысть. Один из них, злодей, подученный дьяволом, влез на купол и начал подсекать крест, думая, что в нем много серебра. И тут же этот варвар внезапно упал с крыши, ужасно и бесчестно отдав свою душу аду. А остальные вошли в церковь и ухватились за раку святого Макария. Но тут молитвами преподобного все они ослепли, все до единого. Испугались они, преисполнились великого ужаса, и ни один из них ничего не смог взять от раки. Воистину явилось преславное чудо: ходили варвары по церкви туда и сюда, не видя ничего вокруг. Тут подоспели христиане и стали бить ослепленных. Варвары, исполненные смертного ужаса, побросали оружие и побежали к реке, как будто кто-то их гнал. И многие из них молитвами преподобного утонули. А оставшиеся в живых ушли восвояси, дивясь чудесам святого Макария.

С тех пор поганые не только сами не творили зла обители, но и другим варварам заповедали не приближаться к обители святого. А если случалось злым варварам идти ратью мимо монастыря, то отряжался большой отряд стеречь ворота обители. Так была помилована обитель святого.

18 января 1532года

Огромная рать поганых вторглась на Галицкую землю, войско в 14 тысяч человек подошло к городу Солигаличу. Величались варвары и похвалялись в великой своей гордыне взять город: научены были своим отцом сатаной творить зло святым Божьим церквам и православным христианам. И не ведали сыны агарянские о близкой гибели, хотя еще пророк предупреждал: «Да постыдятся все, поклоняющиеся истуканам, и похваляющиеся идолами своими погибнут». И Апостол говорил: «Веруя в Господа нашего Иисуса Христа, не погибнем».

Варвары напали на город внезапно и обложили его со всех сторон. Враги веры и истины жестоко нападали на город: одни пытались его поджечь, другие обстреливали. А в городе были великий ужас и печаль, плач и стоны наполнили все. Три дня и три ночи бились горожане с варварами.

Был в городе храм во имя всеславного Успения Пречистой Владычицы нашей Богородицы, где находился образ Макария Чудотворца, от которого прежде происходили великие чудеса, да и сейчас происходят. И вот иереи того храма, служители Христовы, поведали народу о прежних чудесах от иконы и повелели народу молить Бога и Пречистую его Мать Пресвятую Богородицу, призывать на помощь и защиту угодника их преподобного Макария.

Услышали об этом горожане (знали они, что святой был небесным заступником Галича) и, желая помощи святого, стали просить предстателей Христовых, чтобы для всеобщего обозрения вынесли они из церкви образ чудотворца Макария, облеклись в священнические одежды и вместе с народом сотворили молитву. Тогда иереи приказали ударить в «проповедники», и все единодушно стали молиться; молились и жены, держа на руках грудных младенцев, слыша звон колоколов-«проповедников» у святой церкви. Пресвитеры же оделись в церковное облачение и стали с «проповедниками» молить Бога. «Помилуй нас, Боже, по великой милости твоей, изыми нас из рук врагов наших. Господи, к тебе прибегаем: погуби всех, враждебных нам». А иные пели в это время канон благодарственный Святой Богородице. Народ стоял вокруг церкви и единогласно молил: «Господи, помилуй нас ради родившей тебя, ради молитв святого Макария, помощника нашего и горячего заступника». Все жалостно взывали к образу: «Святой Макарий, избавь наш город от поганых!» Жены же поднимали младенцев своих, показывали их образу, как живому человеку, и с благоговением взывали к святому: «Ради них, преподобный, будь щедр к нашему городу. Едва они появились на свет, а уж их хотят срезать, как незрелые колосья. Тяжко нам видеть, как младенцев наших убивают на наших глазах. Лучше уж нам умереть

прежде них, чтобы не сжимались от горя наши сердца». Так они молились в великом ужасе, а за городскими стенами, в солеварнях, шел неутихающий бой с погаными.

Наступила Святая Пятница, и вдруг ворота города отворились, и многие (но не все, а лишь боящиеся Бога и просвященные душами) увидели мужа, украшенного сединами; одеяние на нем было иноческого чину, огненное, багрового цвета. И был под этим старцем прекрасный сивый конь. Выехал старец из города и так обратился к поганым: «Беззаконники и злодеи, если вы не отступите, то будете побеждены!» Услышали это варвары, и началось смятение в их полках, напал на них великий страх, и не знали они, куда бежать. А пудари из солеварен во множестве убивали варваров.

О великое Божье милосердие, избавляющее от бед! Воистину быстро исполняется молитва праведного. Невооруженный победил вооружившихся, нагой — закованных в латы. А оставшиеся едва ушли, посрамленные.

Так молением и молитвами чудотворца Макария город был избавлен от врагов. Воспели тогда люди псалом: «Ты спасешь нас от врагов наших и посрамишь ненавидящих нас». Народ получил заслуженную награду: вместо плача радость, вместо печали веселие, и устроил большой праздник. И была заложена в городе церковь во имя чудотворца Макария, и большая радость была в городе. Одни восхваляли святого как победителя, другие как защитника, третьи помощником именовали: «Радуйся, святой Макарий, сберегший город невредимым от врагов! Радуйся, преподобный Макарий, воистину не будет ошибкой назвать тебя заступником нашего города. Радуйся, доблестный воин Христов, преподобный, давший нам доброе утешение: ныне радуемся мы, родственники твои, и дети наши. Слава Богородице и Христу, одарившим тебя щедро чудесами!»

Так славили Бога и угодника его чудотворца Макария.

Чудо святого Макария о некоем христианине, как спас сноху его

Близ обители чудотворца Макария в Унже жил некий христианин по имени Иван, имевший великую веру ко святому. Щедр был Иван на добрые дела, обладая земными богатствами; но главным его достоянием были дети.

Нападали тогда часто на Унжу казанские варвары. Творили поганые христианам великое зло: кого убивали, кого в плен брали. А у того Ивана взяли в плен жену его сына, Марию, женщину красивую и добронравную.

Пленили ее поганые и повели в свою землю; ее вели, а она горько плакала. Во-первых, печалилась о сохранении своей женской чистоты; во-вторых, желала освободиться от плена. С надеждой и упованием призывала она преподобного Макария, ибо знала, что святой помогал попавшим в плен.

Три дня вели Марию, и все три дня она плакала не переставая, ни разу не попив и не поев, — даже поганые дивились ее плачу. То с просьбой, то с жалобами обращалась она к преподобному, говоря про себя: «Святой Макарий, спаси рабу свою от поганых, не оставь им на поругание рабу свою. Знаю, господин мой, что многих ты избавил от плена, и только меня, рабу свою, не хочешь помиловать. Да не посмеются поганые над твоими чудесами, да не посмеются язычники над христианами: даже поганые знают, что ты всей Галицкой земле помощник и заступник. Если помилуешь меня, бедную рабу, вновь удивишь варваров своими чудесами, то впредь они будут бояться и ужасаться и всем расскажут о тебе, что ты помощник и избавитель пленных!» — так она молилась в слезах.

«Вечером после трудного пути и непрестанного плача объял меня тяжкий сон. Я легла на землю и крепко заснула. В эту ночь у своего изголовья увидела я величественного и прекрасного мужа, украшенного сединами и облаченного в иноческую одежду багрового цвета. Молвил он: „Жена, не скорби, я Макарий. Встань, и мы пойдем домой”. Взял он меня за руку, а десницей своей коснулся моего сердца, и тут же затихла моя сердечная боль. И снова сказал он мне: „Женщина, встань и иди за мной”. В великом волнении я вскочила с земли, но тут же подумала, что все это лишь сонное видение. Он пошел, и я последовала за ним; варвары не увидели и не услышали ничего. Но едва началось утро, как он исчез, а я будто очнулась ото сна, недоумевая о том, где я очутилась, и сильно испугалась: место было пустынным, нигде ни варваров, ни христиан. Огляделась и увидела, что попала к родному городу, в котором я живу. Заплакала я от радости, что за ночь пришла к городу и что кто-то привел меня, так что прошла я трехдневный путь за одну только ночь. Тогда я подошла к городским воротам и начала бить в них, не переставая. Городские стражники услыхали мой стук, подошли к воротам и стали спрашивать: „Кто там у ворот?”»

Женщина сквозь слезы едва могла выговорить, что приходится снохой вышеназванному Ивану.

А Иван в ту ночь не спал, но молился со слезами Господу Богу и преподобному Макарию, давая обеты и призывая спасти женщину от плена. Не успел он кончить молитву, как прибежал вестник от стражников и сказал ему, что жена его сына стоит у городских ворот. Иван, услышав это, прослезился от радости и пошел к городским воротам, благодаря Бога и преподобного Макария, помощника и избавителя: «Святой Макарий, какой дар принести тебе и чем воздать за твою помощь и заступничество? Нет у меня ничего, столь прекрасного. Велика твоя милость к рабам твоим, и „на тебя уповала моя душа и не ошиблась”, ибо сотворил ты преславное чудо».

Ввел он женщину в город и стал расспрашивать, как смогла она бежать от поганых и кто привел ее в город. Она же, плача от радости, поведала, как видела она преподобного и как он повелел ей идти за собой (как написано прежде).

Воистину преславны чудеса твои, святой Макарий! Три дня ее вели в плен, с твоею же помощью она вернулась обратно за одну ночь. Слава Богу, давшему тебе творить такие чудеса! Так славили они Бога и угодника его чудотворца Макария.

Чудо об одном христианине, как избавил его от недуга святой Макарий

В городе Юрьевце, что на Волге, один человек по имени Григорий два года был нем. Ни единого слова никому не мог сказать — язык его прилип к гортани. Услыхал однажды тот Григорий о богоносном отце Макарии Желтоводском и Унженском чудотворце и великих чудесах, происходящих у гроба преподобного. Глухие там начинали слышать, немые — говорить, прокаженные очищались, и все, приходя с верою ко гробу святого, исцелялись.

Тогда Григорий пришел в обитель святого. Привели его ко гробу чудотворца и начали, по обычаю, молебен. Григорий же, припав на коленях к чудотворцу, бил себя в грудь и плакал.

И в то время, когда игумен начал читать святое Евангелие, разрешился язык у немого по молитве чудотворца Макария. И стал он говорить так же хорошо, как говорил прежде. После этого пошел он домой, славя Бога и угодника его преподобного Макария.

Чудо святого Макария о избавлении от болезни некоего христианина

Был некто Иван, по прозванию Выродков, человек знатного рода, почтенный от царя воеводским чином и веру имевший к преподобному Макарию; сильно страдал он внутренней болезнью. Однажды, когда болезнь особенно донимала Ивана, пришло ему от царя послание с приказом выйти на брань против зловерных казанских варваров. Опечалился воевода, не зная, сможет ли пойти в бой, так сильна была его лютая внутренняя болезнь, ведь до этого в битве он был ранен варварской стрелою. Болела утроба его, ослабли от боли мышцы.

В царском послании Ивану было велено идти в страну казанских варваров против их войска на завоевание Казанских пределов. Слышал воевода, что близ страны Казанской имеется гроб преподобного отца нашего Макария, Желтоводского чудотворца, и великие чудеса происходят от того гроба. Иван верил, что примет исцеление от святого; знал он и то, что нельзя воеводе ослушаться царского приказа, как нельзя воину ослушаться воеводу. Потому отправился он из дому к войскам, но из-за болезни несли его слуги.

Тогда прибыл Иван в назначенное место, в город Унжу, куда по царскому повелению собирались все воины. Город этот отстоял от обители преподобного Макария на 15 поприщ. Иван был так болен, что не ел и не пил. Увидели это другие воеводы, сотоварищи Ивана, и сказал ему тогда воевода Симеон Константинович Заболоцкий: «Брат Иван, как же ты пойдешь в бой, какую же славу ты принесешь своему царю? Мы видим, что ты сильно болен, так что возвращайся домой из-за крайней своей немощи: так ты убережешь себя».

Услышал Иван эти слова от сотоварищей своих воевод и ответил им: «Не уговаривайте меня. Пока не увижу обители преподобного Макария Чудотворца и не дотронусь до чудоносного гроба, не возвращусь. И как же я могу возвратиться, не выполнив повеление царя моего?» Ответил ему воевода: «Краше тебя в гроб кладут. Что тебе за нужда умереть в дороге?» Но Иван возразил: «Скажите-ка мне, воины, разве давали вам отцы завет: если царь посылает вас на брань, не выполнив повеления, возвращаться назад, откуда пошли? Какой похвалы такие удостоятся, кроме того, что навлекут на себя заслуженный гнев? Я же приучен родителями своими выполнять царевы приказы. Уж лучше я лишусь жизни, выполняя повеление, нежели вернусь назад». Так и не смогли уговорить его.

Через несколько дней отправился Иван к обители преподобного; как и прежде, несли его слуги. Исполненный веры в святого, со страхом Божиим дал он обет: как только увидит обитель преподобного, то станет на ноги и пешком пойдет к ней. И вот слуги же вели его, а Иван шел с огромным трудом и горячо молился Богу и преподобному Макарию, надеясь принять прощение от святого.

Так привели его в обитель преподобного и ввели, по обычаю, в трапезную. Ожидая молебна, Иван после тяжкого пути возжаждал, и увидел он черпающего воду водочерпия и попросил: «Принеси мне немного воды утолить мою жажду». Водочерпий принес ему воды, и Иван выпил всю воду, потом во второй и третий раз принес ему воды. Сколько бы ни пил он той воды, ему хотелось еще. Семь раз пил он воду. Слуги Ивана дивились: их господин никогда ничего другого так не пил. Спросил Иван водочерпия: «Откуда вода и почему она так сладка? На устах моих сладость „слаще меда и сот медвяных"». Ответил ему водочерпий: «Есть здесь колодец, выкопанный руками преподобного отца нашего Макария Желтоводского; мы пьем воду от колодца того и молитвами святого излечиваемся от болезней».

С того времени прекратилось у Ивана воспаление внутренностей, и принял он молитвами святого великое облегчение. Начался молебен, после которого Иван отправился своим путем, вознося радостные молитвы Макарию, давшему ему исцеление.

О юноше, укравшем мед из улья

В обители преподобного Макария жил некий юноша клирошанин по имени Алексей. Однажды этот Алексей, прельщенный бесовским обманом, похитил мед из монастырского улья, из которого брали воск на свечи к иконе святого и для панихид. Игумен узнал, что украл мед Алексей, и начал расспрашивать его. Отрицая свою вину, тот поклялся именем Макария чудотворца. И в тот же миг померкли его глаза, и стал он слеп. Ожесточившись сердцем, но так и не раскаявшись, покинул Алексей святую обитель.

Через несколько дней, осознав свои прегрешения и раскаявшись, юноша вернулся в обитель и исповедался в грехе своем перед игуменом, прося прощения. Настоятель тогда привел его ко гробу

преподобного Макария и стал служить молебен по обычаю. Начал юноша плакать у гроба и просить прощения, и был возвращен свет глазам его. Восславил Алексей Бога и угодника его чудотворца Макария и остался с радостью жить в обители.

Чудо святого Макария о избавлении от болезни некоей боярыни

Жила в городе Чухломе некая боярыня, вдова по имени Мария. Она сильно страдала от болезни, сопровождавшейся судорогами. Узнала она однажды, что у гроба Макария происходят великие чудеса, и повелела слугам своим отвезти ее в обитель чудотворца Макария. И они привезли ее.

Принесли ее ко гробу святого, и игумен по обычаю начал молебен. Она же лежала и не могла шевельнуть ни единым членом своим, только плакала и молила преподобного о прощении. И понемногу стали освобождаться члены ее, она, не вытерпев боли, заплакала еще сильнее. Тут все окружающие услышали, как затрещали ее сухожилия, и весьма удивились этому. После окончания молитвенного правила игумен по обычаю окропил Марию водою чудотворца Макария. С того часа она полностью выздоровела молитвами святого, встала сама с ложа своего, получив прощение от святого, отошла от гроба, никем не поддерживаемая. Отправилась она в обратный путь, радуясь и хваля Бога и угодника его чудотворца Макария.

Чудо святого Макария о некоем боярине

Некто Алексей Коровин, сын боярский из города Галича, 3 года лежал парализованным на своем одре, не владея ни единым своим членом. В те времена разнесся слух о чудесах преподобного отца нашего Макария Желтоводского. Алексей тогда начал молить своих слуг, чтобы отвезли его поскорее в обитель святого. Слуги, как всегда, выполнили повеление своего господина, привезли его в монастырь и отнесли в церковь ко гробу святого.

Игумен начал по обычаю петь молебен. И тут Алексей встал и со слезами просил преподобного о прощении. Это было славное чудо, ибо 3 года он не вставал с одра, и носили его на руках. Ныне же молитвами преподобного он получил прощение и выздоровел. Отошел он от гроба святого сам, без поддержки. И возвратился домой со своими слугами, радуясь, славя Бога и угодника его чудотворца Макария.

Слово о некоем христианине, как святой Макарий избавил его от лютого недуга

Некий человек по имени Карп из города Унжи сильно страдал пьянственным недугом (я не осуждаю его, но судит нас всех и во всем общий Владыка наш Иисус Христос). Кроме того, был тот Карп очень злобен. Жена Карпа, Елена, была добродетельной и боголюбивой женщиной и имела великую веру ко преподобному Макарию. Каждый год в день памяти святого приносила Елена в церковь свечи и ладан и заказывала иерею принести святую и бескровную жертву Господу

нашему. Дома же в этот день устраивала трапезу для иерея и для страждущих нищетою во имя Христово, а после трапезы оделяла нищих подарками. И все это она делала в честь преподобного Макария.

Ее муж Карп был ослеплен пьянством, и от того безмерного пьянства лишился он ума, часто попадая в бесовские сети. Невзлюбил он жену свою, мучая ее разными муками, да так, что от побоев трещали кости. Много дней он мучил ее, не переставая. У женщины той истощилось терпение, да еще вмешался тут дьявол, искони ненавидящий род человеческий. Стала женщина замышлять на себя, чтобы повеситься или утопиться: не могла она больше терпеть мук. И однажды она решилась наконец утопиться. Встала она ночью и пошла к колодцу, плача горько Господу Богу, призывая благоговейно святого Макария.

«Когда же подошла я к колодцу, то увидела там честного мужа в прекрасных сединах, облаченного в иноческую одежду».

Ужаснулась женщина, недоумевая и не смея приблизиться к колодцу.

«И не знала я, что сказать. Едва поборов страх, смогла я спросить у него: „Кто ты, господин отец?” Он же отвечал мне: „Женщина, отойди от колодца, чтобы не пострадать тебе горче прежнего. С этого времени не будет у тебя больше скорби. Я Макарий Желтоводский, пришел избавить тебя от потопления”. Я поклонилась ему земным поклоном, и с той минуты он стал невидим. Наполнилось радостью сердце мое, возвратилась я домой и рассказала мужу и соседям о том, что видела».

С тех пор переменилась скорбь этой женщины на радость, и вместе с мужем восславила она Бога и угодника его чудотворца Макария.

Сказание о чудесах преподобного отца нашего Макария Желтоводского и Унженского чудотворца

Благослови, отче!

Велика и разнообразна милость Божия, и человеколюбие Господа нашего Иисуса Христа, и благодать Святого Духа, дарованные обильно человеческому роду. Говорю вам, братья доблестные, христолюбивые послушники, чада церковные, сыновья света и причастники Царства Небесного, и не от своего сердца изношу слова, — в душе грешной не рождается ни дела доброго, ни слова полезного, — но творю повесть эту о чудесах преподобного отца нашего Макария.

Неизмерима небесная высота, неиспытана преисподняя глубина, как несчетно песчинок на морском берегу или число звезд. Таково же и таинство Божественного домостроительства: велика и неизреченна милость Божия на человеческом роде, помилованы мы были ее ради, и поэтому должны сейчас, братья, петь и прославлять Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, исповедуя великие его чудеса, которые он творил через своих святых, среди которых и блаженный отец наш Макарий. Желание похвалить его ныне движет нашим языком и заставляет вспомнить это преславное чудо.

Было это в 1615 году, во дни благочестивого и христолюбивого царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца, во второе лето его царствования. В Кинешме на посаде жил человек по имени Варфоломей, и была у него трехлетняя дочь. И внезапно случилась с ней лютая глазная болезнь, так что свет пропал из очей. Семнадцать лет она не видела солнца и ничего другого. Ходила, осязая вокруг руками, или с провожатым.

Однажды услышал ее отец о чудесах преподобного чудотворца Макария Желтоводского и Унженского, взял дочь свою и пришел к обители Святой Троицы к целительному гробу святого. Было это 25 июля, в день памяти святого. Во время молебна поставили слепую девушку близ раки, и начала она молить с теплой верой и со слезами: «О раб Божий преподобный Макарий! Молю тебя и призываю себе на помощь. Будь ходатаем и молебником ко Христу Богу нашему и ко Святой Богородице обо мне, грешной. Я овца из ограды истинного пастыря Иисуса Христа. Не знаю, где я заблудилась, и отошла от пути истинного, и впала в ров погибели. Восстала буря ветреная, взметнулся песок и ослепил мне глаза. Уже 17 лет не вижу я ни света, ни чего-либо другого. Но ты, преподобный, умилосердься, глядя на мое убожество, направь меня на путь спасения своими ко Христу молитвами. Онемел язык мой, постоянно вопрошая: „Ночь сейчас или день?” Ослабели руки от осязания стен, и голова моя болит от ударов об углы или о столпы, ноги мои одеревенели, спотыкаясь о камни, очи же иссохли от потоков слез. Святче Божий Макарий! Если ты захочешь, то сможешь умолить Всемилостивого Бога, дающего свет всякому дыханию, чтобы твоими молитвами отверз он мне зеницы, чтобы могла я узреть твоих мощей многоцелебную раку».

Игумен с клирошанами сотворил молебен. И внезапно Милосердный Господь по молитвам преподобного даровал девице свет. Возопила она со слезами: «О великое Божие милосердие, о пресветлый светильник, о пресветлое светило чудотворец Макарий! На мне, убогой, во мгновение ока сотворил ты свое преславное чудо. Семнадцать лет я не видела ни света, ни солнца, ныне же, с твоей помощью, вижу твою многоцелебную раку».

Родители тоже проливали от радости слезы и воспевали хвалебные песнопения преподобному, повторяя слова Давида: «Сей день, который сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день». И, радуясь, пошли домой.

Здесь кончается повествование о предивных чудесах преподобного отца нашего Макария.

ЖИТИЕ КОРНИЛИЯ КОМЕЛЬСКОГО

Подготовка текста и комментарии А. Г. Сергеева, перевод А. А. Романовой

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие св. Корнилия Комельского — памятник вологодской житийной литературы второй половины XVI в., посвященный св. Корнилию (ок. 1456—1538 гг.), основателю Введенского Комельского монастыря на юге Вологодского края, недалеко от современного г. Грязовец. Монастырь быстро превратился в крупный духовный центр; согласно сохранившимся известиям среди учеников св. Корнилия было 8 основателей севернорусских монастырей — общерусских или местночтимых святых (святые Кирилл Новоезерский, Геннадий Костромской, Адриан Пошехонский, Филипп Ирапский, Иродион Илоезерский, Даниил Шушгорский, Симон Сойгинский, Зосима Ворбозомский). Житие известно в нескольких редакциях XVI—XIX вв.: Ранней, Основной, редакции с чудом 1651 г., Сийской, Архивской, Сокращенной, Особой, трех проложных редакциях. Ранняя редакция Жития возникла, по-видимому, на основе уже существовавших записей о поучениях и чудесах святого в 60—70-е гг. XVI в. В 1589 г. Житие было дополнено иноком Корнилиева монастыря Нафанаилом, создавшим таким образом Основную редакцию.

Текст Жития издается по старейшему из известных списков, содержащему текст Ранней редакции: *РНБ,* Кирилло-Белозерское собр., № 28/1267, последняя четверть XVI в., л. 1—73 об.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА МАИА В 19. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО КОРНИЛИЯ, ИЖЕ НА КОМЕЛЬСКОМ ЛѢСУ ПРЕЧЕСТЕНЪ МОНАСТЫРЬ ПОСТАВЛЬШАГО ПРЕЧИСТЫЯ ВЛАДЫЧИЦА НАШЕЯ БОГОРОДИЦА ЧЕСТНАГО ЕЯ ВВЕДЕНИЯ И В НЕМЪ ОБЩЕЕ ЖИТИЕ СОСТАВЛЕШЕ*ГО*

Разумъ убо православнымъ християномъ духовных мужь жития ползы ради испытовати и словесы онех ползу приимати, по реченному: духовнымъ духовная прилагаютца, и онѣхъ поучение во умѣ имуще помалу помалу ревнующе ихъ въ плоти пребывания, на ревность душю по возможному възводяще. Мы убо, здѣ в монастыри сѣдяще, от многих слышимъ помышляющимъ и глаголющим: како в малое время сей святей обители цветущей и впредь поступающей; паче же видяще чинъ, и устроение, и благочиние велие. И просяще кождо их: дадите намъ житие написано святаго старца вашего, господина нашего Корнилия, слышимъ бо от многих окрестъ живущихъ знамениемъ нѣкимъ бывающим от гроба святаго старца Корнилия. Мы же, вѣдуще нравъ старца своего, яко въсѣми образы укланяющеся похвалы от человѣкъ, взираше бо на болшее мздовъздаяние, и сего ради аще и мы желаемъ писанию предати, яже видехомъ и слышахом ото устъ святаго старца, но обаче ленивѣйше бываем, аще неугодна будетъ отцу нашему и

вмѣсто от него помощи съпротивное обрящемъ. Ибо и в Лѣствице[1] писано: еже убо святых жития похваляти добро, а еже ревновати спасению ходатайствено, а еже единицею подобитися безсловесно и немощно.[2] Но обаче подобаетъ намъ в памяти имѣти наказание и предание старца Корънилия, не яко оному хотящю от насъ славиму быти, но мы своея ради ползы понудихомся написати. Аще и грубе зѣло, но обаче помыслъ зритъ на исправление душамъ, вѣрующим житию и поучению святаго. Мы бо аще и недостоини есьмы ученици его нарещися, но убо рукоположению от святаго сподобихомся, не въ извѣстныхъ словесѣхъ память держимъ жития святаго старца, но между собою, въ обители его пребывающе, глаголемъ о немъ и пишемъ, поощряюще свою совѣсть, и просвѣщаемъ душа наша памятию отца нашего.

О рожении святаго

От славънаго града Ростова, от благочестиваго корени израсте доброплодная розга, от славныхъ родителей, иже многимъ богатствомъ цветущеи паче всѣхъ въ градѣ Ростовѣ. Сей святый чюдный отрокъ родися от отца Феодора и матере Варвары. Той же Феодоръ не незнаемъ сый и самодеръжавному всея Русии, еже и преселитися ему от Ростова повеленно бысть во имя великия княгиня Марии, послѣди же Марфы,[3] еяже имя имянито паче всѣх прежде ея бывших благочестиемъ и милостиею. Сего ради убо обрѣтши того Феодора, благочестива мужа и житие незазорно имуще. Брату же его Лукияну преже его за много время диячески чинъ держа*вшу****[4]*** сея блаженныя и приснопамятныя великия княгини Марии, во инокинях Марфы. Всякъ духовный съвѣтъ Лукиянъ вѣдый и всегда на добро совѣтуяй, сего Феодора, брата его, с детми пресели на Москву, егоже сынъ четвертый, отець нашь, еще сый въ юности, в написании бысть единъ от всѣхъ двора сея благовѣрныя великиа княгини Марьи.

О пострижении святаго

Лукиянъ убо, стрый ему, оставль миръ и иде в Кириловъ монастырь,[5] и бысть мних. С нимъже и сей отець нашь Корнилие бысть мних вкупе въ единомъ монастыри, еще сый тогда двою десяти лѣтъ. И горящимъ желаниемъ божесътвеныя любве присно расъпалаемъ, своему наставнику, Генадию именемъ, без лѣности повинуяся и всяку службу работъную прошед. И по седмих лѣтехъ из монастыря изыде и, шед во свое отечество в Ростовъ, и увѣща своего по плоти брата именемъ Акинфия, и приведе и́ в монастырь, и инока сотвори, и нарекоша имя ему Анфим.[6] Сам же болшимъ трудомъ касашеся, великими работами монастырьскими дручаше тѣло. Кто бо не вѣсть Кириловския хлѣбни?! Не токмо свой черед провожаше, но и *за* братию с любовию страдаше. И желѣзы тяжкими связываше тѣло. И нѣкто бо от ту сущих братъ поругася сему и обольсти его коварствомъ: виною благоговѣйною вземше у него ихже ношаше желѣза *и* повелѣ в них прековати топоры. Он же, по службамъ тружаяся, такову тягость на себѣ имѣя, к сим же и книги писаше в церковь, свидетели же симъ книги его в Кириловѣ и нынѣ.[7]

Таже по томъ изыде блаженный ис Кирилова монастыря и, по лѣствичному послѣдованию,[8] вдасть себѣ страничеству, искый ползы отвсюду. И обшед монастыря и пустыня и когождо добрыя нравы и жи*тие* смотривъ, и от всѣхъ приплоди сѣмя вѣры, дѣлъ добрыхъ и въ своей души вложивъ. Потомъ прииде в Великий Новъград ко архиепископу Генадию[9] и пребысть у него время немало. Архиепископъ же позна святость старчю, яко премудростию духовною и раз*у*мом и словомъ украшенъ, възлюби его велми, послѣди же и священьству сподобити его хотя, аще тому и не хотящу, непщеваниемъ яко да держитъ его у себе. Старець же от архиепископа священический санъ прияти сподобитися и священнодѣйствовати и жити же у него не восъхотѣ, но умоли его, да безмолъствуетъ в пустыни. И отпущенъ бысть *от* него, и пребывая в пустыни близъ Великого Новаграда. Много же потребныхъ архиепископъ посылаше к нему в пустыню, самого же старца призываше к себѣ часто бесѣды ради духовныя. Послѣди же и самъ прииде архиепископъ в пустыню къ старцу посѣщения ради, старцу же тяжко сие быти помышьляя.

Таже и множество народа начаша к нему приходити ползы ради и пресѣцаху ему безмолвие; остави мѣсто то, отиде ко Твери и тамо въдворися в пустыню близъ Саватиевы пустыни.[10] Но и тамо познанъ бысть и не оставляше его безмолъствовати. Онъ же, боголюбець сый, и ненавидя славы человѣческия, и ту остави пуст*ы*ню. Таже покусився не въ единомъ мѣсте безмолъствовати на пустех мѣстех, но не благоизволи Богъ, да соберутся к нему братия.

Послѣди же, при державѣ великого князя Ивана Василиевича,[11] всея Русии, и благословениемъ преосвященного Симона митрополита, от негоже иерей бысть,[12] в лѣто 7005 прииде блаженный Корнилие на Комельский лѣс, бѣ бо тогда непроходимъ. И ту обрѣтъ храмину разбойническу и вселися в ню, и начатъ отребляти мѣсто то, и помощию Пречистыя Владычица нашея Богородица поткну кущу.[13] И ту всяку страсть претерпѣ, от бесовъ же, и от человѣкъ, и от разбойниковъ. «Отиди, — глаголаху, — от места сего, да не злѣ умреши». Началник же убо разбойникомъ мѣста того погибе, и дружина его исчезоша, молитвами святаго Корнилия. Иногда же безмолъствующу ему, нападоша нань разбойници, мняще имѣние у него обрѣсти, и ничтоже обрѣтоша развѣ книгъ. И вземше книги, отидоша, и блудиша всю нощь по лесу, и велми утрудившася, възлегше, почиша. И заутра, въсътавше, обрѣтошася близъ кельи преподобнаго, и познавше грѣхъ свой, пришед, отдаша книги, прощения от него просиша. Святый же паки прости ихъ и отпусти ихъ, отоидоша с миромъ. Отець же нашь оттудь отраду приимъ, начатъ прилѣжнѣе быти на мѣстѣ томъ, тружаяся велми. И помышляше труды питати себе и сущихъ с нимъ: начатъ тяжарь быти, якоже Ной праведный по потопѣ,[14] лѣсъ сѣкий и нивы насѣвая, и приходящая приемля и мимоходящаа кормляше. И помалу помалу Пречистыя помощию церковъ постави во имя Пречистыя Владычица нашея Богородица, честнаго и славнаго ея Введения. Братьи прибываше, и молитвъ множашеся.

Но кто доволенъ словесы обличити и сказати повестми, яже сотвори труды и подвиги на мѣсте томъ. Ово убо от злодѣй биенъ бысть, едва

дыша прииде, ово же древо паде нань без вѣтра. Братия бо вси без вреда мимо идоша то древо, оному же яко пастырю, вслѣдъ братьи идущи, падеся на него древо дияволимъ дѣйствомъ, и болѣзнуя близъ смерти дванадесят седмиць, со одра недвижимъ пребысть. И едва устрабися от болѣзни тоя, прииде же некогда к дѣлателемъ, и сѣде на стромнинѣ, и абие внезаапу падеся долѣ, и възболи паче перваго, и от сего едва смерти гонзну. Иногда же приведенъ бысть зѣлне главу язвену имѣя от древа падшаго нань. Что навѣти от зависти и ненависти, от чюжих и от своихъ клеветы и досады, и до самого державнаго доидоша нань. Он же яко камень адамантъ пребыше, въ злых пребываше благодарьсътвуя. Скудость же и поношение и прещение како могу исписати.

Братьи же множася, нужа есть мѣсто распространити. Корнилие же, Вышняго положивъ прибѣжище, начатъ елика сила дѣлу касатися. И Богу помагающю ему, молитвами Пречистыя Владычица нашия Богородица, распространи мѣсто и собра множество братии. Увѣдено же бысть боголюбивому великому князю Василию Ивановичю[15] всея Русии о старци Корнилие добродѣтелное и трудолюбное его житие, и чтяше его велми. Таже и ото всѣх познанъ бысть, и начаша отвсюду приходити к нему и моляху его прияти иноческий образъ. Он же приимаше с вѣрою приходящих, поминая слово Господне, глаголющее: «Приходящего ко мнѣ не иждену вонъ».[16] И постризаше их, съчетааше з братиею, и печашеся о нихъ, яко отець чадолюбивъ и истинный пастырь, радяше о овцахъ.

Умножившу же ся стаду Христову словесных овець, сирѣчь братиямъ, церковца же мала бѣ преже. Святый же старець съвѣтъ з братиею сотвори, създати понужаше их болшюю церковь. Они же с радостию обѣщашяся тако быти. Блаженный же старець молитвы со слезами присно къ Господу Богу принося, глаголющему: «Без Мене ничтоже можете творите»,[17] да некако начало положатъ основания, къ свершению ослабѣютъ. «Господь волю боящихся творитъ и молитву их услышит»,[18] и овому даст художество къ взграждению стѣнамъ церковънымъ, другимъ же мудрость писати образы святыхъ иконъ, инем же рѣзати честныя кресты, другим же писати книги, здѣ благовремянно есть рещи, якоже древле Веселеилу и прочимъ, иже при Моисеи къ составлению сѣни.[19] И поспешениемъ Божиимъ и помощию Пречистыя Богородица и молитвами старца Корнилия и труды блаженных его ученик, паче же постомъ и слезами, создана бысть церковь превелика. И освяти олътарь въ имя Пресвятыя Владычица нашия Богородица и Приснодевы Мария честнаго ея Введения, в лѣто 7023-го, при дръжавѣ великого князя Василья Ивановича всея Русии, и благословениемъ преосвященного Варлама митрополита,[20] всея Русии, по пришествии старца Корнилиа на мѣсто в 19 лѣто. И украсиша ю благолѣпотнѣ, *яко* невѣсту предобру, образы святых иконъ и книгами. И служителя церковн*ы*я устави: священики, и диаконы, и четца, и певца, и еклисиярхъ,[21] и весь чинъ, якоже лѣпо быти в великихъ лаврах.[22] И по том създа и другую церковь, с трапезою, и освяти алтарь во имя преподобнаго и богоносного отца нашего Антония Великаго Египетского.[23] И по сем наченъ здание келейное, и устроивъ четвороуголенъ образъ монастырю, келью къ кельи

совокупивъ, ихже посреди стоятъ церкви, якоже нѣкия очи зряще всюду. И потом постави болницу, и хлѣбопечницу, и поварню, созда же и богадѣлню внѣ монастыря, страннымъ на покой. Устави монастырьскому строению кѣларя и прочая служебники, хлѣбопечца и повары, и нарядники дѣлатаремъ.[24] Сам же болма подвизашесе день и нощь, и во вся службы призираше, и всѣхъ обхожаше видети тр*у*жающихся в монастыри и на нивахъ, и всѣхъ посещаше и утѣшение подаваше противу труду *с*воему когождо ихъ. О прочих же самотворении его нѣсть мощно исповѣдати, сказания бо дѣло се, а не жития повѣсть.

О приходящих ко святому ползы ради

Множество же людей от многихъ странъ к нему прихожаху, овии благословение хотя получити, овии же въпросити о нихже имяху недоразумных, инии же раздрѣшение ищуще различных нѣкоих душевныхъ и телесных. Корнилие же, дарованиемъ Божиимъ, приходящих к нему с вѣрою вся раздрѣшаше, и вся сказываше и всѣхъ благословяше и утѣшаше, и ни единаго скръбна отпущаше. И обаче сия добрѣ имяху*ть* ему, начатъ прочее полагати церковныя уставы и образы благочиния, и законъ и правила душеполезна, по заповѣди Христове, и по преданию святых апостолъ и преподобн*ы*х и блаженных отець, и по Уложению Великаго Василия,[25] — когда пѣти Бога лѣпо есть бдением въ дневных и нощныхъ службах, и еже не оставляти кого бесѣдовати въ славословии или празднословити и не пѣти, но ниже часто входити и исходити коему егда любо хощетъ, ни дѣяти кому что множае повелѣнных, но коемужьдо въ свое время довлѣтися своею служебною властию, и всякия работы монастырьския творити по благословению настаящаго. Всяческую же добродѣтель тщашеся преже сам исправити, сице и братию учаше, еже призирати плоть, преходитъ бо, всякое же тщание и прилѣжание о души творити, о вещи бесмертней. И ни в чем же воля своея не творити и тѣснымъ и прискорбнымъ п*у*темъ шествовати, ведущимъ в животъ вѣчный, широкого же и пространного пути всячески удалятися, ведущаго в пагубу.[26]

О крестѣ и мнисе Анании

Егда же прииде преподобный Корнилие на мѣсто се, тогда сътвори крестъ и постави его вдалѣ от монастыря единого поприща[27] на дорозе. Мимоходящии же и недужнии приходяще с вѣрою, покланяющеся ему, и молящееся насъ ради распятому Господу нашему Исусу Христу и Пречистой его Матери, и святаго старца молитвы призываху на помощь. И приемляху здравие душевное и телесное и облегчение путешественое, и полагаху милостину на препитание пустыни, и отхожаху. Нѣкоему же брату, именемъ Анании, повелѣнно бысть от святаго принимати милостыню ту и относити в монастырьскую казну. Он же даяная *приемля,* и ова приношаше в казну, иная же сокрываше себѣ, другая же отдаваше, ямо же онъ хотяше, без благословения святаго Корнилия, бѣ бо заповедано от него всѣй братьи ничтоже принимати или даяти без благословения настоящаго. Въ время же Божественыя литоргия, егда хотящимъ братиям приимати святую дору,[28] — преже приходяще и покланяющеся Пресвятей Богородици,

на иконѣ написаннѣй, на руку имущи Господа нашего Исуса Христа, и целующе святую икону и приимаху дору от руку преподобнаго. Предреченный же братъ Анания, о немже нам слово предлежитъ, поправъ свою совѣсть, и страха Божия не убоявся, и заповѣди святаго ни во что же вмени, прииде съ прочею братиею целовати святую икону. И абие икона вверх возвысися от него. Ему же мало отступльшу, прочая братия невозбранно целоваху. Ему же зрящу сия, и начатъ покушатися второе на целование иконы, и паки икона от него возвышашеся. Он же позна свое согрѣшение, отшедъ, начатъ плакати горко, и пришед къ старцу Корнилию, покаяся и исповѣда ему вся сия. Святый *же* наказавъ его къ тому таковая не творити, и прости его, и повѣда инемъ преподобны ползы ради. Мы же о семъ извѣсто испытавше того самого брата Ананьи, сказа намъ такоже, яко же и святы намъ исповѣда. Мы же сия и писанию предахомъ.

О хлѣбопечце

Иногда же нѣкоему брату от преподобнаго повелѣнно бысть болшину имѣти над хлѣбники. Единою же запять ему врагъ, не восхотѣ благословитися у старца Корьнилия и спече хлѣбы. Сие же увѣде старець, восхотѣ брата ползовати, да и прочии страхъ имут: повелѣ хлѣбы тии в сани вкласти и испровреци на пути мимоходящимъ, и бѣ ихъ два воза. Сице рек: «Да ниже пси снедятъ нашия ограды неблагословеннаго сего хлѣба». Братъ позна грѣхъ свой, прииде ко святому, и покаяся съ слезами и прощения прося. Святый же поноси ему впредь не дерзати, и поучи его сице не творити, и просьти его.

О нарядницѣхъ

Инѣма же двема братома порученно бысть от святаго за дѣлатари наряд. И симъ вложи дияволъ ненависть на святаго, и зѣло ненавидяху его, и восхотѣша убити его, святому же отцу нашему не вѣдущу сего. Они же изысковаху времяни и мѣста, еже сотворити злое свое желание. И бѣ мостъ близъ монастыря чрезъ рѣку Нурму, святый же обычай имяше всегда посещати на нивах дѣлающих и начасте шествоваше мостъмъ за рѣку Нурму. Ти же съвѣщавшеся на злое свое дѣло, и сташа под мостом, ждуще святаго, да сотворятъ злое свое дѣло. И зря преподобнаго со множеством людии гряду*щ*а на мост. Они же от страха крыющеся, да не ощютитъ их святый; блаженный же преходя их единъ. Онѣмъ же зрящимъ, яко людие мнози с нимъ, и въслѣдъ его идущи на порученное има дѣло, и видяху старца Корнилия единаго пришедшаго, и почюдишяся. И сие не единою, но и до трищи творяху, и то же видяще, Богу хранящу своего угодника молитвами Пресвятыя Богородица. Послѣд*и* же нападе на них ужас и страх велий и убоявшеся Божия суда, и свое согрѣшение познавши, и видяще незлобие святаго, и припадоша к нему со слезами, и покаяшася, и исповѣдаша бывшая вся по ряду. Блаженный же поучи ихъ от Святых Писаний и прости имъ грѣхъ, и прочее утѣши их, и отпусти их с любовию, которогождо их на свою службу. Послѣд*и* же тѣ два брата послушание имяху со в*ся*цемъ тщаниемъ к наставнику своему, и молитвами его избавлени быша ненависти злыя. Сия же мы от самого отца нашего слышахомъ и писанию предахомъ.

О позднохожении святаго

Обычай же имяше преподобный в вечеръ глубокъ мол*ко*мъ кельи обходити, слушая кто что творяше.[29] И аще киих ощущаше от братеи на молитвѣ стоящихъ или книги почитающихъ, или во псалмѣхъ поучающихся, или плачущихся о грѣсех своихъ, или поклоны творя*щ*их, о сих благодаряше Бога, млъком отхожаше. Аще ли кыя обрѣтая бесѣдующихъ и глаголющих не на ползу души и празднословящих, о сих негодоваше и ударяя перъсты во оконце, симъ назнаменуя свой приходъ.

О поучении святаго

Многажды же, егда поучаше на соборѣ, въспоминаше им и о семъ, к тому тако не творити, а не на имя коегождо обличаше. Но кождо вѣдый себе такова суща, мняше его ради поучение се бысть и обличение. Глаголя имъ: «Чада, елика есть крѣпость ваша, подвизайтеся о своемъ спасении, прежде да же не приидет время, в неже хощем неутѣшно плакати, аще нынѣ обленимся». Они же, припадающе к ногам святаго, прощения прося. Он же наказавъ их доволно, прости их; аще видевъ кыихъ ожестѣвающихся, епитемьею[30] тѣхъ възъдражаше. И тако Божиею помощию и Пречистыя Богородици, и молитвами преподобнаго Корнилия братия исправляхуся, плод приношаху благопотребенъ, боящеся, да не к тому поношаеми будутъ от святаго.

О даянии милостины на празники

Иногда же празднику пришедшю — Антония Великаго память; обычай же имяше старець Корнилие на пъраздникы Введения Пречистыя и преподобнаго Антония нищимъ милостину даяти по рукамъ, коемуждо по дензе, к сим же и по просвирѣ, и хлѣбомъ одѣляше. Богъ же хотяше искусити вѣру раба своего, оскудѣнию бывшу велию в монастырѣ. И приспѣвшу празднику Антония Великаго; нищим же по обычаю собравшимся множеству в навечерии праздника, блаженному же не имущу милостыня что дати имъ. И о семъ благодаря и моляшеся Господу Богу и Пречистой его Матери и преподобному Антонию Великому, не презрѣти моления его, но послати милость свою на братию свою, на нищих. Утру же бывшу, освитающю дни, прииде от самодержавнаго государя великого князя Василия Ивановича всея Русии посланникъ и подасть святому писание от государя, повелѣвая молити Господа Бога и Пречистую его Матерь и великих чюдотворьцевъ о его здравии и о его великой княгинѣ Еленѣ,[31] и милостину вдасть — двадесятъ рублевъ с рублемъ. Блаженный же сия приимъ, и благодаряше Господа Бога и Пречистую его Матерь и преподобнаго Антония Великаго, не презряще моления его. И молебная сотвори за государя и милостинею нищихъ обдели с любовию, яко от Бога посланная их ради. Мы же сие видѣхомъ скорое Божие посѣщение и неуклонную святаго вѣру, и прославихомъ Бога, и сие писанию предахомъ.

О гладу

Нѣкогда же гладу превелику належащу на Вологдѣ и въ предѣлех вологоцких. Толма дорого цениша рожь, — по рублю четверть и свыше, — но и тою великою ценою едва обрѣтаху купити.[32] И в то въ гладное время мнози прихожаху от многихъ странъ в домъ Пречистыя, страннии и нищии, и окрестъ ту живущии, удручимыи от глада того превеликаго. Отець же нашь Корнилие всѣмъ подаваше без осъкудѣния пищу и милостину по вся дни. И мнози приношаху младенца своя и пометаху под стенами монастыря, святый же всѣхъ приемля и отсылаше к детемъ на дворец,[33] и тамо учрежаше их покоемъ всякимъ. И в то нужное время Пречистые обитель не оскудеваше, наипаче множася потребных в монастыри, молитвами Пречистыя Богородица и преподобнаго Антония и отца нашего Корнилия.

О видѣнии святаго

Память творящу блаженному Корнилию, преподобнаго Антония Великого, нищих множество събравшихся. И по обычаю ему делящу ихъ милостынею своею р*у*кою по просвирѣ и по дензе, к сим же хлѣбъ и колачи. Нѣции же от нищих не единою, но и вторицею взимаше, инъ же и до пяти кратъ взятъ. Святому же Корнилию не зрящу на лица, но токмо руку простершему даяше. Приставници же, видѣвше взявших множае, повѣдаша блаженному. Он же глаголаше: «Не дѣйте ихъ, того бо ради пришли». Дню же к вечеру преклоншуся, и по соборъномъ пѣнии, в вечеръ глубокъ, стоящу святому на обычномъ своемъ правилѣ, и сѣде на лавице, мало ногам опочинути, и сведенъ бысть в сонъ тонокъ. И зритъ пришедша к нему старца святолѣпна, сединами украшена, во объразе Антония Великаго, и емше его за руку и рече: «Корнилие, гряди по мнѣ». И изведе и́ на нѣкое полѣ равно и показа ему на ед*ин*ой странѣ поля просвиры, а на друзей колачи. Рече ему: «Се твои просвиры и колачи, ихже далъ еси нищимъ, простри одеяние свое», ему же простершу. И нача класти в припол просви*ры* и колачи, дондеже начаша пресыпатися от преисполнения. Он же возбнувъ, и в себѣ бывъ, и дивляхуся чудному видѣ*ни*ю. И повѣдаше намъ сам сия старець Корнилие со слезами, и заповѣда нам не токмо при своемъ животѣ творити милостина несъкудно нищимъ, но и по своемъ преставлении. Мы же написахомъ сия памяти ради, аще будеть угодно Богу житие старца Корнилия, да и сия незабвена буди.

О уставѣ монастырьстемъ и о молитвѣ братстѣй

По сих же блаженый Корнилие устави всѣмъ братиямъ, сущимъ в ручных дѣлехъ и во всѣхъ службахъ, не празднословити, но пѣснословити или молитву Исусову глаголати непрестанно, и благодарити Бога и любовъ имѣти межу собою. Такоже и приходящая приимаше и наказоваше жити по преданию и по правиломъ святых отець. И всѣхъ поучаше страху Божию и трудолюбию, яко праздну никомуже не быти и своея воля не творити никакоже, но вся с повѣлѣниемъ настоящаго. И сей уставъ положи нерушимъ не точию внутръ обители седящеи и дѣлающеи что, но и внѣ где служащимъ, или жито из житници приносящимъ, или муку с мелници, или иная кая служащимъ, — вся сия не празднословиемъ, но с пѣниемъ и с моли*т*вою,

да благодарится Богъ, питаяй и окоръмляа насъ, и дѣло благословится, и душа освятится.

Елико же множашеся стадо его, толико и подвигомъ болшим приимашеся, воздержанию присному прилежа, и бдѣнию вящшему и посту протяженному, и вкратце рещи, вся жизнь *его* постъ бяше. Желание присно имѣя упраздн*и*тися, наединѣ безмолствовати, еже есть мати безгрѣшию. И написа пятнадеся*т* главъ о церковнемъ благочинии, и о соборнѣй молитве, и о благоговѣиньствѣ, и благочинии трапезномъ, и о пищи и о питие, и о одежах и о обущах, и не просити кому что от мирских, и не имѣти особнаго стяжания, и не взимати нигдѣже что без благослове*ния* игумена, и не приходити безвременно в трапезу и во служебныя келия. И вкупе братиям сходящимся на дѣло, творити с молчаниемъ и молитвою, и из монастыря нигдѣже без благословения не исходити, и не приимати братиямъ милостины по рукамъ себѣ ни от когоже, и не быти питию пияньственому ни от когоже, и о прочемъ строении монастырьстемъ.[34] И сия написания предасть братии, заповѣдая имъ, яко да ничтоже разорится от законаположения общаго жития по написанию его, много бо велми печашеся о семъ, и устроивъ монастырь всяки*ми* потребами душевными и телесными ко спасению иноческаго жителства. К сим же и пруды ископа велии. По сих же призываетъ весь ликъ ученикъ своих своеа ограды, и избра от них дванадесять,[35] и тѣмъ вручаетъ монастырское строение и с ними всей братие, и прося от них отпущения наединѣ безмолъствовати. Братия же с плачемъ моляху блаженнаго, еже не оставити ихъ сирыхъ, но пребывати с ними. Онъ же, утѣшая их, глаголаше: «Братия, аще и тѣломъ кромѣ васъ буду, а душею все*гда с ва*ми есмь».

О о*т*шествии блаженнаго в пустыню

Блаженный Корнилие взятъ мало от братии, отиде вдале от монастыря яко 70 поприщь, на мѣсто пусто зовомо Сурьское езеро, на лѣсъ близъ Костромы рѣки. И ту начатъ со всяцемъ тщаниемъ и усеръдиемъ Господеви работати в безмолвии. Братия же съвѣтъ сотвориша, послаша нѣких от братия ко отцу своему Корнилию в пустыню, молити его, дабы не оставилъ их, чадъ своих сирых, яже собра. Святый же отречеся *им,* они же отоидоша, ничто же получивше. Святому же старцу безмолствующу в пустыни.

О шествии великого князя в Кирилов молитися

Тое же зимы изволися великому князю Василию Ивановичю всея Русии *ш*ествовати на Бѣлоезеро в Кирилов и с великою княгинею Еленою,[36] молити Господа Бога и Пречистую Богородицу и великаго чудотворца Кирила, въ еже датися има чадородию в наслѣдие роду самодержавства ихъ всеа Русии. И мимо грядый, прииде во обитель Пречистыя, Корнилие*ва* монасътыря, старцу же Корнилию не сущу во обители. Великодержавный же государь и с великою княгинею долговременнѣ помолися Пресвятей Богородици, и великому Антонию молебна съвершивши. Послѣди же вопрашаше братию: «Коее ради вины отиде Корнилие в пустыню, благочистивым ли помысломъ или нѣкоего ради неусътроения, рците ми». Братия же глаголаше: «Любве ради Христовы

о*т*оиде». И молиша самодержавнаго государя со слезами понудити отца нашего, дабы не оставилъ насъ сирых, не терпяху бо таковаго пастыря и учителя своего лишаеми быти. Самодръжавный же послуша моления и слезъ их и абие посла своего посланни*ка* в пустыню к старцу Корнилию, повелѣ ему быти в монастырь свой и ждати себе, дондеже возвратится ис Кирилова, сам же дасть братии милостину доволну, и учредивъ брашны, и поиде в Кириловъ. И тамо ему молебная съвершившю, и паки възвратися князь вели*кий* з Белаезера ис Кирилова. Отець же нашь Корнилие по повелѣнию великого князя прииде ис пустыни в монастырь свой, и взят с собою трех братовъ, и срѣте великодръжавнаго государя на Вологдѣ, и поклонися ему до земля. Князь же великий велми радовашеся о пришествии старца Корнилия и много почте его, и бесѣдова с ним о полѣзных доволно. И моли его о семъ, да молит Господа Бога и Пречистую его Матерь, въ еже дароватися ему чадородию в наслѣдие роду, и отпусти его в монастырь, послѣд*и* же и самъ касашеся путному шествию во царьствующий град Москву. И прииде второе в Корнилиевъ монастырь и помолися Пресвятей Богородици на многъ час, потом же глагола отцу нашему Корнилию, еже не оставити братии, но с ними пребы*ти* в монастыри своем, яже многимъ трудомъ собралъ еси, глаголя. Блаженный же старець Корнилие, предлагая старость и немощь, и не могущу ему строити монастыря, глаголя и моляше великаго князя, и моляше, да отпуститъ его в пустыню плакатися грѣх своих. Благочестивый же князь велики, вѣдый извѣстно старца Корнилия добродѣтелное и трудолюбное его житие, положи на воли его, бѣ бо милостивъ и зѣло почиташе его. И дасть ему милостину доволну и отпусти его в пустыню и тамо повелѣ ему и сущимъ давати с нимъ на препитание хлѣбъ оброчной. В монастырь же братии вдасть 50 рубьлевъ, повелѣ церковъ Антония Великаго с трапезою дъсками обити. И приимъ благословение от старца Корнилия, и прочее касашеся пути; послѣд*и* же и *Корнилие* отиде в пустыню и тамо пребываше, безмолствуя и моля Господа Бога и Пречистую его Матерь и великихъ чудотворцовъ за государя самодръжавнаго великаго князя Василия Ивановича всея Русии и за великую княгиню Елену, во еже датися има чадородию в наслѣдие роду самодержавства их всея Русии, и за вся православныя князи и христолюбивое воинство и за вся християне. И пребывающе в пустыни, и собрашася к нему братии числомъ шесть, и постави кельица мало. И потомъ помысли създати церковьцу малу, и о семъ моляшеся Господу Богу, да устроитъ вещь, якоже годѣ имени Его святому.

О пошествии святого ис пустыни въ царствующий градъ Мосъкву

Поимъ с собою единаго брата, и поиде в пресловущий град Москву, молити самодръжавнаго всеа Русии и пресвященного митрополита[37] да повелятъ ему создати церковь в пустыни. В то же время боголюбивому великому князю Василию Ивановичю, всея Русии самодръжцу, родися сынъ и нареченъ бысть въ святомъ крещении князь Иванъ.[38] И о семъ велми радовашеся радостию великою зѣло, и благодарение всылая Богови и Пречистой его Матери и великимъ чудотворцемъ, за яко услыша Господь молитву его и не презрѣ моления его, и от радости тоя великия прииде в Сергиевъ монастырь[39] помолитися Живоначалной Троицы и великому чудотворцу Сергию.

Блаженному же Корнилию приспѣвшу ис постыни в то время ту и поклонися самодръжавному государю до земля. Князь же велики радъ бысть о пришествии старца Корнилия и почти его велми и приимъ благословение от него, и посылаше его преже себе въ царствующий град Москву, да шед, благословитъ и великую княгиню, и Богомъ дарованнаго има сына, и сему бывшю. Великому же князю помолившуся Живоначалной Троицы и великому чюдотворцу Сергию и възвратившюся в пресловущий град Москву, и призываше блаженного Корнилия всегда на обѣдъ к себѣ, и на домъ потребная ему посылаше доволно по вся дни. Он же сия нищимъ и маломощным подавая тай, многовремянно же учрежаем и любимъ самодръжавным. Святому же старцу Корнилию молящу боголюбиваго великаго князя, да повелит ему создати церковь в пустыни. Князь же велики помяну моление и слезы братьи, еже моляху его в монасътыри понудити отца их Корнилия пребывати с ними в монастыри, и сего ради не повелѣ ему в пустыни церкви созидати, но понужаше й с прилежанием, дабы былъ в прежних своих трудѣх во своемъ монастыри со ученики своими. Отцу же нашему тяжко сие вменися, желание бо имяше еже наединѣ безмолствовати, изъбежати житѣйских молвъ и славы человѣческыя.

О взыскании святаго

Съкрыся блаженный и *п*ребываше у нѣкоего христолюбца в тайне мѣсте. Князь же велики посла на взыскание святаго по всему царьствующему граду. Святый же виде о себѣ велие взыскание, и отоиде в пречестную обитель Живоначалныя Троица Сергиева монастыря, и тамо приятъ бысть от игумена и братьи с любовию, и пребываше безмолствуя. Слышано же бысть великому князю, яко Корнилие безмолъствуетъ в Сергиевѣ монастыри, и преста от взыскания святаго. И послѣдъ приспѣвшю празднику святых Богоявлений,[40] и прииде боголюбивый князь великый в Сергиевъ монастырь Живоначалной Троици помолитися, отцу же нашему ту безмолъствующу.

О понужении святаго итти во свой монастырь

Но не подобаетъ свѣтилнику под спудомъ крытися:[41] князь же великий паки понужаше святаго с великимъ прилежаниемъ ити въ свой монастырь. Старець же Корнилие виде великое прилежание великаго князя, и положи на воли Божии и повинуся ему. Государь же рад бысть и в той часъ посла в Корнилиевъ монастырь, повелѣ старцемъ быти, да молят старца *Корнилия,* еже не оставити их. И не по мнозехъ днехъ приидоша старци и молиша отца Корнилия съ слезами, еже не оставити их. Корнилие же с ними иде къ государю и прося отпущения в монастырь свой. Благообрадован же благочестивый князь великы о семъ бысть.

О селех и деревнях и о грамотѣ тарханной[42]

И глагола князь великы святому: «Слышах, отче, яко отнели же сотвори монастырь, не имѣеши селъ и деревень, но иже требуеши, проси, и дам ти». Корьнилие же не восхотѣ просити ино ничтоже, но токмо моли его

дати близъ монастыря земли мало с лѣсомъ, да от поту лица своего ямый, глаголя, хлѣбъ свой. Князь же великий землю и с лѣсомъ и елико привнидоша близъ монастыря деревни и починки и съ всяцем угодиемъ вдасть, рек сице, глаголя: «Аще у них кто в тѣх деревнях и починкехъ учнутъ жительствовати священици и диякони и християне, не надобѣ имъ моя великого князя дань всяческа и никоторый побирчий у них не беретъ ничтоже, и с чернию не тянутъ во всякие розметы, понеже далъ *есмь* сие в домъ Введения Пречистыя старцу Корнилию з братиею».[43] И сия изрекши, и писаниемъ утверди с красною печатью, вдасть старцу Корнилию, рекъ глаголя: «Аще кому дамъ писание на иныхъ, а на се иное не будетъ». И приимъ благословение от старца Корнилия, и отпусти его с миромъ, глаголя: «Моли, отче, Бога о нашемъ здравии». Въдасть же ему боголюбец князь великый вся, еже путеви потребная, к сим же и милостину доволну.

О пришествии святаго в монастырь свой

И тако, Богомъ хранимъ и добрѣ наставляемъ, прииде во обитель Пречистыя, юже *самъ* созда. Братия же вся срѣтоша его внѣ монастыря и сице радовахуся ему, якоже аггелу Божию: и овии убо от них руцѣ его лобызаху, овии же ногам касахуся, овии же ризамъ. Отець же, видевъ их благоразумнии суща, веселяшеся о нихъ, и к нимъ показуя отечьскую любовь свою, всѣхъ обьимаше и всѣх лобызааше, и всѣхъ благословяше.

О игуменѣ Касиянѣ[44]

Егда же бысть отець нашь Корнилие в пустыни, тогда братия по благословению старца Корнилия поставиша себѣ игумена, именемъ Касияна. Егда же святый старець прииде во обитель, игумен же Касиянъ устыдѣся отца, остави игуменство и пребываше в послушении старца. Отець же нашь Корнилие многа моления съ слезами къ Господу Богу сотворь и Пречистой Богоматери и касашеся прьвых своих трудовъ, лѣсъ сѣкий и нивы насѣвая, да не токмо сами свой хлѣбъ ядятъ, но да неимущихъ питаютъ.

О запалении хврастия

Иногда же преподобному отцу нашему Корнилию з братиею посѣченный лѣсъ отребляюцу и хврастие въ едино събирающе, и от труда братиямъ почити хотящимъ, блаженному же събранное хврастие наченшу жещи, и окружи его пламень з дымом отвсюду, и не вѣдяше, како гонзнути из среды огня. И Божиим посѣщением, вскорѣ прииде от запада вѣтръ велий и развѣа пламень съ дымом и учини путь, яко улицу. Святому же изшедшу из среды огня невредиму и благодари Бога и Пречистую его Матерь. И сиа нам повѣда, братиам же чюдящимся. Глагола им преподобный: «Любяй Бога и храняй заповѣди Его не токмо от чювственаго огня избавит ны, но и от будущаго, хотящаго грѣшникы поясти».

Вопрос. Нѣцѣ же от братиа въпросиша его: «Что есть любовь, отче, и кая заповѣдь глаголеши хранити». Глагола им святый: «Внегда

приступи къ Господу *законник:* „Учителю, — рече, — кая заповѣдь прьваа в законѣ есть”. И Господь отвѣщавает: „Възлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всеа душа твоея и от всея крѣпости твоея и от всеа мысли твоея". Сиа есть прьваа и великаа заповѣдь; втораа же подобна ей: „възлюбиши искрьняго яко сам себе”. В сих двоих заповѣдех весь законъ и пророци висят».[45]

Поучение. И всих моля и наказуа, сице глаголя: «Братья, прежде всего подобает постризающимся в началѣ не имѣти своея воля, но држати послушание и смиренную мудрость и ждати присно часа смертнаго, всегда молящеся. Такоже и телеснѣ подобает трудитися чрьнцем, паче же юным, всегда праздным не быти и не послабляти, ни стужати си въ трудѣх. Ниже от мира сего отходяще, мнѣм велико что отмещуще, но сие подобает нам помышляти, яко аще нынѣ пребываний мирскых не оставим, но послѣди же, умирающе, всяко оставим, аще и не хощем. И того ради тлѣннаа оставляем, да Царство Небесное приимем. Тѣмже, подвизающеся, не стужаем си, ни лѣнимся, но по вся дни пребываем въ въздержании. Не точна бо суть страданиа нынѣшняго времени хотящей славѣ быти подвизающемся».[46]

Сам же старець Корнилей в пощении выну, и бдѣнии, и в молитвѣ съ слезами велми трудя себе. И николи же уста его праздна бываху от славословиа Божиа, но всегда без лѣности моляшеся. Аще бо и въ старость пришед, но никакоже от божественых служеб, подобающих ему, ослабѣ, но елико множашеся ему старость, толико наипаче умножашеся усрьдие его, еже в дѣло Божие. И теплѣйши божественых подвигъ и усрьднѣйши касашеся, в немятежне безмлъвии умъ съблюдаа. Бяше же нагым одежда, печалным утѣшение, бѣдным помагаа и от напасти изимаа, болных молитвою исцѣляа, длъжных искупление подаваа, и сам длъгы отпущаа, грѣшным на покаяние учитель, и всѣж хотя спастися, и от насилиа злых судий бѣдою одръжимых токмо словом избавляа, иногда *же* и отай братии милостыню подаа убогым, дабы роптанием братии мзды не погубили. Сам же ризную худость толику любя, яко единъ от убогых.

Братъ нѣкый, именем Закхей, прииде къ преподобному, нося на себѣ мантию, лыком вязану, моля святаго Корнилиа, да повелит ему измѣнити на лучшую. Он же с себе снятъ мантию, дасть Закхеи, а его вязаную лыком на себе възложи, и много время в ней ходи.

Особнаго же стяжаниа заповѣда всѣм, еже никомуже свое что отнюдь имѣти, ниже глаголати: «се есть мое, оно же твое», но вся обща имѣти и сими довлѣтися, такоже кромѣ трапезы в келиах пища и питиа не имѣти никому же, развѣ немощных. На трапезѣ же сѣдѣти всѣм на своих мѣстех с молчанием, в себѣ молящеся. Такожде и ис трапезы кождо отходит въ свою келию, имѣа въ устѣх псалом или молитву Исусову. Хранити же очи от зрѣниа неподобна, такожe и уши от слышаниа, яже не суть на ползу, язык же от празднословиа, якоже Господь рече: «За всякъ празден глаголъ дати отвѣт Богу в день судный».[47] Сердце же хранити, елика сила, умною молитвою от скверных помыслъ, якоже рече: от сердца исходят помышлениа зла, и та сутъ сквернящаа человека. Тѣмже, братиа, аще кий помысль нечистъ от общаго всѣх

врага нанесется, не облѣнитеся помолитися къ Богу прилѣжно, и постом и молитвою, бдѣнием же и слезами, еже наединѣ, въскорѣ изгоняти тощнѣ подвизающеся. Таже и рукы хранити же от дръзости и от лихоимства; ногы же наши научим ходити правым путем по заповѣдем Господним, не уклоняющеся ни на десно, ни на лѣво, но царскым шествуем *покаяниа* в пути спасеныа. К сим же поучаше — питиа, в немже есть пианство весма, никакоже в монастыри обрѣтатися повелѣ, то бо есть, рече, родителница всякой злобѣ. Да не Бога, рече, прогнѣваете, не токмо своа душа погибели предающе, но яко и ины многы съблажняюще, лютѣ истязани будете, и клятву и горе приобрящете. Горе бо, рече, человеку тому, имъже съблазнъ приходит.[48] И тако блаженый симъ уставом главу змиеву пианства отрѣза. Аще ли, рече, кто имет нѣчто от общаго житиа и чина разоряти, прочее изгонити таковаго, яко да и прочаа братиа страх имуть: не преступати законуположениа и своеа воля не имѣти, но подражати житиа святых отець, и пребывати в безмолвии, немятежно внимающе рукодѣлию и молитвам, и тружатися по еже по Бозѣ въ злострадании, потщевающеся кождо на службу свою, вси купно въ всѣх мирно пребывающе, друг друга честию болша себе творяще.[49] И аще тако въ страсѣ Божии пребудете, то не *ли*шит Господь всѣх благых мѣста сего, и не имат недостатка быти в мѣстѣ сем святѣм. Аще благочестно поживете здѣ съ страхом и трепетом свое спасение съдѣвающе,[50] и тако убо богоугоднѣ живуще, и зде ублажени будете, и вѣчнаа благая приимѣте.

Сиа убо вся положим братиа въ сердцих наших и съхранити потщимся, да не будут нам въ осужение словеса в день Суда. Но молю вы, братие, азъ, недостойный, поживете въ братолюбии и смирении, въ кротости, покаряющеся брат брату, и любовь имѣйте съ истиною и миръ от сердца. И Богъ мира да будет с вами, и Тъй да съхранитъ вы и утвердит в любви Его, молитвами Преславныа Богородица и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антониа Великаго и всѣх святых. Аминь.

О отшествии святаго в Кирилов монастырь

По сих же блаженный Корнилие видѣвъ себе старостию прекланяема и недугом отягчеваема, и к концу приближающася. Братии же число прибывающе, и требующе поучениа от него, и любимое ему безмлъвие пресѣцах*у*, и молитвам и слезам спону творящим, и смертное поучение забавляющем. Святый же старець ино ничтоже помышляа, развѣ смерть и всего человеческаго съжитиа ошаятися. Оставль монастырь, и все строение, и отиде в свое пострижение, в Кирилов мо*на*стырь, и приат бысть тамо от игумена[51] и всеа братии с великою любовию, и затворися ту в келии, да скончает течение духовнаго подвига. Но аще онъ сице створи, Богъ же о нем лучшаа промышляа, да въ его монастыри мощи его положини будут. Ученици же его послаша братиа старѣйших пять с великым молением къ отцу своему, дабы их не оставил сирых, яко овца, не имущих пастыря. И молим бывает ими, да, възвратився, въ своем монастыри безмлъствует, он же не хотяше послушати их. Яко видѣша непреклонна его к ним, моляхут убо игумена и старцев Пречестныа тоа обители, еже способствовати им и молити старца Корнилиа, да възвратится в дом Пречистыа, в свою ограду. Игумен же *и* старци молиша преподобнаго утѣшити братию, да некако

стужив си, разыдутся. Блаженный же не могый преслушатися их, рек им глаголя: «Поставите себѣ игумена, и азъ възвращуся к вам». Они же глаголаша: «Нарци, отче, имя, егоже хощеши». И глагола им: «Лаврентие да будет игуменъ.[52] Вѣдый его извѣстно яко велика в добродѣтелех и разсудителна суща в духовных и житийскых, и могущу ему строити монастырь». Они же слышавше от святаго и отидоша в монастырь и повѣдаша братии, яко блаженный глаголеть: «Аще не будет у вас Лаврентие игумен, то ни азъ възвращуся к вам».

О възвращении святаго ис Кирилова в монастырь свой

Братиа же едва умолиша Лаврентиа и поставиша его игуменом. Ученик же блаженнаго игумен Лаврентие съвѣт сътвори з братиею и иде в Кириловъ к преподобному и моли его много, еже не оставити их, чадъ своих сирых. Блаженный же не презрѣ молениа и слез ученикъ своих, паче же игумена Лаврентиа, възвратися в дом Введениа Пречистыа и преподобнаго Антониа Великаго, въ ограду свою, идѣже преже Богом наставлен бысть и Пречистаа Богородица изволи. Ученици же его с великою радостию приаша его честно.

О вручении монастыря игумену Лаврентию з братиею и о безмлъвии святаго

Святый же пришед в монастырь свой и вручает монастырь и строение монастырьское игумену Лаврентию и всей братии, учеником своим. Сам же крайнее безмлъвии любомудрьствовати начят и затворяшеся *в к*елии и пре*бы*вая в безмлъвии, подвизаася постом и молитвами, и ничтоже земного в себѣ помышляа, ниже к тому о строении монастыръстѣм печашеся, и весь умъ к Богу простирая, помышляа от съюза тѣлеснаго разрѣшении. Вѣдый бо извѣстно от Божественых Писаний, яко велие бывает истязание от духовъ воздушных въ время разлучениа душам от тѣла, не токмо лѣнивым, но и подвижником, сего ради плачася день и нощь, проливаа слезы непрестанно. И ничтоже от правила остави, и на съборном пѣнии всегда обрѣташеся.

О нашествии татаръ

Егда же блаженному Корнилию безмлъствующу, и Божиим попущением, грѣх ради наших, бысть нашествие безбожных татаръ,[53] и многа мѣста плѣниша, даже и до вологоцкых предѣлъ доидоша. И от нашествиа поганых православнии, не токмо мирьская чадь, но и вси монастыри, разбегошася. Братиа же сиа повѣдаша блаженному, он же глагола им: «Сътворим человеческаа, бѣжим и мы, да не в гордость вмѣнится нам, аще не бѣжим, сѣдяще зде, избудем, но тщеславнаго бѣса не избудем. Нѣсть бо добро кому самому вметатися в бѣду. Якоже и Христос от Ирода телеснѣ бѣжа въ Египетъ,[54] иже вся могый, да накажутся дръзии не вметатися в напасть». Тако и блаженный сътвори, уклонися в бѣлозерскиа предѣлы на Ухтому[55] и тамо моляшеся Господу Богу и Пречистой его Матери о тишинѣ и о умирении всего мира, и о съхранении обители его. Безбожнии же татарове окрестъ ту многиа мѣста и честныа обители пожгоша[56] и множество православных в плѣнъ поимаша. И по языком устремишася въ обител

Пречистые Корнилиева монастыря. И приидоша близ монастыря на поле и показася им обитель Пречистые яко град великъ, окрестъ же его множество вои, въоруженных на брань. Они же, видѣвше сие, начаша водящих их избивати, глаголюще, яко «на град к людем приведосте нас». И убоявшеся страхом велиим, отбѣгоша, и тако помощию Пречистыа и молитвами святаго съхранена бысть обитель его. Слышано же бысть блаженному Корнилию, яко безбожнии татарове отидоша, и възвратися въ обитель свою. Мнози же плѣннии избѣгоша из руку поганых татаръ и сия повѣдаша игумену Лаврентию, мы же слышавше от него и писанию предахом.

О болѣзни святаго

Корнилию же пакы безмлъствующю и от премногыя старости и множайших трудов телеснѣй крѣпости изнемогши, и впаде блаженный в болѣзнь, огнем обиатъ бысть, иже душею крѣпкый, благодаря Бога, трьпяше крѣпцѣ. И всего человечьскаго съжитиа ошаася, в молитвѣ же и внимании к Богу умъ свой присно имѣа, зрителное очищаа и свѣтъ божественаго разума събирая в сердци своемъ и чистотою сего съзерцаа славу Господню, тѣм съсуд избранъ бысть Святому Духу. И по малех днех изнемогающу блаженному, и разумѣ конечнѣ свое отхожение. И концу уже приближающуся, призывает к себѣ игумена Лаврентиа и всю братию, и к ним *молебнаа* наказаниа завѣщавает, и свѣдетеля Бога предлагаа им, яко да ничтоже разорится от законололоженииа общаго житиа, много бо велми печаашеся о сем.

2 поучение святаго къ братии послѣднее

И сице начат поучати их, глаголя: «Блюдѣте, братие, и внимайте, заповѣди Божиа съхраняйте и моа предaниа, яже написах вам своею рукою, дръжите и сиа начастѣ прочитайте на въспоминание к ползѣ и на спасение душам. Изряднѣе же чина церковнаго службу без лѣности творите, съ благоговѣнием, Богови бо подобает страхом и трепетом служити, а не смѣхом и шептом, но съ вниманием мнозѣм и сътрахом Божиим въ святѣй церкви достоит предстояти, якоже на небеси мнѣти себе стояща, молящеся Богу о своих съгрѣшениих и о умирении всего мира». И по мнозѣ наказании приложи и сие, глаголя: «Да егда творите память мою, и оставшаа останцы братскыа трапезы, сиа подавайте братии Христовѣ нищим».

О преставлении святаго

И пакы ослабу приимаше от болѣзни и на съборном пѣнии обрѣташеся. И по Пасцѣ четвертыа недели в пяток позна свое *ко*нечное *от*шествие къ Господу и повелѣ себе вести въ церковь на Божественую литургию. И съвершившеся службѣ, причастися блаженный Святых и Животворящих тайнъ, и пакы в суботу начат конечнѣ изнемогати тѣлом, иже душею крѣпкый. Прихожаху бо к нему игуменъ Лаврентие и вся братиа, видяху его изнемогающа и къ Господу хотяща отити, скорбяще зѣло, аще бы им мощно от великаго усердиа и любве, еже къ святому имуще, съумрети с ним тогда. Глаголаху же нѣции от ученикъ его, плачющеся: «Понеже, отче, нас оставляеши и къ Господу отходиши

и тебе не сущу с нами, мнози преселници будем от мѣста сего». Святый же, утѣшаа их, глаголаше: «Не скорбите, братиа и чада, уже бо мнѣ приспѣ время почити о Господѣ, предаю же вас Богови и того Пречистой Богоматери, Тъй да съхранит вас от всѣх искушений лукаваго. И ученикъ мои Лаврентие игуменъ, сей да будет вам в мое мѣсто, и сего имѣйте яко мене, сей ваши недостаткы исполнит». Сиа и ина многа, утѣшаа их, глаголаше, и о сем моля, да не будет в них никоторые же раздоры или свары, о сем бо много и здравъ сый печашеся. Вся же братиа к нему прихождаху, и целоваху его съ слезами, послѣдняго от него благословениа просяще. Тъйжде яко чадолюбивый отець всѣх облобызаше, всѣх миловаше, всѣм послѣднее благословение оставляше, от всѣх прощениа и сам прошаше. И моля их, глаголя: «И о мнѣ грѣшнѣм, господие мои, Бога молите, яко да вашими молитвами получю от Христа Бога милость в день славнаго его пришествиа». И повелѣ нѣкым от братии глаголяти часы и канон Исусовъ и Пречистой благодарьствен канон акафистъ, приложи же и великомученицѣ Екатеринѣ канон. По съврьшении же правила въста, веземъ кадилницу съ фимианом, и покади святыа иконы и братию всю ту пришедших. И пакы възлегъ, о исхожени своем моляся и никоеа же печали имяше, но паче надежею будущих благъ веселяшеся. И святую свою и трудолюбную душу мирно и тихо Господеви предасть, еще молитвѣ въ устѣх его суще, и тако от сущих здѣ преиде въ вѣчную жизнь. Братиа же тогда лишение отца умилно зряще, учителя отаятие рыдаху, вся болѣзнена тогда предлежаху. Бяше же лице его видѣти свѣтло и рещи, яко не умре святый, но спит, понеже непорочно имѣ житие.

Престави же ся блаженный Корнилие по Пасцѣ в пятую неделю въ время заутрении въскресныа, на память святаго священномученика Патрикиа Прусийскаго.[57] Игумен же Лаврентие съ всеею братиею того священныа мощи на одрѣ положивше честно и на своих главах въ церковь несоша, съ всякою подобающею честию и псалмопѣниемъ отца провожаху съ многыми слезами, и мало нѣчто *от* печали премѣнившеся, въскресную службу съврьшиша.

Слышано же бысть игуменом въ окрестных обителех преставление блаженаго Корнилиа, и наутриа в понеделник снидошася и съвръшивше Божественую литургию, и съ прилучившимися игумены надгробное пѣние съ многою честию скончавше, и гробъ ископавше своима рукама и землею покрыша многострадалное и трудолюбное отца тѣло близ храма Введениа Пречистые в честнѣм его монастыри, егоже многым трудом снискав, лѣта 7046-го месяца маиа въ 19 день,[58] добрѣ упасшаго Богом врученную ему паству и на пажити животныа наставивъ. Таковии блаженнаго Корнилиа подвигы и исправлениа и чюдес дарованиа и исцѣлениа. Бяше же блаженый Корнилие тогда, егда приидѣ на мѣсто то, четыредесяти и единым лѣтом, и пребысть на мѣсте том четыредесять и едино лѣто; и събра множество братии, бѣ же их яко до девятидесят; научи же их благочестию и иночьскому житию, по преданию святых и блаженных и преподобных отець; и за едино лѣто преставлениа своего избра от них единаго ученика именем Лаврентиа и игуменом того постави; и пожит всѣх лѣт блаженый осмьдесят и двѣ лѣтѣ, в старости съвръшенѣ преставися к Богу.

О игумене Лаврентии

По преставлении же блаженаго Корнилиа ученикъ его игуменъ Лаврентие з братиею молиша Господа Бога и Пречистую его Матерь и преподобнаго отца Корнилиа на помощь призываху, глаголюще: «О, преблажене отче Корнилие, аще получилъ еси дръзновение къ Богу, не забуди нас, чад своих, еже и събрал еси». По сем же игуменъ Лаврентие, яко же блаженый Корнилие заповѣда ему, еще сый живъ, тѣм съй вся елика видѣ отца своего собою и дѣлы исправити тщашеся. Поживе же въ всяком благочинии и смирении, съблюдаа своего житиа любомудрие, доволну преподавая зрящим ползу, и велико опасение и тщание имѣаше, яко да ничтоже разорится от законоположениа святых отець и отчя преданиа, въздержание же въ всем зѣло имѣаше и прочаа благаа исправлениа. И врученное ему о Христѣ стадо упасъ добрѣ, к вышним подвизатися сътворивъ, и отца своего блаженаго Корнилиа преданиа съблюдаа невредима, якоже наученъ бысть от него, ничтоже разорися им. Но тако бяше пребываа в постѣ и в молитвах и бдѣниих, безмлъствуа, к сим же и многы книгы написа своею рукою. И бяше видѣти житиа его образ доволенъ къ извѣщению того добродѣтели, понеже смиренаа гоняше въ всем, къ Божии любви весма себе издавша, тѣмже и вся о Христѣ възможе. Жив же в том добром настоятелствѣ по преставлении преподобнаго Корнилиа десять лѣт, къ Господу отиде, егоже от юности възлюби, месяца маиа въ 16 день.

Многа же чюдеса, при животѣ бывшая блаженаго Корнилиа, множества ради иже многими лѣты бывшее писанию не предашася. Сиа мало нѣчто отчасти налисана быша токмо, да не вконець умолчана будут святаго повѣсти.

По преставлении же блаженаго Корнилиа в четвертое лѣто прослави Богъ своего трудоположника чюдесы, от нихже и написахом вмалѣ яже пред нам*и* бывшая

Нѣкый христианинъ монастырскый, живый близъ монастыря Корнилиева, именем Михаилъ, зовомый Дубовикъ, имѣяше сына именем Андрѣй, лѣт двадесяте и пяти. Внезаапу наиде на него духъ нечистый, начат же отрокъ онъ не смыслити. Отець же позна сына своего несмысляща и тужаше о нем. И по малѣ времени явися стражущему отроку блаженый старець Корнилие, глагола ему: «Что, небоже, не смыслиши, се бо ти прииде от нахожениа бѣсовъскаго, и много томимъ будеши. Но иди в дом Пречистыа Богородица в нашь монастырь, будет ти от Бога посѣщение ради Пречистыа Богородица. Способствуем же ти и мы». Отрок же онъ яко от ужаса начат сказовати отцу своему. Поат же отець отрока, приведе его в монастырь Корнилиевъ и умоли игумена и братию, да пребудет сынъ его в монастыри. Игумен же повелѣ пребыти. Нападоша же на него множество бѣсовъ, мучаще его и биюще, веляще ему въпити. Он же велием воплем кричаще и странны и страшны гласы испущаше. Приставници же его вѣдяще его въ церковь и къ гробу святаго старца, веляще ему молитися Богу и призывати в помощь старца Корнилиа, многажды и биюще его, дабы молился Богу. Он же преизлиха кричаше и неподобны и хулны глаголы вѣщаше. И глаголаше: «Что мя биете, не

послушаю вас, ибо множество много людии биют мя лютѣ, не велят ми молитися, глаголюще: аще не послушаеши нас, то убием тя. Того ради не молюся, да не горцѣ уморят мя». И пребысть же в монастырѣ днии яко двадесят, велми томим, и помалѣ начат кротитися, и утишися, и здравъ бысть, и умом съвершен, и пребысть в монастыри нѣколико дний, отиде в дом отца своего, славя Бога и Пречистую его Матерь и блаженаго старца Корнилия.

И се другое чюдо. Иного человека приведоша в монастырь, от христианъ монастырскых же, именем Прокопиа, зовомый Шестакъ, мучима от духа нечистаго. И не молящася Богу и не глаголюща ничтоже, но токмо лютѣ растерзаа себе и нападаше на водящих его. И приведоша его въ церковь, игумену же съ священиком и съ диаконом и о нем поющу молебенъ, и веляще и ему молитися. Оному же никакоже молящуся, ни глаголющу. Водящеи же его биаху велми, он же ухвати пръсты своя въ уста своа и грызяше. От церкви же его ведоша едва в келию. И се в нощи видит пришедша к нему старца Корнилиа съ крестом, и осѣнивша его крестом и рече к нему: «Прокопие, молися Господу Богу, и не будет ти зла от неприазнена духа, и не велю бити тя». Въскочи же болный онъ от видѣниа, повѣда водящим его, они же възрадовашася и на утренюю приведоша его в трапезу, бѣ бо зима. И прииде игуменъ навѣстити болящаго, изнемоглъ бо бѣ от многа томлениа бѣсовскаго и неядениа, и биениа, едва сѣдяше. И видѣ игумена, въскочи, начат глаголати: «Молю ти ся, не вели мя, господине, бити, уже бо молюся Богу, и Корнилие бо мя не велѣл бити». И сказа игумену, како явися ему старець Корнилие и крестом осѣни его. По заутреней же игуменъ съ всею братиею съборнѣ молебенъ пѣли. Человекъ же он здравъ бысть и съврьшен весь умомъ, отиде в дом свой, радуася, славя Бога и Пречистую Богородицу и блаженаго старца Корнилиа.

Ин же человекъ Тарасие, уголскых князей[59] христианинъ, приведе сына своего, емуже имя Ефрѣм, боляща, в монастырь блаженаго старца Корнилиа, и не смысляща ничтоже, и стращащяся. Въ церкви же игумен молебен пѣлъ, и повелѣ его ко гробу вести преподобнаго отца Корнилиа молитися. Пребысть же отрок онъ три дни в монастыри, моляся в церкви и у гроба Корнилиева. И бысть здравъ и цѣлъ умом, отиде в дом къ отцу своему, славя Бога и Пречистую его Матерь и святаго Корнилиа.

Инъ христийнин именем Сапсонъ, живый близ Корнилиева монастыря, и лежа боленъ огницею, и изступи ума, нача несмыслити и уродовати в дому своем, мучим многими бѣсы, якоже послѣди нам сам исповѣда, глаголя: приидоша к нему многыя бѣсы и начаша его страшити и глаголати: «Приидутъ из монастыря многыа люди стрѣляти тебе». Он же начат износити ис клѣтей своих рухло, и метати посрѣди двора, и потом шед, ввержеся в кладязь, и хоти ся утопити. И по Божию смотрению увидѣ жена его, с плачем въскричала, и стекошася братиа его и иныа нѣкыа и едва извлекоша его ис кладязя. И всадиша и́ на скот, и привезоша его в монастырь Пречистыа, честнаго еа Введениа. И приводят его в церковь и къ гробу преподобнаго Корнилиа и с нужею веляху ему молитися, он же худѣ моляшеся. И немноги дни бывъ в

монастыре, в суботу пред неделею всѣх святых[60] сведенъ бысть в сонъ тонокъ. Явися ему блаженый старець Корнилие, нося кресть, и знаменавъ его честным крестом, повѣлѣ ему встати и молити Христа Бога и Пречистую его Матерь призывати на помощь. Он же възбну от сна и абие в том часѣ измѣнися ему разум и бысть смыслен и начат познавати всѣх, бѣ бо преже не зналъ никого, и повѣдает разумно, яже видѣ. Слышавши же вси, прославиша Бога и Пречистую его Матерь и преподобнаго отца нашего Корнилиа. Человекъ же той мало ногами поболѣ, пребысть нѣкыа дни в монастыри, бысть здравъ, якоже и преже, и отиде в дом свой, радуяся.

Ино чюдо. Инок именем Корнилие прииде из Володимеря[61] въ обитель Пречистыа Корнилиева монастыря, обдержим болѣзнию зубною два лѣта. И егда прииде въ обитель, начат его лютѣ мучити, злѣе прежняго, якоже ему многы дни ни ясти, ни пити, ни почивати. Лице же его и з главою отекло, яко всѣм зрящим на него ужасатися. И многых пыташе, аще свѣдят нѣкое художество къ врачеванию таковыя болѣзни, но никтоже възможе помощи ему. Прииде ему въ умъ, понеже слышал от многых, яко у гроба блаженаго старца Корнилиа мнози молитвами его недужнии исцѣлишася. Вѣру приимъ в сердци своем и, утаився после нефимона,[62] в вечеръ глубокъ прииде къ гробу блаженаго старца Корнилиа и тамо на многъ час помолися, глаголя: «Преподобне отче Корнилие, имаши дръзновение к Богу, молитвами твоими избави мя от болѣзни сеа». И тако болѣзненою душею и съкрушеным сердцем много молився и приложився къ гробу святаго старца, отиде в келию свою, томим лютѣ болѣзнию, и кричаше всю нощь, якоже и брату, живущему с ним, не могый трьпѣти вопля его и изыде ис келии. Немощный же брат, много томим болѣзнию, сѣде на лавици. И абие в тъи час нападе на него ужасъ, и явися свѣт велий в келии его, и видит старца Корнилиа с жезлом и глаголюща к нему: «Възляги на постелю твою, помилует тя Богъ». Немощный же брат отрицашеся, яко немощи ему възлѣщи болѣзни ради. Пакы же святый старець второе глаголеть ему то же: «Възляги и почий мало, помилует тя Бог». Онъ же, отвѣщав, рече с болѣзнию къ блаженому старцу: «О, отче, виждь лице и главу мою, каковъ отокъ. Како ми мощно приклонитися на постелю?» Святый же третицею рече ему: «Помилует тя Богъ, възляги». И пръстом показуа ему мѣсто. Немощный же брат егда повинуся преподобному старцу Корнилию, приклони главу свою на постелю, и в тъй час нападе на него и он уснул. По немногом же времени начали звонить к заутрене, и пришел к нему брат, живший с ним, начал его будить, ругая его и говоря: «Всю ночь не дал мне спать, и ныне к заутрене звонят, а ты спишь». Больной же услышал поношения брата и встал с ложа своего, и начал щупать руками свое лицо и зубы, и голову, и не ощутил никакой болезни. И пошел в церковь на службу, радуясь. И от того времени не донимала его зубная болезнь больше. И, услышав это от него, прославили все Бога и угодника его святого старца Корнилия.

Не следует умолчать и о таком чуде. Некий христианин, по имени Мокий, жил вблизи монастыря, и отнялась у него нога, и много дней не мог он встать с постели и из-за боли ночью не спал. И начал молиться, говоря: «Святой Корнилий, молитвами твоими избави меня от этого

недуга и даруй мне здравие ногам, да пойду поклонюсь гробу твоему и принесу тебе дар по силе своей». И так долгое время молился с верой от всей души и той же ночью выздоровел. И, утром встав, пришел в обитель Пречистой, и поклонился гробу преподобного старца Корнилия, и принес дар, который обещал. И сие нам рассказал, и мы, услышав (об этом) от него, прославили Бога и угодника его преподобного старца Корнилия.

На другого человека, крестьянина угольских князей по имени Семен, напал нечистый дух, и был он мучим им долгое время. И близкие его связали его веревками, и били его, а дух нечистый еще больше нападал на него. И потом привели его в дом Пречистой, и у гроба преподобного Корнилия пели молебен, и водою того освятили, и он сразу же выздоровел. Близкие же пошли с ним к себе домой, радуясь. И, когда отошли они еще недалеко, снова напал на него нечистый дух, и начал мучать его сильнее, чем раньше, и родные вновь возвратились с ним в монастырь, и велели ему молиться у гроба блаженного Господу Богу и Пречистой его Матери, и призывать святого на помощь, и держали его связанным несколько дней. И едва пришел он в чувство, стал молить, чтобы остаться ему в монастыре безысходно и принять иноческий образ. И с того времени выздоровел. И молил игумена и братию той обители, и возложили на него иноческий образ, и нарекли ему имя Серапион. И с того времени не досаждал ему более нечистый дух, и был он инок искусный, и подвизался во всех службах монасты[63]*рьских, моля Господа Бога и Пречистую его Матерь и преподобного отца нашего Корнилия*.

Некто из белозерских детей боярских[64] шел на царя и великого князя службу в Казань и по пути повредился умом, и привезли его в обитель Пречистой, и у гроба преподобного отца нашего Корнилия помолился он Господу Богу и Пречистой его Матери, и призвал на помощь святого. И в тот же час выздоровел, и ум к нему вернулся, и остался в монастыре на тот день и на ночь. И утром вновь совершил молебен и молился Богу, призывая отца нашего Корнилия на помощь. И, взяв благословение у игумена, отправился в путь свой, радуясь. Некие же братия из обители той это помнили, но отчества же и имени его не ведали из-за того, что прошло много лет.

Близь обители Пречистыя весь зовома Комела, на нейже бысть пожалован от самодержавнаго *всея Русии князь Семен Иванович Гагарин* и впаде в болѣзнь и повелѣ себе вести въ обитель Пречистыа Корнилиева монастыря. И помолися Господу Богу и Пречистой его Матери и блаженаго Корнилиа на помощь призывая, и приложися къ гробу его. И бысть здравъ, и оттолѣ начат велию вѣру дръжати и положи на гробъ блаженаго Корнилиа покровъ камчат и свѣщу мѣстную[65] у гроба постави. Игуменъ же повелѣ свѣщу ту въжигати у гроба святаго на въскресениа Христова, и на праздникы владычни,[66] и на памети великых святых. И сему тако твориму на многа время, и последи бысть въ обители оскудѣние воском, и оставиша свѣщу ту у гроба святаго невжигаему. И по преставлении преподобнаго отца нашего Корнилиа въ осмое на десять лѣто, сентября въ осмый день, на Рожество Пресвятыа Богородица, в день недельный, свѣща та у гроба

святаго о себѣ възжеся. И мимо шедшу казначѣю именем Иеву на первом часу дни. И вадѣ у гроба блаженаго Корнилиа свѣща горяше, преже бѣ за много время невжигаема, и страхом обиатъ бысть, и шед, повѣда игумену и братии. Игумен же вѣры не ятъ, помысли: нѣкто възже, и повелѣ испытати всея братии, кто свѣщу възже. И никтоже обрѣтеся вжигаяй. Кѣларь же и казначѣй и нѣкыа от братъи текоста скоро къ гробу святаго, и видѣвше свѣщу горящу, и сътвориша достойно, и молитву съврьшивше, и помолишася съ слезами. И свѣща пред ними о себѣ угасе на втором часу дни. Они же, шедше, сие повѣдаша игумену, яже видѣша, игумен же повелѣ звонити. И снидошася къ гробу святаго вся братиа, и молебенъ пѣвше, и воду святивше, и на многъ часъ помолившеся, славу възсылаа Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому, славимому въ Троици, творящему таковая чюдеса своими угодникы. И послѣди, того же лѣта мимошедшим осми месяцем, по Пасцѣ в девятый пятокъ, июня въ 5 день, въ время вечерни та же свѣща възжеся о себѣ второе у гроба Корнилиева. И снидошася вся братиа, испыташа всѣх, кто възже свѣщу, и никто же обрѣтеся. И помолишяся долговременнѣ и понахиду соборнѣ пѣвше над гробом преподобнаго отца Корнилиа. И от того времени на предреченныа праздникы начаша свѣщу ту възжигати.

Сиа при животѣ преподобнаго отца нашего Корнилиа бывшаа чюдеса, послѣди же повѣдаша нам сами о себѣ, имже быша, тѣмже послѣди и написахомъ

Брат именем Иевъ, и нѣкто зубы угрызну пръст рукы его, и нача лютѣ болѣти. И много врачеваху, и не успѣша ничтоже. И послѣди прииде къ преподобному Корнилию, емуже стоящу на обычном своем правѣлѣ, и показа ему руку свою, зѣлнѣ болящу. Корнилеи же възрѣ на язву, и сътвори молитву о нем, и в той час облегча болѣзнь и бысть рука его здрава молитвами святаго.

Человекъ монастырьскый именем Василие посланъ бысть от святаго на орудие нѣкое, и тамо нѣкто уязви его ножем. И принесоша его в монастырь еле жива, близ смерти, и повѣдаша о нем Корнилию. Святый же повелѣ его священнику поновити. И послѣди прииде сам Корнилие посѣтити болящаго, и видѣ язвы на нем, и *тк*ну его въ язву пръстом своим и отиде, болный же рыкну, и съдрогнувся, и бысть здравъ. И пакы прииде священникъ посѣтити болящаго и обрѣте его здрава. И въпроси его — рече: «Корнилие мя исцѣли». И наутриа съ прочими на дѣло изыде, благодаря Бога *и* блаженаго Корнилиа.

Потреба же есть и се сказати. О съставлении монастыря от ученика блаженаго, Генадиа именемъ.

Сей убо юнъ сый възрастомѣ, прииде къ блаженому отцу в монастырь, иноческаго житиа сподобляется от него и многа лѣта пребывъ у него въ съвершеном послушании и всякими добродътельми украшенъ сый. Тѣм и святый зѣло любляше его, ради добраго благаго его произволениа и цвѣтущих в нем добродѣтелей, и моляше Бога о нем отець, еже съвершити ему добрѣ течение. И по многих лѣтех сей убо Генадей желаниемъ побѣжаемъ, еже наединѣ безмолствовати. Святый же преже

ошествиа его к Господу впаде в болѣзнь и повелѣ прежереченному Генадию у себе служити. Он же обрѣт время, открываетъ свою мысль и молитъ преподобнаго, глаголя: «Отче святый, издавна душа моа желаетъ наединѣ безмолствовати. Благослови мя убо после твоего живота въ пустыни твоей пребывати». Отвѣща старець, рече ему: «Не можеши мѣста того строити, безъкнижьну ти сущу». Он же съ слезами начат глаголати: «Отче чесный, азъ не строити желаю, но грѣх своих плакати, благослови мя убо, отче». Видѣ же святый, яко с вѣрою просит, благослови его, рече: «Господь Богъ и Спасъ нашь Исус Христос с тобою и Пречистая Богородица помощница ти буди. Имѣсто то въздвигнется, и ты от многъ познанъ будеши». И по преставлению святаго и по благословению игумена, отиде Генадие в пустыню. И милостию Всемилостиваго Спаса и помощию Пречистыя и молитвами старца Корнилиа създа монастырь чюденъ.[67]

---

[1] *Лѣствица* — аскетическое сочинение св. Иоанна Лествичника (VI—VII вв.), адресованное инокам Раифского монастыря близ Синая. «Лествица», или «лестница морального восхождения», разделена на 30 глав, или «степеней» (по числу лет жизни Иисуса Христа до крещения и начала проповеди), первые 23 главы посвящены грехам, остальные — добродетелям.

[2] *Ибо и в Лѣствице писано: еже убо святых жития... безсловесно и немощно.* — Лествица, 4, 42.

[3] *...великия княгиня Марии, послѣди же Марфы...* — Мария Ярославна, дочь серпуховского князя Ярослава Владимировича, с 1433 г. жена великого князя Московского Василия II Васильевича. После смерти мужа (1462 г.) получила в удел «половину» Ростова. В 1478 г. постриглась с именем Марфа.

[4] *Брату же его Лукияну... диячески чинъ державшу...* — Сохранилась купчая грамота, датированная издателями 70—90-ми гг. XV в. (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 487. С. 367), в которой в числе свидетелей упоминается «великие княгини дьяк Лукьян». А. А. Зимин отождествил его с Лукианом, дядей св. Корнилия (Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 250).

[5] *...Кириловъ монастырь...* — Кирилло-Белозерский монастырь основан св. Кириллом Белозерским в 1397 г. на Сиверском озере в северо-западной части современной Вологодской области.

[6] *Анфим* — в Синодике Корнилиево-Комельского монастыря 2-й четв. XVII в. поминание рода св. Корнилия начинается так: «Феодосия. Варвары. Анфима». Отсюда можно сделать вывод, что отец св. Корнилия также постригся, приняв в монашестве имя Феодосия.

[7] *...к сим же... в Кирилове и нынѣ.* — Сведения о книгописной деятельности св. Корнилия находятся в различных источниках. Описи библиотеки Корнилиева монастыря XVII в. фиксируют несколько книг его письма. Не исключено, что автографом св. Корнилия является рукопись *РНБ,* Кирилло-Белозерское собр., № 2/258 (см.: Понырко Н. В. Корнилий Комельский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 2. С. 486).

[8] *...по лѣствичному послѣдованию...* — Т. е. совершает духовный подвиг в соответствии с учением, содержащимся в «Лествице» (см. выше). «Лествица» была весьма популярна в заволжских монастырях, в частности в Кирилло-Белозерском монастыре, так что св. Корнилий был хорошо осведомлен о «лествичном последовании».

[9] *Геннадий* — архиепископ Новгородский в 1484—1504 гг. Организованный Геннадием кружок активно занимался литературной и переводческой деятельностью. При Геннадии был составлен первый в России полный кодекс библейских книг (1499 г.).

[10] *Саватиева пустынь* — Сретенская Савватьевская пустынь, основанная преподобным Савватием (ум. в 1434 г.) в 15 верстах от г. Твери. В конце XV в. св. Иосиф Волоцкий (ум. в 1515 г.) указывал, что эта пустынь славилась строгостью иноческих правил.

[11] *Иван Васильевич* — Иван III, великий князь Московский и Всея Руси в 1462—1505 гг.

[12] *...Симона митрополита, от негоже иерей бысть...* — Симон находился на митрополичьей кафедре с 1495 по 1511 г. Сохранился подлинник ставленной грамоты Симона св. Корнилию, датируемый 1501 г.

[13] *...поткну кущу...* — Ср.: Дан. 11, 45.

[14] *...начать тяжарь быти, Ной праведный по потопѣ...* — Ср.: Быт. 9, 20.

[15] *Василий Иванович* — Василий III, великий князь Московский и Всея Руси в 1505—1533 гг.

[16] *«Приходящего ко мнѣ не иждену вонъ».* — Ин. 6, 37.

[17] *«Без Мене ничтоже можете творити».* — Ср.: Ин. 15, 5.

[18] *«Господь волю боящихся творитъ и молитву их услышит».* — Пс. 144, 19.

[19] *древле Веселеилу... къ составлению сѣни...* — Ср.: Исх. 31,1—5 и 35,30—35.

[20] *Варлаам* — митрополит Московский в 1511—1522 гг.

[21] *...еклисиярхъ...* — Экклесиарх, должностное лицо, ответственное за порядок богослужения.

[22] *Лавра* — первоначально монастырь с устройством, представляющим собой нечто среднее между отшельничеством и общежитием. Впоследствии лаврами назывались большие и многолюдные монастыри. В Древней Руси лаврами иногда именовались многие крупные монастыри, в частности Кирилло-Белозерский.

[23] *Антоний Великий Египетский* — египетский подвижник, живший в промежутке между сер. III и сер. IV в. Основатель монашества в его отшельническом варианте.

[24] *...нарядчики дѣлатарем.* — Лица, следившие за выполнением работ монастырскими работниками.

[25] *...по уложению Великаго Василия...* — Василий Великий (ок. 329—379), архиепископ Кесарийский, один из наиболее почитаемых отцов Церкви, автор аскетических сочинений, предназначенных для регулирования жизни общежительного монастыря.

[26] *...тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ шествовати... ведущаго в пагубу.* — Ср.: Мф. 7, 13.

[27] *...поприще* — мера длины, которая имела три значения: равная греческому стадию (ок. 185 м), равная греческо-римской миле (ок. 1480 м), или равная расстоянию в один день пути (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1991. Т. 17. П. С. 99—100).

[28] *Дора* — просфора, из которой на проскомидии была вынута частица для таинственного пресуществления Святых Даров.

[29] *Обычай же имяше... что творяше.* — Описание подобных ночных обходов настоятеля с последующим поучением широко представлено в агиографической литературе: в частности, в житиях таких русских святых, как Феодосии Печерский, Сергий Радонежский, Иосиф Волоцкий, Александр Свирский.

[30] *Епитемья* — епитимия (запрещение) — церковное наказание, назначаемое совершившему грех, состоит в покаянии, чтении молитв и совершении поклонов, ограничений в пище и т. п.

[31] *Великая Елена* — Елена Васильевна Глинская, вторая жена Василия III (с 1526 г.), ум. в 1538 г.

[32] *Нѣкогда же гладу... обрѣтаху купити.* — Очевидно, речь идет о голоде 1526 г. Близкое к имеющемуся в Житии описание голода на Вологодчине содержится в Вологодско-Пермской летописи (ср.: «Того же лета по Руским городом хлеб был дорог: на Москве четверть по шти алтын, а на Вологде и по иным городом по дватцати алтын и боле, а на Тотме купили четверть по рублю» — *ПСРЛ.* М., 1959. Т. 26. С. 313). Указанная цена действительно чрезвычайно высока и значительно

превышает средние цены на хлеб для того времени. Четверть — древнерусская мера сыпучих тел, величина которой не была постоянной и насчитывала несколько пудов.

[33] *...к детемъ на дворец.* — Имеется в виду специальное помещение для монастырских работников, которые в источниках XVI в. именуются «детьми», «детенышами». Ср.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Т. 4. Г—Д. С. 240.

[34] *И написа пятнадесят главъ... о прочемъ строении монастырьстемъ.* — Монастырский Устав св. Корнилия сохранился в довольно большом количестве рукописей, две из них почти современны созданию памятника: *ИРЛИ,* собр. В. Н. Перетца, № 29 (л. 427—449); *РГБ,* Рогожское собр., № 728 (л. 2—25 об.).

[35] *...избра от них дванадесять...* — Вероятно, по образу 12 апостолов.

[36] *Тое же зимы изволися великому князю Василию Ивановичю... шествовати на Бѣлоезеро в Кирилов и с великою княгинею Еленою...* — Это паломничество имело место зимой 1528/29 г. В Вологодско-Пермской летописи сохранилось известие о том, что Василий III останавливался в Корнилиеве монастыре (см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 314).

[37] *...пресвященного митрополита...* — С 1522 по 1539 г. московским митрополитом был Даниил, известный также как плодовитый писатель.

[38] *В то же время... родися... князь Иванъ.* — Будущий царь Иван IV Грозный родился 25 августа 1530 г., следовательно, св. Корнилий пришел в Москву в конце августа—сентябре этого года.

[39] *Сергиев монастырь* — Троице-Сергиев монастырь, основанный преподобным Сергием Радонежским (ум. в 1392 г.) около 1335—1337 гг., с 1744 г. — лавра.

[40] *...празднику святых Богоявлений* — 6 января 1531 г.

[41] *Но не подобает свѣтилнику под спудом крытися...* — Ср.: Мф. 5, 15; Лк. 8, 16.

[42] *Тарханная грамота* — документ, освобождавший его владельца от уплаты государственных налогов (частично или полностью). Обычно такие грамоты были «тарханно-несудимыми», т. е. помимо налоговых льгот они давали обладателю грамоты — светскому феодалу или духовной корпорации — право самостоятельно судить своих зависимых людей за их преступления, за исключением наиболее тяжких.

[43] *«...далъ есмь сие... старцу Корнилию з братиею».* — В Житии довольно точно цитируется текст тарханной грамоты (подлинник сохранился в *РНБ,* ОСАГ, оп. 1, № 102). Окончание текста с датой (18 сентября 1531 г.) в подлиннике утрачено, эта часть текста читается в копии XIX в. *(РГБ,* собр. Н. П. Румянцева, № 53, л. 3—5). Дата грамоты не противоречит сведениям, известным из Жития.

[44] *Игумен Касьян* — игуменом Кассиан назван в грамоте, выданной 30 ноября 1530 г., как бывший игумен он упомянут в грамоте 1532—1533 гг.

[45] *«Внегда приступи къ Господу законник... весь законъ и пророци висят».* — Мф. 22, 35—40.

[46] *«...Не точна бо суть страданий нынѣшняго времени, хотящей славѣ быти подвизающемся».* — Рим. 8, 18.

[47] *«За всякъ празден глаголъ... в день судный».* — Ср.: Мф. 12, 36.

[48] *Горе бо... съблазнъ приходит.* — Мф. 18, 7; Лк. 17, 1.

[49] *...друг друга честию болша себе творяще.* — Фил. 2, 3; ср.: Рим. 12, 10.

[50] *...съ страхом и трепетом свое спасение съдѣвающе...* — Ср.: Фил. 2, 12.

[51] *...приатбысть... от игумена...* — Очевидно, речь идет о игумене Досифее, который возглавлял Кирилло-Белозерский монастырь в 1533—1539 гг.

[52] *...Лаврентие да будет игумен.* — Лаврентий стал игуменом не ранее 1534 г. и оставался на игуменстве до 1548 г. Его имя впервые упоминается в купчей грамоте 1526 г., возможно, он же назван в разъезжей грамоте 1532—1533 гг. как «Лаврентие уставщик».

[53] *...нашествие безбожных татаръ...* — Имеется в виду нашествие казанских татар на Вологду зимой 1538 г. (см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 318).

[54] *Якоже и Христос... бѣжа въ Египетъ...* — Реминисценция евангельского рассказа о бегстве в Египет Иосифа и Марии с младенцем Иисусом. Ср.: Мф. 2, 13—15.

[55] *...уклонися в бѣлозерскиа предѣлы на Ухтому...* — Согласно жалованной грамоте Ивана IV в Корнилиев монастырь от 17 июля 1538 г. на реке Ухтоме монастырь владел несколькими деревнями (по сведениям этой же грамоты, эти деревни тоже были разграблены, но не татарами, а бежавшими от татар — «бежью»).

[56] *...окрестъ ту многиамѣста и честныа обители пожгоша...* — В 1538 г. были разорены Павлов Обнорский, Арсениев Комельский и Иннокентиев Комельский монастыри.

[57] *Престави же ся... на память священномученика Патрикиа Прусийскаго.* — Т. е. 19 мая.

[58] *...лѣта 7046-го месяца маиа въ 19 день...* — Т. е. 19 мая 1538 г. В рукописной традиции Жития имеются разночтения в указании на год смерти святого. В пользу датировки смерти св. Корнилия 1538 г.

говорит то, что из 9 рукописей конца XVI — начала XVII в., содержащих Житие, в 8 указан 1538 г. и только в одной *(РГБ,* Рогожское собр., № 176) смерть св. Корнилия датирована 7045 (1537) г. Перед рассказом о предсмертной болезни святого в Житии описано упомянутое нашествие казанцев на Вологодчину, датированное в Вологодско-Пермской летописи 1538 г. и известное по житиям св. Павла Обнорского (20-е чудо) и св. Арсения Комельского. Кроме того, в Житии говорится о преставлении святого «по Пасце в пятую неделю, въ время заутрении въскресныя». В Древней Руси от Пасхи до «недели всех святых» неделя (седмица) считалась начинающейся с Воскресения, первой неделей после Пасхи была «светлая седьмица». См.: Пентковский А. М. Календарные таблицы в русских рукописях XIV—XVI вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 1. С. 146. Согласно этой системе счета пятой «неделей» (воскресением) после Пасхи было 19 мая 1538 г.; в 1537 г. 19 мая было субботой 7-й недели (седмицы) по Пасхе.

[59] *...уголскых князей...* — Имеется в виду одна из ветвей чрезвычайно разросшегося рода Белозерских князей.

[60] *Неделя всех святых* — первая неделя после праздника Троицы.

[61] *Инок именем Корнилие прииде из Володимеря...* — Во Вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря в ряду других вкладчиков из Корнилиева монастыря упоминается инок Корнилий Володимерец, судя по упоминанию имени игумена Ионы, вклад датируется 1560-ми гг.

[62] *...нефимон...* — Великое повечерие.

[63] *...монастырьских моля Господа Бога и Пречистую его Матерь и преподобного отца нашего Корнилия... Близь обители Пречистыя весь зовома Комела, на нейже бысть пожалован от самодержавнаго всея Русии князь Семен Иванович Гагарин...* — В рукописи утрачен лист, текст восстанавливается по списку *РГБ,* собр. А. Н. Попова, № 94, л. 345—345 об.

[64] *дѣтей боярских...* — Низший слой служилых людей «по отечеству» (т. е. служивших из поколения в поколение).

[65] *Свѣща мѣстная* — местная свеча устанавливалась перед образом святого или праздника, которому посвящен храм.

[66] *...праздники владычни...* — Господские праздники, установленные в воспоминание важнейших событий земной жизни Иисуса Христа.

[67] *Потреба же есть... създа монастырь чюденъ.* — Рассказ о св. Геннадии Костромском отсутствует в Ранней редакции Жития. Судя по всему, он был специально добавлен в 1589 г. в Основную редакцию, по-видимому, как ответ на изложение обстоятельств возникновения Геннадиева монастыря, рассказанных в Житии св. Геннадия. В Житии св. Геннадия, созданном учеником последнего игуменом Алексеем между 1584и1587г., говорится, что св. Корнилий ушел вместе с

Геннадием на Сурское озеро из-за «ропота» братии (а не из желания безмолвствовать, как сказано в Житии св. Корнилия). Согласно Житию св. Геннадия с того времени он остался в основанной на Сурском озере пустыни. Поскольку этот рассказ также датируется XVI в., он включен в данное издание. Текст приводится по рукописи: *РНБ,* собр. Погодина, № 787, л. 150—152.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА МАЯ В 19 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО КОРНИЛИЯ, ОСНОВАВШЕГО НА КОМЕЛЬСКОМ ЛЕСУ ПРЕСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ ВВЕДЕНИЯ ПРЕЧИСТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И В НЕМ ОБЩЕЕ ЖИТИЕ СОЗДАВШЕГО

Подобает православным христианам <себе> на пользу исследовать жития святых мужей, и из тех словес извлекать пользу, по сказанному: духовное к духовному прилагается и помня, чему те <жития> учат, стараться понемногу подражать земной их жизни, возводя душу, насколько возможно, к ревности <по их подвигам>. Здесь в монастыре пребывая, мы слышим, что многие помышляют и говорят: «как за <столь> малое время эта святая обитель столь процвела и устроилась»; особенно же <говорят об этом>, видя порядок, благоустроение и великое благочиние. И каждый из них просит: дайте нам написанное житие святого старца нашего, господина нашего Корнилия, так как слышим от многих, живущих вокруг, о знамениях, бывающих от гроба святого старца Корнилия. Мы же знаем нрав старца своего, который всячески избегал людской похвалы, ибо надеялся на боóльшее вознаграждение, и потому, хотя мы и желаем написать все, что видели и слышали от святого старца, однако медлим, вдруг это будет неугодно отцу нашему и вместо помощи от него получим обратное. Ибо и в Лествице написано: хорошо хвалить жития святых, желание же им подражать есть путь ко спасению, но невозможно полностью уподобиться <святым>. Но подобает нам помнить поучение и завет старца Корнилия, и не потому, что он желает от нас похвалы, а для своей пользы постарались мы написать <писание это>. И хотя оно весьма неискусно, но все же стремились мы, <да послужит оно> совершенствованию душ, верующих житию и поучению святого. Пусть мы и недостойны называться учениками его, однако удостоились от святого рукоположения, не по рассказам храним память о жизни святого старца, но живя в обители его, беседуем о нем между собой и пишем, обострив свою совесть, и просвещаем души наши памятью об отце нашем.

О рождении святого

Из славного города Ростова, от благочестивого корня выросла доброплодная ветвь, от именитых родителей, которые славились богатством более всех в городе Ростове. Родился этот святой чудный отрок от отца Федора и матери Варвары. Федор же тот был известен и самодержцу всея Руси, так что и повелено ему было переселиться из Ростова для служения великой княгине Марии, позже <нареченной>

Марфы, имя которой славно благочестием и милостью более, чем всех живших прежде нее. Поэтому она и нашла этого Федора, человека благочестивого и ведущего праведную жизнь. Брат же его Лукьян уже за много лет до него был дьяком сей блаженной и приснопамятной великой княгини Марии, во инокинях Марфы. Лукиан, будучи сведущ в делах духовных и всегда имея добрые намерения, переселил в Москву брата своего Феодора с детьми, четвертый сын которого, отец наш <Корнилий>, один из всех еще в юности причтен был ко двору благоверной великой княгини Марии.

О пострижении святого

Дядя его Лукиан оставил мирскую жизнь и отправился в Кириллов монастырь, и стал иноком. И вместе с ним в том же монастыре стал иноком и отец наш Корнилий, было ему тогда еще только двадцать лет. И постоянно разгораясь жаждой божественной любви, <святой> без лености повиновался своему наставнику, по имени Геннадий, и прошел через исполнение всех работ <на послушании>. По прошествии семи лет он вышел из монастыря и, придя к себе на родину в Ростов, убедил <постричься> своего родного брата по имени Акинфий, и привел его в монастырь, и сделал его иноком, и нарекли его Анфимом. Сам же <святой> принялся за бóльшие труды и смирял свою плоть тяжелыми монастырскими работами. Кто же не знает Кирилловской пекарни?! Там Корнилий работал не только в свой черед, но и за братию с любовию трудился. Еще и тело свое отягчал он веригами. Один из бывших там братий надсмеялся над этим и коварно обманул его: под благочестивым предлогом взял железные оковы, которые носил святой, и приказал перековать из них топоры. А он, трудясь на <монастырских> службах, нося на себе такую тяжесть, кроме того писал еще и книги для церкви, свидетельствуют об этом книги его, <хранящиеся> в Кириллове и поныне.

Затем, после <всего> этот блаженный ушел из Кириллова монастыря и, как и следует по Лествице, принялся странствовать, ища повсюду <духовной> пользы. И обойдя монастыри и пустыни, и наблюдая в каждой <обители> добрые нравы и <обычаи>, от всего <этого> приумножил для своей души семена веры и добрых дел. Затем он пришел в Великий Новгород к архиепископу Геннадию и долго оставался у него. Архиепископ же, видя святость старца, что исполнен он духовной премудрости и разума, и красноречия, весьма полюбил его, и, надеясь удержать его у себя, хотел впоследствии рукоположить <Корнилия> в священнический сан, хотя тот и не желал <этого>. Старец же не захотел принять священнический сан от архиепископа, <не захотел> священнодействовать и жить у него, но упросил его разрешения ему безмолвствовать в уединении. И, будучи отпущен <архиепископом>, <святой> поселился в пустыни недалеко от Великого Новгорода. Архиепископ посылал к нему в пустынь многое из необходимого, часто же и самого старца призывал к себе для духовной беседы. Спустя некоторое время и сам архиепископ пришел в пустынь посетить старца, полагая, что самому старцу тяжело <приходить к нему>.

Затем и многие люди начали приходить к нему ради душевной пользы и мешали ему безмолвствовать; и <старец> оставил это место и отошел к Твери, и поселился в пустыни близ Савватиевой пустыни. Но и там узнали о нем и не оставляли его безмолвствовать. Святой же, будучи боголюбцем и ненавидя славу людскую, оставил и ту пустыню. Затем пытался он безмолвствовать и в других пустынных местах, но не благоизволил Бог <состояться тому>, чтобы собралась к нему братия.

Позднее же, при княжении великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословению преосвященного Симона митрополита, которым <святой> и был поставлен в священники, в 7005 <1497> году пришел блаженный Корнилий в Комельский лес, был же этот лес тогда непроходимым. И там он отыскал хижину разбойников и поселился в ней, и начал очищать то место, и помощью Пречистой Владычицы нашей Богородицы устроил шалаш. И там пришлось претерпеть ему всяческие нападки: от бесов, и от людей, и от разбойников. «Отойди, — говорили они ему, — от этого места, да не умрешь злой смертью». Предводитель же разбойников того места погиб, и шайка его исчезла, по молитвам святого Корнилия. Как-то, когда он безмолвствовал, напали на него разбойники, думая найти у него имущество, но ничего, кроме книг, не обнаружили. Взяв книги, они ушли и всю ночь блуждали, не находя дороги, по лесу, и, очень устав, прилегли отдохнуть. А утром, встав, обнаружили, что они находятся вблизи кельи преподобного, и, осознав свой грех, пришли и отдали книги, и просили у него прощения. Святой же опять простил их и отпустил, и они отошли с миром. Отец же наш, получив с тех пор облегчение <от напастей>, стал еще настойчивее обосновываться на том месте и, много трудясь, помышлять стал о том, чтобы кормить ему своими трудами себя и бывших с ним. И стал он таким же тружеником, как и праведный Ной после потопа: рубил лес и обрабатывал поля, и принимал приходящих, и кормил проходивших мимо. И мало-помалу с помощью Пречистой поставил церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы, честного и славного ее Введения. Увеличивалось число братьев, множились молитвы.

Но кто сможет достойно описать и рассказать о всем, что он совершил трудами и подвижничеством на том месте. Раз, будучи избит злодеями, пришел, еле жив, в другой же раз в безветренную погоду упало на него дерево. Вся братия прошла мимо этого дерева невредимой, он же как пастырь шел вслед за всеми братьями, и устроил дьявол так, что упало на него дерево, и он сильно болел и был при смерти 12 недель, и лежал без движения. И едва оправившись от той болезни, пришел он как-то к трудившимся, и сел на обрыве, и вдруг внезапно упал вниз, и разболелся еще больше, чем в первый раз, и из-за этого чуть не умер. В другой раз привели его с тяжелыми ранами на голове от дерева, на него упавшего. Что же <говорить> о наветах, сделанных на него из зависти или ненависти, о клевете и досаждении, <наносимых ему> чужими и своими, дошли они и до самого самодержца. Он же оставался как алмаз, среди бед пребывая в благодарении Богу. Как смогу описать скудость, поругание и противодействие, творимые ему.

Братия же увеличивалась, и пришлось место <монастыря> расширить. Корнилий, полагаясь на Всевышнего, начал, насколько хватало сил, заниматься этим. И с Божией помощью и молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы расширил <то> место и собрал множество братьев. И стало известно боголюбивому великому князю Василию Ивановичу всея Руси о добродетельной и трудолюбивой жизни старца Корнилия, и стал <он> весьма почитать его. Также и все узнали о нем и начали отовсюду приходить к нему и просить его, <дабы дал им> принять иноческий образ. Он же принимал с верою приходящих, памятуя слово Господне, гласящее: «Приходящего ко мне не иждену вон». И постригал их, и принимал в число братии, и пекся о них как чадолюбивый отец и как истинный пастырь заботился об овцах.

И в то время как умножалось стадо словесных Христовых овец, то есть братии, церковка оставалась поначалу маленькой. Святой же старец посоветовался с братией, убеждая их воздвигнуть большую церковь. Они же с радостью обещали это сделать. И блаженный старец возносил постоянно молитвы к Господу Богу, говорящему: «Без меня ничтоже можете сделать», дабы, положив начало основанию, не ослабели бы для завершения. «Господь волю боящихся творит и молитву их услышит», и одному дал он способности к воздвижению стен церковных, другим же — умение писать образа святых икон, иным — вырезать честные кресты, другим — писать книги, — здесь уместно сказать, как в древности Веселеилу и прочим, бывшим при Моисее, для составления сени. И по милости Божией и с помощью Пречистой Богородицы, и молитвами старца Корнилия, и трудами блаженных его учеников, более же всего постом и слезами, создана была превеликая церковь. И освятил алтарь во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честного ее Введения, в 7023 <1515> году, при правлении великого князя Василия Ивановича всея Руси и по благословению преосвященного митрополита всея Руси Варлаама, в 19-е лето по пришествии старца Корнилия на <то> место. И превосходно украсили ее, как прекрасную невесту, образами святых икон и книгами. И поставил церковных служителей: священников, дьяконов, чтецов, певцов, екклесиархов и весь чин, как и подобает быть в великих лаврах. После этого создал и другую церковь, с трапезой, и освятил алтарь во имя преподобного и богоносного отца нашего Антония Великого Египетского. Вслед за тем начал строить келии и устроил монастырь в виде четырехугольника, приставив келью к келье, посреди которых поставлены церкви, будто глаза, взирающие на все. И потом построил больницу, и хлебопекарню, и поварню, создал же и богадельню за пределами монастыря для устройства странников. Поставил над монастырским хозяйством келаря и прочих служащих, хлебопека и поваров, и начальников над работниками. Сам же больше всех подвизался день и ночь, и о всех службах заботился, и все обходил, чтобы видеть трудящихся в монастыре и на полях, и всех посещал, и ободрял всех в меру трудов каждого. О прочих же его делах невозможно поведать, так как это дело сказания, а не жития.

О приходящих к святому ради <душевной> пользы

Множество же людей из многих краев приходили к нему, одни желая получить благословение, другие же — спросить о том, что не понимают, третьи же — ища лечение от разных душевных и телесных <болезней>. Корнилий же, по дару Божию, всем приходящим к нему с верою помогал, и все рассказывал, и всех благословлял, и утешал, и ни одного скорбящего не отпускал, и, поскольку ему это удавалось, стал, продолжая начатое, устанавливать церковные уставы и образцы благочиния, и душеполезные законы и правила, по заповеди Христовой и по преданию святых апостолов и преподобных и блаженных отцов и по Уложению Василия Великого, — когда следует воспевать Бога во время бдения в дневных и ночных службах, и о том, как не позволять кому-либо беседовать во время богослужения, празднословить, и не участвовать в богослужении, а также не позволять часто входить и выходить кому-либо, когда он захочет, ни делать кому-либо больше, чем повелено, но каждому в свое время довольствоваться тем, что ему поручено, и всякие монастырские работы делать по благословению настоятельскому. И прежде всего всяким добродетелям сам старался следовать, также и братию учил презирать плоть, ибо наступило время для всяческого усердия и прилежания о душе, о вещи бессмертной. И <учил> ни в чем по воле своей не поступать, и тесным и прискорбным путем шествовать, ведущим в жизнь вечную, широкого же и пространного пути, ведущего к гибели, всячески избегать.

О кресте и монахе Анании

Когда же преподобный Корнилий пришел на это место, то сделал крест и поставил его на расстоянии одного поприща от монастыря, на дороге. Проходившие же мимо и больные приходили с верой и кланялись ему, и молились распятому за нас Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой его Матери, призывая молитвы святого старца на помощь. И получали здоровье душевное и телесное и облегчение в пути, и клали милостыню на пропитание пустыни, и уходили. Некоему же брату, по имени Анания, повелено было святым брать эту милостыню и относить в монастырскую казну. Он же, беря даваемое, часть приносил в казну, часть же скрывал у себя, часть же отдавал, куда хотел, без благословения святого Корнилия, а было им повелено всей братии ничего не брать и не давать без благословения настоятельствующего. И вот во время Божественной литургии, когда братья собирались принять святую дору, — <они> перед тем приходили и кланялись написанной на иконе Пресвятой Богородице, держащей на руках Господа нашего Иисуса Христа, и целовали святую икону, и принимали дору из рук преподобного, — упомянутый брат Анания, о котором мы рассказываем, поправ свою совесть, и не испугавшись страха Божия, и ни во что вменив заповеди святого, пришел с другими братьями целовать святую икону. И внезапно икона поднялась вверх от него. Когда же он второй раз попытался поцеловать икону, опять икона вознеслась от него. И он понял свое согрешение, отошел, и начал горько плакать и, придя к старцу Корнилию, покаялся и исповедал ему все это. Святой же повелел ему впредь так не поступать, и простил его, и рассказал другим пользы ради. Мы же об этом подробно расспросили того самого брата Ананию, и он сказал нам также, как и святой нам поведал. Мы же это и предали писанию.

О хлебопечце

В другой раз некоему брату было преподобным повелено стать старшим над хлебниками. Как-то же подбил его враг, и не захотел он благословиться у старца Корнилия, и испек хлеб. Старец же это узнал, и решил поучить брата, чтобы и прочии страх имели: повелел он эти хлеба в сани положить и выкинуть на путь для прохожих, а было <того хлеба> два воза. И так сказал: «Да не съедят даже псы в нашей ограде неблагословенного сего хлеба». Брат же, осознав свой грех, пришел к святому, со слезами покаялся и просил прощения. Святой же упрекнул его <и велел> ему не решаться на такое впредь, и поучал его не делать так, и простил его.

О работниках

А другим двум братьям святым было поручено присматривать за работниками. И вложил им <в души> дьявол ненависть к святому, и возненавидели его, и решили его убить, святой же отец наш этого не знал. Они же изыскивали время и место, чтобы совершить задуманное. А близ монастыря был мост через реку Нурму, святой же обычно всегда посещал трудившихся на полях и часто ходил через тот мост за реку Нурму. Те же, сговорившись совершить злое свое дело, стали под мостом, ожидая святого, чтобы совершить злодеяние. И увидели преподобного, идущего на мост со множеством людей. Они же от страха спрятались, чтобы не увидел их святой; блаженный же прошел мимо них один. Они же видели, что много людей идут с ним, и пошли вслед за ним на порученное им дело, и увидели, что старец Корнилий пришел один, и удивились. И так было не раз, но три раза так поступали, и то же видели, ибо Бог хранил своего угодника молитвами Пресвятой Богородицы. Потом же напал на них ужас и сильный страх, и испугались Божьего суда, и осознали свое согрешение, и видя незлобивость святого, бросились к нему со слезами, и покаялись, и исповедали по порядку все случившееся <с ними>. Блаженный же поучил их от Святых Писаний и простил им грех, и потом утешил их, и отпустил их с любовью каждого на свою службу. Позднее же те два брата несли послушание со всяким тщанием по отношению к своему наставнику, и его молитвами были избавлены от злой ненависти. И это мы от самого нашего отца слышали и написали.

О позднем хождении святого

Имел же преподобный обыкновение глубоким вечером обходить молча кельи, слушая, кто что делает. И если слышал, как кто-либо из братии на молитве стоит, или читает книги, или учит псалмы, или плачет о своих грехах, или творит поклоны, то, благодаря за тех Бога, тихо уходил. Если же обнаруживал, что кто-то ведет беседу или разговаривает не на пользу души и празднословит, на тех негодовал и стучал в окошко, этим указывая на свой приход.

О поучении святого

Много же раз, когда поучал на соборе, напоминал им об этом, чтобы впредь так не делали, но никого по имени не называл. Каждый же знал, что он так поступает, и считал, что ради него <говорится> поучение и обличение. Говорил же им: «Дети, насколько хватит вам крепости, заботьтесь о своем спасении прежде, чем придет время, когда будем безутешно плакать, если теперь обленимся». Они же, припадая к ногам святого, просили прощения. Он же, достаточно наказав их, прощал, если же видел кого-либо ожесточившимся, тех воздерживал епитимьей. И так Божьею помощью и Пречистой Богородицы, и молитвами преподобного Корнилия братья исправлялись, и приносили достойные плоды <покаяния>, боясь, чтобы святой не стал бы их вновь ругать.

О раздаче милостыни на праздники

Как-то подошел праздник — память Антония Великого; старец же Корнилий имел обыкновение на праздники Введения Пречистой и преподобного Антония раздавать милостыню нищим — каждому по деньге, а кроме того, по просвире и хлебом их оделял. Бог же захотел испытать веру раба своего, и случилось в монастыре большое оскудение. А подошел праздник Антония Великого; множество же нищих, как обычно, собрались в навечерие праздника, у блаженного же не было ничего, чем подать им милостыню. И он благодарил и молился об этом Господу Богу и Пречистой его Матери и преподобному Антонию Великому, да не презрели бы его молитв, но послали свою милость на братию его, на нищих. Когда же наступило утро, на рассвете пришел от самодержавного государя всея Руси великого князя Василия Ивановича посланник и дал святому послание от государя с повелением молить Господа Бога и Пречистую его Матерь и великих чудотворцев о его здравии и о его великой княгине Елене, и дал милостыню: двадцать рублей и еще рубль. Блаженный же, взяв это, возблагодарил Господа Бога и Пречистую его Матерь и преподобного Антония Великого, ибо не презрели молитвы его. И помолился за государя, и наделил милостыней нищих с любовью, как посланной от Бога ради них. Мы же видели скорую Божью милость и неизменную веру святого, и прославили Бога, и об этом написали.

О голоде

Как-то был сильный голод на Вологде и в вологодских пределах. Настолько дорого стоила рожь, — по рублю четверть и более, — но и за такую великую цену едва можно было ее купить. И в то голодное время многие приходили с разных сторон в дом Пречистой, странники и нищие, и окрестные жители, мучимые этим страшным голодом. Отец же наш Корнилий не прекращал подавать всем пищу и милостыню каждый день. И многие приносили своих младенцев и бросали их под монастырскими стенами, святой же всех принимал, и посылал на двор к монастырским слугам, и там всячески обустраивал их. И в то тягостное время обитель Пречистой не беднела, но все более множилось необходимое в монастыре, молитвами Пречистой Богородицы и преподобного Антония и отца нашего Корнилия.

О видении святого

Когда блаженный Корнилий как-то праздновал память преподобного Антония Великого, собралось множество нищих. И как обычно, он из своих рук оделял их милостыней: <каждому> по просфире и по деньге, сверх же того <милостыню> хлебом и калачами. Некоторые же из нищих не один, но и второй раз брали, один же и пять раз взял. Святой же Корнилий не смотрел на лица, но только давал в протянутые руки. Приставленные же для надзора монастырские служители, видя бравших больше, сказали блаженному. Он же ответил: «Не трогайте их, для того пришли». И когда день склонился к вечеру, после соборного пения, поздним вечером, когда стоял святой на обычном своем правиле, присел на лавку, чтобы немного отдохнули ноги, и был сведен в тонкий сон. И видит пришедшего к нему почтенного старца, украшенного сединами, по образу похожего на Антония Великого, который взял его за руку и сказал: «Корнилий, иди за мной». И вывел его на некое ровное место, и показал ему по одну сторону просфиры, а по другую — калачи, и сказал ему: «Это твои просфиры и калачи, которые ты дал нищим, простри же одеяние свое». Он же простер. И стал класть в подол просфиры и калачи, пока не стали они высыпаться от избытка. Вздрогнул он и очнулся, и удивился чудному видению. И поведал нам это сам старец Корнилий со слезами, и заповедал нам не только при жизни своей подавать неоскудно милостыню нищим, но и по его преставлении. Мы же написали это на память, если богоугодно будет житие старца Корнилия, чтобы и это не забылось.

О монастырском уставе и братской молитве

И затем блаженный Корнилий установил, чтобы все братия, находящиеся на работах и на всех службах, не празднословили, но песнословили или молитву Исусову беспрерывно повторяли и благодарили Бога и жили в любви. Так же принимал и приходящих и наказывал жить по преданию и правилам святых отцов. И всех учил страху Божию и трудолюбию, чтобы никто не оставался праздным и своею волей ничего не делал, но все с разрешения настоятеля. И этот устав положил нерушимо не только для тех, кто пребывает в обители и трудится там, но и тем, кто вне монастыря служит: приносит ли зерно из житницы, или муку с мельницы, или иначе как-либо служит, — все это не празднословя, но с пением и с молитвою <делать>, да возблагодарится Бог, питающий и направляющий нас, и благословится дело, и освятится душа.

Сколь же увеличивалось стадо его, столь и за большие подвиги он принимался, в воздержании постоянном усердствуя и во все большем бдении и в длительном посте и, вкратце сказать, вся жизнь его была постом. Всегда же имел желание, отойдя от дел, наедине безмолвствовать, ибо <безмолвие> — мать безгрешности. И написал он пятнадцать глав о церковном благочинии, и о соборной молитве, и о благоговейности, и благочинии в трапезе, и о еде и о питии, и об одежде и обуви, и о том, чтобы не просити никому что-либо у мирских людей, и не иметь отдельного имущества, и не брать нигде ничего без благословения игумена, и не приходить не вовремя в трапезную и в служебные кельи. И когда братья соберутся вместе на дело, совершать его с молчанием и молитвой, и никуда не выходить из монастыря без

благословения, и ни от кого не брать милостыни братьям себе, и чтобы никто не предавался пьянственному питию, и о прочем монастырском устройстве. И все написанное отдал братии, заповедав им, да не разорится ничто от общежительного законоположения по его написанию, много о том заботился, устроив монастырь всем необходимым для души и для тела, нужным для сохранения иноческого жительства. К тому же и большие пруды выкопал. После этого созывает всех учеников своих своего монастыря и, избрав двенадцать из них, вручает им, и с ними всей братии, монастырское строение, прося у них, чтобы отпустили его безмолвствовать наедине. Братия же с плачем умоляли блаженного, чтобы не оставил их осиротевшими, но остался с ними. Он же, утешая их, сказал: «Братья, если и телом вдали от вас буду, душою же — с вами».

Об уходе блаженного в пустынь

Блаженный Корнилий, взяв с собой некоторых из братии, отошел от монастыря примерно на 70 поприщ, к безлюдному месту, называемому Сурское озеро, в лес поблизости реки Костромы. И там начал со всяческим старанием и усердием служить в безмолвии Господу. Братия же, посовещавшись, послала нескольких из них к отцу своему Корнилию в пустынь, молить его, дабы не оставил их, осиротевших своих детей, им собранных. Святой же им отказал, и они ушли, ничего не получив. Святой же старец безмолвствовал в пустыни.

О том, как великий князь ходил в Кириллов молиться

Той же зимой решил великий князь Василий Иванович всея Руси отправиться на Белоозеро в Кириллов вместе с великой княгиней Еленой, молить Господа Бога и Пречистую Богородицу и великого чудотворца Кирилла, да даруется им чадородие, чтобы был наследник роду его, самодержца всея Руси. Проезжая мимо, заехал он и в обитель Пречистой, в Корнилиев монастырь, в то время как старца Корнилия в обители не было. Великодержавный же государь с великой княгиней долго молились Пресвятой Богородице и совершили молебен великому Антонию. Потом же спросил братьев: «Почему ушел Корнилий в пустынь, по благочестивому ли помыслу или из-за каких-то беспорядков, скажите мне». Братья же ответили: «Ради любви ко Христу». И молили самодержавного государя со слезами, дабы уговорил отца нашего не оставить нас осиротевшими, ибо не в состоянии они были оставаться без такого пастыря и учителя. Самодержец же внял их молениям и слезам и тотчас отправил своего посланца в пустынь к старцу Корнилию, и повелел ему вернуться в свой монастырь и дождаться его возвращения из Кириллова, сам же дал братии много милостыни и, угостив трапезой, отправился в Кириллов. И там совершив молебствие, князь великий вновь вернулся с Белоозера из Кириллова. Отец же наш Корнилий по повелению великого князя пришел из пустыни в свой монастырь и, взяв с собой трех братьев, встретил великодержавного государя в Вологде, и поклонился ему до земли. Князь же великий очень обрадовался приходу старца Корнилия и почтил его, и долго беседовал с ним о полезных <для души вещах>. И просил его о том, чтобы молил <Корнилий> Господа Бога и Пречистую

его Матерь, чтобы даровалось бы ему чадородие и наследие роду, и отпустил его в монастырь, потом же сам отправился в путь к царствующему граду Москве. И во второй раз пришел в Корнилиев монастырь и долго молился Пресвятой Богородице, потом же велел отцу нашему Корнилию не оставлять братию, но остаться с ними в монастыре своем, «который ты многими трудами собрал», говоря <ему>. А блаженный старец Корнилий, указывая на свою старость и немощь и на то, что нет <уже> у него сил заниматься устроением монастыря, молил великого князя, да отпустит его в пустынь оплакивать свои грехи. Благочестивый же великий князь, хорошо зная добродетельное и трудолюбивое его житие, разрешил ему поступать, как захочет, так как был милостив и очень чтил его. И дал ему достаточно милостыни и отпустил его в пустынь, и повелел ему и пребывающим с ним там давать на пропитание оброчный хлеб. В монастырь же братии дал 50 рублей и повелел обить церковь Антония Великого досками. И, приняв благословение от старца Корнилия, отправился дальше в путь; тот же после этого отошел в пустынь и пребывал там, безмолвствуя, моля Господа Бога и Пречистую его Матерь и великих чудотворцев за государя самодержавного великого князя Василия Ивановича всея Руси и за великую княгиню Елену, да даруется им чадородие в наследие самодержавному роду их всея Руси, и за всех православных князей и христолюбивое воинство и за всех христиан. Во время же пребывания его в пустыни собралась к нему братия, числом шесть человек, и поставили несколько кельиц. И потом решил <святой> воздвигнуть маленькую церковку, и о сем молился Господу Богу, да устроит все, как будет угодно имени Его святому.

О том, как святой ходил из пустыни в царствующий град Москву

Взяв же с собой одного из братий, пошел в достохвальный град Москву молить самодержца всея Руси и преосвященного митрополита, да повелят ему создать церковь в пустыни. А в то время родился у боголюбивого великого князя Василия Ивановича, всея Руси самодержца, сын, и наречен был во святом крещении князь Иван. И об этом он радовался великой радостью, воссылая благодарение Богу и Пречистой его Матери и великим чудотворцам, ибо услышал Господь молитву его и не презрел моления его, и от радости той великой пришел в Сергиев монастырь помолиться Живоначальной Троице и великому чудотворцу Сергию. Блаженный же Корнилий в то время пришел туда из пустыни и поклонился самодержавному государю до земли. Князь же великий рад был приходу старца Корнилия и почтил его всячески, и принял от него благословение, и послал его перед собой в царствующий град Москву, чтобы придя, благословил и великую княгиню, и Богом дарованного им сына, и было так. Великий же князь, после того как помолился Живоначальной Троице и великому чудотворцу Сергию и возвратился в град Москву, стал призывать блаженного Корнилия на обед к себе, и всегда и каждый день присылал ему домой все нужное в достаточном количестве. Он же <все присланное> тайно подавал нищим и немощным, долгое время одаряем и любим самодержцем. Святой же старец Корнилий молил боголюбивого великого князя, чтобы разрешил ему создать церковь в пустыни. Князь же великий вспомнил о молении и слезах братии, как

молили его в монастыре заставить отца их Корнилия остаться с ними в монастыре, и потому не разрешил ему создать в пустыни церковь, но настойчиво уговаривал его, дабы он оставался в прежних своих трудах с учениками своими в монастыре своем. Отцу же нашему это было тяжело, ибо он желал безмолвствовать наедине, избегая житейского шума и славы человеческой.

О поисках святого

Скрылся блаженный и пребывал в тайном месте у некоего христолюбца. Князь же великий послал на поиски святого по всему царствующему граду. Святой же, видя, что его настойчиво ищут, удалился в пречестную обитель Живоначальной Троицы Сергиева монастыря, и там был принят игуменом и братией с любовью, и пребывал в безмолвии. Когда великий князь услышал, что Корнилий безмолвствует в Сергиеве монастыре, то прекратил поиски святого. И потом настал праздник святого Богоявления, и пришел боголюбивый великий князь в Сергиев монастырь Живоначальной Троицы помолиться, отец же наш там безмолвствовал.

О том, как святого уговаривали вернуться в свой монастырь

Однако не подобает светильнику под спудом таиться: и князь великий опять стал настойчиво уговаривать святого, чтобы он шел в свой монастырь. Старец Корнилий видел великое прилежание великого князя и положился на волю Божью, и повиновался ему. Государь же обрадовался и в тот же час послал в Корнилиев монастырь, повелел прийти старцам, чтобы молили старца Корнилия, дабы не оставил их. И спустя несколько дней пришли старцы и молили отца Корнилия со слезами не оставить их. Корнилий же с ними пошел к государю и просил отпустить его в свой монастырь, и благочестивый князь великий обрадовался этому.

О селах и деревнях и о грамоте тарханной

И князь великий сказал святому: «Слышал я, отче, что с тех пор, как создал ты монастырь, нет у тебя сел и деревень, так вот, что тебе нужно, проси, и дам тебе». Корнилий же не захотел просить ничего иного, разве что молил дать ему близ монастыря немного земли с лесом, да от пота лица своего ем, сказал, хлеб свой. Князь же великий землю и с лесом и все, что пришлось близ монастыря: деревни и починки и со всякими угодьями, дал, так говоря: «Если у них кто в тех деревнях и в починках начнет жить из священников и дьяконов и крестьян, не нужно им <платить> никакую мою великого князя дань и никакие поборщики у них ничего да не берут, и с черныю не платят никакой подати, так как я дал это в дом Введения Пречистой Богородицы старцу Корнилию с братией». И это произнеся, утвердил грамотой с красной печатью, и дал старцу Корнилию, сказав: «Если кому и дам грамоту на что иное, а на эту другой не будет». И, приняв благословение от старца Корнилия, отпустил его с миром, сказав: «Моли, отче, Бога о нашем здравии». Дал же ему боголюбец великий князь все, что требуется в пути, к тому же и достаточно милостыни.

О пришествии святого в монастырь свой

И так, хранимый Богом и благоугодно напутствуемый, пришел <святой> в обитель Пречистой, которую создал сам. Братия же вся встретила его вне монастыря и так радовалась ему, как ангелу Божию: одни целовали его руки, другие же стремились дотронуться до его ног или одежд. Отец же, видя их благоразумных, возвеселился о них и, показуя отеческую любовь свою к ним, всех обнимал и всех целовал, и всех благословлял.

О игумене Касьяне

Когда же жил отец наш Корнилий в пустыни, тогда братия по благословению старца Корнилия поставили себе игумена именем Касьяна. Когда же святой старец вернулся в обитель, игумен Касьян устыдился отца, оставил игуменство и пребывал в послушании у старца. Отец же наш Корнилий долго молился со слезами к Господу Богу и Пречистой Богоматери и принялся за прежние свои труды: рубку леса и засевание полей, чтобы не только хлеб свой есть, но и неимущих кормить.

О том, как зажегся хворост

Как-то же преподобный отец наш Корнилий с братиею очищали срубленный лес и собирали в кучу хворост, и в то время как братия пожелала отдохнуть от трудов, блаженный начал жечь собранный хворост, и окружил его отовсюду огонь и дым, и не знал он, как выбраться из огня. И по Божьему благоволению, вскоре подул с запада сильный ветер и развеял пламя и дым, и сделал дорогу, подобно улице. Святой же вышел из огня невредимым и благодарил Бога и Пречистую его Матерь. И рассказал об этом, братия же удивлялись. Сказал им преподобный: «Любящих Бога и хранящих заповеди его, <Бог> не только от чувственного огня избавит нас, но и от будущего, который поглотит грешников».

Вопрос. Некие же братья спросили его: «Что есть любовь, отче, и о каких заповедях говоришь, что их следует хранить». Говорил же им святой: «Когда приступили к Господу законники: „Учитель, — сказали, — какая заповедь первая в законе есть”. И Господь отвечает: „Возлюби Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всей души твоей и от всей крепости твоей и от всей мысли твоей”. Это есть первая и великая заповедь; вторая же подобна ей: „возлюби ближнего как самого себя”. На этих двух заповедях держатся весь закон и пророки».

Поучение. И всех молил и поучал, говоря так: «Братья, подобает прежде всего постригающимся в начале не иметь своей воли, но держать послушание и смиренную мудрость и всегда ждать смертного часа, все время молясь. Также и телесно подобает трудиться чернецам, особенно же юным, никогда не быть праздным и не послаблять себе, не впадать в уныние, трудясь, также и отходя от мира сего, не думать, что что-то великое отбросили, но подобает нам помнить о том, что если ныне пребывания в мире не оставим, то потом, умирая, все равно

оставим, хоть и не хотим. И потому тленное оставляем, чтобы принять Царство Небесное. Потому, подвизаясь, не впадаем в уныние, не ленимся, но все дни пребываем в воздержании. Не сравнить ведь страдания нынешнего века с той славой, которая ждет подвизавшихся».

Сам же старец Корнилий в беспрерывном пощении, в бдении и в молитве со слезами трудился. И никогда же уста его не были праздны от славословия Богу, но все время без лености молился. Хотя и состарился он, но нисколько не уменьшил количество подобающих божественных служб, и только чем более он старел, тем более увеличивалось усердие его в делании дела Божиего. И усерднее подвиги во имя Божие совершал, в несуетном безмолвии храня ум. Был он нагим одежда, печальным утешение, бедным помогая и от бед спасая, больных исцелял молитвой, должников выкупая и сам долги прощая, учитель был покаянию для грешников, и всем желал спастись, и попавших в беду от насилия злых судей только словом избавлял, иногда же и втайне от братии милостыню подавал убогим, дабы роптанием братия мзды не погубили. Сам же ризную бедность так любил, как один от убогих.

Некий брат по имени Закхей пришел к преподобному в мантии, латанной лыком, и попросил св. Корнилия, чтобы тот разрешил ему сменить ее на лучшую. Корнилий снял с себя мантию и отдал Закхею, а латанную лыком мантию того взяв, надел на себя и долго потом еще носил ее.

Заповедал же всем: никому не иметь никакого собственного имущества, не говорить никогда: «это мое, то же твое», но все иметь сообща и этим довольствоваться, также никому, кроме больных, не держать в кельях пищи и питья помимо трапезы, на трапезе же сидеть всем на своих местах молча, молясь про себя. Также и из трапезной каждому уходить в свою келию, имея на устах псалом или молитву Иисусову. Беречь же глаза от того, чтобы смотреть на неподобающее, и уши от того, чтобы слушать то, что не на пользу, язык же от празднословия, как говорит Господь: «За всяк празден глагол предстоит дать ответ Богу в день судный». Сердце же хранить, насколько хватит сил, умной молитвой от скверного помысла, как сказано: от сердца исходят злые помышления, и они оскверняют человека. Потому, братия, если кому от общего <для> всех врага придет помысел нечистый, не поленитесь помолиться к Богу прилежно, и постом, и молитвой, бдением и слезами в одиночестве, <и> вскоре избавятся от него старательно подвизающиеся. Также и руки хранить от дерзости и лихоимства: ноги же наши научим ходить верным путем по заповедям Господним, не уклоняясь ни вправо, ни влево, но царским путем шествуем, показанным в пути спасения. Затем же поучал — питье, от которого исходит пьянство, никоим образом не разрешил в монастыре держать, ибо происходит от него, сказал, всякое зло. Да не прогневаете, сказал, Бога, губя не только свои души, но и многих других соблазнив, люто испытаны будете, и проклятье, и горе найдете, ибо горе, сказано, тому человеку, через которого приходит соблазн. Так блаженный этим уставом отсек змиеву главу пьянства. Если же, сказал, кто станет нарушать что-либо из общежитийного <уклада> и чина, да изгонят

такого, чтобы и прочая братия страх имела: не преступать законоположения и своей воли не иметь, но подражать житию святых отцов и пребывать в безмолвии, невозмутимо занимаясь рукоделием и молитвами и трудиться для Господа в злострадании, каждому стараясь сделать свою работу, всем вместе в мире жить, друг друга честию больше себя ставя. И если так в страхе Божием пребудете, то не лишит Господь всего благого место это, и не будет недостатка в этом святом месте. Если благочестно поживете здесь со страхом и трепетом, заботясь о своем спасении, то так, богоугодно живя, и здесь ублажены будете, и вечные блага примете.

Все это сложим, братья, в сердцах наших и постараемся сохранить, да не осудят нас словеса <эти> в день Суда. Но молю вас, братия, я, недостойный, живите в братолюбии и смирении, в кротости, каясь брат брату, и любовь имейте истинную и мир в сердце. И Бог мира да будет с вами, и Тот да сохранит вас и утвердит в любви Своей, молитвами Преславной Богородицы и преподобного и богоносного отца нашего Антония Великого и всех святых. Аминь.

Об отшествии святого в Кириллов монастырь

Потом же блаженный Корнилий почувствовал, что одолевает его старость и отягощает недуг, и конец его приближается. Братии же число прибывало, и нуждались они в поучении от него, и любимое им безмолвие нарушали, и молитвам и слезам мешали, и смертное поучение забывали. Святой же старец ни о чем ином не помышлял, только о смерти, и сторонился всякого человеческого общения. Оставил монастырь и все устроенное <им> и отошел в место своего пострижения, в Кириллов монастырь, и был принят там игуменом и всей братией с великой любовью, и затворился там в келии, дабы завершить течение духовного подвига. Но, хоть он и сделал так, Бог же ему лучшее предопределил, чтобы были положены его мощи в его монастыре. Ученики же его послали старейших из братии, числом пять, с великим молением ко отцу своему, дабы не оставил их сирот, как овец, не имеющих пастуха. И они молили его, чтобы он, возвратившись, безмолвствовал в своем монастыре. Он же не хотел слушать их. Увидев, что его решение непреклонно, молили они игумена и старцев пречестной той обители, да помогут им и молят старца Корнилия, чтобы возвратился в дом Пречистой, в свою ограду. Игумен же и старцы молили преподобного утешить братию, да не впадут в уныние и не разойдутся. Блаженный же не мог перечить им и сказал: «Поставьте себе игумена, и я вернусь к вам». Они же сказали: «Назови, отец, имя, кого хочешь». Он же сказал: «Лаврентий да будет игумен. Знаю хорошо, что велик он в добродетелях и рассудителен в духовных и житейских <делах> и может строить монастырь». Они же, слышав это от святого, вернулись в монастырь и поведали братии, что блаженный говорит: «Если не станет у вас игуменом Лаврентий, то не вернусь к вам».

О возвращении святого из Кириллова в свой монастырь

Братия же едва умолила Лаврентия, и поставили его игуменом. Ученик же блаженного игумен Лаврентий созвал совет с братией и пошел в

Кириллов к преподобному, и долго молил его, да не оставит их, чад своих, осиротевших. Блаженный не презрел моления и слез учеников своих, особенно же игумена Лаврентия, возвратился в дом Введения Пречистой и преподобного Антония Великого, в ограду свою, где прежде Богом наставлен был и где Пречистая Богородица явила свою волю. Ученики же его приняли его с большой радостью.

О вручении монастыря игумену Лаврентию с братией и о безмолвствовании святого

Святой же, прийдя в монастырь свой, вручил монастырь и монастырское устройство игумену Лаврентию и всей братии, своим ученикам, а сам стал жить в крайнем безмолвии и любомудрии, затворился в келье и в безмолвии углубился в пост и молитвы, и не думал ни о чем земном, ни об устройстве монастырском больше не заботился, и, весь ум устремив к Богу, размышлял об избавлении от телесных уз. Хорошо же знал из Божественных Писаний о том, что страшные испытания терпят от духов воздушных во время разлучения души с телом не только ленивые, но и подвижники, а потому плакал день и ночь, беспрестанно проливая слезы. И не оставил ничего из келейного правила, и ходил всегда на богослужение.

О нашествии татар

Во время же, когда безмолвствовал святой Корнилий, из-за наших грехов и Божьим попущением приключилось нашествие безбожных татар, и захватили они многие земли, и дошли даже до вологодских пределов. И от нашествия поганых православные, не только миряне, но и все монастыри, разбежались. Братья же сказали об этом блаженному, он же ответил им: «Поступим как люди, бежим и мы, да не вменится нам гордыня, если не бежим, сидя здесь, <от беды> избавимся, то от тщеславного беса не избавимся. Это не добродетель самому стремиться навстречу напастям. Так и Христос, который мог все, от Ирода бежал телом в Египет, дабы и другие не бросались навстречу напастям». Так и сделал блаженный и отправился в белозерские пределы на Ухтому, и там молился Господу Богу и Пречистой его Матери о тишине и о умирении всего мира, и о сохранении обители его. Безбожные же татары там вокруг многие места и честные обители пожгли и множество православных взяли в плен. И по услышанному от пленных, устремились в обитель Пречистой Корнилиева монастыря. И пришли к монастырю на поле, и показалась им обитель Пречистой, словно огромная крепость, вокруг же нее <увидели они> множество воинов, вооруженных для битвы. Они же, видя это, начали убивать приведших их, говоря им, что «в крепость к людям привели нас». И испугались они очень, и отбежали, и так помощью Пречистой и молитвами святого сохранена была обитель его. Услышал же блаженный Корнилий, что отошли безбожные татары, и возвратился в свою обитель. Многие же пленные, вырвавшись от поганых татар, поведали об этом игумену Лаврентию, мы же слышали от него и записали.

О болезни святого

Корнилий же вновь безмолвствовал, и от глубокой старости и многих трудов изнемог телесно, и впал в болезнь, был объят огнем, но, крепкий душой, благодаря Бога, стойко претерпевал. И избегал всякого общения с людьми, в молитве же и внимании к Богу все время держал ум, и то, что видел, <от внешнего> очищал, и свет божественного разума собирал в сердце своем, и чистотой этого созерцал славу Господню, потому сосуд избран был для Святого Духа. И через некоторое время изнемог блаженный, и почувствовал, что отходит в последний путь. И в то время, когда уже приблизился конец, призывает к себе игумена Лаврентия и всю братию и завещает им с мольбою и призывая в свидетели Бога, да не испорчено будет ничто от законоположения общежитского, ибо сильно радел о том.

Второе и последнее поучение святого к братии

И так начал поучать их, говоря: «Блюдите, братия, и внимайте, заповеди Божии храните и мои предания, что написал вам своей рукой, соблюдайте и часто их читайте как напоминание на пользу и спасение душам. В особенности же чина церковного службу без лени совершайте, с благоговением, ибо Богу подобает страхом и трепетом служить, а не смехом и шепотом, со многим вниманием и страхом Божиим в святой церкви подобает стоять и представлять себя словно находящимся на небе, молясь Богу о своих прегрешениях и о умирении всего мира». И, долго наставляя их, добавил и это, сказав: «Да когда будете меня поминать и будут остатки братской трапезы, то подавайте их братии Христовой, нищим».

О преставлении святого

И вновь отпустила его болезнь, и стал он присутствовать на службе. И по Пасхе на четвертой неделе в пятницу понял, что вскоре окончательно отойдет к Господу, и повелел вести себя в церковь к Божественной литургии. По окончании службы причастился блаженный Святых и Животворящих Тайн и вновь в субботу начал крайне изнемогать телом, душой крепкий. Пришли же к нему игумен Лаврентий и вся братия и, видя его изнемогающим и собирающимся отойти к Господу, сильно скорбели: если могли бы, умерли бы вместе с ним от великого усердия и любви, которую имели к святому. Говорили же некоторые из его учеников, рыдая: «Так как оставляешь нас, отче, и к Господу отходишь и не будет тебя с нами, многие из нас переселятся из места сего». Святой же, утешая их, говорил: «Не скорбите, братья и дети мои, мне бо пришло время почить о Господе, предаю же вас Богу и Того Пречистой Богоматери, Тот да сохранит вас от всех искушений лукавого. И ученик мой игумен Лаврентий да будет вам вместо меня, и чтите его, как меня, он ваши недостатки исправит». Это и другое многое, утешая их, говорил, и о сем молил, да не будет в них никаких раздоров и свар, об этом много пекся и когда еще был здрав. Вся же братия к нему приходила и целовала его со слезами, прося последнего у него благословения. Он же как чадолюбивый отец всех целовал, всех миловал, всем оставлял последнее благословение и сам просил у всех прощения. И молил их, говоря: «И о мне грешном, господа мои, Бога молите, да вашими молитвами получу от Христа Бога милость в день

славного его пришествия». И повелел некиим из братии читать часы и канон Иисусов и Пречистой благодарственный канон акафист, и к тому еще канон великомученице Екатерине. По совершении же правила встал, взял кадильницу с фимиамом и покадил святые иконы и всю братию, туда пришедшую. И снова лег, молясь о своем исходе и нисколько не печалился, но более надеждою о будущих благах веселился. И святую и трудолюбивую душу мирно и тихо Господу предал, в то время как была молитва на устах его, и так от здесь пребывающих перешел он в вечную жизнь. Братья же, тогда на уход отца с умилением взирая, оплакивали то, что лишаются учителя, все со скорбью здесь предстояли. Было же лицо его светло, будто бы не умер святой, но спит, ибо непорочное имел житие.

Преставился же блаженный Корнилий по Пасхе в пятую неделю во время воскресной заутрени, на память святого священномученика Патрикия Прусийского. Игумен же Лаврентий со всей братией его священные мощи на одр с честью положили и внесли на своих главах в церковь, со всей подобающей честью и псалмопением отца провожали, со многими слезами, и, немного оправившись от горя, совершили воскресную службу.

Услышали же игумены в окрестных обителях о преставлении блаженного Корнилия и с утра в понедельник сошлись, и совершили Божественную литургию, и с прилучившимися игуменами со многою честью надгробное богослужение совершили, и выкопали своими руками могилу, <и положили туда гроб>, и землей покрыли многострадальное и трудолюбивое отца тело вблизи храма Введения Пречистой в честном его монастыре, который он сам создал многими трудами, 1538 года месяца мая в 19 день, хорошо упас Богом врученную ему паству и на пажити жизни наставив. Таковы подвиги и деяния, и чудотворения, и исцеления блаженного Корнилия. Было святому Корнилию сорок один год, когда пришел он на место то, и оставался он на том месте 41 год, и собрал он множество братий, было же их до 90 человек; научил он их благочестию и иноческому житию, по преданию святых и блаженных и преподобных отцов, и за год до преставления своего избрал одного из них, по имени Лаврентий, и поставил игуменом; и пожил блаженный всех лет восемьдесят и два, и в старости глубокой преставился к Богу.

О игумене Лаврентии

По смерти же блаженного Корнилия ученик его игумен Лаврентий с братией молили Господа Бога и Пречистую его Матерь и преподобного отца Корнилия на помощь призывали, говоря: «О, преблаженный отче Корнилие, если получил <милость у> Бога, не забудь нас, чад своих, которых сам собрал». Потом же игумен Лаврентий, как и заповедал ему блаженный Корнилий, когда еще был жив, старался поступать сам и дела свои совершать так, как и отец его. Пожил же во всяком благочинии и смирении, соблюдая в житии своем любомудрие, в полноте показывал видящим его пользу, и великое опасение и тщание имел, чтобы не нарушилось ничего от законоположений святых отцов и отеческого предания, воздержание же во всем имел большое и прочие

благие деяния <совершил>. И врученное ему о Христе стадо хорошо упас, научив их стремиться к вышнему, и отца своего блаженного Корнилия предания соблюдал невредимыми, как и научен был от него, ничего он не нарушил. И так пребывал он в посте и в молитвах и в бдении, безмолвствуя, вдобавок же и многие книги написал своей рукой. Достаточно было видеть образ его жития, чтобы получить понятие о его добродетели, ибо был смирен во всем, предав себя полностью Божией любви, потому и все мог о Христе. Жил же тот добрый настоятель по преставлении преподобного Корнилия десять лет и отошел к Господу, которого от юности возлюбил, месяца мая в 16 день.

Многие же чудеса, при жизни бывшие блаженного Корнилия, из-за большого их числа и по прошествии многих лет не были записаны. Только это немногое написано было, чтобы не было окончательно забыто в рассказе о святом.

По смерти блаженного Корнилия в четвертое лето прославил Бог своего трудоположника чудесами, из которых мы и написали немного, чему сами свидетелями были.

Некий крестьянин монастырский, живший вблизи монастыря Корнильева, именем Михаил, по прозвищу Дубовик, имел сына по имени Андрей, 25 лет. Внезапно нашел на него дух нечистый, перестал он понимать что-либо. Отец же, увидев сына своего лишившегося ума, печалился о нем. И вскоре явился страждущему отроку блаженный старец Корнилий и сказал ему: «Что, небожий <человек>, не понимаешь, это пришло на тебя от нашествия бесов, и много страдать будешь. Иди же в дом Пречистой Богородицы в наш монастырь, <там> будет тебе от Бога посещение ради Пречистой Богородицы. Поможем тебе и мы». Отрок же тот, словно от страха, стал рассказывать отцу своему. Взял же отец отрока и привел его в монастырь Корнилиев, и умолил игумена и братию, да побудет сын его в монастыре. Игумен же повелел, чтобы побыл. Напало же на него множество бесов, и мучили его, и били, веля ему кричать. Он же сильно кричал и странные и страшные звуки испускал. Приставленные же к нему водили его в церковь и к гробу святого старца, веля ему молиться Богу и призывать в помощь старца Корнилия, часто же и били его, дабы молился Богу. Он же еще больше вопил и неподобные и хульные словеса выкрикивал. И говорил: «Что меня бьете, не послушаю вас, ибо множество людей бьют меня еще сильнее, не велят мне молиться, говоря: если не послушаешь нас, то убьем тебя. Из-за того не молюсь, чтобы еще больше не уморили меня». И оставался он в монастыре дней двадцать, сильно томим, и понемногу начал успокаиваться, и утих, и выздоровел, и ум к нему возвратился, и, побыв в монастыре несколько дней, отошел в дом отца своего, славя Бога и Пречистую его Матерь и блаженного старца Корнилия.

А вот иное чудо. Другого человека из монастырских крестьян привели в монастырь, именем Прокопия, по прозвищу Шестак, мучимого нечистым духом. И не молился Богу, и не говорил ничего, но только страшно терзал себя и нападал на водивших его. И привели его в

церковь, когда игумен же со священником и с дьяконом о нем пели молебен, велели и ему молиться. Он же никак не молился, не говорил. Водившие же его сильно били его, он же запихнул себе пальцы в рот и грыз их, едва довели его из церкви в келью. И вот ночью видит он пришедшего к нему старца Корнилия с крестом, и осенил тот его крестом и сказал ему: «Прокопий, молись Господу Богу и не будет тебе зла от вражьего духа, и не велю бить тебя». Очнулся же тот больной от видения и поведал водящим его, они же возрадовались и на утреню привели его в трапезу, была же зима. И пришел игумен навестить болящего, изнемог бо тот от многого томления от бесов и неядения, и биения, едва сидел. И, увидев игумена, вскочил и начал говорить: «Молю тебя, господине, не вели меня бити, уже бо молюсь Богу, и Корнилий не велел меня бити». И рассказал игумену, как явился к нему старец Корнилий и осенил его крестом. По заутрени же игумен со всей братией соборно совершил молебен, человек же тот здрав был и совершен умом и отошел в дом свой, радуясь, славя Бога и Пречистую Богородицу и блаженного старца Корнилия.

Другой же человек Тарасий, крестьянин угольских князей, привел сына своего, именем Ефрем, больного, в монастырь блаженного старца Корнилия, и не понимал тот ничего, и пугался. Игумен же пел в церкви молебен и повелел вести его ко гробу преподобного отца Корнилия помолиться. Пробыл же отрок тот в монастыре три дня, молясь в церкви и у гроба Корнильева. И выздоровел, и стал цел умом, отошел в дом к отцу своему, славя Бога и Пречистую его Матерь и святого Корнилия.

Другой крестьянин именем Самсон, живший близ Корнильева монастыря, лежал, больной огневицей, и сошел с ума, стал безумствовать и юродствовать в доме своем, мучимый многими бесами, как потом сам нам поведал, говоря: пришли к нему многие бесы и начали его пугать и говорить: «Прийдут из монастыря многие люди застрелить тебя». Он же начал выносить из клетей своих вещи и бросать посреди двора и потом пошел и бросился в колодец, желая утопиться. И по Божию смотрению увидела жена его, с плачем закричала, и сбежались его братья и другие люди и едва извлекли его из колодца. И посадили его на скотину, и привезли в монастырь Пречистой, честного ее Введения. И привели его в церковь и ко гробу преподобного Корнилия, и силой заставили его молиться, он же плохо молился. И, пробыв несколько дней в монастыре, в субботу перед неделей всех святых, сведен был в тонкий сон. Явился ему блаженный старец Корнилий, держа крест, и, осенив его честным крестом, повелел ему встать и молить Христа Бога и Пречистую его Матерь призывать на помощь. Он же пробудился и сразу в то время вернулся ему разум, и стал все понимать, и начал узнавать всех, прежде же никого не узнавал, и рассказал разумно, что видел. Слышавшие же все прославили Бога и Пречистую его Матерь и преподобного отца нашего Корнилия. Человек же тот немного ногами болел, оставался несколько дней в монастыре и стал здоров, как и прежде, и отошел в дом свой, радуясь.

Другое чудо. Инок по имени Корнилий, два года страдавший зубной болезнью, пришел из Владимира в обитель Пречистой Корнилиев

монастырь. И, когда пришел он в обитель, начал его <недуг> еще сильнее мучить, так что он не мог много дней ни есть, ни пить, ни спать. Лицо же его и голова так отекли, что все смотрящие на него ужасались. И многих он спрашивал, не знают ли какое средство для лечения такой болезни, но никто не мог помочь ему. И пришло ему на ум, так как слышал от многих, что у гроба блаженного старца Корнилия многие больные молитвами его исцелились. И уверовал в это и, утаившись после нефимона, глубоким вечером пришел он к гробу блаженного старца Корнилия и там долгое время молился, говоря: «Преподобный отче Корнилий, имееши дерзновение к Богу, молитвами твоими избави меня от этой болезни». И так с болезненной душой и сокрушенным сердцем много молившись и приложившись к гробу святого старца, вернулся в свою келью, сильно томим болезнью, и кричал всю ночь, так что и брат, живущий с ним, не смог вытерпеть криков его и вышел из кельи. Немощный же брат, сильно томимый болезнью, сидел на лавке. И внезапно в тот час напал на него ужас, и явился в келье его яркий свет, и увидел он старца Корнилия с жезлом, который молвил ему: «Ляг на постель твою, помилует тебя Бог». Немощный же брат отказывался, ибо из-за болезни не мог он прилечь. Святой же старец во второй раз сказал ему то же: «Ляг и отдохни немного, помилует тебя Бог». Он же ответил с горечью блаженному старцу: «О, отче, взгляни на лицо и главу мою, каков отек. Как могу я прилечь на постель?» Святой же третий раз сказал ему: «Помилует тебя Бог, ляг». И перстом указал ему место. Немощный же брат с трудом повиновался преподобному старцу Корнилию и опустил голову свою на постель, и тотчас же объял его сон, и он уснул. По немногом же времени начали звонить к заутрене, и пришел к нему брат, живший с ним, начал его будить, ругая его и говоря: «Всю ночь не дал мне спать, и ныне к заутрене звонят, а ты спишь». Больной же услышал поношения брата и встал с ложа своего, и начал щупать руками свое лицо и зубы, и голову, и не ощутил никакой болезни. И пошел в церковь на службу, радуясь. И от того времени не донимала его зубная болезнь больше. И, услышав это от него, прославили все Бога и угодника его святого старца Корнилия.

Не следует умолчать и о таком чуде. Некий христианин, по имени Мокий, жил вблизи монастыря, и отнялась у него нога, и много дней не мог он встать с постели и из-за боли ночью не спал. И начал молиться, говоря: «Святой Корнилий, молитвами твоими избави меня от этого недуга и даруй мне здравие ногам, да пойду поклонюсь гробу твоему и принесу тебе дар по силе своей». И так долгое время молился с верой от всей души и той же ночью выздоровел. И, утром встав, пришел в обитель Пречистой, и поклонился гробу преподобного старца Корнилия, и принес дар, который обещал. И сие нам рассказал, и мы, услышав <об этом> от него, прославили Бога и угодника его преподобного старца Корнилия.

На другого человека, крестьянина угольских князей по имени Семен, напал нечистый дух, и был он мучим им долгое время. И близкие его связали его веревками, и били его, а дух нечистый еще больше нападал на него. И потом привели его в дом Пречистой, и у гроба преподобного Корнилия пели молебен, и водою того освятили, и он сразу же

выздоровел. Близкие же пошли с ним к себе домой, радуясь. И, когда отошли они еще недалеко, снова напал на него нечистый дух, и начал мучать его сильнее, чем раньше, и родные вновь возвратились с ним в монастырь, и велели ему молиться у гроба блаженного Господу Богу и Пречистой его Матери, и призывать святого на помощь, и держали его связанным несколько дней. И едва пришел он в чувство, стал молить, чтобы остаться ему в монастыре безысходно и принять иноческий образ. И с того времени выздоровел. И молил игумена и братию той обители, и возложили на него иноческий образ, и нарекли ему имя Серапион. И с того времени не досаждал ему более нечистый дух, и был он инок искусный, и подвизался во всех службах монастырских, моля Господа Бога и Пречистую его Матерь и преподобного отца нашего Корнилия.

Некто из белозерских детей боярских шел на царя и великого князя службу в Казань и по пути повредился умом, и привезли его в обитель Пречистой, и у гроба преподобного отца нашего Корнилия помолился он Господу Богу и Пречистой его Матери, и призвал на помощь святого. И в тот же час выздоровел, и ум к нему вернулся, и остался в монастыре на тот день и на ночь. И утром вновь совершил молебен и молился Богу, призывая отца нашего Корнилия на помощь. И, взяв благословение у игумена, отправился в путь свой, радуясь. Некие же братия из обители той это помнили, но отчества же и имени его не ведали из-за того, что прошло много лет.

Близ обители Пречистой — весь, называемая Комела, которой был пожалован от самодержца всея Руси князь Семен Иванович Гагарин. Заболел он и велел вести себя в Корнилиев монастырь, в обитель Пречистой. И помолился он Господу Богу и Пречистой его Матери и, призвав блаженного Корнилия на помощь, приложился к гробу его. И выздоровел, и с того времени сильно уверовал, и положил на гроб блаженного Корнилия камчатый покров, и свечу местную у гроба поставил. Игумен же повелел ту свечу зажигать у гроба святого по воскресениям Христовым и на господские праздники, и на памяти великих святых. И делали так в течение многого времени, а потом не стало в обители воска, и оставили ту свечу у гроба святого незажженной. И по преставлении преподобного отца нашего Корнилия в восемнадцатое лето, сентября в восьмой день, на Рождество Пресвятой Богородицы, в день воскресный, свеча та у гроба святого зажглась сама по себе. Шел же мимо казначей по имени Иов в первый час дня. И увидел у гроба блаженного Корнилия горящую свечу, которая до того многое время не зажигалась, и охватил его страх, и, пойдя, рассказал о том игумену и братии. Игумен же не поверил тому, подумал, что кто-то зажег, и повелел узнавать у всех братьев, кто зажег свечу. И никто не нашелся, кто зажег. Келарь же и казначей и некоторые братья пришли быстро ко гробу святого и, увидав горящую свечу, сотворили <все по чину>, и совершили молитву, и помолились со слезами. И свеча перед ними сама по себе погасла во второй час дня. Они же пошли и рассказали игумену о том, что видели, игумен же велел звонить. И сошлась ко гробу святого вся братия, и пели молебен, и святили воду, и долгое время молились, воссылая славу Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому, славимому в Троице, творящему такие

чудеса через своих угодников. И потом, прошло того же года восемь месяцев, по Пасхе в девятую пятницу, 5 июня во время вечерни та же свеча у гроба Корнильева зажглась сама по себе во второй раз. И сошлись все братья, и дознавались у всех, кто зажег свечу, и никого не нашли. И помолились долго, и пели соборно панихиду над гробом преподобного отца Корнилия. И с того времени на названные праздники начали свечу ту зажигать.

Эти, при жизни преподобного отца нашего Корнилия случившиеся чудеса, потом поведали нам о себе сами те <люди>, с кем они произошли, потому и написали мы их после

Брату по имени Иов кто-то укусил палец на руке, и начал он сильно болеть. И много лечили его, и ничего не смогли сделать. И потом пришел он к преподобному Корнилию, тот же стоял на обычном своем правиле, и показал ему руку свою, сильно болевшую. Корнилий же взглянул на язву и помолился о нем, и тотчас отступила боль и выздоровела его рука молитвами святого.

Человек монастырский по имени Василий послан был святым на некое дело, и там кто-то ранил его ножом. И принесли его в монастырь еле живого, при смерти, и сказали о нем Корнилию. Святой же повелел священнику его поновить. И потом пришел сам Корнилий посетить больного, и увидел он раны на нем, и коснулся раны пальцем, и ушел; больной же вскрикнул, и содрогнулся, и выздоровел. И вновь пришел священник навестить больного, и обнаружил его здоровым. И на вопрос <больной> ответил: «Корнилий меня исцелил». И наутро с прочими вышел на работу, благодаря Бога и блаженного Корнилия.

Нужно же и об этом рассказать: об устройстве монастыря учеником блаженного по имени Геннадий.

Был он юн возрастом, когда пришел к блаженному отцу в монастырь, и был пострижен им и многие лета находился в совершенном послушании у него, и был украшен всяческими добродетелями. Оттого и святой его очень любил, из-за доброго его произволения и превосходных его добродетелей, и молил о нем Бога отец, чтобы как следует совершил он свой путь. И через много лет одолело этого Геннадия стремление наедине безмолвствовать. Святой же перед отшествием своим к Господу впал в болезнь и повелел названному Геннадию служить у себя. Тот же улучил время и открыл свой замысел, и молил преподобного, говоря: «Святой отче, давно желает моя душа безмолвствовать наедине. Благослови же меня после твоей кончины остаться в твоей пустыни». Старец же ответил ему: «Не можешь места то обустраивать, ты ведь неграмотен». Он же со слезами начал говорить: «Честной отец, я не хочу строить, но оплакивать грехи свои, благослови меня, отец». Увидел же святой, что с верою просит, и благословил его, сказав: «Господь Бог и Спас наш Исус Христос с тобой, и Пречистая Богородица помощницей тебе да будет. И место то застроится, и многие узнают о тебе». И по смерти святого и по благословению игумена отошел Геннадий в пустынь и милостью

Всемилостивого Спаса и помощью Пречистой, и молитвами старца Корнилия создал чудный монастырь.

ЖИТИЕ КИРИЛЛА НОВОЕЗЕРСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии Т. Б. Карбасовой

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие Кирилла Новоезерского относится к самому распространенному в XVI в. типу житий — житию устроителя монастыря, и посвящено Кириллу Белому (ум. 4 февраля 1532 г.), основателю Воскресенского монастыря на озере Новом под Белозерском. Оно было написано в 80-е гг. XVI в., спустя полвека после преставления преподобного и почти за полвека до его канонизации (местное почитание было установлено около 1628 г., общерусское — в 40-е гг. XVII в.). Такое стечение обстоятельств во многом определило характер Жития. Во-первых, автор, вероятнее всего, уже не мог знать подвижника лично, он опирался на церковное предание и недостаток непосредственных сведений компенсировал использованием этикетных формул, заимствованных из других житий. Во-вторых, созданный в 80-е гг. XVI в. текст не был представлен церковным властям, имел неофициальный характер и, вероятно поэтому, мало тиражировался — пока он известен лишь в одном списке.

Когда в 20-е гг. XVII в. монастырь стал предпринимать попытки к прославлению своего святого, выяснилось, что существовавшее Житие не отвечает «духу времени» и имеет большие недостатки: недостает предисловия, которое к этому времени стало обязательной частью композиции, а также отсутствуют новые чудеса, несмотря на то что в тексте говорится о «непрестанных» чудесах (14-е посмертное чудо). Эти недостатки восполнила новая редакция, которая была представлена церковным властям и одобрена ими, вследствие чего получила широчайшее распространение, она же легла в основу всех последующих переработок Жития. Мы называем эту редакцию Основной, в отличие от Первоначальной, созданной в 80-е гг. XVI в. В течение XVII в. Житие еще дважды редактируется: в сильно сокращенном виде оно входит в состав Прологов, в том числе и печатных (с 60-х гг. XVII в.), а чуть позже обрабатывается в контексте государственной истории и приобретает характер Исторической редакции (третья четверть XVII в.).

Вообще, в XVII в. святой стал намного известнее, чем прежде. Успешная хозяйственная деятельность монастыря способствовала прославлению его основателя и создавала материальные условия для распространения Жития преподобного. Эта известность могла быть связана и с тем, что Пророчество о судьбах русского царства, которое святой оставил при преставлении, после событий Смутного времени

многими воспринималось как сбывшееся. Тем дороже сведения, представленные в Первоначальной редакции, когда еще не было создано «канонического» образа святого. Особенно это относится к Пророчеству, которое в самой ранней записи носит характер прикровенности и свободно от предвзятого отношения.

Единственный источник наших сведений об авторе Жития — это упоминание в заглавии Первоначальной редакции — «списано бысть игуменом тоя обители Пименом». К сожалению, о нем удалось узнать лишь то, что он был назначен в Новоезерский монастырь в июле 1581 г. По-видимому, с кратким периодом его настоятельства (до 1583 г.) и необходимо связывать составление Жития, так как последняя группа описанных в Житии чудес относится именно к 1581 г.

В качестве образца для своего повествования автор Жития Кирилла Новоезерского использовал сразу несколько житийных текстов — Жития Зосимы и Савватия Соловецких, Кирилла Белозерского, Александра Свирского, Макария Калязинского, Саввы Вишерского и, возможно, Исидора Твердислова (подробнее об этом см.: *Карбасова Т. Б.* О литературных источниках Жития Кирилла Новоезерского // ТОДРЛ. Т. 58).

Иногда Пимен включал в свой текст фрагменты других житий без существенных изменений (из Жития Зосимы и Савватия Соловецких таким образом заимствована похвала святому и короткий рассказ о том, как досаждали святому люди, приезжавшие на остров для рыбной ловли; из Жития Александра Свирского — описание прихода отрока в монастырь и большая часть главы о преставлении), но чаще всего мы обнаруживаем заимствования уже в переработанном виде, приспособленные к новому содержанию. Так, например, взятое из Жития Кирилла Белозерского чудо о спасении рыболовов, попавших в бурю на озере, в Житии Кирилла Новоезерского становится чудом о спасении на озере человека, который тайно рубил и вывозил с монастырского острова «древеса липовыя», и смысл его теперь состоит не в «спасении от истопления», а в том, что человек покаялся в грехе воровства (седьмое прижизненное чудо). Если в Житии Александра Свирского говорится о том, что «некая сила Божия» наказывает женщину за нарушение обета прийти в монастырь святого, то в текстуально близком ему чуде Жития Кирилла Новоезерского (третьем по преставлении) святой помогает нарушительнице обета попасть в его монастырь, где и происходит исцеление. Таким образом, несмотря на обильное цитирование чужих текстов, автору удалось передать характер святого, который никогда никого не наказывал, а, напротив, силой своей молитвы и незлобия обращал людей к покаянию.

Особого внимания заслуживает вопрос хронологии. Житие является единственным источником наших сведений о начальном этапе истории монастыря: о дате его основания, о строительстве и освящении храмов. В Житии названы две «абсолютные» даты (другие заданы относительно времени рождения святого или основания монастыря): дата преставления святого — 4 февраля 1532 г., которая не вызывает сомнений, и дата основания монастыря — 4 марта 1512 г., которая

требует отдельного обсуждения. Основанию пустыни, согласно Житию, предшествовало 20-летнее странствие Кирилла и 15-летнее его ученичество у Корнилия Комельского; значит из Комельского монастыря преподобный ушел в 1492 г., а пришел учеником к Корнилию в 1477 г. Но сам преподобный Корнилий поселился в Комельском лесу и основал там пустынь лишь в 1496—1497 гг. Таким образом, мы должны признать, что внутренняя хронологическая система Жития Кирилла Новоезерского не выдерживает сопоставления с хорошо документированным Житием Корнилия Комельского и требует более осторожного к себе обращения.

Автор Жития Кирилла Новоезерского создал гармоничное и очень строгое по композиции произведение, единственным недостатком которого можно считать лишь упоминавшееся уже отсутствие предисловия. Среди чудес только одно датированное — описываемые события произошли в январе 1581 г. Интересно, что это чудо не последнее, а 14-е по счету, после него стоят чудеса (17-е и 18-е), которые можно отнести к 1563 г. Это наблюдение позволяет предположить, что при описании чудес автор придерживался не столько хронологического принципа, сколько стремился отразить в композиции многообразие проявлений милосердия святого (исцеление телесных немощей, врачевание душевных недугов, помощь в родах, спасение «заблужшего в лесу», чудесный улов рыбы ко дню памяти святого) и показать распространение его почитания (из самого монастыря, в котором происходят первые чудеса, в ближние веси, и затем уже в епархиальный центр — город Ростов — именно там происходит последнее чудо).

Трудно назвать автора Жития изощренным литературным мастером — текст его не изобилует риторическими приемами и обильными цитатами из Священного Писания или святых отцов. Однако после выявления примерного круга источников обнаружилось, что все наиболее выразительные эпизоды (сцены с раздачей милостыни, узнавание отцом своего сына, плач и рассказ матери о трехкратном чревовещании младенца) принадлежат перу игумена Пимена и свидетельствуют о его незаурядном даре повествователя. К числу заслуг автора Жития следует отнести и то, что он дает возможность читателю разглядеть личный характер святости преподобного Кирилла Новоезерского, который последовательно представлен автором на протяжении всего текста, но сформулирован лишь однажды: «...беззлобиемъ же украшенъ, милосердъ же равно ко всѣмъ, наипаче же ко врагом, еже пакости ему творящымъ».

Текст Первоначальной редакции Жития публикуется по единственному известному списку (кон. XVI в.) — *РНБ*, ОСРК F.I.894, л. 502—551 об.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА ФЕВРАЛЯ В 4 ДЕНЬ. ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ИСИДОРА ПИЛУСИЙСКАГО.[1] В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ ПРЕСТАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО КИРИЛА БѢЛОГО,

[2] НОВАГО ЧЮДОТВОРЦА, ИЖЕ ПРЕЧЕСТЕНЪ МОНАСТЫРЬ СОСТАВЛЬШАГО ВО ОБЛАСТИ ГРАДА БѢЛА-ОЗЕРА, ИЖЕ ЕСТЬ НА НОВОМ ОЗЕРЕ ВЪ КРАСНОМЪ ОСТРОВУ.[3] СПИСАНО БЫСТЬ ТОЯ ЧЕСТНЫЯ ОБИТЕЛИ ИГУМЕНОМЪ ПИМИНОМЪ[4]

Благослови, отче!

Сей же преподобный и богоносный отець Кирилъ Бѣлый, чюдотворець, родомъ бѣ от града Галича, родителю христиану. Еще бо ему сущу младу и юну тѣломъ, но совершенъ добродѣтелию, пятинадесять лѣтъ, возлюби иноческий чинъ и отиде втай от родителей своих от града Галича на реку Обнору; тамо бо, слыша от родителей своих, составлен честенъ монастырь преподобнымъ Корнилиемъ;[5] строящу таковую обитель преподобному и в нем живущим братству, имѣющим по бозѣ духовную любовь, и смирение, и послушание к преподобному Корнилию. И возлюби таковую благодать, и поревнова таковому житию, и помолився Господу Исусу Христу и Пречистой его Богоматери, и изыде в путь свой к той обители преподобнаго Корнилия. Еще бо сущу отроку неблизко, 80 поприщь[6] до тое честныя обители, и в путь идяше радуяся и моляся Богу, наставляющему на путь, — не поскорбѣ бо о родителехъ и о дому своем, и не взя от имѣния своего ни злата, ни сребра, ни ризъ свѣтлыхъ, ни хлѣба, но токмо едину ризу, юже ношаше. И течаше скоро путем, и не обглядашеся ни сѣмо, ни онамо, и не воспомяну доброты отца своего и жалости матери своея.

Уже бо отшедшу отроку от града своего 15 поприщъ, и узрѣ близ пути сѣдяща старца,[7] стара суща, имѣюща браду бѣлу, и благообразна, и смирена, и возрадовася ему зѣло, и притече скоро, и паде к ногама блаженнаго старца, прося от него благословения. Старець же емъ за руцѣ отрока и воздвиже его от земля, глаголя: «Миръ ти, чадо, и благословение. Откуду еси, чадо, и коея страны, и камо грядеши, и коея ползы ищеши от нища старца?» Отрокъ же рече ему всю истину, како отиде от родителей своих, восхотѣ быти инокъ. Старець же рече: «Добро, чадо, и блажено, яже возлюби. Добрая бо дѣла трудом снискаются, а болѣзнию исправляются. Волею ли своего разума приходиши Господеви?» Отрокъ же рече: «Ей, честный отче, от усердьствия своего и по обѣщанию моему хощу быти инокъ».[8] Старець же вопроси и: «Кою, чадо, возлюби обитель?» Юноша же рече: «Прости мя, отче, Бога ради, хотѣх дерзнути во святую обитель преподобнаго Корнилия». Старець же рече ему: «Дерзай, чадо, в таковую обитель. Азъ бо тоа обители, и изыдох в миръ по благословению преподобнаго Корнилия потребы ради монастырския, и нынѣ возвратихся в монастырь. И ты, чадо, иди со мною, и Богъ исправит стопы твоя». И, сотворивъ молитву, поидоша в путь свой, и скоро шествие бысть, въ вторый день доидоша монастыря преподобнаго в постѣ и в молитвѣ.

Уже бо видѣти монастырь той, и ставъ блаженный старець помолися на долгъ час, и по молитвѣ обратися ко отроку, показуя перстом своим и рече: «Видиши ли, чадо, монастырь сей? Иди скоро къ блаженному Корнилию, азъ ти буду помощникъ и умолю блаженнаго Корнилия, да будеши инокъ», и поучивъ отрока доволно от Божественаго Писания. Отрокъ же паде на ногу блаженному старцу, прося от него благословения, старець же рече отроку: «Въстани, чадо, Богъ да благословитъ тя и сподобишися великаго аггельскаго образа,[9] да будеши сосуд избранъ[10] Святаго Духа». И от того часа старець невидимъ бысть, и глядаше отрокъ сѣмо и овамо, и не обрѣташе нигдѣже старца, и разумѣвъ же блаженный отрокъ, яко нѣкая Божия сила или аггела Божия быти глаголя, и благодарныя о сем Богу воздаваше молитвы.

И тако скоро течаше блаженный отрокъ, ко вратом монастыря приходитъ, и видитъ мнихи монастыря внѣ стоящыхъ, и поклонися има до земля, глаголя: «Благословите мя, отцы святии». Они же видѣвше юношу проста суща и ризами худыми нелѣпо оболчена и к нему глаголаша: «Богъ да благословитъ тя, чадо, и что хощеши, да сотворимъ ти». Он же к ним глаголаше, яко «хощу видѣти игумена и благословенъ быти от него». Мниси же они скоро возвѣстиша игумену о нем. Се тако Богу изволившу, да на мѣсто, идѣже бѣ от юности Богомъ позванъ, на то ведяшеся.

Паки же мниси они, пришедше ко блаженному, возвѣстишя, яко «игуменъ зовет тя». Се же слышавъ блаженный юноша, и, окрилатѣв умом, вшед в монастырь, и пришед ко игумену пад поклонися ему до земля, глаголя со слезами, да бы его сотворил мниха. Игуменъ же Корнилий видѣв блаженнаго юношу на земли лежаща и слезы многи проливающа и проразумѣ хотящую благодать явитися на нем, и начат глаголати к нему: «О, чадо, видиши ли, яко мѣсто се скорбно бяше и подвижно на всяко дѣло? Ты же унъ сый, якоже мню, не имаши стерпѣти скорби на сем мѣсте». Се же не токмо искушая его глаголаше, но и прозорливыма очима зряше блаженнаго, яко Богомъ наставляемъ бѣ юноша сей прииде и хощетъ Богу сосуд избранъ быти. Божественый же отрокъ со многим смирениемъ отвѣщавъ ко игумену, глаголаше: «О, честный отче, яко провидѣць всяческых Богъ приведе мя къ твоей святыни, спасти ми ся хотящу, и елика аще повелиши ми, отче, сотворити, повелѣнная тобою вся сотворю, но токмо спаси мя». И тогда глагола к нему игуменъ: «Благословен Богъ, чадо, укрѣпивый тя на се тщание. Отселѣ буди служаи братии со всякым терпѣниемъ, купно же и послушаниемъ». Се же слышавъ от игумена божественый юноша паки поклонися ему до земля. И тако остригаетъ власы главы своея, вкупѣ же со отаятиемъ власъ отлагаетъ и долу влекущая мудрования, и нарекоша имя ему Кирил. Бѣ же святый возрастом пятинадесять лѣтъ, егда прият иноческий образъ.

Оттолѣ же преподобный Кирилъ весь предався Богу и вдавъ себе на труды многы: дѣломъ изнуряя плоть свою по вся дни, бдяше и моляшеся без лѣностьи по вся нощи въ славословениихъ, и сонную лѣность отлагая. И к воздержанию же плоти тружаяся рукама своима, дѣлая по вся дни, воспоминая псаломское оно слово: «Виждь смирение мое и труд мой и отпусти вся грѣхи моя».[11] И тако преподобный со всякым воздержаниемъ смиряше душу свою, тѣло же свое трудом и подвигомъ томяше, яко и преподобному Корнилию, и всей братии дивитися великому его смирению и покорению, и толику въ юности благонравию, и укрѣплению, и бодрости, и велми прослависта о всем Бога. Преподобнаго же Кирила, яко аггела Божия посредѣ себе имѣяху, яко свещение нѣкое обношаху; всѣм того хвалящым: овѣмъ того смирение глаголющым, овым же зѣлное воздержание и постъ другъ другу повѣдающымъ. Но паче же той, яко и во юности славы не требуя, паче изволися ему, по Аврааму, изыти от земля своея и от рода своего,[12] и итти в землю, идѣже никтоже того увѣсть, итамо прочая лѣта житъ, яко незнаемъ. Тѣмже и симъ помысломъ — тако Богу того спасение строящу.

О взыскании отрока

Родителя же блаженнаго отрока много искавше во градѣ Галиче, и в ыныхъ градѣх, и во окрестных странах и весехъ, и не обрѣтше его, и плакастася о нем лютѣ, яко и по мертвомъ, в перси своя биюще. И заповѣдано же бяше по всей странѣ той, идѣже аще кто гдѣ видѣвъ или слышавъ таковаго отрока, да пришедши возвѣстят о немъ отцу его и мзду приимутъ о возвѣщении его.

Се убо минувши 7 лѣт не очютивше нигдѣже, аки нѣкоему бисеру, изгибшу и не обрѣташеся.[13] Пишетъ бо Лука во Святѣм Евангелии: «Никтоже свѣтилника вжегъ, покрываетъ его сосудомъ или под одромъ полагаетъ, но на свѣщникъ возлагает, да входящеи видятъ свѣтъ. Нѣсть бо тайно, еже не явленно будетъ; ниже утаенно, еже не познается и въ явление приидетъ».[14] И не по мнозѣ же времени прииде старець Корнилиева монастыря, повѣда отцу его о блаженном отрокѣ, како прииде в монастырь ко преподобному Корнилию и приятъ иноческий чинъ, «житие же его бысть чисто и свято, имѣяху же его вси аки аггела Божия, всѣми хвалимо трудолюбезное его житие, по Бозѣ любовь имѣетъ ко всей братии, и послушание, и покорение, к тому же постъ и молитву.

Отець же, яко услыша о блаженномъ отрокѣ, сынѣ своем, како случися ему, скоро тече к женѣ своей и сказа ей вся, како «сынъ наю „мертвъ бѣ и оживе, изгиблъ бѣ и обрѣтеся"».[15] Жена же рече к мужу своему: «Прости мя, господине, Бога ради. Скрыхъ от тебе и не повѣдах до сего дне о рождествѣ сына наю. Еще ему во утробѣ нерождену бывшу, во время божественаго пѣния вопиялъ три краты: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и землю славы Твоея".[16] И нападе на мя страхъ велий, и не повѣдах никомуже, уже бо нынѣ не могу терпѣти, раскалается утроба моя без чадия моего. Сыну мой драгий, како отиде от дому отца своего и не повѣдалъ матери своей, да не погубила бых доброты лица своего! Уже бо ми нанесе скорбь, матери своей, толико лѣтъ приятъ иноческий чинъ и не повѣдах ся, да не злѣ бы погибох. Нынѣ слышахъ о тебѣ, яко остави миръ и вся, яже в мирѣ сем, а возлюби аггельское житие, уже бо ми нынѣ нанесе радость таковую, и азъ послѣдую тебѣ, прииму аггельский чинъ, да причтена буду избранному стаду Царствия Небеснаго».

Паки рече жена к мужу своему: «Молю ти ся, господине, да возмеши от имѣния своего урочную часть сыну наю и на потребу братии и изыди, господине, в путь свой скоро в монастырь к преподобному Корнилию, и виждь сына своего». Христолюбивый же той мужь, слышавъ от жены своея таковая повелѣния, скоро въста, и взят часть от имѣния своего, и иде в путь свой, радуяся зѣло и славя Бога и Пречистую его Богоматерь. И прииде в монастырь той на взыскание сына своего, и повѣдаша ему мниси, яко «в монастырѣ сем сынъ твой приял аггельский образъ, Богу работаетъ, житие его свято, и всѣми любим бѣ добродѣтелнаго ради жития его». Слышав же мужь той скоро тече къ преподобному Корнилию, и припаде к ногама его, и рече: «Благослови мя, честный отче, се убо приидохъ помолитися Всемилостивому Спасу и Пречистой его Богоматери и твоей святыни поклонитися». Преподобный же рече: «Откуду, чадо, шествуеши долготу пути своего? Коего града и коей веси? И коея потребы ищеши во святѣй обители сей?» Уже бо видѣ его преподобный Корнилий таковаго мужа скорбна сердцем и дряхла лицем. И рече муж той: «Прости мя, отче святый, дерзнухъ приитти къ твоей святыни от града Галича, от дому своего принесох часть имѣния своего на потребу братии». И даде сребро свое, и приял благословение от преподобнаго Корнилия, и отиде в гостинницу.

Уже бо приспѣвъшу божественому пѣнию, и всей братии вшедшымъ в церковь к божественому пѣнию, и ставшым по мѣстомъ своим, и сему мужю пришедшу, и ставшу на обычном мѣсте. И взем благословение у преподобнаго Корнилия, и начат сребро свое давати в руцѣ братии по единому, всѣм равно. Обхождаше всю церковь, раздаяше сребро свое, и не обрѣте сына своего.[17] Преподобный же Кирилъ приемъ сребро от руки отца своего, и возвед очи свои горѣ, и прослезився, глаголаше: «Слава Тебѣ, Боже нашъ, Слава Тебѣ, яко сподоби мя приати сребро от руки отца моего». И изшед из церкви, и разда сребро отца своего нищымъ. И вниде в кѣлию свою преподобный Кирилъ, и паде на колѣну

свою пред образомъ Владычици нашея Богородици моляшеся, глаголя: «О, Премилостивая еси Госпоже, Дево, Богородице, ты еси упование наше, и покровъ, и прибѣжище всѣм христианомъ. Тѣмже и азъ, грѣшный, на тя надѣюся, молися, Госпоже, Сыну своему и Богу нашему за родителя наю, да не отлучени будутъ Царствия Небеснаго и восприимутъ иноческий образъ, да причтени будутъ избранному стаду». Богъ же услыша молитву угодника своего, о сем бо пророкъ глаголаше: «Близъ Господь призывающимъ И воистинну, и волю боящихся Его сотворитъ, и молитву их услышитъ, и спасетъ я».[18]

Паки же во вторый день отець блаженнаго прииде въ церковь и ста на обычномъ своем мѣстѣ, плачася горко пред образомъ Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа и Пречистыя его Матери, моляшеся и бия в перси своя, и рече: «Горе, горе и лютѣ мнѣ будетъ». И мысля в сердцы своем: «Како отиду от святыя обители сея, и кою радость принесу подружию своему? Что к тому сотворю? Лучши есть ми умрети, неже живу быти». Блаженный же Корнилий видѣ плачь таковаго мужа и умилися, скоро призвавъ к мѣсту своему, и ятъ его за руку, и введе его во скровенно мѣсто, и воспроси его тихимъ и умиленнымъ гласомъ, глаголя: «Чадо, повѣжь ми вреды душевныя, иже врежаютъ душя нашя, да Богъ ти подастъ цѣльбу мною грѣшнымъ». И глаголаше к нему: «Человѣче, что печалуешися? Нѣстьдобро, в безмѣрную печаль предавшися, изнемогати, но смиритися пред Богомъ пришедшая ради печали. „Возверзи бо, — рече, — на Господа печаль свою, и Той тя препитаетъ”.[19] Не даждь печали души твоей, многи бо погуби печаль, и нынѣ нѣсть успѣха — от печали бо приходит смерть, печаль бо жжетъ сердца крѣпость, якоже бо моль в ризѣ и червь в древѣ, сице печаль мужу вреждаетъ сердце. Тѣмъ о собѣ самъ не скорби, но Бога моли въ слезах и в воздыханиихъ, и люботруднѣй молитвѣ, и крѣпцемъ бдѣнии, и тако приимеши от Бога помощь и избавление печали твоея».

Мужь же той слышавъ от блаженнаго Корнилия вся реченная ему, слово Божие учителнѣе, ко спасению влечаше на исправление сердце его, от суетнаго мира сего Царствие Небесное показуетъ, уже бо не може терпѣти и, прослезився, рече: «Прости мя, отче Корнилие, исповѣдаю ти вся, реченная мною. Изгубихъ сына моего юнна зѣлоинеобрѣтохом лѣтъ 12, скорбяхом и плакахомся с подружиемъ своим без чадиа своего и до сего дне. И много раздахъ имѣния своего, аще кто гдѣ ощутит, и повѣсть намъ таковаго отрока, но никакоже не обрѣтоша. Нынѣ же слышахомъ пришедшаго къ твоей святынѣ и приемша от руку твоею иноческий образъ, хотящу ему спастися и наслѣдити Царствие Небесное. И азъ скоро въстах от дому моего и приидох къ твоей святыни на взыскание сына моего, хощу видѣти доброту лица его. Того ради приидох во обитель сию, токмо да вижу сына моего, и тако возвращуся в дом свой». Корнилий же рече: «То, аще хощеши видѣти, да видиши сына своего». Се слышавъ и отиде в гостинницу, радуяся зѣло о глаголанныхъ ему, и глаголаше в себѣ: «Обрѣтох сына моего», чающи его видѣти во 2 день.

Блаженный же Корнилий, вшед, возвѣсти вся блаженному Кирилу, и егда же сия услышавъ от Корнилия, сжаливси велми того ради, яко не возможе от родителю утаитися. Корнилий же много блаженнаго увѣщеваше, да видитъ отца своего. Блаженный же Кирилъ не хотяше оскорбити блаженнаго и иде скоро къ отцу своему. Отець же видѣвъ сына своего в таковѣ скорби суща, бѣ бо лице его измѣнилося от многаго труда и воздержания, скоро въста и стрѣте сына своего, и паде на выю его, и облобызастася, и плакашася горко, и едва мало утѣшишася. Блаженный же Кирилъ пад на нозѣ отца своего и облобыза нозѣ его, благословение и прощение приятъ от родителю своею, и рече отцу своему: «Что мя, отче, хощеши видѣти, странна и нища старца? Азъ бо отвергохся мира и всѣх, яже суть в мирѣ, а возлюбих Царство Небесное, вѣчное и безстрастное, егоже ждутъ работающеи Господу, иже отвергошася мира и всѣхъ похотей его; и не достоитъ нам поминати тѣхъ, иже оставихом заповѣди ради Божия, да не, паки временная возлюбивше, вѣчный покой погубим».

Рече же отець ко блаженному Кирилу: «Возлюбленное мое чадо, уже добре сотворилъ еси и благая восприялъ, а нас сирых сътворилъ. Кто уже старость нашу поддержитъ, от кого покой восприимемъ, на кого ся кому прибѣгнем, кто намъ заступникъ, и от кого помощи просим? Кто нашу старость возвеселитъ, и кто слезы нашя утолит, и кто нам послужитъ, и от кого утѣху имамы, чадо мое возлюбленное? Толико лѣтъ нас в скорби сотвори и не утѣшихомся? Нынѣ же что сотворю? Аще в дом свой возвращуся, то болшую скорбь и плачь сотворю матери твоей. И к тому не могу возвратитися в дом свой от святыя обители сея, но да и азъ восприиму аггельский образъ, да причтен буду къ избранному стаду. Сыну мой возлюбленный, иди скоро ко блаженному Корнилию и моли его и о мнѣ грѣшнемъ, да благословенъ буду». Слышав же блаженный Кирилъ обѣщание отца своего и возрадовася зѣло таковому его смирению, скоро иде ко блаженному Корнилию и извести вся о обѣщании отца своего. «Уже бо, — рече, — приходитъ к добродѣтелному житию». Слышавъ же Корнилий таковое обѣщание и почюдися, како оставилъ дом свой и прииде в чювство, и повелѣ ему приитти пред ся. И скоро течаше, радуяся, блаженный Кирилъ, и рече отцу своему: «Аще хощеши совершити доброту старости своея и наслѣдити Царствия Небеснаго, востани и иди, зовет тя Корнилий».

Отець же его въста скоро и иде ко блаженному Корнилию, и паде на ногу его, и моляся со слезами, глаголя: «Причти мя, отче Корнилие, ко избранному своему стаду, возложи на мя иноческий образъ, от многа бо времени желах, но нынѣ сподоби мя Богъ видѣти святыню твою. Молю ти ся Господа ради, не отрини мене, грѣшнаго и непотребнаго, подражавъ своего Владыки заповѣдь, онъ бо не отринувъ, но приимаше грѣшникы, мытаря же и блудники, ты же убо мене приими грѣшнаго,

якоже онъ тѣх приалъ есть. Твоя бо, — рече, — и твое преподобьство...»[20]

Блаженный же Корнилий видѣвъ мужа того на земли лежаща и слезы многы проливающа и начат глаголати к нему: «О, человѣче, видиши ли, яко мѣсто се скорбно бяше и подвижно на всяко дѣло. Ты же, яко мню, не имаши терпѣти скорби на сем мѣсте». Не яко не прияти, но искушая его, глаголаше. Отвещавъ же мужь онъ и рече к нему: «Елика аще повелиши ми, отче, сотворити, повелѣнная тобою вся сотворю, но токмо спаси мя». Тогда глагола к нему Корнилий: «Благословенъ Богъ нашь, укрѣпивый тя на се тщание. Отселѣ буди служай братии со всякимъ терпѣниемъ и покорениемъ, купно же и послушанием». Се же слышав мужь той от Корнилия, паки поклонися ему до земля.

И тако остригаетъ власы главы своея, и отреваетъ от себе мирская одѣяния и облекается въ мнишеская, и нареченно бяше имя ему Варсонофий, наказавъ его доволно, и отдастъ его блаженному Кирилу на устроение[21] отца его. Блаженный же Кирилъ поят отца своего, аки аггела Божия, и веде его в кѣлию свою, и наказавъ его доволно от Божественаго Писаниа, како ему спастися. И отиде в кѣлию свою, и, пад на землю, с плачем моляшеся Господу нашему Исус Христу и Пречистой его Матери о сподоблении родителя своего во иноческий образъ.

Во 8 же день прииде юноша от дому отца его и повѣда блаженному Кирилу о родившей его матери, еже добрѣ поживъ и прият аггельский образъ, и наречено бысть имя ей Елена, и с миромъ успе и отиде в вѣчный покой. Слышавъ же о сем блаженный Кирилъ, яко родителя его от жития отидоста, и благодарныя молитвы к Богу о семъ воздавая, и повелѣ имѣние отца своего раздати нищымъ, а рабы свободити. Такоже и отець блаженнаго Кирила поживе 3 лѣта в постѣ, и въ молитвахъ, и во всѣх добрыхъ исправлениихъ, духъ свой предастъ в руцѣ Богови, с миромъ успе. Блаженный же Кирилъ скутавъ трудолюбное его тѣло, отпѣвше надгробное пѣние, и погребе отца своего честно, и прослезися о сем, и рече: «Яко родителя моя от жития преставистася, такоже и азъ смертенъ есмь».

И оттолѣ начатъ на болий подвигъ себе простирати, труды къ трудом прилагая, ово в поварнѣ, иногда же в пекарнѣ, и поряду вся службы обхожаше, трудолюбезное свое тѣло изнуряя. Послушание его ко всѣм, свою же волю до конца от себе отверже, не точию ко блаженному Корнилию, но и к прочым братиямъ повиновение и послушание творяше. Страхом Божиимъ ограждаяся и упражняяся от всякого лукаваго дѣлания, богатѣющися смирениемъ в преимущеи мудрости,

алканиемъ и жаждою тѣло свое изнуряше. Безпрестани же бѣ ему во уотѣх паче меда и сота услажающа Божия словеса,[22] в нощи же и во дни псалмы Давыдовы славословя. И въ молитвѣ, и в почитании вниmаше преподобныхъ отецъ жития, и сих словеса во умѣ держа, и желаше всѣх дѣломъ исполнити. Слезы же от очию беспрестанно испущая, воспоминая смертный час и страшный онъ и праведный судъ ожидая, хотящий быти, и воздаяние грѣшнымъ, комуждо противу дѣлъ его, и тако напояшеся слезами, «яко древо насажденно при исходищихъ водъ, иже плод свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ».[23] Даяше убо и сий плод Богови на всяко время в добродѣтелехъ подобно: во время святаго пѣния съ благоговѣниемъ в церковь входя, со страхомъ и трепетом яко пред лицем Божиимъ предстояше. Братиям же всѣм удивляющимся о добром его изволении и просвѣщеннем разума его боголюбии явѣ, яко на великий успѣхъ им бываше. Блаженный же Кирилъ преспѣваше в добродѣтелехъ, благою кротостию, и разумною простынею, и смирением обложися, и от всякиа печали земныя свободися, едину печаль имѣя, како угодити Богу, тако ему добре направляему.

О отшествии блаженнаго Кирила

Нача помышляти, еже изыти от тоя обители, и обходити вся росийская земля, и поклонитися всѣм святым мѣстомъ, и достигнути пустыню, и вселитися, идѣже Господь наставитъ. И повѣда мысль свою блаженному Корнилию. Корнилий же наказавъ его доволно, и поучивъ от Божественых Писаний, и благословив его, отпусти.[24]

Блаженный же Кирилъ, пад на землю, помолися со слезами, глаголя: «Стопы моя направи по словеси Твоему и да не одолѣет ми всяко беззаконие. Избави мя от клеветы человѣческия и сохраню заповѣди Твоя».[25] И въставъ, изыде из монастыря не явѣ и не лѣпым образомъ, в раздраннѣ ризѣ, и ничтоже взем развѣ ризы, юже ношаше, и поиде в путь свой радости многы исполнився, и слезам от очию его многим изливающимся, и помолися на долгъ час Всемилостивому Спасу и Пречистой его Богоматере. Господу поспѣшествующу ему, пути касается, и отиде к морю-окиану, и тамо обхожаше вся поморския страны, «скитаяся в пустынях и горах, и в пещерахъ, и в пропастех земных».[26] Ядь же бысть его трава вахта,[27] и сосновая кора, и губы всякия, живяше же со звѣрми 20 лѣтъ.

О оттуду исходящу ему в московскую землю и тамо обхожаше вся святая мѣста и грады и веси. И доиде великаго Новаграда и Пскова, и тамо всѣм святым мѣстомъ поклонися. Нигдѣже в домы мирския не вхожаше и не взимаше ни у кого ничтоже, развѣ вкушениа мало;

скитаяся по улицам: в день страньствоваше, а в нощи псалмы Давыдовы беспрестани изо устъ пояше; а к церквамъ Божиимъ прихожаше к началу, церковнаго правила николи не отлучаяся, молитвы Богу беспрестани воздаяше. И тѣло свое изнуряше постом, и жаждею, и мразомъ, и зноемъ, от солнца не укрывашеся и от дождя; иногда же плоть свою даваше на снѣдение комаромъ, и мшыцамъ, и пауком; и ризу многошвену ношаше, и босъ хожаше, зимную студь ни во что же вмѣняше, томяше плоть свою; отревая от себе вся злыя помыслы, сердца своего хотѣние, умертви уды на земли, блудъ и нечистоту, страсть, злобу, помышление злое. Тѣм всякимъ оружием огражденъ бысть от пакости бѣсовския, наступаетъ на бѣсовскую злобу и на всю силу вражию — и ничтоже его вреди, огражашеся крестнымъ знамением и всѣми добрыми дѣлы, и благая содѣявши хотѣния сердца своего.

И на болшее подвизашеся — како ему достигнути и в кое ли мѣсто вселитися, и, ставъ, на долгъ часъ моляшеся со слезами Всемилостивому Спасу и Пречистой его Матери, да открыетъ ему мѣсто в покой старости его. И абие слышитъ глас с Небеси: «О, блаженне Кириле, возлюбленниче мой, уже вся благая восприалъ еси, моим заповѣдем былъ еси хранитель, тѣсный и скорбный путь прошелъ еси. И нынѣ гряди на Бѣло-езеро, тамо убо уготовах ти мѣсто, в немже можеши спастися». И абие со гласом онемъ свѣт велий сияющь зрит к полунощным странам Бѣла-езера, и гласомъ онемъ, яко перстомъ, показаше мѣсто то, идѣже нынѣ монастырь стоитъ.

Тѣмже святый Кирилъ от гласа оного и видѣния радости многы исполнися, разумѣвъ от самаго того святаго видѣниа, яко не презрѣ Господь прошения его. И скоро въставъ, изыде в путь свой, и дойде Тихфины, до обители Пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мария,[28] и пребысть в паперти[29] три нощы молящися, глаголя: «Пречистая Мати Христа Бога моего, ты вѣси, яко всю мою надежду по Бозѣ на тебе возложих от юности и до взятия преданного ми Духа от Сына твоего, Господа моего Исус Христа, телеси моему грѣшному». Блаженный же Кирилъ по молитвѣ в паперти почи от труда бдѣннаго, и абие в сонъ тонокъ сведенъ бысть, и явися ему во снѣ Пречистая Богомати Владычица, и рече ему тихимъ гласомъ: «Угодниче Пресвятыя Троица, рабе мой, поиди на восточную страну к Бѣлу-езеру, и явит тобѣ Господь, Сынъ мой и Богъ, покой старости твоей».

Возбнув же блаженный от сна и пристрашенъ бывъ, вкупѣ же и радости многы исполнися, помоливъся со слезами, яко не презрѣ Господь прошения раба своего. И пойде в путь свой, радуяся, на восточную страну к Белу-езеру из великия лавры Пречистыя Богоматере, честнаго ея Одигитрия, с Тихфины. И дойде блаженный уезда Бело-озерскаго, и пройде Андо-езеро,[30] и паки пути касается. Прииде же близъ Нова-

езера, на Кобылину гору взыде, и озрѣвъ сѣмо и овамо, видѣ на восточнѣй странѣ посредѣ езера островъ велми древесы украшен, и с того острова, идѣже нынѣ монастырь стоитъ, столпъ огненъ исходящь от земли до небеси.[31] Блаженный же Кирилъ потече скоро съ предреченныя горы на то мѣсто, идѣже видѣ огненый столпъ. Паче же непщеваше во умѣ своем, яко быти мѣсту тому, иже ему Богомъ обѣщанно бысть и Пречистою его Богоматерию.

Прииде же блаженный средѣ Нова-езера на Красной островъ, и похождаше на нем, радуяся душею и трепещущи, и обрѣте на восточнѣй странѣ острова того древо велие, имянуемо ель, и вселися ту, под тѣмъ древомъ, в лѣто 7020-е марта в 4 день,[32] на память преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Иердани.[33] И сотвори себѣ хижицу под тѣм древомъ прежереченным, елию, от того же древа вѣтвия угибавъ.

И опочинувъ от путнаго шествия на том Красном острову в хижицѣ, и явися ему аггелъ Господень во снѣ во образѣ мужа блага в бѣлахъ ризах, и глагола ко блаженному: «Отче Кириле, обходилъ еси близъ окиана-моря, и псковския, и новгородския страны, и в тѣх странах не обрѣте себѣ мѣста покойна, ту убо уготова тебѣ Господь мѣсто и покой мощем твоим, на сем островѣ средѣ Нова-езера». И возбнувъ от сна своего, и пойде по острову, и видѣ от хижа своея стопы человеческия, а человекъ сей невидимъ бысть.

Блаженный же Кирилъ моляся глаголаше: «Господи Творче небу и земли, Владыко Вседержителю, услыши молитву и моление раба своего, укрѣпи мя на мѣесте сем». По молитвѣ же пойде в весь Андопальскую, в Шиднемъ, и прошаше у християн острова того, у Дѣя, да у Григория, и у Давыда. Они же посовѣтоваша между собою о том Красном острову и повелѣша ему кѣлию поставити. Блаженный же Кирилъ от трудовъ своих постави кѣлейцу малу и другую кѣлию близъ тоя на собрание братии. Во приидущее же лѣто постави церковь малу во имя Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Исус Христа и вторую церковь во имя Пречистыя Богоматери, честнаго и славнаго ея Одигитрия,[34] идѣже пѣния и молитвы безпрестани всылая Христу Богу и Пречистой Богоматери.

Блаженный же Кирилъ молитвою и постом плоть свою изнуряя, купно же и ручнымъ дѣломъ: овогда землю копаше, иногда же древеса на устроение монастырское готовяше. Видѣвши же бѣси поругаемы себе и уничижаемы от раба Божия Кирила и от приходящыхъ к нему сожительствовати и тружающыхся со блаженным, смущение много ему приношаху всякыми козньми и лаяниемъ, и многы пакости преподобному начашя творити.

Приежжаху на Ново-езеро ловцы рыбы ловити и оскорбляху блаженнаго, он же глаголаше: «Что ми многы скорби и пакости наносите, людие? Се есть бѣсовское научение». И глагола ему старець Дионисий: «Потреба терпѣнию и молитвамъ». Бѣси же, видѣвше свою погибель, ти воставше и падоша,[35] раб же Божий Кирил вооружився на враги благодатию Христовою, день и нощь присно во псалмѣх и пѣниих, и в пѣснехъ духовныхъ, поя въ сердцы своем: «На Того, — рече, — упова душа моя и помощникъ ми бысть».[36] И тако братьство собрася о Христѣ, и пустыни распространися молитвами преподобнаго Кирила. Богу нашему слава, нынѣ и присно и во вѣкы вѣком.

Чудо 1-е преподобнаго Кирила Бѣлого о нѣкоемъ старцѣ Никифорѣ,[37] посланном от Александра Сверьскаго чюдотворца[38]

Многа от многыхъ слышахъ о сем преподобномъ Кирилѣ Бѣломъ и о пустыни его, за 30 поприщъ от града Бѣла-езера живуща среди Нова-езера, блаженный преподобный отець нашъ Александръ Свѣрский посла изъ обители Живоначалныя Троица брата именемъ Никифора, мудра и духовна, ко блаженному Кирилу повѣсти ради духовныя. Пришедшу же старцу на брег Нова-езера во 2-й час нощы, блаженному же Кирилу стоящу в кѣлии своей на обычном его правилѣ,[39] моляся Богородице, глаголя со слезами канонъ Акафисту,[40] и нача кондакъ Богородицѣ, со умилениемъ возопи радостно: «О, Всепѣтая Мати!»[41] И по скончании въстрепетася сердцемъ блаженный и прозрѣ духомъ пришествие старца от сѣверныя страны, у езера на брегу стояща.

И по скончании молитвы взем блаженный челнъ,[42] прeѣха за езеро Ново на сѣверную страну и обрѣте старца на камени жестоцѣ опочивающа от путного шествия. Блаженный же Кирилъ помолися на брегу о пришествии братнѣ, и осия их свѣтъ велий. И трепетенъ бысть старець от почиву, страхомъ и трепетом обдержим, преблаженному поклонение творяше. С началом[43] благословение сотвори ему от блаженнаго преподобнаго отца Александра Свѣрьскаго, игумена Живоначалныя Троица, оному рекшу тихимъ гласомъ: «Благослови мя, святче Божий и рабе Святыя Троица». Свѣту же сияющу, блаженному чрезъ езеро съ старцом Никифором къ острову ѣдущим в лодиице. И приехавше на островъ, и помолившеся Воскресению Христову и Пречистой его Богоматери, и другъ от друга благословения прошаху, и метание до земля творяху. Блаженный же Кирилъ нача вопрашати старца Никифора тихим гласомъ и смрениемъ велиимъ: «Повѣжь ми, брате, коея ради потребы толикаго долгаго пути не обленися шествовати, и к моей нищетѣ, неимущему никоея потребы и добродѣтели, прииде?» Старець же Никифоръ рече: «Прости мя, святче Божий, посла мя преподобный отець нашь игуменъ Александръ видѣти

твое преподобьство. Паче же и аз, грѣшный, подвигся къ твоей святыни благословитися от тебе и от твоих преподобных устенъ насладитися божественныхъ словесъ, слышахомъ бо твое добродѣтелное житие къ Богу и боголюбезныя труды». Слышав же се блаженный Кирилъ и подивися велми о пришествии старца и о спряженной духовной любви преподобнаго отца Александра. Пакы же блаженный рече: «Благословенъ Богъ и Господь Исус Христос и Пречистая его Мати, яко сподоби насъ совокупитися духовною любовию в далечем разстоянии твоим пришествием. Паче же сего Владыка нашь Господь призвати имать насъ явѣ зрѣтися во ономъ блаженствѣ и в лицѣ праведныхъ съ преподобнымъ Александромъ».[44]

Имяше же той блаженный Никифоръ на собѣ вериги тяжки — видѣвъ святый Кирилъ почюдися блаженнаго терпѣнию. По сем бесѣдующим им о ползѣ духовнѣй. Паки же поиде старець Никифоръ съ острова во обитель Живоначалныя Троица на Свѣрь ко отцу своему настоятелю и учителю Александру на сиверъ. Оному же проводившу старца в лодиице мале, и на том мѣсте поставиша крестъ, идѣже видѣша свѣт осияя ихъ.

Чюдо 2-е о разбойницѣх, приходившыхъ ко святому

Разбойникъ нѣкто именемъ Иванъ, живый во окрестных селех съ дружиною своею, пакость человѣком творяше: овогда убиваше их, овогда домы их грабяху. Приехаша же и на островъ в лодиицахъ в малыхъ, аки дивии звѣрие рыкающе, устремишася на блаженнаго Кирила бесовским наважениемъ, хотяху блаженнаго разлучити съ преданиемъ духовным.

Оному же молящуся образу Всемилостиваго Спаса и глаголющу: «Владыко Отче Вседержителю, Богъ отецъ наших: Авраамовъ, и Исааковъ, и Яковль,[45] спаси мя от нахождения и мечтания бесовъскаго на мя, грѣшнаго раба твоего». Такоже и къ Пречистой Богоматери молящися, глаголаше: «О, Преблаженная Госпожа Владычица Богородица, умоли Сына своего и Господа моего избавити ми ся, рабу Твоему, от нахождения сопротивныхъ враговъ и укрѣпи мя на мѣсте сем».

И въста от молитвы, и пойде противу их, глаголя: «Ближнии чада и раби и угодники отца своего сатаны, почто приидоста ко мнѣ, рабу Божию, на сий островъ? Стяжание мое и сребро в сей в малѣй кѣлейце». Единъ же от нихъ пойде в кѣлию блаженнаго, а прочии помрачени быша. Той же юноша, иже вниде в кѣлию преподобнаго, нача вопити

велиимъ гласом къ дружинѣ своей: «О, братия моя, возмите мя от кѣлии сея, два бо юноши биюще мя люте, и зракъ отаятъ бысть от мене». И отвещаша к нему дружина его, глаголюще: «Мы гласъ твой слышим и не вѣмы, гдѣ еси. И от нас зракъ такоже отпаде». И возопиша разбойницы, единогласно глаголюще: «О, святче Божий Кириле, отпусти насъ с миромъ, уже не имамы приити к тому на островъ сий».

Прииде же блаженный в кѣлию свою и узрѣвъ отрока лежаща срѣди кѣлии и не вѣдуща, како изыти. Блаженный же Кирилъ воздвиже отрока, глаголя тихим гласомъ: «Поиди, брате, с миромъ ис кѣлии сея». И глагола отрокъ къ преподобному: «Помолися, святче Божий, чтобы твоими святыми молитвами Господь подаровалъ здравие и зракъ очесем нашымъ». Блаженный же Кирилъ помолився Богу, и исцѣли их, и отпусти с миром со острова здравыхъ.

Чюдо третие преподобнаго отца нашего Кирила Бѣлого

Тоя же пустыни старець именемъ Дионисий повѣда нам. Нѣкогда прииде той старець Дионисий съ трудовъ в монастырь во святый Великий Четвертокъ.[46] «Вшедшу ми, — рече, — в трапезу и ставшу близ дверей церковных,[47] видѣх отца блаженнаго Кирила съ диакономъ служаща Божественую литоргию и братиямъ Святым Тайнамъ причающымся, Тѣла и Крови Господа нашего Исуса Христа. И по совершении же службы зряхъ азъ, окаянный, учителя своего преподобнаго Кирила идуща из церкви с «Богородицею»,[48] и хлѣбъ Пречистые Богоматери в трапезу принесе, а диаконъ невидим бысть от очию. Аз же, окаянный, вопрашах настоятеля своего и учителя тихимъ гласомъ, глаголя: «Повѣжь ми, отче святый, гдѣ есть с тобою служай?» Отвѣща ми блаженный: «Чадо Дионисие, судебъ Божиихъ не испытуй и до отшествия моего никомуже не повѣдай, что ти Господь яви, радости податель и от навѣтъ вражиихъ избавитель, скорбящым сладкое утѣшение, правитель чюдный показася».

И мы, братие, разумно славная его чюдеса о Господѣ похвалимъ, и мы его молитвами к Богу пребываем ничимже врежени от всѣхъ золъ, в нихже и мы разумно разсудим себѣ и воздадимъ хвалу преподобному, рекущи сице: «Радуйся, преподобный Кириле, иже созда нам обитель, тихое пристанище въ езере Нове на Красном островѣ. Радуйся, кромѣ мира суетнаго пустыню съдѣлавый и в ней божественаго желания рачителей собравъ. Радуйся, скорбным утѣшитель нашего естества. Радуйся, яко отгониши мысли злобныя и всаждаеши страхъ в сердца вѣрных. Радуйся, сладкое утѣшение и радости божественыя подателю. Радуйся, от навѣтъ вражиихъ избавителю, и врачь многыхъ болѣзней и исцѣлитель; явися яко честное сокровище духовное, по достоанию

обогатившеся благодатию Святаго Духа. Радуйся, столпе огнедухновенъ, от земля вземшийся на высоту преложениемъ, небешѣй славѣ самовидець явися. Радуйся, яко плавающым правитель чюдный показася, и пристанище радостно хвалящим тя, и всѣм заступление. Радуйся, преподобне, и богоблаженне, и богоносе отче нашь Кириле, яко аггельскы на земли пожилъ еси, велми подвизася во времянней жизни в молитвахъ, и в пощениих, и во бдѣниих, и во всенощных стояниихъ, поучаяся в заповѣдех Господнихъ по вся дни, Вседержителною десницею укрѣпляемъ, подобяся блаженному Антонию и Феодосию.[49] И тако Богу угождая, тѣм обрѣлъ еси небесную лѣствицу, по нейже достиглъ еси горняго Иерусалима,[50] честнаго ради жития твоего сосуд бысть Святому Духу, пришед бо Господь съ Отцем, обитель в тебѣ сотвори.[51] Нынѣ же, блаженне Кириле, предстоиши Престолу Пресвятыя Троица, со аггелы Христа непрестанно славословя, неизреченную славу зря, от небесныхъ кругъ пѣвца своя назираеши. Богоносе отче Кириле, своих ради трудовъ от Бога даръ приалъ еси бѣсы прогонити и душя человѣкомъ просвѣтити, вѣрою приходящым. Тя молим, преподобне Кириле, призывающи на помощъ, молебникъ буди Пречистѣй Богоматери, яко да ходатайствуеши о насъ недостойныхъ, Богомъ собраннѣй дружинѣ во святѣй обители сей, ей же ты началникъ и заступление буди, яко да мы, пребывающе на мѣсте сем, не вредни пребудемъ от бесовъ. Славу и благодарение возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно».[52]

Чюдо 4-е преподобнаго отца Кирила о дияконѣ Николаи

Древле убо бывшая знамения, и преславная чюдеса и явления богоносным отцемъ нашымъ Кириломъ, списано прежними творцы, иже люботруднѣ в сем потрудишася. Боголюбивый диаконъ Николай из града Бѣла-озера хотя блаженнаго видѣти в пустыни и приати от него благословение...[53] Да не забвени пребудут многаго ради времени преславная чюдодѣйствия Божия, иже сотворяетъ Богъ своими угодникы, нынѣ убо видимъ толика содѣваемая в послѣдняя времена велия чюдеса.

Бѣ же времени велику минувшу, прииде къ преподобному преждереченный диаконъ Николай ползы ради душевныя и хотящу ему у святаго благословение приати. Святый же рече ему: «Что, чадо, прииде ко мнѣ, нищу старцу, и коея утѣхи ищеши в пустыни сей? Нѣсть ти потребы радования, но иди скоро в домъ свой и узриши младенца юнна мужска полу с материю лежаща, имаши утѣху сердца своего и радование». Диаконъ же рече: «Ни, отче, не имам в дому моем отрочати мужска полу, ни женьска в наслѣдие себѣ. И нынѣ изыдох в путь мой, якоже видиши мя, и подружие мое изыде в слѣд мене до врат дому моего и осташа с рабы моими здравы». Святый же начат ему глаголати:

«Что мыслиши, чадо? Вѣруй ми и иди скоро в дом свой. Понеже, чадо, велик путь прейде трудившися, но вѣруй Богови и Пречистой его Матери, яко трудъ твой не вотще будет».

Диаконъ же прият благословение от святаго, и отиде в дом свой скоро, и видѣ отрока млада с материю лежаща по пророчеству святаго, и удивишася, како се увѣдано бысть? Но понеже познаша того человека Божия быти, и разумѣша истинну, реченную святымъ, и возвѣсти словеса святаго реченная ту всѣм слышащым, и величаху Бога, творящаго дивная и преславная чюдеса святым своим угодникомъ Кириломъ.

Чюдо 5-е преподобнаго отца Кирила Бѣлого, како исцѣли от болѣзни князя Ивана Василиевича Пинкова

Бысть же нѣкий князь Иванъ Василиевичь Пинковь,[54] велию вѣру имѣя къ Пречистой Богоматери на Тихфинѣ,[55] посылаше на всяко лѣто на украшение церкви потребная свѣща и фимианъ,[56] и иная многа украшения. И сему убо князю Ивану в болѣзнь велию впадшу, и изнемогающу велми, и начат молити Пречистую Богоматерь, да облегчитъ ему болѣзнь. И тако молящуся ему, в сонъ тонокъ сведенъ бысть, и видитъ во снѣ свѣтоносну нѣкую жену, явльшуся ему, и старца нѣкоего, свѣтолѣпно ту стояща и глаголюща ко Ивану: «Изыди с миромъ къ Пресвятѣй Богородицы на Тихфину и моея пустыни достигнеши, Кирила Бѣлаго. Тако молитвами Пресвятыя Богородица и преподобнаго Кирила Бѣлаго исцѣлѣеши».

Воспрянув же той князь от сна и повѣда всѣм предстоящымъ явление бывшее, и тогда скоро изыде в путь свой со отрокы своими, и дойде града Бѣла-езера, и повелѣ испытати пустыни Кирила Бѣлаго. Мнози же мужы града того рекоша: «Мы, господине, вси знаемъ пустыню блаженнаго Кирила Бѣлаго на Ново-езерѣ, от града нашего 30 поприщ токмо преити». Князь же той воставъ и иде ко святому, и егда прииде во обитель святаго и от видѣния, явльшагося ему, по образу позна святаго. И пад, поклонися пред ногама его, и избавителя его нарицаше недугу своему, и начат же ему подробну повѣдати, како Пречистой Богородицы моляшеся о исцѣлении недуга своего. И явление бывшее сказа по ряду пред всею братиею.

Тѣм же вси славяху согласно и благодаряху Бога и его Пречистую Богоматерь, яко вездѣ призывающим Его помогаетъ. Такоже и князь той молитъ Бога и святаго, еже служити божественую службу и воду

святити, яко да причастится святыя воды. Святый же моления его не презрѣ, божественую службу служивъ и воду святивъ. Мразъ же тогда силен бяше, и немогущым ту всѣмъ стояти лютости ради мраза, святый же мразную студь ни во чтоже вмѣняше, босъ служаше и в раздраннѣй ризѣ.[57] Князьжето видѣвъ удивися, и вси прославиша Бога, и Пречисту его Матерь, и угодника Божия Кирила. Святый же помолився о нем и священною водою причастивъ, князь же, прием воду с великою вѣрою и усердием, вкушь ея, и абие болѣзнь его премѣнися, и бысть здравъ помощию Божиею и Пречистыя его Матери, и молитвами святаго Кирила.

Егда же устрабися от болѣзни, и тогда князь той написа грамоту своею рукою: «Даяти по вся лѣта от дому своего 40 мѣръ жита,[58] да 20 спуд[59] соли, да два спуда масла, да 20 сыровъ на потребу братье». Якоже написа грамоту — вдастъ святому, святый же приятъ грамоту в руку свою и повелѣ вкусити брашна от святыя трапезы. Той же князь Иван вкусив от трапезы святаго сущаго хлѣба и воды, яже святый вкушаше. И милостыню многу давъ монастырю, и прият благословение от святаго, и отиде в дом свой, благодарение воздавъ Богу и Пречистой его Матери, творящым преславная святымъ своим угодником Кирилом.

Чюдо 6-е, о женѣ, оком болящей

По сих же приведена бысть нѣкая жена именемъ Анна, той болящи окомъ 2 лѣта и ничтоже ей видящи, и молиша святаго, да помолится о ней. Святый же помолися о ней и священною водою помазавъ очи тоя, и в той час здрава бысть от недуга очнаго молитвами Пресвятыя Богородици и преподобнаго Кирила. И якоже прозрѣ и видѣ той островъ, и церковь, и лѣсъ на немъ, и езеро, и люди ходяща, — и тако вся просто начат глядати и видѣти, и бысть здрава молитвами святаго Кирила. Святый же видѣ, яко помилова ю Богъ и прозрѣ, и благодать велию Богу воздааше и Пречистой его Богоматери.

Много же и иных слѣпых приводяще ко святому, святый же прием токмо священное масло от благоуханнаго кандила и помазаше тѣх очи во имя Исус Христа, и тако прозираху и отхождаху в домы своя, славяще и благодаряще Бога и угодника его Кирила.

Чюдо 7-е, о Евдокимѣ

Прииде на островъ нѣкий человѣкъ, живый во окрестныхъ от обители святаго, именем Евдокимъ, и начат рѣзати древеса липовыя, и вложивъ в мало судно, и отплывъ от брега острова того. И се внезапу опровержеся судно его, и нача утопати. Узрѣвъ же се старецъ именемъ Кириакъ погибель человѣка того, и скоро тече къ преподобному, и сказуетъ ему погибель человѣка того, яко въ езере утопаетъ. Святый же, яко услыша, и скоро въставъ, и крестъ в руцѣ вземъ, течаше на брегъ езера того, знамение крестное над езером сотворивъ крестомъ, егоже ношаше. И в той час человѣкъ той ятся за судно, и узрѣвъ святаго Кирила на брегу стояща и крестъ в руцѣ держаща, и нача вопити: «Святче Божий, угодниче Христовъ Кириле, спаси мя от утопления». Святый же помолися, и в той час обратися вѣтръ на брегъ, и скоро принесе его къ острову.

Человѣкъ же той от истопления спасенъ бысть, и на сушу взыде, и скоро притече къ святому, и припаде на ногу его, глаголя: «Прости мя, отче Кириле, согрѣших Богу и твоей святыни, приходих на островъ сий, рѣзахъ древие, пакости творях. И како первѣе и второе прихождах, но Богу попущающу, нынѣ, отче, молитвами твоими избавленъ быхъ от смерти, к тому же не сотворю пакости святому мѣсту сему».

Блаженный же Кирилъ утѣшивъ его, и наказавъ от божественаго Писания, еже не посѣкати древесъ на семъ острове, и отпустивъ его. Паче же помощи Божией бывши на нем, отиде в дом свой, глаголя: «Благодарю тя Господи Человѣколюбче, яко не остави мене грѣшнаго врагом уловлену быти ми и не попусти мене оскорбити твоего угодника». Оттолѣ же той Евдоким стяжа велию вѣру къ святому Кирилу, не яко человѣка имѣаше его, но яко аггела Божия, тѣмже ходяше ко святому благословения ради.

Чюдо 8-е, о покрадении колоколовъ

По сих же нѣции злии человѣцы покрадоша колокола у церкви Воскресения Господа нашего Исус Христа и у блаженнаго Кирила на островѣ. И егда же поидоша въ своя си, абие очи ею удержевахуся и никакоже пути не познаша, имже приидоша, и много по лѣсомъ бродящи утрудившеся, ничтоже успѣша. И по многомъ истомлении паки къ езеру оному на брегъ приидоста, идѣже и до нынѣ крестъ стоит. Блаженному же изшедшу на брегъ езера того, аки ничтоже вѣдущу, абие зритъ их предстоящих на брегу езера и зрящих на островъ.

Бѣ же и нѣкая сила Божия удержа ихъ и не отпусти, святый же повелѣ взяти их на островъ. Сии же людие познаша свое согрѣшение и скоро приидоша къ блаженному, носяще и колокола в кошмах своих. Блаженный же нача вопрашати вины пришествия ихъ и что ради принесоша благовѣстная сия. Они же аки мертви падоша пред ногама блаженнаго и ничтоже ино провѣщати можаху, токмо: «Прости ны, прости, господине, согрѣшихом», — глаголюще. Благоразсудная же глава воздвиже ихъ с тихостию и рече им: «Чадца, никтоже от вѣка похищая чюжая обогатися, множицею и своя погубиша». Онем же от многаго ужаса, паче же рещи срама, ни очима возвѣсти могущим. Святый же запретивъ им к тому таковая не творити, и повелѣ дати им пищу доволну, и отпусти ихъ с миромъ.

Зѣло бо доблии стяжа смиреномудрие и кротость, беззлобиемъ же украшенъ, милосердъ же равно ко всѣм, наипаче же ко врагом, еже пакости ему творящымъ, сихъ миловаше и наказоваше яко присная чада. Вся же сия творяше Христовы ради любве, удобнѣе же рещи по писанному: «Не к тому живу азъ, живет же во мнѣ Христос,[60] емуже и послѣдова, всѣх отвергъся», сие бо дѣло есть мнишескаго пребывания. Отнелиже вселися в пустыню, николиже измѣни правила своего, ни праздну обрѣстися дѣланий духовныхъ, храняше бо негасиму свою теплоту от начала даже до конца.

Чюдо 9-е, о бѣснующемся

Человѣкъ нѣкий бывый купець в Великом Новѣградѣ, именем Феодор, добра рода, имѣя велию вѣру къ блаженному Кирилу. Случися ему ехати съ дружиною своею в путь на Бело-езеро купли ради. Бывшу же ему на пути на рекѣ Колпѣ, и восхотѣвшу пити, и паде ниць на воду, и пиаше, и абие нападоша бѣси и лютѣ мучаху его, и несмыслено глаголаше. Сердоболи же его вязаху путы желѣзными и привезоша в монастырь Воскресения Христова и ко блаженному Кирилу, и едва с нуждею введоша и въ церковь: зѣло вопиюща и лающа злѣ, взоромъ яко звѣрь ревый, языкъ свой долѣ пяди[61] извѣсивъ. Того видѣвъ блаженный Кирилъ Злѣ мучима бѣсы и милосердовавъ о немъ, помолися на долгъ час со слезами Воскресению Господа нашего Исус Христа и Пречистой его Богоматери. И по молитвѣ знаменавъ болящаго крестомъ и священною водою покропивъ, и благодатию Божиею, и силою крестною, и молитвами святаго изыдоша бѣси из него, и бысть здравъ, и цѣломудренъ, и благочестивъ.

Паче же реку и сие, обѣщася велию вѣру держати ко святому до исхода душа своея паче первыхъ. Ту же и многым предстоящымъ и видѣвшым таковое преславное чюдо, и прославиша Бога и угодника Божия

Кирила. Исцѣлѣвый же вда братии милостыню доволну и отиде в путь свой с миром.

Чюдо 10-е, о женѣ прелщеннѣй

Бысть нѣкая жена от обители святаго близъ езера того живущи, вооружена и научена бысть диаволомъ на святаго. Слышаше бо жена та блаженнаго живуща во островѣ и цѣломудрие творяща, и приеде на остров, хотящи ей искусити святаго и являше безстудие свое. И нѣкогда по прилучаю спроста увидѣвъ святаго, бѣ бо от послѣднихъ кѣлия его. Сему же на молитвѣ стоящу, готовящуся к божественнѣй службѣ; и якоже видѣ ея безстудие, о том мало оскорбѣся святый.

И абие осия ту свѣтлость от аггельскаго лица его, иже постом цвѣтущаго, и ужасъ нападе на ню, и бысть трясыйся и стоняше, аки нѣкая сила Божия бияше ю. Блаженный же нача вопрашати вины пришествия ея на островъ во святую обитель. Она же рече блаженному: «Прости мя, отче святый, дерзнух приити къ твоей святыни, недоставшу ми огню. Сия нужда ми бысть и того ради приидох къ твоему преподобьству. Повели ми, отче, дати огню». Блаженный же обличаше ю пред всею братиею и рече, елицѣхъ срамъ видѣв, к раскаянию приводяше ю. Она же не можаше утаити святаго, овѣм особь согрѣшения являше, и много молиша преподобнаго прощение подати ей о невѣжьствии ея и о искушении Святаго Духа, иже на святых почивающаго. Смиреномудрый же видѣ ю со слезами кающуся о грѣсѣх, и пришед незлобивый Божий человѣкъ, глаголя себе грѣшнѣйша и худѣйша паче всѣхъ человѣкъ, и рече к ней: «Почто хотя видѣти грѣшнаго и мерътваго ми телеси, иже мира отвергшагося?» И тако поучивъ ю на добродѣтель и заповѣда, яко не приходити женам на островъ никоея ради потребы. Вкупѣ сотвори крестное знамение, и благословение, и прощение подастъ ей. И абие от того часа здрава бысть, въставъ, отиде в дом свой со страхом и радостию, славя Бога и преподобнаго чюдотворца Кирила, зазирающи себѣ о всѣхъ сих прилучившыхся.

Слышавше же чюдо сие, вси людие радующеся славяху Бога, подавшаго им таковую святыню, врачю болящихъ, и грѣшным прощение даруетъ. Не токмо в ближнихъ весѣхъ, но и во иных градех промчеся благодать Святаго Духа, нынѣ и присно и въ вѣки.

О преставлении преподобнаго отца нашего Кирила Бѣлаго

По сих же убо разумѣв святый еже к Богу свое отхождение, и призвавъ братию свою, и рече им: «Се уже, братие, конець живота моего приближается, азъ убо отхожду от жития сего, вас же предаю в руцѣ Божии, да сохранит вы и утвердит в любви его. Аз же, аще и телеснѣ отхожду от васъ, но духомъ с вами неотступенъ буду. Но о сем да будетъ вам разумно, аще буду обрѣт благодать пред Богомъ, то монастырь сей по моей смерти ничимже не оскудѣетъ, аще любовь будетъ между вами. Подобаетъ же убо вам, братие, со всякым прилежаниемъ и со страхом Божиимъ в покорении и любви быти». И тако блаженный вся со слезами учаше: иже о спасении души и богоугоднем житии, и о пощении, и еже к церкви тщании и в той со страхом стоянии, и о братолюбии же, и о покорении, еже не токмо къ старѣйшинамъ, но и к сверстным себѣ любовь и покорениеимѣти.

«И се яко видите мя к концу приближающася...», — и се рекъ, умолче, к тому не могий ничтоже отвѣщати. Братия же в велицѣй скорби и печали быша его ради. Святый же до седмаго часа умолче, ни глаголати к ним не може, ниже очию возвѣсти, яко многимъ мнѣти, яко уже преставися, токмо еще сущу мало видяще дыхания в нем. И абие по седмом часѣ нача захлипатися и слезам от очию его исходящымъ на долгъ час тако бывши, братиям же зрящым на святаго и чудящымся таковому видѣнию.

По том обзираше всю братию глаголя имъ: «Братия моя и отцы, се убо время, уже мятежь в людехъ. „Будетъ бо бѣда велика на земли нашей, и гнѣвъ на людех: и падут во острие меча, и плѣнени будут во вся языки“, [62] и труси велицы, и глади, и мори будутъ, якоже яви ми Господь». Тогда приступи к нему старець Дионисий, нача вопрошати блаженнаго: «Скажи намъ, господине, по том что будетъ?» Святый же рече ему: «Абие видѣх на престолѣ высоцѣ сѣдящу Господу Царю и с ним предстоящы два отрока смиреннѣ, храбра зѣло, имуще на главахъ своихъ вѣнца царска. И вда им Господь в руку их оружия своя на сопротивныя враги, и побѣждени будутъ злии варвари, и поклонятся Ему вси языцы, и будетъ царство наше устроено Богомъ.[63] Вы же, отцы, и братия, и чада, возлюбленая о Христѣ, плачитеся Господу Богу и Пречистѣй его Матере, ПресвятѣйБогородицы, О державѣ царствия Росийския земля. А азъ убо отхожду в живот отецъ своих, якоже и вси земнии, вас же предаю Господу Богу и Слову благодати Его, могущему наздати вас и дати наслѣдие и священие всѣм, Той поможетъ вам. Вы же, братие, Господа ради, не пренемогайте в молитвахъ и в постѣхъ, соблюдающе себе от лаяний и навѣтъ вражиихъ, Преблагий же Богъ не презрит смирения вашего ради Его неизреченнаго смотрения». К тому же и о сем заповѣдавъ, рече: «Братие, якоже при моем животѣ пития пияньственаго не бысть в монастырѣ, меду же или инаго пития, елика пияньства имутъ, — никакоже в монастырѣ сем обрѣтатися не повелѣх». И такоже сим блаженный запрещенным уставомъ змиеву главу

пияньства отсѣче, и к тому прочее, и корение исторже. Заповѣдавъ же и о сем преподобный: «Яко не токмо при моем животѣ не быти пианьственому питию в монастырѣ семъ, наипаче же и по преставлении моем не повелѣваю сему быти». И прочее много наказавъ: «Единымъ духомъ и въ смирении сущем и в послушании быти, да „будете съвершени, якоже и Отець вашъ Небесный совершен есть",[64] Господь же буди с вами. И о семъ молю вы и заклинаю, да в коейждо есмь одежди, в той положите мя тако посредь острова того, гдѣ бысть вода несходящи, ту погребите тѣло мое грѣшное».

Сия рекъ и множае сих, и коегождо от братия цѣлова любезно, прощение приимаше. И в самое же то от тѣла исшествие приятъ добраго спутника, Владычняго Тѣла и Крови причастився, и знаменавъ себе знамениемъ креста, глаголя: «Слава Богу о всем», и прирекъ: «Аминь», предастъ духъ в лѣто 7040-го, месяца февраля в 4 день. Блаженная же его душа от телеси изыде, лице его просвѣтися яко солнце, показуя его душевную чистоту.

Ученицы же его плачющеся горцѣ о разлучении отца и учителя, и къ святому телеси его припадающе, из глубины сердецъ вопиюще: «Отче нашъ и учителю, блаженный Кириле, тебѣ прииде время, еже преставитися и со Христом быти». И тако вземше святаго, и несоша въ церковь, и по обычаю надгробное пѣние сотвориша. Тогда аки от нѣкоего божественаго явления подвиже вѣрныхъ християнъ от окрестныхъ весей ту живущихъ множество, со усердиемъ сами скоро притекоша на погребение блаженнаго Кирила. И вси плачемъ и рыданиемъ сокрушахуся, и на одрѣ честное и трудолюбное тѣло положиша, псалмопѣниемъ и надгробными того провожаху. Ученицы слезъ источникы проливаху, глаголюще другъ къ другу: «Нынѣ намъ бѣдно есть безвременное осирѣние отечьския любви; болѣзнуем душями, понеже врача разлучихомся». Другъ на друга взирающе и к себѣ глаголюще: «Видите ли, братие, в колицѣх временѣх учитель бысть нашему спасению, нынѣ посредѣ пристаница надежа нашея источникъ и столпъ обрѣтохомъ. Иногда богати суще наслажающеся медоточными ученьми от устъ блаженнаго отца, нынѣ же нагы обрѣтохомся разлучением отца и учителя». Разлучения не терпяще плакахуся, яко аще бы им мощно тогда и соумрети с ним.

Лице же святаго просвѣтися и паче свѣта свѣтяше, являше свѣтлость аггельскаго жития и прообразует ону свѣтлость. Абие скутавъше блаженное тѣло, погребоша честно на мѣсте, идѣже сам заповѣда положену быти, одесную страну церкви. И тако погребены быша честныя и чюдотворныя его мощи, и подаютъ исцѣления с вѣрою приходящым к рацѣ мощей его.[65] И тако отиде блаженный в вѣчную жизнь, иже уготова Богъ любящим Его, еяже буди всѣм намъ получити о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Емуже подобает всяка слава, честь и

поклоняние, со Безначалным Его Отцемъ и съ Пресвятымъ, Благимъ и Животворящим Духом, нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

Чюдо 1-е по преставлении преподобнаго отца Кирила Бѣлаго

Бысть убо в той же обители Воскресениа Христова инокъ именемъ Кириакъ, ученикъ бывъ преподобнаго Кирила, имѣя хитрость рыбную ловлю. И тому старцу едино лѣто разслаблену лежащу, и вси уди тѣла его изнемогоша, и не можаше видѣти честнаго и преславнаго преставлениа преподобнаго отца нашего Кирила.

И плакашеся горцѣ на долгъ часъ, и успе мало от зѣлнаго того недуга, и абие явися ему блаженный Кирил во образѣ, якоже преже бысть, и с ним два нѣкая свѣтла юноши, держаще в руках своих свѣтила горяща, и глаголюще к нему: «Что, брате Кириаче, толико время стражеши в болѣзни сей? Въстани скоро и иди рыбъ ловити во утѣшение братии». И знаменавъ его крестомъ, и благословивъ, и абие невидими быста.

Той же инок Кириакъ в велицѣ страсѣ бывъ о необычномъ видѣнии и в той час нача двизати рукама и ногама, и повелѣ себе вести ко гробу блаженнаго Кирила. И тамо, у гроба, плачася горцѣ на долгъ час, исповѣдаягрѣхи своя, аки к живому глаголаше, и прощение получи, и бысть здравъ от болѣзни тоя. И стекошася вся братия ко блаженнаго гробу, и видѣвше преславное чюдо, како разслабленый хождаше и бысть здрав молитвами Пресвятыя Богородица и угодника Божия Кирила. Той же разслабленый нача всѣм ясно исповѣдати, како явися ему блаженный в нощи съ двѣма юноши и повелѣста рыбы ловити во утѣшение братии.

Той же старецъ Кириакъ во вторый день изыде на ловитву по повелѣнию святаго. Богъ же тому Кириаку поспѣшествоваше благословением святаго, и много уловившу рыбъ, и от сея доволъ бяше всѣм братиям ко утѣшению на память святаго Кирила. Тогда бо многым бывшым отвсюду видѣти таковое чюдо, и видѣвше прославиша Бога и Пречистую его Богоматерь, Пресвятую Богородицу, и угодника Божия Кирила, подающаго нам таковая.

Чюдо 2-е, о болящем очима и главною болѣзнию

Не по многихъ днех онѣхъ инъ нѣкий человекъ князя Феодора Чеснока Вадбалскаго именем Григорий, очною болѣзнию одержимъ сый, скорбяше время не мало от зѣлнаго того недуга, — затекли бѣста очи ему яко ни мало можаше видѣти, тѣмже и на ложи не можаше опочинути, ни мало сна причащашеся, но от мѣста на мѣсто прехождааше день и нощь, кричаше и стоняше беспрестани, — сего же приведоша ко гробу святаго Кирила, и приложиша, и воды священныя возлиаша на главу его, юже преподобный сам святив. Человекъ же той здравъ бысть и зряше свѣтло, якоже и прежде.

И падаетъ убо пред образом Владыкы Христа Бога нашего, егоже святый ношаше, и моляшеся ему, глаголя: «О, Владыко Господи, Творче небу и земли, что Ти воздам о всѣх, яже еси даровалъ благая нам не по нашему недостоиньству, но Твоего ради неизреченнаго милосердия». Такоже и к чюдотворному гробу припадая, похвалная словеса со слезами глаголаше: «О, скорый помощниче, о, теплый предстателю, о, блаженный Кириле, поспѣшествовавый мнѣ, недостойному, во святых ти молитвахъ къ Христу Богу нашему! Кую ти похвалу и благодарение воздам, что ли нареку тя — недовѣмъ: источника ли приснотекущаго животных водъ, иже изливаемъ, — наипаче изообилует, черплемъ — николиже оскудѣвает, богатство ли неиздаемое или сокровище неоскудное?» И сицевыми многыми словесы доволнѣ помолився, радуяся отходитъ в дом свой, славя Бога и угодника Божия блаженнаго Кирила.

Не токмо бо ту сущым дивнаго сего мужа прикосновением честнаго гроба, но и на одѣяния кроплениемъ от священныя воды бываютъ исцѣления, и далече сущым, иже с вѣрою святое его имя призывающым, якоже рече Господь: «Прославляющаго мя прославлю».[66] И паки рече: «Аще вы умолчите о благодѣянии Божии, то камение возопиет», [67] тѣмже надѣющися на милость Божию и молитвы преподобнаго поспѣшествующа ми, потщахся, елико по силѣ нашей, написати отчасти избранныхъ святых чудесъ въ славу и благодарение Христу Богу нашему и угоднику его и молебнику о гресѣх нашыхъ блаженному Кирилу чюдотворцу.

Чюдо 3-е святаго Кирила, о женѣ

Полезно же есть и сие повѣдати. Бысть убо нѣкий мужь именем Никита Текутовъ,[68] жилище имѣя во градѣ на Белѣ-езере, сего же убо жена бяше, именемъ Елена, в болѣзнь велию впаде, и толико болѣзнь ея множашеся, и утроба растяше, яко мнѣти ей, всѣм костемъ ея сокрушатися. И тако на много время стражущи ей, и много имѣния своего врачем раздаяху, и нимало пользы от врачевъ приимаше, но и

злѣе болѣзнь воздвизашеся. И во едину же нощь немощная она жена помянувъ блаженнаго Кирила и его чюдеса, колика исцѣления подает Господь угодникомъ своим просящим у Него с вѣрою. И во единъ убо от дний помышляше, како бы ей ити в монастырь святаго и к чюдотворному его гробу приложитися и благодарение воздати святому. И тако день от дни помышляющи ей, и в забвение прииде, якоже и въ мнозѣхъ человѣцѣхъ случается: егда в нужди есмы, тогда къ Богу прибѣгаемъ и помощи Его просимъ, и получивше избавление, благодѣяния не воспоминаемъ, — такоже и сие бысть во множествѣ мирскых попечений.

Во едину же убо от нощий урани, восхотѣ востати на молитву, тогда вси уди телеси ея разслабишася, яко не мощи ей от одра своего никакоже двигнутися, уже бо отчаявшися ей живота своего и ожидающи смертнаго часа. Абие же мало успе, и внезапу просвѣтися свѣтъ велий во храминѣ той, и явися ей преподобный Кирилъ, нося в сосудѣ священную воду и крестъ в руцѣ своей, и благослови ея, таже и крестомъ оградивъ, и, священною водою окропивъ, рече ей: «Востани, чадо, иди в монастырь мой и помолися Воскресению Господа нашего Исуса Христа и Пречистой его Богоматере, и прощение получиши у гроба моего». И к тому невидимъ бысть.

Она же скоро воставъ от сна своего и в велицѣ страсѣ бывъши о необычном видѣнии, и в той час здрава бысть от болѣзни тоя, и начатъ повѣдати се мужу своему Никитѣ, како явися ей блаженный Кирилъ и повелѣ прийти во обитель свою и гробу его поклонитися. Мужь же ея и прежде державъ велию вѣру къ блаженному Кирилу, и сице слышавъ от жены своея, таковое чюдо в дому своем, и рече: «Явися благодать Божия на нас». И возрадовашася зѣло, и скоро поятъ жену свою, и тако привед ю в монастырь, и приложишася у раки святаго, и начат молитися со слезами о согрѣшении своем. И абие в той час не очютися болѣзнь ея, и здравие приял, яко ничтоже пострадавъ, и молебная совершивше, и тако мужь ея вся исповѣдаетъ бывшая на ней болѣзни, и отиде в дом свой, хваля Бога и благодарение велие воздая святому.

Тако Богъ прослави угодника своего и поклоняющымся вѣрою мощем его милостивно прощение подаетъ, и небрегущыхъ наказуетъ прочее боятися Бога. И о сем тако бывшу.

Чюдо 4-е, о разслабленомъ

Ниже сего умолчим чюдеси святаго. Бысть убо нѣкий скомрахъ именем Стефанъ, жилище имѣя во градѣ на Белѣ-езере, от обители токмо преити 30 поприщь. Сему же убо Стефану случися болѣзнею разслабления одержиму быти два лѣта, к сему же и сонъ безмѣрный належаше ему, яко и забытися ему от великия болѣзни и сна. И во единъ же убо от дний прииде в чювство умъ его, и восхотѣ поити во обитель блаженнаго Кирила, слышавъ яже от святаго бывающая преславная чюдеса у гроба его святаго. И помышляше в себѣ, како бы ему достигнути во обитель святаго отца Кирила и у гроба его исцѣление получити.

И поиде во обитель преподобнаго, и еще же ему не дошедшу 12 поприщь до обители святаго, и изнемогъ велми, и въстужився, и преклонься мало, хотя преопочинути от великия болѣзни и труда. И недомыслящу же ся ему о сем, что сотворити возможетъ, и начат призывати скораго на помощь, глаголя: «Преподобный Кириле, помози ми и избави мя от недуга сего. И к тому не возвращуся вспять от гроба твоего святаго, но прииму аггельский образъ и причтуся избранному стаду». О великое чюдо! Токмо в мысли своей помянувъ святаго и обѣщавъся — и абие явися ему преподобный Кирилъ, глаголя: «Человѣче, аще хощеши исцѣление получити, то иди в монастырь к Воскресению Господа нашего Исуса Христа,[69] и у гроба моего приложися, и желаемое получиши иноческаго жития». И к тому невидим бысть.

Той же скоморохъ, немогий преже двигнутися, и в том часѣ здравъ бысть, и радостенъ зѣло таковому видѣнию, и приходитъ в монастырь блаженнаго, и к чюдотворному гробу притекъ, и со слезами прощения просяше. И тако острizаетъ власы главы своея, и сподобляется аггельскому образу, вкупѣ же со отъятием власъ отлагает и долу влекущая мудрования, и нарекоша имя ему Сергий — их же получи благодатию Христовою и молитвами преподобнаго Кирила, бысть здравъ и тако пребываше, и служаше в той обители во всяком послушании, и в вѣчный покой отиде.

Чюдо 5, о нѣкоем отрочати, како исцелѣ молитвами святаго

Нѣкий человѣкъ именем Данило Текутовъ, живяше во градѣ, и сему сынъ бяше единороденъ, именемъ Симеонъ. Сему же убо отроку болѣвшу утробою и огробатѣвшу. И сего же убо отрока отець, вѣрою влекомъ,привезе отроча во обитель святаго. Возвѣстиша же о семъ священнику и всей братии, яко да поют о нем молебная и помолятся о здравии. Принесши же отець отрока, и положи на гробъ святаго Кирила, и припаде ко гробу его молящися, глаголаше: «Вѣмъ бо всяко,

отче преподобне, яко егоже аще просиши у Бога, то подати тебѣ имать благодать. И к тому же убо да не презриши наю въ скорби суще велицѣй о сем». К сему же и ина многая изрече, якоже и всю надежю возложи на святаго.

По пѣнии же нача отроча на гробу востягатися, и молитвами святаго Кирила не бысть горба у отрочати. Отець же взем отрока и къ образу Пресвятѣй Богородици приложи, и водою покропивше его святою. И абие в том часѣ здраво бысть отроча и, на нозѣ свои ставъ, хождаше сѣмо и овамо. О великое чюдо, яко въскорѣ исцѣление получивъ молитвами преподобнаго Кирила! И отець того отрока埋 вземъ, и отиде в дом свой радуяся, и благодарение о семъ Богу воздающе и Его угоднику, великому в чюдесѣх Кирилу.

Чюдо 6-е, о бѣснующемся

Нѣкоим же временемъ минувшымъ, и нѣкоего человѣка именем Кондрата сынъ именем Амбросий, сей убо от лютаго бѣса мучимъ бяше лютѣ, связанъ рукама же и ногама. Толико же бяше мучение и злое бѣшение того Амбросия, елико очи закрывше привести его великою нужею в монастырь. Очи же его бяху отолъстѣша и кровавы быша аки звѣрины, и страшащымся от него, глаголы же злыя вопиющи, овогда же рыкающи аки скотъ, иногда же аки звѣрю ревущу, и много бѣсовскимъ гласомъ вопиющю, и много несмыслено глаголющу и шепчющу, сего ради страненъ и страшенъ позоръ всѣм бяше. Но что многа глаголати, и на самого Господа Бога нашего Исуса Христа хулу возлагаше, не той бо глаголаше, но жилище бѣсовское в нем бысть, усты его глаголющи и вопиющи.

Священникъ же и братия к молебному пѣнию простирашеся, и крестомъ ограждаше и, и водою священною окропиша, и ко гробу святаго приложиша, и всѣм молитвовавшемъ о стражущем. Тѣмъже благодатию Христовою, и помощию Владычица нашея Богородица и Приснодевы Марии, и молитвами блаженнаго Кирила помалѣ престааше болѣзнь человѣка того, и бысть кротокъ и смысленъ, и в чювство прииде, и бысть здравъ, якоже и преже болѣзни, и отиде в дом свой, славя и благодаря Бога и преподобнаго угодника Христова Кирила.

Чюдо 7, о болѣвшем зубами

Нѣкий священноинокъ именемъ Мартемианъ, тоя же обители блаженнаго Кирила Бѣлаго, случися ему зубною болѣзнию одержиму быти на много время. И толико от того лютаго недуга злѣ страждущи изнеможе, елико и не познати его, но паче близъ, яко рещи, не толико животъ, елико смерть чаяти. По прилучаю же нѣкоему инок именем Тихонъ, того же монастыря блаженнаго Кирила, видѣвъ того лежаща и тако стражуща, и начат ему повѣдати, како «исцѣле братъ нашъ Аникей да Геронтей. И азъ такоже болѣвше и исцѣление получиша от гроба блаженнаго. И всяко бо, — рече, — аще с вѣрою приидеши — исцѣлееши,

Вѣровавъ же той инокъ словесем старца, скоро притече ко гробу святаго, и падъ у гроба, моляся со слезами на долгъ часъ, и знаменався у гроба, и воду священную во уста своя вложивъ. И абие помощию самого того Господа нашего Исус Христа и молитвами святаго преста болѣзнь и, здравие получивъ, радуяся возвратися в кѣлию свою, славя Бога и его угодника блаженнаго отца Кирила.

Чюдо 8 преподобнаго Кирила, о нѣкоем старце именем Макарии

Бяше же убо нѣкий старець имянемъ Макарий от Корѣльския страны, постриженикъ Сѣнново монастыря,[70] прииде с вѣрою в монастырь блаженнаго Кирила. В той же обители вся братия тружающеся на вся потребная, той же старець свѣреп сый не хотя терпѣти скорбных Бога ради, и изыде от обители святаго во град, в мирский монастырь, и не могий терпѣти трудовъ монастыря того, еже братия добре терпяще Бога ради тружаются. Сему же убо Макарию нѣкогда случися в болѣзнь велию впасти, якоже на многи дни ни пищи, ни сна причаститися, ниже на одрѣ двигнутися можаше, ни сердоболя себѣ в помощь не имѣя, никтоже послужити ему можаше, но вси от него отвращахуся, и сему бывшу на много время.

Во едину же от нощий помянувъ немощный блаженнаго Кирила и прииде в память грѣхъ своих, глаголя: «О, колика исцѣления творит Богъ его ради». И начат молитися и глаголати: «Святый Кириле, помози ми и избави мя от болѣзни сея». И по молитвѣ старца абие бысть легчайши; той же скоро повелѣ себе отвести в монастырь блаженнаго Кирила и ко гробу его. И привезоша того близ святаго гроба, и нѣкая сила порази болящаго, и много томившуся мучениемъ на долгъ час, и бысть яко мертвъ, и лежащу ему день той, и мало вразумѣвшуся. Братия же тоя обители видѣвше его таковое мучение и повелѣша его приложити ко святаго гробу, и молебная пѣния творяще. Вся же братия ту стояще и молитву дѣюще за болящаго брата, болный же в той час

ощутив облегчение болѣзни своея, и скоро воста, и сяде у гроба святаго никимже подкрѣпляемъ, иже преже и двигнутися не могий.

И тако бяше. Видѣвъ болящий гробъ чюдотворца Кирила, и всѣмъ ясно исповѣда, како видѣ в той час, како поразиша его бѣси и мучиша без милости: «И абие в той час яви ми ся старець благообразенъ и сѣдиною украшенъ, лице же его свѣтяшеся яко свѣтъ, и в руцѣ своей держаше жезлъ,[71] и начят бити темныя ефиопы,[72] и отгна ихъ от мене, и рече ми: „Въстани, брате, се здравъ еси, к тому не согрѣшай". И вда ми четкы от руку своею, и тако невидимъ бысть». И показуя четкы блаженнаго Кирила всей братии явствено, братия же видѣвше, и вси прославиша Бога и угодника его Кирила. Братия же приемше брата своего и ведоша в кѣлию, давше покой брату своему.

Чюдо 9-е, о девицѣ, изступившей ума

По сем же преведена бысть материю своютю нѣкая девица именемъ Параскoвгия, нѣкако от привидѣния диаволя смятеся умомъ и несмыслено глаголющи. Мати же ея слышавши яже о чюдесех святаго, бывающихъ у гроба его, и, поимши дщерь свою, приведе в монастырь преподобнаго Кирила, и припадши ко гробу святаго, и начат плакати и рыдати велиим гласомъ на долгъ час, моляшеся Господу Богу, и Пречистой Богородици, и угоднику Божию Кирилу. И приложиша ю ко гробу чюдотворца, и молитвѣ о ней бывше к божественѣй ракѣ у гроба святаго. И помалу паки во ум свой пришедши здрава возвратися в дом свой, благодаря Бога и преподобнаго Кирила.

Чюдо 10-е, како исцѣле болящий трясавицею

Нѣкий убо человѣкъ именем Викулъ живый во окрестных от обители святаго, и сему Викулу случися трясавицею одержиму быти. Мнози же, мнящеися врачеве быти, нѣкая зелия многая даяху ему, еже исцѣлити его, но ничтоже полезна не можаху ему сотворити. И тако от того лютаго недуга злѣ изнеможе, елико и не познати его, якоже на многи дни ни пищи, ни сна причаститися, ниже на одрѣ двигнутися мало можаше. Во един же от дний нача трудитися от болѣзни тоя злыя паче первых, даже и до седмаго часа нощи, но паче близъ, якоже рещи, не толико живота, елико смерти чаяти.

И абие мало успе, и явися ему преподобный Кирил в раздраннѣй ризѣ, юже и прежде ношаше, и с ним нѣкий муж свѣтелъ, плѣшивъ, имѣя браду круглу и сѣдату, и одѣяние свѣтло, и држа в руцѣ своей Святое Евангелие. Той же глаголя: «Что, чадо Викуле, толико время стражеши? Въстани скоро и иди во святую обитель блаженнаго Кирила, тамо исцѣления бываютъ от гроба его святаго. Аще с вѣрою приидеши, то исцѣлѣеши». И абие невидими быша. И от сего видѣния предреченный Викулъ болѣзни премѣнися и бысть здравъ, яко николи-же болѣвъ. И возбнув от видѣния радовашеся, Бога прославляя, творящаго дивная святыми своими угодники. И приходит в монастырь ко гробу святаго, и тамо помолився и знаменався у гроба блаженнаго Кирила, и возвратися в дом свой радуяся, славя Бога и угодника Божия блаженнаго Кирила.

Чюдо 11, о болящем юноше ногою

Якоже преже рекохомъ, предреченному священноиноку Афонасию сынъ именем Прокофей, случися ему болѣзнь люта, вонзе ногу свою, и затече нога его, и тако изнемогающу ему, и к концу живота приближающуся. И немало время тою злою болѣзнию одержиму, паче 50 дний тако стражущу. И сего отець Прокофия, видящи по вся дни тако стражуща, болми паче оного утробою поболѣ. И уже болѣзни множащися во отець же его благъ совѣт восприем, повелѣваетъ нести отрока во обитель святаго и блаженнаго Кирила. И принесоша, и молитвовавъ доволно о сынѣ своем, и приложи его ко гробу святаго, и водою священною окропивъ. И по молитвѣ дарова ему Бог исцѣление, и бысть здравъ молитвами святаго Кирила. Видѣвъ же то преславное чюдо отець его Афонасей прослави Бога и того угодника, блаженнаго Кирила.

Чюдо 12 преподобнаго Кирила, о смертоноснѣй железѣ[73]

Ниже се молчанием святаго чюдо покрыется. Бысть нѣкий человѣкъ именем Василей Ефимовъ впаде в болѣзнь лютую. По изволению же Божию прииде велика нужда на рускую землю — болѣзнь, нарицаемая железа, и тако мучаше человѣкы болѣзнь она и смерти предаяше. Богу тако попустившу на род християньский, болѣзни же той умножившися и разшедшися по всей земли рустей, прииде же на град Бело-озеро горкая та болѣзнь смертная. Ту же и тому человѣку, преждереченному Василию, таковою болѣзнию злѣ стражущу, и вси уже во отчаянии бышя и ничтоже о здравии его помышляющим, но точию смертная и погребалнаа ему готовяху.

Вечеру же сущу глубоку, и малу отраду приимъ, в сонъ сведенъ бысть. В полунощи же, яко сам глаголаше: «свѣтилнику горящу», подружию же его тогда такоже лежащи, тоюже смертоносною язвою, он же ниже бдѣти можаше, но якоже многажды случается, отягченъ лежаше, душа же его бдящи, во умѣ моляшеся, яко да приимет святаго молитвами исцѣление, тогда видитъ блаженнаго отца, предстояща ему. Той же аще и хотяше тогда въстати или поглядѣти, но не можаше. Глагола же ему святый: «Василие, болиши?» Онъ же рече: «Господи, зело болю». Святый же рече: «Аще хощеши здравъ быти со всѣм домомъ своим, то иди в монастырь мой и тамо исцѣление получиши».

Василий же от видѣния возбнувъ и, пригласивъ свое подружие, сказа, како прииде святый и како исцѣление получи. И таку хвалу воздаша Богови и святому Кирилу, яко его ради исцѣление получи. Той же Василей въстав помалу, и прииде в монастырь с върою, и святому гробу блаженнаго Кирила приложися, и въскорѣ исцѣление приимаху от цѣлбоноснаго его гроба, и здрави отхождаху в дом свой радующеся, яко ничтоже тѣм пострадавшымъ в дому его от болѣзни тоя. Той же видѣвъ подружие в дому своем и вси здрави ходяща, и прославиша Бога и угодника Его Кирила, подающаго ему таковую благодать, приходящым с вѣрою ко блаженнаго гробу. И тако вси исцѣление равно приимаху, и радующися ликовъствующе, отхожаху в домы своя, прославляюще Бога и Пречистую его Матерь и чюдотворца Кирила, приимшаго таковую благодать исцѣления.

Чюдо 13, о болящем трясовицею

Нѣкий человѣкъ, Елеуферий имянем, живый во градѣ, и тому трясавицею одержиму бывшу на многа времена — ни хлѣба ядущи дотолѣ, якоже и живота отчаятися. Сей убо Елеуферий слышавъ о святѣмъ, приходитъ къ его рацѣ с вѣрою помолитися у блаженнаго гроба. И скоро исцѣление получивъ,отиде в дом свой радуяся, от таковаго злаго недуга здравие получивъ молитвами блаженнаго Кирила, яко и многым дивитися.

Чюдо 14 святаго Кирила Бѣлаго, о кашли

Нынѣ в послѣдних лѣтех пришедшу исцѣлению от святаго гроба непрестанно, якоже источнику текущу. Быстьубо в лѣто 7089-го месяца генваряв 15. Прииде убо злая та болѣзнь, рекомый кашель, на родъ христианьский, и мнози человецы тою болѣзнею одержими бяху, и

прихождаху с вѣрою къ гробу святаго Кирила, и тако от недуга исцѣление примаху.

Бысть же нѣкий человѣкъ, именемъ Мелентей, живый во окрестныхъ мѣстехъ близ обители святаго, в Замошие, и сему человеку случися злая та болѣзнь кашель, и злѣ недугомъ одержим бяше: зѣло захлипающи и не могущи воздохнути. И тако стражущу в томъ зломъ недузѣ, и конець живота приближашеся ему, и своя согрѣшения исповѣдуетъ священнику, и тако Святых Таинъ причащается. И повелѣ себе вести въ святую обитель къ честной рацѣ блаженнаго Кирила, и созва весь соборъ тоя обители, и молебенъ начаша пѣти у гроба святаго. И сей человѣкъ, преждереченный Мелентей, в той час прощен бысть от тоя болѣзни, и бысть здрав, якоже и прежде, и отиде в дом свой радуяся и славя Бога и святаго Кирила. Такоже и вси прославляху блаженнаго угодника Божия.

Чюдо 15, о отрочати, како исцѣле у гроба святаго

И паки же сей младенецъ именемъ Иванъ принесенъ бысть материю во обитель святаго на память святаго Кирила того же году преждереченнаго, иже исповѣдающе о немъ.[74] От двою лѣтъ одержиму бывшу ему от общаго сопостата врага: возметнымъ недугомъ злѣ мучимъ бѣ, и немилостивно напружаем, и от устъ его пѣны текущи, и тако лице ему и очи изовратишася опако, неподобно зрѣти лица его никому. Родители же его слышавше яже о чюдесех святаго, бывающих у гроба его, принесоша в монастырь преподобнаго отца Кирила. И припадши ко гробу святаго со отрочатем, и начат отець его плакати и рыдати со гласом, вопиющи: «Помилуй мя, рабе Божий, яко сынъ мой злѣ мучимъ есть многихъ ради грѣховъ нашыхъ». И приложив же сына своего ко гробу святаго, таже и ко образу Пречистыя Богородици, честнаго и славнаго Ея Одегитрия, и абие в той час исцѣление получивъ, и никакоже болѣзни сея очютивъ, и бысть здравъ, яко николиже болѣвъ. И тако молебная пѣвше, и отиде в дом свой радуяся и славя Бога и преподобнаго отца Кирила, яко молитвами его исцѣление получивъ.

Чюдо 16 святаго Кирила Бѣлаго, о изступившемъ ума

Добре есть Божие человѣколюбие чюдеса святых, угодившых Ему, воспоминати присно. Еже быша в послѣдняя лѣта во многыхъ избранных святаго чюдесех, се новѣйшее преславное чюдо, еже видѣти очию нашею.

Человѣкъ нѣкий именемъ Данило Текутовъ от града Бѣла-езера, от многаго пияньства изступившу ему ума, и тако начат несмыслити, яко и люди бияше. И егда же много томленъ бываше, связанъ приводим бываетъ в монастырь блаженнаго Кирила. И преведоша его ко гробу святаго, онъ же много несмысленая и коснаа глаголаше. И начаша у святаго раки молебная пѣти, и по отпѣтии приложиша его ко гробу блаженнаго, и священною водою окропиша. И абие в том часѣ прииде в чювство, и бысть здравъ и смысленъ, и отиде в дом свой радуяся и славя Бога и Пречистую его Богоматерь, и угодника их преподобнаго Кирила.

Чюдо 17 преподобнаго отца нашего Кирила Бѣлаго, о женѣ болѣвшей

Бысть убо нѣкий человѣкъ именем Иванъ Евсевиевъ, жилище имѣя во градѣ на Белѣ-езере. Сего же Ивана жена именемъ Мария,[75] ейже приспѣ время дѣтородия, еже разрѣшитися от узъ чрева ея. И немогущи ей на многи дни, и стражущи таковою болѣзнию, и многия бабы дѣтородныя приводиша к ней, чающи помощи от них, и не бысть помощи, но и горши недуг воздвизашеся. И вси уже во отчаянии быша и ничтоже о здравии ея помышляющим, но точию смертная ей и погребалная готовяху. И тако внесоша ю въ храмину чисту[76] и положиша ю на одръ, уже бо видѣвше ю к концу приближающуся — не могущи ей ни мало дыхати.

Муж же ея Иванъ видѣвъ ю умирающу, и скоро принесе образъ Пресвятыа Богородици, и водрузивъ над нею, и нача молитися Пресвятѣй Богородицы на долгъ час со слезами сице глаголя: «Пресвятая Госпоже Богородица, Мати Христа Бога нашего, умоли Сына своего и Бога нашего, да не бы разлучитися ми от жены своея, да не бы причтену быти третиему браку».[77] И потом помянувъ блаженнаго Кирила Бѣлаго, глаголя: «Святче Божий, помози ми в скорби сей».

Скорый же на помощь скоро явися женѣ его Марие. Прииде, — рече, — въ храмину ту, в нейже лежаше, нѣкий старец высокъ и благообразенъ, имѣя браду бѣлу малу и приступи близ одра ея, и прекрестивъ чрево ея, рече: «Мария, имѣйвѣру къ блаженному Кирилу Бѣлому и буди здрава от болѣзни сея». И невидимъ бысть. И в той час разрѣшися соузъ чрева ея, и бысть здрава, и нача ту всѣм предстоящымъ повѣдати, како ей явися преподобный Кирилъ и прощение дарова ей. И то слышавъ мужь ея и вси ту предстоящии таковое чюдо, прославиша Бога, и Пречистую его Матерь, Пресвятую Богородицу, и угодника Божия Кирила.

Чюдо 18 преподобнаго отца нашего Кирила Бѣлаго, о заблужшем в лѣсу

И сего же убо да не умолчим о новоявленномъ чюдеси. Бысть нѣкий человѣкъ именем Симеонъ Кѣмския страны,[78] живый во обители блаженнаго Кирила, и сему убо Симеону случися изыти на лѣсъ для овощу, ягодъ и губъ — земнаго плода на потребу братии. И абие очи его удержевахуся, и никакоже пути позна, имже прииде, и многи дни трудися по лѣсомъ ходящи, и не знающу ему, камо изыти, или кою страну достигнути, кои ли мѣста хождаше; и ничтоже успѣвшу. По многом же истомлении от глада и труда, и абие сяде под древомъ, плачася горко на долгъ час, и ничтоже помышляя о житейских мира сего, но токмо смерти чая себѣ.

Абие прииде в память, нача молитися Всемилостивому Спасу и Пречистой его Матери, Пресвятѣй Богородицы, и преподобному Кирилу Бѣлому, да избавитъ его от блудящаго лѣса и от злыя смерти. И абие в той час явися ему нѣкий старець благолѣпенъ и рече: «Въстани, чадо, иди въ слѣдъ мене». Онъ же скоро воставъ и иде въ слѣд блаженнаго старца, той же доведе скоро брега езера того, идѣже бѣ и до нынѣ крестъ стоит. «И показа ми островъ той, на немже монастырь преподобнаго Кирила, и показуетъ церкви, и кресты, и все строение монастырьское, и рече ми: „Иди, чадо, с миромъ ко блаженнаго гробу, да не горѣе ти того будетъ”. Тогда и невидимъ бысть».

Тойже человѣкъ прииде на островъ, и скоро тече къ блаженнаго Кирила гробу, и моляся со слезами на долгъ час. И тогда братия начаша вопрашати вины плача его, той же начатъ всѣм исповѣдати бывшее, како ему зашедшу на лѣсъ и много дней трудившуся, и невѣдущу, камо изыти, или кою страну достигнути. «И много бысть скорбий сердцу моему, и помолихся Господу Богу и Пречистой его Богоматери и угоднику их блаженному Кирилу. И абие вскоре явися преподобный во образѣ старца, и доведе мя брегу езера того, и показа ми монастырь, той же невидим бысть».

Братия же слышавъше таковое чюдо и прославиша Бога и Пречистую его Матерь, Пресвятую Богородицу, и угодника Божия Кирила, преславнаго в чудесѣх.

Чюдо 19 святаго Кирила Бѣлаго, о Дмитреи

Того же лѣта, месяца ноября въ 9 день, нѣкий человѣкъ именемъ Дмитрий от града Ростова прииде в монастырь ко блаженному Кирилу. И нападе на него болѣзнь злая, разслабѣша его вси состави, и не могущу ему ни мало двигнутися, и утроба его затече, и малу воздуху его, и не можаше дыхати. И Божественыхъ Таинъ причастися, и прииде в чювство боляй, и помянувъ преподобнаго Кирила, и бысть чюдо велие — преже не могий двигнутися ни мало, в той час воспрянувъ на нозѣ свои, и скоро тече къ гробу блаженнаго Кирила, и припаде, и кричаше гласомъ велиимъ, плакашеся горко, и исцѣлителя себѣ нарицаше, скораго помощника. И абие стекошася вся братия тоя обители на бывшее чюдо, и видѣвше вси, и удивишася, и прославиша Бога и Пречистую его Матерь и угодника его Кирила.

---

[1] ...*преподобнаго отца нашего Исидора Пилусийскаго.* — Исидор Пилусиот (ок. 436—440 гг.), ученик Иоанна Златоустого. Указание на то, что в тот или иной день годового круга празднуется память и более древних раннехристианских святых, часто встречается в заглавиях житий.

[2] *Кирилъ Бѣлый* — высказывалось мнение, что прозвание Белый было дано преподобному по имени Белого озера, в области которого он жил, чтобы отличать его от другого знаменитого подвижника тех мест Кирилла Белозерского (Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовскаго. Книга дополнительная. Вторая. М., 1916. С. 203). Более вероятной представляется другая точка зрения, согласно которой Белые — это родовое имя, в конце XVI в. Белые значились среди «патриарших детей боярских» по Галичу (*Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1981. С. 61—62, 84). *Кирилл* — монашеское имя святого (имя, данное при крещении, неизвестно), которое он получил, вероятно, в честь святого Кирилла Александрийского (445), так как именно его образ находился среди других икон в часовне Кирилла Новоезерского тогда, когда еще не была написана икона самого преподобного («Образ на беле, пядница Афонасей и Кирил Александрийские» — Опись Кирилло-Новоезерского монастыря 1581 г. СПбИИ РАН, колл. 115, д. 663, л. 7 об.—8).

[3] ...*на Новом озере въ Красномъ острову.* — Новое озеро находится в 30 верстах к юго-западу от Белозерска, имеет несколько островов, самые крупные из которых «Красный» и «Сладкий».

[4] ...*игуменомъ Пиминомъ.* — Игумен Новоезерского монастыря предположительно в период с 1581 по 1583 г. (8 июля 1581 г. монастырь был «отписан» игумену Пимену. См.: Опись Кирилло-

Новоезерского монастыря 1581 г. СПбИИ РАН, колл. 115, д. 663, л. 2—2об. Через два года в монастыре был уже новый настоятель — жалованная грамота Ивана IV от 15 сентября 1583 г. адресована строителю Ефрему с братией. См.: *РГАДА*, ф. 1606, оп. 1, № 5).

[5] *...преподобнымъ Корнилиемъ...* — Преподобный Корнилий Комельский (ок. 1456—1538 гг.), поселился в 1496—1497 гг. на юге Вологодского края в Комельском лесу и основал там пустынь, которая вскоре переросла в монастырь. (См. Житие Корнилия Комельского в наст. изд., с. 304).

[6] *...80 поприщъ...* — Поприще — мера пути, близка по значению версте (1066 м).

[7] *...старца...* — Слово «старец» имело два значения: во-первых, оно могло обозначать «старого человека», во-вторых, «монаха, инока».

[8] *«Добро, чадо, и блажено... быти инок».* — Цитируется чинопоследование монашеского пострига (фрагмент, общий для чинопоследований пострига в «великую» и «малую» схиму).

[9] *...великаго аггельскаго образа...* — «Ангельский образ», «ангельский чин» — в точном смысле — схима, в расширительном толковании — эпитет, употребляемый в отношении к монашествующим.

[10] *...сосуд избранъ* — Деян. 9, 15.

[11] *«Виждь смирение мое ... вся грѣхи моя».* — Пс. 24, 18.

[12] *...по Аврааму, изыти... от рода своего...* — Ср.: Быт. 12, 1.

[13] *...аки нѣкоему бисеру, изгибшу и не обрѣташеся.* — Ср.: Мф. 13, 45—46.

[14] *«Никтоже свѣтилника вжегъ... в явление приидетъ».* — Лк. 8, 16—17.

[15] *...«мертвъ бѣ... и обрѣтеся».* — Лк. 15, 32.

[16] *«Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и землю славы Твоея».* — По свидетельству Исайи-пророка — слова ангельской песни (Ис. 6,3), автор Жития приводит их в варианте чинопоследования Литургии.

В Житии Сергия Радонежского описана сходная ситуация — святой возвещает о своей богоизбранности тремя «криками» из чрева матери. Комментируя это событие, исследователи предполагают, что «...чревовещание младенцев идет от образа взыгравшего во чреве матери св. пр. Иоанна Предтечи, когда к ней пришла Дева Мария: свт. Иоанн Златоуст трактует „играние" Крестителя Иисуса Христа как его слово» (Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов

восточных славян: учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2001. С. 231).

[17] *И взем благословение... и не обрѣте сына своего.* — Раздача милостыни «по рукам» в Корнильевом монастыре была строго запрещена, объяснению этого правила посвящена 12 глава Устава Корнилия Комельского «о еже не принимати братиам милостыни себѣ по рукам ни от кого» (*Сергеев А. Г.* Рукописная традиция Устава Корнилия Комельского // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 242—243). Рассматривая этот эпизод, необходимо учитывать следующее: во-первых, описанные события относились к периоду, когда монастырские порядки еще до конца не оформились (Кирилл основал собственный монастырь, согласно его Житию, в 1512 г., а Устав Корнилия Комельского возник между 1515 и 1528 гг. — См. там же. С. 227—228); во-вторых, автор Жития Кирилла Новоезерского был плохо знаком с устройством Корнильева монастыря (в написанном им Житии не обнаруживается следов знакомства с Житием Корнилия Комельского, вероятнее всего не был автор Жития знаком и с Уставом).

[18] *«Близъ Господь призывающимъ... и спасетъ я».* — Пс. 144, 18—19.

[19] *«Возверзи бо... и Той тя препитаетъ».* — Пс. 54, 23.

[20] *Твоя бо, — рече, — и твое преподобьство...* — Фраза не дописана, при последующем редактировании Жития удалена. По-видимому, является следом заимствования из Жития Кирилла Белозерского, т. к. в соответствующем фрагменте этого Жития фраза закончена.

[21] *...на устроение...* — Трудно сказать, о каком устроении идет речь: устроении как обустройстве жизни или устроении как воспитании правильного взгляда на течение внутренней духовной жизни.

[22] *...паче меда и сота услажающа Божия словеса...* — Ср.: Пс. 18, 11 и Пс. 118, 103.

[23] *...«яко древо насажденно... и листъ его не отпадетъ».* — Пс. 1, 3.

[24] *Корнилий же наказавъ его... отпусти.* — Преподобный Корнилий Комельский охотно благословлял учеников на создание их собственных пустынь — согласно церковному преданию среди его учеников восемь основателей монастырей, трое из них: Филипп Ирапский, Геннадий Костромской и Кирилл Новоезерский ушли в пустынь еще при жизни своего учителя.

[25] *«Стопы моя направи... и сохраню заповѣди Твоя».* — Молитва по Славе в последовании Службы Первого Часа.

[26] *...«скитаяся в пустынях... и в пропастех земных».* — Евр. 11, 38.

[27] *Трава вахта* — растение болотистых мест, водяной трилистник.

[28] *...обители Пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мария...* — Тихвинский Успенский монастырь был основан в 1560 г., в указанное в Житии время в этом месте находилась приходская церковь Успения Богородицы с чудотворным образом Тихвинской Божией Матери.

[29] *...в паперти...* — Паперть — площадка перед входом в храм, чаще всего имеющая над собой крышу. Во время строительства каменного храма на месте деревянной Успенской церкви произошло чудо: недостроенная паперть обрушилась, придавив строителей. В течение нескольких дней людей вынимали из-под обломков, но все они остались живы. Строительство было завершено, согласно одной из редакций Сказания о Тихвинской иконе Божией Матери, в 1507 г., согласно летописным известиям — в 1515 г. Необходимо отметить, что в Житии Кирилла Новоезерского названа очень близкая дата — преподобный Кирилл молился на паперти Тихвинской церкви непосредственно перед приходом в свою пустынь 4 марта 1512г. Возможно, два этих церковных предания каким-то образом связаны между собой.

[30] *Андо-езеро* — одно из крупнейших озер Белозерского края, находится в четырех верстах к западу от Нова-езера. Двигаясь из Тихвина на восток, в Белозерье, преподобный Кирилл действительно должен был попасть вначале на Андо-езеро, а затем выйти к Ново-езеру.

[31] *...на Кобылищ гору взыде... до небеси.* — Интересно отметить, что согласно церковному преданию преподобный Кирилл Белозерский тоже увидел место для своего монастыря, взойдя на гору — гору Мауру. Предание известно лишь в устной форме, никаких литературных памятников, зафиксировавших его, нам обнаружить не удалось.

[32] *...и вселися ту...влѣто 7020-е марта в 4 день...* —Дата основания монастыря известна лишь по Житию, при этом в единственном известном списке Первоначальной редакции она обозначена как 4 марта 1512 г., а во всех других редакциях (Основной, Исторической, Проложной) как 4 марта 1517 г.

[33] *...Герасима, иже на Иердани.* — Преподобный Герасим, основатель обители на берегах Иордана (475).

[34] *...церковь малу во имя Воскресения... Ея Одигитрия...* — Никаких других документов о времени создания церквей не сохранилось, известно лишь, что уже после преставления преподобного в 1542 г. в монастыре действительно было две указанные церкви: Воскресения Христова и Богородицы Одигитрии (названы в жалованной грамоте Ивана Грозного. См.: *РГАДА,* ф. 1606, оп. 1, № 1). Одигитрией на Руси называли Смоленскую икону Божией Матери (принесена из Царьграда в 1046 г.), празднование ей совершается 28 июля.

[35] *...ти воставше и падоша...* — Ср.: Пс. 19, 9.

[36] *«На Того... помощникъ ми бысть».* — Пс. 32, 20.

[37] *…старцѣ Никифорѣ…* — По-видимому, речь идет о преподобном Никифоре Важеозерском (1557, память 9 февраля), ученике преподобного Александра Свирского.

[38] *…Александра Сверьскаго чюдотворца.* — Преподобный Александр Свирский (1533, память 30 августа), основатель Троицкого монастыря на р. Свири.

[39] *…на обычном его правилѣ…* — Монашеское правило — последовательность молитвословий, совершаемых монахом в течение дня.

[40] *…канонъ Акафисту…* — Один из канонов, посвященных Богородице, соединенный с Акафистом, читающимся по 6-й песни. Его используют как в общественном богослужении (читается на Утрени в субботу четвертой седмицы Великого поста, «Субботу Акафиста», в чинопоследовании службы Акафиста), так и для келейного чтения. Среди других канонов включен в Следованную Псалтирь, которая согласно церковному преданию принадлежала преподобному Кириллу Новоезерскому (Череповецкое Музейное объединение 9—64; 361/373. Псалтирь с восследованием. Перв. четв. XVI в., л. 423 об.—429).

[41] *…кондакъ Богородице…* «О, *Всепѣтая Мати!»…* — Это последний, 13-й кондак Акафиста, который прочитывается трижды.

[42] *Челн* — лодка-однодеревка, долбушка.

[43] С *началом…* — Начало или начал — определенная последовательность молитв при семи поклонах, которыми предваряется и завершается всякое молитвенное чинопоследование.

[44] *…зрѣтися во ономъ блаженствѣ… с преподобнымъАлександромъ».* — Это пророческое утверждение о грядущем пребывании преподобных Кирилла Новоезерского и Александра Свирского «во оном блаженстве» по смыслу соотносится с описанным в Житии Александра Свирского «видении Даниила», который просил ангелов открыть ему посмертную участь преподобного Александра, и те показали его в раю.

[45] *…Богъ отецъ наших: Авраамовъ, и Исааковъ, и Яковль…* — Ср.: Исх. 3, 16.

[46] *…Великий Четвертокъ.* — Четверг Великой, или Страстной, седмицы. В этот день Церковь совершает воспоминание Тайной Вечери, на которой было установлено таинство Евхаристии.

[47] *…в трапезу и ставшу близ дверей церковных…* — Церковь Одигитрии была соединена с трапезой, т. е. с трапезной палатой.

[48] *…с «Богородицею»…* — Имеется в виду Панагия — просфора, из которой на Литургии была вынута частица в честь Богоматери. Эту просфору после Литургии с молитвенным пением переносят из храма в трапезную, там полагают на особом блюде и по окончании трапезы с

прославлением Святой Троицы и молитвой к Богородице просфору «возвышают» (поднимают над иконами) и вкушают от нее.

[49]*...блаженному Антонию и Феодосию.* — Антоний (1073) и Феодосии (1074) Киево-Печорские — основатели русского монашества.

[50] *...горнягоИерусалима...* — Гал. IV, 26.

[51] *...обительв тебѣ сотвори.* — Ср.: Ин. 14, 23.

[52] *...и мы его молитвами к Богу пребываем... Славу и благодарение возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно.* — Похвала святому целиком заимствована из Жития Зосимы и Савватия в I Стилистической редакции (*Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.). Тексты. Т. II. М., 2001. С. 145—146).

[53] *Боголюбивый диаконъ... от него благословение...* — По смыслу это предложение не соотносится со следующим. По-видимому, это чтение возникло в связи с попыткой переработать предисловие к «новосотворенным» чудесам Жития Зосимы и Савватия для настоящего текста.

[54] *...князь Иванъ Василиевичь Пинковь...* — Упоминаемую в этом чуде грамоту обнаружить не удалось, однако сам князь Иван Васильевич Пинков — реальное историческое лицо (победитель местнического спора с князем А. Б. Горбатым в феврале 1547 г. См.: *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI—XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 46).

[55] *...Пречистой Богоматери на Тихфинѣ...* — Имеется в виду чудотворный образ Тихвинской иконы Божией Матери. В 1383 г. икона появилась над водами Ладожского озера и осталась на реке Тихвинке, где для нее был построен храм Успения Богородицы.

[56] *...фимианъ...* — Фимиам, ладан — душистая смола, употребляемая для каждения в церкви. В качестве пожертвований на храм чаще всего употребляли ладан, воск и лампадное масло (или деньги на них) — согласно символике, принятой Православной церковью, каждение, горение свечи или лампады являются образами возносимой к Богу молитвы.

[57] *...служаше и в раздраннѣй ризѣ.* — Ризой могли называть как одежду вообще, так и часть церковного облачения — верхнюю одежду священника при богослужении. В первом значении «раздранные ризы» являются сквозным образом многих житий. Но здесь «ризы», по-видимому, выступают во втором значении, так как описание внешности относится именно к моменту богослужения. Кроме того, эпитет «раздранная» употребляли вообще по отношению к церковному облачению преподобного Кирилла, которое спустя 100 лет после его преставления сохранялось в монастырской ризнице — «ризы самого чюдотворца Кирилла Белого *ветхи и драны».* (Опись Кирилло-

Новоезерского монастыря 1632 г. СПбИИ РАН, колл. 115, д. 663, л. 89 об.).

[58] *...40 мѣръ жита... —*Жито — зерновой, немолотый хлеб (пшеница, рожь и т.д*.). Мера* — официальной мерой сыпучих тел в конце XVI в. была «четверть» — емкость, вмещавшая четыре пуда ржи. Впрочем, весовое содержание этой меры было различным в разных регионах и для разных зерновых культур. Согласно смете, составленной в Кирилло-Белозерском монастыре писцами Бориса Годунова, одному монаху требовалось 9 четвертей хлеба в год. (*Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 247). Т. е. этого вклада было достаточно для того, чтобы в течение года прокормить четырех человек.

[59] ...*20 спуд соли*... — Спуд — то же, что и пуд, т. е. мера веса, равная приблизительно 16 килограммам.

[60] «*Не к тому живу азъ, живет же во мнѣ Христос...*» — Гал. 2, 20.

[61] ...*пяди*... — Пядь — мера, равная длине между оконечностями растянутых пальцев, большого и указательного.

[62] «*Братия моя и отцы... царство наше устроено Богомъ*». — Это пророчество воспринималось в XVII в. как сбывшееся предсказание нестроений Смутного времени. Иногда в составе рукописных сборников Пророчество выступает в качестве самостоятельного текста. «*Будетъ бо бѣда... во вся языки*»... — Лк. 21, 23—24.

[63] «*Братия моя и отцы... царство наше устроено Богомъ*». — Это пророчество воспринималось в XVII в. как сбывшееся предсказание нестроений Смутного времени. Иногда в составе рукописных сборников Пророчество выступает в качестве самостоятельного текста. «*Будетъ бо бѣда... во вся языки*»... — Лк. 21, 23—24.

[64] ...«*будете съвершени... совершен есть*»... — Мф. 5, 48.

[65] ...*к рацѣ мощей его.* — Мощи святого были обретены при строительстве каменного храма 7 ноября 1649 г. В январе 1919 г. по распоряжению местной власти рака была вскрыта и произведено медицинское освидетельствование мощей, с тех пор об их судьбе ничего не известно. (*Курдюмов М. Г.* Отчет об археографической поездке в Белозерский край в августе 1919 года / Памятники Отечества. Вып. 30. Северная Фиваида. М., 1994. С. 52—53).

[66] «*Прославляющаго мя прославлю*». — 1 Цар. 2, 30.

[67] «*Аще вы умолчите о благодѣянии Божии, токамение возопиет*». — Ср.: Лк. 19, 40.

[68] *Никита Текутовъ* — Текутовы особенно часто упоминаются в чудесах, явленных преподобным Кириллом (16-е чудо повествует о спасении Данилы Текутова, 5-е — об исцелении его сына).

Представители этого рода были вкладчиками Новоезерского монастыря — Максим Текутов пожаловал монастырю в городе Белозерске двор на посаде (сведения о его продаже в 1612 г. См.: Приходная денежная книга. СПбИИ РАН, колл. 115, д. 662, л. 80).

[69] …*в монастырь к Воскресению Господа нашего Исуса Христа*… — Монастыри называли обычно по посвящению главной церкви, в Новоезерском монастыре такой была церковь Воскресения Христова.

[70] …*Сѣнново монастыря*… — Сенной монастырь находится на острове Хейнясенмаа на Ладожском озере, расположенном неподалеку от устья реки Вуоксы, между островами Валаам и Коневец. Согласно «Сказанию о Валаамском монастыре» время его основания — кон. 1470-х—1480-е гг. (*Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 104).

[71] …*жезлъ*… — Возможно, имеется в виду игуменский посох. Известно, что в XVII в. посох преподобного Кирилла Новоезерского хранился в монастыре как святыня («У правого крилоса посох чюдотворцов» (Опись Кирилло-Новоезерского монастыря 1632 г. СПбИИ РАН, ф. 115, д. 663, л. 82)).

[72] *Ефиопы* — это слово в средневековой книжности употреблялось для обозначения бесов — из-за их нравственной нечистоты.

[73] …*о смертоноснѣй железѣ.* — Железа — моровое поветрие, чума.

[74] …*на память святаго Кирила того же году преждереченнаго, иже исповѣдающе о немъ.* — Первое свидетельство того, что праздновался день памяти святого. События эти, по-видимому, следует относить к 1581 г., так как именно эта дата указана в предшествующем чуде.

[75] …*человѣкъ именем Иванъ Евсевиевъ… жена именемъ Мария*… — Чудо, произошедшее с белозерцем Иваном Евсиевым и его женой Марией, следует датировать временем не позднее 1563 г., так как в этом году в Денежной книге Кирилло-Новоезерского монастыря фиксируется два вклада — 30 денег пожаловал Иван Евсивнев, а его жена 64 деньги (Приходная денежная книга СПбИИ РАН, колл. 115, д. 662, л. 8 и 5 об.).

[76] …*храмину чисту*… — Роды обычно происходили в «нечистых» пограничных местах избы или нежилых помещениях (баня, клеть, стойло), поэтому после того как близкие отчаялись в благополучном разрешении родов и ожидали смерти женщины, стало возможным перенести ее в «чистое» помещение.

[77] *…третиему браку».* — Церковь не поощряла повторные браки, второбрачникам и третьебрачникам полагались епитемьи.

[78] *…Симеонъ Кѣмския страны…* — Этого Симеона, по-видимому, можно идентифицировать с Симеоном Каргопольцем, вклады которого упоминаются в Денежной книге Новоезерского монастыря в 1563 г.

(См.: Приходная денежная книга СПбИИ РАН, колл. 115, д. 662, л. 8 и 5 об.). Эта запись соседствует с записями о денежных вкладах упомянутых в предшествующем чуде о Иване и Марии Евсиевых.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ФЕВРАЛЯ В 4 ДЕНЬ. <ПАМЯТЬ> ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ИСИДОРА ПИЛУСИЙСКОГО. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ ПРЕСТАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО КИРИЛЛА БЕЛОГО, НОВОГО ЧУДОТВОРЦА, СОЗДАВШЕГО ПРЕСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ НА КРАСНОМ ОСТРОВЕ ОЗЕРА НОВОГО В ПРЕДЕЛАХ ГРАДА БЕЛА-ОЗЕРА. НАПИСАНО ТОЙ ЧЕСТНОЙ ОБИТЕЛИ ИГУМЕНОМ ПИМЕНОМ

Благослови, отче!

Сей же преподобный и богоносный отец, чудотворец Кирилл Белый, родился в граде Галиче, у родителей-христиан. Пятнадцати лет от роду, когда был он еще молод, мал возрастом, но уже совершен добродетелью, возлюбил он иноческий образ и ушел втайне от родителей своих из града Галича на реку Обнору; ибо слышал он от родителей своих, что там преподобным Корнилием был основан монастырь славный; обустраивали эту обитель преподобный и живущая в ней братия, имеющая в Боге духовную любовь, и смирение, и послушание преподобному Корнилию. Он же возлюбил такую благодать и захотел подражать такому житию, и, помолившись Господу Иисусу Христу и Пречистой его Богоматери, пустился в путь свой к той обители преподобного Корнилия. Путь же отроку до той славной обители был неблизкий, 80 верст, и шел он радуясь и молясь Богу, наставляющему на путь, — не печалясь о родителях и о доме своем и не взяв ничего от богатств своих, — ни золота, ни серебра, ни одежд красивых, ни пищи, но только одно платье, которое носил. Шел он быстро, не оглядываясь по сторонам и не вспоминая о доброте отца своего и о любви матери своей.

Когда отрок отошел от города своего на пятнадцать верст, то увидел сидящего у дороги старого инока, с седой бородой, благообразного и смиренного, и очень обрадовался ему, и тотчас подошел, и припал к ногам блаженного старца, прося у него благословения. Старец же взял отрока за руки и поднял его с земли, говоря: «Мир тебе, чадо, и благословение. Откуда ты, чадо, из какой стороны, и куда идешь, и что тебе нужно от нищего старца?» Отрок же сказал ему всю правду, как ушел от своих родителей, захотев стать иноком. Старец же сказал: «Добро, чадо, и блаженно то, что ты пожелал. Добрые дела скорбями достигаются, а страданием исправляются. Своим ли умом изволил

прийти ко Господу?» Отрок же ответил: «Да, честной отец, по усердию своему и по обету моему хочу стать иноком». Тогда старец спросил его: «Какую, чадо, возлюбил обитель?» Юноша же сказал: «Прости меня, отче, Бога ради, хотел дерзновенно во святую обитель преподобного Корнилия». Старец же сказал ему: «Дерзай, чадо, в эту обитель. Я <тоже> из той обители, а вышел в мир по благословению преподобного Корнилия для монастырских дел и теперь возвращаюсь в монастырь. И ты, чадо, иди со мною, и Бог направит стопы твои». И, сотворив молитву, отправились в путь свой, и шли быстро, и на второй день дошли до монастыря преподобного в посте и в молитве.

Когда уже был виден монастырь тот, блаженный старец остановился и долго молился, а после молитвы обратился к отроку, показывая перстом своим и говоря: «Видишь ли, чадо, монастырь сей? Ступай тотчас к блаженному Корнилию, я тебе буду помощником и умолю блаженного Корнилия, и будешь ты иноком», и много поучил отрока от Божественного Писания. Отрок же упал перед ногами блаженного старца, прося его благословения, старец же сказал отроку: «Встань, чадо, Бог да благословит тебя, и удостоишься великого ангельского образа, и будешь сосудом избранным Святого Духа». И с того мгновения старец стал невидим, и огляделся отрок по сторонам, и не нашел нигде старца, и понял блаженный отрок, что это было некое Божественное явление или ангел Божий говорил с ним, и воздал Богу о том благодарственные молитвы.

И быстро пошел блаженный отрок, и подошел ко вратам монастыря, и увидел монахов, стоящих у монастыря, и поклонился им до земли, говоря: «Благословите меня, отцы святые». Они же, увидев юношу простого и плохо одетого, сказали ему: «Бог да благословит тебя, чадо, и чего ты хочешь, чтобы мы сделали для тебя». Он же сказал, что «хочу видеть игумена и благословиться у него». Монахи же те скоро возвестили игумену о нем. Так Богу было угодно, чтобы на место, на которое он Богом был призван с малых лет, на то и приводился.

Потом те монахи, придя ко блаженному, возвестили, что «игумен зовет тебя». Блаженный юноша услышал об этом и, воспарив душою, вошел в монастырь, и, придя к игумену, поклонился ему до земли, прося со слезами, чтобы стать ему монахом. Игумен же Корнилий, увидев блаженного юношу, на земле лежащего и слез множество проливающего и предвидя благодать, которая в будущем явится на нем, стал говорить ему: «О, чадо, видишь ли, что место это исполнено скорбей, и все здесь может случиться? Ты же молод еще, как мне думается, не сможешь вынести скорби этого места». Так говорил он не только испытывая его, но и прозорливыми очами видя блаженного, что по Божьему наставлению пришел этот юноша и хочет стать Богу сосудом избранным. Божественный же отрок с большим смирением

отвечал игумену, говоря: «О, честной отец, провидец всего Бог привел меня к твоей святыне, когда я пожелал спасения, и потому все, что велишь мне, отче, сотворить, повеленное тобой все сотворю, но только спаси меня». И тогда сказал ему игумен: «Благословен Бог, чадо, укрепивший тебя в этом желании. Отныне служи братии со всем терпением, вместе и с послушанием». Услышав об этом от игумена, божественный юноша снова поклонился ему до земли. И так принял монашеский постриг, вместе же с отъятием волос отложил и к низменному влекущие помышления, и нарекли имя ему Кирилл. Было же святому пятнадцать лет, когда принял он монашеский образ.

После того преподобный Кирилл весь предался Богу и взял на себя большие подвиги: трудом изнуряя плоть свою всякий день, бодрствуя и молясь неленостно в славословии всякую ночь, сонную леность отгоняя. И для воздержания плоти трудился руками своими, работая каждый день, вспоминая псаломское слово: «Виждь смирение мое и труд мой и отпусти все грехи мои». И так преподобный воздержанием смирял душу свою, а тело свое томил трудами и подвигами, что и преподобный Корнилий, и вся братия удивлялись великому его смирению и покорности, и такому в юности благонравию, и крепости, и бодрости, и много прославляли за все Бога. Преподобного же Кирилла, как ангела Божия между собой почитали, как светильник некий проносили; все его хвалили: одни — говоря о его смирении, другие же — рассказывая друг другу о великом его воздержании и посте. Но он, уже и в юности не желавший славы, предпочел подобно Аврааму уйти из земли своей и от рода своего, и идти в землю, где его никто не знал бы, и там прожить оставшиеся годы, никем незнаемый. Так, этим помыслом устраивал Бог его спасение.

О взыскании отрока

Родители блаженного отрока много искали его в граде Галиче, и в иных городах, и во окрестных сторонах и весях, и, не найдя его, как о мертвом плакали о нем горько, в грудь себя ударяя. И приказано было по всей стороне той, если кто-нибудь где-нибудь увидит этого отрока или услышит о нем, то, придя, пусть известят отца его и получат вознаграждение за известие о нем.

Вот уже семь лет не могли его нигде найти, как бисер некий, пропал и не находился. Пишет же Лука в Святом Евангелии: «Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом или ставит под кровать, но ставит на подсвечник, чтобы входящии видели свет. Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы». И некоторое время спустя пришел

старец из Корнильева монастыря, сообщил отцу его о блаженном отроке, что пришел он в монастырь к преподобному Корнилию и принял иноческий образ, жизнь же его чиста и свята, почитают его все за ангела Божия, все хвалят усердную его жизнь, в Боге любовь имеет ко всей братии, и послушание, и покорность, к тому же пост и молитву.

Отец же, когда услышал о блаженном отроке, сыне своем, что произошло с ним, тотчас пошел к жене своей и рассказал ей все о том, как «сын наш „мертв был и ожил, погиб и нашелся"». Жена же сказала мужу своему: «Прости меня, господин, Бога ради. Скрыла я от тебя и не рассказывала до сегодняшнего дня о рождении сына нашего. Еще до рождения, когда был он в моей утробе, во время церковного пения возопил он трижды: „Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, наполнил небо и землю славой Твоей". И напал на меня страх великий, и не сказала никому, но теперь не могу терпеть, разрывается душа моя без чада моего. Сын мой дорогой, как же ты ушел из дома отца своего и не сказался матери своей, и не погубила бы я красоты лица своего! И тем причинил мне боль, матери своей, что столько лет принял иноческий образ и не поведал о себе, и я бы не погибла во зле. Ныне услышала о тебе, что оставил ты мир и все, что есть в мире этом, а возлюбил ангельское житие, и тем доставил мне ныне такую радость, что и я последую тебе, приму ангельский образ, чтобы войти в избранное стадо Царствия Небесного».

Еще сказала жена мужу своему: «Прошу тебя, господин, возьми от имущества своего часть, положенную сыну нашему и на нужды братии, и пойди, господин, скорее в путь свой в монастырь к преподобному Корнилию, и повидай сына своего». Христолюбивый же тот муж, услышав от жены своей такие советы, быстро поднялся, и взял часть от имущества своего, и пустился в путь свой, радуясь весьма и славя Бога и Пречистую его Богоматерь. И пришел в монастырь тот на взыскание сына своего, и рассказали ему монахи, что «в монастыре этом сын твой принял ангельский образ, Богу работает, жизнь его свята, и всеми любим за добродетельную жизнь свою». Услышав, человек этот скоро отправился к преподобному Корнилию, и припал к ногам его, и сказал: «Благослови меня, честной отец, вот пришел я помолиться Всемилостивому Спасу и Пречистой его Богоматери и твоей святыне поклониться». Преподобный же сказал: «Откуда, чадо, держишь путь свой? Из какого города и какой области? И чего ищешь во святой обители сей?» Ибо уже увидел преподобный Корнилий этого человека со скорбью в сердце и печалью на лице. И сказал человек тот: «Прости меня, отец святой, дерзнул прийти к твоей святыне из града Галича, из дома моего принес часть имущества своего на нужды братии». И отдал серебро свое, и принял благословение от преподобного Корнилия, и ушел в гостиницу.

Уже пришло время церковной службы, и вся братия вошла в церковь к божественной службе, и стали все по местам своим, и этот человек пришел, и встал на обычном месте. И взял благословение у преподобного Корнилия, и стал серебро свое давать в руки каждому из братий отдельно, всем одинаково. Обошел он всю церковь, раздавая серебро свое, и не нашел сына своего. Преподобный же Кирилл, получив серебро из рук отца своего, возвел очи свои к небу и прослезился, говоря: «Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе, ибо сподобил меня принять серебро из рук отца моего». И, выйдя из церкви, раздал серебро отца своего нищим. И вошел в келию свою преподобный Кирилл, и упав на колени свои пред образом Владычицы нашей Богородицы, стал молиться, говоря: «О, Премилостивая Госпожа Дева Богородица, ты упование наше, и покров, и прибежище всем христианам. Так и я, грешный, на тебя надеюсь, помолись, Госпоже, Сыну своему и Богу нашему за родителей наших, да не отлучатся Царствия Небесного и восприимут иноческий образ, чтобы войти в избранное стадо». Бог же услышал молитву угодника своего, ибо об этом пророк говорил: «Близко Господь призывающим Его истинно, и волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и спасет их».

На следующий день отец блаженного снова пришел в церковь и встал на обычном своем месте, рыдая горько перед образом Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистой его Матери, молился и ударял себя в грудь, и говорил: «Горе, горе и беда мне будет». И размышлял в сердце своем: «Как уйду из святой обители сей и какую радость принесу жене своей? Что мне теперь делать? Лучше мне умереть, чем живым оставаться». Блаженный же Корнилий, увидев плач этого человека, сжалился, и скоро позвал его к себе, и взял его за руку, и отвел его в уединенное место, и стал расспрашивать его тихим и ласковым голосом, говоря: «Чадо, поведай мне скорби душевные, которые ранят души наши, да Бог подаст тебе исцеление через меня, грешного». И говорил ему: «Человече, что печалишься? Неполезно изнемогать, предавшись безмерной печали, но смириться подобает пред Богом от нашедшей печали. „Возложи, — сказано, — на Господа печаль твою, и Тот поддержит тебя". Не пускай печаль в душу твою, ибо многих погубила печаль, и ныне не принесет она пользы — от печали приходит смерть, печаль прожигает сердца крепость, как моль в одежде и червь в дереве, так печаль повреждает человеку сердце. Потому о себе сам не скорби, но Бога проси в слезах и воздыханиях, в прилежной молитве и усердном бдении, и так получишь от Бога помощь и избавление от печали твоей».

Человек же тот услышал от блаженного Корнилия все сказанные ему слова Божии учительные, влекущие на исправление сердце его ко спасению, от суетного мира сего Царствие Божие показывающие, и не смог больше терпеть, и, прослезившись, сказал: «Прости меня, отец Корнилий, как на исповеди прими все, сказанное мною. Пропал сын мой, совсем юный, и 12 лет не можем его найти, страдаем и плачем с

женой моей без чада своего и до сего дня. И много раздал я имущества своего, чтобы если кто-нибудь где-нибудь его увидит, то сказали бы нам о таком отроке, но никак не находили его. Теперь же услышали, что пришел он к твоей святыне и принял от рук твоих монашеский постриг, желая спастись и наследовать Царствие Небесное. И быстро пошел я из дома моего и пришел к твоей святыне на взыскание сына моего, хочу видеть красоту лица его. Того ради пришел я во обитель сию, чтобы только увидеть сына моего, и потом вернуться к себе домой». Корнилий же сказал: «Если желаешь, то увидишь сына своего». Услышал он это и ушел в гостиницу, обрадованный сказанными ему <словами>, и говорил сам себе: «Обрел я сына своего», надеясь его увидеть на второй день.

Блаженный же Корнилий пришел и рассказал обо всем блаженному Кириллу, и когда он услышал об этом от Корнилия, то сильно опечалился тем, что не смог утаиться от родителей. Корнилий же много увещевал блаженного, чтобы он увиделся с отцом своим. Блаженный же Кирилл не захотел опечалить блаженного и скоро пошел к отцу своему. Отец же, увидев сына своего в таком скорбном виде, ибо лицо его изменилось от многого труда и воздержания, быстро встал и встретил сына своего, и припал к груди его, и расцеловались, и плакали горько, и едва смогли немного утешиться. Блаженный же Кирилл упал перед ногами отца своего, и целовал ноги его, и, получив прощение и благословение от родителей своих, сказал отцу своему: «Зачем, отец, хочешь видеть меня, чужого и нищего инока? Ибо ушел я от мира и всего, что есть в мире, а возлюбил Царство Небесное, вечное и бесстрастное, которого ждут все работающие Господу, отвергшиеся мира и всех похотей его; и не нужно нам вспоминать того, от чего освободились, ради Божией заповеди, чтобы не погубить вечный покой, привязавшись снова к временному».

Говорил же отец блаженному Кириллу: «Возлюбленное мое чадо, ты уже сделал доброе и благое воспринял, а нас сиротами сотворил. Кто теперь старость нашу поддержит, от кого получим упокоение, на кого нам надеяться и к кому обращаться, кто нам будет заступником и у кого помощи попросим? Кто нашу старость возвеселит, и кто слезы наши утолит, и кто нам послужит, и кто нас утешит, чадо мое возлюбленное? Столько лет скорби нам сотворил, и не утешимся? Теперь что же мне делать? Если в дом свой вернусь, то еще большую скорбь и плач принесу матери твоей. И потому не могу я возвратиться в дом свой из святой обители сей, но пусть и я приму монашеский образ, чтобы войти в избранное стадо <Царствия Небесного>. Сын мой возлюбленный, иди скорее к блаженному Корнилию и проси его о мне, грешном, чтобы благословил меня». Услышав обещание отца своего, весьма обрадовался блаженный Кирилл такому его смирению, скоро пошел к блаженному Корнилию и рассказал все об обещании отца своего. «Уже, — сказал, — приходит к добродетельному житию». Услышал же Корнилий об этом обещании и удивился, как оставил он дом и пришел в такое

расположение, и велел ему прийти к себе. И быстро пошел, радуясь, блаженный Кирилл, и сказал отцу своему: «Если хочешь довершить красоту старости своей и наследовать Царство Небесное, встань и иди, зовет тебя Корнилий».

Отец же его быстро поднялся и пошел к блаженному Корнилию, и упал пред ногами его, и просил со слезами, говоря: «Причти меня, отец Корнилий, ко избранному твоему стаду, возложи на меня иноческий образ, уже давно этого желал, но только теперь сподобил меня Бог видеть святыню твою. Прошу тебя, Господа ради, не отвергай меня, грешного и непотребного, подражая заповеди своего Владыки, он ведь не отвергал, но принимал грешников, мытарей и блудников, ты же прими меня грешного, как и он принимал тех. Ибо твои, — говорил, — и твое преподобие...»

Блаженный же Корнилий увидел человека того, на земле лежащего и слез множество проливающего, и начал говорить ему: «О, человече, видишь ли, что место это исполнено скорбей и все здесь может случиться. Ты же, как мне кажется, не сможешь вынести скорби этого места». Говорил он это не для того, чтобы не принимать, но чтобы испытать его. Отвечая, человек этот сказал ему: «Все, что повелишь мне, отче, сделать, повеленное тобою все сделаю, но только спаси меня». Тогда сказал ему Корнилий: «Благословен Бог наш, укрепивший тебя в таком усердии. Отныне служи братии со всем терпением и покорностью, вместе же и с послушанием». Услышав об этом от Корнилия, человек тот снова поклонился ему до земли.

И принимает он монашеский постриг, и отвергает от себя мирские одежды и надевает монашеские, и нарекли имя ему Варсонофий, и, дав ему наставление изрядное, поручил <игумен Корнилий> блаженному Кириллу устроение отца его. Блаженный же Кирилл принял отца своего, как ангела Божия, и отвел его в келию свою, и поучил его изрядно из Божественного Писания, как ему спасаться. И ушел в келию свою, и, упав на землю, с плачем молился Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой его Матери о принятии отцом его иноческого образа.

В 8 же день пришел юноша из дома отца его и поведал блаженному Кириллу о родной его матери, что, достойно прожив жизнь, приняла она ангельский образ и нарекли ей имя Елена, и с миром преставилась и отошла в вечный покой. И узнав о том, что родители его отошли от жизни, блаженный Кирилл воздал Богу благодарные молитвы и повелел имущество отца своего раздать нищим, а работникам дать свободу. Также и отец блаженного Кирилла, прожив 3 года в посте, и в

молитвах, и во всех добрых деяниях, дух свой предал в руки Божии и с миром преставился. Блаженный же Кирилл скутал трудолюбивое его тело и, отпев надгробное пение, достойно похоронил отца своего, и прослезился о том, и сказал: «Как родители мои от жизни преставились, так же и я смертен».

И с тех пор начал он к большему подвигу устремляться, труды к трудам прилагая, иногда в поварне, а иногда в пекарне, и по порядку обошел все <монастырские> службы, трудолюбивое свое тело изнуряя. Послушный всем, свою же волю до конца от себя отвергая, послушание и покорение имел не только блаженному Корнилию, но и остальным братьям. Страхом Божиим ограждаясь и сопротивляясь всем действам дьявольским, богатея смирением в умножающейся мудрости, изнурял тело свое голодом и жаждой. И беспрестанно были у него на устах слаще меда и сотов Божии словеса, ибо ночью и днем славословил псалмы Давидовы. И в молитве, и в чтении внимал житиям преподобных отцов, и в уме держа поучения их, желая их делом исполнить. Слезы всегда были на глазах его, ибо помнил он смертный час, и ожидал будущего страшного и праведного суда и воздаяния грешникам, каждому по делам его, и так наполнялся слезами «как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист его не отпадет». Приносил же Богу постоянно и этот плод добродетели: во время молитвенного пения входил в церковь с благоговением, словно пред лицем Божиим предстоя со страхом и трепетом. Братия же вся удивлялась доброму его изволению и разумному боголюбию, которые приносили им величайшую пользу. Блаженный же Кирилл преуспевал в добродетелях, окружив себя благою кротостию, разумной простотою и смирением, и освободившись от различных земных забот, имел одну заботу, как бы угодить Богу, его к добру направляющему.

Об уходе блаженного Кирилла

И начал он думать о том, чтобы уйти из той обители, и обойти все российские земли, и поклониться всем святым местам, и добраться до <какой-нибудь> пустыни, и поселиться там, где Господь укажет. И поведал мысль свою блаженному Корнилию. Корнилий же дал ему напутствие достаточное, и поучил его от Божественных Писаний, и, благословив его, отпустил.

Блаженный же Кирилл, припав к земле, помолился со слезами, говоря: «Путь мой направь по слову Твоему и да не обладает мною всякое беззаконие. Избавь меня от клеветы человеческой, и сохраню заповеди Твои». И, встав, ушел из монастыря скрытно и не торжественно, в

рваной одежде, и ничего не взял, кроме одежды, которую носил, и пошел в путь свой, радостью преисполненный, и слез множество изливалось от глаз его, и долго молился Всемилостивому Спасу и Пречистой его Богоматери. С Божией помощью отправившись в путь, ушел он к морю-океану и там обходил все поморские области, «скитаясь в пустынях, и в горах, и в пещерах, и в пропастях земных». Пища же его была трава вахта, и сосновая кора, и грибы всякие, жил же он так со зверями 20 лет.

И ушел он оттуда в московскую землю, и там обходил все святые места, и города, и веси. И дошел до Великого Новгорода и Пскова, и там всем святым местам поклонился. Нигде же не входил он в дома мирские и не брал ни у кого ничего, разве немного еды; скитался по улицам: днем странствуя, а в ночи псалмы Давидовы беспрестанно держа на устах; а в церкви Божии приходил он к началу <службы>, церковного правила никогда не нарушая, молитвы Богу беспрестанно возносил. И тело свое изнурял постом, и жаждою, и холодом, и зноем, от солнца не укрываясь и от дождя; иногда же плоть свою отдавал на съедение комарам, и мышам, и паукам; и одежду рваную носил, и босой ходил, зимний холод презирая, утруждал плоть свою; отвергая от себя все злые помыслы, сердца своего желания, умертвил уды еще в земной жизни, блуд и нечистоту, страсть, злобу, помышление злое. Потому, будучи огражден всем этим оружием от пакостей бесовских, наступает он на бесовскую злобу и всю силу вражию — и остается невредим, ограждаясь крестным знамением и всеми добрыми делами, и благими соделав желания сердца своего.

И стал он стремиться к большему — <разыскивая>, в каком месте ему поселиться и как <туда> добраться, и, остановившись, долго молился со слезами Всемилостивому Спасу и Пречистой его Матери, чтобы открыли ему место в упокоение старости его. И тотчас слышит голос с Небес: «О, блаженный Кирилле, возлюбленный мой, уже все благое получил, мои заповеди исполнил, тесный и скорбный путь прошел. Ныне иди на Бело-озеро, там приготовлено тебе место, на котором сможешь спастись». И вместе с гласом этим видит он свет яркий, сияющий <в направлении> к полунощным областям Бело-озера, и гласом тем, словно перстом, ему было показано место то, где ныне монастырь стоит.

Святой Кирилл от того голоса и видения исполнился великой радости, ибо понял по тому святому явлению, что не отверг Господь прошения его. И, скоро поднявшись, отправился он в путь свой, и дошел до Тихвины, до обители Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и провел в паперти три ночи, молясь и говоря: «Пречистая Мати Христа Бога моего, ты знаешь, что всю мою надежду по Богу на тебя возложил я от юности и до отшествия Духа, преданного

телу моему грешному от Сына твоего, Господа моего Иисуса Христа». И почил блаженный Кирилл после молитвы в паперти от труда бодрствования, и тотчас был в сон тонкий сведен, и явилась ему во сне Пречистая Богоматерь Владычица, и сказала ему тихим голосом: «Угодник Пресвятой Троицы, раб мой, пойди на восточную сторону к Бело-озеру, и покажет тебе Господь, Сын мой и Бог, покой старости твоей».

Очнувшись от сна, блаженный был в страхе, но вместе с тем исполнился великой радости и молился в слезах о том, что не отверг Господь прошения раба своего. И отправился в путь свой, радуясь, на восток к Бело-озеру из великой лавры Пречистой Богоматери, честного <образа> ее Одигитрии, с Тихвины. И дошел блаженный до уезда Белозерского, и прошел Андо-озеро, и дальше в путь двинулся. Дойдя же до Нова-озера, взошел он на Кобылину гору и, осмотревшись по сторонам, увидел на восточной стороне посреди озера украшенный деревьями остров, и с того острова, где ныне монастырь стоит, столп света, исходящий от земли до неба. Блаженный же Кирилл устремился с вышеназванной горы на то место, где видел огненный столп. Еще же помышлял во уме своем, что нашел то место, которое ему было обещано Богом и Пречистой его Богоматерью.

И вот пришел блаженный на Красный остров среди Нова-озера, и прошел по нему, радуясь душою и трепеща, и нашел на восточной стороне острова того дерево огромное, называемое ель, и поселился здесь, под этим деревом, в лето 7020-е <1512> марта в четвертый день, на память преподобного отца нашего Герасима Иорданского. И сделал себе хижину под тем древом вышеназванным, елью, того же дерева ветви пригнув.

И заснул после долгих странствий на том Красном острове в хижице, и явился ему ангел Господень во сне в образе человека благообразного в белых одеждах, и сказал блаженному: «Отец Кирилл, ты обошел окрестности моря-океана, и псковскую, и новгородскую земли, и в тех землях не нашел для себя места успокоения, ибо здесь приготовил тебе Господь место и упокоение мощам твоим, на этом острове среди Нова-озера». И очнулся он от сна своего, и пошел по острову, и увидел от хижины своей следы человеческие, а человек этот невидим был.

Блаженный же Кирилл молился, говоря: «Господи, Творец небу и земли, Владыка Вседержитель, услышь молитву и моление раба своего, укрепи меня на месте сем». И после молитвы отправился он в деревню Андопольскую, в Шиднем, и просил тот остров у крестьян Дия, Григория и Давида. Они же посоветовались между собою о том Красном

острове и позволили ему поставить келью. Блаженный же Кирилл своими руками устроил келейку малую и другую келью рядом с ней для собирания братии. На следующий год устроил он церковь малую во имя Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и вторую церковь во имя Пречистой Богоматери, честного и славного <образа ее> Одигитрии, в которых пение и молитвы беспрестанно возносились Христу Богу и Пречистой Богоматери.

Блаженный же Кирилл изнурял плоть свою молитвою и постом, а также ручным трудом: иногда копал он землю, иногда же готовил лес для монастырского строительства. Бесы же, увидев себя поругаемыми и уничижаемыми от раба Божия Кирилла и от приходящих к нему жить и трудящихся с блаженным, сильно тревожили его различными кознями и клеветой, и много стали творить преподобному зла.

Приезжали на Ново-озеро рыбаки ловить рыбу и оскорбляли блаженного, он же говорил: «Что мне много скорбей и зла творите, люди? Все это от бесовского научения». И сказал ему старец Дионисий: «Нужны терпение и молитвы». Бесы же, увидев свою погибель, востали и низверглись, раб же Божий Кирилл, вооружившись на врагов благодатию Христовою, день и ночь постоянно проводил в пении псалмов и песнях духовных, воспевая в сердце своем: «На Того, — сказано, — уповает душа моя и помощник мне есть». И так братство собралось о Христе, и пустыня распространилась молитвами преподобного Кирилла. Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веков.

Чудо 1-е преподобного Кирилла Белого о некоем старце Никифоре, посланном от Александра Свирского чудотворца

Многое от многих слышав об этом преподобном Кирилле Белом и о пустыни его в 30 верстах от града Бело-озера среди Нова-озера, послал блаженный преподобный отец наш Александр Свирский из обители Живоначальной Троицы брата по имени Никифор, мудрого и духовного, к блаженному Кириллу для духовной беседы. Когда же во 2-м часу ночи пришел старец на берег Нова-озера, блаженный Кирилл стоял в келье своей на обычном своем правиле, и молился Богородице, читая со слезами канон Акафиста, и начав кондак Богородице, со умилением воззвал радостно: «О, Всепетая Мати!» И по окончании вострепетал сердцем блаженный и духом узнал о пришествии из северных земель старца, стоящего на берегу озера.

И по окончании молитвы взял блаженный лодку, и переплыл на северную сторону озера Нового, и нашел старца, почивавшего после дороги на камне жестком. И помолился блаженный Кирилл на берегу, <благодаря Бога> о пришествии брата, и осиял их свет великий. И, проснувшись, вострепетал старец, в страхе и трепете сотворил поклон блаженному. С началом сотворил он ему благословение от блаженного преподобного отца Александра Свирского, игумена <монастыря> Живоначальной Троицы, когда тот сказал тихим гласом: «Благослови меня, святой Божий человек и раб Святой Троицы». И сиял свет, пока блаженный со старцем Никифором плыли на лодке по озеру к острову. И приплыли на остров, и помолились Воскресению Христову и Пречистой его Богоматери, и друг у друга благословения просили, и поклоны до земли творили. Блаженный же Кирилл стал вопрошать старца Никифора тихим голосом с большим смирением: «Скажи мне, брат, зачем не поленился отправиться в такой долгий путь и пришел к моей нищете, не имеющему никакой добродетели и пользы?» Старец же Никифор отвечал: «Прости меня, святой Божий человек, послал меня преподобный отец наш игумен Александр увидеть твое преподобие. К тому же и я, грешный, стремился к твоей святыни получить у тебя благословения и от твоих преподобных уст насладиться божественными словами, ибо слышали мы о твоей добродетельной жизни, устремленной к Богу, и боголюбезных трудах». Услышав об этом, очень удивился блаженный Кирилл приходу старца и духовной любви преподобного отца Александра. Потом блаженный сказал: «Благословен Бог и Господь Иисус Христос и Пречистая его Мать, удостоившие нас, <находящихся> на большом расстоянии, соединиться духовной любовью через твое пришествие. Более же сего, Владыка наш Господь призовет нас с преподобным Александром открыть <пребывание> в ином блаженстве и в лике праведных».

Носил тот блаженный Никифор на себе тяжелые вериги — увидев их, святой Кирилл был поражен терпению блаженного. После того беседовали они *о* полезном в духовной жизни. Обратно пошел старец Никифор с острова в обитель Живоначальной Троицы на Свирь к отцу своему настоятелю и учителю Александру на север. И после того как он проводил старца на маленькой лодке, на том месте, где видели осиявший их свет, поставили крест.

Чудо 2-е о разбойниках, приходивших ко святому

Разбойник некий по имени Иван, живший с товарищами своими в окрестных селах, творил людям зло: иногда убивал их, иногда грабил дома их. Приехали они на остров в маленьких лодках, ревя как дикие звери, по бесовскому наваждению устремились они на блаженного Кирилла, желая разлучить блаженного с преданностью духовному <деланию>.

Он же молился пред образом Всемилостивого Спаса и говорил: «Владыка Отец Вседержитель, Бог отцов наших: Авраама, и Исаака, и Иакова, спаси меня, грешного раба своего, от нападений и призраков бесовских». Также и Пречистой Богоматери молясь, говорил: «О, Преблаженная Госпожа Владычица Богородица, умоли Сына своего и Господа моего избавить меня, раба Твоего, от нападений вражеских и укрепи меня на месте сем».

И поднялся после молитвы, и пошел к ним, говоря: «Родные дети и рабы и угодники отца своего сатаны, зачем пришли ко мне, рабу Божьему, на этот остров? Имущество мое и серебро в этой маленькой кельице». И один из них пошел в келью блаженного, а другие ослепли. Тот же юноша, который вошел в келью преподобного, стал вопить громким голосом товарищам своим: «О, братья мои, заберите меня из кельи сей, ибо два юноши бьют меня жестоко, и лишен я зрения». И отвечали ему товарищи его, говоря: «Мы голос твой слышим, но не знаем, где ты. И мы тоже зрения лишились». И возопили разбойники в один голос: «О, святой Божий Кирилл, отпусти нас с миром, больше не станем приходить на остров сей».

Вошел блаженный в келью свою и увидел отрока, лежавшего посреди келии и не знавшего, как ему выйти. Блаженный же Кирилл поднял отрока, говоря тихим голосом: «Пойди, брат, с миром из кельи сей». И сказал отрок преподобному: «Помолись, святой Божий человек, чтобы твоими святыми молитвами Господь даровал здравие и зрение очам нашим». Блаженный же Кирилл помолился Богу, и исцелил их, и здоровых отпустил их с острова с миром.

Чудо 3-е преподобного отца нашего Кирилла Белого

Той же пустыни старец по имени Дионисий поведал нам. Некогда пришел этот старец Дионисий после трудов в монастырь в святой Великий Четверг. «Когда я вошел, — рассказывал он, — в трапезную и стал около дверей церковных, то видел, как блаженный отец Кирилл служил Божественную литургию с дьяконом и братия Святых Тайн причащалась, Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. И после совершения службы увидел я, окаянный, учителя своего преподобного Кирилла, идущего из церкви с «Богородицею», а когда принес хлеб Пречистой Богоматери в трапезную, тогда дьякон стал невидим для глаз. Я же, окаянный, вопросил настоятеля своего и учителя тихим голосом, говоря: «Открой мне, отец святой, где тот, который служил с тобой?» Отвечал мне блаженный: «Чадо Дионисий, воли Божией не

испытывай и до моего преставления никому не рассказывай, что тебе открыл Господь, радости податель и от клеветы вражеской избавитель, скорбящим сладкое утешение, наставник чудный нам явился».

И мы, братья, разумно славные его чудеса о Господе похвалим, и мы его молитвами с Богом пребываем невредимы от всяких зол, о них и мы разумно рассудим и воздадим хвалу преподобному, говоря так: «Радуйся преподобный Кирилл, создавший нам обитель, тихое пристанище на озере Новом в Красном острове. Радуйся, вне мира суетного пустынь сотворивший и в ней к божественной любви стремящихся собравший. Радуйся, утешитель скорбей нашего естества. Радуйся, отгоняющий мысли злобные и насаждающий страх в сердца верных. Радуйся, сладкое утешение и радости божественной податель. Радуйся, от клеветы вражеской избавитель, врач многих болезней и исцелитель; явился подлинно духовным сокровищем, достойно обогатившимся благодатию Святого Духа. Радуйся, столп, горящий духом, от земли восшедший на небо, небесной славе очевидец явился. Радуйся, чудный кормчий плавающим, и прибежище радостно тебе воздающим хвалу, и всем заступление. Радуйся, преподобный, и богоблаженный, и богоносный отец наш Кирилл, ибо ангельски на земли пожил, много подвизаясь во временной жизни в молитвах, пощении, бдении, всенощных стояниях, поучаясь в заповедях Господних каждый день, Вседержительной десницей укрепляем, уподобляясь блаженным Антонию и Феодосию. И так Богу угождая, обрел этим небесную лествицу, по которой достиг Небесного Иерусалима, честного ради жития твоего сосуд был Святому Духу, ибо пришел Господь со Отцем и обитель в тебе сотворил. Ныне же, блаженный Кирилл, предстоишь Престолу Пресвятой Троицы, со ангелами Христа непрестанно славословя, неизреченную славу зря, с небесных сфер взираешь на воспевающих тебя. Богоносный отец Кирилл, своих ради трудов воспринял от Бога дар бесов прогонять и души просвещать людям, с верою приходящим. Призывая на помощь, тебя молим, преподобный Кирилл, молись Пречистой Богоматери и ходатайствуй о нас недостойных, Богом собранной дружине во святой обители сей, будь же ты ей начальник и заступник, да и мы, пребывая на месте сем, невредимы пребудем от бесов. Славу и благодарение воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно».

Чудо 4-е преподобного отца Кирилла о дьяконе Николае

Прежде бывшие знамения, и преславныя чудеса и явления богоносного отца нашего Кирилла записаны прежними писателями, усердно в том потрудившимися. Боголюбивый дьякон Николай из града Бело-озера желая увидеть блаженного в пустыни и принять от него благословение... Да не забудутся за давностью преславные чудодействия Божии, которые сотворяет Бог своими угодниками, и

ныне видим столь великие совершающиеся в последние времена чудеса.

Спустя долгое время, пришел к преподобному прежденазванный дьякон Николай пользы ради душевной и хотел принять от святого благословение. Святой же сказал ему: «Что, чадо, пришел ко мне, убогому старцу, и какого утешения ищешь в пустыни сей? Не нужно тебя утешать, но ступай скорее к себе домой и получишь утешение сердцу твоему и радость, увидев лежащего с матерью младенца мужского пола». Дьякон же сказал: «Нет, отец, нет в доме моем наследника ни мужского, ни женского пола. И нынче, когда отправлялся в путь свой, чтобы предстать пред тобою, то жена моя проводила меня до ворот дома моего и осталась здоровая со слугами моими». Святой же стал ему говорить: «Что помышляешь, чадо? Веруй мне и иди скорей в дом свой. Хотя, чадо, и потрудился, пройдя большой путь, но веруй Богу и Пречистой его Матери, что труд твой не напрасен будет».

Дьякон, получив благословение святого, скоро ушел в дом свой, и по пророчеству святого увидел младенца, лежащего с матерью, и удивился, как об этом стало известно? Но поскольку убедился, что человек этот был Божий и сказанное святым истинно, то всем слушающим возвестил сказанные святым слова, и прославили Бога, творящего дивные и преславные чудеса святым своим угодником Кириллом.

Чудо 5-е преподобного отца Кирилла Белого, как исцелил от болезни князя Ивана Васильевича Пинкова

Некий князь Иван Васильевич Пинков, большую веру имея к <образу> Пречистой Богоматери на Тихвине, посылал каждый год необходимые для украшения церкви свечи, фимиам и много других украшений. И когда этот князь Иван тяжело заболел и сильно измучился, то стал молить Пречистую Богоматерь, чтобы она облегчила ему болезнь. И когда так молился, погрузился в сон тонкий и видит во сне некую светоносную женщину, явившуюся ему, и некого старца, во свете стоящего и говорящего Ивану: «Ступай с миром к <образу> Пресвятой Богородицы на Тихвину и дойдешь до моей пустыни, Кирилла Белого. Так молитвами Пресвятой Богородицы и преподобного Кирилла Белого исцелишься».

Очнулся тот князь от сна и поведал всем предстоящим о случившемся явлении, и скоро отправился в путь свой со слугами своими, и дошел до града Бело-озера, и повелел разузнать о пустыни Кирилла Белого. Многие же люди града того говорили: «Мы, господин, все знаем пустынь блаженного Кирилла Белого на Ново-озере, от града нашего нужно только 30 верст пройти». Князь же тот встал и пошел к святому, и когда пришел в обитель святого, то узнал святого по образу, открытому ему в видении. И, упав пред ногами его, поклонился, и называл его избавителем от недуга своего, и стал ему подробно рассказывать, как молился он Пречистой Богородице об исцелении от недуга своего. И перед всею братией рассказал по порядку о случившемся явлении.

Потом все вместе хвалили и благодарили Бога и Пречистую его Богоматерь, ибо призывающим Его всюду помогает. Также и князь тот молит Бога и святого отслужить божественную службу и освятить воду, чтобы причаститься святой водой. Святой же не пренебрег его просьбой, отслужил божественную службу и освятил воду. Мороз тогда сильный был, и никто не мог стоять там из-за лютого мороза, святой же, не ощущая морозной стужи, служил босой и в разодранной ризе. Увидев то, князь удивился, и все прославили Бога, и Пречистую его Матерь, и угодника Божия Кирилла. Святой помолился о нем и причастил святой водой, князь, приняв воду с великой верой и усердием, выпил ее, и тотчас болезнь его прекратилась, и выздоровел помощью Божией и Пречистой его Матери, и молитвами святого Кирилла.

Когда же тот князь излечился от болезни, тогда написал он грамоту своею рукою: «Давать каждый год на нужды братии от дому своего 40 мер жита, да 20 пудов соли, да два пуда масла, да 20 сыров». Как написал грамоту — отдал святому, святой же принял грамоту в руки свои и предложил отведать еды за святой трапезой. Князь же тот Иван отведал от трапезы святого сущих хлеба и воды, которыми он питался. И милостыню большую дал монастырю, и получил благословение святого, и пошел в дом свой, благодарение воздав Богу и Пречистой его Матери, творящим преславное святым своим угодником Кириллом.

Чудо 6-е, о женщине с больными глазами

После этого приведена была некая женщина по имени Анна, у которой 2 года болели глаза, и ничего она не видела, и просила святого, чтобы помолился о ней. Святой же помолился о ней и святой водой помазал ей глаза, и в тот же миг выздоровела она от глазного своего недуга молитвами Пресвятой Богородицы и преподобного Кирилла. И когда

прозрела от слепоты и увидела тот остров, и церковь, и лес на нем, и озеро, и передвигающихся людей, — то стала на все смотреть и ясно видеть, и выздоровела молитвами святого Кирилла. Святой же, увидев, что помиловал ее Бог и прозрела, великое славословие воздал Богу и Пречистой его Богоматери.

Много же и других слепых приводили ко святому, святой же только брал священное масло от благоуханной лампады и помазывал им глаза с призыванием имени Иисуса Христа, и так они прозревали и возвращались в свои дома, славя и благодаря Бога и угодника его Кирилла.

Чудо 7-е, о Евдокиме

Пришел на остров некий человек, живший в окрестностях обители святого, по имени Евдоким, и стал рубить деревья липовые, и положил их в небольшое судно, и отплыл от берега острова того. Но внезапно перевернулось судно его, и стал он тонуть. Старец же по имени Кириак увидел гибель человека того, и быстро побежал к преподобному, и рассказал ему о беде человека того, что тонет он в озере. Святой же, когда услышал об этом, быстро встал, и, взяв в руки крест, отправился на берег того озера, и знамение крестное над озером сотворил крестом, который нес с собою. И в тот же миг человек тот ухватился за судно, и, увидав стоящего на берегу святого Кирилла, держащего в руках крест, начал вопить: «Святой Божий человек, угодник Христов Кирилл, спаси меня от потопления». Святой помолился, и в тот же час обратился ветер к берегу, и скоро принесло его к острову.

Человек тот, спасенный от потопления, вышел на сушу, и быстро подошел к святому, и припал к ногам его, говоря: «Прости меня, отец Кирилл, согрешил я пред Богом и твоею святостью, приходя на остров этот, срубая деревья, разоренье творя. И когда в первый и во второй раз приходил, то Бог попускал, ныне, отец, молитвами твоими избавлен я был от смерти и больше не стану причинять вреда святому месту сему».

Блаженный Кирилл утешил его, и наказал ему от Божественного Писания не рубить деревьев на сем острове, и отпустил его. Он же с Божьей помощью ушел в дом свой, говоря: «Благодарю тебя, Господи Человеколюбец, ибо не дал врагу уловить меня, грешного, и не позволил мне оскорбить твоего угодника». С тех пор Евдоким обрел большую веру к святому Кириллу, считая его не человеком, а ангелом Божиим, и приходил к святому за благословением.

Чудо 8-е, об украдении колоколов

После этого какие-то злые люди украли колокола у церкви Воскресения Господа нашего Иисуса Христа у блаженного Кирилла на острове. И когда отправились они восвояси, тотчас очи их закрылись, и никак не могли они узнать путь, по которому пришли сюда, и, много блуждая по лесам, утомились, но так ничего и не добились. И в сильном изнеможении снова пришли они на берег озера того, где и доныне стоит крест. Блаженный же вышел на берег озера того, как будто бы ничего не зная, и тотчас увидел их, стоящих на берегу озера и глядящих на остров.

И была некая сила Божия, которая держала их и не отпускала, святой же повелел взять их на остров. Люди же эти раскаялись в своем согрешении и скоро пришли к блаженному, принеся колокола в мешках своих. Блаженный же стал расспрашивать о причинах прихода их, и зачем принесли благовестные сии <колокола>. Они же как мертвые упали пред ногами блаженного и ничего другого не могли вымолвить, лишь: «Прости нас, прости, господин, согрешили», — говорили. Благомыслящая же глава поднял их с тихостью и сказал им: «Детки, никто от века, похищая чужое, не обогатился, многие же и свое погубили». Они же от многого ужаса, а лучше сказать срама, не могли и глаз поднять. Святой же запретил им впредь поступать так, и велел накормить их хорошо, и отпустил их с миром.

Стяжавший добродетельные смиренномудрие и кротость, украшенный беззлобием, милосердный одинаково ко всем, больше же всего к врагам, причинявшим ему зло, он миловал их и учил как родных детей. Все же сие творил он ради любви Христовой, проще сказать по писанному: «Больше не живу я, но живет во мне Христос, которому следуя, всего я отвергся», ибо это есть монашеское делание. С тех пор, как вселился он в пустыню, никогда не изменил правила своего и никогда не был празден от трудов духовных, но сохранил неугасимое свое тепло от начала даже и до конца.

Чудо 9-е, о беснующемся

Некий человек, купец из Великого Новгорода, по имени Федор, доброго рода, большую веру имел к блаженному Кириллу. Случилось ему ехать со спутниками своими на Бело-озеро по торговым делам. В пути, когда

был он на реке Колпе, захотелось ему пить, и, наклонившись к воде, он выпил, и тотчас напали бесы и зло мучали его, и стал он говорить бессмысленно. Спутники же связали его железными путами и привезли в монастырь Воскресения Христова и к блаженному Кириллу, и только с принуждением смогли ввести его в церковь: очень он вопил и лаял зло, имел вид зверя ревущего, язык свой длиннее пяди свесив. Блаженный Кирилл увидел как сильно измучен он бесами, и, умилосердившись о нем, долго молился со слезами <пред иконами> Воскресения Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой его Богоматери. И после молитвы осенил больного крестом, и святой водой окропил, и благодатию Божией, и силою крестною, и молитвами святого вышли бесы из него, и стал здрав, и целомудрен, и благочестив.

Еще же скажу и то, что обещался он веру большую держать ко святому до исхода души своей больше прежней. Тут же многие стояли и видели такое преславное чудо, и прославили Бога и угодника Божия Кирилла. Исцелившийся же дал братии большую милостыню и отправился в путь свой с миром.

Чудо 10-е, о прельщенной женщине

Женщина некая, живущая вблизи от озера, на котором была обитель святого, вооружена и подучена была дьяволом против святого. Слышала же женщина та о блаженном, что живет он на острове целомудренно, и приехала на остров, желая искусить святого и явить бесстыдство свое. И некогда случайно просто увидела она святого, ибо келья его была одна из крайних. Он же на молитве стоял, готовясь к божественной службе; и когда увидел ее бесстыдство, то остался бесстрастным.

И тут внезапно осиял ее свет от ангельского лица его, постом цветущего, и ужас напал на нее, и тряслась она, и стонала, будто бы некая сила Божия била ее. Блаженный же стал спрашивать о причинах прихода ее на остров во святую обитель. Она же сказала блаженному: «Прости меня, отец святой, дерзнула прийти к твоей святыне, ибо кончился у меня огонь. Вот что мне нужно, и за тем пришла к твоему преподобию. Повели, отец, дать мне огня». Блаженный же обличил ее перед всей братией и рассказал о бесстыдстве, которое видел, приводя ее к раскаянию. Она же не смогла утаиться от святого, каждому особо его согрешение открывающего, и долго просила преподобного прощение подать ей за невежество ее и искушение Святого Духа, почивающего на святых. Увидев ее со слезами кающуюся о грехах, пришел смиренномудрый и незлобивый Божий человек, называющий себя грешнейшим и худшим среди всех людей, и сказал ей: «Зачем хотела видеть грешное и мертвое тело мое, мира отвергшееся?» И,

научив ее добродетельному <житию>, дал заповедь, чтобы ни по какой надобности не приходили женщины на остров. Вместе с тем сотворил крестное знамение, и благословение, и прощение подал ей. И с той поры выздоровела, встала и ушла в дом свой со страхом и радостью, славя Бога и преподобного чудотворца Кирилла, обвиняя себя во всем приключившемся.

Услышав об этом чуде, все люди, радуясь, прославили Бога, подавшего им такую святыню, врача болящим, который грешным прощение дарует. Не только в ближних весях, но и в других городах промчалась благодать Святого Духа, ныне и присно и во веки.

О преставлении преподобного отца нашего Кирилла Белого

После этого узнал святой о своем отхождении к Богу, и призвал братию свою, и сказал им: «Вот уже, братие, конец жизни моей приближается, ухожу я из жизни сей, вас же предаю в руки Божии, да сохранит вас и утвердит в любви своей. Я же, хотя телесно и отхожу от вас, но духом постоянно буду с вами. Но и об этом знайте, если буду иметь милость от Бога, то монастырь сей после моей смерти ничем не оскудеет, если любовь будет между вами. Подобает же вам, братие, со всем прилежанием и страхом Божиим пребывать в послушании и любви». И так блаженный со слезами учил обо всем: о спасении души и богоугодном житии, и о пощении, и к церкви усердию, и пребывании в ней со страхом, и о братолюбии, и о послушании, чтобы послушание и любовь иметь не только к старейшим, но и к сверстным себе.

«И вот видите меня к концу приближающегося…», — и, сказав это, замолчал, не имея уже больше возможности говорить. Братия же пребывала в великой скорби и печали о нем. Святой же молчал до седьмого часа, не имея возможности ни говорить с ними, ни поднять глаза, так что многие думали, что он уже преставился, только еще видели, что немного дышал. И вдруг после седьмого часа стал всхлипывать, и слезы потекли от очей его, это продолжалось долгое время, братия же смотрела на святого и удивлялась увиденному.

После того стал он оглядывать всю братию, говоря им: «Братия моя и отцы, вот уже время, уже <поднимается> мятеж в людях. „Великая будет беда на земле нашей, и гнев на людях: и падут от острия меча, и поведутся в плен во все народы”, и бури великие, и голод, и мор будут, так открыл мне Господь». Тогда подошел к нему старец Дионисий, начав вопрошать блаженного: «Скажи нам, господин, после того что

будет?» Святой же сказал ему: «Видел я на престоле высоком сидящего Господа Царя и с ним двух предстоящих отроков смиренных, храбрых весьма, с венцами царскими на головах. И дал им Господь в руки оружие свое на врагов, и побеждены будут злые варвары, и поклонятся Ему все народы, и будет царство наше устроено Богом. Вы же, отцы, и братия, и чада, возлюбленные во Христе, плачьте пред Господом Богом и Пречистой его Матерью, Пресвятой Богородицей, о державе царствия Российской земли. Я же отхожу к жизни отцов своих, как и все земные, вас же предаю Господу Богу и Слову благодати Его, который может обновить вас и дать всем награду и дарование святости, Тот да поможет вам. Вы же, братие, Господа ради, не малодушествуйте в молитвах и постах, охраняя себя от злобы и наветов вражеских, Преблагий же Бог по своему неизреченному смотрению не отвергнет смирение ваше». К тому же еще и об этом заповедал, сказав: «Братия, как при моей жизни не было в монастыре хмельных напитков, меда или других напитков, которые содержат хмель, — никогда не дозволял я держать их в этом монастыре». И так этим запретительным уставом блаженный змиеву голову пьянства отрубил, и с ней прочее, и корни уничтожил. Заповедал же и об этом преподобный: «Если при жизни моей не было хмельных напитков в монастыре этом, то тем более и по преставлении моем не повелеваю этому быть». И еще о многом учил: «Пребывайте в единодушии и подлинном смирении и послушании, и „будьте совершенны как Отец ваш Небесный совершен", Господь же да будет с вами. И о сем прошу вас и заклинаю, чтобы в той одежде, которая на мне, положили вы меня посреди острова там, где вода не уходит, и там погребли тело мое грешное».

Сказав это и еще нечто, и каждого брата поцеловав с любовью, просил он прощения. И тогда, когда стал отходить от тела, принял доброго спутника, причастившись Тела и Крови Владыки <Христа Бога нашего>, и осенил себя крестным знамением, сказав: «Слава Богу за все», и, добавив: «Аминь», предал дух в лето 7040-е <1532>, месяца февраля в 4 день. Когда же блаженная его душа отошла от тела, лицо его просияло как солнце, показывая душевную его чистоту.

Ученики же его плакали горько о разлуке с отцом и учителем, и к святому телу его припадая, вопили из глубины сердец: «Отец наш и учитель, блаженный Кирилл, тебе пришло время преставиться и быть со Христом». И взяли святого, и понесли его в церковь, и по обычаю совершили надгробное пение. Тогда, водимые каким-то божественным явлением, множество верных христиан из окрестных весей сами со усердием пришли скоро на погребение блаженного Кирилла. И сокрушались все в плаче и рыданиях, и, на одре честное и трудолюбивое его тело положив, провожали его псалмопением и надгробным <молением>. Ученики же проливали ручьи слез, говоря друг другу: «Ныне страдаем, преждевременно лишившись отеческой любви; болеем душами, ибо с врачом разлучились». Глядя друг на друга, говорили между собой: «Видите ли, братья, сколько времени был

наставник нашему спасению, ныне обретаем посреди пристанища надежды нашей источник и опору. Тогда богаты были, наслаждаясь медоточным учением от уст блаженного отца, ныне же в нищете обретаемся от разлуки с отцом и учителем». Разлуки не терпя, плакали они о том, чтобы и им было возможно умереть вместе с ним.

Лицо же святого просияло и светилось ярче света, показывая светлость ангельского жития и прообразуя иную светлость. И, скутав блаженное тело, погребли его со славой на месте, на котором сам завещал положить его, с правой стороны от церкви. И так были погребены честные и чудотворные его мощи, и подают исцеления с верою приходящим к раке мощей его. И так отошел блаженный в вечную жизнь, уготованную Богом любящим Его, которую да получим и все мы о Христе Иисусе Господе нашем, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, со Безначальным его Отцом и с Пресвятым, Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки. Аминь.

Чудо 1-е по преставлении преподобного отца Кирилла Белого

Был в той обители Воскресения Христова инок по имени Кириак, ученик преподобного Кирилла, который занимался ловлей рыбы. И тот старец один год пролежал в расслаблении, и все части тела его бездействовали, и не мог он увидеть честного и преславного преставления преподобного отца нашего Кирилла.

И долгое время плакал он горько, и заснул немного от сильного того недуга, и тотчас явился ему блаженный Кирилл в том же виде, как и прежде был, и с ним двое неких светлых юношей, держащих в руках своих светильники горящие, и сказал ему: «Что, брат Кириак, столько времени страдаешь в болезни сей? Вставай скорее и иди рыбу ловить для утешения братии». И осенил его крестом, и благословил, и тотчас стали невидимы.

Тот же инок Кириак был сильно напуган необычным видением, и с того момента стали двигаться его руки и ноги, и повелел он отвести себя ко гробу блаженного Кирилла. И там, у гроба, долгое время плакал он горько, и исповедал ему, как к живому обращаясь, грехи свои, и прощение получил, и выздоровел от болезни той. И собралась вся братия ко гробу блаженного, и увидели преславное чудо, как расслабленный смог ходить и выздоровел молитвами Пресвятой Богородицы и угодника Божия Кирилла. Тот же расслабленный всем

открыто поведал, как явился ему блаженный ночью с двумя юношами и повелел рыб наловить для утешения братии.

Старец тот Кириак на второй день пошел ловить рыбу по повелению святого. Бог же тому Кириаку содействовал благословением святого, и много поймал рыбы, и ее хватило всем братьям для утешения в <день> памяти святого Кирилла. Тогда многие пришедшие отовсюду увидели это чудо, и, увидев, прославили Бога и Пречистую его Богоматерь, Пресвятую Богородицу, и угодника Божия Кирилла, подающего нам такое.

Чудо 2-е, о болеющем глазами и болезнью головы

Несколько дней спустя некий человек князя Федора Чеснока Вадбальского по имени Григорий, одержимый глазной болезнью, долгое время страдавший от сильного того недуга, — затекли глаза его так, что не мог он ничего видеть, и не мог ни прилечь, ни поспать немного, но с места на место переходил день и ночь, беспрестанно крича и издавая стоны, — привели его ко гробу святого Кирилла, и приложили, и возливали на главу его воду святую, которую преподобный сам освящал. Человек же тот выздоровел и стал видеть ясно, так же как и прежде.

И упал он пред образом Владыки Христа Бога нашего, который носил святой, и молился ему, говоря: «О, Владыко Господи, Творец неба и земли, как отблагодарю Тебя за все благое, что даровал нам не по нашему недостоинству, но по Твоему неизреченному милосердию». Также и к чудотворному гробу приклонясь, хвалебные слова говорил со слезами: «О, скорый помощник, о, горячий молитвенник, о, блаженный Кирилл, содействующий мне, недостойному, святыми твоими молитвами ко Христу Богу нашему! Как похвалить и отблагодарить тебя, как назвать тебя, — не знаю: источником ли вечнотекущим живительных вод, который, изливаясь, — еще больше изобилует, из которого черпаем, — нисколько не оскудевает, богатство ли неистощимое или сокровище неоскудеваемое?» И такими словами много помолившись, радуясь, пошел он в дом свой, славя Бога и угодника Божия блаженного Кирилла.

Исцеления получают не только те, кто, находясь здесь, прикасаются к честному гробу дивного сего мужа, но и от кропления на одежду святой водой, и те, кто, находясь вдалеке, с верою призывают имя его святое, ибо сказал Господь: «Прославляющего меня прославлю». И еще сказал:

«Если вы умолчите о благодеянии Божьем, то камни возопят», потому, уповая на милость Божию и молитвы преподобного, сопутствующие мне, подвигся я, насколько это было в наших силах, написать нечто от избранных святых чудес в славу и благодарение Христу Богу нашему и угоднику его и молитвеннику о грехах наших, блаженному Кириллу чудотворцу.

Чудо 3-е святого Кирилла, о женщине

Полезно же и о сем поведать. Некий человек по имени Никита Текутов жил в городе на Бело-озере, и была у него жена, по имени Елена, которая тяжело разболелась, и болезнь ее усиливалась, и сама она располнела, так что думала, что не выдержат ее кости. И долгое время так она страдала, и многое от имущества своего раздала врачам, и не получила от врачей никакой помощи, но болезнь ее нарастала. Однажды ночью немощная та жена вспомнила о блаженном Кирилле и его чудесах, какие исцеления подает Господь через угодника своего просящим у Него с верою. И в один из дней подумала о том, чтобы пойти ей в монастырь святого и к чудотворному его гробу приложиться и воздать хвалу святому. И так день ото дня размышляла она, и со временем забыла об этом, как это и со многими людьми случается: когда мы в нужде, тогда к Богу прибегаем и помощи у Него просим, а получив избавление, благодеяний не вспоминаем, — так и это произошло от множества мирских попечений.

Однажды ночью, когда захотела она встать на молитву, тогда все тело ее так ослабло, что никак не могла она привстать со одра своего, и уже отчаялась в жизни своей и ожидала смертного часа. Скоро она немного уснула, и внезапно просиял в той горнице свет великий, и явился ей преподобный Кирилл, неся в сосуде святую воду и крест в руке своей, и благословил ее, также и крестом осенил, и, окропив святой водой, сказал ей: «Вставай, чадо, иди в монастырь мой и помолись Воскресению Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой его Богоматери, и прощение получишь у гроба моего». И после того стал невидим.

Она же скоро очнулась от сна своего и пребывала в великом страхе от необычного видения, и в сей же миг выздоровела от болезни той, и стала рассказывать мужу своему Никите, как явился ей блаженный Кирилл и повелел прийти в обитель свою и гробу его поклониться. Муж же ее и прежде имел большую веру к блаженному Кириллу, и, услышав от жены своей о таком чуде в доме своем, сказал: «Явилась благодать Божия на нас». И возликовал, и быстро собрал жену свою, и привел ее в монастырь, и приложились у раки святого, и начала она молиться со

слезами о согрешении своем. И в тот же миг перестала она ощущать болезнь свою, и выздоровела, как будто никогда и не болела, и молебен совершили, и поведал муж ее все о приключившейся с ней болезни, и ушли в дом свой, хваля Бога и воздав святому благодарение великое.

Так Бог прославил угодника своего и милосердно прощение подает поклоняющимся с верою мощам его, а нерадивых учит сильнее бояться Бога. И это было так.

Чудо 4-е, о расслабленном

Да не умолчим и об этом чуде святого. Был некий скоморох по имени Стефан, живший в городе на Бело-озере, от обители пройти всего 30 верст. И этому Стефану случилось заболеть, в расслаблении пребывал он два года, к тому же и сон непомерный находил на него, так что стал впадать в забытье от тяжелой болезни и сна. И в один из дней пришел он в сознание, и захотел пойти в обитель преподобного Кирилла, ибо слышал о преславных чудесах святого, бывающих у гроба его святого. И размышлял в себе, как бы ему попасть в обитель святого отца Кирилла и у гроба его получить исцеление.

И пошел в обитель преподобного, и когда ему оставалось идти до обители святого еще 12 верст, он совсем обессилел, и опечалился, и прилег немного, желая отдохнуть от тяжелой болезни и труда. И, находясь в недоумении о том, что сможет он сделать, стал он призывать скорого в помощи, говоря: «Преподобный Кирилл, помоги мне и избавь меня от недуга сего. И тогда не стану возвращаться обратно от гроба твоего святого, но приму ангельский образ и присоединюсь к избранному стаду». О великое чудо! Только в мысли своей вспомнил святого и дал обещание — и сразу же явился ему преподобный Кирилл, говоря: «Человече, если хочешь исцеление получить, то ступай в монастырь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, и ко гробу моему приложись, и получишь желаемое иноческое житие». И после того стал невидим.

Тот же скоморох, который прежде не мог пошевелиться, в тот момент выздоровел и, обрадованный весьма таким видением, пришел в монастырь блаженного, и к чудотворному гробу устремился, и со слезами просил прощения. И принял иноческий постриг, и сподобился ангельского образа, вместе же с отъятием волос оставил и к низменному влекущие помышления, и нарекли имя ему Сергий, — все это получил он благодатию Христовою и молитвами преподобного

Кирилла, выздоровел и жил, служа той обители в различных послушаниях, и отошел в вечный покой.

Чудо 5, о некоем ребенке, как он исцелился по молитвам святого

У некоего человека по имени Данило Текутов, жившего в городе, был сын единственный по имени Симеон. И этот отрок разболелся утробою и огорбател. Отец же этого отрока, верою влекомый, привез ребенка в обитель святого. Известили об этом священника и всю братию, чтобы пели о нем молебен и помолились о здравии. Отец же принес отрока, и положил на гроб святого Кирилла, и припал ко гробу его, молясь, говоря: «Знаю, преподобный отец, что если о чем-нибудь попросишь у Бога, то непременно подаст тебе благодать. Потому не оставляй нас в сей скорби великой». И еще много говорил о том, что всю надежду возложил на святого.

После пения стал ребенок на гробе потягиваться, и по молитвам святого Кирилла не стало горба у ребенка. Отец же взял отрока и приложил его к образу Пресвятой Богородицы, и водою покропили его святою. И тотчас выздоровел ребенок и, встав на свои ноги, смог ходить туда и обратно. О великое чудо, как быстро исцеление получил по молитвам преподобного Кирилла! И, взяв того отрока, ушел отец в дом свой, радуясь и благодаря об этом Бога и Его угодника, великого в чудесах Кирилла.

Чудо 6-е, о беснующемся

Через некоторое время у некоего человека по имени Кондрат сын по имени Амвросий был так люто измучен лютым бесом, что его связали по рукам и ногам. Таким сильным было мучение и злое бешение того Амвросия, что, только закрыв ему глаза, с большим трудом смогли привести его в монастырь. Глаза же его опухли и были окровавлены, как у зверей, и боялись его, он же вопил слова скверные, иногда рыкал как скотина, иногда ревел как зверь, и много вопил бесовским голосом, и много бессмысленно говорил и шептал, потому представлял для всех нелепое и страшное зрелище. Но что много говорить, и на самого Господа Бога нашего Иисуса Христа возносил хулу, ибо не сам говорил, но было в нем жилище бесов, которые говорили и вопили его устами.

Священник же с братией начал молебное пение, и крестом осенил его, и водою святою окропили, и ко гробу святого приложили, и все молились о страждущем. После того, благодатию Христовою, и помощью Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и молитвами блаженного Кирилла понемногу прекратилась болезнь человека того, и стал кроток и разумен, и в чувство пришел, и стал здоров, как и был до болезни, и ушел в дом свой, славя и благодаря Бога и преподобного угодника Христова Кирилла.

Чудо 7, о болевшем зубами

Некоему священноиноку по имени Мартиниан из той же обители Кирилла Белого случилось долгое время страдать от зубной боли. И так изнемог, тяжело мучаясь от того злого недуга, что нельзя было и узнать его, и, как говорится, уже ждал не жизни, а смерти. И так случилось, что инок по имени Тихон из того же монастыря блаженного Кирилла, увидев его лежащего и страдающего, стал рассказывать ему, что «исцелились братья наши Аникий да Геронтий. И я так болел и исцеление получил от гроба блаженного. И всегда, — сказал, — если с верою придешь — исцелишься».

Поверил же тот инок словам старца, быстро пришел ко гробу святого, и, упав у гроба, молился со слезами долгое время, и крестное знамение налагал у гроба, и воду святую принял в уста свои. И тотчас помощью самого Господа нашего Иисуса Христа и молитвами святого прекратилась болезнь, и, здравие получив, радуясь, возвратился он в келию свою, славя Бога и его угодника блаженного отца Кирилла.

Чудо 8 преподобного Кирилла, о некоем старце по имени Макарий

Некий старец по имени Макарий из Корельской земли, постриженник Сеннова монастыря, пришел с верою в монастырь блаженного Кирилла. В этой обители вся братия трудилась там, где это было необходимо, тот же старец свиреп был и не захотел терпеть тягот Бога ради, и не вынес труды монастыря того, которые выполняла братия, претерпевая их Бога ради, и ушел из обители святого в город, в мирской монастырь. И случилось некогда этому Макарию тяжело заболеть, так что долгое время не мог он ни спать, ни есть, и даже на одре своем не мог пошевелиться, и никого из ближних не было у него, чтобы помочь ему, никто не мог за ним ухаживать, но все от него отворачивались, и так продолжалось долгое время.

Однажды ночью вспомнил немощный блаженного Кирилла и пришел в сознание грехов своих, говоря: «О, сколько исцелений творит Бог ради него». И начал молиться и говорить: «Святой Кирилл, помоги мне и избавь от болезни этой». И по молитве старца тотчас наступило облегчение; он же скоро повелел отвести себя в монастырь блаженного Кирилла и ко гробу его. И привезли его ко гробу святого, и некая сила поразила болящего, и долгое время он сильно томился в мучениях, и был как мертвый, и пролежал день тот, и не приходил в чувство. Братия же той обители, увидев такое его мучение, повелела приложить его ко гробу святого и творила молебное пение. Когда же вся братия стояла здесь и молилась за больного брата, тогда больной ощутил облегчение от болезни своей, и скоро поднялся, и сел у гроба святого, и никто его уже не поддерживал, хотя прежде и подвинуться не мог.

И было так. Увидев гроб чудотворца Кирилла, болящий открыто поведал, что видел он в то время, как поразили его бесы и мучали без милости: «И вдруг в тот час явился мне старец благообразный и сединою украшенный, лицо же его светилось как свет, и в руке своей держал посох, и начал бить темных эфиопов, и отогнал их от меня, и сказал мне: „Вставай, брат, ты уже здоров и больше не согрешай”. И дал мне четки из рук своих, и стал невидим». И действительно показал четки блаженного Кирилла всей братии, братия же, увидев это, прославила Бога и угодника его Кирилла. И братия приняла брата своего, и повела его в келию, дав отдых брату своему.

Чудо 9-е, о девице, лишившейся ума

После этого была приведена матерью своею некая девица по имени Параскева, которая каким-то образом от дьявольского видения помутилась умом и говорила бессмысленно. Мать же ее услышала о чудесах святого, бывающих у гроба его, и, взяв дочь свою, привела ее в монастырь преподобного Кирилла, и припала ко гробу его, и стала плакать и рыдать громким голосом долгое время, молясь Господу Богу, и Пречистой Богородице, и угоднику Божию Кириллу. И приложили ее ко гробу чудотворца, и молитву сотворили о ней к божественной раке у гроба святого. И понемногу снова приходя в себя, возвратилась она в дом свой здоровая, благодаря Бога и преподобного Кирилла.

Чудо 10-е, как был исцелен больной лихорадкой

Некий человек по имени Викул жил в окрестностях обители святого, и этому Викулу случилось заболеть лихорадкой. Многие же, считающиеся врачами, много различных лекарств давали ему, чтобы исцелить его, но ничего не смогли сделать ему полезного. И так он от той злой болезни сильно изнемог, что уже нельзя было и узнать его, ибо много дней не мог ни есть, ни спать, ни пошевелиться немного на одре. В один же из дней стал он страдать от злой той болезни сильнее прежнего, даже и до седьмого часа ночи, и, как говорится, уже ждал не жизни, а смерти.

И внезапно немного уснул, и явился ему преподобный Кирилл в рваной ризе, которую он носил и прежде, и с ним некий муж светлый, с лысиной, имевший бороду округлую и седую, в одеянии светлом, держащий в руке своей Святое Евангелие. Тот же сказал: «Что, чадо Викул, столько времени страдаешь? Вставай скорее и иди в святую обитель блаженного Кирилла, там исцеления происходят у гроба его святого. Если с верою придешь, то исцелишься». И внезапно они стали невидимы. И от этого видения прежденазванный Викул стал поправляться и выздоровел, как будто бы никогда и не болел. И очнувшись от видения, радовался, Бога прославляя, творящего чудеса святыми своими угодниками. И пришел он в монастырь ко гробу святого, и там помолился, и осенил себя крестным знамением у гроба блаженного Кирилла, и возвратился в дом свой, радуясь, славя Бога и угодника Божия блаженного Кирилла.

Чудо 11,о юноше с больной ногой

Как мы прежде говорили, у прежденазванного священноинока Афанасия был сын по имени Прокофий, случилось ему тяжело заболеть, занозил он ногу свою, и распухла нога его, и ослаб, и приближался к смерти. И долгое время был он охвачен той тяжелой болезнью, более 50 дней так страдал. И отец этого Прокофия, видя его постоянно в таких муках, больше того страдал в сердце своем. И когда болезнь усилилась у отрока, отец его, следуя доброму совету, повелел отнести отрока в обитель святого и блаженного Кирилла. И принесли, и помолился он изрядно о сыне своем, и приложил его ко гробу святого, и водою святою окропил. И по молитве даровал ему Бог исцеление, и выздоровел молитвами святого Кирилла. Увидев же то преславное чудо, отец его, Афанасий, прославил Бога и его угодника, блаженного Кирилла.

Чудо 12 преподобного Кирилла, о смертоносной железе

Да не покроется молчанием и это чудо святого. Некий человек по имени Василий Ефимов впал в тяжелую болезнь. По воле же Божией пришла большая беда на русскую землю — болезнь, называемая железа, и стала мучать людей болезнь та и предавать смерти. Бог так попустил роду христианскому, и болезнь та усилилась и разошлась по всей земле русской, и пришла в город Бело-озеро горькая та болезнь смертная. Здесь же и человек тот, вышеупомянутый Василий, тяжело страдал от болезни той, и все уже отчаялись и не думали уже о его выздоровлении, только готовили ему необходимое к смерти и погребению.

Когда же наступил поздний вечер, он, почувствовав некоторое облегчение, уснул. И в полночь, как сам он говорил, «<когда> горел светильник», — жена же его тогда тоже лежала в той же смертоносной болезни, а он не мог бодрствовать, но, как это часто случается, лежал в изнеможении, душа же его бодрствовала, молясь в уме, дабы принять исцеление по молитвам святого, — тогда увидел он блаженного отца, стоящего перед ним. Он же, хотя и желал тогда встать или посмотреть, но не смог. Спросил же его святой: «Василий, болеешь?» Он же сказал: «Да, господин, тяжело болею». Святой же сказал: «Если хочешь выздороветь со всеми домашними твоими, то приходи в монастырь мой и там исцеление получишь».

Василий же от видения очнулся и, позвав свою жену, рассказал, как приходил святой и как исцеление получил. И так воздали они хвалу Богу и святому Кириллу, благодаря которому получили исцеление. И тот Василий понемногу окреп, и пришел в монастырь с верою, и к святому гробу блаженного Кирилла приложился, и вскоре исцеление получили от цельбоносного его гроба, и здоровыми ушли в дом свой, радуясь, что никто из домашних не пострадал от болезни той. Он же, увидев жену и всех в доме своем здоровыми, прославил Бога и угодника его Кирилла, который подал ему такую благодать, приходящему с верой ко гробу блаженного. И так все одинаково получали исцеление и, радостные и ликующие, расходились по домам своим, прославляя Бога и Пречистую его Мать и чудотворца Кирилла, получившего такую благодать исцеления.

Чудо 13, о болевшем лихорадкой

Некий человек по имени Елевферий, живший в городе, долгое время страдал от лихорадки — и пищи не принимал до тех пор, что уже и отчаялся остаться живым. И этот Елевферий, услышав о святом, приходит к его раке помолиться с верою у гроба блаженного. И вскоре получив исцеление, ушел он в дом свой, радуясь, получив здравие

молитвами святого Кирилла от такой тяжелой болезни, что многие удивлялись.

Чудо 14 святого Кирилла Белого, о кашле

Ныне, в последнее время, исцеления от святого гроба происходят непрестанно, текут как источник. Случилось это <чудо> в 7089 <1581> году 15 января. Пришла тяжелая та болезнь, называемая кашель, на род христианский, и многие люди страдали от той болезни, и приходили с верою ко гробу святого Кирилла, и получали исцеление от недуга.

Некий же человек по имени Мелентий жил в окрестностях обители святого, в Замошие, и этому человеку случилось заболеть той тяжелой болезнью, кашлем, и тяжело страдал он от того недуга: часто захлебывался и не мог дышать. И страдая от тяжелого того недуга и приблизившись к концу жизни, исповедает он свои согрешения священнику и причащается Святых Тайн. И повелел он привести себя в святую обитель к честной раке блаженного Кирилла, и созвал весь собор <монашествующих> той обители, и молебен стали петь у гроба святого. И сей человек, вышеназванный Мелентий, в тот же час избавился от той болезни, и стал здоров, как и прежде, и ушел в дом свой, радуясь и славя Бога и святого Кирилла. Также и все прославляли блаженного угодника Божия.

Чудо 15, о ребенке, как исцелился у гроба святого

Еще же и этот младенец по имени Иван принесен был матерью во обитель святого на память святого Кирилла в том же прежде упомянутом году, о котором уже говорили. С двух лет он страдал от общего супостата врага: тяжело мучался от падучей болезни, и безжалостно напрягался, и с губ его пена стекала, и так лицо и глаза его внешне извратились, что никто не мог смотреть на лицо его. Родители же его, услышав о чудесах святого, бывающих у гроба его, принесли его в монастырь преподобного отца Кирилла. И припав ко гробу святого с ребенком, начал отец его плакать и громко рыдать, вопия: «Помилуй мя, раб Божий, ибо сын мой тяжело мучится за многие грехи наши». И приложил сына своего ко гробу святого, также и к честному и славному образу Пречистой Богородицы Одигитрии, и в тот же миг получил исцеление, и никак уже не ощущалась эта болезнь, и стал здоров, словно никогда и не болел. И так молебен отпели, и ушли в дом свой, радуясь и славя Бога и преподобного отца Кирилла, ибо его молитвами получили исцеление.

Чудо 16 святого Кирилла Белого, над обезумевшим

Добро есть Божие человеколюбие и чудеса святых, угодивших Ему, вспоминать непрестанно. Из бывших в последнее время многих избранных чудес святого вот новейшее преславное чудо, которое мы видели своими глазами.

Человек некий по имени Данило Текутов из града Бело-озера от многого пьянства лишился рассудка и так обезумел, что и людей стал бить. И когда он был сильно измучен, связанным привели его в монастырь блаженного Кирилла. И привели его ко гробу святого, он же много говорил бессмысленного и невнятного. И начали у раки святого молебен петь, и после молитв приложили его ко гробу блаженного, и святою водою окропили. И в тот же миг пришел он в чувство, и стал здоров и разумен, и ушел в дом свой, радуясь и славя Бога и Пречистую его Богоматерь, и угодника их преподобного Кирилла.

Чудо 17 преподобного отца нашего Кирилла Белого, о больной женщине

Некий человек по имени Иван Евсевиев жил в городе на Бело-озере. У Ивана же этого была жена по имени Мария, которой пришло время родов, чтобы разрешиться от бремени. И в немощи пребывала она много дней, и мучалась от такой болезни, и много баб повивальных приводили к ней, надеясь на их помощь, но не получала помощи, и болезнь только усиливалась. И все уже отчаялись, и никто уже не думал об ее выздоровлении, но только готовили для нее необходимое к смерти и погребению. И так внесли ее в помещение чистое, и положили на одр, ибо видели ее уже приблизившейся к концу — она совсем уже не могла дышать.

Муж же ее Иван, увидев, что она умирает, скоро принес образ Пресвятой Богородицы, и поставил над нею, и стал долго молиться Пресвятой Богородице со слезами, говоря так: «Пресвятая Госпожа Богородица, Мать Христа Бога нашего, умоли Сына своего и Бога нашего, чтобы не разлучиться мне с женой своей и не вступить в третий брак». И потом вспомнил блаженного Кирилла Белого, говоря: «Святой Божий человек, помоги мне в скорби сей».

И скорый в помощи скоро явился жене его Марии. Она говорила, что пришел в то помещение, в котором она лежала, некий старец высокий и благообразный, с небольшой белой бородой, и подошел к одру ее, и перекрестил ей живот, говоря: «Мария, имей веру блаженному Кириллу Белому и выздоровеешь от болезни этой». И невидим стал. И в тот же миг разрешилась она от бремени, и выздоровела, и стала рассказывать всем находившимся рядом, как ей явился преподобный Кирилл и прощение даровал ей. И услышав о таком чуде, муж ее и все там стоящие прославили Бога, и Пречистую его Матерь, Пресвятую Богородицу, и угодника Божия Кирилла.

Чудо 18 преподобного отца нашего Кирилла Белого, о заблудившемся в лесу

И этого не умолчим о новоявленном чуде. Некий человек по имени Симеон из Кемской страны жил во обители блаженного Кирилла, и этому Симеону случилось пойти в лес за плодами, ягодами и грибами — земными плодами на нужды братии. И вдруг глаза его затуманились, и никак не мог узнать пути, по которому пришел, и много дней ходил по лесам, и не знал, как выйти, и в какую сторону пойти, и по каким местам ходит; и ничего не достиг. Сильно утомившись от голода и труда, сел он под деревом и долгое время плакал горько, не думая уже о житейских <заботах> мира сего, но только смерть свою ожидая.

Вдруг он очнулся и стал молиться Всемилостивому Спасу и Пречистой его Матери, Пресвятой Богородице, и преподобному Кириллу Белому, чтобы избавили его от блуждания по лесу и от злой смерти. И тотчас явился ему некий старец благолепный и сказал: «Вставай, чадо, иди вслед за мной». Он тут же встал и пошел вслед за блаженным старцем, который скоро довел его до берега озера, где до сих пор стоит крест. «И показал мне остров тот, на котором монастырь преподобного Кирилла, и показал церкви, и кресты, и все монастырские постройки, и сказал мне: „Иди, чадо, с миром ко гробу блаженного, чтобы не было тебе хуже”. Тогда и невидим стал».

Тот же человек пришел на остров, и сразу пошел ко гробу блаженного Кирилла, и долго молился со слезами. И тогда братия стала вопрошать о причинах плача его, он же начал всем рассказывать о случившемся, как он зашел в лес и много дней ходил, и не знал, как выйти или в какую сторону пойти. «И много было скорби в сердце моем, и помолился Господу Богу, и Пречистой его Богоматери, и угоднику их блаженному Кириллу. И тотчас явился преподобный в образе старца, и довел меня до берега озера того, и показал мне монастырь, сам же стал невидим».

Братия же, услышав о таком чуде, прославила Бога и Пречистую его Мать, Пресвятую Богородицу, и угодника Божия Кирилла, преславного в чудесах.

Чудо 19 святого Кирилла Белого, о Димитрии

В том же году 9 ноября некий человек по имени Димитрий из града Ростова пришел в монастырь к блаженному Кириллу. И напала на него болезнь тяжкая, ослабли все части тела его, и не мог он нисколько пошевелиться, и грудь его затекла, и мало стало ему воздуха, и не мог дышать. И причастившись Божественных Тайн, больной пришел в чувство, и вспомнил преподобного Кирилла, и случилось великое чудо — тот, кто прежде не мог пошевелиться немного, в тот же час встал на ноги свои, и скоро пошел ко гробу блаженного Кирилла, и припал, и кричал громким голосом, плача горько, исцелителем его своим называя и скорым помощником. И тотчас собралась вся братия той обители, и увидели случившееся чудо, и удивились, и прославили Бога и Пречистую его Мать и угодника его Кирилла.

ЖИТИЕ КАССИАНА БОСОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Ольшевской

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие Кассиана Босого — памятник русской агиографии, посвященный одному из авторитетнейших представителей иосифлянской школы монашества — Кассиану Босому, ученику Пафнутия Боровского и сподвижнику Иосифа Волоцкого, учителю Ивана III и крестному отцу Ивана IV Грозного. Кассиан прославился своими аскетическими подвигами, получив прозвание «Босой» за то, что и зимой ходил без обуви.

Ряд исследователей считает автором Жития Кассиана Босого его ученика — монаха Фотия Волоцкого (Филарет Гумилевский, А. А. Зимин). Однако уже В. О. Ключевский обратил внимание на то, что стиль этого произведения близок к стилю Жития Фотия, созданного Вассианом Кошкой. Р. П. Дмитриева указала на другие черты близости этих памятников: внимание агиографа к конкретным биографическим сведениям о героях, к бытописанию и историографии Иосифо-

Волоколамского монастыря, а также создание ореола святости вокруг личности основателя обители Успения Богородицы. Кроме этого, в обоих житиях подчеркивается знатное происхождение героев и их близость к представителям светской власти. В монашеской жизни Кассиан и Фотий выбирают путь суровой аскезы. С документальной точностью и обстоятельностью излагает агиограф их «келейные правила», указывая на количество обязательных поклонов и молитв, характер поста, время работы над перепиской книг и т. п. Чудеса Фотия и Кассиана связаны с культом Богородицы, существовавшим в Иосифо-Волоколамском монастыре. Герои агиографических сочинений изображены в среде единомышленников, духовных наставников и последователей. Необычен жанрово-композиционный строй житий: это своды биографических материалов о Фотии и Кассиане. Для обоих произведений характерны дробность структуры и фрагментарность агиографического повествования. Отдельные жанрово-композиционные звенья житий совпадают — они строятся из летописной заметки о кончине старца, его краткого жизнеописания и воспоминаний учеников о последних днях и чудесах учителя. Однако последовательность этих фрагментов в произведении может быть разной. В Житии Кассиана Босого летописная заметка о смерти монаха завершает повествование, в то время как в Житии Фотия Волоцкого она служит вступлением к биографическому рассказу о герое.

В Житии Кассиана Босого в отличие от Жития Фотия Волоцкого агиограф избегает пространных лирических пассажей, его рассказ сдержан и лаконичен. Автор, выступая в роли собирателя сведений о знаменитом монахе, включает в произведение Послание Нифонта Кормилицына к Василию III о смерти Кассиана, рассказы о виденном им самим или слышанном от других. Сообщение агиографа, что во время пожара в монастыре он был келарем, дает основание лишний раз поставить под сомнение авторство Фотия, который был монастырским уставщиком и не желал занимать более высокие посты, в то время как Вассиан Кошка известен и как игумен тверского Вотмицкого монастыря. Скорее всего, именно Вассиану Кошке принадлежит создание в 50—60-х гг. XVI в. житийного свода о Кассиане Босом, что служило логическим продолжением его редакторской работы над Волоколамским патериком (см. наст. изд., т. 9, с. 20—69).

Житие Кассиана Босого было издано Питиримом Волоколамским как своеобразное приложение к патерику Иосифо-Волоколамского монастыря (Богословские труды. Т. 10. М., 1973. С. 177—222). См. также научное издание текста: Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 213—222, 445—453.

В настоящем издании публикация Жития Кассиана Босого осуществляется по списку сборника Вассиана Кошки из Синодального собрания *ГИМ* (№ 927, л. 104—112 об.) с учетом разночтений списка Жития, входящего в состав другого сборника Вассиана Кошки *(РГБ,* Музейное собр., № 2157, л. 16 об.—24 об.).

ОРИГИНАЛ

ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ВЪКРАТЦЕ СТАРЦА КАСИАНА, РЕКОМАГО БОСОГО, ИЖЕ БЫСТЬ ВО ИОСИФОВЕ МОНАСТЫРѢ,[1] О НЕМЖЕ СЛЫШАХ ПРЕЖЕ МЕНЕ БЫВШИХ, ИНОЕ ЖЕ СВОИМА ОЧИМА ВИДЪХЪ

Сей убо честный старец родомъ града Переславля, от родителей православных, Козма бѣ имя ему. И егда дошедъ съвершена возраста, и бысть силою крѣпок и мужественъ, и съводворяяся с жывущими въ царской полате. И его ради мужества, и крѣпости, и силы позна его и самодержець, князь велики Иванъ Васильевич всея Русии,[2] иже и научи его, самодержьца, праволучно стрѣлы пущати по знамени, и сего ради бысть от дрьжавнаго в чести и въ брежении.

И сей Козма нѣкогда разсуди суету мира сего, и честь, и славы его, и позна, яко преходна суть, и в небытие преходить, и, яко дым, въскорѣ по воздуху изчезает, и прииде в монастырь къ преподобному игумену Пафнутию, иже в Боровьскѣ.[3] Преподобный же, видя его, яко от усердьства от мира сего отбѣгша, постриже его во иноческый образ и нарече имя ему Касианъ; и бысть у старца в послушании. Преподобный же зело любя его за его смирение, и послушание, и за великиа труды его.

Старцу же Иосифу в та времена уставъ держащу, и видя его старець Касиянъ живуща житиемъ крѣпкым, пребывая вь постѣ и въ молитвах, паче же въ велицем послушании преподобнаго игумена Пахнутиа, и прилепися к нему духовною любовью о Христѣ. Старец же Иосиф нача помышляти, дабы опщее житие устроити, еже бы в кѣлиах здравым и могущимъ не ясти, ни паки пити или что снѣдноимѣти, но все бы трапезою и равностию довлѣтися; такожe и одежа, и обуща — все бы имѣти обще, своего же никако не имѣти, но украшатися безоимѣниемъ и равностию, — якоже бысть и въ апостолѣхъ, иже во мнозѣхъ телѣсѣхъ яко едина душа, иже есть имѣние всѣмь равно и телесное требование обще всѣмъ, — еже не услажатися мира сего красотами, но имѣти в памяти, еже о души попечение и како изьбыти мукы вѣчныя.[4] Сказа же сей помыслъ и Касиану-старцу, и отвеща Касиян: «Богъ и Пречистая Богородица твой помыслъ дѣлом соврьшитъ, а яз с тобою же».

И егда же преподобный игуменъ Пафнутие отъиде к Господу, и понудиша на игуменъство старца Иосифа;[5] и паки Иосиф не преста помышляя, дабы совершити свой помыслъ; и бысть их о сем в совѣте седмь.[6] И начяша его совѣтникы понужати Иосифа, дабы прешел русскыя обители[7] и лучша изобралъ ко спасению душам, а собя бы нигдѣ знаема не учинил. Игуменъ же Иосифъ послуша их совѣта, и взя с собою единого от совѣтник своих — старца Герасима, пореклу Черного,[8] и проиде вся большая обители; и не познаша его ни во единомъ монастырѣ. Егда же прииде на Бѣло езѣро во обитель святого великаго чюдотворца Кирила,[9] и полюби предание и закон, еже предаде преподобный, узаконоположи, и како братия пребывают по заповѣди и преданию святаго чюдотворца Кирила, и великою радостию духовною возрадовася, яко обрѣте, яже помышляше.

И егда прииде на мѣсто, идѣже нынѣ Пречистыя обитель, и бысть знамение:[10] освѣти молниа, паче солнечнаго свѣта, солнцу же сияющу, а воздуху свѣтлу сущу; бысть же сиа яко от полудьни. И полюби игуменъ Иосифъ мѣсто, и начя тружатися с немногою братиею, и пребывая въ великих трудѣхъ, в постѣ и в молитвах.

Сей же старець Касиянъ, о немже нам слово, прииде на другой год ко Иосифу, и видя старца игумена Иосифа и с нимъ братию в великих трудѣхъ стражуща, и поревнова имъ духовною ревностию, и нача с ними тружатися. И возложи на собя пансыр,[11] под свитку на наго тѣло, и пекий хлѣбы на братию. Правило же его бысть в кѣлье — 6000 молитов Исусовых[12] и тысяща поклонов. И егда же разсыпася пансыр, он же возложи на собя вериги тяшки зѣло,[13] — и тако тружаяся и постяся.

И прииде ему помыслъ, дабы четыредесят дней не ясти, ни пити, ни паки возлещи на ребрех. И сиа ему наченшу, и пребысть тако дьни 12, и изнеможе. И увѣдевшу же сиа игумену Иосифу, и, пришед, запрети ему не тако чрез силу тружатися. Он же пакы чрез день вкушая хлѣбъ и воду, овогда же и чрез два дьни, и дотолика тако тружаяся, еже от очию ему и свѣт омрачися. И в та времена бысть у него ученик — старець Иона Голова, пореклу Пушечниковъ,[14] и той вожаше его к пѣнию. И тако пребысть 30 дьней не видя, водим учеником. Видя же сия Иосифъ-игуменъ и позна, яко от великихъ трудовъ ему и поста сиа бысть, и паки запрѣти великимъ запрещениемъ. Он же послуша Иосифа, и мало от поста ослаби, и отздраве очима.[15]

И паки посем не во мнозѣ времени впаде в немощь, и отняшся у него ногы, яко не мощи ему ни ступити, и тако, ползая, исполняше свою телесную нужу. И во единъ от то дьни лежащу ему и молящуся Пречистой Богородици, и начаша звонити Литоргию, он же, лежа, възрѣвъ на образ Пречистыя Богородица, держащаго на руку Създателя всего мира, Превѣчнаго Младенца, и, прослезися, нача глаголати: «О Пречистыя Госпоже Владычице, Мати Божиа, аще мидаси на ногах своих ходити, донели живъ буду, никакоже обую сапогъ на ногу мою, ни пакы шубу на грѣшное тѣло мое и до кончины живота моего». И абие в той чяс воста, и, яко лежа, тако и потече скоро въ божественую церковь, и многы слезы точя, благодаря Пречестную Богоматере. И тако нача ходити, и до кончины живота своего не измени обѣта своего, еже обѣщася Пречистой Богородици: якоже лѣте, тако и зимѣ бысть, и во единой ризѣ хождаше. Нѣкогда же зима бысть многомразна, яко и птицам зябнути, он же никакоже на собя что прибави, но тако терпя, глаголаше собѣ: «Терпи, грѣшный Касиане, терпи! Горек мраз, но сладок рай, и аще не нынѣ умремъ, умрем же всяко». И тако терпя до отпущениа божественаго пѣниа, еще бо в та времена теплыа церкви не бѣ.

И егда же въ старости постиже его и немощь, — бѣ бо ему от роду 90 лѣт, — и видя его братиа уже тѣлом изнемогша, сняша с него вериги, и не хотяща ему, и сковаша в них чепи ко кресту, иже и донынѣ на церкви над колоколы. И егда же онъ устрабися от болѣзни; повелѣ паки иныя сковати, но тяшки не потолику, и паки возложи на ся, — и тако пребысть в нихъ, тружаяся, и до кончины живота своего.

О кресщении царя, великого князя Ивана Васильевичя всея Русии[16]

И бысть егда родися дрьжавному великому князю Василию Ивановичю всея Руси сынъ[17] — царь и великий князь Иванъ Василиевич всея Русии; дрьжавный же государь всея Руси, князь великий Василье, возрадовася великою радостию, зело бо о семъ много лѣт моляся, и постяся, и по монастырем великиа милостыня посылая.[18] Богъ же услыша молитвы его. И егда получи желаемое, посылает старца Тихона Зворыкина[19] во Иосифовъ монастырь с великим смирениемъ къ старцу Касияну, дабы принял от святыя купѣли сына его, великого князя Ивана. Сиа же старцу Касияну слышавшу от старца Тихона, яко родися великому князю сынъ, бяше убо уже старец въ велицей немощи и въ старости; и скоро воста от постеля своея, и ставъ предо образом Божиим, и воздаде благодарение и славу Богу, и возрадовася духовною радостию, яко государь желаемое получи, и земля Руская не опустѣ, и род православных царей рускыхъ не оскудѣ. И паки возлеже, и нача радоватися, и глаголаше: «Еще Богъ Рускиа земля не забылъ».

Тиханъ же сказа ему приказ дрьжавнаго, яко: «Велѣлъ тобѣ принять от святыя купѣли сына своего, великаго князя Ивана». Он же усумнѣся и рече: «Кто есмь аз и откуду, яко деръзнути ми на толикое дѣло великое, не мощно ми и помыслити, кто есмь аз, грѣшный?» Видя же его старець Тихонъ ни мало уклонна, возвѣщаеть игумену Нифонту[20] и всѣмъ преимущим старцем, сказа же имъ и прещение дрьжавнаго. И слышав сиа игумен и старцы таков приказ от боголюбиваго государя и милостиваго царя, и с великим трепетом потекоша, и начаша молити старца Касияна, еже не ослушатися боголюбиваго государя. Он же послуша их и рече: «Буди Божиа воля!»

И егда приеде старець Касианъ во град Москву, и увѣдѣ государь его приѣздъ, и того часа скоро самъ дрьжавный государь всея Русии приѣде на подворие монастырьское. И егда узрѣ старца Касьана, и снемь царскый венець со главы своея и поклонися, глаголя: «Честный старче Касияне, кланяюся тобѣ на твоих великих трудех, еже в толицей старости и немощи не ослушася нашего слова и бысть ми сопричастникъ радости моей. И нынѣ тобѣ челом бию: приими от святыя купѣли во святѣмь кресщении на руки своя Богомъ дарованнаго ми сына Ивана вашихъ ради молитовъ». Старець же Касиянъ слыша сиа и рече: «Буди, царю дрьжавный, Божия воля и твоя, государя всея Русии». И посла его князь велики с великою честию и брежениемь с сыном своим, великим княземъ Иваном, в честную святую обитель Живоначалныя Троица великаго чюдотворца Сергия.[21] Игуменъ же бысть тогда во святѣй той обители старець Иасаф, еже и бысть митрополит послѣ.[22]

Егда же крестиша царя, великого князя Ивана Василиевичя всея Русии, и *приястa* его от святыя купѣли *архимандрит Данила Переславьский и* старец Касиян,[23] и *даста* на руки отцу его, великому князю Василью Ивановичу, всея Русии самодерзцу; боголюбивый же великий князь прииим сына своего у старца Касияна с великою радостию, что желаемое у Бога получил. И егда же приѣхаша во град Москву, что же боголюбивый и милостивый отець его, князь великий Василие Иванович

всея Русии, от великиа радости на многых побѣдных милость показа: овѣх от казни смертныя свободи, а инѣхъ ис темницы пусти; и во вся монастыри посла милостыню. И во всем граде Москвѣ бысть благоденьство и радость неизреченная; и не токмо же сиа бысть на Москвѣ, но и во всей Русской земли. *Архимандрита же и* старца *же* Касияна великому чрежению и чести сподоби, и великими дарованми одари, и отпущаеть *ихъ* во своя.

И послѣ того поживе старець Касиянъ полтретя года, и отоиде с миромъ к Господу. Бысть же всѣхъ лѣт от рожениа его 90 и 3. Богу нашему слава нынѣ и в бесконечныя вѣки вѣком. Аминь.

И бысть нѣкогда загорѣся кровля, иже на трапѣзѣ древяный верхъ

И егда зѣло разгорѣся, и воста великий вѣтръ и начя пламень клонити на кѣлиа, иже близ трапезы стоят. И бысть толикъ жаръ, яко вмалѣ не заняшася кѣлии пламенем. Мнѣ же в та времена лучися быти в келарехъ,[24] и зрящу ми толику бѣду, и не домышляхся, како пособити. И текох скоро к старцу Касияну, и падох пред нимъ, и начяхъ молити его со слезами, дабы помолился Господу Богу и Пречистой его Богоматери. А ему стоящу у дверей в кельи своей, и обратився ко образу Пречистыя Богородица, держащаго на руку своею Прѣвѣчнаго Младенца, иже стоит в кѣлии его, и рече: «Пречистая, Пречистая! Возлюбила еси мѣсто сие, попусти же наказание с милостию». И сотвори «Достойно», и прослезися, и, обратився ко мнѣ, рече: «Не бойся, не оскорбит нас Пречистая выше нашия мѣры». И абие в той час обратися пламень на другую страну, и паки начя пламянь вихромъ витися вверхъ, инаго ничего не повреди, и тако паки и пагасе от собѣ.

О преставлении старца Касияна Босово

Благородному и христолюбивому государю, великому князю Василию Ивановичю, всея Русии самодержцу, Пречистыя обители Иосифова монастыря грѣшный чернець, игумен Нифонтъ со священники и зъ братиею челом биет. Прислал еси, государь, ко мнѣ, к своему нищему, велелъ отписать, коим обычаем старца Касияна не стало. И дал Богъ, государь, по житие его и конец хрестияньской. День за десять и болши до преставлении его мало понемог, а в суботу мясопустную[25] по меня прислал: велѣл себѣ покаяния проговорити; а сам старец Касиян за мною говорил слово в слово и прочее извещение в совершенне разуме; и все правило ему отправили причастьное. И егда прииде священник и зъ Божественым таинством, и Касианъ срѣтил святая в сѣнех и Божественых Таин причастился со страхом и радостию. И потом с пятка на суботу сырные нѣдели[26] паки причастися Божественых Тайнъ, и после того устрабися; и нѣции от братии начаша к нему приходити, желающе получити от него благословения и прощения; и он с ними бесѣдоваше кротко, обрадованным образомъ когождо нас от скорбий утѣшая. И во время вечерняго собрания в нѣделю повелѣ у собя говорити вечерню, и потом повелѣ начати правило на исход души. И на втором кануне третей пѣсни и духъ Богу предаде. И язъ тебѣ, государю, священники и з братиею — всѣ соборнѣ челом бием, и должне Бога молити о твоем здравии и о спасении,и о твоей благовѣрной великой

княгине Еленѣ,[27] и о вашем сыне и нашемъ государе, благовѣрном князе Иване Васильевиче.

В лѣто 7040 (1532), мѣсяца февраля 11, на паметь святого священномученика Власья,[28] в нѣделю сыропусную, в десятый час дьни[29] преставися старець Касьянъ Босой, восъприемник от святыя купели въ святѣмъ крещении царя, государя, великого князя Ивана Васильевича, всея Русии самодержца.

---

[1] *...иже быстъ во Иосифове монастырь...* — Иосиф Волоцкий (1439/1440—1515) — крупный церковный деятель и писатель, ученик Пафнутия Боровского, основатель волоколамского монастыря Успения Богородицы (1479), позднее получившего его имя. Иосиф Волоцкий был сторонником сильной великокняжеской власти, защитником монастырского землевладения и строгого общежительного устава, идеологом «воинствующей Церкви» в борьбе с еретическими движениями конца XV — начала XVI в. Местное почитание Иосифа Волоцкого как святого началось с 1579 г., повсеместное празднование было установлено собором 1591 г. Основанный им монастырь был центром иосифлянской школы монашества, книгописной культуры XV—XVI вв. Здесь в заточении находились Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Постриженниками монастыря были крупнейшие церковные иерархи, писатели и книжники XVI столетия (митрополит Даниил, казанский архиепископ Гурий Руготин, Досифей Топорков, Нифонт Кормилицын, Евфимий Турков и др.). О волоколамском Успенском монастыре и его основателе см.: Волоколамский патерик Досифея Топоркова (наст. изд., т. 9, с. 487—501).

[2] *...князь велики Иванъ Васильевич всея Русии...* — Иван III (1440—1505), великий князь Московский (с 1462), сын Василия II. Проводил политику централизации Руси, присоединил Ярославль (1463), Новгород (1478), Тверь (1482) и др. Был организатором «великого стояния на Угре» (1480), в результате которого было свергнуто монголо-татарское иго на Руси (см. наст. изд., т. 7, с. 380—385). Во время правления Ивана III, принявшего титул великого князя «всея Руси», велось активное строительство в Москве, новом политическом и культурном центре страны, был составлен Судебник 1497 г., вырос авторитет Московского государства в делах международной политики.

[3] *...и прииде в монастырь къ преподобному игумену Пафнутию, иже в Боровьскѣ.* — Пафнутий Боровский (1394—1477) — игумен основанного им в 1444 г. недалеко от Боровска монастыря Рождества Богородицы, который стал одним из авторитетных русских монастырей XV—XVI вв. Монастырю покровительствовал великий князь Иван III; постриженниками Пафнутия были Иосиф Волоцкий и его брат Вассиан, позднее ставший архиепископом Ростовским. Пафнутий Боровский был канонизирован как общерусский святой на церковном соборе 1547 г. Рассказ о последних днях жизни Пафнутия (см. наст. изд., т. 7, с. 254—

285) и канон ему принадлежат воровскому монаху Иннокентию (кон. 70-х гг. XV в.), Житие святого написано Вассианом Саниным (до 1515 г.), «Повести отца Пафнутия» входят в состав Волоколамского патерика Досифея Топоркова (см. наст. изд., т. 9, с. 48—57).

[4] *...еже не услажатися мира сего красотами... изъбыти муки вѣчныя.* — Ср.: Мф. 18, 7—8; 25, 46.

[5] *...и понудиша на игуменъство старца Иосифа...* — В агиографических произведениях об Иосифе Волоцком сообщается, что он стал игуменом боровского Рождественского монастыря по завещанию Пафнутия, умершего 1 мая 1477 г., и решению великого князя Ивана III, однако в Записке Иннокентия о последних днях жизни Пафнутия Боровского не упоминается о выборе им преемника.

[6] *...и бысть их о семь совѣте седмь.* — Иосиф Волоцкий, став игуменом Пафнутьево-Боровского монастыря, попытался ввести в нем строгий общежительный устав, но встретил сопротивление со стороны монастырской братии. Его план поддержало только семь человек, в том числе братья Иосифа — Вассиан и Акакий Санины, Герасим Черный и Кассиан Босой.

[7] *И начяша его совѣтникы понужати Иосифа, дабы прешел русскыя обители...* — По мнению Я. С. Лурье, уход Иосифа из Пафнутьево-Боровского монастыря объяснялся столкновениями нового игумена с Иваном III (на эту причину указывал сам Иосиф), в то время как авторы житий святого связывали уход лишь с наличием сильной внутримонастырской оппозиции. С конца 70-х гг. XV в. до начала XVI столетия отношения между Иваном III и Иосифом Волоцким были конфликтными. Во время присоединения Новгорода Иван III провел секуляризацию части церковных и монастырских земель, великий князь покровительствовал еретикам — противникам монашества, поэтому Иосиф совершил переход из Пафнутьево-Боровского монастыря, находившегося под юрисдикцией Ивана III, в земли удельного князя Бориса Волоцкого, где основал свой монастырь Успения Богородицы (1479). См. подробнее: Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 41—47.

[8] *...и взя с собою единого от совѣтник своих — старца Герасима, пореклу Черного...* — Герасим Черный — монах Пафнутьево-Боровского монастыря, один из ближайших сподвижников Иосифа Волоцкого. Он поддержал Иосифа, хотевшего ввести в Боровском монастыре строгий общежительный устав, сопровождал его в путешествии по русским монастырям (1478—1479), вместе с Иосифом участвовал в основании волоколамского Успенского монастыря. По свидетельству Жития Иосифа Волоцкого в редакции Льва Филолога, Герасим Черный какое-то время «внѣ обители отшельническыи живяше» и «толико постящася, яко и внутренняя исхожаше ему и повредити зѣло утробу». Герасим Черный был профессиональным книгописцем; современники говорили о его рукописях как книгах «мастерского письма», как о «богатстве» монастырском. По определению Евфимия Туркова, Герасим Черный,

подобно Иосифу Волоцкому, Кассиану Босому и Ионе Голове, является «начальником» и «учителем» русского монашества.

[9] *...прииде на Бѣло езѣро во обитель святого великаго чюдотворца Кирила...* — Монастырь был основан Кириллом Белозерским в 1397 г. на берегу Сиверского озера. В конце XV—XVI в. был одним из центров религиозно-политического течения «нестяжателей». По данным Жития Иосифа Волоцкого редакции Саввы Крутицкого, в конце 70-х гг. XV в. только в нем сохранялся строгий общежительный устав: монастырь был «не словомъ общий, но дѣлы». В Житии Иосифа Волоцкого редакции Льва Филолога сообщается, что игумен, скрывая свой высокий сан, жил в Кирилло-Белозерском монастыре больше года, работая в «хлѣбнѣ», но после разоблачения был вынужден уйти из монастыря, избегая славы. Странствуя по другим русским монастырям, Иосиф убедился, что «единъ же Кириловъ монастырь общества уставы съблюдати невређены». Традиции монашеского общежития в Кирилло-Белозерском монастыре, восходящие к греческому Студийскому уставу, принятому в Киево-Печерской лавре, были развиты Иосифом Волоцким в краткой редакции Устава, действовавшего в основанном им монастыре в конце XV в. Этот Устав предполагал личное «нестяжание» монахов, строгую дисциплину, обязательность «рукоделия».

[10] *...и бысть знамение...* — В Надгробном слове Иосифу Волоцкому Досифея Топоркова рассказывается о поиске места для основания монастыря и о знамении «ловцу», который «прииде на брегъ рѣки Струги, и на томъ мѣстѣ молния облиста (бѣ же тогда воздуху чисту сущу)». В Житии Иосифа Волоцкого редакции Саввы Крутицкого сообщается, что на место основания монастыря указали «вихорь страшенъ», «лѣсъ ломяще», «молъниа паче солнечныхъ лучь». Видимо, эти произведения входили в круг источников для составителя Жития Кассиана Босого.

[11] *И возложи на собя пансыр...* — Панцирь — сходный по форме с кольчугой доспех из мелких металлических колец, а также общее название защитных доспехов, одежды из металла.

[12] *Правило же его бысть в кѣлье — 6000 молитов Исусовых...* — Иисусова молитва — молитва Иисусу Христу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуя мя, грешного».

[13] *...возложи на собя вериги тяшки зѣло...* — Вериги — железные цепи, оковы, которые носили на теле с целью истязания плоти.

[14] *...бысть у него ученик — старець Иона Голова, пореклу Пушечниковъ...* — Иона Голова Пушечников, видимо, происходил из боярского рода Головиных; он состоял на службе у волоцкого князя Бориса, был воспитателем его сыновей Федора и Ивана. По преданию, отраженному в Житии Иосифа Волоцкого редакции Льва Филолога, постригся в монахи, спасаясь от гнева волоцкого князя Федора Борисовича, который, «в лютости» преследуя кого-то, споткнулся, прищемил язык и сделался «заикой». В Иосифо-Волоколамском монастыре Иона стал учеником Кассиана Босого, одним из доверенных

лиц Иосифа Санина. В 1507 г. игумен посылал Кассиана и Иону бить челом великому князю Василию III о защите монастыря «от удельного насильства». В 1510 г. эти же старцы были посланы Иосифом для примирения Василия III с дмитровским князем Юрием Ивановичем, который, по слухам, решил «отложиться» от Москвы. Иона Голова входил в число соборных старцев волоцкого Успенского монастыря, его Иосиф рекомендовал московскому государю как одного из своих возможных преемников на игуменском посту. Ионе Голове волоцкие монахи жаловались на нового игумена Даниила, проводившего уравнительную политику и запрещавшего инокам владеть иконами и книгами, признавая, что он для них авторитетнее Даниила, что они чтут Иону как «отца своего Иосифа». В Житии Иосифа Волоцкого редакции Льва Филолога сообщается, что Иона прославился даром слезотворения, «яко никогдаже ему ланиты своя сухы имѣти»; испеченный им хлеб помогал воинам сохранить жизнь в бою, больным — исцелиться от водянки и лихорадки.

[15] *...и мало от поста ослаби, и отэдраве очима.* — Аналогичные сведения содержит агиографическая миниатюра о Кассиане Босом, входящая в состав Жития Иосифа Волоцкого редакции Льва Филолога: «...очи ему от зѣлнаго поста отемнѣста, емуже Иосифъ не хотяща пища приимати повелѣ, и тако пакы очи ему просвѣтистася» (см.: Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным / Изд. К. Невоструевым. М., 1865. С. 45).

[16] *О кресщении царя, великого князя Ивана Васильевичя всея Русии.* — Крещение будущего великого князя Ивана IV Грозного (1530— 1584), с 1547 г. царя всея Руси, происходило 4 сентября 1530 г. в Троице-Сергиевом монастыре. Великий князь Василий III выбрал в качестве крестных отцов иосифлян Кассиана Босого, Даниила Переяславского и троицких старцев Иоасафа Скрипицына и Иону Курцева. Выбор князя объяснялся его желанием обеспечить сыну поддержку наиболее влиятельных русских монастырей. Кассиан Босой был выбран в восприемники от купели сына великого князя, возможно, по причине своей близости к двору Ивана III, которого он, еще живя в миру, учил стрелять. О частых визитах Ивана IV в монастырь и о богатой милостыне монахам свидетельствуют данные летописей, приходно-расходных книг Иосифо-Волоцкого монастыря, а также Обиходник Евфимия Туркова, где описан распорядок пребывания царя в монастыре. В 1563/1564 г. Иван Грозный установил «ежегодный корм» по своем крестном отце, старце Иосифова монастыря Кассиане Босом: в память о старце из московской казны выделялось монастырю по 7 рублей в год. В целом же пожертвования московских государей в Иосифо-Волоколамский монастырь, по подсчетам Евфимия Туркова, составляли около трети всех денежных вкладов.

[17] *...егда родися дрьжавному великому князю Василию Ивановичю всея Руси сынъ...* — Василий III (1479—1533), великий князь Московский (с 1505 г.), сын Ивана III. Завершил процесс объединения русских земель вокруг Москвы присоединением Пскова (1510), Смоленска (1514), Рязани (1521). Вместе со своей матерью, великой княгиней Софьей, был близок к иосифлянам. По завещанию Василия III

Иосифо-Волоколамский монастырь получил два села (Турово и Хотьково) с деревнями, в то время как другие московские государи ограничивались только денежными вкладами, сдерживая рост монастырского землевладения. Иосифляне дали благословение на развод князя с Соломонией Сабуровой и брак с Еленой Глинской, крестили сына Ивана, руководили церемонией похорон Василия III.

[18] *...зело бо о семь много лѣт моляся... и по монастырем великиа милостыня посылая.* — Брак Василия III с Соломонией Сабуровой был бездетен. После развода с ней великого князя (1525) Соломонию постригли в Рождественском монастыре. В 1526 г. Василий III женился на Елене Васильевне Глинской, однако и у нее детей не было около четырех лет. Иван Васильевич Грозный родился от этого брака 25 августа 1530 г.

[19] *...посылает старца Тихона Зворыкина...* — Монах Иосифо-Волоколамского монастыря Тихон происходил из боярского рода Зворыкиных, в 1509 г. был монастырским казначеем, входил в число соборных старцев, помогавших игумену управлять монастырем. О Тихоне Зворыкине упоминал Иосиф Волоцкий в своем послании к Василию Андреевичу Челяднину. Из этого источника известно, что Тихон Зворыкин подолгу жил в Москве и был вхож в митрополичьи покои. В августе 1530 г. он ездил из Москвы в Иосифо-Волоколамский монастырь с посланиями Василия III к игумену Нифонту Кормилицыну и соборному старцу Тихону Ленкову, где государь просил отпустить к великокняжескому двору старца Кассиана Босого, которого он выбрал в крестные отцы для сына Ивана.

[20] *...возвѣщаеть игумену Нифонту...* — Речь идет о Нифонте Кормилицыне, постриженике и игумене Иосифо-Волоколамского монастыря (1522—1543), известном писателе и книгописце. Во время его игуменства в монастыре находились в заточении Максим Грек и Вассиан Патрикеев. В 1533 г. Нифонт сопровождал в Москву смертельно больного Василия III и постригал его в схиму. В 1543—1554 гг. Нифонт был архимандритом Ново-Спасского монастыря; в 1550 г. принимал участие в Казанском походе; в 1554 г. был поставлен епископом Крутицким и Сарским. Последние годы жизни провел в Иосифо-Волоколамском монастыре, скончался в 1561 г. Нифонт Кормилицын был автором послания Василию III «О преставлении старца Кассиана Босого», входящего в состав жития святого.

[21] *...в честную святую обитель Живоначалныя Троица великого чюдотворца Сергия.* — Троице-Сергиев монастырь был основан Сергием Радонежским и его братом Стефаном в 1330—1340 гг.; с конца XIV в. был одним из самых авторитетных монастырей в духовной жизни страны; в 1561 г. настоятели монастыря получили сан архимандритов и право первенства среди игуменов русских монастырей.

[22] *...старець Иасаф, еже и бысть митрополит послѣ.* — Речь идет об Иоасафе Скрипицыне, монахе, а с 1529 г. игумене Троице-Сергиева монастыря. Он пользовался особым расположением великого князя Василия III, крестил его сыновей (в 1530 г. — Ивана, в 1532 г. — Юрия),

присутствовал при кончине князя и постригал его в схиму (1533). После кончины Елены Глинской в борьбе за власть между князьями Вельскими и Шуйскими примкнул к первой партии. В 1539 г. был избран митрополитом Московским. Церковно-политическая деятельность Иоасафа Скрипицына была направлена против иосифлян, митрополит окружил себя нестяжателями. Не раз «печаловался» Ивану IV за опальных Вельских, что вызвало гнев сторонников Шуйских, которые «мало не убиша» митрополита. В 1542 г., после избрания митрополитом новгородского архиепископа Макария, Иоасаф был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, откуда в 1547 г. переведен в Троице-Сергиев, где умер и похоронен (1555/1556). Иван IV Грозный благосклонно относился к своему крестному отцу, считая его жертвой боярских заговоров, однако в своем послании в Кирилло-Белозерский монастырь дал негативную оценку поведения опального владыки: «Иоасаф-митрополит у Троицы с крылошаны пировал» (см. наст. изд., т. 11, с. 144—150).

[23] *...архимандрит Данила Переславьский и старец Касиян...* — Этот фрагмент текста восстановлен по Музейному списку (л. 23 об.), так как Синодальный список Жития Кассиана Босого имеет следы сознательной правки: имя Даниила отсутствует, хотя ниже упоминается какой-то архимандрит, которого великий князь Василий III, как и Кассиана, «великой чести сподобил» и «одарил», причем словосочетание «архимандрита же и» подчищено, но исправления на новое чтение нет; ниже местоимение «ихъ» исправлено на «его». Даниил (в миру Дмитрий Константинов) родился в Переяславле-Залесском около 1459 г., был послушником в Никитском монастыре, в 1482 г. постригся в монахи в Пафнутьево-Боровском. В 90-е гг. XV в. жил в пустыни на реке Рузе, в Никитском монастыре, а затем в переяславском Горицком, архимандритом которого стал в 1521 г. В 1525 г. по повелению великого князя Василия III принял игуменство в основанном им самим переяславском Троицком монастыре, где ввел строгий общежительный устав, выстроил две каменные церкви. В 1539 г. из-за старости и болезни Даниил оставил игуменство и вскоре умер (1540/1541). Даниил был крестным отцом детей великого князя Василия III — Ивана и Юрия. По повелению Ивана IV Грозного и митрополита Макария в 50—60-е гг. XVI в. было написано Житие Даниила Переяславского.

[24] *Мнѣ же в та времена лучися быти в келарехъ...* — Если автором этого текста был Вассиан Кошка, то он занимал должность келаря Иосифо-Волоколамского монастыря после Феодосия (1526—1527) до Саввы Слепушкина (1533).

[25] *...в суботу мясопустную...* — мясопустная суббота — суббота на мясопустной неделе (предпоследняя неделя перед Великим постом), в которую поминают усопших, родительская суббота.

[26] *...с пятка на суботу сырные нѣдели...* — Сырная неделя, или сыропустная седмица, — последняя неделя перед Великим постом, в течение которой было запрещено есть мясо, но позволено употребление сыра и масла.

[27] *...и о твоей благоверной великой княгине Еленѣ...* — Елена — дочь князя Василия Львовича Глинского, вторая жена великого князя Василия III, великая княгиня с 1526 г. От этого брака у нее было два сына — Иван (1530) и Юрий (1532). В 1533—1538 гг. была регентшей при малолетнем сыне, великом князе Иване IV. В годы ее правления большую роль в государственных делах играли фаворит княгини И. Ф. Овчина-Телепнев-Оболенский и митрополит Даниил.

[28] *...на паметь святого священномученика Власья...* — Власий — епископ Севастийский, подвергся гонениям при императоре Диоклетиане и Лицинии, укрылся в горах Аргоса, но был найден, подвергнут мучениям и обезглавлен в 312 г. В России этот святой считался покровителем животных, так как во время отшельнической жизни он исцелял диких зверей.

[29] *...в десятый час дьни...* — В Древней Руси время суток исчислялось с восхода солнца. Десятый час дня 11 февраля — это, по современному времяисчислению, 18 ч. 30 м. вечера.

ПЕРЕВОД

ВКРАТЦЕ О ЖИТИИ И ПОДВИГАХ СТАРЦА КАССИАНА, ПО ПРОЗВАНИЮ БОСОГО, ЧТО БЫЛ В ИОСИФОВЕ МОНАСТЫРЕ, О КОТОРОМ СЛЫШАЛ Я ОТ БЫВШИХ ПРЕЖДЕ МЕНЯ <ИНОКОВ>, А ИНОЕ И СВОИМИ ГЛАЗАМИ ВИДЕЛ

Сей честной старец родился в городе Переяславле у православных родителей, Козьма было его имя. И когда достиг он совершеннолетия, то сделался физически крепок и мужественен и стал бывать у тех, кто жил в царских палатах. И за его смелость, и отвагу, и силу стал известен он и самодержцу, великому князю всея Руси Ивану Васильевичу; Козьма научил его, самодержца, метко стрелять в цель, и за это державный правитель оказывал ему честь и заботился о нем.

Но однажды этот Козьма осознал суету сего мира, и чести его, и славы, и понял, что они преходящи, и в небытие уходят, и, как дым, исчезают скоро в воздухе, и <поэтому> пришел он в монастырь к преподобному игумену Пафнутию, что в Боровске. И преподобный, видя, что он из усердия <пред Богом> бежит от мира, постриг его в монахи и нарек его Кассианом; и был Кассиан у старца в послушании. Преподобный же очень любил его за его смирение, и послушание, и за великие его труды.

А старец Иосиф в то время был уставщиком, и видел старец Кассиан, что он живет строгим житием, пребывая в посте и молитвах, и особенно — в великом послушании у преподобного игумена Пафнутия, и привязался к нему духовной любовью Христовой. И начал помышлять старец Иосиф, дабы общежительную жизнь устроить, чтобы здоровым и сильным в кельях не питаться, а также не пить и не иметь чтолибо съедобное, но всем бы совместной на трапезе и равной для всех пищей удовлетворяться; также и одежду, и обувь — все бы иметь общее, своего

же <ничего> ни коим образом не иметь, но украшаться нестяжанием и равенством, — как было у апостолов, у которых во многих телесах была как бы одна душа, у которых было имущество, одинаковое для всех, и телесные нужды, общие для всех, — чтобы не услаждаться мира сего красотами, но иметь в памяти заботу о душе и думать, как избежать вечной муки. И сказал Иосиф об этом помысле Кассианустарцу, и ответил Кассиан: «Бог и Пречистая Богородица претворят в дело твой замысел, а я с тобою буду».

И когда преподобный игумен Пафнутий отошел к Господу, то убедили принять игуменство старца Иосифа; и снова Иосиф не переставал помышлять о том, чтобы претворить <на деле> свой замысел; и было их, советовавшихся об этом, семь человек. И начали его единомышленники убеждать Иосифа, чтобы обошел он русские монастыри и отобрал все лучшее, что способствует спасению душ, а свое бы имя нигде не открывал. И игумен Иосиф послушался их совета, и взял с собой одного из своих советчиков — старца Герасима, по прозванию Черного, и обошел все крупные обители; и не узнали его ни в одном монастыре. Когда же пришел он на Белое озеро в монастырь святого великого чудотворца Кирилла, то понравились ему обычаи и правила, которые заповедал и узаконил преподобный, и как братия живет по завету и преданию святого чудотворца Кирилла, и возрадовался он великой духовной радостью, ибо обрел он то, о чем помышлял.

И когда пришел он на место, где ныне обитель Пречистой, то было знамение: осветила <то место> молния, ярче солнечного света, в то время как солнце сияло и воздух был светел; и было это около полудня. И полюбил игумен Иосиф то место, и начал трудиться <здесь> с немногою братиею, и пребывал в великих трудах, в посте и в молитвах.

А сей старец Кассиан, о котором наш рассказ, пришел к Иосифу на другой год, и увидел старца игумена Иосифа и бывшую с ним братию, пребывающих в великих страдных трудах, и возревновал им духовной ревностью, и начал с ними трудиться. И возложил на себя Кассиан панцирь, под рубашку на нагое тело, и пек хлеб на братию. А правило его было келейное — 6000 молитв Иисусовых и тысяча поклонов. А когда рассыпался панцирь, то он возложил на себя очень тяжелые вериги, — и так трудился и постился.

И пришла ему мысль, чтобы сорок дней не есть, не пить и, кроме того, не спать лежа. И когда он начал это, то провел так 12 дней, и изнемог. И когда узнал об этом игумен Иосиф, то, прийдя, запретил ему так через силу трудиться. Он же снова через день стал принимать хлеб и воду, а иногда и через два дня, и до тех пор так трудился, что в очах его и свет померк. И в то время был у него ученик — старец Иона Голова, по прозванию Пушечников, и тот водил его к церковной службе. И так пребывал Кассиан 30 дней ничего не видя, водимый учеником. И увидел это Иосиф-игумен, и понял, что это от великих трудов и поста с ним сталось, и снова запретил ему <это делать> великим запрещением. И Кассиан послушался Иосифа, и немного ослабил пост, — и выздоровели его глаза.

А затем вновь, спустя немного времени, он впал в немощь, и отнялись у него ноги, так что не мог он даже ступить и, ползая, исполнял свои телесные потребности. И в один из дней, когда он лежал и молился Пречистой Богородице, начали звонить к Литургии, а он, лежа, взглянул на образ Пречистой Богородицы, держащей на руках Создателя всего мира, Превечного Младенца, и, заплакав, начал говорить: «О Пречистая Госпожа Владычица, Матерь Божия, если ты дашь мне на ногах своих ходить, пока буду жив, никогда не надену я сапог на ноги мои, ни шубы на грешное тело мое до конца жизни моей». И вдруг в тот же час встал, и, как лежал, так быстро и устремился в Божию церковь, и, многие слезы проливая, благодарил Пречестную Богоматерь. И так начал он ходить, и до конца жизни своей не изменил своего обета, что обещал Пречистой Богородице: как летом, так и зимой, в одной монашеской ризе ходил. И однажды зима была такая морозная, что и птицы замерзали, а Кассиан никак не хотел что-либо прибавить к своей одежде, но так терпел, говоря себе: «Терпи, грешный Кассиан, терпи! Горек мороз, но сладок рай, и если и не сегодня умрем, то все равно умрем». И так терпел он до конца божественной службы, ибо еще в те времена теплой церкви не было.

И когда в старости постигла его немощь, — а было ему от роду 90 лет, — и увидели его братья уже телом изнемогшего, сняли они с него вериги, хотя он и не хотел этого, и выковали из них цепи к кресту, что и доныне на церкви над колоколами. Когда же Кассиан оправился от болезни, то повелел вновь другие вериги сковать, но не такие тяжелые, и снова возложил их на себя, — и так пребывал он в них, трудясь, и до кончины своей.

О крещении царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича

Это было, когда родился у державного великого князя всея Руси Василия Ивановича сын — царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич; и державный государь всея Руси, великий князь Василий, возрадовался великой радостью, так как очень об этом много лет молился, и постился, и по монастырям большие милостыни посылал. И Бог услышал молитвы его. И когда государь получил желаемое, то послал он старца Тихона Зворыкина в Иосифов монастырь к старцу Кассиану, с великим смирением <прося>, чтобы принял тот от святой купели сына его, великого князя Ивана. Когда же старец Кассиан услышал от старца Тихона, что родился у великого князя сын, был он уже в великой немощи и старости; и быстро встал он с постели своей, и, став перед образом Божиим, воздал благодарность и славу Богу, и возрадовался духовной радостью, что государь получил желаемое, и не опустела земля Русская, и род не оскудел православных царей русских. И снова возлег он, и стал радоваться, и говорил: «Еще Бог не забыл Русской земли».

Тихон же передал ему приказ державного государя: «Велел он тебе принять от святой купели своего сына, великого князя Ивана». А старец усомнился и сказал: «Кто я и откуда, чтобы осмелиться мне на такое великое дело, нельзя мне и подумать об этом, кто я есть, грешный?» И когда старец Тихон увидел, что Кассиан совсем не склонен к этому, он

сообщает это игумену Нифонту и всем соборным старцам, передав им и приказ самодержца. И услышали игумен и старцы, что таково повеление боголюбивого государя и милостивого царя, и с великим трепетом поспешили они к Кассиану, и начали молить старца не ослушаться боголюбивого государя. Он же выслушал их и сказал: «Да будет Божья воля!»

И когда прибыл старец Кассиан в город Москву, и узнал государь о его приезде, то быстро, в тот же час, сам державный государь всея Руси приехал на монастырское подворье. И когда увидел он старца Кассиана, то снял царский венец с главы своей и поклонился, говоря: «Честной старец Кассиан, кланяюсь тебе за твои великие труды, что в такой старости и немощи не ослушался нашего слова, стал сопричастником моей радости. А ныне бью тебе челом: прими на руки свои от святой купели при святом крещении Богом дарованного мне ради ваших молитв сына Ивана». Старец же Кассиан, услышав это, ответил: «Да будет, державный царь, Божья воля и твоя, государя всея Руси». И послал его великий князь с большими почестями и заботой с сыном своим, великим князем Иваном, в честную святую обитель Живоначальной Троицы великого чудотворца Сергия. А игуменом был тогда в святом том монастыре старец Иоасаф, который после был митрополитом.

И когда крестили царя, великого князя всея Руси Ивана Васильевича, то приняли его от святой купели архимандрит Данила Переяславский и старец Кассиан и передали на руки его отцу, великому князю Василию Ивановичу, всея Руси самодержцу; и боголюбивый великий князь принял сына своего у старца Кассиана с великой радостью, что получил желаемое у Бога. А когда приехали они в город Москву, то боголюбивый и милостивый отец его, великий князь всея Руси Василий Иванович, от большой радости многим несчастным милость оказал: одних от смертной казни избавил, а других из темницы выпустил; и во все монастыри послал милостыню. И во всем городе Москве было благоденствие и радость несказанная; и не только в Москве это было, но и по всей Русской земле. А архимандрита и старца Кассиана государь удостоил великой заботы и чести, и одарил большими дарами, и отпустил их восвояси.

И после того прожил старец Кассиан два с половиной года, и отошел с миром к Господу. Было же всех его лет от рождения 90 и 3. Богу нашему слава ныне и в бесконечные веки веков. Аминь.

И однажды загорелась кровля, деревянная крыша на трапезной

И когда она сильно разгорелась, то поднялся большой ветер и начал направлять огонь на кельи, что стоят около трапезной. И был такой жар, что едва не занялись кельи пламенем. А мне в то время случилось быть в келарях, и, когда я увидел такую беду, не мог догадаться, как помочь. И устремился я к старцу Кассиану, и пал пред ним, и начал слезно просить его, чтобы помолился он Господу Богу и Пречистой его Богоматери. А он стоял у дверей в своей келье и, обратившись к образу Пречистой Богородицы, держащей на руках своих Превечного

Младенца, — эта икона находится в его келье, — сказал: «Пречистая, Пречистая! Возлюбила ты место это, так пошли же наказание с милостью». И прочел «Достойно», и прослезился, и, обратившись ко мне, сказал: «Не бойся, не причинит нам страдания Пречистая выше нашей меры». И тотчас же повернуло пламя в другую сторону, и затем пламя стало вихрем виться вверх, ничего другого не повредив, а потом так и погасло само собой.

О преставлении старца Кассиана Босого

Благородному и христолюбивому государю, великому князю Василию Ивановичу, всея Руси самодержцу, обители Пречистой Богородицы Иосифова монастыря грешный чернец, игумен Нифонт со священниками и с братиею челом бьет. Прислал ты, государь, ко мне, к своему нищему, и велел написать, каким образом старца Кассиана не стало. А дал Бог, государь, по житию его и конец христианский. Дней за десять или больше до кончины его немного поболел, а в субботу мясопустную прислал за мной: велел проговорить себе чин покаяния; и сам старец Кассиан говорил за мной слово в слово и другое, что я произносил, в полном разуме; и все положенные молитвы совершили ему причастные. И когда пришел священник с Божественными дарами, то Кассиан встретил святыню в сенях и Божественных Тайн причастился со страхом и радостью. И потом с пятницы на субботу сырной недели вновь причастился Божественных Тайн, и после этого он поправился; и некоторые из братии начали к нему приходить, желая получить от него благословение и прощение; и он с ними беседовал кротко, с радостным видом каждого из нас от скорбей утешая. И во время воскресного сбора на вечерню повелел у себя совершать вечерню, а потом велел начать чтение обычных молитв на исход души. И на втором каноне третьей песни отдал Богу душу. И я тебе, государь, со священниками и с братиею — все соборно челом бьем, и должны мы Бога молить о твоем здравии и спасении, и о твоей благоверной великой княгине Елене, и о вашем сыне и нашем государе, благоверном князе Иване Васильевиче.

В 7040 (1532)год, 11 февраля, на память святого священномученика Власия, в неделю сыропустную, в десятый час дня преставился старец Кассиан Босой, восприемник от святой купели в святом крещении царя, государя, великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца.

ЖИТИЕ ФОТИЯ ВОЛОЦКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Ольшевской

ВСТУПЛЕНИЕ

Это агиографическое произведение посвящено монаху Иосифо-Волоколамского монастыря, писателю и профессиональному

книгописцу Фотию. До пострижения он жил в Киеве, затем состоял на службе у князя Богдана Федоровича Путивльского, а после взятия Путивля войсками великого князя Василия III находился в качестве почетного пленника в Москве у воеводы Ю. И. Замятнина. В 1509 г. Иосиф Волоцкий постриг его в монахи и отдал «под начало» старцу Кассиану Босому. В монастыре Фотий вел «жестокое» житие: соблюдал суровый пост, спал три-четыре часа в сутки, лежа на земле или сидя, выполнял тяжелую работу на «хлебне». Он занимался перепиской книг, в течение ряда лет был монастырским уставщиком, наблюдал за порядком церковной службы. Духовными учениками Фотия были соборные старцы Арсений и Феодосии Плещеевы, казначей казанского архиепископа Гурия Руготина Исайя Ртищев, инок Мартемьян Старый, а также автор Жития Фотия — Вассиан Кошка.

Вассиан Кошка (ум. 1568) — известный писатель середины XVI в. — был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря, где находился «под началом» старца Фотия. Скорее всего, именно Фотий приобщил Вассиана Кошку к книгописному делу и литературному творчеству, так как занимался не только перепиской книг для монастырской библиотеки, но и сочинительством: ему принадлежат Служба Иосифу Волоцкому, Поучение против сквернословия, Послание к старице Александре и, возможно, другие произведения. О прочности духовной связи между Фотием и его учеником свидетельствует монашеское прозвище Вассиана — «Фатеев».

Известно, что в 50-е гг. XVI в. Вассиан Кошка был настоятелем тверского Вотмицкого монастыря (монастыря Покрова Богородицы в устье реки Тмы). В 1563 г. Вассиан Кошка вернулся «на покой» в Иосифо-Волоколамский монастырь, где вел Вкладные книги, а в 1568 г., после смерти Вассиана, в монастырскую библиотеку поступило семь книг, переписанных его рукою. Вассиан Кошка вошел в историю русской литературы как автор Слова о последних днях и смерти тверского епископа Акакия, составитель Азбуковника (компилятивного словарного свода середины XVI в.), редактор Волоколамского патерика (см. наст. изд., т. 9, с. 487—488). Видимо, ему принадлежит авторство и Письма о нелюбках, где объясняются расхождения старцев Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей по вопросам монастырского землевладения и характера монашеского жития.

Житие Фотия Волоцкого Вассиан Кошка создает после смерти учителя, то есть после 1554 г., основываясь на монастырском предании, рассказах учеников старца, своих собственных воспоминаниях. Произведение о Фотий Волочком не является традиционным житием-похвалой герою, написанным с целью его церковной канонизации. Это мемуарно-биографическое сочинение, стоящее в одном ряду с такими памятниками иосифлянской агиографии, как Записка Иннокентия о последних днях жизни Пафнутия Боровского, Надгробное слово Иосифу Волоцкому Досифея Топоркова, свод произведений о Кассиане Босом.

К настоящему времени выявлено два списка Жития Фотия Волоцкого, которые входят в состав сборника Нифонта Кормилицына и сборника Вассиана Кошки. Они представляют собой, скорее всего, две авторские

редакции памятника — краткую и полную. Первая по времени создания — краткая, видимо, возникла вскоре после смерти Фотия, о чем свидетельствуют хорошая осведомленность автора о жизни и кончине старца, глубина лирического переживания изображаемых событий. Вторая — пространная редакция, включает рассказы о Фотии его учеников, которые были свидетелями предсмертных видений и чудес учителя. Если рассказы Исайи Ртищева Вассиан Кошка мог услышать, бывая в Иосифо-Волоколамском монастыре, до весны 1555 г., когда Исайя получил место казначея при казанском архиепископе, то рассказ о Фотии братьев Феодосия и Арсения Плещеевых был записан Вассианом со слов Феодосия после смерти Арсения (1556—1557). Таким образом, работа Вассиана Кошки над Житием Фотия Волоцкого была длительной, охватывая всю вторую половину 50-х гг. XVI в. Сравнение редакций Жития Фотия дает наглядное представление о том, как рождался монастырский эпос, как реальная биография монаха превращалась в легенду, обрастая эпизодами чудес и видений.

Житие Фотия было издано Питиримом Волоколамским в «Богословских трудах» (М., 1973. Т. 10). См. также научное издание текста: Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 223—230, 453—456. В настоящем издании публикуется по списку 60-х гг. XVI в., находящемуся в сборнике Вассиана Кошки *(ГИМ,* Синодальное собр., № 927, л. 172—178), с учетом разночтений по списку краткой редакции памятника в сборнике Нифонта Кормилицына *(РНБ, 01.* XVII. 64, л. 353—356 об.).

ОРИГИНАЛ

Преставися раб Божий старец Фатей, ученикъ вѣликаго старьца Касиана Босово,[1] в лѣто 7062 (1554)-го, мѣсяца марта 9, на паметь святыхъ великомученикъ 40, иже в Севастии,[2] на 6-мъ часѣ дьни,[3] в пяток, на 5 недѣли святаго поста. А того же дни, на 5-мъ часѣ, его перед преставлением и причащали Пречистых и Животворящих Христовыих Тайнъ. И по причастии Святыих Тайнъ на преставлении и образ Пресвятые Богородици с Превѣчным Младенцемь поцеловавъ, душу свою в руцѣ Богу предасть.

Сей честный старець родомъ града Киева, от православных и благородныих родителѣй, Феодоръ бѣ имя ему. И егда князь Богданъ Путивльскый[4] жил на своей вотчинѣ, во градѣ Путивле, и в те времена сей Феодоръ служилъ князю Богдану Путивльскому; и добродетѣлнаго ради его нрава князь Богданъ у своего сына, князя Владимера,[5] повелѣлъ дяткою ему быти.

Егда же великого князя Ивана Васильевича, всея Русии самодерсца, посланиемъ воеводы с войском взяли град Путивль,[6] тогда со князем Богданомъ, и з сыномъ его князем Владимером, и с прочими и сего Феодора плениша. И по великого князя велѣнию у Юрья Ивановича Замятнина жилъ сей Феодоръ[7] нѣколико лѣт. Видя же Юрьи Иванович его добронравие и держал у собя его небезсчесна.

Егда же сей Феодоръ прииде в монастырь к преподобному игумену Иосифу, иже на Волоце, преподобный же, видя его, яко от усердьства от мира сего отбѣгша, постриже его во иноческий образ, и нарече имя ему Фатей, и дасть его под начало старцу Касиану Босому; и бысть у старца в послушании. Преподобный же Иосифъ зело любя его за его смирение и послушание. Увѣдавъ же Юрьи Иванович Замятнин, что пострижеся сей Феодоръ в Осифовѣ монастыре, часто посылаше ему милостыню и грамоты, с великиим смирением и челобитным молениемъ прося от него, чтобы его посещал писанием полезнаго наказаниа на спасение души, желаше бо от Бога Юрьи за святыя церкви и за православную вѣру кровию вѣнчатися, и по его желанию еже и бысть.[8]

Слово же мнѣ предлежит о чюдном том старце. И жилъ въ Пречистой обители, в Осифовѣ манастыре, постригшись, Фатей неисходно до преставлениа своего полпетадесять лѣтъ въ великиих подвизехъ духовныхъ и въ въздержании; с начала и до преставлениа своего не измѣнилъ правила своего келѣйнаго. Правило же его бѣ: въ день да в нощь по 4 кафизмы, да по два кануна переменные, да статия Евангелиа, да шестьсотъ Исусовых молитвъ, а седмое сто молитвъ — Пречистой, глаголя сице: «Владычице моя, Пресвятая Богородица, помилуй мя, грѣшнаго», — да триста поклоновъ, да иефимонъ, да полуношницу;[9] прочее же время упражняшеся на прочитание Божественаго Писаниа и на рукоделие. Сна же приимаше в нощь и в день всего три часы или четыре, на земли без постели лежаше; иногда же и на ребрех не лежаше, но сидя въ предреченныя часы числа сна приимаше. К соборному же пѣнию с великим тщаниемъ к началу хожаше и на крылосе с вѣликим радениемъ стояше. И много лѣтъ уставъ держалъ с великим, от Бога дарованным ему, разсужениемъ.

И тако в обѣтщание его к трудомъ нѣкогда, въ хлѣбьнѣ ходя, написалъ Евангелие сполна совсем въ двенацать недель, а в ыное время без службы пребысть и написалъ Евангелие в девять недель, такоже совсем сполна, а въ правиле келѣйном никакоже собе ослабы не давал. Прочих же книгъ, — Еванъгильевъ, и Псалтырь, и четиихъ, — много преписалъ, иже и донынѣ въ обители Пречистой, в Осифовѣ монастыре,[10] трудолюбное его списание. В кельи же, кромѣ келѣйные нужи и рукодѣлные снасти, отнюдь стяжаниа не имѣлъ, развѣ книгъ.

И не услажашеся мира сего красотами и не желаше старейшиньства или под старейшиною быти. Егда же кто, вражимъ навожениемь, сатониным дѣйствомъ, разгордяся, оскоръбляше его, онъ же сердечным воздыханиемъ и многыми слезами моляше Всемилостиваго Создателя всего мира Бога и Пречистую Богоматерь и призывая на помощь молитвы великих чюдотворцовъ и святаго преподобнаго старца Иосифа, еже даровати ему терпение. И вменяше собе скорбь от человѣкъ въ великое посѣщение от Бога, человѣческыя же помощи нимало не искаше и на отмщение не поучашеся, еже клеветати брата своего. Пищею же довлѣлся трапезною вкупѣ з братиею, но и се с великим воздержаниемъ. Егда же прихожаше святая четыредесятница и святая Страстьная неделя,[11] тогды наипаче от духовныя теплоты труды к трудомъ прилогаше.

Прочие же подвизи его и труды, и сердечное воздыхание, и слезы како могу исписати подлинно от простоумиа моего, но, Бога ради, отцы, и братиа, и господие мои, не позазрите худоумию *моему* и грубости, да не будеть в подсмѣяние написание се недостойнаго, и худаго, и грубаго черньца Васияна, что есми дерьзнул написати отчасти себѣ на воспоминание о чюдном томъ старце Фатее пребывании и о подвизѣхъ духовных, не ему похвалу поставляя, но укоряя свое непотребьство и окоянную лѣность, чюдный бо сей старецъ не требоваше и тогда человѣческыя похвалы, егда жилъ въ временном семъ вѣце, но желаше единыа от Бога милости и похвалы.

Или кто помолвит, что яз, тщеславяся, писалъ себѣ в похвалу, что яз таковаго старца ученикъ; и мнѣ то стытко и помыслити от великого моего раслаблениа, занеже язъ своимъ злонравием и слабостию в лености пребываю, аки свиниа в калѣ, воляюся в непотребьстве[12] и во сне препровожаю дьни своя, мучим бысть совѣстию своею, что есми от добраго древа вѣть непотребная отросла;[13] но и свиниа лучши меня, понеже по устроению Божию живет: в какой ея Богъ статии устроилъ, в той и пребываеть. А яз от Бога человѣкъ устроенъ и почтенъ есми от Бога всѣмъ, а нимало по заповѣдем Божиим не шествую своимъ чином, от Бога дарованным на спасение душе, но пребываю, аки скот бесловесной, нимало подвизаюся о своемъ спасении.

Да некли прочет сия, ужаснуся и воздохну, въспомянувъ собѣ чюднаго сего старца подвизи и злостраданиа, слезы же и тръпѣния, и прежде смерти умрьтвие в трудехъ о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем, емуже слава нынѣ, и присно, и в бесконечныя вѣкы. Аминь.

Старца Фотея ученикъ Исайя повѣда.[14] «Некогда, — рече, — незадолго время до преставления старца Фатея, противъ недели, учали звонить в будилной колокол ко Всенощному. Аз же из задние кельи пришелъ в прежнюю кѣлью благословитися у старца Фатея поити ко Всенощному. Свѣщникъ же у него горит, бяше бо старец против Всенощнаго мало сна приимаше, но упражняшеся на молитву и прочитание Божественых Писаний. И видѣх старца обрадованным образом и слезны очи имущу. И нача повѣдати мнѣ: „Възлегъ есми приопочинути и видѣхъ во снѣ жену в багряных ризах; пришед в келью ко мнѣ и глагола: «Фатей, дай из-за пазушия жемчюгов».[15] Аз же с великим страхом, трепеща, глаголаху ей: «Нѣт, госпоже, у меня жемчюгу». Она же рече ко мне: «Есть». Аз же простроintroduced руку в пазуху, и обретох, и дах ей полну горьсть жемчюгу. Она же рече: «Еще дай». Аз же паки обравъ с полгорьсти еще в пазухѣ жемчюгу и отдах ей. Ана же паки рече: «Дай еще». Аз же поискав в пазухѣ, и не обрѣтох, и рекох с великим трепетом: «Толко, госпоже». Ана же рече: «Днесь у нас же будешь». Аз же от великого страха пробудихся и дивлюся необычному видению, и нынѣ бо от великого страха еще трепещет ми сердце”».

Запрети же ученику своему никомуже того повѣдати. Зѣло бо любяше его за великое его смирение и послушание и не скрывашеся от него. Рече же ему и се: «Аще слягу, и мнѣ не въстати». И поиде ко Всенощному едва на великую силу, бяше бо от великого въздержания, и подвиговъ, и старости изнеможе телом. И пришед после утрени, и от

того дьни изнемогъ и к церковному пѣнию ходити, словословие же Божие изо устъ его безпрестани исхожаше и до послѣдняго издыхания с великою паметию. Сия же Исайя повѣда после преставления его.

Того же старца Фатея ученикъ Феодосей повѣда.[16] «Некогда, — рече, — приидох в келию после соборнаго пѣния не за многими дьньми до преставлениа старца Фатея и обонях в кѣльи великое благоухание, якоже бысть доволно бывает кажение с ладану. И вопросих брата своего Арсения[17] (бѣ бо Арсеней у старца брежения для пребывал и, егда будет, кадилъ: бѣ бо старець велми изнемог), он же глагола: „И яз слышу благоухание то, а кажения не было и огня в кадилнице не бывало”. И абие помале преста благоухание. Се же бысть, — рече, — и не в одно время слышах в кельи благоухание перед преставлением его и без кажения».

Сия же слыша яз, непотребный Васиянъ, и написах себѣ, умегчевая ниву сердца своего злонравие, поминая старца подвизи и нежелание мира сего наслажения для будущихъ вѣчных благъ наслажение, идѣже праведнии ликоствуют; еже око не видѣ и ухо не слыша,[18] и на сердце человѣку не взыде Божие уготование любящим его и творящим волю его; якоже не мощно алчущому не помянути хлѣба,[19] сице не мочно спастися, иже исхода и Суда не поминающему.

---

[1] *...ученикъ вѣликаго старьца Касиана Босово...* — Кассиан Босой (1439—1532) — в миру носил имя Козьма, происходил из боярского рода, жил в Переяславле-Залесском. В середине 70-х гг. XV в. принял постриг и стал учеником Пафнутия Боровского. После смерти учителя, разделяя идею Иосифа Волоцкого о строгом общежительном уставе, перешел в основанный им монастырь Успения Богородицы, где прославился своими аскетическими подвигами. Кассиан Босой входил в число соборных старцев и возможных претендентов на игуменство в Иосифо-Волоколамском монастыре. В 1553—1560 гг. Вассианом Кошкой было создано Житие Кассиана Босого, которое является основным источником сведений об этом волоцком монахе (см. наст. изд., с. 418—427).

[2] *...на паметь святыхъ великомученикъ 40, иже в Севастии...* — Речь идет о сорока мучениках-воинах, пострадавших за христианскую веру в Севастии Армянской: их погружали в озеро, покрытое льдом, ноги разбивали молотом; потом тела их сожгли, а кости бросили в реку. Церковь особо чтит память этих святых, которая отмечается 9 марта.

[3] *...на 6-мъ часѣ дьни...* — В Древней Руси время суток исчислялось с восхода солнца и было подвижным; шестой час дня 9 марта — это, согласно современному времяисчислению, 13 ч. 30 м. дня.

[4] *...князь Богданъ Путивльскый...* — Богдан Федорович, наместник Путивльского княжества (1495—1500), входившего в состав Чернигово-

Северской земли, пограничного удела Великого княжества Литовского. Происходил из рода князей Глинских, был троюродным братом М. Л. Глинского. В 1495 г. получил имение в Менском повете; в 1497, 1498, 1500 гг. королем Александром Казимировичем награждался за службу новыми земельными владениями. С 1500 г., после завоевания Путивля московскими войсками, служил русскому государю, находясь среди «литвы дворовой». Одно время жил в Ярославле; скончался в Москве в 1512 г.

[5] *...у своего сына, князя Владимера...* — Речь идет о князе Владимире, сыне Богдана Федоровича Путивльского, который вместе с отцом в качестве «почетных пленников» в 1500 г. приезжает в Москву; с 1527 г. живет в Литве; в 1540 г. вместе с сыном Богданом возвращается на Русь.

[6] *...великого князя Ивана Васильевича... посланиемъ воеводы с войском взяли град Путивль...* — В конце XV в. территория Московского государства расширилась за счет присоединения мелких княжеств, расположенных в устье рек Оки и Вязьмы, и приблизилась к границам Великого княжества Литовского. В начале 1500 г. из состава Литвы вместе с «отчинами» и «волостями» вышли князья Василий Иванович Шемячич Новгород-Северский, Семен Иванович Стародубский, Семен Иванович Вельский. Иван III, нарушив договор, принял их «в службу» и объявил войну Литве, обвинив ее в гонениях на православных. В августе 1500 г. московские войска под командованием казанского царевича Магмет-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина заняли города Мценск, Мосальск, Серпейск, Брянск. По сообщению Разрядной книги 1475—1605 гг., «тими походы государевы воеводы Путивль взяли августа в 6 день». Развернувшиеся в 1500—1503 гг. боевые действия окончились поражением литовских войск. В результате договора о перемирии к Московскому государству отошли земли Чернигово-Стародубского княжества.

[7] *...у Юрья Ивановича Замятнина жилъ сей Феодоръ...* — Юрий Иванович Замятнин (ум. в 1521 г.), у которого в 1500—1509 гг. жил Федор, позднее — волоцкий монах Фотий, был заметной фигурой в политической жизни Руси первой четверти XVI в. Первое известие о нем относится к 1495 г., когда «постельник Юшко Замятнин» ездил в Новгород в составе свиты Ивана III. Возможно, он принимал участие в походе 1500 г. на Путивль. В 1512 г. Ю. И. Замятнин «стоял на Туле... для крымского царя приходу»; в 1513 г. участвовал в походе на Смоленск; в 1514 г. ходил «в Литовскую землю» в составе войск В. Шуйского; в 1515 г. совершил поход из Пскова «в немцы»; в 1517—1519 гг. вел боевые действия против Литвы, «воевал» Могилев и Полоцк. Воевода Ю. И. Замятнин пользовался расположением великого князя Ивана III, который в 1517 г. вызывал его из Великих Лук в Москву на совет. Юрий Замятнин был тесно связан с Иосифо-Волоколамским монастырем, куда часто посылал старцу Фотию «милостыню и грамоты».

[8] *...желаше бо от Бога Юрьи за святыя церкви... кровию вѣнчатися, и по его желанию еже и бысть.* — Юрий Иванович Замятнин погиб 28

июня 1521 г. в битве с крымскими татарами Мегмет-Гирея на реке Оке, неподалеку от Серпухова. Крымцы напали на русское войско внезапно, сумев скрытно переправиться через реку; среди погибших были и воеводы, в том числе и Ю. И. Замятнин.

[9] *...по 4 кафизмы, да по два кануна переменные... да иефимонъ, да полунощницу...* — Кафизма — название каждого из 20 разделов Псалтыри. Канон (канун) — богослужебное песнопение, состоящее из девяти песен, в честь церковного праздника или в похвалу святого. Ефимон (мефимон) — великое повечерие (павечерница), церковная служба. Полунощница — церковная служба, которая первоначально совершалась в полночь, а позднее — в любой час перед утреней или вместе с нею.

[10] *...книгъ... много преписалъ, иже и донынѣ въ обители Пречистой, в Осифовѣ монастыре...* — Согласно описи 1545 г. в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря хранилось 13 рукописей «письма Фотеева». Большая часть созданных им рукописных книг имеет богослужебное содержание, однако в составе сборников Фотия имеются «четьи» произведения: Повесть о Евстратии, Прение Живота и Смерти, Хронограф русский и др. См. подробнее: Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 25, 28, 29, 31, 32, 34, 40.

[11] *...прихожаше святая четыредесятница и святая Страстьная неделя...* — Четыредесятницей называют Великий пост, установленный в подражание Моисею и Иисусу Христу, которые 40 дней постились в пустыне. Страстная неделя — последняя неделя Великого поста, посвященная воспоминаниям о страданиях Иисуса Христа.

[12] *...аки свиниа в калѣ воляюся в непотребьстве...* — Ср.: 2 Петр 2, 22.

[13] *...от добраго древа вѣть непотребная отросла...* — Ср.: Ин. 15, 2, 4—6; Рим. 11, 16—19, 21.

[14] *Старца Фотея ученикъ Исайя повѣда.* — Исайя Ртищев был одним из последних учеников старца Фотия Волоцкого. Род Ртищевых происходил из Раховского стана Волоцкого уезда и имел постоянные контакты с Иосифовым монастырем. Отец Исайи — Ртище Васильев, сын Александров, неоднократно упоминается в актовых материалах Иосифо-Волоколамского монастыря. Исайя Ртищев (в миру — Сидор, или Исидор) постригся в монастыре Иосифа в 1532—1533 гг. и дал за собой игумену Нифонту Кормилицыну сельцо Ивашево «са всем, что к тому сельцю истарины потегло». До Исайи в монастыре постриглись его братья — Иона, Федор, Даниил и Ермолай. Исайя Ртищев пришел в монастырь в зрелом возрасте, ибо во вкладной записи упоминаются его жена и дети. Инок Исайя был близок к игумену Гурию Руготину, который в 1555 г. стал архиепископом Казанским, а Исайю назначил своим казначеем и увез с собою в Казань. Последние известия об Исайе Ртищеве относятся к 1558 г.

[15] *«...дай из-за пазушия жемчюгов».* — По древнерусским поверьям, видеть во сне жемчуг — предвестие печали, слез, смерти.

[16] *Того же старца Фатея ученикъ Феодосей повѣда.* — Феодосии Плещеев (ум. в 1569 г.) входил в число соборных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря (1568—1569). Вместе со старшим братом Арсением носил монашеское прозвище Луковникова, что, возможно, указывает на их службу управляющими отдаленной монастырской вотчиной в Старицком уезде, куда входило село Луковниково с 27 «деревнями и починки».

[17] *И вопросих брата своего Арсения...* — Арсений Григорьевич Плещеев (в миру — Андрей) происходил из старинного боярского рода Рузского уезда. Плещеевы были в числе богатых вкладчиков и постриженикoв Иосифо-Волоколамского монастыря. Арсений стал монахом до 1545 г., ибо имя этого инока упоминается в монастырской описи, датированной 1545 г. В 1549—1553 гг. состоял в должности казначея и был соборным старцем Иосифова монастыря. Скончался в 1556—1557 гг. По некоторым данным, одно время был иноком Троице-Сергиева монастыря.

[18] *...еже око не видѣ и ухо не слыша...* — Рим. 11, 8; Мф. 13, 15; Ис. 6, 10; Вт. 29, 4.

[19] *...якоже не мощно алчущему не помянути хлѣба...* — Ср.: Ис. 29, 8.

ПЕРЕВОД

Преставился раб Божий старец Фотий, ученик великого старца Кассиана Босого, в 7062 <1554> году, 9 марта, на память 40 святых великомучеников, бывших в Севастии, в 6-м часу дня, в пятницу, на 5-й неделе святого поста. В тот же день, на 5-м часу, перед смертью, и причащали его Пречистых и Животворящих Христовых Тайн. И после того как перед кончиной причастился Фотий Святых Тайн и поцеловал образ Пресвятой Богородицы с Превечным Младенцем, предал он свою душу в руки Бога.

Сей почтенный старец родился в городе Киеве у православных и благородных родителей, Федор было его имя. И когда князь Богдан Путивльский жил в своем родовом владении, в городе Путивле, в те времена этот Федор служил Богдану Путивльскому; и за добродетельный его нрав князь Богдан повелел Федору быть дядькой своего сына, князя Владимира.

Когда же посланные великим князем Иваном Васильевичем, самодержцем всея Руси, воеводы с войском взяли город Путивль, тогда вместе с князем Богданом, и с сыном его князем Владимиром, и вместе с другими взяли в плен и этого Федора. И по повелению великого князя сей Федор несколько лет жил у Юрия Ивановича Замятнина. Юрий Иванович, видя добрый его нрав, держал его у себя, оказывая должное почтение.

Когда же этот Федор пришел в монастырь к преподобному игумену Иосифу, что на Волоке, то преподобный, видя его усердное отречение от мирского, постриг его в монахи, и нарек его Фотием, и отдал под начало старцу Кассиану Босому; и находился Фотий у старца в послушании. И преподобный Иосиф очень любил его за смирение и послушание. А Юрий Иванович Замятнин, узнав, что постригся тот Федор в Иосифовом монастыре, часто посылал ему милостыню и послания, с великим смирением и челобитным молением прося его, чтобы он навещал его письмами с полезными для спасения души поучениями, ибо Юрий хотел от Бога получить венец мученика, умерев за святые церкви и за православную веру, что по его желанию и сталось.

Слово же мне надлежит сказать о чудном том старце. А жил в обители Пречистой, в Иосифове монастыре, постригшись, Фотий неисходно до кончины своей 45 лет в великих духовных подвигах и воздержании; с начала и до преставления своего он не изменил своего келейного правила. А правило его было: днем и ночью <читал> по 4 кафизмы, и по два переменных канона, и главу из Евангелия, и шестьсот Иисусовых молитв, а седьмую сотню молитв — Пречистой Богородице, говоря так: «Владычица моя, Пресвятая Богородица, помилуй меня, грешного», — да <совершал> триста поклонов, и ефимон, и полунощницу; остальное же время он упражнялся в чтении Божественного Писания и в рукоделии. А спал он ночью и днем всего три или четыре часа, на земле без постели лежал; иногда же и не ложился, но сидя вышеуказанное количество часов спал. И к соборной службе он с великим тщанием ходил к началу и на крылосе с великим усердием стоял. И много лет был уставщиком с великим, от Бога дарованным ему, знанием <этого дела>.

И так, по монашескому обету, некогда, работая в хлебопекарне, переписал он Евангелие полностью за двенадцать недель, а в другое время, когда он пребывал без службы, то переписал Евангелие за девять недель, также целиком, а в келейном правиле никакого себе облегчения не давал. И других книг — Евангелий, Псалтирей и книг для чтения — много переписал, тех, что и доныне <хранятся> в обители Пречистой Богородицы, в Иосифовом монастыре, плоды его трудолюбивой переписки. В келье же, кроме необходимых келейных вещей и инструментов для рукоделия, не имел он никакого имущества, за исключением книг.

И не наслаждался Фотий мира сего красотами, и не желал начальствовать над братией или быть помощником начальствующего. А если кто по дьявольскому наваждению, сатанинскому действию, возгордясь, оскорблял его, то он с сердечным воздыханием и многими слезами молил Всемилостивого Создателя всего мира Бога и Пречистую Богоматерь и призывал на помощь в молитвах великих чудотворцев и святого преподобного старца Иосифа, чтобы даровали ему терпение. И вменял себе Фотий страдание от людей в великую милость от Бога, а человеческой помощи совсем не искал и о мщении не задумывался, чтобы оклеветать брата своего. А пищею он довольствовался трапезною, <вкушая> вместе с братиею, но и это

<делал> с великим воздержанием. Когда же наступали святая четыредесятница и святая Страстная неделя, тогда он еще больше от духовной теплоты труды к трудам прибавлял.

А другие его подвиги, и труды, и сердечное воздыхание, и слезы как я могу подлинно описать по простоумию моему, но, Бога ради, отцы, и братья, и господа мои, не осудите худоумие мое и грубость, чтобы не было осмеяно то, что написано недостойным, и плохим, и невежественным монахом Вассианом, который дерзнул написать отчасти себе на память о жизни и духовных подвигах чудного того старца Фотия, не ему похвалу творя, но обличая свой непристойный образ жизни и окаянную леность, так как чудный этот старец не требовал и тогда славы от людей, когда жил во временном этом веке, но одной желал от Бога милости и похвалы.

Возможно, кто-то скажет, что я, гордясь, писал <это> себе в похвалу, что я такого старца ученик; но мне о том стыдно и подумать от великого моего бессилия, потому что из-за своего злонравия и слабости пребываю я в лености, как свинья в кале, валяюсь в непотребстве и во сне препровожу дни свои, мучимый своею совестью, что отрос я ветвью непотребной от доброго древа; даже и свинья лучше меня, потому что по закону, установленному Богом, живет: какое Бог определил ей положение, в том она и пребывает. А я по замыслу Бога создан человеком и почтен всем от Бога, а нисколько, по заповедям Божьим, не следую своим путем, дарованным от Бога к спасению души, но пребываю, подобно бессловесному скоту, нимало не заботясь о своем спасении.

Может быть, прочтя это, ужаснусь и вздохну, вспомнив чудного сего старца подвиги и страдания, слезы и терпение, и прежде смерти умерщвление <плоти> в трудах ради Иисуса Христа, Господа нашего, которому слава ныне, и присно, и в бесконечные времена. Аминь.

Поведал старца Фотия ученик Исайя. «Некогда, — рассказал он, — незадолго до преставления старца Фотия, накануне воскресенья, начали звонить в будильный колокол ко Всенощной. И я из задней кельи пришел в переднюю келью просить благословения у старца Фотия, чтобы пойти ко Всенощной. А свещник у него горит, ибо старец мало спал перед Всенощной, но упражнялся в молитвах и чтении Божественных Писаний. И увидел я старца радостным и со слезами на глазах. И начал он рассказывать мне: „Лег я немного отдохнуть и видел во сне женщину в багряных одеждах; она пришла ко мне в келью и сказала: «Фотий, дай из-за пазухи жемчугов». Я же с великим страхом, трепеща, отвечал ей: «Нет, госпожа, у меня жемчуга». А она сказала мне: «Есть». И я просунул руку за пазуху, и нашел, и дал ей полную горсть жемчуга. Она же сказала: «Еще дай». И я опять собрал за пазухой еще с полгорсти жемчуга и отдал ей. Она же снова попросила: «Дай еще». И я поискал за пазухой, и не нашел, и сказал с великим трепетом: «Больше нет ничего, госпожа». А она ответила: «Сегодня же у нас будешь». И я от сильного страха проснулся, и дивлюсь необычному видению, и сейчас еще от великого страха трепещет сердце”».

И запретил он ученику своему кому-либо это рассказывать. Очень же любил Фотий Исайю за великое его смирение и послушание и ничего не скрывал от него. Сказал он ему и это: «Если я слягу, то мне не встать». И с трудом пошел он ко Всенощной, через силу, так как от великого воздержания, и подвигов, и старости изнемог телом. И пришел после утрени, и с того дня не мог больше ходить к церковной службе, но славословие Богу из уст его исходило постоянно, и совершал он это до последнего дыхания в полной памяти. И поведал Исайя об этом после его преставления.

Рассказал того же старца Фотия ученик Феодосий. «Однажды, — поведал он, — пришел я в келью после церковной службы за несколько дней до преставления старца Фотия и почувствовал в келье сильное благоухание, такое обильное, как бывает после каждения ладаном. И спросил брата своего Арсения <а Арсений у старца находился, опекая его, и, когда надо было, кадил, так как старец сильно изнемог>, и он ответил: „И я чувствую это благоухание, в то время как каждения не было и огня в кадиле не бывало”. И понемногу прекратилось благоухание. И это было, — сказал он, — и не однажды чувствовал я в келье благоухание без каждения перед его кончиной».

И это слышал я, непотребный Вассиан, и написал для себя, умягчая ниву своего злонравного сердца, поминая подвиги старца и неприятие им мирских наслаждений ради счастья будущих вечных благ там, где праведники ликуют; того око не видит и ухо не слышит, и на сердце человеку не придет, что уготовал Бог тем, кто любит его и творит его волю; как нельзя алчущему не помнить о хлебе, так нельзя спастись тому, кто не думает о конце и Божьем Суде.

РАССКАЗ ВАССИАНА КОШКИ О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ И ПРЕСТАВЛЕНИИ ТВЕРСКОГО ЕПИСКОПА АКАКИЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. В. Крушельницкой

ВСТУПЛЕНИЕ

Рассказ о последних днях и смерти тверского епископа Акакия составлен Вассианом Кошкой, постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря, учеником знаменитого старца Фотия. Вассиан был архимандритом Покровского Вотмицкого монастыря в Твери (об этом свидетельствует запись в сборнике Вассиана — *ГИМ,* Синодальное собр., № 927), а затем архимандритом Возмицкого монастыря Рождества Богородицы в Волоколамске. Будучи духовником Акакия, Вассиан по его просьбе неотлучно находился при умирающем епископе с 20 декабря 1566 г. до дня его смерти 14 января 1567 г. Рассказывая о том, чему он был свидетель, Вассиан отметил не только необходимые с

обрядовой стороны события, но и внутренне важные для последних дней жизни человека моменты. Повествование передает многие реальные подробности бытового и психологического характера, в диалогах сохраняются обороты, характерные для устной речи. Вассиан не украшает рассказ вымышленными деталями, а отмечает то, как в действительности происходили события.

По содержанию и жанровому типу произведение Вассиана близко известному рассказу Иннокентия о последних днях и смерти Пафнутия Боровского (см. наст. изд., т. 7, с. 254—285). Взаимосвязь реальных событий, запечатленных обоими авторами, создает внутреннее напряжение повествования — сама жизнь входит в литературу и заставляет, независимо от воли авторов, привносить в рассказ элементы художественности. Важное различие двух произведений заключается в форме повествования. Иннокентий рассказывает о Пафнутии Боровском от своего имени. Вассиан предпочел говорить о себе от третьего лица, хотя присутствие рассказчика ощущается в каждом эпизоде повествования. Формально автор проявляет себя только в заключительной фразе, важной для жанрового определения памятника, — Вассиан записал свои воспоминания «себе на прочитание памяти для». Произведение Вассиана представляет укрепившуюся в среде волоколамских книжников традицию запечатлевать память о почитаемых старцах и пострижениках Иосифо-Волоколамского монастыря в кратких их биографиях, некрологах, записях документального характера.

Рассказ Вассиана о последних днях и смерти тверского епископа Акакия публикуется по единственному списку *(РНБ,* собр. Погодина, № 1564, л. 47—55 об.), который является автографом Вассиана. Текст списка сохранил следы авторской правки.

ОРИГИНАЛ

О ПРЕСТАВЛЕНИИ СВЯТОГО ЕПИСКОПА АКАКИА ТВЕРЬСКАГО И О ЖИТИИ ЕГО ВКРАТЦѢ

Лѣта 7070 пятаго месяца генваря 14 день преставися епископъ Акакей[1] тверьский и кашинский, во вторый час нощи съ вторника на среду, на пятоенадесят число, на память преподобных отець Павла Фивѣйскаго[2] и Иоанна Кущника.[3] Пас церковь Божию лѣт 44,9 месяць и 14 дней. А всѣх лѣтъ живота его от рожениа 80 и 5 лѣт без дву месяцовъ.

Житие же и преставление святого епископа Акакиа Тверскаго бысть дивно. И до преставлениа лѣт живота своего никогдаже соборнаго пѣниа в кельи своей не вмѣщаше, опроче Феодоровой недели,[4] но всегда со тщанием в соборную церковь хожаше. Аще и великая его немощь обдержит или зима мразна велми, а владыка же Акакей все терпяше и со тщаниемъ всегда в соборную церковь безодъкладно хожаше.

Егда же приближися время преставлению его, и за пять день до Христова Рожества,[5] в четвергь после вечерни,[6] противъ петка, 20-го числа, пришед владыка в келью и сотворивъ начало[7] по обычаю, и повелѣ к себе призвати ризничего Макария. И вопроси его: «Сколько ставлеников?»[8] Ризничей же сказа: «Два». И владыка ризничему повелѣ ставлеником пошлины всѣ сполна отдати и отпустити ставлениковъ восвоя. Ризничей же нача глаголати нѣчто: «Святый владыко, Богъ облегчит тебѣ служити на Христово Рожество, а ставлеников толко два — одинъ в попы, а другой во дияконы. И ты, дасть Богъ, обѣих вдругъ съвершишъ да и отпустишъ». И пакы владыка, аки злобяся, глаголя ризничему, веля их отпустити, отдавъ пошлины всѣ. И по приказу владычню ризничей сотвори тако.

Да приказал владыка ризничему вѣсть подати попу Аврамию, что служитъ у Всемилостиваго Спаса[9] на владычне дворе, да иподияком,[10] чтобы по площатскому звону пришли в кѣлью завьтреню[11] пѣти и прочее правило.[12] И отпусти ризничего в келью. А сам владыка пойде в заднюю кѣлью, а Васиану духовнику повелѣ пойти с собою же в заднюю кѣлью. И по молитвѣ повелѣ Васиану поблиску собя сѣсти, и нача умилными рѣчьми говорити владыка сице: «Васиянъ, спи ты у меня в прежней кѣльи да бреги, какъ видиши меня учну преставлятися, и ты бы потщался канунъ[13] проговорити на исход души». Духовник же, слышавъ наказъ от святого владыкы и взем благословение, пойде в келью свою, и в вечер глубокий прихожаше и спаше в прежней кельи святого владыки, часто же и в заднюю кѣлью день и нощь ко владыкѣ вхожаше брежениа для.

Владыка же до преставлениа своего за полчетверты недели, от двадесятаго числа месяца декабря до 14-го числа генваря, ото изнеможениа въ церковь не выходил ни на Христово Рожество, ни на Богоявления,[14] ни в прочая дни, от 20-го числа декабря. На ребрех же в ту полчетверты недели никакоже не опочиваше, но все сидя безпрестани молитвовалъ и без сна пребываше. Молебник бо бысть вѣренъ о благовѣрном царе великом князе Иване многолѣтном здравии и спасении, и о его благовѣрной царице великой княине Марии, и о их богодарованных чадех, царевиче Иване и царевиче Феодоре,[15] и о их христолюбивом воиньстве, и о всем православном християньстве.

Нѣкогда же у владыкы духовнику седящу пред преставлениемъ, и владыка възревъ на духовника и рече: «Яз и о вас Богу молюся». Духовник же поклоняется владыке до земля и глаголет: «Помилуй мя, Господи, твоими молитвами, святый владыко».

Святую же дору протопопъ и укропъ священници всегда послѣ обѣдни ко владыке в келью приношаша на дискосных блюдех,[16] а хлебець Пречистой[17] во время вкушенья в обѣд всегда съвершался. А Пречистым Животворящим Христовым Тайнам пред преставлением двожды причащался. А отнелиже и на владычество сѣлъ, кромѣ вкушения обѣдѣннаго, втораго вкушениа, иже есть ужина, у владыки не бывала ни на Великъ день,[18] опроче пития мѣрнаго по нужи. Егда же рознемогся, такоже в обедъ со своими старцы вкупе вкушаше, кромѣ же обѣда и в немощи не вкушаше, опроче пития мѣрнаго за нужу. А

отнелиже и пострихся от святыа руки преподобнаго игумена Иосифа, [19] и известился в мимошедших и прощение получив, не изыде скверное слово изо устъ его и *до* преставления. Прочие же святого владыкы добродетели — смирение и любовь, и милость ко всѣм, паче же к нищим, — како могу все исписати!

Не за долго же время, за пять день, до преставления в вечер глубокый после правила пошли из задние кѣльи к собѣ попъ и подияки, духовник же остался единъ и сидѣ блиско владыкы. Владыка же, аки во снѣ, учал одно слово многижда говорити: «Окакей пошол, Акакей пошол». Духовник же рече владыке: «Про которого, государь, Окакиа говоришь?» Владыка же, аки злобяся, рече: «Акакие, владыка тверский, умер». Духовник же рече: «Дай, Господи, ты, государь, многолѣтъствовалъ. Яз, нищей, желаю того, чтобы ты, святый владыка, меня погребъ». Владыка же ктому слова никакова не рече, токмо Исусову молитву глаголаше к образу умилно въслух с хлипаниемъ, слезныма очима. И потом в другий день в вечер после правила такоже духовникъ у владыки поостался, и владыка учалъ говорити: «В четвергъ мнѣ служити, аже Богъ даст». И ктому слова никакова не рече, токмо Исусову молитву, ко образу взирая, вслух глаголаше с хлипаниемъ. Духовник же тому удивился, видячи его в великой немощи. После же преставлениа святого владыки духовник всѣ речи владычни уразумѣлъ, что владыка преставление свое за долго время вперед провиделъ.

И потом за день до преставлениа своего, в понеделник вечере после правила, посылает владыка по духовника келейника своего старца Прохора, бяше бо духовникъ после правила отшел в келью свою. Келейникже, пришед кдуховнику, повѣдает: «Владыка зовет». Духовник же скоро прийде ко владыке и поклоняется к образомъ с молитвою, и у владыкы благословляется. Владыка же повѣлѣ сѣсти духовнику подле собя на конике от дверей. И паки владыка глаголет о кануне на исход души, чтобы не оплашивался. Духовник же глаголет: «Помню, святый владыка, твой наказ, аже Богъ даст». И нача духовник владыкы спрашивать: «Государь святый владыка, каково у тобя на сердце и что твоя болезнь?» Владыка же рече: «Не вѣдаю, а болезни яз не чую никоторыя в себе, отнелиже ты прислалъ канунъ преподобнаго игумена Иосифа, и яз по вся дни его говорю и молитвами преподобнаго игумена Иосифа с тѣх мѣстъ не чюю в себѣ никакиа болезни». И вопраша же владыка: «Колко тому, как канунъ ко мнѣ прислал еси?» Духовникъ рече: «Полчетверта году».

Владыка же нача благодарити старца Фатея, ученика великого старца Касиана Босово,[20] что подвигнулся на таковое великое дѣло — составити канунъ и всю службу преподобному игумену Иосифу. Да и то владыке радосно, что, составивъ, Фатей и извѣсно учинил Макарию[21] митрополиту всея Русии и благословение от митрополита приялъ, еже в кельи молитвовати по ней и до празнованиа соборнаго изложениа. И потомъ паки владыка нача глаголати преподобному игумену Иосифу тропарь:[22] «Яко постником удобрение и оцемъ красота, милости подателя, разсужению свѣтильника, вси вѣрнии, съшедшеся, въсхвалимъ кротости учителя и новоявленным еретиком посрамителя, [23] премудраго Иосифа, рускую звѣзду, молящася Богови

помиловатися душам нашимъ». Духовник же поклоняется владыкѣ радостными слезами до земля, глаголя: «Вѣлми, святый владыко, утешился есми, слышачи таковую похвалу преподобному Иосифу изо устъ святых твоих. Да и яз, слышавъ, желаю навыкнути». Владыка же рече г духовнику: «Ты же мнѣ прислалъ». Духовник же рече: «Прости, святый владыко, дерьзнулъ есми прислати по твоему святительскому повѣлению и благословению». Владыка же рече: «Яз тобѣ на том челом бию». И пакы владыка нача глаголати преподобному игумену Иосифу кондак:[24] «Жития треволнения и мятежа мирьскаго, и страстная взыграниа ни во что же вмѣнивъ, пустынный гражанинъ показася, многым бысть наставник, Иосифе преподобне, иноком събратель и молебникъ вѣренъ, чистотѣ рачитель, моли Христа Бога спастися душамъ нашим».

И потом владыка почалъ утешатися пространною беседою про Иосифовъ манастырь,[25] глаголя же сице: «В Осифовѣ манастыре старцы — пророки. Подобѣнъ Иосифовъ монастырь старцами Печерьскаго манастыря старцем киевьским,[26] иже бысть во оно время при благовѣрных великих князех». Духовник же рече: «Государь святый владыка, Пречистою милостию, молитвами преподобнаго игумена Иосифа, царскым жалованиемъ есть у чего и с кѣмъ в Осифовѣ монастыре жити». Владыка же пакы нача молитвовати и молитвѣ своей внимати, бяше бо владыка навыкъ многие кануны наизусть говорити да Иосифовъ канунъ и стихеры.[27] Велми бо дивно слышати: что владыка ни станет с кѣмъ говорити, — все здравым гласом, а не дряхлым и изнемогшим. Духовник же с келейными старцы неотступно пребываше у владыкы брежениа для.

Во вторник же, в последний день, во нь же преставися святый владыка, во время завьтрени ко владыке прииде феодоровъской архимандритъ Ефремъ,[28] зело бо владыка архимандрита Ефрема любил за его добродетелное житие. И видя архимандрит владыку велми изнемогша, и молит з духовником и с старцы с келейными, чтобы владыка лег на постели легости для. Бяше бо владыка, како и рознемогся, на ребрех не леживал, но все сидя молитвовалъ и бес сна пребывалъ, якоже преже речено бысть. И владыка же к молению ихъ приклоняется и повелѣ постелю послати на коникѣ у дверей против образовъ. И повелѣ владыка собя на постели положити. Молитва же изо устъ святого владыкы къ Всемилостивому Спасу и до последнего издыханиа непрестанно исхожаше о благовѣрном и христоносном царе Иване и о его благовѣрной царице Марии, и о их богодарованных чадех царевичахъ Иване и Феодоре, и о христолюбивом царя Ивана воиньствѣ, и о всѣхъ православных християнехъ.

На утреи же пред обеднею прихожаху ко владыке в келью отрьческой архимандрит Вавила[29] и феодоровской архимандрит Ефрем, и игумены многые посатские, и Пречистые обители Желтикова архимандритъ Саватей[30] и благословяхуся. Владыка же всѣх благословляет совершенным здравымъ разумом и прощение даетъ, якоже всегда, ни есть убо у святого владыкы ни единаго человека не прощенна и не благословенна, всѣх бо владыка Акакие имѣетъ прощенных и благословенныхъ. Архимандрит же Ефрем нача говорити

владыке, чтобы в среду еще причастился Животворящихъ Христовыхъ Таинъ. И владыка рече: «Добро».

Вкушения же во вторникъ у владыкы не было. С обеденныя же поры ни с кѣм не почалъ ничего говорити, токмо с проволоком нача глаголати «Радуйся» до вечерни. И за вечернюю пору такоже «Радуйся» говорилъ, да потише. Духовник же по преставлении уразумѣ, что владыка похвалные кануны Пречистыя Богородици мыслию говорилъ, языком же неизмогал, токмо «Радуйся».

За чазъ же до вечера прииде феодоровъской архимандрит Ефремъ. Владыка же еще «Радуйся» говоритъ, да уже тихо. На первом же часу нощи абие владыка аки усыпати сталъ. Архимандрит же Ефрем учал канунъ на исход души говорити. Духовник же вземъ кандило з благоуханным фемияном, нача кадити и почалъ молитву на исход души говорити. Егда же на отпуске[31] кануна, и владыка аки уснулъ, и абие легко икнулъ на втором часу нощи. Таково святого владыки преставление. Лице же его учинилося свѣтло паче, неже у живаго, очи же и устне, якоже у спяща. Архимандрит же Ефремъ с духовником и с старци келейными мощи святого владыкы пологають на одре и начаша говорити келейное правило, а сторожу церковному повѣлеша немного позвонити в благовѣстной колокол явьствено чинять святого владыкы преставление.

На утрее же в среду на первом часу дни съехалися отроческой архиманъдритъ Вавила (а феодоровской архимандрит Ефрем туто и бысть, во владычне кельи и начевал) и игумены посадские, и Пречистые обители Жолтикова архиманъдрит Сатей. И начаша по указу святых отець отирати губою мощи святого владыкы и облачаютъ святого владыку Акакиа во весь служебный святительской санъ. А сторожомъ церковным повелѣша в благовѣстной колокол созывати на провожение мощей святого владыкы ис кельи в соборную церковь в Спасъ. Священноиноком же посатскым всѣмъ велѣли приказати, чтобы были диаконы их с кандилы и с фимьяном. И по приказу тако и бысть. А живописцы иконые — Иван сынъ Володимеров живописца.

И егда же у владыкы в кельи архимандриты и игумены указное святыми отцы совершиша над мощьми святого владыкы, и понесоша игумены и священници мощи святого владыкы на одре выше глав своих в соборную церковь въ Спасъ, поюще Тресвятое пѣние «Святый Боже»,[32] исходную пѣснь всякому человеку. Со свещами и с кандилы, со многыми слезами не радостная, но плачевная пояху и глаголаху: «Отъиде от нас доброта, о нейже паче солночныхъ лучъ просвѣщахуся, угасе свѣтилникъ, сияя надъ главою сердца нашего и отгоняя и просвѣщаятмуневидѣния, еже по души нужных. Велика ны днесь окружи бѣда, понеже велик сосуд Божиих даровъ взятся от нас, в немже бяше любовь нелицемѣрна, Авраамово страннолюбие,[33] Ияковле незлобие,[34] Иосифово цѣломудрие,[35] Иевлево терпѣние,[36] Моисѣево милование,[37] Давидова кротость».[38] И глаголаху с рыданиемъ: «Аще забудем тебе, святый владыка Акакие, забвена буди десница наша. Подобает же уже оставити плачевная, благодушиемъ себе утвердити, занеже не взятся от насъ пастырь добрый, святый

Акакий владыка, болши нынѣ назирает нас, нынѣ, яснѣйший, молится о нас. Аще и завѣсу плоти отложи, но духомъ с нами есть».

По приказу же самого владыкы Акакиа погребены бысть святыя мощи его чесно въ Пречистой обители в Жолтиковѣ резаньскымъ епископом Филофеем,[39] посланиемъ благовѣрнаго и христолюбиваго царя государя великаго князя Ивана Васильевича, всея Русии самодержьца, по благословению пресвещеннаго Филиппа[40] митрополита всея Русии. Погребены же бысть мощи по преставлении его в третьинадесят день, в понеделник, месяца генваря 27 день, на паметь възвращение честных мощей иже въ святых отца нашего Иоанна Златаустаго.[41]

Сия же яз, нѣпотребный чернец, святого владыкы Акакиа духовник Васиян написал себъ на прочитание памяти для, что Богъ сподобил мя от такаваго святого благословение прияти и чесным мощем его коснутися.

---

[1] *Акакий* — родился в семье священника, принял постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре. С 1517 г. Акакий был архимандритом Возмицкого Рождества Богородицы монастыря в Волоколамске, а с марта 1522 г. до своей смерти 14 января 1567 г. занимал кафедру епископа Тверского и Кашинского. Акакий был участником многих церковных соборов: поставления русских митрополитов Иоасафа (1539 г.) иМакария (1542 г.), канонизации русских святых (1547 г.), Стоглавого собора (1551 г.), собора, осудившего как еретика бывшего Троицкого игумена Артемия (1554 г.), поставления казанского архиепископа Гурия (1555г.). На соборах 1564 и 1566 гг. Акакий уже не присутствовал из-за «великой старости и болезни». Будучи сторонником иосифлян, Акакий отличался от них своими умеренными взглядами. Когда под его надзор в Тверской Отрочь монастырь был отправлен из Иосифо-Волоколамского монастыря осужденный Максим Грек (жил в заточении в Тверском Отроче монастыре в 1531—1553 гг.), Акакий отнесся к нему доброжелательно. Сказание о Максиме Греке отмечает, что Максим «во граде Твери во епископии неизглаголанными судьбами человеколюбца Христа Бога ослабу улучи от епископа Тверскаго Акакия» *(РНБ,* Соловецкое собр., № 495, л. 718). Максим Грек посвятил Акакию сочинение, названное «Сложение вкратце о бывшем пожаре Тферском, тако ж и похвала о обновлении церковнаго украшения, бывшаго боголюбивым епископом Тферскым Акакием». Речь идет о большом пожаре в Твери в 1537 г. («...и весь град выгоре... а владыку Акакия промежь дву конь едва из града умчаша». — ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 303). При епископе Акакии в Твери был построен Троицкий храм; в тверских пределах на острове Столбном на озере Селигер монах Нил основал свой монастырь. Акакий занимался переписыванием книг — сохранилось Евангелие от Иоанна, переписанное его рукой *(ТИМ,* Епархиальное собр., № 39).

[2] *Павел Фивейский* — Считается первым по времени христианским монахом. Во время гонений на христиан римского императора Деция бежал в Фиваиду, где прожил 91 год около ручья под пальмой, плодами которой питался, а листьями одевался. Умер ок. 341 г.

[3] *Иоанн Кущник* — преподобный, подвизался в V в. в Византии (умер ок. 450 г.).

[4] *Федорова неделя* — Возможно, имеется в виду богослужение в день памяти Федора Тирона, которая приходится на субботу первой недели Великого поста. Федор Тирон — мученик, пострадавший за веру в 306 г. в городе Анасии.

[5] *Рождество Христово* — великий христианский праздник в воспоминание рождения Иисуса Христа в Вифлееме, празднуется 25 декабря (по старому стилю).

[6] *Вечерня* — богослужение, которое совершается в конце дня и является началом суточного круга церковных служб.

[7] *Начало* — Начало или начал — определенная последовательность молитв при семи поклонах, которыми предваряется и завершается всякое молитвенное чинопоследование.

[8] *Ставленик* — поставляемый, проходящий обряд посвящения в духовный сан.

[9] *...у всемилостивого Спаса...* — П. М. Строев указывает, что Акакий умер в Москве (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 442). В повествовании Вассиана упоминание этого храма — единственное, по чему можно судить о месте, где происходит действие. По-видимому, речь идет о московском кремлевском храме Спаса на Бору, древнейшем каменном московском соборе, построенном при Иване Калите в 1330 г. Следует заметить, однако, что тверской кафедральный собор также был Спасо-Преображенским. Поэтому возможно, что последние дни жизни Акакия прошли в Твери. Среди посещавших Акакия духовных лиц упомянуты только тверские иерархи. Летописных известий о месте смерти Акакия обнаружить не удалось. Вероятно, П. М. Строев, сообщая, что Акакий умер в Москве, опирался на рассказ Вассиана. Несомненно, что именно этот текст использован П. М. Строевым для сведений об архимандритах тверских монастырей Ефреме (стб. 470), Савватии (стб. 456), Вавиле (стб. 452), — все они указаны с датой 1567 г., когда эти архимандриты посещали умирающего Акакия, как это описано в повествовании Вассиана.

[10] *Иподиак* — иподьякон, церковнослужитель, занимающий степень выше чтецов и певцов, но ниже дьяконов.

[11] *Заутреня* — утреннее богослужение, часть суточного круга церковных служб, следующая за полунощницей, службой,

начинающейся в полночь. Начало заутрени возвещается звоном колокола.

[12] *Правило* — здесь — молитвенное правило, положенное каждому иноку для моления в келье.

[13] *Канон* — богослужебное песнопение, состоящее обычно из девяти песней в честь церковного праздника или в похвалу святого. Здесь — канон, совершаемый при смерти человека.

[14] *Богоявление* — великий христианский праздник в воспоминание крещения Иисуса Христа в водах Иордана, празднуется 6 января (по старому стилю).

[15] *...о благовѣрном царе великом князе Иване... великой кяине Марии... царевиче Иване и царевиче Феодоре...* — Иван IV Васильевич Грозный (1530— 1584), великий князь с 1533 г., царь с 1547 г. Царица Мария (ум. в 1569 г.), вторая жена Ивана Грозного (с 1561 г.), дочь кабардинского князя Темир-Гука, носившая до крещения имя Кученей. Царевичи Иван (1554—1581) и Федор (1557—1598) — сыновья Ивана Грозного от первого брака с Анастасией Романовной Захарьиной (ум. в 1560 г.), Иван Грозный был женат семь раз и имел пять сыновей и трех дочерей, но все дети, кроме Ивана и Федора, умерли в малолетстве. Иван Иванович — участник Ливонской войны и опричнины, умер от нанесенного отцом во время ссоры удара в висок. Федор Иванович — последний русский царь (с 1584 г.) из династии Рюриковичей.

[16] *Святую же дору... на дискосных блюдех... — Дора* — предназначенная к таинству причащения часть просфоры; дора раздается священником в конце Литургии. *Укроп* — теплая вода, «теплота», которая вливается при освящении в вино, знаменуя наитие Святого Духа. *Обедня* — Литургия, главное богослужение, может совершаться не каждый день. На Литургии во время проскомидии освящаются хлеб и вино, пресуществляясь в Святые Дары (Животворящие Христовы Тайны), и происходит таинство причастия. *Дискосное блюдо* — священное блюдо на подножии; на это блюдо, символизирующее в разное время Литургии то ясли в вертепе, где родился Христос, то гроб, в который положено было его тело, полагаются частицы просфор.

[17] *...хлебецъ Пречистой...* — Богородичная просфора, одна из проскомидийных просфор, из которой вынимается частица в честь и память Богородицы и полагается на дискосе справа от Агнца.

[18] *Великий день* — Пасха, главный христианский праздник в честь Воскресения Христа, празднуется в первый воскресный день после весеннего равноденствия и первого мартовского полнолуния, т. е. Пасха бывает между 22 марта и 24 апреля (по старому стилю).

[19] *Иосиф* — Иосиф Волоцкий (1440—1515), в миру Иван Санин — постриженик Пафнутия Боровского, основатель и игумен монастыря Успения Богородицы под Волоколамском. Писатель, публицист, автор

посланий, «Книги на новгородских еретиков» («Просветитель»), монастырского Устава. Иосиф выступал за общежительный порядок монашеской жизни и монастырское землевладение. Иосифо-Волоколамский монастырь стал крупнейшим религиозным и культурным центром, из его стен вышли многие иерархи Русской церкви. Преподобный Иосиф Волоцкий канонизован в 1578 г. (см. наст. изд., с. 795—796).

[20] *...старца Фатея, ученика великого старца Касиана Босово...* — Старец Кассиан, ближайший сподвижник Иосифа Волоцкого, получил прозвание Босой за строгий аскетизм: в любое время года он ходил без обуви. В 1530 г. Кассиан по просьбе Василия III крестил его сына Ивана, будущего царя Ивана Грозного. Умер Кассиан в 1532 г. Старец Фотий — постриженик Иосифа Волоцкого и ученик Кассиана Босого, искусный переписчик книг, автор службы Иосифу Волоцкому. Фотий умер в 1554 г. Вассиан Кошка, ученик Фотия, составил краткие жития Фотия и Кассиана Босого (см. наст. изд., с. 416—433).

[21] *Макарий* — постриженик Иосифо-Волоколамского монастыря Макарий (1482—1563) в 1526 г. был возведен в сан архиепископа Новгородского, а в 1542 г. избран митрополитом всероссийским. При Макарий на церковных соборах 1547 и 1549 гг. были канонизованы многие русские святые. По инициативе и трудами Макария созданы Великие Минеи Четьи.

[22] *Тропарь* — молитвенная песнь, представляющая главные подвиги прославляемого святого.

[23] *...новоявленным еретиком посрамителя...* — Деятельность Иосифа Волоцкого и его последователей была направлена против распространившегося на Руси реформационного движения — новгородско-московской ереси. Приверженцы этого учения, подвергнув критике сочинения святых отцов, пришли к отрицанию монашества и монастырского землевладения. В 1504 г. церковный собор осудил еретиков, осужденные были отправлены на костер. Обличению ереси посвящено сочинение Иосифа Волоцкого, получившее название «Просветитель».

[24] *Кондак* — краткая песнь, заключающая в себе содержание праздника или похвалу святому.

[25] *...про Иосифовъ манастырь...* — Монастырь Успения Богородицы основан преп. Иосифом в 1479 г. Иосиф Волоцкий (1439/1440—1515) — крупный церковный деятель и писатель, ученик Пафнутия Боровского. Иосиф Волоцкий был сторонником сильной великокняжеской власти, защитником монастырского землевладения и строгого общежительного устава, идеологом «воинствующей Церкви» в борьбе с еретическими движениями конца XV — начала XVI в. Местное почитание Иосифа Волоцкого как святого началось с 1579 г., повсеместное празднование было установлено собором 1591 г. Основанный им монастырь был центром иосифлянской школы монашества, книгописной культуры XV—XVI вв. Здесь в заточении находились Вассиан Патрикеев и Максим

Грек. Постриженниками монастыря были крупнейшие церковные иерархи, писатели и книжники XVI столетия (митрополит Даниил, казанский архиепископ Гурий Руготин, Досифей Топорков, Нифонт Кормилицын, Евфимий Турков и др.). О волоколамском Успенском монастыре и его основателе см.: Волоколамский патерик Досифея Топоркова (наст. изд., т. 9, с. 487—501).

[26] *...Печерьскаго монастыря старцем киевьским...* — Киево-Печерский монастырь основан в сер. XI в. преп. Антонием (ум. в 1073 г.). Игумен Феодосии (ум. в 1074 г.) ввел в монастыре общежительный устав. Жития и подвиги монахов этого монастыря описаны в Киево-Печерском патерике (см. наст. изд., т. 4, с. 296—481).

[27] *Стихиры* — песнопения, содержание которых составляет воспоминание события или прославление святого. Существует несколько родов стихир: стихиры каждого рода составлены по определенному размеру и приспособлены к определенному напеву.

[28] *...феодоровъской архимандритъ Ефремъ...* — Федоровский Училищный монастырь в Твери находился на острове в устье реки Тьмаки. Здесь была церковь Феодора Стратилата, построенная в 1323 г. Монастырь упразднен в 1724 г.

[29] *...отрьческой архимандрит Вавила...* — Тверской Отрочь Успенский монастырь находился при впадении реки Тверцы в Волгу. Основан он был в 1265 г. при князе Ярославе Ярославиче княжим отроком Григорием. В 1569 г. в этом монастыре Малютой Скуратовым был убит митрополит Филипп.

[30] *...Пречистые обители Желтикова архимандритъ Саватей...* — Тверской Желтиков Успенский монастырь был основан в 1394 г. при тверском вел. князе Михаиле Александровиче епископом тверским св. Арсением, скончавшимся здесь в 1409 г. В 1566 г. по случаю случившегося в монастырском храме Успения Богородицы чуда воскресения умершего епископ Акакий совершил крестный ход и испросил у Ивана Грозного учреждение архимандрии в Желтиковом монастыре. Получив позволение, Акакий поставил в архимандриты Савватия. Сам же епископ Акакий завещал, чтобы его похоронили в Желтиковом монастыре вне церкви против раки св. Арсения.

[31] *Отпуст* — благословение, которое священник произносит по окончании службы, на отпуск из храма. В отпусте выражается желание, чтобы Господь спас и помиловал молящихся.

[32] *Трисвятое пение* — название молитвы «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». Молитва эта употребляется в богослужении с V в., с тех пор как во время сильного землетрясения в Константинополе в 440 г., когда весь народ молился на улице о спасении, один отрок был поднят на небо, где услышал ангельскую Трисвятую песнь. Будучи возвращен на землю, отрок научил этой песне народ, и землетрясение прекратилось.

[33] .. *Авраамово страннолюбив...* — Авраам — ветхозаветный патриарх, праведник, родился почти за 2000 лет до Рождества Христова. Родоначальник еврейского народа. Удостоился нескольких явлений Бога. Однажды, когда Авраам во время дневного зноя сидел при входе в свой шатер, к нему приблизились три путника. Авраам принял их с радушием. Во время трапезы гости, оказавшиеся ангелами, предрекли Аврааму рождение сына Исаака (Быт. 18, 1—14).

[34] *...Ияковле незлобие...* — Иаков — сын Исаака и Ревекки. Брат-близнец его Исав стал охотником-звероловом, Иаков же был человеком кротким, его привлекала мирная пастушеская жизнь (Быт. 25, 27).

[35] *...Иосифово цѣломудрие...* — Иосиф — старший сын Иакова. Проданный братьями в рабство, Иосиф находился в услужении у Потифара, начальника телохранителей египетского фараона. Жена Потифара была прельщена молодостью и красотой Иосифа, но Иосиф не поддался соблазну (Быт. 39, 1—20).

[36] *...Иевлево терпѣние...* — Иов — праведный и богобоязненный человек, живший в ветхозаветные времена, имевший большое богатство, семь сыновей и трех дочерей. Иов терпеливо переносил ниспосланные Богом испытания — лишение имущества, потерю всех детей, поражение проказой и другие беды (Иов 1, 13—22; 2, 7 и др.).

[37] *...Моисѣево милование...* — Моисей — пророк и законодатель, выведший еврейский народ из египетского рабства. 40-летний путь к земле обетованной сопровождался многочисленными искушениями и ропотом народа. Самое сильное возмущение произошло в пустыне Фаран, когда евреи, услыхав о могущественных укрепленных городах земли обетованной, хотели побить Моисея камнями и выбрать себе нового вождя для возвращения в Египет. Но всякий раз Моисей молил Господа помиловать еврейский народ и простить его беззакония (Чис. 10, 12; 11, 1—15).

[38] *...Давидова кротость...* — Давид— второй царь еврейский, правивший с 1055 по 1015 г. до Рождества Христова. Давид привел царство в самое цветущее состояние, утвердил его единство, расширил пределы — от Египта до Ливана, от Евфрата до Средиземного моря, обезопасил от внешних врагов, повысил внутреннее благоустройство. Правление Давида отличалось мудростью и кротостью. Давид считается автором Псалтири (I Цар., II Цар.).

[39] *Филофей* — епископ Рязанский и Муромский с 1562 по 1568/1569 г.

[40] *Филипп* — в миру Федор Степанович Колычев, постриженик, а с 1548 г. игумен Соловецкого монастыря, был избран митрополитом в 1566 г. Житие его см.: наст. изд., с. 718—741.

[41] *...месяца генваря 27 день... Иоанна Златаустаго.* — Иоанн Златоуст — архиепископ Константинопольский с 398 г. Обладал необыкновенными ораторскими способностями, занимался проповеднической деятельностью, автор многих слов, поучений, бесед,

один из творцов Литургии. За строгие взыскания и обличения в праздной жизни Иоанн навлек на себя недовольство духовенства и императрицы Евдокии. Собором 404 г. Иоанн был осужден и отправлен в изгнание в самый отдаленный пункт империи на восточном берегу Черного моря. По пути туда 14 сентября 407 г. Иоанн скончался. В 438 г. мощи его были перевезены в Константинополь.

ПЕРЕВОД

О ПРЕСТАВЛЕНИИ СВЯТОГО ЕПИСКОПА АКАКИЯ ТВЕРСКОГО И О ЖИТИИ ЕГО ВКРАТЦЕ

В год 7075 (1567) в 14 день месяца января преставился епископ тверской и кашинский Акакий, во втором часу ночи со вторника на среду, на 15 число, на память преподобных отцов Павла Фивейского и Иоанна Кущника. Пас церковь Божию 44 года 9 месяцев и 14 дней. А всех лет жизни его от рождения 85 без двух месяцев.

Житие же и преставление святого епископа Акакия Тверского было удивительно. До скончания лет жизни своей никогда он соборного пения в келье своей не совершал, кроме Федоровой недели, но всегда с усердием ходил в соборную церковь. Даже если его одолевал тяжелый недуг или зима очень морозная была, владыка Акакий все терпел и с усердием всегда в соборную церковь непременно ходил.

Когда же приблизилось время преставления его, за пять дней до Рождества Христова, в четверг после вечерни, перед пятницей, 20-го числа, пришел владыка к себе в келью и, сотворив начало по обычаю, велел позвать к себе ризничего Макария. И спросил его: «Сколько ставлеников?» Ризничий сказал: «Два». И владыка велел ризничему пошлины все сполна ставленикам отдать и отпустить их восвояси. Ризничий же начал на это что-то говорить: «Святой владыка, Бог облегчит тебе службу на Христово Рождество, а ставлеников только два — один в попы, а другой в дьяконы. И ты, даст Бог, над обоими сразу поставление совершишь да и отпустишь». И опять владыка, будто осердясь, велел ризничему их отпустить, отдав все пошлины. И по приказу владыки ризничий так и сделал.

Еще приказал владыка ризничему подать весть попу Авраамию, который служит в храме Всемилостивого Спаса на владычном дворе, и иподьякам, чтобы по звону на площади пришли в келью петь заутреню и прочее правило. И отпустил ризничего в келью. А сам владыка пошел во внутреннюю келью и Вассиану духовнику велел пойти с собою же во внутреннюю келью. И после молитвы велел он Вассиану рядом с собою сесть, и начал владыка кроткой речью говорить так: «Вассиан, спи ты у меня в передней келье да стереги, как увидишь, что я стану умирать, и ты бы постарался прочитать канон на исход души». Духовник же, выслушав наказ святого владыки и взяв благословение, пошел в келью свою, и поздним вечером приходил и спал в передней келье святого владыки, часто же днем и ночью и во внутреннюю келью ко владыке входил для присмотра.

Владыка же за три с половиной недели до своего преставления, с 20 числа месяца декабря и до 14 числа января, из-за изнеможения в церковь не выходил ни на Христово Рождество, ни на Богоявление, ни в другие дни, с 20 числа декабря. И в те три с половиной недели ни разу не спал лежа, а все сидя беспрестанно молился и без сна пребывал. Ибо был молитвенник истинный о многолетнем здравии и спасении благоверного царя великого князя Ивана, и о его благоверной царице великой княгине Марии, о их дарованных Богом чадах, царевичах Иване и Федоре, о христолюбивом воинстве и о всем православном христианстве.

Однажды, незадолго до смерти владыки, сидел у него духовник, и владыка посмотрел на духовника и сказал: «Я и о вас Богу молюсь». Духовник же поклонился владыке до земли и сказал: «Помилуй меня, Господи, твоими молитвами, святой владыка».

Святую же дору и теплоту протопоп и священники всегда после обедни ко владыке в келью приносили на дискосных блюдах, а вкушение хлебца Пречистой во время обеда всегда совершалось. А Пречистым Животворящим Христовым Тайнам перед смертью дважды причащался. И с тех пор, как был поставлен на епископство, кроме обеда, второго приема пищи, то есть ужина, у владыки не было даже в Великий день, а только питье в меру по нужде. А когда занемог, так же обедал вместе со своими старцами, кроме же обеда никакой пищи и в болезни не принимал, только питье умеренное по нужде. С тех же пор, как принял постриг от святой руки преподобного игумена Иосифа, покаялся в прошедшем и прощение получил, не вышло ни одно скверное слово из уст его до самой смерти. Все же другие святого владыки добродетели — смирение, любовь и милость ко всем, особенно к нищим, — как могу описать!

Незадолго до смерти, за пять дней, поздно вечером после правила пошли поп и иподьяки из внутренней кельи к себе, духовник же один остался и сел подле владыки. И владыка, как во сне, начал одно и то же много раз повторять: «Акакий пошел, Акакий пошел». Духовник спросил владыку: «Про которого, государь, Акакия говоришь?» Владыка же, будто осердясь, сказал: «Акакий, владыка тверской, умер». Духовник ответил: «Дай, Господи, тебе, государь, еще много лет. Я, нищий, хочу, чтобы ты, святой владыка, меня похоронил». Владыка же затем ни слова не сказал, только Исусову молитву к иконе вслух умиленно проговорил, плача, со слезами на глазах. И потом, в другой день вечером после правила так же духовник у владыки остался, и владыка произнес: «В четверг мне служить, если Бог даст». И затем ни слова не прибавил, только Исусову молитву, взирая на икону, вслух проговорил с плачем. Духовник удивился сказанному, видя его в тяжелой немощи. После же преставления святого владыки духовник все речи его уразумел, понял, что владыка преставление свое задолго вперед предвидел.

И потом за день до преставления своего, в понедельник вечером после правила, посылает владыка за духовником келейника своего старца Прохора, ибо духовник после правила ушел в свою келью. Келейник,

придя к духовнику, оповещает: «Владыка зовет». Духовник тотчас приходит ко владыке, кланяется с молитвою перед образами и у владыки благословляется. Владыка же велел духовнику сесть подле себя на лавке у дверей. И опять владыка стал говорить о каноне на исход души, чтобы духовник не оплошал. Духовник же сказал: «Помню, святой владыка, твой наказ, если Бог даст». И начал духовник у владыки спрашивать: «Государь святой владыка, каково у тебя на сердце и как твоя болезнь?» Владыка же сказал: «Не знаю, а болезни никакой я в себе не чувствую с тех пор, как ты прислал канон преподобному игумену Иосифу, и я каждый день его читаю и с той поры молитвами преподобного игумена Иосифа не чувствую в себе никакой болезни». И спросил владыка: «Сколько времени прошло, как канон мне прислал?» Духовник ответил: «Три с половиной года».

И стал владыка благодарить старца Фотия, ученика великого старца Кассиана Босого, за то, что он решился на такое великое дело — составить канон и всю службу преподобному игумену Иосифу. И тому владыка радовался, что Фотий, составив службу, известил об этом митрополита всея Руси Макария и благословение от митрополита принял, чтобы в келье по ней молиться до соборного установления празднования. И потом опять владыка начал читать тропарь преподобному игумену Иосифу: «Как постников украшение и отцов красоту, все правоверные, собравшись, восхвалим милости подателя, разума светильника, кротости учителя и новоявленных еретиков обличителя, премудрого Иосифа, русскую звезду, моля Бога помиловать души наши». Духовник поклонился владыке до земли и с радостными слезами сказал: «Святой владыка, очень радостно мне слышать такую похвалу преподобному Иосифу из уст твоих святых. Да и сам я, услышав, хочу выучиться». Владыка же сказал духовнику: «Ты ведь мне прислал». Духовник ответил: «Прости, святой владыка, дерзнул я прислать по твоему святительскому повелению и благословению». Владыка же сказал: «Я тебе за то кланяюсь до земли». И опять стал владыка читать кондак преподобному игумену Иосифу: «Жития треволнения, суеты мирской и страстей взыграния ничем посчитав, жителем пустыни явился, многим был наставник, Иосиф преподобный, иноков собиратель и молитвенник истинный, чистоты хранитель, моли Христа Бога о спасении душ наших».

И потом владыка начал утешаться долгой беседой о Иосифове монастыре, говорил же так: «В Иосифове монастыре старцы — пророки. Подобен Иосифов монастырь старцами Печерскому монастырю с его киевскими старцами, которые были в прошлые времена при благоверных великих князьях». Духовник же сказал: «Государь святой владыка, Пречистой милостию, молитвами преподобного игумена Иосифа, царским жалованьем есть у чего и с кем в Иосифове монастыре жить». И опять владыка стал молиться и молитве своей внимать, ибо привык владыка многие каноны наизусть читать, также и Иосифу канон и стихиры. И очень удивительно было слышать: что владыка ни станет кому говорить, — все здоровым голосом, а не дряхлым и изнемогшим. Духовник же с келейными старцами не отходя пребывал у владыки для присмотра.

Во вторник, в последний день, в который преставился святой владыка, во время утрени пришел к владыке федоровский архимандрит Ефрем, ибо владыка очень любил архимандрита Ефрема за его добродетельную жизнь. Видя, что владыка слишком изнемог, стал архимандрит с духовником и старцами келейными молить владыку, чтобы он лег на постели для облегчения. Ибо владыка, даже когда и занемог, не ложился, но все сидя молился и без сна пребывал, как прежде было сказано. И владыка внял их молению и велел постель постлать на лавке у дверей против образов. И велел владыка себя на постель положить. Молитва же ко Всемилостивому Спасу из уст святого владыки до последнего вздоха непрестанно исходила о благоверном и христоносном царе Иване и о его благоверной царице Марии, о их дарованных Богом чадах, царевичах Иване и Федоре, о христолюбивом воинстве царя Ивана и о всех православных христианах.

Утром перед обедней приходили ко владыке в келью отроческий архимандрит Вавила, федоровский архимандрит Ефрем, многие игумены посадские и Желтикова монастыря Пречистой архимандрит Савватий и благословлялись. И владыка в совершенном здравом разуме всех благословляет и прощение дает, как всегда, и нет у святого владыки ни единого человека непрощенного и неблагословленного, ибо всех владыка Акакий простил и благословил. Архимандрит Ефрем стал говорить владыке, чтобы в среду еще причастился Животворящих Христовых Тайн. И владыка сказал: «Добро».

Пищи же во вторник владыка не принимал. С обеденной поры ни с кем не стал ни о чем говорить, только начал медленно произносить «Радуйся» до вечерни. И вечером так же «Радуйся» говорил, но потише. Духовник после его смерти уразумел, что владыка похвальные каноны Пречистой Богородице в мыслях читал, языком же не мог, только «Радуйся» повторял.

За час до вечерни пришел федоровский архимандрит Ефрем. Владыка же еще «Радуйся» говорит, но уже тихо. На первом часу ночи владыка вдруг будто отходить стал. И архимандрит Ефрем начал канон на исход души читать. Духовник же, взяв кадило с благоуханным фимиамом, стал кадить и читать молитву на исход души. Во время же отпуста канона владыка будто уснул и вдруг легко икнул во втором часу ночи. Таково святого владыки преставление. Лицо же его сделалось светлее, чем у живого, а очи и уста, как у спящего. Архимандрит Ефрем с духовником и старцами келейными мощи святого владыки положили на одре и начали читать келейное правило, а церковному сторожу велели немного позвонить в благовестный колокол, чтобы объявить о преставлении святого владыки.

Наутро в среду в первом часу дня съехались отроческий архимандрит Вавила (а федоровский архимандрит Ефрем тут и был, в келье владыки ночевал), игумены посадские и Желтикова монастыря Пречистой архимандрит Савватий. И стали по правилу святых отцов отирать губкою мощи святого владыки и облачать святого владыку Акакия во все служебные святительские одежды. А церковным сторожам велели звонить в благовестный колокол и созывать всех на проводы мощей

святого владыки из кельи в соборную церковь Спаса. Священноинокам же посадским всем велели приказать, чтобы были дьяконы их со светильниками и фимиамом. И по приказу все так и было. И иконописцы были — Иван, сын Владимира живописца.

Когда в келье владыки архимандриты и игумены все указанное святыми отцами над мощами святого владыки совершили, понесли игумены и священники мощи святого владыки на одре над головами своими в соборную церковь Спаса, распевая Трисвятое пение «Святый Боже», песнь на кончину всякого человека. Со свечами и светильниками, со многими слезами не радостное, но плачевное пели и говорили: «Отошла от нас благость, больше солнечных лучей нас просвещавшая, угас светильник, сияющий на высоте в сердцах наших, отгоняющий и просвещающий тьму неведения для душ нуждающихся. Великая нас сегодня обступила беда, ибо взят от нас великий сосуд Божьих даров, в котором была любовь нелицемерная, Авраамово страннолюбие, Иаковлево незлобие, Иосифово целомудрие, Иевлево терпение, Моисеева милость, Давидова кротость». И говорили с рыданием: «Если забудем тебя, святой владыка Акакий, пусть забыта будет десница наша. Следует нам уже оставить плач, душевным благом себя утвердить, ибо не взят от нас пастырь добрый, святой владыка Акакий, но еще больше ныне нас направляет, ныне, яснейший, молится о нас. Хотя он и оставил завесу плоти, но духом с нами пребывает».

По приказу самого владыки Акакия погребены были святые его мощи с честью в Желтиковом монастыре Пречистой рязанским епископом Филофеем, по приказу благоверного и христолюбивого царя государя великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, и по благословению преосвященного митрополита всея Руси Филиппа. Погребены же были мощи в тринадцатый день после преставления его, в понедельник, в 27-й день месяца января, на память возвращения честных мощей святого отца нашего Иоанна Златоуста.

Сие же я, недостойный чернец, святого владыки Акакия духовник Вассиан написал себе для прочтения на память, что Бог удостоил меня от такого святого благословение принять и честным мощам его коснуться.

СКАЗАНИЕ О ВАЛААМСКОМ МОНАСТЫРЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. А. Охотиной-Линд

ВСТУПЛЕНИЕ

Сказание о Валаамском монастыре принадлежит к пока мало исследованному, но необыкновенно интересному жанровому типу древнерусской литературы — к сказаниям о монастырях, сочетающим в себе черты и исторической повести, и агиографии. Сказание было

написано неизвестным русским автором в конце 50-х—60-е гг. XVI в. и сохранилось в единственном списке, близком ко времени его создания.

Хронологические рамки произведения охватывают почти целиком весь первый этап существования монастыря (до его разорения шведскими войсками в 1611 г.). Источниковедческий анализ текста показывает довольно высокую надежность приводимых им исторических сведений. Автор Сказания несомненно бывал на Валааме и хорошо знал остров и его окрестности; но, скорее всего, не был его монахом.

Введение Сказания служит любопытным источником для выяснения представлений древнерусского человека об этимологии, этнографии и географии; особенный интерес вызывает описание границ расселения чуди и рек и озер Новгородской земли. Точность этих описаний указывает на то, что автор Сказания располагал каким-то неизвестным нам источником, — это мог быть географический чертеж или карта, а при описании Ладожского региона — и «устные знания». Изучение валаамской легенды об Андрее Первозванном, записанной автором Сказания, показало, что этот миф существовал на острове значительно раньше, чем считалось традиционно; он восходит к древнерусскому апокрифу о посещении Киева и Новгорода апостолом Андреем. Сведения введения Сказания дают новый материал для истории колонизации карельских земель русскими монастырями.

На основании изучения Сказания удается разрешить одну из глобальных проблем истории Валаамского монастыря: о времени и обстоятельствах его основания, которая определяется в границах с 1388 по 1415 г. (по годам архиепископства новгородского владыки Иоанна II). Видимо, основание Валаамского монастыря на Ладожском озере следует считать одним из звеньев политики, проводимой новгородским владыкой Иоанном. За время его владычества в Новгородской земле было открыто много новых монастырей (про часть из которых известно точно, что они возникали сразу как общежительные); на Ладожском озере недалеко друг от друга практически одновременно основываются два монастыря — Валаамский и Коневецкий — и оба на основе общежительного церковного устава. Такое продвижение монашества на отдаленные территории Новгородской земли преследовало миссионерские цели (укрепление основ православия среди местного финноязычного населения). Новгород был заинтересован в появлении монастырей недалеко от шведской границы; а распространение и укрепление православия среди карел имело и чисто практическую сторону: к кому они будут «тянуть» — к Новгороду или к Швеции. Важной причиной являлось также и стремление первого поколения основателей общежительных монастырей селиться в уединенных местах, больше способствующих следованию христианским идеалам.

На основании сведений Сказания о Валаамском монастыре вырисовываются и личные судьбы подвижников, стоявших у основания обители: Сергия и Германа Валаамских и Ефрема Перекомского. Сведений этих, однако, недостаточно, чтобы представить себе истинные причины конфликтов, происходивших на острове, — автор Сказания оставил лишь намеки; но из его оговорок можно заключить, что

взаимоотношения были гораздо более сложными и драматичными, чем представлялось в церковной традиции. С Валаама последовательно уходят сначала Ефрем, затем Сергий; роль Германа в этих событиях вообще мало понятна; но наиболее интересным представляется то, что в самом монастыре складывается культ Сергия (в первую очередь) и Германа, хотя, как мы знаем из Сказания, истинным реальным основателем монастыря был Ефрем. В этой связи большой интерес вызывает описание процедуры перенесения мощей Сергия из Новгорода на Валаам и установление официального культа преподобных Сергия и Германа Валаамских, произошедшие в пределах 1542—1551 гг. (раньше в литературе можно было встретить датировку и 1163 г., и XVIII в.). Одновременно с перенесением мощей произошла и канонизация преподобных — но не только не в общерусском масштабе, но даже и не в пределах всей новгородской епархии: это была местная канонизация в границах Карельского уезда. В это же время был установлен и день памяти преподобных — 11 сентября, отмечаемый Церковью и сейчас. Причинами этой акции были: общее оживление канонизационных процессов на Руси в середине XVI в.; заинтересованность Московского государства в укреплении престижа монастыря, расположенного недалеко от шведской границы; миссионерские задачи, всегда актуальные среди финноязычного населения; нельзя сбрасывать со счетов и религиозные чувства — на Валааме Сергий почитался задолго до обнаружения его мощей, иначе до середины XVI в. не сохранилось бы столько сведений о его жизни; не исключено, что на умы валаамских монахов произвела впечатление и канонизация другого основателя Валаамского монастыря — Ефрема Перекомского — на Макарьевском соборе 1549 г. Хотя автор Сказания стремился убедить читателя, что событие обнаружения и перенесения мощей вызвало большой резонанс не только в Новгороде, но и в Москве, изучение источников показывает, что в XVI—XVII вв. эти святые оставались практически неизвестными. Думается, что большую роль в распространении известности валаамских чудотворцев сыграло их упоминание в предисловии Валаамской беседы.

Такой вывод, однако, не исключает того, что уже в средневековье духовный авторитет и известность самого Валаамского монастыря были велики. Видимо, этому способствовали крепкие общежительные устои, заложенные «законом монастырским Сергия», суровые условия жизни на острове в окружении величественной природы. На Валааме с раннего времени существовали отшельники, строго соблюдавшие евангельские заповеди (более подробно: Охотина-Линд Н. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996).

Текст публикуется по единственному сохранившемуся списку: *РГБ,* собр. Д. В. Разумовского, ф. 379, № 73, л. 87—108 — третья четверть XVI в. В квадратных скобках даются синонимы, помещенные писцом на полях.

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ КРАТКО О СОЗДАНИИ ПРЕЧЕСТНЫА ОБИТЕЛИ БОГОЛѢПНАГО ПРЕОБРАЖЕНИА ГОСПОДА БОГА СПАСА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА НА ВАЛАМѢ, И ОТЧАСТИ ПОВѢСТЬ О ПРЕПОДОБНЫХ СВЯТЫХ ОТЕЦЬ ТОЯ ЖЕ ОБИТЕЛИ НАЧАЛНИКЪ СЕРГИА И ГЕРМАНА, И О ПРИНЕСЕНИИ СВЯТЫХ, МОЩЕЙ ИХЪ

Благослови, отче!

Всѣх убо сый Творець и Владыка, егоже не сказани пути и не ислѣдовани суди,[1] иже всѣх сый мѣра и опредѣление по праведной равности, всѣмъ подая неоскудне своих благодатных даров, и вся съблюдая и исполняя кождо, якоже достоит. Иже от единыа крове сътворил вся языкы, и разсѣа их по всему лицу земли и положивый предѣлы языком по числу ангил Божиих, о всѣх человѣколюбное попечение имѣа. Овѣхъ убо под теплотными странами всели, и сластми благовонных арамат възвесели, и златом, и дражайшими многомастными камыкы украси. Овѣх же на плодоносных землях жити учини, и веселѣйшими винограды обогати. Овѣх же по пустыням разсѣа, скотопитателство велие дарова имъ. Инѣх же на премножайших водах и в велицѣхъ лѣсех насели и рыбами преумножи, и красновидных звѣрей кожами одаривъ, — да кождо языкъ свой предѣлъ похваляеть, и с родственою сердечною любовию к своему отечеству связуемъ, дателя таковому благодатству въсхваляют; и любовное гощение кождо от плодовъ своеа земля другъ к другу на братолюбие в дивъ на удивление да посылают в честь вся сътворшему Богу.

Тии же, благых его насытившеся, вышняго Бога, давшего имъ честь, измѣниша, на бездушныя твари славу нетлѣннаго Бога възложиша;[2] от камениа, и от вод, и от лѣсовъ богатства прошаху, и имъ честь въздаваху, по прелести сквернаго и вселукаваго диавола. Сице бо здѣ бысть языкъ убо чюдцкий, иже сѣдит от Руси до Немецкому Свизскому морю,[3] наченъ яж в Ливонстѣй земли даже и до Каргаполя,[4] в Немецкую же землю[5] и до полной великой рекы,[6] еяже 60 верстъ поперекъ глаголют быти; она же течет от Каенскиа губы моря[7] в Свизское море. Той же чюдцкый языкъ на премножайших сладкых водах в величайших лѣсехъ жителствует, и множеством рыбным изъобилуемъ, и красновидных звѣрей кожами обогащаем, но паче Творца своего и Владыки не позна, и нечистыми бѣсы обладаем бывъ. Такову же велику сущу языку и многолюдну, но за их презелное бесослужителное скверное вълхвование, грамоты и началства Божиа сила в них не сотвори, но двема языкомъ поработани — руси и нѣмцам.[8] Толикыа имъ бесовскыа помощи корысть изообрѣтоша, яко от всѣх «вълхвы проклятыа» нарицаютца.[9]

Глаголют же старческыа сповѣсти, яко в древняа она лѣта посланныа Исусом Христом Богом нашим на проповѣдь въ вся языкы святыа священныа апостолы. От них же единъ от двоюнадесяти лика, Андрѣй брат Петровъ,[10] в нашем Русстем языце быв, и в преименитом Великом Новѣградѣ слово Божие проповѣда. И Невскым величайшим езеромъ[11] пловы, и на Корѣлскыа страны к сиверу възрѣвъ, сице рекъ: «Яко новыа хананеи[12] безбожнии языцы вълхвы жителствуют тамъ, но обаче два свѣтила просвѣтятся в них». Се же, глаголют, прорекъ

апостолъ Христовъ о пречестных и великых обителех Валамѣ и Коневце. [13] Иже оба та манастыря на велицемъ томъ Невском езере на островѣх съгражени, в земли Корѣлстей, и велми просиаша в поснических добродѣтелех, якоже нынѣ всѣм знаемо есть по пророчьству святого Христова апостола Андрѣа. Нынѣ же и землю ту просвѣти Богъ святымъ крещениемъ.

Невское же то величайшее езеро величество должины имѣа 300 верстъ. Поперекъ же того езера от рекы величайшиа Свиры до Орѣхова града, [14] отнюду же великая река течеть Нева в море Бѣлое, егоже именують по прилежимой земли вкругъ (окрестъ) его Свие тоже и море Свисское называютъ.[15] Да якоже рѣхъ, поперекъ того езера меж предиреченныхъ рѣкъ 100 верстъ. Сивернаа же и глубочайшаа страна езера того горами превысочайшими каменными предивне Создателева пресилнаа Божиа премудрость яко стенами огради, да не бесчиннымъ шествием збежат воды от уставленых своих сънмъ. Полуденныя же мѣлкыа бреги езера того песком ограждени суть. Наполняет же ся таковое великое езеро 140 рѣкъ и тысящию ручьи (источник). Онѣжское же великое езеро, иже должину 300 верстъ имѣа и премногыми водами насыщаемо, в то же в Невское великое езеро Свирою великою рекою уклонено. Такоже и ильменевскыа воды Вълховом в то же езеро втичють. Немецкых же странъ множество водное от сивера Узярвою рекою[16] в то же езеро входять. Такову же велику сущу езеру и глубоку подобно морю быти; вода же его сладка и здрава, и премножественый неисчетный род рыбный в нем живущь, такоже и звѣрь.

В край же сиверный того езера в земли Корѣлстей островъ превеликъ Валамъ именуемъ, о немьже нынѣ нам слово настоит. Той же остров расстоание имый от бреговъ сиверных 30 верстъ, от въстока же и запада по 40 верстъ. Великий же той островъ Валамъ зѣло прекрасенъ и превысокъ от Сътворителя сътворение; естеством каменнъ, многолѣсенъ и многоводен, глушицы и салмы в нем бесчислени, въкругъ же его 30 верстъ мѣра обдержит. Окрестъ же его малых островковъ 70, да якобы около кокоша чада, сице около того великого острова малые онѣ островкы сътворени зѣло прекрасни и чюдни, единокаменни сущи, ови лѣсни суть, а друзи голы; мали же зѣло, а ини велици. Часты же меж себя сущи, яко о единой верстѣ 20 и вящем быти, яко хлѣбы лежаще зѣло чюдно.

Первое же искони въ островѣ том бесослужителная корѣла живяху, и по первоименству той островъ «Валам» нарицаху. Кто же не удивится Божии пресилной премудрости — откуле тѣм диким людем вложено есть перъскаго древняго языка именование: Валам нарицаху остров той, ниже въ их языце отнюдь таковое речение обрѣтается. Но он, всѣхъ Творець и Владыка, и вѣдый вся преж бытиа, ихь скверными усты изволение своеа славы преже многыхъ лѣт прояви, иже хощет в мѣсте томъ светилище своему великому пресвѣтлому имени сътворити ради многых хотящих спастися, таковое именование ихъ языком именова, яко да Валам мѣсто то именуют въ образъ древняго лестца и пророка Валама,[17] иже неволею превратися языкъ его на благословение древнему Израилю, сице бо и здѣ бысть, егда прежеименованнаа

бесодохновеннаа корѣла съ мнозѣм своим скверным вълхвованием в том островѣ живяху.

Безъмѣрное же и бесконечное неисчетное крайнее милосердие человѣколюбие Божие, иже всегда всѣм человѣком хощет спастися и в разум истинный приитти, и по пророчеству своего апостола съвершаа, подвиже нѣкых от святоученных священых инокъ от Великого Новаграда. В них же единъ Ефрѣмъ зовомый, иже послѣди манастырь на Перековском островѣ на Илмене велицем езере съгради,[18] и о Святемъ Дусе христоподобное братство съвокупи, и съвоимъ величайшим трудом явствену мзду на ползу нам притежа. Священное бо его и трудолюбное тѣло нетлѣнно возлюбленный от него Христос съблюде, всѣми видимо даже и доселѣ. И память его свѣтле с похвалою съвершается и не кончаетца от рода в род.

Сей убо священый предивный отець Ефрѣмъ подвижется, с нимъ же другый преславный священноинокъ премудрый Сергие съ инѣми вкупочинными своими, к предреченному великому и чюдному оному острову Валамскому приходят. И нѣкый островъ с восточныа страны окрестъ великого того острова обрѣтают зѣло чюден и превысокъ, да яко бы стогъ сътворенъ, равенъ от низу даже и до верху; высотою вяще 50 саженъ, единокаменнъ сущь, и един въсход на себе имущь. Верхь же острова того гладко суще, и неизглаголанною красотою сиаемо. Величество же мѣсто того яко бы сажен 50, кругло суще, и пренарочито от всѣх съдѣтеля предивне сътворено, и пещера ту каменна зѣло чюдна.[19]

Тако убо преподобный онъ Ефрем съ своими к малому тому и высокому острову пришед и ту начало полагают, царское знамение Животворящий Крестъ водружають,[20] таже и церковь поставляют въ имя преславного боголѣпнаго святого Преображениа Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа; таже поспѣшением всемогущаго Бога множитися начаша. Нужу же свою ограды на инѣх островѣх саждаху. Живущии же чюдь на велицѣмъ том островѣ зѣло яряхуся на святых онѣх старцовъ, единодушно з бѣсы чарованием нападаху, и многыи пакости творяху.

Предреченный же началникъ старець Ефрем от мѣста того отходить, Богу хотящу, на Илмене Перековскую обитель създа; и доволна лѣта пребывъ, къ Господу отъиде. Прежеименованный же Сергие, зря поспѣшение Божие, въ изообиловании благых умноженаго ему яже о Христѣ братства, и тѣсноты ради мѣста не вмѣщахуся, — таковыя же ради вины преподобный Сергие болшему дѣлу касаетца. О строении манастырском усердие имѣа, и о просвѣщении оныа тмошественыа заблуджшиа чюди велми печашеся, къ архиепископу Великого Новаграда приходит. И о бѣсослужителной оной чюди корѣлской възвѣщает, и преподобнаго Ефрѣма многотрудное начало о здании манастырьском в просвѣщение о нѣмъ по ряду исповѣдует.

Сиа же архиепископъ слышав и рад бысть зѣло, проразумѣ бо, яко въспомянул Богъ свое заблуджьшее създание, и хощет погыбших взыскати, иже подвиже к таковой своей велицей службе своих

избранных рабъ. Скоро к посадником и к тысячскым[21] и к державнымъ града посылает, да вещь ону по Господни воли устроять. Тогда же украшаше престол великиа премудрости Божиа слова Съфеи[22] Иоан достопаметный, иже възведен бысть на великий престол Великого Новаграда в лѣто 6896, и на двадесят семь лѣтъ церковь Божию окорми.[23]

Градстии же держатели архиепископову словесе усердне повинуются, Богу поспѣшествующу, скоро посланных от себе съ епистолиами отрядиша. Такоже и архиепископъ свою епистолию с посланнымъ посла, да великий той остров Валам преподобному Сергию отдадут, и живущих ту людей изгонять. Архиепископъ же много злата и потребных в манастырское строение преподобному Сергию подасть; такоже и держатели града, и христолюбивый именистый народ многочисленых потреб преподобному подаста. И тако архиепископъ с предреченными посланникы преподобного Сергиа отпускаеть.

Святый же правителством вседѣтелнаго Бога, здрави и немедлено пучину того великого езера преплывше, и к великому острову Валамскому пришедше. Посланнии же заповѣлѣнное им от архиепископа и посадьник съвершаху: живущих ту людей от острова того отсылати начаша. И тако онѣ бѣсооружьне себе ополчивше, рать противу посланных сътвориша. И многое падение бысть онѣмъ скверным вълхвом, рукою же всесилнаго Христа Бога их одолѣша и многых избиша, и тако посланнии скоро их от острова изгнаша. Ту же и нѣким от благоговѣйных инокъ смертнее уязвени скончашася.

И тако по преславной той побѣдѣ преподобный Сергие мѣсто манастырю, идѣже Богу хотящу, избра зѣло прекрасно и превысоко на горѣ каменнѣ, яко град видим от всѣхъ, и пренарочитое великое тихое пристанище под собою имуще, яко да тмочисленое множество караблей может съхранитися от ярости свирѣпаго волнениа.

Церковь же по благословению святейшаго архиепископа въздвизает въ имя боголѣпнаго Преображениа Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа, и духовное о Христе братство съвокупляет. И тако Христу пособъствующу многочислено братии бысть, и в гобзовании неоскудное множество потребных всъм изообиловася. Таже уясниша мѣсто от стоящих лѣсов, велику и зѣло прекрасну и превысоку церковь предиреченную поставляет, и в предѣлех устрояеть великого богословца и евангелиста Иоана и чюднаго чюдотворца Николу. Потом же и другую церковь воздвизает въ имя еже по плоти Рождества Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа с трапезою зѣло чюдну и преславну. Манастырь же крестообразно четырестѣнно огради, от въстока же и полудня, от запада и сивера. Великаа же врата на полуденней оградѣ учини — тамо бо подобает имь быти. Прихожение же к манастырю тому от сиверныа страны на полдень по праву манастыря.[24] Великая же та и прехитрая превысокаа церкви среди манастыря равным разстояниемъ от всѣх странъ утвержена, яко древняя она куща меж полки Израилевыми[25] въдружена всъм видима, яко солнце луча красоты испускает.

Законъ же манастырскый по святым священым догъматом изложи, елико нужнѣйшая потребе человѣческаго естества, сиа точию в манастырскых съкровищех имѣти и о сих пещися, излишных же никакоже искати, яко лихоимцем сущим. Ядь убо нужнийшее вариво, еже подасть Богъ, пестротных же и многокозненых многоцѣнных брашен съ ухищьрением — таковых отнюдь отрече, аще и распространит Господь мѣсто то. Медотворных же и пианственых розных питей никакоже не повелѣ, но единъ нужнийший квас своимъ же и приходящим. В праздники же излишных брашен или избранным квасом сему никако же не именоватися, но духовное съвершати веселие о Дусе Святе, яко отнюдь плотское веселие и гортанное наслаждение отсѣче. Одежда же иноческаа немногою цѣною умножена, ниже красотою видима, но во образ иночества нужу точию имущи покровению; такоже и общу слугам же нужнѣйшая сермягу и шубу, и инаа потребнаа ко страданию сиа точию имѣти. Излишных же и дражайших портищь отнюдь не имѣти. Праздныхь же и величавых слуг никакоже не держати, но всъм общаа страда и дѣло в манастырскую потребу съвершати — инокомъ же и слугам. И единаго от братии старца нарядника имѣти, тому въ всѣх страдах и дѣлех повиноватися, еже аще что повелит. Общаа же страданиа всъм, такоже и равенство в трапезе же, и въ одѣже всъмъ равно от послѣднихь же и до первых, едино вариво в рыбе же и въ прочем, и един квас, и единa одежда — от игумена даже и до послѣдняго белца и до пастыря, всъмъ благое о Христѣ равенство подаваемо. Непокоривыхь же бесчинникъ мучити никакоже повелѣно, хлѣбъ таковому подавъ в целомудрие ему, и тако из манастыря изсылати, да не прочии ему поревнують по реченному слову, яко «мал квас все вмѣшение квасит».[26] Сие же его священное законоположение даже и доселѣ цѣло съблюдается, аще и преумножил Господь благыми своими мѣсто то молитвами их. У постригаемых же великых вкладовъ отнюдь отрече просити, но с вѣрою желающаго ангельскаго святого житиа туне (даромъ) стрищи повелѣ, аще и от простых людей есть.[27] Ихь же молитвами нынѣ вяще 100 братовъ обрѣтается в святей обители ихь, оно святое житие имущи.

Мы же пакы на повѣствуемую повѣсть възвратимся, яже о преподобнем Сергие. По семь же грѣху творець лукавый диаволъ нѣкых неутверженных в разумѣ от инокъ обрѣтаеть, на вражду святому и великому игумену Сергию въздвизаеть. Сию же рать диаволю преподобный видѣвъ, и вълнение своих ему ощути, по Господню слову гнѣву мѣсто дасть,[28] игуменства сана уступает, и в глубочайшую пустыню великого того острова отходить. И тамо Предтечево и Илиино житие подражаеть, с дивиами водворяемь, единому Богу безпрестанными молитвами бесѣдуя. Несытный же диавол, всегда оскорбляемый от него, недоволенъ бывъ первою крамолою, но тщася от своего перваго жилища изгонити святого. Аще уже и оттято бысть от него волное его селение, но паче держа гнѣвъ на преподобнаго, яко той началникъ изгонителству его, еще своим злокозньством ину брань на преподобнаго напускаеть зелнымь оскорблением, да яко нужею и бесчестиемь святаго съ острова згонити.

Преподобный же Сергие в преименитый Великий Новъград прииде в манастыри святого великого богословца и евангелиста Иоанна,[29]

молча многолѣтную свою и многотрудную глубочайшую старость накончаваа, жды любезнаго своего желаемаго преселениа в небесныа кровы. И тако ту жителствуя тружаяся, священыа святыа книгы пиша въ просвѣщение вѣрным; да яко зѣло преславно быти его трудолюбное писание, за лежащую в немь пучину божественыа философиа. Даже и доселе писанные его книгы в манастыри том съблюдаются, ихьже нарицають «Сергиевъ перевод».[30] И тако лѣта нѣколика пожить в старости маститѣ, к Господу отъиде. Святое же его и многотерпеливое тѣло в том манастыри положено у церковных стѣн святаго Богословца.

В предреченном же Валамском манастыри по преподобнем игумене Сергие Германъ приснопаметный игуменом бысть, иже въ всѣхъ первых трудѣхъ общий бысть с преподобнымъ Сергием, священства чинъ на себѣ имѣа. Той убо великий Германъ добрѣ пася порученное ему стадо Христово словесных овець, и свою жизнь непорочне имѣа; елико довлѣеть телесной немощи.[31] И въ многолѣтных сединах на своей паствѣ в созданнѣм от них манастыри от житиа сего к Богу отъиде, и ту погребен бысть.

По лѣтехь же мнозѣх, яко бы от създаниа манастыря лѣт 100 и вяще, умноженым сущим грѣхом, человѣколюбивый Богъ свое наказание попусти, да безакониа своа въспомянув, уцѣломудрятся. Сице же грѣх ради наших бысть пожаръ на манастырь той, да яко згорѣша обѣ церкви и казна, и весь манастырь. Гробъ же блаженнаго Германа под церковию бысть, от великыа же тоя огненыа ярости цѣлъ Христомъ съблюденъ бысть. Святое же его священное тѣло нетлѣнно обрѣтеся, бѣ бо мѣсто каменно неудобь капаемо, но на верхь земли положен бѣ. Оттолѣ же святое его нетлѣнное тѣло в велицѣй церкви положено бысть, всѣми видимо на поклонение вѣрным. Пребысть же ту въ церкви преподобный Германъ вяще 40 лѣт,[32] дондеже мощи святаго Сергиа от Великого Новаграда принесоша. И тако обоих вкупѣ положиша за олтарем великиа церкви близ святого жертвеника, иже даже и доселе святаа их чюдотворнаа рака всѣми видима.

Многа же и преславна чюдеса показа Богъ тѣми своими угодникы Сергиемь и Германом. Аще и далече бѣста меж обоих расстояниа телеснаго положениа, но во единых Христовых обителех въдворяются вкупѣ сущи. Преж убо предиреченнаго пожара много въ явлениах нѣкоим достойным иноком себе являюще, и любовное попечение о своем манастыри показующи, на покаяние прочих обращающе и на молитву въставляюще, да възмогут възмолити всѣ Царя и Владыку, да его праведный гнѣвъ мимо идет — таковаа по премногу показующе неотступное свое попечение о мѣсте том имѣюще. Премногаа же их чюдотворениа неудобь списаниемъ исписуется, но и число превзыде ихь скорое пособление к требующим; вся подсивернаа страна их чюдесы богатне озаряется и удивляется.

Суть же три велиции преславнии манастыри от того великого Валамского манастыря устроишася. Первый убо Саватей, ис Кирилова монастыря до Белаозера пришед, и в превелицем Валамстем монастыри жителствова и от ту живущаго игумена благословенъ, первый началникъ жителству Съловетцкому острову бысть.[33] Та же вторый

Александр,[34] иже близ великыа рекы Свиры Святыа и Живоначалныа Троици обитель създа, и предивными *чудесы* выше слова облиста. Той убо святый великий чюдотворец Александръ в томь пресвѣтлом Валамстемь манастыри постриженъ бѣ, и ту сущим игуменомъ благословенъ на създание манастырю. Третии же Сава,[35] иже на Сеннянскомъ острову чюдную ону и духовную пустыню съгради въ имя Пресвятыа Животворящиа Троици, емуже в создание поможе христоименитый государь великый князь Иванъ Иванович, брат великого князя Василья Ивановича всеа Руси.[36] Сице бо оно духовное сѣмя онѣх великыхъ трудолюбных дѣлателей на плодоносней той блазѣй земли вкоренись, гобзователенъ преславный плод израсти, пречюдными духовными цвѣтыдобродѣтелми посничества преукрашенъ в радость Небесному Царствию, и к ползѣ земнымъ, хотящим спастися.

Бяху бо въ оной преславней велицѣй Валамстей обители великие онѣ в постных подвизѣх сиаемыа иноци, пустынное и многотрудное любяху пребывание. В нихь же бѣ нѣкый Харитонъ именем, съ своим ему спосником о Христе братом в далней пустыни острова того живяху. Той же предиреченный Харитон съ своим ему съжителником никакоже от потребъ манастырскых ниже хлѣба нужди ради своеа взимаху; но и зимный мразъ в худых рубищах терпяху и копорулею жесточайшую ту каменную землю копаху своима рукама; никакоже данному на службу человѣком скоту тяготу нанесоста, но собою оранныа нивы страдаху въ многопотных въдах, и от того хлѣбъ свой ядяху, Христу имь помогающу. Да яко таковых рукооранных нивъ за своею им годовою пищею по пяти мъръ жита и вяще в манастырь приносити. Приходящим же к ним убогымъ от таковыа своеа многотрудныа страды неоскудно по насыщении подаваху. Такоже и ини пустынници великая жителства жестокаа проходяху, подобно первым великым отцемъ. Живущии же в манастыри по священным уставом посническаго закона пребываху, в съборных и осъбных правилѣх неизмѣнне стояху от любве Христовы. Свидѣтелствуеть же их трудолюбному великому святому пребыванию в житии святого[37]...

Многаа же и предивнаа съвершаемаа чюдеса и прорицаниа онѣх великых приснопаметных отець нѣсть мощно писанию предати за безмѣрныа и нечисленыа множества повестей. Иже бо аще хто от трудолюбных пожелаеть слышати их равноангельское о Христе чюдесное пребывание прежебывших онѣх святых отець, сам да достижет до святожителнаго того чюднаго острова и преславнаго того манастыря, да ся подвижет, и от ту сущих инок самослыщець будет. И слышав паче удивится превелицѣй Божии премудрости, како первие бесослужители сущи, оставя свое скверное вълхвование, усердне от горящиа любве посническыа законы съверхашу. Иние же от родимыа им о Христѣ незлобивыа простоты, неуклонни к злым, радостне по заповѣди Господни живяху, яко новорождении младенци пиюще нелесное млеко, ничему иному упражняхуся, развѣе еже беспрестанной молитвѣ немолчно въ дни и в нощи, и покой нужный преобидяху бодрому духу повинующеся, и службы монастырскыа от простоты сердца всею душею любезне съвершаху, не человѣкоугодне точию пред очима работающе, но яко самому Христу служаще от всея душа с любовию. Сицево бяше первых онѣх великых отець жителство в

манастыри том. Таково плодовитое оно сѣмя великаго Сергиа и състрадавшаго с ним преславного Германа, иже даже и доселѣ живущии ту нынѣ священии иноци, ревностию ревнующе первым имь своимь отцем, друг друга преспѣвающе в добродѣтелех, Христу имь на таковый свой путь помагающу.

Ино же чюдо велие и преславно повѣдати хощу о пренесении святых мощей ихь. Малыми реченьми сего въспомяну, иже убо бысть въ дни наша и всѣмь вѣдомо есть таковое. Тоя же честныа и преславныа святыа великыа обители Валамского манастыря игумен Пиминъ,[38] иже по святителскому избранию избран на спасение живущим ту о Христѣ иноком, мню же паче от Бога знаменованъ, да преславное то и богоугодное дѣло съвершит. Се убо предиреченный великий в разумѣ игумен Пиминъ осиаваемь духовною благодатию, съвѣт в сердци благъ приимь, да прежереченнаго началника манастыря того преподобнаго игумена Сергиа от Великого Новаграда святыа его мощи в създаною от него обитель Валамскую принесет. И з съжителником его возлюбленным ему Германомъ, иже по нем игуменом ту бывъ, да обоих святыа мощи въ едину раку вкупѣ положит. Да первую ону бъсосодътелную рать посрамит, иже нѣкотории лехкоумнии чернци на преподобнаго Сергиа въздвигоша, и святаго великыми слезами да умолит. Иже самъ свое христоподобное незлобие многажды въ явлениах показа, не понося съгрѣшению ихъ, но сердечное попечение о своих чадѣх и о многотруднем том мѣсте немало показа.

На таковое кроткое беззлобие святаго отца надѣяся, прежереченный Пиминъ, паче же и святыми о нѣмь пострекаем, да во своему ему манастыри святыа его трудолюбныа мощи положени будут. Иже сам духомъ никако же от святаго того мѣста своих трудовъ отступи, но присно моля владыку Христа, вкупе сый съ своими чады.

Прежеименованный же чюдный онъ игумен Пимин вышемѣрному тому великому дѣлу касается: святейшаго архиепископа Феодосиа[39] молить, да взыскав святых мощей преподобнаго Сергиа, въ свой ему манастырь на Валам отнесет. Архиепископъ же, слышав, удивися о величествѣ дѣла и о подвижении мужа иже в родѣ том, и преже никтоже тако не сътвори. Но уразумѣ, яко не от своея воли таковое высочайшее дѣло он игумен начинает, но Богу того хотящу преподобнаго добродѣтели людем проявити; и самому святому възлюбившу да в създаннѣм от него манастыри положен будеть. Не дерзну же архиепископъ сего особѣ сътворити, но паче пресвященому и великому митрополиту и всему святому събору въсписуеть, и прежереченнаго игумена Пимина тамо посылаеть.

Тогда же на превелицемь пресвѣтлом престолѣ великыа митрополиа русскыа чюдный в добродѣтелех Макарие[40] сиаа, иже преже бысть на многа лѣта архиепископъ преименитому Великому Новуграду. Пиминъ же великому тому подвигу себе вдаеть, святого молитвами поспѣшаемь, царствующаго великого града в Москвѣ достизаеть пресвѣтлыа, и пресвященаго святаго митрополита молением подвизает. Великий же той чюдный в добродѣтелех мужь уразумѣ духомъ: не о себѣ игумену на таковую вещь дерзати, но святым онѣмь преподобным Сергиемь

поощряемь. Писание съборное по совѣту свѣтлѣйшаго христоименитого царя Иоана[41] онъ пресвященный митрополить архиепископу въсписуеть, да мощи преподобнаго великаго Сергиа съ честию якоже достоить в създанную от него обитель отпуститъ. Игуменъ же Пимин свое желаемое святое то дѣло улучи, долъжныа хвалы и благодарениа всемогущему владыцѣ и угоднику его въздавъ, Великаго Новаграда достиже, и съборную ону грамоту святого пресвященаго великаго митрополита святейшему архиепископу вручаеть.

Архиепископъ же священников и весь клирос от великиа церкви премудрости Божии Съфеи скоро посылаеть в манастырь святого великаго богословца и евангелиста Иоана, да окопавъ, святыа его мощи запечатавъ, игумену честне отдадуть. Бѣ же ту на церковней стенѣ хитростию писаниа шары въображен святый преподобный игумен Сергие, началникъ Валамского манастыря.[42] Вѣдомо бо бяше его по Бозѣ добродѣтелное житие и чюдеса от нѣкоего же ту старца зѣло стара, увидѣша яко о ногах гроба преподобнаго древу тополю велику израстшу. Чюдный же той игумен Пимин от великыа любве к святому самъ трудом касается землю рыти нача, и доску камени бѣлаго обрѣтоша, изгнившу от множества лѣтъ. Таже и самый святый той гроб окопаша и цѣлы сущи святыа его мощи обрѣтоша, радостию наполнишася, благодарственыа пѣсни Христу Богу и угоднику его въспущаху, и трема печатми гроб запечатлѣша, и священныа пѣсни над преподобным пѣвше, с великою честию до насада[43] проводиша.

И тако поиде святый къ возлюбленному своему и многотрудному мѣсту. Человѣколюбцу Богу угоднику своему помагающу, вѣтры благополучны подасть, великую бо рѣку Вълховъ скоро преходят, тако же и пучину Невскую немедлено преплавають, и пречестныа обители Пресвятыя Преславныа Владычици нашиа Богородица Приснодѣвы Мариа честнаго еа Рожества Коневскаго манастыря достизают.

Случи же ся нѣкако чюдо преславно: въсхотѣ бо онъ игумен Пиминъ да немедлено благополучным ему вѣтром въ свой манастырь доидет, и манастырь святыа Богородица Коневской и великого началника манастыря того святого Арсениа минет. Егда же повелѣ кормнику остров манастыря того миновати, и се въста вѣтръ зѣло противен, да яко нуждею насад назад порѣвати. Той же игумен Пимин въспомяну онѣхъ святыхъ обоих началникъ — валамского Сергиа и коневскаго Арсениа — егда въ плоти живяху, съвершенную Христову любовь меж себе имяху, бяху бо въ едина лѣта оба бѣста.[44] Сиа же игумен въспомянувъ и уразумѣ, яко хощет быти великий Сергие у своего ему о Христе брата и друга, и повелѣ насад к манастырю обратити. Слышавъ же игумен манастыря того, яко мощи святого к нимъ самовълне грядуть, сам в священных ризах с кандилы и пѣснми съ всею братиею срѣтение преподобному сътвори. И с великою честию мощи святого в манастырь внесоша, и ту нощь препокоивешеся. Наутриа же пакы вѣтръ поносен зѣло благополученъ молитвами святого бысть, и тако игумен Пимин купно съ святым на свой путь устремися.

И благополучным онѣмь дателным вѣтром скоро въ пристанище великаго того Валамского острова приидоша, молитвами святого

Сергиа наставляеми. В манастыри же повелѣша, да во утрие священници въ священых одеждахь съ кресты и кандилы и съ свѣщами; и вся братиа к стрѣтению святого готови будут.

Тоя же нощи случися нѣкоему в манастыри том благоговѣйну иноку постническыми труды сиаему, на обычной ему своей молитве бдѣти. И мало от трудов онѣх въсклонися, в невидѣнии бысть. Зрит въ пристанищи острова того, идѣже святый Сергие стоя, полны храмины тѣ и брегъ священнолѣпных инокъ и пренарочитых боляръ съ свѣщами премногыми, радостне ликоствующе. Храмина же полна сущи священых священикъ в ризахь святых, и между их юноши зѣло красни и жезлы в руках имущи, и просвѣщени славою вышнею. Премножество же свѣщь в храминѣ той, и неизреченным свѣтом сиаемы; и недоумѣваемому благоуханию исходити, яки аеру, наполнитись сладкыа тоа и неизглаголанныа въня. Оному же сиа видящу, страхом и недоумѣнием одержиму, не смѣа въпросити, кто суть сии. Но едва нѣкоего от послѣдних ту боязнено въпроси, глаголя: «Кто суть сии, господине мой, иже нѣсть от земных таковыа?» Онъ же отвѣща рече ему, яко прииде началникъ валамскый игуменъ Сергие от Великаго Новаграда въ свой ему манастырь жити. Встречаеть же его спосникъ его и съпрестолникъ тоя же обители игумен Герман, а сии суть с ним. Таковаа же слышав, онъ инок абие възбудися, и видѣ себя в своей ему келии на обычном правилѣ стоящу. Сиа убо о сих.

Мы же на предиреченную повѣсть възвратимся. На утриа же приуготовавшесь священници и вся братиа съ живътворящими кресты, и святыми иконами, и с кандилы, и свещами къ устрѣтению святого. Сам же игумен Пимин съ сущими с ним священники, в священыа ризы облечесь, съ свѣщами и благовънными кандилы по пристанищу съ святым шествие творя, брега достиже. Сам на раму свою съ священикы гробъ преподобнаго въздвижут, с пѣснми духовными радостне в манастырь с великою честию относять. Нѣции же духовнии иноци от радости великыа гласы слезне испущаху, просяще прощениа от преподобнаго, еже отци их невидѣниемь ков на святого сътвориша. И тако принесение его славно бысть с великыми гласы съвершашеся, яко поющих псалмы гласы плачевныа покрываху, и каменосердечных на милосердый плачь обращаху.

Принесше же святыа его мощи, въ велицѣй церкви положиша боголѣпнаго преславнаго Преображениа Бога нашего Спаса Исуса Христа. Такоже и Германа приснопаметнаго вземше, вкупѣ обоих положиша, и священныа святыа пѣсни по уставу священному над ними съвръшаху. Приходящии же братиа святыа их мощи цѣловати, игуменъ же Пиминъ яко к живу сущу прощениа прося от всеа братии, къ святому глаголаше: «Прости, отче святый, прости, не въспомяни грѣховъ отець их, невидѣниемьбосъгрѣшиша к тебѣ. Не бо есть человѣкъ, иже не съгрѣшит. Но ты, яко Сынъ Вышняго, Отцу своему и Владыцѣ подобяся милостию, остави имь их выну. С нами пребывай, на тя бо упование имамы, ты бо еси нашь ходатай и заступникъ».

Таковаа игумену за всякого брата отвѣщавающу, весь слезами обливаемь. Такоже и вся братиа съ слезами целование и прощение къ

преподобному творяху. Съвершивше же священное пѣние, ко уготованному имъ мѣсту святыа ихь мощи отнесоша. За олтарем великыа церкви близ святого жертвеника положиша въ единомъ мѣсте, и гробъ паволокою честне украсиша. И в день той духовное празнество съвершиша и в честь святым и преподобным отцем Сергию и Герману.

Съвершаеть же ся славное ихь святое събрание в паметь имь месяца сентебря 11 день по повелѣнию святого священаго събора,[45] въ онь же день мощи святого Сергиа в манастырь принесоша. Оттоле же даже и донынѣ вся земля Корѣльскаа день памети их, славно по вся годы ликоствующе, от рода в родъ неконечьне творяще славу, и благодарение всегда въссылающе възвеличившему ихъ Христу, Богу нашему. Ихь же молитвами всѣмь нам буди получити Небеснаго святаго некончаемаго Царствиа Царя Христа Исуса Бога нашего, ему же буди хвала и честь и поклоняние съ безначалным его Отцѣм, и с Пресвятым и Благым и Животворящим его Духомъ нынѣ и всегда и в некончаемыа вѣкы. Аминь.

О чюдесѣх святых началникъ валамскых Сергиа и Германа. Сиа же малаа нѣкаа новаа въспомянути хощу от чюдес святых и великых преподобных отець игуменовъ и начальник валамскых Сергиа и Германа. Аще убо вся слышимаа преже съдѣаннаа ими великаа чюдеса, и яже и нынѣ неоскуднѣ чюдеснаа своя изливают с вѣрою призывающимъ ихъ. И на них же содѣаша своя преславнаа, от таковых самѣхъ усты ко устом слышах, всяко убо не довлѣеть вписание вмѣстити, ниже разуму моему обиати, но едину малу нѣкую чюдотворную каплю от великиа и непостижимыа ихь пучины чюдес повѣмь, да жаждущаго сердца горящий пламень слышениемъ утолим.

Сию новую преславную повѣсть въспомяну, юже самъ от самого сътворшагося о нем слышах. В лѣте убо 64 осмыа тысяща[46] бысть. Человѣкъ нѣкый сынъ Иоаннов Андрѣи, Гаркуевъ[47] нарицаемъ, жителствуя на реке Олонце[48] — в сей же землѣ той человѣкъ той знаемь есть. Случи же ся ему по обычаю своему въ время зимнее в конець месяца ноября съ дружиною своею у Валамскаго острова ловлю рыбную творити, якоже и преже. Бысть же ему в руку болѣзнь люта зѣло, яко не мощи ему не точию что от потребных творити, но ниже ясти, ниже спати. Руцѣ же той яко бревну превелику отекшу, и болѣзнь зелнаа безпрестани рваниемь жил мучаше. Достигшу же ему своему дому, и великую ту нужную болѣзнь терпя, даже до месяца генваря продолжитись лютой оной болѣзни над ним.

Начать же человѣкъ той Христу Богу нашему и Пречистей его Материе моление възсылати, и великаго чюдотворца Николу, и началник Валамскых Сергиа и Германа в помощь призывати. И обѣтъ на ся възложи, аще ихь молитвами лютыя тоя немощи избудет, в преславной той обители Валамстей два года работати будет,[49] сущим ту о Христѣ братиам, в честь святым и преподобным игуменом Сергию и Герману — такова же обѣщаниа предиреченному Андрѣю на себя възложившу.

Скорые же онѣ на помощь пособникы нимало потерпѣша, но того же часа одержимый болѣзнию на сонъ тонокъ обратися. Елико точию в

забвение прииде, зритъ себя въ сквернене и многоплетеннѣ лыки и зѣло гнусне одеже в мѣстѣ нѣкоем от нѣкоих Валамскых островов, и ту свою великую немощь терпя. Таже видит представша пред собою два инока зѣло сановита и святолѣпна, славою осиаваема неизглаголанною. Онъ же, сиа видѣв, пристрашен быв, разумѣ, яко началником валамскым быти — видѣлъ бо бяше преже святую их икону.[50] Таже она великаа святаа та старца о належащей ему болѣзни въпрошати начаста, оному же к ним отвѣты отдающу. По семь же зрит: и се от великаго того острова Валамскаго по езеру к ним грядяще мужь старъ, облочен въ священую одеждѵ оѣлу, въ велицеи славѣ сущь. Рече же он священый муж къ святолѣпным онѣмъ старцамъ, глаголя: «Разрѣшите его», — и изъем рѣзень, подасть имь. Она же многаплетенныа лыка около скверныа тоя и гнусныа одежди, яже о нем, обрѣзаста, и свлокше с него непотребную ту одежду, и ввергоста въ близ ту сущую тину.

И тако той предиреченный Андрей от видѣниа того великого възбудися въ своем ему дому и никогоже видя, чюдяся преславному тому явлению. Въспомянув же сущую в себѣ немощь, и никакоже чюа ея, обрѣтъ же премножества гноя от рукы его исшедшу. И от того часа бысть рука его здрава, яко николиже болѣвъ. Сиа же онъ видѣ скорое свое исцеление молитвами святых, славу въссылая Христу Богу и угодником его.

Таже иное чюдо велие съдѣася преподобными онѣми святыми и великими отци Сергиемъ и Германом. Бысть убо пред малыми лѣты преже сказаннаго чюда. Онъ предиименитый игумен Пиминъ, иже святых онѣх мощи пренесе и свѣтлую ихъ с похвалою паметь узаконоположи — сей убо игумен Пимин близ трапезы монастыря того келию келарю създати въсхотѣ, да всегда готов будет к порученней ему службѣ, ради всегда приходящих гостей. Сему же бывшу, келию ону създа съ всякым приуготованием, но не у еще в ней живяху.

Бѣ же нѣкто муж, живый за озеромь от манастыря того яко бы верстъ 40, в мѣсте Соломенском тако нарицаемѣмъ, именем Феодор, скуделникъ сый хитростию, бѣ же человѣкъ той благочестивъ, съ боязнию Божию живый. Сему же Феодору явися сицево: зритъ убо себя в превелицей той Валамстей обители на манастыри, яко грядет к велицей церкви, и се у келии оноя, юже предиреченный игумен постави близ трапезы, два святолѣпна старца въ велицѣй славѣ. Сему же видѣвшу таковое, и пристрашен быв от видѣниа их. Старцомъ же онѣмъ именем възвавшим его, сему же пришедшу, сице глаголати к нему начаста: «Иди, — рече, — и повѣж игумену: мы есмя началникы монастыря сего Сергий и Герман. Възвести же ему сиа, да не повелит в келии той жителствовати. Мѣсто бо то свято есть, преже бо ту стоя церкви Рожества Христа Бога нашего». Таже к полуденнѣй странѣвъзрѣста и рекоста: «Се есть и другое прежнее мѣсто церковное, без именованиа стоит. Да повелит убо игуменъ на обоих тѣх церковных мѣстех животворящиа святыа кресты водрузити». И показаста рукою к гостиннѣй келии. Таже рекоста: «Вѣсть бо о мѣстех тѣ старецъ Ипатей — того игуменъ да въпросит. Рци же сиа игумену, да не повелит в келии той жити, да не праведный Божий гнѣвъ въздвигнут на ся». И сиа рекоста и невидими быша.

Той же убо предиреченный Федоръ от чюднаго того видѣниа въспрянув, по сугубому ихь завъщанию скоро в манастырь прииде и повѣда игумену вся сиа. Игумен же въпроси предиреченнаго старца Ипатиа, егоже повелѣ сиа святии въпросити. Онъ же рече, яко на полуденнѣй странѣ близ гостинныа келии до пожара ту крестъ въдружен стоя. Повѣдаша же прежнии многолѣтнии старци, яко ту первоначалнаа церкви стоя. Игуменъ же, сиа слышав, удивися, хвалу святым и преподобным отцем всылаа, яко неотступно о мѣсте томъ пекущеся; и по повелѣнию их тако устрои.

Третие еже сътдѣанное ими чюдо повѣмь, таже слово препокою, да не слухы ваша отяготят множество повѣстей. Бысть убо пред малыми лѣты преже реченнаго игумена Пимина, в святей обители той игумен Кирил. [51] Случи же ся ему диаволим съвѣтом враждовати на всѣх ту живущих о Христѣ братию, и тако игуменства отречеся. И къ архиепископу в Великый Новъград иде, и тамо многые клеветы изнесе на живущую в манастыри том братию. И посланника испроси, да с нужею онѣх старцовъ на суд приведет,[52] и свое оболгание оправдает, и святей той обители пакость и сторомъ сътворит. Сицеваа умысли предиименитый игуменъ Кирил, надѣя бо ся мимо правды на власти смертныа, многыи бо стяжа пособникы от боляр святейшаго архиепископа.

Но великые онѣ своей обители бессмертныа заступникы вышнему Царю предстояще, съвѣт того игумена тлѣнный празден и поруганъ показаша. Егда бо той игуменъ Кирил повелѣ посланнику вяще 40 старцов монастыря того въ Великий Новъград привести, не точию бо державных манастыря того, но и многолѣтных, иже никакоже вѣдущих о волнении том, но точию преданнѣй молитвѣ внимающе. Бысть же превеликъ ужасъ на всѣх живущих в манастыри том, и плач от святых онѣх многолѣтных старцовъ, иже никакоже от обѣщаниа своего к мирскым изыдоша. И тако к шествию готовяхуся.

Бысть же сице: яви нощию нѣкоему духовну старцу и многолѣтнему, яко бы въ велицей той церкви святаго Преображениа, идеже нетлѣнное тѣло святаго Германа лежа — бо тогда въ церкви бысть преподобный Герман. Зрит убо самого того святаго от своего гроба въставша и съ жезлом изъ церкви грядуща и сице глаголюща: «Не терплю прочее слезъ чад своих, но иду с ними к брату моему Сергию, да избавимь их от належащиа бѣды». И тако невидим бысть. Бѣ бо еще тогда мощи святаго Сергиа въ Велицем Новѣграде. Старець же от видѣниа того вспрянув, чюдяся бывшему, и възвести таковое прочим братиамъ.

Егда же приидоша въ Великый Новъград, предиименитаго же игумена Кирила ложное его оболгание и прочиа его мятежи явственѣ открышась пред архиепископомъ же и боляры. Онъ же посрамленъ и поруган въ словесѣх своих явись, архиепископъ же сущую ту братию с миромъ отпусти. Скоро приидоша вси въ свой им манастырь без никоея же пакости, благодаря… и угодников его Сергиа и Германа.

…убо точию три чюдеснаа их въспомянухъ въ славу прославлшему их въ Троици славимому Богу, ему же буди слава и честь и покланяние въ вся въкы и на вѣкы. Аминь.

---

[1] *егоже не сказани пути и не ислѣдовани суди...* — Рим. 11, 33.

[2] *...вышняго Бога давшего имъ честь измѣниша, на бездушныя твари... възложиша...* — Ср.: Рим. 1, 23.

[3] *Немецкое Свизское море* — Балтийское море (Свизское, или Шведское).

[4] *...наченъ яж в Ливонстѣй земли даже и до Каргаполя...* — Дается расстояние с юга на север. Ливонская земля — территория современных Латвии и Эстонии. Если наложить описание границы расселения чуди в Сказании на археологическую карту, то можно увидеть, что автор Сказания называл чудью племена ливов, эстов, води, карелов, веси, сумь и емь.

[5] *...в Немецкую же землю...* — Т. е. на запад.

[6] *...полной великой реки...* — Южная часть Ботнического залива Балтийского моря или пролив, соединяющий Ботнический залив с Балтикой. На карте середины XVII в. под названием «Чертеж ветхой городам русским и шведским до Варяжского моря» у входа в Ботнический залив показано: «по сему месту ходу морем 60 верст».

[7] *Каенскиа губы моря...* — Ботнический залив Балтийского моря. «Каянской землей» русские источники XIV—XVII вв. называли современную Северную Финляндию, область к востоку от северной части Ботнического залива, где до сих пор находится город Каяни (Каянеборг). Упоминается и топоним «Каяно море» (например, в Ореховском договоре 1323 г. и новгородской берестяной грамоте № 286), обозначающий Ботнический залив. Выражение, употребленное в Сказании — Каннская губа моря, — ни в одном источнике больше не встречается, хотя и более точно определяет географическую реальность.

[8] *...двема языкомъ поработани — руси и нѣмцам...* — Автор Сказания хорошо знал и политическую реальность, так как западные чудские племена находились на территории Швеции («немцы» здесь выступает как обобщенное обозначение иноземцев, в данном случае — шведов).

[9] *...яко от всѣх «вълхвы проклятыа» нарицаютца...* — Для XVI в. еще устойчив образ «чудских племен» как не только язычников в прошлом, но и колдунов, «волхвов». Известно четыре послания середины XVI в. новгородских архиепископов об искоренении языческих обрядов и обычаев карел; так что во времена написания Сказания задача борьбы с язычеством местного населения стояла остро.

[10] *...Андрѣй брат Петровъ...* — Апостол Андрей, галилеянин и брат апостола Петра, живший в I в. н. э. (Мф. 4, 18—20; Ин. 1, 40—42).

Помимо канонических сведений, на Руси было популярно и апокрифическое сказание об апостоле Андрее Первозванном: оно вошло во многие летописные своды, а также в церковные службы и памяти. Так, уже в Лаврентьевской летописи мы читаем, как апостол Андрей путешествовал по территории Руси, посетив места будущих Киева и Новгорода, пророчествуя о принятии Русью христианства. Особой популярности культ апостола Андрея как крестителя Руси достигает в середине XVI в. при Иване Грозном. Поэтому неудивительно, что автор Сказания о Валаамском монастыре «продляет» маршрут апостола Андрея из Новгорода до Ладожского озера. Отметим, однако, что автор Сказания говорит об этом достаточно осторожно, ссылаясь на «старческие оповести».

[11] *Невское (Нево) озеро* — Ладожское озеро.

[12] *...яко новыа хананеи...* — Хананеи — первоначальные жители земли Ханаанской, потомки Хама. В Ветхом Завете олицетворяли язычников, волхвов, нечестивцев (ср.: Исх. 23, 32; 34, 15—16).

[13] *Коневец* — Коневский (или Коневецкий) монастырь Рождества Богородицы, основан преподобным Арсением Коневским на острове Коневец на Ладожском озере после его возвращения с Афона. Житие Арсения (см. наст. изд., с. 156—183) называет 1399 г. как дату прихода преподобного на остров и сообщает год его смерти: по разным спискам жития — 1444 или 1447 год. Следовательно, и Валаамский, и Коневский монастыри возникли примерно в одни и те же годы неподалеку друг от друга на Ладожском озере; оба возникли сразу же как монастыри нового типа — общежительные и играли важную миссионерскую роль в Карельской земле.

[14] *Град Орѣхов* — город Орешек (позже — Нотебург, Шлиссельбург, современный г. Петрокрепость).

[15] *...море Бѣлое... тоже и море Свисское называютъ...* — Из контекста понятно, что «Белым морем» здесь названо Балтийское море. Во избежание недоразумений автор Сказания приводит и более распространенное его наименование — «Свисское» (Шведское). Примеры названия Балтийского моря Белым по другим источникам мы привести не можем. С другой стороны, и современное Белое море в середине XVI в. еще не носило это название.

[16] *...от сивера Узярвою рекою...* — Современная река Вуокса, впадающая в Ладожское озеро не с севера, а с запада (северо-запада), к тому же южнее самого Валаама. Эту фразу Сказания следует понимать, скорее всего, в таком смысле: через Узярву в озеро Нево втекают воды северного бассейна.

[17] *...яко да Валам мѣсто то именуют въ образъ древняго лестца и пророка Валама...* — Эта ложная этимология основана на созвучии названия острова и имени библейского Валаама — мага и прорицателя времен Моисея. Автор Сказания обыгрывает известный библейский сюжет: Моавитский царь Валак призвал к себе Валаама, чтобы тот

проклял народ Израиля, вышедший из пустыни во главе с Моисеем. Но каждый раз, когда Валаам должен был произносить проклятия Израилю, Бог вкладывал в его уста слова благословения (Чис. 22—24).

[18] *...Ефрѣмъ зовомый, иже послѣди монастырь на Перековском островѣ на Илмене велицем езере съгради...* — Появление имени Ефрема Перекомского (Перекопского, Перековского) в Сказании несколько неожиданно, поскольку ни в одном из других источников его имя с Валаамом никак не связано. Видимо, и здесь автор пользовался местным монастырским преданием. Ефрем был канонизирован на церковном соборе 1549 г., хотя его местное почитание началось раньше.

Судя по тексту Жития, Ефрем родился в 1413 г., основал Перекомский монастырь на р. Веренде в 1450 г. (именно эта дата и вошла во все издания как год основания Перекомского монастыря); дату же его смерти можно высчитать по противоречивому тексту Жития от 1486 до 1552 г. Наиболее вероятно, что Житие Ефрема могло быть написано во второй половине XVII в., когда Перекомский монастырь был возрожден из запустения при помощи боярина Романа Федоровича Бобарыкина (к этому времени относится большинство чудес Жития, героем одного из которых является сам Бобарыкин).

В то же время в Новгородской III летописи под 1407 г. сохранилось известие: «...постави владыка Иоанн Новгородский церковь каменну святаго Николая чудотворца на Веренде, и монастырь устроиша» (ПСРЛ. Т. 3. С. 234). Как мы видим, это подтверждается текстом Сказания о Валаамском монастыре, в котором основание Перекомского монастыря также отнесено ко времени владычества Иоанна П. Поэтому именно 1407 г., а не середину XV в., скорее всего, следует считать началом истории Перекомской обители, а следовательно, удревнить годы жизни и самого Ефрема.

[19] *И нѣкый островъ с восточныа страны... пещера ту каменна зѣло чюдна.* — Судя по точному описанию островка, — это тот, который сейчас называется Святым (или островом Александра Свирского) и где со второй половины XVIII в. находился скит и часовня Александра Свирского, а пещеру связывали с именем этого святого. Вообще, в любой популярной литературе XIX—XX вв. можно прочесть, что «судя по тексту жития преподобного Александра», он несколько лет подвизался не только в самом Валаамском монастыре, но и в пещере Святого острова. Откуда взяты такие сведения — неизвестно, поскольку в многочисленных рукописных списках Жития Александра XVI—XVII вв. подробно рассказывается о его пострижении и жизни на Валааме, но о Святом острове и пещере ничего не говорится.

С другой стороны, в XIX в. было известно наименование «Старый Валаам» применительно к Святому острову; капитан Я. Я. Мордвинов, посетивший Валаам в 1777 г., передает сведение о том, что в данной пещере жили Сергий и Герман, а не Александр Свирский. В довершение этой путаницы современные исследования лихенологов показывают, что камни, которыми выложена пещера, не могут

датироваться старше, чем XVIII в. Во всяком случае предание (или знание?) третьей четверти XVI в. связывало начало Валаамского монастыря с этим маленьким островом и какой-то пещерой, на нем находящейся.

[20] *...и ту начало полагают, царское знамение Животворящий Крестъ водружають...* — Поставленный на пустом месте крест традиционно служил символом основания новой обители.

[21] *Посадники и тысячские* — представители новгородской администрации. По наблюдениям В. Л. Янина, с середины XIV в. в Новгороде начинают править одновременно шесть посадников — по одному от каждого конца и еще один главный, степенный. С первой половины XIV в. появляются сведения и о нескольких тысячских.

[22] *...украшаше престол великиа премудрости Божиа слова Съфеи...* — Собор Софии Премудрости Божией — кафедральный собор Новгорода. Это выражение обозначает, что Иоанн был архиепископом Великого Новгорода.

[23] *...Иоан достопаметный... церковь Божию окорми.* — Архиепископ Иоанн занимал новгородскую кафедру в 1388—1415 гг. (при этом в течение трех лет и трех месяцев в 1401—1404 гг. он находился в Москве в заточении). Известен тем, что за годы его архиепископства и по его инициативе было основано большое число монастырей как в самом Новгороде, так и в Новгородской земле. Годы правления Иоанна II автор Сказания почерпнул, скорее всего, из летописного источника.

[24] *Монастырь же крестообразно четырестѣнно огради... от сиверныа страны на полдень по праву манастыря.* — Как мы видим, современная планировка Валаамского монастыря (XVIII—XIX вв.) практически повторяет первоначальную планировку: прямоугольное каре, ориентированное по сторонам света, с храмами в центре. Традиция монастырского строительства каким-то образом сохранилась, несмотря на более чем столетний перерыв в XVII в.

[25] *...куща меж полки Израилевыми...* — См.: Чис. гл. 1, 2.

[26] *...«мал квас все вмѣшение квасит».* — 1 Кор. 5, 6.

[27] *Законъ же манастырскый по святым священым догъматом изложи... аще и от простых людей есть.* — «Закон монастырский Сергия» носит характер вставки — видимо, автор Сказания включил в свой текст готовое произведение, пересказав его своими словами. Сравнение «закона монастырского Сергия» с известными древнейшими уставами общежительных монастырей (Евфросина Псковского, Иосифа Волоцкого, Корнилия Комельского, Герасима Болдин-ского, Павла Обнорского) показывает, что по своей форме он не является монастырским уставом в общепринятом смысле (скорее всего — это краткая «выжимка» из устава или же форма устава-завещания основателя монастыря), хотя также проповедует принципы общежительства, а в некоторых вопросах значительно опережает их.

Так, например, только Стоглавый собор (1551 г.) принял пункты о принятии постриженников без вкладов и о совместной трапезе игумена и всей братии. Отличие проявляется и в отношении к провинившимся — в монастырских уставах других монастырей оно значительно более суровое.

Трудно сказать, действительно ли «закон монастырский» был сочинен самим Сергием или же авторство приписано ему более поздней традицией. Известно лишь, что Валаамский монастырь пользовался устойчивой репутацией обители с древними общежительными устоями, хотя как общая мера общежительство утвердилось в новгородских монастырях с начала XVI в.

Благодаря «закону монастырскому» и дальнейшему описанию жизни валаамских иноков можно утверждать, что Валаамский монастырь принадлежал к числу древнейших русских общежительных монастырей — обителей нового типа, традиция которых связана с мощным религиозным, духовным ренессансом XIV—XV вв., идущим от Сергия Радонежского и его учеников, а в Новгородских землях — непосредственно с Афона.

[28] *...гнѣву мѣсто дасть...* — Ср.: Рим. 12, 19.

[29] *манастыри святого великого богословца и евангелиста Иоанна...* — Судя по контексту Сказания, Богословский монастырь находился или в самом Новгороде, или в его ближайшем пригороде и у воды. В Новгороде в это время известен только один монастырь, более или менее подходящий на эту роль, — на Торговой стороне, на р. Витке у ее впадения в Волхов находился монастырь Иоанна Богослова, основанный в середине XIV в.; каменная церковь (самая маленькая среди всех новгородских), существующая и поныне, была выстроена в 1383—1384 гг. (НПЛ. С. 379,380). Таким образом, можно предположить, что последние годы своей жизни Сергий провел в Витковском Богословском монастыре — монастыре маленьком и не очень известном, но занимался почетным делом и оставил там память о себе.

[30] *...«Сергиевъ перевод».* — Слово «перевод» может пониматься двояко: и как «список, снимок, копия», и в современном смысле слова как «текст, переведенный с одного языка на другой». Таким образом, остается неясным, занимался ли Сергий в Богословском монастыре перепиской книг или же их переводом.

[31] *...Германъ приснопаметный игуменом бысть... елико довлѣеть телесной немощи.* — Столь общая «книжная» характеристика преподобного Германа указывает на то, что автор Сказания располагал о нем очень бедной конкретной информацией: он был вторым игуменом монастыря и имел сан священноинока.

[32] *...от създаниа монастыря лѣт 100 и вяще. ...Пребысть же ту въ церкви преподобный Германъ вяще 40 лѣт...* — Следовательно, со времени основания монастыря до перенесения мощей Сергия прошло

более 140 лет, что полностью соответствует косвенным датировкам этих событий, приводимых в Сказании.

[33] *Саватей... началникъ жителству Съловетцкому острову бысть.* — Преподобный Савватий Соловецкий. По тексту Жития Зосимы и Савватия Соловецких, Савватий, уйдя из Кирилло-Белозерского монастыря, несколько лет провел на Валааме и уже оттуда пошел на Соловки (см.: Дмитриева Р. П. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 220—283). Традиционно датой ухода Савватия с Валаама и прихода на Соловки считался 1429 г., но, как убедительно доказал Д. С. Лихачев, этот год заимствован из позднего Соловецкого летописца, где он вычислен на основании разных косвенных и, по-видимому, неверных соображений, а реальным временем переселения Савватия на Соловки следует считать конец 30-х гг. XV в. (Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры / Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 12).

[34] *Та же вторый Александр...* — Преподобный Александр Свирский — основатель Спасско-Троицкого монастыря на реке Свири близ Ладожского озера. Судя по тексту Жития, написанного его учеником Иродионом в 1545 г., Александр принял постриг на Валааме в 1474 г. и прожил в нем несколько лет, а в 1485 г. он уже основал собственный монастырь — Троицкий на р. Свирь.

[35] *Третии же Сава...* — Савва Сеннянский. Если первые два из перечисленных святых — Савватий и Александр — широко известны и почитаемы (и оба к моменту написания Сказания уже были канонизированы на Макарьевских соборах), то сложнее обстоит дело с Саввой Сеннянским. Он отождествляется с Саввой — автором полемического антиеретического произведения «Послание на жидов и на еретиков», написанного в 1488 г., адресованного боярину Шеину и направленного против появившейся в эти годы в Новгороде «ереси жидовствующих» (Послание инока Саввы на жидов и на еретики / Предисл. С. А. Белокурова / ЧОИДР. 1902. Кн. 3. Отд. II. С. 1—94). В заголовке Послания Савва называет себя «иноком Сенного острова». Поскольку в Сказании он называется в одном ряду с Савватием Соловецким и Александром Свирским, можно понять, что и он воспринимался автором как святой. Возможно, перед нами пример местно чтимого подвижника, никаких следов памяти которого не сохранилось или пока не удалось найти.

[36] *...государь великый князь Иванъ Иванович, брат великого князя Василья Ивановича всеа Руси.* — Князь Иван Иванович Молодой родился в 1458 г., умер в 1490 г., с 1477 г. был соправителем отца Ивана III, с 1485 г. владел Тверским уделом. О его деятельности по устройству монастырей ничего не известно (см.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 66—89).

Упоминание имени Ивана Ивановича Молодого дает возможность определить время основания Троицкого Сеннянского монастыря

концом 70-х—80-ми гг. XV в., а из Послания Саввы мы знаем, что в 1488 г. монастырь уже существовал (см. предыдущий комментарий).

«Сенной остров» русских источников следует отождествить с островом Хейнясенмаа, расположенным в Ладожском озере неподалеку от устья р. Вуоксы, т. е. между Валаамом и Коневцом. Видимо, монахи, пришедшие на остров, перевели его название на русский язык, поскольку «Хейня-сенмаа» по-фински и значит «Сенной остров».

[37] ...*в житии святого*... — Далее в тексте рукописи пропущено около строки — вероятно, оставлено место, чтобы вписать киноварью имя святого. Не совсем понятно, относится ли ссылка на житие только к предыдущей фразе о монахах, живущих в монастыре, или же ко всему сюжету (включая и рассказ о Харитоне). Поэтому трудно сказать, о житии какого святого может идти речь.

[38] ...*игумен Пиминъ*... — Имя валаамского игумена Пимина ни по каким другим источникам неизвестно.

[39] *Феодосий* — новгородский архиепископ в 1542—1551 гг.

[40] *Макарий* — митрополит всея Руси (1542—1563), был хиротонисан на митрополию из новгородских архиепископов.

[41] ...*царя Иоана*... — Иван Васильевич Грозный, титуловавшийся царем с 1547 г. Впрочем, в 60-е гг. XVI в. автор Сказания мог постфактум употреблять этот титул применительно к Ивану Васильевичу и до 1547 г. Следовательно, на основании этой даты представляется не совсем корректным сужать датировку перенесения мощей Сергия. Предлагаю датировать это событие более осторожно: в промежуток времени между 1542 и 1551 гг., хотя склоняться следует скорее к концу этого периода, чем к его началу, еще и по следующим причинам: 1) за время с 1540 г. до перенесения мощей на Валааме сменилось три игумена — Исайа, Кирилл, Пимен (игумену Исайе адресована жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича 11 марта 1540 г. — *РИБ*. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 1097—1099. Игумены Кирилл и Пимен известны по тексту Сказания); 2) Житие Александра Свирского, написанное в 1545 г. Иродионом и довольно много рассказывающее о Валаамском монастыре, ничего не говорит о его святых основателях — вероятно, если бы к этому времени Сергий и Герман были канонизированы (что произошло одновременно с перенесением мощей), то Иродион не обошел бы их молчанием; 3) деятельность Пимина по прославлению валаамских святых могла быть вызвана общей активизацией канонизационных процессов под влиянием Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг.

[42] *Бѣ же ту на церковней стенѣ хитростию писаниа шары въображен свя-тый преподобный игумен Сергие, началникъ Валамского монастыря.* — В Сказании имеется в виду изображение (фреска?) Сергия Валаамского в церкви Иоанна Богослова на Витке. Не совсем понятно, были ли в этой церкви росписи; реставрационные работы выявили следы росписи в одной из ниш (Шуляк Л. М. Памятники

архитектуры Новгорода. Церковь Иоанна Богослова на р. Витке XIV в. Новгород, 1959. С. 9).

[43] *Насад* — речное судно с высокими бортами.

[44] *...бяху бо въ единалѣта оба бѣста.* — Арсений Коневский действительно был современником Сергия Валаамского (см. коммент. к Житию Арсения Коневского), тем не менее никаких других источников, кроме Сказания, свидетельствующих о дружбе или хотя бы контактах между преподобными, мы не имеем. В случае с Арсением Коневским мы сталкиваемся еще с одним примером легендарности валаамской историографии. В любой популярной и научно-популярной книге о Валааме XIX—XX вв. можно прочесть со ссылкой на Житие Арсения Коневского сведения о том, что после возвращения с Афона в 1393 г. и до основания собственного монастыря Арсений жил какое-то время на Валааме. Однако эта версия появляется только в поздней переработке Жития, сделанной коневским игуменом Илларионом в начале XIX в. и опубликованной в книге: «Служба, житие и слово похвальное Арсения Коневского» (СПб., 1850). В древнерусской традиции рукописных списков Жития Валаам и его святые ни разу не упоминаются (на наш взгляд, это может служить косвенным аргументом в пользу того, что Житие Арсения Коневского было написано до прославления Сергия и Германа Валаамских, т. е. до середины XVI в.).

Однако связь между двумя обителями не вызывает недоумения и представляется вполне естественной: оба монастыря возникли примерно в одни и те же годы по благословению архиепископа Иоанна на близлежащих островах Ладожского озера и являлись православными миссионерами среди иноязычного языческого населения (Арсений Коневский изгонял бесов от Коня-камня, которому язычники приносили жертву). Важной объединяющей чертой является и то, что оба монастыря возникли на новой общежительной основе.

[45] *...месяца сентебря 11 день по повелѣнию святого свяшенаго събора...* — О каком соборе идет речь, неизвестно. На знаменитых канонизационных соборах митрополита Макария 1547 и 1549 гг. Сергий и Герман причтены к лику святых не были; о других соборах этого времени сведений не сохранилось, хотя они несомненно проводились. То, что в Сказании называется день празднования памяти преподобных — 11 сентября, — указывает на то, что во всяком случае к моменту написания Сказания они уже были официально канонизированы, но, как явствует из текста Сказания, канонизация состоялась только в границах Карельского уезда. Этим, возможно, объясняется столь малая распространенность культа Сергия и Германа в XVI—XVII вв.

[46] *В лѣте убо 64 осмыа тысяща...* — Т. е. в 1556 г.

[47] *Гаркуевъ* — типичное для корелянина фамильное прозвище.

[48] *Река Олонец* — современное название: река Олонка.

[49] *...два года работами будет...* — Если после 1566 г. Андрей Гаркуев еще два года проработал по обету в Валаамском монастыре, то 1558 г. — крайняя дата, косвенно упоминающаяся в тексте.

[50] *...видѣлъ бо бяше преже святую их икону.* — Скорее всего, та икона, которую видел Андрей, была написана уже после перенесения мощей и официальной канонизации святых, хотя известны случаи, когда иконы существовали еще до причисления к лику святых. Видимо, иконы Сергия и Германа вообще были редки и бытовали только в местной традиции; во всяком случае их описание не вошло даже в иконописный подлинник XVIII в. (Филимонов Г. Д. Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века. М., 1874).

[51] *Игумен Кирилл* — валаамский игумен Кирилл не известен ни по каким другим источникам.

[52] *И посланника испроси, да с нужею онѣх старцовъ на суд приведет...* — Такая практика владычных судов известна, в частности, по нескольким грамотам новгородских архиепископов, в которых предписывалось для судебного разбирательства в конфликтных ситуациях и игумену, и монахам являться в Новгород. Слово «старец» употребляется автором Сказания как синоним слова «монах», «инок». Институт «старчества», известный в более позднее время, в XVI в. еще не оформился.

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ КРАТКОЕ О СОЗДАНИИ ПРЕЧЕСТНОЙ ОБИТЕЛИ БОГОЛЕПНОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДА БОГА СПАСА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА НА ВАЛААМЕ, А ТАКЖЕ ПОВЕСТЬ О ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦАХ СЕРГИИ И ГЕРМАНЕ, ЗАЧИНАТЕЛЯХ ТОЙ ОБИТЕЛИ, И О ПЕРЕНЕСЕНИИ СВЯТЫХ МОЩЕЙ ИХ

Благослови, отче!

Творец и Владыка всего сущего, которого не объявлены пути и неизвестны решения, который есть мера и определение всему сущему в стремлении к праведности, — всем подает неоскудевающей рукой свои благодатные дары, и сохраняет каждого, и воздаст по достоинству его. Он, который из одной и той же крови создал все народы, рассеял их по всему лицу земли и установил предел числу народов по числу ангелов Божиих, — имея обо всех человеколюбивое попечение. Одних он поселил в теплых странах и возвеселил сладостью благовонных ароматов, украсил золотом и драгоценными многоцветными камнями. Иным на плодоносных землях жительствовать назначил и обогатил их веселящими садами. Иных по степям рассеял, даровав им обильное пропитание для их скота. Других же у многих вод и в великих лесах поселил, и обогатил их рыбой, и одарил их мехами красивейших зверей, — да хвалит каждый народ свою страну и, привязанный к своему отечеству родственной сердечной любовью, восхваляет подателя такой благодати; и пусть угощение от плодов своей земли с любовью и

братолюбием посылают друг другу на удивление в честь Бога, все это сотворившего.

Но они, насытившись от благ его, изменили вышнему Богу, оказавшему им честь, — на бездушных тварей славу нетленного Бога возложили; у камней, и у вод, и у лесов богатство прося и им почести воздавая, обольщенные мерзким и вселукавым дьяволом. Так, был здесь народ чудский, который живет выше Руси вдоль Немецкого Свизского моря — начиная от Ливонской земли и до самого Каргополя; а в сторону Немецкой земли — до полной и великой реки, о которой говорят, что она имеет ширину 60 верст и течет от Каенской губы в Свизское море. Тот же чудский народ на великих пресных источниках в величайших лесах живет, имеет изобилие рыб и богат мехами красивейших зверей, но еще Творца своего и Владыки не познал, а находится во власти нечистых бесов. Таким он является народом великим и многолюдным, но за их колдовское бесослужительное мерзкое волхвование Божья сила не создала им грамоты и собственной власти, но покорила их двум народам — руси и немцам. Такую чудский народ получил выгоду с бесовской помощью, что все называют его «волхвами проклятыми».

Говорится же в рассказах старцев, что в древние времена посланы были Исусом Христом, Богом нашим, на проповедь ко всем народам святые священные апостолы. Один же из этих двенадцати — Андрей, брат Петров, — среди нашего русского народа был и в преименитом Великом Новгороде слово Божие проповедовал. И проплывая Невским огромнейшим озером, обратив взор к северу на Карельские земли, сказал так: «Как новые хананеи, безбожные народы волхвов живут там, но в будущем два светила просветятся среди них». Эти слова, как говорят, пророк апостол Христов о пречестных и великих обителях Валааме и Коневце. Поскольку оба этих монастыря на том великом Невском озере на островах построены в земле Карельской и просияли добродетелями постничества, как сейчас всем известно, — по пророчеству святого Христова апостола Андрея. Ныне же всю землю ту просветил Бог святым крещением.

Огромнейшее же это Невское озеро в длину имеет размер 300 верст. Поперек же то озеро — от величайшей реки Свири до града Орехова, откуда течет великая река Нева в Белое море, которое называют также Свизским морем — по имени лежащей вокруг него земли Свии, — да как я уже говорил, в ширину же то озеро между вышеназванных рек — 100 верст. Северная же глубочайшая часть того озера по удивительной великой Божьей мудрости Создателя ограждена каменными высочайшими горами как стенами, чтобы чинным шествием сбегали вниз воды, — все их установленное множество. Южные же мелкие берега того озера ограждены песком. Наполняется же столь великое озеро 140 реками и тысячью ручьями. Онежское же великое озеро, которое в длину 300 верст имеет и напоено многими источниками, в это великое Невское озеро через великую реку Свирь впадает. Так же и ильменские воды Волховом в то озеро втекают. С севера же в то озеро входят рекою Узярвою воды немецких стран. По своей же величине и глубине это озеро подобно морю; вода же в нем сладкая и здоровая; и живет в нем неисчислимое множество рыбы, а также и зверей.

У северного же края того озера в земле Карельской — большой остров, называемый Валаам, о котором нам сейчас и рассказ предстоит. Этот остров расстояние имеет от северных берегов — 30 верст, а от востока и от запада — по 40 верст. Великий же этот остров Валаам сотворен Творцом необыкновенно прекрасным и высоким: сам из камня, многолесен и многоводен; заводи и заливы имеет бесчисленные; окружность же его расстоянием 30 верст. Вокруг же него 70 малых островков, как будто цыплята сидят вокруг наседки — так сотворены эти малые островки около большого острова, весьма прекрасные и чудесные, состоящие из одного камня; одни из них лесистые, а другие голые; одни очень малы, а другие большие. Между собой они настолько часты, что на одну версту их приходится 20 и больше, удивительно лежащие — как хлеба.

Искони же на том острове жили язычники карелы, и они первые назвали тот остров «Валаам». Кто же не удивится великой Божьей премудрости — откуда было дано тем диким людям название из древнего персидского языка: ведь назвали они остров тот Валаам, хотя в их языке вовсе нет такого слова. Но тот, кто всему Творец и Владыка, знающий все прежде бытия, их языческими устами изволение своей славы за много лет заранее проявил, что хочет Он в том месте святилище своему великому пресветлому имени создать ради всех хотящих спастись, и такое название их языку дал, чтобы называли то место Валаам в честь древнего мага и прорицателя Валаама: как его речь невольно обратилась на благословение древнему Израилю, чтобы так и здесь было, когда жила на том острове упоминавшаяся выше одержимая бесами корела, занимающаяся языческим волхвованием.

Безмерно же и бесконечно неисчислимое милосердное человеколюбие Бога, который всегда хочет, чтобы все люди спаслись и обрели разум истинный, и совершая по пророчеству своего апостола, устремил на подвиг неких святоученых священных иноков из Великого Новгорода. Один же из них — по имени Ефрем, который после построил монастырь на Перековском острове на великом озере Ильмень, и собрал во Святом Духе христоподобное братство, и своим величайшим трудом зримую награду на пользу нам приобрел. Его же священное и трудолюбивое тело возлюбленный им Христос нетленным сохранил — всеми оно видимо до сих пор. И светлая его память с похвалою совершается и не кончается из рода в род.

И вот этот чудный святой отец Ефрем на подвиг устремляется, а с ним и другой славный священный инок премудрый Сергий с прочими своими спутниками, и к вышеупомянутому великому и чудесному Валаамскому острову приходят. И находят некий остров с восточной стороны от большого того острова — прекрасный и очень высокий, как будто стог сотворен, равной ширины от низу и до верха, высотою более 50 сажен, из единого камня состоящий и только один подъем имеющий наверх. Верх же того острова гладкий и неизреченной красотою сияющий. Место же это круглое, величиной как будто бы сажен 50, искусно и предивно сотворено Создателем всего, и пещера здесь каменная весьма чудная.

Так преподобный Ефрем со спутниками приходят к тому малому и высокому острову и здесь полагают начало: водружают царское знамение — Животворящий Крест и поставляют церковь во имя преславного боголепного святого Преображения Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа; и с помощью всемогущего Бога братия умножаться числом начинает. Для своих же нужд и на других островах свои огороды садили. Живущая же на большом острове чудь сильно ярилась на тех святых старцев, насылая колдовство единодушно с бесами и творя многие пакости.

Вышеименованный же зачинатель старец Ефрем с места того уходит, чтобы по Божьей воле на Ильмене Перековскую обитель создать; и многие годы там прожив, к Господу отошел. Вышеназванный же Сергий, видя помощь Божию в изобиловании благ умножившегося вокруг него во Христе братства, которое уже не умещалось на тесном месте, — по этой причине преподобный Сергий к большому делу приступает. Заботясь об устройстве монастырском и имея большое попечение о просвещении той живущей во тьме заблудшей чуди, к архиепископу Великого Новгорода приходит и возвещает о той почитающей бесов чуди карельской; и о многотрудном начале создания монастыря Ефремом по порядку повествует, чтобы знали о нем.

Архиепископ же, услышав это, был очень рад, так как понял, что вспомнил Бог свое заблудшее создание и хочет погибших спасти, раз подвигнул на такую великую службу своих избранных рабов. Посылает он скоро к посадникам, и к тысяцким, и к правителям города, чтобы они дело это по Господней воле устроили. Тогда украшал престол великой Премудрости Божьего Слова Софии Иоанн достопамятный, который был возведен на великий престол Великого Новгорода в 6896 (1388) году и двадцать семь лет церковью Божией управлял.

Правители же города, прилежно повинуясь словам архиепископа — Бог им помощь оказывал, — быстро отрядили посланцев с письменными указами. Также и архиепископ свой письменный указ с гонцом послал, чтобы был тот остров Валаам отдан преподобному Сергию, а живущие там люди изгнаны. Архиепископ же много золота и всего необходимого дал преподобному Сергию на устроение монастыря; также и правители города и христолюбивые именитые люди многочисленные приношения преподобному дали. И таким образом архиепископ отпустил преподобного Сергия с вышеназванными посланниками.

Святой же, направляемый вседетельным Богом, спокойно и быстро глубины того великого озера переплыл и к великому острову Валааму пришел. Посланники же приказанное им архиепископом и посадниками вершили: живущих здесь людей с острова того высылать начали. Тогда они, бесом вооруженные, ополчились и устроили войну против посланных. И многие из тех язычников-волхвов были низвержены — рукою всесильного Христа Бога их одолели и многих избили, и так посланные вскоре их с острова изгнали. Тогда же и некоторые из благоговейных иноков от смертельных ран скончались.

Итак, после той преславной победы преподобный Сергий место для монастыря по воле Божьей избрал — весьма красивое и высокое, на горе каменной, отовсюду видимое, подобно городу, и имеющее под собой отличную большую тихую пристань, в которой многотысячное число кораблей могло бы укрыться от ярости свирепых волн.

И воздвигает по благословению святейшего архиепископа церковь во имя боголепного Преображения Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа, и собирает духовное во Христе братство. И так, с помощью Христовой, братия стала многочисленной и обладала неоскудевающим обильным множеством всего потребного. Также, расчистив место от стоящего леса, большую и весьма красивую и высокую церковь (о которой раньше говорилось) ставит и строит приделы во имя великого богослова и евангелиста Иоанна и предивного чудотворца Николы. Потом и другую церковь воздвигает во имя Рождества во плоти Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа с трапезою, весьма чудную и преславную. И монастырь крестообразно четырьмя стенами оградил — с востока и юга, с запада и севера. Большие же ворота в южной стене сделал — там, где им и подобает быть. Проход же к монастырю тому от северной стороны к югу — справа от монастыря. А та большая искусная и высокая церковь поставлена посреди монастыря на равном расстоянии со всех сторон, возвышаясь, как древняя скиния между полками Израилевыми, отовсюду видимая, испускающая, как солнце, лучи красоты.

И изложил <Сергий> закон монастырский в соответствии со священными догматами о том, чтобы лишь самое необходимое на потребу человеческого естества иметь в монастырских хранилищах и о нем лишь заботиться, а излишеств не искать, подобно лихоимцам. Еду есть самую простую — какую подаст Бог, а сложные хитроумные блюда, с ухищрениями приготовленные, — такие вовсе запретил, даже когда сделает Господь то место зажиточным. И повелел никогда не пить медовых и разных пьянящих напитков, а только необходимейший квас — и для своих, и для приходящих. В праздники никогда же не просить дополнительных блюд или лучшего кваса, но предаваться духовному веселью во Святом Духе, когда совершенно отсечено плотское веселье и чревоугодие. Одежда же иноческая не должна ни большой цены стоить, ни на вид быть красивой, но в иноческом образе служащая только для того, чтобы прикрыться; также и простейшая шуба и сермяга, как у слуг; а иметь что-то другое — только на будущее страдание послужит, лишних же и очень дорогих одежд вовсе не иметь. Бездельничающих же и важничающих слуг ни в коем случае не держать, но всем общие труды и дела на пользу монастырю совершать — и инокам, и слугам. И иметь эконома — одного старца из братии: ему во всех трудах и делах повиноваться, что он ни повелит. Работа же для всех общая, также и равенство в трапезе, и одежда всем равная — от последних до первых по званию, единая еда (рыбная и другая), единый квас и единая одежда — начиная от игумена и кончая последним мирянином или пастухом — всем дается благое равенство во Христе. Повелено также непокорных нарушителей порядка никоим образом не мучить; а подав такому хлеба для его здоровья, высылать из монастыря, чтобы другие ему не подражали; ибо сказано, что «малая закваска квасит все тесто». Это его

священное законоположение и до сих пор в целости соблюдается, хотя по их молитвам и преумножил Господь своими благами то место. Совершенно запретил просить у постригаемых больших вкладов, но повелел даром постригать любого, кто с верою желает приобрести ангельскую святую жизнь, — хоть бы и из простых людей был. И по их молитвам более 100 братьев обретается ныне в их святой обители, такой святою жизнью живущих.

Мы же опять возвратимся к рассказываемой повести о преподобном Сергии. Потом же творец греха — лукавый дьявол — находит некоторых из иноков, разумом некрепких, и подбивает их на вражду со святым и великим игуменом Сергием. Видя же это дьявольское войско, преподобный почувствовал волнение монахов и, по Господнему слову, допустив место гневу, отрекается от игуменского сана и в глубочайшую пустынь на том большом острове уходит. И там подражает жизни Иоанна Предтечи и Илии, находясь среди диких зверей и беседуя беспрестанными молитвами с единым Богом. Ненасытный же дьявол, всегда терпящий от Сергия оскорбления, недоволен был первой смутой, но старался выгнать святого из того жилища, которое раньше ему принадлежало. Хотя и лишен дьявол был уже свободного поселения, — но держа еще более сильный гнев на преподобного, дьявол, который начал изгонять его, напускает на преподобного своим злокозненством и колдовским оскорблением вторую брань, чтобы выгнать святого с острова принуждением и бесчестием.

Преподобный же Сергий в преименитый Великий Новгород пришел в монастырь святого великого богослова и евангелиста Иоанна, безмолвно заканчивая свою многолетнюю и многотрудную жизнь, ожидая желанного и милого сердцу переселения в небесное жилище. И, живя здесь, трудился, переписывая священные святые книги на просвещение верным; и было его трудолюбивое писание весьма хорошим из-за хранящейся в нем глубины божественной философии. И до сих пор написанные им книги в том монастыре хранятся, и называют их «Сергиев перевод». И так прожив несколько лет в почтенной старости, отошел к Господу. Святое же его и многопретерпевшее тело похоронено было в том монастыре у церковных стен святого Богослова.

В вышеназванном же Валаамском монастыре после преподобного игумена Сергия игуменом стал приснопамятный Герман, который, имея священнический чин, во всех первых трудах был вместе с преподобным Сергием. Тот великий Герман прилежно пас порученное ему Христово стадо духовных овец и жил непорочной жизнью, насколько позволяет телесное несовершенство. И отошел от жизни сей к Богу в многолетних сединах при своей пастве в созданном ими монастыре; тут же и погребен был.

По прошествии же многих лет (от создания монастыря примерно через 100 с лишним лет) человеколюбивый Бог попустил свое наказание за умножение грехов, чтобы люди, вспомнив о своих беззакониях, очистились. Поэтому за грехи наши был в том монастыре пожар, в котором сгорели обе церкви, и имущество, и весь монастырь. Гроб же блаженного Германа находился под церковью и был сохранен Христом в

целости от страшной ярости огня. Святое же его священное тело сохранилось невредимо: так как каменистое место было трудно копать, то он был положен поверх земли. После этого его святое нетленное тело было положено в большой церкви у всех на виду, на поклонение верным. Более 40 лет находился здесь в церкви преподобный Герман, покуда не принесли мощи святого Сергия из Великого Новгорода. И тогда обоих вместе положили за алтарем большой церкви около святого жертвенника, так что и до сих пор всеми видима их святая чудотворная рака.

Многие же замечательные чудеса показал Бог через своих угодников Сергия и Германа. Хотя тела их были положены на большом расстоянии друг от друга, но после соединились вместе в одной Христовой обители. Еще прежде вышеназванного пожара являлись они некоторым достойным инокам и, показывая любовное попечение о своем монастыре, обращали других к покаянию, и побуждали к молитве, чтобы все смогли молиться Царю и Владыке о миновании его праведного гнева, — так они много раз показывали свое неотступное попечение о том месте. Многочисленные же их чудотворения невозможно описать словами, ибо велико число тех случаев, когда они быстро оказывали помощь просящим; вся северная страна дивится их чудесам и ярко ими озаряется.

Есть три великих преславных монастыря, основанных от того великого Валаамского монастыря. Первый — это Савватий, пришедший из Кириллова монастыря с Белаозера и живший в превеликом Валаамском монастыре и благословленный живущим здесь игуменом, — был первоначальником жительства на Соловецком острове. Второй же — Александр, который создал обитель Святой Живоначальной Троицы на великой реке Свири и просиял в удивительных чудесах так, что не выразишь словами. И этот великий святой чудотворец Александр был пострижен в том пресветлом Валаамском монастыре и бывшим там игуменом благословлен на создание монастыря. Третий же — Савва, который построил чудесную и духовную пустынь во имя Пресвятой Животворящей Троицы на Сеннянском острове, а в ее устроении ему помогал христоименитый государь великий князь Иван Иванович, брат великого князя всея Руси Василия Ивановича. И это духовное семя тех великих трудолюбивых подвижников укоренилось на той плодоносной благой земле, и вырос преславный урожайный плод, украшенный чудесными духовными цветами — постническими добродетелями, — на радость Небесному Царству и на пользу земным людям, хотящим спастись.

И были в этой преславной великой Валаамской обители великие иноки, сияющие иноческими подвигами, любящие пустынническую многотрудную жизнь. Среди них был некий инок по имени Харитон, который вместе со своим сопостником, братом во Христе, жил в дальней пустыни на том острове. Этот вышеназванный Харитон со своим товарищем ничего не брали для своей нужды из монастырского имущества — даже хлеба; но и зимний мороз претерпевали в худых рубищах и своими руками копали мотыгой ту жесточайшую каменистую землю; не отягощали данный человеку на службу скот, а

сами в поту возделывали пахотные нивы и от того хлеб свой ели — Христос им в этом помогал. И с такой нивы, возделываемой руками, приносили в монастырь из своего годового пропитания по пяти и более мер жита. И от таких своих тяжелых трудов щедро подавали приходящим к ним убогим. Также и другие пустынники предавались великой суровой жизни, подобно первым великим отцам. Проживающие же в монастыре жили по священному уставу постнического закона, прочно соблюдая в любви Христовой соборные и келейные правила. О их трудолюбивой великой святой жизни свидетельствует житие святого...

Многие же удивительные чудеса и прорицания тех великих приснопамятных отцов невозможно передать словами из-за безмерности и бесчисленного множества историй. А если кто-нибудь из трудолюбивых людей пожелает услышать о равноангельской во Христе чудесной жизни тех прежде живших святых отцов, пускай сам достигнет того святожительного чудесного острова и того преславного монастыря и подвижется, и сам услышит от живущих здесь иноков. И, услышав, еще сильнее удивится превеликой Божьей премудрости: как те, кто сначала были служителями бесов, оставили свое языческое волхвование и стали с горячей любовью усердно соблюдать постнические правила. Другие же, во врожденной от Христа незлобивой простоте и которых нельзя склонить ко злу, живут радостно по заповедям Господним, как новорожденные младенцы, пьющие неподдельное молоко, ни в чем другом не упражняющиеся, кроме беспрестанной молитвы, — не умолкая ни днем, ни ночью; и повинуются бодрому духу, отвергнув необходимый телу покой; и службы монастырские от простоты сердца всей душой с любовью совершали, делая это не только на глазах у других, угождая людям, но как будто самому Христу служили от всей души с любовью. Вот такова была жизнь тех первых великих отцов в том монастыре. Таково то плодовитое семя великого Сергия и вместе с ним страдавшего преславного Германа, что даже и до сих пор живущие здесь сейчас священные иноки ревностно подражают своим первым отцам, соревнуясь друг с другом в добродетелях, — на этом пути Христос им помогает.

Также хочу рассказать о большом и преславном чуде перенесения их святых мощей. Напомню об этом коротким повествованием, так как было это в наши дни и всем хорошо известно. Игумен той честной и преславной святой великой обители Валаамского монастыря Пимин, который по святительскому призванию избран на спасение живущим здесь во Христе инокам, — я думаю — Богом был предназначен на совершение того преславного и богоугодного дела. Этот вышеназванный великий разумом игумен Пимин, освященный духовною благодатью, принял в сердце благое решение принести из Великого Новгорода вышеназванного основателя того монастыря преподобного игумена Сергия (его святые мощи) в созданную им Валаамскую обитель и положить вместе в одну раку святые мощи обоих — с жившим с ним и любимым им Германом, который после него был тут игуменом. И посрамить этим ту давнюю созданную бесом вражду, которую воздвигали на преподобного Сергия некоторые легкоумные

чернецы, и умолить святого великими слезами. Ведь он сам много раз показал в явлениях свое христоподобное незлобие, не ругая их за согрешение, но показывая большое сердечное попечение о своих чадах и о том, требующем большого труда, месте.

На это кроткое беззлобие святого отца надеялся вышеназванный Пимин, еще же и святым был вдохновляем, чтобы были положены его святые трудолюбивые мощи в его собственном монастыре. Ведь сам он духом никогда не отступался от этого места своих трудов, но, молясь Владыке Христу, был всегда вместе со своими чадами.

Вышеназванный же чудесный игумен Пимин начинает это важное и великое дело: молит святейшего архиепископа Феодосия, чтобы, отыскав святые мощи преподобного Сергия, отнести их в его монастырь на Валаам. Услышав же это, архиепископ подивился величию дела и пожеланию мужа и тому, что никто прежде этого не делал. И понял, что игумен начинает такое важнейшее дело не по своей воле, но Бог того хочет, — чтобы добродетели преподобного стали явны людям; и сам святой желает быть положенным в созданном им монастыре. Архиепископ же не осмелился сделать это сам, но написал преосвященному и великому митрополиту и всему святому собору и послал туда вышеназванного игумена Пимина.

Тогда же на величайшем пресветлом престоле великой митрополии русской сиял чудесный своими добродетелями Макарий, который прежде многие годы был архиепископом преименитого Великого Новгорода. Пимин же предается тому великому подвигу с помощью молитв святого, и достигает пресветлого царствующего великого града Москвы, и обращается с молением к преосвященному святому митрополиту. Тот же великий и чудесный добродетелями муж понял своим духом: не сам по себе игумен осмелился на такую вещь, но поощряемый святым преподобным Сергием. По совету светлейшего христоименитого царя Иоанна тот преосвященный митрополит пишет архиепископу соборное писание, чтобы отпустить мощи преподобного — с честью, которой они достойны, — в созданную им обитель. Игумен же Пимин, достигнув успеха в том святом деле, которого желал, воздав должную хвалу и благодарение всемогущему Владыке и его угоднику, достигает Великого Новгорода и вручает святейшему архиепископу ту соборную грамоту святого преосвященного великого митрополита.

Архиепископ же скоро посылает священников и всех клирошан великой церкви Премудрости Божией Софии в монастырь святого великого богослова и евангелиста Иоанна, чтобы, откопав и запечатав святые мощи, отдали их с почестями игумену. Там же на церковной стене было искусно написанное красками изображение святого преподобного игумена Сергия, основателя Валаамского монастыря. Известно было о его в Боге добродетельной жизни и чудесах от некоего бывшего там многолетнего старца, показавшего, что в ногах у гроба преподобного выросло огромное дерево тополь. Чудесный же тот игумен Пимин от великой любви к святому сам начинает трудиться — рыть землю — и находит плиту из белого камня, подгнившую за долгие годы. Также откопали сам тот святой гроб и нашли святые его мощи целыми.

Радостью исполнившись, вознесли благодарственные песнопения Христу Богу и угоднику его и, запечатав гроб тремя печатями и пев над преподобным священные песнопения, с большими почестями проводили до насада.

И так отправился святой к своему любимому и многотрудному месту. Так как человеколюбец Бог послал попутные ветры, помогая своему угоднику, то великую реку Волхов они скоро прошли, также и глубину Невского озера быстро проплыли и достигли пречестной обители Пресвятой Преславной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честного ее Рождества — Коневского монастыря.

Случилось же при этом чудо преславное: захотел игумен Пимин поскорее дойти при попутном ветре до своего монастыря и миновать монастырь святой Богородицы Коневской и великого основателя того монастыря святого Арсения. Когда же он приказал кормчему миновать тот монастырский остров, то поднялся встречный ветер и стал против их воли относить насад порывами назад. Тот же игумен Пимин вспомнил, что оба святых основателя — валаамский Сергий и коневский Арсений, — когда во плоти жили, имели между собой совершенную Христову любовь, поскольку оба жили в одни и те же годы. Вспомнив же об этом, игумен понял, что великий Сергий хочет побывать у своего друга и брата во Христе, и приказал поворотить насад к монастырю. Игумен же того монастыря, услышав, что мощи святого по своей воле к ним идут, сам со всей братией устроил преподобному встречу в священных ризах с кадилами и песнопениями. И с великими почестями мощи святого в монастырь внесли, и там он всю ночь покоился. Наутро же молитвами святого ветер опять благоприятен стал, и так игумен Пимин вместе со святым своим путем отправились.

И с этим данным им попутным ветром скоро пришли к пристани того великого Валаамского острова, наставляемые молитвами святого Сергия. В монастыре же повелели, чтобы священники в священных одеждах с крестами, кадилами и со свечами и вся братия утром к встрече святого были бы готовы.

Той же ночью случилось на обычной своей молитве бдеть некоему благоговейному иноку того монастыря, сияющему постническими трудами. И едва приподнявшись с молитвы, он как будто ослеп. И видит: в пристани того острова, где святой Сергий стоял, — полные здания и берег священнолепных иноков и знатных бояр, стоящих со множеством свечей и ликующих с радостью. Здание же полно священных священников в святых ризах, а между ними — прекрасные юноши с жезлами в руках, освященные вышнею славою. В здании же том огромное множество свечей, сияющих неизреченным светом; исходит непонятное благоухание, как из облака, наполняющееся сладким и неописуемым запахом. Он же, видя это, был охвачен страхом и недоумением, не смея спросить, кто они. И насилу спросил с боязнью одного из последних здесь, говоря: «Кто они, господин мой, ибо нет на земле подобных?» Он же ответил ему, сказав, что пришел жить в свой монастырь зачинатель валаамский игумен Сергий из Великого Новгорода. А встречает Сергия его сопостник и сопрестольник игумен

той же обители Герман и остальные с ним. Услышав это, тот инок тотчас проснулся и увидел, что он в своей келье и стоит на обычной молитве. Об этом — все.

Мы же возвратимся к рассказываемой повести. Наутро же священники и вся братия с животворящими крестами, святыми иконами, кадилами и свечами приготовились к встрече святого. И сам игумен Пимин с бывшими с ним священниками, облачась в священные ризы, со свечами и благовонными кадилами идя святым шествием вдоль пристани, достигает берега. Поднимают на плечи священный гроб преподобного и с большой честью относят с радостными духовными песнопениями в монастырь. Некоторые же духовные иноки от радости испускали громкие вопли со слезами, прося прощения у преподобного за то, что отцы их по неведению сотворили злой умысел на святого. И его славное принесение с таким громким пением совершалось, что заглушало плачевные голоса поющих псалмы и каменносердых обращало к милосердному плачу.

Принеся святые его мощи, положили их в большой церкви боголепного преславного Преображения Бога нашего Спаса Иисуса Христа. Взяв также и приснопамятного Германа, вместе обоих положили и совершали над ними по священному уставу священные святые песнопения. Приходящие же братья целовали их святые мощи, а игумен Пимин, как у живых, просил прощения от имени всей братии, говоря святому: «Прости, святой отец, прости, не вспоминай грехи их отцов, так как по неведению согрешили против тебя, ибо нет человека, который бы не согрешил. Но ты, будучи сыном Вышнего, уподобься милостью Отцу своему и Владыке — прости им их вину. Пребывай с нами, так как на тебя уповаем, ты — наш ходатай и заступник».

Так игумен ручался за каждого брата, обливаясь слезами. Также и вся братия целовала преподобного и просила прощение. Завершив же священные песнопения, отнесли их мощи на уготованное для них место: положили в одном месте — за алтарем большой церкви около святого жертвенника — и с честью украсили гроб паволокою. И в тот день совершили духовное празднество в честь святых и преподобных отцов Сергия и Германа.

Совершается же память их славного святого соединения в сентябре месяце в 11-й день по повелению святого священного собора — в тот день мощи святого Сергия принесли в монастырь. С тех пор и доныне вся Карельская земля, славно ликуя каждый год, из рода в род бесконечно отмечает день их памяти, всегда воссылая славу и благодарение возвеличившему их Христу Богу нашему. Их молитвами все мы получим небесное святое некончаемое Царствие Царя Исуса Христа Бога нашего, ему же хвала и честь и поклонение со безначальным его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим его Духом, ныне и всегда и в некончаемые веки. Аминь.

О чудесах святых валаамских основателей Сергия и Германа. Еще же немного хочу вспомнить о некоторых из чудес святых и великих преподобных отцов Сергия и Германа — игуменов и основателей

валаамских. У всех на слуху сотворенные ими ранее великие чудеса, но также и ныне неоскудно являют свои чудеса всем, с верою их призывающим, и над ними свои преславные чудеса творят. Из самих уст таковых я это слышал, — а всего ни повесть не позволит вместить, ни разум мой объять, но перескажу только одну малую чудотворную каплю из всего огромного и непостижимого множества их чудес, чтобы слушающие утолили горящее пламя жаждущего сердца.

Вспомню одну новую преславную повесть, которую сам слышал от того, с кем это случилось. Было это в 64 году восьмой тысячи. Некий человек по имени Иоаннов сын Андрей Гаркуев, живущий на реке Олонце, — этот человек в той земле известный. Пришлось ему однажды со своей дружиной, как и обычно, в зимнее время в конце месяца ноября ловить рыбу у Валаамского острова, как и прежде. И случилась у него с рукой столь лютая болезнь, что не мог он не только никакую необходимую работу делать, но ни есть, ни спать. Рука его отекла, как большое бревно, и тяжкая болезнь непрестанно мучила его, разрывая жилы. Добрался он до своего дома и терпел эту сильную мучительную болезнь, и продолжалась у него лютая боль до самого месяца января.

Начал же человек тот Христу Богу нашему и Пречистой его Матери молитвы воссылать и призывать в помощь великого чудотворца Николу и основателей валаамских Сергия и Германа. И возложил на себя обет: если их молитвами избавится от той лютой немощи, то два года будет работать в той преславной обители Валаамской — на живущую там братию — в честь святых и преподобных игуменов Сергия и Германа. Вот такой обет возложил на себя вышеназванный Андрей.

Эти же помощники, скорые на помощь, недолго ждали; и в тот же час одержимый болезнью впал в тонкий сон. Как только он в забвение пришел, то видит себя на некоем из валаамских островов, одетым в отвратительное плетеное лыко и безобразную одежду и терпящим свою страшную немощь. И видит также, что предстали перед ним два инока — весьма величественных и святолепных, сияющих неизреченною славою. Он же, увидев это, испугался, понимая, что перед ним валаамские основатели, так как он видел раньше их святую икону. Потом эти великие святые старцы начали его расспрашивать о случившейся с ним болезни, а он давал им ответы. После этого видит: вот от большого Валаамского острова идет к ним по озеру старый муж в великой славе, облаченный в священную белую одежду. И обращается священный муж к тем святолепным старцам, говоря: «Освободите его», — и вынув нож, подал им. Тогда они срезали плетеное лыко с безобразной и отвратительной одежды и, содрав с него эту непотребную одежду, бросили ее в находящееся поблизости болото.

На этом вышеназванный Андрей пробудился от того великого видения в своем доме и, никого не видя, подивился тому преславному явлению. Вспомнив же о бывшей в нем немощи и совсем не ощущая ее, обнаружил, что из его руки вышло множество гноя. И с того часа стала его рука здорова, как будто никогда и не болела. Так он увидел свое быстрое исцеление по молитве святых, воссылая славу Христу Богу и угодникам его.

Также сотворилось другое большое чудо теми преподобными святыми и великими отцами Сергием и Германом. Оно было незадолго до первого рассказанного чуда. Вышеименованный игумен Пимин, который перенес мощи этих святых и учредил их светлую память с похвалою, — этот игумен Пимин захотел построить келью для келаря около монастырской трапезы, чтобы он всегда был готов к порученному ему услужению приходящим гостям. Так и было сделано: все подготовив, он построил келью, но еще в ней никто не поселился.

Был же некий муж по имени Феодор, искусством гончар, живший через озеро от монастыря верст за 40 в месте, называемое Соломенское, — человек же он был благочестивый, живший с боязнью Божьей. Этому мужу Феодору явлено было такое видение: видит себя в той превеликой Валаамской обители в монастыре, как идет он к большой церкви, и что у той кельи, которую вышеназванный игумен поставил около трапезной, стоят два святолепных старца в великой славе. Он же, увидев такое, испугался их вида. Старцы же позвали его по имени; а когда он подошел, так начали ему говорить: «Иди, — говорят, — и поведай игумену: мы — основатели этого монастыря Сергий и Герман. Возвести же ему следующее: пусть запретит жить в этой келье, так как место это свято — прежде здесь стояла церковь Рождества Христа Бога нашего». Также обратили они взор к югу и произнесли: «А здесь — другое неизвестное место, где раньше церковь была. Пусть игумен повелит водрузить животворящие святые кресты на месте обеих церквей», — и показали рукою на гостиничную келью. Также сказали: «О местах тех знает старец Ипатий — пусть игумен его расспросит. Скажи же игумену следующее: пусть запретит жить в той келье, не то обратят они на себя праведный гнев Божий». Сказали это и стали невидимы.

Тот же вышеназванный Феодор, очнувшись от того чудесного видения, по их двойному приказанию быстро пришел в монастырь и рассказал обо всем игумену. Игумен же расспросил вышеназванного старца Ипатия, которого велели расспросить святые. Он же сказал, что до пожара на южной стороне близ гостиничной кельи стоял водруженный крест. Рассказывали раньше многолетние старцы, что здесь стояла самая первая церковь. Игумен же, услышав это, удивился, воссылая хвалу святым и преподобным отцам, которые неотступно пекутся об этом месте, — и сделал все по их повелению.

Расскажу и третье сотворенное ими чудо и на этом дам словам успокоение, чтобы множество историй не отяготило вашего слуха. Был в той обители незадолго до упоминавшегося игумена Пимина игумен Кирилл. По дьявольским проискам стал он враждовать со всей живущей здесь во Христе братией и из-за этого отрекся от игуменства. И пошел к архиепископу в Великий Новгород и там возвел много клеветы на живущую в том монастыре братию. И упросил, чтобы отправили посланника, который принуждением приведет тех старцев на суд, чтобы выдать свою ложь за правду и сотворить пакость и срам той святой обители. Вот такое замыслил вышеназванный игумен Кирилл, надеясь в обход справедливости на земную власть, так как стяжал много пособников из числа бояр святейшего архиепископа.

Но предстоящие Вышнему Царю великие бессмертные заступники своей обители показали гибельное злоумышление того игумена напрасным и обманным. Когда тот игумен Кирилл повелел посланнику привести в Великий Новгород более 40 старцев того монастыря — не только главных в монастыре, но и стариков, ничего не знающих о том волнении и только предающихся глубокой молитве, то все живущии в том монастыре были в превеликом ужасе, и стоял плач тех святых многолетних старцев из-за того, что не могли пойти в мир, не нарушив обета. И так готовились к путешествию.

Случилось же так: ночью некоему духовному и многолетнему старцу было явление — как будто стоит он в той большой церкви святого Преображения, где лежит нетленное тело святого Германа (так как тогда только преподобный Герман был в церкви). Видит, что сам тот святой встает из своего гроба, выходит с жезлом из церкви и говорит следующее: «Не могу больше терпеть слез моих чад, но пойду к брату моему Сергию, чтобы избавить нам их от напавшей беды», — и с тем стал невидим. Тогда еще мощи святого Сергия были в Великом Новгороде. Старец же воспрял от того видения, удивляясь случившемуся, и возвестил об этом прочим братьям.

Когда же они пришли в Великий Новгород, то архиепископу и боярам явственно открылись ложный навет и прочие беззакония вышеименованного игумена Кирилла. Его речи оказались посрамлены и поруганы, а находящуюся там братию архиепископ отпустил с миром. Скоро все вернулись в свой монастырь безо всякого вреда, благодаря Господа Бога и угодников его Сергия и Германа.

...упомянул только три их чуда во славу прославившему их в Троице славимому Богу, ему же слава и честь и поклонение во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Псково-Печерский монастырь основан в конце XV в. почти у самой границы с Лифляндией (ныне Эстонией), в 52 км от Пскова. И в прошлом, и в настоящем это один из крупнейших монастырей России. Для Пскова и Русской земли в XVI—XVII вв. Печерский монастырь — это и крепость, охраняющая западные границы, и оплот православной веры, и духовная обитель, и значительный книжный центр. Псково-печерские иноки слыли людьми начитанными, знающими, в стенах монастыря велось летописание, в его библиотеке хранились и переписывались уникальные произведения — благодаря псково-печерским книжникам

до нас дошло Слово о погибели земли Русской, оба списка этого памятника из библиотеки Псково-Печерского монастыря.

В 20-е гг. XVI в. псково-печерские книжники начинают работать над созданием письменной истории своей обители, в это время была составлена первая редакция Повести о Псково-Печерском монастыре — монастырский патерик, рассказывающий об открытии пещер, освящении Успенской церкви, создании монастыря, жизни и деятельности ее первых строителей, игуменов, иноков. Повесть имеет длительную, сложную, не до конца изученную историю текста, пока трудно сказать, сколько ее редакций существует. Печерский патерик, начатый в 20-е гг. XVI в., переписывался, редактировался, дополнялся до конца XVII в. (особенно интенсивно в первые десятилетия XVII в.), постепенно превращаясь в монастырскую летопись, фиксирующую наиболее значительные события из монастырской жизни. Среди авторов и редакторов, которые работали над Повестью, — игумен Корнилий, отредактировавший в 1531 г. первоначальную редакцию Повести; инок Григорий, перу которого принадлежат и другие произведения, написанные в конце XVI — начале XVII в.

Из многочисленных вариантов Повести мы выбрали для публикации редакцию 1603 г., ее текст более целен, так как не содержит еще некоторых вставок более позднего времени в описании монастырской жизни XVI в. Повесть — сложное произведение, она складывается постепенно из отдельных частей — повестей, сказаний, описаний; их место в композиции Повести определяется временем описываемых в каждой части событий. Первая часть посвящена истории монастыря от открытия пещер до смерти игумена Корнилия в 1570 г. и заканчивается краткими сообщениями о поставлении игумена Саввы, а после него Сильвестра. Следующие две части содержат описание осады Пскова и монастыря войсками Стефана Батория в 1581—1582 гг. Затем в Повести рассказывается о переложении мощей первых печерских старцев (4-я часть); повествуется о том, как в 1601 г. был установлен крестный ход из монастыря в Псков в память о событиях 1581 г., и дается текст чина крестного хода (5-я и 6-я части). Описание голода в 1602 г., крестного хода в Камно и молебнов о даровании плодов земных содержится в 6-й части Повести. Описание монастыря 1603 г. — последняя часть Повести. Другие редакции XVII в. дополняются описанием чудес от икон Богородицы Успение и Умиление, рассказом о нашествии иноплеменников (отрядов Лисовского и Ходкевича) на монастырь в 1611 г. Отдельные части Повести создавались в разное время разными авторами. Они представляют собою разные жанровые формы — чин крестного хода, переписка между игуменом монастыря и псковским епископом, описание монастыря — своеобразный путеводитель по его территории, подробный рассказ об осаде монастыря и города, близкий к воинской повести и др. Отличаются части и в стилевом отношении: рассказы о начале монастыря патерикового типа, простые и занимательные, сменяются назидательными рассуждениями и сложными синтаксическими конструкциями в описании осады монастыря и изложении чина крестного хода, лирическими строками о страшном бедствии — голоде 1602 г., конкретным, точным описанием территории монастыря. О живом интересе русских людей к рассказам

из Повести о Псково-Печерском монастыре свидетельствует большое число ее списков разных редакций.

Текст Повести публикуется по списку *РНБ, ОЛДП,* 48, XVII в., л. 15—64. Исправления делаются по спискам *РНБ,* собр. Погодина, № 902 и собр. Соловецкое, № 609.

ОРИГИНАЛ

ПОВѢСТЬ СПИСАНА О ПЕЧЕРЬСКОМ МОНАСТЫРѢ, ИЖЕ ВО ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ, И О МАРЦѢ, ПЕРВОМЪ СТАРЦѢ ПЕЧЕРНОМЪ, В НЕЙ ЖЕ ЯВЛЕНО ВКРАТЦѢ И О ЧЮДЕСѢХ ОТ ИКОНЫ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ЧЕСТНАГО И СЛАВНАГО ЕЯ УСПЕНИЯ И О ИЗБАВЛЕНИИ ГРАДА ПСКОВА И ОБИТЕЛИ ПЕЧЕРСКИЯ ОТ ПЛЕНЕНИЯ В НАШЕСТВИЕ БЕЗБОЖНАГО КОРОЛЯ ЛИТОВСКАГО СТЕФАНА

Слышахомъ убо от нѣкихъ в повѣстех обносимо и глаголющим, яко вначалѣ прежде нѣкоего старца живша в потоцѣ семъ Каменцѣ, при пещерѣ, от града Пскова растояниемъ четыредесять поприщь и от Ливоньския земли за два поприща. И нѣцыи ловцы суще видяху его у трехъ камений, яже лежат над церковию Пречистыя Богородицы печерною. О семъ бо извѣстно не могохомъ обрѣсти, каковъ бяше старець онъ, и коего рода человекъ, или како в сие мѣсто прииде, и колико время пожитъ, и како скончася.

По Ионе же, первом игумене обители Печерския, бѣ нѣкто другий игуменъ, и сей, не вѣмы откуду вину приим, написал в поминании церковнѣмъ инока Марка, печерскаго перваго старца. Гроб же и мощи, нѣцыи повѣдаша намъ, гдѣ лежаху, от сказания им перваго строителя священноинока Ионы.

По многихъ же лѣтех, егда убо церковь Пречистыя Богородица велику в горѣ ископаша, тогда игумену Дорофею восхотѣвшу гробницу болшу содѣлати, обрѣтоша гроб оного старца Марка весь распадшася, кости же его с составами, и с ризами, и с куколем корениемъ земным обростъша, извиваяся около его, яко войлукомъ толстым обвитъ, и вся составы его со главою вкупѣ неразсѣдшася пребывша. Вземше же его, положиша в новемъ гробѣ на том же мѣсте, идѣже и преже лежалъ в пещерѣ, яже и донынѣ стоит.

И посем многу времени минувшу, совопрошающимъ намъ о сем, о первомъ старцѣ печерномъ Марцѣ у игумена тоя же обители именемъ Никона:[1] «Како имя его изъявлено, яко от прежнихъ старецъ, ни от простых людей никто имени его свѣде. Но по прехождении многихъ первоначалныхъ трех священникъ — Ионы, и Мисаила, и Селивана — нѣкто другий игуменъ по первомъ игумене Ионе написа в поминании церковнемъ перваго старца печернаго Марка». Никонъ же игумен отвеща: «Повѣдаша ми, — рече, — сея обители старцы Келестинъ еклисиархъ[2] и Маркелъ, сице глаголюще. Игуменъ Корнилие вознепщева о сем, како обьявися имя того старца Марка, понеже бо

никтоже от прежнихъ инокъ исповѣда, еже бы кто о нем извѣсто вмалѣ что известилъ; ниже того игумена написася имя в поминании церковнемъ, еже написа имя в поминании того старца Марка. И сего ради имя его в поминании повелѣ загладити, мня в себѣ и глаголя, яко неправѣ написано бысть. Егда же загладиша имя его, тогда случися игумену Корнилию болѣзнь тяжка велми, и бысть в недоумѣнии и в скорби велицъ о семъ, еже содѣя о имяни Марковѣ. Бываетъ же ему от Бога извѣщение нѣкако, и абие повелѣваетъ пѣти молебная и молит братию, дабы привели его въ церковь к чюдотворней иконѣ Успения Пречистыа Богородицы и ко гробу оного старца Марка. Иноцы же приведоша его въ церковь ко иконѣ Пречистыя Богородицы, таже ко гробу Маркову. Онъ же у гроба метание сотворь, со слезы прощения прося, и цѣлова гробъ его, обѣщаваяся паки написати имя его в поминании. И в том часѣ здравъ бысть и поиде никимже водимъ. И тоя ради вины поминахомъ именемъ тѣм перваго старца Марка даже и до сего дне непременно».

О явлении сего святаго мѣста повѣдають сице. Человекъ бѣ нѣкий именемъ Селиша, старъ сый, из Ызборска града, повѣдаше сицеву вещь, глаголя: «Нѣкогда ми, рече, ходящу со отцем на ловъ звѣриной в сию пустыню, яже бысть около сего святаго мѣста печернаго, бѣ бо тогда пустыня велика и лѣсъ прилежаше в том мѣсте. И лучися намъ приити к потоку, оному мѣсту на край горы, идѣже нынѣ церкви Богородичина стоит. И слышахом во время и час церковнаго пѣния гласы прекрасны поющихъ и благочинно; гласы убо слышахуся, а поющихъ же не видѣхомъ. Мѣсто же все около того святаго мѣста исполнено сущи благоюхания, якоже от множества фимиана благовонна». От насъ же мнится, яко быти сие нѣкое явление аггельское и благодать Святаго Духа освящаше мѣсто то, яко хотящу Богу показати свою великую милость в сем мѣсте Пречистою Богородицею.

Потом же ту землю и лѣсъ взяша в слободу у всѣх псковичь с веча вся люди земцы, градския и сельския, не за много время до создания Богородичины церкви. Сие же мѣсто около пещеры абие дастъся в жребий нѣкоему человеку Ивану Дементееву. Той же Иван поставилъ деревню в Подгории на рѣчке на Пачковкѣ, близъ пещеры. И пришедшу ему нѣкогда на холмъ сея горы печерныя и наченьшимъ лѣсъ сѣчи, великое древие. Нѣкоимъ же древомъ посѣченымъ вальшимся и поразившимъ древо, стоящее на краи горы оноя. Древу же падшуся з горы аки с стены и совлекшу с собою и с корениемъ аки войлукъ или дернъ, от корени и мху згущену, и от сего открыся устие пещеры. Над устиемъ же пещернымъ, идѣже нынѣ двери в гробницу, обрѣтоша писмя изваяно на стѣны горы, имущи писание сице: «Богомъзданная пещера».

О сем же обьявлении повѣдаше нам Патермуфей, инокъ Снятогорскаго монастыря, прежереченному Ивану Дементееву пасынокъ, и ина прочая от того же слышахомъ.

По прехождении же многихъ временъ повѣда намъ преждепомянутый игуменъ Никонъ и Мирожский игуменъ Германъ[3] и о изваянии написания, еже над устьемъ пещернымъ, сице рекоша: «Егда живяхомъ в монастырѣ Печерномъ, тогда бѣ мних нѣкий именемъ Варлам,

уродствуя, приходя часто къ гробницы сей, стираше писмя, еже на стенѣ начертание сие „Богомъзданныя пещеры". И паки то же начертание абие ничимже являшеся враждено. Мних же он во мнозѣ ужасѣ бывъ и не творяше паки сего. Начертание оно пребываше много лѣт цѣло и нерушимо».

Сему же напредреченному откровению печерному начертанию писма в слухи людем пришедшу во всем градѣ Пскове. Бяше же в то время священникъ нѣкий именемъ Иванъ, измлада Московкия земли, и сего ради зваху его псковичи чрезъ имя «шесником».[4] Сей же Иванъ священьствуя во градѣ Юрьеве Ливонском[5] со Исидоромъ прозвитеромъ во храмѣхъ святаго Николы чюдотворца и великого мученика Георгия два лѣта и месяцъ шесть. И егда начаша нѣмцы соединяти християнъ, живущихъ зовомо в Рускомъ концы, ласканиемъ и прещениемъ к своей латыньской вѣре, тогда той священникъ Иван отиде из града Юрьева во градъ Псковъ. Исидоръ же оста въ Юрьеве, и много прѣние с нѣмци о християньстей вѣре показа, и в темницы затворен бывъ со инѣми седмиюдесять и двемя християны. И не покоршимся им, вовержени быша от нѣмецъ со Исидоромъ вси под ледъ в реку Омовжу во исповѣдании Христовѣ в год зимы 6980-е генваря в 8 день. Веснѣ же разлиявшися водѣ, и обрѣтоша телеса их вверхъ рецѣ оноя Омовъжи яко три поприща на брегу, яко нѣкими человеки положены на восток лицем вси во единомъ мѣсте и ничим не врежены. Прозвитер же Исидоръ посредѣ ихъ лежаше во всем сану священническомъ. И оставшии тогда християнѣ, вземше мощи ихъ, погребоша на том мѣсте, а ины привезоша во градъ Юрьевъ, положиша ихъ около церквей в земли.

Иванъ же пребывъ мало время во градѣ Псковѣ, слышавъ о явлении Богомъзданныя пещеры; абие зжалився, размысли в себѣ о Исидорѣ, како о вѣре мужествова, течение соверши со прочими християны. Тогда же и той разжегся любовию по Христѣ и восхотѣ видѣти мѣсто Богомъзданныя пещеры, еже слыша от повѣдающихъ, яко потокъ нѣкий прилежащь близ немѣцкия земли, зовом Каменец, глубокъ, аки ровъ, течение имѣя прямо к востоку, по обѣ же страны оного потока горы высоки песочны, имущи нѣкая мѣста песка бѣла и крѣпка, якоже стѣны прямо сверху до долу, в них же Богомъзданная пещера. И видѣвъ, возлюби мѣсто велми. Шед же во градъ Псковъ и поимъ жену свою и два сына, прииде к предреченному Ивану Дементееву и у него остави жену свою, сам же пришед в сие святое мѣсто, начатъ копати в горѣ церковь за Богозданною пещерою к западу.

По мале же времени разболѣся жена его и пострижена во иноческий образ, и наречено бысть имя ей Васса.[6] В той же болѣзни и преставися. И ископавъ землю в Богозданнѣй пещере и положи ю. В нощи же той изставлена бысть из земли нѣкоею невидимою силою. Иван же помысливъ со отцем ея духовным, яко нѣчто погрѣшивше в надгробнемъ. И отпѣвше второе, и разрѣшалную молитву[7] изъглаголавшу отцу ея *духовному,* и паки погребоша. И посем второе обрѣтеся наверхъ земли. Иванъ же недоумѣявся о семъ, но ископа на лѣвой странѣ в пещерѣ в стенѣ и положи гробъ ея непрогребенъ. Потом же постризается и во иноческая облачитца, и нареченъ бысть Иона.

Во время же благочестиваго великаго князя Ивана Васильевича[8] всея Русии ископанѣ бывши церкви тѣм священноинокомъ Ионою в горѣ малѣ сущи, тогда поставляетъ и кѣлии двѣ на столбьицы прямо церкви печерныя. И шедъ во градъ, молитъ Святыя Троица священников, чтобы освящали храм в горѣ, онѣм же не хотящимъ необычнаго ради святаго мѣста. Он же, не получивъ прошения, отходит убо в Великий Новъград ко архиепископу Феофилу[9] и припаде к ногама его, просящи, дабы повелѣлъ освящати храм в горѣ. Архиепископу же повелѣвшу и благословившу храмъ освящати Святыя Троица священником. Освящена же бысть церкви в горѣ во имя Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Мария честнаго и славнаго ея Успения августа в 15 день в лѣто 6981-е, при великого князя намѣстницѣ и князи псковском Ярославѣ Васильевичи Оболенскомъ.[10] На освящении же церковнемъ посла Богъ милосердый начало великих даровъ Пречистою Богородицею: женѣ слепой свѣтъ очима дарова.

Тогда прежереченный Иванъ Дементеевъ дает от своей деревни удѣломъ земли Пречистой Богородицы на память себѣ, на монастырьское ограждение: по ручей Каменец с восточныя и сь южныя страны церкви Успения Пресвятѣй Богородицы Печерной на поприще, идѣже нынѣ церковь Благовѣщение Святѣй Богородицы съ трапезою и прочая монастырьския службы и кѣлии, и на горѣ роща, березие и елникъ.

Посем священноинокъ Иона, поживъ нѣколико время в молитвахъ и трудѣх, преставися к Богу. По смерти же его обрѣтоша на нагом тѣле его пансырь колчатой, тѣло же его все изваяно сквозѣ колца. И погребенъ в той же пещерѣ Богозданней, пансырь же обѣшенъ бысть над гробомъ его.

По преставлении же его прииде священноинокъ Мисаилъ служити к Пречистей Богородицы и монастырь ветхий составилъ, иже бысть на горѣ, и церковь преподобныхъ Антония и Феодосия Печерскихъ. По Мисаиле же бысть священноинокъ Селиванъ. Потом поставленъ первый игумен Иона, и по нем инъ игуменъ, иже написа в поминании церковнемъ перваго старца печерьскаго Марка и прочихъ преподобныхъ старецъ. И посем бысть игуменъ Сергий, таже Симонъ. Старцов же тогда было в том монастырѣ два или три скудости ради, и убожества, и порубежнаго мѣста. Служба же была у Пречистѣй в горѣ не по вся дни, но когда игуменъ изволитъ.

Нѣкогда же нашедшимъ нѣмцем ратию на сию землю, пленяющим и пожигающимъ, игумену же и братии отбѣгшимъ от монастыря, и церкви преподобныхъ раскладене бывши пожжения ради. Ратным же онѣмъ нѣмцомъ и у гробницы бывшимъ, и пансырю, обѣшену над гробомъ его, не обрѣстися. Таже имъ и в церковь въшедшимъ Пречистыя и наченшим бесчиновати, иже исперва чюдесем Богъ и Пречистыя Богородица хранениемъ, якоже нѣкий огнь возгорѣся въ церкви, попаляющи иновѣрныя. Они же от страха побѣгоша, яко нѣкоей силѣ въслѣдъ их женущи. Нѣции же от наших тогда с Ызборска града 15 человекъ послани языковъ ради, и видѣвше онѣхъ бежание, вослѣд ихъ

гнаша, и многи от них побиша, и иныхъ поимаша помощию Пречистыя Богородица.

Времени же минувшу от освящения первыя церкви лѣтъ пятьдесят, при державѣ государя всея Русии великого князя Василия Ивановича[11] посла Богъ таковых строителей, кому мочно потрудитися в дѣле строения монастырьскаго, игуменьство тогда по СимонѣДорофѣю приимшу. Великого князя дияку Михаилу Мисюрю[12] увѣдавшу мѣсто и церковь Пречистыя Богородица и велику вѣру показа къ Пречистѣй о строении монастыря.

В то же время нѣцыи торговые люди, псковичи Василей и Феодоръ, совещавшесе, заставиша от своего праведнаго имѣния написати образъ Пречистыя Богородицы честнаго ея Успения в житии иконописца Алексѣя Малаго, мужа благочестива житием и богобоязнива. И егда написа образъ той, тогда принесоша и в Печерьский монастырь и поставиша въ церкви Пречистыя Богородицы в лѣто 7029-е. Образъ же той творит безчисленая чюдеса и исцѣления и до сего дни. Феодоръ же той, во иноцехъ Феофилъ, положен бысть въ гробницы в Богомъ зданней пещере.

Посем же по совѣту игумена з братиею и по Мисюреву церковь Пречистыя в горѣ ископаша велику и в той же церкви придѣлы устроиша преподобныхъ отецъ Антония и Феодосия Печерскихъ. Освящена же второе церковь Пречистыя в горѣ в лѣта 7031-е августа въ 15 день. Того же месяца освящали и преподобныхъ храм. Помыслиша же устроити монастырь прямо церкви и ветхий пренести на сие мѣсто. Им же восхотѣшим, по слове и дѣло бысть. Мѣсто же оно прежняго монастыря неравно бысть, ино горы и ино аки ровъ и лѣсъ великъ — все же сие помощию Богородица изравняли. Потом же воздвигнуша церковь с трапезою древяну во имя святых великихъ мученикъ 40, иже в Севастии.

И егда восхотѣ Богъ помиловати стражущая люди и сию землю Псковскую неочюжену быти от своея божественыя благодати, яко многи грады рускиа земля прослави милостию своею и пречюднымъ знамениемъ Пречистыя Богородица и новыми чюдотворцы, святители и преподобными отцы; иже с вѣрою притекающимъ к честным ихъ мощем приемлютъ исцѣления различнымъ болѣзнемъ. Сия же земля Псковъская славима красится сим святым мѣстомъ, яко свѣтило сияя во вся конца Пречистыя ради неизреченныхъ чюдесъ, о нихже вкратцѣ да глаголется.

По освящении же великия церкви, на второе лѣто начат Богородица чюдеса своя являти на человецѣхъ: исцѣли черньца бѣсна и отрока беснаго, на праздникъ же Успения женѣ и отроку прозрѣние дарова и нищаго человека с Ызборска свободи, на новы месяцы страдавшаго. От того же праздника на иныя праздники бываетъ не токмо три или пять чюдесъ, но и пятьдесят и шестьдесят мужь и женъ исцѣленыхъ различными недуги. Многа же и ина чюдеса во обители Пречистыя Богородица содѣяшася, якоже древле иногда *в* Влахерне Одигитрия Пречистыя же образомъ[13] неизреченна и страшная чюдеса быша: ови

убо слышаху пѣние и свѣща горяща видяху въ церкви печерной, ови же благоюхание исходяща слышаху различнымъ благовониемъ. Нѣции же от нашихъ братии многажды видяху свѣт в нощи, стоящь над монастырем Пречистыя в долу, и не точию иноцы видяху, но и от мирьских. Нѣкий же человекъ именемъ Иванъ Долгий видѣ нѣкогда в нощи свѣт стоящь, яко облакъ, над монастырем новымъ в долу, и мнѣвъ, яко от вещественаго огня нѣчто горит в монастырѣ, и на конѣ пригнавъ, хотя нѣкое пособие сотворити, — свѣт же абие поднятся к небеси. Сия же онъ намъ повѣда, мы же прославихомъ Бога, показавшаго дивная чюдеса в дому Пречистыя Богородица.

По игумене же Дорофѣи, в четвертое лѣто царства великаго князя Ивана Васильевича[14] всея Русии, бысть игуменъ Герасимъ, иже устави чинъ церковный, службу вседневную въ церкви Успения Пречистыя Богородицы в горѣ и обычай монастырьский и своим рукописанием соборне утверди. И Михаилу Мисюрю послѣдствующу, еже к сему уложению своею рукою приписати.

По Герасимѣ же поставиша на игуменьство тоя же Печерьския обители постриженика священноинока Корнилия в лѣто 7037-е. Сей же Корнилий добре начинаше пасти Богомъ порученное ему Христово стадо. Первие созда церковь камену во градѣ Псковѣ на Усохѣ[15] во имя Пречистыя Богородица честныа ея иконы Одигитрия в лѣто 7046-е, и в ней службу вседневную устави и дом устрои на прихожение из монастыря нѣкоихъ ради потребъ и на препитание сущимъ ту служащымъ. Потом же в монастырѣ Печерномъ церковь ону святых мученикъ 40-те древяну с трапезою постави на дворцѣ, а в тое мѣсто содѣла церковь с трапезою камену во имя Благовѣщения Пресвятѣй Богородицы в лѣто 7049-е. Таже в лѣто 7073-е той же добрый пастырь игуменъ Корнилий содѣла около монастыря ограду камену велику и над враты устрои церковь во имя святаго Николы чюдотворца, архиепископа Миръ Ликийскихъ, способьствуя же ему, еже на строение храма сего, Павел Заболотцкий, во иноцѣхъ Пафнотий.

Сей же приснопоминаемый игуменъ Корнилий пожит на игуменьствѣ 41 лѣто и месяца два, постническимъ пребываниемъ мнихомъ собою образъ бывъ ко спасению. И люди Новаго городка Ливоньского,[16] чюдь зовому, научи и просвѣти их святым крещением, и церкви постави: на Агиреве[17] — Святую и Животворящую Троицу, а на Тапинѣ[18] — иже по плоти Христово Рожество, и прозвитеры и клирики устрои. От нашедшаго же потом всей земли словеньстей Росийскаго царства мятежа и от тлѣннаго сего жития земнымъ царемъ предпосланъ к небесному царю в вѣчное жилище[19] в год зимы 7078-е февраля в 20 день лѣтомъ сый 69. Тѣло же его положено со отцы в Богомъ зданней пещерѣ, в стенѣ.

Посем же той самодержецъ всея Русии, царь и великий князь Иванъ Васильевичь, по Корнилии постави на игуменьство Снятогорскаго игумена Саву. Таже повелѣваетъ воеводе своему князю Юрью Токмакову[20] от своея царския казны обложити ону чюдотворную икону Успения Святѣй Богородицы в житии златом, киотъ содѣлати сребрянъ. По повелѣнию же тако устроено бысть. Егда же игуменъ Сава

поставленъ бысть епископомъ во Тферь, тогда поставиша игуменомъ в Печерьский монастырь прежереченныя обители Снятогорския игумена Селивестра.[21]

В сицевых же временох быша мятежи и нестроения в Рустей земли, царству раздѣление, и крамолы другъ на друга износяще, позорну смерть гонзаху. Еще же и за умножение грѣхъ нашихъ преселение людемъ повелѣниемъ царя, и имѣнию отъятие, и пожары велики по градом, и моръ, и глад людем, и нашествие иноплеменникъ, о немже подробну повѣствовася и о чюдеси Пречистыя Богородицы сице.

О прихождении литовскаго короля ко Пскову

Бысть в лѣто 7089-е августа въ 20 день, прииде с великою гордостию польский и литовский краль Степанъ Обатуръ,[22] угрянинъ сый, вѣры же латыньския, со множествомъ вои литовския земли на Псковскую землю. Способники же имѣя от многихъ странъ воя: турковѣ, и агаряне, и волохи, и мультиане, и сербичи, и угрове, и словяки, и нѣмцы. И взят град Островъ[23] камененъ на Великой рекѣ и яже в нем люди плени. Такоже устремися на богоспасаемый град Псковъ, хотя восхитити, мня в себѣ, яко беспомощенъ, и безлюденъ, и не вооруженъ. И прешед реку Череху,[24] ста ополчениемъ со всѣм войском у монастырей святаго Спаса на Промѣшицы и святых мученикъ Флора и Лавра у Песковъ.[25]

О сем же за 14 лѣтъ преже помянутый игумен Корнилий свидѣтельствуя въ книзѣ лѣтонаписании своемъ,[26] сице повѣда. В лѣто 7076-е сентября месяца видѣша, рече, сторожи у Череского мосту в нощи свѣт сияющь и людей многое множество вооружени воиньским обычаемъ, и поидоша ко граду Пскову. Стражие же они ужасошася, страх бо великъ обыде их, бяху же поставлени стрещи от мору. Сие же онѣхъ стражей видѣние послѣди збыстся, якоже предлежащее повѣсти явитъ.

В то же время во градѣ Псковѣ воеводы князь Василей Феодорович Скопин да князь Иванъ Петрович Шуйскиа граду утвержение строяще[27] и люди вооружающе. Возбранныя же и непобѣдимыя воеводы Пречистыя Богородицы образъ той чюдотворный Успения в житии повелѣниемъ царя принесенъ от обители Печерьския во градъ Псковъ на заступление граду и обители тоя. Игуменъ Тихонъ[28] с старцы и со иконою Пречистыя Богородицы бяху во Псковѣ же, молебная совершающе со всѣм освященнымъ соборомъ въ церкви Святыя и Живоначалныя Троица.

Во оны же дни бысть посѣщение Пречистыя Богородицы во градѣ Псковѣ, якоже повѣда нам нѣкто мних обители Печерския Митрофанъ и инии мнози дивну повѣсть, еже тогда слыша от нѣкоего мужа псковитина Дорофѣя кузнеца, очима же мало видяща и повѣдающа сице.

«Бых, рече, яко в час вторый на десять дни, сѣдящу ми в сѣнехъ кѣлиица своея в монастырѣ Покрова Святѣй Богородицы, зовомо во Углѣ града Пскова,[29] и плачющу о належащей скорби граду, видѣхъ

нужныма очима моима явѣ свѣт великъ, шествием осѣняющь, яко столпъ до небеси, от Печерьския обители чрезъ Великую рѣку об лѣвую страну монастыря Мирожьскаго во град Псковъ, и под онѣмъ свѣтомъ идущу на воздусѣ Святую Богородицу и с нею шествующа преподобнаго отца Антония, Киевския пещеры началника, под руку лѣвую, а з другую страну, под десную руку, игумена Корнилия Печерскаго Псковския области. И вшедша чрез градную стѣну въ церковь Покрова Святѣй Богородицы, и потом изыде из церкви со онѣмъ свѣтомъ, и взыде на стѣну града и сии преподобнии с нею, и вопроси: „Гдѣ Мирожский строитель Нифонтъ,[30] епископъ Новогородский?” И в том часѣ ста пред нѣю епископъ Нифонтъ и, поклонься, рече сице: „Госпоже Пресвятая Владычице, в моем монастырѣ сего лѣта не бяше Литургия”. Она же глагола: „Сыну моему и Богу тако извольшу". Посем возва: „Гдѣ избраннии Божии, иже у Святѣи Троицы въ церкви лежаху?” Таже вскорѣ предсташа ту благовѣрнии велицыи князи Владимеръ Киевский,[31] Всеволодъ[32] и Домонтъ[33] Псковстии, и по них ста позади, яко полусажени, блаженный Микула,[34] иже уродивый бяше былъ во Псковѣ, и вси ей поклонишася. Пречистая же Богородица, зря на градъ к Торгу, яко со гнѣвомъ сия рече: „О злии человецы града сего! Прогнѣвали есте Сына моего Господа Бога, осодомиша бо град сий скверными своими дѣлы. А нынѣ на васъ уже прииде туга и беда велия, и вы Сына моего Господа Бога и мене познали”. И в том часѣ игуменъ Корнилий и Микула уродивый прослезишася, отвѣщаху: „Госпоже Владычице Богородице, есть грѣхъ ихъ и беззаконие. Не прогнѣвайся, Госпоже, на нихъ дозѣла, но помолися сыну своему Христу, Богу нашему, за град сей и за люди согрѣшшая”. И потом вси они такожде, восплакавшеся, молиша ю.

Такоже возва мя от мѣста, идѣже сѣдях, и обрѣтохся у оноя стѣны града, яко противу ногъ Пречистыя стоях, и рече ми: „Старче, иди вскорѣ к боголюбивымъ воеводамъ и к печерскому игумену и возвѣсти им, чтобы молили прилѣжно Господа Бога беспрестани за градъ и принесли бы образъ мой Печерский старый и хоруговь на стену града, идѣже азъ стою. Да поставили бы на том мѣсте пушку, а другую внизу стены, и били бы из них беспрестани по королевскимъ шатром — бяше бо королевския шатры за горы ниски, и указоваше на них пречистою рукою своею, — а людие бы плакалися о гресѣх своих, молящее милостиваго Бога. Буду же и азъ молити его о васъ, еда Сынъ Божий, Слово Отчее, славимый со Отцемъ и со Святым Духомъ, услышитъ моление и слезы рабъ своих, тогда оного краля сотворит недомыслена и умом смятена, и, ничтоже ему успѣвшу, отидетъ посрамленъ”. Сия же Пречистей изрекши, абие невидима бысть. Аз же воспрянувъ, обрѣтохся сѣдя в сѣнехъ кѣльица своея».

Мы же сие милостивое снабдѣние Пречистыя Богородицы явлениемъ оному мужю и преподобныхъ отецъ и всѣх святых молитву и моление от него слышавъше, побѣдныя испущающе слезы, прославихомъ Пречистую Богородицу, заступницу нашу и стѣну, и всѣхъ святых Божиихъ угодникъ, присныхъ и теплыхъ молебникъ, наипаче больма начахомъ призывати их на молитву прилѣжно. Сие же милостивое явление человекъ онъ повѣда воеводамъ, и всему синьгклиту, и нам.

Потом же безстуднии они латынове — *ляхове,* и угрове, и нѣмцы — наставшаго лѣта 7090-го, септеврия въ 7 день,[35] начаша стрѣляти из стѣнобитных сосуд, еже есть пушокъ, в градную стѣну у Великия рѣки против Мирожскаго монастыря, от Свинускихъ врат, от перваго часа и биша день той до вечера. И наутрие, на Рожество Пречистыя Богородицы, такоже биша стѣну до четвертаго часа дни, и пробиша з землею равно, и внезапу сотвориша в той часъ приступъ великъ ко граду, и взыдоша на градъ, и бияху со града ту сущая псковская воя и люди во градѣ, не дающе никому приступити к пробитому мѣсту града.

Во градѣ же тогда священный соборъ и весь синьглит носяще той Пречистыя Успения чюдотворный образъ и прочихъ святых, молебная совершающе беспрестани. Християньский же народ, мужи и жены с чады и всякъ возрастъ, невозвратну надежду имуще на всемогущаго Бога, славимаго в Троицы, и на Пречистую Богородицу, надежу нашу и стѣну непобѣдимую, и на святых небесныхъ воиньствъ, и на Божиихъ угодник, благовѣрныхъ великихъ князей: святаго Владимира, крестившаго Рускую землю святым крещениемъ, и чюдотворнаго Гавриила-Всеволода, и храбраго князя Тимофея-Доманта; и на преподобныхъ отецъ молитву — Антония, и Нифонта епископа, и Корнилия Печерскихъ; и Никулу Псковскаго, и на всѣх святых помощь, молящеся и плачюще, и с воплемъ руцѣ простираху, глаголюще: «Не предаждь нас, Владыко Человеколюбче, до конца имени твоего ради...» и прочая.[36] Такоже и ко Пречистей Богородицы иконѣ вопияху сице: «Заступнице християномъ непостыдная, ходатаице къ Творцу непреложная, не презри грѣшныхъ моления гласы...»[37] И прочая до конца кондака того и икоса.[38] И всех святых на помощь призываху.

Промысломъ же Зижителя и Господа и Пречистыя Богородица и всѣх святых молитвами псковская воя, совещавшеся, принесше нѣкако зелие, зажгоша в Свинуской башни. И абие в той час яко прах подняся мостъ из башни, и в ней ляховъ и литву вся пожже и яко бурею силною развѣя за градъ. И бишася со онѣми ляхи от четвертаго часа до вечера, и со града согнаша их. Они же безстуднии побѣжени отбѣгоша от града, а иниии же спяти быша и падоша безчислено. Поимаша же и живых за градомъ в ровѣ и с ужищами, еже приготовиша плѣнныхъ во градѣ вязати, сими же ужищи сами связани *быша и* испытани.

Показуя и наказа насъ Господь, смерти же не предастъ насъ, и все, елико сотвори намъ, и вся, елика наведе на ны, воистину суд сотвори. Но милосердиемъ своим преклонься на молбу Матере своея и всѣх святыхъ, посла воя своя, невидимо защищающа и помогающа намъ на латыньство, не предастъ града и насъ, в бедѣ сущихъ, в руцѣ враг беззаконенъ, мерзокъ преступникъ, и кралю лукавнѣйшу, латыньския прелести исполнену.

Послѣди же стояху литовское воиньство под градомъ пять месяцъ,[39] промышляюще всякими ухищреньми: ово подкопы, ово стѣну подламывающе, овогда ядра разжегше пущающе во градъ, хотяху дворы запалити на смятение людемъ. «Господь же окрестъ людии своих отнынѣ и до вѣка»,[40] и «благословенъ Господь, иже не дастъ насъ в ловитву зубомъ их».[41] Обаче же приходяще ко граду, сами

исповѣдоваху псковским людемъ, сущим на градѣ, глаголюще: «Видѣхом нѣкую жену, сущу пресвѣтлу от божественыя благодати, по стенѣ града ходящу, якоже нѣкий стражь, и сѣдящу на пробитомъ мѣсте. Много же во ону жену стреляюще и не могохомъ улучити». «Помыслиша же совѣты, ихъже не возмогоша составити».[42] Мнѣ же жены оноя явление мнится быти Пречистыя Богородицы, снабдѣвающу свой град и покрывающу святым своим покровомъ рабы своя от належащихъ бѣдъ и золъ.

Многа же и ина преславная и чюдная знамения мнози видѣша благоговѣйнии псковстии мужие Пречистою Богородицею бывшая во граде Пскове. Инии же видяху нѣкоего воеводу, саномъ нарочита, по стенѣ града всего на конѣ ездяща днем и нощию и строяща людемъ граду ополчение, и не знаху его. 0 сих же и ина многа в повѣстех слова глаголютъ.

О прихождении литовскихъ людей к Печерскому монастырю и о побѣде на нихъ

В то же время, егда краль Стефанъ Обатуръ стояше у града Пскова, воиньстии людие добываху себѣ и конемъ кормлю по селомъ во всей Псковстей области. Паче же и в Ливоньстей земли ездяху и до самого Юрьева града, по лесом, и по блатом, и по островомъ, и на великомъ Псковском езерѣ взыскающе забѣглыхъ людей, и имѣния, и коровъ, и коней, и в плѣн себѣ имаху. Людие же простии и поселяне, на Господа Бога надежду возлагающе и на Пречистую Богородицу, выхожаху из градовъ осадныхъ, с Ызборска, и ис Печерского манастыря, изо Гдова и из Нового городка, и изъ Юрьева Ливоньскаго, тѣхъ литовскихъ людей по селомъ и по лесом имаху живых, а иных побиваху и грабления у них отимаху.

Посих же, октября въ 25 день, отпущени от краля литовстии воини въ свою землю со многимъ имѣниемъ своим и с плѣнными — телегъ возничихъ яко до тридесяте и боле. Бѣ же путь шествия ихъ от Пскова на Печерский монастырь в Ливоньскую землю. И егда достигоша Печерский монастырь, тогда Печерскаго монастыря людие устремишася на них и прогнаша ихъ, а имѣние их все поимаша и в монастырь привезоша. И наутрие такожe ехаша ото Пскова литовстии людие, яко до трѣисот, съ плѣнники и со множествомъ имѣния. В них же бѣ пленен рижской немчинъ Евфим, посланъ бяше из Риги к кралю за зелие златых имати, и Поспѣлъ Солицынъ з женою и з детми, бѣ же пленен от литвы во области Великого Новаграда, и инии мнози. Взаша же у нихъ и два колокола, еже плѣниша в *Кобыльской* веси у храма святаго Николы чюдотворца, на погосте на Полной.[43] Колоколы же оны и донынѣ в Печерскомъ монастырѣ на извѣщение родом грядущимъ поставлены у церкви святаго Николы же чюдотворца на Святых вратехъ. В то же время взяша и велбуда. И побиша людий литовскихъ немного, понеже печерьстии людие приидоша на них въ срѣтение на рѣчке на Пачковке в посадѣ. Прочии же литва и нѣмцы побѣгоша вспять ко граду Пскову и возвѣстиша кралю о бывших на нихъ побѣждениихъ, мняще, яко и до Пскова за ними гнаху. И ина преждебывшая имъ досады от печерскихъ людей навадиша кралю, глаголюще, яко достойно

бяше таковый град со мнихи разорити и люди из него вывести вонъ, понеже многа тщета людемъ литовскимъ от нихъ. А в монастырѣ заключено бѣ в то время плѣнныхъ угрянъ, и поляковъ, и нѣмецъ яко до тридесяте и болѣ.

Слышавъ же сия вся, краль Стефанъ разьярися на той Печерский монастырь и абие присылаетъ множество вои, поляковъ и нѣмецъ с стѣнобитными сосуды, сирѣчь пушки, ко обители Печерской Пречистыя Богородицы октября в 29 день. Они же безбожнии нѣмцы воеводы имуще Китлѣра курланца и Юрья Хранбѣка. И, пришедше, сташа около монастыря Печерскаго, и начаша первие бити нѣмцы из своего наряду, ис трех большихъ пушукъ, ноемврия въ 5 день. Наутрие же, на память иже во святых отца нашего Павла исповѣдника, патриярха Констянтина града, и преподобнаго отца нашего Варлаама Хутыньскаго, они безбожнии нѣмцы, вооружившеся крѣпце, поидоша в пробитое мѣсто стены, хотяху монастырь себѣ восприяти, Богомъ зданныя пещеры, снабдимый Пречистою Богородицею домъ, и яже в нем лежащихъ отецъ ни во что же вмѣниша.

Монастыря же того священницы и иноцы и простии людие принесоша икону старую Пречистыя Богородицы Успения к пробитому мѣсту, молебная со слезами простираху. Надѣющеи же ся на Господа жива во обители той иноцы, и малии воя, и вси людие, паче же возлагающе упование на скорую помощницу, на Пречистую Богородицу, вооружившеся, сташа яко гора Сионъ[44] неподвижно — «горы бо окрестъ их, Господь же окрестъ людий своихъ вну».[45] И бишася с ними от третияго часа дни до нощи, и отгнаша ихъ посрамлены. Воеводу же Китлѣра и иныхъ с ним нѣмецъ взяша, а Юрья, другаго воеводу, и иных нѣмецъ изъ оружия уязвиша.

Слышавъ же краль Обатуръ, яко побѣждени быша нѣмцы, абие присылаетъ иного воеводу Бурнамиса именемъ и иных многихъ храбрыхъ вои угровъ с нарядом же, запретивъ им сице: «Аще не разорите монастыря того и яже в нем людей не присецете, не имате ко мнѣ во здравъство возвратитися». Оный же воевода, со югры пришед, постави четыре пушки на своем мѣсте, а нѣмцы на прежнемъ мѣсте с своими тремя пушки. И биша по граду в два мѣста два дни. И егда пробиша стѣну до земля, тогда вооружившеся, поидоша вкупѣ угровѣ и нѣмцы на пробитыя мѣста, мнѣвше, яко нѣкому противу их стати. «Господь же праведенъ ссечет выя грѣшникомъ, да постыдятся и возвратятся вспять вси ненавидящеи Сиона».[46]

Христово же оно стадо в печали суще велице, плачюще, моляхуся Пречистѣй Богородицы, и святому Николѣ чюдотворцу, и святым мученикомъ 40-мъ, иже в Севастии, и преподобнымъ отцем Антонию и Феодосию Печерскимъ, и всѣм святым о избавлении толикия настоящия бѣды. И тогда нѣкоему юноши именемъ Улияну, юну сущу, и спящу ему явися Пречистая Богородица, глаголя сице: «Востани и повѣдай сущимъ ту инокомъ и всѣм людемъ ити к проломному мѣсту, и пѣти молебны беспрестани пред образомъ Пречистыа Богородица, и не отпадати надежди на Господа и на того рождьшую. Людемъ же неослабно вооруженнымъ быти и стояти крѣпце». А тому уноши

Пречистая прорекла: «Ты же убиенъ будеши. Азъ же не оставлю мѣста сего и не предамъ в руцѣ врагом». Таже дастъ ему три златницы сребрены, яже ему на потребу, обаче же онъ юноша не имѣя обущу, ни срачицы. Он же, воставъ, тече ко иконѣ Пречистыя Богородица, с плачемъ моляся, и повѣда всъм бывшее явление ему.

Быша же тогда и иным нѣкоторымъ мнихомъ, духовнымъ мужем, явление Пречистыя Богородицы и ово нѣкоего мужа свята, глаголюща. И о сем повѣда старецъ Спиридонъ Аникиевъ, о преподобнѣм Варламѣ Хутыньскомъ, еже видѣ, овогда же глас невидимо слышаша сицевъ: «Не ужасайтеся, постражите, яко добрии воини Христовы, за домъ Пречистыя Богородицы».

Слышавше же сия, священный соборъ, иноцы и вси людие радостию и трепетомъ скоро притекоша ко иконѣ Пречистыя Богородицы Успения к пробитой стенѣ, молебная совершающе и плачющися, глаголаху сице: «Не остави насъ, человеческое предстояние, Пречистая Владычице, но приими моление рабъ своих, скорби убо обдержат ны...» и прочее.

В то же время, егда приступаху угрове и нѣмцы купно, раздѣльшеся в два пробитыя мѣста, тогда нѣкто рыболовъ Сергий Витая Брада видѣ над церковию Пречистыя Богородицы множество етеръ в бѣлахъ ризахъ, в руцѣ свеща имуща и глаголюще другъ ко другу: «Грядем на пособие християном и пожжем иновѣрныя», — таже поидоша. Множество етеръ, мню, быти святых 40 мученикъ и преподобных отецъ, лежащихъ в Богомъзданнѣй пещерѣ. В той же час все упование возложивше на Господа Бога, и на пребывающаго в дому своем непобѣдимаго воеводу, Пречистую Богородицу, и на святаго Николу чюдотворца, и на всѣх святых, малии тогда обрѣтшиися людие охрабришася, и биша ис пищалей, и камение на нихъ метаху от четвертаго часа до девятаго, и побиша ихъ.

Сему же бывшу явлению послѣди свидѣтельствоваху они угрове и нѣмцы: егда приступаху ко граду, глаголюще, тогда видѣша нѣкое Божие пособие над монастырем — множество вои в бѣлах ризахъ, бьюща ихъ. И абие нападе на нихъ ужасъ велий, и посрамлени побѣгоша. К сему же и ино дивно Божие пособие сказаша, ркуще: «Егда бихомъ из наряду по стенѣ и стѣну разбихомъ, тогда видѣхомъ во дни и по вся нощи нѣкоего мужа стара, власы бѣлы имуща, овогда ходяща, овогда ездяща на конѣх, строяща и кажюща на градѣ в пробитых мѣстехъ нѣкое ограждение творити. И много по нему стреляхомъ, и ни единощи улучити не возмогохом». Мужа стара, мню, быти святаго Николу чюдотворца.

В той же день другий приступъ сотвориша ко вратомъ у храма святаго Николы и по лѣствицамъ взыдоша на башню пред враты, инии же врата желѣзная ломящи, хотяху вкупѣ со обоих странъ влѣсти в монастырь, умышляюще всякими ухищреньми. Промысленикъ же всъм Господь наш Исус Христос не презрѣ моления Матере своеа и святаго Николы чюдотворца за умаление людий, абие и жены храбры сотвори, и младыя дѣти, пищали занаряжающе, мужем готовяху, овии оружиемъ съ стены пхающе, овии же воду варяху с каломъ, льяху за градъ на

приступающая воя по лѣствицамъ ко граду. Обаче же и сии побѣждени быша и падоша, и обоимъ же не бѣ числа, а прочии отбѣгоша, посрамлени. Сия же велия побѣда и одолѣние на невѣрныя латыня бысть ноября въ 14 день, на память святаго апостола Филиппа. И наутрие, *на память* святых мученикъ и исповѣдник Гурия, Самона и Авива, такожде до конца побѣдиша их.

Во всѣх же сих лютыхъ приступехъ язвеных и побиеныхъ в монастырѣ людей яко до четыредесяте. Бѣ в то время болѣзни естественыя людем и моръ от нужа утѣснения. Се же все обое бысть за умножение грѣх нашихъ.

По сих же злѣ бывъшихъ намъ послѣднихъ приступовъ минувъ 10 дний, абие присылаетъ ото Пскова литовский урядный воевода и канцлѣръ Янъ Замойский[47] в Печерский монастырь о создании монастыря *послание* и образъ стеклянъ льяченъ в простѣ крабиицѣ, за приятелное вѣры людем ласкательство льстивно предлагает, о немже в послании явлено. Осадный же голова Юрьи Нечаевъ прият послание и образъ, собра ту священный чинъ и вся мнихи и люди нарочиты и показа образ той, а послание повелѣ чести всѣм людемъ вслух. В послании же писано сице:

«Янъ Замойцкий, наивышший гетманъ и канцлѣръ корунный, староста краковский, бѣльский, крешевский, гармолинский, въ честную обитель Пречистыя Богородицы Печерскаго монастыря господину игумену Тихону яже о Христѣ з братиею. Повелѣниемъ государя и великого короля польского до васъ сию грамоту посылаю.

Что же вы, будучи во храмѣ святом, от государя нашего никакие зацѣпки не имѣли? И государь нашь не токмо чтобы самъ храмы Господня разоряти имѣлъ, и сам созидаетъ и вѣра бы християньская умножилася. И такъже войску своему заказалъ храмовъ Божиихъ не разоряти. И вы, не помня своего чернечества, храм Господень и мѣсто святое кровию облили, выходя из монастыря, люди королевския, имаючи, насмерть побили, а иных ныне у себя в монастырѣ держите. И государь нашъ король послалъ былъ немногие люди под тотъ монастырь не для того, чтобы то мѣсто святое разорено было, для того что такие люди в таком святом мѣсте не кристияньски живут, вывести вонъ оттолѣ. А повелѣниемъ государя нашего короля и язъ иду с войскомъ и с нарядомъ к вам и не хотя святаго мѣста разорити и болшия крови пролити, что язъ и самъ по вѣре християнинъ, церкви Божии не разоряю, но созидаю, и християне бы были в своей православной вѣре.

И язъ пишу сию грамоту для вас, чтобы есте сами по доброй воли монастырь здали, стрелцовъ из монастыря выслали, а сами со всѣми животы своими из монастыря вышли. А язъ вас велю и с вашими животы и со всею рухлядию проводити до тѣх мѣстъ, гдѣ вы похотите. А которые в монастырѣ у васъ господарьския люди, и вы бы тѣх людей и сь ихъ животы оставили в монастырѣ итѣ всѣ животы, которые были королевскихъ нашихъ людей. А будетъ похотите в том монастырѣ жити, молити Бога за государя короля, и король государь вас пожалуетъ. А будетъ не похотите в том монастырѣ жити и из монастыря поидете вонъ

и з стрелцы и со всѣми тутошними людми и сь их животы, и то на вашей воли. А будетъ за тою моею грамотою по доброй воли монастыря не отдадите, то азъ буду християньской вѣре невиненъ, что святое мѣсто разорится, и святыя церкви осквернятся, и кровь християньская многая пролиется. И та кровь взыщется на вас, а язъ, християнинъ, вѣры не разоряю и храмов Божиих не оскверняю.

И прислали ко мнѣ изъ Ерусалима образъ Пречистыя Богородицы, како благовѣстил архаггелъ Гавриил во градѣ Галилейстемъ в Назарефѣ, и образецъ дому Иосифова, изнаверху дому Пречистыя наша Царица Богородица со Младенцемъ. И азъ той образъ послалъ к вам в монастырь, и вы бы той образъ поставили въ храмѣ честнаго и славнаго ея Успения и за нашего государя бы есте и мене Бога молили. И государь король и азъ вас пожалую, и вѣдалъ бы, что православная вѣра християньская и вашъ мнишеский чинъ нерушимъ былъ и святое мѣсто не разорилося».

Слушавше же такова послания, иноцы рѣша: «Не хотим королева жалования и не страшимся его угрозъ, ни приемлемъ канцлѣрова льстиваго ласкания, ни его льстиваго обещания латыньскаго по християньству, но умрем в дому Пречистыя Богородицы по своему иноческому обещанию». А християне рекоша: «По крестному целованию за отчину своего государя царя и великого князя Ивана Василиевича всея Русии и за его чада, царевича князя Феодора Ивановича, мы такоже должни умрети, а монастыря, Богомъзданныя пещеры, не отдадим». Бѣ же яко седмый день тогда, егда преставися царевичь князь Иван на Москвѣ.[48]

Таже осадный голова Юрьи Нечаевъ и весь синьклит, совѣтовавъ, повелѣша отказати посланнымъ от короля за ограду старцу Тернуфию, тако зовому. Старец же Тернуфий оболокся во весь иноческий чинъ великого образа, показавъ главу из стѣннаго окна, отказа сице: «Аще и предастъ насъ Господь за грѣхи наша, но должни есмы вси по Христѣ умрети в дому Пречистыя Богородицы, в немже прияхомъ сей великий аггельский чинъ. Якоже мя единаго сицева видите, тако вси мы готовы умрети за государя нашего царя и великого князя отчину, и за святыя церкви, и за закон православныя нашея християньския вѣры, а монастыря коралю вашему не отдадим». Таже и вси людие, то же слово ркуще с стѣны оградные с воплемъ, дерзостнѣ отказаша и начаша ихъ с стены стреляти, они же посрамлени побѣгоша, ничтоже обрѣтше.

И от того дни стояху угровѣ и нѣмцы около монастыря месяца два и дний пять, стрежаху и не дающе никому из монастыря изыти, ни в монастырь внити, и всячески промышляху и угрозы кажуще, аще монастыря имъ не отдадим. Потом же по мирномъ положении[49] от града Пскова и от монастыря Печерского оное велие все воиньство отидоша.

Слышав же таковое побѣждение, турский царь Амурат Селимовъ от вои, иже бяше были турцы у Пскова, велми посрамися, охуждая голдовника своего, короля польского,[50] к своим глаголаше: «Како сей несмысленый не соодолѣ безлюдну граду Пскову и монастырю

Печерскому, не имущу воя?» Они же турковe, иже бяше писания преже бывшая во Иизраили чтуще, разсужаху, царю глаголюще: «Аще бы и всея вселенныя царие пришли суть на восхищение граду Пскову и монастырю Печерскому, не бы могли взяти дом Божий и избавителя и защитителя их». Сия же нам повѣда плѣнникъ из Царяграда, нѣкто Козма Ляпуновъ, тогда бывшу ему в Коньстянтине граде.

Прослу же той Печерский монастырь Пречистыя ради Богородица неизреченнаго и дивнаго ея поможения и заступления во всю Скифскую страну[51] и в немецкия островы, по Варяжскому морю,[52] даже и до Рима, паче же и до Царя-града. Сами они безстуднии латынове, укоризну себѣ износяще, глаголаху: «Како онъ малый градецъ, межь горъ стоящь и воя храбры не имѣя в себѣ, токмо мнихи и простии людие, поселяне з жены, а над ними учинен старѣйшиною ко ополчению Юрья именемъ, рода Нечаева, млада суща и мала возрастомъ, и сего не возмогохомъ одолѣти, но всуе трудихомся противу невидимаго небеснаго царя воиньствъ».

Обаче же ину повѣсть слышахомъ. Вопрошаху ины воины у бывшихъ у Печерского монастыря воиновъ: «Пане, гдѣ былъ еси под замкомъ?» Он же отвеща: «Мешках у бѣлого замка Печерскаго». Паки глагола: «Добыли ли замокъ?» Той же рече: «Како добыти, гдѣ Богъ сам изволи быти и его Матере». Якоже Давыдъ глаголетъ: «Гора, юже благоволи Богъ жити в ней, ибо Господь вселится до конца».[53]

Сию же Божию милость видѣвше и помощь Пречистыя Богородицы и от всѣхъ иноплеменникъ, не вѣдущимъ суща истиннаго Бога и его Матере, покорное в разсужениихъ, должни есмы и мы со пророкомъ воспѣти пѣснь нову, яко: «Дивна сотвори Господь, спасе насъ десница его и мышца святая его. Яви Господь спасение свое пред языки, откры правду свою, помяну милость свою граду Пскову и истину свою дому Пречистыя Богородицы».[54]

Икону же ону старую Успения Святѣй Богородицы, еже ношаху на молебное пѣние к проломному мѣсту, повелѣниемъ игумена Тихона и всѣх людий осадныхъ завѣтомъ обложиша сребром и поставиша с лѣвую страну от чюдотворнаго образа Успения Пречистыя Богородицы в житии.

Потом же въ 92-е лѣто, марта во 18 день, царь и великий князь Иванъ, нареченный во иноцехъ Иона, преставися. Бяше бо той вящщий полнитель и пособникъ во всем строении сему Печерьскому монастырю, даваше много селъ, и злата, и сребра, и иконъ, и книгъ, и ризъ, и иных потребныхъ.

В первое же лѣто скипетра сына его, царя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии, егда церкви Божия въ его словеньскомъ царствии и в болгарьстей странѣ, яко раеви подобно, цветяху и людемъ великое пространьство и от тяготы великое облегчение, тогда устроиша новую икону на извѣщение Божия помощи и Пречистыя Богородицы и святых его угодникъ, в няже дни бысть дивная побѣда и одолѣние на противныя, егда приступаху угрове и нѣмцы в пробитыя мѣста

монастыря Печерьскаго. И поставиша и ту новую икону подлѣ старого образа на воспоминание родом грядущим.

Той же Божию дару тезоименитый[55] первый во царехъ в Руси именемъ и благочестия по Бозѣ ревнитель, благовѣрный царь и великий князь Феодоръ Ивановичь всея Русии паки своим дарованиемъ обогащает дом Пречистыя Богородицы, сея Богомъзданныя пещеры Ливоньския *земли,* отчиною, селы и своею царьскою казною на церковное строение и на препитание сущимъ ту во обители сту мнихомъ и служащим в монастырьскихъ послужениихъ мирядомъ тремстом, паче же и гостем и всѣм страннымъ, приходящимъ от всѣх странъ на поклонение Пречистыя Богородици образу.

Свидѣтели же нынѣ сим бывшимъ не мы едины, но всего Великого Новаграда и Пскова православнии людие и всея Руския земли християне, самовидцы и проповѣдницы заступлению и чюдесем Пречистыя Богородицы, понеже бо видѣша вси концы земля спасение Бога нашего. Не токмо же подает исцѣления християномъ, сиирѣчь православнымъ, правовѣрующимъ во Святую Троицу, во Отца и Сына и Святаго Духа, Святую же и Пречистую Деву Богородицу вѣрою несумѣнною разумѣвающимъ и почитающимъ, скверная же и хулная уста еретиком отметающимъ, иже неправедне отверзаемая, но и от иновѣрныхъ латынь ереси немецкия земли приходящимъ с вѣроюкъПречистѣй церкви Богородица и к чюдотворному образу всечестнаго и славнаго ея Успения и донынѣ подает исцеления: слѣпым прозрѣние, *болным здравие, хромымъ хожение,* клоснымъ и *разслабленым* исправление, и всякими недуги и различными болѣзньми одержимымъ скорое поможение, грѣшнымъ спасение, скорбящимъ утѣшение. Паче же иже пленени быша от обители Пречистыя слуги и християне в нашествие оного безбожнаго краля и заведени в морьския острова в нѣмцы, сии же вси Пречистыя Богородицы снабдѣниемъ свобожени быша и паки в монастырь приидоша здравы.

В той же обители Печерьской бѣ икона Умиление Пречистыя Богородицы в киотѣ, нѣкоимъ изграфом священноинокомъ Арсениемъ Хитрошем, боголѣпно и богоподобно, благочистителными шары тщателнѣ написанъ. Бываютъ же и от сея иконы дивная чюдеса с вѣрою приходящимъ и слепым прозрѣние. И егда по завѣту осадных людей ходитъ игуменъ обители Печерьския во градъ Псковъ в неделю 7-ю по Пасцѣ во храм Святыя и Живоначалныя Троица, тогда ту икону Пречистыя Богородицы Умиление ношаху с собою.

Обаче же, отцы честнии и братия, долженъ сый Пречистыя Богородицы тмою талантъ,[56] пребывая в грубости ленивства и страхом многимъ одержим, бояхся забвению предати за сие, яко и азъ, окаянный, милостию и хранениемъ ея четверицею пленения и смерти от супостатъ избавленъ, кромѣ внѣшнихъ нападаний. Сия же исповѣдахъ, преклоняя колѣни, молю ваше преподобие: обаче аще кто инъ выше насъ вѣсть исповѣдати от чюдес Пречистыя Богородица, и той да потщится и сия исправити, и на среду привести, и похваления пѣсни принести, еже исперва богоблаженными отцы во святѣй соборнѣй и апостольстей церкви написана быша в славу и честь Единосущнѣй и Животворящей

Нераздѣлимѣй Троицы, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

Собрано же вся сия три повѣсти, от многихъ скудная, о чюдесѣх от иконы Пречистыа Богородицы образа по благословению господина Тихона, архиепископа Казаньскаго, понужениемъ же Печерскаго монастыря еклисиарха аввы Исайя, с сими же свидѣтельствомъ тоя же обители игумена Никона труды же и сниканиемъ ихъ лѣностиваго послушника именемъ буквъ численыхъ слогу: третиему сотое с осмым, паки же с третьим седмьдесятое, сотое же паки со десятымъ и девятьсотное по древнему[57] — в славу Святыя Единосущныя и Неразделимыя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, паче же в похвалу заступления ради Пречистыя Богородицы, крѣпкия помощницы и молебницы о християньскомъ всякомъ возрастѣ, яко благословена и препрославлена от всѣх родовъ вовѣки. Аминь.

О преложении мощей началныхъ старцовъ печерскихъ

Прииде от Бога Духа Святаго нѣкое извѣщение и любы духовныя рачение в сердце Пречистыя Богородицы тоя обители Печерския игумену Иоакиму,[58] паче же и еже о Христѣ з братиею совѣтовавъ, пишетъ во град Псков *ко* иже тогда священноепископу Генадию[59] о первомъ старцѣ печерскомъ Маркѣ, и началномъ строителе священноиноке Ионе, и его супруге Вассе инокѣ, еже лежаху в Богомзданней пещере, яко гробы их с мощьми обѣтшали вельми, яко и кости их просто видѣти.

Епископъ же Генадие прочет послание, духомъ велми подвижим, вскоре совѣтуетъ со всеосвященнымъ соборомъ и повелѣвает писанием игумену Иоакиму з братиею содѣловати новые гробы и паволоки тому первому старцу, и началному строителю, и его супруге.

Игуменъ же Иоаким, от святителя приемъ благословение, повелѣ гробы новыя и покровы содѣлати и в тѣ новыя гробы положити мощи их с старыми гробы. И пѣвше надгробное провожение, поставиша гробъ перваго старца Марка на том же мѣсте, идѣже первие стоялъ, под Спасовымъ образом, прямо дверей, а священноинока Ионы на том же прежнемъ мѣсте, входя в Богомъзданную пещеру на правой странѣ; супруги же его Вассы иноки пренесоша гробъ от лѣвыя страны на десную и поставиша подлѣ священноинока Ионы — по повелѣнию священноепископа Генадия со псалмопѣниемъ, и со свещами, и с кандилы честно в лѣто 7108-го, месяца марта въ 7 день.

О крестохожении по завѣту осадныхъ людей в Печерскомъ монастырѣ во Псковъ ко Святѣй и Живоначалнѣй Троицы в неделю седмую по Пасцѣ

По приказу господина священноепископа Генадия Псковскаго и Изборскаго в лѣто 7109-го, июня въ 4 день, пишетъ Пречистые Богородицы Печерскаго монастыря игуменъ Иоаким еже о Христѣ з братиею о уложении чина и обычая, како ходити со святыми иконами Пречистыя Богородицы и с честными кресты ис Печерския обители во

градъ Псковъ ко Святѣй и Живоначалнѣй Троицы по завѣту осадныхъ людей сице.

«Государя царя и великого князя Бориса Феодоровича[60] всея Русии богомолцу, честнѣйшему господину священноепископу Генадию Псковскому и Изборскому Пречистыя Богородицы Печерскаго монастыря черньцы, игуменъ Иоаким з братиею.

Просимъ твоего святительскаго благословения, челом бьем.

Егда, великий господинъ, по завѣту братии нашихъ и всѣхъ православныхъ християн быхомъ у Святѣй Живоначалнѣй Троицы со святыми иконы Пречистыа Богородицы и с честными кресты и у твоего святительства благословения сподобихомся прияти, тогда ты, великий господинъ, сказалъ намъ, что у Живоначалнѣй Троицы повелѣлъ праздновати Успению Пречистѣй Богородицы пришествия ради честнаго ея чюдотворнаго образа. А в понедѣльникъ повелѣлъ намъ праздновати въ храмѣ Пречистыя Богородицы честнаго ея Одигитрия, воспоминая древнее ея благодѣяние, и посреднее, и послѣ бывшее, и настоящаго ради нынѣшняго торжества честный ея праздникъ славнаго Одигитрия со Всенощнымъ соборнѣ. Да и написати повелѣлъ еси нам во обители той чинъ и твой святительский уставъ на утвержение святым Божиимъ церквамъ, яко да незабвено и незакладно будетъ родом грядущимъ.

И мы, великий господинъ, сам ты вѣдаешь, еще во учимых чину есмы, елико мощь нашему художеству, подробну написахом по твоему святительскому указу той уставъ вчернѣ и послали есмя к тебѣ, великому господину, чтобы ты пожаловалъ велѣлъ поисправити то наше писа*ний*це*.* Покажи, господине, милость; великий святитель, вели то наше писаниийце поисправити, чтобы, великий господинъ, твоим святительскимъ уложениемъ во единомъ согласии было. И к нам своего святительскаго благословения той чин и устав пожалуй пришли на утвержение Божии церкви и памяти ради братии нашей и родом грядущим православнымъ християномъ. А мы тебѣ, великому господину, соборнѣ много челом бием».

Епископъ же Генадие прочет от игумена Иоакима з братиею послание и уставный чинъ о крестохожении и, абие то уставное писание справя, присылаетъ паки к нему во обитель и пишетъ ко игумену Иоакиму з братиею послание сицево.

«Благословение священноепископа Генадия Псковскаго и Изборскаго в пречестную и великую обитель Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения Печерскаго монастыря о Святѣм Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смирения, игумену Иоакиму еже о Христѣ з братиею.

По нашему совѣту писал еси к нам, сыну, о приходѣ и о праздньстве Пречистыя Богородицы июня въ 4 день, да и уложение писаниемъ прислал к нам с печерскимъ старцемъ с Сергиемъ Пестовымъ, и намъ бы то уложение поисправити и прислати к вам. И у васъ, сыну,

уложение приходу Пречистыя Богородицы во Псковъ къ Святѣй, и Живоначалнѣй, и Единосущнѣй, и Нераздѣлимѣй Троицы и праздньству, Духомъ Святым наставляемо, все по Бозѣ написано. И в томъ, сыну, в вашемъ уложении поисправлено у насъ маленько, а иново тут исправливати нѣчево. И за ваши святыя труды и подвиги мзду Богъ вам воздастъ в будущем вѣце. И с того вашего уложения у насъ в чиновникъ списано слово в слово. И то ваше уложение послали мы, сыну, к вам в Печерский монастырь запечатано.

А милость Святыя и Живоначалныя Троицы и Пречистыя Богородицы и великого чюдотворца, благовѣрнаго князя Гавриила-Всеволода молитва, да и нашего смирения благословение да и есть и будетъ с тобою и со всѣми вами вовѣки. Аминь».

О крестохожении в чину и уставѣ писано сице

В лѣто 7090-е при державѣ государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии, еже бысть в нашествие литовскаго краля Стефана Обатура ко граду Пскову и к Печерскому монастырю, тогда сущии во обители Пречистыя Богородицы честнаго ея Успения в осадѣ священницы, и иноки, и слуги, и християне приходу святаго Николы чюдотворца Тайловской губѣ[61] и иных волостей положили обѣтъ ходити со святыми иконами Пречистыя Богородицы и с честными кресты во градъ Псковъ к Святѣй Живоначалнѣй Троицы в седмую неделю по Пасцѣ по вся лѣта благодарити всемогущаго Бога, славимаго в Троицы Отца и Сына и Святаго Духа во единомъ Божествѣ, и възбранную воеводу, Пречистую Богородицу, заступницу нашу крѣпкую и стѣну необоримую, и святых небесныхъ силъ бесплотныхъ, и святаго Николу чюдотворца, скораго помощника и теплаго заступника, и святых великомученикъ 40, иже в Севастии, и преподобных отецъ Антония и Феодосия Печерскихъ, и тоя обители преподобныхъ началныхъ старецъ — Марка, и Ионы, и Корнилия игумена, и всѣх святых. Яко молитвами их святыми и предстательствомъ милостивый человеколюбецъ всесилный Господь Богъ Пречистою Богородицею снабдимую обитель и яже в ней православное християньство от нашествия и плѣну и латыньския прелестныя вѣры иноплеменникъ, нѣмецъ и ляховъ, защити и от всѣх бѣд избави, нашедших за грѣхи наша. И молити Всемилостиваго Бога и Пречистую Богородицу и всѣх святых за православныхъ государей наших царей и великих князей (имярек) всея Русии, и о благочестивомъ воиньстве, о градѣх же, и о благостоянии святых Божиихъ церквей, и о совокуплении всѣх православныхъ християнъ, и о временех мирныхъ, и о плодоносии земных. Быша же в то время исцеления многа от иконы Пречистыя Богородицы Умиления, еже навыкли бяху звати в царствующемъ градѣ Москвѣ Владимерскою.

Преходящу убо девять на десятому лѣту оного завещания, бысть в лѣто 7109-го, майя въ 24 день, в четвертое лѣто державы государя царя и великого князя Бориса Феодоровича всея Русии, и его благовѣрныя и христолюбивыя царицы и великия княгини Марии, и ихъ благородныхъ чад, царевича Феодора и благовѣрныя царевны Ксении, прииде благодать Святаго Духа, осиявая в сердце разгорѣниемъ совѣсти благи,

великому господину священноепископу Генадию, правящу престолъ Пресвятыя и Живоначалныа, Нераздѣлимыя Троица богоспасаемыхъ градовъ Пскова и Изборска и прочихъ, извещаетъ совѣт благъ тоя Печерския обители игумену Иоакиму, яже о Христѣ з братиею, сице рек:

«Егда со образомъ Пречистыя Богородицы и съ честными кресты по своему обещанию к Живоначалнѣй Троицы поидете, и тогда в суботу вечеръ и в неделю на утрени да празднуете Воскресению и Святѣй Троицы с величаниемъ и святаго благовѣрнаго великого князя Гавриила Всеволода вкупѣ, по Господню слову, еже рече: „Аще любите мя, заповѣди моя соблюдаите, и азъ умолю отца, иного утѣшителя дастъ вам. Да будетъ с вами вовѣки Духъ истинный”.[62] „Аще бо не иду азъ, утѣшитель не приидетъ к вамъ”.[63] „Егда же приидетъ он, истинный, наставит вы на всяку истину".[64] А о святѣм глагола: „Идѣже азъ, ту и слуга мой будетъ”.[65]

А мы у Живоначалныа Троицы да празднуемъ Воскресению и Успению Пресвятѣй Богородицы и святым отцем за настоящий обѣтъ, яко той Възбранной Воеводѣ преестествено бдѣвши, молящи Святую Единосущную Нераздѣлимую Троицу, и чюдотворная икона ея бѣ тогда во граде Пскове в нашествие литовскаго краля Стефана, яко непреборима стена защищающи град от иноплеменникъ.

И прочее по проповѣди благовѣстника стекшеся любовию весь освященный чинъ со божествеными Пречистыя Богородицы иконами и хоругви, знамениемъ небеснаго царя, и с непобѣдимою божественою силою Честнаго и Животворящаго Креста Господня, и святых небесныхъ силъ бесплотныхъ Михаила и Гавриила и прочихъ, и всѣх святых образы, и с кандилы, с послѣдствующимъ же тогда града Пскова властодержателемъ, благочестивымъ боляром и воеводамъ, и всему их синьклиту, и всѣм православным християном всякому возрасту от мала и до велика, воздающе благодарьственую похвалу и пѣние, моление же и обѣты, и пѣснь побѣдителную. И потом сошедшеся на срѣтение с хоругви Пречистыя Богородицы честнаго ея Успения, и чюдотворныя иконы Пречистыя Богородицы Владимерскии Одигитрия, и великого чюдотворца Николы, и преподобныхъ отецъ Антония и Феодосия Печерских, купно вси поклонимся с вѣрою Святѣй и Животворящей и Нераздѣлимей Троицы, Отцу и Сыну и Святому Духу во единомъ Божествѣ, и Пресвятѣй Владычицы нашей Богродицы и Приснодевѣй Марии, и всѣм святым иконам любезно со страхомъ прикасающеся и целующе, и Честнаго Креста знамениемъ благословение приимем другъ от друга и о Христѣ целование лобзаниемъ святым, якоже учитель вселеннѣй, великий апостолъ Павелъ, в своих посланияхъ послѣдовати завеща намъ.

Таже совокупльше весь божественый лик и священное ополчение, паки со псалмы и с кандилы и пѣнии духовными молебно со усердиемъ руцѣ простирающе, молятъ за державныхъ государей нашихъ царей и великихъ князей всея Русии, якоже сначала рѣхомъ. Овии просто со воздыханиемъ сердечнымъ, тайно в себѣ горѣ умъ простирающе, молящеся, хвалу благодарьствену ко всесилному в Троицы славимому

единому Богу богомъ, царю царствующимъ и Господу господем глаголаху: „Слава тебѣ, милостивый Царю Человеколюбче, яко сподобил еси насъ видѣти пречистый твой божественый образъ и твоея преблагословенныя Матере, Владычицы и Заступницы граду нашему и всѣмъ градовом и весемъ, и намъ, смиреннымъ рабом твоим”. Простии же человецы, не умѣющеи Писания, еже навыкли бяху исперва, егда крестися великий князь Владимеръ в Корсунѣ,[66] тогда бывшии с нимъ самовидцы, народи их корсунскии, глаголъ по-гречески навыкнуша звати „Кирие елеисонъ", по словенски же „Господи, помилуй”. Прочии же человецы и жены и инии простии людие всяк возрастъ, послѣдствующе сему, в себѣ тайно, елико чесо кто умѣяше, молящеся, глаголютъ, идуще во градъ ко Святѣй и Живоначалней Троицы. И совершивъ молебная, да служимъ у Святѣй Живоначалней Троицы литоргию соборнѣ.

И того дни да повелиши вечерню пѣти у Одигитрия Пречистѣй Богородицы на Печерскомъ дворѣ малую торжествено со антифономъ[67] и с паремиями[68] и молебенъ Одигитрию Святѣй Богородицы за настоящую вину, яко сподобилъ насъ Богъ пречистый образъ ея видѣти, и поклонитися, и в честнѣм храмѣ ея быти на поклонение всѣм православным християномъ, с вѣрою приходящимъ отвсюду, и прикасающимся знамениемъ, и целующимъ, освящение и исцѣление приимати душамъ и тѣломъ.

Такоже да поемъ *Всенощное* к понедѣлнику с Вознесениемъ[69] Одигитрию Святѣй Богородицы, якоже писано на праздникъ ея: стихиры, чтения и величания; и преподобным отцем Антонию и Феодосию Печерскимъ общий канонъ, и стихиры, и тропари.[70] И на Литоргии вся служба поряду Богородицы и преподобным. А на трапезѣ да чтется в Повѣсти Печерьской о нахожении литовского короля ко Пскову и о чюдесѣх от иконы Пречистыя Богородицы.

Того же дни паки да провожаем святыя иконы Пречистыя Богородицы, и святаго чюдотворца Николу, и преподобных отецъ такоже, якоже встречаемъ, со всѣми святыми иконами, и с хоругви, и с кандилы, со псалмы же и пѣнии и пѣсньми духовными всего освященнаго чина, велможа же и вся православия людей из града до того же мѣста, идѣже встрѣтение творим, противу монастыря святаго Николы чюдотворца Каменные ограды.[71]

И тако творим по вся лѣта отнынѣ и до вѣка памяти ради прежнихъ родовъ, благодаряще Всемогущую и Животворящую Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа во единомъ Божествѣ, и Пречистую Богородицу, молебницу о християньскомъ родѣ, воспоминающе древнее ея заступление и побѣду, еже въ царствующихъ градѣх в Констянтинополии, и на Москвѣ, и Великомъ Новѣградѣ,[72] и во градѣ Псковѣ в нахожение иноплеменникъ, и исцѣления ради от иконы Пречистыя Богородицы неизреченных чюдес, и великого чюдотворца Николу, скорого помощника и молебника о душах нашихъ, и преподобныхъ отецъ Антония и Феодосия и Корнилия Печерскихъ, и святаго благовѣрнаго великого князя Гавриила-Всеволода, и всѣх

святых, яже тогда видѣ блаженный муж он Дорофѣй кузнецъ *во Пскове* в осадѣ».

Слышав же сия от святителя, игуменъ, и весь священный причет, и вси людие с радостию велелѣпно святителю благодарьствено отвѣщаша: «Да будетъ, святый владыко, еже к нам смиреннымъ твой благий совѣт на твоей святой воли, еже тако совѣщава, чинъ и уставъ положити писаниемъ во святѣй велицѣй соборнѣй апостольстей церкви Пресвятыя Троица и у Пречистые Богородицы в Печерскомъ монастырѣ и в прочихъ соборныхъ храмѣхъ помяновения ради в род и родъ».

Великий же господинъ священный епископъ Генадий, слышавъ от игумена Иоакима, и от прочихъ игуменовъ, и всего священнаго собора церковнаго, и всѣх православныхъ християнъ о таком их преподобномъ подвизѣ, и тщании, и благодарьственомъ отвѣте, повелеваетъ сия завещания и уставъ писанием церквам предати, яко да сие пребожественое и честное достохвалное торжество незабвено и незакладно будетъ отнынѣ и вовѣки. Аминь.

Второе уложение во время гладу

Паки Премилостивый Владыка Господь нашь Исус Христос, за умножение грѣхъ нашихъ хотя насъ наказати, милосердъ, яко отецъ чадолюбивъ, не предастъ насъ в тяжкое губление языкомъ и от иных великих язвъ соблюдая рукою си крѣпкою и мышцею высокою. Якоже древле царя Давыда по сочтении Иизраиля язвою смертною,[73] и якоже Ахава при Илии пророце,[74] и во царьствующемъ Констянтинѣ граде при Устиянѣ,[75] и иныхъ, такоже и в Руси, многажды гладомъ, и пожары, и моромъ, и нашествием иноплеменникъ, сице и нынѣ грѣхъ ради нашихъ во всей земли Рустей содѣяся во 109-мъ году. Первие зимою в земли рожь под снѣгомъ подпрѣла, таже лѣтом с Петрова дни[76] дождь беспрестани идяше и рожь до Симеонова дни[77] не поспѣла; на положение честнаго пояса Пречистыя Богородица[78] мразомъ поби рожь в земли и ярь. И от того времяни начат глад быти великий, куповаху ржи четверть по два рубли и в полтретия рубли и боле, жито в два рубли, овесъ, гречю в полтора рубли и выше, такоже медъ и соль и все драго. Маломощнии же человецы и поселяне, приходяще во грады и веси, прошаху хлѣба и от глада и студени зимныя и от всякия нужа помирающе. Тако и скоту падение велико. И ядоша человецы, кто что замыслитъ, даже и до мертвечины, и конины, и плоти человеческой доиде.

Богомъ спасаемаго же града Пскова людие совещаютъ совѣт благъ государевымъ царя и великого князя Бориса Феодоровича всея Русии болярину и воеводамъ, игумену и протопопу, и всему освященному собору, и гостем, и всѣм посадским людемъ, глаголя сице: «Егда Печерьского монастыря игуменъ, и священники, и иноки, и всѣ православные християне по своему обѣщанию поидутъ во Псковъ с чюдотворными иконы и с честными кресты молити всесилнаго Бога и Пречистую Богородицу и святых великихъ чюдотворцевъ о всемирномъ строении, и о благостоянии святых Божиихъ церквахъ, и о державы, и многолѣтном здравии и спасении государей нашихъ, и о

христолюбивомъ воиньствѣ, и о всѣхъ православныхъ християнехъ, чтобы Господь Богъ препитал православное християньство в сие гладное время и даровал бы плод земный, и теплоту солнечную, и благорастворенны воздухи на умножение плодовъ земных, и приложити бы к трудом труды и тщание: тогда бы Пречистыя Богородицы чюдотворную и честную ону икону Умиления и Одигитрие и святаго Николы чюдотворца срѣсти от града Пскова 5 верстъ на погосте святаго великомученика страстотерпца Георгия на Камнѣ». И проповѣднику о сем повелевают гражаномъ в народѣ на торжищехъ кликати.

Народи же, слышавше от проповѣдника таков подвигъ, возрадовашася духом о селицѣ тщании, велию вѣру усердно показаша, послѣдующе доброму совѣту, с честными кресты и со святыми иконами поидоша и со псалмопѣнии же и с каньдилы, якоже бѣ им обычай. Такоже и воеводы, и гражане, мужи и жены с чады, от мала и до велика, и вси православные християне идоша во срѣтение до Камня и стретоша оны святыя иконы чюдотворныя со страхомъ и трепетомъ и со слезами. Святитель же, восприем на свое рамо со игумены Пречистыя Богородицы честную ону икону чюдотворную Умиления, несоша во град честно и боголюбезно во храмъ Пресвятыя и Животворящия Троица со псалмопѣниемъ и пѣсньми духовными, молебная совершающи. Тако же провожаютъ до того же храму святаго Георгия.

И от того часу пришествия ради многочюдесныя иконы Богоматере, и святыхъ небесныхъ силъ, и святаго Николы чюдотворца, и благовѣрнаго князя Всеволода, и всѣх святых ради, и боголюбезнаго ради тщания и молитвъ честнаго и всеосвященнаго собора, и всѣх православныхъ християн путныхъ ради трудовъ, и воздыхания, и слезъ дарова милостивый Господь нашь, славимый и поклоняемый во Троицы во единомъ Божествѣ, теплоту солнечную, и благорастворенный воздухъ, и дождь тих. И начаша расти рожь и яровой хлѣбъ и всякия плоды земныя; и жатву, и млачение, и сѣяние ржем и во всякомъ дѣле блазѣ, даже и до поздныя осени и все стройно. И о всем сем благодарихомъ милосердаго Бога и Пречистую Богородицу, теплую в скорбѣхъ помощницу, и небесныхъ предстателей, и скораго помощника святаго Николу чюдотворца, и святаго благовѣрнаго князя Гавриила, и всѣхъ святыхъ молебниковъ о родѣ человечестем.

Также в предъидущее лѣто 111 епископъ Генадий писанием же изоображаетъ и поспѣшествует; забывъ старость, яко исполинъ, тещи путь и со всеосвященным соборомъ, и власти, и нарочитыми града Пскова мужи, и жены, и малии и велиции, и ссущими младенцы, и, якоже во псалмѣ речеся, «юноша и девы и старцы со юнотами».[79] И толико народа изыде во срѣтение, яко николиже было, изъ окрестных градовъ, и весей, и селъ. И не бѣ конца видѣти людии по пути спреди и созади во уреченное вещание крестохожения со иконами Пречистыя Богородицы и всѣх святых до храму славнаго страстотерпца Георгия, еже на Камнѣ, на срѣтение чюдотворныя иконы Пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии честнаго ея Умиления и Одигитрия, и великого чюдотворца Николы, и преподобных отецъ Антония и Феодосия Печерскихъ. Со страхомъ, и благоговѣниемъ, и трепетомъ, радостною душею честь и поклоняние со псалмопѣниемъ

молбу приносяще, таже и святитель со игуменомъ восприемлютъ чюдотворную икону на рамо свое. *Якоже и первие несяху ко граду,* сицевым же образом и провожаютъ до того же храма святаго великомученика и побѣдоносца Христова Георгия, еже есть на Камнѣ.

Человеколюбивый же Владыка Господь ускори, щедрый, и потщися, яко милостивъ, на помощь нашу, якоже можаше, хотяи, дарова сего лѣта благорастворенный воздух и умножи плодовъ земных. Святитель же со всеосвященным собором и вси людие, о всѣх сих благодаривше всещедраго человеколюбиваго Бога, и Пречистую Богородицу, и великихъ чюдотворцевъ, и всѣх святых, *пола*гаютъ закона обѣщание и еже и впредь в том же мѣсте срѣтение и провожение творити памяти ради настоящаго сего времени, дабы не забвена была Божия благодать родом впредидущим, благодарение и хвалу, честь и воздаяние воздавати благодателю всѣх Богу, славимому во Троицы Отцу и Сыну и Святому Духу, и Пречистей его Матери, и святым небеснымъ чиноначалиямъ, и всѣмъ святым, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

О монастыри Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго ея Успения Печерский в долу межь горъ

От града Пскова к западу отстоящь 40 поприщь, а от Ливоньския земли за три поприща. Приход от града Пскова на гостиной дворецъ, на немже церковь древяна святыхъ страстотерпецъ 40 мученикъ, иже в Севастии, а около церкви кѣлии гостиныя, и служни, и дворец конюшенной. От дворца к полудению до монастыря яко из лука стрѣлити! Пред враты башня кругла каменна с церковию святаго Николы Чюдотворца равна, на башни с прихода настенное писмо Софѣя Премудрость Божия, а входя в башню над враты настѣнное же писмо — образъ Пречистыя Богородицы Одигитрие. В монастырь входя, над враты церковь камена святаго Николы Чюдотворца, верхъ острой,[80] обит желѣзомъ немѣцкимъ полосами; звону на колоколни — два колоколы немалы. От тое же церкви около монастыря чрез ручей Каменецъ ограда камена з зубцами, досками покрыта, а около ограды 303 сажени, а в вышину 4-х сажен, а врата въежжие трои з башнями.[81] У единыхъ врат решетка желѣзная, а в других, *къ Изборьску и* на ручью, две решетки желѣзныхъ, да двои врата на ручью для водубѣгу; да двѣ башни науголныхъ боевыя, и всего 5 врат да 6 башней.

Вшед в монастырь, ити прямо мостомъ на полудение под гору, чрез ручей Каменецъ, от ручья пошед мало на гору, яко в треть горы, к церкви Успения Пречистыя Богородицы Печерской, в нейже совершаются божественная и дивная знамения и чюдеса. Церковь же Пречистыя Богородицы Успения вырезана в горѣ, от ручья на южной странѣ, а олтарь стоит на лѣтней всход солнца. А на церкви двѣ главы и кресты обиты мѣдяными досками злачены, шеи у главъ обиты немѣцким луженым желѣзомъ. Над дверми церковными под кровлями на поддѣле каменномъ[82] написана Живоначалнаа Троица, а над другими дверми в паперти написано *Успение Лречистыя Богородицы, над пятию окнами под кровли писано* настѣнное писмо, а пред Троицею, и Успением, и

Пречистою молящею три паникадила со свещами, вжигаютъ их на пѣнии.

Третии двери из олтаря в Богомъзданную пещеру, в нюже священники и понамари исходятъ на празники звону ради. В церкви же и во олтарех Пречистыя Богородицы и преподобныхъ отецъ Антония и Феодосия Печерскихъ 16 столповъ земленых, обдѣланы кирпичем и плитою, а на них стоят иконы мѣстныя окладныя и на златѣ чюдны, а пред ними свещи поставныя тощи,[83] а в них ставятъ толъстыя свещи на вжигание по вся дни. От олтаря до заподной страны 7 саженъ, а поперегъ 10 саженъ, а в вышину полторы сажени.

Чюдотворныя же Пречистыа Богородицы Успения образъ в житии стоит среди церкви, в вышину лакоть, а в ширину три лакти, обложена златомъ чюдно повелѣниемъ царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии, а кивот сребрянъ, а на нем рѣзаны Господьския празники и Богородицыны и святых многихъ. Прикладу у Пречистыя много: иконъ, и крестовъ, и понагий, златыхъ монистъ, гривенъ, чепей сребряныхъ, пелена комчата[84] и на ней вышито Успение Святѣй Богородицы в житии златомъ и сребром и шелки розными. Пред иконою же Пречистыя Богородицы лампада сребряна — поставление государева царева и великого князя Бориса Феодоровича всея Русии конюшаго болярина Димитрия Ивановича Годунова, налита воскомъ полна, а в ней свѣтилник горящь день и нощь неугасим, да двѣ свещи поставлены велики, вжигаютъ их на пѣнии по вся дни. А приносныхъ свѣчь вжигаютъ приходящии без числа, да в церкви же 7 паникадилъ. Пред сею же чюдотворною иконою игуменъ и священники поют молебны по вся дни пред обѣднею.

Другая же чюдотворная икона Пречистыя Богородицы Умиление, лакотница болшая, в ту же мѣру, якоже Владимерская на Москвѣ, стоит во олтари за престолом, обложена сребром, носятъ ю во Псковъ, какъ ходятъ со кресты по завѣту осадныхъ людей в седмую неделю по Пасцѣ ради сего, яко бывши ей во градѣ Псковѣ на забралѣ во время брани с польским кралем Стефаномъ. И стрелявшимъ литовскимъ людемъ во ону богоносную икону и на люди, и ничтоже успѣвшимъ — падаху ядра пред иконою Богоприятныа, яко повинны, и никогоже не врежаху. Послѣди же онѣмъ безбожнымъ исповѣдающымъ: «Видѣхомъ, рекше, на оном мѣсте града, идѣже икона Пречистыя Богоматере стояше, жену боголѣпну и стреляхомъ в ню, и никакоже на намѣрение лѣтяше пращ, но около инуды падаху».

Но сего ради вопием ти, о Всемилостивая Госпоже Владычице Богородице, надежа, и заступнице, и прибѣжище наше, необоримая стено изнемогающимъ и тружающимся въ скорбѣхъ пристанище тихое! Своего Сына и нашего Владыку и Господа, матерьним си дерзновениемъ объемши, умоли, яко да отверзетъ и мнѣ человеколюбное милосердие своея благости.

Многа ина чюдеса от тоя Пренепорочныя иконы содѣлахуся: болным — здравие, различными недуги одержимым християномъ и иновѣрнымъ, якоже от иконы Успения Пречистыя Богородицы и Владычицы, Матери

Христа Бога нашего, с вѣрою приходящимъ, целбы подает даже и до сего дни.

За олтарем же к востоку пещера въ гробницу, в нюже входятъ с сѣверныя страны. Над дверми же пещерными имущи писание сицево «Богомъзданная пещера», над тѣми же писание настѣнное писано — Лазарево востание. В Богозданную же пещеру пошед прямо 6 ступеней, написано настѣнное писмо — образ Господа нашего Исуса Христа Вседержителя, под образомъ гробъ перваго старца Марка. На лѣвой странѣ на столпѣ написанъ образъ Пречистыя Богородицы с Превѣчнымъ Младенцемъ, Господем нашимъ Исус Христом, да преподобныя — первый старецъ Маркъ да игумен Корнилий Печерский. От Вседержителева же образа от правыя страны положен игуменъ Корнилий.[85] Противу же Корнилия, за столпом к жертовнику, гробъ перваго старца священноинока Ионы, еже ископа в началѣ церковь Пречистыя Богородицы невелику, да гробъ супруги его Вассы иноки.

От Корнилиева же гробу пещера наполудение в длину 27 саженъ. От тоя же пещеры другая пещера сь южной страны к церкви к западу — 15 саженъ. Паки же от тоя же первыя пещеры пещера на восток в долину 16 саженъ, ис тое пещеры наполудение в длину 11 саженъ, другая пещера наполудение 12 саженъ, в нейже нынѣ кладут братию, ископав яму велику по две сажени в длину и въ глубину. Во всѣх у тѣх пещерахъ по сторонам вырезаны гробы христолюбцевъ, дающихъ милостыня, и села, и всякия угодия, яже на потребу монастырю, — государевыхъ боляр, и воевод, и дияковъ, тамо же и архиепископовъ, и епископовъ, и игуменовъ, и старцовъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей со многихъ градовъ руских и литовскихъ; по настоящее сие по 7-ми тысящныхъ 111 лѣто — яко до пятисот и болѣ. У всѣх же тѣх мѣстъ против гробов вставливаны керемиды мраморныя с подписаниемъ, которого лѣта и месяца и дни и кто именем преставися — памяти ради родом грядущимъ. А в земли в болших ямахъ во всѣх тѣх пещерахъ кладены братия наша во гробѣх, имже нѣсть числа.

Епископъ Генадий Псковский со удивлениемъ повѣда: «О предивное чюдо! В пещерах же тѣх лѣтомъ хладно, а в зимѣ теплота, а преставльшихся братии от телесъ смраду отнюдъ не бѣ слышати, развѣе благоухание исходитъ». Сему же и свидѣтельство предложи сицево: «Слышахъ, — рече, — от древнихъ старцев и самовидець. Исходящу убо игумену Корнилию з братиею в лѣте во время сѣнокосное на труды, и при вечере идяху от трудовъ вся братия в монастырь. Единъ же брат, старостию одержим, послѣдивсѣх шествуя чрезъ реку Пивжу пред мѣлницею мостомъ, и нѣкако запенся, впад в реку, в быстрину, и утопе. И водною быстриною отнесе вниз по рецѣ и не обрѣтен вскоре, въ 7 день восплы труп его, истлѣвъ от воды. Игуменъ же повелѣ привести его в монастырь. Послании же едва возмогоша плоть его взяти, понеже смрад лютъ от плоти его исхожаше. И егда привезоша его к монастырю, срѣтоша его священницы и дияконы с кадиломъ, *и покадивъ,* понесоша его в монастырь, тогда смрадъ преста. И проводивше, положиша его въ Богомъзданной пещерѣ с прочими братиями».

О великому человеколюбию Божию! Елико хощетъ и творит. Якоже в древнѣй оной пещере, иже в Киеве, преподобныхъ отецъ Антония и Феодосия Печерьскихъ молитвами, сице и в Богомъзданной пещерѣ Пречистыя Богородицы и преподобныхъ старец Марка, и Ионы, и Корнилия, и прочихъ святых молитвами вмѣсто злосмрадия воня благовонна исходитъ даже и доднесь. Не токмо иноком, но и от мирских случающимся смертем всяко, егда начнут надгробнаа пѣния и, проводивше, *положат во гробъ, тогда же* и послѣди не бѣ смраду от телесъ слышати. Нам же грѣшнымъ, о семъ Божию милость вѣдящимъ, яко Пречистыя ради Матере своея и преподобных отецъ молитвами, аще кто великъ грѣх имать, а сподобится лещи у Пречистыя Богородицы во обители, в сей Богомзданной пещерѣ, отпустятся ему грѣси.

От западныя же страны церкви притворъ в гору же, поддѣланъ каменемъ и кирпичем, в длину 11 саженъ, поперегъ полтора сажени. Ис того притвора в церковь двери против чюдотворныя иконы и церкви преподобныхъ отецъ Антония и Феодосия. Ис того же притвора нововырезана пещера на западъ въ длину 4-хъ саженъ, а в притворе и в пещере кладутся жены с керемидами же. А по горѣ на церквахъ и в долу роща березовая, и елюкъ, и рябина, и иной всякой лѣсъ и ягодичие.

Подлѣ Богомъзданныя пещеры колоколня камена, по-псковски широка, в вышину 10 саженъ, на ней звону 12 колоколовъ болших очепных и за языкы.[86] На той же колоколни часы боевыя руския, а у них колоколъ бойчей немалъ да два колокола невелики, а в них приведенъ самозвон в получасах и пред часомъ.

От колоколни же на востокъ трапеза камена, а в ней церковь Благовѣщение Святѣй Богородицы, а над Благовѣщениемъ под кровлею церковь святых благовѣрныхъ князей рускихъ Бориса и Глѣба и святых исповѣдник Гурия, Самона и Авива. Под трапезою службы — хлѣбня, мукосѣйня, казна, погребъ капустной. Подлѣ трапезы хлѣбенной дворец, а на нем кѣлия старцомъ и житницы с мукою, да погребъ квасной в гору, да пещера, а в ней кладут хлѣбы. Над тою пещерою в полугоры пещерка, а в нее пошли в горку малыя пещерки, а в ней живал невѣдомо кто святой, приход к ней здѣланъ з горы лѣствицами и перилы. Поварня и кѣлия камены, за поварнею пещера в гору на обиходы — кѣлия уксусная, ледникъ рыбной, поварня квасная, КѢЛИЯ луковаа, проскурня. Всѣ тѣ службы от трапезы до проскурни и до Нижнихъ врат подлѣ горы к востоку вниз по ручию Каменцу. Гора тѣм мѣстом яко стена в вышину 10 саженъ.

Противъ хлѣбнаго дворца мѣлница на ручью Каменце, мѣлетъ весною и в дожди великия одными жерны. За мѣлницею же, посреди монастыря, межь хлѣбенныя и поваренныя службы, столпъ древянъ с ручкою, покрыт желѣзомъ немѣцкимъ, из негоже течет вода беспрестани, приведена трубами древяными сверху ручья Каменца яко 60 сажен. Вода же Божиею благодатию и Пречистыа снабдѣниемъ и преподобныхъ отецъ нашихъ началниковъ Марка, и Ионы, и Корнилия

молитвами идетъ из земли свежа, и емлют на всякую монастырскую потребу от монастыря вверхъ ручья, яко из лука стрелити.

За ручьем погребъ и лѣдникъ каменныя с квасы, да кѣлии игуменова и всей братии стоят рядомъ под горою, и по пригору, и на горѣ. А пред кѣлиями сады — яблони и вишни, сливы, малина, смородина. А около монастыря роща березовая, сосны, еленугъ, олха, осина, липа, вязъ и иной мѣлкой лѣсъ — в длину на версту, а поперегъ на версту же.

---

[1] *Никон* — игумен Псково-Печерского монастыря в 1583—1586 гг.

[2] *Екклесиарх* — должностное лицо, наблюдающее за порядком в храме. Снетогорский Рождества Богородицы мужской монастырь основан в конце XIII в., находится в 5 км вниз по реке Великой, стоит на каменистой скале — Снетной горе (ныне это черта города).

[3] *...Мирожский игуменъ Германъ...* — Мирожский Спасо-Преображенский мужской монастырь основан в середине XII в., расположен на левом берегу реки Великой, в месте ее слияния с рекой Мирожей. Точное время игуменства Германа неизвестно.

[4] *...зваху его псковичи чрезъ имя «шесником».* — Шестник — пришлый, «Шестниками» псковичи называли выходцев из московских земель, слуг великого князя.

[5] *...во градѣ Юрьеве Ливонском...* — Юрьев — Дерпт, Тарту.

[6] *...наречено бысть имя ей Васса.* — В разных редакциях и списках Повести иноческое имя жены Ивана передается то как Васса, то как Василиса. В издаваемом списке читается «Василиса», мы его исправляем на «Васса», поскольку в последующем тексте этого же списка читается «Васса».

[7] *...разрѣшалную молитву...* — Разрешительная молитва читается над покойным в конце отпевания, в ней испрашивается прощение (разрешение) от грехов.

[8] *Иван III Васильевич* — великий князь в 1462—1505 гг.

[9] *Феофил* — новгородский архиепископ до 1480 г., сведений о начале его поставления нет.

[10] *Ярослав Васильевич Оболенский* — наместник великого князя в Пскове в 1473—1477, 1482—1488 гг.

[11] *Василий III Иванович* — великий князь (1505—1533).

[12] *Михаил Мисюрь* — Мунехин Михаил Григорьевич по прозвищу Мисюрь — опытный администратор, видный политик, пользовавшийся доверием Василия III, писатель. Служа с 1510 г. в Пскове в должности дьяка, снискал уважение псковичей; большое внимание уделял строительству оборонительных сооружений и церквей. Умер в 1528 г., погребен в Псково-Печерском монастыре.

[13] *древле иногда в Влахерне Одигитрия Пречистыя же образомъ...* — Влахернская икона Богоматери Одигитрии, по преданию, написанная евангелистом Лукой, долгое время пребывала в Константинополе (во Влахернах), прославилась многими чудесами.

[14] *...в четвертоелѣто царства великого князя Ивана Васильевича...* — Попытки редакторов XVII в. определить время пребывания в монастыре того или иного игумена не всегда удачны. В частности, вызывает вопрос и данная датировка: о каком великом князе Иване Васильевиче идет речь? Дорофей возглавлял монастырь в то время, когда дьяком в Пскове был М. Мунехин, а это время правления Василия III.

[15] *У соха* — название ручья, некогда текшего рядом с подворьем Псково-Печерского монастыря.

[16] *...Новаго городка Ливоньского...* — Имеется в виду крепость Нейгаузен, расположенная в нескольких километрах к западу от монастыря; находилась на территории эстов (чуди).

[17] *Агирево* — населенный пункт в районе Нейгаузена.

[18] *Тошно* — населенный пункт в районе Нейгаузена.

[19] *...земным царемъ предпосланъ к небесному царю в вѣчное жилище...* — И народное предание, и письменные источники связывают смерть Корнилия с именем Ивана Грозного, и сам Грозный в своем Синодике называет имя Корнилия одним из первых. О времени, месте и причинах казни Корнилия существуют разные мнения.

[20] *Георгий Иванович Токмаков* — воевода, псковский наместник во второй половине 60-х гг. XVI в., одно из доверенных лиц Ивана Грозного, писатель (см. в наст. изд. «Повесть о явлении икон Богородицы на Синичьей горе»).

[21] *Сильвестр* — печерский игумен с 1572 г.

[22] *Стефан Баторий* — См. в наст. изд. «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков».

[23] *Остров* — город в 50 км к югу от Пскова, каменная крепость XIV в.

[24] *Череха* — правый приток Великой, последняя водная преграда перед южными крепостными стенами Пскова.

[25] *...у монастырей святаго Спаса на Промѣшицы и святых мученикъ Флора и Лавра у Песковъ.* — Монастыри в южной и восточной окраинных частях города.

[26] *...в книзѣ лѣтонаписании своемъ.* — Корнилий, по мнению многих ученых, являлся составителем или редактором Псковской 3-й летописи.

[27] *...воеводы князь Василей Феодоровичь Скопин да князь Иванъ Петровичь Шуйский граду утвержение строяще...* — Оборона Пскова была доверена одним из самых опытных воевод — Василию Федоровичу Скопину-Шуйскому и Ивану Петровичу Шуйскому, участникам многих военных походов и кампаний в 60—80-е гг. XVI в.

[28] *Тихон* — игумен Псково-Печерский. Когда стал игуменом, неизвестно. С 1583 г. — архиепископ Казанский.

[29] *...в монастырь Покрова Святѣй Богородицы, зовомо во Углѣ града Пскова...* — Покровский мужской монастырь находился вблизи крепостных стен, у Покровской башни, соединяющей южное и западное крыло крепостных стен (Угол), именно это место было выбрано Баторием для штурма.

[30] *Нифонт* (?—1157) — постриженик Киево-Печерского монастыря, с 1131 г. был епископом в Новгороде. В Житии Нифонта и летописях рассказывается о его большой строительной деятельности, в частности о создании им Спасо-Преображенской церкви Мирожского монастыря.

[31] *...Владимеръ Киевский...* — Автор Повести имеет в виду Владимира Святославича, крестителя Руси. Если в данном контексте еще можно сомневаться в этом, пытаясь понять, о каком Владимире Киевском, погребенном в Троицком соборе, идет речь, то несколькими строками ниже автор совершенно определенно пишет о Владимире, крестившем Русскую землю святым крещением. В начале XVII в. псковские писатели очень активно пытались обосновать связь с Псковской землей не только княгини Ольги, но и князя Владимира.

[32] *Всеволод Мстиславич* — в крещении Гавриил — князь Новгородский (1117—1136); изгнанный из Новгорода, он был приглашен псковичами на княжение, около года княжил в Пскове, здесь и скончался в 1138 г., погребен был в церкви Дмитрия Солунского, в Троицкий собор его мощи были перенесены в 1192 г. Почитается как патрональный святой Пскова, канонизирован на соборе 1549 г.

[33] *Довмонт* (*Тимофей)* — псковский князь (1266—1299). Литовец по происхождению, Довмонт пришел в Псков в 1266 г.; избранный псковичами на княжение, он в течение 33 лет защищал город и Псковскую землю от врагов. Погребен в Троицком соборе, почитается как патрональный святой.

[34] *...блаженный Микула...* — Никола, псковский юродивый (ум. в 1576 г.), с его именем связано много преданий, существуют разные варианты рассказа о том, как он спас Псков от гнева Ивана Грозного в 1570 г.

[35] *...наставшаго лѣта 7090-го, септеврия въ 7 день...* — Новый год в Древней Руси начинался с 1 сентября.

[36] *Не предаждь нас... и прочая.* — См. Часослов (чинопоследование службы 9-го часа).

[37] *«Заступнице христианомъ... моления гласы...»* — Тропарь после 6-й песни канона Богородице на Павечернице (см. Часослов).

[38] *Кондак, икос* — жанры церковных песнопений, составные части канона и акафиста.

[39] *...стояху литовское воиньство под градомъ пять месяцъ...* — Осада Пскова длилась с конца августа по 4 февраля 1582 г., т. е. более пяти месяцев.

[40] *«Господь же окрест людий своих отнынѣ и до вѣка».* — Ср.: Пс. 124, 1—2.

[41] *...«благословенъ Господь... зубомъ их».* — Пс. 123, 6.

[42] *«Помыслиша же совѣты... составити».* — Пс. 20, 12.

[43] *...в Кобыльской веси... на Полной.* — В рукописи читается «в Колыванской веси» (Колывань — название Таллина в русских летописях), но в большинстве списков — «Кобыльской веси», «Кобыльской волости», «Кобыльского уезда». С XV в. известна небольшая крепость на юго-восточном берегу Чудского озера Кобылье, Кобылей — ныне деревня Кобылье городище, в 30 км от нее расположена деревня Полна.

[44] *...яко гора Сионъ...* — Сион — гора, на которой стоит Иерусалимская крепость.

[45] *«Горы бо окрестъ их... выну».* — Ср.: Пс. 124, 2.

[46] *«Господь же праведенъ... ненавидящей Сиона».* — Пс. 128, 4—5.

[47] *Ян Замойский* (1541—1605) — один из видных польских политических деятелей, ближайший советник Стефана Батория, с 1578 г. — коронный канцлер, с 1581 г. — великий гетман.

[48] *...егда преставися царевичь князь Иван на Москвѣ.* — Царевич Иван скончался 19 ноября 1581 г. Автор не случайно вспоминает о его смерти — псковичи видели в царевиче Иване своего заступника. Так, в Архивском списке Псковской 3-й летописи известие о смерти царевича Ивана имеет пояснение: «Глаголют нѣцыи, яко сына своего царевича

Ивана того ради остнем поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова». (Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 263).

[49] *...по мирномъ положении...* — В январе 1582 г. было заключено Ям-Запольское перемирие, согласно которому Русь уступала все завоеванные ливонские города, Стефан Баторий возвращал завоеванные им русские крепости (Великие Луки, Остров и др.).

[50] *...турский царь Амурат Селимовъ... охуждая голдовника своего, короля польского...* — Турецкий султан Мурад III, сын Селима II (1574—1595). Автор напоминает о том, что до избрания на польский престол Стефан Баторий, будучи трансильванским князем, находился в вассальной зависимости от турецкого султана. Это обстоятельство использовали Иван Грозный и русская дипломатия, чтобы вызвать недоверие к Баторию среди христианских государств.

[51] *...во всю Скифскую страну...* — Т. е. в Причерноморские земли.

[52] *Варяжское море* — Балтийское море.

[53] *«Гора, юже благоволи... до конца».* — Ср.: Пс. 131, 13—14.

[54] *«Дивна сотвори Господь... дому Пречистыя Богородицы.»* — Ср.: Пс. 97, 1—3.

[55] *...Божию дару тезоименитый...* — Федор — в переводе с греческого означает «дар Божий».

[56] *...долженъ сый... тмою талантъ...* — Автор использует мотивы евангельской притчи о талантах (см. Мф. 25, 14—30), сравнивая себя с ленивым рабом из этой притчи.

[57] *...третиему... по древнему...* — Автор зашифровал свое имя, используя цифровое значение букв: третиему (Г) сотое (Р) с осмым (И), паки же с третьим (Г) седмьдесятое (О), сотое же аки (Р) со десятым (І) и девятьсотное по-древнему (Я) — Григория.

[58] *Иоаким* — игумен Псково-Печерского монастыря в 1593—1605 гг., в 1605—1617 гг. — архимандрит.

[59] *Геннадий* — епископ Псковский в 1595—1609 гг.

[60] *Борис Феодорович Годунов* — русский царь (1598—1605).

[61] *Тайлово* — селение в 5 км от Печерского монастыря с церковью Святого Николая. Губа — уезд.

[62] *«Аще любите мя... Дух истинный».* — Ср.: Ин. 14, 15—16.

[63] *«Аще бо не иду... к вамъ».* — Ср.: Ин. 16, 17.

[64] *«Егда же приидетъ... на всяку истину».* — Ср.: Ин. 16, 13.

[65] *«Идѣже азъ... мой будетъ».* — Ин. 12, 26.

[66] *...крестися великий князь Владимеръ в Корсунѣ...* — Согласно одному из вариантов рассказа о крещении, Владимир крестился в греческом городе Корсуни, который до этого завоевал.

[67] *Антифон* — песнопение, которое поется попеременно двумя клиросами во время службы.

[68] *Паремия* — тексты пророчеств из Ветхого Завета, читаемые во время службы.

[69] *...поем Всенощное к понедѣлнику с Вознесениемъ...* — Праздник Вознесения Господня совершается на сороковой день после Пасхи, празднование длится девять дней и переходит на седьмую неделю после Пасхи, когда и происходит крестный ход в Псков.

[70] *Канон, стихиры, тропарь* — жанры церковных песнопений.

[71] *...противу монастыря святаго Николы чюдотворца Каменные ограды.* — Никольский у Каменной ограды монастырь находился на левом берегу реки Великой, рядом с дорогой, ведущей на переправу в город к Взвозским воротам. Ныне сохранился храм Николы (XV в.).

[72] *...еже въ царствующихъ градѣх... и Великомъ Новѣградѣ...* — Автор вновь напоминает о чудесном спасении городов и победах над врагами благодаря заступничеству святых икон Богородицы — Влахернской, Владимирской (спасение Москвы от нашествия Едигея в 1395 г.), Новгородской Знамение (победа над суздальцами в 1170 г.).

[73] *Якоже древле царя Давида по сочтении Иизраиля язвою смертною...* — В наказание за перепись, проведенную Давидом, Бог насылает на израильтян смертную язву. Рассказ об этом см.: 2 Цар., 24.

[74] *...якоже Ахава при Илии пророце...* — Пророк Илия обличал израильского царя Ахава за то, что тот начал поклоняться идолам (Ваалу), и предрек засуху, посланную Богом на земли Ахава, которая длилась три года. См.: 3 Цар. 16, 29—34; 17, 1—24; 18, 1—46.

[75] *...во царьствующемъ Констянтинѣ граде при Устиянѣ...* — Во времена византийского императора Юстиниана I (482 или 483—565) было много стихийных бедствий: чума в 542 и 558 гг., землетрясение в 554 и 557 гг., голод в 556 г.

[76] *Петров день* — 29 июня.

[77] *Симеонов, Семенов день* — 21 июля.

[78] *Положение пояса Богородицы* — 31 августа.

[79] *...«юноша и девы, и старцы со юнотами».* — Пс. 148, 12.

[80] *...башня кругла каменна с церковию святаго Николы чюдотворца равна... над враты... верхъ острой.* — Башня и Никольская церковь — единое сооружение, они имеют общую стену (северная стена церкви замыкает собою стены башни) и кровлю. Нижний ярус Никольской башни и цоколь церкви образуют сводчатый проезд, который был перегорожен воротами, так что Никольская церковь стоит «над вратами». Кровля храма имела, вероятно, пощипцовое покрытие.

[81] *...а врата въежжие трои з башнями.* — Монастырь имел три входа: в Никольской и Изборской башнях, третий вход был расположен рядом с башней Нижних решеток («на ручью»).

[82] *...на поддѣле каменномъ...* — Успенская церковь находится как бы в пещере, вырезанной в песчаной горе, и только северная стена церкви была выложена («подделана») из камня.

[83] *...свещи поставныя тощи...* — Тощие свечи — подобие напольных подсвечников.

[84] *...пелена комната...* — Камка — вид шелковой ткани.

[85] *...положен игумен Корнилий.* — Корнилий был погребен в пещерах, в 1690 г. его гробница перенесена в Успенскую церковь, где стоит и поныне.

[86] *...очепных и за языкы.* — Очепный колокол — колокол, в который звонили, раскачивая его; сам колокол был прикреплен на брусе (очепе), который и приводили в движение. В колокол «за языки» звонили, раскачивая язык.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ НАПИСАНА О ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ, ЧТО В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ, И О МАРКЕ, ПЕРВОМ СТАРЦЕ ПЕЧЕРСКОМ, В НЕЙ ЖЕ ИЗЛОЖЕНО ВКРАТЦЕ И О ЧУДЕСАХ ОТ ИКОНЫ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ ЧЕСТНОГО И СЛАВНОГО ЕЕ УСПЕНИЯ И О ИЗБАВЛЕНИИ ГРАДА ПСКОВА И ОБИТЕЛИ ПЕЧЕРСКОЙ ОТ ПЛЕНЕНИЯ В НАШЕСТВИЕ БЕЗБОЖНОГО КОРОЛЯ ЛИТОВСКОГО СТЕФАНА

Слышали мы от неких <людей>, которые помнили и рассказывали о некоем старце, живущем в далеком прошлом при пещере у ручья Каменца, от града Пскова на расстоянии сорока поприщ, а от Ливонской земли — двух поприщ. И некие охотники видели его у трех камней, которые лежат <ныне> над церковью Пречистой Богородицы пещерною. И не могли мы определенно узнать о том, кто был этот старец, и какого рода, и как в это место пришел, и сколько времени жил, и как скончался.

После Ионы, первого игумена обители Печерской, был некто другой игумен, и он, не знаем по какой причине, записал в поминании

церковном <имя> инока Марка, печерского первого старца. О месте, где лежат его гроб и мощи, поведали нам некие <люди>, знавшие то по рассказам первого строителя священноинока Ионы.

По прошествии многих лет, когда уже выкопали в горе великую церковь Пречистой Богородицы, игумен Дорофей захотел сделать большую гробницу, тогда обрели развалившийся гроб этого старца Марка, тело же его с костями, и с ризами, и с куколем обросло корнями, они, извиваясь, обвили его, словно войлоком толстым, потому и все части тела его с головой вместе не распались. И, взяв тело, положили его в новом гробу на том же месте, где и прежде лежал в пещере, там он и доныне стоит.

После этого минуло много лет, и спросили мы об этом первом старце печерском Марке у игумена той же обители по имени Никон: «Как стало известно имя его, ведь никто из прежних старцев и простых людей не знал имени его? Ведь только много лет спустя после первоначальных трех священников — Ионы, и Мисаила, и Селивана — какой-то другой игумен, который был после первого игумена Ионы, написал в поминании церковном <имя> первого старца печерского Марка». И игумен Никон ответил: «Поведали мне, — сказал, — сей обители старцы Келестинекклисиарх и Маркел следующее. Игумен Корнилий засомневался в том, как стало известно имя того старца Марка, поскольку никто из старых иноков не передавал, чтобы кто-нибудь о нем хоть что-то определенное сказал, и даже имени того игумена не было записано в поминании церковном, который написал в поминании имя того старца Марка. И потому <Корнилий> имя его в поминании повелел стереть, думая про себя и говоря, что неправильно оно было записано. Когда же стерли имя его, то игумен Корнилий тяжко очень заболел, и был он в сомнении и скорби великой о том, что совершил с именем Марка. И было ему от Бога некое знамение, и тогда он тотчас повелевает петь молебен и молит братию, чтобы привели его в церковь к чудотворной иконе Успения Пречистой Богородицы и ко гробу того старца Марка. Иноки привели его в церковь к иконе Пречистой Богородицы и ко гробу Марка. Корнилий у гроба творил поклоны, со слезами прощения просил и целовал гроб его, дав обет вновь написать имя его в поминании. И в тот же час стал здоров и пошел никем не поддерживаемый. И потому поминаем именем тем первого старца Марка даже и до сего дня неизменно».

О явлении сего святого места рассказывают следующее. Человек некий по имени Селиша, уже преклонного возраста, из Изборска града, рассказал такую повесть, говоря: «Некогда я, — сказал, — ходил с отцом на охоту в эти глухие места, какими они <тогда> были около этого святого места пещерного, ибо тогда была здесь великая глушь и лес обступал со всех сторон то место. И случилось нам прийти к ручью, к тому месту на краю горы, где ныне церковь Богородичная стоит. И слышали мы, когда наступало время церковной службы, прекрасные голоса поющих благочинно; голоса слышались, но поющих мы не видели. И все вокруг того святого места было исполнено благоухания, словно от множества фимиама благовонного». Нам же думается, что то было некое явление ангельское и благодать Святого Духа освящала то

место, ибо хотел Бог явить свою великую милость в этом месте через Пречистую Богородицу.

Потом же, незадолго до создания Богородичной церкви, ту землю и лес купили у псковичей по решению веча жители слободы, городские и сельские. И земля около пещеры сразу же досталась по жребию некоему человеку Ивану Дементьеву. Тот Иван поставил деревню в Подгории на речке Пачковке, недалеко от пещеры. И пришел он однажды на вершину той горы пещерной, и начал рубить большие деревья в лесу. И одно срубленное дерево, повалившись, ударило дерево, стоящее на краю горы той. И когда дерево упало с горы, как со стены, и вывернуло своими корнями <целый пласт земли>, сплетенный из корней и мха, как войлок или дерн, то открылось устье пещеры. Над устьем же пещеры, где ныне двери в гробницу, обнаружили буквы, высеченные на стене горы, складывающиеся в такую надпись: «Богозданная пещера».

Об этом явлении поведал нам Патермуфий, инок Снетогорского монастыря, прежде упоминаемого Ивана Дементьева пасынок, и иные подробности от него же слышали.

По прошествии многого времени рассказал нам упомянутый ранее игумен Никон и мирожский игумен Герман о надписи, высеченной над устьем пещерным, следующее: «Когда мы жили в монастыре Печерском, то был тогда некий монах по имени Варлаам, юродствуя, он часто приходил к гробнице сей и стирал буквы начертанной на стене надписи „Богозданные пещеры”. Но та надпись появлялась снова совершенно неповрежденная. Монах тот устрашился и не совершал больше этого. Надпись та оставалась много лет целой и невредимой».

Об этом рассказанном выше явлении надписи над пещерой прошел слух среди людей по всему граду Пскову. Был <там> в то время священник некий по имени Иван, родом из Московской земли, и потому звали его псковичи «шестником». Этот Иван два года и шесть месяцев был священником в граде Юрьеве Ливонском в храмах святого Николы чудотворца и великомученика Георгия вместе с Исидором пресвитером. И когда начали немцы уговорами и угрозами обращать христиан, живущих в так называемом Русском конце, в свою латинскую веру, тогда тот священник Иван ушел из города Юрьева в град Псков. Исидор же остался в Юрьеве, и много спорил с немцами о христианской вере, и был заключен в темницу вместе с другими семьюдесятью двумя христианами. И так как не покорились они, то все вместе с Исидором были брошены немцами под лед в реку Омовжу за исповедание Христа зимой 6980 <1472> года, января в 8 день. Весной, когда разлилась вода, обрели тела их в трех поприщах вверх по течению реки той Омовжи, словно какими-то людьми были положены они на берегу лицом на восток, все в одном месте и совсем невредимые. Пресвитер же Исидор лежал посреди них во всем одеянии священническом. И тогда оставшиеся христиане, взяв мощи их, <одних> погребли на том месте, а других привезли в град Юрьев, похоронили около церквей в земле.

Иван, недолгое время прожив в граде Пскове, услышал о явлении Богозданной пещеры; и вот в печали размышлял он об Исидоре, как тот мужественно постоял за веру, принял смерть вместе с другими христианами. Тогда и он разгорелся любовью ко Христу и захотел увидеть место, где находилась Богозданная пещера, о котором слышал от рассказывающих, будто ручей некий течет около немецкой земли, называемый Каменец, глубокий, словно ров, течет прямо на восток; по обе же стороны того ручья — высокие горы песчаные, местами из песка белого и крепкого, как стены гладкие сверху и донизу, в этих горах и находится Богозданная пещера. И, увидев, он возлюбил место это. Вернувшись в град Псков и взяв жену свою и двух сыновей, пришел он к ранее упоминаемому Ивану Дементьеву и у него оставил жену свою, сам же пришел на это святое место и начал копать в горе церковь от Богозданной пещеры на запад.

Спустя недолгое время разболелась жена его и была пострижена в иноческий образ, и наречено было имя ей Васса. Будучи больной и преставилась. И, выкопав могилу в Богозданной пещере, похоронил он ее. Той же ночью она была исторгнута из земли некоею невидимою силою. Иван с отцом ее духовным подумали, что совершили ошибку в погребальном обряде. И после того как второй раз отпели ее и отец ее духовный прочитал разрешительную молитву, снова похоронили ее. И второй раз оказалась она поверх земли. Иван же недоумевал о том, но выкопав с левой стороны в стене пещеры <углубление>, поставил гроб ее непогребенным. Потом он постригается и облачается в иноческие одежды, и наречен был Ионой.

Во времена благочестивого великого князя Ивана Васильевича всея Руси тем священноиноком Ионою была выкопана в горе малая церковь, тогда же он поставил и две келии на столбцах напротив церкви пещерной. И пошел в город просить священников Святой Троицы, чтобы освятили они храм в горе, они же не хотели этого делать из-за необычности святого места. Он же, не получив согласия, пошел в Великий Новгород к архиепископу Феофилу и, припав к ногам его, просил, чтобы тот повелел освятить храм в горе. Архиепископ повелел и благословил Святой Троицы священников на освящение храма. И освящена была церковь в горе во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии честного и славного ее Успения августа в 15 день в год 6981 <1473>, при наместнике великого князя и псковском князе Ярославе Васильевиче Оболенском. На освящении церкви послал Бог милосердный начало великих даров через Пречистую Богородицу: жене слепой свет очам даровал.

Тогда ранее упоминаемый Иван Дементьев на свое поминовение дает Пречистой Богородице от своей деревни надел земли на построение монастыря: с восточной стороны по ручей Каменец и с южной стороны церкви Успения Пресвятой Богородицы Печерской — длиной в поприще, там, где ныне церковь Благовещения Святой Богородицы с трапезною, и прочие монастырские службы и келии, и на горе роща, березняк и ельник.

После этого священноинок Иона, пожив недолгое время в молитвах и трудах, преставился к Богу. После смерти его обнаружили на нагом теле его кольчугу из колец, и кольца те вросли в его тело. И погребен он был в той же пещере Богозданной, а кольчуга была повешена над гробом его.

После преставления его пришел служить к Пречистой Богородице священноинок Мисаил и монастырь древний поставил, что был на горе, и церковь преподобных Антония и Феодосия Печерских. После Мисаила был священноинок Селиван. Потом поставлен был первый игумен Иона, и после него другой игумен, который написал в поминании церковном имя первого старца печерского Марка и других преподобных старцев. И после него был игумен Сергий, затем Симон. Старцев же тогда было в том монастыре два или три из-за скудости, и нищеты, и близкой границы. А служба была у Пречистой в горе не каждый день, но когда игумен повелит.

Однажды пришли немцы войною на эту землю, все пленяя и сжигая, игумен же и братия убежали из монастыря, а церковь преподобных <Антония и Феодосия> была разобрана из-за пожара. Те немецкие ратники и у гробницы были, и после этого не обрели кольчуги, повешенной над гробом Ионы. Затем, когда они вошли в церковь Пречистой и начали бесчинствовать, то чудесным образом волею Бога и заступлением Пречистой Богородицы будто некий огонь загорелся в церкви, опаляя иноверных. Они же от страха побежали, словно некая сила гналась вслед за ними. Тогда некоторые из наших, пятнадцать человек, посланные из Изборска града за языками, видели их бегство, и погнались вслед за ними, и многих из них побили, а иных поймали помощию Пречистой Богородицы.

Минуло пятьдесят лет после освящения первой церкви, во времена правления государя всея Руси великого князя Василия Ивановича послал Бог таких устроителей, кто хотел потрудиться в деле устроения монастыря, игуменство тогда после Симона принял Дорофей. И великого князя дьяк Михаил Мисюрь, узнав о <святом> месте и о церкви Пречистой Богородицы, великую веру к Пречистой явил в заботах об устроении монастыря.

В то же время некие купцы, псковичи Василий и Феодор, посовещавшись, решили заказать за счет своих праведных доходов икону Пречистой Богородицы честного ее Успения в житии иконописцу Алексею Малому, мужу благочестивому житием и богобоязливому. И когда он написал ту икону, то принесли ее в Печерский монастырь и поставили в церкви Пречистой Богородицы в год 7029 <1521>. Икона та творит бесчисленные чудеса и исцеления и по сей день. Феодор же тот, в иночестве Феофил, положен был в гробнице в Богозданной пещере.

И затем по решению игумена с братиею и Мисюря выкопали в горе великую церковь Пречистой и в той церкви устроили придел во имя преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских. Второй раз была освящена церковь Пречистой в горе в год 7031 <1523>, августа в 15

день. В том же месяце освящали и преподобных храм. Задумали и монастырь построить напротив церкви и перенести старый на это место. Стоило им только пожелать, за словом и делом шло. Место же, где стоял прежний монастырь, было неровным, где горы, а где словно овраг или большой лес, — все это с помощью Богородицы выровняли. Потом возвели деревянную церковь с трапезною во имя Сорока святых великих мучеников Севастийских.

И восхотел Бог даровать милость страждущим людям и сию землю Псковскую не лишать своей божественной благодати, как и многие города русской земли, которые прославил он милостью своей и пречудными знамениями Пречистой Богородицы и новыми чудотворцами, святителями и преподобными отцами; и те, кто с верой приходят к честным их мощам, получают исцеления от различных болезней. Сия земля Псковская славится, украшенная этим святым местом, как светило сияя во все концы неизреченными чудесами Пречистой, о которых вкратце и расскажем.

На следующий год после освящения великой церкви начала Богородица являть людям чудеса свои: исцелила бесноватого чернеца и отрока бесноватого, на праздник Успения даровала прозрение жене и отроку и избавила <от недуга> нищего человека из Изборска, страдавшего в новолуние. Начиная с того праздника и в иные праздники совершается не только три или пять чудес, но и пятьдесят и шестьдесят мужей и жен исцеляются от различных недугов. И иные многие чудеса совершались в обители Пречистой <так в древности некогда во Влахерне от иконы Пречистой Одигитрии происходили неизреченные и страшные чудеса> — одни слышали пение и видели горящую свечу в церкви пещерной, другие же ощущали исходящее благоухание различных благовоний. Некоторые из нашей братии много раз видели свет в ночи, стоящий над нижним монастырем Пречистой, и не только иноки видели, но и миряне. Некий же человек по имени Иван Долгий видел однажды ночью свет, стоящий, как облако, над новым нижним монастырем, и думая, что это от материального огня что-то горит в монастыре, примчался на коне, желая помочь чем-нибудь, — но свет тотчас поднялся в небеса. О6 этом он нам поведал, а мы прославили Бога, показавшего дивные чудеса в дому Пречистой Богородицы.

После игумена Дорофея, в четвертое лето царствования великого князя Ивана Васильевича всея Руси, стал игуменом Герасим, который установил чин церковный, службу вседневную в церкви Успения Пречистой Богородицы в горе и устав монастырский, утвердив их соборным постановлением. Впоследствии и Михаил Мисюрь это уложение своею рукою подписал.

После Герасима поставили на игуменство той же Печерской обители постриженика священноинока Корнилия в год 7037<1529>. Этот Корнилий должным образом начал пасти Богом порученное ему Христово стадо. Сначала поставил в граде Пскове каменную церковь на Усохе во имя Пречистой Богородицы честной ее иконы Одигитрии в год 7046 <1538>, и в ней службу вседневную установил, и дом построил для приходящих из монастыря по каким-либо нуждам и для принятия

пищи служащими тут. Затем в Печерском монастыре церковь Сорока святых мучеников деревянную с трапезною перенес он на малый двор, а на ее месте построил каменную церковь с трапезною во имя Благовещения Пресвятой Богородицы в год 7049<1541>. Кроме того, в год 7073 <1565> тот же добрый пастырь игумен Корнилий построил вокруг монастыря большую каменную ограду и над вратами возвел церковь во имя святого Николы чудотворца, архиепископа Мирликийского, помогал же ему в строительстве этого храма Павел Заболоцкий, во иночестве Пафнутий.

Сей приснономинаемый игумен Корнилий был на игуменстве сорок один год и два месяца, постническим образом жизни являя монахам пример спасения. И жителей Нового городка Ливонского, чудью называемых, научил он и просвятил их святым крещением, и церкви поставил: на Агиреве — Святую и Животворящую Троицу, а на Тапине — Рождество Христово, и просвитеров и клириков поставил в них. Во время смуты, охватившей затем всю славянскую землю Российского царства, был он от тленного сего жития предпослан земным царем к небесному царю в вечную обитель зимой 7078 <1570> года, февраля в 20 день в возрасте 69 лет. Тело его было положено вместе с отцами в Богозданной пещере, в стене.

Затем тот самодержец всея Руси, царь и великий князь Иван Васильевич, после Корнилия поставил на игуменство Снетогорского игумена Савву. После этого повелевает он воеводе своему князю Юрию Токмакову за счет своей царской казны обложить оную чудотворную икону Успения Святой Богородицы «в житии» золотом, киот сделать серебряный. По его повелению так и было сделано. Когда же игумен Савва поставлен был епископом в Тверь, то игуменом в Печерский монастырь поставили Сильвестра, игумена прежде упоминаемой обители Снетогорской.

В те времена были смуты и раздоры в Русской земле, разделение царства, и начинавшие распри друг против друга погибали позорной смертью. К тому же за умножение грехов наших по повелению царя переселяли людей и имущество отнимали, и были пожары большие в городах, и мор, и голод среди людей, и нашествие иноплеменников, обо всем этом и о чудесах Пречистой Богородицы рассказывается подробно следующее.

О нашествии литовского короля на Псков

Было это в год 7089 <1581> августа в 20 день, пришел с великою гордостью польский и литовский король Стефан Баторий, венгр, веры же латинской, со множеством воинов литовской земли на Псковскую землю. Союзниками его были воины многих стран: турки, и агаряне, и волохи, и румыны, и сербы, и венгры, и словаки, и немцы. И взял он град Остров каменный на реке Великой, и жителей его полонил. И устремился он на богоспасаемый град Псков, желая захватить его, думая про себя, что он беспомощен, и безлюден, и безоружен. И, перейдя реку Череху, встал лагерем со всем войском у монастырей

святого Спаса на Промежице и у святых мучеников Флора и Лавра в Песках.

Это еще за 14 лет предсказал прежде упоминаемый игумен Корнилий в своей летописной книге, поведав следующее. В год 7076 <1568> в сентябре месяце видели, как говорят, стражники у моста через Череху ночью сияющий свет и многое множество людей, вооруженных как воины, и пошли они к граду Пскову. И стражники те ужаснулись, страх великий охватил их, а были они поставлены стеречь от мора. Это видение стражникам затем сбылось, как будет ясно из последующего рассказа.

В это время в граде Пскове воеводы князь Василий Федорович Скопин и князь Иван Петрович Шуйские строили городские укрепления и вооружали людей. Чудотворная икона возбранной и непобедимой воеводы Пречистой Богородицы Успение в житии по повелению царя была принесена из обители Печерской в град Псков для защиты града и обители той. Игумен Тихон со старцами и иконой Пречистой Богородицы был в Пскове, совершая молебны со всем освященным собором в церкви Святой и Живоначальной Троицы.

В эти же дни было явление Пречистой Богородицы во граде Пскове, как поведал нам некий монах обители Печерской Митрофан <и иные многие> в дивной повести, которую слышал он тогда от некоего мужа, псковича Дорофея, кузнеца, глаза которого плохо видели, и рассказывал он так.

«Часов в двенадцать дня, когда сидел я в сенях келейки своей в монастыре Покрова Святой Богородицы, что в Угле града Пскова, и плакал о наступающей на город беде, то увидел явственно моими больными глазами яркий свет, словно сияющий столп до небес, шествующий от Печерской обители через Великую реку с левой стороны Мирожского монастыря в град Псков, и в этом свете идущую по воздуху Святую Богородицу и с нею шествующих преподобных отцов: по левую руку Антония, основателя Киевской пещеры, а с другой стороны, по правую руку, игумена Корнилия Печерского Псковской земли. И, перейдя через городскую стену, она вошла в церковь Покрова Святой Богородицы, и потом вышла из церкви в том свете, и взошла на стену града, и те преподобные с нею, и вопросила: „Где Мирожский строитель Нифонт, епископ Новгородский?" И сей же час встал перед нею епископ Нифонт и, поклонившись, сказал так: „Госпожа Пресвятая Владычица, в моем монастыре в этом году не было Литургии". Она же ответила: „Сыну моему и Богу так угодно". Потом вопросила: „Где избранники Божии, что лежат в церкви Святой Троицы?" И немедля вслед за тем предстали перед ней благоверные великие князья Владимир Киевский, Всеволод и Довмонт Псковские и чуть сзади них, примерно в полусажени, блаженный Никола, что был юродивым в Пскове, и все поклонились ей. Пречистая же Богородица, глядя на град в сторону Торга, как бы с гневом сказала: „О злые люди града сего! Прогневали вы Сына моего Господа Бога, ибо осодомили град сей скверными своими делами. И только ныне, когда пришли к вам скорбь и беда великая, вы Сына моего Господа Бога и меня познали". И тогда

игумен Корнилий и Никола юродивый, прослезившись, отвечали: „Госпожа Владычица Богородица, есть <в этом> грех их и беззаконие. Не прогневайся на них, Госпожа, навсегда, но помолись сыну своему Христу, Богу нашему, за град сей и за людей согрешивших”. И потом все святые с плачем тоже молили ее.

И позвала она также и меня с места, где я сидел, и очутился я у той стены городской, стоя почти у ног Пречистой, и сказала она мне: „Старче, иди скорее к боголюбивым воеводам и печерскому игумену и возвести им, чтобы молили усердно Господа Бога беспрестанно за град и чтобы принесли икону мою Печерскую старую и хоругвь на стену града, где я стою. И еще бы поставили на этом месте пушку, а другую внизу стены, и били бы из них беспрестанно по королевским шатрам — ибо стояли королевские шатры за невысокими горами, и указала на них пречистою своею рукою, — а люди пусть каются в грехах своих, умоляя милостивого Бога. Буду и я молить его о вас, и когда Сын Божий, Слово Отчее, прославляемый с Отцом и Святым Духом, услышит моление и слезы рабов своих, тогда того короля лишит рассудка и приведет в смятение его ум, и, не добившись успеха, уйдет он посрамленным”. Когда Пречистая изрекла это, то сразу стала невидима. Я же, очнувшись, оказался сидящим в сенях келейки своей».

Мы же, услышав от него об этом милостивом заступничестве Пречистой Богородицы, явленном в видении тому мужу, и о молитве и молении преподобных отцов и всех святых, проливая радостные слезы, прославили Пречистую Богородицу, заступницу нашу и стену, и всех святых Божиих угодников, вечных и теплых молебников, и еще более усердно стали призывать их к молитве за нас. О сем милостивом явлении человек тот поведал воеводам, и всему синклиту, и нам.

После этого в новом 7090 <1581> году, сентября в 7 день, бесстыдные те латиняне — поляки, и венгры, и немцы стали стрелять из стенобитных орудий, то есть из пушек, по городской стене от Свинусских ворот до Великой реки, против Мирожского монастыря, и били весь день с первого часа до вечера. И наутро, на Рождество Пречистой Богородицы, также били по стене до четвертого часа дня, и разбили ее до земли, и тотчас внезапно пошли на великий приступ к граду, и вошли на городскую стену, и били со стены находящихся рядом псковских воинов и людей в городе, не давая никому подойти к пролому в городской стене.

В то же время соборное священство и весь синклит, обходя город с той чудотворной иконой Успения Пречистой и иконами других святых, совершали беспрестанно молебны. А христиане, мужи и жены с детьми, и люди всех возрастов, непоколебимо надеялись на всемогущего Бога, прославляемого в Троице, и на Пречистую Богородицу, надежду нашу и стену непобедимую, и на святые небесные воинства, и на Божиих угодников, благоверных великих князей: святого Владимира, крестившего Русскую землю святым крещением, и чудотворца Гавриила-Всеволода, и храброго князя Тимофея-Довмонта, и на молитву преподобных отцов — Антония, и Нифонта епископа, и Корнилия Печерских, и на Николу Псковского, и на всех святых помощь, молясь и

плача, с воплем руки простирали, говоря: «Не оставь нас, Владыко Человеколюбец, навсегда имени твоего ради…» и далее. Также и к иконе Пречистой Богородицы взывали: «Заступница христиан непостыдная, ходатай перед Творцом неизменный, не презри глас моления грешных…» И далее до конца кондака того и икоса. И так всех святых на помощь призывали.

Промыслом же Создателя и Господа и молитвами Пречистой Богородицы и всех святых псковские воины, посовещавшись, принесли некое зелие и зажгли его в Свинусской башне. И тотчас же, словно пыль, взлетел настил из башни, и всех поляков и литовцев в ней пожгло и, как бурею сильною, повыбрасывало за городскую стену. И бились псковичи с теми поляками с четвертого часа дня до вечера, и согнали их с городской стены. Эти бесстыдные были побеждены и бежали от города, а другие повержены были, и пало их без числа. Поймали и живых за городом во рву, и веревками, которые они приготовили, чтобы вязать пленных в городе, этими веревками сами они были связаны и взяты в плен.

Так, наставляя, наказал нас Господь, но смерти не предал нас, и все, что совершил с нами, и все, что навел на нас, — воистину судом было. Но по милосердию своему внял он мольбе Матери своей и всех святых, послал воинов своих, невидимо защищающих и помогающих нам против латинян, не отдал град и нас, находящихся в беде, в руки беззаконных врагов, мерзких преступников, и королю лукавому, латинской неправды исполненному.

После того стояло литовское воинство под городом пять месяцев, придумывая всякие ухищрения, то подкопы роя, то стену подламывая, то, разжигая ядра, метали их в город, надеясь запалить дворы на смятение людям. «Господь же окрест людей своих отныне и до века», и «благословен Господь, который не дал нас в добычу зубам их». И даже сами осаждавшие город признавались псковичам, находящимся на городской стене, говоря: «Видели мы некую жену, пресветлую от Божественной благодати, по стене града ходящую, как некий страж, и сидящую на месте пролома. Много раз мы в эту жену стреляли и не могли попасть». «Составили замыслы, но не могли их осуществить». Мне же думается, что жены той явление — это явление Пречистой Богородицы, оберегающей свой град и покрывающей святым своим покровом слуг своих от наступающих бед и зол.

И многие иные преславные и чудные знамения Пречистой Богородицы видели многие благочестивые псковские мужи, бывшие в граде Пскове. Иные видели некоего воеводу величественного вида, который днем и ночью ездил по стене всего города на коне, помогая людям в обороне города, и не знали его. Об этом и многом ином рассказывается в повестях.

О нашествии литовцев на Печерский монастырь и о победе над ними

В то время, когда король Стефан Баторий стоял у града Пскова, воины его добывали еду для себя и коней в селах по всей Псковской земле. И

особенно много ездили в Ливонскую землю, даже до самого града Юрьева, по лесам, и по болотам, и по островам на великом Псковском озере разыскивая беглых людей и их имущество, и коров, и коней забирая себе. Простые же люди и крестьяне, возлагая надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, выходили из осажденных крепостей — из Изборска, и из Печерского монастыря, из Гдова и из Нового городка, и из Юрьева Ливонского, и тех литовцев в селах и лесах брали живыми, а иных убивали и награбленное ими отнимали.

Однажды, октября в 25 день, были отпущены королем литовские воины в свою землю со многим имуществом своим и пленными — больших телег с кладью около тридцати и даже более. Путь же их шел от Пскова через Печерский монастырь в Ливонскую землю. И когда дошли они до Печерского монастыря, тогда люди из Печерского монастыря напали на них и прогнали их, а все имущество их забрали и привезли в монастырь. И на следующий день тоже ехали литовцы из-под Пскова, около трехсот, с пленными и со множеством добра. Среди них был пленный рижский немец Ефим — он послан был из Риги к королю получить золото за порох, и Поспел Солицын с женою и детьми — он был взят в плен литовцами в землях Великого Новгорода, и иные многие. Взяли у них и два колокола, что они захватили в Кобыльской волости в храме святого Николая чудотворца на погосте Полна. Колокола же эти и доныне в Печерском монастыре в память родам грядущим повешены у церкви святого Николы чудотворца на Святых вратах. Тогда же захватили и верблюда, и побили литовских людей немного, поскольку монастырские люди поджидали их на речке Пачковке в посаде. А остальные литовцы и немцы побежали обратно к граду Пскову и сообщили королю о том, как они были побеждены, полагая, что и до Пскова за ними гнались. И о прежних обидах от монастырских людей донесли королю, говоря, что необходимо ту крепость с монахами разорить и людей из нее вывести вон, потому что много беспокойства литовским людям от них. А в монастыре заключено было в то время пленных венгров, и поляков, и немцев до тридцати человек и более.

Услышав обо всем этом, король Стефан разъярился на тот Печерский монастырь и немедленно послал множество воинов, поляков и немцев, со стенобитными орудиями, то есть пушками, к обители Печерской Пречистой Богородицы — октября в 29 день. Воеводами у тех безбожных немцев были курляндец Кетлер и Юрий Фаренсбах. И, придя, стали они вокруг монастыря Печерского, и первыми начали бить из своих орудий немцы, из трех больших пушек, ноября в 5 день. Наутро же, на память во святых отцах нашего Павла исповедника, патриарха Константина-града, и преподобного отца нашего Варлаама Хутынского, те безбожные немцы, крепко вооружившись, пошли в пролом стены, намереваясь захватить монастырь, Богозданные пещеры, охраняемый Пречистою Богородицею дом, и не почитая покоящихся там отцов.

Священники и иноки того монастыря и простые люди принесли на пролом старую икону Пречистой Богородицы Успение, со слезами молебны совершая. Живущие в обители той иноки, и небольшое число воинов, и все люди, надеясь на Господа, еще более возлагая упование

на скорую помощницу, на Пречистую Богородицу, вооружившись, стали, как гора Сион, нерушимо — ибо «горы окрест их, Господь же окрест людей своих вовеки». И бились с ними с третьего часа дня и до ночи, и прогнали их с позором. Воеводу же Кетлера и некоторых немцев взяли с ним в плен, а Юрия, другого воеводу, и иных немцев оружием ранили.

Услышал король Баторий, что немцы побеждены, тут же прислал другого воеводу по имени Бурнамисса и иных многих храбрых воинов венгров, тоже с орудиями, приказав им: «Если не разорите монастыря того и находящихся в нем людей не уничтожите, то не возвращайтесь ко мне живыми». Тот воевода, придя с венграми, поставил четыре пушки на новых местах, а немцы стояли на прежнем месте со своими тремя пушками. И били они по крепости в двух местах два дня. И когда разбили стену до земли, то, вооружившись, пошли все вместе, венгры и немцы, к местам пролома, полагая, что некому против них стоять. «Но Господь же праведен посечет выи грешников, да постыдятся и обратятся вспять все ненавидящие Сион».

Христово же то стадо пребывало в печали великой, плача, все молились Пречистой Богородице, и святому Николе чудотворцу, и святым Сорока мученикам Севастийским, и преподобным отцам Антонию и Феодосию Печерским, и всем святым о избавлении от неминуемой беды. И тогда некоему юноше по имени Юлиан, совсем юному, во сне явилась Пречистая Богородица, говоря так: «Встань и извести находящихся тут иноков и всех людей, чтобы шли к месту пролома, и пели молебны беспрестанно пред образом Пречистой Богородицы, и не теряли бы надежды на Господа и на родившую его. Люди же пусть будут постоянно вооружены и стоят крепко». А тому юноше Пречистая предсказала: «Ты же убит будешь. Я же не оставлю места сего и не предам в руки врагов». И потом дала она ему на его нужды три серебряные монеты, ибо тот юноша не имел ни обуви, ни сорочки. Он же, очнувшись, поспешил к иконе Пречистой Богородицы, с плачем молясь, и рассказал всем о бывшем ему явлении.

Тогда и иным некоторым монахам, духовным мужам было явление Пречистой Богородицы и некоего мужа святого вещающего. И об этом рассказал старец Спиридон Аникиев, о преподобном Варлааме Хутынском, которого он видел, а иногда такие слова невидимо слышал: «Не страшитесь, но постраждите, как добрые воины Христовы, за дом Пречистой Богородицы».

Услышав об этом, священный собор, иноки и все люди с радостью и трепетом тотчас поспешили к иконе Пречистой Богородицы Успения и к пролому в стене, совершая молебны и плача, говорили так: «Не оставь нас, тебе предстоящих, Пречистая Владычица, но прими моление рабов своих, ибо скорби охватили нас...» и далее.

В то время, когда венгры и немцы, разделившись, одновременно пошли на приступ к двум проломам, тогда некий рыболов Сергий Витая Брада видел над церковью Пречистой Богородицы множество некиих <мужей> в белых ризах, держащих в руках свечи и говоривших друг

другу: «Грядем на помощь христианам и пожжем иноверных», — и затем пошли они. Думаю, что множество некиих <мужей> — это Сорок святых мучеников и преподобные отцы, лежащие в Богозданной пещере. И тогда, все упование возложив на Господа Бога, и на пребывающую в дому своем Пречистую Богородицу, непобедимую воеводу, и на святого Николу чудотворца, и на всех святых, немногие оставшиеся люди исполнились храбрости, и с четвертого часа до девятого били из пищалей, и камни метали на приступавших, и победили их.

О том, что было такое явление, впоследствии свидетельствовали и сами те венгры и немцы, рассказывая, что когда они шли к крепости на приступ, то видели некое Божие пособие над монастырем: множество воинов в белых ризах, избивающих их. И тогда внезапно охватил их ужас великий и, посрамленные, они бежали. И еще об одном дивном Божьем пособии рассказывали они: «Когда били мы из орудий по стене и стену разбили, то после этого видели днем и по ночам некоего старца с седыми волосами, то ходившего, то ездившего на коне, наставляющего и показывающего, где в проломах на стене нужно делать укрепления. И много по нему стреляли мы, и ни одного раза не могли попасть». Старец, думаю я, был святой Николай чудотворец.

В тот же день и второй раз пошли они на приступ к вратам у храма святого Николы и по лестницам взошли на башню пред вратами, а другие железные врата ломали, надеясь с обеих сторон всем вместе ворваться в монастырь, и так измышляли всякие хитрости. Но промыслитель Господь наш Иисус Христос не презрел молений Матери своей и святого Николы чудотворца за ослабевших людей, тогда и женам немедля дал храбрость, и малым детям, одни заряжали пищали и подавали их мужчинам, другие оружием <врага> со стен спихивали, иные же воду кипятили с нечистотами и лили ее за стену на воинов, лезущих по лестницам на крепостную стену. Так что и эти были побеждены и повержены. И тем и другим <немцам и венграм> не было числа, а остальные убежали, посрамленные. Эта великая победа и одоление неверных латинян совершились ноября в 14 день, на память святого апостола Филиппа. И наутро, на память святых мучеников и исповедников Гурия, Саммона и Аввива, окончательно победили их.

Во всех этих жестоких приступах было ранено и убито в монастыре около сорока людей. Начались в то время болезни и мор среди людей от вынужденной тесноты. Все это совершилось из-за множества грехов наших.

После этих тяжелых для нас последних приступов минуло десять дней, вдруг присылает из Пскова литовский урядный воевода и канцлер Ян Замойский в Печерский монастырь послание о сдаче монастыря и образ, литой из стекла, в простом ларчике, льстиво обольщая людей добрым отношением к вере, что ясно из послания. Осадный же голова Юрий Нечаев принял послание и образ, собрал весь священнический чин и всех монахов и уважаемых людей и показал тот образ, а послание повелел прочесть всем людям вслух. В послании же было написано следующее.

«Ян Замойский, великий гетман и канцлер коронный, староста краковский, бельский, крешевский, гармолинский, в честную обитель Пречистой Богородицы Печерского монастыря господину игумену Тихону и братии во Христе. По повелению государя и великого короля польского посылаю вам эту грамоту.

Разве вы, будучи в храме святом, от государя нашего имели какие-нибудь притеснения? И государь наш храмы Господни не только не разоряет, но сам строит, чтобы христианская вера умножалась. Он и войску своему приказал храмов Божиих не разорять. А вы, забыв о своем монашестве, храм Господень и место святое кровью облили, выходя из монастыря, людей королевских хватали и насмерть убивали, а иных и ныне у себя в монастыре держите. А государь наш король послал немного людей под монастырь не для того, чтобы то место святое разорить, но для того, чтобы людей, в таком святом месте не по-христиански живущих, оттуда вывести. И по повелению государя нашего короля и я иду с войском и орудиями к вам, но не хочу святого места разорять и большую кровь проливать, ибо я и сам по вере христианин, церкви Божии не разоряю, но созидаю, чтобы христиане пребывали в своей православной вере.

И я пишу сию грамоту для вас, чтобы вы сами по доброй воле монастырь сдали, стрельцов из монастыря выслали, а сами со всем имуществом своим из монастыря вышли. А я вас велю с вашим имуществом и всем добром проводить до тех мест, куда вы пожелаете. А тех людей королевских, которые у вас в монастыре, вы оставили бы с их имуществом в монастыре, а также и все то имущество, которое принадлежало нашим королевским людям. А если вы захотите в том монастыре жить и молить Бога за государя короля, то государь король вас пожалует. А если не захотите в том монастыре жить и уйдете из монастыря вместе со стрельцами и со всеми здешними людьми и с их имуществом, то и это в вашей воле. А если после этой моей грамоты по доброй воле монастырь не сдадите, то я буду невиновен перед христианами, что святое место разорится, и святые церкви осквернятся, и кровь христианская многая прольется. И та кровь с вас взыщется, а я, христианин, веры не разоряю и храмов Божиих не оскверняю.

Вот прислали мне из Иерусалима образ Пречистой Богородицы, <запечатлевший>, как благовестил архангел Гавриил во граде Галилейском в Назарете, и изображение дома Иосифа, а выше дома Пречистая наша Царица Богородица с Младенцем. И я тот образ послал к вам в монастырь, чтобы вы тот образ поставили в храме честного и славного ее Успения и за нашего государя и за меня Бога молили. А мы, государь король и я, вас пожалуем и хотели бы знать, что православная вера христианская и ваш монашеский сан нерушимы и святое место не разорено».

Выслушав такое послание, иноки сказали: «Не хотим королевских милостей и не страшимся его угроз, не принимаем канцлеровых льстивых увещеваний и его лживого обещания латинского христианам, но умрем в доме Пречистой Богородицы по своему иноческому обету».

А простые люди сказали: «По крестному целованию за отчину своего государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и за его чадо, князя Федора Ивановича, мы должны умереть, а монастырь, Богозданные пещеры, не отдадим». Было же это в седьмой день после преставления царевича князя Ивана в Москве.

Тогда осадный голова Юрий Нечаев и весь синклит, посоветовавшись, повелели ответить со стены отказом посланцам короля <устами> старца Тернуфия, так его звали. И старец Тернуфий, облачившись в схимнические одежды, высунув голову в стенной проем, ответил так: «Даже если и отступится от нас Господь за грехи наши, должны мы все умереть за Христа в дому Пречистой Богородицы, в котором приняли сей великий ангельский чин. Как меня одного такого видите, так и все мы готовы умереть за государя нашего царя и великого князя отчину, и за святые церкви, и за закон православной нашей христианской веры, а монастыря королю вашему не отдадим». Потом и все люди, те же слова крича с крепостной стены, дерзко ответили отказом и начали по ним со стены стрелять, и те, посрамленные, обратились в бегство, ничего не добившись.

И после того дня стояли венгры и немцы около монастыря два месяца и пять дней, поставив стражей и не давая никому ни из монастыря выйти, ни в монастырь войти, и прибегали к всяческим хитростям и угрозами пугали, если мы им монастыря не отдадим. Потом, после заключения мира, все это великое воинство ушло от града Пскова и монастыря Печерского.

А турецкий царь Амурат Селимов, услышав об этой победе от воинов, тех турок, которые были у Пскова, устыдился, обвиняя вассала своего, короля польского, говоря своим: «Как этот неразумный не смог одолеть безлюдный град Псков и монастырь Печерский, не имеющий воинов?» И те турки, почитающие писание о прошлом Израиля, рассуждали, отвечая царю: «Если бы и всей вселенной цари пришли, чтобы захватить град Псков и монастырь Печерский, то не смогли бы взять дом Божий и одолеть избавителя и защитника их». Об этом нам поведал пленник из Царьграда, некто Козьма Ляпунов, тогда он был в Константине-граде.

Прославился же тот Печерский монастырь благодаря неизреченной и дивной помощи и заступничеству Пречистой Богородицы во всей Скифской земле, и немецких островах, и по Варяжскому морю, даже и до Рима, более того — до Царьграда. Сами те бесстыдные латиняне укоряли себя, говоря: «Как эту малую крепость, меж гор стоящую и воинов храбрых не имеющую, только монахов и простых людей, крестьян с женами, а старшим над ними в ополчении был поставлен Юрий по имени, родом Нечаев, еще молодой и юный возрастом, — и этих не смогли одолеть, но всуе сражались против невидимого небесного царя воинства».

Кроме того и другой рассказ слышали мы. Спрашивали одни воины у тех воинов, которые были у Печерского монастыря: «Пане, под какой крепостью ты был»? Тот же отвечал: «Стоял у белой крепости

Печерской». Снова спрашивали: «Взяли ли крепость?» Тот же отвечал: «Как ее взять, если сам Бог там изволит быть и его Матерь». Как говорит Давыд: «Гора, на которой сам Бог изволит жить, ибо Господь вселится до конца».

Видя такую Божью милость, и помощь Пречистой Богородицы, и покорность в рассуждениях иноплеменников, не ведающих истинного Бога и его Матери, должны и мы вместе с пророком воспеть новую песнь, ибо дивное сотворил Господь, спасла нас десница его и святая мышца его. Явил Господь спасение свое перед народами, открыл правду свою, вспомнил он милость свою граду Пскову и истину свою дому Пречистой Богородицы.

Старую же икону Успения Святой Богородицы, которую носили на молебен к пролому, по повелению игумена Тихона и по завету всех людей, бывших в осаде, обложили серебром и поставили с левой стороны от чудотворного образа Успения Пречистой Богородицы в житии.

Затем, в год 7092 <1584>, марта в 18 день, царь и великий князь Иван, нареченный в иноках Иона, преставился. Был он щедрый даритель и помощник во всем устроении сего Печерского монастыря, даровал много сел, и злата, и серебра, и икон, и книг, и риз, и иного необходимого.

В первый же год правления сына его, царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси, когда церкви Божии во всем славянском царстве и болгарской стране цвели, подобно райскому саду, и люди получили великую свободу и великое облегчение от тягот, тогда устроили и новую икону на извещение Божьей помощи и Пречистой Богородицы и всех святых его угодников, в дни памяти которых была дивная победа и одоление врагов, когда приступали венгры и немцы к местам пролома <в стенах> монастыря Печерского. И поставили и ту новую икону подле старого образа на память родам грядущим.

Тот тезоименный Божьему дару, первый из царей на Руси, носящий такое имя, ревнитель благочестия по Бозе, благоверный царь и великий князь Феодор Иванович всея Руси дом Пречистой Богородицы, эту Богозданную пещеру в Ливонской земле, вновь наделяет дарами своими — вотчинными селами и своею царской казною — на строительство церковное и на пропитание находящихся тут в обители ста монахов и служащих на монастырских послушаниях трехсот мирян, кроме того, гостей и всех странников, приходящих со всех сторон на поклонение Пречистой Богородицы образу.

Свидетели же всему бывшему ныне не мы одни, но всего Великого Новгорода и Пскова православные люди и всей Русской земли христиане стали очевидцами и проповедниками заступничества и чудес Пречистой Богородицы, ибо видели все концы земли спасение по благодати Бога нашего. Он подает исцеления не только христианам, то есть православным, истинно верующим в Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, Святую и Пречистую Деву Богородицу в вере искренней

познающим и почитающим, скверные и хулящие слова еретиков отрицающим, как неправедно сказанные, но доныне и тем из иноверных латинян, еретиков немецкой земли подает исцеления, кто с верою приходит в церковь Пречистой Богородицы и к чудотворному образу всечестного и славного ее Успения: слепым дает прозрение, больным — здоровье, хромым — хождение, калекам и расслабленным — исправление, и всякими недугами и различными болезнями одержимым — скорую помощь, грешным — спасение, скорбящим — утешение. И те служители Пречистой и христиане, кто были взяты в плен из обители в нашествие оного безбожного короля и уведены на морские острова к немцам, те все попечением Пречистой Богородицы были освобождены и снова в монастырь вернулись невредимыми.

В той же обители Печерской была икона Умиление Пречистой Богородицы в киоте, неким изографом священноиноком Арсением Хитрошем написанная богодостойно и богоподобно, благоосвященными красками, с тщанием. Бывают же и от этой иконы дивные чудеса с верою приходящим и слепым прозрение. И когда по завету осадных людей игумен обители Печерской совершает крестный ход во град Псков в неделю седьмую после Пасхи в храм Святой и Живоначальной Троицы, тогда и ту икону Пречистой Богородицы Умиление носят с собою.

Однако, отцы честные и братия, должный Пречистой Богородице тьму талантов, пребывая в невежестве лености и страхом великим одержимый, боялся я забвению предать, что и я, окаянный, ее милостию и защитой четырежды избавлен был от пленения и смерти от супостатов, помимо других нападений. Обо всем этом поведав, преклоняя колени, молю ваше преподобие: если кто другой лучше меня может поведать о чудесах Пречистой Богородицы, пусть тот постарается и это исправить, и до всех довести, и похвальные песни вознести, которые издавна богоблаженными отцами были написаны во святой соборной и апостольской церкви во славу и честь Единосущной и Животворящей Неразделимой Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Собраны же все эти три повести о чудесах от иконы Пречистой Богородицы образа — из многого ничтожно мало — по благословению господина Тихона, архиепископа Казанского, по настоянию Печерского монастыря екклесиарха аввы Исайи, по указанию той же обители игумена Никона трудами и стараниями их леностного послушника по имени, слагающемуся из численных букв: к третьему сотое с восьмым, снова с третьим семидесятое, вновь сотое с десятым и девятисотое подревнему — во славу Святой Единосущной и Неразделимой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, более всего в похвалу заступничества Пречистой Богородицы, крепкой помощницы и молебницы о христианах всех возрастов, ибо благословенна и препрославлена всеми родами вовеки. Аминь.

О переложении мощей первых старцев печерских

Снизошло от Бога Духа Святого некое озарение и любви духовной усердие в сердце обители Печерской Пресвятой Богородицы игумена Иоакима, и он, с братией во Христе посоветовавшись, пишет в град Псков тогдашнему священноепископу Геннадию о первом печерском старце Марке, и о первоначальном строителе священноиноке Ионе, и о его супруге инокине Вассе, которые покоятся в Богозданной пещере, что гробы их с мощами сильно обветшали, так что и кости видны даже.

Епископ же Геннадий, прочитав послание, движимый воодушевлением, без промедления советуется со всеосвященным собором и в послании повелевает игумену Иоакиму с братией сделать новые гробы и пелены тому первому старцу, и первоначальному строителю, и его супруге.

Игумен же Иоаким, получив от святителя благословение, повелел сделать новые гробы и пелены и в те новые гробы положить их мощи вместе со старыми гробами. И, совершив отпевание, поставили гроб первого старца Марка на том же месте, где и прежде стоял, под образом Спаса, напротив дверей, а священноинока Ионы на том же прежнем месте, с правой стороны от входа в Богозданную пещеру; гроб же супруги его, Вассы инокини, перенесли с левой стороны на правую и поставили подле священноинока Ионы — <совершили это> по повелению священноепископа Геннадия с пением псалмов, и со свечами, и с лампадами, как подобает, в год 7108 <1600>, месяца марта в 7 день.

О крестном ходе в Псков к Святой и Живоначальной Троице в неделю седьмую после Пасхи по завету осажденных в Печерском монастыре людей

По приказу господина священноепископа Геннадия Псковского и Изборского в год 7109 <1601>, июня в 4 день, пишет Печерского монастыря Пречистой Богородицы игумен Иоаким с братией во Христе об установлении чина и порядка хождения со святыми иконами Пречистой Богородицы и с честными крестами из Печерской обители в град Псков ко Святой и Живоначальной Троице по завету бывших в осаде людей следующее.

«Государя царя и великого князя Бориса Феодоровича всея Руси богомольцу, честнейшему господину священноепископу Геннадию Псковскому и Изборскому Пречистой Богородицы Печерского монастыря чернецы, игумен Иоаким с братией.

Просим твоего святительского благословения, челом бьем.

Когда, великий господин, по завету братии нашей и всех православных христиан были мы у Святой Живоначальной Троицы со святыми иконами Пречистой Богородицы и с честными крестами и у твоего святительства сподобились благословение принять, тогда ты, великий господин, сказал нам, что повелел праздновать в Живоначальной Троице пришествие честного чудотворного образа Успение Пречистой Богородицы. А в понедельник в храме Пречистой Богородицы честного ее образа Одигитрии повелел нам праздновать, вспоминая о древних ее

благодеяниях, и прошлых, и недавно бывших, и ради ныне совершающегося торжества повелел нам праздновать честной ее праздник славной Одигитрии со Всенощной соборно. И повелел написать нам в обители тот чин праздничный и твой святительский устав, предназначаемый для святых Божиих церквей, чтобы незабвенно и не забыто было родами грядущими.

И мы, великий господин, сам ты знаешь, еще в ученических чинах пребывая, по нашим возможностям подробно написали по твоему святительскому указу тот устав вчерне и послали к тебе, великому господину, чтобы ты велел поисправить то наше писаньице. Яви, господин, милость; великий святитель, вели то наше писаньице поисправить, чтобы, великий господин, с твоим святительским уложением все в согласии было. И к нам после своего святительского благословения тот чин и устав, пожалуйста, пришли во утверждение Божией церкви и для памяти братии нашей и родам грядущим православных христиан. А мы тебе, великому господину, соборно много челом бьем».

Епископ Геннадий, прочитав послание игумена Иоакима с братиею и уставной чин крестного хода, сразу же тот написанный устав исправив, вновь посылает его в обитель и пишет игумену Иоакиму с братией такое послание.

«Благословение священноепископа Геннадия Псковского и Изборского в пречестную и великую обитель Пречистой Богородицы честного и славного ее Успения Печерского монастыря сыну во Святом Духе и сослужителю нашего смирения, игумену Иоакиму и братии во Христе.

По нашему совету писал ты к нам, сыне, о приходе и празднестве в честь Пречистой Богородицы июня в 4 день и письменное уложение прислал к нам с печерским старцем Сергием Пестовым, чтобы мы то уложение поисправили и прислали к вам. И вами, сыне, уложение о приходе Пречистой Богородицы в Псков к Святой, и Живоначальной, и Единосущной, и Неразделимой Троице и празднестве написано по наставлению Святого Духа все, как угодно Богу. И в том, сыне, вашем уложении, поисправлено нами маленько, а иного исправлять в нем нечего. И за ваши святые труды и подвиги Бог вам воздаст в будущем веке. И с того вашего уложения у нас в чиновник переписано слово в слово. И то ваше уложение послали мы, сыне, к вам в Печерский монастырь запечатанным.

И милость Святой и Живоначальной Троицы и Пречистой Богородицы, и великого чудотворца благоверного князя Гавриила-Всеволода молитва, и благословение нашего смирения есть и будет с тобою и со всеми вами вовеки. Аминь».

О чине и уставе крестного хода писано так

В год 7090 <1582>, в правление государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, во время нашествия литовского короля Стефана Батория к граду Пскову и Печерскому монастырю, находящиеся тогда в

обители Пречистой Богородицы честного ее Успения во время осады священники, и иноки, и слуги, и крестьяне прихода святого Николы чудотворца Тайловской губы и иных волостей дали обет ходить каждый год со святыми иконами Пречистой Богородицы и с честными крестами в град Псков к Святой Живоначальной Троице в седьмую неделю после Пасхи, чтобы возблагодарить всемогущего Бога, славимого в Троице Отца и Сына и Святого Духа во едином Божестве, и возбранную воеводу Пречистую Богородицу, заступницу нашу крепкую и стену необоримую, и святые небесные силы бесплотные, и святого Николу чудотворца, скорого помощника и теплого заступника, и Сорок святых великомучеников Севастийских, и преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских, и той обители преподобных первых старцев — Марка, и Иону, и Корнилия игумена, и всех святых. Ибо молитвами их святыми и заступничеством милостивый человеколюбец, всесильный Господь Бог, обитель, сохраняемую Пречистой Богородицей, и всех в ней православных христиан от нашествия и плена иноплеменников латинской ложной веры, немцев и поляков, защитил и избавил от всех бед, нашедших за грехи наши. И будем молить Всемилостивого Бога и Пречистую Богородицу и всех святых о православных государях наших царях и великих князьях <имярек> всея Руси, и о благочестивом воинстве, и о городах, и о благоденствии святых Божиих церквей, и о единении всех православных христиан, и о временах мирных, и об обилии плодов земных. И были же в то время исцеления многие от иконы Пречистой Богородицы Умиление, которую привыкли называть в царствующем граде Москве «Владимирской».

Когда прошло девятнадцать лет после принятия того обета, то в год 7109 <1601>, мая в 24 день, в четвертый год правления государя царя и великого князя Бориса Феодоровича всея Руси и его благоверной и христолюбивой царицы и великой княгини Марии, и их благородных чад, царевича Феодора и благоверной царевны Ксении, снизошла благодать Святого Духа, сияя в сердце пламенем благой совести, на великого господина священноепископа Геннадия, правящего престолом Пресвятой и Живоначальной Неразделимой Троицы богоспасаемых городов Пскова и Изборска и прочих, и возвещает он той Печерской обители игумену Иоакиму с братией во Христе решение благое, говоря так:

«Когда вы с образом Пречистой Богородицы и с честными крестами по своему обету к Живоначальной Троице пойдете, то в субботу вечером и в воскресенье на утрени совершайте праздничную службу с величанием Воскресению и Святой Троице, а также святому благоверному великому князю Гавриилу-Всеволоду, согласно слову Господню, которое гласит: „Если любите меня и заповеди мои соблюдаете, то и я умолю отца, и он иного утешителя даст вам. Да будет с вами вовеки Дух истинный”. „Ибо, если я не уйду, утешитель не приидет к вам. Когда же приидет тот, истинный, то наставит вас на всякую истину". А о святом сказал: „Где я, тут и слуга мой будет”.

А мы по тому же обету в Живоначальной Троице совершать будем праздничную службу Воскресению и Успению Пресвятой Богородицы и святым отцам, так как та Возбранная Воевода чудодейственно

бодрствовала, моля Святую Единосущную Неразделимую Троицу, и чудотворная икона ее была тогда во граде Пскове во время нашествия литовского короля Стефана, как непреоборимая стена защищая град от иноплеменников.

И далее после звона колокола-благовестника сошлись, влекомые любовью, весь священнический чин с божественными Пречистой Богородицы иконами и хоругвями, знамением небесного царя, и с непобедимою божественною силою Честного и Животворящего Креста Господня, и святых небесных сил бесплотных Михаила и Гавриила и прочих, и с иконами всех святых, и с паникадилами, с шествующими следом града Пскова властителями, благочестивыми боярами и воеводами, и всем их синклитом, и всеми православными христианами разного возраста от мала и до велика, вознося благодарственную похвалу и пение, моление и обеты, и песнь победительную. И потом, сойдясь с хоругвями для встречи иконы Пречистой Богородицы честного ее Успения и чудотворной иконы Пречистой Богородицы Владимирской Одигитрии, и великого чудотворца Николы, и преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских, все вместе поклонимся с верою Святой и Животворящей и Неразделимой Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу во едином Божестве, и Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, и ко всем святым иконам любезно со страхом прикасаясь и целуя, примем друг от друга Честного Креста знамением благословение и во Христе целование лобзанием святым, как учитель вселенский, великий апостол Павел, в своих посланиях завещал нам творить.

Потом, соединив весь божественный сонм и священное воинство, вновь с псалмами и паникадилами и пением духовным молитвенно с усердием руки простирая, помолимся за державных государей наших царей и великих князей всея Руси, как уже было сказано нами ранее. Одни пусть с воздыханием сердечным, тайно в себе ум ввысь устремляя, молятся, воздавая благодарственную хвалу Всесильному, в Троице славимому единому Богу богов, царю царствующих и Господу господствующих: „Слава тебе, милостивый Царь Человеколюбец, что сподобил нас видеть пречистый твой божественный образ и образ твоей преблагословенной Матери, Владычицы и Заступницы за град наш и все города и веси, и за нас, смиренных рабов твоих". Простые же люди, не сведущие в Писании, пусть молятся так, как привыкли изначально, еще с тех пор, когда крестился великий князь Владимир в Корсуни, — тогда бывшие с ним научились восклицать, как и жители корсунские, по-гречески „Кирие, елейсон”, по-славянски же „Господи, помилуй”. Остальные же люди — и жены, и иные простые люди всякого возраста, следуя этому, пусть тайно в себе, как кто умеет, говорят, молясь, по пути в град к Святой и Живоначальной Троице. И, совершив молебен, начнем служить в Святой Живоначальной Троице литургию соборно.

И в тот день ты повели в церкви Одигитрия Пречистой Богородицы на Печерском подворье петь вечерню малую торжественно с антифоном и с паремиями и молебен служить Святой Богородице Одигитрии, потому как сподобил нас Бог пречистый образ ее видеть, и поклоняться ему, и в честном храме ее пребывать для поклонения всем православным

христианам, с верою приходящим отовсюду, чтобы, прикладываясь, осеняясь крестом и целуя икону ее, получить освящение и исцеление душам и телам.

Также поем Всенощную на понедельник с Вознесением и иконе Святой Богородицы Одигитрии, как написано на праздник ее: стихиры, чтения, величания; и преподобным отцам Антонию и Феодосию Печерским общий канон, и стихиры, и тропари. И на Литургии всю службу по порядку Богородице и преподобным. А на трапезе пусть читается из Повести Печерской о нашествии литовского короля на Псков и о чудесах от иконы Пречистой Богородицы.

В тот же день и провожаем святые иконы Пречистой Богородицы, и святого чудотворца Николы, и преподобных отцов так же, как и встречали, со всеми святыми иконами, и с хоругвями, и с паникадилами, и с пением псалмов и песен духовных всем священническим чином, вельможами и всеми православными людьми из города до того же места, где встречали, против монастыря святого Николы чудотворца у Каменной ограды.

И так совершаем каждый год отныне и до века в память о предках, благодаря Всемогущую и Животворящую Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа во едином Божестве, и Пречистую Богородицу, молебницу о христианском роде, вспоминая древнее ее заступничество и победу в царствующих городах — в Константинополе, и в Москве, и Великом Новгороде, и в граде Пскове — во время нашествия иноплеменников, и исцеления ради и неизреченных чудес от иконы Пречистой Богородицы, <вспоминая> и великого чудотворца Николу, скорого помощника и молебника о душах наших, и преподобных отцов Антония и Феодосия и Корнилия Печерских, и святого благоверного великого князя ГавриилаВсеволода, и всех святых, которых видел во Пскове во время осады тот блаженный муж Дорофей кузнец».

Услышав это от святителя, игумен, и весь священный причт, и все люди с радостью воодушевленно святителю благодарно отвечали: «Да будет, святой владыка, для нас, смиренных, твое благое решение по твоей святой воле о нашем предложении: письменные чин и устав положить в святой великой соборной апостольской церкви Пресвятой Троицы, и в Печерском монастыре Пречистой Богородицы, и в прочих соборных храмах ради поминовения из рода в род».

Великий же господин священный епископ Геннадий, услышав от игумена Иоакима, и от прочих игуменов, и всего священного собора церковного, и всех православных христиан о таком их преподобном подвиге, и усердии, и благодарном ответе, повелевает эти чин и устав, переписав, передать в церкви, чтобы это пребожественное и честное достохвальное торжество было незабвенно и не забыто отныне и вовеки. Аминь.

Второе уложение во время голода

Вновь Премилостивый Владыка Господь наш Иисус Христос, за умножение грехов наших желая нас наказать, но будучи милосердным, как чадолюбивый отец, не отдал нас на тяжкую погибель другим народам и от иных великих бедствий сохранит рукою своею крепкою и мышцею высокою. Как в древности царя Давида после переписи Израиля — моровой язвой, и как Ахава при Илье пророке, и в царствующем Константинеграде при Юстиниане, и в других местах, также и на Руси <наказывал> много раз голодом, и пожарами, и мором, и нашествием иноплеменников, так и ныне совершилось за грехи наши по всей Русской земле в год 7109 <1601>. Сначала зимой в земле рожь под снегом подопрела, затем летом с Петрова дня дождь беспрестанно шел, и рожь до Симеонова дня не созрела; на Положение честного пояса Пречистой Богородицы морозом рожь погубило в земле и яровое. И с того времени начался великий голод, покупали четверть ржи по два рубля и по два с половиной рубля и более, жито — по два рубля, овес и гречу — по полтора рубля и выше, также мед, и соль, и все было дорого. Неимущие люди и крестьяне, приходя в города и села, просили хлеба и от голода, и зимней стужи, и от других бед умирали. Также и падеж скота был большой. И ели люди, кто что придумает, дошло даже и до мертвечины, и конины, и плоти человеческой.

И Богом спасаемого града Пскова люди обращаются с благим советом к государевым царя и великого князя Бориса Феодоровича всея Руси боярину, и воеводам, и игумену, и протопопу, и всему освященному собору, и купцам, и всем посадским людям, говоря так: «Когда игумен Печерского монастыря, и священники, и иноки, и все православные христиане по своему обету пойдут в Псков с чудотворными иконами и с честными крестами молить Всесильного Бога и Пречистую Богородицу и святых великих чудотворцев о всемирном устроении, и о благоденствии святых Божиих церквей, и о державе, и о многолетнем здравии и спасении государей наших, и о христолюбивом воинстве, и о всех православных христианах, чтобы Господь Бог напитал православное христианство в это голодное время и даровал бы плоды земные, и теплоту солнечную, и благорастворенный воздух на умножение плодов земных, — то нужно бы к этим трудам приложить еще труды и старания: чудотворные и честные те иконы Пречистой Богородицы Умиление и Одигитрии и святого Николы чудотворца встретить за пять верст от града Пскова в Камно, на погосте святого великомученика страстотерпца Георгия». И повелели глашатаю об этом объявить горожанам в людных местах, на рынках.

Люди, услышав от глашатая о таком славном начинании, возрадовались духом о подобном стремлении, великую веру явили, с усердием следуя доброму решению, пошли по принятому обычаю с честными крестами и со святыми иконами, с пением псалмов и с лампадами. Также и воеводы, и горожане, мужи и жены с детьми, от мала и до велика, и все православные христиане пошли навстречу до Камно и встретили те святые иконы чудотворные со страхом и трепетом и со слезами. Святитель же с игуменами, приняв на свои плечи честную икону чудотворную Пречистой Богородицы Умиление, понесли в город с честью и любовью Божией в храм Пресвятой и Животворящей Троицы с

пением псалмов и духовных песен, совершая молебны. Так же и провожать будут до того же храма святого Георгия.

И с этого времени ради пришествия многочудесной иконы Богоматери, и святых небесных сил, и святого Николы чудотворца, и благоверного князя Всеволода, и всех святых ради, и ради боголюбезного усердия и молитв честного и всеосвященного собора, и ради стараний в пути, и воздыханий, и слез всех православных христиан даровал милостивый Господь наш, прославляемый и почитаемый в Троице во едином Божестве, теплоту солнечную, и благорастворенный воздух, и дождь тихий. И стали расти рожь, и яровой хлеб, и всякие плоды земные; и жатва и молотьба, и сев ржи, и всякие другие благие дела <совершались> слаженно вплоть до поздней осени. И за все это возблагодарили мы милосердного Бога и Пречистую Богородицу, теплую в скорбях помощницу, и небесных заступников, и скорого помощника святого Николу чудотворца, и святого благоверного князя Гавриила, и всех святых молебников о роде человеческом.

Также и в минувший 7111 <1603> год епископ Геннадий в послании призывает и сам спешит, забыв о старости, как исполин, отправиться в путь со всеосвященным собором, и властителями, и почтенными града Пскова мужами, и женами, и детьми, и взрослыми, и грудными младенцами, и, как говорится в псалме, «юноши и девицы, и старцы с отроками». И столько народа вышло на встречу из окрестных городов, селений и деревень, как никогда не бывало. И не было видно конца людям ни впереди, ни сзади по пути установленного крестного хода с иконами Пречистой Богородицы и всех святых до храма славного страстотерпца Георгия в Камно для встречи чудотворных икон Пренепорочной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии честного ее Умиления и Одигитрии, и великого чудотворца Николы, и преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских. Со страхом, и благоговением, и трепетом, радостной душой они молились, воздавая в пении псалмов честь и поклонение, когда святитель с игуменом приняли чудотворную икону на плечи свои. И как прежде несли в город, таким же образом и провожают <иконы> до того же храма святого великомученика и победоносца Христова Георгия в Камно.

Человеколюбивый Владыка Господь поспешил, щедрый, и устремился, ибо милостив, к нам на помощь, и силою и волею своей даровал этим летом благорастворенный воздух и умножил плоды земные. Святитель же со всеосвященным собором и все люди за все это возблагодарили всещедрого человеколюбивого Бога, и Пречистую Богородицу, и великих чудотворцев, и всех святых и положили твердый обет, что и впредь будут в том же месте встречу и проводы совершать в память о сегодняшнем времени, чтобы не забыта была Божья благодать в родах грядущих и чтобы благодарение и хвала, честь и воздаяние воздавались подателю всех благ Богу, славимому в Троице Отцу и Сыну и Святому Духу, и Пречистой его Матери, и святым небесным чиноначалиям, и всем святым, всегда и ныне и присно и вовеки веков. Аминь.

О монастыре Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии честного и славного ее Успения Печерском в долине меж гор

От града Пскова к западу расположен он в сорока поприщах, а от Ливонской земли — в трех поприщах. Дорога от града Пскова <ведет> на небольшой гостиный двор, на котором церковь деревянная святых страстотерпцев Сорока мучеников Севастийских, а около церкви — келии для гостей, и службы, и небольшой двор конюшенный. От двора на юг до монастыря — расстояние полета стрелы. Пред вратами башня круглая каменная с церковью святого Николы Чудотворца вровень, на башне со стороны дороги настенная роспись — София Премудрость Божия, а, как войдешь в башню, над вратами еще настенная роспись — образ Пречистой Богородицы Одигитрии. Над вратами, ведущими в монастырь, — церковь каменная святого Николы Чудотворца, верх острый, обит полосами немецкого железа; звона на колокольне — два колокола, довольно больших. От той церкви вокруг монастыря и через ручей Каменец каменная ограда с зубцами, крытая досками, а окружность ограды 303 сажени, а высота — четыре сажени, а ворот въездных — трое в башнях. В одних воротах решетка железная, а в других — Изборских и на ручье — две решетки железные, да двое ворот на ручье, чтобы бежала вода, да две башни наугольные боевые, и всего пять ворот и шесть башен.

Войдя в монастырь, нужно идти прямо по вымощенной дороге на юг под гору через ручей Каменец, от ручья пройдя немного в гору, почти треть горы, придешь к церкви Успения Пречистой Богородицы Печерской, в которой и совершаются божественные и дивные знамения и чудеса. Церковь Пречистой Богородицы Успения вырезана в горе с южной стороны ручья, а алтарь стоит на летний восход солнца. На церкви две главы и кресты, обитые медными позолочеными досками, шеи у глав обиты немецким луженым железом. Над дверями церковными под кровлями на подделе каменном написана Живоначальная Троица, а над другими дверями в паперть написано Успение Пречистой Богородицы, над пятью окнами под кровлею также настенная роспись, а пред Троицею, и Успением, и Пречистой молящейся — три паникадила со свечами, их зажигают во время службы.

Третьи двери — из алтаря в Богозданную пещеру, в которую выходят священники и пономари во время праздников, чтобы звонить. В церкви же и алтарях Пречистой Богородицы и преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских — шестнадцать земляных столпов, обложенных кирпичом и плитою, а на них стоят местные иконы в окладах и на золоте — дивные, а пред ними свечи поставные тощие, а в них ставят толстые свечи для возжигания каждодневного. От алтаря до западной стороны семь саженей, а поперек — десять саженей, а в высоту полторы сажени.

Чудотворный образ Пречистой Богородицы Успения в житии стоит посреди церкви, в высоту локоть, а в ширину три локтя, обложен дивно златом по повелению царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, а киот серебряный, и на нем вырезаны праздники Господские и Богородицыны и многих святых. Приношений у Пречистой много: иконы, и кресты, и панагии, златые монисты, гривны, цепи серебряные, пелена камчатая, и на ней вышито Успение Святой Богородицы в житии золотом и серебром и разными шелками. Пред иконою Пречистой

Богородицы лампада серебряная — дар боярина Дмитрия Ивановича Годунова, государя царя и великого князя Бориса Феодоровича всея Руси конюшего, налита воском до краев, а в ней светильник, горящий день и ночь неугасимо, да две свечи великие поставлены, зажигают их на службе каждый день. А принесенных свечей зажигают приходящие без числа, и еще в церкви семь паникадил. Пред сею чудотворною иконою игумен и священники поют молебны каждый день пред обеднею.

Другая же чудотворная икона Пречистой Богородицы Умиление, в локоть величиной, в ту же меру, что и Владимирская в Москве, стоит в алтаре за престолом, обложена серебром, носят ее в Псков, когда ходят с крестами по завету бывших в осаде людей в седьмую неделю после Пасхи в память о том, что была она в граде Пскове на забрале во время битвы с польским королем Стефаном. И когда стреляли литовские воины в оную богоносную икону и людей, ничего не достигли — падали ядра пред иконою Приявшей Бога, словно повинуясь ей, и никому не приносили вреда. Впоследствии же те безбожники признавались, говоря: «Видели в том месте города, где стояла икона Пречистой Богоматери, жену, богоподобную красотой, и стреляли в нее, но не летели ядра в том направлении, а падали где-нибудь рядом».

И сего ради вопием к тебе, о Всемилостивая Госпожа, Владычица Богородица, надежда, и заступница, и прибежище наше, необоримая стена для изнемогающих и пристанище тихое для мучающихся в скорбях! Своего Сына и нашего Владыку и Господа, материнским своим дерзновением объяв, умоли, чтобы отверз и предо мною человеколюбивое милосердие своей благости.

Многие иные чудеса от той Пренепорочной иконы совершились: больным — здоровье, различными недугами одержимым христианам и иноверным, с верою приходящим, даются исцеления, как и от иконы Успения Пречистой Богородицы и Владычицы, Матери Христа Бога нашего, даже и по сей день.

За алтарем, на восток, пещера, <ведущая> в гробницу, в которую входят с северной стороны. Над дверями в пещеру надпись «Богозданная пещера», над той надписью настенная роспись — воскрешение Лазаря. Если пройти в Богозданную пещеру прямо шесть ступеней, — то <увидишь> настенную роспись, образ Господа нашего Иисуса Христа Вседержителя, под образом гроб первого старца Марка. С левой стороны на столпе написан образ Пречистой Богородицы с Превечным Младенцем, Господом нашим Иисусом Христом, и преподобные — первый старец Марк и игумен Корнилий Печерский. От Вседержителева образа с правой стороны положен игумен Корнилий, а напротив Корнилия, за столпом к жертвеннику, гроб первого старца, священноинока Ионы, который ископал первую церковь Пречистой Богородицы — малую, и гроб супруги его Вассы-инокини.

От гроба Корнилия пещера на юг в длину двадцать семь саженей. Из той пещеры идет другая пещера с южной стороны церкви на запад — пятнадцать саженей. И еще из той же первой пещеры пещера на восток

в длину шестнадцать саженей, из этой пещеры на юг — пещера длиной в одиннадцать саженей, другая пещера на юг — двенадцать саженей, в которой ныне кладут братьев, ископав большую яму по две сажени в длину и в глубину. Во всех тех пещерах по сторонам вырезаны <ниши> для гробов христолюбцев, дающих милостыню, и села, и все необходимое для монастырских нужд, — государевых бояр, и воевод, и дьяков, а также архиепископов, и епископов, и игуменов, и старцев, и детей боярских, и купцов из многих городов русских и литовских; на нынешний этот 7111 <1603> год — около пятисот и более. В местах <захоронения> у гроба каждого вставлены мраморные керамиды с надписью, которого года, и месяца, и дня, и кто по имени преставился — в память родам грядущим. А в земле в больших ямах во всех тех пещерах положены братия наши в гробах, которым нет числа.

Епископ Псковский Геннадий с удивлением поведал: «О предивное чудо! в пещерах тех летом холодно, а зимой тепло, и от телес преставившихся братьев смрада совсем не слышно, только благоухание исходит». И во свидетельство этому предложил такой рассказ: «Слышал я это от древних старцев и очевидцев. Как-то летом во время сенокоса игумен Корнилий с братией вышли на работы, и вечером после трудов возвращалась вся братия в монастырь. Один же брат, ослабев от старости, последним переходил через реку Пивжу по мосткам перед мельницей, и, как-то запнувшись, упал в реку, в стремнину, и утонул. И быстрым течением отнесен был вниз по реке и не найден сразу, только на седьмой день всплыл его труп, истлевший от воды. Игумен повелел принести его в монастырь. Посланные же едва смогли взять его тело, поскольку смрад сильный от тела его исходил. И когда привезли его к монастырю, то встретили его священники и диаконы с кадилом, и, покадив, понесли его в монастырь, тогда смрад прекратился. И, отпев, положили его в Богозданной пещере с прочими братьями».

О великое человеколюбие Божие! Что хочет, то и творит. Как в древней пещере Киевской молитвами преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских, так и в Богозданной пещере молитвами Пречистой Богородицы и преподобных старцев Марка, и Ионы, и Корнилия, и других святых вместо злого смердения исходит благовонный аромат даже и до сего дня. Не только от тел иноков, но и от мирян, умерших разными смертями, — когда начнут петь надгробную службу и, отпев, положат во гроб, то тогда и впоследствии смрада от тела не чувствуется. Мы же, грешные, знаем о сей Божьей милости, что ради Пречистой Матери своей и по молитвам преподобных отцов если кто и великий грех совершил, а сподобится лечь в обители Пречистой Богородицы, в сей Богозданной пещере, то отпустятся ему грехи.

С западной стороны церкви в горе же — притвор выложен камнем и кирпичом, в длину одиннадцать саженей, поперек полторы сажени. Из того притвора двери в церковь напротив чудотворной иконы и церкви преподобных отцов Антония и Феодосия. Из того же притвора на запад вырезана новая пещера в длину четыре сажени, а в притворе и пещере погребаются женщины и <ставятся> керамиды. А по горе, на церквях и внизу, — роща березовая, и ельник, и рябина, и иной всякий лес и ягодник.

Подле Богозданной пещеры каменная колокольня, по-псковски широкая, в высоту десять саженей, на ней звону — двенадцать колоколов больших очепных и за языки. На той же колокольне русские часы с боем, и в них колокол для боя довольно большой и два колокола небольших, и к ним подведен самозвон на полчаса и час.

От колокольни на восток каменная трапезная, а в ней церковь Благовещения Святой Богородицы, а над церковью Благовещения под кровлею церковь святых благоверных князей русских Бориса и Глеба и святых исповедников Гурия, Самона и Авива. Под трапезною службы — пекарня, мукосейня, казна, капустный погреб. Подле трапезной небольшой хлебный двор, а на нем келия старцев и житницы с мукою, да погреб квасной в горе, да пещера, в которую кладут хлебы. Над той пещерою вверх с полгоры — пещерка, а от нее пошли в горку малые пещерки, и в ней жил неведомо кто святой, подход к ней сделан с горы по лестницам с перилами. Кухня и келия каменные, за кухнею пещера в горе для хозяйственных нужд — келия уксусная, ледник рыбный, поварня квасная, келия луковая, просвирня. Все те службы — от трапезной до просвирни — расположены подле горы к востоку вниз по ручью Каменцу до Нижних ворот. Гора в том месте, как стена, высотой десять саженей.

Напротив хлебного двора мельница на ручье Каменце, мелет весной и в большие дожди одной <парой> жерновов. За мельницею же, посреди монастыря, между хлебными и поваренными службами, деревянный столб с ручкой, покрыт железом немецким, из которого течет вода беспрестанно, подведенная по деревянным трубам сверху ручья Каменца почти на шестьдесят саженей. Вода по Божьей благодати, и заботами Пречистой, и молитвами преподобных отцов наших начальных Марка, и Ионы, и Корнилия идет из земли свежая, и берут ее для всяких нужд монастырских от монастыря вверх по ручью на расстоянии полета стрелы.

За ручьем — каменные погреб и ледник с квасами, да келии игумена и всей братии стоят рядом под горою, и на склоне горы, и на горе. А пред келиями сады — яблони и вишни, сливы, малина, смородина. А около монастыря роща березовая, сосны, ельник, ольха, осина, липа, вяз и другой мелкий лес — в длину на версту и поперек на версту же.

ПОВЕСТЬ О ПРИХОЖДЕНИИ СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ГРАД ПСКОВ

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Во второй половине XVI в. Русское государство вело напряженную войну с Литвой, Польшей, Ливонским орденом, Швецией за выход к

Балтийскому морю. В начале Ливонской войны (1558—1583 гг.) русские войска завоевали многие литовские и ливонские города, перелом в ходе войны наступил после того, как объединенное польско-литовское государство возглавил Стефан Баторий. В походах 1579—1581 гг. он отвоевал ливонские земли, занятые ранее войсками Ивана Грозного, и взял многие русские города. Неизвестно, каким был бы исход Ливонской войны, если бы на пути Стефана Батория не встал Псков. В августе 1581 г. польско-литовская армия осадила город, надеясь на скорую победу. В течение пяти месяцев воины Батория безуспешно пытались взять Псков. Мужество и стойкость псковичей, остановивших под стенами своего города противника, разрушили планы Батория и позволили России достойно, без ощутимых потерь выйти из войны. О героической обороне Пскова, во многом определившей исход Ливонской войны, и рассказывает «Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков». «Повесть» была написана по горячим следам событий, в 80-е гг. XVI в., жителем города Пскова иконописцем Василием. Непосредственность впечатлений, точность и полнота знаний обо всем, что происходило в Пскове, свидетельствуют, что Василий был очевидцем и участником обороны (хотя и не пишет об этом прямо), возможно, был близок к И. П. Шуйскому, главному герою обороны, и имел доступ к документам из его канцелярии. Почти все подробности и детали в рассказе Василия об осаде и обороне города находят подтверждение в других источниках этого времени, русских и польских. «Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков» интересна и ценна не только точностью описания исторических событий. Это художественное произведение, и по своим идеям и эстетическим достоинствам «Повесть» относится к числу лучших памятников древнерусской литературы на воинскую тему. Высокие чувства переполняли автора: горячая, непритворная любовь к родине, родному городу Пскову, прекрасному, величественному, удивление и преклонение перед героизмом псковичей, бояр и воевод, их умом и мастерством. Искренность и глубина патриотизма роднит «Повесть» прежде всего с такими воинскими и историческими произведениями, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о Темир-Аксаке», «Казанская история» и другие, эти памятники связаны друг с другом и литературными традициями.

В историческом повествовании конца XVI — начала XVII в. начинают намечаться новые тенденции. Но «Повесть о прихожении Стефана Батория» традиционна и во взглядах на мир, и в манере повествования. Автор «Повести» по-прежнему объясняет события «попущением Божиим за грехи наши», по-прежнему для него существуют только две краски в изображении человека — черная и белая, он пытается дать зарисовки психологических состояний героев, но делает это в духе исторических повествований XV—XVI вв., традиционно абстрактно, вкладывая в их уста приличествующие случаю монологи, речи, молитвы. Манера повествования Василия риторична, витиевата. Ему, как и многим другим писателям этого времени, свойственна любовь к сложным составным словам, замысловатым выражениям, повторам слов с одним корнем, длинным предложениям с множеством однородных членов, причастных и деепричастных оборотов, что придает стилистическому строю «Повести» тяжеловатую торжественность.

Своеобразная величественность и монументальность формы подчеркивают значительность содержания произведения, посвященного важной для государства победе русских войск.

«Повесть» послужила источником для описания событий 1581 г. в летописях и в «Повести о Псково-Печерском монастыре»; она дошла до нас более чем в 40 списках. Издается «Повесть» по списку XVII в. — *РНБ,* собр. СПб. Дух. Ак., № 302; пропущенный в списке фрагмент текста «видя же таковое к себѣ... душю свою отщетит» восполняется по списку *РНБ,* собр. Погодина, № 1629, XVII в., по этому же списку и по изданию В. И. Малышевым Вязниковского списка («Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков». М.; Л., 1952) делаются и другие дополнения и исправления, они отмечены курсивом. Опускаются при издании читающиеся на полях рукописи заголовки (их немного), определяющие содержание фрагментов. Многочисленные описки писца рукописи исправляются после проверки по другим спискам и отмечаются в тексте курсивом.

В комментариях даются ссылки на произведения польских авторов, участников осады Пскова: Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка, главным образом к заключению Запольского мира. Издал по поручению импер. Академии наук М. Кояпович. СПб., 1867. (Далее в тексте — *Кояпович);* Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. (Осада Пскова) / Пер. с польского О. Н. Милевского. Псков, 1882. (Далее — *Пиотровский);* Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578—1582) / Пер. с лат. СПб., 1889. (Далее — *Гейденштейн).*

ОРИГИНАЛ

ПОВѢСТЬ О ПРИХОЖЕНИИ ЛИТОВСКОГО КОРОЛЯ *СТЕФАНА* ВЕЛИКИМ И ГОРДЫМ ВОИНСТВОМ НА ВЕЛИКИЙ И СЛАВНЫЙ БОГОСПАСАЕМЫЙ ГРАД ПСКОВЪ; ОТКУДЫ И КАКО И КОИМ ОБРАЗОМ ПОПУСТИ ЕГО БОГЪ НА РУСКУЮ ЗЕМЛЮ ГРѢХ РАДИ НАШИХ, И КАКО ВЕЛИКОЮ МИЛОСТИЮ ПРЕБЕЗНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ К НАМ ГРѢШНЫМ ХРИСТИЯНОМ ОТО ГРАДА ПСКОВА СО СТУДОМ МНОГИМ И ВЕЛИКИМЪ СРАМОМ ОТИДЕ

Бѣ же сие в лѣто 7085-го, во царьство благовѣрнаго и христолюбиваго государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержца, и при благовѣрных его царевичех, царевиче князѣ Иване Ивановичѣ[1] и царевиче князѣ Федоре Ивановичѣ.[2]

Правящих и государем нашимъ добре православныя християнство Росийское царство, от околних же невѣрных царей, и королей, и всяких начальникъ, воюющих и насилующих его, государя, Росийское царство православных, и яже под его царьскою *высокою* десницею всѣх живущих обороняше и защищашя. Наипаче за святыя церкви и честныя монастыри и за святую православную християнскую вѣру изрядно на враги стояще и побораху, бѣ бо от Бога первопрестольный християнский царь во вся четыре конца вселенныя, совершенные его

ради святыя християнския вѣры хранящего и тверде сию держати и хранити непорочне и повелевающего.

В та же времена на его государство прииде к нему, государю, вѣсть от полуношныя страны Росийского его царство о насилии и о нахожении вои худѣйших, паче иных земли, от Вифлянския земли нѣмец:[3] не токмо же многим государевым страны тоя градом и весѣм много зла сотворяют и насилуют, но и чюдотворное святое мѣсто Успение Пречистыя Богородицы Печерского монастыря[4] около все обвоеваша и запустошиша и многозельная злая монастырю творяху.

Слышав же сие, христолюбивый царь государь, князь великий Иван Васильевичь всеа Русии, яко не токмо его государевым градом и весѣм тамо приближным насилуют, но и чюдотворное Печерское мѣсто крѣпце вооружаютца, утесняют, сего ради не токмо во отмщение вое посылает на вифлянския нѣмцы, но и сам царь государь за Богородицын дом[5] на враги воополчаетца и со благовѣрным своим царевичем со княземъ Иваном Ивановичем. Приемши же царь государь благословение от отца своего Антония митрополита, пути ся косает. Достигшу же государю нашему своея вотчины, славнаго града Пскова, в том же граде Пскове благовѣрный царь государь по чину устрояет своих бояр и воивод, коегождо над повелѣнным его полком воиводствовати и по чину правити; бѣ бо той град на рубежѣ от невѣрных градов, насилующих враг, пути же шественну на враги начинающуся из славнаго града Пскова.

Приходит же благовѣрный царь государь в соборную церковъ Живоначальныя Троица,[6] и припадает со слезами пред святым образом Живоначальней Троицы, и молит в Троицы славимаго Бога, дабы ему, государю, Богъ подал милость свою свыше и побѣду на невѣрныя враги и насилующих во Христа вѣрующему народу. Тако еже приходит пред чюдотворную икону Пречистыя Богородицы, слезы же многи проливает пред святым ея образом: «Вѣм бо, рече, госпоже Богородица, яко елико просиши у Сына своего и Бога, и не презрит моления твоего. Молися, госпоже Богородица, о рабѣ своем, и да исполнит Богъ желания сердца моего, яко да возвысит десницу мою, грѣшнаго раба твоего, на враги, насилующих на християны, ноипаче на святое мѣсто, в нем же изволитися тебѣ и славитися имени твоему святому, и за живущее в нем рабы Сына твоего и Бога, и словаславящих *пресвятое имя твое* и возвеличающих е». Такоже приходит к сроднику своему, к благовѣрному великому князю Гаврилу-Всеволоду,[7] псковскому великому чюдотворцу, къ честныя его раки, сего же на мнозе со слезами на молитву призывает. Знаменавше же се силою воображения креста Христова от печерского игумена Селиверста, такоже по чюдотворным иконам знаменавшися и многия обѣты святым мѣстом и чюдотворным и святым иконам воздати обещавшеся, ноипаче Печерскому манастырю, в дом Пресвятыя Богородицы, такоже благовѣрный царь государь настоящему своему пути касаетца.

Достигшю же ему, государю, Лифлянские земли, слышав же сие жители Вифлянския земли, нѣмцы, царьское на них нашествие и разумѣюще его в воинствѣ крѣпко силна, немощь же свою знающе,

возмятошася и восколебашеся, яко пьянии. Овии же от них во ины страны бѣгаяше; инии же во градех своих затворишася, на твердости же града надѣющеся; овии же смущающеся: во градех ли седети крѣпко или покоритися и з дарми руского царя, великого князя государя срести, вѣдуще, яко твердоя их укрепленныя каменныя стѣны против руских стенабитных сосуд отстояти не могут.

Божиею же милостию и Пречистыя Богородицы молением и святых великих чюдотворцовъ царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии не токмо отмстителем врагом Божиим явися, но и государь всей земли той Вифлянской по достоянию прославися. Овии же их грады за щитом восприимаша, сии же никоея милости ни живота не получиша. Инии же нѣмцы из своих градов за многия поприще схожаша и со многими дарми, и з женами своими, и з детьми царю государю поклонишася; милосердие же своего государь над таковыми показоваша. Елицы же их, на многолюдие или на твердости града надѣющеся, крѣпцы вооружишася сидѣти, у них же стѣны даже и до основания разрушити повелѣ, самих же розными горкими розличными смертьми, и их жены, и их дѣти, умрети повелѣ, да и прочии страх приимут.

Слышав же сие от окрестныих суседех сусѣди курланския нѣмцы, яко от росийского царя государя никоя же твердость отстоятися не может, а приходящии к нему, ко государю, з дары и с честию великую ослабу приемлют; собравши же ся начальницы страны тоя, курланских нѣмец, совѣт сотворше, да пошлют к нашему государю со многими дарми послы своя, и да и милость руский государь да покажет над ними, и над ихъ землею милость, и наложит по своему государеву хотѣнию на них повселѣтную дань. Совѣту же их тако сотворившу, умилостивив же ся государь до них, дары у них восприя и имъ же повелѣ на старых своих мѣстех жити, дани же на них повселѣтныя уложи и паки во свою землю отпусти их. В Вифлянскую же землю до конца повоива,[8] многия грады восприя, живущее в них в плѣн отведе, богатество же их и безсчисленное злато, и сребро, и узорочья всякия в царствующей град Москву прикати. Сам же царь государь добръ, здоров, славен побѣдитель во свою отчину на Рускую землю возвратися.

Приходит же государь первие в дом Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения Печерского монастыря и припадает к Пречистой Богородицы чюдотворныя иконы в подножие на мрамор помоста церковнаго, слезы же, яко струя, ото очию испущающе, от устъ же своих благодарныя пѣсни Богородицы возсылающе, обѣты же своя вся Богородицы устрояюще, отдающе, безсчисленное множество злато и сребро Пречистой в дом отдав, многия села и узорочья новоплененныя къ монастырю присовокупляет. И тако паки Пскова достизает, в соборную же церковь Живоначальныя Троицы паки приходит и пред святыми иконами благодарныя слезы проливает, Богу же, и Пречистой Богородицы, и всѣм святым, и благовѣрному князю Гаврилу-Всеволоду многорадостно сплетенные хвалы возсылающе, обѣты же своя вся исправляюще. Паки же славнаго своего града Москвы достизает и тамо велехвален побѣдитель ото всѣх показася: не токмо в Русийском его

царствѣ, но и по всѣм окрестным царством и королевством произнесеся высокое над вифляны победительство.

Паки же по возвращении его государеве во свою ему государеву вотчину, в славный царствующий град Москву, слышавше же сия курланския нѣмцы царево от них отшествие и воя своя по домом своим упокоиватися распустившу, разстояние же многое от их земли знающе, въ сопротивен же совѣт первому сотворяют со избѣгшимися к ним достальными вифлянскими нѣмцы. К себѣ же присовокупляют и Литовския земли люди и вмѣсто дани воинством на новоприемныя государем грады воополчаютца,[9] многим же градом пакости сотворше, онии же от них паки восприемше.

Паки же сие слышав руский государь, яко не токмо обѣтов своих и по своим законом забыша, но и на брань воополчишася и грады паки восприемлют, розгнѣвавшеся на них царь государь, паки в третьеѣ лѣто первого своего походу во отмщение на них пути ся приемлет.[10]

Слышавше же враги и лестицы нѣмцы царьское на них свирѣпое ополчение, и кииждо во своем помысле помощи искаша, страхом же и трепетом многим восколебашася, безсилнии же себѣ, яко мрави, знающе. Приходят же в Литовскую землю к литовскому королю Степану, от сего же помощи своей погибели увидети молят, вкупе же и совосприมают его на воспротивление брани с росийским царемъ. Молебники же от себя к нему предпосылают богомерские христоненавидцы и поругателие Христовы вѣре и силы креста Христова, вѣре не сохранителие, но преступницы целования на вѣре креста Христова, росийского государя нашего измѣнников, князя Ондрѣя Курбского с товарыщи.[11] Сии же християненененавистьцы, моления их слышав, яко желателни елени, по Писанию,[12] на християнского государя помыслы воополчаютца, июдѣйским совѣтом на владыку своего воздвигнути ковъ обѣщеваютца, тщателне же и изрядно к литовскому королю приходят, на росийского государя воинством подъемлют.

Сей же всегорделивый совѣт их радостно приемлет: бѣ бо и сам той литовской король, неистовый звѣрь и неутолимый аспид, люторския своея вѣры воин, и рад бѣ всегда кровопролитию и начинания бранем. Лютый, свирѣпый змииный яд от своея несытыя утробы отрыгнув, войску же своему вооружатися повелѣ и готовитися и с ними на Рускую землю устремися,[13] к старому Литовския земли их граду к Полодцку,[14] в седьмоенадесяти лѣто, отнележе взял его от Литвы государь нашъ.

Рускому же государю нашему шествие пути на нѣмцы творяще, достигшу же ему, государю, славнаго града Пскова,[15] вѣстницы же прибѣжа ис Полодцка, яко литовский король Степан со многим воинством идет на Полоцкий град. Слышавше же сия, царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии напрасное его и тотебное звѣриное устремление, воиводы же своя и многи воя во окрестныя грады Полотцку граду посла, воинские люди и стрельцы в Полотцко на

осаду в прибавку посла; бѣ бо ис тое украины людие з государем в воинском великом его собрании.

Богу же попустившу крѣпкого сего врага на християны грѣх ради наших. Вѣсть же къ государю нашему во Псковъ прииде, яко литовский король Полотцко взял и со окрестными его грады.[16] Многие же и бесчисленныя государевы воиводы и вои в Полотцки и во окрестных градех храбро мужествовавше и крови своя за Христову вѣру излиявше, ноипаче во градѣ Соколѣ[17] изряднеѣ, паче ниже в ыных градех. Слышавше же сие, царь государь кручиною объят быв, но токмо глаголаше: «Воля Господня да будет, якоже Господу годе, такоже и бысть». Сам же царь государь возвратися к царьствующему граду Москвѣ.

По сем же, 87-го году под седмою тысещею, во второе лѣто по Полотцком взятии, разсвирѣпися и розгордѣся лютый той варвар, литовской король Степан, паки устремление пути показует на Рускую землю, попущением же Божиим грѣх ради наших. И начало болѣзнем Руские земли тамошныя украины приемлет,[18] яко забывше Бога и возвратившеся на *грехи,* яко рече Писания.[19] Под Великия же Луки паки помышляет приити.

Слышав же сие царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии свирѣпое его нашествие, великою кручиною объят быв. В Великии же Луки воевод своих посылает и во окрестныя его грады[20] многое войско во осаду приготовляет, к нему же послы своя посылает, дабы з государем нашим мирен был.[21]

Он же, всегорделивый, *ни ко ушесам* своим слышати о миру хотяще, государевых же пословъ безчестными и бездѣлными словесы своими отказав. К сему же и всезакрытый и злоядовитый, яко от адовы утробы, яд отрыгнув, яко не токмо на Луки Великие свирѣпство свое и на окрестныя ему грады покозаваше, но сотонинским своим превозношением превознесеся на Великии же Луки и на славный град Псковъ. «Яко не токмо, рече, Луки Великие восприиму со окрестными его грады, но и славный вашъ великий Псковъ, якоже каменем жерновным обратити сего имам и государь сему именоватися». Та же и о Великом Новѣграде многогорделивоя изрече, яко: «Не может, рече, ни един градукрѣпитися или отсидѣтися от великого польского кроля и от множество храбрых литовских вои. О миру же никако ни в помысле, рече, прииму». Послы же государевы с собою и под Луки повелѣ взяти: «Да смотрите, рече, како грады государя вашего восприиму и попленю».

Прииде же та вѣсть къ государю нашему, яко не токмо о миру от него прияти, но и послы его государевы бездѣлно с собою под Луки повезли, но и велехвальный свой помыслъ не токмо на Луки изрыгну, но вельми превознесеся гордостию на Великий Новград, паче же и преболе, еже на славный и богоспасаемый Псков град: «Той бо, рече, слышах, Псков град его превелик в земли вашей, каменоградными крѣпостьми преболе и паче иных утвержен. Сего ми, рече, преже подобает взяти; Великий Новъград ни единаго дни противу меня постояти не может».

Государь же се слышав, велми воздохнув из глубины сердца: «Воля, рече, Господня да будет!» В Великий же Новъград воиводы посла. Во славный же и великий богоспасаемый град Псков посылает благовѣрный царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии боярина своего и воиводу, князя Василья Федоровича Шуйского-Скопина,[22] да боярина своего и воеводу, князя Ивана Петровича Шуйского,[23] да воеводу Никиту Очина-Плещѣива,[24] князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина,[25] князя Володимера Ивановича Бохтеярова Ростовского,[26] князя Василья Михайловича Ростовского-Лобанова[27] и с ними воя многи. Сих же предпомянутых бояр своих и воивод государь царь и великий князь Иванъ Васильевичь всеа Русии, отпущаючи во Псковъ, наказует их своими царскими наказаньми, како им за православную вѣру християнскую и за святыя церкви, за его, государя, и за его государевы дѣти, и за все православное християнство на враги стояти и битися с ними от всея душа и сердца и от всея крѣпости и с подручными вои даже до смерти; и како всякими крѣпостьми утвердити града Пскова стены и бой учинити по чину, якоже подобает осаде крѣпце быти. Сими же многими наказаньми царьскими наказа их царь государь и обѣты царьскими обещася им: «Аще Господь Богъ избавит нас и вашим боярским и воиводским домыслом Господь Богъ град Псков утвердит, пожаловати обещеваетца их государь, яко ни на сердци у них кому чаянием таковыя от него милости». Бояре же и воиводы, яко истиннии раби, обещеваютца своему владыцѣ творити по его наказанью, на том же и християнскою вѣрою вѣровашеся ему. И тако отпусти их въ богоспасаемый градъ Псков: «Богъ, рече, и Богородица и вси святии с вами да будут!»

Бояре же и воиводы, приѣхав в богоспасаемый град Псков, по государеву приказу вся начаша творити: градовныя стѣны утвержати каменным и деревяным и всяким утвержением, елико им Бог в сердце влагаше, и осаду крѣпце утвержаше. Головы же и дѣти боярские, и головы стрелецкие[28] и стрельцы, и псковичи от мала и до велика, и всѣх избѣгшихся людей, иже во осаде быти, приводяще их к вѣре, рекше, х крестному целованью.

Королю же литовскому Степану под Луки Великия пришедшу,[29] послы же государевы с собою приведшу, многозѣлнаго нашего грѣха, и многонеправдиваго ради ума беззаконнаго нашего, и за вся неправды наша пред Богом и человеки, и всѣх злых грѣх ради наших предаде Богъ сему агаренину Луки Великие и со окрестными грады[30] лѣта 7088-го. И паки возвратися в Литовскую землю по Великих Луках взятья со многим розгордѣнием и возвышением, воя же своя упокоиваша роспустившю.

На весну же паки готовитися повелевает: «Славнее же и похвальнее, рече, еже прежних, к нынешнему моему устремлению на Рускую землю быти подобает, занеже на славный град Псков итти. Вы же, любимая моя и храбрыя воя и всего высокого моего Полского королевства и великого княженства Литовского, со всѣми моими подручными землями, преудобрена и храбре утвержена, яры царския отроки и непобедимыя витези, киийждо по своим отчинам и панствам розъежаетеся, телеса своя и крѣпкая мышца утвержаете, великия же

своя кони упокоевайте, ратная же своя броня содѣловайте и укрѣпляйте, на славный град Псков ратью всячески и со мною уготовляйтеся! Имущии жены и хотящеся с ними *во* Пскове панствовати, сии же со своими паньеми и з детьми во Псков да приуготовляютца».

Сими же словесы лукавыми наказав извышних своих гетмановъ и рохмистов и всего войска своего и тако роспустив их коегождо на свое панство, сие же прирече им, яко: «По времени шествие пути листы *возвещателныя* к вам имаю прислати». Сии же начальныя волки ко кровопролитию, извычнии его гетманы с подручными имъ мертвотрупабиядателными псы,[31] немилостивныя их *воя,* обещеваютца к своему королю, яко неутолимому аспиду, по его повелѣнию совершити; и розъѣхашася кождо восвояси.

Государю же нашему, царю и великому князю Ивану Васильивичю всеа Русии, сие слышавши совершенное ему устремление на его государеву отчину, на славный град Псков, уготовляющуся. Времени же сего свирѣпству приспевающу, нашимъ християнским законом святому Великому Посту приходящу, благовѣрный царь государь в преславный град Псков посылает по боярина своего и воиводу, по князя Ивана Петровича Шуйского. Сему же к нему, ко государю, к Москвѣ приѣхавшу, розпрашивает же сего царь государь о градеукрѣплении великого града Пскова, како от них укрѣпишася великия крѣпости граду, и колицему наряду и в коих мѣстех угодно стояти, и для которыя обороны коему от которого мѣста быти, и всяческими людцкими укрѣпленьми колице осаде крѣпце быти.

Боярин же и воивода князь Иван Петрович Шуйской, вся о том царю государю порознь и по чину и богонадежныя сотворенныя от них всякия крѣпости розказав, к сему же и присовокупляет богонадежныя слова, рече: «Надѣемся, государь, свершенно надежею крѣпце на Бога, и на необоримую крѣпкую стѣну и покров, християнскую нашу заступницу, истинную Богородицу, и на вся святыя, и на твое государево царьское высокое имя, яко Псков град от литовского короля всякими укрѣпленьми может отстоятися». Еже и бысть Христовою благодатию.

Слышав же сия благовѣрный царь государь от боярина своего и воиводы, от князя Ивана Петровича Шуйского, многоукрѣпления от них во граде Пскове всякие крѣпости, боярское же и воиводцкое и всѣх подручных им вои и крѣпкое и неослабное во осаде сидѣния, и всѣх жителей богохранимаго града Пскова непреклонную их вѣру, и всяким строением тщащеся за Бога, и за своего государя, и за его государевы дѣти, и за православную Христову вѣру, и за своя домы и жены и дѣтей умрети всѣм произволяющим за град Псков от литовского короля, неже литовским королем при ихъ животѣ взяту быти граду Пскову. По сем же, разсмотрительне боярина своего богонадежное о отстоянии от литовского короля града Пскова царь государь слова слышит, слезами же свое лице царьское омакаше: «Богу, рече, и Богородицы и святым великим чюдотворцем град сей Псков в руцѣ предаю, ноипаче сродннику своему, благовѣрному князю Гаврилу-Всеволоду, еже сам изволи в том

богоспасаемом граде Пскове в соборной церкви Живоначальныя Троицы честным его мощем положеным быти. Своею же милостию избавити имат сего от находящих враг на нь, и сего ему в руцѣ предаю. Потом же и вам, бояром своим и воиводам, всѣм воем и псковичем, аще по своему обещанию сотворите, еже к Богу и ко мнѣ обещастеся, яко истинным рабом на руки того града Пскова предаю, яко да Господь Богъ наставляя всякими домыслы, елико коего Богъ вразумит, да утвержаютца во граде Пскове».

Благовѣрный царь государь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии боярина своего и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского паки отпущает в богоспасаемый град Псковъ, сего же паки наказует всякими царскими наказаньми и ученми, сему же едино вручает от своих царьских устъ и писменный наказ и высокую его царьскую десницею утвержен. К сему же приглашает царь государь, яко: «На тебѣ ми на едином подобает всее тоя службы пытати, неже на иных товарыщех твоих и воиводах». Он же сия внят, яко: «На тобѣ ми, рече, и мимо всѣх искати, еже во Пскове всего — осады и службы», внятне же сия слова в сердцы восприят. Рабски же противу своего государя никако же вещати смѣяше, ниже за многое наложеное от него, государя, толико бремя ни единаго слова отрицатися нача, но токмо царю государю отвеща: «Еже Богъ благоволи и тобѣ, государю, изволися, всячески по повелѣнию твоему тобѣ, государя, раб есми яз. И елико Господь и Богородица наставит, вседушне сию врученную службу всесердечне истинно рад служити за град Псковъ». Ноипаче сих, премногими словесы и великими обѣты въ царствующем граде Москвѣ, в соборной церкви Пречистыя Богородицы,[32] пред чюдотворным святым образом государю обещеваетца на том же вся творити по государеву наказу, и еже держати и сидѣти в осаде крѣпко со всѣми пребывающими во граде Пскове християнскими народы, и битися во Пъскове за град Псков безо всякого порока с литвою даже до смерти, еже и бысть благодатию Христовою. И паки отпущает его во Псков.

Государевъ же боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйской, приѣхав во Псков, паки з боярином и воеводами, со княземъ Васильем Федоровичем Шуйским-Скопиным с товарыщи, о укреплении града Пскова всякое тщание показоваше, и непрестанно около града Пскова объѣзжая, и веляше утвержати всякими крѣпостьми стены града. И паки, второе, приводят всѣх головъ боярских, и детей боярских, и голов стрелецких, и сотников, и стрельцов, и всѣх псковичь к вѣре, рекше, х крестному целованью, якоже преже, абы за Бога и за своего государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, и за его государевы дѣти, и за святыя церкви, и за православную християнскую вѣру, и за град Псковъ битися с литвою до смерти безо всякия хитрости. Во околные же псковския пригороды[33] также непрестанно з гонцы з грамоты розсылаша о укреплении градов, всякому утвержению веляше. По окольным же селам и волостем также посылаше, дабы кождо во свои приближныя городы ѣхали з женами и з детми и со всѣми животы в осаду. И сицевым образом въ богоспасаемом граде Пскове и по околным пригородом всякое утвержение по Бозѣ творяшеся.

Искушению же Божию грѣх ради наших на християнский род всячески попущающуся, высокогорделивому литовскому королю Степану всяческии сердцем на богоспасаемый град Псковъ надымяшеся. Разспалением же сердце и розгорѣния ради своея неутолимыя утробы, *вред* своея лютости горлом и языком *наружу изрыгает;* время же своего походу на Рускую землю, на богоспасаемый град Псковъ, всѣ объяви, листы возвателныя во всю Литовскую землю посылает.

Во иныя же страны и во многие языки молебносовещателными грамоты началником коеяждо земля и их воином посылает,[34] образом имуще писание сицево: «Король польской, князь великий литовский, руский, пруский, жемодцкий, мозовецкий, князь седмиградцкий и иных Степан. Ближним моим другом и сусѣдом (по имени начальному коегождо) на своем державстве радоватися! Да вѣсте, иже извѣсно слышасте, елико мимошедшия два лѣта рускому царю пакости сотворих и колицы его грады, приближныя к моей земли, от власти отнях и своему высокому присовокупих державству; и елико во сразительном бою над его войском одолѣния покозовах; и елицем руским богатеством обогатихся и воины своя обогатих, в землю мою накотих всяким преизобилованьем Руския земли *сокровищей; и колико уничижение и страх Руския земли* нанесох; и колику славу высокому своему королевству Польскому и Великому княжеству Литовскому, и всѣм моим подручным великим паном и гетманом, и всѣм бесчисленным воином приобретох. Сим же мимоходящих, на прежняя простиратися начинаю. На высоком же степени стою, на высочайшея же и превысокоя простираюся, якоже хитрословцы научат и пишут: „На высоком ли холму стоиши, высочайше же того и преизобительнейшу гору ищу и средѣ ю владѣти начинаи. Якоже и лев, аще держит зайца *и видит верблуда, оставляет зайца* и гонит верблюда".[35] Сицевым образом всемудре разсудительне усмотрех, в нынешнее третьеѣ лѣто паче прежних многосилным подъемом подымаюся на Рускую землю. Сам же своим другом и сосѣдом ближним мудродруголюбныя совѣты совещаю, да аще хощете, вкупе совещавшеся, да подыметеся со мною кождо со всесилным своим войском, и вкупе устремимся на Рускую землю, наипаче на славные Руския земля великий град, именуемый Псковъ.

О сем же граде Пскове именно свещеваюся с вами и повѣдаю вам, якоже о нем слышахом. Первие, зѣло превеликого сказываху, паче же четвероограденъ всекаменными стенами, многославен же в земли той и многолюден. Чрез сего великого града Пскова, повѣдаху, рецѣ текущей скрозѣ каменныя стѣны,[36] по рецѣ же той во градѣ многопотребныя вещи стояху, богатеством же паче мѣры сего сияти, сказываше. Сего ради великого и славнаго града Пскова всѣх вас, другов своих, созываю. И сего же града великого восприиму и со окрестными его грады, превеликою же и многославною славою облекуся и вас с собою возвеличю, яко совѣтников моих и другов. Богатеством же многим во градѣ Пскове безчисленно обогащевся, и вы, мои друзи, и вся наша великая и храбрая безчисленое войско обогатятца. Многолюдный же и благородный в великом том граде Пскове плѣн всякия по чину беззавистно розделим, непокоривыи же во граде и многолюдныя народы мечю предадим. Великия же своя гетманы во граде Пскове устроив, и здравыи высокия победителя в Литовскую землю

возвратимся, и кииждо великим богатеством и плѣном на свои панства розъѣдемся. Рускому же великому князю конечное безчестия и срам нанесем, и великую кручину и вредъ в сердце о таковем великом граде жалостно ему принесем. Мы же во всю вселенную прославимся, яко руского великого князя и славный его град Псковъ возприяли есмя».

И тако написав и розослав многогорделивое и безбожное свое послания во многия страны и языки.

Сие же послание приидет от литовского короля Степана во многия земли начала. Онем же сия прочетшу, и паки кождо от себя отписывают, образом имуще писания сицево: «Честнѣйшему высокостольнийшему королю польскому и великому князю литовскому радоватися! Мудросложныя и друголюбныя и совътовальная твоя к нам послания любезно прием и прочтох и разумъх писания, к тобѣ же совѣта своего не отрицаемся, но и паче любезно предпосылаем. Сами же и с своими войсками с тобою итти на Псков град готови есмя и идеве. А яже писал еси о граде том о Пскове, яве толико же и во всѣх наших странах и о багатествѣ его слава ношашесе. А яже о четверокаменных оградных стенах града того крѣпости писаше, и мы то вѣдаиве. Аще и десять или дважды толико каменных стѣн во граде Пскове будет, но и толицеми крѣпостми противу твоего великого и высокого имени никая же твердость отстоятися не может, и всякими хитростми и мудрым умышлением сего можетъ взяти». И тако всѣ совершают и посылают х королю своя хвалебная послания.

Вкупе же и сами многочисленныя земли в Литву х королю Степану собираютца: на славный град Псков безчисленою ратью вооружаютца, многия же орды и многия земли с литовским королем Степаном подимаютца на славный град Псков. Славы ради града собираютца языцы мнозии, имже имена суть сия: литовския люди, полския люди, угорския люди, мозовшаня, нѣмцы цысарския, датцкия, свитцкия, сшлоцкия, бруцвицкия, любския. И всяких наемных людей 60 000, а своих у него людей собрано 40 000;[37] и всего у него войска 100 000, опричь торговых людей.

Собравшим же ся сима многима землями в Литву х королю Степану, тогда видѣвъ всегорделивый той король много собравшуяся у себя великую силу, тогда болма разгордѣся во своем высоком безбожном помысле, глаголя, яко: «Не токмо Псков град толикою силою возму и сь его пригороды, но и Великий Новъград и со всѣми предѣлы ноугородцкими». Такоже и приближныя его изналѣпшими гетманы сицевоя же глаголаху: «Милостивый государь, королю Степане, толико видев твое безчисленое войско, вся пребывающея люди во граде Пскове, государю, вси убоятца, и устрашатца, и не имут против толикия силы и сами стояти. Кая ли гора от каковы воды многи отстоятися может, или, государю, кая, градастеновная крѣпость против твоих великих стенобитных сосуд крепятца? Или, государю, еще к тому тобѣ воспоменем наизряднеѣ сию рѣчь. Милостивый государю, королю Степане, кий домыслъ таковъ будет в руских во Пскове воивод или всяких хитрецовъ, иже домыслитца против твоего великого разума и твоих великих гетмановъ мудроумышленного ума? Или, государь, кий

град или коя осада, преже и нынѣ, от наших крѣпких и храбрых и непобедимых витезь и мудрых градоемцов отстоятца? Ныне же, государь, изрядне поспешествуй на путь на град Псковъ и здрав буди, в славном граде Пскове владычествуй. Также и до нас буди милостивъ, яко сердечне с тобою бѣхом, ко взятью толика града трудивеся».

Сия же многопохвальныя рѣчи слышав король от своих первосовѣтников, тольми же паче гордынею и превознесеся на град Псков, якоже древний горделивый Сенахирим,[38] царь асирский. Егда многия грады окрестныя Ерусалимскии за себя взя, тогда высотою помысли и на Ерусалим устремися, также на свою силу многую надѣяся, якоже рече: «Не токмо града Иерусалима от меня царю Езекѣю с народы отстояти, но и Богу невозможно пособити против моея безчисленыя силы». Сего же горделивое превозношения и многобогохульныя глаголы услыша Богъ сицевым образом: егда приити ему под Ерусалим град и град осадившу, наутрии же воставшу Асихириму, царю асирийску, и обрѣте убитых своих вои 185 000; и сие увидев, в мале дружинѣ в Ниневгию убежа и тамо от своих детей убиен бысть. Также и сему горделивому королю Степану случися подо Псковом неизреченным промыслом Божиим, яко и Насихириму царю. О нем же пространно впреди скажем, нынѣ настоящее да глаголетца.

Король же литовский Степан на прегорделивом своем мѣсте рядныя же своя паны с собою посади и начаша полки розряжати, коим его великим паном и гетманом в коем полку воиводами быти.[39] Первие же поставляет передовой полкъ. В передовом полку поставляет пана Миколая Родивила, виленского воиводу, гетмана великого литовского, да пана Остафья Воловича, пана виленского, да пана Яна Дорогостайского, воеводу полотцкого.

Правая рука. В правой рукѣ поставляет пана Яна Тишку жамоцкого, да пана Мерихоря Шеметя, кухвиста литовского.

Лѣвая рука. В лѣвой же рукѣ поставляет пана Яна Глѣбова, пана менской, подскарбей земской литовской, да пана Миколая Сапѣгу, воеводу менского, да пана Хриштофа, воеводу ноугородцкого.

Сторожевой полкъ. В сторожевом полку поставляет пана троцкого Миколая Родивила, да пана Филона Хмиту, старосту оршинского.

Болшой полкъ. В болшом полку поставляет пана канцлѣра, гетмана великого польского,[40] а с ним многия рохмисты; и то словет большой полкъ польской. А самъ король пошол за канцлѣровым полком, а у короля приближныя люди с ним пошли: пан Тишка, воивода польской, пан Бекешъ, гетман угорский, пан Миколай Хриштопов, моршалокъ великий литовский, пан Онбрихтъ Радив, староста ковенский. А у наряду велѣл быти воиводе угровецкому, пану Юрью Зиновъиву, старосте чечерскому.

Сих же своих великих панов розрядивъ и наказав, литовский король Степан горделивому своему настоящему пути ся касает на славный великий град Псковъ.

В преименитом же и богоспасаемом градѣ Пскове государевы бояре и воеводы, слышав, яко уже литовский король идет на Псковъ град, всячески неослабно, по-прежнему богомудрене во граде Пскове осаду укрѣпляя. В волости же и в села и в засады непрестанно посылая, всякия запасы веляше в город возити; дворы же и достальныя кормовыя запасы жещи повелевая, да некако врагом домы будут; в живущих в селех, тѣх всѣх во Псковъ в осаду со многим запрещением бежати веляше.

Также и православный царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии то слышавъ, яко сверженное литовский безбожный король на его государеву отчину, на Псковъ град, со многогорделивою и великою силою устремися; сие же слышав, царь государь паки во Псковъ къ бояром своим и воиводам и всѣм воинским людем и псковичем умильне и богомудрене свои царьские грамоты пишет, неослабно и мужествене во осаде быти и до послѣднея смерти невозвратно с литвою за Псков град битися веляше.

Также и преосвященный архиепископъ Александра Великого Новаграда и Пскова во свое святительство, в преименитый градъ Псковъ, ко государевым бояром и воиводам и всѣм воям и псковичем благословения предпосылает. Вкупе же и той всячески и благоумилне, яко богомудрый врач и чадолюбимый отецъ, мужествовати на подвиг велит, и благословляет, и укрѣпляет, и святительску свою молитву и честным своим прозвитерством и еже о Христе дьяконством, яко победительную руку помощи, предъявляет. Также и ко освященному всему священноиноческому и священническому и дьяконскому чину и всему причету церковному пишет. Тогда бяше в преименитом и богоспасаемом граде Пскове от священных начальникъ Успение Пречистыя Богородицы Печерского манастыря игумен Тихон; в соборной церкви богохранимаго града Пскова Пребожественей и Нерозделимой Троицы настоятель протопоп Лука, протодиякон Олексѣй. Сим же предпомянутым началником священнического чину, и всему священническому и дьяконскому чину, и всему причету церковному пресвященный архиепископъ пишет, дабы безпрестанно в соборе неослабно молебны пѣли, такожe и по домом день и нощь Бога молили за православнаго царя государя и великого князя Ивана Васильивича всеа Русии, и за его государевы дѣти, и за все православное християнство, дабы Господь Бог отвратил праведный свой належащий гнѣв грѣх ради наших на все православное християнство, и призрѣлъ бы Господь Богъ неизреченным своим милосердием на честное то мѣсто, на градъ Псковъ, и не предал бы Господь Богъ его в руцѣ враг, насилующих во Христа вѣрующему народу. Также и на постъ, и на колѣнное поклонения, и безпрестанное к Богу моление, и чистоту, и целомудрия, и братолюбие, и на вся благия дѣтели научают; и дѣтей своих духовных научати повелевает и тако мир и благословение дает. Настоящее да глаголетца.

Времени же того свирѣпству приспевающу, литовскому королю Степану со многою своею силою на рубежи Руския земля пришедшу. Слухи же всячески во Псков про то приходящи, яко уже литовский король на псковскую землю, на Вороноч город пришол,[41] за 100 поприщ[42] ото

Пскова града. Приближение же свое до Пскова увидѣвши, яко несытый ад, пропастныя своя челюсти роскидаша и оттоле града Пскова поглотити хотяше. Спѣшнее же и радостнее ко Пскову, яко из великих пещер лютому великому змию, летяше; страшилищами же своими, яко искры огнеными дым темен, на Псковъ летяше; не долетѣвъ, во утробе у себя того града Пскова слышати сказываше. Аспиды же свои и приближныя змии и скоропѣи великий той литовский король блеваньем насытити хваляшеся. И тако всѣ, яко змии на крылех, на Псков град леташе и сего горделивством своим, яко крылами, *повалити хотяше, змеиными* языки своими вся живущия во граде Пскове, яко жалами, уморити мняшеся. Вся же в нем благая во своих адовных утробах в свою Литовскую землю отнести хваляшеся, достальныя же живыя люди, яко сокровище, на хоботех по собѣ в домы своя принести глаголаху. И тако победитель змий мняшеся надо Псковом быти.

В богоспасаемом же граде Пскове государевы бояре и воиводы, и всѣ вои и псковичи, и весь яже о Христе освященный собор, церковнаго кормила правителе, сие слышавше: первия, яко уже приближаютца ко граду Пскову; второе, яко лев ревый, живыи поглотити хочет. Богомудрене же совещавшеся, государевы бояре и воиводы с печерским игуменом Тихоном, и с протопопом Лукою, и со всѣм освященным собором обходя около всего града Пскова с честными кресты и святыми чюдотворными иконами и святыми чюдотворными мощми благовѣрнаго великого князя Гаврила-Всеволода, псковскаго чюдотворца, и со инѣми многими святими, молебноя же к Богу умильне и чиновне совершающе. По них же шествующе псковстии народи, мужие и жены и с малыми младенцы, с плачем и рыданием о избавлении града Пскова молящеся. И вкупе вси братолюбне, свещеннический чин и воинские и весь мужеский пол и женский от мала и до велика, смиренномудрием и братолюбием непрестанно в сердцих своих Богу моляше и смиренномудростию умудряшеся. Не высока мысляше, ниже горделиве в сердцех своих возношашеся, ниже на что надѣятися хваляшеся, но токмо всѣм вкупе и сердце и уста глаголаху: «Надежда наша и упование, Живоначальная и Нерозделимая Троица; и стена наше и заступление и покров, Пренепорочная Богородица; способники нам и молитвеники о нас к Богу, вси избраннии Божии святии; первейшего у себе имѣем воиводу, великого чиновника архангела Михаила и со всѣми святыми безплотными силами». Сими же словесы и богоумными совѣты въ богоспасаемом граде Пскове осада составляшася. Благодать же Божия и упования *на* всесильную помощь всѣм сердца на подвиг подвизашеся, *лед таяния* отчаянием надежи ни единому *во* Пскове коснутися, огнь же благодати Христовы всѣм сердца на подвигъ возвари, вѣра на честное то дѣло, еже за Христову вѣру умрети, всѣ телеса адаманта *тверждае укрепи.* И тако благодатию Христовою коемуждо во своем чину всячески на подвиг неослабно и безо всякого розмышления готовящуся.

Паки же слышав во Пскове, якоже литовский король Степан под Остров пригород пришол[43] за пятьдесять поприщъ от Пскова и по Острову по городу из норяду уже бьет. Сие же слышав, государевы бояре и воиводы ничто же усумнѣшася или коему страху коснутися сердецъ их, но токмо на Бога надѣющеся. Государевы же бояре и воеводы своя дѣла

безпрестанно творяше, наряду мѣста творяше и наряд розстовляше, гдѣ в коем мѣсте угодно стояти. Также государевы бояре и воиводы промеж собя всю Окольную стѣну во Пскове на мѣста розделиша, в коем мѣсте коему воиводе быти. Также кождо у собя дѣтей боярских, и голов стрелецких, и стрельцов, потом уже и всѣх посадцких псковских, наровцких стрельцов и всѣх пскович, по чину розчитав, поставиша. Всю же стѣну вооружиша людьми и народы, пушки же, и пищали, и ручницы,[44] и всякими укрепленми, против государева недруга уготовившеся. Сим же всѣмъ по писанным рѣчем тако бывающим.

От полуденныя страны богохранимаго града Пскова дым темен: литовская сила на черность псковския бѣлыя каменные стѣны предпослася, еяже ни вся литовская земля очертѣти не может. Сему же дыму, литовскому воинству, пришедшу за пять поприщъ до Пскова града.[45]

Государевы же дѣти боярския на том мѣсте, на Черехи реки, на заставе бяше для тое вѣсти приходу литовских людей. Увидѣвше же приход ихъ на Череху реку и во Псковъ прибежавшу, возвестиша государевым бояром и воиводам, что уже литовъския люди первыя на Череху пришли. Государевы же бояре и воиводы повелѣша в осадной колокол звонити, за Великою же рекою повелѣша досталь посаду зажещи, да нѣкогда врагом жилище будет.

И тако в богоспасаемом граде Пскове первое начало осаде явися: начало лѣта 7089-го, августа въ 18 день, на память святых мученикъ Фрола и Лавра.

Потом же начаша литовские люди реку перевозитися Череху, также и под город являтися полками начаша. Государевы же бояре и воеводы противу выласку сотворяют.[46] Сии же начало своим болѣзнем предпокозаваше, беготворным образом всяческии начинаше, к городу же ни приступити смѣяше.

И сий, яко дивий вепрь из пустыни, прииде сам литовский король со всѣми своими многими силами того же месяца августа въ 26 день, на память святых мученикъ Ондрѣяна и Натальи. Сий же неутолимый лютый звѣрь, несытною своею гладною утробою пришед, и яко видѣвъ великого града Пскова, яко великую гору, неудобь восходимую, ниже величеством круглости скорообходну, всячески умом розполашеся, войску же своему около всего града Пскова объѣхати и осадити веляше.

Им же сице повелѣния начинающим подалее града объѣзжати, государевы же бояре и воиводы из наряду по них стреляти веляше. Пушкарем же по них стрелявшим, многия полки возмути и многих людей у них нарядом прибив. Они же, королю приѣхав, известиша, яко не мошно около града Пскова объѣхати досегновения ради и великого многого бою из града от наряда. Король же повелѣ подалей града, лесами объѣзжати. Они же егда поѣхаша, з города же токмо черности идущу видѣв. Государевы же бояре и воиводы из большого наряду и тамо по них стреляти веляше, и также от псковского наряду лѣсы приклони и многие полки присланивъ. Королю же и сие сказав, он же

глагола: «Кто ли водители мои, иже на Псковъ ведеху мя, иже глаголаху, яко во Пскове болшого наряду нѣт, яко князь великий весь наряд изо Пскова вывести повелѣ вонъ? Что же се вижу и слышу? Яко ни у меня с собою нѣт, ни в Литвѣ не остася такова хоти едина пищаль, еже столь далече шествия пути кажет».

Единому же полку станом начаша ставитися и многия шатры розставившим. Про сего же глаголаху, яко королевскому быти у Николы чюдотворца на Любятове, на Московской дороге. Государевы же бояре и воиводы не повелѣша по них днем стреляти, но весь наряд днем по них приготовити. Егда же многии шатры изставили, нощи же приспѣвъши, часу яко на третьем, повелѣша по них ударити из большого наряду. Наутрии же ни единого шатра увидѣвши, и многих, сказывали языки, ту панов добрых побили.

Сие же видѣв, король паки побѣже к Черехѣ рекѣ и тамо став своими станами за великими и высокими горы, на Промѣшицы. Несытости же своея алчбу всяческии начала накормити искаше, ко граду градоемного умышления мѣста искаше, и со всѣми своими приближными первосовѣтники усовѣтовав и смотрѣв мѣста — угол града от Великия рѣки, от Покровских ворот, и сие мѣсто из норяду розбив и тако взяти град Псков. Сему же его совѣту тверду уложившуся.

И тако повелѣ лукавый литовский король Степан градоемное дѣло начинати. Свирѣпии же его лютии градоемцы радостно сие повелѣние восприемши о градовзятии и всяко тщания показоваше. Первие дѣло начинают в начале индикта, сентября въ 1 день начальный девятодесятого лѣта под седмою тысещею,[47] начаша ко граду копати великие борозды от своих станов по большой по Смоленской дороге к Великим воротам, къ человеку Божию Олексѣю, таже от Олексѣя к городу, к Великим и к Свиным и к Покровским воротам. И выкопаша в три дни пять бороздъ великих, больших, да поперечных семъ бороздъ. А в тѣх бороздах, якоже после ходивше и счет обрѣтоша, дворов больших в земли выкопано, сирѣчь, яко избушек и с печками, 132 избы да 904 менших. В болшия же тѣ дворы рохмисты и сотники сходилися, в меншие же гойдуки жити себѣ устроиша. И тако землею окопася, лукавым своим умышлением велми блиско города прикопашеся, яко единому городовому рву токмо меж ими и градныя стѣны быти. Злоумышленно же и люте лукаво ко граду приближишася, коплюще и рьюще землю, яко кроты; от града же и рвов тѣх выкопая, великия горы в земли соградиша, дабы не видѣти ходу их со градныя стены. Высыпныя же тыя земли многия безсчисленныя окна провертѣша, из нихже стреляти уготовившеся для градоемства и для вылазок на них из града.

Потом же, того же месяца сентября въ 4 день, в ночи, прикотив, поставиша туры.[48] Первыя — у Олексѣя человека Божия, от града же Пскова яко полпоприща, туто повелѣ съѣзжемуся двору быти; таже другой двор поставили в турах, против того же, к Великой рекѣ; да двои туры бойчие: одны против Свиных ворот, вторыя туры против Покровской наугольной башни; третие туры бойчие — против того же угла, за Великою рекою. Всѣ тѣ туры пятеры тое же ночи и землею

насыпали. В пятый день сентября в бойчие тѣ трои туры и наряд приволокли и поставили. И тако всякими градоемными образы лютии литовские градоемцы утвердишася, на богоспасаемый град Псковъ вооружишася.

Государевы же бояре и воиводы сия вся литовское умышление над градом Псковом увидѣвъше, такоже Бога на помощь призвавше и Богородицу и Заступницу имуще и вся святыя ко Богу молебники, такоже противу их в том мѣсте по Бозѣ утвержение творяще. Первие, печерский игумен Тихон со всѣм освещенным собором, с честными кресты, и с чюдотворными образы, и со святыми мощьми благовѣрнаго великого князя Гаврила-Всеволода на то мѣсто приходят, в Угол, во храм Пречистыя Богородицы[49] честнаго и славнаго ея Покрова, против того мѣста, идѣже тѣ лютии литовские градоемцы многое градоемъное умышление творяше. Молебное же к Богу и къ Богородицы туто пѣша и тако мѣсто крестом оградиша и святою водою окропиша. Такоже государевы бояре и воиводы крестом благословиша, и святою водою окропиша, и на подвиг вооружиша, такоже и всѣх вои и псковичь вооружиша силою воображенья креста Христова, и всѣ на подвиг готовившеся.

Государевы же бояре и воиводы повелѣша противу того мѣста всякими укрепленьми стены града утвержати, против каменныя стены, подалѣя, древяную дѣлати начаша и всякия крѣпости уготовляя для пробития от норяду каменныя стены от литовскихъ людей. И наряд уставиша, и дѣти боярския и стрелцы сь их головами противъ того мѣста уготовавшеся, и псковския посадцкия стрельцы писаныя на том же мѣсте поставиша, идѣже начаяшеся от литовских людей в Покровских ворот приступу быти. И тако всякими образы в том мѣсте приготовишеся. Такоже и около всего Пскова града, на Болшой Окольной стены и в Середнем городе,[50] который же воивода в своем прясле по стенѣ утвержая и назирая и людьми и сторожами, неослабно день и нощь укрѣпляя.

В томъ же Покровском угле и Свиных ворот, у того прясла, бяше государевъ воивода князь Ондрѣй Иванович Хворостининъ, изряднее же прилежа к тому мѣсту государевъ боярин и воивода князь Иван Петрович Шуйской. Такоже и всѣ государевы бояре и воиводы, на то мѣсто на совѣт сьѣзжаяся, совѣтоваху, с ними же государевы дьяки Богом хранимаго того града Пскова Сулменъ Булгаков да Офонасей Молыгин, с ними же и пушечнаго приказу дьякъ Терентей Лихачов на совѣт к воиводам сьѣзжаяся. И богомудрене о градаукрѣплении смышляху, коего коим образом в совѣте Богъ вразумит. Понеже не множеством владѣлец исправляютца начинании, но добрым совѣтом, паче же Богу помогающу, и благому их совѣту крѣпцѣ на добрыя подвиги утвержающеся, градному укрѣплению всяческии Богомъ крѣпящеся.

Литовского же короля гетман, которой же приставлен у наряду, пан Юрьи Зиновьивъ Угровецкий и староста чечерский, приѣхав х королю, возвести ему, яко: «Уже, государю кралю Степане, вся градаемныя вещи готовы суть: и наряд изготовлен и по надобным мѣстам бити по граду уставлен». Король же, сие слышавъ, радостен бысть и повелѣ

пану Юрью Угровецкому по городу из норяду бити и великие проломы не в одном мѣсте сотворити для взятья Пскова града. Он же повелѣние от короля прием.

Того же месяца сентября въ 7 день, в четвергъ, на первомъ часу дни начаша бити из норяду по городу — ис троих туров, из 20 пищалей; и биша по граду безпрестанно весь день до ночи. Такоже и наутрии 5 часов безпрестани по граду из норяду биша и выбиша у града городовыя стены 24 сажени до земли, да Покровскую башню всю до земли, да наугольной башни охаб[51] весь до земли, да Свиной башни половину до земли же збиша, *да местами стены городовые збиша* 69 сажень. *Сие* же збиша и городовую стѣну во многих мѣстех испроломаша. И сие же королю своему известиша: он же велми о сем радостен бысть и повелѣ своим гетманом и рохмистом и з своими гайдуки и всѣм воинским людем у себя в наряде быти.

Сим же всѣм х королю сшедшимся, такоже литовской король Степан сѣд на своем горделивом королевском мѣсте, гетманы же своя и великия паны и вся своя первыя сотники, и всѣ рохмисты, и всѣ воинския люди, и градоемцы, и гайдуки на обѣд к собѣ паки всѣх созва. По обѣде же город Псковъ взяти уготовитися повелѣ. Они же радостно и похвально сшедшеся х королю, совершенно и похвально сказывашеся, яко: «Тепере, государю кралю, милостивою ласкою обѣдаиве и пируиве в обозе у тебя, сего же дни, государю, в замце во Пскове вечеровати у тебя требуиве и здравуем тобя с великим и прекрасным градом Псковом».

Король же, сие слышав, всѣх гетманов и рохмистов и всѣх воинских людей на обѣде у собя велием учрежением учреди, и друголюбне и молебне о градаемстве конечное и безатступное сладко словесаваше, и великими обѣты всѣм воинским людем милость свою и ласку показати обещавшеся, и все богатство псковское и весь плѣн и корысть беззавистно по чину с ними розделити сказываше. Они же противу его отвещеваше, яко: «Государю, совершенне сего дни замокъ Псков за щитом возмеве, или, государю, они сами имени твоему покорятца, не возмогут против твоея безчисленныя силы и мудрых градоемец отстоятися». Такоже и своим паньямъ из замка Пскова радостно и *с* корыстью собя стретати повеляше. И тако литовский король Степан гетманов своих и рохмистов и всѣх градоемец отпущает Псковъ взяти.

Того же месяца сентября въ 8 день, в празникъ Рожества Пречистыя Богородицы, в пятом часу дни (тогда той седмичный день пяток бяше) литовския же воиводы и рохмисты и всѣ градоемцы и гайдуки спешне, и радостне, и надежне взяти град Псковъ идяше.

Государевы же бояре и воиводы и всѣ воинские люди и псковичи, увѣдѣвше ис королевских станов великия многия полки и з знаменами к городу идяше и всѣ в борозды утеснене наполняшеся литовских гайдуковъ, уразумѣвше же, яко градоемством на проломныя мѣста идяше. В осадный же колокол зазвонити веляше в Среднем городе на стенѣ градовней у Великого Василья на Горке, вѣсть дающе литовского к городу приступу всему псковскому множеству народному. Сами же

государевы бояре и воеводы со всѣми воинскими людьми, стрелцами, коим приказано в том мѣсте быти, всѣ наготове стояху, из норяду же изо многого по полком стреляти веляше. Из норяду же по полком безпрестанно стреляюще, многие же полки побивающе; безчисленыя же многие литовския люди из норяду побивающе и сими поля пристилающе. Они же напорне, и дерзостне, и надежне к городу идяше, страшилищеми же своими, яко волнами морскими, устрашающе.

Живоначалней же Троицы в соборной церкви освещенный собор с плачем, и со слезами, и воплем многимъ молебная совершающим, о избавлении града Пскова Бога моляще. Псковстии же народи з женами и з детьми простившеся, на проломное мѣсто всѣ збежавшеся, и крѣпко на враги на бой уготовившеся, и всѣм сердцем Богу обещавшеся за Христову вѣру и безвыдочно друг з другом умрети за Псков град, и за своя домы, и за жены, и дѣти.

Сим же тако бывающим, того же дни въ 6 часъ яко многая вода возшумѣ и многий гром возгремѣ, и все безчисленное войско, возвижжавше, на проломныя мѣста на градовную стену скоро и спешне устремившеся, щитами же, и оружием своим, и ручницами, и безчисленно копьеми, яко кровлею, закрывающеся.

Государевы же бояре и воеводы и со всѣм многим воинством такоже Бога на помощь призывающе, крикнувше християнским языком, руский ясак возвавше, такоже на стены града с ними крѣпко сразишеся. Литовская же безчисленная сила на градовую стѣну, яко вода многая, льющеся; христьянское же множество вой, яко звѣды небесныя, противу крепящеся, восхода на стену не дающе. И бѣ яко гром велик, и шум многъ, и крикъ несказаненъ от множества обоиво войска, и от пушечнаго звуку, и от ручного обоих войскъ стреляния и *воинского* крика. Псковскому же воинству восходу на городовую стѣну литовскому воинству не дающе, онемъ же безаконному литовскому войску крѣпко и дерзостно на стѣну лѣзущим. Пролому же и восходу во град от литовъского наряду великую пробиту и удобвосходну, яко и на конех на градовую стѣну возможно ѣздити. Защищение же и затулы никоея же в тѣх в проломных мѣстех от литовского наряду, у Покровских и у Свиных ворот, за чѣм стояти, ничто же не оставлено бяше. Против же проломных мѣстъ защищения ради с литовскими о градоемстве бою во граде стена деревеная со многочисленными бои и в то время вся несогражена бяше безчисленного ради и безпрестанного бою из норяду литовских людей, но токмо основанию основающюся. Того ради литовские люди многие на стены воскочиша града Пскова, и многие рохмисты и з гайдуки и з своими знамены в Покровскую и в Свиную башню влѣзше, из-за щитов же своих, из акон в город по крестьянскому войску стреляюще безпрестанно. Всѣ же надежныя, первовоскочивше первово на стену, лютии литовские градоемцы желѣзы и бронями крѣпце окованы и вооружени бяше. Государевы же бояре и воиводы со всѣм христьянским воинством противу их непрестанно и безоотступно крѣпко стояше, изрядне же и мужественне бьющеся, входу врагом во град неослабными образы не дающе.

Литовский же всехвальный король Степан, видѣвъ своих рохмистовъ и надежных градоемцовъ и гайдуковъ, яко влѣзше на стены града и в башнехъ и з знаменами уже стоящих, и во град по народу безчисленно стреляюще, ко взятию града путь очищающи, нескозанныя радости исполнися и надежею ко взятью града збытья смотряюще. Сам же король ко граду приближися, во храм великого мученика Христова Никиты, от града яко поприще едино. Такоже и приближнии его первосовѣтники и его любимыя избранныя дворяне, радостне приступльше х королю, надежно и похвально глаголаху: «Свершен еси, государь нашъ, милостивый король Степане, владѣлец и победительный восприимникъ славному граду Пскову прославися. Молим же твою преумноженную ласку, да отпустиши и послеши нас напред в замок Псков, и да не похвалятца пред тобою рохмисты, яко мы едины з гайдуки Псковъ град восприяли есмя».

Король же сие слышав от своих дворян и первосовѣтник, яко и тѣ радостно и своими промыслы сами его желание исполнити хотят, тогда король вельми радости наполнися. Веселым же лицем и радостным сердцем к ним, яко к своим братомъ, отвещеваша: «Вы, мои друзи, сицавая друголюбивая совѣты возвещаете, то и яз с вами иду и другов своих, вас, не отстану». Они же ему отвещаше: «Ты, государь король Степане, своим великим и славным королевским входом в таковый великий град Псков да *внидеши,* якоже великий царь Александръ Макидонский и всее вселенныя владѣлец в Рим великий и славное свое вшествие показа. Мы же, государю, твоя рабы, якоже Александра царя из Рима, из ствоего великого града Пскова славна же стретем, и побѣдныя многохвальныя пѣсни принесем, и преумноженное псковское богатество твоему приходу все уготоваем. Такоже государевы бояре и воиводы, еже во граде Пскове великого князя руского, плѣнника приведем. Наипаче, государю, яко многочисленное сокровище и руского царя вещь, два его боярина и воиводы: ового яко первоначального во граде Пскове великого гетмана, князя Василья Федоровича; ового же яко славнаго, и крѣпкого, и непоколебимаго, великаго и храбраго гетмана, князя Ивана Петровича; обоих же в Руси и у нас славных Шуйских связаных пред тобою поставим. Ты же, государю, за их непокорство к тобѣ, еже хощеши над ними, такоже и надо всѣми начальники да твориши». Король же, сие слышав, с радостию отпущает их на стены града Пскова, сие же им прирек, яко: «Вѣмы, друзи, по вашему доброму вещанию доселе збывашеся и нынѣ збудетца. Еже хощете сотворити, да сотворите, ничтоже бо никогда противу вас и разумнаго умышления вашего укрѣпитца».

Такоже отобравшеся их, избранных градоемец и приближных королевыхъ дворян, 2000; в розбитую от них сторону во Свиную башню надкашеся и начаша стреляти из оконъ по крестьянскому народу, противу их ополчения; яко от велика дождевна облака ручничными пулками, яко безчисленными краплями, народ поливающе и яко змииными жалами крестьян уморяюще. Такоже и в Покровскую башню и по всему проломному мѣсту крѣпко литовъские люди насиляюще, отбивают от того мѣста руское христьянское воинство, ко взятию града путь очищают.

Государевы же бояре и воиводы и всѣ воинские люди и псковичи также противу их крѣпко и мужественно противу их стояху: овии под стеною с копьи стояху, стрельцы же ис пищалей по них стреляху, дѣти же боярские из луков стреляху, овии на них камение метаху, овии же всяческии о избавлении града Пскова образы показующе. Также из норяду по них непрестанно стреляюще и никоими образы снити во град не дающе. Литовскому воинству крѣпце и напорне з стены, и з башен, и из оконъ по рускому воинству стреляюще безпрестанно, и переменяяся литва бьющеся всячески, и «Град Псковъ возьмем!» — глаголаху. Король же литовский к ним также часто о взятии града посылая, также и гетманы и рохмисты литовские и все многое собранное воинство литовское запрещением понужающе.

В богоспасаемом же граде Пскове также государевы бояре и воиводы своему воинству с любовию и со слезами на бой понужающе, христьянскому *воинству* сердечне и безотступне с ними бьющеся. И бѣвидѣти христьянские главы, яко пшеничныя класы, от земля востерзающеся и тако за Христову вѣру скончавашеся. Овем же многочисленным раненым от литовского оружия изнемогши и от многого труда истаевшим, — дню же тогда зѣло от солнечных лучь жаростну бяше; но токмо Божиим покровом и на него вооруженьем надежным крѣпящеся.

По граду же богоспасаемому Пскову и в соборной церкви Живоначалныя Троицы безпрестанно къ Богу со слезами и со воздыханиемъ многим о спасении Бога молящии. И якоже прииде вѣсть во храм Живоначальныя Троицы всему освещенному собору, яко уже литовская сила на стенах и въ башнех, и со знаменами ходят, и во граде стреляют, сход своего пути очищают, тогда же печерский игумен Тихон и протопоп Лука и весь, яже о Христе, всего того богоспасаемаго града Пскова священнический и еже о Христе дьяконстий освещенный собор, якоже сие слышав, всии же воскричавше гласы немолчными и руцѣ простирающе к пречистому образу, на колѣну припадающе, слезами же мрамор помоста церковнаго, яко струями многими реки, возмочиша, къ Богородицы о спасении града Пскова и живущих в нем умилне молящеся. Также и жены благородныя и к молебному стоянию в соборную церковь сошедшеся, кричаще, и гласы ревуще, и в перси своя бьюще, Богу и Пречистой Богородицы молящуся, о забрала же и о помостъ убивающеся, молебне вопиюще. Также и во всем великом в богоспасаемом граде Пскове по домом оставившеся жены со всѣми своими чады и малыми младенцы пред святыми образы умильне плачюще и гласы вопиюще, в перси своя бьюще, Богородицу со всѣми святыми на помощь и на молитву призывающе, о своих гресех и о избавлении града Пскова Бога моляще. По улицам же всѣж богоспасаемаго того града Пскова бѣ крик великъ, и стенания много, и вопль несказанен.

Литовскому же воинству крѣпко и надежно насилующу: «Приидѣте, рече, друзи, и потребим всѣх во Пскове живущея за непокорение их; и не помянетца имя крестьянское во Пскове, к тому яко прикрых сень смертная, и иже измет их из руку нашу!»

Кто возглаголет силы Господня, или кто слышаны сотворит хвалы его? «Блажени бо, — рече, — вси боящеися Бога, ходяще в путех его труды плод своих снѣдят».[52] «Услышите сия, вси языцы, внушите, вси живущии по вселенней, земнии же сынове человечестии, вкупе богат и убог».[53] Приидѣте же, вся святыя Руские земли *християнского православия,* яже и вы с нами споболѣзноваcте и молитвами своими къ Богу нам помогосте, и *в* Богом прославленый той град Псков, воистинну же реку, яко в богоспасаемый град Псковъ. Вкупе прославим и возвеличим Троицу Святую, торжествене речем: «Богъ нам прибѣжище и сила, помощникъ в скорбех, обретших ны зѣло, сего ради не убоимся», [54] воистинну бо реку, яко не убоимся, по пророческому гласу, яко: «Велий Господь и хвален зѣло во граде Бога нашего, в горѣ святѣй его, Богъ в тяжестехъ его знаем есть, егда заступаетъ и».[55] И во смирении нашем помяну ны Господь, яко царие земстии собрашеся вкупе на богоспасаемый град Псков, вкупе глаголюще: «Богъ оставил есть его, поженете и возмемъ его, яко нѣсть избавляяи».[56]

О окояннаго твоего и всегорделиваго языка литовский начальниче, Оботуре Степане,[57] и со всѣмъ твоим безумъным воинством! Како речете, акаяннии, яко «нѣсть избавляяи»? «Господь сил с нами, заступник нашъ, Богъ Ияковль».[58] Богъ, в Троицы славимый, единъ Богъ, в три имена розделяем, во едином свойстве познаваем, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ! На него же надѣемся и уповаем, а не якоже ты, Оботура, в беззаконной своей ереси не знаеши его, но превознесе на град Псковъ до небеси, надѣеся по своему безумию, множеством силы своея хвалящеся. Пожди, окоянне, что узриши над своею силою и уразумѣеши, яко «нѣсть избавляя нас», якоже написах многоя твоя гордое хваление на град Псковъ. Противу же сего и уничижение приимеши: от высокого своего возношения до ада снидеши и со всѣм своим воинством, «яко во смирении нашем помяну ны Господь и избавил ны есть от враг наших».[59] И услыша Господь моление раб своих, манием неизреченнаго своего милосердия начало збытья Владычня, егда призрѣ на свое достояние и яви над своими рабы великую свою милость.

С Похвальского роскату[60] из великия пищали из Барса удариша по Свиноской башни и не погрешиша, тогда множество воинских людей литовских в башне прибиша. Еще же к тому государевы бояре и воиводы повелѣша под Свиную ту башню поднести много зелья и зажещи е. Тогда всѣ тѣ высокогорделивыи королевские приближныя дворяне, якоже у короля выпрашалися напред во Псков град внити, и короля стрѣсти, и государевых бояр и воивод связаных перед короля привести, по них речем *в* первой похвалѣ, от связаных руских бояр и воивод Божиим промыслом первыя литовские люди со псковьскою каменною стеною Свиныя башни вкупе смесившеся и своими телесы яко другую башню подо Псковом соградиша. И первые королевские дворяня от руских государевых бояр и воивод, про них же глаголаху, яко связаных х королю привести и, под Свиную башнею до послѣднего востания связашася и телесами своими псковский великий ровъ наполниша.

О них же первие извещение королю сказаша, яко воспросити ему: «Уже ли мои дворяне в замце?» Ему же сказаша, яко: «Под замком». Королю же воспросившу, яко: «Уже ли мои дворяне за стеною в городе ходят и рускую силу прибивают?» Ему же отвещавшу, яко: «Государю, *все* те твои дворяне в Свиныя башни убиты и сожены в рову лежат». Тогда королю вмале ему на свой мечь не напасти, яко мнѣти ми, мало сердцу его не треснути, таков бо бывает обычей усердым, паче же невѣрным.

Такоже король паки усердися, присылает к Покровской башни и по всему пролому рохмистом и всѣм градоемцем, крѣпко безотступно град Псковъ взяти веляше. Государевы же бояре и воиводы, видѣвъше напорное и безотступное стреляние, крѣпкое градоемство, многие же своя вои прибиты и ранены изнемогша, но токмо надежа в Божию неослабно, посылают в соборную церковь Живоначалныя Троицы по большое и надежное избавление, по святыя и чюдотворныя иконы и чюдотворныя мощи благовѣрнаго великого князя Гаврила-Всеволода, чюдотворца и избавителя псковского от враг, и повелевают принести близ проломного мѣста от литвы. Якоже чюдотворную святую икону Пречистую Богородицу из Володимера въ царьствующей град Москву нахожения ради Темиря-Аксака царя,[61] здѣ же в богоспасаемом граде Пскове нахожения ради полского короля. Тамо, яко именитого Колтыри,[62] здѣ же проименитого Оботуры; тамо же по Владимерскую икону, *зде же по Печерскую икону* ***[63]*** Тамо, яко понесена пресвятая икона из Владимера на Москву в самый Богородицынъ празник Успение, того дни и Темир-Аксак усрамися, от пречистаго образа невидимо убояся и со всѣм воинством от Москвы и со всеа Русии побежа. Здѣ же, в преименитом и славном граде Пскове, в самый ея же Богородицынъ празникъ честнаго и славнаго ея Рожества, егда понесена бысть святая чюдотворная икона Успение Пречистые Богородицы Печерского монастыря от соборныя церкви Живоначальныя Троицы, и с прочими чюдотворными иконами, и с мощьми благовѣрнаго князя Гаврила-Всеволода, и с прочими святынями к проломному мѣсту; того же часу и оттрада граду Пскову невидимо явися на проломѣ.

Крѣпко бо литва со стены града, с Покровские башни и со всего пролома литовское воинство с руским воинством бьющеся, государевы же бояре и воиводы и со всѣм еже о Христе воинством во Пскове такоже противу их стояху и не дающе схода литвы во град во Псков. Егда же, рекох, идоша к проломному мѣсту святыя иконы, того же часу, яко от лица милости святых иконъ, вѣстницы на конех прибежавше, не воиньские люди, но воини Христовы на невидимых враг, черны образом и дѣлы. Первый — тоя же чюдотворныя иконы Пречистыя Богородицы Печерского монастыря келарь Арсеней, именуемый Хвостов; с ним же вторый — Рожества Пречистыя Богородицы Снетогорского монастыря казначѣй Иона Наумов; третий же с ними Мантирей игуменъ, знаем же бѣ он во Пскове всѣм. Сим же предпомянутым черноризцы плодцким рожением дѣти боярские, и егда бѣху они в мире, такоже искусни воини. Сего ради богомудрено и вѣры ради *и* честных своих молитвъ, егда прибежавше къ проломному мѣсту, идѣже кровопролитное торжество свершися обоих стран, великими гласы государевым бояром и воиводам и всему християнскому воинству, якоже преже рекохом, яко

от лица святых иконъ милости рекоша: «Не убойтеся, станем крѣпко, устремимся вкупе на литовскую силу, Богородица бо к нам идет с милостию и заступлением и со всѣми святыми на помощь вкупе же».

Такоже сия гласы слышав государевы бояре и воиводы и все христьянское воинство, яко Богородица идет со всѣми святыми на помощь, вкупе же с сими слухи Богородицы милостию осение и помощь на все православное христьянство приде; и немощных сердца адаманта крѣплее утвердишеся, и всѣ вкупе вооружившася. Такоже во едино сердце вси Богородицы милость приемше и сее помощию вооруживше, яко единеми усты Богородицу на помощь призывающе. И во единъ глас крикнувше государевы бояре и воиводы, с ними же и предпомянутыя чернцы и все христьянское воинство, рекуще: «Днесь, о друзи, умрем вкупе за Христову вѣру и за православнаго государя нашего и царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии от литовских рукъ, а не предадим государя нашего града Пскова польскому королю Степану». Такоже великого заступника псковскаго, князя Гаврила-Всеволода, с ним же князя Доманта и Микулу, иже Христа ради уродивого,[64] в сердцех своих на помощь приимших, и все воинство християнское вкупе снемшеся, устремишася на литовскую силу на стены града, на проломное мѣсто. И тако Божиею милостию и Пречистей Богородицы молением и заступлением и великих святых чюдотворцовъ с проломнаго мѣста литовскую силу збиша; благодатию Христовою, идѣже литовские ноги на псковской стенѣ стояху, паки на тѣх мѣстех христьянская сила утвердишася, и за градом с литвою со стены бьющеся и з достальными еще в Покровской башни оставшимися.

Того же часу, егда християнское одоление над литвою показа Богъ и с проломнаго мѣста литовских людей, рохмистовъ и з гайдуки збиша, тогда и та благодать Христова не утаися по всему тому граду Пскову оставшимся женам. И промчеся слово то во весь град Псков, яко: «Всѣх литовских людей Богъ пособил з города збити и прибити, а вам, оставшимся женам, велено по литовской наряд итти и останокъ литвы побивати, от пролома скопяся».

Тогда же и всѣ еже во Пскове жены, по домом оставшимся, от печали мало нѣкако радости благовѣстия приемшии, оставивше немощи женские и в мужскую крѣпость оболкшеся, и всѣ вскоре кождо из своихъ дворов и кияждо противу своея силы оружие носяще. Младые же и сверстныя, крѣпкия телесы, досталь с приступа литву прибивати оружие ношаше, старыя же жены, немощныя плотию, тѣ в своих руках малыя и краткия верви ношаше и тѣми литовский наряд, по сказанью, в город ввести помышляюще. И вси къ пролому бежаху, и всякия жена паче другие тщание скоростию показующе. Збежавше же ся много множество женъ къ проломному мѣсту и ту великое пособие и угодие воинским крестьянским людем показаша. Овии же от них, якоже рекох, крѣпкия жены, в мужескую храбрость оболкшеся, с литвою бьющеся и над литвою одоление показаша; овии же камение воином приношаху и тѣми литву з города и за городом побиваху; овии же тружающимся воиномъ и от жажи изнемогшим воду приношаху и ретивыя их сердца водою утолеваху.

Пятку же тому дни, в празникъ Рожества Пречистыя Богородицы, и вечерю приспевающю, литовскимъ же людем еще в Покровской башни седящим и по христьянех во град стреляюще. Государевы же бояре и воиводы паки Бога на помощь призвавше, и християнскими гласы крикнувше, и вкупе снемшеся мужи, с ними же и жены и на достальную литву в Покровскую башню устремишася, коегождо с чим и какъ Богъ вразумит: овии же из ручниц стреляюще, инии же камением литву побивающе; овии же горящею водою их поливающе, инии же огни зажигающе и на них мечюще, и всячески промышляюще. Такоже и под тое башню зелья поднесоша и зажгоша, и Божием пособием тако и досталную литву с Покровские башни всѣх збиша, и Христовою благодатию паки очистися каменная псковская стена от скверных литовских ног. Нощи же приспѣвшу, нам Божиим милосердием свѣт благодати возсия, и от стены за градом отбиша.

И тако литва от града в станы побѣжа. З города же скочивше християне далече за ними, секуще их, и гнашеся; которых же во псковском рву заставающе и тѣ прибивающе, многия живыя похватавше, в город къ государевым бояром и воиводам приведоша нарочитых языков и с нобаты, и с трубы, и з знамены, и с ратными оружии. И пакы всѣ здоровы во Псков со одолением многим и з безсчиленным богатеством возвратишася, оружия литовския, изрядных нарочитых самопалов и ручниц разныхъ всяких безсчисленно много внесоша. И тако Божиею благодатию, неизреченным милосердием Пребожественныя Троица и молитвами и молением Пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Рожества и всѣх святых великихъ чюдотворцовъ того же дни спасенъ бысть великий град Псковъ; и великое одоление показа Богъ християнскому воинству над горделивою и безаконною литвою в третий часъ нощи.

Сие же видѣв, государевы бояре и воиводы, и весь яже освященный собор, и всѣ православные христьяне, мужие же и жены и со всѣми чады, неизреченное и несказанное Божие милосердие Пресвятыя и Пребожественыя и Живоначалныя и Неразделимыя Троицы и молитвами и молением надежныя нашея християнския заступницы, возбранной воиводе, истинныя Богородицы и Приснодевы Мария, и всѣх святых великих чюдотворец, всея святыя Руския земли заступников, ноипаче великого светилника, настоящее славному именитому граду Пскову истиннаго заступника, благовѣрнаго великого князя Гаврила-Всеволода, с ним же и князя Доманта и Микулу, иже Христа ради уродивого, и всѣх святых, неизреченныя радости исполнися и великое благодарение всѣ Богу воздаша. И от великого своего труда мало нѣкако отдохнувъ и храбропобѣднаго своего поту оterша государевы же бояре и воиводы и все православное християнское воинство.

Такоже государевы бояре и воиводы глаголют и мудроучителне наказуют ко всему християнскому воинству и псковичем: «Сий же, братие, первый нынѣ наста нам день плача, и веселия, и храбрости, и мужества. Плача, яко за грѣхи попусти на нас Богъ таковому искушению; веселие же, яко за христьянскую вѣру и за отеческия законы сподобляемся умирати. Храбрости же и мужеству нынѣ настоит время; яко же начахом, тако же молим Бога и тщимся и свершим, видя

же таковое к себѣ великое милосердие Божие. „Яко силнии враги наши падоша, а мы, немощнии, препоясашася силою; и исполнь хлѣба лишишася алчющеи, милосердия Божия исполнены благъ".[65] Или еще: „Не помянетъ Господь Богъ грѣх нашых и отвратитъ праведный свой належащий гнѣвъ".[66] Яко видя милосердие его многое, начало благо, чаемъ же и конца потребна: якоже глаголютъ нѣцыи о обычаех горделивых литовских, яко аще погрѣшатъ вначалѣ, впереди же торопливейше могутъ быти. Мы же благодатию Христовою и званием его християне именуемся. Изволимъ же за святую ту Христову вѣру и умрети и за православнаго государя нашего, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии, и за его государевы дѣти, наши государи. А не помыслимъ в сердцых наших коею мыслию или боязнеством в размышления ся дати, или отчаяти, якоже ему, государю, непобѣдимое оружие и Животворящий Крестъ цѣловаше. Якоже глаголет неизреченная Христова уста, святое Евангелие: „Аще весь мир *приобрящетъ,* душю свою отщетит. Или что дастъ человекъ измѣну на души своей”».[67] Сими же премногими доброувѣтными словесы государевы бояре и воиводы, яко истиннии християнстии поборницы, подначалному их войску сказаша.

Христолюбивое же воинство, сие слышав, с плачем же и со слезами противу боголѣпно и раболѣпно отвещевают сице: «Якоже от прародителей своих християне есмы и во Христове вѣре родивеся, и нынѣ готови есмя за Христову вѣру и умрети; яко же начахом по Бозѣ и совершити безо всякия хитрости». Якоже и бысть благодатию Христовою.

Потом же повелѣша сохраняти добропобѣдных храборников, иже за Христову вѣру пострадавших, якоже древних мучеников, скончавшихся от мучительских литовских рукъ. Сих же обрѣтоша в первой в болшой приступъ всяких людей побитых 863 человеки. А раненых же повелѣша из государевы казны лечити. И сихъ всяких людей в болшой в первой приступ ранено 1626 человекъ.

Литовский же многогорделивый король Степан тако видѣвъ, яко желания своего не улучиша, со студом многим и со срамом литовское свое воинство от града бежавших, сам же король велика срама исполнен бысть, гетманов же своих и рохмистовъ не можаше видети. Такоже и гетманы не могоша своему королю явитися за настоящую к ним срамоту и за многое их х королю похваление. К сему же услыша король, яко великого его гетмана угорского и любимаго имъ Бекеша Кабура подо Псковом убита, с ним же и иных великих литовския земли славных побитых: пана Степана, пана Мартына, великаго угорского пана Петра, *пана* Яна Сиоса, пана Дерта Томаса, пана Генеса Павлова, пана Береденика и иных многих, великих и славных литовских. Такоже и всякихъ градоемцовъ у Пскова побитыхъ, якоже и онѣ сами сказываху, боле 5000, раненых же яко сугуба толика.

Сие же слышав, король великую кручину и во отчаяния впад, и многие укоризны *на ся* и на свою силу нанося. К сему же король слышит у собя в станех плач велик, и крикъ, и рыдание, и вопль мног, яко всему стану их возмутитися и восколебатися: паньи пановъ плачют, мужей своих,

матери же чад своих лишаютца, брат з братом разлучишася. И зле животов своих подо Псковом гонзнуша, яко и паньямъ своим повелеваху изо Пскова стретати, за сию же похвалу и сами изо псковского поля и изо рву не изшедше, но и телеса их псом на снедение вдавшеся.

Паки же король сѣд на своем высокогордом мѣсте, ему же предстояху великия его гетманы и рядныя его паны и первосовѣтники, всячески розмышляюще: «Коими образы можем взяти град Псков, и коею хитростию и мудростию уловим, якоже во Пскове свирѣпыя воиводы и непокоривыя народы?» И тако пакы на богоспасаемый град Псков совѣт составляют. Ово же паки приступами взяти, инии же первосовѣтники ласкою и грозою повелеваху у государевых бояр и у воивод и у народа града Пскова прошати, о сицевых написав листы, в город на стрелах стреляти. «Аще ли и сим не одолѣемъ, и ласкою и грозою не увещаем, на великия своя гетманы и паны первосовѣтники кождо свой подкопъ замысливъ, за градовную стѣну подведем и, зелья подкативъ и зажег его, крови не проливав литовского своего войска, скоро и спѣшне можем взяти град Псков». Сий же безбожный совѣт их и безбогонадежное умышление их, сию дщюю и гордую славу ума их король слышав, благохвальне разум их похвали, и совѣту их тако уложившуся. Паки же литовские рохмисты з гайдуки по совѣту своему повседневное татебна устремления приступы на проломныя мѣста начинают.

Государевы же бояре и воиводы со христолюбивым воинством никоими образы всхода на градную стѣну не дающе. К сему же государевы бояре и воиводы повелѣша противу проломного того мѣста стѣну древяную сотворити со многочислеными бои, и многия башни поставиша и во многих мѣстех и наряд изготовиша противу приступу литовские силы. Промеж обѣих стѣн, каменныя и древяныя стены во граде, и повелѣша ровъ выкопати и поставиша в нем дубовый острый чеснок,[68] такоже и по всему пролому, в башнех многочисленый острый чеснокъ исставив и укрѣпиша, яко никоими образы человеку возможно промеж его пройти. И всякими образы противу приступов их готовящуся: ово же, смолье зажигая, на них метати готовляхуся, ово же вряток с калом в котлах возгреваху, иное же зелья в кувшинах на них метати приготовляху, ово же сухую сѣяную извѣздь приготовляху литовскому воинству безстудныя очи их засыпати. И тако благодатию Христовою противу приступовъ ихъ крѣпко и благонадежно изготовившеся. Литовскому же воинству по вся дни, ово же и дважды и трижды на день, и в ночи, приступаху, и Христовым пособием всегда христьяне литву от стены отбиваху и на всяких приступех многих людей побиваху литовских, християнское же воинство всегда Богом соблюдаемо бысть.

Сие же видѣв гордонапорная литва, яко никоими образы на стены приступом быти, и сие королю своему и нехотя сказаху. Король же повелѣ во Псков к бояром и к воиводам грамоты писати о зданьи града Пскова. «Да вѣсте, рече, бояре и воиводы, яко не на то есмя приидох под град вашъ Псков, абы не взем мнѣ его отити. Наипаче сами вѣсте, колицы грады государя вашего в мимошедшии два лѣта взях и ни от единаго града отидох, еже не взях: не токмо же самъ яз, но и от

посланных мною гетмановъ никииждо град отстоялъ. Нынѣ же пишу к вам, жалуя вас и снобдя благородие ваше, помилуйте себя сами и покоритеся моему великому имени, отворите ми град безо всякия крови. Да аще тако учините, вѣдомо да будем вам, яко ни един великих вас у вашего государя пожалован есть, якоже мнѣ изволися милость свою и ласку показати вам. Аще за сею ласкою увидети лице мое имате, королевским своим словом и со своими избранными паны заистинствую, яко не токмо во граде Пскове намѣсники от меня будете, но и многия грады в отчину дам вам, аще с миром отдадите ми град. Всего же народа во граде помилую, и паки на своих законех жити имате, и кождо свой чинъ исправляете, и торги своя в старину да торгуете. Аще ли сему не покоритеся, во всем великом вашем граде Пскове ни един от мене милости узрит, но горкими различными смертьми да умрут». И тако, написав грамоты, стреляют во град, сие же ни единова, ни дважды, но и многожды стреляют стрѣлы с таковыми грамотами во Псков.

Государевы же бояре и воиводы противу к нимъ отписывают сицевым образом: «Да вѣсть твое державство, гордый литовский началниче, король Степане, яко и пяти лѣт во Пскове християнское отроча посмеетца твоему безумию и твоим глупым первосовѣтником, о них же есте к нам писасте. Кая польза человеку возлюбити тма паче свѣта, или паче чти безчестие,[69] или паче свободы горкую работу? Кольми паче нам оставити святую свою християнскую вѣру и покоритися нам вашей прозебли? Или кое приобретение почести, аже оставити нам своего государя, православнаго великого християнского царя, и покоритися иновѣрну чюжеземцу и быти яко жидом? Ноипаче, онѣ бо не зная или по зависти Господа Славы распяша. Нам же, зная своего православнаго царя государя, под их же царьскою властию и прародители наши родишася, яко оставити? Или ложною ласкою и дщею лестию, или суетным богатеством прелстити нас хощещи? Яко ни всего мира хощем богатество противу своево крестного целования, яже государю своему вѣришася. Или что, королю, лютыми поносными и горкими смертьми претиши нам? „Аще Богъ по нас, ин никто же на нас!”[70] Всѣ готовы есме умрети за свою вѣру и за своего государя, а не предадем града Пскова, ни покоримся прелесным твоим глаголомъ. И ни един от младоумных во граде Пскове таковаго совѣта возмет, а от чиновных же мужественых во Пскове мужей ни в слух о том твоем безумнем умышлении вместити приимут. Но готовъ буди с нами на брань, елико коему над кѣм Богъ одоления покажет». И тако отпущают по стрелѣ в рать свое отписыванье.

Такоже государевы бояре и воиводы частыя и повсядневныя выласки сотворяют за град; Божиею милостию и царьским счастьем, и своим боярским и воиводцкимъ домыслом многие языки литовские во град хваташа, и королевские его первосовѣтников умышление надо Псковом великим истезанием и пытками довѣдывашеся, и тако противу умышлений их готовящюся. Паки же во един день бяше выласка за Ворламские ворота, и тако ухватиша литовские языки, от них же вѣсть накрѣпко переняше, что литовские гетманы королю своему именита похвалишася подкопами взяти град Псков и кииждо начальников розных земель свой подкопъ поведоша: подкопъ королевской полской,

подкопъ литовский, скорой похвальный, подкопъ угорский, подкопъ немецкой; и всѣх подкопов в розных мѣстех — 9 подкоповъ. Сии же литовские языки государевым бояромъ и воиводам сказаша, что уже тѣ подкопы всѣ повели сентября въ 17 день, а напереде и всѣх угорской подкопъ поспѣет. А ни един от тѣх литовских язык не увѣдают, х коему мѣсту тѣ подкопы повели, и у нашей-де, у литовской силы, добрѣ вѣдома подкопом тѣм блюдут.

Слышав сие государевы бояре и воиводы, яко уже литовской король подо Псков многие подкопы повели, о сем же благодариша Бога, яко и тот их совѣт увѣдаша, а о том же многою кручиною объяти быша, что не увѣдаша, под которыя мѣста подкопы ведяше. О сем же много Бога на помощь призываше и повелѣша противу подкоповъ из города многие слухи повести, не токмо противу пролома, от которых мѣстъ их надѣяхуся, но и по въсему Пскову накрѣпко в слухах подкопов блюдуще.

Также и освященный собор о сицевых настоящих бедах безпрестанно Бога молящи день и нощь о избавлении града Пскова; также по трижды на недели на пролом со кресты, и со святыми чюдотворными иконами, и с чюдотворными мощми благовѣрнаго князя Гаврила-Всеволода, и с прочими святынями прихожаху и многомолебное соверьшающе. Литовские же гайдуки, егда услыша по пролому от християнских священников молебноя пѣваема, ноипаче на Покровской наугольной башни, и урозумевающе туто многу народу быти, и камением многим на то мѣсто метаху и сими християн урожаху.

Единою же, по обычею, священником со кресты пришедшу к Покровской наугольной башни и молебное совершающе сентября въ 20 день, литовские же гайдуки паки по возбешенному своему обычею камением во град шибаху. И удариша же великим каменем о чюдотворный образ, принесений от Живоначальныя Троицы, великого страстотерпца Христова и побѣдоносца, великого мученика Дмитрия Селунского,[71] корсунского греческого письма, во ополченный на нем злаченый доспѣх, и вырозиша у доспѣха великое мѣсто во чрево, повыше пояса, против правого рама, и левкас до доски. Священницы же, сие видѣвъ, также государевы бояре и воиводы и всѣ православные християне, над страстотерьпцевым образом тако збывшеся, глаголаху ко святому великомученику Христову Дмитрию: «О великомучениче и победоносче, виждь врагов наших дерзость, не токмо над нами, но и над святым твоим чюдотворным образом поругающеся. Но молися, святе Дмитрие, ко Господу и избави нас своею милостию и помощию от враг наших, якоже за свой град Селунь милостиваго Владыку умоли и якоже пособивый иногда великому князю Александру Невскому на великом Чюдцком озере над погаными нѣмцы, того же великого града Пскова обороняющему: яко милостивное свое пособие увиривъ, от того же твоего чюдотворнаго образа из деснаго уха сергу изобрести на великом побоищи великого князя Александра Невского с нѣмцы. Тако нынѣ, святый Дмитрий, яви милость свою и избави нас и град нашъ Псков от враг наших, злогордыя литвы».

Что же сие чюдо, како молчанию предадим? Но и сие милосердие Божие требѣ объявити.

Того же дни, егда безаконных дерзость и до святого образа страстотерпца доиде, того дни и совершения литовского короля умышление и всѣх его первосовѣтников поведеныя под город подкопы всѣ именно открышася, под которыя мѣста градовныя стены ведяху, сицевым образом. От литовского войска выходец нѣхто в город Псковъ утече, преже бывый руский и полоцкий стрелец именем Игнаш. Той же Игнаш государевым бояром и воиводам все именно, противъ коего мѣста подкопы ведут, и со стены на мѣста указуя. Государевы же бояре и воиводы сие яко слышаша, радости исполнишася, Богу же о сем, и Пречистей Богородицы, и святым великим чюдотворцом, и святому великому мученику Дмитрию, яже его ради святого образа и сие невидѣние Богъ откры, благодарение воздаяху. Противу же тѣх подкоповъ скоро и спешне слухи копати устремишеся, и сентября въ 23 день Божиею милостию наши руские слухи с литовскими подкопы сошлися и злозамышленное их умышления Христовым пособием разрушися, промеж Покровских и Свиных ворот. Такоже и иной подкопъ под Покровскою башнею переняше; такоже и иныя литовския подкопы за градом и сами обрушишеся. И тако милостию Божиею и сие их умышление всячески разрушишася.

Сие же видѣв литовский король безбожное свое умышление и своих первосовѣтниковъ в совершение не пришедши помыслъ, и паки приступами повседневными на градовную стѣну покушаютца восходити и окрадообразным образом многою силою во град воскочити. Руские же, християнское воинство, ни к починанию их восхода на стены не попущающи. Ако же литва на старыя свои градоемныя обычеи искушениемъ своих несовершенных помыслъ сами в собѣ истязуютца: «Да понѣ како во граде смятение учинивъ, можем на проломные мѣста во град внити». Из-за Великие реки, розжигая ядра, по хоромом стреляти начаше октября въ 24 день, и той день мало не чрез весь стреляше. И милостию Божиею и от того литовского замышления Богъ соблюде великий град Псков ничимже невредим.

Видѣв же гордонапорная литва, яко и тѣмъ ничегоже поне мало от хотѣния своего не улучиша, но инже и зѣло напорен совѣт совещаютца. От тое же Покровския башни наугольной и до Водяных Покровских ворот от Великия реки октября въ 28 день прискоча литовские гайдуки и градоемцы и каменносѣчьцы под градовную стѣну и, необычне сотвореными от них щиты закрывся, почели каменную стѣну подсекати кирками и всякими каменодѣльными запасы, абы вся стѣна от тое стороны подсечения их ради на Великую реку повалилася. Подлѣ тоя же стѣны древяная стѣна укрѣпления ради у каменныя стѣны поддѣлана, сию же огнем зажещи хотя. В тѣ поры из-за Великия реки из наряду по всему народу, во граде у того мѣста стоящих, стреляти умыслиша и сим град свершенне взяти чаяху.

Государевы же бояре и воиводы сие их умышление над градом видевше, такоже и к сему их умышлению крѣпко градовное и воспротивное им сотворяют: повелевают смолье зажигати и на них и на щиты их метати, абы восполенми огня щиты их загорѣшася, и горкотою ради дыма и самем имъ испод стены выбегати или тамо згорѣти. Литва же вся сия от

понужающих их и неволею терпяху, и воспротивне стояху, и крѣпко и напорне стѣну подсекающе.

Государевы же бояре и воиводы повелѣша противу их подсекания зѣло частыя окна провертѣти сквозѣ древяную и каменую стѣну, и ис тѣх оконъ умыслиша из ручниц по них стреляти и копии колоти. Также и смолу горячую, и деготь, и вряток на них льюще, также и лен осмолив, зажигая, на них металше, также кувшины з зельем на них метая. Литовския же гайдуки, елицы их утвержашеся, сии же стѣну подсекаху; и елицых же огнь и дым заимаше, претерпевати же невозможно, скорозѣлным бѣгством испод стены бежаху. На тѣх же скорых литовских гайдуков скорогораздыя псковские стрельцы з долгими самопалы изготовлены, яко ни единому утещи даяху. Елицы же их литовские градоемцы глубоко под стену подсекошася, яко и без щитовъ возможно подсекати, и водолитьем же и огнем запалением выжигати не вмещашеся. И на таковых, безстужих, благомудрыя государевы бояре и воиводы и с мудрыми и християнскими первосовѣтники о градоукреплении умыслиша: великия кнуты повелѣша на шесты навязати, по концам же привязывати желѣзныя пуги с вострыми круки. И сими кнуты, егда из града за стену противу литовъских подсекателей ударяху, пугами же тѣми и острыми крюками, яко ястребими носы испод кустов и на заводях утята, извлачаху. Кнутяными же тѣми желѣзными крюками егда литовских хвастливых градоемцов за ризы их и с тѣлом захваташе, и тѣми их испод стены выторгаша; стрельцы же, яко бѣлыя кречаты сладкий ловъ, из ручниц телеса их клеваше и никоими образы литвы утекати не даяху.

Сие же видѣв, бѣдные литовские градоемцы, и гайдуки, и каменщики, яко и сие их гордых воивод неполнаго понужение никоими образы претерпевати, в станы х королю своему прибежавшу, от нужи сердца с плачем глаголаху: «Да повелит твое величество, государю кралю Степане, яко бы нам всѣмв станѣх от меча твоего умрети, а не вели и до единаго под замком Псковом побиваемым быти. Зѣло бо и до горла крѣпце горазди из замка Пскова битися руские люди, и изрядне горазда мудры начальныя их гетманы противу всяких наших замышлений, и никоими образы воспротивитися им можем». Король же, сия слышав от своих надежныхъ градоемцовъ и гайдуковъ, внятне же сие слова в сердцы своем зазря, но толико им отвѣща: «Пане гайдуци, два или три приступа к городу сотворите ми, але яко не возможем, на вашей волю сотворю вам и из шанцовъ от замка отведу».

Также повелѣ из-за Великия реки безпрестанно по вся дни по стенѣ из норяду бити, также повелѣ и повседневным приступом быти. Сие же из норяду по граду биша сряду 5 дней, во всю же ту пять день крѣпкими приступами к городу приступаше, стѣну же ту городовую и от тое стороны, от Великия реки, збиша. Тогда же послѣди, ноября въ 2 день, великим приступом от Великие реки по леду приступаху, яко гетманом их и рохмистом на конех заѣзжая, саблями гайдуков секуще, к городу приступати понужая. Они же егда к городу зыкнутца, из города же их, понужаемых гайдуков и с понужающими их рохмисты, яко мостъ по леду положиша. И тако Божиею милостию и того дни спасен быть великий град Псков.

По отписыванью же къ государю от его государевых бояр и воивод из осады, из его государевы вотчины, именитого града Пскова, битых и раненых в первой в большой приступ людей в прибавку прошения осадных людей на отстояние по Бозѣ граду Пскову от множества литовского краля замышления благовѣрный царь государь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии, сие слышав, во своем царьском величествѣ, в своих стрелецких приказех повелевает на осаду *в* прибавку скрозѣ литовскую силу пройти во Псков град головѣ стрелецкому Федору Мясоѣдову[72] с своим приказом, с стрельцы. Стрелецкий же голова Федор Мясоѣдовъ, царьское ему повелѣние совершенне исправити хотя, мужеством же своим и дерзостию весь страх литовския силы отложиша, и Божию милостию вооружившеся и царьским нароком укрѣпившеся, животом же своим на смерть пременив, Христовы ради вѣры и царьскоя желательнее милости и боязнества ради царьские грозы скрозѣ литовские силы добр здоров прииде и со всѣм своим прибором. И егда же во Псков приход его слышавъ, государевы бояре и воиводы и весь, яже о Христе руская воинства, яже во Пскове собор, велие благодарение о сем Богу и государю воздаша; литовския же силы велие уничижение и страх от сего бысть за неувѣдение приходу руския силы во град Псков.

Видѣвше же сие гордый король, яко никоими образы, ни злыми своими замышлении не возмогоша града Пскова взяти, и повелѣ рохмистом з гайдуки от града в станы отойти и наряд отволочи. И тако ноября въ 6 день, на память преподобнаго отца нашего Варлама Хутынского, въ 4 часъ нощи, всѣ литовские гайдуки и рохмисты из ямъ вышли и наряд из-за всѣх туров отволокли. Государевы же бояре и воиводы, такоже и христолюбивое воинство и со всѣми пребывающими во Пскове народы, о сем слышавше, благодарно и радостно хвалу Богу воздаша, надѣя же ся, яко вскоре и королю со всѣмъ воинством отоити.

Но еще королю под градом стоящю и всяческии о своемъ бездѣлном приходе размышляюще, тако и коими образы покрыти студ и срамоту лица своего и како дщую свою и гордую похвалу мало нѣкако исправити. Занеже бо за высоту гордыни зѣло низпаде, многоя своя имѣния истощая, жалаемаго не получи, безчисленное свое войско помори, а хотѣмого себѣ взяти град Псков не одолѣ, но и зело несказанна срама исполнен сый. Егда бо литовскому королю Степану подо Псковом стоящу, в та времена благовѣрный царь государь посылает войском на Литовскую землю воивод своих, и тамо, в Литовской земли, государевы воиводы многие литовские грады обвоиваша и поплениша и здравы на Рускую землю возвратишася с великим богатеством и плѣном. Сего ради король всяко размышляюще.

В та же времена к нему приѣхавше лютерския вѣры римского латынского папы протопопъ Антоней.[73] Король же, сего видѣв, велми о сем радостен бысть. Первого же сего собѣ в совѣт приемлет, и неисправление своего желания протопопу Антонию открывает, и покрова своему сраму, помощи от сего просит; вкупе же совѣтуют, яко бы хоти с государемъ нашим мир возсприяти. Оле премудрости и милости Божии, яко гордыя Господь смиряет, а смиренныя возносит![74] Иногда литовский король глаголаше, яко с руским царем о мире

никако ни в помысле, рече, прииму, нынѣ же сам совѣтует, абы з государемъ нашим мир восприяти. О сем же совѣт король с радостию составляют, такоже ко государю царю и великому князю гонцовъ своих посылают, абы послом у них съѣздъ учинити.

Протопоп же Антоней Игнилатово лукавства и вся яко збойливыя лисицы лесть в собѣ восприемлет,[75] и наперед съѣзду послов государю собя являет, и по обѣих стран хотѣнию помирити учиняетца, и послана собя от римского папы для помирения государю и королю сказуетца. Король же сего совѣту начало составляет: самъ же король ото Пскова во свою Литовскую землю отходит того же девятьдесятого лѣта под семою тысящею, декабря въ 1 день, на память святаго пророка Наума. Подо Псковом же оставляетъ пана канцлѣра, польского гетмана, и с ним многие люди еще на осаду великому граду Пскову, страша и претя, яко стоянием выстояти, или гладом выморити, или всякою нужею объемся во граде, зданья граду Пскову чаяху. Таков же совѣт свой король поляку канцлѣру оставляет, сам же король в Литву отъѣзжает. Поляк же канцлѣр тоже Псков град выстояти и взяти похваляетца.

Что же твоего ума, польский кралю? что же твоего еще безбожного совѣту, князь великий литовский? что же твоего домыслу, Степане? Яко вѣтра гониши, или в морстей пучине путь нахожение видѣти хощеши, или высокапарна орла стези считаеши? «Жестоко ти есть противу рожна стояти![76] Аще Богъ по нас, ты ли на нас?!»[77] От сего же и яве твоего безумия обличения, яко при себѣ и при своем животѣ всякими своими разными размышлении великого града Пскова не взял еси, нынѣ же, по своем уничиженномъ и срамном отшествии ото Пскова града, холопу своему велиши взяти великий град Псковъ. Оле глупости! оле разума! глава ногам бесѣдует, государь рабу своему честь воздает! Аще бы преже твой которой воевода посланъ тобою под которой град и по повелѣнию государя своего исправление не учинит, ничто же дивно; аще ли сам господинъ, не исправя, холопу исправити велит — безчестно есть се и от простых, не токмо от начальных; аще бы и сам исправил еси.

Но что же се хвалиши во злобе сильней безакония? Не своею бо силою одолеваеши нас, но за свои грехи смиряемся. Глаголет бо писания о пленении Иерусалима Титом,[78] царем римским: «Не Тита деи, рече, Богъ любя, но Иерусалимъ казня». Ты же похвалися еси до конца разорити царьство християнское. Како смѣл еси своим дерзным языком такое похваление изрещи — християнское царство разорити, или предтеча еси уного предъявляемаго отступника? Глаголет бо Писания: «Нѣсть языка под небесем, иже возможет одолѣти царьство християнское»,[79] яже посредѣ водружена крестная крѣпость, имже вселенстии концы зѣло премудри написуютца по широтѣ, и долготѣ, и высотѣ, и глубинѣ. Кая бо крѣпость или сила возможет когда крестную силу отписати? Его же чтуще, християнское царство недвижимо пригвождьшимся на нем владыкою Исусъ Христомъ соблюдаетця. Егда же приидет отступления и открыетца человекъ беззакония, сынъ погибельный, егда бо, рече апостолъ, «упразнитца всяко начало и власть, тогда бо, рече, и сам Сынъ предастъ царство Богу и Отцу».[80]

Кое убо царьство яве, яко християнское? Аще ли же видим крестьянское царство смиряемо от Бога всякими казньми, но за грѣхи смиряемо. «Егоже бо любит Богъ, того и наказует, бьет же сына, егоже приемлет».[81] Приразят бо ся, рече, вся царства ко християнскому царьству со всѣх четырех стран, но не удолѣют свершенне. Якоже искушеное злато, християнский искуситца град всякими искушенми, «но претерпѣвый, рече, до конца и спасетца».[82] Якоже и сам Спасъ нашъ рече во Святом Евангелии: «И убо пришед, сынъ человеческий обрящет вѣру во время умоления вѣры».[83] За *сию* же Христову вѣру совершенне изволяем помирити, на него же и надѣемся, яко избавит нас от находящих бѣд. Писано бо есть: «Многи скорби праведным, и от всѣх их избавит я Господь»;[84] «Потерпи Господа, и вознесет тя, еже наслѣдити землю».[85] Настоящее же да глаголетца.

Королю же литовскому во свою Литовскую землю отшедшу, польскому же гетману, пану канцлѣру со многою силою под градом Псковом оставившеся, Пскову же граду еще в осаде пребывающу. Государевы же бояре и воиводы изо Пскова града на литовское воинство в разныя ворота частыя выласки сотворяют, и Божиею милостию литовское воинство побивают, и языки во град хватают. Ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии государевы бояре и воиводы изо Пскова много з грамотами гонцов посылаша, о всѣх настоящих, яже во Пскове, и надежею на Бога неослабно государю писуще, сие королевское стояние, и королевской от города отход, и воивод его, пана канцлѣра с товарыщи, подо Псковом стояние государю извещающа. С сими же грамоты изо Пскова многие гонцы ко государю скрозѣ литовъское воинство проходяще.

Государь же о своей вотчинѣ, о граде Пскове, благоздравное и християнское над литвою победительное, такоже и короля литовского от града Пскова срамом бежательное слышав, велие благодарение о сем Богу и Пречистей Богородицы и всѣм святым воздаша и со благовѣрными царевичи и з своими царицами. Пресвещенному же митрополиту в царьствующем граде Москвѣ повелѣ повседневъныя молебны пѣти, такоже и во всѣх архиепискупях и епискупях сицевое молебное совершающе.

Канцлѣру же пану, польскому гетману с литовскою силою подо Псковом стоящу, граду же Пскову всячески войском обдержаще в осаде, градоемным же дѣлом ни с коимъ ко граду не смѣюще приближитися, но токмо стоянием своего войска град Псков обдержаще. Государевы же бояре и воиводы над их стоянием такоже промышляют: великую выласку конными и пѣшими из Великих ворот генваря въ 4 день выступиша, и в той же выласки многих добрых и славных, именитых, яко *более* 80 панов убиша, такоже и языков нарочитых в город ухватиша. Сия же конечная выласка бяше. Всѣх же тѣх вылазок из града 46,[86] а приступов бяше литовских ко граду Пскову 31.

Злосердый же той, великий, гордый полякъ канцлѣр, сие видѣвъ, внезапу кончину своим великим именитым и храбрым паном, в великую кручину впад. На государевых же бояр и воивод великое умышление

умышляют, наипаче на государева боярина и воиводу, на князя Ивана Петровича Шуйского, сицевым образом.

Того же месяца генваря въ 9 день, пришол из литовского воинства руской полоненик во Псков, а принес с собою велик ларец. Сего же полоненика в город приемшу и ко государевым бояром и воеводам пришедшу, он же той ларец и грамоту у себя сказал, прислано от королевского дворенина, от Гансумелера. В грамоте же подписано: «Единому государеву боярину и воиводе, князю Ивану Петровичю, Гансумелеръ челом бьет. Бывал есми у вашего государя с немчином, сь Юрьемъ Фрянбреником, и нынѣ воспомятовал есми вашего государя хлѣб и соль и не хочю яз на него стояти, а хочю яз на его государево имя выѣхати. А наперед себя послал с вашим полоненником свою казну в том ларцѣ, которой онъ тебѣ ларец принесет. И ты бы, князь Иван Петровичь, тот мой ларец у того полоненика взял и казны моей в том ларцѣ един досмотрѣлся, а иным бы еси не давал смотрѣти. А яз буду во Псков тотчас по времени».

Государевъ же боярин и воивода князь Иван Петровичь грамоту прочет и з своими товарыщи посовѣтовав, ларец же тот почаяв, яко с оманом ему быти, и повелѣша добыти таковых мастеров, которыя ларцы отпирают, и далече из воиводцкия избы своея сьѣзжия избы вынести и отомкнути, всяческии бережася. Сему же мастеру тот ларец отпершу, в нем же видят полна да исполнена: 24 самопалы занаряжены на всѣ четыре стороны, на верхъ же их всыпано с пуд зелья, заводным же замкам ременем приведеным к личинки ларца, за него же токмо принятися, заведеным же самопальным заемком огненым всѣм отпад, огнем запалитися. Таково бѣяше канцлѣрово умышление сицево и сподручных ему лукавый совѣт над государевым боярином и воиводою, над князем Иваном Петровичем Шуйским; за его правую государеву службу, и за его непобедимое воиводство, и за его благоразумный разум въ государевых дѣлех против государевых недругов, и всѣх королевских умышлений, и канцлѣровы похвалы, и всего литовского воинства гордости, сицевым образом хотяше уморити.[87]

Но что, реку, твоея безумныя гордости, глупый воивода, канцлѣре и с подручными твоими с товарыщи? Затѣял еси выше думы дѣло, выше же Бога совѣт. Но аз тебѣ реку вскоре: егоже Богъ хранит, того не может ни вся вселенная убити, а егоже Богъ предастъ, ни вся вселенная не можетъ укрыти. «Праведный бо, рече, живъ будет»,[88] в него же мѣста предаетца нечестивый. Рече бо Господь в Святом Евангелии своим учеником, не токмо сим единем, но и вѣрующим въсѣм истинною вѣрою во имя его: «Се даю вам власть наступати на змию и на скоропию и на всю силу вражию, ничто же вас не вредит».[89] Мы же Христовою благодатию царьскую Христову печать на лицех своих, крестъ, воображающе, вся ваша бесовская умышления Христовым пособием можем низложити.

И от всего смертоноснаго лукаваго умышления в Троицы славимый Богъ и Богородица соблюде и государева боярина и воиводу, князя Ивана Петровича Шуйского с товарыщи невреди, но и того ничим невреди, яже той ларец отпиравый.

Посем же днем мало минувшим, того же месяца генваря въ 17 день, от полуденныя страны богохранимаго града Пскова, от Нерукотвореннаго образа ис Поля, идѣже литовский воивода, польский гетман, канцлѣр с литовским войском в станѣх стояху, от тѣх панов литовских станов многия люди конныя и пѣшия показашася, к городу идуще. Государевы же бояре и воиводы, сие видѣв, от литовского войска приступу к городу чаяху и со всѣм християнским войском с ними на бой уготовившися. Помале же видяху, яко литовскому воинству оставляющеся, от них же един конный к городу устремися; егда же видѣвъ, яко руский, великого князя сын боярской Александра, именуемый Хрущовъ, сему же в город вьѣхавшу, государевым бояром и воеводам грамоты отда от государевых послов. И того дни первие извещения во Псков прииде государевым бояром и воиводам, что государевы послы по государеву приказу с королевскими послы мир учинили.[90]

И тако великим и неизреченнымъ Божиим милосердием Пребезначальныя Троица и помощницы нашея и молебницы о всем роду християнском, истинныя Богородица и Приснодевы Мария; и заступлением пребожественных *сил,* и предстательством и молением великих святых чюдотворцов: и великого преименитого в чюдесах чюдотворца Николы; и Пребожественныя Троица, три солночныя зари, боговидѣнием зрѣти сподобишася, и началницы основания богохранимаго того града Пскова, и начальницы во Христа истинныя вѣры всеа Руския земли, благовѣрным царем и великим князем благому корени, благовѣрныя и христолюбивыя великия княгини Олги,[91] нареченныя во святом крещении Елены; и святого правнука ея, благовѣрнаго князя Гаврила-Всеволода; и преподобнаго отца нашего Ефросина,[92] псковских чюдотворцовъ, и всѣх святых молитвами благовѣрный и христолюбивый царь государь и великий князь Иванъ Васильивичь всеа Русии в свою государе*ву* вотчину, град Псковъ, и вся пребывающая в нем от литовского короля и от всего его войска, имиже Богъ вѣсть судбами, избави.

Потом же, месяца февраля въ 4 день, польский гетман, канцлѣр ото Пскова града со всею силою литовскою отоиде в Литовскую землю. Тогда же во граде Пскове яже заключеная врата отверзошася, и сицевым образом совершителство повести сия конец прият.

Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове, от жителя того богоспасаемаго града Пскова, художеством зграфа, имя же ему есть сие:[93] единица дважды, со единем, пятьдесятница же усугубити дважды, и четверица сугуба, *и тридесятица, с пятерицею,* совершает же ся десятерицею, и всѣх обрящеши писмен семъ.

И меня же грѣшнаго и всѣми недостатки исполненаго да зазрит вашего любомудрия исправления, и своим совершением и нашими недостатки исполните по Писанию: «Друг другу тяготы носите и тако исполните закон Христовъ».[94]

Слава исконному, и вышеименному, и вся сотворшему Вседержителю, в Троицы поклоняемому, со Сыном славимому, со Святым Духом воспеваемому, в вышних ото ангелъ славимому, в них же от человѣкъ

воспеваемому и от всея твари поклоняемому, Безначальному Отцу со Единородным Сыном и со Святым, Благим и Животворящим его Духом и нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

---

[1] *...царевиче князѣ Иване Ивановиче...* — Иван Иванович (1554—1582), старший сын Ивана IV от первого брака, участвовал во многих походах своего отца.

[2] *...царевиче князѣ Федоре Ивановиче.* — Федор Иванович (1557—1598), второй сын Ивана IV от первого брака, будущий царь.

[3] *...от Вифлянския земли нѣмец...* — Ливонские (лифляндские) немцы. Ливония (Лифляндия) — в XIII—XVI вв. конфедерация пяти феодальных государств, расположенных на территории по побережью Финского залива и Балтийского моря (совр. Латвия, Эстония), завоеванной в XIII в. немецкими рыцарями-крестоносцами, образовавшими здесь Ливонский орден. С 60-х гг. XVI в., после поражения Ливонского ордена, Ливонией называлась территория южной части Эстонии и северной — Латвии, подчиненная Речи Посполитой.

[4] *...святое мѣсто Успение Пречистыя Богородицы Печерского монастыря...* — Псково-Печерский монастырь находился на границе с Ливонией и имел важное оборонительное значение; главный монастырский храм посвящен Успению Богородицы.

[5] *...за Богородицын дом...* — Имеется в виду Псково-Печерский монастырь.

[6] *...в соборную церковъЖивоначальныя Троица...* — Троицкий собор в Псковском кремле, главный храм Пскова.

[7] *...к сроднику своему, к благовѣрному великому князю Гаврилу-Всеволоду...* — Всеволод-Гавриил Мстиславич (ум. в 1138 г.), внук Владимира Мономаха, князь Новгородский. Изгнанный новгородцами, Всеволод был приглашен в Псков; только год княжил Всеволод в Пскове, но оставил о себе добрую память, уже в конце XII в. начинается, по-видимому, его почитание как патронального святого, защитника и покровителя города, в 1192 г. его мощи были торжественно перенесены в Троицкий собор (здесь они покоятся и ныне), на соборе 1549 г. было установлено его общерусское почитание.

[8] *...Вифлянскую же землю до конца повоива...* — Поход 1577 г. был одним из самых удачных походов в истории Ливонской войны, были покорены все бывшие ливонские земли, за исключением Курляндии, городов Ревеля и Риги.

[9] *...воинством на новоприемныя государем грады воополчаютца...* — В 1578 г. в земли, завоеванные Грозным в 1577 г., вторглись войска

курляндского герцога и виленского воеводы Николая Радзивилла, им удалось овладеть рядом городов, в числе которых был Венден (Кесь).

[10] *...паки в третьеѣ лѣто первого своего походу во отмщение на них пути ся приемлет.* — В 1579 г. Иван Васильевич готовился к осаде Ревеля, в Курляндию им были посланы войска под предводительством воевод В. Д. Хилкова и М. А. Безнина.

[11] *...росийского государя нашего измѣнников, князя Ондрѣя Курбского с товарыщи.* — Участие Курбского «с товарыщи» в походе 1579 г. подтверждается посланиями Ивана Грозного и Стефана Батория.

[12] *...яко желателни елени, по Писанию...* — Ср.: Пс. 41, 2.

[13] *...войску же своему вооружатися повелѣ и готовитися и с ними на Рускую землю устремися...* — В течение 1578—1579 гг. Баторий собирал войска, в июне 1579 г. официально объявил войну русскому государству.

[14] *...к старому Литовския земли их граду к Полодцку...* — Полоцк — один из древнейших русских городов; в XIII в. был завоеван Литвой, в 1563 г. вновь присоединен к России Иваном IV.

[15] *Рускому же государю нашему шествие пути на нѣмцы творяще, достигшу же ему... Пскова...* — Иван Грозный летом 1579 г. намеревался совершить поход на Ревель, принадлежавший Швеции. Будучи уже в пути, он получил известие об объявлении войны Баторием. Не зная его планов, Иван IV отправил войска на юг Ливонии, сам остановился в Пскове. Здесь он узнал о том, что королевская армия приближается к Полоцку.

[16] *...литовский король Полотцко взял и со окрестными его грады.* — Полоцк был взят 31 августа 1579 г.

[17] *Многие же и бесчисленныя государевы воиводы и вой в Полотцки и во окрестных гра-дех храбромужествовавше... ноипаче во градѣ Соколѣ...* — Полоцк не сдавался более трех недель и был взят только после сильного пожара в крепости; причем воеводы пытались взорвать крепость и себя, лишь бы не сдаваться в плен неприятелю. Крепостные стены Сокола удалось сразу же поджечь раскаленными ядрами, и 11 сентября город сдался. Захватчики учинили в Соколе страшную резню (см. *Гейденштейн,* с. 79). Псковская летопись сообщает, что под Соколом было убито 40 000 человек (Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 262).

[18] *По сем же, 87-го году под седмою тысещею, во второе лѣто по Полотцком взятии... устремление пути показует на Рускую землю... тамошныя украины приемлет...* — 19 июля 1580 г. из местечка Чашники, расположенного на пересечении дорог, ведущих в Смоленск и Великие Луки, Баторий повел свои войска к Великим Лукам, на пути

были завоеваны Велиж (7 августа) и Усвяты (16 августа). Со взятием Великих Лук перед Баторием открывался путь на Псков и Новгород.

[19] *...яко забывше Бога... рече Писания.* — Ср.: Суд. 3, 7; 1 Цар. 12, 9.

[20] *В Великий же Луки воевод своих посылает и во окрестныя его грады...* — В Великие Луки Иваном IV были посланы князь Ф. Лыков и воеводы М. Кашин и Ю. Аксаков. Значительные силы русских под командованием князя В. Д. Хилкова были расположены в районе города Торопца.

[21] *...послы своя посылает, дабы з государем нашим мирен был.* — С апреля 1580 г. Иван IV через своих послов пытался убедить польского короля начать мирные переговоры. Баторий согласился на короткое перемирие сроком на пять недель (от 14 июня 1580 г.). За это время он успел окончательно подготовиться к походу и стянуть войска к Чашникам.

[22] *Василий Федорович Скопин-Шуйский* — ум. в 1595 г., пожалован в бояре в 1577 г., участвовал во многих Ливонских и шведских походах Ивана IV и Федора Ивановича, неоднократно назначался первым воеводой в государев полк, был воеводой и наместником в Пскове, Новгороде.

[23] *Иван Петрович Шуйский* — ум. в 1588 г. Был назначен в Псков вторым воеводой. И хотя по чину он был моложе В. Ф. Шуйского-Скопина, именно на нем лежала вся ответственность за оборону города. И. П. Шуйский участвовал во многих походах: Полоцком (1563 г.), Крымском (1572 г.), Ливонском (1573 г.). В 1574 г. пожалован в бояре и назначен вторым наместником в Псков.

[24] *Никита Иванович Очин-Плещеев* — ум. в 1604 г., окольничий и воевода, участник многих походов. До Пскова был воеводой в Смоленске, Изборске, Туле, Новосиле, Кукейносе и др., затем в Смоленске, Серпухове, командовал большим полком московских войск на Украине, защищал Москву от крымских татар, участвовал в походе на Выборг против шведов.

[25] *Андрей Иванович Хворостин* — ум. в 1604 г., окольничий и воевода, был воеводой в Калуге, Тарусе, Новгороде, Новосиле и др., прославился блестящей победой над крымскими татарами в 1566 г.

[26] *Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский* — ум. в 1617 г., был воеводой в Руссе, Новгороде, Брянске, Торопце, Рязани, участвовал в штурме Нарвы 1590 г., отправлен по указу царя воеводой в Тюмень, затем бился с турками на Кавказе, был воеводой в Терсках, потом Нижнем Новгороде.

[27] *Василий Михайлович Лобанов-Ростовский* — ум. в 1606 г., начиная с 1575 г. был воеводой в Пронске, Коломне, служил в государевом полку во время Ливонского похода 1579 г., был наместником в Торопце, воеводой в Иван-городе, Свияжске, Кашире, Астрахани.

[28] *Головы же и дѣти боярские, и головы стрелецкие...* — Голова — начальник десятка детей боярских; дети боярские — низший чин провинциального дворянства; голова стрелецкий — начальник стрелецкого полка (500 стрельцов).

[29] *Королю же литовскому Степану под Луки Великия пришедшу...* — 27 августа польско-литовская армия подошла к Великим Лукам. 28 августа в лагерь Батория прибыли московские великие послы. Условия мира (Иван Грозный уступал только те города в Ливонии, которые уже были в польских руках, и часть западнорусских городов, взятых Баторием, но требовал обратно Полоцк) не были приняты Баторием, он требовал кроме уже захваченных городов Псков и Новгород.

[30] *...предаде Богъ сему агаренину Луки Великие и со окрестными грады...* — 5 сентября, после сильного пожара в городе, Великие Луки были захвачены войсками Батория. Вслед за ними взяты Невель, Озерище, Заволочье.

[31] *...извычнии его гетманы с подручными имъ мертвотрупабиядателными псы...* — Это один из самых сложных образов в «Повести»; возник он, вероятно, не случайно. В Послании Ивана Грозного к Стефану Баторию говорится, что, взяв город Сокол, воины Батория поступили с мертвыми русскими боярами «собацким обычаем», «выбирая воевод и детей боярских лутчих мертвых, да у них брюха възрезывали, да сало и жолчь выимали как бы волховным обычеем».

[32] *...въ царствующем граде Москвѣ, в соборной церкви Пречистыя Богородицы...* — Успенский собор в Кремле, здесь хранилась икона Владимирской Богоматери, почитавшаяся как общерусская святыня.

[33] *Пригород* — город, находящийся в определенной административной зависимости.

[34] *Во иныя же страны и во многие языки молебносовещателными грамоты... посылает...* — По окончании военной кампании 1580 г. Баторий сразу же начал готовиться к летнему походу следующего года. Он обратился к Георгу Фридриху, герцогу Прусскому, и курфюрстам Августу Саксонскому и Иоганну Фридриху Бранденбургскому с просьбой о денежной помощи. Вел переписку со шведским королем, который побуждал Стефана к войне против московского царя, с князем Трансильванским Христофором о наборе венгерских всадников и пехотинцев. Письменное поручение о наборе немецких солдат было дано Фаренсбеку *(Гейденштейн,* с. 162—163, 172, 177—178).

[35] *...якоже хитрословцы научат и пишут... гонит верблюда.* — Автор цитирует переводную повесть «Стефанит и Ихнилат», она построена в форме бесед царя и философа, который рассказывает царю занимательные истории, дидактически их истолковывая (см. наст. изд., т. 8, с. 210—273).

[36] *Первие, зѣло превеликого сказываху, паче же четвероограденъ всекаменными стенами... Чрез сего великого града... рецѣ текущей скрозѣ каменныя стѣны...* — Участник похода Батория Пиотровский писал в своем дневнике: «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж! Город чрезвычайно большой, какого нет во всей Польше, весь обнесен стеною, за нею красуются церкви, как густой лес, все каменные; домов за стенами не видно» (*Пиотровский,* с. 92, 94). В XVI в. город опоясывали четыре ряда крепостных стен, общей протяженностью около 10 км. Окольная стена защищала и Запсковье, район за рекой Псковой. Доступ в город по реке преграждали Верхние и Нижние решетки, представляющие собою стену с арочными проемами — «водобежными воротами», которые закрывались бревенчатыми, окованными железом решетками, так что действительно создавалось впечатление, что река течет «скрозб каменныя стбны».

[37] *И всяких наемных людей 60 000, а своих у него людей собрано 40 000...* — Численность королевской армии преувеличена автором «Повести».

[38] *...якоже древний горделивый Сенахирим...* — Излагается библейская легенда о чудесном избавлении Иерусалима от войск ассирийского царя Сеннахирима (Ис. 36; 37).

[39] *Король же литовский Степан... начата полки розряжати, коим его великим паном и гетманом в коем полку воиводами быти.* — В походе Стефана Батория на Псков командные должности занимали известные польские, литовские, венгерские военачальники, многие из них уже проявили себя в русских походах прошлых лет. Среди них особое место занимала семья Радзивиллов, крупных литовских магнатов: *Николай Радзивилл* — воевода виленский, великий гетман литовский (с 1578 г.), пользовавшийся большим политическим авторитетом; *Христоф Радзивилл,* сын Николая, — участник всех войн Батория, за воинские таланты получил прозвище «Гром», стал впоследствии великим гетманом литовским, во время осады был гетманом надворным, кастеляном Трокским; его брат — *Николай Радзивилл* был воеводой Новогрудским. В походе участвовали также *Николай Христоф Радзивилл,* великий маршалок Литовского княжества, и *Альберт Радзивилл* (в «Повести» он назван Онбрихтъ Радив), надворный маршалок литовский. *Николай Сапега* выполнял ответственные дипломатические поручения, участвовал в посольствах к Ивану Грозному. *Ян Дорогостайский* проявил себя во время полоцкого похода и командовал гарнизоном Полоцка после взятия города. *Филон Кмита* — весьма успешно действовал под Смоленском в 1579 г., был начальником гарнизона в Великих Луках, в 1580— 1581 гг. им и Николаем Радзивиллом Младшим были завоеваны Холм, Русса. *Евстафий Волович* в разное время был подканцлером литовским, кастеляном Трокским, Виленским. *Ян Кишка* (в «Повести» ошибочно Ян Тишка) — жмудский староста, королевский кравчий, часто выполнял посольские поручения, в частности вел переговоры с московскими послами под Великими Луками.

[40] *В болшом полку поставляет пана канцлѣра, гетмана великого польского...* — Великим гетманом был назначен в 1581 г. Ян Замойский (1541—1605). Он пользовался большой известностью на родине и в Западной Европе, имел репутацию хорошего администратора, славился образованностью, красноречием, бескорыстием. Был инициатором походов на русское государство.

[41] *...королю Степану... на рубежи Руския земля пришедшу... на Вороноч город пришол...* — Королевская армия двинулась на Псков из Полоцка 21 июля через Заволочье, где стояла до 3 августа, затем Воронич, который был взят еще в декабре 1580 г. Воронич — город-крепость на юге псковской земли, ныне Пушкиногорский район, один из самых крупных в XVI в. пригородов Пскова.

[42] *Поприще* — мера длины, равная приблизительно версте.

[43] *...король... под Остров пригород пришол...* — Город Остров, расположенный на реке Великой, был хорошо укрепленной крепостью, 21 августа, после того как была разбита часть крепостной стены, город был взят войсками Батория.

[44] *Ручница* — ручное огнестрельное оружие.

[45] *...литовскому воинству, пришедшу за пять поприщъ до Пскова града.* — Первые отряды королевской армии, которыми командовал племянник Батория Балтазар, появились у Пскова 18 августа.

[46] *Государевы же бояре и воеводы противу выласку сотворяют.* — Первая вылазка была 24 августа, о чем подробно рассказал в своем дневнике Пиотровский: «Скоро слезли с лошадей и не успели еще раскинуть шатров, как Радомский поспешил известить гетмана, что русские, сделав вылазку, сильно теснят воеводу Брацлавского, который с венгерцами проник до самого города. Не обошлось у нас без смятения. Гетман не дослушал даже обедни и в суматохе долго не мог дождаться коня, так как его отряд еще не пришел к месту стоянки. Он послал отряды на помощь» *(Пиотровский,* с. 92).

[47] *...в начале индикта, сентября въ 1 день начальный девятодесятаго лѣта, под седьмою тысещею...* — По старому счету времени новый год начинался с 1 сентября.

[48] *Туры* — большие плетеные корзины, засыпаемые землей, для защиты от ядер и пуль.

[49] *...в Угол, во храм Пречистыя Богородицы...* — В нескольких метрах от Покровской башни расположена церковь Покрова Богородицы (осн. в XIV в.) бывшего Покровского мужского монастыря. Это место, где крепостные стены сходятся под острым углом, вершиной которого является Покровская башня, издавна называлось «Углом».

[50] *...и около всего Пскова града, на Болшой Окольной стены и в Середнем городе...* — Пояса крепостных стен разделяли Псков на части

— Кремль, Довмонтов город, Средний город, Окольный город, соответствующие названия носили и стены — Довмонтова, Средняя, Окольная.

[51] *Охаб* — захаб, изогнутой формы каменный коридор за внутренней стороной ворот, с бревенчатыми боевыми настилами наверху, служил для надежной защиты ворот.

[52] *«Блажени бо... плод своих снѣдят».* — Пс. 127, 1—2.

[53] *«Услышите сия... вкупе богат и убог».* — Пс. 48, 1—2.

[54] *«Богъ нам прибѣжище... не убоимся»...* — Пс. 45, 1—3.

[55] *«Велий Господь... заступаетъ и».* — Пс. 47, 1—5.

[56] *«Богъ оставил есть его... избавляя и».* — Пс. 70, 11.

[57] *...Оботуре Степане...* — Автор иронически обыгрывает близкие по звучанию слова Баторий-Обатур. Обатур — в псковских говорах обозначает «гордец», «нахал».

[58] *«Господь сил с нами... Богъ Ияковль».* — Пс. 45, 8, 12.

[59] *... «яко во смирении нашем... от враг наших».* — Пс. 135, 23—24.

[60] *Раскат* — насыпь или помост для установки орудий.

[61] *...нахожения ради Темиря-Аксака царя...* — Избавление от нашествия Тимура на Русь в 1395 г. (захватив Елецкое княжество, он повернул назад) приписывалось заступничеству Владимирской иконы Богоматери, перенесенной из Владимира в Москву (см. Повесть о Темир-Аксаке в наст. изд., т. 6, с. 230—241).

[62] *...яко именитого Колтыри...* — Прозвище Тимура — Аксак по-тюркски означает «хромец». Слово «Колтырь» образовано от глагола колтать — колтыхать, имеющего значение «хромать, ковылять».

[63] *...зде же по Печерскую икону.* — Особо почитаемой в Псково-Печерском монастыре была икона Успения Богородицы. Готовясь к обороне города, икону перенесли из монастыря в Псковский Троицкий собор. Во время осады с нею совершали крестные ходы на места пролома.

[64] *...князя Доманта и Микулу, иже Христа ради уродивого...* — Довмонт 33 года княжил в Пскове (1266—1299), под его руководством псковичи неоднократно одерживали победы над Литвой и Ливонским орденом. Почитался псковичами как патрональный святой, защитник города. *Николай Салос* — псковский юродивый (ум. в 1576 г.). Предание приписывает Николаю спасение города от кровавых расправ Ивана Грозного в 1570 г.

[65] *«Яко силнии враги... исполнены благъ».* — Ср.: 1 Цар. 2, 4—5.

[66] *«Не помянетъ Господь... гнѣвъ».* — Ср.: Иона. 3, 9.

[67] *«Аще весь мир... измѣну на души своей».* — Мф. 16, 26.

[68] *Чеснок* — заграждение из вбитых в землю под углом острых кольев.

[69] *«Кая польза... безчестие...»* — Ср.: 2 Кор. 6, 14—15.

[70] *«Аще Богъ по нас... на нас!»* — Рим. 8, 31.

[71] *...образ ...великого мученика Дмитрия Селунского...* — Икона Дмитрия Со-лунского, воина, спасшего от врагов свой родной город Солунь, особо чтилась псковичами; ее заступничеству приписывались победы и военные удачи псковичей, в частности разгром немецких рыцарей на Чудском озере Александром Невским в 1242 г.

[72] *...повелевает на осаду в прибавку... пройти во Псков град головѣ стрелецкому Федору Мясоѣдову...* — Гейденштейн и Пиотровский сообщают о двух больших отрядах, пытавшихся пробраться в Псков 3 и 7 октября. Первый отряд во главе с Никитой Хвостовым был замечен поляками и разбит. Хвостов попал в плен. Относительно второго отряда, который возглавлял Ф. Мясоедов, Пиотровский сообщает, что 150 человек были взяты в плен, несколько десятков убиты, остальные (всего их было 700) спаслись, возможно, проникли в город. По Гейденштейну, из отряда Ф. Мясоедова было убито 150 человек, 60 взято в плен, а 300 проникло в город.

[73] *...римского латинского папы протопопъ Антоней.* — Под влиянием военных неудач Иван Грозный еще в 1580 г. обратился к папе римскому с просьбой о мирном посредничестве между Польшей и Россией. Встречные предложения Москвы об антитурецкой лиге вызвали интерес в Ватикане, и папа Григорий XIII послал с миссией посредника иезуита Антонио Поссевино (1534—1611). 13 июня 1581 г. Поссевино прибыл в Вильно к Баторию, 18 августа был в Старице у Грозного. Деятельность Поссевино в некоторой степени облегчила заключение мирного договора между Баторием и Грозным.

[74] *...гордыя Господь... возносит!* — Ср.: Пс. 146, 6.

[75] *...Игнилатово лукавства... восприемлет...* — Автор Повести сравнивает Поссевино с Ихнилатом, героем переводной повести «Стефанит и Ихнилат», — лукавым, хитрым, льстивым царедворцем (см. наст. изд., т. 8, с. 210—273). Хитрость Поссевино и его двойную роль в переговорах отмечали многие современники — и польские, и русские.

[76] *«Жестоко ти есть противу рожна стояти!»* — Деян. 26, 14.

[77] *«Аще Богъ по нас, ты ли на нас?!»* — Ср.: Рим. 8, 31.

[78] *...о пленении Иерусалима Титом...* — Тит (Флавий Веспасиан) — римский полководец и император, во время Иудейской войны (66—73 гг.) разрушил Иерусалим. Подробно об этих событиях рассказывается в «Повести об Иудейской войне» (см. наст. изд., т. 2, с. 254—293). Возможно, говоря о «писании», автор «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков» имел в виду именно это произведение.

[79] *«Нѣсть языка... царьство християнское»...* — Ср.: Деян. 4, 12.

[80] *...«упразнитца всяко начало... Отцу».* — Ср.: 1 Кор. 25, 24.

[81] *«Егоже бо любит Богъ... егоже приемлет».* — Притч. 3, 12.

[82] *...«но претерпѣвый, рече, до конца и спасетца».* — Мф. 24, 13.

[83] *«И убо пришед, сынъ человеческий... умаления вѣры».* — Ср.: Лк. 18. 8.

[84] *«Многи скорби праведным... Господь».* — Пс. 33, 20.

[85] *«Потерпи Господа... наслѣдити землю».* — Пс. 36, 34.

[86] *Всѣх же тѣх вылазок из града 46...* — Тот факт, что псковичи совершали частые и успешные вылазки, подтверждается свидетельствами с польской стороны. В дневнике Пиотровского, который кончается записями 15 декабря, зафиксировано 20 вылазок.

[87] *...пришол из литовского воинства руской полоненик во Псков, а принес с собою велик ларец... сицевым образом хотяше уморити.* — По свидетельствам участников событий, послать в Псков ящик, начиненный порохом, предложил офицер Остромецкий. Он сблизился с пленным русским, уверив его, что он, Ганс Миллер, служил раньше вместе с Фаренсбеком (реальное лицо, маршалок датского короля, был на службе у Грозного, затем перешел к Баторию) у московского царя, помнит милости царя и хочет вновь перейти к нему на службу, но вперед себя посылает ларец, который просит не вскрывать, а если его все же захотят вскрыть, то пусть сделают это в присутствии И. П. Шуйского. Пленный исполнил все, как ему было сказано (см.: *Коялович,* с. 577—578, 689— 691; *Гейденштейн,* с. 250—252).

[88] *«Праведный бо, рече, живъ будет»...* — Рим. 1, 17.

[89] «Се *даю вам власть... не вредит».* — Лк. 10, 19.

[90] *...что государевы послы по государеву приказу с королевскими послы мир учинили.* — Мирные переговоры между польскими и русскими послами начались 13 декабря в деревне Киверова Гора, в нескольких километрах от Яма Запольского, и продолжались больше месяца. 15 января было заключено перемирие на 10 лет.

[91] *...великия княгини Олги...* — Память Ольги (ум. в 969 г.) особо чтили в Пскове, так как согласно преданию она была псковитянкой.

[92] *Евфросин* — основатель Спасо-Елеазаровского монастыря под Псковом, ум. в 1481 г.

[93] *...имя же ему есть сие...* — Автор Повести применил тайнопись, основанную на цифровых значениях букв русского алфавита: «единица дважды» — 1 X 2 = 2 = в; «со единем» — 1 = а: «пятьдесятница же усугубити дважды» — 50 X 2 X 2 = 200 = с; «четверица сугуба» — 4x2 = = 8 = и; «и тридесятница» — 30 = л; «с пятерицею» — 5 = е; «совершает же ся десятерицею» — 10 = і; «и всѣх обрящеши писмен семь» — и всего в имени семь букв, то есть — Василей.

[94] *«Друг другу... законъ Христовъ»* — Гал. 6, 2.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ЛИТОВСКОГО КОРОЛЯ СТЕФАНА С ВЕЛИКИМ И ГОРДЫМ ВОЙСКОМ НА ВЕЛИКИЙ И СЛАВНЫЙ БОГОСПАСАЕМЫЙ ГРАД ПСКОВ; ОТКУДА И КАК И КАКИМ ОБРАЗОМ ПОСЛАЛ ЕГО БОГ ЗА ГРЕХИ НАШИ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ, И КАК ПО ВЕЛИКОЙ МИЛОСТИ ПРЕБЕЗНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ К НАМ, ГРЕШНЫМ ХРИСТИАНАМ, УШЕЛ ОН ОТ ГРАДА ПСКОВА СО СТЫДОМ МНОГИМ И С ВЕЛИКИМ СРАМОМ

Было же это в год 7085-й (1577), в царство благоверного и христолюбивого государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, и при благоверных его царевичах, царевиче-князе Иване Ивановиче и царевиче-князе Федоре Ивановиче.

Достойно правили государи наши православным христианским Российским царством, всех живущих под их царскою высокою десницею обороняли и защищали от соседних иноверных царей, и королей, и всяких военачальников, воюющих и разоряющих его, государя, Российское царство православных. Особенно твердо стояли и боролись они против врага за святые церкви и честные монастыри и за святую православную христианскую веру, ибо поставлен первопрестольный наш христианский царь на все четыре конца вселенной от Бога, повелевающего хранить святую христианскую веру и твердо ее держать и хранить непорочно.

В это же время в его государство пришла к нему, государю, из северной стороны Российского его царства весть о нашествии Лифляндской земли немцев, из всех народов самых злых воинов, и о насилиях их: они не только многим государевым городам и селам в той стороне много зла учинили и насилия, но и около чудотворного и святого места, Печерского монастыря Успения Пречистой Богородицы, все повоевали и привели в запустение и монастырю очень много зла причинили.

Христолюбивый царь-государь, князь великий Иван Васильевич всея Руси услышал, что не только его государевы города и близлежащие села разоряют, но и чудотворный Печерский монастырь, крепко вооружась, притесняют, и потому на отмщение царь-государь не только

свои войска посылает на лифляндских немцев, но и сам ополчается на врагов за Богородицын дом вместе с благоверным своим царевичем, князем Иваном Ивановичем. Приняв благословение от отца своего духовного, митрополита Антония, царь-государь пускается в путь. Прибыв в свою отчину, славный град Псков, благоверный царь-государь по чину распределяет в граде Пскове своих бояр и воевод, повелевает каждому в указанном ему полку воеводствовать и исполнять должное; ибо стоял этот город на границе с городами иноверных врагов, творящих насилие, и путь на врагов начинался из славного города Пскова.

Приходит благоверный царь-государь в соборную церковь Живоначальной Троицы и пред святым образом Живоначальной Троицы, коленопреклоненный, со слезами молит в Троице прославляемого Бога, дабы ему, государю, Бог даровал свыше милость свою и победу над иноверными врагами, творящими насилие над верующим во Христа народом. Также приходит он и к чудотворной иконе Пречистой Богородицы, слезы многие проливает пред святым ее образом, говоря: «Знаю, госпожа Богородица, что если ты просишь у Сына своего и Бога, то не оставляет он без внимания моления твоего. Помолись, госпожа Богородица, о рабе своем; и пусть исполнит Бог желание сердца моего, пусть укрепит руку грешного раба твоего в борьбе с врагами, творящими насилие над христианами, более того, над святым монастырем, в котором по изволению твоему угодно тебе славить имя свое святое, над живущими в нем слугами Сына твоего и Бога, славословящими пресвятое имя твое и тебя возвеличивающими». Приходит и к сроднику своему, благоверному великому князю Гавриилу-Всеволоду, псковскому великому чудотворцу, к честной раке его, и сего подолгу со слезами о молитве просит. Получив же благословение от печерского игумена Сильвестра знамением креста Христова, поклонясь чудотворным иконам и многие дары пообещав воздать святым местам и чудотворным святым иконам, особенно же Печерскому монастырю, в дом Пресвятой Богородицы, благоверный царь-государь отправляется в поход.

Когда достиг государь Лифляндской земли, прослышали жители Лифляндской земли, немцы, о царском на них нашествии, пришли в смятение и зашатались от страха, как пьяные, зная о сильном и храбром войске его и осознавая бессилие свое. Одни из них в иные земли побежали; другие в своих городах затворились, надеясь на крепость городских стен; третьи же колебались: обороняться ли в городе или же покориться и с дарами встретить русского царя, великого князя-государя, ибо знали они, что надежно укрепленные их каменные стены не смогут устоять против русских стенобитных орудий.

Божиею милостию и молением Пречистой Богородицы и святых великих чудотворцев царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси не только отомстил врагам Божиим, но и заслуженно прославился как властитель всей земли той Лифляндской. Некоторые их города силою взял, их жители никакой милости и пощады не получили. Другие же немцы с женами своими и детьми вышли из городов своих за несколько поприщ со многими дарами и царю

поклонились; по отношению к этим явил свое милосердие государь. Те же города, жители которых, надеясь на свою силу и крепость городских стен, твердо решили выдержать осаду, повелел государь до основания разрушить, а всех жителей с женами и детьми умертвить разными мучительными способами, чтобы и другим внушить страх.

И узнали от ближайших соседей Курляндской земли немцы, что перед российским царем-государем ни одна твердыня устоять не может, а приходящие к нему, государю, с дарами и с честию великое послабление получают; собрались военачальники страны той, курляндских немцев, на совет и решили послать к нашему государю со многими дарами своих послов и просить русского государя смилостивиться над ними и над их землею и обложить их ежегодной данью по его, государеву, усмотрению. Когда же они так и поступили, то смягчился государь, дары у них принял, им же на старых своих местах повелел жить, ежегодною данью их обложил и обратно в свою землю отпустил. Лифляндскую же землю всю завоевал, многие города взял, их жителей в плен отвел, богатство же их и бесчисленное золото, и серебро, и сокровища всякие в царствующий град Москву отвез. Сам же царь-государь в добром здравии и со славой победителя возвратился в свою отчину, на Русскую землю.

Вначале приходит государь в дом Пречистой Богородицы, Печерский монастырь честного и славного ее Успения, и преклоняет колена на мрамор помоста церковного у подножия чудотворной иконы Пречистой Богородицы, потоки слез из очей испуская, вознося из уст благодарные молитвы Богородице, все свои обеты Богородице исполняет, бесчисленное множество злата, и серебра, и драгоценностей передает в дом Пречистой, многие села, только что завоеванные, к монастырю присоединяет. Затем снова прибывает в Псков, снова приходит в соборную церковь Живоначальной Троицы и перед святыми иконами проливает благодарные слезы, Богу, и Пречистой Богородице, и всем святым, и благоверному князю Гавриилу-Всеволоду многорадостно сплетенные похвалы возносит, обеты свои все исполняет. После того в славный свой град Москву возвращается и там как прославленный победитель пред всеми предстает: не только в Российском его царстве, но и по всем окрестным царствам и королевствам пронеслась слава о высокой его победе над Лифляндией.

По возвращении же его, государеве, в свою государеву отчину, в славный царствующий град Москву, узнали курляндские немцы, что царь от них ушел и воинов своих по домам на покой распустил, и, надеясь на дальнее расстояние до их земли, собрались на новый совет, противоположный первому, вместе с укрывшимися у них лифляндскими немцами. Соединившись с силами Литовской земли, вместо дани они послали полки на только что взятые государем города, многим городам зло причинили, иные же из них вновь захватили.

Узнал русский государь, что они не только свои клятвы и свои законы забыли, но и к войне приготовились, и города захватывают, разгневался на них царь-государь и на третье лето после своего первого похода вновь выступил на отмщение.

Узнали враги и льстецы немцы о царском свирепом ополчении на них, и каждый стал думать о том, где помощи искать, от страха и трепета взволновались они, понимая, что бессильны, как муравьи. Приходят они в Литовскую землю к литовскому королю Стефану, в своей беде у него о помощи моля и, кроме того, поднимая его на войну с российским царем. Просителями же от себя к нему посылают богомерзких ненавистников христиан и осквернителей Христовой веры и силы креста Христова, не сохранивших веру, но преступивших клятву на кресте Христовом, российского государя нашего изменников, князя Андрея Курбского с товарищами. Эти ненавистники христиан, услышав их просьбу, охотно, будто жаждущие олени (как говорится в Писании), на христианского государя в своих помыслах ополчаются и обещают, подобно иудеям, против господина своего заговор составить, степенно и важно к королю литовскому приходят и поднимают его на войну с российским царем.

Он же всегорделивый совет их радостно принимает, ибо и сам тот литовский король, неистовый зверь и неутолимый аспид, лютеранской своей веры воин, всегда был рад кровопролитию и началу войн. Лютый и свирепый змеиный яд злобы из своей ненасытной утробы изрыгнув, он повелел воинам своим вооружаться и готовиться к походу и устремился с ними на Русскую землю, к бывшему Литовской земли городу Полоцку, на семнадцатый год после того, как взял его у Литвы государь наш.

Когда русский государь отправился в поход на немцев и прибыл в славный град Псков, прибежали гонцы из Полоцка с вестью, что литовский король Стефан со многим войском идет на город Полоцк. Царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, услышав о неправом его и коварном зверином устремлении, направил воевод своих и многие войска в города около Полоцка, а в Полоцк для усиления обороны послал военные отряды и стрельцов, ибо были с государем в собранном им великом войске люди и из тех краев.

За грехи наши Бог послал сильного врага на христиан. И вот к государю нашему в Псков пришла весть, что литовский король взял Полоцк и окрестные города. Многие воеводы государя и бесчисленные воины и в Полоцке, и в окрестных городах храбро бились и кровь свою проливали за христианскую веру, особенно же в городе Соколе. Узнав об этом, царь-государь закручинился, но сказал только: «Воля Господня да будет, что Господу угодно, так тому и быть». Сам же царь-государь возвратился в царствующий град Москву.

После того, в 7087 (1579) году, на второй год после взятия Полоцка, рассвирепел и возгордился лютый этот варвар, литовский король Стефан, вновь устремился в поход на Русскую землю по попущению Божьему за грехи наши. И захватил он русские окраины, и было это началом бед для Русской земли, ибо забыли мы Бога и вернулись к грехам, как говорит Писание. И надумал король идти на Великие Луки.

Царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, услышав о его свирепом нашествии, великой печали исполнился. В Великие Луки он воевод своих посылает, а в окрестных городах многое войско к осаде

подготавливает, к королю же послов своих отправляет, чтобы тот с государем нашим мир заключил.

Он же, всегорделивый, и слышать о мире не захотел, государевым же послам ответил отказом в оскорбительных и бесчестных словах. К тому же, словно из адской утробы изрыгнув затаенный уничтожающий яд злобы, он в сатанинском своем возношении гнев свой простер не только на Великие Луки и на окрестные города, но посягнул и на Великие Луки, и на славный град Псков, говоря: «Не только Великие Луки с окрестными городами захвачу, но и славный ваш великий Псков, подобно жернову каменному, поворочу против вас и буду в нем государем». Также многогорделиво он говорил и о Великом Новгороде: «Не может ни один город укрепиться и выдержать осаду великого польского короля и множества его храбрых литовских воинов. 0 мире даже и думать не хочу». Послов же государя он повелел взять с собою под Луки, сказав: «Смотрите, как города государя вашего захвачу и завоюю».

Пришла к государю нашему весть, что король не только не захотел принять его предложения о мире, но и послов его бесчестно с собою под Луки повез, а хвастливые свои помыслы нацелил не только на Луки, но, превознесясь в гордости, — на Великий Новгород и более того — на славный и богоспасаемый град Псков, говоря: «Слышал, что тот град Псков его велик в земле вашей, больше иных городов и лучше защищен он каменными крепостными стенами. Его мне и надлежит взять прежде всего; Великий Новгород ни одного дня против меня устоять не сможет».

Государь же, узнав об этом, горестно вздохнул из глубины сердца и сказал: «Да будет воля Господня!» В Великий же Новгород послал воевод. В славный же и великий богоспасаемый град Псков послал благоверный царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси боярина своего и воеводу князя Василия Федоровича Шуйского-Скопина, да боярина своего и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского, да воеводу Никиту Очина-Плещеева, князя Андрея Ивановича Хворостинина, князя Владимира Ивановича Бахтиярова-Ростовского, князя Василия Михайловича Ростовского-Лобанова и с ними много воинов. Этим упомянутым боярам своим и воеводам государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, отпуская их в Псков, дает свои царские наказы, как им за православную христианскую веру и за святые церкви, за его, государя, и за его государевых детей, и за все православное христианство против врагов стоять и вместе с подчиненными им воинами биться от всей души и сердца и со всем мужеством не на жизнь, а на смерть; и как разными укреплениями превратить в твердыню стены града Пскова, и приготовить все к бою, как подобает, чтобы выдержать долгую осаду. Такие многочисленные наказы царские дал им царь-государь и словом царским поклялся: «Если Господь Бог пошлет избавление нам и сделает град Псков неприступным благодаря обдуманным действиям бояр и воевод, то обещает государь одарить их с такой щедростью, о которой никто из них и не помышлял в сердце своем». Бояре же и воеводы, как истинные слуги, заверили своего владыку, что все совершат по его

приказанию, в чем поклялись ему на кресте. И так отпустил он их в богоспасаемый град Псков, сказав: «Бог и Богородица и все святые да будут с вами!»

Бояре и воеводы, приехав в богоспасаемый град Псков, начали все делать так, как наказал им государь: стены городские укреплять каменными, деревянными и разными другими сооружениями, что Бог им в сердце вкладывал, то и делали, готовясь к долгой осаде. Головы же и дети боярские, головы стрелецкие и стрельцы, и псковичи от мала и до велика, и все сбежавшиеся сюда люди, которым предстояло держать осаду, были приведены к присяге, то есть крестному целованию.

Король же литовский Стефан пришел под Великие Луки и привел с собою послов государя. И за бесчисленные грехи наши, и за неправедный и нечестивый ум наш, и за все преступления наши перед Богом и человеком, и за все злые прегрешения наши отдал Бог этому агарянину Великие Луки и окрестные города в год 7088-й (1580). И потом, после взятия Великих Лук, он возвратился в Литовскую землю, возгордившись и вознесясь, воинов же своих распустил на отдых.

Весной же вновь велел готовиться к походу. «Нынешнее мое наступление на Русскую землю, — сказал, — по сравнению с прежними должно быть еще более славным и похвалы достойным, потому что пойду на славный град Псков. Вы же, любимые мои и храбрые воины, блестящие, закаленные храбростью, ярые царские отроки и непобедимые витязи превысокого моего Польского королевства и великого княжества Литовского со всеми подвластными мне землями, поезжайте в свои отчины и владения, тела свои и твердые мускулы укрепляйте, могучим своим коням дайте отдохнуть, ратные свои доспехи проверяйте и приводите в исправность и готовьтесь со мною в поход на славный град Псков! Те же, кто имеет жен и хочет с ними в Пскове панствовать, пусть готовятся в путь со своими супругами и детьми».

В таких льстивых словах отдав приказ своим славным гетманам и ротмистрам и всему войску своему, он распустил их по своим владениям, добавив, что о времени выступления в поход он известит их специальными грамотами. Знатные его гетманы, эти волки, всегда готовые к кровопролитию, с подвластными им свирепыми воинами, этими пожирающими трупы псами, обещали своему королю, этому неутолимому аспиду, совершить все по его повелению и разъехались по своим землям.

Государь наш, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, узнал о готовящемся наступлении на его, государя, отчину, на славный град Псков. Уже близилось время злых бед, наступал по нашим христианским законам святой Великий Пост, благоверный царь-государь в преславный град Псков послал за боярином своим и воеводой князем Иваном Петровичем Шуйским. Когда же тот приехал к государю в Москву, то стал расспрашивать его царь-государь об укреплениях великого града Пскова: как были укреплены ими великие крепостные стены города, какие орудия и в каких местах стоят, кто в

каком месте будет оборону держать и хватит ли людской силы, чтобы выдержать долгую осаду.

Боярин же и воевода князь Иван Петрович Шуйский рассказал царю-государю подробно и по порядку о всяких надежных укреплениях, сделанных ими с надеждой на Бога, присоединив к рассказу слово надежды на Бога: «Надеемся, государь, в светлой надежде твердо на Бога и на истинную Богородицу, необоримую крепкую стену и покров и христианскую нашу заступницу, и на всех святых, и на твое государево царское высокое имя, что град Псков, всячески укрепленный, может выстоять против литовского короля». Что и было по благодати Христовой.

Благоверный царь-государь выслушал речи боярина своего и воеводы, князя Ивана Петровича Шуйского, о многих сделанных в городе укреплениях, о твердом и неослабевающем стремлении бояр, воевод и всех подчиненных им воинов выстоять осаду, о непреклонной вере всех жителей богохранимого града Пскова, со всей ревностью готовых за Бога, и за своего государя, и за его государевых детей, и за православную христианскую веру, и за свои дома, жен и детей, и за град Псков умереть по собственной воле от руки литовского короля, но живыми не отдать град Псков литовскому королю. После этого, внимательно выслушав рассудительную речь боярина своего о надежде на Бога в защите града Пскова от литовского короля, царь-государь, омочив лицо свое царское слезами, сказал: «Богу и Богородице и святым великим чудотворцам град сей Псков в руки предаю, более всего сроднику своему, благоверному князю Гавриилу-Всеволоду, который сам пожелал, чтобы мощи его были положены в том богоспасаемом граде Пскове в соборной церкви Живоначальной Троицы. Своею милостию может избавить он город от наступающих на него врагов, и потому ему в руки город предаю. И вам, боярам своим и воеводам, всем воинам и псковичам, как истинным слугам, град Псков в руки предаю, чтобы сделали все, как обещали Богу и мне, и, наставляемые в замыслах Господом Богом, вы укрепляли бы град Псков, кого как Бог вразумит».

Потом благоверный царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси боярина своего и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского отпускает в богоспасаемый град Псков, вновь наставляет его всякими царскими поучениями и наставлениями, только ему одному дает государь устный и письменный наказ, утвержденный его высокою царскою рукою. И обращается к нему царь-государь: «С тебя одного подобает спрашивать мне за всю службу, а не с других товарищей твоих и воевод». Он же, услышав: «С тебя мне прежде всего взыскивать надлежит за все, что произойдет в Пскове, — и за оборону, и за службу», — всем сердцем ревностно воспринял эти слова. Как верный слуга он не смел возразить своему государю и против тяжкого бремени, возложенного на него государем, ни единого слова не сказал, но только ответил царю-государю: «Если на то благая воля Бога и твое, государь, изволение, то все сделаю по повелению твоему, государь, я — слуга твой. И по наставлению Господа и Богородицы всей душою, от всего сердца, непритворно рад буду исполнить порученную службу в граде

Пскове». Кроме того, в царствующем граде Москве, в соборной церкви Пречистой Богородицы, пред чудотворным святым образом честным словом и крепкой клятвой князь государю поклялся все делать по государеву наказу, для того чтобы держать осаду и стойко обороняться со всеми находящимися в граде Пскове христианами и биться в Пскове за град Псков с литвою безупречно, даже до смерти, что и свершилось по милости Христовой. И затем царь отпустил князя в Псков.

Государев же боярин и воевода, князь Иван Петрович Шуйский, приехав в Псков вместе с боярином и воеводами, с князем Василием Федоровичем Шуйским-Скопиным с товарищами, вновь усердно занялся укреплением града Пскова, непрестанно вокруг града Пскова объезжал и приказывал надежно укреплять всякими сооружениями стены города. И, кроме того, всех голов боярских, и детей боярских, и голов стрелецких, и сотников, и стрельцов, и всех псковичей вторично приводят к присяге, то есть к крестному целованию, чтобы за Бога, за своего государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за его государевых детей, и за святые церкви, и за православную христианскую веру, и за град Псков биться с литвою до смерти, безо всякого обмана. В окольные же псковские пригороды непрестанно с гонцами рассылали грамоты об укреплении городов, приказывая строить разные заграждения. Посылали также и в соседние села и волости, приказывая, чтобы все ехали в ближайшие города с женами и с детьми и со всем имуществом сидеть в осаде. Так и готовились к обороне в богоспасаемом граде Пскове и в окольных его пригородах волею Бога.

За грехи наши посылаются Богом на христианский народ различные испытания, и вот высокогорделивый литовский король Стефан разгорелся сердцем на богоспасаемый град Псков. Распалясь сердцем и разгорясь своей неутолимой утробой, горлом и языком изрыгнув яд своей злобы, он объявил всем время своего похода на Русскую землю, на богоспасаемый град Псков, послав по всей своей Литовской земле письма с призывом.

В другие же страны и многие земли правителям каждого государства и их воинам посылает молебносовещательные грамоты, в которых было написано так: «Король польский, князь великий литовский, русский, прусский, жемойтский, мазовецкий, князь семиградский и иных земель Стефан. Ближайшим моим друзьям и соседям (указывалось имя каждого) в своей державе желает здравствовать! Известно вам, ибо вы, конечно, уже слышали, сколько в прошедшие два года причинил я бед русскому царю и сколько городов, граничащих с моею землею, отнял у него и присоединил к своей великой державе; сколько побед одержал над его войском в боевых сражениях; как сам обогатился русским богатством, и воинов своих обогатил, и землю свою наполнил несметными сокровищами Русской земли, сколько унижения и страха принес Русской земле; и какую славу завоевал могущественному своему Польскому королевству и Великому княжеству Литовскому, и всем подчиненным мне великим панам и гетманам, и всем бесчисленным воинам. Все это было в прошлом, но о том же и ныне помышляю. Высоко стоя, к высшему и высочайшему стремлюсь, как пишут и учат

мудрецы: „Если на высоком холме стоишь, то выше его и изобильнее гору ищешь и владеть ею хочешь. Так и лев: если держит зайца и видит верблюда, то оставляет зайца и гонится за верблюдом”. Таким образом мудро и рассудительно все рассмотрев, в нынешний третий год с великою силою, большею, чем прежде, поднимаюсь я на Русскую землю. Сам же к своим друзьям и ближайшим соседям обращаюсь с исполненным дружбы советом: если хотите, посовещавшись, подымайтесь со мною каждый со своим всесильным войском, и все вместе устремимся на Русскую землю, прежде всего — на славный в Русской земле великий град, именуемый Псков.

Об этом граде Пскове и хочу посоветоваться с вами и сообщаю вам, что о нем слышал. Во-первых, рассказывают, что он очень велик, более того, огражден четырьмя каменными стенами, прославлен в земле той и многолюден. Говорят, что сквозь каменные стены этого великого града Пскова течет река и пересекает весь город, а по берегам реки той расположено в городе все необходимое, богатства же его, говорят, неисчислимы. Именно потому на этот великий и славный град Псков всех вас, друзей своих, зову в поход. И, взяв этот великий город с окрестными его городами, я покрою себя величайшею многославною славою и вас вместе с собою возвеличу как советников моих и друзей. Богатством же многим в городе Пскове обогащусь безмерно, и вы, друзья мои, и все наши великие и храбрые бесчисленные войска обогатятся. Всех пленных, знатных людей великого того града Пскова и народ, беспристрастно и справедливо поделим, а многочисленных непокорных людей в городе мечу предадим. Назначив великих гетманов в град Псков, мы возвратимся в Литовскую землю сильными и славными победителями и разъедемся по своим владениям с великим богатством и пленом. Русского же великого князя окончательно обесчестим и опозорим, сердце его наполним великой кручиной, болью и жалостью о таком великом городе. Мы же на всю вселенную прославимся тем, что победили русского великого князя и взяли славный его град Псков».

Так написав, он разослал многогорделивое и безбожное свое послание во многие страны и земли.

Это послание от литовского короля Стефана пришло во многие земли и края. Там прочли его, и каждый в ответ отправил послание, подобное этому: «Честнейшему и высокостольнейшему королю польскому и великому князю литовскому здравствовать! Мудросложное, и дружелюбное, и наставительное твое послание к нам с любовью приняли, и прочли, и рассмотрели, и совета твоего не отвергли, но с еще большей любовью тебе отвечаем. Мы со своими войсками готовы идти на Псков-град и уже выступаем. А что писал ты о граде том Пскове, то и во всех наших странах пронеслась слава о его богатстве. А что касается четырех каменных крепостных стен города, то и мы о них знаем. Но если и десять, и в два раза больше каменных стен в граде Пскове будет, то и столь укрепленная твердыня против твоего великого и высокого имени устоять не сможет, всевозможными хитростями и мудрыми измышлениями сможем город взять». И так все пишут и посылают к королю свои хвалебные послания.

Из многочисленных земель собираются к королю Стефану в Литву бесчисленные полки и вооружаются на славный град Псков, многие орды и многие земли подымаются с литовским королем Стефаном на славный град Псков. Привлеченные славой города, собираются многие народы, их имена таковы: литовские люди, польские люди, угорские люди, мазовшане, немцы цесарские, датские, свейские, сшлоцкие, бруцвицкие, любечские. И всего наемных людей 60 000, да своих людей у короля собрано 40 000; и всего у него войска 100 000, помимо торговых людей.

Когда все эти многие народы собрались в Литве у короля Стефана, тогда увидел всегорделивый тот король многую собравшуюся у себя великую силу и еще больше возгордился в своем тщеславном безбожном помысле, говоря: «Не только Псков-град и его пригороды с такою силою возьму, но и Великий Новгород со всеми уделами новгородскими». Об этом же говорили и приближенные его наилучшие гетманы: «Милостивый государь, король Стефан, увидев столь бесчисленное войско твое, все пребывающие в граде Пскове люди, государь, убоятся и устрашатся и не станут сопротивляться такой силе. Какая гора сможет устоять против потопа и какая, государь, огороженная стеной крепость сможет укрепиться против твоих мощных стенобитных орудий? И еще, государь, напомним нечто приятное для тебя. Милостивый государь, король Стефан, какой ум должны иметь воеводы Пскова и всякие мастера, чтобы в замыслах быть выше твоего великого разума и глубокомысленного ума твоих великих гетманов? И еще, государь, какой град и какая оборона прежде и ныне устоит перед нашими крепкими и храбрыми и непобедимыми витязями и искусными градоемцами? Ныне же, государь, поспеши готовиться в путь на град Псков и здравствуй, в славном граде Пскове владычествуй. Также и к нам милостивым будь, ибо всем сердцем были мы с тобой, усердно готовясь к взятию города».

Выслушав эти многохвалебные речи своих первосоветников, король еще больше вознесся гордынею на град Псков, как в древности горделивый Сеннахирим, царь Ассирийский. Тот, когда взял многие города окрест Иерусалима, то в высокомерном помысле и на Иерусалим устремился, также на многую силу свою надеясь и говоря: «Не только царь Езекия с народом своим не сможет защитить от меня город Иерусалим, но и Бог ему не поможет против моей бесчисленной силы». Его надменное хвастовство и богохульные речи услышал Бог и так совершил: когда пришел Сеннахирим, царь Ассирийский, под Иерусалим-град и осадил город, то наутро, встав, обнаружил в войске своем 185 000 убитых; и, увидев это, он убежал с малой дружиною в Ниневию и там был убит своими детьми. То же, что и с Сеннахиримом-царем, случилось под Псковом и с горделивым королем Стефаном по неизреченному промыслу Божию. Об этом пространно впоследствии скажем, ныне же поведем речь о происходящем.

Король литовский Стефан на прегорделивом своем престоле панов-советников рядом с собою посадил, и начали они распределять полки, кому из его великих панов и гетманов в каком полку быть воеводами. Сначала он назначает воевод в передовой полк. В передовой полк он

ставит пана Николая Радзивилла, виленского воеводу, гетмана великого литовского, и пана Остафия Воловича, пана виленского, да пана Яна Дорогостайского, воеводу полоцкого.

Полк правой руки. В полк правой руки ставит пана Яна Тишку жемойтского и пана Мерхеря Шеметю, кухмистра литовского.

Полк левой руки. В полку левой руки ставит пана Яна Глебова, пана минского, подскарбия земского литовского, и пана Николая Сапегу, воеводу минского, и пана Кристофа, воеводу новогрудского.

Сторожевой полк. В сторожевом полку ставит пана троцкого Николая Радзивилла и пана Филона Кмиту, старосту оршанского.

Большой полк. В большой полк ставит пана канцлера, гетмана великого польского, а с ним много ротмистров; и тот полк стал называться большим польским. А сам король пошел за канцлерским полком, и с ним пошли его приближенные: пан Тишка, воевода польский, пан Бекеш, гетман угорский, пан Николай Кристоф, маршалок великий литовский, пан Ольбрихт Радив, староста ковенский. А у орудий велел быть воеводе угорскому пану Юрию Зиновьеву, старосте чечерскому.

Всех своих великих панов распределив и дав им наставленья, литовский король Стефан отправляется в нынешний свой хвастливый поход на славный великий град Псков.

В преименитом же и богоспасаемом граде Пскове государевы бояре и воеводы, услышав, что литовский король уже идет на Псков-град, по-прежнему неустанно укрепляли град Псков, готовясь к осаде по мудрой воле Бога. Посылая непрестанно в волости, в села и в засады, они велели свозить в город всякие запасы; дворы же и остававшиеся кормовые запасы повелевали жечь, чтобы не было у врагов крова; живущим в селах строго приказали бежать в укрепленный Псков.

Православный царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси услышал, что действительно литовский безбожный король на его государеву отчину, на Псков-град, с многогорделивою и великою силою устремился; услышав это, царь-государь с умиленностью и мудростью, дарованной от Бога, пишет свои царские грамоты в Псков к боярам своим и воеводам и всем воинским людям и псковичам, повелевая стойко и мужественно держать оборону и всем до последнего насмерть с литвою за Псков-град беззаветно биться.

И преосвященный архиепископ Великого Новгорода и Пскова Александр в свое святительство, в преименитый град Псков государевым боярам и воеводам и всем воинам и псковичам посылает благословение. И с состраданием, как умудренный Богом врач и чадолюбивый отец, он призывает их на ратный подвиг, и благословляет, и вдохновляет, и святительскую свою молитву вместе с честными своими священниками и дьяконами, как победную руку помощи, простирает. Также обращается и ко всем священнослужителям: инокам, священникам и дьяконам, и ко всему причту церковному. Тогда

в преименитом и богоспасаемом граде Пскове из духовенства были игумен Печерского монастыря Успения Пречистой Богородицы Тихон; в соборной церкви богохранимого града Пскова Пребожественной и Неразделимой Троицы настоятель протопоп Лука, протодьякон Алексей. Этим упомянутым начальникам священнического чина и всему священническому и дьяконскому чину и всему причту церковному преосвященный архиепископ пишет, чтобы они беспрестанно и неустанно в соборе молебны пели, а также и по домам день и ночь за православного царя-государя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за его государевых детей, и за все православное христианство Бога молили, чтобы отвел Господь Бог праведный свой и справедливый, по грехам нашим, гнев от всего православного христианства и в своем неизреченном милосердии обратил взор на честное то место, на град Псков, не предал бы его Господь Бог в руки врагов, насилие творящих над верующим во Христа народом. Он призывает их также к посту и коленопреклонению, и к беспрестанному Богу молению, чистоте и целомудрию, и братолюбию, и всем добрым делам; и этому же повелевает учить детей своих духовных, с этим мир и благословение дает. Но расскажем о происходящем.

Уже близилось жестокое время, литовский король Стефан со многою своею силою пришел к рубежам Русской земли. В Псков дошли слухи о том, что литовский король пришел уже на псковскую землю, к городу Вороничу, за сто поприщ от града Пскова. Узнав о том, что близок Псков, он раскрыл свою бездонную пасть, как адскую бездну, и хотел поглотить град Псков. Спешно и радостно, как лютый великий змей из великих пещер, он полетел к Пскову; с чудовищами своими летел он на Псков, словно искры огненные в темном дыму, и, еще не долетев, уже думал и говорил, что град Псков у него в утробе. Аспидов же своих и приближенных змей и скорпионов великий тот литовский король из утробы извергнутыми остатками хвалился насытить. И так все, как змеи на крыльях, летели к граду Пскову и высокомерием своим, как крылами, повалить его хотели, змеиными своими языками, как жалами, всех живущих в граде Пскове умертвить думали. Все ценное в нем хвалились вынести в своих адских утробах в свою Литовскую землю, говорили, что оставшихся в живых людей, как сокровище, на хвостах своих принесут в дома свои. И уже мнил себя змей победителем над Псковом.

В богоспасаемом же граде Пскове государевы бояре и воеводы, и все воины и псковичи, и весь христианский освященный собор, церковного кормила правители, слышали, во-первых, что уже приближаются к граду Пскову; во-вторых, что хочет король поглотить их живыми, как лев свирепый. Благочестиво посоветовавшись, государевы бояре и воеводы с печерским игуменом Тихоном и с протопопом Лукою и со всем священным собором обходят вокруг всего града Пскова с честными крестами и святыми чудотворными иконами и со святыми чудотворными мощами благоверного великого князя Гавриила-Всеволода, псковского чудотворца, и с другими многими святынями, умиленно и по чину совершая молебны к Богу. За ними шествовал псковский народ — мужи и жены с малыми младенцами, с плачем и рыданием молясь об избавлении града Пскова. И все вместе, как

любящие братья, священнический чин и воинский, и все мужчины и женщины, от мала и до велика, непрестанно с мудрой смиренностью и братской любовью в сердцах своих Бога молили и в смиренной мудрости находили утешение. Не мнили о себе высоко, не возносились горделиво в сердцах своих, не хвастались надеждами своими, но только все вместе и сердцем и устами повторяли: «Надежда наша и упование, Живоначальная и Неразделимая Троица; стена наша, и защита, и покров, Пренепорочная Богородица; помощники наши и молебщики за нас Богу, все святые избранники Божии, первый среди них — воевода, великий начальник ликов ангельских, архангел Михаил со всеми святыми небесными силами». С такими словами и богомудрыми мыслями в богоспасаемом граде Пскове готовились к осаде. Благодать Божия и упование на всесильную помощь Бога зародили в сердцах всех стремление к подвигу; лед отчаяния и безнадежности не коснулся ни единого в Пскове, огонь же благодати Христовой зажег сердца всех жаждой подвига, вера в благородное дело — умереть за веру христианскую — сделала тела их тверже алмаза. И так по благодати Христовой каждый, согласно своему положению, неустанно и без всяких сомнений готовился к подвигу.

И узнали в Пскове, что литовский король Стефан уже пришел под пригород Остров, за пятьдесят поприщ от Пскова, и по Острову-городу бьет из орудий. Узнав об этом, государевы бояре и воеводы не дрогнули сердцем и не устрашились, но возложили надежду на Бога. Государевы же бояре и воеводы без устали занимались своими делами: для орудий готовили места и расставляли орудия там, где они должны стоять. Также государевы бояре и воеводы всю Окольную стену в Пскове разделили между собой и указали, какому воеводе в каком месте быть. Каждый у себя распределил согласно чину и поставил на места детей боярских, голов стрелецких и стрельцов, затем всех псковских посадских людей, и нарвских стрельцов, и всех остальных псковичей. По всей стене расставили воинов и простой народ, приготовили пушки, пищали, и ручницы, и всякие укрепления против государева врага. Так и вершилось все, как здесь описано.

С южной стороны богохранимого града Пскова поднялся дым темный — то литовская сила черная пошла на псковские белые каменные стены, но и вся литовская земля не смогла бы их окружить. Этот дым, литовские воины, остановился в пяти поприщах от Пскова.

В том месте, на реке Черехе, были в засаде государевы дети боярские, чтобы известить о приходе литовских людей. Увидев их на реке Черехе, они прибежали в Псков и возвестили государевым боярам и воеводам, что первые литовские отряды уже пришли на Череху. Государевы же бояре и воеводы повелели звонить в осадный колокол, поджечь все посады за рекою Великою, чтобы не было врагам жилья.

Так началась осада богоспасаемого града Пскова в год 7089-й (1581), 18 августа, в день памяти святых мучеников Фрола и Лавра.

Потом начали литовские войска переправляться через реку Череху, и под городом начали появляться их полки. Государевы бояре и воеводы

совершили вылазку против них. И литовские воины обратились в бегство, и тем положили начало своим несчастьям, к городу же приблизиться не осмеливались.

И вот, как дикий вепрь из пустыни, пришел и сам литовский король со всем своим огромным войском того же месяца августа в 26 день, на память святых мучеников Андреяна и Натальи. Этот неутолимый лютый зверь пришел, чтобы насытить свою алчную голодную утробу, и, увидев великий град Псков, словно огромную гору, на которую трудно взойти и невозможно скоро обойти вокруг, так велико ее основание, распалился умом и велел войскам своим окружить и осадить град Псков.

Получив такой приказ, они начали объезжать город, государевы же бояре и воеводы велели стрелять по ним из орудий. Когда пушкари обстреляли их, то многие полки их расстроили и многих людей у них снарядами побили. Приехав к королю, литовцы известили его, что невозможно град Псков объехать вблизи из-за частой стрельбы из города и дальнобойности орудий. Король же повелел объезжать подальше от города, лесами. Когда они поехали, то из города казалось, будто тьма движется. Государевы же бояре и воеводы и туда по ним велели стрелять из больших орудий, и от псковских снарядов леса повалились и многие полки полегли. Королю и об этом сообщили, он же сказал: «Кто наставники мои, которые вели меня на Псков и говорили, что в Пскове нет больших орудий, что князь великий все орудия велел вывезти из Пскова? И что я вижу и слышу? Что у меня и с собою, и в Литве нет ни одной такой пищали, которая бы так далеко стреляла!»

Один из полков остановился и начал расставлять многочисленные шатры. Говорили, что королевский шатер должен стоять у церкви Николы-чудотворца в Любятове, на Московской дороге. Государевы же бояре и воеводы не велели стрелять по шатрам днем, но все орудия для этого велели днем приготовить. Когда же были поставлены многие шатры и наступила ночь, приблизительно часу в третьем, повелели ударить по ним из больших орудий. Наутро же не увидели ни одного шатра, и, как рассказывали языки, многие знатные паны были тут убиты.

Узнав об этом, король побежал назад к реке Черехе и там стал лагерем за великими и высокими горами на Промежице. Стремясь утолить ненасытную свою алчность, он искал место, удобное для взятия города, и, посоветовавшись со всеми своими приближенными первосоветниками, выбрал такое место — угол городской стены на Великой реке у Покровских ворот; это место надлежало из снарядов разбить и таким образом взять град Псков. Так твердо порешил совет.

И повелел лукавый литовский король Стефан приступить к взятию города. Свирепые же и лютые его градоемцы с радостью восприняли его повеление и начали усердно готовиться к взятию города. Первым делом в начале индикта, в сентябре, в первый день семь тысяч девяностого года, начали копать большие траншеи от своих станов по большой Смоленской дороге к Великим воротам, к церкви Алексея человека Божия и от нее к городу — к Великим, Свиным и Покровским

воротам. И выкопали за три дня пять больших длинных траншей да семь поперечных траншей. А в тех траншеях, как впоследствии подсчитали ходившие туда, выкопаны большие землянки, как целые дома и даже с печками, 132 больших дома и 904 меньших. В больших тех землянках расположились ротмистры и сотники, в меньших устроились жить гайдуки. И так, окопавшись землею, хитрым таким способом совсем приблизились к городу, так что между ними и городской стеной был только один городской ров. Злоумышленно и очень хитро они приблизились к городу, копая и роя землю как кроты; из земли, которую выкапывали для траншей, они насыпали огромные горы со стороны города, чтобы с городской стены не было видно их передвижения. В насыпных земляных валах провертели бесчисленные окна, предназначенные для стрельбы во время взятия города и для вылазок из города против них.

Потом, того же месяца сентября в 4 день, ночью прикатили и поставили туры. Первые — у церкви Алексея человека Божия, на расстоянии около полупоприща от града Пскова, тут решено быть съезжему двору; также и другой двор турами защитили, рядом с первым, но ближе к Великой реке; да две туры боевые поставили: одну против Свиных ворот, вторую — против Покровской угловой башни, третью туру боевую — за Великою рекою против того же угла. Все те пять тур засыпали в ту же ночь землею. В пятый день сентября приволокли и поставили в те три боевые туры орудия. И так, приготовив всевозможные приспособления для взятия города, лютые литовские градоемцы вооружились на богоспасаемый град Псков.

Государевы бояре и воеводы, увидев все эти литовские ухищрения против града Пскова, Бога на помощь призвав, и Богородицу Заступницу, и всех святых, молящихся Богу за нас, это же место начали укреплять, с помощью Божьей, против литовцев. Во-первых, печерский игумен Тихон со всем освященным собором, с честными крестами, и с чудотворными иконами, и со святыми мощами благоверного великого князя Гавриила-Всеволода приходят в то место, в Угол, в храм Пречистой Богородицы, честного и славного ее Покрова, что рядом с тем местом, где те лютые литовские градоемцы замышляли взять город. Здесь они пропели молебен Богу и Богородице то место крестом осенили и святою водою окропили. Также и государевых бояр и воевод крестом благословили, и святою водою окропили, и на подвиг воодушевили, и всех воинов и псковичей вооружили силою крестного знамения Христова; и все к подвигу приготовились.

Государевы же бояре и воеводы повелели в том месте укреплять стены города разными сооружениями; за каменной стеной, чуть подальше, начали делать деревянную стену и строить разные укрепления на тот случай, если каменная стена будет пробита из орудий литовскими воинами. Установили и орудия, и детей боярских и стрельцов с их головами на этом же месте распределили, и псковских посадских приписных стрельцов здесь же поставили, у Покровских ворот, где ожидали приступа литовских войск. И таким образом приготовились в этом месте. Также и вокруг всего града Пскова, по Большой Окольной стене и в Среднем городе, каждый воевода свою часть стены укреплял,

и наблюдал за людьми и стражами, и неустанно день и ночь готовился к приступу.

В той части крепостной стены, что у Покровских и Свиных ворот, был поставлен государев воевода князь Андрей Иванович Хворостинин, кроме того, ревностно трудился здесь и государев воевода князь Иван Петрович Шуйский. Также и все государевы бояре и воеводы съезжались к тому месту на совет, с ними же держали совет и государевы дьяки Богом хранимого града Пскова Сульмен Булгаков и Афанасий Малыгин, и пушечного приказа дьяк Терентий Лихачов приезжал к воеводам на совет. И мудро размышляли они об укреплении города, кого как Бог вразумит, такой и совет давали. Ведь не множеством правителей осуществляются начинания, но добрым советом; им же и Бог помогал в благом решении стойко готовиться к славным подвигам и всячески укреплять городские укрепления.

Литовского короля гетман, поставленный во главе орудий, пан Юрий Зиновьев Угровецкий, староста чечерский, приехав к королю, возвестил ему: «Государь король Стефан, уже все готово для взятия города: и орудия приготовлены и поставлены на удобные для стрельбы по городу места». Король, услышав это, обрадовался и повелел пану Юрию Угровецкому бить по городу из орудий и сделать в стене, и не в одном месте, большие проломы для взятия града Пскова. Он же приступил к исполнению приказа короля.

Того же месяца сентября в 7 день, в четверг, в первом часу дня, начали бить из орудий по городу — из трех тур, из 20 пищалей; и били по городу беспрестанно весь день до ночи. Также и утром пять часов беспрестанно по граду били из орудий и разбили 24 сажени городской стены до земли, и Покровскую башню всю до земли сбили, и у угловой башни разрушили весь захаб — до земли, и половину Свиной башни сбили до земли, и стены городские разбили местами на шестьдесят девять саженей. Все это разбили и городскую стену во многих местах проломили. И сообщили об этом королю; он же был очень обрадован этим и повелел своим гетманам и ротмистрам с гайдуками и всем военачальникам быть у него на совете.

И когда сошлись все к королю, то литовский король Стефан, горделиво сидя на своем королевском месте, пригласил всех на обед к себе — и гетманов своих, и великих панов, и всех своих первых сотников, и всех ротмистров, и всех военачальников, и градоемцев, и гайдуков. После обеда же велел готовиться к взятию города Пскова. Они же, радостные и самодовольные, подошли к королю и сказали ему гордо и хвастливо: «Сейчас, государь король, по милостивой доброте твоей обедаем и пируем у тебя в обозе и сегодня же, государь, просим у тебя ужина в крепости Пскове, чтобы поздравить тебя с великим и прекрасным градом Псковом».

Король, услышав это, всех гетманов и ротмистров и всех военачальников на обеде у себя обильными угощениями угостил, и доверительно и любезно говорил о непременном и окончательном взятии города, и клятвенно обещал всем военачальникам быть

милостивым и щедрым, и сказал, что все богатство псковское, весь плен и добычу, они беспристрастно, согласно их чинам, разделят. Они же отвечали ему на это: «Государь, непременно сегодня крепость Псков возьмем на щит, вернее, государь, они сами твоему имени покорятся, не смогут устоять против твоей бесчисленной армии и искусных градоемцев». И своим женам велели радостно встречать их с добычею из Пскова. И затем литовский король Стефан гетманов своих и ротмистров и всех градоемцев посылает на взятие Пскова.

Того же месяца сентября в 8 день, в праздник Рождества Пречистой Богородицы, в пятом часу дня (был тогда день недели — пятница), литовские воеводы, и ротмистры, и все градоемцы, и гайдуки проворно, радостно и уверенно пошли к граду Пскову на приступ.

Государевы же бояре, и воеводы, и все воины, и псковичи, увидев, что из королевских станов многие великие полки с знаменами пошли к городу и все траншеи плотно заполнили литовские гайдуки, поняли, что они идут к проломным местам на приступ. И велели бить в осадный колокол, что в Среднем городе на крепостной стене у церкви Василия Великого на Горке, подавая весть всему многочисленному псковскому народу о литовском наступлении на город. Сами же государевы бояре и воеводы со всеми воинами и стрельцами, которым приказано то место защищать, изготовились и повелели из многих орудий по вражеским полкам стрелять. Беспрестанно по полкам из орудий стреляя, они многие полки побили; бесчисленных литовских воинов побив, они устлали ими поля. Те же упорно, дерзко и уверенно шли к городу, чудовищными силами своими, как волнами морскими, устрашая.

Тогда в соборной церкви Живоначальной Троицы духовенство с плачем, и со слезами, и с воплем великим служило молебен, об избавлении града Пскова Бога моля. Псковичи же, простившись с женами и детьми, сбежались к проломному месту, и приготовились крепко против врага стоять, и всем сердцем Богу обещали честно умереть всем до одного за христианскую веру, за Псков-град, и за свои дома, и за жен, и детей.

Когда все так приготовились, то в тот же день, в шестом часу, словно великий поток зашумел и сильный гром загремел, — то все бесчисленное войско, закричав, устремилось скоро и спешно к проломам в городской стене, щитами же, и оружием своим, и ручницами, и бесчисленными копьями, как кровлею, закрываясь.

Государевы же бояре и воеводы со всем великим войском, Бога на помощь призвав, бросили христианский клич, призывно вскричали и крепко сразились с ними на городской стене. А литовская бесчисленная сила, как поток водный, лилась на стены городские; христианское же великое войско, как звезды небесные, крепко стояло, не давая врагу взойти на стену. И стоял гром великий, и шум сильный, и крик несказанный от множества обоих войск, и пушечных взрывов, и стрельбы из ручниц, и крика тех и других воинов. Псковские воины не давали литовским войскам взойти на городскую стену, а нечестивое литовское войско упорно и дерзко лезло на стену. Пролом, пробитый литовскими снарядами, был велик и удобен для приступа, даже на

конях можно было въезжать на городскую стену. После литовского обстрела не осталось в местах пролома, у Покровских и Свиных ворот, никакой защиты и укрытия, за которыми можно было бы стоять. В то время у проломов внутри города деревянная стена со множеством бойниц для защиты от литовцев во время приступа к городу еще не была закончена из-за бесчисленной и беспрестанной пальбы литовских орудий, только основание ее было заложено. Поэтому многие литовские воины вскочили на стену града Пскова, а многие ротмистры и гайдуки со своими знаменами заняли Покровскую и Свиную башни и из-за щитов своих и из бойниц в город по христианскому войску беспрестанно стреляли. Все эти проверенные лютые литовские градоемцы, первыми вскочившие на стену, были крепко в железо и броню закованы и хорошо вооружены. Государевы же бояре и воеводы со всем христианским воинством твердо стояли против них, непреклонно и безотступно, сражаясь доблестно и мужественно, решительным образом не давая врагу войти в город.

Литовский же достохвальный король Стефан, увидев, что его ротмистры и верные градоемцы и гайдуки уже влезли на стены града, и в башнях стоят со знаменами, и в город по народу беспрестанно стреляют, очищая путь для взятия города, исполнился радости несказанной и уже надеялся увидеть взятие города. Сам же король к городу приблизился, остановившись у храма Никиты, великомученика Христова, что в одном поприще от города. Тогда приближенные его первосоветники и любимые его избранные дворяне радостно окружили его, уверенно и льстиво говоря королю: «Ты, государь наш, милостивый король Стефан, уже прославился как истинный завоеватель и победитель славного града Пскова. Зная твою превеликую доброту, молим тебя отпустить нас и послать вперед на крепость Псков, чтобы не хвастались потом перед тобою ротмистры, что они с гайдуками одни взяли град Псков».

Король же, услышав от своих дворян и первосоветников, что те радостно и по собственной воле сами хотят его желание исполнить, еще большей радостью исполнился. С веселым лицом и радостным сердцем он отвечал им как своим братьям: «Если вы, мои друзья, такое дружеское решение принимаете, то и я с вами иду и вас, друзей моих, не оставлю». Они же ему отвечали: «Ты, государь король Стефан, как подобает великому и славному королю, вступишь в столь великий град Псков, как великий царь Александр Македонский, всей вселенной властитель, торжественно вступил в великий Рим. Мы же, твои рабы, государь, как рабы Александра-царя в Риме, с честью встретим тебя в твоем великом граде Пскове, и победные многохвалебные песни тебе вознесем, и несметное псковское богатство к твоему приходу все приготовим. А государевых бояр и воевод, поставленных великим князем русским в граде Пскове, пленниками приведем. Более того, государь, самое ценное сокровище и русского царя достояние, двух его бояр и воевод: первого — самого главного в граде Пскове, великого гетмана князя Василия Федоровича; второго — славного, стойкого и непоколебимого, великого и храброго гетмана, князя Ивана Петровича, обоих Шуйских, прославленных в Руси и у нас, связанными перед тобою поставим. Ты же, государь, за их непокорство перед тобою, как хочешь, так и поступай с ними и со всеми их военачальниками». Король,

услышав это, с радостью отпускает их на стены града Пскова, им следующее сказав: «Верю, друзья, как доселе все сбывалось по вашему доброму предсказанию, так и нынче сбудется. Что хотите делать, то и делайте, ничто и никогда не устоит против вас и ваших разумных замыслов».

И собралось их, избранных градоемцев и приближенных к королю дворян, 2000; и хлынули они через пролом в Свиную башню и начали стрелять из бойниц по христианскому народу, по их ополчению; как из огромного дождевого облака бесчисленные капли, полились на народ ружейные пули, словно змеиные жала, язвя насмерть христиан. И в Покровской башне, и по всему пролому сильно наседали литовские воины, оттесняя от того места русское христианское воинство, очищая путь для взятия города.

Государевы же бояре и воеводы, и все ратные люди, и псковичи с ними тоже крепко и мужественно бились: одни под стеною с копьями стояли, стрельцы стреляли по врагам из пищалей, дети же боярские из луков стреляли, другие же бросали в них камни, остальные, кто как мог, помогали спасению града Пскова. И из орудий непрестанно по врагу стреляли, и никоим образом не давали сойти в город. Литовское же воинство упорно и настойчиво со стен, и из башен, и из бойниц беспрестанно стреляло по русскому воинству; сменяя друг друга, литовцы бились, говоря: «Град Псков возьмем!» Король же литовский часто посылал к ним, спрашивая о взятии города, и грозно торопил гетманов и ротмистров литовских и все многочисленное войско литовское.

А в богоспасаемом граде Пскове государевы бояре и воеводы с любовью и слезами призывали своих воинов на бой, и христианское воинство самоотверженно и стойко билось с врагом. И горько было видеть, как христианские воины, словно пшеничные колосья, вырванные из земли, погибали за христианскую веру. Остальные изнемогли от многочисленных ран, нанесенных литовским оружием, и ослабели от усталости — день тогда был очень солнечный и знойный; но все крепились, вооружась надеждою на Бога и его заступничество.

В богоспасаемом граде Пскове и в соборной церкви Живоначальной Троицы беспрестанно со слезами и скорбью многою молили Бога о спасении. И как пришла в храм Живоначальной Троицы весть всему освященному собору, что литовские воины уже на стенах и в башнях, и со знаменами ходят, и по городу стреляют, очищая путь для схода, тогда печерский игумен Тихон и протопоп Лука и всего того богоспасаемого града Пскова христианский священнический и дьяконский освященный собор, услышав это, вскричали голосами неумолчными, руки простирая к пречистому образу, на колени пали и мрамор помоста церковного слезами, как струями многими реки, омочили, слезно молясь Богородице о спасении града Пскова и живущих в нем. И жены благородные сошлись в соборную церковь на молебен, крича и в голос рыдая, в грудь себя ударяя, Богу и Пречистой Богородице молились, о перила и о пол бились, жалобно восклицая. Так и во всем великом богоспасаемом граде Пскове женщины, оставшиеся

дома со своими детьми и малыми младенцами, пред святыми иконами слезно молились и в голос рыдали, в грудь себя били, Богородицу со всеми святыми призывая на помощь и прося их молиться за город, о своих грехах и об избавлении града Пскова Бога молили. По всем улицам богоспасаемого того града Пскова стоял крик страшный, и стенанье громкое, и вопль несказанный.

Литовское же воинство крепко и упорно наседало, крича: «Вперед, друзья, уничтожим всех живущих в Пскове за непокорность их; и не вспомянется имя христианское в Пскове, ибо покрыла их тень смертная, и нет того, кто спасет их от руки нашей!»

Кто поведает о силах Господа и кто огласит хвалы ему? «Блаженны, — сказано, — все боящиеся Бога, ходящие по путям его плоды трудов своих вкусят». «Услышьте это, все народы, внемлите, все живущие во вселенной, земные сыны человеческие, равно богатый и убогий». Все святые Русской земли и земель христианского православия, кто нам соболезновал и помогал молитвами своими к Богу, придите в Богом прославленный град Псков, воистину же скажу, в богоспасаемый град Псков. Вместе прославим и возвеличим Святую Троицу, торжественно помолимся: «Бог нам прибежище и сила, помощник в бедах, охвативших нас, потому и не убоимся мы, воистину говорю, — не убоимся, ведь сказано пророком: „Велик Господь и прославлен во граде Бога нашего, на святой горе его; Бога в беде познаем, когда защищает он свой город"». И в смирении нашем вспомнил нас Господь, когда цари земные собрались вместе на богоспасаемый град Псков, говоря: «Бог оставил его, поспешим и возьмем его, ибо нет избавляющего его».

О начальник окаянного и всегорделивого народа твоего литовского, Стефан Оботур, и все твое безумное войско! Как можете говорить, окаянные, что «нет избавляющего нас»? «Господь сил с нами, заступник наш, Бог Иакова». Бог, в Троице славимый, единый Бог, на три имени разделяемый, но в единой сущности познаваемый — Отец и Сын и Святой Дух! На него надеемся и уповаем, не то что ты, Оботура, в безбожной своей ереси не признаешь его, а до небес вознесся, идя на град Псков, в безумии своем надеясь и хвалясь множеством силы своей. Подожди, окаянный, узришь, что станет с твоею силою, и уразумеешь, что значит нет избавляющего нас, как ты написал о граде Пскове в своем гордом и полном хвастовства послании. За это и унижение примешь: за свое гордое возношение в ад сойдешь со всем своим воинством, «ибо в смирении нашем вспомнил о нас Господь и избавил нас от врагов наших». И услышал Господь мольбу слуг своих, и начало совершаться все по воле неизреченного милосердия Владыки, когда взглянул он с участием на своих подданных и явил слугам своим великую свою милость.

С Похвального раската из огромной пищали «Барс» ударили по Свинузской башне и не промахнулись, и множество воинов литовских в башне побили. Кроме того, государевы бояре и воеводы повелели заложить под Свинузскую башню много пороха и взорвать ее. Тогда все те высокогорделивые дворяне, приближенные короля, которые у короля выпрашивались войти первыми в град Псков, чтобы встретить короля и

привести к королю связанными государевых бояр и воевод (об этом мы говорили, рассказывая о их первой похвальбе), от руки тех «связанных русских бояр и воевод» по промыслу Божьему эти первые литовские воины смешались с псковской каменной стеной в Свиной башне и из своих тел под Псковом другую башню сложили. Так первые королевские дворяне под Свиной башнею до последнего воскрешения были «связаны» русскими государевыми боярами и воеводами, о которых они говорили, что приведут их связанными к королю, и телами своими псковский большой ров наполнили.

О них впервые известили короля, после того как он спросил: «Уже в крепости мои дворяне?» Ему же сказали: «Под крепостью». Когда он вопросил: «Что, уже ходят мои дворяне за стеною в городе и русскую силу уничтожают?» Ему же ответили: «Государь, все те твои дворяне в Свиной башне убиты и сожжены, во рву лежат». Тогда король едва не кинулся на свой меч, и сердце его, думается мне, едва не разорвалось, так обычно бывает с неистовым, а тем более с неверным.

Тогда разъярился король, послал приказ к тем, кто был в Покровской башне и по всему пролому, строго веля всем ротмистрам и градоемцам во что бы то ни стало взять град Псков. Государевы же бояре и воеводы, хотя и видели упорный и беспрестанный огонь, решительные приступы врага, множество своих воинов, погибших и изнемогших от ран, все равно неослабно надеялись на Бога. Посылают они в соборную церковь Живоначальной Троицы за великим и надежным избавлением, за святыми чудотворными иконами и чудотворными мощами благоверного великого князя Гавриила-Всеволода, псковского чудотворца и избавителя от врагов, и повелевают принести их к проломному месту. Так принесли в царствующий град Москву чудотворную святую икону Пречистой Богородицы из Владимира для спасения от нашествия царя Темир-Аксака, здесь же, в богоспасаемом граде Пскове, — от нашествия польского короля. Там — от знаменитого Хромца, здесь — от прославленного Гордеца, там посылали за Владимирской иконой, здесь — за Печерской иконой. Там была принесена пресвятая икона из Владимира в Москву в день праздника Успения Богородицы, и в этот же день Темир-Аксак был посрамлен, образом Пречистой невидимо устрашен и со всем воинством побежал от Москвы и с Русской земли. Здесь же, в преименитом и славном граде Пскове, в день праздника Богородицы честного и славного ее Рождества была принесена к проломному месту из соборной церкви Живоначальной Троицы святая чудотворная икона Успения Пречистой Богородицы Печерского монастыря вместе с другими чудотворными иконами и мощами благоверного князя Гавриила-Всеволода и другими святынями; и в тот же час невидимо пришло спасение граду Пскову на проломе.

Крепко билась литва на стенах города у Покровской башни и на всем проломе с русским воинством, государевы же бояре и воеводы со всем христианским псковским воинством так же крепко против них стояли и не давали сойти в град Псков. Когда же, как говорил уже, пошли к проломному месту со святыми иконами, то в тот же час, будто по воле святых икон, вестники примчались на конях, не обычные воины, но Христовы воины против невидимых врагов, черных ликом и делами.

Один из них Арсений, именуемый Хвостовым, келарь Печерского монастыря, где и была чудотворная икона Пречистой Богородицы; с ним же второй — казначей Снетогорского монастыря Рождества Пречистой Богородицы Иона Наумов; третий же с ним был Мартирий игумен, и этот был известен в Пскове всем. Эти упомянутые выше черноризцы, по плотскому рождению — дети боярские, и когда жили в миру, то были искусными воинами. Потому, умудренные Богом благодаря вере и честным своим молитвам, они, прибежав к проломному месту, где совершалось для обеих сторон кровопролитное торжество, громкими голосами государевым боярам и воеводам и всему христианскому воинству милость возвестили, будто от имени святых икон (как я уже прежде сказал): «Не бойтесь, станем крепко и устремимся все вместе на литовскую силу! Богородица с милостью и защитой идет к нам на помощь со всеми святыми!»

И услышали государевы бояре и воеводы и все христианское воинство эти слова, что Богородица со всеми святыми идет на помощь, и одновременно с этой вестью осенила Богородица все православное христианство своей милостью и помощью; и сердца немощных окрепли и стали тверже алмаза, и все вместе приготовились к подвигу. Тогда все, единым сердцем восприяв Богородицы милость и ее помощью вооружившись, едиными устами Богородицу на помощь призвали. И государевы бояре, и воеводы, с ними же упомянутые выше монахи и все воинство христианское, в один голос вскричали: «Сегодня, друзья, за христианскую веру и за православного государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси умрем все вместе от руки литовцев, но не отдадим государя нашего града Пскова польскому королю Стефану!» Также великого заступника псковского, князя Гавриила-Всеволода, с ним же князя Довмонта и Николая, Христа ради юродивого, в сердцах своих призвав на помощь, все христианское воинство в едином порыве устремилось на литовскую силу, на стены города, на проломное место. И так Божьей милостью, молитвою и заступничеством Пречистой Богородицы и великих святых чудотворцев сбили литовскую силу с проломного места; и по благодати Христовой там, где на псковской стене стояли литовские ноги, в тех местах вновь христианские воины утвердились, и со стены били литву уже за городом, и добивали оставшихся еще в Покровской башне.

В то время, когда по предначертанию Бога одолели христиане литву и сбили литовских воинов, ротмистров и гайдуков с проломного места, тогда благодать Христова не утаилась от всех оставшихся в граде Пскове жен. И по всему граду Пскову промчалась весть: «Всех литовских людей Бог помог с городской стены сбить и перебить, а вам, оставшимся женам, велено, собравшись у пролома, идти за литовскими орудиями и оставшуюся литву добивать».

Тогда все бывшие в Пскове женщины, по домам сидевшие, хоть немного радости в печали узнали, получив благую весть; и, забыв о слабости женской и мужской силы исполнившись, все быстро взяли оружие, какое было в доме и какое им было по силам. Молодые и средних лет женщины, крепкие телом, несли оружие, чтобы добить оставшихся после приступа литовцев; старые же женщины, немощные телом, несли

в своих руках небольшие короткие веревки, собираясь ими, как сказано, литовские орудия в город ввезти. И все бежали к пролому, и каждая женщина стремилась опередить другую. Множество женщин сбежалось к проломному месту, и там великую помощь и облегчение принесли они христианским воинам. Одни из них, как уже сказал, сильные женщины, мужской храбрости исполнившись, с литвой бились и одолевали литву; другие приносили воинам камни, и те камнями били литовцев на стене города и за нею; третьи уставшим воинам, изнемогшим от жажды, приносили воду и ретивые их сердца утоляли водою.

Было это в пятницу, в праздник Рождества Пречистой Богородицы, уже близился вечер, а литовские воины все еще сидели в Покровской башне и стреляли в город по христианам. Государевы же бояре и воеводы вновь Бога на помощь призвали, и христианский бросили клич, и в едином порыве все, мужчины и женщины, бросились на оставшихся в Покровской башне литовцев, вооружившись кто чем — чем Бог надоумил: одни из ручниц стреляли, другие камнями литву побивали; одни поливали их кипятком, другие зажигали факелы и метали их в литовцев и так по-разному их уничтожали. Под Покровскую башню подложили порох и подожгли его, и так с Божьей помощью всех оставшихся в Покровской башне литовцев уничтожили, и по благодати Христовой вновь очистилась каменная псковская стена от литовских поганых ног. Когда наступила ночь, свет благодати воссиял над нами по Божьему милосердию и отогнали их от стен города.

И побежала литва от города в свои станы. Христиане же выскочили из города и далеко за ними гнались, рубя их; тех, кого настигли в псковском рву, поубивали, многих живыми взяли и самых знатных пленных привели в город к государевым боярам и воеводам с барабанами, трубами, знаменами и боевым оружием. А сами невредимыми вернулись в Псков с победою великою и бесчисленным богатством, принеся бесчисленное множество оружия литовского, дорогих и красивых самопалов и ручниц самых разных. И так по Божьей благодати и неизреченному милосердию Пребожественной Троицы и молитвами и молением Пречистой Богородицы и всех святых великих чудотворцев спасен был великий град Псков в день честного и славного Рождества Богородицы; в третий час ночи Бог даровал христианскому воинству великую победу над горделивой и безбожной литвой.

Государевы бояре и воеводы, и весь освященный собор, и все православные христиане, мужчины и женщины со всеми детьми, узнав о неизреченном и несказанном милосердии Бога, Пресвятой и Пребожественной, Живоначальной и Неразделимой Троицы, и о молитве и молении верной нашей христианской заступницы, крепкой в бранях воеводы, истинной Богородицы и Приснодевы Марии, и всех святых великих чудотворцев, за всю святую Русскую землю заступников, более всего — великого светильника, настоящего и истинного заступника славного именитого града Пскова, благоверного великого князя Гавриила-Всеволода, с ним же и князя Довмонта и Николая, Христа ради юродивого, и всех святых, — исполнились неизреченной радости и великую благодарность Богу вознесли. И после великого своего труда государевы бояре и воеводы и все православное

христианское воинство получили малое отдохновение и отерли храбропобедный свой пот.

Потом государевы бояре и воеводы обратились ко всему христианскому воинству и псковичам, мудроучительно наставляя их: «Сегодня, братья, для нас был первый день плача и веселья, храбрости и мужества. Плача — ибо за грехи наши подверг нас Бог тяжелому наказанию; веселия — ибо сподобляемся мы умирать за христианскую веру и отеческие законы. Ныне настает время храбрости и мужества; как начали, так молим Бога и постараемся завершить, видя такое великое милосердие Бога к нам. Ибо сказано: „Сильные враги наши пали, а мы, немощные, обрели силу; и ненасытные полностью хлеба лишились, а мы по милосердию Божию исполнены благ". И еще: „Не помянет Господь Бог грехи наши и отвратит праведный свой справедливый гнев". И, видя его великое милосердие и доброе начало, надеемся и на славный конец: ибо говорят некоторые о нравах хвастливых литовцев, что если ошибутся они вначале, то потом слишком торопиться начинают. Мы же благодатию Христовою и по имени его христианами зовемся. Будем же готовы умереть за святую ту Христову веру и за православного государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за его государевых детей, наших государей. И в помыслах, и в сердцах наших не изменим им и не поддадимся страху и отчаянию, ибо ему, государю, непобедимое оружие — Животворящий Крест целовали. Как говорит святое Евангелие, неизреченные Христовы уста: „Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою опустошит? Или что даст человек за душу свою?"» С такими премногими утешительными словами обратились государевы бояре и воеводы, как истинные христианские поборники, к подвластному им войску.

Христолюбивое воинство, услышав это, с плачем и со слезами, смиренно и благочестиво отвечало так: «От прародителей своих мы — христиане, и сами в Христовой вере родились, и ныне готовы умереть за Христову веру; как начали — с Богом, так и завершим, без всякого обмана». Так и свершилось по благодати Христовой.

Потом государевы бояре и воеводы повелели похоронить доблестных храбрецов, пострадавших за веру Христову, как древних мучеников, погибших от руки литовских мучителей. Всего же было убито после первого большого приступа 863 человека. А раненых повелели лечить за счет государевой казны. Всего же ранено было в первый большой приступ 1626 человек.

Литовский же многогорделивый король Стефан, увидев, что желания его не сбылись, а его литовское воинство постыдно и со срамом бежало от города, великого стыда исполнился, гетманов своих и ротмистров даже видеть не мог. И гетманы не смели явиться к своему королю, стыдясь своего позора и неуемной похвальбы перед королем. К тому же услышал король, что великий угорский гетман, любимый им Бекеш Кабур, убит под Псковом и иные великие и славные литовской земли люди убиты: пан Стефан, пан Мартын, великий угорский гетман Петр, пан Ян Сиос, пан Дерт Томас, пан Генес Павлов, пан Береденик и иные многие великие и славные литовские паны. А всех градоемцев, убитых

под Псковом, как говорили они сами, было более 5000, а раненых даже и вдвое больше.

Услышав об этом, король впал в отчаяние и великую кручину, осыпая себя и свое войско многими упреками. К тому же слышит король у себя в станах плач сильный, и крик, и рыдание, и вопли многие, будто весь лагерь пришел в волнение и смятение: пани о панах плачут, мужьях своих, матери с детьми своими прощаются, брат с братом разлучаются. Жестоко поплатились они под Псковом жизнью своей: повелели пани своим встречать их из Пскова, но за эту похвальбу сами не вернулись с псковского поля и изо рва не вышли, а тела их были отданы на съедение псам.

И снова сел король на свой высокогордый престол, а пред ним предстали великие его гетманы и паны рады, его первосоветники, и все размышляли: «Каким образом можно взять град Псков и какой хитростью и мудростью одолеть в Пскове неукротимых воевод и непокорный народ?» И вновь держат совет, как взять богоспасаемый град Псков. Одни говорят, что нужно брать приступами, другие же первосоветники велят с ласкою и угрозами просить град Псков у государевых бояр и воевод и у народа, о том написать грамоты и кидать их на стрелах в город. «Если же и так не одолеем и ласкою и угрозами не уговорим, то пусть великие гетманы и паны первосоветники, каждый замыслив свой подкоп, поведут их под городскую стену, чтобы подложить потом порох и поджечь его; так, не проливая крови литовского своего войска, легко и быстро можем взять град Псков». Выслушал король этот безбожный совет их, это кощунственное их умышление, это суетное и тщеславное возношение ума их, и многие похвалы расточил их разуму, и решил поступить по их совету. Вновь литовские ротмистры и гайдуки, следуя решению совета, начинают каждодневные вероломные приступы на проломные места.

Государевы же бояре и воеводы с христолюбивым воинством никоим образом не давали врагу взойти на городскую стену. Тогда же государевы бояре и воеводы повелели построить против проломного места деревянную стену с многочисленными бойницами, и многие башни поставили, и во многих местах поставили орудия, готовясь к приступу литовских сил. Между обеих стен — каменной и деревянной стеной в городе, повелели выкопать ров и поставили в нем острый дубовый чеснок, так же и по всему пролому и в башнях поставили и укрепили плотный острый чеснок, так что человеку невозможно было никаким образом пробраться через него. По-разному готовились к приступам: кто готовился, зажигая смолье, метать его в литовцев, кто подогревал в котлах кипяток с нечистотами или готовил кувшины с порохом, чтобы метать их в литовцев, кто сухую сеяную известь приготавливал, чтобы засыпать литовскому воинству бесстыдные их глаза. И так благодатию Христовою основательно и надежно приготовились к приступам. Литовское же воинство ежедневно, а иногда дважды и трижды в день и ночью штурмовало город, но всегда, с помощью Бога, христиане отбивали литву от стен и многих литовских воинов во время разных приступов уничтожали, христианское же воинство всегда Богом защищено было.

Гордонапорные литовцы убедились, что невозможно стены города взять штурмом, и нехотя сказали об этом своему королю. Король же повелел в Псков государевым боярам и воеводам писать грамоты о сдаче града Пскова. «Знайте, — писал он, — бояре и воеводы, что не затем я пришел под ваш град Псков, чтобы уйти, не взяв его. Да и сами знаете, сколько городов государя вашего взял я в прошедшие два года и ни от одного не ушел, не взяв; не только передо мною, но и перед посланными мною гетманами не мог устоять ни один из городов. Ныне же пишу вам, жалея вас и щадя ваше достоинство: помилуйте себя сами и покоритесь моему великому имени, сдайте город без крови. Если так поступите, да известно будет вам, что ни один из вас, знатных, не был так пожалован вашим государем, как мною будет обласкан и облагодетельствован. Если же явитесь ко мне, надеясь на мою доброту, то даю вам свое королевское слово и вместе с благородными своими панами обещаю вам, что не только наместниками моими будете в граде Пскове, но и многие города в вотчину вам дам, если мирно сдадите мне город. Весь народ в городе помилую, и будете вновь жить по своим законам, и каждый свои обязанности исполнять и торговать по-старому на своих торгах. Если же не покоритесь, то ни один человек во всем великом вашем граде Пскове не увидит моей милости, но все по-разному умрут горькою смертью». И, написав грамоты, пускают их на стрелах в город, и не один раз, и не дважды, но много раз пускают стрелы с такими грамотами в Псков.

Государевы же бояре и воеводы пишут в ответ так: «Пусть знает твое величество, гордый литовский правитель, король Стефан, что в Пскове и пяти лет христианский ребенок посмеется над твоим безумием и твоими глупыми первосоветниками, о которых ты нам писал. Какая польза человеку возлюбить тьму больше света, или бесчестие больше чести, или горькое рабство больше свободы? Чем лучше нам оставить святую свою христианскую веру и покориться вашей плесени? И какое приобретение чести в том, чтобы оставить нам своего государя, православного великого христианского царя, и покориться иноверному чужеземцу и уподобиться иудеям? Тем более что они по незнанию или по зависти распяли Господа Славы. Нам же, зная своего православного царя-государя, в царской державе которого и прародители наши родились, как оставить его? Или думаешь прельстить нас лукавой ласкою и пустой лестью или суетным богатством? Но и всего мира сокровищ не хотим за свое крестное целование, которым присягнули своему государю. И что ты, король, стращаешь нас горькими и позорными смертями? „Если Бог за нас, то никто против нас!" Все мы готовы умереть за свою веру и за своего государя, но не сдадим града Пскова, не покоримся льстивым твоим словам. Ни один из младоумных в граде Пскове не последует твоему совету, из степенных же и зрелых мужей в Пскове никто даже слушать не будет о твоем безумном умышлении. Готовься к битве с нами, а кто кого одолеет, то Бог покажет». И так же, на стреле, пустили врагу свой ответ.

Государевы бояре и воеводы совершали частые и каждодневные вылазки за город; Божьей милостью и царским счастьем и благодаря своей боярской и воеводской находчивости многих языков литовских захватывали, и в город приводили, и выведывали у них, пытая и

истязая, о замыслах против Пскова короля и его первосоветников и потом готовились против их козней. В один из дней была вылазка за Варлаамские ворота, и там схватили литовских языков, от них же точно узнали, что литовские гетманы самонадеянно похвалились своему королю подкопами взять град Псков и каждый из военачальников разных земель свой подкоп повел: подкоп королевский польский, подкоп литовский, скорый и хвастливый, подкоп угорский, подкоп немецкий; и всего в разных местах 9 подкопов. Эти же литовские языки сказали государевым боярам и воеводам, что все те подкопы повели еще 17 сентября, а вперед всех готов будет угорский подкоп. И ни один из тех литовских языков не знал, к какому месту ведутся те подкопы, и говорили они, что в литовском войске зорко следят, чтобы о тех подкопах никто не знал.

Государевы бояре и воеводы, разведав, что литовский король под Псков многие подкопы повелел вести, возблагодарили Бога, что узнали об этом умысле литовском, сокрушались только, что не узнали, под какие места ведутся подкопы. И, призвав Бога на помощь, повелели против подкопов из города повести несколько слуховых ходов, не только от пролома, где ожидали подкопов, но по всему Пскову в слуховых ходах велели внимательно следить за подкопами.

Также и освященный собор беспрестанно, день и ночь, молил Бога о избавлении града Пскова от нынешних бед; трижды в неделю приходили на пролом с крестами, святыми чудотворными иконами и чудотворными мощами благоверного князя Гавриила-Всеволода и с другими святынями и совершали молебны. Литовские же гайдуки, как только слышали, что христианские священники служат молебен у пролома, рядом с Покровской угловой башней, то, догадываясь, что там собирается много народа, начинали метать туда камни и ими христиан увечили.

Однажды, 20 сентября, священники, как обычно, пришли с крестами к Покровской угловой башне и совершали молебен, литовские же гайдуки опять, по дикому своему обычаю, начали швырять камни в город. И огромным камнем попали в принесенный из собора Живоначальной Троицы чудотворный образ великого страстотерпца Христова и великомученика победоносца Дмитрия Солунского, икону греческого корсунского письма, в надетый на нем золоченый доспех, и пробили доспех повыше пояса, у правого плеча, так глубоко, что и левкас до доски отбили. Священники же, а также государевы бояре и воеводы и все православные христиане, увидев свершенное над образом страстотерпца, обратились к святому великомученику Христову Дмитрию: «0 великомученик и победоносец, узнай врагов наших дерзость: не только над нами, но и над святым твоим чудотворным образом надругались. Так помолись же, святой Дмитрий, Господу и избавь нас от врагов наших своею молитвою и помощью, как умолил ты милостивого Владыку за свой град Солунь и как помог некогда в битве с погаными немцами на великом Чудском озере великому князю Александру Невскому, защищавшему великий град Псков: тогда, как знак твоей милостивой помощи, нашли на месте великого побоища великого князя Александра Невского с немцами серьгу из правого уха,

оброненную с твоего чудотворного образа. Так и ныне, святой Дмитрий, яви милость свою и избавь нас и град наш Псков от врагов наших, злогордой литвы».

Разве можно чудо молчанию предать? И о новом милосердии Божьем нужно рассказать.

В тот же день, когда безбожные дерзнули и на святой образ страстотерпца посягнуть, полностью открылся умысел литовского короля и всех его первосоветников, а именно: какие подкопы ведутся и под какие места городской стены. А случилось это таким образом. Из литовского войска прибежал в город Псков перебежчик, прежде русский, полоцкий стрелец по имени Игнаш. Тот Игнаш государевым боярам и воеводам и рассказал, против каких мест ведутся подкопы, и со стены указал те места. Государевы же бояре и воеводы, услышав это, радости исполнились и возблагодарили Бога, и Пречистую Богородицу, и святых великих чудотворцев, и святого великомученика Дмитрия, ибо ради его святого образа Бог и это неведение открыл. Против тех подкопов скоро и спешно начали копать слуховые ходы, и сентября в 23 день Божьей милостью наши русские слуховые ходы сошлись с литовскими подкопами между Покровских и Свиных ворот и злодейский их умысел с помощью Христовой расстроился. Так же и другой подкоп под Покровскую башню перехватили, а остальные литовские подкопы за городом сами обрушились. И так Божьей милостью и этот литовский план окончательно расстроился.

Увидев безнадежность своих планов и неосуществление замыслов своих первосоветников, литовский король и его войско ежедневными приступами вновь пытаются занять городскую стену и внезапно ворваться в город с многою силою. Русское же христианское воинство даже ступить на городскую стену им не дает. Вновь литва, стремясь осуществить свои неосуществленные замыслы, обсуждает старые свои приемы взятия городов: «Если вызвать как-то смятение в городе, то через проломные места сможем войти в город». И вот октября в 24 день из-за Великой реки начали стрелять по жилым домам раскаленными ядрами и чуть ли не весь день стреляли. Но милостью Божьей и от этих литовских козней Бог сохранил великий град Псков совершенно невредимым.

Гордонапорная литва, увидев, что и так не добилась она даже малого из того, что хотела, другое дерзкое решение принимает. 28 октября со стороны реки Великой под городскую стену пробрались литовские гайдуки, градоемцы и каменотесы и, закрывшись специально сделанными щитами, начали подсекать кирками и всякими орудиями для разбивания камня каменную стену от Покровской угловой башни и до Водяных Покровских ворот, чтобы вся стена, подсеченная, упала в реку Великую. А деревянную стену, что построена для укрепления рядом с каменной, хотели зажечь. В то же время из-за реки Великой по народу, стоящему в том месте у городской стены, решили стрелять из орудий и так надеялись окончательно взять город.

Государевы же бояре и воеводы, увидев такой над городом умысел, против замыслов литвы для обороны города со своей стороны повелевают зажженное смоляное тряпье на литву и на щиты их метать, чтобы от огня щиты их загорались, а сами они от удушливого дыма из-под стены выбегали или же там сгорали. Литовские же воины, понуждаемые силой, все это терпели и стояли, упорно и настойчиво подсекая стену.

Государевы же бояре и воеводы против их подсекателей повелели провертеть сквозь деревянную и каменную стены частые бойницы и из тех бойниц стрелять по ним из ручниц и копьями их колоть. Кроме того, лили на них горячую смолу, деготь и кипяток, зажженный просмоленный лен на них кидали и кувшины с порохом в них бросали. Те литовские гайдуки, что надежно укрылись, продолжали долбить стену; другие же, охваченные огнем и дымом, не в силах терпеть, стремглав выбегали из-под стены. Чтобы ни одному из этих проворных литовских гайдуков не дать возможности убежать, были приготовлены опытные псковские стрельцы с длинными самопалами. Некоторые же литовские градоемцы так глубоко продолбили стену, что уже и без щита могли ее подсекать, и ни горячей водой, ни огнем пылающим их нельзя было выжить. Но и против этих, особенно бесстыжих, благомудрые государевы бояре и воеводы с мудрыми христианскими первосоветниками придумали для спасения города следующее: повелели навязать на шесты длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских камнетесов и теми палками и острыми крюками извлекали литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи. Когда железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градоемцев, то выдергивали их из-под стены; стрельцы же из ручниц тела их «клевали», как белые кречеты сладкую добычу, и литве убегать никоим образом не давали.

Бедные же литовские градоемцы, гайдуки и камнетесы, увидев, что и этот замысел их гордых воевод не осуществился, не могли терпеть больше их понуканий, прибежали в стан к королю, от горечи сердечной с плачем говоря: «Да повелит твое величество, государь король Стефан, всем нам в станах от меча твоего умереть, но не вели всем до единого погибнуть под крепостью Псковом. Насмерть бьются, упорно и умело русские люди из крепости Псков, и еще более умело и мудро справляются со всеми нашими уловками главные их гетманы, и никак не можем устоять против них». Король, услышав это от своих верных градоемцев и гайдуков, осудил их за эти слова в сердце своем, но только сказал в ответ: «Пане гайдуки, еще два или три приступа к городу совершите ради меня, если и тогда не возьмем город, то сделаю все, как вы хотите, и из окопов от крепости отведу».

И повелел из-за Великой реки беспрестанно все дни из орудий бить по стене, и ежедневные приступы повелел совершать. И пять дней подряд из орудий по городу били, и все те пять дней упорными приступами осаждали город, стену же городскую и со стороны реки Великой разбили. После этого 2 ноября по льду пошли на большой приступ от Великой реки, а гетманы и ротмистры их на конях наезжали, саблями

секли гайдуков, понуждая их идти к городу на приступ. Но стоило им броситься с криками к городу, как из города всех их, подгоняемых гайдуков и подгоняющих их ротмистров, уложили, словно мост по льду. Так и в этот день Божьей милостью спасен был великий град Псков.

Государевы бояре и воеводы государю из осады, из его государевой отчины, именитого града Пскова, послали донесение об убитых и раненых в первый большой приступ и просили о пополнении, чтобы отстоять град Псков от множества замышлений литовского короля. Благоверный царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, узнав о том, в своем царском величии через свои стрелецкие приказы повелевает голове стрелецкому Федору Мясоедову со своим отрядом стрельцов пройти через литовский лагерь в осажденный град Псков на пополнение. Стрелецкий голова Федор Мясоедов, желая достойно исполнить царское повеление, мужеством своим и храбростью поборол страх перед литовской силой и, Божьей милостью вооружившись и царским наказом укрепившись, не щадя своей жизни ради христианской веры, желая царской милости и боясь царского гнева, добрздоров прошел сквозь литовское войско со всеми стрельцами и обозом. И когда услышали о его приходе в Псков государевы бояре и воеводы и все христианское русское воинство, что было в Пскове, возблагодарили о том Бога и государя; литовские же воины познали унижение и страх из-за того, что пропустили, не заметив, русское войско в град Псков.

Гордый король, увидев, что никакими способами и злыми умыслами нельзя взять град Псков, повелел ротмистрам с гайдуками отойти от города в станы и орудия оттащить. И так, ноября в 6 день, на память преподобного отца нашего Варлаама Хутынского, в четвертый час ночи все литовские гайдуки и ротмистры из окопов вышли и орудия от всех тур отволокли. Государевы же бояре и воеводы, а также все христолюбивое воинство вместе со всем народом, пребывающим в Пскове, услышав об этом, благодарно и радостно вознесли хвалу Богу, надеясь, что вскоре и король со всем войском отойдет.

Но король еще стоял под городом и размышлял о своем безуспешном походе, думая, как и чем смыть стыд и срам с лица своего и как хоть немного оправдать пустую и гордую похвальбу свою. Ибо за непомерную гордыню он был низвергнут, многие богатства свои истощив, желаемого не получил, бесчисленное свое войско уложил, а столь желанного для него града Пскова не одолел, но еще и несказанным позором покрыл себя. Пока литовский король Стефан все еще стоял под Псковом, благоверный царь-государь на Литовскую землю послал воевод своих с войсками, и там, в Литовской земле, государевы воеводы многие литовские города завоевали и пленили и невредимыми возвратились на Русскую землю с большим богатством и пленом. И над этим тоже размышлял король.

В это время приехал к нему лютеранской веры римского католического папы протопоп Антоний. Король же, увидев его, сильно обрадовался. Первым призывает его к себе на совет, открывает протопопу Антонию крушение своих желаний, защиты у него от своего позора просит и

помощи, вместе они советуются, как заключить мир с государем нашим. О премудрость и милость Божия, ибо гордых Господь смиряет, а смиренных возносит! Некогда литовский король говорил, что о мире с русским царем даже мысли не допускает, ныне же сам советуется, как бы ему с государем нашим мир заключить. Решение это король с радостью принимает, а также посылает гонцов своих к государю царю и великому князю, чтобы договориться о съезде послов.

Протопоп же Антоний, усвоивший Ихнилатово лукавство и льстивость хитрой лисицы, сам является к государю до съезда послов и по желанию обеих сторон берется помирить их и говорит, что он послан от римского папы для примирения государя и короля. Король же по его совету для начала так поступает: сам король от Пскова в свою Литовскую землю уходит в тот же семь тысяч девяностый год (1582), декабря в 1 день, на память святого пророка Наума. Под Псковом же оставляет пана канцлера, польского гетмана, и с ним множество людей для продолжения осады великого града Пскова, страша и угрожая город осадой вымотать или голодом уморить, а еще надеясь, что беды, охватившие город, вынудят град Псков сдаться. Такой совет король поляку канцлеру оставляет, сам же король в Литву отъезжает. Поляк же канцлер тоже похваляется длительной осадой взять Псков-град.

Где же твой ум, польский король? Где твои безбожные планы, князь великий литовский? Где же твой здравый смысл, Стефан? Думаешь ветрами повелевать, в морской пучине хочешь найти дорогу, высоко парящего орла круги сосчитать? «Невозможно тебе против рожна идти! Если Бог за нас, то ты ли на нас?!» В том и проявилось твое безумие, что сам и при своем пребывании здесь всякими своими разными хитростями не взял великого града Пскова, ныне же, после своего унизительного и постыдного отступления от Пскова-града, холопу своему велишь взять великий град Псков. 0 глупость! о неразумие! голова с ногами советуется, господин рабу своему честь воздает! Если бы какой-нибудь твой воевода, посланный тобою под который-нибудь из городов, повеление своего государя не исполнил, это было бы неудивительно; но если сам господин, не справясь, холопу исправить велит — позор это и для простых воинов, а тем более для военачальников; даже если бы потом и сам исправил.

Что же ты хвалишься в лютой злобе беззакония? Не своею ведь силою нас одолеваешь, но за свои грехи мы несем наказание. Говорится в книге о пленении Иерусалима Титом, царем римским: «Не Тита Бог любил, но Иерусалим казнил». Ты же похвалился до конца разорить царство христианское. Как посмел ты своим дерзким языком такую похвальбу произнести, что христианское царство разоришь, или предтеча ты отступника, который явится перед концом царства? Говорит ведь Писание: «Нет под небом народа, который сможет одолеть царство христианское», ибо посреди него воздвигнута крестная сила, этим крестом вселенские концы премудро определяются по широте, и долготе, и высоте, и глубине. Какая мощь и какая сила сможет одолеть крестную силу? Почитая крест, христианское царство недвижимо распятым на нем владыкою Иисусом Христом оберегается. Когда же придет время отступничества, объявится антихрист, сын погибельный,

когда, как сказал апостол, «упразднится всякий порядок и власть, тогда, сказано, и сам Сын предаст царство Богу и Отцу». Какое же это царство, как не христианское? Если же видим, что Бог карает христианское царство всякими бедами, то за грехи карает. «Ибо кого Бог любит, того и наказывает, бьет сына, которого приемлет». Устремятся, сказано, все царства со всех четырех сторон на христианское царство, но не одолеют его. И, как чистое золото, христианский род проверится всякими испытаниями, но, сказано, «претерпевший до конца и спасется». Так и сам Спаситель наш сказал в Святом Евангелии: «И, придя, найдет сын человеческий веру во время ослабления веры». За эту же Христову веру желаем умереть, на Бога надеемся, что избавит нас от посланных на нас бед. Ибо написано: «Многие скорби суждены праведным, и от всех избавит их Господь»; «Потерпи Господа ради, и вознесет тебя как наследника земли». Но расскажем о происходящем.

Когда король литовский ушел в свою Литовскую землю, то польский гетман, пан канцлер, остался под градом Псковом со многою силою, Псков же град еще оставался в осаде. Государевы бояре и воеводы против литовского воинства совершали частые вылазки из града Пскова через разные ворота и с Божьей милостью литовское воинство побивали и языков в город приводили. К государю же царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси государевы бояре и воеводы часто из Пскова гонцов с грамотами посылали, писали обо всем происходящем в Пскове и о неослабной надежде на Бога, извещая государя о том, что было при королевской осаде, и о королевском отступлении от города, и о стоянии под Псковом воевод его, пана канцлера с товарищами. С этими грамотами из Пскова многие гонцы к государю через литовское войско проходили.

Государь же, узнав о благоздравной христианской победе над литвою в своей отчине, граде Пскове, и о бегстве с позором от града Пскова короля литовского, Богу и Пречистой Богородице и всем святым великую благодарность воздал с благоверными своими царевичами и царицами. Преосвященному же митрополиту в царствующем граде Москве повелел повседневные молебны петь и такие же молебны совершать во всех архиепархиях и епархиях.

Канцлер же пан, польский гетман, с литовскою силою все еще стоял под Псковом, град Псков войском держа в осаде, на взятие города не решался и даже приблизиться не осмеливался, но только стоял, окружив град Псков своими войсками. Государевы же бояре и воеводы против их осады тоже всякое измышляют: в 4 день января из Великих ворот сделал вылазку болыпой отряд конных и пеших, и в той вылазке более 80 храбрых и прославленных знатных панов убили, и много важных языков в город привели. Это была последняя вылазка. Всего же вылазок из города было 46, а приступов литовских к граду Пскову — 31.

Жестокосердный тот, великогордый поляк канцлер, увидев неожиданную кончину своих великих знатных и храбрых панов, впал в великую кручину. Против государевых бояр и воевод, более всего

против государева боярина и воеводы князя Ивана Петровича Шуйского, измышляют они великую хитрость.

Того же месяца января в 9 день пришел из литовского лагеря в Псков русский пленник и принес с собою большой ларец. Его впустили в город и привели к государевым боярам и воеводам, он же сказал им о ларце и грамоте, что с ним присланы от королевского дворянина Гансумеллера. В грамоте же было написано: «Первому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу, Гансумеллер челом бьет. Бывал я у вашего государя с немцем Юрием Фрянбреником, и ныне вспомнил государя вашего хлеб-соль, и не хочу против него стоять, а хочу выехать на его государево имя. А вперед себя послал с вашим пленником свою казну в том ларце, который он к тебе принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец у того пленного взял и казну мою в том ларце один осмотрел, а иным не давал бы смотреть. А я буду в Пскове в скором времени».

Государев же боярин и воевода князь Иван Петрович грамоту прочел и, посоветовавшись со своими товарищами, почувствовав, что ларец тот с обманом, повелел найти таких мастеров, которые ларцы отпирают, и отнести ларец подальше от воеводской съезжей избы своей, и отпереть его со всей осторожностью. Когда мастер открыл тот ларец, то увидел, что он дополна наполнен: двадцать четыре заряженных самопала смотрели на все четыре стороны, поверх их было насыпано с пуд пороха, взведенные же замки самопалов были соединены ремнем с запором ларца, стоило только дотронуться до него, как спускались курки взведенных самопалов, высекая огонь, поджигая порох. Таков был умысел канцлера и хитрый план его подчиненных против государева боярина и воеводы князя Ивана Петровича Шуйского; за его верную государеву службу, и за его непобедимое воеводство, и за его благоразумный разум в государевых делах против государевых недругов, и всех королевских умыслов, и канцлеровой похвальбы, и всего литовского войска гордости хотели погубить таким образом.

Но что твоя безумная гордость, глупый воевода, канцлер, с подчиненными тебе помощниками? Затеял ты выше своего ума дело, выше Бога замысел. Я же тебе так скажу: кого Бог хранит, того и вся вселенная не сможет убить, а от кого Бог отвернется, того и вся вселенная не сможет укрыть. Ибо сказано: «Праведный жив будет, вместо него погибнет нечестивый». Ведь сказал Господь в Святом Евангелии своим ученикам, не только им одним, но и всем верующим истинною верою в его имя: «Ныне даю вам власть наступать на змею и на скорпиона и на всю силу вражию, и ничто не повредит вам». Мы же по благодати Христовой царскую Христову печать, крест, на лицах своих запечатлеваем и все ваши бесовские умыслы с Христовой помощью можем расстроить.

И от этого смертоносного хитрого умысла в Троице славимый Бог и Богородица уберегли и не погубили государева боярина и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского с товарищами, да и того не погубили, кто ларец тот отпирал.

После этого минуло несколько дней; и в 17 день того же месяца января с южной стороны богохранимого града Пскова, от церкви Нерукотворного образа с Поля, где литовский воевода, польский гетман, канцлер с литовским войском стоял лагерем, из литовских станов показалось много людей, конных и пеших, направляющихся к городу. Государевы бояре и воеводы, увидев их, думали, что литовское войско вновь идет к городу на приступ, и приготовились всем христианским войском к бою с ними. Но затем увидели, что литовские воины остановились, от них только один конный к городу направился, тогда же увидели, что это русский, великого князя сын боярский Александр, именуемый Хрущов; он въехал в город и отдал государевым боярам и воеводам грамоты от государевых послов. В тот день пришло в Псков государевым боярам и воеводам первое известие о том, что государевы послы по государеву приказу с королевскими послами мир заключили.

Так, благодаря великому и неизреченному Божьему милосердию Пребезначальной Троицы и помощницы нашей и молебницы о всем роде христианском истинной Богородицы и Приснодевы Марии; и благодаря заступничеству пребожественных сил и покровительству и молению великих святых чудотворцев: великого прославленного чудесами чудотворца Николы; и сподобившейся увидеть образ Бога, трисолнечную зарю, Пребожественную Троицу, основательницы богохранимого того града Пскова, положившей начало истинной вере христианской во всей Русской земле, благоверных царей и великих князей благой родоначальницы, благоверной и христолюбивой великой княгини Ольги, нареченной во святом крещении Еленой; и святого правнука ее, благоверного князя Гавриила-Всеволода; и преподобного отца нашего Евфросина; так псковских чудотворцев и всех святых молитвами благоверный и христолюбивый царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси свою государеву отчину, град Псков, и всех пребывающих в нем избавил от литовского короля и от всего его войска только Богу известно какими судьбами.

Затем, месяца февраля в 4 день, польский гетман, канцлер, отошел от града Пскова в Литовскую землю со всею силою литовскою. Тогда же в граде Пскове раскрылись затворенные ворота; так пришел конец и повести этой.

Написана же повесть эта в том же богохранимом граде Пскове жителем того богоспасаемого града Пскова, иконописцем по ремеслу, имя же его таково: единица дважды, с единицей, пятьдесят удвоенное дважды, и четверка удвоенная, и три десятки, с пятеркою, заканчивается же десяткой, а всего букв в имени — семь.

Меня же, грешного и всех недостатков исполненного, не оскорбят учености вашей исправления; в своем совершенстве исправляйте и наши ошибки, как сказано в Писании: «Облегчайте тяготы друг друга и так исполните закон Христов».

Слава изначальному, и высокоименитому, и все создавшему Вседержителю, в Троице почитаемому, с Сыном славимому, со Святым

Духом воспеваемому, в небесах же ангелами славимому, людьми воспеваемому, и всеми живыми почитаемому, Безначальному Отцу с Единородным Сыном и со Святым, Благим и Животворящим Духом и ныне и вечно и во веки веков. Аминь.

Повесть о явлении икон Богородицы на Синичьей горе

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ВСТУПЛЕНИЕ

События, о которых рассказывается в Повести о явлении икон Богородицы на Синичьей горе, происходили в местах, ныне хорошо известных всем, — это Пушкинские Горы, городище Воронич, что рядом с Тригорским, имением друзей А. С. Пушкина. Церковь Успения Святогорского монастыря и могила А. С. Пушкина у ее апсид покоятся на горе, которая раньше называлась Синичьей. Как рассказывается в Повести, в 1563—1569 гг. отроку Тимофею в этих местах было несколько явлений икон Богоматери Умиление и Одигитрия. На месте явления икон на Синичьей горе сначала построили часовню, а после пожара и чудесного спасения обеих икон был основан Успенский монастырь по повелению царя Ивана Васильевича.

До недавнего времени Повесть о явлении икон на Синичьей горе была известна только в редакциях XVII в., хотя первый исследователь ее текста Н. И. Серебрянский (Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 66—73) и предполагал, что первоначальная редакция Повести могла быть составлена ранее. В настоящее время обнаружено большое количество новых списков Повести, среди которых многие тексты можно признать первичными по отношению к редакциям XVII в. Мы публикуем текст Повести о явлении икон на Синичьей горе, который считаем первоначальным, составленным в 70—80-е гг. XVI в.

Мотивы и сюжетные линии Повести типичны для рассказов о явленных иконах, однако их художественное сплетение не производит впечатления механического отвлеченного сочинительства. В Повести нет умозрительных рассуждений, толкований, цитат и примеров из Священного Писания, молитв, только описание действий и событий, и это делает сюжет динамичным и занимательным. Литературные вкусы автора первоначальной редакции просты. Он стремится рассказать о событиях живо, убедить в правдоподобии того, о чем пишет, и находит такие детали и образы, которые помогают представить события как некое действо, происходящее перед глазами читателя. Автор приводит множество подробностей из жизни Тимофея, проявляет интерес к изображению его настроений и психологических состояний, хотя в их

описании много этикетного, стремится быть убедительным в изложении чудесных явлений и исцелений.

Первоначальная редакция Повести заканчивается сообщением о том, что Иван Васильевич повелел построить на Синичьей горе церковь Успения и быть обители. Редакторы XVII в. (существует несколько редакций Повести XVII в.), оставив почти без изменений текст первоначальной редакции, распространили его нравоучительными наставлениями, дополнили рассказом о дальнейшей судьбе Тимофея, составили описание чудес от икон Умиление и Одигитрия и крестного хода в Псков с этими чудотворными иконами, завершили текст Повести молитвой Богородице. В литературном отношении Повесть о явлении икон на Синичьей горе в редакциях XVII в. стала более многослойной, риторичной, дидактической.

Текст первоначальной редакции Повести издается по списку *РНБ,* собр. Погодина, 901, XVII в., л. 10—22. Исправления и дополнения делаются по списку *РНБ,* собр. Погодина, 902, XVII в.

ОРИГИНАЛ

ПОВѢСТЬ И СКАЗАНИЕ О ЯВЛЕНИЕ ПРЕСВЯТЕЙ ВЛАДЫЧИЦЕ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ В ВОРОНОЧИ НА СИНИЧЬИ ГОРѢ, ИЖЕ ЕСТЬ СКАЗАЕМО

Благослови, отче!

Бысть изволение Божие Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа при державе благовѣрнаго, и благочестиваго, и Богомъ хранимаго царя государя и великого князя Иванна Васильевича всеа Русии, правяще ему тогда скипетръ Росийскаго царства, от создания мира по лѣтехъ 7071-го.

Бысть во области града Пскова веси, зовѣмей Вороноче,[1] человекъ нѣкий именемъ Терентий и жена его Настасия. Родися у нихъ отрокъ, нареченно бысть имя ему во святомъ крещении Тимофей. Бысть же отроча молчаливъ и кротокъ, и смиреномудриемъ и тихостию пребывая в покорении родителей своих, никому жестока словеси и неподобна не извещеваше, аки и юнии творяху ему пакости, от злыхъ научении, паче же и враговъ прельщаеми. Егда же бысть отрокъ в возрасте пятьнадесять лѣтъ, мнози глаголаху его урода, рода несмысленна нарицаху. Родители же повелѣша ему паствити скоты, он же со тщаниемъ повелѣнное творяше, со всякимъ покорениемъ и послушаниемъ родителей, безо всякого прекословия, якоже подобаетъ святым.

Егда пасущу ему скоты на реце, зовемей Лугвице, в годъ вечерняго пѣния видѣ на воздусѣ свѣтъ великъ, паче солнца сиающе. Онъ же ужасенъ бывъ от страха и паде на земли, моляхуся Богу, глаголя: «Господи Исусе Христе, молитвами Пречистыя твоея Матере помилуй мя». И помышляше, что будетъ видѣние се. И абие слыша гласъ

предивенъ от свѣта оного: «О, Тимофее, востани, не бойся!» Он же паки трепетенъ восклонився и видѣ во свѣте ономъ икону Богородичину, стоящу велику Пречистыя Умиление, держаще на руки превѣчнаго младеньца Господа нашего Исуса Христа и своимъ пречистымъ и непорочнымъ лицемъ преклоньшуся пречюдному лицу Господню. От нея же свѣтъ, сияющъ паче лучъ солнечныхъ, и гласъ бысть к нему: «О, Тимофее, поиди на Синичию гору, тамо узриши благодать Господа Бога, Творца небеси и земли, и вся яже в нихъ Содѣтеля, и Создателя всему миру, и Благодателя всякому дыханию». Онъ же паки во страсѣ велице размысляше, что есть видѣние сие, умомъ внимая, помышляше, гдѣ такова гора обрѣсти, и недоумѣвашеся. И воспомяну, како хожаше с родительма своима во оныхъ пустыхъ мѣстехъ, собирая овощи земныя, и слыша от нихъ зовома Синичья гора. И тако во умъ пришедъ, остави скоты отца своего, еже пасяше, и потече по мале стезе чащею лѣсомъ.

Вечеру же сущу глубоку наставшу и дошедъ Синичьи горы. Приходящу ему близъ Синичии горы и видѣ на горѣ свѣтъ пречюденъ сияющъ, икону же ону ту во свѣте ономъ стоящу Пречистыя Умилѣние на воздусѣ. И гласъ бысть к нему: «О, Тимофее, от сего времени по шьсти лѣтехъ, тако Господу изволившу, иди на Синичию гору и обрящеши благодать велию. Ты же буди отнынѣ до реченнаго времени в терпѣнии блазѣ, благодать моя да будетъ с тобою». И паки взяся икона та пречюдная во свѣте ономъ на воздухъ, и невидима бысть. Онъ же паки на горѣ всю нощ без сна пребываше в недоумѣнии, во страсѣ велице.

Наутрии же, дни наставшу, поиде ко граду веси, зовемей Вороночъ, шествие творяху, глумляхуся, много от человекъ позоръ творяху ему, яко урода его мняху быти. И паки пришедъ во градъ *Воронач,* вниде в церковъ страстотерпца Христова Георгия помолитися и виде тую же икону пречюдную, стоящу в церкви. И паки удивися великому видѣнию Пречистыя Богородицы и предивному гласу, глаголющему к нему, и пад на землю, на многъ часъ со слезами моляшеся. Изшед изъ церкви, пути касашеся, реченнаго ему, обходя по градомъ и весемъ, работая человѣкомъ со всякимъ терпѣниемъ, мзды ни у кого же взимаше. Аще кто от боголюбивыхъ мужей что ему даяху за его трудное работание, онъ же вся та убогимъ раздаваше.

Нѣкий же от воинъскаго чина именемъ Михаилъ принуди его работати себѣ. Видѣвъ терпѣниемъ работающе добрѣ и помысли его браку сочтати, да не отоидетъ от него. Сей же паки гнушашеся вельми и урод творяшеся. Михаила же сие в лукавство вмѣняше, и прещениемъ великимъ принуди, и обручивъ ему деву от рабынь своихъ. И паки браку бывшу, Тимофей же не прикоснуся ей никако же, но по вся нощи без сна пребываше и уродъ творяшеся. Иногда же, падъ на земли, со слезами всю нощъ моляшеся Богу и Пречистыя его Богоматере избавитися ему от искушения дияволя. Дневи же наставшу, работаше со усердиемъ, от яди же мало вкушаше, вся та уродством сокрываше.

Обручница же его вся та возвести госпожи своей, и она же возвести мужу своему. И паки дивишася терпѣнию его, и страх велий обдержаше ихъ. И призваше его господинъ трапезе своей, и молиша много, и прощения прося, онъ же паки со слезами многими прощение имъ

даваше радостию. Они же паки даша ему одежа добре, и обуша и́, и принудиша его сребреницы взяти, и отпустиша с честию великою и со слезами. Онъ же пришед тоя же веси къ церкви Покрову святей Богородицы в монастырь помолитися прилѣжно, данная же та вся убогимъ раздаваше, вдовицамъ и сиротам, сам же поиде во своей ветхой ризе, скончевая реченная ему.

Минувши же времени реченному шестому лѣту, обратися на прежереченную гору, рекомую Синичию, и обрѣте на горѣ икону Богородичину, стоящу Одигитрия, невелику пядницу,[2] у древа, рекомыя сосны. И возрадовася зѣло, и сотвориша собѣ кущицу от древъ близъ горы, и покры вѣтвиемъ, и под ней же ископа ямицу, идѣже мало покоя приимаше от труда, непрестанно моляся Богу и Пречистей Богородицы.

По днехъ же четыредесятехъ осия свѣтъ велий на горѣ в нощи. Он же паки воспрянувъ во страсе велице и видѣ во свѣтѣ ту же икону Богородичину стоящу чюдотворную Умиление на воздусѣ неодержиму. И гласъ бысть к нему: «О, Тимофее, иди во градъ Вороночъ, рцы иереемъ и народу, да идутъ со кресты и с чюдотворною сею иконою на Синичию гору на моление, яко ту изволися от Вседержителя Бога и Спаса нашего Исуса Христа быти благодати и милости велицей». Он же шедъ паки во градъ, возвести иереемъ и народу, они же не послушавше, уродива его нарекоша, ови же ругахуся ему вельми.

Тогда же бысть у великомученика Христова Георгия во градѣ священникъ Никита именемъ, той паче не послуша, но ругашеся ему, нарицающе его уродива безумна. И паки от того времени священникъ впадъ в болѣзнь лютую. Злѣ ему болящу немало время, бывшу во иступлении ума, видѣ себе пришедъ в церковъ великомученика Христова Георгия и виде чюдотворную икону Умиление Пречистые Богородицы. И гласъ бысть к нему: «Аще не послушаеши реченнаго рабомъ моимъ Тимофеемъ, то злѣ умреши и домъ твой расхищенъ будетъ». Он же очютився, призва старѣйшинъ града, сказа имъ вся поряду виденная ему. Они же, слышавше, совѣтоваху, глаголюще: «Коя нам тщета, яже сотворити тако». И послаша во всю область веси тоя, да изберутся в нареченный день, в пятокъ по недели всѣхъ святыхъ,[3] со кресты.

И паки собрану народу сущу многу, и воздвигоша икону чюдотворную *Умиление,* начаша пѣти молебная и поидоша к горѣ, рекомей Синичии, гора же та бысть три поприща[4] в пусте мѣсте. Идущимъ же имъ, по пути молебная поюще, доидоша до рецѣ, зовомой Лугвицы, от града поприще едино. И гдѣ явися Пречистая чюдотворная во свѣте ономъ первое Тимофею, на томъ мѣсте начаша чюдотворенная быти и исцеления всякими недуги одержимыхъ: хромыя хожаше, радостне с чюдотворною иконою здравы и исцелены на Синичию гору идяще, древяницы же от ногъ меташа, а ручныя же на древесѣхъ по пути повѣсиша. И по пути многа исцеления быша.

А Тимофей единъ на горѣ у Пречистыя у самоявленныя стояше плачюще. И услышавшу имъ звукъ велий на востокъ, аки громъ гремящ,

и дыхание бурное восташа, лѣсу преклоньшуся. Он же трепетенъ бывъ и во страсѣ велице и недоумѣвашеся, что есть шумъ велий, падъ на земли, на многъ часъ моляся со слезами Богу и Пречистей его Матери. И утвердися от страха, побеже з горы во стрѣтение шума и узрѣ по лѣсу идуще чащею с чюдотворною иконою, поюще молебная. Он же возрадовася радостию великою, плачюще радостне, и падъ на земли, моляся Богу и Пречистей Богородицы. Народи же плачюще, на его зряще и прощения у него просяще. Он же прощение даваше имъ радостне и у нихъ благословения просяще. И на которомъ мѣсте стрете Тимофей чюдотворную икону, на томъ мѣсте многа чюдотворения бысть всякими недуги, слѣпыхъ и хромыхъ многа исцеления приимаху.

Тимофей же поиде напредь пред чюдотворною иконою, лѣсомъ и чащею идуще, а священницы с чюдотворною иконою за нимъ идуще, приведе ихъ к горѣ Синичии. Самъ Тимофей поиде на гору, приимаяся за вѣтвие, и с чюдотворною иконою за нимъ поидоша. Онъ же пришедъ, у древа сосны падъ на земли, моляся Богу и Пречистей Богородицы, народи же дивишася. И восклонися от земли, и возрѣвъ на дрѣво, руцѣ простеръ, и священницы и народи такоже возрѣша на древо и видѣвше Пречистую Одигитрие, у древа стояще, аки солнце видяще ко единой части на востокъ. А священникомъ молебная поюще Господу Богу и Пречистей Богородицы чюдотворному образу Умиления, Одигитрия, ноипаче исцеления различными недуги исцелеваху. Иерѣем же, видѣвше таковая чюдеса, страхомъ одержими быша, не возвратишася вспять, но ту пребываше, Всенощное пѣние возсылаху Богу и Пречистей его Матери. И паки безчисленная исцеления быша на недужных.

И прослыша же чюдотворенная во всѣхъ градѣхъ и весѣхъ. Иереи же, о той иконы Пречистыя Богородицы и народи совѣтоваша, возвѣстиша о томъ державнымъ града Пскова. Бысть тогда во Пскове государевъ воевода князь Георгий Такмаковъ,[5] он же, таковая слышавъ паки чюдеса, и дозрѣша, и возвестиша писаниемъ вседержавному царю государю и великому князю Иванну Васильевичю всеа Русии. Царь повелѣ извѣстно испытати. Бывшу же взысканию, исцелѣвшихъ дозираху, истинна ли сие будетъ.

В то же время на горѣ устроиша часовню на прихожение ради моления. И паки во время осени, на память Покрова[6] Пречистые Богородицы, сошедшуся народу многу сущу, вечерняя молбы сотворше. Вечеру глубоку сущу, людемъ сошедшу от труда починути, а чюдотворнымъ иконамъ стоящемъ в часовне, и стражем уснувшимъ, попущениемъ же Божиимъ часовня загорѣся. И видѣвше, людие притекоша, сѣтующе и в перси биюще, другъ друга укаряюще о таковемъ согрѣшении своего небрежения, и велику скорбъ вменяху о чюдотворныхъ иконахъ Пречистыя Богородицы.

Пламени же возгорѣвшуся велику, никто же возмогоша приближитися к часовне. И туга велика належаше, народи плачюще всю нощъ. И пламени угасшу, и страхъ велий нападе на нихъ о таковемъ согрѣшении. И обрѣтоша икону чюдотворную Пречистыя Умиление стоящу къ единой части на востокъ у древа, рекомыя сосны, а прочая иконы вся приношенныя погорѣли. Видѣвше же народи таковое чюдо,

прославиша Бога, припадающе, со слезами моляхуся Богу и благодарение возсылаху Пречистыя Богородицы о бывшемъ чюдеси. Наставшу же утру второму часу дни, начаша погорѣлое мѣсто росчищати, да соберутъ останки, коя сутъ желѣзная, и чюдотворную же икону Одигитрие, юже Тимофей обрѣлъ исперва, обрѣтоша в пепелу ничемъ невреженну, пламени же не прикоснувшуся.

Вся же та повѣдаша царю государю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии. Царь государь, услышавъ сие, прославиша Бога и Пречистую Богородицу, повелѣ на томъ мѣсте, идѣже обрѣтеся икона Пречистыя Богородицы Одигитрие, устроити церковъ камену во имя Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и повелѣ быти обители. Идѣже обрѣтеся чюдотворная икона Одигитрия, на томъ мѣсте устроиша олтарь на Божие славословие, а икону же Пречистыя Умиление чюдотворную повелѣ царь государь у тоя церкви поставити.

Слышано же бысть во всѣхъ градѣхъ и весѣхъ Росийскаго царствия, и стицахуся народи мнози от всѣхъ странъ, многа исцеления бысть болящимъ различными недуги, приходящимъ с вѣрою о Христе Исусе Господе нашемъ, ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *...веси, зовѣмей Вороноче...* — Воронич (Вороноч) — город-крепость, основан в XIV в. на юге Псковской земли, в 120 км от Пскова (ныне Пушкиногорский район). Некогда довольно большой и богатый город, был разрушен войсками Стефана Батория.

[2] *...икону... невелику пядницу...* — Пядь — мера длины, равняющаяся расстоянию между указательным и большим пальцами. Пядница — икона величиной в пядь.

[3] *...по недели всѣхъ святыхъ...* — Т. е. после воскресенья всех святых, первого воскресного дня после праздника Троицы.

[4] *Поприще* — мера длины, равная приблизительно версте.

[5] *Георгий Иванович Токмаков* — ум. в 1578 г., один из видных деятелей времен Ивана Грозного, пользовался особым доверием царя, возглавлял многие военные операции во время Ливонской войны. Начало его наместничества в Пскове точно не известно. Псковские летописи сообщают, что в 1570 г. благодаря предусмотрительности Токмакова (он повелел всем жителям Пскова перед своими домами поставить столы и встречать царя хлебом и солью) Псков избежал страшной участи Новгорода, только что разоренного по приказу Грозного. Токмакову не были чужды и литературные интересы. В заглавии Повести о Выдропусской иконе о Токмакове говорится как о ее составителе. Упоминание о «писании», в котором Токмаков известил царя Ивана Васильевича о событиях на Синичьей горе, позволяет

предположить, что он мог быть автором и этого сочинения. Н. И. Серебрянский полагал, что деловое донесение Токмакова («писание») было составлено на основе рассказа или записей одного из членов следственной комиссии, которая проверяла исцеленных.

[6] *Праздник Покрова Богородицы* — 1 октября.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ О ЯВЛЕНИИ <ИКОНЫ> ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ В ВОРОНИЧЕ НА СИНИЧЬЕЙ ГОРЕ, О ЧЕМ И РАССКАЗЫВАЕТСЯ

Благослови, отче!

Было изъявление воли Божией, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в царствование благоверного, и благочестивого, и Богом хранимого царя государя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, он держал тогда скипетр Российской державы, от сотворения мира в год 7071 (1563).

Был во владениях града Пскова, в селении, называемом Воронич, человек некий по имени Терентий и жена его Анастасия. Родился у них отрок, наречено было имя ему в святом крещении Тимофей. Был тот отрок молчаливым и кротким, со смиренномудрием и скромностью покоряясь воле родителей своих, никому грубого слова и непристойного не сказал, даже если дети творили ему пакости, наученные злыми людьми или же прельщаемые бесами. Когда исполнилось отроку пятнадцать лет, многие говорили о нем, что он юродивый, считали его слабоумным от рождения. Родители повелели ему пасти скотину, и он со старанием исполнял повеление родителей, с покорностью и послушанием, ни в чем не переча, как и подобает святым.

Однажды пас он скотину на реке, называемой Лугвица, и когда наступило время вечерней молитвы, увидел в небе яркий свет, ярче солнца сияющий. Он, охваченный ужасом и страхом, пал на землю и начал молиться Богу, говоря: «Господи Иисусе Христе, молитвами Пречистой твоей Матери помилуй меня». И пытался понять, что означает видение сие. И вдруг услышал предивный голос, исходящий из этого света: «О, Тимофей, встань, не бойся». Он же, вновь испугавшись, приподнялся и увидел в свете этом стоящую большую икону Пречистой Богородицы Умиление, на которой она держит на руках превечного младенца, Господа нашего Иисуса Христа, склонившись своим пречистым и непорочным ликом к пречудному лику Господню. И исходил от нее свет, сияющий ярче лучей солнечных, и голос был к нему: «О, Тимофей, иди на Синичью гору, там узришь благодать Господа Бога, Творца неба и земли и всего, что есть в них, Создателя, и Созидателя всего мира, и Подателя благ всему живому». Он же в страхе великом раздумывал, пытаясь понять, что означает видение сие, и размышлял, где найти эту гору, и терялся в мыслях. И вспомнил, как ходил с родителями своими в этих глухих местах, собирая земные

плоды, и слышал, что говорили они о Синичьей горе. И, припомнив это, оставил он скотину отца своего, которую пас, и устремился по маленькой тропинке в чаще леса.

Уже поздним вечером дошел он до Синичьей горы. Когда подходил он к Синичьей горе, то увидел на горе удивительный свет сияющий и в том свете ту же икону Пречистой Умиление, стоящую в воздухе. И был голос к нему: «О, Тимофей, от сего времени через шесть лет, так Господу угодно, приходи на Синичью гору и обретешь там великую благодать. Ты же будешь отныне до предсказанного времени в страдании благом, и благодать моя да будет с тобой». И поднялась икона та пречудная в свете этом на небо и стала невидима. Тимофей же на горе всю ночь без сна пребывал в раздумье и великом страхе.

Наутро, с наступлением дня, пошел он к селению, называемому Воронич, шедшие навстречу ему люди глумились и много смеялись над ним, ибо считали его юродивым. Он же пришел в город Воронич, вошел в церковь страстотерпца Христова Георгия помолиться и увидел ту же икону пречудную, стоящую в церкви. И снова удивился великому видению Пречистой Богородицы и предивному голосу, говорящему с ним, и, пав на колени, он долгое время со слезами молился. Выйдя из церкви, он отправился в путь, предреченный ему, обходил города и селения, работал на людей со всяким терпением, а платы ни у кого не брал. Если же кто из боголюбивых мужей что-то ему давал за его тяжелую работу, то он все это убогим раздавал.

Некий человек военного сословия по имени Михаил заставил его работать у себя. Видя его большую выносливость в работе, задумал он женить Тимофея, чтобы тот не ушел от него. Тимофей же сильно противился этому и притворялся юродивым. А Михаил считал это хитростью и силою принудил его обручиться с девицею из слуг своих. И после бракосочетания Тимофей даже не прикоснулся к ней, но все ночи без сна пребывал и притворялся юродивым. Иногда, пав на колени, со слезами всю ночь молился Богу и Пречистой его Богоматери, чтобы избавиться от искушения дьявольского. Когда же наступал день, то работал с усердием, из еды же немного вкушал, все это юродством прикрывая.

Супруга его обо всем рассказала госпоже своей, та же рассказала мужу своему. И удивились они терпению его, и страх великий охватил их. И позвал Тимофея господин к трапезе своей, и долго умоляли они его и просили простить, он со слезами многими простил их с радостью. Они дали ему хорошую одежду, и обули его, и заставили его взять серебряные монеты, и отпустили с честью великой и со слезами. Тимофей же пришел в монастырь, что в том же селении, к церкви Покрова Святой Богородицы помолиться усердно, все данное ему убогим роздал, вдовицам и сиротам, а сам пошел в своей ветхой ризе, совершая предначертанное ему.

И когда минуло предсказанных шесть лет, вернулся Тимофей на упомянутую гору, называемую Синичья, и обрел на горе икону Богородицы Одигитрия, небольшую, величиной в пядь, стоящую у

дерева, называемого сосна. И возрадовался очень, и сделал себе около горы небольшую хижину из деревьев и покрыл ее ветками, под ней же выкопал ямку, где немного отдыхал от трудов, непрестанно молясь Богу и Пречистой Богородице.

По прошествии сорока дней воссиял в ночи свет сильный на горе. Тимофей поднялся в страхе великом и увидел в свете ту же чудотворную икону Богородицы Умиление, стоящую в воздухе, ничем не поддерживаемую. И был голос к нему: «О, Тимофей, иди в город Воронич, скажи иереям и народу, пусть идут с крестами и с чудотворною сею иконою на Синичью гору на моление, ибо тут по воле Вседержителя Бога и Спаса нашего Иисуса Христа дóлжно быть благодати и милости великой». Тимофей снова пошел в город, сообщил обо всем иереям и народу, но они не захотели слушать его, считая его юродивым, некоторые даже надсмехались над ним.

Тогда в городской церкви великомученика Христова Георгия был священник по имени Никита, тот не только слушать не хотел, но и насмехался над Тимофеем, называя его юродивым слабоумным. И с того времени священник сильно заболел. И когда он долгое время жестоко болел и был в забытьи, то увидел, что пришел он в церковь великомученика Христова Георгия, и увидел чудотворную икону Умиление Пречистой Богородицы. И был голос к нему: «Если не послушаешь сказанного слугой моим Тимофеем, то умрешь страшной смертью и дом твой разграблен будет». Очнувшись, он созвал старейшин града, рассказал им все виденное по порядку. Они же, выслушав, посоветовались, говоря: «Какой нам урон, если и сделаем так». И послали во все стороны того края, чтобы собрались все в назначенный день, в пятницу после недели всех святых, на крестный ход.

И собралось много народа, и подняли чудотворную икону Умиление, и начали петь молитвы, и пошли к горе, называемой Синичья, гора же та была в трех поприщах, в глухом месте. Идущие пели в пути молитвы, и так дошли они до реки, называемой Лугвица, что в одном поприще от града. И где первый раз Тимофею явилась в свете чудотворная икона Пречистой, на том месте начали твориться чудеса и исцеления одержимых всякими недугами: хромые стали ходить, радостно, здоровые и исцеленные, с чудотворною иконою шли к Синичьей горе, отбрасывая деревянные ноги и деревянные руки вешая по пути на деревьях. И в пути многие исцеления совершались.

А Тимофей один на горе у самоявленной иконы Пречистой стоял плача. И услышал он шум сильный в восточной стороне, словно гром загремел, и ветер, как в бурю, поднялся, и лес закачался. Он же в трепете и страхе великом пытался понять, что это за сильный шум, и, преклонив колени, долгое время молился со слезами Богу и Пречистой его Матери. И, победив страх, побежал с горы навстречу шуму и увидел идущих лесною чащею с чудотворною иконою, поющих молитвы. Тимофей возрадовался радостью великой, плача радостно, преклонил колени, молясь Богу и Пречистой Богородице. Все люди тоже плакали, глядя на него, и прощения у него просили. Тимофей же с радостью

прощение им давал и у них благословения просил. И на том месте, где встретил Тимофей чудотворную икону, творились многие чудеса, многие недужные, слепые и хромые исцелялись.

Тимофей пошел лесной чащею впереди чудотворной иконы, а священники с чудотворною иконою шли за ним, и так привел он их к Синичьей горе. Сам Тимофей стал подыматься на гору, хватаясь за ветви, и все с чудотворною иконою пошли за ним. Он же, поднявшись на гору, опустился на колени у дерева сосны, молясь Богу и Пречистой Богородице, все люди удивлялись этому. Тимофей же, приподнявшись с земли, поднял глаза на дерево, руки простер — и священники, и весь народ также посмотрели на дерево и увидели икону Пречистой Одигитрия, у дерева стоящую, словно солнце, поднимающееся на востоке. И когда священники начали служить молебен Господу Богу и чудотворным иконам Пречистой Богородицы Умиление и Одигитрия, тогда еще больше случилось исцелений, больные разными недугами исцелялись. Иереи же, видев такие чудеса, страхом были охвачены, но не возвратились обратно, а остались тут служить Всенощную Господу Богу и Пречистой его Матери. И снова совершались бесчисленные исцеления недужных.

И пошла слава о творимых чудесах по всем городам и селениям. Священники и весь народ, посоветовавшись, сообщили о тех иконах Пречистой Богородицы правителям града Пскова. Был же тогда в Пскове государев воевода князь Георгий Токмаков. Он, услышав о таких чудесах, все выяснил и сообщил письменно вседержавному царю государю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси. Царь повелел все тщательно проверить. И когда было освидетельствование, исцелевших осматривали, чтобы установить, истинно ли это так.

В это же время на горе поставили часовню, чтобы можно было приходить на моление. И осенью, в праздник Покрова Пречистой Богородицы, пришло много народа, чтобы совершить вечерний молебен. Поздним вечером люди ушли отдохнуть от трудов, а чудотворные иконы стояли в часовне, и когда стражи уснули, по попущению Божию часовня загорелась. Увидев это, люди прибежали, сокрушаясь, в грудь себя били, друг друга укоряли в грехе своего небрежения и великой скорбью были охвачены о чудотворных иконах Пречистой Богородицы.

Из-за вспыхнувшего сильного пламени никто не мог приблизиться к часовне. И великая печаль охватила всех, люди плакали всю ночь. И когда пламя угасло, то страх великий всех охватил из-за такого прегрешения. И обрели тогда чудотворную икону Пречистой Умиление, стояла она у восточной стороны дерева, называемого сосна, а все другие принесенные иконы сгорели. Увидев такое чудо, люди прославили Бога, преклонив колени, со слезами молились Богу и благодарность возносили Пречистой Богородице о свершившемся чуде. Когда же настало утро, во втором часу дня начали расчищать пепелище, чтобы собрать что осталось железного, тогда и чудотворную икону Одигитрия, которую Тимофей первой обрел на горе, нашли в пепле совершенно неповрежденную, пламя даже не коснулось ее.

Обо всем этом сообщили царю государю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси. Царь государь, узнав об этом, прославил Бога и Пречистую Богородицу, повелел на том месте, где явилась икона Пречистой Богородицы Одигитрии, построить церковь каменную во имя Пресвятой Богородицы честного и славного ее Успения и обители повелел здесь быть. А там, где обретена была чудотворная икона Одигитрия, на том месте установили алтарь на Божие славословие, а чудотворную икону Пречистой Умиление повелел царь государь в той церкви поставить.

И прослышали об этом во всех городах и селениях Российского царства, и стекалось много народа со всех сторон, и многие больные различными недугами исцелялись, приходя с верою во Иисуса Христа, Господа нашего, ему же слава со Отцом и Сыном и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие Никандра Псковского

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Преподобный Никандр — псковский подвижник XVI в. (1507?—1581), основатель Никандровой пустыни, которая находится в нескольких километрах от г. Порхова. Среди болот и лесов Никандр построил небольшую хижину и жил один, редко видя людей и общаясь с ними, монастырь и братия появились на этом месте уже после его смерти. В 1687 г. было освидетельствование мощей Никандра и установлено его официальное почитание, но как местный святой Никандр почитался и раньше. Преподобный Никандр, считает исследователь псковской монастырской жизни Н. И. Серебрянский, «подвижник замечательный, исключительный не только в истории псковского монашества, но и в истории монашества общерусского». В конце XIV—XV вв. на Руси были основаны многие пустыни, но еще при жизни их основателей они превращались в монастыри, жизнь которых была далеко не отшельнической. Одному из немногих Никандру удалось полностью осуществить идеал пустынного безмолвия. Он напомнил, пишет Н. И. Серебрянский, «о заветах основателей пустынножития и своею жизнию показал, что даже и высшее их требование уединенного безмолвия не может считаться непосильным подвигом для истинного монаха» (Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 316).

Житие Никандра существует в нескольких редакциях конца XVI—XVIII в., они значительно отличаются друг от друга по композиции, стилю, объему. Мы публикуем текст Жития, который исследователи считают первоначальной редакцией, датируя ее концом XVI — началом XVII в.

Первоначальная редакция небогата биографическими сведениями, многие из них (в особенности, указания на даты разных периодов жизни Никандра) вызывали сомнение уже в XVII в. Составители позднейших редакций пытались устранить противоречия, дополнить смысловые и фактические пробелы. Отсутствие точных сведений о Никандре объясняется его отшельнической жизнью. Преподобный не имел учеников и сподвижников, которые могли помнить его рассказы о прошлом и описать его жизнь в пустыни. Сам Никандр не стремился оставить о себе точных данных: на вопрос Петра Есюкова, сколько лет он живет в пустыне, Никандр уклончиво ответил: «Бог весть, чадо». Автор Жития должен был проделать большую работу, чтобы собрать материал для биографии старца. Рассказы о пребывании Никандра в миру и вне пустыни получились скупыми, схематичными. О жизни Никандра в пустыни и чудесах он узнал из рассказов местных жителей — Ивана Долгого, Симеона, Петра Есюкова и др. Незамысловатые истории, записанные с их слов и почти не обработанные литературно, стали основой Жития, определили особенности его стиля. Сам автор Жития считал, что написал «от много мало» и просил не бранить его за «неудобренное» повествование. Оно действительно «неудобренное». В Житии нет ни одной литературной или исторической параллели, ни одной цитаты из Священного Писания, стиль Жития близок разговорному, и сам текст нередко превращается в бесхитростный диалог Никандра с теми, кто пришел к нему, ища духовного утешения. В самой структуре рассказов, сбивчивости, повторах, недосказанности, незавершенности повествования ощущается их устная природа. Редакторы XVII в. старательно исправляли эти, с их точки зрения, несовершенства текста: восполняли недосказанное, восстанавливали сюжетные связи, комментировали, поясняли, сокращали и исключали наиболее житейские истории (например, в редакции конца XVII в. не читается рассказ о том, как Никандр попросил принести ему кота). Первоначальная редакция Жития с ее простодушными рассказами о жизни и чудесах Никандра дает нам счастливую возможность представить, каким сохранился в памяти местных жителей, в народной памяти облик старца Никандра.

Текст Жития Никандра Первоначальной редакции публикуется по списку *РГАДА,* ф. 181, собр. МГАМИД, № 145/212, XVII в., л. 213—232 об.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА СЕНТЯБРЯ ВЪ 24 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИКАНДРА ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ, ИЖЕ НА ДЕМЯНЕ ЕЗЕРЕ ЖИВШАГО ПОРХОВСКИЯ ОБЛАСТИ

Благослови, отче!

В лѣто 7015-го сего житие оного преподобнаго старца Никандра пустынножителя. От юны версты до здѣ, от многа мало списах, еже слышах от древних отецъ, въ царство государя царя и великого князя Ивана Василиевича, всеа Русии самодержца.[1] Братие и отцы еже о

Христѣ, молю вы, почитающих сего житие старца Никандра, не порцыте, Господа ради, тягости на душу мою грубости моея ради, аще и неудобренне видите. Господь, Спасъ всего мира, да будетъ с вами.

Сей убо преподобный отецъ рождение и воспитание имѣяше от славнаго града Пскова, от Порховския страны, отца же имѣяше именемъ Филиппа и матере Анастасию, во области Псковския села нѣкоего.[2] От рожения же его бяше наречено имя ему Никонъ. Бывшу же брату и матери его во иночествѣ нѣ в коемъ монастырѣ, сей же Никонъ часто прихожаше къ церкви и дивляшеся церковному пѣнию и чтению.

И прииде оттуду во Псковъ град. И ту нѣкто торговый человекъ именем Филипъ бѣ, а во иноцех Филарет, возлюбль зѣло Никона и вдастъ его в научени грамотѣ нѣкоему диякону мудру зѣло. Вскоре же отрокъ Никонъ извыче книгамъ и начат по градом и по селомъ ходити и по многимъ монастыремъ. И возлюби себѣ иноческое житие и преподобных образ, и взыска же себѣ мѣсто пустынное Божиимъ изволениемъ во области Великого Новаграда, в Порховщинѣ, — островецъ мал в лѣсе и во мху, меж дороги Псковския и Порховския, от езера Демяна за едино поприще, из него же течет рѣка Демянка, от града Порхова 15 поприщ, а мох кругомъ пять же на десять поприщъ разстояние имуще. И ту сотвори себѣ хижу малу с Феодоромъ Ситникомъ, мужемъ духовным, и ту пожив, отиде во град Псковъ и во граде немного время пребывъ. И ставъ на молитвѣ, и проси у Бога, дабы желание сердца его исполнилъ. Господь же возвести ему: «Добрѣ покой, рече, обрящеши в прежреченном ти мѣсте». И прииде в то же пустынное мѣсто, и трудолюбно живяше 12 лѣтъ, питаяся травою пустынною, еже нарицается ужъ,[3] около хижи его растяше, и не исхожаше ис пустыни той нимало.

Случися ему второе быти во граде Пскове, и в полудне идяше Никонъ от церкве великого Богоявления изо Кстовы в Среднемъ городе,[4] и прииде к нему Никула, блаженный псковский,[5] и ят его за руку, и начат глаголати ему, яко похабся творя, и прорече ему впредь страсти пустынныя. Никон же проразумѣвъ реченное ему и соблюдаше в себѣ вся глаголы реченныя. И потом збыстся реченное ему.

И потомъ нѣкоторый муж именем Филипъ, псковитинъ, дастъ за Никона и за Федора Иванну Богослову в Крыпцы[6] вклады. И тамо Никонъ приятъ иноческое житие и чинъ, и бысть во иноческомъ чину имя ему Никандръ. А Феодор туто же пострижеся, и бысть имя ему Феодосий. И в томъ монастыр поживъ по заповѣдем Божиимъ, и со благословениемъ изыде Никандръ в пустыню жилища своего, в прежобрѣтеное мѣсто пустынное. И постави себѣ келию, и огради мѣсто и укрѣпи, и благослови и, еже создатися малей церкви и брежениемъ назирати мѣсто. И поживъ 15 лѣтъ в безмолствии и управляя иноческое житие и правило Божественое *неослабно* исправляя, и многи бѣды ту от бѣсовъ приятъ, овогда во звѣря мѣсто пременяяся, овогда же от человекъ злых пакости ему творяще по научению вражию.

Еще же нѣ в кое время приидоша к нему разбойницы и разграбиша у него вся иконы, а самого связавше, и много его бивше, и еле жива оставиша, и повергоша на землю, и прожгоша ему пазусе, и отидоша. Единъ же от разбойникъ удари Никандра копейным древомъ. Преподобный же Никандра ни во что же имъ та злая вмѣняше, но со благодарением терпяше. Проразумѣв же и возрѣвъ на образ Спасовъ, воздохнув и рече: «Господи Исусе Христе, ты вольную страсть приятъ от июдей, и един от воинъ ребра тебѣ прободе, и изыде кровь и вода, аз же многогрѣшный приимаю со благодарениемъ за своя безчисленныя грѣхи». Разбойницы же хожаше по лѣсу, уже минуша три дни и три нощи, и не обрѣтоша пути, но и гладомъ изнемогоша. Два же суть лишихся истиннаго пути спасительнаго, ноипаче возложиша хулу на святаго, яко и себѣ не может помощи и на благодарствие преложити, а о нама ли может помощи и молитвою поспѣшити. И тѣ бо суть сорвашася с преклада и на Демянкѣ рѣце и утопоша. А два же суть возвратишася к хиже святаго, и начаша плакати и молитися со слезами, и повергоша все взятое на землю, и образы поставиша. Никандра же преподобный скоро с радостию притече, и облобыза их, и напитав их, и прощение дав имъ, и отпусти я с миромъ.

Слышавше же се разграбление окрестные люди у Никандра в пустыни, и сошедшеся кождо из своих домовъ, и принесоша къ нему иконы, и хлѣбы, и одежда, и начаша прославляти духовнаго старца. Он же не восхотѣ мирския славы, и отиде в Крыпецкий монастырь, и в немъ пребываше в службѣ. И даша ему понамарство, и насильствоваша ему, и даша ему и келарство. Он же не восхотѣ преслушатися.

И потомъ изыде из монастыря от славы 3 поприща от Крыпецкия обители, и сотвори на мху малу хижу, и поживе 3 лѣта и 6 месяцъ, питаяся былиемъ. И тоя страны окрестныя люди обрѣтоша его, и прихожаху к нему пользы ради. Игуменъ же и братия Крыпецъкого монастыря возропташа на преподобнаго, занеже нѣсть приношения *в* монастырь, и вси обратишася к нему и повелѣша ему изыти от мѣста того. Он же плакася и моля Бога, дабы ему убѣжати молвы и мира.

И извѣстие восприятъ по прозрѣнию, прииде в преднюю пустыню и поживе лѣтъ 39 и 2 месяца. И ту много пакости прия от бѣсовъ, молитвами же и постом со благодарениемъ терпяше. И не вѣдаша его человецы, и во образ не видѣ никого же 15 лѣтъ.

И прииде к нему звѣрь лось в нарицаемое Лодыгино село,[7] в гумно, близ двора и воротъ. Петръ же Есюковъ, гнавъ лося с людьми на конех, управися и уединися един, и гнавъ десять поприщъ мхомъ, и заѣха в темной лѣсъ далече, и не обрѣте гонящаго звѣря, и обратися на страну, и видѣ стопу малу человечю, и возвратися по ней, и увидѣ хижу малу, окружену древодѣлиемъ. Он же понемалу начат молитву творити дважды и трижды, и не проглагола ему ничто же, он же начат со слезами молитися. Никандра же отвѣща ему: «Аминь». И по прозрѣнию рече: «Гряди, Петре, в гостинницу, иже у дуба, аз к тебѣ прииду». Он же в гостинницы мало пребыв, и видѣ преподобнаго Никандра к себѣ грядуща, и срѣте его, и паде на ногу его, и проси благословения, и вопроси его: «Отче преподобне, елико ты в пустыни сей живеши лѣт,

повѣждь ми, отче». Он же отвѣщав и рече: «Богъ вѣсть, чадо». Петръ же плакася, паде на ногу его и рече: «Отче, помолися о мнѣ грѣшнемъ, яко заматерѣх и безплоденъ бых». Он же рече ему: «Чадо, да будет ти сынъ». И о пользѣ сказавъ, и отпусти его с миромъ. Онъ же начат приходити к преподобному из града Порхова пользы ради, учения от него приемля. И сказа ему о пустыни и о церкви, за колико лѣтъ отшествие свое к Богу.

Смирения его ради многаго и прозрѣния любимъ всѣми и удивленъ, трудолюбиемъ томя тѣло свое и всенощным стоянием, многа имыи яко безплотна его имѣти. Множество же кланяния и молитвъ и недостатокъ пищи бываше, и онъ былиемъ и ужем питаяся, ядь же его бяше единою днемъ и воды чрез день пооскуду питаяся, милостыни же ни у кого не просих, но токмо боголюбивии мужие что ему приношаху, и тѣмъ себе питая.

И когда же бяше послѣднее его шествие в пустыню жительствовати, и шествуя путемъ, пристиже его нощь, и у нѣкоего крестьянина впросися на нощъ опочинути в понедѣльникъ сырныя недели.[8] Бѣ же в дому томъ пир творяху и даяху ему ясти и пити, он же не хотяше вкусити ничто же. И глаголаше на святаго: «Сей человекъ зло мыслит на нас, не хощет у нас ясти и пити». У сусѣда же его разбойницы разграбиша село и сожгоша люди. Сего же преподобнаго старца начаша бити палицами по всему тѣлу его и по главѣ. И молитвами Пресвятыя Богородица и Приснодевы Мария услышан бысть вопль той от прочих боголюбивых человекъ, глаголюще: «Сей человекъ ничто же вамъ зла сотвори, за кое дѣло его бьете неповинна?» И ту абие отпустиша его честно и накормиша его от хлѣба. Никандра же мало хлѣба вкусивъ, и иде в пустынное жилище свое со благодаренимъ, и не постави себѣ сего в злобу, Бога ради приимаше. И пришед в пустыню, славяше Святую Троицу.

И еще же нѣ по колице времени преподобный Никандра от труда ся утомился, и сномъ одержимъ бысть, и виде мимо себе бѣгуща кота. И возбнув от сна, и видѣ два волка за собою у главы стояща, дияволимъ борениемъ хотяху его восхитити. Никандра же вооружився силою Христовою крестною, и вземъ посох, по земли удари и глаголя: «Отступите от мене вси творящии беззаконие». И вси исчезоша. Никандра же сохраненъ бысть силою Христовою и благодатию.

Сему же старцу Никандру еще нѣколи бесѣдующу с нѣкоимъ крестьянином, окрестъ живущим, именем Симеономъ, и прорече ему Никандра смерть, коли умрети, еже и збыстся по словеси святаго. Да и ножницы Семиону даде и рекущи ему: «Тебѣ сии ножницы пригодятца». И тѣми ножницами пострижеся Симеонъ той.

И бысть нѣколи стоящу ему на молитвѣ, и прииде медвѣдь к кѣлии святаго и нача о келию правитися, келия же дрожаше. Преподобный же Никандра прекрестивъ оконца, и посмотрѣ во едино оконцо, и видѣ велика звѣря стояща, и огради его крестънымъ знамением, и дунувъ на него. Звѣрь же паде на землю яко мертвъ. Преподобный же Никандра прииде к звѣрю велию, звѣрь же ползая по земли и припаде ко святому,

лижущу ему нозѣ его. Он же благослови его, и дуну, и отпусти его во свой путь.

Еще же преподобному бывшу в молитвах и в пощении, и явися ему преподобный Александръ Свѣрский чюдотворецъ[9] в видѣнии, стоя пред кѣлиею святаго и глагола ему: «Не бойся, Никандре». И второе явися ему Александръ явленно в сѣнех пред келиею, то же глаголя: «Не бойся, Никандре». И от того дне избавленъ бысть святый от всѣх сѣтей вражиих.

И единою лѣтом хожаше ис пустыни святый в Демянский монастырь[10] исповѣдатися и Пречистых Таинъ приимати и паки вскорѣ возвращаяся во свою пустыню. А в схиму пострижеся в Демяньском монастырѣ за 8 лѣтъ до преставления своего. Брада же бысть у Никандра долга, а не широка, ровна, руса, сединою вся ровна и бѣла, подобна Феодосию Печерскому.[11]

И сказавъ конец житию своему за едино лѣто, уже бо преклоненъ старостию. Помале же прииде к нему девича монастыря ис Порхова[12] диакон Петръ, и с нимъ бесѣдова, и сказа ему: «Три лѣта есмь пренемогалъ ногама, а ныне обрѣтох отраду». Петръ же видѣвъ, яко отпадоша от ногу его голени, токмо обрѣтшимся единымъ костемъ. И приказывает себе погрести у Благовѣщения Пречистыя Богородица диякону Петру, и рече ему: «Петре, егда же Господь по душу мою пошлетъ, сохрани тѣло мое по смерти». Петръ же рече ему: «Когда, отче святый, известишь, долженъ по словеси твоему сотворити». Никандра же рече: «Не вѣмы, коли тобѣ вѣсть учинить, но когда услышиши мое преставление, тогда приида и послужи и сохрани тѣло мое честно». И посем тако и сотворися по словеси святаго блаженнаго Никандра. Петръ же сохранив тѣло блаженнаго честно во вселении жилища его, в пустыни, да и церковь постави над нимъ Благовѣщение Пресвятыя Богородица по приказу преподобнаго Никандра. И сказа ему, гдѣ взяти мѣстную икону и како храмъ создати.

И посем преставися преподобный Никандра в лѣто 7090-го, сентября въ 26 день, во псковской осадѣ.[13] А преставися преподобный во единствѣ, не бысть людей никого же. И нѣкто боголюбивый муж именем Иванъ Долгий из Борович, Борисовъ крестьянинъ Пантелѣева, прииде к нему благословения ради и видѣ святаго уже к Богу отшедша. И той сохрани его в земли непогребена, занеже в то время литовские люди воююще около града Пскова и Порхова, и не бысть ту никогоже, кому его проводити; и без гроба положенъ бысть, и окладенъ древцы, и покрытъ землею бысть.

Слышавше же в Порхове гражане осадные люди преподобнаго старца Никандра уже у Богу отшедша и не провожена суща и возплакашася вси людие: мужие, и жены, и младенцы — и хотяще ити на погребение святаго, но боящеся, занеже множество литовских людей около града стояще и по странамъ умножися. Предиреченный же дияконъ Петръ рече: «Мужие братия, христоименитии людие, аз вамъ скажу на пользу по словеси преподобнаго старца Никандра, яко прорече о своем преставлении за три лѣта: будет война от литовских людей въ его

преставление. Но не убойтеся, приходящии к погребению, Господь Богъ не предастъ вы в руки врагомъ молитвами святаго старца Никандра». Гражане же возложиша надежду на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на преподобнаго, проидоша посредѣ людей литовских неврежени и сохранени Богом и принесоша с собою много свѣща и фимьян, иже есть на потребу погребения. И погребоша его честно со псалмы и пѣсньми и пѣньми духовными со игумены, и священницы, и дияконы, и множество народа. И погребенъ бысть честно близ келии святаго у дуба на Покров Святыя Богородица,[14] еже и донынѣ суть ту пребывает под церковию Благовѣщения Пресвятыя Богородица во славу Христову, ему же слава.

Чюдо 1 преподобнаго Никандра пустынножителя

Принесоша к преподобному нѣкоего мужа именем Назария, больна суща, на одрѣ лежаща в недузѣ своем лѣто и 6 месяцъ, изгнивъ перси своима, еже и внутренная видети, еще же преподобному живу сущу, и положиша его пред келиею святаго. Преподобный же изыде ис келии своей и видѣ больна, лежаща на одрѣ. Назарий же ухвати за ногу преподобнаго, и целова нозѣ его, и омываше слезами, и проси у него молитвы целебныя. Он же рече: «Да пустиши ногу мою». Назарий же рече: «Отче, умру у твоего преподобствия, дондеже изцелиши мя, уже бо аз живъ снеденъ бых червьми, не отлучюся от тебе». Он же видѣвъ умягчение сердца его и рече: «Назарие, гряди в гостинницу, в кѣлию мою, еже есть у дуба, и препочини ту мало». Назарий же рече ему: «Отче святый, николи же видѣх сна очима от болѣзненаго своего недуга». Святый же рече: «Аз ти теплу келию сотворих, вѣдая твое пришествие, гряди и препочини в теплѣй сей келии и покажи ми недуга своего болѣзнь». Он же ему показа и не можаше срачицы своея отъяти от телеси своего, прильпѣла бо бѣ к телеси его. И огради святый недуг крестообразно, и отпусти его в келию свою, а самъ став на молитвѣ всю нощъ. Назарию же спящу всю нощь, наутрие же воста, здрав бысть, недуг же его отпаде от тѣла его и з срачицею вкупѣ, яко чешуя. И притече к ногам преподобнаго, и паде на землю, и плакася горько, и рече: «Отче святый, ты мене молитвою своею изцели». Преподобный же глагола к нему: «Аз всѣхъ человекъ грешнѣйши немощию и грубостию, Богъ един изцеляет человеческий род, не токмо тѣло, но и душею». Святый же запрѣти Назарию, рече: «Да не повѣдай сего никому же, да не горѣе ти будет, и будет ти благо в животѣ твоемъ, и не забывай мѣста сего и до умертвия своего».

Чюдо 2 преподобнаго отца нашего Никандра пустынножителя

Нѣпоколицех же днех, еще преподобному живу сущу, прииде нѣкий мужъ именемъ Иосиф ко святому пользы ради душевныя. Преподобный же рече к нему: «Чадо Иосифе, нѣсть у меня кота, но сотвори ми послушание, сыщи ми кота». Иосиф же рече: «Да гдѣ такову аз вещь обрящу тебѣ угодну?» Он же рече ему: «Есть у Спаского дьякона в Заклиньи».[15] Иосиф же рече: «Ты у него просил ли сего?» Святый же рече: «Аз бо и во образ его не видах и не вѣм, отнележе приидох в пустыню сию». Иосиф же поиде. Святый же вопроси его: «Да будеши ли в третий день?» Иосиф же рече: «И завтра, отче, буду». Святый же

рече: «И в четвертый день тебѣ не бывати и не по повелѣнию ти сотворити».

Прииде же Иосиф ко диякону Иванну и вопроси о послании. Он же даде ему с радостию посланное, Иосиф же поиде в пустыню с посланиемъ. И по наносу дияволю возвратися Иосиф в дом свой, и пребысть в дому три дни, и посланное посади в темне мѣсте, и не даде ему ясти и пити, и забы посланное и пророчество святаго. И в пятый день прииде ко святому. Святый же прозрѣвъ и глагола ему: «Иосифе, почто кота сего в темницы смиряеши 3 дни и дома пребыл еси?» Он же видѣв его прозорлива, и паде на ногу его, и плакася. Святый же посла его вспять, еже гдѣ взял посланное, занеже не по словеси святаго сотворих, и отпусти его. Иосиф же отиде от келии святаго с треть поприща, и нападе на нь приити близ келии и кота пустити. А святый отпусти я, и остася в келии своей, и прозрѣ помышление его. Иосиф же нача в нѣдра своя руку влагати и хватати кота и хотя его пустити, и се невидимою силою нѣкоею похвати святый Иосифа созади и глагола трижды: «Иосифе (трижды), что еси неповелѣное твориши!» И обличи его, и рече: «Повѣждь ми, что помышляеши?» Он же рече ему: «Ты, отче, вся помышления моя вѣси, яко хотѣх пустити близ кѣлия твоея. Твое же прозрѣние послушествуемо преже беззаконнаго непослушания». Святый же запрети ему, и благослови его, и отпусти его. Он же отиде в дом свой, радуяся.

Чюдо 3 преподобнаго отца нашего Никандра пустынножителя

Тое же страны Порховския муж нѣкий именемъ Симеон, Васильевъ сынъ, князя Кострова человекъ, от скорби нѣкоторыя притече ко святому, понеже украдоша у него лошадь, и минуша уже пять дней. И припаде к ногама преподобнаго, и плакася горько. Святый же рече: «Симеоне, зане не бысть мнѣ скорби о твоей лошади, яко погибе у тебе лошадь, еже ми скорблю о томъ, кто украдох лошадь от просторазумия». И рече Симеон ко святому: «Ты, господине отче, почто по воре скорбиши?» Святый же, смиривъ себе, рече: «Тако есть от начала, чадо, кто сам в поспѣшении грѣховнем пребывает и воровство грѣховное исполняет, тако и о воре прю имѣет». И глагола Симеону: «Поиди, чадо, в домъ свой и обрящеши погибшее». И прииде Симеон в дом свой, тоя же нощи прибѣже погибшее, и обрѣте его. И скоро вспять возвратися в пустыню ко святому. А тать, еже ѣха чрез рѣку, и утопе. И сказа святому. Святый же рече ему: «Должно есть, чадо, о християнех скорбѣти, иже к Богу без покаяния отидоша». Симеон же узрѣв то, и плакася, и прося прощения, он же простив и отпусти я с миром.

Чюдо 4 преподобнаго Никандра пустынножителя

В лѣто 7093 году, генваря во 2 день, по преставлении преподобнаго прииде из московския страны в пустыню диячокъ церковной именем Андрѣй, а рождение его тоя же страны порховския, у святаго Николы чюдотворца на Тишинки.[16] И поживе годъ единъ и 7 дней с терпѣниемъ у преподобнаго, еще ему младу сущу, 23 лѣтъ. И ненавидя добра враг дияволъ покраде у старца, у постриженика того же монастыря, в пустыни, именемъ Исайя, мантию и куколь и вся

чернеческая одѣяния, иконы и книги побра и побѣже ис пустыни. Старец же не имѣяше у себе никого же в пустыни, а самъ бѣ клосенъ ногама. И поиде к преподобному в церковь, и паде на гробницу преподобнаго, и плакася горько, и рече: «Господи, не постави ему грѣха сего, но поспѣши и направи его на путь миренъ и благъ». И пособиемъ преподобнаго клосной и безногой старецъ устремися за ним в путь свой, а мало излазя ис келии своей. Андрѣй же от младости преиде 12 поприщъ до обѣда и прииде в пусто мѣсто и лѣсно, нарицаемое в Подогривье, и не обрѣтеся ничто же, развѣ едино кошеное сѣно, и прохожаше то мѣсто. И показася ему стар калугер, и рече ему: «На се ли еси пришел из дальния страны? Аще ли не вѣси, не можеши от мене избѣжати». Андрѣй же побѣжа в темноту лесную и коснуся, лишися ума своего, и не позна людей, но ревяше велиим гласом. И в третий час нощи на то же мѣсто клосный старецъ прииде, оле жив, возложи на собя крестъ поклонной и помолився, и влѣзе в сѣно, и почи. И бысть яко часъ шестый нощи, и прииде Андрѣй ту же к сѣну, на то же мѣсто, крича и изнемогая. Клосный же старецъ помысли в себѣ, яко да убиет мя. А не вѣдая святаго поспѣшения, смиривъ себе старецъ: «Аще убиет мя неповинна, Богъ вѣсть». И сотвори молитву старецъ, Андрѣй же не отвѣща ничто же, но во стонание предастся. Помыслив старецъ, и возложи надежу на святаго, и прииде к нему, Андрѣй же лежаше близ сѣна и не могии двигнутися, но дряхлъ бѣ. Тое же нощи забиша путие их, и не возмогоша видѣти, и не познаша, и дряхли бысте, и изнемогосте. Оскорбѣ же старецъ клосный, яко близ бѣ погибели. Не по мнозе же времяни приѣхав из села, нарицаемаго з Горокъ, два мужие, Ларионъ да Онтип, родные братия, взяти скоту сѣна на потребу, и видѣша клоснаго старца, припадающа пред честнымъ крестомъ. Андрѣй же стоя и не глаголя ничесо же. Андрѣя же изгнаша, он же пострижеся в Великих пустынях,[17] и бысть имя ему Антоний, имѣя чинъ дияконский.

---

[1] *...въ царство государя царя и великого князя Ивана Василиевича, всей Русии самодержца.* — Это выражение можно понять так, что Житие писалось в царствование Ивана Васильевича, что вполне вероятно, так как Иван IV умер в 1584 г., а последнее из чудес датируется 2 января 1585—1586 г. Но, возможно, речь идет о том, что почти вся подвижническая жизнь Никандра прошла во времена правления Ивана Васильевича.

[2] *...села некоего.* — Другие редакции Жития называют местом рождения Никандра Виделебье, село, находящееся на дороге между Псковом и Порховом. Виделебье было родиной и другого псковского подвижника XV в. Евфросина, основателя Спасо-Елеазаровского монастыря.

[3] *Уж* — В. Даль дает несколько разновидностей растений, которые могли так называться: горец (горлец), паун, змеедушник, козелец, сладкий корень и т. д.

[4] *...Богоявления изо Кстовы в Среднемъ городе...* — Крепостные стены Пскова делили город на большие части: Кром, Довмонтов город, Средний город, Окольный город. Кроме того, свои названия были и у отдельных районов внутри Среднего и Окольного городов. Церковь Богоявления в Кстове находилась в том месте, где стена Среднего города выходила на берег реки Псковы.

[5] *...Никула блаженный псковский...* — С именем особо чтимого псковского юродивого Николы (?—1576) связано много легенд и преданий, согласно одному из них он спас Псков от кровавой расправы Ивана Грозного в 1570 г.

[6] *...Иванну Богослову в Крыпцы...* — Иоанно-Богословский Крыпецкий монастырь, один из крупнейших псковских монастырей, основан во второй половине XV в. Саввой, учеником Евфросина.

[7] *...Лодыгино село...* — Неподалеку от Никандровой пустыни есть несколько сел с названием Лодыгино, Ладыгино.

[8] *...в понедѣльникъ сырныя недели.* — Неделя накануне Великого поста.

[9] *...преподобный Александръ Свѣрский чюдотворецъ...* — Александр Свир-ский (ум. в 1533 г.), основатель Спасского Троицкого монастыря в Новгородской земле.

[10] *Демянский монастырь* — Демянский мужской Рождественский монастырь в 10 км от Порхова.

[11] *Феодосии Печерский* — один из основателей и первых игуменов Киево-Печерского монастыря. См. его Житие в наст. изд., т. 1.

[12] *...девича монастыря ис Порхова...* — Рождественский девичий монастырь под Порховом.

[13] *...во псковской осадѣ...* — Имеется в виду осада Пскова войсками Стефана Батория (август 1581 — февраль 1582 г.).

[14] *...на Покров Святыя Богородица...* — 1 октября.

[15] *...в Заклиньи.* — Деревня Заклинье, приблизительно в 10 км от монастыря.

[16] *...на Тишинки...* — Тишенка, Тишинка — деревня в двадцати с лишним километрах от Порхова.

[17] *...пострижеся в Великих пустынях...* — По-видимому, речь идет о Спасо-Великопустынском монастыре, что был расположен между Порховом и Псковом (ныне д. Слобода Порховского района), основан в XV в.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА СЕНТЯБРЯ В 24 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО НИКАНДРА ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ, ЖИВШЕГО НА ДЕМЯНЕ ОЗЕРЕ В ПОРХОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Благослови, отче!

В год 7015 (1507) <начало> жития оного преподобного старца Никандра пустынножителя. От юного возраста до нынешнего времени из многого малое описал я, что слышал от древних отцов, в царствование государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца. Братия и отцы во Христе, молю вас, читающих житие сего старца Никандра, не отягчайте, Господа ради, душу мою осуждением грубости моей, если даже и сочтете его безыскусным. Господь, Спаситель всего мира, да будет с вами.

Сей преподобный отец родился и воспитывался в Порховской стороне, земле славного града Пскова, отец у него был по имени Филипп, а мать Анастасия <и жили они> в некоем селе Псковской области. От рождения было наречено имя ему Никон. Потому как брат и мать его были иноками в некоем монастыре, сей Никон часто приходил в церковь и дивился церковному пению и чтению.

И пришел он оттуда в Псков град. И здесь был некий торговый человек по имени Филипп, а в иночестве Филарет, который полюбил очень Никона и отдал его на обучение грамоте некоему очень сведущему дьякону. Вскоре отрок Никон постиг чтение книжное и начал ходить по городам и селам и по многим монастырям. И возлюбил иноческое житие и образ жизни преподобных праведников, и нашел себе по Божьему изволению место пустынное во владениях Великого Новгорода, на Порховщине, — маленький островок среди лесов и болот, меж дорог Псковской и Порховской, в одном поприще от озера Демяна, из которого течет река Демянка, от города Порхова 15 поприщ, а болото было вокруг на расстоянии пятнадцати поприщ. И здесь построил себе малую хижину вместе с Федором Ситником, мужем духовным, и, пожив тут, ушел во град Псков и в городе пробыл недолгое время. И молился он, и просил Бога, чтобы желание сердца его исполнил. Господь же возвестил ему: «Добрый покой обретешь в ранее указанном тебе месте». И вернулся он в то же пустынное место, и жил там в трудах 12 лет, питаясь травою пустынною, которая называется уж, что около хижины его росла, и не выходил из пустыни той совсем.

Случилось ему второй раз быть в граде Пскове, и в полдень шел Никон из церкви великого Богоявления в Кстове в Среднем городе, и подошел к нему Никола, блаженный псковский, и взял его за руку, и начал говорить с ним, притворяясь юродивым, и предсказал ему страдания отшельнические. И Никон уразумел сказанное ему и хранил в себе все сказанные слова. И потом сбылось сказанное ему.

И потом некий муж по имени Филипп, псковитин, дал за Никона и за Федора вклады в монастырь Иоанна Богослова в Крыпецы. И там Никон начал иноческое житие и постригся в монахи, и было дано имя ему в иночестве Никандр. И Федор тут же постригся, и было дано имя ему

Феодосий. И в том монастыре пожив, соблюдая заповеди Божии, ушел Никандр, получив благословение, в уединенную обитель свою, ранее обретенное место пустынное. И поставил себе келию, и огородил место вокруг, и укрепил, и благословил на то, чтобы здесь была создана малая церковь, и с усердием оберегалось место это. И жил 15 лет в безмолвии, следуя иноческому житию и правило Божественное неустанно исполняя, и многие беды он терпел тут от бесов, которые иногда принимали образ зверя, иногда же через злых людей творили ему пакости по наущению дьявольскому.

Так, однажды пришли к нему разбойники и похитили у него все иконы, а самого связали, и много били его, и еле живого повалили на землю, и прожгли ему грудь, и ушли. А один из разбойников ударил Никандра древком копья. Преподобный же Никандр не осудил их за это зло, но с благодарностью терпел. Очнувшись и воззрев на образ Спаса, вздохнул он и сказал: «Господи Иисусе Христе, ты добровольное страдание принял от иудеев, и один из воинов ребра тебе проткнул, и истекла кровь и вода, а я, многогрешный, с благодарностью терплю это за свои бесчисленные грехи». Разбойники же блуждали по лесу уже три дня и три ночи, и не нашли дороги, и от голода ослабели. Двое из них сошли с истинного пути спасительного, больше того, начали ругать святого, говоря, что он и себе не может помочь и во благо обратить, так может ли нам помочь и молитвою поспособствовать. И эти двое сорвались с мостков на Демянке реке и утонули. А двое возвратились к хижине святого, и начали плакать и молиться со слезами, и положили все взятое на землю, и иконы поставили. Никандр же преподобный вскоре пришел обрадованный, и расцеловал их, и накормил их, и простил, и отпустил их с миром.

И услышали о грабеже у Никандра в пустыни окрестные жители, и собрались вместе, и каждый из своего дома принес ему иконы, и хлеб, и одежду, и начали прославлять духовного старца. Он же не восхотел мирской славы, и ушел в Крыпецкий монастырь, и жил в нем, исполняя различные службы. И поставили его пономарем, и принудили его, и поставили келарем. И он не захотел ослушаться.

И потом ушел от славы из монастыря за три поприща от Крыпецкой обители, и поставил на болоте малую хижину, и жил там 3 года и 6 месяцев, питаясь растениями. И той стороны окрестные жители нашли его, и стали приходить к нему за помощью душевной. Игумен же и братия Крыпецкого монастыря возроптали на преподобного, потому что не стало приношений в монастырь, и все направились к нему и повелели ему уйти с места того. А он слезно скорбел и молил Бога, чтобы избежать ему молвы и людей.

И, в прозрении весть получив, пришел в прежнюю пустынь и прожил там 39 лет и 2 месяца. И тут много пакостей претерпел от бесов, но, в молитвах и посте пребывая, все терпел с благодарностью. И не знали о нем люди, и в лицо никого не видел он 15 лет.

И <однажды> пришел зверь лось в село, называемое Лодыгино, на гумно, недалеко от двора и ворот. Петр Есюков погнался за лосем с

людьми на конях, и, преследуя, остался один, и гнал его десять поприщ болотом, и заехал далеко в темный лес, и не нашел преследуемого зверя, и повернул в сторону, и увидел еле заметный следчеловеческий, и направился по нему, и увидел хижину малую, окруженную деревянными строениями. Он начал потихоньку молитву творить, и дважды, и трижды, и не ответил ему никто, он же начал со слезами молиться. И Никандр ответил ему: «Аминь». И в прозрении сказал: «Ступай, Петр, в гостиницу, что у дуба, я к тебе приду». Он в гостинице недолго пробыл, и увидел преподобного Никандра, идущего к нему, и встретил его, и пал ему в ноги, и просил благословения, и спросил его: «Отче преподобный, сколько лет ты в пустыни этой живешь, скажи мне, отче». Он же, отвечая, сказал: «Бог знает, чадо». Петр же, прослезившись, пал у ног его и сказал: «Отче, помолись обо мне, грешном, ибо состарился я, а бездетен». А тот сказал ему: «Чадо, да будет у тебя сын». И, о душеполезном побеседовав, отпустил его с миром. Петр же стал приходить к преподобному из града Порхова ради пользы душевной, поучениям его внимая. И рассказал ему Никандр о пустыни и о церкви, об отшествии своем к Богу через несколько лет.

За смирение его великое и дар прозрения любим он был всеми и почитаем, трудом изнуряя тело свое и всенощными бдениями, он многим казался как бы бесплотным. Творил он множество поклонов и молитв, и когда недоставало пищи, он растениями и ужем питался, ел же только один раз в день и воду в течение дня понемногу пил, милостыни же ни у кого не просил, но только тем и питался, что приносили ему боголюбивые мужи.

И когда шел в последний раз в пустынь на жительство, то в пути застала его ночь, и попросился он у некоего крестьянина переночевать, <было это> в понедельник сырной недели. А в доме том пировали, и предлагали ему есть и пить, он же не хотел ничего пробовать. И стали говорить о святом: «Этот человек зло замышляет против нас, ибо не хочет у нас есть и пить». А у соседа крестьянина разбойники разграбили дом и людей сожгли. И начали сего преподобного старца бить палками по всему телу его и по голове. И молитвами Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии услышан был крик его другими боголюбивыми людьми, и сказали они: «Этот человек не сделал вам никакого зла, за что его бьете, неповинного?» И сразу отпустили его с честью, и накормили хлебом. Никандр же, вкусив немного хлеба, пошел в уединенную обитель свою, благодаря и не тая в себе злобы, терпя все Бога ради. И пришел в пустыню, славя Святую Троицу.

И как-то раз преподобный Никандр утомился от трудов, и забылся сном, и увидел мимо себя бегущего кота. И, очнувшись от сна, увидел двух волков, стоящих у изголовья, так дьявольским одолением хотели его погубить. Никандр же вооружился силою Христовою крестною, и, взяв посох, по земле ударил, и произнес: «Отступите от меня все, творящие беззаконие». И все исчезли. Никандр же сохранен был силою Христовою и благодатию.

Однажды этот же старец Никандр беседовал с неким крестьянином, живущим рядом, по имени Симеон, и предрек ему Никандр смерть,

когда тот умрет, что и сбылось по слову святого. И дал он ножницы Симеону и сказал ему: «Тебе эти ножницы пригодятся». И теми ножницами постригся тот Симеон в монахи.

И однажды, когда святой стоял на молитве, пришел медведь к келии его и начал о келию чесаться, так что келья дрожала. Преподобный Никандр перекрестил оконца, и посмотрел в одно оконце, и увидел огромного зверя стоящего, и оградил его крестным знамением, и дунул на него. Зверь же упал на землю как мертвый. Преподобный Никандр подошел к зверю огромному, а зверь, ползая по земле, пал перед святым и стал лизать ноги его. И он благословил его, и дунул, и дал ему уйти своим путем.

Как-то раз, когда пребывал преподобный в молитвах и воздержании, явился ему в видении преподобный Александр Свирский чудотворец, стоя перед келиею святого и говоря ему: «Не бойся, Никандр». И второй раз явился ему Александр явственно в сенях перед келиею, то же говоря: «Не бойся, Никандр». И с того дня избавлен был святой от всех сетей дьявольских.

Один раз в год святой ходил из пустыни в Демянский монастырь исповедаться и причаститься Пречистых Тайн и сразу же снова возвращался в свою пустынь. А схиму принял в Демянском монастыре за 8 лет до преставления своего. Борода была у Никандра длинная, но не широкая, ровная, светлая, вся равномерно седая и белая, как у Феодосия Печерского.

И предсказал он конец жизни своей за год, уже будучи в глубокой старости. Незадолго до этого пришел к нему из Порховского девичьего монастыря дьякон Петр, и беседовал с ним Никандр, и сказал ему: «Три года страдал я ногами, а ныне обрел облегчение». И Петр увидел, что у ног его нет голеней, остались только одни кости. И завещал Никандр дьякону Петру похоронить себя у церкви Благовещения Пречистой Богородицы, и сказал ему: «Петр, когда Господь по душу мою пошлет, схорони тело мое после смерти». Петр же сказал ему: «Когда, отец святой, известишь, что должен я все сделать по слову твоему?» Никандр сказал: «Не знаю, как тебе весть подам, но когда услышишь о моем преставлении, то приди, и соверши службу, и схорони тело мое, как подобает». И потом так и свершилось по слову святого блаженного Никандра. Петр и похоронил, как подобает, тело блаженного в том месте, где он жил, в пустыни, и поставил над ним церковь Благовещения Пресвятой Богородицы по завещанию преподобного Никандра. Он же и сказал ему, где взять храмовую икону и как храм построить.

И вскоре после этого преставился преподобный Никандр в год 7090 (1581)-й, сентября в 26-й день, во время псковской осады. А преставился преподобный в одиночестве, не было рядом никого из людей. И некий боголюбивый муж по имени Иван Долгий из Боровичей, крестьянин Бориса Пантелеева, пришел к нему за благословением и увидел, что святой уже отошел к Богу. И тот похоронил его без погребения в земле, потому что в то время литовцы вели военные

действия около городов Пскова и Порхова и не было тут никого, кто бы мог проводить его; и без гроба положен был, и обложен деревцами, и засыпан землею.

Услышали в Порхове горожане, которые были в осаде, что преподобный старец Никандр к Богу отошел и не погребен, как подобает, и заплакали все люди: мужи, и жены, и младенцы, и хотели идти на погребение святого, но боялись, так как множество литовских воинов стояло около города и далеко вокруг. Дьякон Петр, о котором уже говорилось, сказал: «Мужи и братья, христоименитые люди, я вам скажу нечто важное, сказанное преподобным старцем Никандром, как предсказал он за три года свое преставление и войну с литовцами во время его преставления. Но не бойтесь, идущие на погребение, Господь Бог не предаст вас в руки врагов молитвами святого старца Никандра». И горожане возложили надежду на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на преподобного, прошли сквозь литовское войско невредимые и хранимые Богом и принесли с собой много свечей и ладана и все необходимое для погребения. И похоронили его, как подобает, со псалмами и песнями и пением духовным игумены, и священники, и дьяконы, и множество народа. И погребен был, как подобает, около келии своей, у дуба, в день Покрова Святой Богородицы, и доныне покоится он тут под церковью Благовещения Пресвятой Богородицы во славу Христову, ему же слава.

Чудо первое преподобного Никандра пустынножителя

Принесли к преподобному некоего мужа по имени Назарий, болен был, прикован к постели из-за недуга своего год и шесть месяцев, сгнила грудь его, так что и внутренности были видны, и положили его пред келиею святого, тогда еще преподобный был жив. Преподобный вышел из келии своей и увидел больного, лежащего на носилках. Назарий же охватил ноги преподобного, и целовал ноги его, и омывал слезами, и просил у него о молитве исцеляющей. Он же сказал: «Да отпусти ноги мои». А Назарий сказал: «Отче, умру рядом с тобой, преподобным, если не исцелишь меня, ибо я уже заживо съеден червями, и не отойду от тебя». И Никандр увидел утомление сердца его и сказал: «Назарий, ступай в гостиницу, в келью мою, что у дуба, и поспи там немного». Назарий же сказал ему: «Святой отец, давно уже не смыкал я глаз во сне из-за болезненного своего недуга». Святой сказал: «Я тебе теплую келию приготовил, зная о твоем приходе, ступай и отдохни в теплой этой келии и покажи мне болящие язвы свои». И он показал ему, и не мог рубашку свою снять с тела, ибо прилипла она к телу его. И осенил святой крестным знамением язвы его, и отправил его в келию свою, а сам стоял на молитве всю ночь. Назарий же спал всю ночь, а наутро встал здоровым, струпья же сошли с тела его вместе с рубашкой, как чешуя. И припал он к ногам преподобного, и преклонил колени, и плакал горько, и сказал: «Святой отец, ты меня молитвою своею исцелил». Преподобный же ответил ему: «Я из всех людей самый грешный по немощи и невежеству, один Бог исцеляет человеческий род, не только тело, но и душу». И святой повелел Назарию, сказав: «Не рассказывай об этом никому, чтобы не было тебе хуже, и пусть будет благой жизнь твоя, и не забывай место это до смерти своей».

Чудо второе преподобного отца нашего Никандра пустынножителя

Некоторое время спустя, еще преподобный был жив, пришел к святому некий муж по имени Иосиф ради помощи душевной. Преподобный же сказал ему: «Иосиф, чадо, нет у меня кота, но исполни ради меня послушание, отыщи мне кота». Иосиф же сказал: «Да где же я найду это угодное тебе существо?» Он сказал Иосифу: «Есть у Спасского дьякона в Заклиньи». Иосиф же спросил: «А ты у него просил его?» Святой ответил: «Я и в лицо его не видел и не знал с тех пор, как пришел в пустынь эту». Иосиф пошел, а святой спросил его: «Будешь ли в третий день?» Иосиф ответил: «И завтра, отче, буду». Святой же сказал: «И в четвертый день тебе не бывать, и повеленное тебе не исполнить».

Пришел Иосиф к дьякону Ивану и спросил о том, за чем его послали. Он же дал ему то, за чем его посылали, и Иосиф пошел в пустынь с посланным <котом>. И по внушению дьявольскому возвратился Иосиф в дом свой, и оставался дома три дня, и <кота>-то, за чем его послали, посадил в темном месте, и не давал ему есть и пить, и забыл о нем и о пророчестве святого. И на пятый день пришел к святому. Святой же, все провидя, стал говорить ему: «Иосиф, почто кота этого в темнице томил три дня, а сам дома пребывал?» Иосиф, увидев его прозорливость, пал к ногам его и покаялся. Святой же послал его обратно, туда, где взял <кота>-то, за чем посылали, ибо поступил Иосиф не по наказу святого, и отправил его. Иосиф отошел от келии святого с треть поприща, и пришло ему на ум подойти к келии и кота выпустить. А святой отправил Иосифа, и остался в келии своей, и предугадал помыслы его. Иосиф уже запустил руку за пазуху и ухватил кота и хотел его выпустить, и вдруг невидимою силою некоею схватил святой Иосифа сзади и трижды проговорил: «Иосиф, Иосиф, Иосиф, что делаешь не по повелению!» И обличил его, и сказал: «Поведай мне, что замышляешь?» Он же ответил ему: «Ты, отче, все помыслы мои знаешь, хотел ведь выпустить кота около келии твоей. Твоя же прозорливость опережает беззаконное непослушание». Святой повелел ему молчать, и благословил его, и отпустил его. И он вернулся в дом свой, радуясь.

Чудо третье преподобного отца нашего Никандра пустынножителя

Той же стороны Порховской муж некий по имени Симеон, Васильев сын, князя Кострова человек, в скорби некоей пришел к святому, потому что украли у него лошадь и прошло уже пять дней. И припал он к ногам преподобного, и жаловался горько. Святой же сказал: «Симеон, не скорблю я о твоей лошади, хотя и пропала у тебя лошадь, но скорблю я о том, кто украл лошадь по глупости». И сказал Симеон святому: «Ты, господине отче, почто о воре скорбишь?» Святой, смирив себя, сказал: «Так изначально ведется, чадо, кто сам грехам способствует и воровства греховного исполнен, тот и о воре скорбит». И сказал Симеону: «Иди, чадо, в дом свой и найдешь пропавшее». И пришел Симеон в дом свой, той же ночью прибежала пропавшая лошадь, и нашел ее. И вскоре возвратился он в пустынь к святому. А вор, когда переезжал через реку, утонул. Симеон и рассказал об этом святому. Святой же сказал ему: «Должно, чадо, о тех христианах скорбеть,

которые отошли к Богу без покаяния». Симеон, то осознав, прослезился и просил простить его, святой же простил и отпустил его с миром.

Чудо четвертое преподобного Никандра пустынножителя

В год 7093 (1585), января во 2-й день, уже после преставления преподобного, пришел в пустынь из московской земли дьячок церковный по имени Андрей, а родился он в этой же стороне Порховской, у святого Николы чудотворца на Тишинке. И прожил один год и 7 дней в обители преподобного в послушниках, был он еще молод, 23 лет. И, подстрекаемый ненавидящим добро врагом дьяволом, украл у старца в пустыни, у постриженника того же монастыря по имени Исайя, мантию и куколь и все черноческое одеяние, иконы и книги забрал и сбежал из пустыни. Со старцем же в пустыни не было никого, а сам он был болен ногами. И пришел старец к преподобному в церковь, и пал на гробницу преподобного, и, горько жалуясь, сказал: «Господи, не посчитай это ему за грех, но поспеши и направь его на мирный и благой путь». И помощию преподобного увечный и безногий старец устремился за Андреем, а до этого почти не выходил из келии своей. Андрей же по молодости прошел до обеда 12 поприщ и пришел в безлюдное и лесистое место, которое называется Подогривье, и ничего там не нашел, кроме скошенного сена, и собирался уходить с того места. И явился ему старый почтенный монах, и сказал ему: «За этим ли пришел из дальней стороны? Или не знаешь, что не можешь от меня скрыться?» Андрей же побежал в чащу лесную и потерял рассудок, лишился ума своего, и не узнавал людей, но ревел громким голосом. И в третий час ночи на то же место пришел увечный старец, еле живой, перекрестился с поклонами и, помолившись, влез в сено и заснул. И было около шести часов ночи, и пришел Андрей туда же к сену, на то же место, крича и изнемогая. Увечный старец подумал про себя: «Убьет он меня». А о помощи святого не знал и успокоил себя старец: «Если убьет меня, неповинного, Бог об этом узнает». И сотворил молитву старец, Андрей же ничего не ответил, но продолжал стонать. Подумал старец, и возложил надежду на святого, и подошел к Андрею, он же лежал возле сена и не мог пошевелиться, ибо обессилел. Той ночью закончились их блуждания, и не смогли они увидеть и не узнали <друг друга>, и оба ослабели и изнемогли. И скорбел старец увечный, что пришла его погибель. Но через некоторое время приехали из села, что называется Горки, два мужа, Ларион и Онтип, родные братья, чтобы взять сена для скотины, и увидели увечного старца, творящего земные поклоны. Андрей же стоял и не говорил ничего. Андрея изгнали <из монастыря>, потом он постригся в Великих пустынях, и дали ему имя Антоний, имел он чин дьякона.

Житие Герасима Болдинского

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. В. Крушельницкой

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие Герасима Болдинского сохранилось в двух редакциях. Первая редакция Жития была составлена игуменом Болдинского монастыря Антонием не позднее 1586 г., когда Антоний стал Вологодским епископом (умер Антоний в 1588 г. и был погребен в Вологодском Софийском соборе). При работе над Житием Антоний использовал ценный исторический источник — завещание-устав самого Герасима, в котором преподобный кратко рассказывает об основании четырех монастырей и предписывает правила жизни в обителях; правила эти типичны для общежительных монастырей. Из завещания-устава Антоний взял точные даты и некоторые обстоятельства основания монастырей, имена назначенных Герасимом игуменов; текст монастырского устава Герасима почти без изменений вошел в Житие в качестве предсмертного поучения святого. Составляя Житие Герасима Болдинского, Антоний продемонстрировал достижения Макарьевской агиографической школы и одновременно сумел соединить высокую стилистику с реальной основой содержания большинства эпизодов Жития. Первая редакция Жития сопровождается рассказами о семнадцати посмертных чудесах святого. Текст Первой редакции сохранился всего в двух списках XVII в. *(РГБ,* ф. 310, № 600, л. 142—210 об.; *РГБ,* ф. 236, № 94, л. 165—220).

Вторая редакция Жития Герасима Болдинского составлена неизвестным автором спустя непродолжительное время после труда Антония. Автор Второй редакции переработал текст антониева Жития, исключив целый ряд основанных на риторике фрагментов и составив более простой и лаконичный рассказ о жизни святого. Многие житийные эпизоды предстают отражением реальных картин монастырского быта. Перерабатывая более абстрактное повествование антониева Жития, автор Второй редакции конкретизирует рассказ, уточняет разного рода детали, выявляет реальные причинно-следственные связи. Он старается более точно цитировать завещание-устав Герасима (текст его он несомненно имел перед собою при работе над Житием). Наиболее значительным отличием содержания Второй редакции является отсутствующий в антониевом Житии рассказ об основании Герасимом монастыря в Свирковых Луках. Эта часть текста Второй редакции наиболее ярко отражает творческую манеру неизвестного автора, которая характеризуется стремлением к реальности повествования наряду с упрощением стиля и приемом литературной разработки рассказа. Во Второй редакции Жития нет тех семнадцати рассказов о чудесах, которые имеются в Первой редакции; ее сопровождает рассказ о другом чуде, но сохранилось лишь начало этого рассказа. Текст Второй редакции известен только в одном списке XVII в. *(РНБ,* собр. Погодина, № 711), повествование в котором обрывается после нескольких начальных фраз рассказа о посмертном чуде преподобного Герасима.

Вниманию читателей предлагается Вторая редакция Жития Герасима Болдинского. Поскольку текст ее сохранился в единственном списке, дефектные чтения в необходимых случаях исправлены по тексту

Первой редакции (по списку *РГБ,* ф. 236, № 94) или по завещанию-уставу Герасима, текст которого дошел до нас только в одной рукописи *(РГБ,* ф. 310, № 301, л. 126—128а об.).

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА МАЙЯ ВЪ 1 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ГЕРАСИМА, СМОЛЕНСКИХЪ ПРЕДѢЛЪ ГРАДА НАРИЦАЕМАГО ДОРОГОБУЖА БОЛДИНА МОНАСТЫРЯ[1] ЧЮДОТВОРЦА

Сей убо преподобный отецъ нашъ Герасимъ родися во граде Переславле Залѣском[2] от родителю благочестиву, от отца нарицаемаго Михаила и от матери имянем Марьи, иже бѣста Божии угодницы, правдиви пред Богом и пред человеки и всяческими дѣлми исполнени же и украшени, якоже Богъ любит. И егда же родися отроча, и нарекоста имя ему во святом крещении Григорей. И тако абие отроча ростяше прочее время по обычаю телеснаго возраста, преуспевая душею и тѣлом и духом исполняяся, разумѣ страха Божия, — и милости Божии бѣ на нем. И живяше во всяком послушании родителей своих, бѣ же смирен и кроток велми, на игры ко сверстником своим никакоже приставая, но хожаше по вся дни в церковь ко всякому пѣнию и внимаше божественное пѣние, писание, и тужаше духом, помышляше, маловремянное сие житие суетное како вскоре преходит.

И начат приходити в Даниловъ монастырь,[3] и видя старца Данила и прочих старцов, и внимаше мыслию, како к Богу подвизаются. И любляше Данилов монастырь паче дому родитель своих; и старца Данила смотря, дивляшеся и любя паче родителей своих, и прочих старцов любляше паче сродникъ своих. И многажды же хождаше Григорей в монастырь той, размысляше, како бы отрещися мира сего суетнаго. И егда бысть треюнадесят лѣтъ возраста своего, приде, припаде к ногама святого старца Данила и начат молитися со слезами, дабы его постриг во иноческий образ. Старецже Данило возбраняше ему, глаголя: «Чадо, юну ти сущу, како имаши подвизатися? Много убо требе терпѣнию во иноческом образе». Он же моля старца, от ног его не востая, слезами землю омочая, глаголя: «Отче святый, не отрыни мене, грѣшника, от твоея святыни, молитвами твоими надѣяся вся полезная тобою сотворю, точию не отрини мене от своея святыни». Старец же Данило, видев его толики слезы и желание сердечное к Богу, остриже его и нарече имя ему во иноцех Герасим.

Взят же его старец Данило к себѣ в кѣлию под начало. И бысть добронравен зело во всем, живяше же у старца в послушании добродѣтелном, имѣше старца, аки Бога, и братию, аки ангели. А смирением своимъ и послушанием, и труды, и подвиги, и зелным воздержанием, и молитвами ту сущих удиви, яко и самому старцу Данилу дивитися, въ младе возрасте мудрость мужественная бываше; и многажды о нем старцу Данилу Бога молящу, дабы ему дал Богъ терпѣние и крѣпость до скончания жития. Живе же у старца Данила в кѣлие двадесят лѣтъ во всем богоугождении и в послушании. Видив же

его старец Данил во всемъ живуща по заповедех Господних и по обещанию иноческому, дастъ ему кѣлию особную и повелѣ в ней жити. Преподобный же ни в чем преслушася старца своего, но во всем волю его творяше во благо и вменяше старче повелѣние, аки Божие повелѣние. И егда начат жити себѣ в кѣлии, начат труды к трудом прилагати и подвиги к подвигом, в посте и в молитве безпрестани день и нощь бес сна пребываше. Бѣ же смирение имѣя зело и любовь ко всѣмъ, и целомудрие, и в прочих добродѣтелех, имѣяше же в себѣ зачало премудрости — страх Господень,[4] а о земном мимоходящем тлѣнном житии сем не радяше и презираше.

И егда начат жити себѣ в кѣлие, начат помышляти оттоитти во ино мѣсто, в пустыню,[5] единому безмолствовати. И повѣдаше помышление свое старцу Данилу. Старец же не повелеваше ему и браняше ему о такове помысле. Преподобный же Герасим, моляся Богу со слезами безпрестани, день и нощь без сна пребываше, глаголя собѣ втайне: «Господи, якоже ты волиши, устрои вещь, твоя воля, а не моя». И пребысть в том помышлении шесть лѣт, но и паче желанием сердечным распалаем, еже оттоити в пустыню, и начат старца молити со слезами, глаголя: «Отче, отче, не презри своего чада, даруй прощение рабу своему, отпусти Бога ради и даруй мнѣ молитвы своя, спутьшествующими и спребывающими во вся дни до скончания живота моего». Видев же старецъ Данило неуклонна его от таковаго помысла, и возложи вещь такову на Бога, и глаголя: «Воля Господня да будет». И отпусти его с миром, и огради его крестом и молитвою вооружи, и наказав его о всем, и благослови его, рекъ: «Буди, чадо, на тобѣ Божия милость и Пречистая Богородица во всем тебѣ помощница и заступница, и молитвы преподобного отца нашего Сергия чюдотворца и старца моего преподобного Пафнотия, чюдотворца Боровскаго», — бѣ убо блаженый Данило ученик преподобного Пафнотия чюдотворца Боровскаго, Пафнутий же — ученикъ старца Никиты Переславского чюдотворца, Никита же — ученик преподобного Сергия чюдотворца.[6] И тако отпущает его, с радостными слезами рекъ: «Миръ тебѣ, чадо, мужайся да крепися на невидимых врагов ополчение». Прирекъ же нѣчто пророчески, глаголя: «Много бо, чадо, имат ти быти от врага искушение и злых человекъ, наносящих ти лютая скорби. Но убо сила их и не крепится противу милости Божия». И тако отпусти его.

Преподобный же Герасим отъиде от старца Данила и не виде пути от многаго плача. И начат обходити пустыни, гдѣ бы ему сѣсти безмолствовати. Сего же аз не возмогох увѣдати, колико время преподобный Герасимъ хожаше по пустыням, токмо обретох, в кое время приде в пустыню, идѣже ныне лежат честныя и многоцелебныя мощи его, идѣже множество иночествующих собра, ко спасенному пути настави. Мы же предлежащѣя возвратимся.

О приходе старца преподобного Герасима на лесъ в пустыню

Приде убо преподобный отецъ нашъ Герасим на лес в пустыню в Дорогобужской уѣздъ в лѣта 7036 году марта въ 25 день, аки един от убогих, не имы с собою никогоже, и нача вселятися при болшей дороге. Бѣ же ту преже того бысть жилище разбойником, иже и крови

человѣческие много пролитие, и пакости творяще людем, ходящим путем тѣмъ, ове же грабяще и биюще, и до смерти убивающе.[7] Старецже Герасим не вѣдаше бывающихту разбоевъ, постави собѣ хижицу малу, начат пребывати в безмолвии, аки един от убогих. Ненавидяй же добра роду человечю, хотя святого отогнати от пустыня, ово ненавидимо страшаше, ово же видимо, всякими бедами мечтанными привидѣнии находящи, овогда звѣрие и гады и всякими мечтанми. Преподобный же Герасим воспоминаше старцово Данилово пророчение, еже глаголаше ему многому на нь искушению; и возлагая надежду на Бога и на Пречистую Богородицу, и на молитву преподобных отецъ Сергия и Пафнотия чюдотворцев, и старца своего преподобного Данила призывая, — и абие без вести творяше вражия.

Он же, престарый губитель враг дьявол, воздвизает на нь злых человекъ, наносящих ему лютыя скорби. Разбойники убо приходяще на нь, бияхут его немилостивно, ини же пытаху у него сокровища. Овогда мимоходящеи свирѣпии человецы, не боящеся Бога, ругахуся ему, злѣ биюще и влачаще его. Но и паче же живущии близ пустыни тоя ненавидяще его, называюще своим мѣстом мѣсто то и глаголюще ему: «Отъиди, старче, отсюду. Что хощеши на мѣсте сем? Мѣсто се — наша вотчина». И бияхут его, ругающеся, и бив, еле жива его пометаху на землю. Он же никакоже от таковых скорбей не отхожаше. Ини же человецы, ужема связавше его, и влачаху к водѣ, хотяху его во глубину вовреща. Он же вся терпяше на мѣсте том Бога ради, и от всѣхъ сих Богом храним невидимою силою. Не имы же у собя сокровища ничтоже, — ни пища, ни одежда теплыых, — и много терпяше глад и студ и мраз, и о всем о сем не скорбя, но о всемъ уповая на Бога. И отнюдъ у себя не имы чѣмъ питатися, понеже убо мѣсто пусто и отовсюду человецы сурови, вмѣсто благодеяния и милости все ношаху злодеяние и немилосердие. От сего убо разумѣем, какова люта напасть — отвсюду лѣсъ, отвсюду скорби! Помыслим: аще кто приидет во град незнаем, аще и име с собою, какою скорбию одержимъ заточению, яко незнаем никимже, — не яко ли плѣник пребываетъ? Сей же убо преподобный страстотерпецъ по вся дни, аки мученик, страдаше в непроходимой пустыни, не точию бо не исхождаше в веси за немилосердие человекожителей тѣхъ, но и в пустыни ни на всяк день не оставляше, нашед на него, немилосердие творяше всякими обычаи.

Преподобный же виде тако от врага вооружение, немилосердие людское, постави собѣ при дороге кузовецъ и седяше при пути, и прошаше у мимоходящих, чѣмъ питатися. И подаваху ему ови хлѣбъ, ови же сребряницы и ино потребная. Преподобный же Герасим все пологаше в кузовец той. А коли убо отхожаше от дороги на труды, и мимоходящии вметаху в кузовец той хлѣбъ и сребряницы и ино потребная, что у кого случитца от избытка, и бываше им путь строен и неприточен, якоже рече Господь: «Блаженни милостиви, яко ти помиловани будут».[8] И паки: «Честна милостыни во время недостатка».[9] Аще ли же которыя, немилосердием одержими, и от избытка своего не полагаютъ в кузовецъ старцов ничтоже, и вся им случашеся на пути стропотно и развращенно ради немилосердия их, якоже рече Господь ученикомъ своим: «Аще не приемлют вас, и от прах от ногъ ваших отрясете во свидѣтелство им».[10] И аще лучашеся кому

тѣм путем паки итти, и о всем о том преподобному повѣдаху, о милостивых и немилостивых, что им случашеся.

Старец же от кузовца того питашеся, и вся ему то сокровища бысть, а в хиже своей не имы ничтоже. Кузовец же его не оскудеваше ничем. Мнози же страннии и убози хожаху мимо путем тѣмъ; и не имы с собою пища, и приходяще х кузовцу тому, питающеся невозбранно от кузовца того, и идяху в путь свой стройне. Аще ли кто, напитався, взимаше с собою от кузовца того на путь в запас, то никакоже отхожаше от кузовца того, много хожаше путем и не обретше, куды прочь оттоитти, дондеже, паки пришед, пологаше в кузовец той яже взятое, — и путь ему стройне обреташеся.

Живяше же подле старцовы хижицы птица вранъ. Егда хождаше старецъ Герасимъ по пустыни, а вран стрежаше хижицу, яко страж. И аще кто хотяше приближитися к хижице от мимоходящих человекъ, или скот, или зверь, или птица, врану же кричащу и вопиющу гласом великим, яко не хотяще припустити к хижице; а иногда вран стрежаще кузовца такоже. И во един убо от дний тогда нѣкто от жителей тѣх, человекъ, зовомый Куча, ходящу ему по пустыни той ловитвы ради, и приде близ кузовца старцова. И виде над тѣмъ кузовцѣм врана седяща, а ис пустыни, видит, идуща звѣря, рекомы медвѣдь, страшен зело. Человек же той виде звѣря и убояся велми, и возбежа на древо. Зверь же пришед, хотя похитити кузовец старцов, полон хлѣба. Вран же птица крича и вопия, и бияше крылома зверя по главѣ, и не припускаше звѣря х кузовцу. Много же звѣрь покушашеся, како бы кузовец с хлѣбом восхитити. Вран же никакоже дадяше, бия звѣря крылием по главѣ. Звѣрь же много трудися, отъиде в пустыню бездѣлен бысть, скорбя.

Поживе же преподобный Герасим при дороге в велицех сих скорбях два лѣта.

О преселении преподобного отца Герасима, идѣже ныне монастырь есть, Болдин зовом

По двою же лѣту пришествия преподобного отца в пустыню, молящуся ему в нощи в хижице своей на обычном своем правиле,[11] и слышаше мало вдали хижицы своей звон доброгласен зело на долгъ час. Старец же мня, яко мечты вражия. Такоже во вторую нощъ и в третюю. Преподобный же удивися о сем велми, на долгъ час помышляше, что убо будет се. И востав заутра и иде на мѣсто то, идеже бысть звон. И в той час бысть шум велий и страшилище. Преподобный же знаменася крестным знамением и доиде на мѣсто то, идѣже страхования. И обрете мѣсто то вверхъ источника Болдина — равно, суху, всеокатно, — а издавна было селение нѣкое. Преди же мѣста того обрете дубокъ, растущъ от земля убо един корень, помале же кверху ростяше натрое, а си три равны суть, а издали видети, аки един верхъ. Вѣтвие зелны красны суть, зело вѣтвие по земли густо добрѣ — никакоже дождю пребывающу. Есть же тот дубок и до дне сего среди монастыря стоит.

Преподобный же Герасимъ велми возлюби мѣсто то. Сотвори молитву на долгъ час, начат водворятися ту, и постави себѣ ту кѣлейцу малу.

Увидевше же живущии ту близ пустыни тоя, возненавидевше же преподобного паче прежняго и много ему зла творяху, хотяще святого изгнати, называюще своим мѣстом; и приходяще на преподобного со оружием: ови биюще его немилостивно, ови хотяще его иссещи, ови пробости, ови огнем зжещи. И ини же, связавше ужеме, влечаше его в воду, хотяше его ввергнути во езеро во глубину. И боящеся его погубити страха ради градских намѣстников.

Бѣ же от града Дорогобужа мѣсто то яко десять верстъ. Глаголаша же тѣ сурови человецы, яко хотяще воврещи в воду преподобнаго: «Увѣдают убо о сем намѣстницы градсти, и велия нам продажа будет. Но идем убо повѣдаем намѣсником о нем». И идоша во град к намѣстнику, и дары многи даша намѣстнику, чтоб он согнал святого с мѣста того. Намѣстник же возъярися зело,посла по него и повелѣ привезти во град связана, биюще его и ругающеся ему. Намѣстник же много его бесчествова и осуди его, бив, затворити в темницу. Преподобный же Герасим втайне безпрестани моляшеся Богу.

Стоящу преподобному связану поругаему, и в той час с Москвы приѣха царевъ государевъ посланникъ к намѣстнику. И видев старца уничиженна и поругаема, и позна его, яко Переславля Залѣского старец, Данилов ученик, знаше бо его велми и многажды его виде у государя, приходяща ис Переславля Залѣского от старца Данила.[12] И государь его знаше ради добродѣтелнаго жития его. Посланник же тече ко старцу скоростию и, пад, поклонися преподобному до земля, благословения прося. Намѣсник же удивися о сем и начат воспрошати его о старце. Посланник же вся повѣда ему о преподобнем подробну. Намѣстник же слыша сия и ужасеся, и пришед ко старцу, прощения прося, глаголя: «О, прости мя Бога ради в невѣдении». Преподобный же глаголаше: «Богъ простит тя, господине, не твое бо есть се дѣло, но старого ненавистника врага дьявола, ненавидящаго добра роду человеческому». Намѣстник же повелѣ ему жить невозбранно, идѣже хощет, и дав ему вся потребная доволно, и отпусти его с миром и с великою честию в пустыню. И оттоле заповѣда всѣмъ людем, еже старца ничем не вредити, и нача к старцу велию вѣру держати и часто его посещати всѣмъ потребным, прежде бо сего не вѣдаше старца, откуду бяше пришел и хто бѣ.

О хожении преподобного Герасима к Москве и о поставлении церкви Святыя Троица

По мале же времяни шед преподобный Герасим к Москве и бия челом царю государю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, прося строити монастырь на мѣсте том.[13] И государь с великою радостию повелѣ преподобному строити монастырь, и повелѣ государь дати ему потребная доволно на строение монастыреви, Богу тако изволшу. И оттоле начат строити монастырь, и церковь постави во имя Пресвятыя Живоначалныя Троицы да предѣлъ во имя преподобнаго отца нашего Сергия чюдотворца в лѣто 7038 году майя въ 9 день.

Начаша же к нему братия приходити, хотяху с ним сожителствовати. Преподобный же глаголаше им: «Братие, видите, Господне мѣсто пусто,

отвсюду скорбно и отвсюду недостатки — чего ни помяни, того нѣтъ. Како имате терпѣти находящая скорби на мѣсте сем пустыннем?» Они же глаголаше: «Отче святый, молим твою святыню — точию не отрыни нас от твоея святыни. Молитвами твоими святыми помогающими можем терпѣти». Преподобный же с радостию приимаше их, аки от Бога посланных. Начат же труды к трудом прилагати и подвиги к подвигом: и начаша лѣсъ сѣщи и кѣлии ставити. Лѣс же ношаше на плещу свою сам преподобный и братия вся. Всякое дѣло преже всѣхъ начинаше с молитвою и со слезами и основал бо бѣ монастырь многими слезами и поты своими.

По мале же времяни поставиша церковь теплую с трапезою во имя Пресвятыя Владычицы нашея Богородица, честного и славнаго ея Введения. Пребываше же преподобный в нощи убо на бдѣнии в слезах, во дни же на трудех на строении монастырском, овогда на братию меляше и хлѣбы печаше, и воду и дрова сам на раму своею ношаше в пекарню и в поварню, и сочиво на братию варяше, и свитки на братию мыяше, и около болных работаше, и на прочих трудех безпрестани пребываше в нощи и во дни; мало же сна приимаше, стоя или седя, на ребрѣх же своих не опочиваше до конца жития своего; и ко всѣмъ имѣя любовь велию, к посту же убо и к труду крѣпокъ добрѣ и силен. И начаша многия христолюбцы посещати преподобнаго, и много потребная подавающе на строение монастырское, и пищу подаваше доволну братии. И тако день от дне распространяшеся монастырь благодатию Христовою и молитвами преподобнаго отца нашего Герасима. Понеже убо яже слышахом о скорбѣхъ преподобнаго, и мало нѣчто написахом, и елико возмогохом, обаче же ни сие умолчано будет, еже дарует Богъ угодником своим, работающим Ему всѣмъ сердцем, еже сам рече Господь: «Славящая мене прославлю».[14]

О украдении монастырских лошадей

Бысть убо во дни тыи у преподобнаго на послужение братии двое лошадей токмо. Мимоходящии же путем тѣмь и украдоша тѣ лошади и поѣхаша путем прочь. Приставленый же брат, много поискавъ, и не обрете лошадей. Мимоѣздяи же повѣдаша ему, яко срѣтиша на таковых лошадех дву человекъ, бегуще скоро от монастыря путем. Брат же оскорбися велми, хотя вслѣдъ их гнати, но нѣ на чем, а пѣшему не догнати; паче же бояся старца, без его вѣдома гнати. И приде к старцу Герасиму уныв, и бояся исповѣдати старцу. Святый же, видевъ его унывша, и разумѣ бывшее, глагола брату: «Брате, не скорби, ни унывай о сем. Попомни, брате, Иева праведнаго, глаголюща: „Богъ дал — Богъ и взял”».[15] Брат же, разумѣв, яко глагола ему о погибших, и удивися о сем, како святый уразумѣ, аки кто же ему повѣда о том, — и паде на ногу преподобнаго, прощения прося. Святый же прости его. Брат же прошаше у преподобнаго благословения гнати за татьми. Преподобный же глаголаше: «Брате, гонящей убо бежащаго не постигнет, бежащии же гонящаго в сий час постигнут вскоре». Брат же усумнѣся о сем, и не разумѣ, еже глагола святый, воспросити же не смѣяше.

По трех убо днех по проречению преподобного бежащии они татие постигоша в монастырь на тех лошадех и, притекше к преподобному,

падше на ногу его, прощения просяще, глаголя: «Отче святый, прости нас Бога ради, согрешихом пред тобою — украдохом лошади твоѣ. И много трудихомся, три дни и три нощи, хотяще отъѣхати от тебе, и не возмогохом. И уже от глада изнемогохомъ, и разумѣхом, яко молитва твоя не отпустит нас от тебе, и возвратихомся к тебѣ. Возми убо свое и нас отпусти Бога ради». Старец же наказав их чюжаго не взимати, но от своих трудов доволным быти и праведным имѣнием владѣти, и дав имъ потребная доволно, и отпусти их с миром. Они же идоша в путь свой, радуяся и славя Бога, и преподобнаго отца Герасима кротости и милосердию дивящеся.

О преподобнем отцѣ нашемъ Герасиме

Ниже сие умолчано будет о преподобнем Герасиме.

Бысть убо нѣ в кое время преподобному идущу в Переславль град Залѣский, в Данилов монастырь, посетити братию. Идущу же ему путем, а с ним три ученика его, с ними же точию едина лошадь в санех. Обычай же бѣ преподобному Герасиму всегда пѣшу ходити, аможе потреба будетъ, на конех же никакоже не ѣздяше до скончания живота своего, бѣ убо крѣпокъ и силен велми, якоже выше рекохом. Ученицы же его трие отсташа на лошади подалее от преподобного. Идущу же ему в Переславской области, хотя нѣкую весь минути путем своим. И абие обыдоша его пси мнози, хотяху его разтерзати. Людие же веси тоя, стояще, смеяхуся и ругающеся преподобному, и понужающе псов своих на преподобного. Ученицы же его едва наѣхаша на нь и начаша бранити людем тѣмъ, глаголюще: «Что тако творите?» Святый же запрети ученикам своим, глаголя: «Чада, не браните, не видят бо ся, что творятъ». И глагола преподобный людем тѣмъ: «Господие, увидите, яко не от нас убо насытятся пси ваши, но от скот ваших, и сий смѣхъ вашъ обратится на плачь по сих ваших». Они же, несмыслении, мечуще на святого укоризны и поругание. Преподобный же Герасимъ иде в путь свой со ученики своими, и абие по отшествии преподобнаго в веси той внезапу вси скоти их изомроша. И уразумѣша, что бяше им глагола преподобный, и начаша каятися о согрешении своем ко преподобному.

Преподобный же пребысть в Данилове монастырѣ время доволно и паки пойде во свой ему монастырь. И приближающися к веси той, в нейже пси хотяще его разтерзати, людие же увидевше издалеча преподобного Герасима, изыдоша во срѣтение ему з женами и з детми и падоша на ногу святого со слезами, глаголюще: «Отче святый, прости нас Бога ради, грѣшных. Согрешихом предтобою во оно время безумием своим». И повѣдаша преподобному случьшаяся скотом и псом их. Преподобный же прости их и наказав их ктому не глумитися иноческому чину и не укоряти, и не поношати, — «Да паки умножатся вам скоти ваши паче прежняго».

Паки же нѣ в кое время преподобный Герасим посла инѣхъ ученикъ своих в Данилов монастырь нѣкоего ради орудия. И случися им в той же веси препочити. Людие же тѣ покоиша их добрѣ и почесть им воздаша велию, и повѣдаша им подробну вся сия о преподобнем. И отпустиша их, с великою радостию глаголюще: «Господие наши, повѣдайте старцу

вашему о нас, яко дарова нам Богъ его молитвами умножение скотом и всякого обилия паче перваго». Ученицы же, пришедше в монастырь, повѣдавше преподобному. Преподобный же запрети им и не повелѣ повѣдати никомуже. Они же тогда умолкоша, по преставлении же преподобного вся сказаше и дивишася, како Богъ творит полезная угодники своими.

О обретении татьбѣ нѣкоему селянину

Бысть в нѣкое время, в не же землю воздѣловаху ради плодов житных, и украдоша у нѣкоего селянина во области монастырской трое лошадей. И много ему ищущу по лесом и по полем, и по многим мѣстам и не обретше, и бывшу ему в велицей печали, понеже нивы его не воздѣланы суть, и монастырския нивы такоже, еже ему уреченное дѣло. Он же о сем горко плакаше, розмышляше в собѣ, глаголя: «Чѣмъ хощу дѣлати монастырское и свое, чѣм впредки питатися!» Сице ему скорбящу и в недоумѣнии ходящу, и въ седмый день по украдении лошадей тѣхъ притече ко преподобному Герасиму и припаде к ногама его, плачася, и повѣда святому случишаяся ему. Старец же не поскорбѣ о том нимало и рече ему: «Человече, не скорби о сем, тлѣнном, ни о чем, но скорби о гресех своих и пекися о спасении душа своея, и остави всяку неправду, и буди нищелюбив, и молися Богу и Пречистой Богородице, и о всем возложи упование на Бога и на Пречистую Богородицу, и призывай на помощь преподобного отца нашего Сергия чюдотворца, — и утѣшит тя Богъ от скорби сея. Иди с миром в дом свой и обрящеши свое». Он же иде в дом свой.

Идущу же ему по пути лѣсом, и узрѣ против себе ѣдущи дву человекъ на его краденых лошадех. И абие сметавшеся с лошадей, скоро противу его течаху. Он же устрашися их, мня, яко хотят его убити. Татие же, пришед, поклонишася ему до земля, глаголя: «Человече, прости нас Бога ради, яко украдохом у тебя лошади сия. И много трудиховеся седмь дней, хотѣхом вдаль ѣхати от мѣста сего, и не возмогохом, и пути не обретохом, — возбраняюще нам молитва старца вашего. Человече, возьми свое и отпусти нас». Он же с радостию взят лошади свои и смирися с ними. Татие же идоша в путь свой стройне, дивишася и блажаще старца.

Человек же той с великою радостию возвратися к старцу Герасиму, глаголя: «Отче святый, по проречению твоему обретох лошади». И сказа все по ряду, како бысть и како татие пути не обретоша седмь дни. И начят селянин с великою радостию блажити старца. Преподобный же, ненавидя славы человеческия, глаголя: «Человече, прелстился еси, — како единому дву одолѣти?» Он же наипаче клятвою глаголати, яко тако бысть. Старец же запретив ему много никомуже повѣдати сего, глаголя: «Аще сия кому повѣдаеши, велию беду к себѣ наведеши». Он же убоявся и отъиде в дом свой, радуяся и славя Бога, и втайне блажаше преподобного Герасима.

О Предотечеве монастырѣ[16] в Вязме и о посланице цареве

Бывшу нѣкогда преподобному Герасиму во граде в Вязме, строящу ему монастырь Вознесение Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа и Усекновение честныя главы святого и славнаго пророка и Предтечи Иванна.

Воспомянем же нѣчто мало, что бысть прежде того на мѣсте том. Бысть убо мѣсто то пусто, лѣсъ, зовомый Олешняго, на рѣчке на Бебреи. Бѣ же на мѣсте том преже сход корчемником и зерныциком, и блудником, и съѣздъ разбойником, и прочим играм бѣсовским, и душегубство великое, и убийство, и кровопролитие.[17] Аще убо подробну начну писати, что бысть на мѣсте том и каковы скорби подъят преподобный сей муж, то постигнет мя лета повести дѣюще. Но мало нѣчто реку на увѣрение и на ползу слышащим.

Устроил бо бѣ преподобный Герасим около монастыря того слободку, с нея же никоторыя царския подати не даяше царским жалованием, ни намѣстники, ни посланики царския ни в чем не вступаютца. Бысть же в Вязме нѣкто царской посланик о цареве дѣле[18] до всего града, и восхотѣ ту монастырскую слободку привлещи к посаду в царском дѣле. Емше же от жителей тоя слободки и повелѣ их бити. Преподобный же Герасим посла к нему с великим молением о сем с любовию и смирением. Он же, свирѣпъ, старцовых послаников отосла бездѣлны, и старца поношаше и укоряя, жителей же слободки тоя повелѣ бити без милости, ругающеся преподобному и укоряюще. Пришедше же послании в монастырь и повѣдаша преподобному свирѣпство и немилосердие посланничие. Преподобный же рече: «По мале убо имамы здѣ видетися с ним, ту и оправдимся». И паки посла к нему преподобный с молением, сам же святый ста на молитве на долгъ час плачася.

И егда приидоша посланнии от преподобного и видяще жителей, биемых без милости, слободки тоя, и начаша глаголати от преподобного с молением. Он же, свирѣпый, нача укоряти преподобного. И абие в той час найде на него недуг тяжек зело: и начат его бити о землю на долгъ час, и пѣны тещи, и зубы скрежеташе, и лежащу же ему много, аки мертву, и людем зрящим на нь, и всѣмъ ужасающимся, и тот очутися и не смысляше, злѣ бесящеся. И ведоша его к преподобному Герасиму в монастырь прощения ради. И яко бысть в монастырѣ, иабие свирѣпый он образумися, но ослабѣ всѣми уды своими и не можаше ничѣм двигнутися, но токмо языком мысленно глаголя, и, плачася горко, глаголаше: «О, преподобный, прости Бога ради, согреших к Богу и к тебѣ невѣдением». Преподобный же глаголаше: «Богъ простит тя, господине, не твое се дѣло есть, но старого ненавистиника врага дьявола, ненавидящаго добра роду человечю». И начат его преподобный наказывати, глаголя: «Во святом Евангелии пишет: „Властелем подобает доволным быти оброки своими,[19] а не лихоимствовати, и над смиренными не возноситися". А во ином пишет: „Ничтоже творите не от повелѣннаго вам”».[20] И ино много наказав его от Святаго Писания тихо и кротко, и введе его в церковь, и помоли Бога о нем со слезами. Он же укрепися от ослабления и бысть здрав, яко лев, и начят блажити преподобного. Преподобный же запрети ему никомуже повѣдати сего славы ради человеческия и рек: «Аще ли

повѣси, то болши того болѣзни имаши терпѣти». И отпусти его с миром. Он же, радуяся, идяше, и славя Бога, и блажаше преподобного Герасима вкратце, и дивяся кротости и милосердию преподобного о исцелении своем.

Сказание вкратце <о приходе> преподобного отца нашего Герасима в пустыню в Брыньскомъ лесу, о Жиздриньском монастырѣ[21] и о городовомъ приказчике дорогобужьскомъ

Преподобный же Герасим любляше пустынное безмолвное житие, отходит от обители Пресвятыя Троица в пустыню на Брынской лѣсъ, растояниемъ от Болдина монастыря триста верстъ, или мало или и болши сего. И з Богом устрояет монастырь на рецѣ на Жиздре во имя Пресвятыя и Живоначалныя Троица и Пречистыя Богородицы, честного и славнаго ея Введения, и преподобного Сергия чюдотворца, и братию собираетъ.

Труды же его и подвиги како исповѣмъ по ряду, яже приял на Брынском лесу от разбойников и от злых человекъ, наносящих ему лютыя скорби, и от зверей страшилище, бѣ бо мѣсто пусто и отвсюду лѣсъ! На том же мѣсте бѣ вертепъ разбойником, бысть подобно по всему пустыне сей и пущи сего. Но аще подробну писати, постигнет мя лѣта повести дѣюща. Нодовлѣет разумным и Бога боящимся человеком и мало сие изображение на ползу слышащим и разумевающим, яже преже сего изъявихом, како приде на мѣсто пусто в Дорогобужской уѣздъ,идѣже лежат честныя и многоцелебныя мощи, и како страдаше от врага и от разбойников, и мѣста того жителей, и от мимоходящих человек, и от намѣстников градских. Сице убо подобно тому же терпяше во Брянском уѣзде на Брынском лесу на рекѣ на Жиздре. Вся скорбная терпяше, но вся скорбная силою Христовою мимо идоша по псалмописцу: «Сѣюще слезами радостию пожнут».[22]

В тѣ же времяна во граде Дорогобуже бысть городовой приказчик имянем Лаврик Соколов, вражиимъ навѣтом негодоваше на преподобного монастырь на Болдин и старца поношаше и укоряше, яко един от безумных. И случися сыну его, имянем Леонтию, впасти в недуг за неисправление отчее: и ума иступившу, бесящуся, и злѣ страждущу, и не можаху его укрепити ужема желѣзныма, сокрушаше бо ужи желѣзныя и бияшеся. Овогда убо живый в нем бѣсъ поверзаше его на землю и бия его, и зубы скрежеташе, овогда, яко мертвъ, лежаше на долгъ час. И приведоша его в монастырь на Болдино. Преподобному же Герасиму не сущу ту в монастыри, бѣ бо, якоже рѣхом, строящу монастырь на Жиздре рекѣ. Священицы же и вся братия пояху молебны о беснующем и много молиша Бога о нем. Бесновавый же нимало уцеломудрися, зелно беснующеся. Немало же время живяше в монастыри, и не облегчающу ему нимало болѣзнь его.

Преподобному же спешащу в монастырь на Болдино, не скончав дѣла своего. Ученицы же его дивляшеся о сем, воспросити же не смѣяху. Святый же глагола им: «Ныне убо подобает нам поспешити посетити приведенаго к нам». Они же почюдишася, что скоро спешит святый в Болдин монастырь, они же глаголам преподобного не разумѣша. Идущу

же ему и близ монастыря бывшу преподобному, и се видяше от монастыря злѣ бесящаго. Святый же стрѣтив человека того и ем его за руку, он же умолча. И возврати его преподобный паки в монастырь и введе его в церковь, и помолися Богу о нем со слезами. Он же в той час смысленно глаголати начат и припадая к ногам преподобного, моля его, дабы о нем помолил Бога. И бысть здрав, яко николиже болѣвъ, и поживе время доволно в разуме истинне. И отпустив его, преподобный глагола ему: «Не повеж, чадо, сего никомуже и живи по заповедех Господних, якоже подабает крестияном жити». Он же оттоиде в дом свой, радуяся и славя Бога, и угодника его, преподобного Герасима, блажаше вкратце.

О езере Абрамовскомъ[23]

Бысть убо вмале монастыря езеро, Обрамовское словуще, пространством невелико бѣ, только глубоко добрѣ; и сквозь его рѣчка мала течаше, зовома Озеречка, бѣ же в ней множество рыб. От селян же ту живущии много ходяще рыб ловити во езеро то. И кто убо приидет на ловитву или кто, мимо ходя, на помощь Бога призовет, и тому быша на езере том многия мечты вражия и страхования велия, и пакости, — овех утопающе самех, овех суденцы разбивающе и у овех же мрежи в водѣ погибающе, а иным болѣзни приходяще на озере том. И отнюдь никтоже не обреташе рыб во езере том з Божиею помощию. А котории убо невѣгласи ходяще на езеро то без Божия помощи с волшеством, и тѣ убо здрави бывающе и много рыб имаше доволно.

Преподобный же Герасим сия слышав и оскорбися зело. И много своих ловцов посылаше з Божиею помощию, такоже им мечты бываше — ничтоже и николиже имаше рыб, но токмо пакости приемлюще многи. Преподобный же на долго время о сем моля Бога со многими слезами, дабы победил мечты вражия, и восхотѣ преподобный сам итти на езеро то с ловцы монастырскими. И повелѣ в церкви пѣти молебен, сам же преподобный много моляся со многими слезами, и в нощи той моляся Богу, а наутрие итти ко езеру.

Бѣ же близ езера того монастырская весь, Абрамово зовомо. И абие в нощи той слышаху жители веси тоя во озере шум велик зело и вопль, и стонание необычно и ужасошася велми, яко преже того не слышавше нигдѣже такова шума и кричания. Наутрия же бысть день той тих и красен зело от утра и до вечера. Преподобный же Герасим приде с ловцы своими и виде в той час во езере том волнение зелное, а вѣтру не бывшу в том часѣ. Святый же, став у езера того, нача молитву творити на долгъ час со многими слезами. По совершении молитвы преподобного бысть звук во езере том, и аки гром страшен возгремѣ на многъ час, яко всѣмъ ту сущим устрашитися от зелнаго гремения. И абие пойде гром той изо озера вниз по рѣчке той, яже течет сквозь езеро то Абрамовское. Преподобный же паки начат молитися со слезами. И потом бысть тишина велия во езере том. Преподобный же возрадовася велми, благодаряше Бога, прогнавшаго мечты вражия, и призывая Бога на помощь, и повелѣ ловцем своим во езере неводы метати. И бысть ловитва стройна, и уловиша рыб множество безчисленно. И оттуды преста конечно волнение, мечтание вражие во

езере том — молитвами преподобного Герасима и з Божиею помощию ловяхуть рыбу на монастырь доволно, и никакоже пакости и до сего дня не бысть запрещением святого.

Сказание вкратце о Сверковомъ монастырѣ[24] и о боярине о Якове Салтыкове[25]

Обычай убо имѣя преподобный Герасим по пустыням ходити, занеже безмолвию ревнитель. Ходяй же по пустыням, обрете не в проходимом лесу мѣсто на рекѣ на Днепрѣ при болшей дороге, зовомыи Сверковы Луки, ростояние имѣя от Болдина монастыря сорок верстъ, а от Дорогобужа сухим путем трицать верстъ вниз по рекѣ Днепру. Мѣсто невелико, окатно; преже бо того бысть в литовщину[26] ту монастырекъ особной,[27] толко двѣ кѣлии, и выше того на другой сторонѣ реки Днепра — другой монастырек, особной же. И как государю Богъ поручил грады Дорогобуж и великий град Смоленескъ, и тѣмъ мѣстом почал владѣти государевъ боярин и воевода Яков Ондрѣевич Салтыков. Преподобный же Герасим обрете и возлюби мѣсто то, занеже потребно есть монастырь устроити. И повѣдаша преподобному, како тот государевъ боярин, Яков Андрѣевичь Салтыков, ѣздит тѣшитися на звериную ловлю по обычаю своему, как у них обычай имат, бѣ бо лѣсъ пустыня непроходимая, угодно добрѣ к ловитве звериной. И егда лучашеся ему на пустыни той ловитвы ради обночитися, он же заѣхав во особнячок тот, в трапезу монастырка того, начевати, и с собаками, занеже мѣсто пусто, добрѣ стати нѣгде. Преподобный же услыша такое дѣло и оскорбися велми, яко таковый великий боярин в православной вѣре нечестивых дѣло творяше — с собаками в трапезе начевати.

Святый же возгорѣся духом о благочестии, начат строить монастырь на том мѣсте. И како имам подробну писати, каковы скорби подъят преподобный от того боярина, многими обычаи покушашеся отогнати от мѣста того, надеяся силе своей! Святый же глаголаше болярину тому: «Богом и государем почтен еси, подобает ти благочестию дѣлателю быти, а не нечестию. Тако убо нечестивии творят, ты убо крестиянин, подобает ти быти в дѣлех християнину. Разумѣй, что пророкъ Давыд[28] глаголет: „Человекъ, в чести сый, не разумѣ, приложися скотом несмысленным и уподобися им”».[29] И паки глагола преподобный: «Силный и силнейши истязан будет.[30] Вам же подобает царским жалованием доволным быти помѣстием, а то земля государева, а не твоего помѣстия». И Яков же Салтыков но и паче разгорѣся и, надѣяся величеству своему, всякими обычаи нанося преподобному всякия скорби, чтобы его согнати с мѣста того и владѣти мѣстом тѣмъ.

Преподобный же Герасим, о благочестии подвизаяся, разгорѣся Святым Духом, глаголаше: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать».[31] Поиде к Москве и возвести благочестивому царю государю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси на того боярина и воеводу, на Якова Ондрѣевича Салтыкова, о нечестии его. Благовѣрный же царь, сияя благочестием, слышав таковая о нечестии того боярина, и государь царь велми браняше. Преподобному же на том мѣсте повелѣ благочестивый царь государь монастырь поставити и

грамоту свою царскую повелѣ дати, что к тому мѣсту бысть угодия. Преподобный же оттоле Богу помогающу и строя монастырь, церковь постави во имя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Мария, честного и славнаго ея Введения, и теплую церковь постави с трапезою во имя святого чюдотворца Николы, и кѣлии поставив, и вся благолѣпно устроив, якоже и в прочих общежителных мѣстех бываше, и братию собра.

Боярин же той, Яков Салтыков, по преставлении преподобного Герасима остави мир и все богатество, и раб своих надели и отпусти их, и пострижеся в монастырѣ Живоначалныя Троица в Болдине, и поживе во всяком благочестии, исповѣдании. Исповѣдание же его бысть сицево до скончания живота его. Егда в церковь на пѣние, прежи прихождаше ко гробу преподобного и глаголаше сице со многими слезами и воздыханием молитва преподобному: «Отче Герасиме, прости мя Бога ради, еже согреших к Богу и к тебѣ, прогнѣвах тя и раздражих зело, и великии скорби нанесох ти, но ты то претерпѣ, ныне имѣеши дерзновение к Богу много — помолися о мнѣ, грѣшнем». И сия глаголя, слезы от очию его, аки источники, течаху, яко всех видящих слезами своими сокрушаше, и плачася на долгъ час и время, яко и землю слезами своими мочаше. Поживе же в добрѣ исповѣдании и преставися с миром, и погребен бысть близ гроба преподобного Герасима чюдотворца.

Сицеви убо труды преподобного Герасима, сицево страдание, яже подъят по различным мѣстом. И егда созда по пустыням монастыри и во граде в Вязме, и братию собра, и весь чин монастырский устрои, якоже подобает во общеживущих монастырех: в Вязме убо на посаде устроися монастырь чюдне, и братию собра числом до четыредесяти и двою, и постави им игумена ото ученик своих, имянем Семена;[32] и в пустыни на Брынском лесу на Жиздре рекѣ такоже устроив чюдне, и братию собра числом тому же подобно, и преда ученику своему, имянем Петру Коростелеву; и такоже устроив чюдне в пустыни во Сверковых Луках, и братию собра числом до тридесяти и пяти, и предав ученику своему, имянем Сергию.

О посещении преподобного отца нашего старца Герасима о созданных ему своя монастыри еже о Христе и всю братию

Посеща же преподобный Герасим монастыря своя выну, иже созда по пустыням и во граде, укрепляя и наказуя братию, глаголя им: «Не обленимся, братия, к подвигу постному. Плачемся нынѣ грехов своих и не устрашимся маловремяннаго сего подвига постнаго, да страшнаго Геонскаго мучения избѣгнем и получим от Господа милость в день Судный». И паки глаголаше: «Братие и чада, не унывайте и не оскорбляйтеся, но вниманием почитания Божественных Писаний утешайтеся, попомните реченное: „Брань воину мала, а иноку — до отшествия своего яже к Богу, ибо лутче есть в трудѣ умрети, нежели в падении жити”».

О бдѣнии же преподобного и молитвах и трудѣхъ мало выше воспомянухом, ныне же о разсудителном его воздержании воспомянем.

Ядяше бо преподобный единою днем, и бѣ ему кормля хлѣбъ и соль и питие вода едина, и сие вмѣру, но по вся дни аки начало имый воздержанию.

О преставлении преподобного Герасима

И поживе убо преподобный Герасим лѣта довольна по пустыням. По сем разумѣ отхожение свое к Богу, и созывает братию изо всѣх монастырей своих в болшей монастырь Болдин, идѣже лежит честное его тѣло. И егда снидошася братия из монастырей, и начат святый глаголати к братии: «Се уже, братия, конец жития моего приближается, и аз убо отхожу от вас, а духом с вами неотступен буду. О сем да будет вам разумно, аще обретохом благодать пред Богом, то монастырь сей по моем преставлении ничимже не оскудѣет, но паче разпространится; и прочих монастырей, ихже з Божиею помощию создах, — аще и скорбная восприимут, но скорбь в радость претворится, и ти не оскудѣют ничимже, аще любовь будет между вами».

И паки глаголаше игумену Иосифу[33] и всей братии: «Братие и чада, молю убо вас, якоже при мнѣ не бысть хмелнаго пития во обители сей, тако и по моем преставлении никакоже да не будет; и миряном бы со братиею во единых кѣлияхъ не жити никогдаже; и имѣния по кѣлиям не держати, кромѣ одежда и обуища, и то бы было все общее; а пищи по кѣлиям не держати, питатися трапезною пищею, чем Богъ пошлет, а пища бы была равна всей братии. А приходящих братий из монастыря не изжденути, а ропотником и расколником не попущати, смиряти их монастырским смирением и наказывати их в кротости, а непослушающих наказания от обители отгнати, да и прочии страх имут таковая не творити. А спутников и нищих не оскорбляйте, накормите их и на путь подайте, чем Богъ пошлет. И игуменов ваших почитайте и повинуйтеся о Бозе во всем, якоже пишет: „Иже аще повинуется старѣйшине, рекше, игумену, сей ангелы подражает, а противляяся дьявола веселят в себѣ”. А учнет игумен жити не по мѣсту и не по чину монастырскому, и вы бы его, игумена, не обещестили, послали в кѣлию незлобиво в кротости. А игумен бы без соборных старцов,[34] опричь духовного дѣла, совѣта ничего не дѣлати, а соборных бы старцов было у вас дванадесят непремѣнно, кромѣ игумена. А старцом такоже без игумена ни о каковѣ о монастырском дѣле не соборовати, но всѣм вмѣсте, опричь того, которой будет во отъѣзде на монастырской службе. А игуменов бы своих постриженников держали, занеже закон вѣдают в пустыни. А хто Живоначалныя Троица в пустыни сей закон поруших, игумен или соборныя старцы которой ни буде, то судятся со мною пред Богом. Аще ли, господине, поживете по сему нашему закону, ино, господине, васъ Богъ направит на путь ко спасению».

И паки рече: «Братие и чада, якоже преже глаголах вам, и паки глаголю. Се убо отхожу от жития сего, а вас оставляю в руцѣ Божии и Пречистыя Богородица, и преподобного Сергия чюдотворца, и в руцѣ государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Руси самодержца, и преосвященного Макария,[35] митрополита Киевского и Московскаго и всеа Руси, занеже, господине, бил есми челом царю государю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси и

преосвященному митрополиту Макарию о брежении монастырском от находящих скорбей по преставлении моем. И царь государь и митрополит пожаловали, изустную памятцу взяли у меня о брежении монастырском. И будет, господине, которыя скорби постигнут вас, — и вы бы есте о всем уповали на Бога и на Пречистую Богородицу, и на помощь бы естя призывали Сергия чюдотворца, и били бы есте челом царю государю и великому князю, имярекъ, и преосвященному митрополиту о всяком брежении монастырском».

И тако наказав их преподобный и от Божественнаго Писания немало и дав братии послѣднее целование о Христе, и одарив их молитвами своими, и воздвиже на небо руце, и молитву сотворивъ, конечное слово изрекъ: «Господи, в руцѣ твои предаю духъ мой».[36] Бѣ же в то время пояху заутренню[37] и праздноваху преподобному Пафнотию Боровскому чюдотворцу. И егда начаша чести Святое Евангилие, и чтуще: «Придѣте ко мнѣ, вси труждающеся и обременении, и аз покою вы»,[38] — и тако предасть честную свою душю в руцѣ Божии в лѣто 7062 году месяца маия въ 1 день в седмый час нощи.[39] И абие храмина исполнися благоухания велия, и бысть лице его светлѣе живаго. И тако погребоша его честно, с кандилы и со свещами, в созданнем от него монастырѣ у Живоначалныя Троицы, зовомо Болдино, у предѣла Сергия чюдотворца от полуденныя страны. И тако братия разыдошася с миром по своим монастырем, гдѣ кои живяше.

Поживе же преподобный Герасим в различных пустынях двадесят шесть лѣтъ, а пострижеся трехнадесяти лѣт, а у старца в кѣлие поживе двадесят лѣт, а в кѣлие шесть лѣтъ; убо преставися преподобный Герасим, а братии было тогда во Болдине монастырѣ живущих сто двадесят седмь братов, живяста же по заповедех Господних и по обещанию преподобного отца нашего Герасима, славяще Бога и в молитвах призывающе преподобного Герасима чюдотворца; поживе лет всех 65.

Чюдо преподобного отца нашего Герасима о старце Васьяне Швалѣ[40]

Бысть по преставлении преподобного Герасима в Вязме в монастырѣ его строении у Предтечи, и спорушилися часы в том монастырѣ, починити их нѣкому.Иприѣхал из болшаго монастыря з Болдина в Вязму к Предтече в монастырь починивати часов ученик преподобного Герасима имянем Васьян, прозвище Шваль. Бѣ же с ним два коня болших. Татие же тѣ кони украдоша у него. Он же много искавше и не обретоша лошадей. И бывшу ему в скорби и печали...

---

[1] *Троицкий Болдин монастырь* — основан преподобным Герасимом в 1528 г. в 19 км к востоку от Дорогобужа по старой Смоленской дороге. В конце XVI в. был возведен каменный монастырский ансамбль — Троицкий собор, колокольня, трапезная, укрепленные стены. Строительство велось под руководством «церковного мастера»

Терентия, упоминания о котором сохранились в расходной книге Болдинского монастыря за 1591 г. (РЯБ. Л., 1924. Т. 37. Стб. 117—118). Монастырские расходные книги отражают проведение подготовительных работ к строительству — постройку печей для обжига кирпича, доставку дров, изготовление кирпича, подвоз камня на известь *(РИБ.* СПб., 1875. Т. 2. Стб. 300—302, 304, 305, 308). С Болдинским монастырем был связан известный древнерусский зодчий Федор Конь, возводивший стены Смоленска, — приходные книги хранят записи о значительных денежных вкладах зодчего в монастырь *(РИБ.* Л., 1924. Т. 37. Стб. 198,244). Архитектурные памятники Болдинского монастыря были взорваны оккупантами в 1943 г. Сохранилась только одна угловая башня. Многолетние реставрационные работы велись под руководством П. Д. Барановского. Ныне монастырь возобновлен.

[2] *Переславль Залесскш* — город на берегах реки Трубеж, основан не позднее 1152 г. суздальским князем Юрием Владимировичем. До 1302 г. город имел своих князей, в XV—XVI вв. являлся вотчиной московских князей.

[3] *Данилов монастырь* — Троицкий Данилов монастырь основан преподобным Даниилом в Переславле Залесском в 1508 г. Даниил родился ок. 1460 г. в Переславле, принял постриг в Пафнутьевом Боровском монастыре. Через 12 лет он вернулся в Переславль, поселился сначала в Никольском, а затем в Горицком монастыре, в котором провел тридцать лет. Особое попечение Даниил имел о погребении нечаянно умерших людей, тела которых находили на дорогах. На месте их погребений Даниил построил храм во имя всех святых. Вокруг этого храма стали строить кельи, и вскоре образовался монастырь, настоятелем которого стал Даниил. Умер Даниил в 1540 г., открытие его мощей состоялось в 1652 г., тогда же преподобный Даниил был канонизован; память празднуется 7 апреля, 30 декабря, 28 июля (все даты здесь и далее по старому стилю). Житие Даниила Переславского, составленное тридцать лет спустя после его кончины, сохранило упоминание о его ученике Герасиме Болдинском и донесло до нас интересную подробность, о которой не сказано в Житии Герасима, — Герасим был «кожевтвец», шил изделия из кожи.

[4] *...имѣяше же в себѣ за чало премудрости — страх Господень...* — Пр. 1, 7; 9, 10.

[5] *Пустынь* — безлюдное место в лесу, в горах и т. п., пригодное для монашеского уединения.

[6] *...бѣ убо блаженый Данило ученик преподобного Пафнотия чюдотворца Боровского... Сергия чюдотворца.* — Сергий Радонежский — святой, основатель Троице-Сергиевой лавры, преобразовал монашество на Руси, возродив общежительный монастырский устав. Умер в 1392 г., канонизован в 1452 г., память 25 сентября. См. его Житие и комментарии к нему: наст. изд., т. 6, с. 254—411; 555—564. Пафнутий Боровский — основатель монастыря Рождества Богородицы близ Боровска; умер в 1478 г., канонизован в 1547 г., память празднуется 1 мая. См. Рассказ о смерти Пафнутия Боровского и

комментарии к нему: наст. изд., т. 7, с. 254—285; 519—521. Никита Переславский — русский чудотворец, избравший редкий путь подвижничества, — он был столпником. Был убит в 1186 г. разбойниками, решившими, что вериги подвижника сделаны из серебра. Никита был погребен в Переславском Никитском монастыре, память 24 мая. Указание Жития о том, что Пафнутий Боровский был учеником Никиты Переславского, не соответствует действительности. Наставником Пафнутия был ученик Сергия Радонежского игумен Покровского Боровского монастыря Никита, который не имел никакого отношения к Переславлю Залесскому.

[7] *...бысть жилище разбойником... и до смерти убивающе.* — Это сообщение Жития, опирающееся на указание самого Герасима в его завещании-уставе, имеет, скорее всего, реальную основу. Герасим пришел в Дорогобужский уезд в 1528 г., т. е. всего через несколько лет после того, как в 1514 г. эти прилегающие к Смоленску земли, находившиеся более ста лет во владении литовских князей, были возвращены России. Вполне возможно, что здесь, в еще не обжитых местах, находили пристанище разбойничьи шайки, промышлявшие на большой Смоленской дороге.

[8] *«Блаженни милостива, якоти помилована будут».* — Мф. 5, 7; Притч. 14,21.

[9] *«Честна милостыни во время недостатка».* — Лк. 9, 5.

[10] *«Аще не приемлют вас... во свидѣтелство им».* — Мр. 6, 11; Лк. 9, 5.

[11] *Правило* — положеные по уставу молитвы, совершаемые иноками келейно.

[12] *...и многажды его виде у государя, приходяща ис Переславля Залѣского от старца Данила.* — Великий князь Московский Василий III (1479—1533) глубоко почитал переславского старца Даниила. В 1530 г. Василий III пригласил Даниила крестить своего сына, будущего русского царя Ивана Грозного. Вполне вероятно, что ученик Даниила Герасим бывал в Москве, выполняя поручения старца.

[13] *...и бия челом царю... Ивану Васильевичю всеа Руси, прося строити монастырь на мѣсте том.* — Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), великий князь всея Руси с 1533 г., русский царь с 1547 г. Очевидно, что Герасим испрашивал позволение на строительство монастыря (первый монастырский храм построен в 1530 г.) не у Ивана Грозного, а у его отца Василия III. Временное несоответствие в тексте Жития объясняется, скорее всего, тем, что образ Ивана Грозного приобрел в агиографической литературе устойчивую функцию покровителя монастырей. В Первой редакции Жития Герасима этот анахронизм также имеет место. Агиограф жертвует исторической правдой ради убедительности рассказа.

[14] *«Славящая мене прославлю».* — 1 Цар. 2, 30.

[15] *«Богъ дал — Богъ и взял».* — Иов. 1, 21.

[16] *Иоанно-Предтеченский монастырь* — был основан преподобным Герасимом в юго-западном конце посада города Вязьмы близ речки Бебря в 1543 г. (дата основания монастыря указана самим Герасимом в завещании-уставе). До наших дней в Вязьме сохранился каменный монастырский храм Иоанна Предтечи, построенный в 1635—1638 гг. Церковь увенчана тремя каменными шатрами, поставленными в один ряд. В России сохранился еще только один памятник подобной архитектуры — Дивная церковь в Угличе.

[17] *Бѣ же намѣсте том... и кровопролитие.* — Не лишено реальной исторической основы и это сообщение Жития. В Вязьме имел большой дом и владел поместьями конюший боярин князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, бывший фаворитом Елены Глинской, вдовы Василия III и правительницы русского государства при малолетнем наследнике престола Иване. Многочисленная княжеская прислуга устроила свой притон в юго-западном конце города, «за посадом», где «боярские дети», не гнушавшиеся и грабежей, устраивали кулачные бои и азартные игры (см.: Памятная книжка Смоленской губернии за 1859 год. Смоленск, 1859. С. 58). О том, что разбои были обычным явлением в Вязьме, свидетельствует грамота 1622 г. царя Михаила Федоровича вяземским воеводам Волынскому и Урусову, в которой говорится о мерах для того, «чтоб на посаде и по слободам и в уезде разбою и татьбы и иного никоторого воровства, и корчем и зерни ни у кого ни было» (см.: АИ. Т. 3. № 116).

[18] *Бысть же в Вязме нѣкто царской посланик о Цареве дѣле...* — Царевым делом, государевым делом называлось преступление против личности государя. Возможно, житийный рассказ является глухим упоминанием об одной из кровавых репрессий, которыми было ознаменовано царствование Ивана Грозного. Во всяком случае, многие представители рода связанных с Вязьмой князей Телепневых-Оболенских подверглись опале. После смерти Елены Глинской (ум. в 1538 г.) был заточен в темницу и замучен конюший боярин Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский: а в 1546 г. казнены братья князя Иван Дорогобужский и Федор Овчина-Телепнев-Оболенский.

[19] *Властелем подобает доволным быти оброки своими...* — Ср.: Лк. 3, 14.

[20] «*Ничтоже творите не от повелѣннаго вам».* — Ср.: Вт. 5, 32.

[21] *...в пустыню в Брыньскомъ лесу, о Жиздриньском монастырь...* — Основанный Герасимом Троицкий Жиздринский монастырь находился на реке Жиздре, левом притоке Оки. Жиздра протекает по Калужской области и имеет извилистое течение. В Жиздру впадает река Брынь, вокруг которой тянулись большие дремучие леса, известные под названием Брынских и упоминающиеся в русских былинах об Илье Муромце. Позднее в этих лесах укрывались в скитах старообрядцы. Основанный Герасимом монастырь, видимо, просуществовал недолго — о его истории ничего неизвестно.

[22] *«Сѣюще слезами радостию пожнут».* — Пс. 125, 5.

[23] *О езере Абрамовскомъ.* — Абрамовское озеро находилось в четырех верстах от монастыря (см.: Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864. С. 299).

[24] *...о Сверковомъ монастырь...* — Свирколуцкий Рождества Богородицы монастырь основан преподобным Герасимом ок. 1545 г. Существование монастыря поддерживалось благотворителями до 1803 г., когда монастырь был упразднен.

[25] *Яков Андреевич Салтыков* — боярин при царе Иване IV, умер в 1571 г. (см.: Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруким. СПб., 1855. Ч. 2. С. 70).

[26] *...влитовщину...* — Смоленские земли с 1404 по 1514 г. входили в состав Великого княжества Литовского. Отвоеванные войсками Василия III, эти земли в 1618 г. вновь отошли к Польше и окончательно были присоединены к России только в 1667 г. по Андрусовскому перемирию.

[27] *Особный монастырь* — монастырь, не имеющий общежительного устава, предписывающего полное обобществление имущества, обязательное участие монашествующих во всех службах, работах и т. п.

[28] *Давид* — второй царь еврейский, правивший с 1055 по 1015 г. до Рождества Христова. Давид упрочил внутреннее управление страной и расширил победоносными войнами Израильское царство. Считается автором Псалтири.

[29] *«Человекъ, в чести сый не разумѣ, приложися скотом несмысленным и уподобися им».* — Ср.: Пс. 48, 21.

[30] *Силный и силнейши истязай будет.* — Ср.: Лк. 12, 48.

[31] *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.* — Иак. 4,6; 1 Пет. 5,5.

[32] *Симеон* — игумен, управлял вяземским Иоанно-Предтеченским монастырем 34 года; при нем была построена деревянная Вознесенская церковь и вся обитель обнесена деревянной стеной.

[33] *Иосиф* — преемник Герасима по игуменству в Болдинском монастыре, получил прозвание Краснописец благодаря своему искусству переписчика книг. Сохранился переписанный им сборник Поучений Иоанна Златоуста *(ГИМ,* собр. Уварова, 110—1 °). Запись на первых листах этой рукописи сообщает: «Списание трудолюбезно бывшаго игумена Иосифа Герасимова монастыря, еже именуется по месту Болъдин, лѣта 7077-го (1569)» (см.: Строев П. М. Рукописи славянские и российские, принадлежащие... И. Н. Царскому. М., 1848. С. 125—131; Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 287—292).

Иосиф Краснописец, возможно, является автором составленного в 1559 г. в Болдинском монастыре учебного руководства для царевича Ивана Ивановича, которое известно под названием «Летописец и сказание ко учению и рассуждение к фониаде въкратце». С большой долей вероятности Иосифу атрибутируется также Послание митрополиту Макарию о составлении алфавитов и «Сказание о сложении азбук и о составлении грамот...» В публикуемом тексте Жития отсутствует рассказ о назначении Иосифа Краснописца игуменом Болдинского монастыря, и упоминание его имени оказывается не подготовленным предшествующим повествованием. Это является одним из аргументов в пользу того, что издаваемый текст является Второй редакцией Жития, автор которой подверг сокращениям текст Жития, написанного Антонием. Рассказ об избрании Иосифа игуменом Болдинского монастыря есть и в завещании-уставе Герасима, и в Первой редакции Жития, составленной Антонием.

[34] *Соборный старец* — монах, являющийся членом собрания (собора) монастырских духовных властей. В монастырях обычно бывает 12 соборных старцев (по числу апостолов).

[35] *Макарий* (1482—1563) — постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря, с 1526 г. архиепископ Новгородский, с 1542 г. русский митрополит.

[36] *«Господи, в руцѣ твои предаю духъ мой».* — Лк. 23, 46.

[37] *Заутреня* — утреннее богослужение, входящее в суточный круг ежедневных служб.

[38] *«Придѣте ко мнѣ... и аз покою вы»...* — Мф. 11, 28.

[39] *...в седмый час нощи.* — По нашему счислению в первом часу ночи.

[40] *Васьян Шваль* — старец Васьян Шваль упоминается в рассказе о первом посмертном чуде Герасима в тексте Первой редакции Жития. Рассказывается о том, как один монастырский работник был наказан болезнью за «творение неправды лукавым злым обычаем». Работник принял постриг от руки игумена Иосифа и стал иноком Александром. Но это не избавило его от недуга. Тогда «поущениемъ нѣкоего благоискусна мниха Васияна, именуемаго Шваля» Александр начинает молиться у гроба преподобного Герасима и получает исцеление. Таким образом, Васьян Шваль является современником игумена Иосифа, назначенного Герасимом своим преемником.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА МАЯ В 1 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ГЕРАСИМА, ЧУДОТВОРЦА БОЛДИНА МОНАСТЫРЯ, ЧТО В ГРАДЕ ДОРОГОБУЖЕ В СМОЛЕНСКИХ ПРЕДЕЛАХ

Сей преподобный отец наш Герасим родился в граде Переславле Залесском у благочестивых родителей, отца именем Михаила и матери именем Марии; и были родители его Божьи угодники, праведные пред Богом и людьми и всякими добрыми делами преисполненные и украшенные, как Бог любит. Когда же родилось дитя, дали они имя ему во святом крещении Григорий. И росло дитя со временем как обычно, возрастая душою и телом и духом наполняясь, уразумевая страх Божий, — и милости Божии были на нем. И жил Григорий, во всем слушаясь родителей своих, был весьма смирен и кроток, к сверстникам своим для игр не присоединялся, но ходил каждый день в церковь ко всем службам, слушал божественное пение и чтение и печалился духом, размышляя о том, как скоро проходит кратковременное сие житие суетное.

Стал отрок приходить в Данилов монастырь, и, видя старца Даниила и других старцев, наблюдал, как они служат Богу. Полюбил он Данилов монастырь больше родительского дома; видел старца Даниила, удивлялся и полюбил его больше родителей, других же старцев — больше родственников своих. Много раз ходил Григорий в тот монастырь, размышляя, как бы отречься от мира сего суетного. И когда достиг тринадцатилетнего возраста, пришел он, припал к ногам святого старца Даниила и стал молить со слезами, чтобы постриг его в иноческий образ. Старец же Даниил запрещал ему, говоря: «Чадо, юн ты еще, как будешь в лишениях трудиться и служить Богу? Много требуется терпения в иноческом образе». Отрок же молил старца, от ног его не вставая и орошая слезами землю: «Святой отец, не отвергай меня, грешника, от твоей святости, надеюсь, что сделаю я все на пользу благодаря тебе и твоим молитвам, только не прогоняй меня от своей святости». И тогда старец Даниил, видя его слезы и устремление сердечное к Богу, постриг его и нарек имя ему во иноках Герасим.

Взял его старец Даниил к себе в келью под духовное руководство. И проявлял Герасим свой добрый нрав во всем, жил же у старца в послушании добродетельном, почитая старца, как Бога, а братию, как ангелов. Смирением своим и послушанием, трудами и подвигами, строгим воздержанием и молитвами пребывающих в монастыре удивил, так что и сам старец Даниил дивился, как в таком молодом возрасте мудрость зрелая может быть; и много раз старец Даниил молил о нем Бога, чтобы дал Бог Герасиму терпение и крепость до конца жизни. Так прожил Герасим у старца Даниила в келье двадцать лет во всяческом послушании и угождении Богу. Затем старец Даниил, видя, что Герасим живет во всем по заповедям Господним и по обету иноческому, дал ему отдельную келью и повелел в ней жить. Преподобный же ни в чем не перечил старцу своему, но во всем волю его исполнял во благо, и принимал повеление старца как повеление Божие. И когда начал он жить в своей келье, стал труды к трудам прилагать и подвиги к подвигам, в посте и молитве беспрестанно день и ночь без сна пребывая. Было у него смирение великое и любовь ко всем, целомудрие и прочие добродетели, и имел он в себе начало премудрости — страх Божий, о земной же проходящей тленной жизни сей не заботился и презирал ее.

Когда же Герасим начал жить в своей келье, стал он помышлять об уходе в другое место, в пустыню, чтобы одному безмолвствовать. И поведал он о своем помышлении старцу Даниилу. Старец же не велел ему и ругал за такое намерение. И стал преподобный Герасим молиться Богу со слезами беспрестанно, день и ночь без сна пребывая, и думал про себя втайне: «Господи, устрой все, как ты изволишь, твоя воля, а не моя». Прожил преподобный Герасим с этим помыслом шесть лет, и, еще более распаляясь сердечным желанием уйти в пустыню, стал он старца молить со слезами, говоря: «Отче, отче, не презирай своего чада, подай прощение рабу своему, отпусти Бога ради и даруй мне молитвы свои, чтобы стали они сопутствующими и пребывающими со мною во все дни до скончания жизни моей». Старец Даниил, видя, что Герасим непреклонен в своем намерении, возложил все на Бога, сказав: «Воля Господня да будет». И отпустил его с миром, оградил его крестом и вооружил молитвою, дал наказ обо всем, благословил его и сказал: «Да будет, чадо, на тебе Божья милость, а Пречистая Богородица во всем тебе помощница и заступница, и молитвы с тобою преподобного отца нашего Сергия чудотворца и старца моего преподобного Пафнутия, чудотворца Боровского», — ибо был блаженный Даниил учеником преподобного Пафнутия чудотворца Боровского, Пафнутий же — ученик старца Никиты Переславского чудотворца, а Никита — ученик преподобного Сергия чудотворца. И так отпуская его, сказал старец Даниил с радостными слезами: «Мир тебе, чадо, мужайся и крепись перед ополчением невидимых врагов». И еще пророчески добавил: «Много будет тебе, чадо, от дьявола искушений и от злых людей, которые принесут тебе лютые беды. Но сила их немощна против милости Божией». И с тем отпустил его.

И ушел преподобный Герасим от старца Даниила, не видя дороги от многих слез. И стал он обходить пустынные места, где бы ему можно было поселиться безмолвствовать. Сколько же времени преподобный Герасим ходил по пустыням, я не смог узнать, только обрел, когда пришел он в пустынь, где ныне лежат его честные целительные мощи и где он множество иноков собрал и наставил на путь спасения. Мы же к прежнему возвратимся.

О приходе преподобного старца Герасима в лесную пустынь

Пришел преподобный отец наш Герасим в пустынь, в лес, в Дорогобужский уезд в год 7036 (1528) в 25 й день месяца марта, как один из нищих, не имея с собою никого, и стал поселяться при большой дороге. Прежде же было тут жилище разбойников, которые проливали много человеческой крови и беды причиняли людям, проходившим по той дороге, — грабили, били и до смерти убивали. Старец Герасим не знал о случавшихся здесь разбоях, поставил себе хижинку малую и стал жить в безмолвии, как один из убогих. Не желающий же добра роду человеческому враг дьявол, вознамерясь изгнать святого из пустыни, устрашал его то невидимо, то видимо, нападал на него всякими бедами колдовскими и привидениями, а иногда зверями и гадами и разными наваждениями. Преподобный же Герасим вспоминал пророчество старца Даниила, как говорил он о многих должных быть ему искушениях; и возлагал он надежду на Бога и на Пречистую

Богородицу, и на молитвы преподобных отцов Сергия и Пафнутия чудотворцев, старца своего преподобного Даниила призывая, — и тотчас исчезали вражьи наваждения.

Тогда старый губитель враг дьявол поднимает на преподобного злых людей, которые стали причинять ему лютые беды. Разбойники, приходя к нему, били его безжалостно, другие же выпытывали у него сокровища. Иногда проходившие мимо злые люди, не боясь Бога, издевались над преподобным, жестоко избивая и влача его. Еще же более вредили преподобному близ той пустыни жившие люди, которые ненавидели его и, считая это место своим, говорили: «Уходи, старец, отсюда. Чего ты хочешь на этом месте? Место это — наша вотчина». И били его, ругаясь, и, избив, едва живого бросали на землю. Старец же Герасим от таких скорбей никак не уходил. Другие люди, связав узами, влачили его к воде, намереваясь бросить старца в глубину. Он же все терпел на месте том Бога ради, и от всего был Богом храним невидимою силою. Не имея у себя никаких запасов, — ни пищи, ни одежд теплых, — много страдал преподобный от голода, стужи и мороза, но об этом не скорбел, во всем надеясь на Бога. И совсем не было у него ничего, чем питаться, потому что место то было пустое и вокруг везде злые люди, вместо благодеяния и милостыни приносившие злодеяние и немилосердие. Поэтому мы понимаем, какая лютая напасть — отовсюду лес, отовсюду скорби! Помыслим: если кто то чужой придет в город, то, пусть даже и имеет богатство с собою, охвачен он заточением скорби, поскольку ни кто его не знает, — и разве не как пленник он пребывает? Сей же преподобный страстотерпец каждый день, как мученик, страдал в непроходимом лесу, ибо из за немилосердия жителей не ходил он в селения, но и в пустыни ни на один день они его не оставляли, нападая, всяческим образом вредили ему жестоко.

И вот преподобный Герасим, видя такое ополчение на него врага и немилосердие людей, поставил себе при дороге кузовец и стал сидеть при пути, прося у проходящих мимо пропитание. И подавали ему одни хлеб, другие сребреники и прочее необходимое. И преподобный Герасим все складывал в тот кузовец. Если же отходил он от дороги на труды, а проходившие мимо клали в кузовец тот хлеб, сребреники и другое нужное, что у кого оказывалось в избытке, то бывал им путь прям и беспрепятствен, как сказал Господь: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». И еще: «Дорога милостыня во время недостатка». Некоторые же, одержимые немилосердием, не клали в кузовец старца ничего, и тогда встречались у них в пути всякие препятствия и трудности за немилосердие их, как сказал Господь ученикам своим: «Если не принимают вас, отрясите и пыль с ног ваших в обвинение им». И если кому нибудь приходилось той же дорогой опять идти, то рассказывал тот человек преподобному обо всем, что случалось хорошего и неблагоприятного в пути.

И так старец Герасим от кузовца того питался, и это было все его имение, а в хижине своей ничего он не имел. Кузовец же его не оскудевал ничем. Много странников и убогих проходило мимо той дорогой; не имея с собою пищи, подходили они к кузовцу, беспрепятственно брали пропитание из него и шли дальше своей

дорогой. Если же кто то, насытившись, брал из кузовца с собой в путь в запас, то не мог никак отойти от кузовца того, долго ходил, не находя, куда дальше идти, пока, назад возвратясь, не клал в кузовец взятое, — и тогда благополучно находил свою дорогу.

Жил же близ хижины старца ворон. Когда ходил старец Герасим по лесу, ворон, как сторож, стерег хижину. И если кто нибудь из проходивших мимо людей, или же домашнее животное, или дикий зверь, или птица хотел подойти к хижине, ворон кричал и вопил громким голосом, будто не желая подпустить к хижине; а иногда ворон стерег также и кузовец. Однажды один из жителей, человек по имени Куча, ходил по тому лесу, охотясь, и набрел он на кузовец старца. И видит — сидит над тем кузовцом ворон, а из лесу выходит очень страшный зверь, называемый медведь. Увидев зверя, человек тот очень испугался и залез на дерево. Зверь подошел и хотел стащить кузовец старца, полный хлеба. Птица же ворон стал кричать, и вопить, и бить крыльями зверя по голове, не подпуская его к кузовцу. Долго зверь пытался кузовец с хлебом стащить. Ворон же никак не давал, ударяя зверя крыльями по голове. И так зверь, много постаравшись, ушел в лес ни с чем в унынии.

Прожил же преподобный Герасим при дороге в таких великих бедах два года.

О переселении преподобного отца Герасима на место, где ныне монастырь стоит, называемый Болдин

Через два года после прихода преподобного отца в пустынь, когда молился он ночью в хижине своей, совершая обычное свое правило, услышал он недалеко от хижины звон благозвучный, длившийся долгое время. И решил старец, что это наваждение дьявольское. Так же было и во вторую ночь, и в третью. Преподобный очень удивился и долго размышлял, что бы это могло быть. И, встав утром, пошел туда, где был звон. И вдруг сделался сильный устрашающий шум. Преподобный же осенил себя крестным знамением и пошел до того места, откуда исходило устрашение. И обрел он место вверх от Болдина источника — ровное, сухое, с покатыми склонами со всех сторон, — а когда то давно было здесь некое селение. Подле же места того преподобный нашел дубок, ствол которого невысоко от земли разделялся натрое, а ответвления эти равные, так что издали казалось, будто одна вершина. Ветви очень красивые и густые — не пропускают дождь до земли. Этот дубок и по сей день посреди монастыря стоит.

Преподобный Герасим очень полюбил это место. Сотворил он долгую молитву и стал устраиваться здесь, и поставил себе маленькую келью. Жившие же близ пустыни той люди, увидев это, возненавидели преподобного больше прежнего и много ему делали зла, желая изгнать святого, называя своим это место; и приходили к преподобному с оружием: одни били его безжалостно, другие хотели его посечь, третьи — заколоть, иные — сжечь на огне. Другие же, связав узами, влачили его в воду, желая бросить его в глубину озера. И боялись его погубить только из за страха перед городскими наместниками.

Было же место то от города Дорогобужа примерно в десяти верстах. И говорили те жестокие люди, которые хотели бросить преподобного в воду: «Узнают об этом городские наместники и много денег взыщут с нас в наказание. Лучше пойдем и расскажем наместникам о нем». И пошли они в город к наместнику, и поднесли ему много даров, чтобы он прогнал святого с того места. И сильно разъярился наместник на старца, послал за ним и велел привести его в город связанного, побитого и опозоренного. Много унижал старца наместник и присудил его бить и заточить в темницу. Преподобный же Герасим втайне беспрестанно молился Богу.

И когда стоял преподобный связанный, поругаемый, в тот час из Москвы приехал к наместнику царский государев посланник. Увидел он униженного и поруганного старца и узнал его, что это старец из Переславля Залесского, ученик Даниила, ибо знал его хорошо и много раз видел у государя, когда он приходил из Переславля Залесского от старца Даниила. И сам государь его знал за добродетельную его жизнь. Посланник быстро подошел к старцу и, припав, поклонился преподобному до земли, прося благословение. Наместник же удивился этому и стал расспрашивать его о старце. И поведал ему посланник все подробно о преподобном. Наместник же, услышав все это, впал в ужас, пришел к старцу и, прося прощения, сказал: «О, прости меня Бога ради в моем неведении». Преподобный же ответил: «Бог простит тебя, господин, ибо не твое это дело, а старого ненавистника врага дьявола, не желающего добра роду человеческому». И велел наместник преподобному жить беспрепятственно, где он хочет, дал ему достаточно всего нужного и отпустил с миром и большой честью в пустынь. А людям всем с тех пор приказал, чтобы старцу ничем не вредили, сам же возымел большое доверие к старцу и часто стал присылать ему все необходимое, а до этого не знал старца, ни откуда он пришел, ни кто он был.

О хождении преподобного Герасима в Москву и о строительстве церкви Святой Троицы

По прошествии немногого времени пошел преподобный Герасим в Москву и бил челом государю царю всея Руси и великому князю Ивану Васильевичу, испрашивая (позволение) строить монастырь на том месте. И государь с великой радостью повелел преподобному строить монастырь, и повелел государь дать ему всего нужного довольно на строительство монастыря, ибо Бог так изволил. И с тех пор начал преподобный строить монастырь, и церковь поставил во имя Пресвятой Живоначальной Троицы с приделом во имя преподобного отца нашего Сергия чудотворца в год 7038 (1530), в 9 й день мая.

И стали приходить к нему монашествующие братья, желая вместе с ним жить. Преподобный же говорил им: «Братья, видите, Господне место пусто, отовсюду беды, отовсюду недостатки — чего ни помяни, того нет. Как будете терпеть находящие беды на месте этом безлюдном?» Они же отвечали: «Святой отец, молим твою святость — только не изгоняй нас от себя. С молитвами святыми твоими помогающими сможем терпеть». И тогда преподобный с радостью принимал их, как Богом посланных. И

стал преподобный труды к трудам прилагать и подвиги к подвигам: начали лес рубить и кельи ставить. Лес же носили на плечах своих сам преподобный и вся братия. Преподобный же всякое дело прежде всех начинал с молитвой и слезами и основал этот монастырь многими слезами и пбтом своим.

Через некоторое время поставили теплую церковь с трапезной во имя честного и славного Введения во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. И пребывал преподобный Герасим ночью на бдении в слезах, днем же в трудах на строительстве монастырском, иногда на братию зерно молол и хлебы пек, а воду и дрова сам на плечах своих носил в пекарню и в поварню, еду на братию варил, одежду стирал, за больными ходил и на прочих работах беспрестанно пребывал ночью и днем; спал же мало, и то стоя или сидя, а лежа не почивал до конца жизни своей; и ко всем имел любовь великую, на пост же и труд крепок был и силен. И начали многие христолюбивые люди посещать преподобного, подавая нужное на строение монастырское, и пищи братии довольно подавали. И так день ото дня рос монастырь благодатию Христовой и молитвами преподобного отца нашего Герасима. Хотя немного мы написали, насколько смогли, о страданиях преподобного, как слышали о них, однако пусть не будет сокрыто то, что дарует Бог угодникам своим, служащим ему всем сердцем, как сам Господь сказал: «Славящих меня прославлю».

О краже монастырских лошадей

Было в те дни у преподобного и братии для работы только две лошади. Проходившие же мимо по дороге люди украли тех лошадей и уехали прочь. Брат, которому были поручены лошади, долго искал их и не нашел. Проезжавшие же мимо поведали ему, что встретили на таких лошадях двух человек, быстро ехавших по дороге от монастыря. Брат очень огорчился, ибо хотел пуститься им вслед, но было не на чем, а пешему не догнать; кроме того, боялся он старца, без его ведома отправиться в погоню. И пришел он к старцу Герасиму удрученный, боясь поведать ему обо всем. Святой же, увидев опечаленного брата, понял, что произошло, и сказал ему: «Брат, не скорби и не печалься об этом. Вспомни, брат, Иова праведного, сказавшего: „Бог дал — Бог и взял”». Брат, уразумев, что старец говорит ему о пропавшем, удивился тому, как святой узнал об этом, словно кто то ему поведал обо всем, — и пал к ногам преподобного, прося прощение. И простил его святой. Тогда брат стал просить у преподобного благословения пуститься в погоню за ворами. Преподобный же сказал: «Брат, догоняющий убегающего не настигнет, убегающие же догоняющего достигнут вскоре». Брат же недоумевал, не понимая, о чем ему сказал святой, спросить же не посмел.

А через три дня по пророчеству преподобного убегавшие те воры прибыли в монастырь на тех лошадях, пришли к преподобному, пали к ногам его и, прося прощения, сказали: «Святой отец, прости нас Бога ради, согрешили мы пред тобой — украли лошадей твоих. Три дня и три ночи изо всех сил старались мы отъехать от тебя и не смогли. Уже изнемогши от голода, поняли мы, что молитва твоя не отпустит нас от

тебя, и возвратились к тебе. Возьми свое и отпусти нас Бога ради». Старец же наказал им чужого не брать, а довольствоваться тем, что получено своим трудом, и честно нажитым имением владеть, дал им все необходимое и отпустил их с миром. И пошли они своей дорогой, радуясь, славя Бога и удивлялись кротости и милосердию преподобного отца Герасима.

О преподобном отце нашем Герасиме

Пусть и это не сокрыто будет о преподобном Герасиме.

Пошел однажды преподобный в город Переславль Залесский, в Данилов монастырь, навестить братию. Шел он по дороге, а с ним три ученика его, и была у них только одна лошадь с санями. Имел преподобный Герасим обыкновение всегда пешком ходить, куда нужно было, на лошадях же никогда он не ездил до скончания дней своих, ибо был он крепок и силен, о чем мы и прежде сказали. А три ученика его на лошади отстали и ехали в отдалении от преподобного. И когда шел он уже по Переславской земле, проходил он одно селение по пути. И вдруг обступило его множество псов, готовых его растерзать. Жители же селения того стояли, смеясь и оскорбляя преподобного, и натравливали псов своих на него. Ученики преподобного, как только доехали до него, стали укорять тех людей, говоря: «Зачем так делаете?» Святой же запретил ученикам своим, сказав: «Чада, не браните их, ибо не ведают они, что творят». И сказал преподобный тем людям: «Хозяева, увидите сами, что не нашей плотью насытятся псы ваши, но вашей домашней скотиной, и этот смех ваш обратится в плач о том, что делают ваши псы». Они же, неразумные, бросали преподобному укоры и оскорбления. А преподобный Герасим продолжил путь с учениками своими, и тотчас же по отшествии преподобного в селении том вдруг вся домашняя скотина пала. И поняли тогда жители, что им сказал преподобный, и начали раскаиваться в согрешении своем.

Преподобный же, пробыв в Даниловом монастыре достаточное время, пошел назад в свой монастырь. И когда подходил он к тому селению, в котором псы хотели его растерзать, жители, издалека увидев преподобного Герасима, вышли навстречу ему с женами своими и детьми, и пали к ногам святого со слезами, и сказали: «Святой отец, прости нас, грешных, Бога ради. Согрешили мы пред тобою тогда из за безумия своего». И поведали преподобному все, что случилось с их скотиной и собаками. Преподобный же простил их и дал им наказ впредь не оскорблять иноческий чин, не укорять и не унижать, (и прибавил): «И тогда еще больше прежнего будет у вас скота».

Однажды преподобный Герасим послал других своих учеников опять в Данилов монастырь по некоему делу. И случилось им в том же селении заночевать. Жители же те приняли их хорошо, почесть великую им воздав, и поведали им подробно все это о преподобном. Провожая же их, с великой радостью сказали: «Господа вы наши, расскажите старцу вашему о нас, что даровал нам Бог его молитвами умножение скота и изобилие всего больше прежнего». И ученики, придя в монастырь, поведали преподобному. Преподобный же велел им никому ничего не

рассказывать. И они тогда об этом умолчали, а после преставления преподобного все рассказали, удивляясь, какие Бог творит полезные дела угодниками своими.

О том, как некий поселянин обрел украденное у него

Однажды, в то время, когда возделывают землю, чтобы сеять хлеб, украли у одного крестьянина из монастырской вотчины трех лошадей. Долго искал он лошадей по лесам, полям и многим другим местам и не нашел, и был в великой печали, потому что нивы его остались невозделанными, также и монастырские нивы, назначенные ему на обработку. И горько плакал крестьянин об этом, размышляя про себя: «Как теперь я буду делать монастырскую работу и свою и чем впредь кормиться!» Так он сокрушался, пребывая в растерянности, и на седьмой день после кражи лошадей пришел он к преподобному Герасиму, припал к ногам его, плача, и поведал святому о случившемся с ним. Старец же нисколько не огорчился и сказал ему: «Человек, не скорби ни о чем этом, тленном, но скорби о грехах своих и заботься о спасении души своей, оставь всякую неправду, будь нищелюбив, молись Богу и Пречистой Богородице, возложи надежды все на Бога и на Пречистую Богородицу и призывай на помощь преподобного отца нашего Сергия чудотворца, — и избавит тебя Бог от скорби этой. Иди с миром в дом свой и обретешь свое». И отправился поселянин домой.

Когда же шел он по дороге лесом, вдруг увидел двух человек, ехавших ему навстречу на украденных его лошадях. Вдруг сошли они с лошадей и быстро направились к нему. Испугался поселянин, решив, что они хотят убить его. Воры же, приблизившись, поклонились ему до земли и сказали: «Человек, прости нас Бога ради за то, что украли мы у тебя этих лошадей. Семь дней мы изо всех сил старались, чтобы уехать подальше от этого места, и не смогли, и дороги не нашли, — запрещает нам молитва старца вашего. Человек, возьми свое и отпусти нас». И поселянин с радостью взял своих лошадей и помирился с этими людьми. И пошли воры своей дорогой беспрепятственно, удивляясь и восхваляя старца.

А поселянин с великой радостью возвратился к старцу Герасиму и сказал: «Святой отец, по пророчеству твоему обрел я лошадей своих». И рассказал по порядку все, как было и как воры не могли найти дороги семь дней. Затем стал крестьянин с великой радостью восхвалять старца. Преподобный же, ненавидя славу человеческую, сказал: «Человек, обманулся ты, — как один может двоих одолеть?» Поселянин же еще более с клятвами стал заверять, что так и было. Тогда старец строго наказал ему никому про это не рассказывать и сказал: «Если кому нибудь поведаешь про это, большую беду на себя наведешь». И, устрашенный, ушел поселянин домой, радуясь и славя Бога, втайне прославляя преподобного Герасима.

О Предтеченском монастыре в Вязьме и о царском посланнике

Пребывал некогда преподобный Герасим в городе Вязьме, ибо строил он там монастырь Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса

Христа и Усекновения честной главы святого и славного пророка Иоанна Предтечи.

Вспомним же немного о том, что было прежде на месте этом. А было это место безлюдное — лес, называемый Олешник, на речке Бебри. И собирались там прежде барышники, игроки в кости, блудники, сходились разбойники, и были там игры бесовские, душегубство великое, убийство и кровопролитие. Если подробно начну писать о том, что было на этом месте и какие страдания пережил преподобный сей муж, то не хватит мне дней моих, чтобы окончить повесть. Поэтому только немного расскажу на уверение и на пользу слышащим.

Устроил преподобный Герасим близ монастыря того слободку, и с нее никаких податей в казну не платили по царскому пожалованию, и ни наместники, ни посланники царские ни во что там не вмешивались. И был в Вязьме один царский посланник с розыском по царскому делу по всему городу, и захотел он эту монастырскую слободку вместе с посадом привлечь к розыску. Взял он несколько жителей той слободки и приказал их бить. Преподобный же Герасим с любовью и смирением отправил к нему посланцев с большим прошением за них. Тот же, свирепый, старцевых послов отослал ни с чем, самого старца оскорбляя и обвиняя, а жителей слободки той велел бить без милости, чтобы унизить и укорить преподобного. Пришли посланцы в монастырь и поведали преподобному о ярости и жестокости царского посланника. Преподобный же сказал: «Вскоре должны мы будем увидеться здесь с ним, тут и оправдаемся». И опять послал преподобный к нему с прошением, сам же встал на долгую молитву с плачем.

И когда пришли посланные от преподобного и увидели, что жителей той слободки бьют без милости, стали они говорить от имени преподобного с молением. Тот же, свирепый, начал обвинять преподобного. И вдруг в тот же час нашел на царского посланника тяжкий недуг: начало его бить о землю, и долго это не проходило, и пена текла, и зубы его скрежетали, и долго лежал он как мертвый, а люди смотрели на него и ужасались все, а когда очнулся он, то ничего не смыслил, сильно беснуясь. Тогда повели его к преподобному Герасиму в монастырь за прощением. Когда же оказался он, свирепый, в монастыре, вдруг пришел в себя, но ослабел всеми членами своими и не мог ничем пошевелить, только языком осмысленно говорил, и, горько плача, сказал: «0, преподобный, прости Бога ради, согрешил я перед Богом и тобою из за неведения своего». Преподобный же ответил: «Бог простит тебя, господин, ибо не твое это дело, а старого ненавистника врага дьявола, не желающего добра роду человеческому». И стал преподобный его поучать, и сказал: «Написано в святом Евангелии: „Властителям подобает довольствоваться оброками, а лихоимства не допускать и над смиренными не возноситься". А в другом месте написано: „Ничего не делайте из того, что не велено вам"». И иных много наставлений дав ему от Святого Писания тихо и кротко, повел его преподобный в церковь и помолил о нем Бога со слезами. И тот оправился от слабости и стал здоров, как лев, и начал восхвалять преподобного. Преподобный же, не ища славы человеческой, запретил ему рассказывать об этом и сказал: «Если же

расскажешь, то будешь еще больше страданий претерпевать». И отпустил его с миром. Тот же, радуясь, пошел, славя Бога и восхваляя кратко преподобного Герасима, удивляясь исцелению своему и кротости и милосердию преподобного.

Краткое сказание о приходе отца нашего Герасима в пустынь в Брынском лесу, о Жиздринском монастыре и о дорогобужском городовом приказчике

Возлюбив отшельническое безмолвное житие, уходит преподобный Герасим из обители Пресвятой Троицы в пустынь в Брынский лес, расстоянием от Болдина монастыря в 300 верст, а может быть, меньше или больше этого. И с Божией помощью устраивает он там на реке Жиздре монастырь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы, честного и славного Введения во храм Пречистой Богородицы и преподобного Сергия чудотворца, и братию собирает.

Как поведать по порядку о трудах и подвигах его, о том, что претерпел он в Брынском лесу от разбойников и злых людей, причинявших ему лютые беды, и от зверей опасность, ибо место то было безлюдное, кругом лес! И был на том месте притон разбойников, так же как и в сей пустыни, и даже больше. Если же подробно писать, то не смогу окончить я повести до конца дней моих. Но разумным и богобоязненным людям довольно будет и того немногого, что прежде я рассказал на пользу слышащим и разумеющим о том, как пришел преподобный на безлюдное место в Дорогобужский уезд, где лежат ныне честные и целебные мощи, и как страдал он от врага дьявола, от разбойников, от жителей тех мест, от проходивших мимо людей и от городских наместников. Тому же подобное испытал старец и в Брянском уезде в Брынском лесу на реке Жиздре. Все скорбное он терпел, но все это скорбное силой Христовой миновало по слову псалмописца: «Сеющие слезами радостью пожнут».

В те времена в городе Дорогобуже был городовой приказчик именем Лаврик Соколов, и дьявольским наущением ругал он монастырь преподобного Болдин и старца бранил и укорял, как безумный. И случилось так, что сына его, именем Леонтия, за прегрешения отца постиг недуг: лишившись ума, бесился он и тяжко страдал, и не могли связать его железными узами, ибо даже железные узы он сокрушал и бился. Иногда вшедший в него бес повергал его на землю, и било его так, что зубы скрежетали, а иногда он, как мертвый, лежал долгие часы. И привели его в монастырь Болдин. Преподобного же Герасима не было тогда здесь в монастыре, ибо, как прежде мы сказали, строил он в то время монастырь на реке Жиздре. Священники и вся братия пели молебны о беснующемся и много молили Бога о нем. Больной же в свой разум никак не приходил и сильно бесновался. И много времени жил он в монастыре, но болезнь его нисколько не облегчалась.

Преподобный же, не окончив дела своего, поспешил в Болдин монастырь. Ученики его удивлялись этому, но спросить не смели. Святой же сказал им: «Сегодня должны мы поспешить, чтобы посетить приведенного к нам». Подивились ученики, что так скоро спешит

святой в Болдин монастырь, сказанного же преподобным не уразумели. И вот, когда шел преподобный и был уже близ монастыря, увидел он сильно бесновавшегося, (ведомого) от монастыря. Святой, встретив человека того, взял его за руку — и тот замолчал. Вернул его преподобный опять в монастырь, ввел в церковь и помолился Богу о нем со слезами. И больной тотчас осмысленно говорить начал и, припав к ногам преподобного, стал просить его, чтобы помолил Бога о нем. И выздоровел он, будто никогда и не болел, и прожил долгое время (в монастыре), не теряя разума. Отпуская же его, сказал ему преподобный: «Не рассказывай об этом, чадо, никому и живи по заповедям Господним, как христианам следует жить». И ушел тот домой, радуясь, славя Бога и угодника его, преподобного Герасима, кратко восхваляя.

Об озере Абрамовском

Было недалеко от монастыря озеро, называемое Абрамовское, по величине небольшое, но очень глубокое; и протекала через него маленькая речка, называемая Озеречка, и было в ней много рыбы. Жившие тут поселяне много раз ходили ловить рыбу на то озеро. И если кто приходил на лов или мимо шел и на помощь Бога призывал, то случались с ним на том озере наваждения дьявольские, великий ужас и беды — одни сами тонули, у других лодки разбивало, у третьих сети в воде пропадали, на иных же болезни находили на том озере. И с Божиею помощью никто никогда не обретал рыбы в озере том. Но те невежи, которые приходили на озеро без Божией помощи, а с колдовством, всегда здоровы бывали и много рыбы ловили.

Преподобный Герасим, узнав об этом, очень огорчился. Много своих ловцов посылал он с Божией помощью, но и с ними также случались наваждения — никогда не могли они наловить нисколько рыбы, а только напасти испытывали многие. Долго преподобный со многими слезами молил Бога о том, чтобы победить козни дьявольские, и захотел он сам идти на озеро то с ловцами монастырскими. Повелел преподобный петь в церкви молебен, а сам долго со слезами молился, и ночью молился Богу перед тем, как наутро идти к озеру.

Неподалеку же от того озера было монастырское село, называемое Абрамово. И той ночью вдруг услышали жители этого села в озере сильный шум, вопль и стоны необычные и очень испугались, ибо прежде нигде не слыхали такого шума и крика. Наутро же было тихо, и день был хороший с утра и до вечера. Пришел преподобный Герасим с ловцами своими и увидел на озере сильное волнение, хотя ветра в тот час не было. Тогда святой, встав у озера, стал молиться долго со слезами. И после завершения молитвы преподобного был шум в озере, и будто страшный гром гремел долго, так что все, кто там находился, испугались сильного грома. И вдруг пошел этот гром из озера вниз по речке той, которая течет через то Абрамовское озеро. Тогда преподобный опять стал молиться со слезами. И после этого настала тишина великая в озере том. Возрадовался преподобный очень и восславил Бога, прогнавшего козни дьявольские, и, призывая Бога на помощь, велел ловцам своим в озере неводы бросать. И была ловля

благополучна, и наловили бесчисленное множество рыбы. С тех пор прекратилось навсегда волнение и козни дьявольские на озере том — молитвами преподобного Герасима и с Божией помощью ловят на монастырь рыбы довольно, и никаких наваждений не бывает до сего дня запрещением святого.

Краткое сказание о Свирковом монастыре и о боярине Якове Салтыкове

Был у преподобного Герасима обычай ходить по безлюдным местам, ибо любил он безмолвие. И вот, ходя по пустыням, обрел он в непроходимом лесу на реке Днепре при большой дороге место, называемое Свирковы Луки, было оно в сорока верстах от Болдина монастыря, а от Дорогобужа сухим путем в тридцати верстах вниз по реке Днепру. Место небольшое, с покатыми склонами к реке; прежде, в литовщину, был здесь монастырек особный, только две кельи, а на другой стороне Днепра выше по реке — еще один монастырек, тоже особный. С тех пор как Бог поручил государю город Дорогобуж и великий град Смоленск, той землей стал владеть государев боярин и воевода Яков Андреевич Салтыков. Преподобный же Герасим обрел место это и полюбил его, ибо пригодно оно было для строительства монастыря. И поведали преподобному, как тот государев боярин, Яков Андреевич Салтыков, ездит развлекаться на звериную ловлю по своему обыкновению, как имеют обычай бояре, ибо были там леса непроходимые, весьма подходящие для охоты на зверей. И когда случалось ему на охоте в тех местах ночевать, он, заехав в особный этот монастырек, ночевал в монастырской трапезной, прямо с собаками, потому что место там безлюдное, как следует остановиться негде. Услышав о таком деле, преподобный сильно огорчился, что такой великий боярин, будучи православным, поступает, как нечестивый, — с собаками в трапезной ночует.

И возгорелся духом святой, желая утвердить благочестие, и начал он строить на том месте монастырь. Как смогу подробно написать я о том, какие страдания испытал преподобный от того боярина, ибо многими способами пытался он прогнать святого с того места, надеясь на силу свою! Святой же говорил тому боярину: «Бог и государь удостоили тебя чести, и должен ты быть творцом благочестия, а не нечестия. Ибо так только нечестивые поступают, а ты христианин, и следует тебе быть в делах твоих христианином. Уразумей, что сказал пророк Давид: „Человек, в почести пребывающий, но не разумеющий, причисляется к животным неразумным и уподобляется им”». И еще сказал преподобный: «Сильный сильнее и испытан будет. Вы же должны быть довольны пожалованным вам царем поместьем, а это земля государева, а не твоего поместья». И еще больше разгневался Яков Салтыков и, надеясь на могущество свое, стал всеми средствами причинять преподобному всякие беды, чтобы прогнать его с места того и самому этой землей владеть.

Преподобный же Герасим, ратуя за благочестие и наполняясь Святым Духом, говорил: «Господь от гордых отвращается, смиренным же дает благодать». Пошел он в Москву и возвестил благочестивому государю царю всея Руси и великому князю Ивану Васильевичу о том боярине и

воеводе, Якове Андреевиче Салтыкове, о беззаконии его. И благоверный царь, сияющий благочестием, услышав такое о беззаконии того боярина, порицал его сильно. Преподобному же повелел благочестивый царь государь на том месте монастырь ставить и грамоту свою царскую повелел дать о прилегающих угодьях. И с тех пор преподобный с Божией помощью стал строить монастырь, церковь поставил во имя честного и славного Введения во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и теплую церковь с трапезной во имя святого чудотворца Николы, также и кельи поставил, и все благолепно устроил, как и в других общежительных обителях бывало, и братию собрал.

Боярин же тот, Яков Салтыков, после преставления преподобного Герасима оставил мир и все свое богатство, отпустил рабов своих, наградив их, и постригся в монастыре Живоначальной Троицы в Болдино, где и жил во всяческом благочестии и покаянии. Покаяние же его было до конца жизни такое. Когда приходил он в церковь на службу, прежде всего шел ко гробу преподобного и говорил со вздохом и слезами молитву преподобному: «Отец Герасим, прости меня Бога ради, что согрешил я пред Богом и тобою, разгневал тебя и огорчил сильно, и многие беды причинил тебе, ты же все это претерпел и ныне можешь просить у Бога многое — помолись о мне, грешном». И когда он так говорил, слезы из очей его ручьями текли, слезами своими сокрушал он сердца всех, видевших это, и плакал он долгое время, так что и землю орошал слезами. Пожил он в истинном покаянии и преставился с миром, и погребли его близ гроба преподобного Герасима чудотворца.

Таковы труды преподобного Герасима, таковы страдания, испытанные им в разных местах. И когда создал преподобный по пустыням и в городе Вязьме монастыри, тогда и братию собрал, и весь порядок монастырский устроил, как подобает в общежительных монастырях: в Вязьме на посаде устроил монастырь чудесно и братию собрал числом до сорока двух, и поставил им игумена из учеников своих, именем Семена; в пустыни в Брынском лесу на Жиздре реке также монастырь устроил чудесно и братии собрал столько же числом, и поручил ученику своему, именем Петру Коростелеву; также чудесно устроил все и в пустыни в Свирковых Луках, братию собрал числом до тридцати пяти и поручил их ученику своему, именем Сергию.

О посещении преподобного отца нашего Герасима созданных им монастырей и всей братии о Христе

Посещал всегда преподобный Герасим монастыри свои, что создал он по пустыням и во граде, укрепляя и поучая братию, говорил им: «Не поленимся, братья, совершать подвиг поста. Поплачем ныне о грехах своих и не убоимся кратковременного сего постнического подвижничества, зато от страшного мучения в Геенне огненной избавлены будем и получим от Господа милость в день Суда». И еще говорил: «Братья и чада, не унывайте и не скорбите, но утешайтесь слушанием чтения Божественного Писания и помните изреченное: „Быстротечна битва для воина, а для инока — до отшествия его к Богу, ибо лучше в трудах умереть, нежели в грехопадении жить”».

О бдении преподобного, молитвах его и трудах мы уже вспоминали, теперь же вспомним о мудром его воздержании. Вкушал преподобный один раз в день, и были ему пищей хлеб и соль, а питьем — одна вода, и все это умеренно, ибо всегда основой всего было у него воздержание.

О преставлении преподобного Герасима

Прожил преподобный Герасим в пустынях лет довольно. Поняв, что скоро отойдет к Богу, созвал он братию изо всех монастырей своих в большой монастырь Болдин, где ныне лежит честное его тело. И когда собрались братья из монастырей, стал святой говорить им: «Вот уже, братья, конец жизни моей приближается, и я ухожу от вас, но духом с вами неотступно буду. И пусть будет вам известно, что если обрели мы благодать пред Богом, то монастырь этот после моей смерти ничем не оскудеет, но еще увеличится; также и другие монастыри, которые я с Божией помощью создал, — если и постигнут их несчастья, то беда эта в радость обратится, и те монастыри не оскудеют ничем, если любовь будет среди вас».

И еще говорил игумену Иосифу и всем братьям: «Братья и чада, молю вас, как при мне не было хмельного пития в этой обители, так и после моей смерти пусть не будет; мирянам в одних кельях с братьями никогда не жить; и имущества в кельях не держать, кроме одежды и обуви, и то бы было все общее; и пищи в кельях не хранить, а питаться в трапезной общей пищей, чем Бог пошлет, и пища должна быть одинакова для всех братьев. Приходящих братьев из монастыря не изгонять, тем же, кто ропщет и вносит раскол, не уступать, а смирять их монастырским смирением и кротко поучать, если же не слушают наказания — из обители изгонять, чтобы и другие страх имели и так не делали. Путников и нищих не обижайте, накормите их и на путь подайте, что Бог пошлет. Игуменов ваших почитайте и повинуйтесь по воле Бога им во всем, ибо написано: „Повинующийся старейшине, то есть игумену, ангелам подражает, а противящиеся дьявола в себе веселят". Если же станет игумен жить не так, как в этом месте следует, и не по правилам монастырским, вы его не позорьте, а отошлите в келью кротко, без злобы. Игумен же без совета с соборными старцами ничего, кроме духовного дела, делать не должен, а соборных старцев пусть будет у вас неизменно двенадцать, не считая игумена. И старцы также без игумена ни о каком монастырском деле пусть не совещаются, но все вместе, если только какой нибудь старец не окажется в отъезде по монастырским делам. А игуменов выбирайте из своих постриженников, потому что они порядок обители этой знают. А кто в обители Живоначальной Троицы этот порядок нарушит, игумен или из соборных старцев кто нибудь, те будут судиться со мною перед Богом. Если же, братья, будете жить по этому нашему закону, то направит вас Бог на путь спасения».

И еще сказал: «Братья и чада, как прежде говорил вам, так и опять говорю. Вот уже отхожу от жизни этой, вас же оставляю в руках Божиих и Пречистой Богородицы, и преподобного Сергия чудотворца, и предаю в руки государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, и преосвященного Макария, митрополита Киевского,

Московского и всея Руси, потому что, братья, бил я челом государю царю всея Руси и великому князю Ивану Васильевичу и преосвященному митрополиту Макарию о том, чтобы после смерти моей берегли они монастырь от находящих бед. И царь государь, и митрополит изволили записанное с моих слов прошение о защите монастыря взять у меня. И если, братья, случится, что какие нибудь беды постигнут вас, — надейтесь во всем на Бога и на Пречистую Богородицу, призывайте на помощь Сергия чудотворца да бейте челом царю государю и великому князю, который в то время править будет, и преосвященному митрополиту о всяческой защите монастыря».

И так, немало поучив их по божественному Писанию и последнее целование братии о Христе подав, одарил их преподобный молитвами своими, воздел руки к небу, сотворил молитву и последнее свое слово изрек: «Господи, в руки твои предаю душу мою». В это же время пели заутреню, и был день памяти преподобного Пафнутия Боровского чудотворца. И когда начали читать Святое Евангелие, во время чтения слов: «Придите ко мне, все утружденные и обремененные, и я дам вам покой», — предал преподобный Герасим честную душу свою в руки Божии в год 7062 (1554) в первый день месяца мая в седьмом часу ночи. И тотчас келья наполнилась благоуханием сильным, и было лицо преподобного светлее, чем у живого. Погребли его с честью, с кадилами и свечами, в созданном им самим монастыре Живоначальной Троицы, называемом Болдино, у придела Сергия чудотворца с южной стороны. И разошлись братья с миром по своим монастырям, кто где жил.

Прожил же преподобный Герасим в разных пустынях двадцать шесть лет, а постриг принял в тринадцать лет, у старца своего в келье прожил двадцать лет и в (своей) келье шесть лет; и когда преставился преподобный Герасим, было братьев, живущих в Болдинском монастыре, сто двадцать семь человек, жили же они по заповедям Господним и по завету преподобного отца нашего Герасима, славя Бога и преподобного Герасима чудотворца в молитвах призывая; прожил же он всего шестьдесят пять лет.

Чудо преподобного отца нашего Герасима о старце Вассиане Швале

После преставления преподобного Герасима случилось так, что в Вязьме в Предтеченском монастыре, построенном преподобным, сломались часы, починить же их было некому. И приехал из большого монастыря из Болдина в Вязьму в Предтеченский монастырь для починки часов ученик преподобного Герасима именем Вассиан, по прозвищу Шваль. Было же при нем два больших коня. И украли у него тех коней воры. Долго искал он лошадей и не нашел их. И в то время как пребывал он в скорби и печали...

Похвальное слово Антонию Сийскому и русским святым царевича Иоанна Иоанновича

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. А. Рыжовой

ВСТУПЛЕНИЕ

Похвальное слово Антонию Сийскому и русским святым — одно из немногих известных в настоящее время сочинений царевича Иоанна Иоанновича, сына Ивана Грозного.

Все сочинения царевича посвящены почитанию севернорусского подвижника XVI века Антония Сийского: Служба и Житие Антония Сийского, Похвальное слово и «Исповедание», в котором царевич описывает историю создания своих произведений.

Преподобный Антоний Сийский (в миру Андрей), родившийся в северном местечке Кехта, постриженник Пахомия Кенского, основал в 1520 г. на реке Сие в Двинском крае монастырь в честь Святой Троицы и стал его первым игуменом. Преподобный Антоний Сийский при жизни был прославлен иноческими подвигами и пустынножительством, а после преставления 7 декабря 1556 г. — многочисленными чудесами от раки с мощами святого и от храмовой иконы Святой Троицы, по монастырскому преданию, написанной самим Антонием.

В 1579 г., спустя 23 года после преставления Антония Сийского, игумен Антониево-Сийского монастыря Питирим и ученики святого архиепископ Новгородский Александр и инок Филофей пришли в Москву и обратились к Ивану IV с просьбой о канонизации святого. «Ходоки» принесли с собой и Житие Антония Сийского, составленное годом раньше священноиноком Антониево-Сийского монастыря Ионой. Архиепископ Александр обратился за помощью к царевичу Иоанну Иоанновичу, и тот, любовию «распалаем ко святому», написал службу Антонию Сийскому, которая и была представлена вместе с Житием в редакции Ионы на церковный собор 1579 г. Через полгода царевич Иоанн Иоаннович составил новую редакцию Жития Антония Сийского, а затем Похвальное слово Антонию Сийскому и русским святым (Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского: Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар, 2000. О

службе преп. Антонию Сийскому в редакции царевича Иоанна Иоанновича см.: Рамазанова Н. В. Московское царство в церковно-певческом искусстве. СПб., 2004. С. 206—221. Житие святого в переработке царевича приведено в издании: Житие Антония Сийского: Текст и словоуказатель / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003).

Публикуемое Похвальное слово Антонию Сийскому и русским святым — произведение небольшого объема, однако оно дает, как нам кажется, представление о писательской манере Иоанна Иоанновича. Царевич словно «конструирует» свой текст из цитат Священного Писания и творений отцов Церкви, насыщает его риторическими фигурами, а центральной части придает акафистную форму. Особое место в произведении занимает метафорическое осмысление образа Руси, звучащее лейтмотивом и в других его сочинениях. В первом из написанных царевичем сочинений — службе Антонию — возникает образ Руси — «западной страны». В Житии Антония Сийского этот образ перерастает в образ Руси — «острова святых», острова православия среди мусульманского Востока. Похвальное слово Антонию Сийскому и русским святым прославляет уже целый лик русских святых, начиная с князя Владимира и княгини Ольги и кончая «новоявленным чудотворцем» Антонием Сийским.

Текст Похвального слова Антонию Сийскому и русским святым публикуется по единственному известному списку 80-х гг. XVI в. из собрания РНБ, ОСРК, Ф. 1.22 (бывш. собр. графа Ф. А. Толстого, отд. III, № 31), л. 369—385 об.

ОРИГИНАЛ

ВОСПИСАНИЕ И СКАЗАНИЕ ПРЕДПИСАННОЕ О ПОХВАЛѢ СВЯТАГО; И ЗДѢ МАЛО НѢЧТО ИМАТ К ПОХВАЛѢ СВЯТОМУ, И О ПРЕПОДОБЬНЫХ И БОГОНОСНЫХ ОТЕЦЪ НАШИХ, ИЖЕ В РОСИЙСТЕМ ОСТРОВѢ ПРОСИАВШЕ. СПИСАНО ЖЕ БЫСТЬ СИЕ МНОЮ ЖЕ, МНОГОГРѢШНЫМ ИОАННОМ, РУСИНА РОДОМ[1]

Благослови, отче!

Слава ти, Господи, слава ти, иже нам сподобивый сие великое и неизреченное смотрение твоего таиньства в послѣднем в нашем родѣ, паче же и времена, и в лѣнивем естествѣ нашем, по пророку, реченному: «О, Господи, избави душу мою, яко нищь и убогъ есмь аз, въ скорбех пренеможе духъ мой»,[2] «предваристе стражбы очи мои,

смутихся и не глаголах».[3] Помыслих дьни первыя, еже быша преже насъ в родѣ нашем и от различных странъ — ово убо на востоцѣ, ово же под востоком, ино убо к сѣверу, иная же к западу. Даже и на полунощную нашу страну луча свѣтлости восия, и коснуся сердцу русскаго великаго князя Василиа[4] Сынъ Слова Божия — яко же втораго Павла[5] проповѣдатель поставит языком, тако же и сего, имиже вѣсть судбами своими, ко граду Херсуни приводит, еже и глаголется и Корсунь,[6] тамо совершеное совершает сыну Свѣту. И яко вторый Павелъ Христа позна, тако же и сей благовѣрный и христолюбивый великий князь Василей Киевский всея Русии истиннаго же Христа Бога нашего позна, иже создавшаго всякаго человѣка от небытиа в бытие и всяческая словом сотворшая. Той убо бысть первый христианинъ в землѣ Русстѣй и всю землю Русьскую преосвященным Михаилом митрополитом[7] просвяти святым крещением, и вси вѣроваша во Единосущную Троицу и Нераздѣлную, Отца и Сына и Святаго Духа.

Радуйся, граде божественый Киеве, в немже мала искра благочестие восия!

Радуйся и ты, блаженная Олга![8]

Радуйся и ты, божественый Василие!

Радуйся и ты, божественая пещера, в нейже поживе великий Феодосий и Антоний![9]

Радуйся и ты, божественый граде Владимере!

Радуйся и ты, граде Москва!

Радуйся и ты, божественый предѣле Радонеж, иже в твоей странѣ в пустынѣ поживый святый Сергий авва,[10] постником наставникъ, иноком отець, вселенней учитель и чюдесем источник!

Радуйся и ты, божественая весь Обмора, в нейже поживе блаженный Павел![11]

Радуйся и ты, Звениграде, иже явися божественый Сава![12]

Радуйся и ты, божественая ограда великаго отца аввы Сергиа, в нейже поживе блаженный Никонъ![13]

Радуйся и ты, божественный граде Ростове, иже в тебѣ просиа божественый Авраамие![14]

Радуйся и ты, божественый граде Ярославле, в немже явися преподобьный Феодор с чады своими![15]

Радуйся и ты, божественая ограда, иже Колязина нарицается, в нейже поживе преподобный Макарий![16]

Радуйся и ты, божественый острове Соловецский, в немже пожыша преподобнии отцы Зосима и Саватѣй![17]

Радуйся, Григорий, иже божественую ограду на Пелешмѣ составльша![18]

Радуйся и ты, божественый Христа ради юроде Михаилъ, иже на Клопскѣ поживый![19]

Радуйся и ты, божественый чюдесъ источниче Варламе![20]

Радуйся и ты, божественый Сава, иже составивый обитель на рецѣ Вишерѣ![21]

Радуйся и ты, мужу желаний духовных Антоние, иже из Риму пришедый в Великий Новъ град![22]

Радуйся, Димитрие, иже на Прилуке составльшаго монастырь![23]

Радуйся и ты, блаженне Павфнотие, красота иноком, еже воздвигше монастырь пречестенъ во имя Святыя Богородица во граде Боровске![24]

Радуйся и ты, блаженне мучениче преподобне Никита,[25] иже Христа ради всю жизнь свою на столпѣ пребылъ еси!

Радуйся и ты, западная звѣзда Кириле,[26] на запади стояще и на востокъ просвещающе!

Радуйся и ты, блаженне князе Петре[27] преподобный!

Радуйтеся, блаженнии Авраамии и Ефреме, иже во градѣ Смоленскѣ провосиавше![28]

Радуйся и ты, божественый Александре, иже возгнѣздися акы птица Христа ради в пустыню, иже Свирской нарицается![29]

Радуйся и ты, Макарие, иже в пустыни Жолтиковьской поживе![30]

Радуйся и ты, Еуфимие, еже пречестенъ монастырь воздвигнувый, еже во градѣ Суздалѣ![31]

Радуйся и ты, Деонисие, иже в пустыни Глушыцской поживый![32]

Радуйся и ты, блаженне Александре, иже поживый в предѣлех Каргаполскых![33]

Радуйся и ты, Иосифе преподобне новоявленный, жытелю в предѣлех Волотцскых![34]

Радуйся и ты, досточюдне и преподобне отче нашь Антоние, иже поживый в пустыни Сейстей![35]

Радуйся всяко мѣсто и страна, и всяк град, и мѣсто, в немже святии сии пожывше!

Радуйся и ты, западная страна, острове божественый Сийскый, в немже поживе божественый отець нашь Антоние, иже всю ту страну чюдесы просвещает!

Радуйся и ты, вторая пустыня,[36] в нейже отець нашь Антоние труды показа и яко бесплотен тебе поживе!

Радуйся и ты, блаженне учениче Филофее,[37] яко тамо от отца прием нѣкое оружие на диавола, иже на тя пропя сѣть; молитвою отца твоего сих, яко паутину, раздравъ, на горнее добродѣтелей востече!

Радуйся и ты, нутренняя пустыня,[38] в нейже блаженный отець нашь Антоние пожыве, в тобѣ бо истинный врагъ тѣлу своему явися, по реченному: «Елико нутрений нашь человѣкъ разстлѣвается, толико духовный нашь человѣкъ обновляется».[39] Якоже бо Дамаскин[40] возопи: «Да ти, яко в бубнѣ, во умерщвенем телеси побѣдоносець явлюся!» И Господь глаголет во Святом своем Евангелии: «Духъ живит, плоть не ползует ничтоже».[41] И пророкъ глаголет: «Кая полза плоти моей, внегда сходити ми во истлѣние?»[42] Богословъ Григорий глаголетъ: «Что убо бо убрези, и та вся издамы Богови».[43] И Исаия возопи глаголетъ: «И расторгнете сердца ваша, а не ризы ваша!»[44] И писано бо есть: «Аще кто кому издасться, тѣм и поработится. Елико бо тѣло изнуряется и естество изнемогает любве ради Божия, толико душа, акы злато, в горниле блестится». Еще бо и сущии пребывающе на земли от великагo вжелѣниа душа любо вещныя Божие искателницы доброта желает восприяти небесному, нежели земная мудръствовати или пребывати на земли. Но поистинне то велико от Бога нам даровасе дарование, яко земля Русьская иногда лединою непокорьство бяше, нынѣжедобрѣ прозябе, и плоды къ Богу приносятся — тѣх преподобных онѣх отецъ житие, и труды, подвизи, иже в Русии, яко ластовицы-пустыннолюбцы, провосиявше и Богу угодивше.

Но что убо много имам глаголати! Не можем убо мы, землении, паче же и во грѣсѣх пребывающа, по великому свѣтилнику, всея вселенныя учителю и патриарха Коньстантина града Иоанна Златоустаго, глаголюще бо въ своей книзе ему, еже Маргарит, сказует:[45] «Ходящим нам по забралом градскым, или язвимся, или язвим. Еже есть в мирѣ пребывающим нам или опечалим кого, или сами опечалимся от нѣкоих».[46] И такыми бремены, яко желѣзы связаны, не мощно бо есть нашему уму и языку изрещы тѣх преподобных отець похваление в похвалу принести. Аще убо мочно будет морьскую глубину

изчерпати, сице и возможно будет и нам тоѣ мѣры достигнути — аще ли же ни, то не возможем похвалити тѣх преподобных и богоносных отецъ наших, иже в Росийстем островѣ просиявше. Но яко бо нѣкыи хытрецы повѣдуют нам, нѣкую воду езеро имуще, еже Квикьсулъваръ нарицается. И тамо златокузнецем приходящым и ожыдающым времяни, егда обычай ему есть исходити, тогда творят около езера того нѣкии художества скважни, и егда распалится, тогда наполняются тѣ оны скважни, и тогда приемлют ту воду художества своего. А не все езеро изчерпают, иже невозможно суть им и неудобно всего изчерпати.[47] Сице и нам тѣх преподобных отець увясти похвалами, акы цвѣты, — но елико возможно суть нам, яко капля дождевная, — тѣх мало нѣчто похвалити, существеного же достигнути не можем, ихже сам вѣнцодавець трудоположникъ Христос вѣнцы вѣнчя, ихже аггели похвалиша, и бѣси устрашишася, и человѣцы удивишася. Превыше бо есть человеческаго естества презимается, толико убо показався храборства и крѣпость на невидимаго врага, яко да до конца истниша его. И аще что принесем похвалу святому, ничтоже можем достойно сотворити противу труду их. Легкы бо суть нашы разумы, и Божия немощная крѣпчайши человеческаго мощнаго, немощная ли избра Богъ мира, да посрамит крѣпкая и мощная мирови — «где прѣмудръ, гдѣ книжник, гдѣ совопросникъ вѣка сего».[48]

Пророкъ рече: «Да не хвалится премудрый премудростию своею».[49] Паче же и аз не похвалюся о сем, яко премудростию списах, вѣдый своя недостоиньства, яко грубичанъ есмь и неразумен пред Богом и пред всѣми людми. Не вѣм убо, как преполових препокоение Слово, обаче благодать Святаго Духа немощное человеческое естество исправляющи и наставляющи. Хвалю, благословлю, поклоняюся Господеви, пою и превозношу имя его святое, вразумивъшаго мя, и укрѣпившаго мя, и наставльшаго мя. Вы же, господие, и отцы, и братие, друзи и сродницы, Господа ради моление вам предлагаем, прошение представляя о моем невѣжстве. Аще будет в котором слове есми прегрѣшил или прописал, или хулу на святаго возложыл неразумием и малоумием своим, и вы Господа ради собою исправливайте малое недостаточьство, по апостолу, глаголющему: «Другъ другу тяготы носите».[50] Тако и вы своим разумом мое недостаточьство исполняйте, а за мене, недостойнаго, молбы и моление ко Господу Богу сотворите и къ Пречистой его Богоматери и ко всѣм святым, паче же и ко отцу Антонию, еже не разсудих ума своего немощы и дерзнух на таковое великое дѣло, яже преписати житие преподобнаго отца нашего аввы Антониа. Но дасть ми Богъ оставление грѣхов вашими святыми молитвами. Аз, вседерзый и окаянный, дерзнух преписати о житии преподобнаго и о преставлении его лѣт 79, еже и ново слышах от чюдотворныя его ракы — яко рѣка струями текущы, тако и сего

преподобнаго отца чюдеса от цѣлбоносныя его ракы непрестанно исцѣление творят всѣм с вѣрою приходящым.

Но, отче блаженне Антоние, аще пренебесных обителех пребываеши, не престай моляся о мне, грѣшнем рабѣ своем Иоанне, и преиду сверѣпое море житиа нашего, и от князей под духом врагъ душъ и телесъ наших непредкновенъ, твоими молитвами окрыляем, да царя царьствующых и Господа господьствующих[51] престолу достигну, идѣже шестокрылатии и многострашная серафими трепетом и ужасом предстоятъ, и божественую его крѣпкую и непобедимую десницу всескверная и окаянная душа моя придет. Да сподобит убо Богъ твоими, отче, святыми молитвами сих прежереченных избежати и достигнути Небеснаго Царствиа, иже твою, преподобне отче, память вѣрою и любовию совершающих свѣтло от чиста душа и сердца, и еже собрателей святому житию, и сказателей, и слышателей, и послушателей, и внимателей, и ревнителей о твоем житии.

А сие написах сего ради послѣди всѣх вышеименованных, яко не подобает похвалятися ни о чем же. Пророкъ рече: «Да не хвалится богатый богатьством своим, и да не хвалится премудрый премудростию своею, и да не хвалится силный силою своею, но о сем да хвалится хваляйся, еже разумѣти Господа».[52] Сего ради и аз похвалении премудрости не похвалюся, а сие написах памяти дѣля и извѣщение, еже от кого преписася по фторое. Там убо предиреченных ни роду своего, ни имяни своего извѣстихом,[53] яко «не похвалится всяка плоть пред Богом».[54] А иже аще хто вменет наше убогое имя и прочтет сие писание и не похулит, буди имъ милость от Бога. Иже аще кто прочетчи похулит, и отпустится им грѣх сей, яко поистину, не разсудивъ своя немощы, почах писати.

Вы же, господие и братие, молите за мя, грѣшнаго, и подасть ми Богъ и оставление грѣхов вашыми святыми молитвы и святаго его престола получити, егоже убо буди нам всѣм достигнути благодатию, и щедротами, и человѣколюбием Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, емуже купно слава подобает со Отцем и Сыном и с Пресвятым и Благым Духом, — всѣм имъ получити небесная царствиа со всѣми благоугодившими Богу, — паче же о царѣ и великом князе Иване Васильевиче[55] всея Русии самодръжцѣ, и о побѣдѣ на врагы, и о многолѣтнем здравии, и о утвержении скыфетра царствиа его, и о благовѣрных чадех его, и о благовѣрном царевиче Иване, о благовѣрном царевиче Феодоре.[56] И да укрѣпитъ Господь Богъ их молитвами твоими царства ихъ непредкновенно и неподвижно, и чадом его скыфетры утвердит в Русьстем царствии. Но избавит Господь Богъ твоими молитвами землю нашу Русьскую от врагъ, и волкъ христоненавидець еретик, и от всѣх звѣрей зияющых, от востока, и запада, и от сѣвера, и от юга. И да сохранит Господь Богъ, отче

честный, твоими молитвами церковь свою и люди своя безо всякые враскы и скверны.[57] Но, отче блаженне Антоние, не престай и не оскудѣвай моляся и посѣщая нас в напастех наших Христу, яко да твоими молитвами сохранены будем от врагъ душевных и телесных, яко да прославится имя твое святое в Русьстей земли и во окрестных мѣстех, яко нѣсть инаго Бога, иже развѣ того, иже прославившему своя угодникы, емуже подобает всяка слава, держава, честь и поклонение со безначалным его Отцем, с Пресвятым и Благым и Животворящим его Духом во вся бесконечныя вѣкы до скончаниа вѣком! Аминь.

[1] Восписание и сказание предписанное о похвалѣ святаго; и здѣ мало нѣчто имат к похвалѣ святому... многогрешным Иоанном, Русина родом. — В заглавии данного сочинения царевич Иоанн Иоаннович (28.03.1554—19.11.1581), старший сын Ивана IV Васильевича Грозного, указывает на очередность создания Похвального слова: оно было им написано после Жития Антония Сийского. Временную очередность создания царевичем Иоанном Иоанновичем сочинений, посвященных Антонию Сийскому, отражает и структура рукописи РНБ, ОСРК, 0.1.22: Служба Антонию Сийскому (л. 2—72), Житие Антония Сийского (л. 73—369), Похвальное слово Антонию Сийскому и русским святым (л. 369—385 об.) и «Исповедание» (л. 385 об.—391).

[2] «О, Господи... пренеможе духъ мой»... — Ср.: Пс. 30, 10.

[3] ...«предваристе стражбы очи мои... не глаголах». — Пс. 76, 5—6.

[4] ...Василии... — Имя в крещении Владимира I Святославича (ум. в 1015 г.), крестителя Руси.

[5] ...Павла... — Имеется в виду апостол Павел.

[6] ...Херсуни... и глаголется и Корсунь... — Корсунь — древнерусское название греческой колонии Херсонес в Крыму, где крестился князь Владимир.

[7] ...Михаилом митрополитом... — Согласно закрепившейся в XVI в. традиции, первым киевским митрополитом был Михаил, которому наследовал Леон (Леонтий). Эта традиция пошла от так называемого церковного устава Владимира I, восходящего к XII—XIII вв., по которому Михаил являлся современником Владимира и константинопольского патриарха Фотия, что в свою очередь породило мнение, что Михаил являлся тем епископом, который был послан патриархом Фотием на Русь в 867 г. В действительности же имя этого епископа в источниках не называется.

[8] ...Олга! — великая княгиня Ольга (ум. в 969 г.), приняла крещение согласно летописным источникам в 855 г. См. наст, изд., т. 12, с. 324—377 (Житие великой княгини Ольги в составе Степенной книги).

[9] ...божественая пещера... Феодосии и Антоний! — Речь идет о Киево-Печерском монастыре, в пещерах которого подвизались его основатели Антоний Печерский и Феодосии Печерский (ум. в 1074 г.). См. наст. изд., т. 1, с. 352—438 (Житие Феодосия Печерского); т. 4, с. 296—489 (Киево-Печерский патерик).

[10] ...предѣле Радонеж... в пустынь пожывый святый Сергий авва... — Создатель и игумен подмосковного Троицкого (впоследствии Троице-Сергиева) монастыря Сергий Радонежский (1321/1322—25 сентября 1391/1392). См. наст. изд., т. 6, с. 254—411 (Житие Сергия Радонежского).

[11] ...весь Обжора... поживе блаженный Павел! — Павел Обнорский (1317—1429), уроженец г. Москвы, основатель Троицкого Комельского, или по имени своего основателя — Павло-Обнорского, монастыря, находящегося на юге Вологодской области. Согласно некоторым источникам, св. Павел провел в Обнорской пустыни последние 40 лет своей жизни.

[12] ...Звениграде, иже явися божественый Сава! — Савва Звенигородский (ум. в 1406 г.), ученик Сергия Радонежского; по желанию Звенигородского князя Юрия устроил близ горы Сторожевский монастырь, в котором сам настоятельствовал 30 лет.

[13] ...ограда... аввы Сергиа, в нейже поживе блаженный Никонъ! — Никон Радонежский (ум. в 1426 г.), ученик Сергия Радонежского; после его смерти был игуменом Троице-Сергиева монастыря.

[14] ...граде Ростове, иже в тебѣ просиа божественый Авраамие! — Авраамий Ростовский, основатель ростовского Богоявленского монастыря.

[15] ...граде Ярославле, в немже явися преподобьный Феодор с чады своими! — Князь Феодор Ярославский (ум. в 1300 г.) с сыновьями Давидом и Константином.

[16] ...ограда, иже Колязина... в нейже пожыве преподобный Макарий! — Макарий (1402—1483), основал в 1459 г. Троицкий монастырь на земле Василия Коляги в Твери.

[17] ...острове Соловецский, в немже пожыша... Зосима и Саватѣй! — Савватий (ум. 27 сентября 1435 г.) и Зосима Соловецкие, основатели монастыря на Соловецком острове в Белом море. См. их житие и комментарии к нему на с. 36—155, 756—773.

[18] ...Григорий... ограду на Пелешмѣ составлыиа! — Григорий (ум. в 1449 г.), основатель вологодского Пельшемского (Лопотовского) монастыря.

[19] ...Михаилъ... иже на Клопскѣ поживый! — Юродивый Михаил, подвизавшийся в 10—50-х гг. XV в. в Клопском Троицком монастыре, расположенном недалеко от Новгорода на реке Веряже. См. наст. изд., т. 7, с. 218—231 (Повесть о Житии Михаила Клопского).

[20] ...Варламе! — Варлаам Хутынский (ум. в 1192 г.), основатель монастыря Преображения Господня на Хутыни, в 10 верстах от Новгорода.

[21] ...Сава, иже составивши обитель на рецѣ Вишерѣ — Савва Вишерский (ум. 1 окт. 1461 г.) основал свой монастырь около 1420 г. в 7 верстах от Новгорода и показал пример столпничества. См. наст, изд., т. 12, с. 8—35, 757—758 (Житие Саввы Вишерского в составе Великих Миней Четьих).

[22] ...Антоние, иже из Риму пришедый в Великий Новъ град! — Антоний Римлянин (ум. 3 августа 1147 г.), новгородский святой, основатель Антониева монастыря. См. его житие и комментарии к нему на с. 8—35, 755—756.

[23] ...Димитрие, иже на Прилуке составлыиаго монастырь! — Дмитрий Прилуцкий (ум. 11 февраля 1392 г.), основатель Спасо-Прилуцкого общежительного монастыря в окрестностях г. Вологды.

[24] ...Павфнотие... еже воздвигше монастырь... во граде Боровске! — Пафнутий (1394—1 мая 1477), игумен Боровского монастыря, основанного им в двух верстах от Москвы. См. наст. изд., т. 7, с. 254—285 (Рассказ о смерти Пафнутия Боровского).

[25] ...преподобие Никита... — Никита Столпник (ум. 23 мая 1193 г.?), основатель монастыря под Переяславлем-Залесским.

[26] ...западная звѣзда Кириле... — Кирилл Белозерский (1337—9 июня 1427), основатель монастыря на Белом озере в Вологодских пределах. См. наст. изд., т. 7, с. 132—217 (Житие Кирилла Белозерского).

[27] ...князе Петре... — Петр, царевич ордынский, принял христианство и основал монастырь в Ростове, на берегу озера Неро; умер в монашеском чине около 1290 г. См. наст. изд., т. 9, с. 70—85 (Повесть о Петре, царевиче ордынском).

[28] ...Авраамии и Ефреме, иже во градѣ Смоленскѣ провосиавше! — Авраамий Смоленский (ум. в нач. XIII в.), игумен монастыря во имя Пресвятой Богородицы. См. наст. изд., т. 5, с. 30—65 (Житие Авраамия Смоленского).

[29] ...Александре, иже возгнѣздися... в пустыню, иже Свирской порицается! — Александр (ум. 30 августа 1533 г.), основатель Александро-Свирского Спасо-Троицкого монастыря в Олонецком крае.

[30] ...Макарие, уже в пустыни Жолтиковьской поживе! — Скорее всего, это ошибка писца. В Желтиковом Успенском мужском монастыре, основанном епископом Арсением в Тверской губернии в 1394 г., не было ни прославленного Макария, ни игумена Макария до XVIII в. Видимо, в тексте говорится о Желтоводском монастыре под Нижним Новгородом и его основателе Макарии Унженском и Желтоводском (1349—25 июля 1444). См. его житие и комментарии к нему на с. 262—303, 782—784.

[31] ...Еуфимие, еже пречестенъ монастырь воздвигну вый, еже во градѣ Суздалѣ! — Евфимий (ум. 1 апр. 1405 г.), основатель Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря.

[32] ...Деонисие, иже в пустыни Глушицской поживый! — Дионисий (ум. 1 июня 1437 г.), основатель Глушицкого монастыря во имя Покрова Богородицы на Кубенском озере в Вологодской области.

[33] ...Александре, иже поживый в предѣлех Каргаполскых! — Александр Ошевенский (17 марта 1427—20 апреля 1475), основатель монастыря на р. Чюрьюге в 45 верстах от Каргополя.

[34] ...Иосифе... жителю... в предѣлех Волотцскых! — Иосиф Волоцкий (1439—9 сентября 1515), основатель Волоколамского Успенского монастыря, находящегося в Московской губернии в 18 верстах от г. Волоколамска. См. наст, изд., т. 9, с. 184—215 (Слова и послания Иосифа Волоцкого).

[35] ...Антоние, иже поживый в пустыни Сейстей! — Антоний, основатель в 1520 г. Троицкого общежительного монастыря на р. Сие, в 90 верстах от г. Архангельска, названного впоследствии Антониево-Сийским. Уже при жизни преп. Антония монастырь становится центром экономической и духовной жизни Подвинья, в XVII в. продолжает

играть важную роль в духовной и книжной культуре Двинского края: на протяжении XVI—XVII вв. в монастыре складывается большая библиотека, являющаяся одной из самых интересных и ценных книгохранительниц Русского Севера.

[36] ...вторая пустыня... — Пустыня на озере Дудница, в 3 верстах от Антониево-Сийского монастыря, где подвизался Антоний Сийский.

[37] ...учениче Филофее... — В Житии Антония Сийского рассказывается о том, что Антоний Сийский, наделенный прозорливостью, предугадал желание инока Филофея уйти из монастыря и наставил его на путь истинный своей беседой. Имя Филофея упоминается и в других текстах, написанных царевичем. Так, в Службе Антонию Сийскому царевич, следуя за описанием чудес в Житии редакции Ионы, дважды упоминает ученика Филофея, которого Антоний Сийский «от соблажнения дьявола исхитил». В своем «Исповедании» царевич также рассказывает об ученике Антония Сийского — Филофее, который приходил в Москву вместе с игуменом Питиримом в 1579 г. и просил Ивана Грозного содействовать канонизации Антония Сийского. Царевич называет его в этом «Исповедании» и первым «съписателем» Жития Антония Сийского, ничего не говоря о его сочинении. Возможно, инок Филофей, испытавший на себе прозорливость преподобного Антония, и Филофей, приходивший в Москву и рассказывавший царевичу о святом, один и тот же человек. Некоторые исследователи считают, что инок Филофей вел «Записки», которые дошли до нас в составе Жития редакции Ионы (Никодим (А. Кононов). Преподобный Антоний Сийский чудотворец: исторические сведения о церковном его почитании с приложением древнего рукописного жития в полной и краткой редакциях. СПб., 1901).

[38] ...нутренняя пустыня... — Пустыня на озере Падун, в 8 верстах от Антониево-Сийского монастыря, где подвизался Антоний Сийский.

[39] ...«Елико нутрений нашь человѣкъ разстлѣвается, толико духовный... обновляется». — Ср.: 2 Кор. 4, 16.

[40] ...Дамаскин... — Иоанн Дамаскин (кон. VII—VIII вв.), богослов, философ и поэт-гимнограф, противник иконоборчества.

[41] Духъ живит, плоть не ползует ничтоже. — Ср.: Мф. 26, 41.

[42] Кая полза плоти моей, внегда сходити ми во истлѣние? — Ср.: Пс. 29, 10.

[43] Богословъ Григорий... «Что убо убрези, и та вся издамы Богови». — Цитата из сочинений отца Церкви Григория Богослова, епископа Назианского (328—390), автора поучительных сочинений и слов о богословии.

[44] И расторгнете сердца ваша, а не ризы ваша! — Ср.: Ис. 6, 9—10.

[45] ...Иоанна Златоустаго... Маргарит, сказует... — «Маргарит» — один из широко распространенных в древнерусской письменности сборников, состоящий из подборки слов и бесед отца Церкви, константинопольского патриарха Иоанна (398—404), прозванного за красноречие Златоустом.

[46] ...«Ходящим нам по забралом градскым... сами опечалимся от нѣкоих». — Ср.: Маргарит, Слово 2 о богатом и Лазаре (М., 1641, л. 262 об.—263).

[47] ...нѣкую воду езеро имуще, Квикьсулъваръ нарицается... и неудобно всего изчерпати. — Источник притчи пока неизвестен.

[48] ...«где прѣмудръ... гдъ совопросникъ вѣка сего». — 1 Кор. 1, 20.

[49] «Да не хвалится премудрый премудростию своею». — Иер. 9, 23.

[50] ...«Другъ другу тяготы носите». — Гал. 6, 2.

[51] ...царя царьствующых и Господа господствующих... — Кол. 2, 10.

[52] ...«Да не хвалится богатый богатьством своим... еже разумѣти Господа». — Ср.: Иер. 9, 23.

[53] ...ни роду своего, ни имяни своего извѣстихом... — В заглавии Похвального слова царевич Иоанн Иоаннович называет себя «многогрѣшный Иоанн, Русин родом».

[54] ...«не похвалится всяка плоть пред Богом». — 1 Кор. 1, 29.

[55] ...Иване Васильевиче... — Иван IV Васильевич Грозный (25.VШ.1530—18.III.1584) — великий князь (с 1533 г.) и царь (с 1547 г.) всея Руси. См. наст. изд., т. 11, с. 14—309 (Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным, послания и гимнографическое творчество Ивана Грозного).

[56] ...царевиче Феодоре. — Федор Иванович (1557—1598), второй сын Ивана IV, будущий царь.

[57] ...враскы и скверны. — Еф. 5, 27.

ПЕРЕВОД

ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗАНИЯ, НАПИСАННОГО ПРЕЖДЕ В ПОХВАЛУ СВЯТОМУ; А ЭТО ЕСТЬ НЕБОЛЬШОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ПОХВАЛЕ СВЯТОМУ, И О ПРЕПОДОБНЫХ И БОГОНОСНЫХ ОТЦАХ НАШИХ, В РОССИЙСКОМ ОСТРОВЕ ПРОСИЯВШИХ. НАПИСАНО ЖЕ ЭТО МНОЮ, МНОГОГРЕШНЫМ ИОАННОМ, РУССКИМ ПО РОЖДЕНИЮ

Благослови, отче!

Слава тебе, Господи, слава тебе, удостоившему нас, в ленивом естестве нашем, такого великого и неизреченного промысла твоего таинства в нашем последнем поколении, а также и в последние времена, как сказал пророк: «О, Господи, избави душу мою, ибо я нищ и убог, и в скорбях изнемог мой дух», «ты не даешь мне сомкнуть очей, впал я в

смятение и замолчал». Припомнил я времена начальные, бывшие у нас и в разных странах — и на востоке, и в центре востока, и на севере, и на западе. Даже и северную нашу землю лучи просвещения осветили, и коснулся сердца великого русского князя Василия Сын Слово Божие — как второго Павла, поставил и его проповедником народов, ведомыми ему путями приводит его в город Херсонес, что называется еще и Корсунь, там совершенно совершает его сыном Света. И как Павел Христа познал, так и этот благоверный и христолюбивый великий князь Киевский и всея Руси Василий истинного Христа Бога нашего познал, человека из небытия в бытие создавшего и все словом сотворившего. Ведь он был первый христианин в Русской земле и всю землю Русскую с помощью преосвященного митрополита Михаила просветил святым крещением, и все уверовали в Единосущную и Нераздельную Троицу — Отца и Сына и Святого Духа.

Радуйся, божественный город Киев, в котором малая искра благочестия вспыхнула!

Радуйся и ты, блаженная Ольга!

Радуйся и ты, божественный Василий!

Радуйся и ты, божественная пещера, в которой подвизались великий Феодосий и Антоний!

Радуйся и ты, божественный город Владимир!

Радуйся и ты, город Москва!

Радуйся и ты, божественный предел Радонеж, ведь в твоей земле подвизался в пустыне святой авва Сергий, постникам наставник, инокам отец, вселенной учитель и источник чудес!

Радуйся и ты, божественная обитель Обнора, в которой подвизался блаженный Павел!

Радуйся и ты, Звенигород, в котором явился божественный Савва!

Радуйся и ты, божественная ограда великого отца аввы Сергия, в которой подвизался блаженный Никон!

Радуйся и ты, божественный город Ростов, ведь там просиял божественный Авраамий!

Радуйся и ты, божественный город Ярославль, в котором явился преподобный Феодор с детьми своими!

Радуйся и ты, божественная ограда, называемая Колязинская, в которой подвизался преподобный Макарий!

Радуйся и ты, божественный остров Соловецкий, в котором подвизались преподобные отцы Зосима и Савватий!

Радуйся, Григорий, основавший монастырь на Пелешме!

Радуйся и ты, божественный Христа ради юродивый Михаил, тот, что подвизался в Клопске!

Радуйся и ты, божественный Варлаам, источник чудес!

Радуйся и ты, божественный Савва, основавший обитель на реке Вишере!

Радуйся и ты, муж желаний духовных Антоний, пришедший из Рима в Великий Новгород!

Радуйся, Димитрий, основавший монастырь на Прилуке!

Радуйся и ты, блаженный Пафнутий, краса иноков, основавший пречестный монастырь во имя Святой Богородицы в городе Боровске!

Радуйся и ты, блаженный мученик преподобный Никита, что Христа ради всю жизнь свою провел на столбе!

Радуйся и ты, западная звезда Кирилл, на западе стоящий и восток просвещающий!

Радуйся и ты, блаженный преподобный князь Петр!

Радуйтесь, блаженные Авраамий и Ефрем, просиявшие в городе Смоленске!

Радуйся и ты, божественный Александр, что свил, как птица, гнездо Христа ради в пустыни, называемой Свирской!

Радуйся и ты, Макарий, подвизавшийся в Желтиковской пустыни!

Радуйся и ты, Евфимий, основавший пречестный монастырь в городе Суздале!

Радуйся и ты, Дионисий, подвизавшийся в Глушицкой пустыни!

Радуйся и ты, блаженный Александр, подвизавшийся в Каргопольских пределах!

Радуйся и ты, новоявленный преподобный Иосиф, житель Волоцких пределов!

Радуйся и ты, досточудный и преподобный отец наш Антоний, подвизавшийся в Сийской пустыни!

Радуйся, всякая местность и земля, и всякий город, и край, в которых святые эти подвизались!

Радуйся и ты, западная земля, божественный остров Сийский, где подвизался божественный отец наш Антоний, который чудесами просвещает всю эту землю!

Радуйся и ты, вторая пустыня, в которой отец наш Антоний трудился и жил как бесплотный!

Радуйся и ты, блаженный ученик Филофей, ибо там получил от отца некое оружие против дьявола, приготовившего для тебя сеть; ты же все это молитвой отца твоего, как паутину, разорвал, к добродетелям вышним устремился!

Радуйся и ты, внутренняя пустыня, где блаженный отец наш Антоний подвизался, ибо он был в тебе беспощадным врагом своему телу, как сказано: «Насколько телесный в нас человек погибает, настолько духовный в нас человек обновляется». И как Дамаскин воскликнул: «Перед тобою, как в бубне, в умерщвленном теле победителем предстану!» И Господь говорит во Святом своем Евангелии: «Дух животворит, а плоть не способна ни на что». И пророк говорит: «Что пользы в плоти моей, раз мне сходить в могилу?» Григорий Богослов говорит: «Ведь то, что убережем, и то все предадим Богу». И Исайя взывает и говорит: «И распахните сердца ваши, а не одежды ваши!» Ведь сказано: «Если кто-то чему-то поддастся, тому и поработится. И насколько тело изнуряется и естество ослабевает ради Божьей любви, настолько же и душа, словно золото в горниле, блистает». Ведь еще пребывая на земле, по большому стремлению душа или земная вечная Божья искательница доброта желает достичь небесного, а не рассуждать о земном или пребывать на земле. Но, поистине, великий это дар дарован нам от Бога, что Русская земля, некогда скованная льдом неверия, в нынешние же времена хорошо плодоносит, и плоды Богу приносятся — жизнь, и труды, и подвиги тех преподобных отцов, что просияли на Руси, как ласточки-пустыннолюбки, и Богу угодили.

Но зачем мне много говорить! Не вправе этого делать мы, земные, да еще и во грехах пребывающие, как говорит в своей книге Маргарит великий просветитель, всей вселенной учитель и патриарх Константина града Иоанн Златоуст: «Когда мы ходим по городским стенам, то или уязвляемся, или уязвляем. Так же и в миру живем: или досаждаем кому, или сами скорбим от кого-то». И всеми этими тяготами мы связаны, как оковами, ибо не можем мы нашим умом постичь и языком сказать, как воздать хвалу тем преподобным отцам. Когда можно будет морскую глубину измерить, тогда можно будет и нам той меры достичь, — если же нет, то не сможем похвалить тех преподобных и богоносных отцов наших, в Российском государстве просиявших. И, как некоторые

искусные мастера повествуют нам, необычная вода есть в озере, которое зовется Квиксулвар. Приходят туда златокузнецы-ювелиры и ждут того часа, когда оно обычно выходит из берегов, и тогда около озера сооружают они хитроумные скважины, и когда распалится, тогда наполняются те самые скважины, и получают таким способом воду своего художества. Но не все озеро вычерпывают, потому что невозможно и не под силу им все вычерпать. Так и нам тех преподобных отцов увить, как цветами, похвалами — это очень мало их похвалить, — все, что мы в силах сделать, словно капля дождя, самого же существенного сделать мы не сможем, ведь их сам венцедавец и трудоположник Христос венцами венчал, их ангелы похвалили, и бесы устрашились, и люди им изумились. Это же выше человеческой природы — столько проявить храбрости и силы в борьбе с невидимым врагом, чтобы до конца сокрушить его. И если и принесем похвалу святым, то все равно ничего не сделаем достойного их трудов. Непрочен ведь наш разум, а слабость Божья крепче человеческой силы, не избрал ли Бог немощных мира сего, чтобы посрамить крепких и сильных мира сего — «где мудрец, где книжник, где совопросник века сего».

Пророк сказал: «Пусть не хвалится премудрый премудростию своею». Тем более и я не похвалюсь тем, что будто бы разумно написал, сознавая свои недостатки, потому что я невежда и неразумен перед Богом и перед всеми людьми. Не понимаю, как я достиг второй половины Слова, но только благодать Святого Духа слабую человеческую природу исправляет и наставляет. Хвалю, благословлю, поклоняюсь Господу, пою и превозношу святое имя его, вразумившего меня, и укрепившего меня, и наставившего меня. Вам же, господие, и отцы, и братия, друзья и сродники, Господа ради моление предлагаем, прося прощение за мое невежество. Если в каком-то слове я ошибся, или описался, или своим неразумием или малоумием сделал святому поношение, то вы, Господа ради, сами исправляйте небольшие недостатки, как говорит апостол: «Тяготы друг друга носите». Так и вы своим умом мои недостатки исправляйте, а за меня, недостойного, моление и молитву принесите к Господу Богу и к Пречистой его Богоматери и ко всем святым, более же всего ко отцу Антонию, что не осознал я своего ума слабости и дерзнул на такое великое дело, как переписать житие преподобного отца нашего аввы Антония. И даст мне Бог прощение грехов вашими святыми молитвами. Я, полный дерзости и окаянный, дерзнул написать о жизни преподобного и о преставлении его в 79 лет, что услышал нового от чудотворной его раки, — как река струями истекает, так и цельбоносная рака преподобного все время чудесно исцеляет всех с верою к ней приходящих.

Но, блаженный отец Антоний, если находишься в небесных обителях, непрестанно молись обо мне, грешном рабе своем Иоанне, и тогда

переплыву бурное море жизни нашей среди врагов душ и тел наших невредимым, окрыляем твоими молитвами, чтобы достичь престола царя царствующих и Господа господствующих, где шестикрылые и престрашные серафимы с трепетом и ужасом предстоят, и к божественной его крепкой и непобедимой деснице прескверная и окаянная душа моя приблизится. Да поможет же Бог твоими, отче, святыми молитвами этого прежде сказанного избежать и достичь Царства Небесного тем, преподобный отец, кто торжественную память о тебе почитают светло с верою и любовью от чистой души и сердца, и тем, которые составили святое житие, и рассказчикам, и слушающим, и послушающим, и внимающим, и подражающим твоему житию.

А написал я это вслед после всего вышесказанного потому, что не следует хвалиться ничем. Пророк сказал: «Пусть не хвалится богатый своим богатством, пусть не хвалится мудрец своим разумом, пусть не хвалится сильный своею силой, но пусть хвалится тем, чтобы разуметь Господа». Потому я не похвалюсь похвалой премудрости, а написал это для памяти и чтобы известить, кем написано вторично. Там же ни рода своего, ни имени мы не указали, так как «пусть не хвалится всякий человек пред Богом». А если кто примет наше убогое имя и прочитает это писание и не осудит, будет им милость от Бога. А если кто, прочитав, осудит, отпустится им грех сей, ибо воистину, не осознав своей немощи, начал я писать.

Вы же, господа мои и братия, молитесь за меня, грешного, и подаст мне Бог оставление грехов вашими святыми молитвами и достичь мне даст святого его престола, которого пусть всем нам доведется достичь благодатью, и щедротами, и человеколюбием Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, ему же слава подобает с Отцом и Сыном и с Пресвятым и Благим Духом, — всем нам надо получить Небесное Царство со всеми благоугодившими Богу, — а больше того, о царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси самодержце, и о победе над врагами, и о многолетнем здравии, и об укреплении жезла правления его, и о благоверных детях его, и о благоверном царевиче Иване, и о благоверном царевиче Федоре. И пусть укрепит Господь Бог твоими молитвами царства их нерушимо и неизменно и жезлы правления его чад утвердит в Русском царстве. И пусть избавит Бог Господь твоими молитвами нашу Русскую землю от врагов, и восстающих против Христа волков-еретиков, и от всех зверей, пасть разевающих, с востока, и запада, и с севера, и с юга. И пусть сохранит Господь Бог, честной отец, твоими молитвами свою церковь и своих людей без всяких пятен и пороков. О, блаженный отец Антоний, непрестанно и неослабно молись Христу и поддерживай нас в несчастьях, и твоими молитвами будем сохранены от врагов телесных и душевных, и пусть прославится твое святое имя в Русской земле и в окрестных местах, ибо нет другого Бога, кроме того, что прославляет

своих угодников, ему же подобает всякая слава, власть, честь и поклонение с безначальным его Отцом, с Пресвятым и Благим и Животворящим его Духом во все бесконечные веки до конца веков! Аминь.

Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. В. Крушельницкой

ВСТУПЛЕНИЕ

Мартирий Зеленецкий (?—1603) написал свои автобиографические записки в период 1570—1595 гг., вероятнее всего в 80-х гг. XVI в. Позднейший редактор назвал произведение «Повестью о житии» Мартирия и снабдил некоторые эпизоды заголовками.

По функциональному назначению текст представляет собой завещание-устав игумена-основателя монастыря. Духовное завещание Мартирия должно было храниться у его духовника Досифея, а после смерти Мартирия стать известным братии монастыря. Своеобразие завещания-устава Мартирия Зеленецкого состоит в том, что основное внимание автор уделил не изложению монастырских правил и поучению братии, а рассказу о создании Троицкого Зеленецкого монастыря, о видениях и знамениях, которые побудили его основать обитель на окруженном болотами Зеленом острове. Особенно замечательна своим искренним личностным тоном первая, исповедальная, часть произведения, в которой Мартирий рассказывает Досифею о своей неудавшейся попытке пустынножительства. Этот рассказ предназначался только духовному отцу и, возможно, представляет собой уникальную запись исповеди, повествования, которое, как правило, существовало в устной форме.

Характерная черта произведения — отражение в повествовании устной речи. Это проявляется в использовании разговорной лексики, употреблении оборотов устной речи, в непосредственности перехода от одного эпизода к другому и нарушении хронологии в последовательности эпизодов. Рассказ изобилует жизненными конкретными подробностями, психологическими личностными деталями. Многие эпизоды обладают элементами сюжетного повествования. Все это превращает завещание Мартирия в произведение, являющееся примером «углубления литературных

функций» (ср.: Лихачев Д. С. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 94) документа и перерастания жанра духовной грамоты в автобиографическую повесть.

Автобиографическое произведение Мартирия Зеленецкого публикуется по единственному сохранившемуся списку второй половины XVII в.: РНБ, 0.1.424, л. 161 —176 об.

ОРИГИНАЛ

ПОВѢСТЬ О ЖИТИИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА МАРТИРИА, ЖИВШАГО ВО ОБЛАСТИ ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА В ОБОНѢЖСКОЙ ПЯТИНЫ,[1] В ЗЕЛЕНОЙ ПУСТЫНИ,[2] ТАКО НАРИЦАЕМЕЙ, ЯЖЕ САМЪ О СЕБѢ ИСПОВѢДА ОТЦУ СВОЕМУ ДУХОВНОМУ И УЧЕНИКОМЪ СВОИМ, КАКО И ГДѢ ЖИТЕЛСТВОВАШЕ ПРЕЖДЕ ВСЕЛЕНИЯ ЕГО В ПУСТЫНЮ ТУ, И КАКО ОБРѢТЕ Ю, КАКО ЖЕ И ВСЕЛИСЯ, И ХРАМЫ СОЗДА, И ОБЫТЕЛЬ СОСТАВИ. ВСЕЛИ ЖЕ СЯ ОНЪ В ПУСТЫНЮ ТУ ПРИ БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРѢ И ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ,[3] ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЦѢ, И ЖИЛ МНОГИЕ ЛЪТА, ПРЕСТАВИСЯ ЖЕ В ТОЙ ЖЕ ОБИТЕЛИ В ЦАРСТВО БОРИСА ГОДУНОВА[4]

Духовный мой брате Дософею, тайна убо царева добро есть хранити, дѣла же Божия велегласно проповѣдати.[5] Повѣм ти о себѣ, о еже како и гдѣ жителствовах аз преже вселения моего в сию пустыню, сице. Жилъ бо есмъ преже на Луках на Великих[6] в Сергиеве монастырѣ, в новоначалном мѣстѣ, у строителя тоя обители священоинока Боголѣпа.[7] В той же обители аз власовъ отъятие и мира отречение сотворих и восприях святый ангельский образ от руки того же священоинока Боголѣпа. Онѣм же поставлен бых келарем,[8] и вручи мнѣ службу казначейства и понамарства;[9] и суды умывах, тако же и во всѣх службах монастырскых послужил в послушании отцу своему и братии во обители оной седмъ лѣт.

И прииде ми помыслъ, еже возлюбити ми пустынное жителство; и совѣщахся с нѣкоторым поваром бѣлцем[10] ити в пустыню, аможе Богъ наставит. Внезапу же приде ко мнѣ в келию мою нѣкий урод ся творя, именем Михаилъ, и реклъ ко мнѣ: «Мартирие, пойди един». Такоже иде и к повару оному и рече ему то же слово: «Пойди един». Паки же аз совѣщахся со оным поваром ити в пустыню в день архистратига Михаила.[11] В той же день на Луках было священие церкви архистратига Михаила. Егда же начаша священие церкви творити, мы же втай поидохомъ из монастыря и отъидохом от Лукъ шестьдесят поприщъ.[12] На ту же нощь паде снѣга в колѣно. И нашли пустыню глубоку и помыслили в той пустыни создати хижицу, но невозможно, понеже снѣгом мох запал, мшить нѣчим. И подле потока нѣкоего, во

брегу, в земли, в глине выкопали себѣ хижицу да окрыли ея прутием еловым. Повелѣл же аз дойти своему подругу до веси нѣкоего ради орудиа, имже сотворяется какова любо скважня. Онъ же пойде и не возвратися ко мнѣ ктому, в веси же оной повѣда о мни к единому християнину, глаголя: «Онъсица старецъ живет во оном сице мѣсте». Христианинъ же онъ приходя ко мнѣ и посѣщая мя. Аз же живях в пустыни той и питахся рукодѣлием моим, плетох бо калиги[13] лычны и со онѣм христианином посылах по весем христианом, они же такожде посылаху со онѣм же христианином потребная мнѣ. Аз же, грѣшный, приимах со благодарением приносимая от них, за них же Бога моля.

В той же пустыни от бѣсов велика страхования принях. Прихождаху бо ко мнѣ и страшаху мя внѣ хижици моей пред дверми, глаголюще к себѣ: «Спит онъ». Единъ же бѣсъ влѣзе в хижу мою и хотя ко мнѣ прикоснутися, аки хотя мя удавити. Молитва же Исусова изо устъ моих исхождаше беспрестани, онъ же отбѣже от мене. Инии же бѣси внѣ келии пред дверми глаголюще оному бѣсу: «Чему ты не дерзаешь на оного?» Бѣсъ же имъ отвѣща: «Поидѣте вы к нему и дерзайте!» Аз же молитву творя и глаголя к нему сице: «О, отпадшие бѣси, что сотворих вам азъ, грѣшный? Вы же мя ввели в сию пустыню[14] и хощете поругатися мнѣ. Аз же, грѣшный, надеюсь на Господа Бога моего Исуса Христа и на Пречисту его Матерь, и на силы небесныя, на Михаила и на Гаврила,[15] и на своего святого ангела, хранителя души и тѣлу моему, и на всѣх святых».

И паки возлегох опочити; и возбнувъ от сна своего, обленив же ся, не востах со одра моего. Приспѣ же день празничен, христолюбецъ же онъ преждереченный потребная принесе ми, отъиде восвояси. Аз же востах и канон[16] отпѣлъ, такожде же и часы,[17] потом поставих столецъ и потребная на нем, к ним же не прикоснухся за лѣность свою. Сам же помышляа, глаголя в себѣ: «О, окаянная моя плоть, за лѣность свою недостойна еси воды пити». Потом же прослезихся, глаголя: «Господи превѣчный, Царю Небесный, дух бодръ, а плоть немощна, но дай же ми, Господи, суха хлѣба омочити в воду и душу напитати». И не прикоснухся ни к чему от потребных, кромѣ сухариков и воды. Абие же бысть гром страшен, яко и земли потрястися, и лжица моя съ стола паде на землю.

Потом же аз, грѣшный, отписалъ ко отцу своему духовному, да благословит мя в пустыни оной жити. Онъ же мя не благослови жити в пустыни, но глагола ми: «Поиди, господине, жити во общее житие».[18] Аз же, грѣшный, пойдох во град Смоленско помолитися Пречистей Богородици[19] и великим чюдотворцем Аврамию и Ефрѣму.[20] И онѣ чюдотворцы явишася мнѣ, глаголюще сице: «Подобает ти жити в пустыни, гдѣ Господь благоволит».

Наказание къ братии игумена Мартириа

Духовный мой брате Дософею, пишу тебѣ сию духовную памятцу вкратце и кромѣ братии, ты же держи ю у себе Бога ради, доколе Господь о мнѣ благоизволит и возмет мя от житиа сего суетнаго, и не помянет многих моих грѣхов по милости своей.

Братие моя милая, прошу у вас того и молю, чтобы есте не надѣялись ни на князя, ни на болярина, ни на какого властеля, имѣли бы есте надежю во всем на Живоначалную Троицу и на Пречистую Богородицу — тѣ вамъ будут во всем помощники и заступники. Имѣйте срамъ къ царю земному и къ его царевичем, и къ властем. Не просите у них ничего, как я, грѣшный, стыдлив к ним был и не просил у них ничего, но во всем есмъ имѣл надежу на Живоначалную Троицу и на Пречистую Богородицу. И чего есмъ у них, у свѣтов, просил, и они мнѣ, грѣшному, даровали. К ним есмъ точию был дерзостенъ всего просити. Тако и вы будите дерзостни к Живоначалнѣй Троици и къ Пречистѣй Богородици и всего у них просите, и кромѣ их помощников себѣ никого не имѣйте. А за земнаго царя, государя нашего, Бога молите, и за его царевичев, и за все его воинство. Понеже онъ, государь, за нас, за грѣшных, стражет и кровь проливаетъ за святыя церкви и за все православное християнство.

А поминал есмъ, живучи у Пресвятѣй Троици и у Пречистѣй Богородици, слово Иоанна Предотеча, рекшаго къ старцу, хотящему отъити от вертепа и ити в Синайскую гору,[21] сице: «Сий тебѣ вертепъ лучши Синайскиа горы, аще живеши в нем с вѣрою». Тако и вы, братие, поживите с вѣрою у Живоначалнѣй Троици и у Пречистѣй Богородици, не отходя.

А нѣчто Богъ изволит, и государь вас учнет жаловать, или учнетъ участие земли давати, или грамоту ободную,[22] и вы у него не емлите, занеже ободная земля — десница Свѣтодавцова и риза Пречистѣй Богородици, и образ ея чудотворной Та хранит от всякого зла. Аще учнете любовъ нелицемѣрную межи собою имѣти и роптаниемъ аще Свѣтодавца не разгнѣваете и Пречистую его Богоматерь, и учнете тружатися с радостию и от своих праведных трудов питатися, и надѣюся милости Божии и Пречистей Богородици на вас пребывати, якоже и на мнѣ, грѣшнем. А нѣчто Богъ изволит и Пречистая Богородица положити государю на сердце, или милостыню учнет давати по своих родителехъ, или на свѣчи и на фимьянъ,[23] и на пшеницу, и вы то от государя приимѣте с любовию, яко от Свѣтодавцовы десници, занеже не вы у него того просили, но Богъ и Пречистая Богородица на то его вразумила.

О явлении мѣста иконы Пречистыя Богородица

Азъ же, многогрѣшный старецъ Мартирие, не своим изволением, но Божиим благоволениемъ и Пречистыя Богородица поможением вселихся в сию пустыню, на сие святое мѣсто.

Еще же живущу ми на Луках на Великих в Сергиеве монастырѣ съ строителем Боголѣпомъ въ единой келии, за седмъ лѣт до вхождения моего в сию пустыню, явися мнѣ Пречистая Богородица образом своим честным, не яве, но сонным видѣнием, сице. Бывшу ми во обители той понамарем, и взыдох на колоколню в полдни, и уснухъ. И видѣх во снѣ столпъ огненъ яко бы в сей странѣ стоящъ. Притек же аз ко огненому столпу оному и видѣх у столпа оного стоящъ образ Пречистыя Богородица Одегитрие,[24] на золотѣ, в мѣру, яко есть на Тифинѣ[25] стоит образ Одегитрие въ церкви за крылосом[26] на лѣвой странѣ,

поставлен ис Старые Русы.[27] Аз же яко бы у образа того приложился, образ же той горяч велми от оного столпа огненаго. Возбнув же от сна и во ужасѣ быв от видѣния того, осязав же рукою своею чело свое, и ощутих е горяче.

Видѣние 2 того же образа

Егда же приидох в пустыню сию, после того видѣния за долго время, и возлегох опочити, и уснух. И видѣх во снѣ у пустыни той море, и на том мори образ Пресвятыя Богородица Одигитрие, яков же и преже явльшийся мнѣ, плавает. Аз же стоях на брегу и видѣх от того образа недалече на том же мори бѣсъ поражен лежащъ. Аз же возрѣх на правую страну и видѣх на воздусѣ стояща архаггела, образом же бѣ, якъ Гаврил архаггелъ пишется у Благовѣщения Пресвятыя Богородица, со скипетром. Мнѣ же восхотѣвшу знаменатися у образа Пресвятыя Богородица, яко и преже, но устрашихся воды морския, зане яко потопит мя. И глагола мнѣ архангелъ онъ, стоящий на воздусе: «Почто не дерзаешь приити знаменатися ко образу Пречистѣй Богородици?» Аз же, грѣшный, отвѣщах ему, глаголя: «Господи, боюся». Онъ же глагола ми: «Чего боишися?» Аз ему паки рекох: «Бѣсовского шатания, да не како мя уловит». Архангелъ же паки рече ми: «Не бойся, дерзай къ Пречистому образу». Абие же образ той нача грузитися в море, и оставляется верху воды образа того ношка Свѣтодавцова. Аз же видѣ Божие милосердие к себѣ, что мнѣ оставляется ношка Свѣтодавцова. Аз же, грѣшный, яко бы есмъ в себѣ помыслил, глаголя: «Аще мнѣ и случится потоплену быти от воды, но дабы мнѣ принятися за ношку Свѣтодавца». Абие дерзнух внити в море и ях его за ношку обѣма рукама, и начах плакати со слезами, глаголющи: «Милостивый Свѣтодавче, аще и потоплену ми лучится быти, но дабы с тобою». И абие аки нѣкоторою бурею пренесе мя образ той чрез море и постави мя на брезѣ, на друзѣй странѣ моря. И невидим бысть образ той от мене. И еще видѣх: и се град новъ, и лавицы новы, а купующих и продающих нѣсть. И абие возбнувъ от сна, и во ужасѣ бых велицем, и умилихся о видѣнии томъ.

Бѣ же два образа чюдотворныя, образ Живоначалныя Троици да Пречистыя Богородици, стояху в первоначалной келии моей на стѣнѣ, пред ними же стояше свѣтилникъ с маслом горящъ. Аз же, взявъ образ чюдотворный Пресвятыя Богородица на руки свои, начах со слезами плакати, глаголя: «Царице госпоже Богородице, что мене, грѣшнаго, посещаеши милосердиемъ своим? Азъ бо, окаянный, горчае бѣсов!» Абие же прииде ко мнѣ, не вѣм откуду, глас, не во снѣ, но явѣ, глаголя ми: «Подвизайся, узришь бо и не ту едину Божию благодать». Потом же Феодор Сырковъ[28] повелѣ мнѣ церковъ с трапезою поставити во имя Благовѣщения Пресвятыя Богородица.

Повѣда мнѣ, Мартирию, нѣкто христианинъ именем Иосифъ, из села из Буборин,[29] понеже и сами слышасте от него, сице глаголя: «В лѣтнее время, в полудни, после Петрова дни, канон Козмодамьянова дни,[30] опочивающу ми в клетѣ своей и спящу, и видѣхвоснѣ, яко бы вшедшу ми на улицу. И видѣх в пустыни сей стоящъ столпъ огненъ от земля до небесе, и ис столпа того рука простерта, аки человѣча, и из руки той

прядают искры огнены». Се повѣда Иосиф видѣние свое, занеже показа ему Богъ видѣние се. Бывшу ему нѣкогда велми болну и близ смерти, и посули мнѣ, Мартирию, по себѣ коробью[31] ржи, чим его поминати мнѣ, старцу. Богъ же воздвиже его от болѣзни, и бысть здравъ. Зжалив же ся о оной ржи, посуленыя мнѣ, старцу, и глаголя в себѣ: «За что мнѣ тому старцу дати рожь та? Помилова мя Богъ, и здрав есмъ». И того ради показа ему Богъ и Пречистая Богородица видѣние се на увѣрение ему. Онъ же то видѣв, возбнувъ от сна, абие прииде ко мнѣ в пустыню и прощениа прося у мене, глаголя сице: «Бога ради прости мя, честный отче. Виненъ есмъ пред Живоначалною Троицею и пред Пречистою Богородицею, и пред тобою, отче. Запрети бо ми диавол во умѣ моем, да ти не дам ржи оноя, посуленыя ти. Нынѣ же, честный отче, приими посуленую рожь свою». Аз же глаголах ему: «Господине, аз бо не имѣю у себе жерновов, чим ю смолоть. Но аще будет твое человѣколюбие ко мнѣ, да ты ю измолов и печя, хлѣбами да ми присылаеши». Онъ же тако и сотвори.

После же сего видѣния, пред поставлениемъ моим во игуменство сея пустыни, почивах бо есмъ в своей келии в чюланѣ. И видѣх во снѣ Пречистую Богородицу в дѣвичии образе, благолѣпна видѣнием, нѣсмъ бо видѣл в человѣцѣх таковы дѣвицы благообразны. Умилена бо лицем, благолѣпна образом, долги зѣницы и брови черны, носъ же средний и похилъ, на главѣ же ей вѣнец златъ и многими цвѣты украшен разными и тяжки у госпожи, — движися! Невозможно же человѣческому роду умом смыслити, ни языком сказати, сияет бо, аки солнце. Сѣдит же в келии моей на лавицы в болшем углу, идѣже и иконы стоят. Аз же яко бы вышед ис чюлана своего и стоях пред нею, зрѣх же на ню прилѣжно и не зводя очей своих с красоты ея. Она же, Царица и Богородица, тако же и на мене противу зря. Аз же на ню невосклонно зрях и видѣх милостивое ея лице, очи же ея бяху слез исполнены, едва мало на пречистое лице ея не канут. И абие невидима бысть от мене. Аз же возбнувъ от сна и во ужасѣ быхъ. Востах же, изыдох ис чюлана своего и вжегъ свѣщу от свѣтилника масленаго, и хотѣх видѣти нескверную дѣву, аще ли она сѣдит в келии моей на мѣсте, идѣже ю видѣх сѣдящу. Изшедшу же ми на среду келии моея, и не видѣх ея на мѣсте оном. Аз же пришед со свѣщею к пречистей образу Одигитрия, иже стоит в келии моей, и видѣх образ той, и познах, яко воистинну явися Пресвятая Богородица тѣм образом, якоже и на иконѣ моей келейной образ ея написанъ.

По видѣнии же томъ за мало дний ѣздих в Великий Новъград, и в Великом Новѣградѣ по милости Божии и Пречистѣй Богородицы архиепископъ во игуменство мя совершил в пустыню сию, глаголемую Зеленая. А молился есмъ о посѣщении своем Пресвятѣй Богородици сице: «Пречистая Госпоже, Царице Небесная, посѣщала ты, госпоже, великих чюдотворцев, Иоанна Предтечю, и Сергия и Александра преподобных новых чюдотворцовъ,[32] и всѣх святых, но то не дивно, понеже они от утробы матерня святи и твоего посѣщения достойни. Сие же велми дивно и чюдно на земли и на небеси будет, аще мя, грѣшнаго и окаяннаго, своим милосердиемъ посѣтишь на увѣрение души моей грѣшной и на утвержение къ святому мѣсту сему». Она же, Пресвятая

Богородица, моления моего не презрѣла, и грѣшнаго мя своимъ милосердием посѣтила, и мнѣ, окаянному, явилася.

О приходе с Лук с Великихъ на Тифину к Пречистей Богородицы в монастырь[33] и о первом приходе в Зеленую пустыню игумена Мартирия

Егда же приидох аз с Лукъ с Великих на Тифину къ Пречистей Богородици, бѣ же у Пречистыя Богородицы жительствует ученик мой понамарем, прииде с Лук же Великих прежде мене къ Пречистей Богородици на Тифину, именем Аврамий; начах же и жити с ним въ единой келии на Тифинѣ. Возвѣстих же ему о пустынном жителствѣ, глаголя ему: «Брате Аврамие, хотѣх поискуситися на время в пустынномъ жителствѣ и помышляю ити в Поморие с Тифины, дабы незнаем был от человѣкъ». Аврамие же повѣсть мнѣ повѣда, глаголя сице: «Не ходи ты, отче, в Поморие, ни инуды камо, но иди в пустыню и на мѣсто, иже аз знаю пустыню ту и мѣсто. Шедшу ми нѣкогда от чюдотворного образа Пречистыя Богородица ис церкви с книгою по манастырю, во время вечернее, в мрачне, в трапезу, и возрѣх на небо ко оной странѣ, идѣже нынѣ пустыня сия, и видѣ на небѣ крестъ восиял свѣтелъ, аки лучь, иссаженъ же звѣздами весь, над онымъ пустынным мѣстомъ. Аз же мѣсто то знаю, и воистинну над тѣм мѣстомъ крестъ яви ми ся, мѣсто же то непроходимо бяше, бо во мху стоит. Ты же пойди на мѣсто то и кромѣ того мѣста не ищи иного, живи же в том мѣсте, доколѣ о тебѣ Богъ изволитъ, будетъ бо в томъ мѣсте Божие милосердие». То мнѣ, Мартирию, Аврамие, ученикъ мой, повѣда про сие святое мѣсто.

Потом же азъ в сию пустыню, нарицаемую Зеленую, вселихся. По малѣ же и храм создах во имя Святыя и Живоначалныя Троица.[34] Начах же ис часовнѣ образы мѣстныя носити в новую церковъ Святыя и Живоначалныя Троица. И взях образ чюдотворной Святыя Троица, повелѣ же старцу Гурью его нести в церковъ, сам же аз идох за ним съ другим чюдотворным же образом, Пречистыя Богородица Одигитрия. Аз же в церкви начах устраивати образы по мѣстом. Гурий же онъ выйде ис церкви и возрѣ нанебо, и видѣ на небеси крестъ восия, образом же бѣ, якоже крестъ и на церкви Святыя Троица стоит, не звѣздами бо бѣ сотворен, якоже Аврамие, ученикъ мой, прежде видѣл, но просто тако свѣтлостию, якоже и на церкви Святыя Троица крестъ стоитъ, образом же бѣ, яко благословящей крестъ, имже иерей благословляетъ народы.

Вы же, братие, слышите и видите, каки Пресвятая Троица и Пречистая Богородица чюдеса творитъ от образа своего: бѣсы отгоняет и болных исцѣляетъ, хромых и слепых здравы сотворяетъ, и многи чюдеса творитъ, вѣдомая же и невѣдомая. Се же, братие, слышаще и видяще такое Божие милосердие и Пречистыя Богородица, кто не удивится и не прославитъ Пресвятыя Троица и Пречистыя Богородица! Молю же ся вамъ, братие, о еже вѣру несумѣнну имѣйте къ святому мѣсту сему, и любовъ межи собою нелицемѣрну имѣйте, и моего словесѣ не попирайте, еже сказах вамъ и заповѣдах, тако творите. Мене же, грѣшнаго, в святых своих молитвах поминайте, да и сами помяновени

будете у Господа Бога и у Пречистей Богородицы, и Богъ мира да будет с вами всегда, и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

А писал Зеленыя пустыни дьяк.

[1] Обонѣжская пятина — Пятинами до XVIII в. назывались административно-территориальные области в Новгородской земле; их было пять: Бежецкая, Водская, Деревская, Обонежская, Шелонская. В Обонежскую пятину входили земли вокруг Онежского озера. С XVI в. Обонежская пятина делилась на Заонежскую и Нагорную половины.

[2] ...в Зеленой пустыни... — Пустынь — необитаемое место в лесу. Мартирий основал в 1565—1570 гг. Троицкий Зеленецкий монастырь на расположенном среди обширных болот Зеленом острове, ныне находящемся на расстоянии около 70 км на северо-запад от Тихвина и в 40 км от Волхова по железной дороге на Архангельск.

[3] Иван Васильевич — Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), сын Василия III (1479—1533), великий князь «всея Руси» с 1533 г., русский царь с 1547 г.

[4] Борис Годунов (ок. 1552—1605) — вышел на политическую арену во время опричнины; брат жены царя Федора Иоанновича (1557—1598) и фактический правитель государства при нем; русский царь с 1598 г.

[5] ...тайна убо царева... велегласно проповѣдати. — Ср.: Товит. 12, 7.

[6] Великие Луки — город в Псковской области на реке Ловать, первое упоминание о нем относится к 1166 г.

[7] ...в Сергиеве монастырѣ... священоинокаБоголѣпа. — Великолуцкий Троицкий Сергиев монастырь находился в одной версте от Великих Лук на берегу реки Ловать. Время основания монастыря неизвестно. В XVI в. обитель пребывала в запустении до того времени, когда настоятелем ее был назначен Боголеп, при котором в монастыре была построена деревянная Троицкая церковь с приделом Сергия Радонежского. Священноинок — монах, имеющий сан священника и допущенный к самостоятельному ведению богослужения.

[8] Келарь — заведующий монастырской кладовой со съестными припасами и отпуском их на кухню. Должность келаря в русских монастырях введена Феодосией Печерским.

[9] ...и понамарства... — Пономарь — церковнослужитель, в обязанности которого входит звонить в колокола, участвовать в клиросном пении и прислуживать при богослужении (зажигать свечи и т. п.).

[10] Белец — здесь: человек, живущий в монастыре, но не постриженный еще в монашество.

[11] ...в день архистратига Михаила. — Собор архангела Михаила и прочих небесных сил бесплотных празднуется 8 ноября (по старому стилю).

[12] ...шестьдесят поприщъ. — Поприще — путевая мера, расстояние, соответствующее длине греческого стадия (ок. 185 м). Исходя из этого Мартирий и его спутник отошли от Великих Лук примерно 11 км. Поприще может также обозначать расстояние, равное длине римско-греческой мили (ок. 1480 м). В таком случае путники прошли 89 км.

[13] Калиги — обувь типа башмаков, использовалась странниками и иноками, а также при погребении. Интересно, что Мартирий для обозначения плетенных им лаптей употребляет слово «калиги» как принадлежащее к более высокому стилистическому уровню.

[14] Вы же мя ввели в сию пустыню... — Необычное обращение Мартирия к бесам с обвинением в том, что они «ввели» его в пустынь, объясняется, видимо, душевными сомнениями Мартирия в правильности его тайного ухода из монастыря без благословения.

[15] ...на Михаила и на Гавриила... — Архангел (высший ангел) Михаил является вождем (архистратигом) небесного воинства. Архангел Гавриил выступает как носитель радостных благовестий.

[16] Канон — богослужебное песнопение, состоит из девяти частей-песней, каждая из которых заключает в себе по одному ирмосу и несколько тропарей.

[17] Часы — богослужения 1,3,6, 9-го часа дня, состоящие из двух частей: в первой читаются псалмы, а во второй — тропари, кондаки и заключительные молитвословия. Мартирий имеет в виду службу 1-го часа, который соответствует 7, 8 и 9 часам утра по нашему счислению. Служба 1-го часа совершается наряду с утренней службой.

[18] ...во общее житие. — Имеется в виду монастырь с общежительным уставом.

[19] ...пойдох во град Смоленске помолитися Пречистей Богородици... — Речь идет о Смоленской иконе Богоматери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой. Эта икона была установлена Владимиром Мономахом в смоленском Успенском соборе, заложенном в 1101 г.

[20] ...и великим чюдотворцем Аврамию и Ефрѣму. — Авраамий Смоленский жил в XII—нач. XIII в., занимался учительной проповеднической деятельностью, в конце жизни был игуменом Смоленского Богородицкого монастыря; канонизован в 1549 г. Ефрем — ученик Авраамия Смоленского, составивший его житие (см. Житие Авраамия Смоленского и комментарии к нему: наст. изд., т. 5, с. 30—65; 456—459).

[21] Синайская Гора — Синай — горная группа в южной части Синайского полуострова, образуемого заливами Суэцким и Акаба. Согласно Писанию, с вершины Синайской горы Моисею был дан закон от Бога (Исх. 19). На Синай с древних времен удалялись египетские христиане, спасаясь от гонений. Пустынный каменистый край был весь усеян скитами отшельников. В 527 г. император Юстиниан построил на Синае монастырь св. Екатерины. Мартирий напоминает ученикам древний рассказ, изложенный в Слове 1 Синайского патерика (см.: Синайский патерик. М., 1967. С. 41—43). Здесь повествуется о старце Иоанне, который покинул свой монастырь, желая поселиться на Синае. На второй день пути его постигла болезнь, и он вынужден был остановиться в небольшой пещере. Во сне ему явился Иоанн Креститель и повелел оставить помыслы о Синайской горе и жить в этой пещере. Старец исполнил повеление и исцелился от болезни.

[22] ...грамоту ободную... — Отводная (ободная) грамота — межевая грамота, в которой описывались границы участка, переходящего от одного владельца к другому.

[23] Фимиам (фимьян, темьян) — сжигаемое при богослужении благовонное вещество, состоящее из ладанного порошка с чистым воском.

[24] Одигитрия — один из типов иконографии Богородицы. Название происходит от греческого слова, означающего «путеводительница».

[25] ...на Тифинѣ... — Река Тихвинка (Тихвина) в Новгородской области, приток реки Сясь. В конце XIV в. на Тихвине, на месте чудесного явления в 1383 г. иконы Богоматери, образовался Пречистенский погост. В 1510—1515 гг. был сооружен каменный Успенский собор, в котором хранилась Тихвинская икона Богоматери. В 1560 г. вокруг Успенского собора по повелению Ивана Грозного был заложен монастырь, после чего поселок стал называться Тихвинским посадом. В XVIII в. посад стал именоваться городом Тихвином.

[26] Клирос — огражденное перед иконостасом в церкви место, на котором стоят певцы.

[27] ...поставлен ис Старые Русы. — Старая Русса — город в Новгородской области, первое упоминание о нем относится к 1066 г. Местной реликвией была Старорусская икона Богоматери, принесенная греками из Ольвиополя. Эту икону в XVI в. перенесли на Тихвину, где она находилась до 1888 г., когда была возвращена в Старую Руссу. Возможно, Мартирий упоминает именно эту икону, которую он мог увидеть в Тихвинском монастыре вскоре после того, как она была принесена из Старой Руссы.

[28] Федор Сырков — богатый новгородский купец, известный участием в строительстве новгородских церквей (см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 143,157,159,162,250; Т. 6. С. 303). Московские «гости» Сырковы поселились в Новгороде в конце XV в. по указу Ивана III вместо опального новгородского боярства. Отец Федора Сыркова Дмитрий Сырков организовывал строительство каменного Успенского собора на

Тихвине, возводившегося на средства Василия III. Федор Сырков в 60-х гг. XV в. по приказу Ивана Грозного занимался строительством монастырского ансамбля вокруг Успенского собора и фортификационных укреплений. В 1570 г. Федор Сырков был казнен вместе с другими новгородскими жителями, попавшими под опалу Ивана Грозного. Деревянная Благовещенская церковь с трапезной, построенная на средства Федора Сыркова в Зеленецком монастыре, не сохранилась. Существующая ныне каменная церковь Благовещения с трапезной возведена в 80-х гг. XVII в.

[29] ...христианинъ именем Иосифъ, из села из Буборин... — Созданное во второй половине XVII в. Житие Мартирия Зеленецкого сообщает, что крестьянин Иосиф из села Буборины провел Мартирия через болота на Зеленый остров. Село Буборины позднее стало монастырской собственностью.

[30] ...после Петрова дни, канун Козмодамьянова дни... — Петров день 29 июня; день бессеребренников Козьмы и Дамиана 1 июля (оба указания по старому стилю).

[31] Коробья — новгородская мера зерна.

[32] ...Иоанна Предтечю, и Сергия и Александра преподобных, новых чюдотворцовъ... — Иоанн Предтеча — сын священника Захарии и Елизаветы, юношеские годы провел в пустынях недалеко от Хеврона (город в Нагорной Иудее), где жил в пещерах, питаясь медом и акридами. Суровая подвижническая жизнь подготовила Иоанна к служению в качестве предшественника Христа. Почитается как покровитель отшельнической жизни. Сергий Радонежский (ум. в 1392 г.) — преобразователь монашества на Руси, основал Троице-Сергиев монастырь; канонизован в 1452 г. Имя Александр носят несколько русских святых. Скорее всего, Мартирий имеет в виду Александра Свирского (ум. в 1533 г.), постриженика Валаамского монастыря, основавшего монастырь в 18 км к северу от города Лодейное Поле, недалеко от реки Свирь; канонизован в 1547 г.

[33] ...на Тифину к Пречистей Богородицы в монастырь... — Тихвинский Успенский монастырь был учрежден по повелению Ивана Грозного в 1560 г. В монастыре хранилась Тихвинская икона Богоматери, по преданию, написанная евангелистом Лукой и посланная им вместе с Евангелием и книгой Деяний апостолов правителю Антиохии Феофилу, принявшему христианство. После смерти Феофила икона была

перенесена в Иерусалим, а в V веке — в Константинополь, где хранилась во Влахернском храме. В 1383 г., за семьдесят лет до падения Константинополя, в княжение Дмитрия Донского, Влахернская икона чудесным образом явилась над водами Ладожского озера, а затем остановилась при реке Тихвине.

[34] ...храм создах во имя Святыя иЖивоначалныя Троица. — Построенный Мартирием деревянный Троицкий храм не сохранился. Существующий ныне в Зеленецком монастыре каменный пятиглавый Троицкий собор построен в 1684 г. «тщанием и иждивением» новгородского митрополита Корнилия (ум. в 1698 г.), бывшего постриженником Зеленецкого монастыря.

ПЕРЕВОД

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ МАРТИРИЯ ЗЕЛЕНЕЦКОГО ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА МАРТИРИЯ, ЖИВШЕГО В ОБЛАСТИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА В ОБОНЕЖСКОЙ ПЯТИНЕ, В ПУСТЫНИ, НАЗВАННОЙ ЗЕЛЕНОЙ, ТО, ЧТО САМ О СЕБЕ ПОВЕДАЛ ОТЦУ СВОЕМУ ДУХОВНОМУ И СВОИМ УЧЕНИКАМ: КАК И ГДЕ ЖИЛ ДО ПРИХОДА СВОЕГО В ТУ ПУСТЫНЬ, КАК НАШЕЛ ЕЕ, КАК ПОСЕЛИЛСЯ, ЦЕРКВИ ПОСТРОИЛ И ОБИТЕЛЬ СОЗДАЛ. ПРИШЕЛ ЖЕ ОН В ТУ ПУСТЫНЬ ПРИ БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕ И ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ, ВСЕЯ РУСИ САМОДЕРЖЦЕ, И ЖИЛ МНОГИЕ ГОДЫ, А УМЕР В ТОЙ ЖЕ ОБИТЕЛИ В ЦАРСТВО БОРИСА ГОДУНОВА

Духовный мой брат Досифей, тайну цареву следует хранить, дела же Божии громогласно проповедовать. Расскажу тебе о себе, о том, как и где жил я до поселения своего в этой пустыни. Жил же я прежде в Великих Луках во вновь созданном Сергиеве монастыре у строителя той обители священноинока Боголепа. В той обители я пострижение и от мира отречение совершил и воспринял святой ангельский образ от руки того же священноинока Боголепа. Он поставил меня келарем и поручил мне службу казначея и пономаря; я и посуду мыл, и во всех службах монастырских послужил в послушании отцу своему и братии в обители той семь лет.

И возникло у меня стремление к отшельнической жизни; сговорился я с одним поваром бельцем идти в пустынь, куда Бог наставит. Вдруг пришел ко мне в келью один юродствующий, именем Михаил, и сказал мне: «Мартирий, пойди один». Пошел он и к тому повару и сказал ему те же слова: «Пойди один». Еще раз я договорился с тем поваром идти в пустынь в день архистратига Михаила. В тот же день в Великих Луках было освящение церкви архистратига Михаила. Когда начали освящать церковь, мы втайне вышли из монастыря и отошли от Великих Лук шестьдесят поприщ. В ту же ночь выпал снег по колено. Нашли мы совершенно безлюдное место и хотели там поставить хижинку, но это было невозможно, потому что мох засыпало снегом и нечем было конопатить. И возле какого-то источника, на берегу, в земле, в глине выкопали мы себе землянку и покрыли ее еловыми ветками. Велел я

своему товарищу пойти в селение за одной снастью, которой делаются разные дыры. А он пошел и не вернулся больше ко мне, в деревне же той рассказал обо мне одному христианину: «Такой-то старец живет в таком-то месте». И тот христианин приходил навещать меня. Я же жил в той пустыни и питался ремеслом своим: плел из лыка лапти и с тем крестьянином посылал по селам жителям, а они посылали с тем же крестьянином нужное мне. И я, грешный, принимал с благодарностью от них принесенное и молился за них Богу.

В той пустыни я от бесов много страха натерпелся. Приходили они и пугали меня, стоя у моей хижины за дверьми и говоря друг другу: «Спит он». А один бес проник в хижину мою и хотел ко мне прикоснуться, как бы желая меня задушить. Я же беспрестанно творил Исусову молитву, и он убежал от меня. Другие же бесы, которые стояли у кельи пред дверьми, сказали тому бесу: «Почему ты не осмеливаешься (напасть) на него?» А бес им ответил: «Пойдите вы сами к нему и дерзните!» Я же, творя молитву, сказал им так: «О, падшие бесы, что сделал вам я, грешный? Вы же привели меня в эту пустынь и хотите подвергнуть меня поруганию. Я же, грешный, надеюсь на Господа Бога моего Исуса Христа и на Пречистую его Мать, и на силы небесные, на Михаила и Гавриила, и на своего святого ангела, хранителя души и тела моего, и на всех святых».

И в другой раз лег я спать; пробудившись же от сна, промедлил и не встал с ложа своего. А день наступил праздничный, и тот преждеупомянутый христолюбец принес нужное мне и ушел. Я поднялся, отпел канон и часы, потом поставил на стол съестное, но ни к чему не прикоснулся, казня себя за леность. Сам же я думал про себя: «О, окаянная моя плоть, за леность свою недостойна ты и воды пить». Потом прослезился и сказал: «Господи превечный, Царь Небесный, дух бодр, а плоть немощна, но дай же мне, Господи, сухого хлеба омочить в воде и душу напитать». И не прикоснулся я ни к чему от съестного, кроме сухариков и воды. Вдруг загремел сильный гром, так что и земля затряслась, и ложка моя со стола упала на землю.

Потом я, грешный, написал к отцу своему духовному, чтобы он благословил меня в пустыни той жить. Но он не благословил меня жить в пустыни, а сказал мне: «Пойди, господин, жить в общежительстве». Я же, грешный, пошел в город Смоленск помолиться Пречистой Богородице и великим чудотворцам Авраамию и Ефрему. И те чудотворцы явились мне и сказали так: «Должен ты жить в пустыни, где Господь благоволит».

Наставление игумена Мартирия к братии

Духовный мой брат Досифей, пишу тебе эту духовную памятцу кратко и скрытно от братии, ты же держи ее у себя Бога ради до тех пор, пока Господь не благоизволит и не возьмет меня от жизни этой суетной, и не помянет многих моих грехов по милости своей.

Братья мои милые, прошу вас и молю, чтобы вы не надеялись ни на князя, ни на боярина, ни на какого властителя, а имели бы во всем

надежду на Живоначальную Троицу и на Пречистую Богородицу — они вам будут во всем помощники и заступники. Имейте почтение к царю земному и к его царевичам, и к властям. Не просите у них ничего, как и я, грешный, почитал их и не просил у них ничего, а во всем надеялся на Живоначальную Троицу и на Пречистую Богородицу. И чего у них, у светов, просил, то они мне, грешному, даровали. У них только осмеливался все просить. Так и вы дерзайте у Живоначальной Троицы и Пречистой Богородицы все просить и кроме них помощников себе никого не ищите. А за земного царя, государя нашего, Бога молите, и за его царевичей, и за все его войско. Потому что он, государь, за нас, за грешных, страдает и кровь проливает за святые церкви и за все православное христианство.

А вспоминал я, живя в монастыре Пресвятой Троицы и Пречистой Богородицы, слова Иоанна Предтечи, который так сказал старцу, хотевшему оставить свою пещеру и идти к Синайской горе: «Эта пещера для тебя лучше Синайской горы, если живешь в ней с верою». Так и вы, братья, живите с верою в монастыре Живоначальной Троицы и Пречистой Богородицы, не уходя.

А если Бог изволит, и государь станет вас жаловать, или начнет наделы земли давать, или грамоту отводную, то вы у него не берите, потому что окрестная земля — десница Светодавца и риза Пречистой Богородицы, и образ свой чудотворный Богородица хранит от всякого зла. Если будете непритворно любить друг друга и ропотом Светодавца и Пречистую Богоматерь не разгневаете, и станете трудиться с радостью и от своих праведных трудов питаться, я надеюсь, что милость Божья и Пречистой Богородицы будет на вас пребывать, как и на мне, грешном. А если Бог и Пречистая Богородица изволят положить государю на сердце, и он станет милостыню давать на поминание своих родителей, или на свечи и фимиам, и на пшеницу, и вы то от государя принимайте с любовью, как от десницы Светодавца, потому что не вы у государя просили, а Бог и Пречистая Богородица на то его вразумили.

Об указании места иконы Пречистой Богородицы

Я, многогрешный старец Мартирий, не своевольно, а по Божьему благоволению и с помощью Пречистой Богородицы поселился в этой пустыни, на этом святом месте.

Еще когда я жил в Великих Луках в Сергиевом монастыре в одной келье со строителем Боголепом, за семь лет до прихода моего в эту пустынь, явилась мне Пречистая Богородица образом своим честным, не наяву, а в сонном видении; случилось это так. Будучи в обители той пономарем, поднялся я на колокольню в полдень и уснул. И увидел во сне огненный столп, будто бы в этой стороне стоящий. Приблизился я к тому огненному столпу и увидел стоящую около него икону Пречистой Богородицы Одигитрии, позолоченную, величиной такую, как икона Одигитрии на Тихвине, стоит в церкви за клиросом с левой стороны, принесена из Старой Руссы. Я же будто бы к той иконе припал, а икона была очень горяча от огненного того столпа. Пробудившись от сна, я

был в ужасе от этого видения, а когда прикоснулся рукою к своему лбу, то почувствовал, что он горяч.

Второе видение той же иконы

Когда же я пришел в эту пустынь, по прошествии многого времени после того видения, лег я отдохнуть и заснул. И увидел во сне у пустыни море, а на том море плавает икона Пресвятой Богородицы Одигитрии, такая же, как и прежде мне явившаяся. Я же стоял на берегу и увидел, что недалеко от той иконы на море лежит пораженный бес. Посмотрел я на правую сторону и увидел стоящего в воздухе архангела, видом же он был такой, как пишется архангел Гавриил на иконе Благовещения Пресвятой Богородицы, со скипетром. Я захотел перекреститься у иконы Пресвятой Богородицы, как и прежде, но испугался воды морской — вдруг потопит меня. И сказал мне тот архангел, стоящий в воздухе: «Почему не осмеливаешься подойти перекреститься к иконе Пречистой Богородицы?» Я же, грешный, ответил ему: «Господин, боюсь». А он сказал мне: «Чего боишься?» Я ему снова ответил: «Бесовского действия — вдруг меня уловит». Архангел же опять сказал мне: «Не бойся, иди к Пречистой иконе». И вдруг икона та начала погружаться в море, и оставалась над водой только часть ее с изображением ножки младенца Христа. И увидел я Божие милосердие к себе в том, что мне оставлена ножка Светодавца. И я, грешный, будто бы подумал про себя: «Если мне и придется тонуть в воде, но лишь бы мне прикоснуться к ножке Светодавца». Тотчас осмелился я войти в море и взялся за его ножку обеими руками, и начал плакать, проливая слезы и говоря: «Милостивый Светодавец, если мне придется и потонуть, но лишь бы с тобой». И вдруг как какою-то бурей перенесла меня та икона через море и поставила на берегу, на другой стороне моря. И скрылась от меня та икона. И еще увидел: вот город новый и лавки новые, а покупающих и продающих нет. И тотчас пробудившись от сна, я был в сильном страхе и радости от видения того.

Были в первой моей келье на стене две чудотворные иконы — Живоначальной Троицы и Пречистой Богородицы, а перед ними стоял зажженный светильник с маслом. И я, взяв в руки чудотворную икону Пресвятой Богородицы, начал плакать, проливая слезы и говоря: «Царица госпожа Богородица, за что ко мне, грешному, проявляешь милосердие свое? Ибо я, окаянный, хуже бесов!» И вдруг услышал я, не знаю откуда, голос, не во сне, а наяву говорящий мне: «Старайся — увидишь и не ту одну Божию благодать». А потом Федор Сырков велел мне церковь с трапезной построить в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Рассказал мне, Мартирию, один христианин, именем Иосиф, из села Бубориной — ведь вы и сами слышали от него — вот что: «В летнее время, в полдень, после Петрова дня накануне дня Козьмы и Дамиана, когда лежал я и спал в своей клети, приснился мне сон, будто бы вышел я на улицу. И увидел стоящий в этой пустыни огненный столп от земли до неба, а из того столпа простирается рука, как человеческая, и из руки той исходят искры огненные». Так рассказал Иосиф свой сон, ибо

показал ему это видение Бог. Был он однажды очень болен и находился при смерти, и пообещал мне, Мартирию, после себя коробью ржи, чтобы я, старец, поминал его. Бог исцелил его от болезни, и он выздоровел. Пожалел он ту рожь, обещанную мне, старцу, думая про себя: «За что мне тому старцу давать рожь? Помиловал меня Бог, и выздоровел я». Поэтому и показал ему Бог и Пречистая Богородица это видение, для его уверения. Он же, это увидев, пробудившись от сна, тотчас пришел ко мне в пустынь и, прощения прося у меня, сказал: «Бога ради прости меня, честный отче. Виноват я перед Живоначальной Троицей и Пречистой Богородицей, и перед тобой, отче. Внушил мне дьявол в мыслях моих, чтобы не дал я тебе той ржи, обещанной тебе. Ныне же, честный отче, прими обещанную рожь свою». Я же сказал ему: «Господин, нет у меня жерновов, чтобы ее смолоть. Но если проявится твое человеколюбие ко мне, то, измолов ее, пеки и присылай мне хлебами». Он так и сделал.

После этого видения, перед поставлением меня на игуменство в эту пустынь, спал я в своей келье в чулане. И увидел во сне Пречистую Богородицу в облике девицы, красивой видом, никогда я не видел среди людей такой пригожей девицы. Добра лицом, красива видом, большие глаза и брови черные, а нос средний с изгибом, на главе же у нее, госпожи, венец златой, украшенный разными большими цветами, — движется! Невозможно человеку ни умом понять, ни языком сказать, ибо сияет, как солнце. Сидит она в келье моей на лавке в большом углу, там, где иконы стоят. А я будто бы вышел из чулана своего и стоял перед нею, смотрел же на нее усердно, не сводя очей своих с красоты ее. И она, Царица и Богородица, тоже на меня смотрела. Я же на нее смотрел не отрываясь и видел милостивое ее лицо, а очи ее были слезами наполнены — едва на пречистое лицо ее не прольются. И вдруг скрылась от меня. Я же пробудился от сна в страхе. Поднялся я, вышел из чулана своего, зажег свечу от лампады и захотел увидеть непорочную деву — сидит ли она в келье моей на месте, где видел ее сидящей. Вышел я на середину кельи своей и не увидел ее на месте том. Тогда я подошел со свечою к иконе Пречистой Одигитрии, которая стоит в моей келье, посмотрел на ту икону и понял, что воистину явилась Пресвятая Богородица тем видом, как и на иконе моей келейной образ ее написан.

Вскоре после того видения я ездил в Великий Новгород, и в Великом Новгороде по милости Божьей и Пречистой Богородицы архиепископ произвел меня в игумены в эту пустынь, называемую Зеленая. А молился я о милости ко мне Пресвятой Богородицы так: «Пречистая Госпожа, Царица Небесная, посещала ты, Госпожа, великих чудотворцев, Иоанна Предтечу, и Сергия и Александра преподобных новых чудотворцев, и всех святых, но это неудивительно, потому что они от материнской утробы святы и твоего посещения достойны. Будет же очень удивительно и чудно на земле и на небесах, если меня, грешного и окаянного, своим милосердием посетишь на уверение души моей грешной и на утверждение этого святого места». И она, Пресвятая Богородица, моления моего не отринула и грешного меня своим милосердием посетила, и мне, окаянному, явилась.

О приходе игумена Мартирия из Великих Лук на Тихвину в монастырь Пречистой Богородицы и о первом его приходе в Зеленую пустынь

Когда же пришел я из Великих Лук на Тихвину в монастырь Пречистой Богородицы, жил там, будучи пономарем, ученик мой именем Авраамий, который пришел раньше меня из Великих Лук к Пречистой Богородице на Тихвину; и начал я жить с ним в одной келье на Тихвине. Поведал я ему об отшельнической жизни, сказав: «Брат Авраамий, хочу испытать себя на некоторый срок в пустынной жизни и думаю идти с Тихвины в Поморье, чтобы люди не знали меня». Авраамий же поведал мне следующее, сказав так: «Не ходи ты, отче, в Поморье или куда-нибудь еще, а иди в пустынь на то место, которое я знаю. Однажды вечером, в сумерках, шел я с книгою по монастырю из церкви, от чудотворной иконы Пречистой Богородицы, в трапезную; и посмотрел на небо в ту сторону, где теперь эта пустынь, и увидел на небе над тем пустынным местом засиявший крест, светлый, как луч, и весь украшенный звездами. Я место то знаю, и воистину над тем местом крест мне явился; место же то было недоступно, ибо во мхах стоит. А ты пойди туда и кроме этого места не ищи другого, живи же там, покуда тебе Бог даст, ибо будет в том месте Божие милосердие». Так мне, Мартирию, ученик мой Авраамий рассказал про это святое место.

Потом я в этой пустыни, называемой Зеленая, поселился. Вскоре же и храм построил во имя Святой и Живоначальной Троицы. Начал я из часовни иконы местные носить в новую церковь Святой и Живоначальной Троицы. Взял икону чудотворную Святой Троицы и велел старцу Гурию нести ее в церковь, сам же я шел за ним с другой чудотворной иконой, Пречистой Богородицы Одигитрии. Стал я в церкви расставлять иконы по местам. А тот Гурий вышел из церкви и посмотрел на небо, и увидел на небесах засиявший крест, видом же он был, как крест, стоящий на церкви Святой Троицы, не из звезд составлен, как прежде видел ученик мой Авраамий, а просто светом, как крест на церкви Святой Троицы, похожий на благословляющий крест, которым иерей благословляет народ.

Вы же, братья, слышите и видите, какие Пресвятая Троица и Пречистая Богородица чудеса творит от иконы своей: бесов отгоняет и больных исцеляет, хромых и слепых здоровыми делает, и многие чудеса творит, известные и неизвестные. И вот, братья, слыша и видя такое Божие и Пречистой Богородицы милосердие, кто не удивится и не прославит Пресвятую Троицу и Пречистую Богородицу! Молю же вас, братья, о том, чтобы вы твердую веру имели к этому святому месту и любовь между собой непритворную, и моего слова не попирайте, — как говорил вам и заповедовал, так и делайте. Меня же, грешного, в святых своих молитвах поминайте, тогда и сами помянуты будете у Господа Бога и у Пречистой Богородицы, и Бог мира да будет с вами всегда, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

А писал Зеленой пустыни дьяк.

Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Ольшевской

ВСТУПЛЕНИЕ

Евфимий Турков (ум. в 1587 г.) — игумен Иосифо-Волоколамского монастыря, книгописец и писатель. Евфимий, в миру Елеазар, был сыном Ивана Ивановича Туркова (ум. в 1525 г.); мать Евфимия (в иночестве Марина) происходила из рода Ямских; брат Никандр, как и он, был монахом. Евфимий Турков принял постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре 5 июля 1551 г. Игумен монастыря Гурий Руготин отдал его «под начало» бывшего новгородского архиепископа Феодосия, у которого Евфимий вместе с другим монахом Феодосием Плещеевым в течение 12 лет проходил школу иночества.

В 60-е гг. Евфимий Турков был уже уставщиком монастыря, в обязанности которого входило наблюдение за правильностью церковных служб, пополнение синодиков, а в 1571—1572 гг. он был назначен монастырским казначеем. После возведения игумена Леонида Протасьева в епископы Рязанские братия монастыря и царь Иван Грозный просили Евфимия занять место настоятеля, но он отказался, сославшись на «худой разум» и «недостоинство». Игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря был поставлен Тихон Хворостинин, управлявший обителью с 1573 по 1575 г., когда он стал архиепископом Казанским. В Духовной грамоте Евфимий Турков пишет, что согласился стать настоятелем монастыря, чтобы «не преслушати царьскаго повелениа», и был поставлен на игуменство 26 июля 1575 г. митрополитом Антонием.

Евфимий Турков оказался дальновидным и предприимчивым руководителем монастыря, много сделавшим для приумножения экономического могущества и роста духовного авторитета обители. Во время игуменства Евфимия царь Иван Грозный неоднократно посещал монастырь (в сентябре 1575 г., феврале и июле 1576 г., мае и декабре 1579 г., июле и сентябре 1581 г.) и пожертвовал ему более 8 тысяч рублей. В составленном Евфимием Турковым Обиходнике описывается церемониал приема и распорядок пребывания царя в монастыре. Во время опричнины монастырь использовался как место заключения и ссылки неугодных правительству лиц, в частности, там содержался соратник Сильвестра протопоп Симеон. Богатые вклады в монастырь делали царь Федор Иванович и Борис Федорович Годунов. В 1587 г. Евфимия Туркова на посту игумена Иосифо-Волоколамского монастыря сменил Варлаам Белковский, но он не справился с обязанностями, и

Евфимию пришлось вернуться на игуменство и управлять монастырем последние пять месяцев жизни.

Будучи игуменом монастыря и книжным человеком, Евфимий делал все, чтобы сохранить и упрочить литературные традиции иосифлянской школы. Он собирал и переписывал книги, выступал в роли редактора и справщика, следил за составлением сборников своих учеников, писал предисловия к книгам (см. подробнее: Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 212—215).

После смерти новгородского архиепископа Феодосия (1563) Евфимий, следуя развитому в монастыре обычаю почитания наставника, написал его житие, которое, по словам В. О. Ключевского, представляет собой «исполненный задушевной скорби рассказ о последних днях учителя» (см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 296—297). В 1569 г. скончался «духовный брат» Евфимия Феодосии Плещеев, которому он посвятил краткое житие-некролог. После установления в 1579 г. местного празднования памяти Иосифа Волоцкого, приуроченного к столетию основания монастыря, Евфимий Турков переработал Житие святого, составленное Саввой Крутицким, и, по предположению А. А. Зимина, создал свою, особую редакцию этого памятника (см.: Зимин А. А. Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 136—139). В один из сборников Евфимия входит текст Надгробного слова Иосифу Волоцкому со следами его редакторской правки и указанием на автора этого сочинения — Досифея Топоркова.

В литературном отношении наибольший интерес представляют произведения Евфимия Туркова, написанные в 60—80-е годы XVI в. и включенные в составленный им Канонник. Это Духовная грамота и Исповедь, Канон на исход души, Канон за друга умершего, а также краткие некроложные заметки о волоцких монахах, современниках Евфимия.

Подготовленные к публикации Духовная грамота и Исповедь Евфимия Туркова принадлежат к жанрам древнерусской литературы, особо популярным в XIV—XVI вв. Духовными грамотами назывались на Руси завещания князей и иерархов Церкви, а также частных лиц. В отличие от светских завещаний, где в центре находились вопросы имущественного порядка, духовные грамоты иерархов Церкви создавались как произведения религиозно-нравственного, назидательного характера, завещания игуменов часто приближались в жанровом отношении к монастырским уставам.

Духовная грамота и Исповедь Евфимия Туркова занимают особое место среди произведений писателей-иосифлян. Во-первых, потому что здесь нет стремления автора к строгой регламентации жизни монахов. Хотя автор, уничижая свой талант, называет созданное им «грубыми стихами», перед нами образец высокой церковной поэзии, произведение ритмической прозы, сотканное из проникновенных лирических пассажей, реминисценций из книг Священного Писания (в основном, Псалтири и Евангелия), творений отцов Церкви и знаменитых христианских проповедников на традиционные для иосифлянской литературы темы покаяния, исхода души и Страшного Суда.

В Духовной грамоте Евфимия Туркова, что характерно и для произведений его предшественников в этом жанре (митрополита Киприана, Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого), содержится благословение самодержцу и членам царственной семьи, боярству и воинству, священству и монашеству, а также всему русскому народу. Евфимий молит Бога о «тишине» для Русской земли и всего христианского мира. Следуя, видимо, за десятым словом Духовной грамоты Иосифа Волоцкого, Евфимий перечисляет авторитетных для русского монашества святых прошлого и «новых чудотворцев», однако только Иосифу дает развернутую характеристику-похвалу, что связано с попытками его общецерковной канонизации.

Необычность произведений Евфимия Туркова заключается и в том, что, несмотря на царящий в них культ Иосифа и его «трудов», отсылки к Духовной грамоте и Уставу основателя волоколамского Успенского монастыря, они в большей степени следуют традиции «нестяжательской» литературы, включая в себя целые фрагменты из Устава Нила Сорского. Это сочинение бытовало в иосифлянской среде: в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря хранился ряд сборников конца XV—середины XVI в., в состав которых входил Устав Нила Сорского (см.: Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 350—351, 355—359, 364—365,390 и др.). Евфимий Турков делает пространные выписи из седьмой и восьмой статей Устава Нила Сорского, посвященных Страшному Суду и слезному покаянию, не указывая на источник заимствования.

К числу художественных особенностей Духовной грамоты и Исповеди Евфимия Туркова следует отнести наличие в них биографических подробностей (изложение истории возведения на игуменство, акцентирование духовной связи Евфимия с его учителем Феодосием), силу и красоту лирического чувства в молитвословных фрагментах

произведений, а также особое искусство «плетения словес», где трудно отделить заимствованное от оригинального, традиционное от нового, так органична связь между ними.

Первое издание текста произведений Евфимия Туркова было осуществлено Н. С. Демко-вой (ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 342—356). Текст Духовной грамоты и Исповеди Евфимия Туркова публикуется по рукописи РГБ Волоколамского собр., № 412. Это сборник, написанный Евфимием Турковым в 60—80-е гг. XVI в. (до 1587), где текст Духовной грамоты занимает л. 77—92 об. Исповедь читается на л. 92 об.—96 об.

ОРИГИНАЛ

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА ВКРАТЦѢ И ИСПОВѢДИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нераздѣлнаго и трисоставнаго Божества, единаго Бога-Отца, бѣзначална, и единаго Сына, от Отца рождена преже вѣк и того же послѣжде, нас ради, человѣкох, и нашего ради спасениа воплотившася от Духа Свята и от Приснодевы Мариа, чистыа и пренепорочныа, юже достойно Богородицу и матерь себѣ нарече, и въ единого Святого Духа, животворящаго Господа, иже от Отца исходящаго, иже со Отцемъ и съ Сыномъ вся сотворшаго, и съдръжащаго, и покланяема, и съславимаго, и хвалимаго от англелъ, и от человѣкъ, и от всеа твари, пронареченнаго пророкы и глаголавшаго и дѣйствующаго со Отцемь и с Сыном, — вся во всѣх изначала и до вѣка нераздѣ лна: вкупѣ единица в Троици и Троица в единаствѣ. В сию святую, Единосущную, и Животворящую, и Нераздѣлимую Троицу вѣрую, и исповѣдую, и покланяюся, и славлю душею и сердцемь, и помышлением и глаголанием, и духомъ и усты.

Азъ, многогрѣшный, и недостойный, и нечистый, окаянный раб владыкы моего Христа, прогнѣвавший Создателя моего многими моими злыми дѣлы, и словесы, и помышлении, непотребный и неключимый в человѣцѣх, и в пръвых грѣшницѣх и послѣднии въ иноческом чину, и в оратствѣ худѣйший и немощный, малоумный и малодушьный, скверный, иерѣй быв по благодати великого Бога и Спаса нашего, паче же и недостойнѣ дрързнувъ на таковый великый степень священничества и началства, пастырства и игуменства великиа и преслувущиа обители Пречистые Богородица, честнаго и славнаго ея Успениа,[1] въ потружении преподобнаго и чюднаго угодника Божиа, великого поборника, иже на еретикы новогородцкиа[2] велию побѣду показавшаго, посреди всего вселенскаго собора православную Христову вѣру уяснившаго, а злославную их ересь обличившаго,[3] и второе пришествие Христово истинно возвѣстившаго, и пророческиа и апостолъскиа глаголы и самого владыкы Христа истиннаа евангельскиа словеса сказавшаго, и благодатию Духа Святаго великую книгу на посрамление еретическиа злобы написавшаго,[4] и учеником своим образ добродѣтели бывшаго, и о благочинии иноческомъ и о устроении монастырском предаииа своего — о всем подробну духовным своим чадом духовную свою грамоту и наказание подлинно и пространно

написа,[5] яже суть и донынѣ молитвами его, отца нашего и чюдотворца Иосифа,[6] в созданнѣй от него лаврѣ.

Таков сый страстный азъ, грѣшный Еуфимий, худый, немощный душею и тѣлом; не вѣм, како имиже вѣсть Богъ неизреченными его судьбами и несказанным смотрением (а не тако просто, якоже прилучися), възведен бысть на таковаго степени началство. Но много время многыми преждебывшими отцы и братиами много нудим бых началствовати. Мнѣ же, вѣдущу множество безаконий моих и видящу свою немощъ, и слабость, и лѣность, паче же ярость и грѣховный злый обычай, намнозѣ отрицающуся, яко въистинну недостойна суща ниже помыслити душамъ ходатаю спасениа быти, помышляющу и вѣдущу тяжесть сана и бремене неудобносима не токмо мнѣ, молодушному, но и великым и чюдным отцемъ и вселеннѣй светилникомъ.

Пакы же отцы и братиа обители сеа понуждающе мя прияти началство по много время и възвѣстиша о мнѣ самодръжцу, государю и царю, благочестивому и христолюбивому великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии.[7] Он же, прозорливый и богомудрый царь, начат ко мнѣ кротцѣ глаголати и понужати мою худость въсприати началство великиа обители сеа, и мудрыми и тихыми глаголы увѣщаваа мя. Мнѣ же со слезами о сем молящуся богомудрому царю оставити мя плакатися множества грѣхов моих и себѣ единому внимати и неможение свое царю извѣщающу, душевное и тѣлесное. Царю же на смирение мое призрѣвшу, и милосердие показавшу, и остави мя по воли творити, и избравшу достойнаго таковаго пастыря Христова словеснаго стада, духовнаго и искуснаго в божественой и человѣческой мудрости старца, Тихона глаголема,[8] словесна и мудра зѣло, иже бысть послѣже архиепископъ великаго и новопросвещеннаго, Богомъ спасаемаго града Казани и иных градов пръвопрестолник.

По мале же времени Божиими судбами, имиже сам един вѣсть, — якоже преже рѣх, — Тихона-игумена възведоша на высокий престол архиерѣйский (поставлен бысть архиепископъ Казанский и Свияжский), мене же, грѣшника, паки начаша отцы и братиа обители сеа понужати мя прияти началство, и много о сем стужающе ми. Мнѣ же паки о сем молящеся много и со слезами отрицающуся. Пакы царя увѣщаша о мнѣ, глаголюще ему, яко да понудит мя царьскою властию и силою прияти началство. Царю же и государю самому въ обитель пришедшу,[9] и мнѣ, недостойному, о сем много премудрыми своими царьскими словесы, божествеными и человѣческимы, глаголавшу, и запрѣщающу не преслушати царьскаго его повелѣниа. Паче же, реку, суда Божия убояхся и богомудрых его царьских словес послушах, повинувся воли Божий и царьскому повелѣнию, глаголя: «Воля Божиа да будет!»

Благовѣрный же, и христолюбивый, и богомудрый царь и государь, великий князь Иван Васильевич, всеа Русии самодръжецъ, послал царьскую свою грамоту в царьствующий град Москву къ отцу своему и богомолцу, святѣйшему митрополиту Антонию всеа Русии,[10] повелѣ мене, недостойна грѣшника, хиротонисати, попа и игумена совершити и богомолца себѣ нарещи в домъ Пречистые Богородици преподобнаго чюдотворца Иосифова монастыря. Преосвященный же митрополит

Антоний всеа Русии по царьскому повелѣнию и по грамоте государьской вскоре поставляет мое окаянство великого чина священничества, и наставника совершает, и пастыря и учителя нарицает словеснаго стада Христова, и жезлъ пастырский вручает ми, иже своеа окаанныа ми душа единородныа не управившу, ни научившу и не наставившу на путь заповѣдей Христовых. Паки же святѣйший преосвященный Антоний-митрополит, вселенский учитель, благословляет и отпущает менѣ, грѣшника, в обитель Пречистые Богородица и преподобнаго старца, чюднаго чюдотворца Иосифа, и вдает ми поучение и наказание от божественых правил святых апостолъ и святых отець, святую хиротонию, и заповѣдует ми о всем тако творити же и учити внимати же себѣ и всему стаду, не токмо о своей души пещися, но и многых душа направляти и наставляти на путь покааниа и пристанищу спасениа, и молити Всемилостиваго Бога, и Пречистую его Матерь, и великих чюдотворцов, и всѣх святых о благочестивом и Богом хранимом царѣ, великом князѣ Иване Васильевичѣ всеа Русии, и богодарованных его благородных чадѣх, благовѣрных царевичах Иване Ивановичи и Феодоре Ивановиче,[11] и о их благовѣрных княинях, и о всѣх благовѣрных и христолюбивых князѣх руских, и о христолюбивом воинствѣ, и о всем священническом, святителском чину и иноческом, и о всем православном христианствѣ, и о благостоании святых Божиих церквах, и совокуплении всѣх, о мирѣ и о тишинѣ всего мира, и о здравии и спасении. И тако святителю наказавшу, и доволно поучившу, и заповѣдавшу моей худости и окаянству, и отпустившу мя, по словеси Божию, с миром.

Азъ же, многогрѣшный, и лѣнивый, и неключимый, немощный, и слабый раб владыкы Христа и Бога моего, толикыа благодати сподобихся приати от Христа моего и таковый возсприим великий талантъ Господа моего, и не сотворив ни единого мало в словеси, еже есть черта, по воли его, но, шед, повергох в землю и сокрых сребро Господа и Царя моего.[12] Боюся, и трепещу душею и тѣлом, и сердцемъ смущаюся, и умом ужасаюся, и помышлением колеблю и трясуся, и, что содѣяти, не вѣмъ.

Виждю, убо час смерти душа моеа приходящъ, лѣта изщезающа, и конец приближающься, и старость жатву мою преклоншуся и к рѣзанию нудящу мя, жателя моего тщащася, серпъ показующа, секиру носяща и отсечение повѣдающа.[13] Зрю татя приближающася и от житиа возхитити мя тщащася.[14] Зрю яже о себѣ неизсправлена и на всяк день на хужшее успѣвающа. Зрю исход житиа к тамошным и долгий путь, по немуже николиже ходих, и себе спутнаа не имуща. Зрю должника моего приближившася, себе же обнищавша. Зрю уставное ми время скончavающееся, и в недоумѣнии мя постигшя. Зрю Словоположника, рукописание грѣхов моих разгибающа и зубы скрежещуща на мя. Зрю многы досадителя, ни единого же спострадателя, и душею и сердцемъ зѣло смущаюся, и устрашаюся, и подвижуся, съдръзаюся и сотрясаюся, и не вѣм, что содѣати и что помыслити. Лѣто ли животу изспрошу, но боюся, да не пакы согрѣшением прилог сотворю и неготов пойду. Кыем образом прочее праведнаго Судию узрю и нелицемѣрнаго, яко в конець злых, яже о себѣ зрю, лукавый смущати мя не престает, врази борют и не отлагают,

самособныа моеа плоти рать смущати не престает, помысли же лукавии никакоже безъмолствуют?

Сиа вся на память приводя окаянный аз и размышлях: «Гдѣ друзи и знаемии нами? И что от сего приобрѣтоша, аще кои от них честни, и славни, и властели быша в мире сем суетнем и прелестнемъ, и богатство, и пищу велию, и питие различнаа и сладкаа имѣюще? Не вся ли сиа изчезоша и смрад и прах быша?»[15] И помянух пѣснописцев,[16] глаголющих о сем: «Каа житейскаа пища пребывает печали непричастна? Или каа слава стоит на земли непреложна? Но вся сѣни немощнѣйши и вся сна прелестнѣйши, и в един час вся сиа смерть приемлет. Въистинну бо всяческаа суета и прах, иже в житии сем, елика не пребудут с нами. По смерти не преидет бо тамо с нами богатство житиа сего, ниже снидет слава вѣка сего, пришедши, бо смерть вся сиа погубит. И сице разумѣвше краткую свою жизнь, что мятетеся всуе, упражняющеся в житейскаа? Путь бо краток есть, имже течем. Дым есть житие се, пара, персть, прах и пепел, вмалѣ являяся и вскорѣ погибает, и пути убо есть хужши».[17]

Якоже рече Златоустъ:[18] «Не вемы, аще в вечеръ сей или утрѣ отходим житиа сего, и не имамы власти, аще хощем, еще пребыти здѣ, но, и хотяще, и не хотяще, отходим внезапу». Въистинну, страшно есть таинство смертное, како душа от тѣла нуждею разлучается, от состава и от сочетании естественаго съуза Божиим хотѣнием разлучается. И что сотворю аз, окаанны, не рыдав, ни плакав преже часа того горкаго, смертнаго? Тогда, уразумѣвъ, познаем, колико имат подвигъ душа, разлучающися от тѣлеси. Увы мнѣ; колико тогда скорбитъ, и нѣсть иже помилует ю! Ко аггелом очи возводяще, бездѣлно молится, къ человѣком же руцѣ простирает — и не имат помагающаго никогоже, точию съ Богом добраа дѣла.

Тѣмже разумѣюще краткую нашу жизнь, время ти есть омытися, о душе моа, и вся оттрясти, и попещися о часѣ смертнѣм, не вдающеся въ млъвы мира сего и в попечениа неполезнаа. «Всуе бо мятемся вси, земнороднии»,[19] — якоже речет Писание. Аще и весь миръ приобрящем, но въ гроб вселимся, ничтоже от мира сего вземше: ни злата, ни сребра, ни красоты, ни славы, ни власти, ни чести, никоегоже житейскаго наслаждениа.[20]

Плачюся и рыдаю, егда помышляю смерть. Се бо зрим во гробѣх: созданную нашю красоту — безобразну и безславну, не имущу видьниа, ни доброты, но точию кости обнажены, — и рцем в себѣ: «Кто убо есть сей: царь или князь, богат или нищъ, славный или неславный? Гдѣ красота и наслажение?[21] Гдѣ тогда имѣниа, и стажаниа, и богатство? Гдѣ сродницы и братиа? Гдѣ родители и друзи? Никтоже от сих может помощи нам! Гдѣ трапезное питание, и варящих ухищрение снѣдем, и питиа сладость и различие? Гдѣ радость временнаа житиа сего суетнаго? Яко сѣнь мимо иде, яко дым разыдеся, яко прах от вѣтра разсыпася, — тако разрушается всяко естество человѣческое».[22]

Въстани, окааннаа душе моа! Что спиши? Въстани и побди, дондеже время ти есть! Въстани, убогаа и смиреннаа душе, преже смерти и

удивися о сих, глаголюще к себѣ: «Оле чюдеси, что се еже о нас таинство?! Како предахомся тлѣнию? Како припрягохомся смерти?» Въистину, Божиим повелѣнием, якоже есть писано.[23] Въздохни и прослезися, биюще в перси своя, малодушие отжени, слабость отложи, исповѣж, яже согрѣшила еси, отнелиже родися, и в разум приде: волнаа и неволнаа, таиннаа и явленаа — вся своя многаа и безчисленаа согрѣшениа, яже согрѣшила еси, окааннаа, в дни и в нощи, словом, и дѣлом, и помышлениемъ; и расточи, яже имаши и можеши, усердно, и даж обѣты ктому не согрѣшати. Уже бо смерть настоит, якоже тать, и дни не вѣси, и часа не знаеши, да тя не постигнет неготова, окаяннаа. Прости согрѣшившемуи прогнѣвавшему тя, и остави ему, елика согрѣши, и помилуй искреняго. Къ Богородици припади, молящеся, яко дрързновение имущи много ко Владыце, и святых всѣх не престай молити, яко да тии Христа милостива сотворят.

Пакы же, нынѣ что сотворю, и како помолюся, и откуду начало положю? Точию от Божественых Писаний. Никакоже доволен есмь что от себя умыслити,[24] но доволство наше — Богодохновенное Писание, якоже святии написаша.

Андреа Критскаго:[25] «Откуду начну плакати страстнаго ми житиа дѣл? Кое начало положю нынѣшняго рыданиа? Но, яко милосердъ, Господи, даж ми слезы умилениа, да плачю тебѣ, Творцу всѣх и Создателю нашему Богу, и исповѣдаю, елика ти согрѣших окаанною душею моею и скверъною плотию, да твоею помощию укрѣпляем, останууся прочее предняго безсловесиа и принесу ти в покаании слезы».

Германа Царяградскаго:[26] «Боже мой, Творче всего мира, Создателю мой, иже древле источивый водам источникы от несѣкомаго камени, иже горкиа воды усладив![27] Слезам подаж источникы зѣницам очию моею, главу мою исполни вод чистителных и сотвори брови моа облакы присноточныа!»

Ефрем Сирин:[28] «Даруй убо, Владыко, мнѣ, недостойному, слезы всегда на просвѣщение сердцу моему, да просвѣтив си сердце, источю источникы слезъ съ сладостию в молитвѣ чистѣ, яко да потребится великое писмя моих грѣхов в слезах малых и да угасит тамо малым сим плачем огнь палящий!»

Семиона Новаго Богослова[29]* «Господи и Зижителю всѣх, сам даждь ми руку помощи, и очисти скверну душа моеа, и подаждь ми слезы покааниа, слезы любовныа, слезы спасителныа, слезы, очищающаа мракъ ума моего и свѣтла мя свыше сотворяюща, еже зрѣти тебе хотѣти, свѣта миру, свѣта моих окааных очесъ».

Иже сердце исполнено злых в житии имущаго, и многих злоб, и зависти, достойнаа сотворшаго моего изгнаниа, или паче, рещещи, моих благодѣаний, тѣмже вмѣсто злых даж ми благаа, Христе мой, вѣчнаа, богатаа и божественнаа, яже уготова въ вѣкы вѣком тебе желающим и любящим усердно.

Но о, Троице Нераздѣлнаа! О, единице неслианнаа! О, свѣте трисоставный! О, Отче и Сыне и Душе! О, начало безначалное, начало и власти! О, свѣте безоимѣнованный! О, многоименованне, абие яко дѣйствуя вся! О, славо единаа, и начало, и дръжаво, и царъство! О, свѣте, яко едине и воля, и разумѣ, свѣте крѣпкый, помилуй и ущедри мене, скорбящаго! Како бо не сѣтую, како не скорблю, толику твою благость и милость твою толику преобидѣв и уныв, неразумный и окаанный, и слабо ходих в путь заповѣдей твоих! Но нынѣ умилосердися, нынѣ помилуй мя, и теплоту сердца моего возгнѣти, Боже мой, юже погаси разслабление плоти моеа окаанныа, и сонъ, и брашна чрева, и вина многапитие — сиа угасиша пламень всей души моей и иссушиша источник слезны, истекающий от дѣйства страннаго, истаявааи камение и горы от единаго страха и от лица твоего, о, Христе мой и Боже мой! Не терплю твоа чюдеса молчаниемъ покрыти, не могу не глаголати твое смотрение, еже сотвори со мною, скверным и блудным, и человѣколюбие твоего неистощимаго богатства.

Обаче первие, о, всех Царю, въ мнѣ паки восияй, обитай и просвѣти смиренную ми душу, покажи Божество свое явѣ лицу моему и невидимо весь ми явися, о, Боже мой! Ей, сие даждь ми, Владыко! Ей, сие даруй ми! Аще бо и нынѣ просвѣщаеши, и тайно учиши, и покрываеши, и храниши мя державною си рукою, и бѣсы отгоняеши и без вести твориши, и вся покаряеши ми, и вся даруеши ми, и исполняеши благых всѣх, о, Боже мой, но никая ми полза от сих, аще ми не даси непостыдно преити смертнаа врата,[30] да не князь тмы, пришед, обрящет нѣчто на мя, но да видѣв славу твою, сущу со мною, и посрамится въ всѣх, помраченный, опаленъ быв неприступным ;вѣтом твоим, и вся силы сопротивныа с ним постыдятся, видѣвше знамение твоеа печати. Азъ же пройду, на благодать твою божественую надѣяся.

Вѣм благоутробие твое, Человѣколюбче, того ради припадаю и молюся твоей благости: «Да приидет на мя милость твоа, Владыко, яко смущена есть душа моа и болѣзнена о исхождении своем от окааннаго ми тѣла: еда како лукаваго совѣт сопостата срящет ю и препнет ю въ тмѣ за невѣдомыа и вѣдомаа, в житии сем бывшаа ми грѣхы?

Милостив ми буди, о, Владыко, да не узритъ душа моа темнаго взора лукавых бесов, но да примут ю аггели твои свѣтлии. Имѣяй власть оставляти грѣхы, остави ми, да почию, и да не обрящется пред тобою грѣх мой, еже согрѣших немощи ради естества моего словом, и дѣлом, и помышлением, волею и неволею, в разумѣ и неразумии, да обрящуся предтобою в совлечении тѣла моего, не имущи скверны никояже на образѣ душа моеа, да не приимет мене, грѣшника; темнаа рука князя мира сего, еже восторгнути мя в глубину адову, но предстани ми и буди ми спасъ и заступник!

Помилуй, Господи, осквернившуюся страстми житиа сего душу мою, и чисту еа приими покаанием и исповѣданиемъ, и своею силою возведи мя на божественый твой суд. Егда начнеши творити испытание нашимъ согрѣшенимъ, еже согрѣшихом словом, и дѣлом, и помышлениемъ, тогда, преблагый Владыко, не обличи моя тайнаа и не посрами мене пред аггелы и человъкы, но пощади мя, Боже, и помилуй мя! Понеже

Страшнаго твоего Судища помышляю, преблагый Царю, и трепещу Дне Суднаго, и боюся, от совѣсти моеа обличаем, и скорблю зѣлоодѣании моих лукавых, и недоумѣюся, како отвѣщаю тебѣ, безсмертному Царю, тако тебе горцѣ прогнѣвах, коимъ ли дръзновением въззрю на тя, страшнаго Судию и грознаго, азъ, скверный и блудный, нечистый?

О, Христе, всѣх царю, даж ми слезы теплы, да плачю свою душу, юже злѣ погубих! О, Господи славѣ, благоутробный Отче, и Сыне единородный, и Душе Святый, помилуй мя, и избави мя огня негасимаго, и сподоби мя одесную тебе стати,[31] Судии праведный!»[32]

Исповѣдание и покаание, глаголати заутра и вечере пред иконою Владычня образа или пред крестом Христовыхъ страстей во умилении, со слезами

О, Владыко-человѣколюбче, Святаа Троице, Отец и Сынъ и Святый Духъ! Благодарю тя, Свѣтодавца, за твое великое милосердие и длъготръпѣние! Аще бы, Господи, не твоя благость покрыла мене, грѣшника, по вся дни и нощи и по вся часы, то азъ же, окаянный, погиблъ бых, аки прах пред лицем вѣтру,[33] за свое окаанство, и лѣность, и слабость, и за вся скверная и неподобнаа блуды, и чрезестесственаа безакониа, ибо не престаю на всяк час пред тобою зло творя, не пребуду бо часа того, еже грѣха не сотворити ми. Аще бо когда въсхотѣх приити ко отцу духовному на покаание, и тогда отца своего лица устыдѣхся, грѣхы утаих, а иныя забых, и не могох исповѣдати срама ради и множества ради грѣхов моих, — сего ради покаание мое нечисто есть и ложна рѣкох ся.

Но ты, милостивый Отче, свѣдый тайнаа сердца моего, молю ти ся, Господи Боже, Спасе мой: ты сам ныне, сам, прости мя и разрѣши грѣшнаго и недостойнаго раба своего, священноинока Еуфимиа, ибо сам ся связах лютыми грѣхы и нѣкому разрѣшити мене, грѣшнаго, развѣ тебе, Господа Бога моего, Исуса Христа. Се бо в беззаконии зачатъ есмь, и в грѣсех роди мя мати моя,[34] согрѣших, Человѣколюбче, от родства моего и до сего часа всѣми чювствы моими пред тобою, Свѣтодавцем, и пред Пречистою Материю, и предо всѣми святыми. Нѣсть бо таковаго грѣшника на земли сей и нѣсть того грѣха, егоже азъ, окаанный, не сътворил, а и послѣднему нѣсть числа; ни в мертвых, ни в живых мене окааннѣ и грѣшнеѣ нѣсть; ни в Содомѣ, ни в Гоморѣ не бысть такова грѣшника,[35] якоже азъ согрѣших. Съгрѣших съ безсловесными скоты, всѣми составы моими съгрѣших, оскверная душу мою и тѣло! И бых началникъ всякому злу: лѣнив на добраа дѣла, трезвъ же на сквернаа дѣла. И нѣсть конца ни краа моим безчисленым грѣхом, имиже оплакан бых от аггелъ, имиже поношение и смѣх бых врагом, ихже ради осужен бых различным и безконечным мукам.

Но ты, милостивый Господи-вседръжителю, невидимый Отче, приими нынѣ грѣшное мое покаание и помилуй мя, грѣшнаго священноинока Еуфимиа, ты бо вѣси, благоутробнѣ, мое окаянство, мое безаконие, мои безчислении грѣси. Не достоин бо есмь человѣколюбиа твоего, Господи,

достоин есмь безконечней муцѣ за моя окаяннаа дѣла и безчисленыа грѣхи. Но воля твоа да будет — помилуй мя туне!

Государю-человѣколюбче, Святаа Троице, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ! Не отрини мене, блудника, прелюбодѣя, содомлянина, скотоблудца, сребролюбца, святокрадца, сластолюбца, крадоядца, крадопийцу, татя, клеветника, ропотника злобнаго, лъживаго зазирателя, осудителя, чревоядцу обястливаго, тщеславнаго празнословца, небрежливаго, лѣниваго, неисправленаго в молитвѣ церковнѣй и в келейной, заклинателя, запрещеннаго въ опитемъях,[36] исполненаго всякого злодѣаниа и помышлениа, клятвопреступника, во лжу кленущагося, зломысленика в блудных и хулных помышлениих на тебе, Государя-свѣтодавца, и на Пречистую Владычицу Богородицю, и на всѣх святых твоих. И вся сиа злаа дѣла моя в небрежении полагах и никакоже о них покаятися въсхотѣх, но день от дне беззаконие къ безаконию прилагах.

Но, о, Владыко-человѣколюбче, во всѣх сих каю ти ся, помилуй мя и прости мя, неключимаго и непотребнаго раба твоего Ефимиа! О, милостивый Боже, отпусти вся грѣхы моя, елико ти согрѣших душею, и тѣлом, и помышлением, словом и дѣлом, вѣдаа и не вѣдаа, волею и неволею — вся ми прости преже разлучениа души от тѣла моего.

Посли ми, Господи, в помощь святаго аггела-хранителя, да мя утѣшит и наставит на путь истинный, и да сохранит ми душу и тѣло, да соблюдет мя в дни и в нощи и на всяк час, и до послѣдняго издыханиа моего. Посли ми, Господи, вся святыа твоа избранныа, да ми покажут путь спасеный, по немуже сами ходиша. Осѣни ми, Господи, душу и тѣло Духом твоим Пресвятым, тоже мя разлучи от тѣла моего, и в час разлучениа моего спаси мя, и приими с миром душю мою, и причти ю ко избранному стаду овец твоих, и сподоби мя одесную тебе стати в Страшный День он пред страшным престолом твоим неосуждену молитвами Пречистые твоеа Матере, Владычица нашеа Богородица, Приснодевы Мариа, силою Честнаго и Животворящаго Креста и святых небесных сил безплотных Михаила и Гавриила,[37] и прочих безплотных сил, и святого пророка и предтечи, крестителя твоего Иоанна,[38] и святых верховных апостолъ Петра и Павла, и обоюнадесяти, и святого собора 70 апостолъ,[39] и святых всѣх святителей: Василиа Великаго, Григориа Богослова, Иоана Златоустаго, и святого великаго чюдотворца Николы,[40] и святых вселенских 7 соборов, и святых отець 318, иже в Никеи,[41] и святых преподобных отець наших: Антониа Великаго, Савы Освященаго, великого Еуфимиа, Феодосиа Иерусалимскаго,[42] и всѣх преподобных отець, иже в пустынях и в горах, яко свѣтила, просиавших, и иже преже бывших, и нынѣ, послѣже, в Росийской земли просиавших, и Владыце Христу угодивших добродѣтелми непорочнаго их житиа, и землю нашу Русскую просвѣтивших, иже и по смерти, яко светила, сияют, и нас просвѣщают, и всѣх православных озаряют чюдесы, и знамении, и святыми своими молитвами, и богоугодным житием, и труды, и поты, и въздыханием, и слезами; многиа обители и святыа церкви в славу и похвалу Вседержителю Богу создаша, и Пречистѣй его Матери, и всѣм святым, иже и тѣлеса нетлѣнна их сохранени быша и до нынѣшняго дни на увѣрение непорочнаго их житиа, иже церкви и храмы их нерушими и

нетлѣнны пребывают, яко столпи непоколебимии; и ограды их, и монастыри, святаа мѣста их, яко второе солнце, сияют, и всѣх просвѣщают, и наслаждаютъ духовнѣ, убо душа спасают, тѣлесне же плоти нашеа неможение питают и утѣшают.

Именитых глаголю: Петра, Алексея, Леонтиа, Сергиа-чюдотворца, Варлама, Кирила, Пафнотиа[43] и ученика его, приснаго отца нашего, чюдотворца, глаголю, Иосифа, создателя святыа обители сеа, иже послѣжде всѣх явися и святыми молитвами его посреди прежебывших великых отець присный ученик и наслѣдникъ быв вышняа обители и земных благъ наслаждающаго обилно, — и неименитых, ихже имена в книгах животных,[44] и слава, и похвала, и веселие, и радость неизглаголаннаа, яже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку перстну не взыде,[45] иже Человѣколюбец Богъ уготова всѣмъ любящим его от всеа душа, прежнимъ и послѣдним, — съ аггелы ликование, съ арханггелы воспѣвание, с нимиже престолу Владычню предстоят и непрестанно молят милосердие его о человѣческом родѣ.

Якоже пишет в Житии святого преподобнаго отца нашего великаго Ануфриа пустынножителя,[46] яко завѣща святому Пафнотию память творити и кадило принести посреди братии и въ всѣх христианѣх: «Аще кто просфиру во имя мое на память принесет Господеви Богу моему, на всяком мѣсте причтет его Господь въ 1 час тысяща лѣт,[47] — се бо есть прошение мое, еже испросих у Того, — и иже препитает брата нища во имя мое, помяну его, да сподобит его Господь в 1 час 1000 лѣт приити». Азъ же отвѣщах и рѣх к нему: «Аще убо нищь есть кто, не могый принести ничтоже или препитати брата в память твою, таковый в 1 час 1000 лѣт не придет ли?» И той рече ми: «Аще мало фимиана во имя мое в воню благоюханиа Господеви принесет, — подобъныа сподобляются благодати и радости». Дерзнув же азъ, се рѣх ему: «Аще в пустыни кто ходя, якоже ты, не обрящет фимиана принести в память твою, не приидет ли в первый час 1000 лѣт? Паче же, отче, да доидет памятства достоинньства твоего, егоже бо просиши у Бога, дастъ ти ся, и не лишит тя прошениа твоего за нелѣностное твое служение, егоже ради на 60 лѣт сотвори в пустыни сей, Господа ради, терпя». Он же, отвѣщавъ, рече ми: «Аще кто нищъ есть, в пустыни живый, и не может приношениа сотворити, или кадило и елей влиати, или фимиана вложити, вставъ же таковый и да глаголеть: „Отче нашь, иже еси на небеси” и прочаа до „Аминя", и по имени моему Господеви принесет, и аз въспомяну его къ Господу, и помолюся сподобити его в первый час тысяща лѣт со всѣми праведными мзду приати».

И иже в святых преподобнаго отца нашего Феодосиа Печерскаго,[48] свѣтилника всеа Русии, иже обѣщавшагося за нас слово отдати на Страшнем твоем Судѣ, на немже, Господи, и мене, грѣшника, неосуждена сохрани и в мирѣ управи живот мой молитвами Пречистыа ти Матере и всѣх святых, иже отвѣка тебѣ благоугодивших. Тѣмже еще молю ти ся, Господи, Исусе Христе, преже да же не приидет ко мнѣ смертное посѣчение, очисти мя преже и спаси мя! Аще б и всю жизнь мою пожих в свѣте семъ, пребываа въ злых дѣлех, но скончание живота моего добро и мирно подаж ми, Господи, и наведи мя на путь истинный,

имъже дойду свѣтлаго дне и насыщуся райскиа пища и радости святых всѣх, иже отвѣка тебѣ благоугодивших. Аминь.

<ИСПОВЕДЬ>

Посем прочти рукописание грѣхов моих, яже в свитцѣ писано, исповѣдание Господу Богу, и Пречистей его Матери, и всѣм святым его, и тебѣ, господине отче, яже от юности моеа и до старости, яже в мирѣ и по отречении мира, вся безмѣрнаа, многаа, скверная,злаа,чрезестественаа, безчисленаа моя безакониа, вѣдомаа и невѣдомаа, яже, помня, написах и яже, не помню, умолчях, — Богу единому сие предах, Праведному Судии и Создателю нашему, иже истинно сердца и помышлениа наша испытающему.[49] И, прочет сиа, раздери, мене же, многогрѣшнаго, разрѣши, и благослови, и прости, и отпусти всяко слово, и отлучение, и клятву, и проклятие, и всяк соузъ грѣховный.

Посем же и сие, Бога ради, проговори, малое покаание мое, егоже по вся дни обѣщахся глаголати изустъ пред образом Божиим, или пред крестом Христовым, или Пречистыа его Матере в дни и в нощи; еже, аще коли и глаголах, но не от всего сердца и несокрушено, не со слезами; и в том солгах, окаанный, слабый и лѣнивый, понеже не по вся дни сие исправлях и сие заложих малое свое келейное морокование, сиирѣчь правило[50] и молитвы, яже предал ми отець мой духовный, старец Феодосий, архиепископъ бывший Великого Нова града и Пскова.[51] И сие, мню, неприатно от Бога, понеже от нечистых устъ и скверного языка, от мерзъскаго сердца, от оскверненыа моеа душа възсылаема и нечистыми помыслы всегда смущаема.

Конец же, — сие еще мало въспомяну души своей, — сице: «Въстани, окааннаа душе моа! Въстани, убогаа! Въстани, смиренаа! Въстани! Что спиши? Въстани, побди, дондеже время ти есть! Въстани, окаяннаа, преже смерти малодушие отжени, слабость отложи, исповѣждь Господу Богу, яже согрѣшила еси, отнелиже родися. Вздохни, и прослези, бьюще в перьси, разсточи, яже имаши и можеши, усердно, и даж, душе, обѣты ктому не согрѣшати. Смерть настоит безвременна, якоже тать, и дни не вѣси, и часа не знаеши, да тя не постигнет неготову, окаяннаа! Прости согрѣшившему и прогнѣвавшему тя, остави, елика ти согрѣши, помилуй искреняго! Къ Богородици припади, молящися, яко дрързновение имущи много къ Владыце, глаголюще сице: „О Пресвятаа Госпоже Дево, Владычице Богородице, молися Сыну своему и Богу нашему, да избавит мя вѣчныа мукы, и буди ми помощница и заступница в нынѣшнем и в будущем вѣце”». И всѣх святых непрестанно моли, яко да ти Христа милостива сотворят.

Тогда, аще приидет смерть, душе, не устрашися. «Смерть бо праведником покой бывает»,[52] — якоже рече ко июдѣом Христос. «Аминь, аминь глаголю вам: вѣруяй в мя и творяй словеса моя не узритъ смерти, смертию бо къ жизни преидет оной, присносущей, не имущей конца»,[53] — якоже самаа истина, Христос, реклъ есть. Се, душе моа, рѣх тебѣ хотящаа быти и добраа, и злаа; вся воспомянух ти

нынѣшняго вѣка, отчасти и будущаго, такоже о спасении своем попецыся и вины не предлагай.

Исповѣдь по вся дни вкратцѣ

Исповѣдаюся Богу, и Пречистей его Матери, и всѣм святым его, и тебѣ, господине отче, вся согрѣшениа моа и вся злаа моя дѣла, яже помыслих, яже глаголахъ, яже волею моею сотворих или неволею, яже помню и яже не помню.

1. Согрѣших от чрева матери моея, преступих вся заповѣди, писанныа нам в святых книгах, и оскверних святое крещение, и паки иноческий святый образ оскверних и обѣщаниа иноческаго не сохраних.

2. Согрѣших в наведении бесовских помыслъ, скверных и нечистых, на Господа Бога моего, и на Пречистую его Матере, и на вся святыа, отнюд не мощно сказати, ни исписати.

3. Согрѣших небрежением церьковнаго собора и божественаго пѣниа Святыхъ Писаний; и отца своего духовнаго заповѣди не сохраних и преслушах, и свое правило заложих слабостию и лѣностию.

4. Согрѣших разжением скверные похоти и различными истицании во снѣ и наявѣ, любодѣанием в мыслех скверных, и нечистых, и неявленных.

5. Согрѣших в церкви в мыслех нечистых, и в смѣянии до слезъ, и в празнословии, и очима възирах личнаго взора мыслию блудною.

6. Согрѣших осужением, оклеветанием, оболганиемъотецьдуховных, и всякого священническаго чина, и всей, еже о Христѣ, братии, и всякого человѣка.

7. Согрѣших злопомнѣниемъ и лъганием всякым, завистию, гнѣвом, яростию, злобою, гордостию, величанием и богомерскыми словесы.

8. Согрѣших тщеславием, славолюбием, чревобѣсием, обиядением, пьянством, волхвованием и наузы и всякого бесовскаго неистовства.

9. Согрѣших роптанием, братаненавидѣниемъ, запрѣнием чюждаго имѣниа и всяким крадениемъ монастырьских вещей.

10. Согрѣших душею моею и тѣлом, слухом и видом, языком и гортанем и всѣми чювствы моими, всѣм созданием.

А всѣм сим грѣхом моим не могу представити ни времени, лиц, ни числа, ни мѣста, ни дни, ни часа. А всем сим грѣхом моимъ опитемьи не исправих. И нѣсть того грѣха, егоже не сотворих, но о всѣх каюся Господу Богу моему, сътворшему мя, и тебѣ, господине отче. И ты, господине отче, Господа ради, прости мя, и благослови, и помолися о мнѣ, грѣшнем, и разрѣши всяко слово, и отлучение, и клятву, и проклятие, и всяк союзъ грѣховный.

Вы же вси, о, отцы и братие мои о Христѣ Исусе и духовнаа чада, по духу или будут сродницы по плоти, елицы прочтете грубыа моя стихы, плачитеся, плачитеся, ей, съ мною рыдайте! Се бо знамение есть совершенныа любви, еже радоватися с радующимися и плакати съ плачющими.[54] В воздыхании горком и в слезах многых молю всѣх вас и ног ваших касаюся: о мнѣ, грѣшнем и смиренем, помолитеся, Христовы ради любве, и глаголите сице: «Прости, Господи, прости и помилуй, Христе Боже, душу грѣшнаго инока Ефимиа, исплетша гране сие», яко да не попалит мя когда огнь геонский, понеже Создателя моего прогнѣвах беззаконьми моими и безмѣрными дѣлы, студными и скверными.

Яко инок, иноческым одѣянъ есмь образом, яко мирянин же, любя вся, яже в мирѣ сем: славу, и богатьство, и ослабу, и сласти, и красование, — и есмь безпокааненъ, смерти не боюся от нечювствиа моего и невниманиа, не трепещу великого таинства смертнаго, да некако напрасно приидет смерть, и неготова обрящет мя, и отослет мя долѣ во адову утробу. Но убо, Господи, Господи, яко благъ сый естеством, не хотяй нашеа смерти, щедре, но обращениа и живота, и покааниа паче всѣх ожидаа, яко Богъ, на всякъ день въздыхание ми даруй мытаря оного и блудницы слезы и Петра апостола,[55] яко да омыю съвръшеннѣ скверну душа моеа.[56] Ты бо сам реклъ еси, Владыко Христе: не требовати врачство здравым, но болящим.[57] Тѣмъже болящу ми въ мнозѣхъ гресѣх сице многу милость возлей, Христе, яко да аз благодарьствую твое человѣколюбие, прославляю тя и въспѣваю яко Бога моего и Создателя, и славлю имя твое страшное, великое, и чюдное, и славное, и святое въ всем нынѣ и присно и въ Аминь.

[1] ...обители Пречистые Богородица, честного и славного ея Успениа... — Монастырь Успения Богородицы был основан в 1479 г. недалеко от Волоколамска Иосифом Волоцким. В XV—XVI вв. монастырь играл ведущую роль в политической, церковной и культурной жизни Руси, был оплотом борьбы с «нестяжателями» и еретиками, являлся крупным центром книгописного и литературного дела. Среди постриженников монастыря были видные церковные иерархи, писатели и книжники XVI в.: митрополит Даниил, казанский архиепископ Гурий Руготин, Досифей Топорков, Нифонт Кормилицын и др. О волоколамском Успенском монастыре и его основателе см. Волоколамский патерик Досифея Топоркова (наст. изд., т. 9, с. 20—69).

[2] ...на еретикы новогородцкиа... — Речь идет о московско-новгородской ереси, возникшей в 1470—1471 гг., широко распространившейся в среде духовенства и мирян, проникнувшей и в великокняжескую среду. Иосиф Волоцкий называл основателем этого движения «жидовина Схарию», приехавшего в Новгород из Литвы, а всех еретиков «жидовствующими», считая их последователями иудаизма. Русскими идеологами этого еретического движения были священники Денис и Алексей, отрицавшие церковную иерархию и

обряды, высказывавшие иконоборческие идеи, подвергавшие критике догмат о Троице. Еретики выражали сомнение в существовании загробной жизни и отвергали главную функцию монахов как молитвенников за умерших. В произведениях дьяка Федора Курицына, возглавлявшего московский кружок еретиков, проводилась мысль о свободе воли («самовластии души»). Московско-новгородские еретики поддерживали великого князя в борьбе против феодальной раздробленности, выступали за ограничение церковного и монастырского землевладения. Борьбу против еретиков возглавили новгородский архиепископ Геннадий и Иосиф Волоцкий, сумевшие убедить великого князя в опасности распространения еретических идей в народе, добиться осуждения еретиков на церковных соборах.

[3] ...посреди всего вселенскаго собора... злословную их ересь обличившаго... — На церковном соборе 1490 г. еретики были преданы проклятию. Иосиф Волоцкий отстаивал наиболее радикальный способ борьбы с еретиками, выступая за их физическое уничтожение как вероотступников. На церковном соборе 1504 г. ему удалось добиться решения, по которому предводители еретического движения были казнены, а остальные еретики заключены в монастыри.

[4] ...великую книгу на посрамление еретический злобы написавшаго... — Речь идет о Книге на новгородских еретиков, позднее получившей название «Просветителя», краткую редакцию которой Иосиф Волоцкий создал не ранее 1502 г. Эта книга послужила своеобразным обвинительным актом против еретиков на церковном соборе 1504 г. Составление пространной редакции этого сочинения относится к 1510—1511 гг., когда Иосиф Волоцкий включает в «Просветитель» ряд статей, направленных против «нестяжателей». Отдельные разделы Книги на новгородских еретиков были посвящены защите идей троичности Бога и божественной сути Христа, а также защите иконопочитания, института монашества, веры во второе пришествие Христа и Страшный Суд.

[5] ...духовную свою грамоту и наказание подлинно и пространно написа... — Имеется в виду созданный Иосифом Волоцким Устав, регламентировавший внутреннюю жизнь в волоколамском Успенском монастыре. Краткая редакция этого памятника относится к концу XV в., пространная — к началу 10-х гг. XVI в. В Уставе Иосифа Волоцкого излагаются основные положения монастырской реформы, суть которой сводится к введению общежительства, соблюдению монахами принципа личного нестяжания, обязанности трудиться и соблюдать строгую дисциплину.

[6] ...отца нашего и чюдотворца Иосифа... — Иосиф Волоцкий (1439—1515), в миру Иван Санин, церковный деятель и писатель, основатель иосифлянской школы монашества. Происходил из семьи богатого вотчинника, предки которого были выходцами из Литвы. Принял постриг в монастыре Пафнутия Боровского и стал его любимым учеником. В 1479 г. основал волоколамский монастырь Успения Богородицы, позднее получивший его имя. На церковном соборе 1503 г. Иосиф и его сторонники добились отклонения проекта ликвидации монастырского землевладения, выдвинутого «нестяжателями» и поддержанного Иваном III, на соборе 1504 г. — расправы над еретиками. В 1507 г. Иосиф Волоцкий порвал с удельно-княжеской оппозицией и перевел свой монастырь под патронат великого московского князя, защищал идею божественного происхождения великокняжеской власти. Местное почитание Иосифа Волоцкого как святого началось с 1579 г., общецерковное — с 1591 г. (Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого и Послание его княгине Голениной см.: наст. изд., т. 9, с. 184—215).

[7] ...великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии. — Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), великий князь (с 1533 г.), царь (с 1547 г.), провел реформы управления и суда; при нем начался созыв Земских соборов, составлен Судебник 1550 г., для укрепления самодержавия в 1565 г. введена опричнина. Покорил Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, вел Ливонскую войну (1558—1583), начал присоединение Сибири (1581). Был одним из талантливых публицистов XVI в. (см. наст, изд., т. 11: Переписка с князем Андреем Курбским, послания и гимнографическое творчество Ивана Грозного). Покровительствовал Иосифо-Волоколамскому монастырю, один из монахов которого — Кассиан Босой, был его крестным отцом (см. Житие Кассиана Босого в наст, томе, стр. 418—427). О частых визитах Ивана IV в монастырь и богатых вкладах свидетельствуют данные летописей, приходно-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря, а также Обиходник Евфи-мия Туркова, где описан распорядок пребывания царя в монастыре.

[8] ...старца, Тихона глаголема... — Тихон Хворостинин, в миру князь Тимофей Иванович Хворостинин, в 1559 г. был соборным старцем Иосифо-Волоколамского монастыря. Около 1572 г. был переведен на игуменство в Угрешский монастырь, однако вскоре вернулся обратно и с весны 1572 г. по начало 1574 г. игуменствовал в Иосифо-Волоколамском монастыре. Тихон Хворостинин присутствовал на соборе 1572 г., созванном в Москве по поводу желания Ивана IV вступить в четвертый брак, и подписался под разрешительной грамотой, данной царю. С июля 1575 г. был архиепископом Казанским и Свияжским. Скончался 11 июня 1576 г.

[9] Царю же и государю самому въ обитель пришедшу... — Касаясь поездок Ивана IV в Иосифо-Волоколамский монастырь, М. Н. Тихомиров писал: «Грозный посещал Волоцкую обитель по два раза в год, тем более что монастырь лежал на дороге из Москвы в Старицу, где царь пытался основать свое постоянное местопребывание» (Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 122). В данном случае, видимо, речь идет о посещении монастыря Иваном IV в 1574— 1575 гг.

[10] ...святѣйшему митрополиту Антонию всеа Русии... — Полоцкий архиепископ Антоний был избран митрополитом в мае 1572 г. При нем по приказу царя Ивана Грозного собирались два собора (1573 и 1580), на которых были существенно ограничены имущественные права Церкви. Митрополит Антоний скончался в начале 1581 г.

[11] ...благоверных царевичах Иване Ивановичи и Феодоре Ивановиче... — Иван Иванович (1554—1581) — старший сын Ивана IV Грозного, участник Ливонской войны и опричнины. Убит отцом во время ссоры, чему посвящена картина И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Иван Иванович был автором ряда произведений, посвященных Антонию Сийскому (см.: Похвальное слово Антонию Сийскому и русским святым царевича Иоанна Иоанновича в наст. томе, с. 668—677). Федор Иванович (1557—1598) — сын Ивана Грозного и Анастасии Романовой, последний русский царь из династии Рюриковичей (с 1584 г.).

[12] ...повергох в землю и сокрых сребро Господа и Царя моего. — Имеется в виду евангельская притча о талантах (денежная единица у древних евреев): «добрые и верные рабы», получив от господина серебро, приумножили богатство, употребив таланты в дело, а «лукавый и ленивый раб» зарыл деньги в землю и не получил прибыли, за что был наказан. Ср.: Мф. 25, 14—30; Лк. 19, 11—27.

[13] ...старость жатву мою преклоншуся... жателя моего тщащася, серпъ показующа, секиру носяща и отсечение повѣдающа. — Ср.: Апок. 14, 15.

[14] Зрю татя приближающася и от житиа возхитити мя тщащася. — Ср.: 1 Сол. 5, 2; Апок. 3, 3; 16, 15.

[15] Сиа вся на память приводя... «Гдѣ друзи.. и прах быша?» — Ср.: Устав Нила Сорского, слово 7-е «О памяти смертной и Страшном суде»

(Боровкова-Майкова М. С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912. С. 64—65. Далее ссылки на это издание с указанием страниц).

[16] И помянух п ѣ снописцев... — Далее следует цитата из Иоанна Дамаскина, которую приводит в своем Уставе и Нил Сорский.

[17] «Каа житейскаа пища пребывает печали непричастна... Дым есть житие се, пара, персть, прах и пепел... и пути убо есть хужши». — Ср.: Пс. 38, 6; 101, 4; Иаков 4, 14. См. также: Чин погребения и Устав Нила Сорского (с. 65).

[18] ...рече Златоустъ... — Иоанн Златоуст (347—407) — архиепископ Константинопольский, выдающийся проповедник, богослов и писатель. Сравнение верующего с путником из сочинения Иоанна Златоуста использовал Нил Сорский в седьмом слове Устава (с. 65—66), часть этого фрагмента приводится в Духовной грамоте Евфимия Туркова.

[19] «Всуе бо мятемся вси, земнороднии...» — Ср.: Пс. 38, 7.

[20] Аще и весь миръ приобрящем, но въ гроб вселимся, ничтоже от мира сего вземше... никоегоже житейского наслаждении. — Ср.: Мф. 16, 26; Мр. 8, 36. См. также: Чин погребения и Устав Нила Сорского (с. 66).

[21] Се бо зрим во гробѣх... Гдѣ красота и наслажение? — Ср.: Чин погребения, а также Устав Нила Сорского (с. 66).

[22] Яко сѣньмимо иде... тако разрушается всяко естество человѣческое. — Ср.: Пс. 67,3; 101, 4; 108, 23; 143, 4. См. также: Чин погребения и Устав Нила Сорского (с. 66).

[23] ...и удивися о сих... якоже есть писано. — Ср.: Устав Нила Сорского (с. 66—67).

[24] Никакоже доволен есмь что от себя умыслити... — Ср.: 2 Кор. 3, 5.

[25] Андрей Критский — святой, церковный проповедник и писатель, живший в VII—VIII вв. и бывший архиепископом о. Крит. Среди его многочисленных церковных песнопений особой популярностью пользуется «Великий покаянный канон», содержащий около 250 тропарей (стихов).

[26] Герман Цареградский — святой, патриарх Константинопольский (715—730). Известен как проповедник и автор церковных песнопений. Ему принадлежат толкование на Литургию, сочинение против еретиков-иконоборцев, а также богословский трактат «О пределе жизни», где главной является проблема жизни и смерти человека.

[27] ...иже древле источивши водам источники от несѣкомаго камени, иже горкиа воды усладив! — Во время исхода евреев из Египта, когда они в пустыне страдали от жажды, Бог помог Моисею напоить народ. Ударив жезлом в скалу, где указал Господь, Моисей высек из нее воду (Исх. 17, 1—7); по слову Господа, бросив в горькую воду дерево, сделал ее сладкой (Исх. 15,22—25). Ср.: Пс. 77, 16; 104, 41.

[28] Ефрем Сирин — великий церковный проповедник, живший в IV в., удивлявший своих современников, например Василия Великого, ученостью: он хорошо знал не только христианскую литературу, но и «эллинскую мудрость», и мифологию. Еще при жизни его сочинения были переведены на греческий язык и читались в церкви после Священного Писания. Среди большого литературного наследия Ефрема Сирина выделяются произведения аскетического характера, толкования библейских книг, церковные песнопения, молитвы, в частности покаянная молитва «Господи и Владыко живота моего», читаемая во время Великого поста.

[29] Симеон Новый Богослов — известный богослов-проповедник, родом из Галаты, получивший воспитание при дворе византийских императоров Василия и Константина. В 20 лет постригся в монахи в Студийском монастыре; позднее перешел в монастырь Святого Мамонта, где вскоре стал священником и игуменом. Вызвал недовольство иерархов Церкви и был вынужден удалиться из Константинополя. Основал свой монастырь, где, прожив 13 лет, скончался (в 1032 г.). Составлял каноны, похвальные слова, был иконописцем. Самые известные сочинения Симеона — «Главы

деятельные богословские», «Слово о вере», «Слово о трех образах молитвы».

[30] ...прейти смертнаа врата... — Ср.: Иов 38, 17; Пс. 9, 14; 67, 21; 106, 18 и др.

[31] ...и сподоби мя одесную тебе стати... — По христианскому вероучению, справа от Господа в Судный день будут стоять праведники, удостоенные вечной жизни. Ср.: Пс. 15, 8. В Уставе Нила Сорского приводится фрагмент из Евангелия от Матфея (25, 31—46) о том, как на Страшном Суде Господь разделяет пришедших к нему на праведников и грешников, «якоже пастырь разлучаетъ овца отъ козлищъ и поставляетъ овца одесную себе, а козлища ошуюя... И идутъ сии в муку вѣчную, праведници же в животъ вѣчный» (с. 67—68).

[32] Вѣм благоутробие твое... «Да приидет на мя милость твои... Судии праведный». — Ср.: Устав Нила Сорского (с. 69—71). Еп. Иустин (Полянский) в издании Устава Нила Сорского (Сергиев Посад, 1991) отмечает, что «молитва эта составлена преподобным Нилом из молитв великомученика Евстратия и преподобной матери Макрины» (с. 58). Рядом с этим фрагментом Духовной грамоты на полях сборника Евфимия Туркова есть пометы, одну из которых можно прочитать как «Евстратия» (л. 86 об.).

[33] ...аки прах пред лицем вѣтру... — Пс. 34, 5; ср.: Пс. 1, 4.

[34] ...в беззаконии зачатъ есмь, и в грѣсехроди мямати моя... — Пс. 50,7.

[35] ...ни в Содомѣ, ни в Гоморѣ не бысть такова грѣшника... — Содом (что значит «горящий») и Гоморра (что означает «погружение», «потопление») — города в долине Сиддим, в устье р. Иордана. Их жители, хананеи, за грехи были наказаны Богом: города были сожжены павшим с неба огнем и серным дождем, поглощены бездной земли. Содом и Гоморра стали символом крайнего падения нравов и суровой небесной кары за это. См. Быт. 19, 24—25.

[36] ...запрещеннаго въ опитемъях... — Епитимия — одно из церковных наказаний, первоначально состоявшее в публичном покаянии согрешившего, которому в зависимости от тяжести проступка могло быть даже запрещено посещать церковь, участвовать в общих молитвах, таинствах, причащаться и приносить дары вместе с другими верующими. Часто епитимия заменяется постом, молитвами, поклонами, милостыней. После выполнения наложенной епитимий кающийся получает прощение.

[37] ...святых небесных сил безплотных Михаила и Гавриила... — Речь идет об архангелах Михаиле — вожде небесного воинства в борьбе с темными силами ада (см.: Апок. 12, 7—9) и Гаврииле — одном из семи главных ангелов, который возносит молитвы людей к Богу, возвестил Захарии о рождении Иоанна и Деве Марии — о рождении Иисуса Христа (см.: Лк. 1, 11 —19, 26—33).

[38] ...и святого пророка и предтечи, крестителя твоего Иоанна... — Иоанн Креститель (Предтеча) — сын священника Захарии и Елизаветы, ближайший предшественник и предвестник Христа. Он обличал пороки и призывал к покаянию, предсказывая скорое пришествие Мессии. Иоанн крестил в Иордане Иисуса Христа. За обличение правителя Галилеи Ирода Антипы, вступившего в незаконную связь с Иродиадой, был заключен в темницу, а затем казнен.

[39] ...святых верховных апостолъ Петра и Павла, и обоюнадесяти, и святого собора 70 апостолъ... — В христианской Церкви апостолами называют 70 учеников Христа, но особо Церковь чтит память двенадцати ближайших учеников Иисуса, которые были свидетелями его жизни и чудес, проповедовали его учение: Симона (Петра), его брата Андрея, Иакова Зеведеева и его брата Иоанна, Иакова Алфеева и его брата Иуды (Леввея или Фаддея), Филиппа, Варфоломея, Матфея-мытаря, Фомы, Симона Зилота, Матфея, избранного вместо Иуды Искариота после предательства им Христа. Позднее назначение и звание «апостола язычников» получил от Иисуса Христа Павел, бывший до чудесного явления ему Бога среди гонителей христиан.

[40] ...и святых всѣх святителей: Василиа Великаго, Григорий Богослова, Иоана Злато-устаго, и святого великаго чюдотворца Николы... — Василий Великий (329—378/379) — архиепископ Кесарийский, известный христианский теолог и писатель. Григорий Богослов (Назианзин) (328/329—389/390) — сподвижник Василия Великого, один из «вселенских учителей» Восточной церкви. Николай — архиепископ Мирликийский, святой, живший в первой половине IV в. и прославившийся чудотворением при жизни и после смерти. По

преданию, обладал властью над водной стихией, приходил на помощь пленникам и заключенным. Культ этого святого был широко распространен на Руси.

[41] ...и святых вселенских 7 соборов, и святых отець 318, иже в Никеи... — Вселенский собор — собрание учителей и иерархов Церкви «со всей вселенной», где представлены все поместные автокефальные церкви, для решения важных общецерковных вопросов, утверждения истин вероучения установления правил. В Православной церкви вселенскими соборами признаются следующие: Никейский I (325 г.), Константинопольский I (381 г.), Эфесский (431 г.), Халкидонский (451 г.), Константинопольский II (553 г.), Константинопольский III (680—691 гг.), Никейский II (783— 787 гг.). Никейские соборы — церковные соборы, проходившие в г. Никее в Малой Азии, самый знаменитый из которых, где присутствовало 318 епископов, был посвящен борьбе с арианством (325 г.).

[42] ...Антониа Великаго, Савы Освященаго, великого Еуфимиа, Феодосии Иерусалимскаго... — Антоний Великий — христианский подвижник III—IV вв., основатель и идеолог отшельнической монашеской жизни. Прославился аскетическими подвигами, живя в гробнице, в пещере на берегу Нила, общаясь с приходящими к нему через узкое отверстие в стене. Житие Антония Великого, созданное около 365 г. знаменитым греческим писателем Афанасием Александрийским, — один из ранних переводных памятников агиографии, известный на Руси с XI в. Отрывки из Жития Антония Великого входят в состав сборников Евфимия Туркова (см., например, РГБ, Волок, собр., № 512). Савва Освященный (ум. в 531/532 г.) — ученик Евфимия Великого, основавший недалеко от Иерусалима монастырь, позднее названный его именем и ставший крупным центром христианской культуры на Востоке. Житие Саввы Освященного, написанное византийским агиографом Кириллом Скифопольским в VI в., стало известно на Руси не позднее второй половины XI в.: оно послужило Нестору источником для создания Жития Феодосия Печерского. Евфимий Великий — палестинский подвижник IV—V вв., святой. В юности, приняв священство, управлял монастырями Мелитины. Любя уединение и безмолвие, удалился в пустыню близ Иерусалима, где потом возникла знаменитая Евфимиева лавра. Последнее место его аскетических подвигов — пустыня Зиф близ Мертвого моря. Жизнь Евфимия стала образцом поведения для монахов. Феодосии Великий — христианский подвижник V—VI вв., идеолог и основоположник монашеского общежития, создал монастырь, позднее получивший его имя, в пещере, где, по преданию, провели ночь евангельские волхвы, возвращаясь из Вифлеема.

[43] Именитых глаголю: Петра, Алексея, Леонтиа, Сергиа-чюдотворца, Варлама, Кири-ла, Пафнотиа... — Петр (ум. в 1326 г.) — первый митрополит Московский. В 1325 г. официально перенес митрополичью резиденцию из Владимира в Москву и сделал Москву духовным центром Руси. Канонизация Петра как общерусского святого, поборника идеи возвышения Москвы относится к 1339 г. Алексей (Алексий) (ок. 1293—1378) — митрополит всея Руси (с 1354 г.), поддерживал московских князей в их борьбе с Ордой и Тверью. Общецерковное празднование памяти Алексея было установлено митрополитом Ионою в 1448 г. Алексей, подобно Петру, почитался как заступник всей Русской земли, и в первую очередь Москвы. Леонтий — епископ Ростовский (с сер. 70-х гг. XI в.), до этого был монахом Киево-Печерского монастыря. Сумел обратить в христианство язычников Ростовской земли. Сергий Радонежский (ок. 1321/1322—1391 /1392) — создатель и игумен подмосковного Троицкого монастыря (Троице-Сергиевой лавры). Принимал активное участие в междукняжеской борьбе второй половины XIV в. на стороне Москвы, поддерживал князя Дмитрия Донского в его противостоянии Орде, благословил русскую рать на Куликовскую битву. Канонизация Сергия относится к 1448—1449 гг. Кирилл Белозерский — основатель и игумен Кирилло-Белозерского монастыря, канонизирован не позднее 1447—1448 гг. Варлаам Хутынский (ум. в 1192/1193 г.) — новгородец, в миру носил имя Алекса Михалевич, незадолго до смерти основал недалеко от Новгорода на берегу Волхова Хутынский монастырь. Местное почитание Варлаама восходит к XIII в., а в XV в. оно становится общерусским. Пафнутий Боровский (1394—1477) — игумен основанного им в 1444 г. недалеко от Боровска монастыря Рождества Богородицы, который являлся одним из самых авторитетных монастырей на Руси в XV—XVI вв. Монастырю покровительствовал великий князь Иван III; пострижениками Пафнутия были Иосиф Волоцкий и его брат Вассиан, позднее ставший архиепископом Ростовским. Пафнутий Боровский был канонизирован как общерусский святой на церковном соборе 1547 г.

[44] ...в книгах животных... — В «книги жизни» заносились поступки праведников. См. Пс. 68, 29; Лк. 10, 20; Фил. 4, 3; Апок. 20, 12—15.

[45] ...яже око не видь, и ухо не слыша, и на сердце человеку перстну не взыде... — Ср.: Вт. 29, 4; Пс. 113, 13—14; 134, 16—17; Ис. 6, 10; Мф. 13, 15; Рим. 11, 8.

[46] ...в Житии святого преподобного отца нашего великаго Ануфриа пустынножителя... — Онуфрий — святой Православной церкви, шестьдесят лет подвизался в Фиваидской пустыне, скончался около 400 г. О житии Онуфрия рассказал его ученик Пафнутий, которому святой завещал: «Аще изыдеши во Египет, брате Пафнотие, проповѣждь поминь мой (...) посреди братии и во всѣх христианех». Евфимий Турков

приводит пространную выдержку из Жития Онуфрия Пустынника. Ср. с текстом Жития: РГБ, ф. 310, № 260, л. 11 — 11 об. (XVI в.).

[47] ...причтет его Господь въ 1 час тясяща лѣт... — В средние века существовало учение о том, что Бог перед концом света будет царствовать на земле тысячу лет (хилиазм). Вместе с ним на земле будут править, по свидетельству Апокалипсиса, праведники, которых Господь воскресит из мертвых (см. Апок. 20, 4—6). В этом учении проявилась народная вера в «царство небесное» на земле, в пределах человеческой истории.

[48] И иже в святых преподобного отца нашего Феодосии Печерскаго... — Феодосии — церковный деятель и писатель Древней Руси, один из основателей Киево-Печерского монастыря, игуменом которого был с 1062 по 1074 г. Житие Феодосия Печерского, его поучения и молитву см. в наст, изд., т. 1, стр. 352—455. Летописные статьи о Феодосии, а также Житие и похвала святому позднее вошли в состав Киево-Печерского патерика (см. наст. изд., т. 4, стр. 296—489).

[49] ...сердца и помышлениа наша испытающему. — Ср.: Апок. 2, 23.

[50] Правило — устав, свод правил, а также положенные ежедневные молитвы или молитвы перед исповедью и причастием.

[51] ...отець мой духовный, старец Феодосии, архиепископъ бывший Великого Нова града и Пскова. — Феодосии (1491—1563) — архиепископ Новгородский. Постриженик Иосифо-Волоколамского монастыря, он в 1531 г. по распоряжению великого князя Василия III был назначен игуменом новгородского Хутынского монастыря, входил в число кандидатов на митрополичий престол, был преемником митрополита Макария на архиепископской кафедре в Новгороде (с 1542 г.), участвовал в заседаниях Стоглавого собора, благословил Ивана Грозного на войну с Казанью. Свою жизнь Феодосии закончил в Иосифо-Волоколамском монастыре, где перед смертью принял схиму под именем Феофила. Феодосии известен как автор 20 посланий и грамот, как книгописец. Основной корпус сочинений Феодосия дошел в составе сборников его ученика — Евфимия Туркова, которому принадлежит и создание записки о последних днях жизни учителя (60-е гг. XVI в.).

[52] «Смерть бо праведником покой бывает»... — Ср.: Апок. 14, 13; Евр. 4, 10.

[53] «Аминь, аминь глаголю вам: вѣруяй в мя... къ жизни прейдет оной, присносущей, не имущей конца»... — Ср.: Ин. 5, 24; 6, 47.

[54] ... еже радоватися с радующимися и плакати съ плачющими. — Рим. 12,15.

[55] ...въздыхание... мытаря оного и блудницы слезы и Петра апостола... — В евангельской притче о мытаре и фарисее рассказывается, как мытарь (сборщик податей и пошлин в Римской империи, считавшийся у евреев грешником и не допускавшийся в храм для общих молитв и богослужений), покаявшись в своих грехах, был вознесен Богом, а гордящийся своими добродетелями фарисей — унижен (Лк. 18, 9—14). В Евангелии от Луки (7, 36—50) рассказывается также, что грешница в доме фарисея, омыв слезами ноги Христа, получила прощение. Апостол Петр горько плакал, когда сбылось предсказание Христа: прежде чем петух пропел, он трижды отрекся от Учителя, — и своим раскаянием искупил грех (Мф. 26,33—35,69—75). В Уставе Нила Сорского есть подобное сравнение: «...яко Петру ми дай покаяние, яко мытарю воздыхание, яко блудници слезы» (с. 61).

[56] ...да омыю съвръшеннѣ скверну душа моеа. — Ср.: 2 Кор. 7, 1.

[57] ... не требовати врачество здравым, но болящим. — Мф. 9, 12; Мр. 2, 17; Лк. 5, 31.

ПЕРЕВОД

КРАТКАЯ ДУХОВНАЯ ГРАМОТА И ИСПОВЕДЬ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, нераздельного и трисоставного Божества, единого, существующего извечно Бога-Отца, и единого Сына, изначально рожденного от Отца и после того, ради нас, людей, и нашего ради спасения воплотившегося от Святого Духа и от Приснодевы Марии, чистой и пренепорочной, которую он по праву назвал Богородицей и своей матерью, и единого Святого Духа, животворящего Господа, от Отца исходящего, со Отцом и Сыном все сотворившего и содержащего, кому поклоняются и кого прославляют и восхваляют ангелы, и люди, и все существа, предвиденного пророками и глаголавшего и действующего со Отцом и с Сыном, — в каждой

<ипостаси> все искони и вечно нераздельно: вместе единство в Троице и Троица в единстве. В эту Святую, Единосущную, и Животворящую, и Неразделимую Троицу верую, и ее исповедую, и ей поклоняюсь, и славлю ее душою и сердцем, и помыслом и речью, и духом и устами.

Я, многогрешный, и недостойный, и нечестивый, окаянный раб владыки моего Христа, прогневавший Создателя моего многими моими злыми делами, и словами, и помышлениями, непотребный и негодный среди людей, и первый среди грешников и последний среди монахов, и среди братии самый худший и немощный, малоумный и малодушный, скверный, иереем бывший по благодати великого Бога и Спаса нашего, да еще и, будучи недостойным, дерзнувший принять такую великую степень священства и власти, как пастырство и игуменство в великой и славной обители Пречистой Богородицы, честного и славного ее Успения, возникшей в результате трудов преподобного и чудного угодника Божия, великого поборника, что одержал важную победу над новгородскими еретиками, и разъяснил перед всем вселенским собором православную Христову веру, а злославную их ересь обличил, что возвестил истинно второе Христово пришествие, и произнес пророческие и апостольские речи и самого владыки Христа истинные евангельские слова, и написал благодатью Святого Духа великую книгу на посрамление еретической злобы, что был для учеников своих образцом добродетели, что написал достоверно и пространно свою заповедь об иноческом благочинии и об устройстве монастыря — обо всем подробно духовным своим детям свою духовную грамоту и наставление, что соблюдается и доныне в созданной им лавре молитвами его, отца нашего и чудотворца Иосифа.

Таков я, одержимый страстями, грешный Евфимий, плохой, немощный душой и телом; не знаю я, как и какими, одному Богу ведомыми, неизреченными его судьбами и неизъяснимым промыслом <а не просто так, как случилось>, возведен я был на такую высоту власти. Но только долгое время многими преждебывшими отцами и братьями много раз принуждался я начальствовать. И я, знающий множество моих беззаконий и видящий свою немощь, и слабость, и леность, особенно же ярость и греховные дурные привычки, много раз отказывался, как поистине недостойный даже подумать, чтобы быть ходатаем за спасение душ, размышляющий и сознающий тяжесть сана и бремени, которое трудно нести не только мне, малодушному, но и великим и чудным отцам и светильникам вселенной.

И снова отцы и братия сей обители долгое время понуждали меня принять начальство и сообщили обо мне самодержцу, государю и царю, благочестивому и христолюбивому великому князю всея Руси Ивану Васильевичу. И он, прозорливый и богомудрый царь, начал мне кротко советовать и призывать мою худость взять власть в великой сей обители и мудрыми и тихими словами увещевал меня. Я же со слезами молил о том богомудрого царя, чтобы оставил он меня оплакивать множество моих грехов и внимать единой своей душе, и сообщил царю о своей немощи, духовной и телесной. И царь снизошел к моему смирению и явил милосердие, разрешил мне поступать по своей воле и избрал такого достойного пастыря Христова словесного стада, как духовный и

искусный в божественной и человеческой мудрости старец, по имени Тихон, наделенный даром слова и очень мудрый, что был после архиепископом великого и новопросвещенного, богоспасаемого города Казани и других городов первопрестольник.

В скором времени Божьими судьбами, о которых сам Он один ведает, — как я уже прежде говорил, — игумена Тихона возвели на высокий архиерейский престол <он был поставлен архиепископом Казанским и Свияжским>, а меня, грешника, снова начали отцы и братия обители сей понуждать к принятию игуменства и много этим досаждали мне. Я же снова об этом молил <их> много и со слезами отказывался. Опять уговаривали царя, сказывая ему, чтобы принудил меня царской властью и силой принять начальство. И царь-государь сам в монастырь приехал и мне, недостойному, много об этом премудрыми своими царскими словами, божественными и человеческими, говорил, призывая не ослушаться царского его повеления. Более же всего, скажу, суда Божия я убоялся и послушал богомудрых царских его слов, повиновался воле Божьей и царскому приказу, говоря: «Воля Божия да будет!»

Благоверный же, и христолюбивый, и богомудрый царь и государь, великий князь Иван Васильевич, всей Руси самодержец, послал царскую свою грамоту в царствующий город Москву к отцу своему и богомольцу, святейшему митрополиту всея Руси Антонию, повелел меня, недостойного грешника, хиротонисать, поставить священником и игуменом и назвать своим богомольцем в доме Пречистой Богородицы, в монастыре преподобного чудотворца Иосифа. И преосвященный митрополит всея Руси Антоний по царскому повелению и по грамоте государя вскоре поставляет мое ничтожество в великий чин священства, и настоятелем монастыря делает, и пастырем и учителем называет словесного стада Христова, и вручает мне, тому, кто не справился со своей окаянной единородной душой, не научил ее и не наставил на путь заповедей Христовых, пастырский жезл. И потом святейший преосвященный митрополит Антоний, вселенский учитель, благословляет и отпускает меня, грешника, в обитель Пречистой Богородицы и преподобного старца, чудного чудотворца Иосифа, и дает мне поучение и наставление от божественных правил святых апостолов и святых отцов, <грамоту> о святой хиротонии, и завещает мне во всем также поступать и учить постижению себя и всего стада, не только о своей душе заботиться, но и многих <людей> души направлять и наставлять на путь покаяния, к пристанищу спасения, и молить Всемилостивого Бога, и Пречистую его Матерь, и великих чудотворцев, и всех святых о благочестивом и богохранимом царе, великом князе всея Руси Иване Васильевиче, и дарованных ему Богом благородных чадах, благоверных царевичах Иване Ивановиче и Федоре Ивановиче, и об их благоверных княгинях, и о всех благоверных и христолюбивых князьях русских, и о христолюбивом воинстве, и о всем священническом, святительском и иноческом чине, и о всем православном христианстве, и о благостоянии святых Божьих церквей, и о единении всех, о мире и тишине всего мира, и о здравии и спасении. И так святитель наставил меня, и достаточно поучил, и завещал <это> моей худости и окаянству, и отпустил меня, по слову Божию, с миром.

Я же, многогрешный, и ленивый, и негодный, немощный, и слабый раб владыки Христа и Бога моего, сподобившийся принять от Христа моего такую благодать, получив такой великий талант от Господа моего, не сотворил по воле его ни единой малости в слове, ни единой черты, но, идя, закопал в землю и сокрыл серебро Господа и Царя моего. Боюсь я, и трепещу душой и телом, и сердцем смущаюсь, и умом ужасаюсь, и мыслью колеблюсь и волнуюсь, и, что сотворить, не знаю.

Вижу я, что смертный час душе моей приходит, время кончается и конец приближается, старость клонит урожай лет моих и к жатве меня понуждает; <вижу> жнеца моего трудящегося, серп показывающего, секиру носящего и гибель предсказывающего. Вижу я вора, приближающегося и из жизни восхитить меня пытающегося. Вижу себя не раскаявшимся и каждый день на худшее устремляющимся. Вижу движение жизни <моей> к тому свету и долгий путь, по которому никогда не ходил, а спутников себе не имею. Вижу я своего заимодавца, приближающегося <ко мне>, а себя обнищавшего. Вижу я отведенное мне время подходящим к концу, а себя в отчаяние ввергнутого. Вижу я Словоположника, список грехов моих разворачивающего и зубами на меня скрежещущего. Вижу я многих обидчиков и ни одного сочувствующего, и смущаюсь очень душой и сердцем, и устрашаюсь, и волнуюсь, ободряюсь и падаю духом, и не знаю, что сделать и что подумать. Год ли жизни еще я испрошу, но боюсь, что еще больше грехов сотворю и <снова> неготовый пойду. Как же я потом смогу видеть праведного и нелицемерного Судию, если в самом конце скорбей, уготованных мне, не перестает смущать меня лукавый, не перестают враги бороться со мной, не перестает смущать меня собственной моей плоти брань, и внушенные дьяволом мысли никак не умолкнут во мне?

Это все пришло мне на память, окаянному, и я раздумывал: «Где друзья и знакомые наши? И что поимели от того некоторые из них, если были в чести и славе, и властительствовали в этом суетном и вводящем в грех мире, и имели богатство, и дорогую пищу, и разнообразное и сладкое питие? Не исчезло ли все это и не превратилось ли в смрад и прах?» Вспомнил я песнотворцев, говорящих об этом: «Какое житейское наслаждение остается непричастным печали? Или какая слава существует на земле вечно? Все это тени слабее, и все сна обманчивее, в один час все это смерть примет. Воистину, все суета и прах, что есть в сей жизни, чего бы мы не имели. После смерти не перейдет туда с нами богатство сей жизни, также не снизойдет и слава века сего, ибо придет смерть и все это погубит. И осмыслив так кратковременную свою жизнь, что беспокоитесь напрасно, погружаясь в житейские заботы? Ведь путь краток, которым мы идем. Дым эта жизнь, пар, пыль, прах и пепел, едва является и вскоре погибает, и из путей этот есть худший».

Как говорил Златоуст: «Не знаем мы, вечером ли этим или утром уйдем из сей жизни, и не в силах, если захотим, еще побыть здесь, но, хотим мы или не хотим, уходим внезапно из этой жизни». Воистину, страшно таинство смерти, когда душа с трудом от тела отделяется, от естественного союза, от соединения и от сочетания по Божьей воле отлучается. И что сотворю я, окаянный, не рыдавший, не плакавший

раньше горького того часа смертного? Тогда, поняв, узнаем мы, сколь много страждет душа, разлучаясь с телом. Увы мне, сколь много она тогда скорбит, и никого нет, кто бы помиловал ее! К ангелам очи она возводит, безуспешно молится и к людям руки простирает, но не имеет никакого помощника, только совершенные с Богом добрые дела.

Поэтому, понимая кратковременность нашей жизни, пора тебе очиститься от грехов, о душа моя, и все отвергнуть, и позаботиться о смертном часе, не предаваясь суете сего мира и бесполезным заботам. «Всуе мятемся мы все, земнородные», — как говорит Писание. Даже если и мир весь получим во владение, все равно окажемся во гробе, ничего из мира сего не взявши: ни золота, ни серебра, ни красоты, ни славы, ни власти, ни чести, никакого житейского наслаждения.

Плачу я и рыдаю, когда помышляю о смерти. Это видим мы в гробах: сотворенную <Богом> нашу красоту — обезображенную и обесславленную, не имеющую ни вида, ни величия, одни лишь кости обнаженные, — и говорим себе: «Кто ж это: царь или князь, богатый или нищий, известный или безвестный? Где красота и наслаждение? Где <будут> тогда имение, и накопления, и богатство? Где родные и братья? Где родители и друзья? Никто из них не может помочь нам! Где яства, бывшие на трапезах, и где искусство готовящих снедь, где сладость и разнообразие пития? Где радость преходящая жития сего суетного? Как тень мимо идет, как дым расходится, как прах от ветра рассыпается, — так разрушается всякое естество человеческое».

Востань, окаянная моя душа! Что ты спишь? Востань и бодрствуй, покуда есть у тебя время! Востань, убогая и смиренная душа, прежде смерти и ужаснись о тех, кто говорит себе: «О чудо, что это за тайное в нас?! Каким образом оказались мы тленными? Как стали мертвыми?» Воистину, Божиим повелением, как и писано. Вздохни и прослезись, ударяя в перси себя в отчаянии, малодушие отбрось, слабость отвергни, поведай, в чем согрешила ты, душа, с тех пор как родился ты и вошел в разум: вольные и невольные, тайные и явные — все свои многие и бесчисленные прегрешения, в чем согрешила ты, окаянная, днем и ночью, словом, и делом, и помыслом; и усердно раздай, что имеешь и можешь, и обещай больше не грешить. Ибо уже, как вор, смерть приближается, и дня не ведаешь ты, и часа не знаешь, пусть не застигнет тебя неготовым, окаянная. Прости согрешившему и прогневавшему тебя, и прости ему все прегрешения, и помилуй ближнего. К Богородице припади с мольбою, как к имеющей великое дерзновение <молить> Владыку, и святых всех не переставай молить, чтобы те Христа умилостивили.

И опять, что я ныне сотворю, как стану молиться и откуда положу начало? Только от Божественного Писания. Совсем не подобает мне что-либо от себя домыслить, но довольствоваться следует нам нашим богатством — вдохновенным Богом Писанием, которое святые создали.

Из Андрея Критского: «Откуда начать мне оплакивать страстной жизни моей дела? Какое начало положить нынешнему плачу? Но ты, Боже милосердный, дай мне слезы умиления, чтобы плакать тебе, всех

Творцу и Создателю нашему Богу, и исповедать, сколько согрешил я окаянною душою моею и скверною плотью, чтобы, с твоею помощью став духовно крепче, отречься от прежнего неразумия и принести тебе слезное покаяние».

Из Германа Цареградского: «Боже мой, Творец всего мира, Создатель мой, изведший древле потоки вод из скалы, усладивший горькие воды! Даруй источники слез зеницам очей моих, голову мою наполни водами чистительными и сотвори очи мои облаками, вечно слезы точащими!»

Из Ефрема Сирина: «Даруй же мне, Владыка, недостойному, всегда слезы на просвещение сердца моего, чтобы, просветившись сердцем, я источил источники слез сладких в молитве чистой, чтобы стерся великий список моих грехов малыми слезами и чтобы этим слабым плачем загасило там огнь палящий!»

Из Симеона Нового Богослова: «Господь и Создатель всех, сам подай мне руку помощи, и очисти скверну души моей, и ниспошли мне слезы покаяния, слезы любви, слезы спасения, слезы, очищающие мрак ума моего и просветляющие меня свыше, чтобы иметь желание видеть тебя, света мира, света моих очей окаянных».

То, что сердце <мое> преисполнено злом жизни, и многими пороками, и завистью, за что я, сотворивший это, заслуживаю изгнания, неужели больше, скажешь, моих благодеяний, за которые вместо злого дай мне благое, Христос мой, вечное, обильное и божественное, что уготовано всегда к тебе стремящимся и ревностно любящим тебя.

Но о, Троица Неделимая! О, единство неслиянное! О, свет трисоставный! О, Отец и Сын и Дух! О, начало безначальное, и власти вершина! О, свет неизреченный! О, имеющий множество названий, ибо тотчас действуешь во всем! О, единая слава, власть, и могущество, и царство! О, свет как единство и воли, и разума, свет всемогущий, прости и помилуй меня, скорбящего! Ибо как мне не жаловаться, как не скорбеть, такую твою благодать и милость твою такую обидев и опечалив, неразумному и окаянному, неохотно следовавшему путем заповедей твоих! Но ныне будь милосердным, ныне помилуй меня и теплоту сердца моего разожги, мой Боже, которую угасила слабость окаянной плоти моей, и сон, и чревоугодие, и пьянство, что угасили пламень всей души моей и иссушили слезный источник, берущий начало от чудного действия, растопляющего камни и горы от одного страха перед лицом твоим, о, Христос мой и Бог мой! Не могу умолчать я о твоих чудесах, не могу не рассказать о твоей воле, о том, что ты сотворил со мной, скверным и блудным, о человеколюбивом и неистощимом твоем богатстве.

Воссияй по-прежнему во мне, о, всего Царь, поселись во мне и просвети смиренную мою душу, яви Божество свое лицу моему и невидимо весь мне явись, о, Боже мой! Ей, даруй мне это, Владыка! Ей, одари меня этим! Ибо если и ныне ты просвещаешь, и тайно учишь, и защищаешь, и хранишь меня державной рукой, и бесов отгоняешь и уничтожаешь, и все подчиняешь мне, и все даруешь мне, и наполняешь всем добрым, о,

Боже мой, то никакой не будет мне пользы от этого, если ты не дашь мне без стыда пройти врата смерти, чтобы, придя, князь тьмы не нашел чего-либо <греховного> на мне, но, увидев славу твою, сущую со мной, посрамлен был бы ото всех, ослепленный и опаленный неприступным твоим светом, и все бы силы бесовские с ним устыдились, увидев знак твоей печати. Я же спасусь, на помощь твою божественную надеясь.

Знаю я милосердие твое, Человеколюбец, потому припадаю к тебе и молюсь твоей благости: «Да снизойдет на меня милость твоя, Владыка, ибо волнуется душа моя и болит об отхождении своем от окаянного моего тела: что если воинство лукавого супостата встретит ее и удержит ее во тьме за тайные и явные, в жизни этой содеянные мной грехи?

Будь милостив ко мне, о, Владыка, да не увидит душа моя темного обличья лукавых бесов, но да приимут ее светлые ангелы твои. Имеющий власть отпускать грехи, отпусти мне, чтобы обрел я покой, и пусть не останется пред тобою грех мой, что из-за немощи плоти моей совершил я словом, и делом, и помыслом, вольно или невольно, осознанно или бессознательно, да предстану я пред тобою в бестелесном виде, не имея никакой скверны на образе души моей, да не схватит меня, грешника, темная рука князя мира сего, чтобы ввергнуть меня в бездну ада, но заступись за меня и будь мне спасителем и заступником!

Помилуй, Господи, осквернившуюся страстями жизни сей душу мою, и чистой ее прими через покаяние и исповедание грехов, и своей силой возведи меня на божественный твой суд. Когда начнешь ты расследовать наши прегрешения, что совершили мы словом, и делом, и помыслом, тогда, преблагой Владыка, не обличи мои тайные <грехи> и не опозорь меня перед ангелами и людьми, но пощади меня, Боже, и помилуй меня! Когда я думаю о Страшном твоем Суде, преблагой Царь, то страшусь Судного Дня, и боюсь, обличаемый своей совестью, и скорблю сильно о делах моих грешных, и не знаю, как буду ответ держать перед тобою, бессмертным Царем, так тебя горько прогневал, или как дерзну воззреть на тебя, великого и грозного Судию, я, скверный, и блудный, и порочный?

О, Христе, всем царь, даруй мне слезы теплые, да оплачу свою душу, которую жестоко погубил я! О, Господь славы, милосердный Отец, и Сын единородный, и Дух Святой, помилуй меня, и избавь меня от огня негасимого, и удостой меня справа от тебя стать, Судия праведный!»

Исповедь и покаяние, <которые следует> произносить рано утром и вечером перед иконою Владыки или перед распятием Христовым в умилении, со слезами

О, Владыка-человеколюбец, Святая Троица, Отец и Сын и Святой Дух! Благодарю тебя, Светодавца, за твое великое милосердие и долготерпение! Если бы, Господи, твоя доброта не защищала меня, грешника, денно и нощно и всечасно, то погиб бы я, окаянный, как прах под ветром, за свое окаянство, и леность, и слабость, и за все скверные

и непристойные грехи, и сверхъестественные беззакония, ибо не перестаю я всякий час пред тобою зло творить, не пребуду ни единого часа, чтобы не совершить греха. Даже когда пожелал я прийти к отцу духовному на покаяние, и тогда, устыдившись перед лицом отца своего, утаил грехи, а иные забыл, и не мог исповедаться из-за стыда и из-за множества своих прегрешений, — поэтому покаяние мое нечисто и ложно сказанное мною о себе.

Но ты, милостивый Отец, знаешь тайны сердца моего, молюсь я тебе, Господи Боже, Спаситель мой: ты сам ныне, сам, прости меня и разреши от грехов грешного и недостойного раба своего, священноинока Евфимия, ибо сам себя связал я страшными прегрешениями и некому освободить меня от них, грешного, кроме тебя, Господа Бога моего, Иисуса Христа. Ибо в беззаконии зачат я, и в грехах родила меня мать моя, согрешил я, Человеколюбец, от рождения моего и до сего часа <согрешаю> всеми чувствами моими пред тобою, Светодавцем, и пред Пречистой Богоматерью, и пред всеми святыми. Нет ведь такого грешника на этой земле и нет такого греха, которого я, окаянный, не совершил бы, и нет им конца; ни среди мертвых, ни среди живых нет меня окаяннее и греховнее; ни в Содоме, ни в Гоморре не было такого грешника, как я. Согрешал я с бессловесной скотиной, согрешал всеми моими членами, оскверняя душу мою и тело! И был я зачинателем всякого зла: ленив на добрые дела, скор же на скверные дела. И нет конца и края моим бесчисленным грехам, за что оплакан был я ангелами, за что оскорблен и осмеян был врагами, за что осужден был на разные и бесконечные муки.

Но ты, милостивый Господь-вседержитель, незримый Отец, прими ныне грешное мое покаяние и помилуй меня, грешного священноинока Евфимия, ты ведь знаешь, милосердный, мое окаянство, мое беззаконие, мои бесчисленные грехи. Не достоин я человеколюбия твоего, Господи, а достоин бесконечной муки за мои окаянные дела и бесчисленные грехи. Но воля твоя да будет — помилуй меня бескорыстно!

Государь-человеколюбец, Святая Троица, Отец и Сын и Святой Дух! Не отвергни меня, блудника, прелюбодея, содомлянина, скотоложца, сребролюбца, кравшего святыню, сластолюбца, тайно евшего, тайно пившего, вора, клеветника, злобного жалобщика, лживого завистника, хулителя, чревоугодника объедающегося, тщеславного празднословца, нерадивого, ленивого, неисправного в молитве церковной и келейной, заклинателя, запрещенного в епитимиях, переполненного всякими злыми делами и помыслами, клятвопреступника, клянущегося ложно, зло замышляющего в блудных и оскорбительных мыслях на тебя, Государя-светодавца, и на Пречистую Владычицу Богородицу, и на всех святых твоих. И все эти злые дела мои оставил я без внимания и никак о них покаяться не захотел, но день ото дня беззаконие к беззаконию прибавлял.

Но, о, Владыка-человеколюбец, во всех этих грехах каюсь я тебе, помилуй меня и прости меня, недостойного и непотребного раба твоего Евфимия! О, милостивый Боже, отпусти все грехи мои, все, в чем я

согрешил пред тобою душою, и телом, и помыслом, словом и делом, ведая и не ведая, вольно или невольно — все мне прости до разлучения души с телом моим.

Пошли мне, Господи, в помощь святого ангела-хранителя, пусть утешит он меня и наставит на путь истинный, и пусть сбережет мне душу и тело, и пусть охраняет меня денно и нощно и всечасно, до последнего моего вздоха. Пошли мне, Господи, всех святых твоих избранных, чтобы показали они мне путь спасения, которым и сами ходили. Осени мне, Господи, душу и тело Духом твоим Пресвятым, также разлучи меня с телом моим, и в час конца моего спаси меня, и прими с миром душу мою, и причисли ее к избранному стаду овец твоих, и удостой меня справа тебя стать в Судный День тот перед великим твоим престолом неосужденным ради молитв Пречистой твоей Матери, Владычицы нашей Богородицы, Приснодевы Марии, силою Честного и Животворящего Креста и святых небесных сил бесплотных Михаила и Гавриила, и прочих бесплотных сил, и святого пророка и предтечи, крестителя твоего Иоанна, и святых верховных апостолов Петра и Павла, и двенадцати, и святого собора 70 апостолов, и святых всех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, и святого великого чудотворца Николы, и святых вселенских семи соборов, и 318 святых отцов, что в Никее, и святых преподобных отцов наших: Антония Великого, Саввы Освященного, Евфимия Великого, Феодосия Иерусалимского, и всех преподобных отцов, которые в пустынях и горах, как светила, просияли, и которые прежде них были, и ныне, после них, в Российской земле просияли, и Владыке Христу угодили добродетелями непорочного их жития, и землю нашу Русскую просветили, которые и после смерти, как светила, сияют, и нас просвещают, и всех православных озаряют чудесами, и знамениями, и святыми своими молитвами, и богоугодным житием, и трудами, и потами, и воздыханием, и слезами; многие монастыри и святые церкви во славу и похвалу Вседержителю Богу создали они, и Пречистой его Матери, и всем святым, и доныне тела их нетленные сохранились как свидетельство непорочного их жития, церкви и храмы их нерушимы и нетленны пребывают, как столпы непоколебимые; и обители их, и монастыри — святые места их, как второе солнце, сияют, и всех просвещают, и наслаждают духовно, и душу спасают, а телесной плоти нашей немощь питают и утешают.

О знаменитых говорю я: о Петре, Алексее, Леонтии, Сергии-чудотворце, Варлааме, Кирилле, Пафнутии и ученике его, вечном отце нашем, чудотворце, говорю, Иосифе, основателе святой этой обители, который после всех явился и святыми молитвами своими среди преждебывших великих отцов был вечный ученик и наследник небесной обители и <Бога>, земными благами питающего обильно, — и о незнаменитых, чьи имена в книгах жизни и кому слава, и похвала, и веселие, и радость несказанная, которых око не видело, и ухо не слышало, и в сердце человеку смертному не приходило, что Человеколюбец Бог уготовил всем любящим его всей душой, первым и последним, — с ангелами ликование, с архангелами славословие, с теми, кто предстоит престолу Владыки и непрестанно молит милосердие его о роде человеческом.

Как пишется в Житии святого преподобного отца нашего великого Онуфрия пустынножителя, как завещал он святому Пафнутию поминовение совершать <об умерших> и кадило переносить среди братии и всех христиан: «Если кто просфору в память об имени моем принесет Господу Богу моему, везде причислит его Господь к праведникам в первый час своего тысячелетнего царства на земле, — ибо это есть просьба моя, что испросил я у Него, — и если кто накормит брата нищего <в память> об имени моем, я помяну его, чтобы сподобил его Господь в первый час тысячелетия спастись». Я же в ответ сказал ему: «А если кто нищ и не может принести ничего или накормить брата в память о тебе, то такой будет ли спасен в первый час тысячелетия?» И тот ответил мне: «Если хоть немного фимиама в память обо мне принесет он для благовоний Господу, то такие сподобятся благодати и радости». И, осмелившись, вот что сказал я ему: «Если кто, в пустыне живя, как ты, не отыщет фимиама, чтобы принести в память о тебе, разве не воскреснет он в первый час тысячелетнего царства Божия? Более того, отче, разве не удостоится он быть помянутым тобой, ибо чего ты просишь у Бога, дается тебе, и не лишит он тебя того, что ты просишь, за усердное твое служение, ради которого на 6О лет затворился ты в пустыне этой, Господа ради, претерпевая». И он в ответ сказал мне: «Если кто нищ, и живет в пустыне, и не может приношения совершить, или ладан и елей возлить, или фимиам возложить, пусть встанет такой и говорит: „Отче наш, иже еси на небеси” и прочее до „Аминя", и в память обо мне принесет <эту молитву> Господу, а я помяну его пред Богом, и помолюсь, чтобы он сподобил его в первый час тысячелетнего царства получить воздаяние со всеми праведными».

И как святого преподобного отца нашего Феодосия Печерского, светильника всей Руси, который обещал за нас слово замолвить на Страшном твоем Суде, там, Господи, и меня, грешника, неосужденным сохрани и в покое устрой жизнь мою ради молитв Пречистой твоей Матери и всех святых, что от века тебе угодили. Затем еще молюсь тебе, Господи, Иисусе Христе, прежде, пока не посекла меня смерть, очисти меня до этого и спаси меня! Даже если бы всю жизнь мою я прожил в этом мире, пребывая в злых делах, то и тогда конец жизни даруй мне добрый и тихий, Господи, и наставь меня на путь истинный, которым достигну я светлого дня и насыщусь райской пищи и радости святых всех, что от начала времен тебе угодили. Аминь.

<ИСПОВЕДЬ>

Потом прочти рукописание грехов моих, что в свитке записано, исповедание Господу Богу, и Пречистой его Матери, и всем святым его, и тебе, отец мой и господин, все от юности моей и до старости, все, что были в миру и после отречения от мирского, все неизмеримые, многие, скверные, злые, сверхъестественные, неисчислимые мои беззакония, известные и неизвестные, которые, вспомнив, я написал или о которых, забыв, умолчал, — все это Богу единому вручил я, Праведному Судье и Создателю нашему, истинно сердца и помыслы наши знающему. И, прочтя это, разорви, а меня, многогрешного, освободи от прегрешений, и благослови, и прости, и отпусти грехи: каждое слово, и отлучение, и осуждение, и проклятие, и всякий союз греховный.

А потом и это, Бога ради, произнеси, малое мое покаяние, которое ежедневно обещался я говорить вслух перед иконой Божьей, или перед крестом Христовым, или перед иконой Пречистой Богоматери днем и ночью; <то покаяние>, которое, если когда и говорил я, то не от всего сердца и не сокрушаясь, не со слезами; и в том согрешил я, окаянный, немощный и ленивый, что не каждый день исполнял обет и «заложил» сие малое свое келейное «морокование», сказать иначе, правила и молитвы, которые передал мне духовный отец мой, старец Феодосий, бывший архиепископ Великого Новгорода и Пскова. И они, думаю я, не приняты Богом, потому что от нечестивых уст и скверного языка, от мерзкого сердца, от испорченной моей души воссылались и нечистыми помыслами всегда смущались.

А конец, — это еще раз напомню я немного душе своей, — такой: «Восстань, окаянная душа моя! Восстань, убогая! Восстань, смиренная! Восстань! Что спишь? Восстань, бодрствуй, покуда есть у тебя время! Восстань, окаянная, прежде смерти отбрось малодушие, отвергни слабость, исповедай Господу Богу, в чем согрешила ты, с тех пор как я родился. Вздохни, и прослезись, ударяя в отчаянии себя в грудь, раздай с усердием, что имеешь и можешь, и дай обеты, душа, что впредь не будешь грешить. Смерть приближается внезапно, как вор, и дня не ведаешь, и часа не знаешь <ее прихода>, — пусть не застигнет тебя неготовой к ней, окаянная! Прости согрешившему и прогневавшему тебя, прости все прегрешения против тебя, помилуй ближнего! К Богородице припади с мольбою, как к имеющей великое дерзновение пред Владыкой, говоря так: „О Пресвятая Госпожа Дева, Владычица Богородица, помолись Сыну своему и Богу нашему, чтобы он избавил меня от вечной муки, и будь мне помощница и заступница в земной и загробной жизни"». И всех святых непрестанно моли ты, чтобы они Христа милостивым к тебе сделали.

Тогда, если придет смерть, душа, не страшись. «Смерть для праведников — покой», — как сказал евреям Христос. «Истинно, истинно говорю вам: верующий в меня и поступающий по словам моим не увидит смерти, ибо через смерть перейдет к жизни иной, вечной, не имеющей конца», — как сама истина, Христос, изрек. Это, душа моя, сказал я тебе о том, что будет доброго и плохого; все я припомнил тебе об этой жизни, отчасти и о будущей, так что о спасении своем побеспокойся и не оправдывайся.

Краткая ежедневная исповедь

Исповедую Богу, и Пречистой его Матери, и всем святым его, и тебе, отец мой и господин, все согрешения мои и все злые мои дела, что я думал, что говорил, что сотворил вольно или невольно, что я помню и что не помню.

1. Я был грешен от чрева матери моей, я нарушил все заповеди, записанные для нас в святых книгах, и осквернил святое крещение, а потом иноческий святой образ осквернил и обета иноческого не соблюдал.

2. Я согрешил в устремлении бесовских помыслов, скверных и нечистых, на Господа Бога моего, и на Пречистую его Матерь, и на всех святых, что нельзя никак ни рассказать, ни описать.

3. Согрешил я, пренебрегая обязанностью собираться в церкви и совершать пение Священного Писания; и отца своего духовного заповеди я не сохранил и нарушил, а свое правило «заложил» слабостью и леностью.

4. Я согрешил, разжигаем скверной похотью и различными извержениями ее во сне и наяву, одержим распутством в мыслях мерзких, и нечистых, и тайных.

5. Согрешил я в церкви, думая нечисто, смеясь до слез, и празднословя, и глазами созерцая внешность людей с мыслию блудной.

6. Я согрешил осуждением, оклеветанием, оболганием отцов духовных, и всего священнического чина, и всей во Христе братии, и всякого человека.

7. Согрешил я злопамятностью и всякой ложью, завистью, гневом, яростью, злобой, гордостью, надменностью и богопротивными речами.

8. Я согрешил тщеславием, славолюбием, чревобесием, объядением, пьянством, гаданием и верой в талисманы и всякое бесовское противозаконие.

9. Согрешил я роптанием, братоненавидением, присвоением чужого имущества и всякой кражей монастырских вещей.

10. Я согрешил душою моею и телом, слухом и зрением, языком и гортанью и всеми чувствами моими, всем существом.

А всем этим моим грехам не могу я указать ни времени, ни лиц, ни числа, ни места, ни дня, ни часа. И за все эти мои грехи я епитимии не понес. И нет такого греха, которого бы я не сотворил, но во всех каюсь я Господу Богу моему, создавшему меня, и тебе, отец мой и господин. И ты, отче, Господа ради, прости меня, и благослови, и помолись обо мне, грешном, и освободи от прегрешений: от каждого слова, и отлучения, и осуждения, и проклятия, и всяких оков греха.

А вы все, о, отцы и братья мои во Христе и духовные дети, родные по духу или сродники по плоти, все, кто прочтет грубые мои стихи, плачьтесь, плачьтесь, ей, со мною рыдайте! Это ведь свидетельство совершенной любви: радоваться с радующимися и плакать с плачущими. Горько вздыхая и обливаясь слезами, молю я всех вас и припадаю к ногам вашим: о мне, грешном и смиренном, помолитесь, Христовой ради любви, и скажите так: «Прости, Господи, прости и помилуй, Христе Боже, душу грешного инока Евфимия, сочинившего эти стихи», чтобы не опалил меня когда-нибудь огонь геенны, ибо прогневал я Создателя моего беззакониями и непомерными делами, стыдными и скверными.

Как инок, я в монашеское одет платье, но, как мирянин, люблю все мирское: славу, и богатство, и свободу, и удовольствия, и украшения, — и не каюсь, не боюсь смерти по своему неразумию и невниманию, не трепещу я перед великой тайной смерти, <перед тем>, что внезапно придет смерть, и неготовым к ней меня найдет, и отправит меня в глубь адовой утробы. Но ты, Господи, Господи, благой по своей природе, щедрый, не желающий нашей смерти, а исправления жизни и покаяния больше всего, как Бог, ожидающий, на всякий день даруй ты мне печаль мытаря того и слезы блудницы и Петра апостола, чтобы сполна омыл я скверну души моей. Ты же сам говорил, Владыка Христе, что здоровым не требуется врачевания, только больным. Также и на меня, болеющего многими грехами, такую же многую милость возлей, Христе, чтобы благодарил я твое человеколюбие, прославлял тебя и воспевал как Бога моего и Создателя, и славил имя твое страшное, великое, и чудное, и славное, и во всем святое ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие митрополита Филиппа

Подготовка текста, перевод и комментарии И. А. Лобаковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Личность митрополита Филиппа оставила яркий след в истории России. Уже его строительная деятельность в Соловецком монастыре свидетельствует о блестящих организаторских способностях и широте технических взглядов Филиппа и должна была сохранить его имя потомкам. Но едва ли не более значительна роль Филиппа в утверждении нравственных законов, нарушение которых не может быть оправдано ни обстоятельствами, ни страхом смерти, ни политической целесообразностью. Справедливо считая эпоху Ивана Грозного одной из самых кровавых, жестоких и безнравственных, мы не можем не видеть, что и тогда были люди, которые привносили в жизнь смысл, красоту и незыблемость нравственных начал: это и Ермолай-Еразм с его убеждением, что «все чюдотворения меньше есть любви», и архиепископ Герман Казанский, и епископ Иосиф Коломенский, открыто выступавшие против опричнины, пыток и казней. Наиболее яркой личностью в этом ряду является, бесспорно, митрополит Филипп.

Филипп (в миру — Федор Степанович Колычев) принадлежал к родовитому боярству: он вел свой род от Андрея Кобылы, к которому возводили свои родословные Романовы, Шереметевы, Епанчины, Боборыкины, Сухово-Кобылины, Неплюевы, Коновницыны. Мать Федора (по предположению М. Л. Боде-Колычева, издавшего в 1886 г. исследование «Боярский род Колычевых» под литерами Б. М. Л. Б. К.) была новгородкой: когда новгородцы молили Филиппа, направлявшегося в Москву, покровительствовать Новгороду, то просили его заступиться за «свое отечество». Хотя имя Филиппа упоминается во многих исторических источниках (Новгородские летописи, Соловецкий

летописец, грамоты), литературно-публицистических сочинениях авторов самой различной ориентации — от Андрея Курбского до опричников-иноземцев Таубе, Крузе и Штадена, но достоверных и точных данных не так уж много. Филипп родился 11 февраля 1507 г., в 1537-м — ушел из Москвы, в 1539-м принял постриг, в 1545-м стал игуменом Соловецкого монастыря, 20 июля 1566 г., подписав грамоту с условием «в опришнину и в царский домовный обиход не вступаться», стал митрополитом Московским и всея Руси; не в силах оставаться безмолвным свидетелем беспредельной жестокости царя в течение двух лет борется с ней, 4 ноября 1568 г. был свержен с митрополичьего престола по наветам царского духовника и целым «книгам» оговоров, которые были будто бы привезены из Соловецкой обители (однако конкретных обвинений против Филиппа не содержится ни в одном из известных современных Филиппу источников), сослан в Тверской Отроч монастырь в заточение и 23 декабря 1569 г. был там задушен Малютой Скуратовым. Известно, что в 1591 г. его мощи были перенесены в Соловецкий монастырь, где он почитался как святой с момента гибели.

Житие Филиппа, которое очень часто использовалось в качестве основного исторического источника сведений о нем, дошло до нас в значительном числе списков (их около 170). Однако все его редакции возводятся к трем основным: Тулуповской, Колычевской и Краткой. Во всех исторических исследованиях и сочинениях по истории Церкви рассказ о жизни Филиппа всегда велся по Тулуповской редакции, представленной более чем 150-ю списками. Вторая из пространных редакций — Колычевская — стала предметом специального исследования Г. Г. Латышевой. Исследовательница пришла к выводу, что именно эта редакция, дошедшая в единственном списке, сохранила текст, еще не расширенный монологами Филиппа, источником которых в Тулуповской стало сочинение византийского автора VI в. Агапита «Поучение благого царства». О Краткой редакции впервые упомянул И. Яхонтов. Отметив, что в пространных редакциях сильно «стремление к украшенному, витиеватому слогу и ощутимо влияние Житий Кирилла Белозерского, Александра Свирского, Александра Ошевенского», исследователь указал на существование Краткой редакции. Яхонтов подчеркнул, что ее составитель «нашел возможность выпустить не только пространное витиеватое предисловие, но и из самой биографии вычеркнул все типические места, разного рода амплификации и риторические фигуры, оставив единственно чисто исторические показания» (Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. 1881. С. 153). Хотя никто и никогда не приводил доказательств того, что Краткая редакция является сокращением пространных, это считалось очевидным, и почти 100 лет Краткая редакция никак не учитывалась при изучении Жития. Однако проведенное текстологическое исследование позволило прийти к выводу, что Краткая, Тулуповская и Колычевская редакции восходят к одному общему источнику. Текст этого источника наиболее близко к оригиналу передан Краткой, а составителем пространных расширен (см.: Лобакова И.А. «Житие митрополита Филиппа». 1. Соотношение

Краткой и Пространных редакций Жития // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 270—280).

Краткая редакция Жития отличается не только отсутствием общих мест, витиеватости и риторической выспренности. В Краткой в отличие от пространных нет стремления перенести большую часть вины с Ивана Грозного на его окружение. В Краткой редакции единственно он — главная сила творимого зла: и Малюта, и Грязной, и Басманов, и Пимен — лишь покорные исполнители его воли. Именно ему нравственно противостоит Филипп, причем противостоит без злобы и ненависти, борясь с самим Иваном за доброе в его душе. Осуждающий опричнину Филипп изображен как неизменный противник крови, ненависти, беззакония (этим объясняется смещение в тексте ряда дат, наличие элементов легендарных сюжетов и т. п.). Традиционный для житийной литературы конфликт царя-мучителя и святого в «Житии митрополита Филиппа» перенесен в область нравственно-политическую: именно отсутствие нравственного начала в политике и делает Ивана Грозного в изображении автора Жития царем-мучителем. Особое значение приобретает исторический «фон»: строительство в Соловецком монастыре помогает раскрыть созидательную силу Филиппа; трагически звучит тема Новгорода (мольбы к Филиппу о заступничестве на его пути в Москву — предательство новгородским архиепископом Филиппа — гибель Филиппа, отказавшегося благословить поход на Новгород Ивана IV, который завершился гибелью самого Новгорода как центра севернорусской культуры); тема мучения и гибели людей «разделенного царства» и др.

Создание Краткой редакции может быть отнесено ко времени между 1591 (временем перенесения на Соловки мощей митрополита Филиппа, о чем рассказано в Житии) и 1597 г. (датой перевода игумена Иакова, главного инициатора перенесения мощей Филиппа, из Соловецкого в Костромской Ипатьевский монастырь). То, что в Краткой редакции Жития не содержится описания чудес у гроба Филиппа, также поддерживает мысль о первичности этой редакции.

Для настоящего издания текст «Жития митрополита Филиппа» приводится по Краткой редакции (рукопись 3-й четверти XVII в., хранящаяся в РНБ, Соловецкое собр., № 191/191, л. 1—23 об.).

ОРИГИНАЛ

ЖИТИЕ ФИЛИППА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВЪСКАГО

Во время великаго князя Василья Ивановича,[1] в царствующем граде Москвѣ, — препосит нѣкий, имянемъ Стефанъ Калычевъ.[2] Сему же

Стефану родися благочестивъ отрокъ и нареченъ бысть Феодоръ.[3] И егда же достиже возраста, вданъ бысть в научение грамотѣ.

По нѣколице же времени преставися великий князь Василей Иванович во иноцѣхъ Варлаамъ.[4] По нем же приемлетъ отчее достояние сынъ его, Иванъ Васильевичь, скипетръ царствия. Отрокъ же Феодоръ любимъ бѣ сему Ивану Васильевичю.

Слышав же отрокъ Феодоръ о Соловетцкомъ монастыри в морскомъ отоцѣ во странѣ сѣверной — о обители преподобных отецъ Зосимы и Саватѣя,[5] и отиде от царствующаго града Москвы,[6] и прииде до великаго Новаграда, на езеро Онѣго, и достиже нѣкоей веси, глаголемой Кижа.[7] И прилѣпися единому от жителей веси тоя, поноже не имѣяше ничтоже с собою, токмо нужная одѣяния, яже ношаше, и нача овцы паствити.

Потом же и обитель Соловецкую достиже,[8] и бѣ же во обители тружаяся годищное время и полъ: дрова секий, и землю копая, и камение нося, и всяку работу монастырскую работаше. Посем же постризается во иноческий образ, и вместо Феодора нареченъ бысть Филиппъ. И пребысть во иноческих подвизѣх девять лѣтъ.

Тоя же обители игуменъ Алексий[9] в то время уже престарѣя, поручает же сему Филиппу власть свою. Такожде и вси братия возлюбиша его и избраша. И идоша с нимъ в великий Новъградъ ко архиепископу Феодосию.[10] И тамо поставленъ бысть игуменомъ от архиепископа Феодосия, и отпущенъ вскорѣ во обитель.

Святый же Филиппъ печашеся о обители. И совѣтовавъ з братиею, и воздвиже церковь Пресвятѣй Богородицы честнаго Успения,[11] и в том же храмѣ прегради престолъ Иоанна Предтечи,[12] там же присовокупивъ и трапезу, 12 сажень внутри имущи.

И горы великия прекопа, и удолия избразди, и воду текущи от езера въ езеро сотвори и подъ монастырь во езеро приведе.[13] Толчи же и молоти к покою братцкому сотвори, и полаты благостройны содѣла.

Призывает же на помощь святыхъ отецъ Зосиму и Саватѣя, и восхотѣ создати церковь величайшу Преображения Господа нашего Исуса Христа плинфеную,[14] идѣже видѣ преподобный лучю пресвѣтлу сияющу.[15] Святый же Филиппъ якоже восхотѣ, тако и сотвори. Присовокупи же тут церковь преподобных отецъ Зосимы и Саватѣя, и архистратига Михаила, на иной же странѣ иныхъ четырех на высоте сградивъ: церковь 12 апостолъ,[16] и церковь 70 апостолъ,[17] и церковь преподобнаго Иоанна Лѣствичника,[18] и церковь святого великомученика Феодора Стратилата.[19] И украси святыми иконами, и освященными сосуды, и книгами, и всякимъ церковным украшениемъ.[20] В той же церкви от сѣверныя страны и гроб себѣ ископа (ту бѣ и мощи его положены, егда от заточения принесены).

В царствующемъ же градѣ Москвѣ Макарию-митрополиту[21] ко Господу отшедшу, и по его благословению Афонасия нѣкоего[22]

возведоша на престолъ великия митрополия царствующаго града Москвы. Той же Афонасий едино лѣто бысть на митрополии и остави самъ митрополичество.

Царь же Иванъ Васильевичь всеа Русии, слышавъ о житии святаго Филиппа, и написа послание на Соловки ко святому Филиппу-игумену, повелѣ ему быти вскорѣ в царствующий градъ Москву духовных ради исправления. Оному же приемшу писание и братии прочетшу, братия же о семъ зѣло оскорбишася.

Святый же вскорѣ пути касается. И поиде, и егда же достиже Великого Новаграда за три поприща, людие же Великаго Новаграда, слышавше пришествие святаго Филиппа и изыдоша на стрѣтение его, и стрѣтивше святаго с честию, и молящеся ему, яко да ихъ заступаетъ предъ царемъ и печалуется о них, убо же слуху належащу, яко царь гнѣвъ держитъ на градъ той.

Ивскорѣ поиде святый к царствующему граду. Егда же доиде царствующаго града Москвы, и повелѣ царь стрѣтить святаго с великою честию. Святый же на трапезе царьской быв, и дары великими царь почте святаго. Таже царь сказуетъ святому Филиппу от Божественнаго Писания и глаголетъ сице: «Церковь руския митрополии вдовствуетъ, и наставника не обрѣтаемъ. И нынѣ по нашему совѣту и всего Священнаго собора та благодать да будетъ тобою дѣйствуема». Святый же слышавъ сия, и исполни очи свои слез, глаголя: «Дѣло паче моея силы! О благий царю, отпусти мя, Господа ради!» Царь же и вси боляре належаще о том превеликомъ дѣле на святаго и премогоша его.

И повелѣ царь писание послати по градомъ: да соберутся архиепископи и епископи в царствующий град Москву на поставление святаго митрополитомъ.

Святый же поучивъ царя и царьския его дети от Божественнаго Писания и возвратися в митрополию. И оттолѣ царь велми любляше святаго Филиппа-митрополита. Такоже и святый Филиппъ-митрополитъ печашеся о царьском здравии. И поминая пустынное житие, и призывая себѣ на помощь преподобныхъ отецъ Зосиму и Саватѣя, соловецких чюдотворцовъ, и в митрополии храм во имя ихъ согради, и всякими добротами украси. И по вся дни приходя ту, и спасеное желание совершаше, и уныние и печаль свою отгоняя.

И по нѣколицѣ же времяни вложи врагъ плевелы в велможи: ненависть друг на друга злыми умышлении, аки змии, шипяху, и царя велми на гнѣвъ подвигоша. И от тѣхъ злых совѣтовъ, вѣрных своихъ слугъ и извѣстных сродникъ и приятелей бояшесь, и на бояр своихъ неукротимо гнѣвашеся.

И того ради царь и великий князь Иванъ Васильевичь всеа Русии совѣтъ сотворяетъ, и собираетъ в царствующий градъ Москву Освященный соборъ: Новгородскаго архиепископа Пимина,[23] Казанскаго Германа,[24] Суждалскаго Пафнотия,[25] Разанскаго Филофея,[26] Смоленскаго Феофила,[27] Тверскаго Варсонофия,[28] Валогоцкаго Макария[29] и

прочия святители. И возвѣщаетъ имъ свою царьскую мысль, чтобы ему свое царство раздѣлити, и свой царьской дворъ учинити.

Блаженному же Филиппу согласившуся съ епископы и между собою укрѣпишася вси, еже противъ таковаго начинания крѣпце стояти.[30]

Единъ же от нихъ епископъ общий совѣтъ изнесе ко царю. И прочии же своего начинания отпадоша, инии же на блаженнаго Филиппа восташа. Царю же совѣтъ свой утвержающу вси же, страха ради, не смѣюще вопреки глаголати ко царю. Святый же Филиппъ-митрополитъ нача молити царя, еже престати от таковаго начинания, и начатъ ко царю от Божественнаго Писания глаголы предлагати, и посемъ рече: «Никакоже на таковое дѣло нѣсть и не будетъ нашего благословения!»

Таже нача глаголати: «Священнособор! На се ли совокупистеся, отцы и братия, еже молчати? Что устрашаетеся? Еже в правду глаголати, ваше убо молчание цареву душу в грѣхъ влагает, а своей души — на горшую погибель, а православной вѣре — на скорбь! Что желаете славы тлѣнныя? Никийже санъ избавит насъ муки вѣчныя! И на се ли взираете, еже молчати: царьской убо сигклитъ обязали ся куплями житейсками, изждедѣли славы тлѣнныя и мира!» И ина многа изрекъ. Они же стояху смиреннообразни, дѣлы же — предатели и злобѣ пособницы.

Творяще же царю угодная — Пиминъ Новъгородцкий, Пафнотий Суждалский, Филофей Резаньский, благовѣщенский протопопъ Евстафий (тогда убо ему в запрещении бывшу от святаго Филиппа в духовных винахъ, бѣ бо онъ царевъ духовъникъ:[31] сей же непрестанно отай и явѣ нанося неподобныя рѣчи ко царю на святаго Филиппа). Прочии же ни по Филиппе побарающе, ни по царѣ, но яко царь восхощетъ, тако и они. Но токмо единъ способствовавше блаженному Филиппу — Германъ, архиепископъ Казанский.

Угодницы же царевы рѣчи сшивающе на святаго и глаголюще: «Добрѣе бы было, еже во всемъ царя слушати и на всяко дѣло без рассуждения благословляти, и волю его творити, и не гнѣвати». Гдѣ бы гнѣвъ царевъ премѣняти на милосердие, они же на ярость подвизающе и на раздѣление. Царь видѣв, яко никтоже противъ его смѣя глаголати, но вси его воли повинуются и благословиша его, но токмо единъ блаженный Филиппъ сопротив глаголаше: о благочестии еже не раздѣляти царства, прочии же вси уклонишася, и бысть гнѣвъ царевъ на святаго Филиппа-митрополита.

И нача царь по воли своей и по совѣту онѣхъ навѣтниковъ дѣло свое совершати. Которые князи, и боляре, и прочии велможи ему, государю, годны — называ ихъ опришницами, сии рѣчь — дворовыми; а иных князей, и бояръ, и прочихъ велмож называше земскими. Такожe и всю землю своего державъства раздѣлити.

По нѣколице же времяни для таковаго совѣту бывшу ему во своемъ любимомъ дому, в слободѣ Александровой[32] — о, моих слез! — словомъ именуется слобода, а совѣтомъ своим горши египецкие работы

явися, видѣша бо внезапу царствующий град весь облежащь, еже и слышати страшно. Тогда явися царь и великий князь Иванъ Васильевичь со всѣмъ своимъ воинствомъ вооруженъ весь, наго оружие нося, едино лице и нравъ имея, такоже и дѣло: «еже зачася грѣхъ — и роди беззаконие», еже есть вси единолично в черномъ платье, и ина неудобь писанию предати.

Входитъ же царь и в соборную церковь Пречистые Богородицы.[33] Святый же Филиппъ зря се, и никакоже устрашися сицеваго свирепства, видя в православии велико возмущение, неудобносимыя, велия, бесчестныя скорби и раны. Просвѣтися душею и укрѣпися сердцемъ, начатъ царю глаголати многая от Божественнаго Писания. Царь же, сия надолзѣ слушавъ, и не терпя от святителя обличения, ярости наполнися, и рече: «Что тебе, чернцу, дѣло до нашихъ царьскихъ совѣтовъ? Не вѣси ли того, что мои меня хотятъ поглотити?» Святый же рече: «Чернецъ моему Владыцѣ — Христу, якоже глаголеши. По даннѣй же намъ благодати от Пресвятаго Духа, по избранию Священнаго собора и по вашему изволению пастырь есмь Христовы церкви. И едино есмь с тобою, еже должно имѣти о благочестии». Царь же рече: «Едино ти, отче святый и честный, глаголю: „Молчи!" А насъ на се благослови по нашему изволению». Святый же рече: «Наше молчание — грѣхъ души твоей налагаетъ и смерть наноситъ! Егда убо корабленикъ соблазнится — малу приноситъ пакость, а егда кормчий соблазнится — всему кораблю творитъ погибель!»[34] И посемъ многая словеса от Божественнаго Писания изрече. Царь же рече: «Владыко святый! Восташа на мя искреннии мои и ищутъ мнѣ злая сотворити».[35] Святый же рече ему от Божественнаго Писания многая полезная. Таже рече: «Подобаетъ убо тебѣ, благочестивому царю, неправо глаголющаго обличити и отгнати от себе, яко гнилъ удъ». Царь же рече: «Филиппе, не прекослови нашей державѣ, да не постигънетъ гнѣвъ мой на тя! Или сан сей остави!» Святый же рече: «Благочестивый царю! Ни моления ти простирахъ, ни ходатаи увѣщах, ни мздою руки твоея исполних, еже власть сию восприяхъ. Почто мя лишилъ еси пустыни? И аще дерзеси чрез каноны — твори еже хощеши! Подвигу же нашедшу, не подобаетъ ослабити».

И абие царь отиде в полаты своя во мнозѣ размышлении, и велми бысть гнѣвенъ[36] на святаго Филиппа-митрополита. Того же начинания совѣтники и злобѣ пособницы — Малюта Скуратовъ[37] да Василей Грязной[38] с своими единомысленики непрестанно всякъ ковъ подвижуще на святаго,[39] и царя увѣщающе, да не велитъ имъ отпасти таковаго начинания (послѣдиже и сами поболѣша о семъ[40]).

Таже посемъ многая бысть злоба в православнѣй вѣре, и от того опришенства воста велие возмущение во всемъ мирѣ, и кровопролитие, и судъ неправеденъ. И от належащия скорби друг друга не свѣдаху!

Нѣцыи же приидоша к пастырю заступления ради, с великимъ рыданием вопиюще, смерть пред очима видяще, а глаголати не могуще, токмо показающе ему мучение различное и раны на тѣлесѣхъ своих. Святый же утѣшаше ихъ от Божественнаго Писания. Они же питаеми словесы, отхожаху в домы своя.

Времяни же немалу минувшу, в день неделный, блаженному Филиппу-митрополиту совершающу Божественную литоргию, царь же прииде к соборному пѣнию, оболчен в черные ризы, такоже и прочии подобницы злу, одѣяние в таковы же черные ризы, еще же на главахъ своихъ имуще шлыки высоки, ризамъ подобни, якоже и «халдеи» имут.[41] Бояре же и весь сигклитъ таковоже одеяние и единъ образ имуще. Святому же Филиппу по чину молебная совершающу, рад же бывъ о приходе цареве, и исполнися божественнаго свѣта. И стоящу ему на уготованномъ мѣсте, царю же трикраты к мѣсту пришедшу и благословения просящу, святителю же ничтоже ко царю отвѣщавшу. Боляре же рѣша: «Владыко святый! Царь Иванъ Васильевичь прииде к твоей святости, требуетъ благословен быти от тебе». Блаженный же, возрѣвъ на него, и приступль рече: «Благочестивый царю! Кому поревновалъ еси? Сицевым образомъ своего создания доброту измѣ, понеже не подолѣпно вообразилъ ся еси! Отколе солнце на небеси нача сияти, нѣсть слышано, еже благочестивымъ царемъ свою державу возмущати». И посемъ рекъ: «О царю! Мы убо приносимъ жертву Господеви, а за олтаремъ неповинно льется кровь християнская, и напрасно умираютъ». Царь же возгорѣся яростию и глаголаше: «О Филиппе! Наше изволение приложити хощеши?!» Святый же Писания простираше глаголы, яко стрѣлы. Царь же святительская запрещения и учения никакоже внимая, нагнѣваяся нань зѣло, и рукою помавая, и изгнаниемъ прещаше, и различными муками, и смертными навѣты. И рече царь: «О, Филиппе! Нашей ли державѣ являешися противенъ быти?» Долготерпѣливый же страдалец и пастырь словесных овецъ не бояся прещения, ни мукъ предложения, но полагаше душу свою за порученное ему от Владыки стадо словесныхъ овецъ, и рече: «Благий царю! Вашему повелѣнию не повинемся, и разуму, — егоже недобрѣ смышляеши, — не согласуемъ, аще и тмами от васъ лютая постражемъ». И паки многая предлагаше от Божественнаго Писания.

Царь же сия слышавъ, ярости исполнися. Навадницы же безумнии, бѣсомъ научени, не радуются о благочестии и о смирении мира, но паче тщашеся озлобити православное християнство и разорити благочестие, и на гнѣвъ велий подвизаху православнаго царя. И умышляютъ совѣтъ неправеденъ для своей мимотекущей славы и чести, подвигоша убо царя на ярость и на велий гнѣвъ. И сшиваютъ ложная словеса, и наустиша лживыхъ свидѣтелей, да изготовятъ на святаго Филиппа вину, и возглаголютъ на него народа ради, дабы от него народ отвратили, и конечное хотяще епископию взяти.

Царю бо и епископомъ еще в церкви сущимъ, нѣкто анагностъ соборные церкви, наученъ враги его, начатъ на блаженнаго Филиппа износити скверныя словеса. Слышавше же епископи, угождающии царю, — Пиминъ Новгородский и прочии — недугующе на святаго, и рекоша: «Како сей царя утвержаетъ, сам же неистова творитъ!» Святый же Филиппъ глагола архиепископу Пимину: «Аще и человекоугодие твориши и тщишися престол чюжий восхитити, но и своего злѣ изверженъ будеши!» (По мале же времяни по извержении блаженнаго Филиппа, отгнану бывшу и Пимину-архиепископу от своего престола и в заточении скончавшуся).

Епископи же, любищеи святаго Филиппа-митрополита и знающе, яко лжа есть, и ничтоже смѣяше глаголати, видяще, яко сложишася на извержение его. Отецъ же отеческая отроку показуя, вѣдяше бо, яко легчайша суть юношская винамъ согрѣшения, и рече анагносту: «Буди тебѣ милостивъ Христосъ, о любезне! Остави бо тѣмъ, иже тя на се научиша, вижу бо тебѣ тризну даему. Но вѣсте ли, любимицы, чесо ради хотят мя извреци и царя поущаютъ на се? Понеже имъ не простроx словесъ лестныхъ, ни в ризы брачны одѣяхъ, ни ласкосердъства имъ утѣшихъ. Не буди ми, аще о истиннѣ умолчю, да вочту ся въ епископский престолъ».

Народи же православнии подвизающеся о благочестии и никакоже отступиша, но приляпляющихъся блаженному Филиппу-святителю. Царю же гнѣвающеся на святаго Филиппа: гдѣ убо ни сошедшимася има — словеса мирна не глаголаша, доблий же страдалецъ сего не убояся и не умолча.

Малу же времяни минувшу, празднику пришедшу святыхъ апостолъ Прохора, и Никонора, и прочихъ.[42] Монастырь убо дѣвический — внѣ града,[43] в нем же бѣ храмъ во имя ихъ. Обычай бо царемъ и митрополиту приходити на праздникъ той по уложению древнихъ царей. Пришедшу же царю со всѣми боляры, блаженному же Филиппу со всѣми служащими внѣ монастыря с честны кресты по стѣнамъ ходящу, дошедшу же до святыхъ вратъ. И времяни убо пришедшу, хотяше чести Святое Евангелие, и обозрѣвся святый Филиппъ вспять, и видѣ царева мужа, стояща в тафии.[44]

И обращься ко царю, и рече ко царю: «Державный царю! Се ли подобаетъ благочестивому царю агарянский закон держати?» Царь же рече: «Како се?» Святый же рече: «Се ото ополъчения твоего с тобою пришедшии предстоятъ, яко от лика сатанина!»

Царь же, обозрѣвся, хотя видѣти бывшее. Повинный же скрывъ з главы своея тафию. Царю же крѣпъце истязающу, хотяше увѣдѣти о сотворших се. И никомуже смѣющу от предъстоящихъ се сказати царю: бѣ бо от любовныхъ царемъ. Злобѣ же пособницы и обавницы превратише се на блаженнаго Филиппа, яко «сия глаголет — державѣ твоей царьской ругается».

Царь же, гнѣва и ярости наполнися, поношаше святаго нелѣпыми словесы, и яко во всем противенъ ему есть.

Посем же нача умышляти, како бы изврищи сана святаго Филиппа-митрополита. Просто бо его извреци не хотяше: да не возмятетъ народомъ. Вскорѣ же царь по извѣщании лживыхъ свидѣтелевыхъ словесъ посылаетъ в Соловки испытати о блаженномъ Филиппе, каково было прежнее житие его, Суждалскаго владыку Пафнотия, да архимадрита Феодосия,[45] да князь Василия Темкина,[46] а с ними — многихъ от воинъских людей. Сиим же дошедшимъ Соловецкого монастыря, неправая бо имъ творящимъ, и начаша инокъ тѣхъ ласканиемъ и мздоимъствомъ умягчати, овых же — сановными почестьми услаждаху, яко да по ихъ хотѣнию рѣчи дадут; овѣхъ же

страхомъ прещения прещаху. Лехкоумныхъ же, реку — и безумных, к своему умышлению привлекоша.

Князь же Василей Темкинъ да архимандритъ Феодоси малоотраднѣе на святаго вину слагая, Пафнотий же епископъ ни слышати хотяше еже о святѣмъ истинну глаголющихъ. Игумену же Паисии[47] епископский санъ посулиши и к своему умышлению привлекоша.

И тако смрадную сонмицу совокупивше, и сплетше совѣтъ неправеденъ, и изостриша языки своя яко змиинъ. Богоносным же и честнымъ старцемъ, живущимъ во обители той, многи раны наложиша, повелѣвающе имъ напрасно на святаго неподобные глаголы лгати. Они же прообраз благочестив нравъ имуще, многи скорби с радостию прияша за своего пастыря, яко едиными усты вопияху истинну: честное и непорочное житие его по Бозе, и попечение о святѣм мѣсте, и о брацкомъ спасении.

Они же ни слышати хотяще о святѣмъ благаго его исправления, и возвратишася в царьствующий град, взяша же с собою и лехкоумнаго Паисию-игумена, но пачеже — и безумнаго, со инѣми его совѣтники и ложноглаголники.

И поставиша пред царемъ лжесвидѣтелей, и ложныя и многосмутныя своя свитки положиша, ослѣплени бо быша грѣхолюбиемъ, не помянуша пророка, глаголющи: «Ровъ изры и ископай, и впадется вь яму, юже содѣла».[48]

Царь же слышавъ на блаженнаго ложные книги, яко мало ему есть на пользу, и повелѣ пред собою и пред боляры чести. И вскорѣ гнѣвъ свой исполнити хотя, не убояся Суда Божия, еже «царемъ не подобаетъ святительския вины испытовати,[49] но епископи по правиламъ судятъ», и аще вины достоинъ будетъ — и царь власть свою на немъ исполняетъ и показуетъ. Здѣже самовластно сотвори, нимало пожда, ни (пред) оклеветающими его постави.

И посла по святаго болярина своего Александра Данилова сына Басманова[50] со многими воины (каментари[51] оныи каментар и сий), и повелѣ блаженнаго Филиппа изгнати из церкви.

Пришедшу же болярину в церковь Пречистыя Богородицы, и изрекъ пастырю царевы глаголы, и к симъ пририкъ: «Не достоинъ еси, Филиппе, святительского сана!» И повелѣ пред ним и пред всѣмъ народомъ чести лжесоставителная книги и укоризненая словеса.

Пришедши же с нимъ нападоша, аки суровии пси, на святаго, и совлекоша с него святительский санъ. Он же обращься к своимъ клиросникомъ, пророчески изрече: «О чада! Се скоро разлучение мое от васъ, но паче радуюся, яко церкве ради сия пострадах. Настоитъ бо время, яко вдовъство приятъ церковь: пастыри, яко наемницы, извержени будутъ, ниже совершенное сѣдалище кто утвердитъ во святѣй сей церкви Божия Матери, ниже аще хто от нихъ погребен имать быти».[52] Якоже пророче святый — тако и бысть!

И возложиша на святаго одѣяние иноческое многошвенное и раздранное, и изгнаша его из церкве яко злодѣя, и посадиша его на злосмрадная возила рѣюще, и везуще внѣ града, ругающеся ему. Инии же ко исходу дебрей пхающе его, и вѣйнами биюще и, и тмами злодѣйственныя укоризны приношаху ему. Что бо безумнии сии, какава диаволя игралища на святаго сего не сотвориша! Но всякъ видъ мучения и досаждения на святительстемъ вѣнцы святаго сотвориша, и исполниша умиления позоръ!

Блаженный же святитель Филиппъ, поругания и гнусныя одежди на себѣ видя, и досаждения терпя, будущими надеждами укрѣпляемъ, веселуяся, якоже мученикъ новъ явися, поминая страсти Христа, Бога нашего. И привезоша святаго во обитель Богоявления Господа нашего Исуса Христа за ветошной рядъ.[53] Народи же провожаху его, плачющеся, учителя своего отлучахуся и себѣ всеконечнаго чающе погубления. Преподобный же архиерѣй Божий Филиппъ на обѣ страны народы крестообразно осѣняя, своего благословения сподобляя ихъ, и многая поучения отъ Божественныхъ Писаний глаголя имъ. Они же, конечное прощение от него приемлюще, возвращахуся плачюще, понеже бо гроза царева всѣхъ обимаше: укрытися никаможе могущем.

По мале же времяни повелѣ царь привести блаженнаго Филиппа вь епископию на свидѣтельство пред ложными свидѣтели. Святый же возимъ бяше, якоже и преже, с поруганиемъ. Ставшу же святому предъ царемъ, и тыя ложныя его навѣтники, таже пастыревъ ученикъ — Соловецкого монастыря игуменъ Паисия (дѣлы же — яко вторый Июда-предатель), и многа хулная словеса изнесе на святаго. Святый же рече ему: «Безумне! Аще и подщался еси выше сея власти юже имѣеши, восхитити, но и сея, нечестиве, гонзнеши. Писано бо есть: „Аще кто, — рече — что сѣетъ, се и пожати имат”».[54]

Многу же смятению бывшу предъ царемъ, святый же стоя, аки агня незлобиво посредѣ волковъ, и именемъ Господнимъ противляшеся имъ. Блаженный же Филиппъ неотложное течение скончевая и цареву ярость обличая: «Престани, — рече, — благочестивый царю, таковаго неподобнаго начинания. Помяни прежде тебе бывшихъ царей, иже добрѣ суть жили, и Божия заповѣди творили, и по смерти блаженми суть. А иже злѣ царства си содержаша, и нынѣ немалыми клятвами поминаются». И ина многа наказания подобная симъ изрекъ к царю.

Царь гнѣва и ярости наполнися, не отвѣща ничесоже. И повелѣ святаго предати суровымъ и немилостивымъ воиномъ. Они же прияша его и рѣша в себѣ: «Искусимъ, — рече, — беззлобство его и смертию безобразною осудимъ его, зане противится повелѣнию царьскому. Аще сего умертвимъ, никтоже будетъ обличая беззакония наше, занеже единъ той крѣпокъ, обличая царя и укрѣпляя».

Посем же всадиша его в злосмрадную храмину и нозѣ его забиша в кладѣ[55]* со всяцѣмъ утвержениемъ. И поругающеся ему злѣ, и вериги тяжки, на се уготованны, возложиша на выю добляго страдалца, и десницу стягнуша святому оковы желѣзъными. К сим же еще и гладомъ

морити покусишася непобѣдимаго, иже от юности навыкшаго седмицу пища!

Святый же мужески пострада и побѣду показа! Даниила убо в Вавилоне лвы устыдѣшася,[56] человѣцы же не помиловаша сего добляго страдалца. Но и бездушная крѣпость устыдѣся мужества сего святаго: с выи его и с руку вериги сами спадоша, и «ноги красны, мир утвержающеи»,[57] сами свободишася от клятвы. Царю же повѣдано бысть преславное сие чюдо, и бысть во удивление.

И по осми днехъ повелѣ святаго привести во обитель святаго Николы, нарицаемаго Стараго.[58] Посем же повелѣ царь брату Филиппову Михайлу Калычеву главу отсѣщи[59] и посла ю ко святому Филиппу. Святый же Филиппъ благочестивнѣ воста, и со всякою честию восприятъ, и поклонися до земли, и благослови ю, и любезно лобыза. И рече: «Блажени, яже избра и приятъ и Господь, память ихъ — в родъ и родъ».[60] И даде ю принесшему.

Видѣ же царь святаго крѣпкое терпѣние, и осуди его заточениемъ во Тверь-градъ во Отрочь монастырь,[61] и назирателя неблагодарны ко святому приставити повелѣ, и вскорѣ сего посла. Святый же на пути многи пакости и уничижения приятъ: на мсках везения, и нужное пищи лишение, и — просто рещи — совершенны бѣды приятъ, многострадалная она душа — и никакоже оскорбися, поминая глас божественнаго апостола Павла, глаголюща: «Ничтоже мя от любве Божия разлучитъ!» Изглаголаше же во умѣ своемъ: «Доброразсудне надѣю бо ся, яко ни смерть, ни живот, ни заточение, ни позоръ, ни сродникъ разлучения, ни сановые почести, ни ина кая тварь отторгнет мя от любве Божия.[62] Яко Господу годѣ, тако и будетъ».[63]

И егда уже лѣто совершашеся, блаженному в заточении страдалческое житие проходя. Во оно же время царю шествие творящу в Великий Новъградъ,[64] свое начинание на дѣло производя. Еще бо ему недошедшу града, идѣже святый заточенъ, супостат же Малюта Скуратовъ внезапу прииде без опасения во обитель, и сурово вскочи в кѣлию святаго.

Блаженный же Филиппъ прежде трехъ дней пришествия его к сущимъ ту глаголаше: «Се уже совершение моего подвига время наста». Они же не разумѣша от него глаголемых, яко о себѣ глаголетъ, дондеже скончася. Таже нача свѣтелъ бывати, глаголаше: «Уже бо отшествие мое близ есть». Приемлет же к пути ако Пречистое Тѣло Христово и Животочную его Кровь. И обилнейше исполнися Пресвятаго Духа и бываетъ тайновидецъ сокровенным.

Начало лукавства властолюбиваго раба, умилне припадающи ко святому и глаголюща сице: «Владыко святый! Подаждь царю благословение итти в Великий Новъградъ!» Блаженный же рече: «Буди тебе! Якоже хощеши, о любезне, нань же пришелъ еси — твори. Вскую мя искушаеши! И даръ Божий непщевал еси утаити». И помолися святый: «Владыко! Господи Исусе Христе, святый Вседержителю! Приими с миромъ духъ мой, и посли аггела мирна от пречистыя славы

своея, наставляюща мя усердно, и к триипостасному Божеству да не возбраненъ ми будетъ входъ от началника тмы со отступными его силами. И не посрами мене пред аггелы твоими, и лику избранных мя причти, яко благословенъ еси вовѣки. Аминь!»[65]

Каменосердечный же онъ мужъ, Малюта, заятъ преподобнаго уста подглавиемъ, обличающихъ неистовъства. И тако предаде душу свою в рупѣ Божии, вѣнцемъ мучения увязеся, в лѣто осмыя тысящи седмьдесятъ осмаго, месяца декабря въ 23 день течение сконча и подвиг соверши.

Неблагодарный же он муж, Малюта Скуратовъ, сконча хотѣние свое, и абие изыде ис кѣлии, пронырствомъ начатъ глаголати к настоятелю обители тоя и приставникомъ, яко «небрежениемъ вашимъ Филиппъ-митрополитъ умре от неистовства зноя келѣйнаго». Они же страхомъ одержими, ничтоже отвѣщати могуще.

Малюта же ровъ глубокъ повелѣ изрыти пред собою, и погребе многострадалное тѣло блаженнаго Филиппа-митрополита за олтаремъ великия церкве Пресвятыя Троицы,[66] и возвратися отнюдуже прииде.

Оних же, глаголавшихъ на святаго неправедно, увѣда царь, яко лукавствомъ сложиша лжу на святаго Филиппа, и извѣстно изыскавъ, повелѣ изгнати по различьным странамъ. Мнози же от нихъ на пути лютыми смертьми скончашася, инии же от нихъ согнитиемъ и смердѣниемъ тѣлесъ пострадаша, овии же от нихъ умъ сибѣ погубиша. Соловецъкия же обители игумена Паисию во островъ Валаамъ[67] заточи, а иже с ними единомысленники — по инымъ странамъ розослати повелѣ. Филофея же Резанскаго сана изверже святительскаго.

И егда же возвратися царь со всѣми вои своими из Новаграда, Пимина-архиепископа Новгородцкаго к Николе на Веневу во обитель сосла,[68] изыскав на него потребну вину, к сему же и се приложи, еже негодоваша на святаго Филиппа, понеже раскаяся о блаженномъ, яко неправедно о немъ сотвори.

Не попусти же Богъ и сихъ, иже у святаго в приставъствѣ быша и оскорбиша святаго, но вскорѣ месть своему злодѣйству прияша: Стефана наричема Кобылина[69] в черныя ризы облече и во островъ Каменной заточи,[70] иных же по инымъ странамъ розосла и заточи, и никомуже жити от нихъ попусти. Но и се тайна: честнаго отца глаголы, солнца свѣтлѣйши, всѣмъ пред очию предложишася, Писанию бо глаголющу: «Всяко беззаконие заградит уста своя».[71]

Посем же минувшу нѣколико прехождения временъ по смерти царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, в седмое же лѣто царства царя и великого князя Феодора Иванновича всеа Русии, по двадесять первое лѣто по преставлении святаго бысть се. В лѣто осмыя тысящи девятьдесять втораго Соловетцкие обители иноци: игуменъ Ияковъ[72] з братиею, молиша царя Феодора, дабы повелѣлъ имъ даровати мощи святаго Филиппа-митрополита. Царь же послуша

моления ихъ, и повелѣ имъ дати грамоту к епископу града Твери,[73] и повелѣ им дати мощи святаго.

Они же достигоша града Твери и мѣста, идѣже положены мощи святаго. Егда же раскопаша землю и обрѣтоша гроб, — и искипѣша миро от мощей святаго, и благоухание нѣкое неизреченно изыде, яко наполнитися воздуху и всему граду от вони благоухания. И открывше гроб и обрѣтоша тѣло святаго цѣло и нерушимо, яко ни ризамъ его прикоснутися тлѣнию.

Народи же стекошася к мощемъ святаго, и яко звѣзду пресвѣтлу видѣти, ту же и епископъ градский прииде. Игумен же Ияковъ мощи святаго веземъ и привезе во обитель Соловецкую.

И внесе в соборную церковь. Егда же прииде утренее клепание, урани настоятель внити в церковь. И обоня воня благоухания необычнаго полну сущу, яко мира благовонна и многоцѣнна излияся от мощей святаго. По совершении же утреняго словословия, егда же убо уготоваша мѣсто, идѣже хотяше почити, и целовавъ мѣсто святаго с подобною честию, и погребоша ту святаго, идѣже самъ уготова.

И согрѣяся сердце его в немъ, и возрадовася плоть его, яко жива и одушевленна, о Бозѣ живетъ, и чюдесъ дарованиемъ обогатися о Христѣ Исусе, Господе нашемъ. Нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

[1] ...великаго князя Василья Ивановича... — Василий III Иванович (1479—1533), великий князь с 1505 г., старший сын от второго брака Ивана III Васильевича с Софьей Палеолог. Жестко проводя политику объединения русских земель вокруг Москвы, активно привлекал ко двору новгородских, псковских, рязанских бояр.

[2] ...Стефанъ Калычевъ. — Степан Иванович Колычев (?—до 1537), сын Ивана Колычева, наместника («стенстура») Новгорода при Иване III, дядька князя Георгия Васильевича, слабоумного брата Ивана Грозного.

[3] ...нареченъ бысть Феодоръ. — Федор родился 11 февраля 1507 г., его небесным покровителем был, вероятно, Федор Тирон.

[4] ...во иноцѣхъ Варлаамъ. — См. «Повесть о болезни и смерти Василия III» (наст. изд., т. 10, с. 20—47).

[5] ...о Соловецкомъ монастыри... о обители преподобных отецъ Зосимы и Саватѣя... — Соловецкий монастырь основан в конце 20—30-х гг. XV в. монахами Кирилло-Белозерского монастыря Зосимой и Савватием на Соловецком острове Белого моря. С конца XV в. — экономический и политический центр Беломорья, находился под особым покровительством московских государей. См. Жития Зосимы и Савватия Соловецких в наст. изд., с. 36—155.

[6] ...и отиде царствующаго града Москвы... — Федор покидает Москву в июле 1537 г. Вероятно, он с юности готовил себя к монашескому служению: представитель знатного, богатого, могущественного рода, не обладавший «телесными пороками», он до 30 лет так и не был женат. Однако толчком к его уходу из Москвы стали события апреля—июня 1537 г., когда Колычевы оказались в опале: были казнены сторонники князя Андрея Старицкого — двоюродный дядя Гаврила Владимирович, родные дяди Федора Андрей и Василий Ивановичи. Иван Иванович Умной-Колычев, конюший князя Георгия Васильевича, пытан, брошен в тюрьму; позже был освобожден, принял постриг в Ки-рилло-Белозерском монастыре под именем Сергия. Упоминается в Послании Ивана Грозного в Ки-рилло-Белозерский монастырь 1573 г. (см. наст. изд., т. 11, с. 138).

[7] ...веси, глаголемой Кижа. — В различных списках Жития селение называется по-разному: Кижа, Хижа, Хижи.

[8] ...обитель Соловецкую достиже... — Федор, вероятнее всего, добрался до Соловков по зимнему пути в 1538 г.

[9] ...игуменъ Алексий... — Алексий Юренев был игуменом Соловецкого монастыря с 1534 г. «по грамоте» Ивана Грозного.

[10] ...ко архиепископу Феодосию. — Феодосии, архиепископ Новгородский с июня 1542 г., до того был игуменом Хутынского монастыря. В декабре 1550 г. был вызван в Москву, лишен архиепископского сана и сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь, где в 1563 г. и умер.

[11] ...церковь Пресвятей Богородицы честнаго Успения. — Новгородские мастера приступили к кладке каменного собора в 1552 г., а в праздник Успения 1557 г. он был освящен.

[12] ...прегради престолъ Иоанна Предтечи... — Придел Усекновения главы Иоанна Предтечи был устроен в честь небесного покровителя Ивана Грозного.

[13] ...воду теку щи от езера въ езеро сотвори и подъ монастырь во езеро приведе. — Ирригационная система, созданная Филиппом, являет собою высочайший образец гидротехнической мысли XVI в.: Святое озеро под стенами монастыря собрало воду из 52 озер острова и имело сток по двум каналам к морю.

[14] ...церковь величайшую Преображения Господа нашего Исуса Христа плинфеную... — Каменный собор был заложен в 1558 г. Строительство велось, по свидетельству Соловецкого летописца, с привлечением значительных личных средств Филиппа; Иваном Грозным монастырю были пожалованы золотой крест работы Федора Сыркова, 1000 рублей, два колокола, покрывала, епитрахиль и ряд других ценных вещей. Церковь была освящена уже после отъезда Филиппа в Москву 6 августа 1566 г.

[15] ...идѣже видѣ преподобный лучю пресветлу сияющу. — См. Жития Зосимы и Савватия Соловецких, в наст. томе, с. 36—155.

[16] ...церковь 12 апостолъ... — Придел во имя названных в Евангелии 12 учеников Христа, которые после его смерти проповедовали христианство.

[17] ...церковь 70 апостолъ... — В Священном Писании кроме 12 апостолов говорится еще о 70 учениках Христа, которые не были его постоянными спутниками и свидетелями всех деяний Иисуса.

[18] ...и церковь преподобного Иоанна Лѣствичника... — Церковь во имя небесного покровителя сына и наследника Ивана Грозного — Ивана Ивановича.

[19] ...церковь святого великомученика Феодора Стратилата. — Церковь во имя небесного покровителя младшего сына царя от брака с Анастасией — Федора Ивановича.

[20] И украси... всякимъ церковным украшениемъ. — По свидетельству Соловецкого летописца, многие иконы, сосуды, ризы, книги, лампады, отлитый псковскими мастерами колокол были личным вкладом Филиппа.

[21] ...Макарию-митрополиту... — Макарий был архимандритом Можайского Лужецкого монастыря, в 1526 г. по воле великого князя Василия III стал архиепископом Новгорода. С 1542 г. — митрополит Московский. Заботился об устройстве монастырей, храмов, переводах книг. Под его руководством прошел Стоглавый собор, составлены Великие Минеи Четий, Степенная книга (см. наст. изд., т. 12).

[22] ...Афанасия нѣ коего... — В миру Андрей Протопопов, бывший духовник царя Ивана, пользовавшийся его доверием. В начале 60-х гг. XVI в. стал иноком Чудова монастыря, в марте 1564 г. был хиротонисан в митрополиты Московские. После неудавшихся попыток остановить в Москве казни полководцев Овчины-Оболенского (сына фаворита Елены Глинской) и А. Б. Горбатого-Шуйского, лишенный старинного права «печалования», покинул митрополию и удалился в Чудов монастырь в марте 1566 г. Последнее упоминание о нем относится к 1568 г.

[23] ...Новгородского архиепископа Пимина... — Пимен Черный, стал архиепископом Новгорода в ноябре 1552 г. из иноков Кирилло-Белозерского монастыря. Скомпрометировал себя безоглядной поддержкой опричнины: ездил с благословением в Александрову слободу. С февраля 1570 г. — в опале; был обвинен в сношениях с Владимиром Старицким и Сигизмундом-Августом. Подвергся издевательствам: записан в скоморохи, ему была дана «жена» — кобыла и т. п., после чего сослан в Веневский Успенский монастырь, где и умер в ноябре 1572 г.

[24] ...Казанскаго Германа... — Герман (Полев), хиротонисан в марте 1564 г. из архимандритов Свияжского Богородицкого монастыря. В апреле 1566 г. принял предложение царя Ивана и переехал на митрополичий двор. В качестве условия поставления в митрополиты потребовал отмены опричнины, грозя самодержцу Страшным Судом. Скуратов-Бельский, Басманов, Грязной высказались против предоставления Герману митрополичьей кафедры, и через два дня

Герман покинул митрополичий двор. Поддержал Филиппа. 6 ноября 1567 г. умер в Москве «в мор». По другим данным — обезглавлен по приказу Грозного. В 1595 г. причтен к лику святых.

[25] ...Суждалскаго Пафнотия... — Епископ Суздальский и Тарусский, хиротонисан в 1567 г. Суздаль, как известно, входил в «опричные» земли. Лишен сана в сентябре 1569 г.

[26] ...Рязанскаго Филофея... — Хиротонисан в 1562 г. из архимандритов Симонова монастыря, активно поддерживал опричнину. В начале 1569 г. лишен сана.

[27] ...Смоленскаго Феофила... — До 28 июля 1567 г. в качестве епископа Смоленского и Брянского называется Симеон, получивший этот сан в марте 1555 г., бывший до этого игуменом Кирилло-Белозерского монастыря.

[28] ... Тверскаго Варсонофия... — Епископ Тверской с 1567 г., до того был архимандритом Казанского Спасо-Преображенского монастыря. В 1570 г. покинул епископскую кафедру и вернулся в свой монастырь, где и умер в 1576 г. Причтен к лику святых в 1595 г.

[29] ...Валогоцкаго Макария... — Составитель Устава о соборной службе, епископ Воло-годский и Великопермский с 1565 г. Умер в 1577 г. На соборе 1572 г. разрешил Ивану IV вступить в 4-й брак (вопреки правилу).

[30] ...противъ таковаго начинания крѣпце стояти. — Положение Филиппа было довольно сложным: 20 июля 1566 г. он принял условия Ивана Грозного «в опришнину и в царской домовный обиход не вступаться», за что царь помиловал около 300 представителей земщины, подписавших челобитную с требованием упразднить опричнину. С главой земщины боярином Иваном Федоровым Колычевы были в родстве. Однако казни вскоре возобновились. В Житии с самого начала Филипп — последовательный и непримиримый противник опричнины.

[31] ...благовѣщенский протопопъ Евстафий... царевъ духовъникъ... — Протопоп кремлевского Благовещенского собора Евстафий стал духовником царя после Афанасия. С большой легкостью отпускал Грозному его грехи. По летописным источникам известно, что он сопровождал царя Ивана в его походе на Новгород в 1570 г. и благословил все совершенные им преступления.

[32] ...в слободъ Александровой... — Расположена на берегу р. Серой на полпути между Троицким монастырем и Переяславлем Залесским, возникла в 1514 г., при Иване стала «столицей» опричного царства.

[33] ...в соборную церковь Пречистые Богородицы. — Имеется в виду кремлевский собор Успения Богородицы, построенный Аристотелем Фиораванти в 1479 г., главный храм Руси.

[34] «Егда убокорабленикъ... творит погибель» — Ср.: «Якоже и о плавающих: егда убо ко-рабленикъ съблазнится — худу приноситъ плавающимъ пакость, егда же кормчий — всему кораблю содѣваетъ погибель!» (фрагмент 10-й главы «Поучения благого царства» Агапита).

[35] «Восташа на мя искреннии мои, и ищутъ мнѣ злая сотворити». — Ср.: «Яко чуждии восташа на мя, и крепцыи взыскаша душу мою» (Пс. 53, 5).

[36] Иабие царь... велми бысть гневенъ... — После того как Филипп отказался благословить царя в Успенском соборе, были насмерть забиты его старцы Леонтий Русинов, Никита Апухтин, Федор Рясин, Семен Мануйлов.

[37] ...злобъ пособницы — Малюта Скуратовъ... — Григорий Лукьянович Малюта Скуратов-Бельский (?—1573), глава опричного «войска»; его имя стало нарицательным.

[38] ...да Василей Грязной... — Василий Григорьевич Грязной-Ильин, из ростовских дворян. Стоял в числе особо близких Ивану Грозному опричников. О его судьбе см.: Послание Ивана Грозного Василию Грязному и комментарий к нему наст. изд., т. 11, с. 160—163.

[39] ...всякъ ковъ подвижуще на сеятаго... — Ложь была единственным оружием противников Филиппа, пользовавшегося глубоким уважением народа и поддержкой земщины.

[40] ...и сами поболѣша осемъ. — Почти все руководители опричнины в начале 1570-х гг. были подвергнуты опале: кн. М. Черкасский, кн. Вяземский, В. Яковлев были казнены, Ал. Басманов убит по приказу Ивана Грозного собственным сыном, В. Грязной оставлен в крымском плену.

[41] ...якоже и «халдеи» имут. — Здесь имеются в виду исполнители роли халдеев в чине «Пещного действа», костюмы которых состояли из высоких колпаков и красных одежд.

[42] ...празднику пришедшу святыхъ апостолъ Прохора, и Никонора и прочихъ. — Праздник 70 апостолов (Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и др.) отмечается 28 июля.

[43] Монастырь... дѣвический — вне града... — Новый монастырь на Девичьем поле был основан Василием Ш в 1524—1525 гг. в честь присоединения Смоленска. В его центральном соборе — во имя иконы Смоленской Божьей матери левый придел был посвящен 70 апостолам, т. к. город был взят 28 июля — в день их памяти.

[44] Тафия — восточная шапочка, которую носили многие знатные люди. Решение о запрете на ношение тафии было принято на Стоглавом соборе в январе—феврале 1551 г. (См. Стоглав, гл. 39).

[45]...архимадрита Феодосия... — Феодосии, возможно Федор Вятка, был архимандритом Спасо-Андроньева монастыря, стоявшего в земской половине Москвы. В одной из редакций Жития (Хронографической) он назван архимандритом Новинского монастыря.

[46] ...да князь Василия Темкина... — Василий Иванович Темкин-Ростовский (?—1572) был боярином князей Старицких. В самом начале Ливонской войны попал в плен к литовцам, где находился в то время,

когда его братья и сын были сосланы в «Казанский край». Вернулся из плена в июле 1567 г. и стал активным деятелем опричнины. Возможно, «дело» митрополита Филиппа было своего рода проверкой на лояльность, которую он выдержал. Казнен Иваном Грозным в 1572 г.

[47] ...игумену же Паисии... — Роль игумена Соловецкого монастыря Паисия в истории свержения Филиппа остается неясной. По данным всех редакций Жития, он оговорил Филиппа вместе с другими 10 старцами. Однако известно, что в 1567 г. Паисий был лишен сана и увезен в Москву, в то время как казна Соловецкого монастыря была опечатана. Этот факт дает основания полагать, что и Паисий, и старцы отказались участвовать в оговоре Филиппа, за что и их, и монастырь постигла опала.

[48] «Ровъ изры и ископай, и впадегпся въ яму, юже содѣла». — Ср.: «Ров изры и ископа и, и падет в яму, юже содела» (Пс. 7, 16).

[49] ...царемъ не подобаетъ святительския вины испытовати... — Это правило неоднократно провозглашается Стоглавом (см. главы 43—46).

[50] ...Александра Данилова сына Басманова... — Александр (по другим источникам — Алексей) Данилович Басманов-Плещеев, сын постельничего Василия III, полководец, отличившийся под Казанью и в битве с татарами при Судьбищах, во время Ливонской войны с малыми силами овладел Нарвой. С 1564 г. — боярин. По мнению А. Курбского, был инициатором расправ с Шереметевыми, Репниным, Кашиным. В 1569 г. по приказу Ивана Грозного был убит собственным сыном Федором.

[51] ...каментари оный каментар и сий... — От латинского commentor — виновник.

[52] ...ниже ащехто от нихъ погребен имать быти. — После низложения Филиппа митрополитом в ноябре 1568 г. стал Кирилл, до того бывший архимандритом Троице-Сергиева монастыря, оказавшийся безмолвным свидетелем жестокостей царя. В 1572 г. был погребен в Новинском монастыре. Антоний, сменивший его на митрополичьей кафедре, бывший до того архиепископом Полоцким, умер в начале 1581 г. и был погребен вне Москвы; Дионисий, хиротонисан из игуменов Хутынского монастыря под Новгородом в 1581 г., в феврале 1586 г. был «отослан»

туда же, вХутынь, где и умер. Таким образом, пророчество Филиппа можно считать сбывшимся.

[53] ...во обитель Богоявления Господа нашего Исуса Христа за ветошной рядъ. — 4 (по другим источникам — 8) сентября 1567 г. Филипп был отправлен в Богоявленский монастырь, «что за Торгом» («за ветошным рядом»), который находился в Китай-городе между Никольской и Ильинской улицами. Основанный в 1296 г. князем Даниилом Александровичем, был прославлен тем, что в нем в 1312 г. принял постриг будущий святой митрополит Алексий.

[54] «Аще кто... что сѣетъ, се и пожати имат». — Ср.: «Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет» (Гал. 6, 7).

[55] ...нозѣ его забиша в кладь... — Это же сообщение содержится и в произведении Андрея Курбского (см. наст. изд., т. 11. с. 443).

[56] Даниила убо в Вавилоне лвы устыдѣшася... — Библейский пророк Даниил был брошен по приказу царя Дария Мидянина в ров со львами, но звери не посмели причинить ему вред (см.: Дан. 6, 23—27).

[57] ..ли ноги красны, мир утвержающеи»... — Ср.: «Коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая» (Рим. 10, 15).

[58] ...во обитель святаго Николы, нарицаемаго Стараго. — Монастырь Николы Старого (позже — Перервинский) находился в 7 верстах от Москвы в слободе Перерва на левом берегу реки. Предположительно основан в конце XV в. По летописным источникам известно, что Филипп уехал в этот монастырь сразу после инцидента в Новодевичьем монастыре 28 июля 1567 г., оставив митрополичий двор.

[59] ...брату Филиппову Михаилу Калычеву главу отсѣщи... — В сентябре 1568 г. был казнен троюродный брат Филиппа Михаил и три его сына — Булат, Симеон, Мина. Эта казнь состоялась в одно время с казнью Ивана Федорова, Андрея Катырева, Федора Троекурова, Михаила Лыкова. Вероятно, Филиппу была прислана голова его родного племянника — Ивана Борисовича, который был казнен после тяжких истязаний в конце 1568 г.

[60] «...яже избра, и приятъ Господь, память ихъ — в родъ и родъ». — Ср.: «Господи! Имя твое — в век, и память твоя — в род и род» (Пс. 134, 13).

[61] ...осуди его заточениемъ во Тверь-градъ во Отрочь монастырь... — Успенский Отроч монастырь в Твери был основан в период до второй половины XV в. (по другим сведениям — в конце XIII в.). В то время его игуменом был Вавила.

[62] «Ничтоже мя от любве Божия разлучить!»... отторгнет мя от любве Божия. — Ср.: «Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или мечь?» (Рим. 8, 35).

[63] «...Яко Господу годѣ, тако и будетъь. — Ср.: «Обаче не моя воля, но твоя да будет». (Лк. 22, 42).

[64] ...царю шествие творящу в Великий Новъградъ... — Поход на Новгород в январе 1570 г. привел к полному разгрому богатейшего русского города, гибели множества горожан.

[65] «Владыко! Господи... благословенъ еси во веки. Аминь!» — Предсмертная молитва подвижника, традиционна в житиях.

[66] ...великия церкве Пресвятыя Троицы... — В Успенском монастыре собора во имя Святой Троицы не было. Он стоял в самой Твери. Известно, что первоначальное захоронение Филиппа находилось в монастыре.

[67] ...во островъ Валаамъ заточи. — Валаамский Преображенский монастырь на острове Валаам в Ладожском озере был основан не позднее 1415 г. (см. Сказание о Валаамском монастыре и комментарии к нему в наст. томе, с. 446—475, 807).

[68] ...к Николе на Веневу во обитель сосла... — Николаевский Успенский Веневский монастырь стоял на реке Осетре недалеко от Тулы. Известен с XIV в.

[69] ...Стефана наричема Кобылина... — Стефан Кобылин, один из стражей Филиппа в его тверском заточении, принял постриг под именем Симеона. Автор Колычевской редакции Жития называет Симеона в качестве одного из источников своих сведений о жизни Филиппа.

[70] ...во островъ Каменной заточи... — Спасо-Каменный монастырь на острове Кубенского озера на Вологодской земле был основан в XIII в.

[71] «Всяко беззаконие заградит уста своя». — Притч. 10, 6.

[72] ...игуменъ Ияковъ... — Иаков был игуменом Соловецкого монастыря с 1581 (его перевели из Палеостровского Рождественского монастыря) до 1597 г. Потом он был игуменом Ипатьевского Костромского монастыря.

[73] ...к епископу града Твери... — В это время — в 1590 г. — епископом Твери был Захария.

ПЕРЕВОД

ЖИТИЕ ФИЛИППА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО

Во времена великого князя Василия Ивановича, в царствующем граде Москве, <жил> вельможа некий, по имени Стефан Колычев. У этого Стефана родился благочестивый отрок и наречен был Феодором. И когда подрос, отдан был на обучение грамоте.

Спустя некоторое время преставился великий князь Василий Иванович во иночестве Варлаам. После него принимает отчее достояние — скипетр царствования — сын его, Иван Васильевич. Отрок же Феодор любим был этим Иваном Васильевичем.

Юношей Феодор, узнав о Соловецком монастыре на морских островах в северной стороне — об обители преподобных отцов Зосимы и Савватия, покинул царствующий градМоскву, и пришел в Великий Новгород, <дальше> на озеро Онежское, и добрался до некоей деревни, называемой Кижи. И нашел пристанище у одного из жителей той

деревни, поскольку ничего не имел у себя, только скудную одежду, что на себе носил, и начал овец пасти.

После этого и до обители Соловецкой добрался, и трудился в монастыре полтора года: дрова рубя, и землю копая, и камни нося, и всякую монастырскую работу исполнял. А затем постригается в иноческий образ, и вместо Феодора наречен был Филиппом. И пребывает во иноческих подвигах девять лет.

Той же обители игумен Алексий, в то время уже одряхлев, препоручил этому Филиппу управление монастырем. Также и вся братия полюбила его и избрала <игуменом>. И пошли с ним в Великий Новгород к архиепископу Феодосию. И там архиепископом Феодосием он был поставлен игуменом, и вскоре отпущен в обитель.

Святой же Филипп заботился об обители. И, посоветовавшись с братией, воздвиг церковь честного Успения Пресвятой Богородицы, и в том же храме создал престол в честь Иоанна Предтечи, пристроив туда же и трапезную, имеющую внутри 12 саженей <длины>.

И горы большие сравнял, и долины избороздил <каналами>, и сделал так, что вода потекла от озера к озеру и в озеро под монастырскими стенами слилась. Толкуши же и мельницы к покою братскому пристроил и палаты благоустроенные сделал.

Призывает он на помощь святых отцов Зосиму и Савватия, и захотел создать церковь великую из плинфы во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа на том месте, где видел преподобный пресветлый луч сияющий. Как святой Филипп захотел, так и сделал. Присоединил же тут церковь преподобных отцов Зосимы и Савватия и архистратига Михаила, а на другой стороне на подклете четыре других выстроил: церковь во имя 12 апостолов, и церковь 70 апостолов, и церковь преподобного Иоанна Лествичника, и церковь святого великомученика Феодора Стратилата. И украсил их святыми иконами, и священными сосудами, и книгами, и всяким церковным украшением. В той же церкви с северной стороны и могилу себе выкопал (тут и были положены мощи его, когда были принесены из заточения).

Когда в царствующем граде Москве Макарий-митрополит к Господу отошел, по его благословению некоего Афонасия возвели на престол великой митрополии царствующего града Москвы. Тот же Афонасий один год был митрополитом и сам оставил митрополичий престол.

Царь же всея Руси Иван Васильевич, узнав о житии святого Филиппа, написал послание на Соловки к святому Филиппу-игумену и повелел ему быстро прибыть в царствующий град Москву ради совершения духовных дел. Когда же он получил послание и братии прочел, братия о том очень скорбела.

А святой скоро в путь пускается. И пошел, и когда достиг от Великого Новгорода третьего поприща, то слышавшие о приходе святого Филиппа люди из Великого Новгорода вышли навстречу ему, встретив

святого с почестями, молили его, да заступится за них пред царем и покровительствует им, ибо слух прошел, что царь гнев держит на город тот.

И быстро пошел святой к царствующему граду. Когда же дошел он до царствующего града Москвы, то повелел царь встретить святого с великими почестями. И святой был на царской трапезе, и великими дарами царь почтил святого. Затем царь святому Филиппу приводит слова из Божественного Писания и так говорит: «Церковь русской митрополии вдовствует, и наставника не обретаем. И ныне по нашему и всего Священного собора совету да будет та благодать тобою исполняема». Святой же, услышав это, с глазами, полными слез, стал говорить: «Это дело свыше сил моих! О благой царь, отпусти меня ради Бога!» Царь же и все бояре в том великом деле оказали давление на святого и превозмогли <сопротивление> его.

И повелел царь послания разослать по городам: да соберутся архиепископы и епископы в царствующий град Москву на поставление святого митрополитом.

Святой же, наставив царя и царских детей словами Божественного Писания, возвратился на митрополичий двор. И с тех пор царь очень любил святого Филиппа-митрополита. Также и святой Филипп-митрополит пекся о <душевном> здравии царя. И вспоминая уединенное житие, призывая на помощь себе преподобных отцов Зосиму и Савватия, соловецких чудотворцев, создал он на митрополичьем дворе во имя их храм и всякими красотами украсил. И каждый день приходил туда и, желание о спасении утоляя, отгонял уныние и печаль.

И спустя какое-то время кинул сатана сорняки вражды в круг вельмож: с ненавистью, как змеи, они шипели друг на друга злые наветы и царя сильно подвигли на гнев. И из-за тех злых замыслов стал он опасаться верных своих слуг, и известных родственников, и друзей, и на бояр своих неукротимо гневался.

И по той причине царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич умысел <свой> претворяет и собирает в царствующий град Москву Священный собор: Новгородского архиепископа Пимена, Казанского Германа, Суздальского Пафнутия, Рязанского Филофея, Смоленского Феофила, Тверского Варсонофия, Вологодского Макария и других святителей. И возвещает им свое царское замышление: царство свое разделить и свой царский двор устроить <по-иному>.

Блаженный же Филипп тогда пребывал в согласии с епископами, и между собою все они твердо уговорились, что будут все они против такого намерения стоять крепко.

Один же из епископов об общем решении донес царю. И иные от своего намерения отказались, иные же против Филиппа поднялись. И когда царь стал на своем решении настаивать, все из-за страха не посмели царю перечить. Святой же Филипп-митрополит начал умолять царя,

чтобы тот отказался от своего намерения, и начал обращаться к царю со словами из Священного Писания, а потом сказал: «Ни за что на такое дело нет и не будет нашего благословения!»

Затем стал говорить: «Священный собор! На то ли вы собрались, отцы и братия, чтобы молчать? Зачем устрашаетесь? Если говорить правду, ваше молчание цареву душу в грех ввергает, а своей душе оно — на горшую погибель, а православной вере — на скорбь! Зачем желаете славы тленной? Никакой сан не избавит нас от муки вечной! С того ли пример берете, чтобы молчать: царские советники опутали себя выгодами мирскими, вожделеют славы тленной и мирской!» И иное многое изрек. Они же стояли по виду смиренны, на деле же — предатели и злу пособники.

Творящие угодное царю — Пимен Новгородский, Пафнутий Суздальский, Филофей Рязанский, благовещенский протопоп Евстафий <ибо тогда на него было наложено наказание святым Филиппом за духовные вины, потому что был он духовником царя: и сей непрестанно втайне и явно наговаривал на святого Филиппа несуразное царю>. Прочии же ни вместе с Филиппом не боролись, ни на стороне царя, но как царь пожелает, — так и они. И только один помогал блаженному Филиппу — Герман, архиепископ Казанский.

Угождающие же царю сплетали ложные слухи о святом и говорили: «Лучше было бы во всем царя слушать, и на всякое дело без рассуждения благословлять, и волю его творить, и не гневать». Где бы гнев царев изменить на милосердие, а они на ярость подстрекали и на разделение <государства>! Царь, видя, что никто против него говорить не смеет, но все воле его повинуются и благословили его, а только один блаженный Филипп против говорит: о благочестии, чтобы не разделять царство, а прочии все уклонились, и гнев царя пал на святого митрополита Филиппа.

И начал царь по своей воле и по совету тех клеветников свое дело творить. Тех князей, и бояр, и прочих вельмож, которые ему, царю, угодны, назвал опричниками, то есть <принадлежащими> его двору; а других князей, и бояр, и остальных вельмож называл земскими. Так и всю землю державы своей разделил.

Спустя некоторое время, когда был он <царь> в своем любимом дворце в Александровской слободе — о, слезы мне! — именем называется слобода, а по замышляемому там делу — горше египетского плена оказалась, ради <претворения> такового замысла, увидели вдруг весь царствующий град войском окружен, так что и слышать страшно. Тогда явился царь и великий князь Иван Васильевич в полном вооружении со всем своим воинством при обнаженном оружии, и видом, и нравом, и делом — на один пошиб: «зачался грех — родил беззаконие», все единообразно в черном платье, а об ином и писать стыдно.

Входит царь в соборную церковь Пречистой Богородицы. Святой же Филипп, видя это, совсем не устрашился подобной ярости, предвидя великую смуту для православных, невыносимые, великие, бесчестящие

скорби и кары. Просветлел он душою и укрепил свое сердце, начал царю многое из Божественного Писания говорить. Царь же это долго слушал, и, не терпя от святителя обличения, исполнился ярости, и сказал: «Какое тебе, монаху, дело до наших царских решений? Или не ведаешь того, что ближние хотят меня погубить?» Святой же отвечал: «Я — монах, как ты говоришь, для моего Владыки Христа. Ныне же по поданной нам от Пресвятого Духа благодати, по избранию Священного собора и по вашему изволению я — пастырь Христовой церкви. И с тобою я одно в том, что должно делать ради благочестия». Царь же сказал: «Одно тебе, отец святой и честной, говорю: „Молчи!" А нас на сие благослови по воле нашей». Святой же произнес: «Наше молчание грех на душу твою кладет и гибель приносит! Ибо когда кто из корабельщиков ошибется — невеликое зло приносит, а когда ошибется кормщик — всему кораблю гибель несет!» И после того много из Божественного Писания изрек. Царь же ответил: «Владыко святой! Поднялись против меня ближайшие и хотят мне зло причинить». Святой же говорил ему из книг Божественного Писания много полезного. А затем сказал: «Следует тебе, благочестивому царю, говорящих неправду обличить и прогнать от себя, как гниющую часть тела <отсечь>». Царь же сказал: «Филипп, не прекословь нашему могуществу, да не падет на тебя мой гнев! Или сан сей оставь!» Святой же сказал: «Благочестивый царь! Ни молений своих к тебе не обращал, ни через посланных не увещевал, ни богатыми дарами не отяготил руки твоей, чтобы получить эту власть. Зачем лишил меня уединения? И если дерзнешь нарушить каноны — твори, что хочешь. Когда наступило время подвига, не подобает ослабевать!»

И тотчас царь удалился в палаты свои в глубоком размышлении, и был очень гневен на митрополита Филиппа. Того же начинания советники и злу помощники — Малюта Скуратов да Василий Грязной со своими единомышленниками беспрестанно всякие лживые наветы возводили на святого и царя уговаривали, чтобы не велел им отстать от такового начинания <потом же и сами пострадали от него>.

После этого много зла было в людях православной веры, и от той опричнины поднялось великое возмущение во всем мире, и кровопролитие, и суд неправедный. И от обрушившейся скорби друг друга не понимали!

Некии же люди пришли к пастырю ради <его> заступничества, через великий плач кричали, смерть пред собою видя, а говорить не в силах, только показывали следы разных пыток и раны на телах своих. Святой же утешал их словами Божественного Писания. Они же, подкрепленные словами, расходились по своим домам.

По прошествии немалого времени, в день воскресный, когда блаженный митрополит Филипп совершал Божественную литургию, пришел царь к церковной службе, одетый в черные одежды, также и другие последователи зла, одетые в такие же черные одежды, да еще и с высокими колпаками на головах своих, подобными уборам, что носят «халдеи». И бояре, и весь синклит таковое же одеяние и облик одинаковый имели. Святой же Филипп, по порядку совершая чин

службы, обрадовался приходу царя и исполнился божественного света. И когда стоял он на предназначенном для него месте, царь трижды подходил к нему и благословения просил, святитель же ничего на то не отвечал. И сказали бояре: «Святой владыка! Царь Иван Васильевич пришел к твоей святости, требует, чтобы ты благословил его». Блаженный же, взглянув на него, приблизившись, сказал: «Благочестивый царь! Кому подражать захотел? Таким образом существа своего доброту исторг, ибо в неподобающий образ облекся! С тех пор как солнце начало сиять на небе, не слыхано, чтобы благочестивый царь сам свою державу ввергал в смуту». И после того сказал: «О царь! Мы приносим жертву Господу, а за стенами храма безвинно льется кровь христианская и напрасно умирают». Царь же разгорелся яростью и сказал: «Филипп! Нашу волю изменить хочешь?!» Святой же слова Писания рассыпал, как стрелы. Царь же, святительским наказам и учению нисколько не внимая, на него сильно разгневался и, рукою потрясая, изгнанием грозил, и различными муками, и наветами, способными уничтожить. И сказал царь: «О, Филипп! Нашей ли власти противишься?» Многотерпеливый же страдалец и пастырь духовный не испугался ни наказания, ни угроз мучениями, но душу свою положил за стадо духовных овец, порученное ему Владыкой, и сказал: «Благой царь! Повелению вашему не повинуемся, и замысла, который ты недобро замыслил, не разделяем, если даже и тысячекратно от вас люто пострадаем». И вновь повторял слова Божественного Писания.

Царь же, услышав это, исполнился ярости. Подстрекатели же безумные, бесом подученные, не радуются о благочестии и о поддержании мира, но, более того, стараются принести беды православным христианам и уничтожить благочестие, и на больший гнев толкают православного царя. И умышляют заговор неправедный ради своей преходящей славы и почестей, ибо толкают царя на ярость и великий гнев. И собирают клевету, и подговорили лживых свидетелей, чтобы те придумали вину святому Филиппу, и сказали о ней народу, дабы народ от него отвратился, и, наконец, желая лишить его епископского сана.

Когда царь и епископ были еще в церкви, некто чтец соборной церкви, подучен врагами Филиппа, начал изрыгать грязные слова на блаженного Филиппа. Слышавшие же <это> епископы из угождающих царю — Пимен Новгородский и прочии — стали негодовать на святого и сказали: «Как этот царя наставляет, а сам недостойное творит!» Святой же Филипп сказал архиепископу Пимену: «Хотя и человекоугодничаешь, и пытаешься престол чужой похитить, но даже и со своего зло свержен будешь!» <Недолгое время спустя после свержения блаженного Филиппа был изгнан и Пимена-рхиепископ со своего престола и в заточении скончался>.

Епископы же, любившие святого митрополита Филиппа и знающие, что все — ложь, ничего не смели сказать, видя, что все подстроено для изгнания его. Отец же, любовь отеческую проявляя к юноше, ибо знал, что легчайшая вина — юношеские прегрешения, сказал чтецу церковному: «Да будет к тебе милостив Христос, любезный! Прости

тем, кто тебя на это подучил, ибо вижу, что тебе <за обвинения> заплатили. Но знаете ли вы, любимые мои, из-за чего хотят меня свергнуть и царя подбивают на то? Потому что не рассыпал пред ними лестных слов, не одевал их в шелковые ризы, не потакал их невоздержанию. Не будет мне того, чтобы об истине умолчать ради пребывания на епископском престоле».

Люди же православные, стремящиеся к благочестию, ни в чем не отступали, но больше приблизились к блаженному Филиппу-митрополиту. Царь же гневался на святого Филиппа: где бы они ни встречались — и слова тихого не скажут, добрый же страдалец сего не убоялся и не умолкал.

Немного времени минуло, пришел праздник святых апостолов Прохора, Никанора и прочих. Был монастырь девичий за городом, а в нем — храм во имя их. И был обычай царю и митрополиту приходить туда на тот праздник по традиции прежних царей. Когда пришел <туда> царь со всеми боярами, блаженный Филипп со всем причтом ходил вне монастыря вокруг стен крестным ходом, и дошел до святых ворот. Время уже подошло, хотел читать Святое Евангелие, и оглянулся святой Филипп назад, и увидел одного из царевых людей, стоящего в шапочке.

И, повернувшись к царю, он сказал ему: «Царь державный! Подобает ли благочестивому царю придерживаться мусульманского закона?» Царь же сказал: «Как это?» И ответил святой: «Вот пришедшие с тобою из воинства твоего стоят, словно <принадлежащие> к образу сатанинскому!»

Царь оглянулся, желая увидеть случившееся. А виновный спрятал шапочку со своей головы. Царь же стал сильнее дознаваться, желая узнать, кто так сделал. И никто из его окружения не смел об этом сказать царю: ибо был тот из любимцев царя. Злу же пособники и обманщики переложили вину на блаженного Филиппа, де «это говорит — власть твою царскую хулит».

Царь гнева и ярости преисполнился, ругал святого дурными словами, что во всем — противник его.

После того стал царь думать, как бы лишить сана святого митрополита Филиппа. Беспричинно его свергнуть не хотел: да не поднимется мятеж в народе. Вскоре по произнесении лживых свидетельских слов царь посылает в Соловки разузнать о блаженном Филиппе, какою была его прежняя жизнь, суздальского владыку Пафнутия, да архимандрита Феодосия, да князя Василия Темкина, а с ними — многих людей из своего войска. Когда эти, творящие неправое дело, дошли до Соловецкого монастыря, то начали иноков одних — лестью и взятками умягчать, других же — высокими почестями услаждать, чтобы те по их желанию свидетельства дали; иных же — страхом наказания пугали. Легкоумных же, скажу — и безумных, к своему замыслу привлекли.

Князь же Василий Темкин да архимандрит Феодосий, не усердствуя, провинности святого собирали, а Пафнутий-епископ и слышать не хотел рассказывающих о святом правду. Игумену же Паисию посулили сан епископа и тем привлекли к своему умыслу.

И так собрав зловонное сонмище и сплетя навет неправедный, изострили языки свои, словно змеиные. Богоносным же честным старцам, живущим в той обители, многие раны нанесли, тщетно приказывая им несуразное на святого лгать. Они, пример благочестивого поведения имея, многие муки с радостью приняли за пастыря своего, как один, возвещали истину: честную и непорочную его жизнь по божественной заповеди, и попечение о святом месте и о спасении братии.

Они же, и слышать не желая о благих деяниях святого, возвратились в царствующий град, взяв с собою и легкоумного, но более того — безумного, Паисия-игумена с иными участниками заговора и лжесвидетелями.

И они поставили пред царем лжесвидетелей, и лживые и несущие многую смуту бумаги свои положили, ибо были ослеплены грехолюбием, не вспомнили слов пророка: «Ров вырывший и выкопавший сам и упадет в яму, ту, что сделал».

Царь же, услышав много против святого ложных показаний, которые мало чести ему делают, и повелел читать их пред собою и боярами. И быстро захотел дать выход своему гневу, не убоялся суда Божия, что «царям не подобает вины святителей расследовать, но епископы по правилам должны судить», и если достоин будет <святитель> наказания, — тогда царь власть свою над ним осуществляет и показывает. Здесь же самовластно сотворил, нисколько не ждал, ни клеветников его опровергнуть не дал.

И послал царь за святым своего боярина Александра Даниловича Басманова со многими воинами <виновники они, и этот — виновник>, и повелел блаженного Филиппа изгнать из церкви.

Когда же боярин пришел в церковь Пречистой Богородицы, то изрек пастырю царевы слова и к ним прибавил: «Не достоин ты, Филипп, святительского сана!» И повелел пред ним и всем народом читать лживо составленные многие листы и позорящие слова.

Пришедшие же с ним напали на святого, как злобные псы, и сорвали с него знаки святительского сана. Он же, обращаясь к своему клиру, пророчески изрек: «О чада! Скоро разлучат меня с вами, но радуюсь, что за церковь страдания принял. Ибо наступает время, когда вдовство принимает церковь: пастыри, как наемники, изгнаны будут, никто не утвердит окончательного пребывания во святой этой церкви Божьей Матери, и никто не будет погребен здесь». Как сказал святой — так и стало!

И возложили на святого одеяние иноческое много раз латаное и драное, и изгнали его из церкви как злодея, и посадили его на злосмрадную повозку разболтанную, и повезли за город, оскорбляя его. Иные же выталкивали его прутьями, и метлами били его, толкая, и бесчисленным множеством злобных укоров осыпали его. И каких только игр дьявольских сии безумцы над святым ни сотворили! Все из возможных мучений и оскорблений над святительским венцом святого сотворили и переполнили умилением зрелище!

Блаженный же святитель Филипп, издевательства над собою и грязное рубище на себе видя и оскорбления терпя, надеждами на будущее укрепляем, радовался, ибо новым мучеником явился, вспоминая страсти Христа, Бога нашего. И привезли святого в монастырь Богоявления Господа нашего Иисуса Христа за ветошным рядом. Люди же, плача, провожали его, разлучались со своим учителем, ожидая себе окончательной погибели. Преподобный же архиерей Божий Филипп на все стороны осенял народ крестным знамением, своего благословения сподобляя их и много поучительных слов Божественного Писания говорил им. Они же, последнее прощение от него получив, возвращались с плачем, ибо всех охватил страх пред царем: никуда не могли <от него> укрыться.

И вскоре царь приказал привести блаженного Филиппа на собор церковных иерархов на ставку пред лживыми свидетелями. И везли туда святого, как и прежде, с позором. Когда же святой встал пред царем, те лживые клеветники, а затем пастырев ученик — игумен Соловецкого монастыря Паисий <по делам же — второй Иуда-предатель> много оскорбительных слов произнесли о святом. Святой же сказал ему: «Безумный! Хоть тщишься ухватить власти выше той, которую имеешь, но и этой, нечестивый, лишишься. Ибо написано: „Если кто, — сказано, — что посеет, то и пожнет"».

И большое смятение было пред царем, святой же стоял, словно агнец беззлобный среди волков, и с Божьей помощью противился им. Блаженный Филипп, неотступно подвиг свой завершая, ярость цареву обличал: «Прекрати, благочестивый царь, — сказал, — столь недостойное начинание. Вспомни о царях, бывших прежде тебя, которые хорошо жизнь прожили и по заповедям Божьим творили, и после смерти — блаженны. А те, кто скверно царствами правил, — и ныне немалыми проклятиями поминаются». И иные многие поучения, подобные этим, изрек царю.

Царь гнева и ярости преисполнился, ничего не отвечал. И повелел отдать святого грубым и немилостивым воинам. Они же взяли его и про себя решили: «Испробуем, — сказали, — беззлобия его и к смерти безобразной осудим его, ибо он противится повелению царя. Если этого умертвим, никого не будет, обличающего беззакония наши, ибо он один неизменен, обличая и наставляя царя».

После этого посадили его в зловонное помещение и ноги его забили в колоду со всем усердием. И оскорбляли его гнусно, и железные цепи тяжкие, для того и приготовленные, возложили на шею доброго

страдальца, и правую руку святого стянули оковами железными. Ко всему этому еще голодом морить попытались непобедимого, с юности привыкшего принимать пищу раз в неделю!

Святой же мужественно страдания принял и победу показал! Ибо Даниила в Вавилоне львы устыдились, а люди того доброго страдальца не помиловали. Но и души не имеющие орудия <пыток> устыдились мужества сего святого: с шеи его и с правой руки железные цепи сами упали, и «ноги прекрасные, мир утверждающие», сами собою освободились от запоров. Об этом преславном чуде было поведано царю, и было то на удивление <ему>.

А через восемь дней приказал <царь> перевести святого в монастырь святого Николы, прозываемый Старым. Потом повелел царь брату Филиппа — Михаилу Колычеву голову отрубить и послал ее святому Филиппу. Святой же Филипп встал с достойным почтением, и со всеми почестями <ее> принял, и поклонился до земли, и благословил ее, и с любовью поцеловал. И сказал: «Блаженны те, кого избрал и принял Господь, и память их — из рода в род». И отдал ее принесшему.

Узнал царь о мужественном терпении святого, и осудил его на заточение в город Тверь в Отрочь монастырь, и надзирателей немилостивых повелел приставить к святому. И вскоре после этого сослал. Святой же по дороге много пакостей и унижений принял: на мулах езду, и лишение необходимой пищи, и — просто сказать — всю полноту бед приняла эта многострадальная душа и нисколько не ожесточилась, вспоминая слова божественного апостола Павла, говорящего: «Ничто меня не разлучит от любви Божьей!» Сказал он себе: «По добром размышлении надеюсь, что ни смерть, ни жизнь, ни заточение, ни позор, ни разлука с родными, ни сановные почести, ни иное что из сотворенного Богом не отторгнет меня от любви Божьей. Как Господу угодно, так и будет».

И уже завершался год, как блаженный жил в заточении страдальческой жизнью. В то время царь начал поход на Великий Новгород, свое начинание в дело превращая. Когда он еще не дошел до города, где был заточен святой, супостат Малюта Скуратов внезапно пришел в монастырь один без сопровождающих и грубо ворвался в келию святого.

Блаженный же Филипп за три дня до его прихода бывшим у него сказал: «Уже пришло время окончания моего подвига». Они же не поняли произнесенных им слов, что он о себе говорит, покуда он не скончался. Затем стал просветлен, говоря: «Уже уход мой близок». Причастился, словно отправляющийся в дорогу, Пречистого Тела Христова и его Животворящей Крови. И еще более преисполнился Пресвятого Духа и становится тайновидцем сокровенному.

Вначале притворства властолюбивый раб умильно припал к святому и сказал так: «Святой владыка! Дай царю благословение идти на Великий Новгород!» Блаженный же сказал: «Будет тебе! Ради чего ты пришел, любезный, то и твори. Зачем искушаешь меня! И дарованное Богом не

думай скрыть». И помолился святой: «Владыка! Господи Иисусе Христе, святой Вседержитель! Прими с миром дух мой и пошли мирного ангела пречистой твоей славы, наставляющего меня усердно, и к трехипостасному божеству да не закрыт мне будет вход властителем тьмы с его отступническими силами. И не посрами меня перед ангелами твоими, и к лику избранных причти меня, ибо благословен Ты вовеки. Аминь!»

Тот же человек, каменное сердце имеющий, — Малюта — закрыл подушкой преподобного уста, обличающие безумства. И так предал он душу свою в руки Божии, увенчавшись венцом мученика, в год восемь тысяч семьдесят восьмой <1569> месяца декабря в 23-й день, жизнь закончил и подвиг свершил.

Неблагодарный же тот человек, Малюта Скуратов, сделал задуманное им, и тотчас вышел из кельи, и с коварством стал говорить настоятелю обители той и приставленным к Филиппу, что «по вашей небрежности умер митрополит Филипп от чрезвычайной духоты в келье». Они, охваченные страхом, ничего не смогли ответить.

Малюта же приказал вырыть в своем присутствии глубокую яму, и погребли многострадальное тело блаженного Филиппа-митрополита за алтарем большой церкви Пресвятой Троицы, и вернулся туда, откуда пришел.

О тех же, что оговорили неправедно святого, лукавством собрали ложь про святого Филиппа, царь узнал и, доподлинно расследовав, приказал изгнать их в различные стороны. Многие из них по пути лютой смертью умерли, иные из них гнойными воспалениями и истечениями смрадными заболели, другие же из них в слабоумие впали. Соловецкой же обители игумена Паисия <царь> на остров Валаам в монастырь заточил. А кто с ним заодно делал — по другим краям разослать повелел. Филофея же Рязанского сана лишил святительского.

Когда же царь возвратился со всеми воинами своими из Новгорода, архиепископа Новгородского Пимена в Никольский Венев монастырь сослал, найдя ему соответствующую вину, к которой и то прибавил, что выступал тот против святого Филиппа, ибо раскаивался в том, что несправедливо обошелся с блаженным.

Не оставил Бог вины и тем, кто надзирателями был у святого и оскорбили его, быстро они месть за злодейство свое приняли: Стефана, прозываемого Кобылина, <царь> в монашеские ризы облек и на остров Каменный заточил, иных же в другие края разослал и заточил и никому из них не спустил. И вот тайна: честного отца глаголы, более светлые, чем солнце, всем очевидны стали, ибо в Писании сказано: «Всякое беззаконие замкнет уста свои».

По прошествии некоторого времени по смерти царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, в седьмой год царствования царя и великого князя всея Руси Феодора Ивановича, в двадцать первый год по смерти святого случилось следующее. В год восемьтысяч девяносто

второй <1584> иноки Соловецкой обители: игумен Иаков с братией, умоляли царя Феодора, чтобы повелел он даровать им мощи святого Филиппа-митрополита. Царь же внял их мольбам, и повелел дать им грамоту к епископу города Твери, и приказал отдать им мощи святого.

Добрались они до города Твери и места, где было захоронено тело святого. Когда же раскопали землю и нашли гроб, — излилось миро от мощей святого, и появилось какое-то несказанное благоухание, так что наполнился воздух всего города ароматом благоухания. И открыли гроб, и обрели тело святого целым и невредимым, так что и риз его не коснулось тление.

Люди же приходили к мощам святого, словно звезду пресветлую увидеть, пришел туда и епископ города. Игумен же Иаков взял мощи святого и привез в Соловецкий монастырь.

И внесли в соборную церковь. Когда же пришло время звонить к заутрене, поспешил настоятель войти в церковь. И вдохнул запах необыкновенного благоухания, которым церковь была наполнена, словно миро благовонное и многоценное излилось от мощей святого. После совершения утреннего славословия, когда было приготовлено место, где хотел почить святой, целовали место упокоения святого с подобающей честью и погребли святого там, где он сам место приготовил.

И согрелось сердце его в нем, и возрадовалась плоть его, словно живая и душу имеющая, по милости Бога живет она, и дарованием чудес обогатилась во имя Иисуса Христа, Господа нашего. И ныне и всегда и во веки вечные. Аминь.

Песнопения службы митрополиту Филиппу

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Рамазановой

ВСТУПЛЕНИЕ

Созидатель и устроитель монастырской жизни во время игуменства своего в Соловецком монастыре, обличитель царского произвола и «обидимым заступник» в период служения в сане митрополита, святитель Филипп, бывший при жизни «укоряем и изгнан», после своей мученической смерти стал особенно почитаемым святым. Для богослужения, совершаемого в память о нем, было создано несколько разных текстов службы. Их составление было приурочено к перенесению мощей святителя, которые, как известно, с 1591 по 1652 г. трижды меняли место своего упокоения.

По мнению Филарета (Гумилевского), первая служба святому была создана соловецким иноком Пафнутием, когда мощи Филиппа были перевезены из Тверского Отроча монастыря в Соловецкий и погребены там. (Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. С. 227). Правда, текст этой службы исследователям неизвестен (Филарет ссылается на декабрьскую Минею, опубликованную в 1645 г., однако в ней помещен текст службы, созданной не на Соловках, а в Москве, и не в 1580—1590-х гг., а около 1636 г., о чем пойдет речь ниже).

Еще две службы составлялись в связи с перенесением мощей святого, осуществленным в самом Соловецком монастыре 30 или 31 мая 1646 г.: гробница св. Филиппа под папертью Преображенского собора была вскрыта, и мощи перенесены в собор, построенный еще во времена его игуменства. Одна из служб в честь этого события была составлена иноком Соловецкого монастыря Герасимом Фирсовым (См.: Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова / Изд. ОЛДП. СПб., 1916), другая — еще одним соловецким иноком Сергием Шелониным (Сапожникова О. С. Неизвестные сочинения Сергия Шелонина // Русь и южные славяне. СПб., 1998. С. 340—355).

Надо заметить, что Сергий Шелонин, составляя службу, не преследовал иных целей, кроме прославления св. Филиппа в Соловецкой обители. Его служба создавалась специально для местного празднования, устанавливаемого в монастыре, о чем свидетельствует ее содержание. Здесь неоднократно упоминается Соловецкая киновия, вновь обретшая своего бывшего игумена. («Днесь преименитая и великая Соловецкая киновия, якоже новаго Авраама-преселника тя, преславне отче, приемши, радуется»). Герасим Фирсов же надеялся на использование службы в общецерковной практике, в связи с чем он нарочито обошел все ориентиры, привязывающие ее к географически определенному месту. В тексте его службы нет ни соловецких реалий, ни упоминаний о Москве. Однако этот праздник перенесения мощей не стал общецерковным.

В практике богослужения к этому времени использовалась другая служба, созданная предположительно около 1636 г. и вошедшая в первое издание декабрьской Минеи 1636 г. Вероятно, в это время предполагалось перенесение мощей святого из Соловецкого монастыря в Москву и установление там празднования памяти святителя Филиппа. В службе есть многократные упоминания о Москве: «Царствующему

граду Москве великое удобрение и русское утверждение», «Яко светозарная звезда граду нашему Москве восиял еси ученьми словес твоих». Более того, мученик Филипп принимает смерть не просто за «обидимых», но «за люди московского народа». Уже задолго до осуществленного в действительности патриархом Никоном в 1652 г. перенесения мощей св. Филиппа в Москву, в службе, созданной около 1636 г., было определено место их упокоения — Успенский собор Московского Кремля («Тобою Богъ украси церковь Матере своея»). А в самом соборе установлено празднование памяти святителя, о чем свидетельствует указание в рукописи устава богослужения Успенского собора — «Сказании действенных чинов святыя соборныя церкви Успения Пресвятой Богородицы», составленной в 1636—1639 гг. (Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3. Ч. 1. М., 1869. С. 366—369).

Итак, в 1636 г. все было готово к перенесению мощей митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву: определено место упокоения в первопрестольном храме, создана служба, установлено празднование. Что помешало совершить этот акт, остается неизвестным. Однако служба, составленная по этому случаю, единственная из всех, созданных в честь св. Филиппа, выдержала испытание временем и в дальнейшем своем бытовании в рукописях и печатных изданиях подверглась минимальной редакторской правке.

Служба св. Филиппу, как и всякая другая, связана с житием святого, но не пересказывает его. В ней звучат только отдельные мотивы, в которых прославляется аскетизм святителя — «страсти покорив и плоть поработив духу» (стихира на литии); пастырское служение — «пасеши же стадо свое на пажитех духовных» (стихира на «Господи воззвах» на великой вечерне), «В славословие же всех Богу пресветлыя храмы воздвигл еси во спасение иночествующим» (стихира на литии); чудеса, им совершенные, — «яко прикосновением болезнь очную исцелил еси, истерзание зубом облегчи» (канон, песнь 7 и 8). В тексте службы Филипп воспевается как святитель-мученик — «Истинен святитель и страдалец» (стихира на «Господи воззвах» на малой вечерне), «мучеником и исповедником подобяся» (на «Господи воззвах» на великой вечерне), «Кровь твоя, мудре, вопиет от земля яко Аве-лева» (седален), «венец же нося страдания и испещрен кровными каплями» (канон, песнь 7). Но, пожалуй, более всего составителя службы занимает тема конфликта с царем — «Молитвою царя умоляя и дерзостно поучая неразделиму быти его царству» (стихира на «Господи

воззвах» на малой вечерне), «Нравы подобяся Златоустому, посрамил еси суеумных шатания» (стихира на «Господи воззвах» на великой вечерне), «Дерзновенно неправедное начинание праведно разорявши. Царя же и люди научавши апостольским преданием последовати. И от разделения людскаго и злаго начинания престати повелевавши» (стихира на литии).

В этих описаниях поведения Филиппа нет и следа кротости святителя. Он «дерзостно повелевает», «поучает», «посрамляет», язык его — «мечь обоюду остр» (канон, песнь 8). Но вместе с тем «разумно изобличив начальствующая», святой обрел право, предстоя престолу Божественному «яко имый дерзновение к нему, молити за царя православнаго». Причем сообразно представлениям о времени и вечности эта молитва «за царя православнаго» была молитвой и за «неправедного» Ивана Грозного, и за царя, в годы правления которого создавалась и отправлялась служба.

Из всех многочисленных песнопений службы для данного издания избраны два основных жанра — славники и канон (см. примеч.). Это связано с характером содержания и исполнения этих жанров. Они весьма различаются по типу информации, заключенной в них. В каноне на первый план выходит понятийная информация — литературный текст. Здесь передаются основные события, происходившие с героем празднества, формулируются главные мотивы, прославляющие его как святого. Более того, в каноне св. Филиппу, как зачастую и в прозаических произведениях, есть начальная и завершающая этикетные формулы. Начинается он с молитвенного обращения автора к Богу о даровании ему вдохновения для восхваления святого («…словомъ вдохни восхвалити, иже Самъ избра и приятъ, верхъ страдания священнаго Филиппа»), Завершается — самоуничижительными словами, в которых похвала святому сравнивается с детским лепетом («Юношамъ нѣмование сродно присвоение бываетъ, не яко достойни суще, приими от насъ нынѣшнее благодарение, о, страстотерпче»). Для славников же конкретные поступки и линия поведения не столь важны. В них воспевается лишь общий идеал святости и преобладающее значение приобретает информация эмоциональная, выраженная в музыкальном тексте.

Причем в этой службе музыкальный текст в основном массиве источников записан только для славников и стихиры по 50-м псалме (см. примеч.). Все остальные стихиры, имеющие указания пения на

подобен известны только по одной рукописи (РГБ, ф. 379, № 64). Это связано с общей для певческой практики 2-й половины XVII в. тенденцией к сокращению певческой части богослужения. И переписчикам службы св. Филиппу не было нужды записывать нотный текст стихир, как правило, не певшихся, а читавшихся, либо вовсе пропускавшихся в службе, и которые в случае необходимости можно было петь по образцу. Что же касается канона, то он в знаменных рукописях не зафиксирован. Каноны записывались в рукописях с нотацией в исключительных случаях. Они чаще читались, а если и пелись, то по образцу ирмоса, указанного в начале каждой песни.

Нотированные тексты службы, как можно предположить на основании имеющихся списков, появляются в середине XVII в. в связи с перенесением мощей митрополита в Москву в 1652 г. Оно, как известно, сопровождалось богослужением как в самом Соловецком монастыре, так и в столице. Официальное утверждение св. митрополита в чине общецерковного святого и необходимость совершения его памяти как в день перенесения мощей (3 июля), так и в день его гибели (23 декабря) потребовало пересмотра службы ему. Вот тогда-то и понадобилась письменная фиксация музыкального материала. Часть этого материала с переводом на современную нотную систему опубликована в сборнике «Рукописные памятники» (Вып. 4. СПб., 1997. С. 33—47).

Здесь публикуются тексты славников, стихиры по 50-м псалме, близкой славникам по характеру содержания и исполнения, а также канона с так называемыми междопеснями — песнопениями, исполнявшимися между песнями канона (седальнами, кондаком, икосом и светильном см. примеч.), по рукописи 3-й четверти XVII в. (РНБ, Соловецкое собр., № 191/191, л. 24—29), где текст службы помещен после краткой редакции Жития святителя Филиппа.

ОРИГИНАЛ

ОТЦА НАШЕГО ФИЛИППА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РУСИИ, НОВАГО ИСПОВѢДНИКА

На малѣй вечерни.[1] Слава.[2] Глас 6.[3] Святителемъ удобрение[4] и отцемъ красоту, Земли русской молебника велика, сошедшеся днесь, о, празднолюбцы, пѣснеными похвалами воспоемъ, глаголюще: Радуйся, святителю Филиппе, твердыи умомъ, благодатию и истиною освященныи; отнюдуже и приятелище бысть Пресвятаго Духа; и нынѣ, с первосвятители предстоя престолу Христову, молися о душахъ нашихъ.

На велицѣй вечерни.[5] Слава. Глас 8. Радуйся и веселися,[6] честная киновия, свѣтло торжествуй, Христова Церкви, совокупльшися, ликуй, Богозванное стадо, днесь созываетъ насъ архиерея всемирное торжество. Придѣте убо, свѣтло празднуемъ, в память его глаголюще: Радуйся, святителю благочестия, яко ризою, мужестъвомъ духовнымъ облекъ себе; радуйся, низложивыи суровством гордаго[7] даною ти от единаго Бога силою; радуйся, скорбящимъ душею Божественое утѣшение, и обидимымъ заступниче, и всѣмъ вѣрнымъ благоутишное пристанище. Тѣмъже, обьстояще всечестную ти раку, любезно облобызаемъ, святителю Филиппе, тобою просимъ получити Божественнаго человѣколюбия, и твоими молитвами миру смирение даровати, и душамъ нашимъ велию милость.

В литию.[8] Слава. Глас 4. Подобаетъ царствующему граду Москвѣ Филиппа вездѣ имѣти архиерея, яко нѣкую утварь царьскую и сокровище некрадомо,[9] всѣмъ подающи богатство спасения исповѣданием и вся собирающа к соединению пѣсней Боголѣпныхъ; к немуже возопиемъ: Святителю и исповѣдниче, моли Христа Бога о душахъ нашихъ.

По 50-мъ псалмѣ.[10] Стихира.[11] Глас 8. Апостоломъ ревнителя,[12] Филиппа преблаженнаго, отца и учителя, сошедшеся восхвалимъ, глаголюще: Радуйся, святителю, твердыи умомъ, благодатию и истиною освященне; отнюдуже и приятелище бысть Духа Пресвятаго; и нынѣ, с первосвятители предстоя престолу Христову, молися присно о рабѣхъ своихъ.

Канонъ[13] святителю. Глас 8.

Пѣснь 1.[14] Ирмосъ:[15] Посѣченыи несѣкомаго пресѣче.[16]

Агньче Божии и Слове, свѣтозарениемъ Святаго Твоего Духа, мрачному уму моему свѣтоносную лучю подаждь, и словомъ вдохни восхвалити, иже Самъ избра и приятъ, верхъ страдания, священнаго Филиппа.

Благодать, святе, Божественую рабу своему подаждь, и радости ми исполни душу, похвалити житие твое, Филиппе святителю, имъже вся возвесели, подвизався, Господеви воспѣвая: Славно бо прославися.

Великихъ добродѣтелей свѣтозарениемъ сияюща дѣтели, преподобне; постыдѣшеся царие крѣпкаго ти разума, и предѣлъ языка твоего не поколѣбася,[17] Господеви поя: Славно бо прославися.

Богородичен.[18] Глаголы богогласныхъ проповѣдникъ о Тебѣ, Богомати, исполнишася; се бо роди, Дѣво, младо Отроча, Адама древняго старѣйша и сопрестольна Родителю, миру всему на спасение и тлѣнию измѣнение.[19]

Пѣснь 3.[20] Ирмос: Утвердися сердце мое о Господѣ.

Добродѣтелей на гору востече и в мракъ видѣния вниде, святителю Филиппе, и разумѣ, елико вмѣстилъ еси, непостижимаго естествомъ, просвѣщения исполнь бывъ, отче, приемъ Божественную благодать.

Единаго Бога добротою искии, едину Его получити славу желая, блаженне, славу же и честь земнаго пребывания, яко преходящую, оставилъ еси, яко угодникъ просия всѣхъ Владыки Христа.

Желанием духа плоти желание увядилъ еси; и сѣмя, блаженне, обручилъ еси сожителницу чистоту, от неяже чада тебѣ родишася вся добродѣтели присно славне, чадо тя содѣвающе невещественому свѣту.

Богородич<ен>. Змия умертвила еси, умертвившаго Адама в породѣ, и Еввѣ праматери составльшаго печаль,[21] живота прозябши, Дево Чистая; и от истлѣния нас свободи, Богъ бо ис Твоихъ ложеснъ прошедъ неизреченно.

Сѣдаленъ,[22] Глас 8. Подобенъ:[23] Премудрости.

Яко апостолу избранному тезоименитъ, отче, подражатель,[24] бѣды претерпѣлъ еси и гонения; ревность воображая пророка Илии и Крестителя,[25] мужьски изобличилъ еси беззаконнующая и престолъ божественѣ управилъ еси. Равно течение скончавъ, яко милость тѣло свое на земли оставль, испущаеши миро благоухания арахматъ, и яко дождь изливаеши духовно, напояя таино бразды сердецъ нашихъ, Филиппе святителю, моли Христа Бога грѣховъ оставление даровати чтущимъ любовию святую память твою. (Дважды).

Пѣснь 4. Ирмосъ: Пророкъ Аввакумъ мысленыма.[26]

Злобою живущеи на тя незлобиваго агньца яко дивии звѣрие восташа, словесы твоими, яко осномъ стрѣчеми, не терпяще, завистию поощряеми, святителю богомудре.

Имѣя тя заступника миръ весь и помощника во бранѣхъ, яко поборника вѣрьна и скораго предстателя, к твоей бо паствѣ приришущих напастей и бѣдъ изимаеши священными ти молитвами.

Исполнивъ добрыя подвиги, тезоимените, нетлѣннаго, богомудре, сподобися безсмертия, идѣже радуяся вѣнъца побѣде взялъ еси, тѣмъ вопияше: Слава силѣ Твоей, Слава, Христе, пришествию Твоему.

Бог<ородичен>. Крѣпость всѣмъ врагомъ низложи, Мати Божия, оскорбляющих воспѣвающихъ Тя, яко рождьши Господа Славы; невредимо Твое стадо спасай от злыхъ приражении, яко да подолгу Тя ублажаемъ.

Пѣснь 5. Ирмосъ: Мракъ душа моея отжени.[27]

Луча праведнаго солнца явися мирови[28] свѣтлостьми добродѣтелей предстательство твое, святителю Филиппе, разоряя облакъ нашедшихъ бѣдъ; тя и нынѣ поющая в мирѣ сохрани и прослави я красотою и просвѣти.

Мечь обоюдуострь языкъ твой показася, въ Христовъ страхъ вооружився, блаженне, разумно изобличивъ начальствующая, во свѣдѣтельство Христа, всѣхъ Царя,[29] виновна на среду приводя, и Божественныхъ Его ученикъ.

Новъ явилъся еси ревностию якоже вторыи Моисей, не знамении страшными удивляя, но Божественныхъ словесъ учении наставляя, к тихому пристанищу новаго Израиля страстнаго Египта изводя.

<Богородичен>. Облакъ разумныи Тя именуемъ, ис Тебе бо Христосъ восия, Непорочная, и пространнѣйшу Тя небесъ показа, Сего неискусомужно родила еси, Чистая, воплощенна за милосердие неисповѣдимое.

Пѣснь 6. Ирмосъ: Иону в китѣ, Господи, единаго вселил.[30]

Промышление общее творя, иже бѣ душа и сердце единославне взываше во Христовѣ вѣрѣ пребывающимъ, языческая же со отятиемъ отрѣваше предания,[31] и раздѣления бѣжати мудрѣ научилъ еси.

Ревностию Христовою ярость поостривъ, яко непреклонен слышанию речение о таковых, свѣдѣтельство велие извѣстуя от апостольских речении и пророкъ, яко Христовымъ заповѣдемъ дѣлатель.

Свѣтоносную лучю иже во мрацѣ жития сущимъ, святителю Филиппе, видимъ тя яко свѣщу неугасимую, с невещественымъ бо бесѣдова свѣтомъ, вся освѣщающа конца и пьянство лютыхъ отемлюща.

Бог<ородичен>. Тя иногда написа скрыжаль Богообразнѣ во пророцѣхъ Моисей; свѣщникъ же свѣта, и сѣнь, и процвѣтший жезлъ,[32] Всенепорочная, и ручку, манну носящу,[33] Еюже возведохомся от земля к высотѣ.

Кондак.[34] Глас 3. Под<обен>: Дѣвая днесь.[35]

Православию наставника и истинѣ согласника, златоустаго ревнителя, русскаго свѣтилника, Филиппа премудраго восхвалимъ, в пищи словесъ своихъ разумно чада своя питая, языкомъ убо хваление поя, устнама же пѣние вѣщая, яко таиникъ Божия благодати.

Икос.[36] Приидѣте, любострадальцы, пѣниемъ и пѣсньми духовными память совершающе, Божественѣ возвеселимся. Время нашего веселия

болшее и пребывающее трижнение наста и приемлюще страстемъ разрѣшения даръ. Новыи бо столпъ огненъ явися,[37] попаляя беззаконнующая главы, вѣрных же просвѣщая душа к вѣрѣ Богоразумия, и въ Божественныи градъ вышнии Иеросалимъ, яко другаго Израиля вводя, яко ученикъ Божия благодати.

Пѣснь 7. Ирмосъ: На полѣ молебнѣ иногда.[38]

Украшенъ боголѣпно Господеви предста добродѣтелными подвиги, вѣнецъ же нося страдания, испещренъ кровными каплями, святителю Филиппе; тѣмъже совершающих свѣтоносную память твою присно поминай, и поющих: Отецъ наших Боже благословенъ еси.[39]

Фараонитъ, мысленых врагъ ополчения, блаженне, избѣгъ, легко прешелъ еси к горнимъ, тамо водворяяся, идѣже почесть славы получивъ терпѣния — во свѣте праведных, в радовании святых воспѣвая: Отецъ нашихъ Боже, благословенъ еси.

Хвалят тя, блажаще любовию, иже притичющеи к рацѣ твоей, блаженне, тоя бо целующе, независтно благодать приемлем. Яко прикосновением болѣзнь очную исцѣлилъ еси;[40] и терзание зубомъ облегчи поющимъ Содѣтеля: Отецъ нашихъ Боже, благословенъ еси.

Бог<ородичен>. От любве душевныя вопию Ти, Владычице, пресвѣтлаго солнца облаче, спасеная двери, небесная врата, лѣствице мысленая. Всѣхъ християнъ молбу приими, Тебе блажащих, надежду душамъ нашимъ, и Сыну Твоему зовущих: Отецъ наших Боже, благословенъ еси.

Пѣснь 8. Ирмосъ: Покрываяй водами превыспреняя своя.[41]

Цѣлиши независтно вѣрно призывающия тя, яко представъ абие разслаблена воставилъ еси, и страждущему ятро прикосновениемъ ручнымъ исцѣлилъ еси,[42] унылиемъ скорбяща явлениемъ своимъ в радость претворилъ еси, присно дѣйствуя, блаженнѣ, вѣмъ вовѣки.

Честь многоцѣнную твоему верху — страдания вѣнецъ, яко побѣдоносцу живоносною десницею Зиждитель возложи всебогате, тѣло же твое соблюде невредимо от боку земленую, испущающе благоюхания арамат; сицѣ тя прослави Подвигоположникъ во вся вѣки.

Шатания брани межеусобныя укроти, и разсвирѣпѣющая волки на стадо твое, блаженне, молитвеною си палицею далече отжени, и царю нашему скипетры державно устрой, и востания языкъ во смирение покори, да яко предстателя тя воспѣваемъ вовѣки.

<Богородичен>. Щитомъ вѣры храмъ Твой святый, Богородице Дѣво, сохрани, и в немъ славословящихъ Тя купно славы Своея сподоби, и нахождения варварскаго и томления ихъ избави, ума нашего волнения укроти милостиво си, Препѣтая.

Пѣснь 9. Ирмосъ: Благословенъ Господь Богъ Израилевъ.[43]

Едино естество Троицы, безмерную силу благословил еси, и суетных служения дерзновенно, всемудре, изобличилъ еси, и божественными наказании укрѣпль; ангеломъ сожителниче, святителю Филиппе, память твою празднующих в мирѣ соблюди.

Юношамъ нѣмование сродно присвоение бываетъ, не яко достойни суще, приими от насъ нынѣшнее благодарение, о, страстотерпче; по дѣйству убо не наше, но ангельско есть — и в лѣпоту восхвалити тя; мы же от усердия дерзнухож, елико возмогохомъ.

Яко апостоломъ сопрестоленъ и мученикомъ сликовенъ, святителемъ равночестенъ, страстотерпче Филиппе, предстателствомъ твоимъ поющихъ в мирѣ сохрани и православнаго царя нашего рогъ возвыси, варварьская же шатания низложи, да, радуяся, поем величия ти.

Бог<ородичен>. Свѣта приятелище, Богорадованная Владычице, святителемъ воистинну утвержение и преподобнымъ всѣмъ похваление, спаси и нас от бѣдъ и обстоянии и языкъ нашествия, воспѣвающихъ Тя, Многопѣтая.

Свѣтиленъ.[44] Подобен: Посѣтил ны есть.

Тезоимените цѣломудрия, от юнаго воспитания, святителю Филиппе, потщалъся еси за истину поносимъ и влачимъ быти, и смерть горкую подъялъ еси; и нынѣ на небесѣхъ, предъстоя престолу Святыя Троица, присно о насъ молися, иже вѣрою и любовию почитающихъ тя.

На хвалигѣхъ. Слава. Глас 6.

Ты еси пастырь добрыи[45] и учитель теплыи, святителю Филиппе; тя всегда восхваляюще, вопиемъ: Тобою Богъ украси церковь Матере Своея,[46] тѣло твое, много лѣтъ покровено в земли, нетлѣнно яви людемъ своимъ; тѣмъже моляся непрестай о хвалящих и чтущих память твою, просящи оставления грѣховъ и спасения душамъ нашимъ.

[1] ...На малѣй вечерни. — Указание на исполнение песнопения в вечернем богослужении. Малая вечерня совершается накануне праздников перед Всенощным бдением. Время ее совершения по церковному уставу — перед заходом солнца.

[2] Слава — указание на то, что песнопение поется после припева «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». Отсюда название песнопения (разновидности стихиры) — «Славник».

[3] Глас 6 — место песнопения в системе осмогласия, где каждый из восьми гласов представлял собой совокупность музыкальных формул, из которых составлялось песнопение, подобно тому как из словесных формул складывался его текст.

[4] ...Святителемъ удобрение... — Славник 6-го гласа, начинающийся этими же словами, есть также и в службах другим святым. Например, Николаю Мирликийскому, митр. Алексию (в день его памяти и на перенесение мощей), Леонтию Ростовскому. Но несмотря на использование зачастую одинаковых словесных и музыкальных формул, все песнопения отличаются друг от друга, так как в каждом случае одни и те же формулы помещаются в разный контекст, а их последовательность в каждом конкретном песнопении индивидуальна.

[5] ...На велицѣй вечерни. — Указание на исполнение песнопения в вечернем богослужении, совершавшемся сразу после захода солнца.

[6] ...Радуйся и веселися... — Славник 8-го гласа, начинающийся с этих слов, есть также в службах Варлааму Хутынскому, Леонтию Ростовскому, Петру и Февронии Муромским. Однако во всех этих случаях, как и в славнике, начинающемся словами «Святителем удобрение», мы имеем дело с песнопениями подобными, но не идентичными друг другу, поскольку в каждом случае присутствует своя логика изложения материала.

[7] ...низложивши суровством гордого... — Святитель Филипп в своих речах обличал жестокости царя.

[8] ...В литию — Лития (греч. — усердная молитва) — часть Всенощного бдения, следующая за ектенией, начинающейся словами «Исполним вечернюю молитву нашу о Господеви». Совершается иногда в притворе храма и на паперти, иногда вне храма. Во время литии поются стихиры храму или календарному празднику.

[9] ...Подобает царствующему граду Москвѣ Филиппа вездѣ имѣти архиерея, яко нѣкую утварь царьскую и сокровище некрадомо... —

Текст этого славника св. Филиппу сходен с текстом славника на «Господи, воззвах» Стефану, еп. Сурожскому. Однако роспев, начинающийся так же, как и в славнике Стефану, в дальнейшем развитии существенно отклоняется от него.

[10] По 50-мъ псалмѣ. — Указание места исполнения песнопения в службе: на утрене после чтения 50-го псалма.

[11] Стихира (греч. — многостишие) — песнопение, поющееся после стихов псалмов. Различаются стихиры на «Господи, воззвах», поющиеся после стихов псалмов 140,141, 129,116, начинающихся этими словами; стихиры на стиховне, которые чередуются со стихами псалмов, соответствующими празднику или лику святого, стихиры на хвалитех, поющиеся после стихов псалмов 148 — «Хвалите Господа с небес», 149 — «Воспойте Господеви», 150 — «Хвалите Бога», стихиры на литии. Во всех этих случаях число стихир — три и более, лишь после 50-го псалма поется только одна стихира.

[12] ...Апостоломъ рѣвнителя... — Славник, начинающийся этими же словами, есть также в службах Иакову Ростовскому и князю Владимиру. Однако сходство поэтического и музыкального текстов ограничивается лишь началом песнопения.

[13] ...Канон (греч. — правило) — цикл песнопений, составленный по определенному правилу из соединения нескольких «песней». Исполняется во время утреннего богослужения. Воспевает календарный праздник или святого, о котором Церковь вспоминает в этот день.

[14] Пѣснь 1 — канон как сложная гимнографическая форма складывается из 9 «песней», каждая из которых состоит из ирмоса и тропарей.

[15] Ирмосъ (греч. — связь, ряд) — песнопение, содержание которого основано на так называемых Библейских песнях. Напев ирмоса и основная его идея, заключенная в тексте, служат образцом для последующих за ним тропарей, воспевающих святого. Таким образом

осуществляется «связь» между прообразами и пророчествами Ветхого Завета с празднуемым событием. Ирмос первой песни канона — победная песнь Моисея, воспетая им после благополучного перехода израильтян через Чермное (Красное) море.

[16] ...Посѣченыи несѣкомаго пресѣче. — В тексте ирмоса, начинающегося этими словами, повествуется о благополучном переходе израильтян через «непроходимые», но расступившиеся перед ними воды Чермного моря, и о гибели преследовавших их египтян под сомкнувшейся над ними водой. Идея победы гонимого над гонителем опосредованно передана в третьем тропаре 1-й песни канона.

[17] ...Постыдѣшеся царие крѣпкаго ти разума, и предѣлъ языка твоего не поколѣбася... — Речь идет об одном из фрагментов Жития Филиппа, где после его обличительных слов «подобает тебе, благочестивому царю, неправо глаголющего обличити и отогнати от себе, яко гнилъ удъ<...> царь отиде в полаты своя во мнозѣ размышлении» (см. с. 726).

[18] ...Богородичен — песнопение, воспевающее Богородицу.

[19] ...роди, Дѣво, младо Отроча, Адама древняго старѣйша и сопрестолъна Родителю, миру всему на спасение и тлѣнию изменение. — Родившийся Христос был старше отца рода человеческого Адама, поскольку являл собой земное воплощение Бога. И если Адам считается виновником греха и смерти, то Христос, второй Адам, — носителем жизни и бессмертия (Рим. 5, 14; Кор. 15, 22).

[20] Пѣснь 3 — следует сразу за песнью 1, вторая же песнь в этом каноне опускается. Это связано с тем, что песнь 2 (Песнь Моисея во время шествия израильского народа по пустыне), носящая сугубо покаянный характер, не соответствует духу праздничных песнопений. Каноны, содержащие в своем составе 2-ю песнь, исполняются только в постных службах.

По своему содержанию ирмос песни 3 являет собой благодарственную песнь матери пророка Самуила Анны. Сын, данный бесплодной Анне по ее молитве, был посвящен Богу на служение. Подобно Самуилу,

святитель Филипп избирает стезю служения Богу. Он отказывается от земной славы и плотских желаний, приобщаясь к Божественному свету.

[21] ...Змия умертвила еси, умертвившаго Адама в породѣ.и Евѣ праматери составльшаго печаль... — Рождение Христа Богородицей стало искуплением первородного греха. После грехопадения прародителей человечества грех и смерть, вошедшие в мир, отразились на всем их потомстве. Адам стал прародителем грешного рода (Ос. 6, 7). Но с рождением «второго» Адама — Иисуса Христа, ставшего праотцем праведного рода (Рим. 5), змей, соблазнивший Еву, был повержен, согласно воле Бога — семя жены будет поражать змея в голову (Быт. 3, 15).

[22] Сѣдаленъ — песнопение, во время исполнения которого за богослужением разрешалось сидеть.

[23] Подобенъ — указание на песнопение, по подобию, образцу которого поется седален.

[24] ...Яко апостолу избранному тезоименитъ, отче, подражатель. — Св. Филипп при пострижении в монахи получил имя одного из двенадцати апостолов, призванных Иисусом Христом (Лк. 6, 13—16; Ин. 1, 43, 44), Филиппа, который, по некоторым источникам, проповедуя Евангелие, был распят на кресте головой вниз (Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995. С. 115).

[25] ...ревность воображая пророка Илии и Крестителя... — Речь идет о подвигах ветхозаветного пророка Илии (3 Цар. 17—19; 4 Цар. 1—2) и предшественника (Предтечи) Иисуса Христа Иоанна Крестителя. Они оба были ревнителями благочестия, оба обличали пороки и вступали в столкновения с царями (3 Цар. 18,18; Мф. 14). Иудеи считали, что Илья пророк должен явиться на землю перед пришествием Христа. И, когда Иоанн Креститель проповедовал на берегах Иордана, столь же ревностно и грозно, как это делал ветхозаветный пророк, они принимали Иоанна за Илию (Ин. 1,21). Таким же обличителем царя здесь предстает св. Филипп.

[26] Пѣснь 4. Ирмосъ: Пророк Аввакумъ мысленыма. — Песнь пророка Аввакума, предвидевшего пришествие Бога. Тропари 4-й песни не связаны с содержанием ирмоса буквально, лишь в третьем тропаре перефразируются слова из ирмоса «Тем и вопияше: от Юга приходит Бог, слава снисхождению Твоему».

[27] Пѣснь 5. Ирмосъ: Мракъ душа моея отмени. — Песнь Пророка Исайи, возвестившего рождение от Девы Спасителя (Еммануила).

[28] Луча праведнаго солнца явися мирови... — Одна из тем, содержащихся в ирмосах этой песни канона, — противопоставление духовного мрака и света, дарованного миру. В тропарях канона Христос предстает как свет разума, Филипп — луч этого света. Слово его — обличение, обращение к свету заповедей Христовых.

[29] ...разумно изобличивъ начальствующая, во свѣдѣтельство Христа, всѣх Царя... — Согласно Житию св. Филиппа, святитель, призывая царя к благочестию, прекращению кровопролития, неоднократно напоминал ему — царю земному — о суде Царя Небесного.

[30] Пѣснь 6. Ирмосъ: Иону в китѣ, Господи, единаго вселил. — Песнь пророка Ионы, три дня пребывавшего во чреве китовом. В течение этого времени Иона призывал Господа (Ион. 2) и по своей молитве был выброшен на сушу. Вера св. Филиппа в тропарях песни уподобляется вере Ионы.

[31] ...языческая же со отятиемъ отрѣваше предания... — Вероятно, имеются в виду те фрагменты Жития св. Филиппа, где осуждаются головные уборы опричников, напоминающие шапки язычников времен царя Навуходоносора: «...шлыки высоки, ризам подобны, ако халдеи имут...». Осуждение вызывает и появление одного из опричников в церкви в головном уборе — тафье, что расценивается святителем как языческий обычай. Увидев такое нарушение церковного правила, Филипп вопрошает: «Се ли подобает благочестивому царю агарянский закон держати?» (см. с. 730).

[32] …Тя иногда написа скрыжаль Богообразнѣ во пророцѣх Моисей; свѣщникъ же свѣта, и сѣнь, и процвѣтший жезлъ… — Богородица здесь уподобляется светильнику и храму, созданным Моисеем по заповедям Бога, а также чуду, происшедшему с жезлом (посохом) Аарона, который расцвел в течение ночи (Чис. 17, 6—8).

[33] …и ручку, манну носящу… — Богородица, родившая Христа, уподобляется здесь носительнице небесного хлеба, которым Бог кормил израильтян во время 40-летнего странствия по пустыне (Исх. 16, 35). В Новом Завете манна является прообразом «хлеба жизни» — Иисуса Христа (Ин. 6, 31—35).

[34] …Кондак (греч. — краткий) — песнопение, в краткой форме выражающее существо празднуемого события.

[35] …Дѣвая днесь. — Начальные слова кондака из службы Рождеству Христову «Дева днесь пресущественного рождает», избранного в качестве образца для кондака св. Филиппу.

[36] Икос — песнопение, следующее за кондаком и развивающее его тему.

[37] Новый бо столпъ огненъ явися… — Напоминание об огненном столпе, из которого «воззрел Господь на стан египтян» (Исх. 14, 24) во время перехода израильтян через Чермное море. Это напоминание и дальнейший текст икоса вновь уподобляет Филиппа Моисею, выводящему свою паству к Земле обетованной.

[38] Пѣснь 7. Ирмосъ: На полѣ молебнѣ иногда. — Божественная песнь трех отроков, оставшихся невредимыми в раскаленной печи, куда их, по распоряжению Вавилонского царя Навуходоносора, бросили за отказ поклониться золотому языческому идолу, поставленному царем «на поле Деире в области Вавилонской» (Дан. 3).

[39] …Отецъ наших Боже, благословенъ еси. — Слова, которыми три отрока, брошенные в печь, восхваляли Господа (ср.: «Благословен Ты,

Господи Боже отцов наших» — Дан. 3, 52). Эти слова повторяются в заключение каждого тропаря песни 7, восхваляющего Филиппа, они же завершают и следующий за тропарями богородичен.

[40] ...тоя бо целующе, независтно благодать приемлем. Яко прикосновением болезнь очную исиѣлил еси... — Речь идет о чудесах, совершавшихся после открытия мощей св. Филиппа.

[41] Пѣснь 8. Ирмосъ: Покрывали водами превыспреняя своя. — Содержанием ирмоса 8-й песни канона, так же как и 7-й, является песнь трех отроков, хвалящих Господа в раскаленной печи (ср.: «Благословите Господа все воды, которые превыше небес» — Дан. 3, 60).

[42] ...разслаблена воставилъ еси и страждущему ятро прикосновениемъ ручнымъ исцѣлилъ еси. — Вероятно, имеется в виду исцеление зодчего Василия, инока Соловецкого монастыря Исайи «от недуга расслабления», кузнеца Иоанна «от внутренней болезни» (Муравьев А. Н. Жития святых российской церкви. СПб., 1857. С. 133—135).

[43] Пѣснь 9. Ирмосъ: Благословенъ Господь Богъ Израилевъ. — Песнь Захарии о рождении сына Иоанна, Крестителя Господня (Лк. 68—79).

[44] Свѣтиленъ. — Название песнопения связано с тем, что пение его после канона в конце утрени предшествует рассвету, а содержание связывается с просвещением души.

[45] Ты еси пастырь добрый... — Этими же словами начинается стихира св. Исайе Ростовскому.

[46] ...Тобою Богъ украси церковь Матере Своея... — Имеется в виду собор Успения Богородицы на территории Московского Кремля, где в 1652 г. были помещены мощи св. Филиппа после перенесения их из Соловецкого монастыря. Во время создания службы перенесение мощей в Москву в Успенский собор только предполагалось.

ПЕРЕВОД

ОТЦА НАШЕГО ФИЛИППА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ, НОВОГО ИСПОВЕДНИКА

На малой вечерни. Слава. Глас 6. Украшение святителей и благолепие отцов <духовных>, молебника великого за Землю русскую собравшись здесь, о, почитатели празднеств <церковных>, хвалами песнопений воспоем, восклицая: Радуйся, святитель Филипп, твердый душой, благодатью и истиной освященный; потому ты и вместилищем стал Пресвятого Духа; и ныне, с первосвятителями предстоя престолу Христову, молись о душах наших.

На великой вечерни. Слава. Глас 8. Радуйся и веселись, досточтимая братия, светло торжествуй, Христова Церковь, слившись воедино, ликуй, Богом призванная паства, ныне созывает нас архиерея всеобщее торжество. Придите же, светло возрадуемся, в память о нем восклицая: Радуйся, блюститель благочестия, словно в ризу облачившийся в доблести духовные; радуйся, низпровергший гордого суровостью, данной тебе от единого Бога силою; радуйся, Божественное утешение скорбящих душой, и за обиженных заступник, и для всех истинных христиан покойное пристанище. Потому, обступив священную твою раку, с любовью ее поцелуем. Святитель Филипп, помощи твоей просим, чтобы обрести нам любовь Божественную, <чтобы Бог> твоими молитвами миру покой даровал и душам нашим высшую милость.

На литии. Слава. Глас 4. Следует царствующему граду Москве повсюду считать неким символом царским и сокровищем, которое не украсть, Филиппа-архиерея, всем дарующего богатство спасения, через веры исповедание и всех собирающего для составления песнопений, достойных Бога; к нему же воззовем: Святитель и исповедник, моли Христа Бога о душах наших.

По 50-м псалме. Стихира. Глас 8. Апостолам подражателя, Филиппа преблаженного, отца и учителя, собравшись вместе, восхвалим, восклицая: Радуйся, святитель, стойкий душой, благодатью и истиной освященный; потому и вместилищем стал для Духа Пресвятого; и ныне, с первосвятителями предстоя престолу Христову, непрестанно молись о рабах своих.

Канон святителю. Глас 8.

Песнь 1. Ирмос: Гонимый гонителя остановил.

Агнец Божий и Слово, светозарностью Святого Твоего Духа темной душе моей светоносный луч даруй и вдохни в меня слово, чтобы восхвалить того, кого Ты Сам избрал и приял, вершину страдания, священного Филиппа.

Благодать Божественную, праведник, рабу своему даруй и радостью мою наполни душу, чтобы воспеть житие твое, Филипп святитель, которым ты всех возвеселил, подвизаясь, Господу воспевая: Славно Ты прославился.

Подвигом великих добродетелей светозарно сияешь, преподобный; устыдились цари твердости Твоего духа, и неколебимо было слово твое, Господа воспевая: Славно Ты прославился.

Богородичен. Пророчества богогласных проповедников о Тебе, Богородица, исполнились; ибо родила Ты, Дева, малое Дитя, старше Адама древнего и сопрестольное Отцу Своему, миру всему на спасение и от тления освобождение.

Песнь 3. Ирмос: Укрепилось сердце мое в Господе.

На вершину добродетелей поднявшись и во тьму познания войдя, святитель Филипп, познал, сколько сумел вместить, непостижимого естеством <человеческим>, светом истины наполнившись, отче, приняв Божественную благодать.

Единого Бога добродетельно ища, одну лишь Его получить славу желая, от славы и чести земного пребывания, как от преходящей, отказался, блаженный, как угодник Христа, Владыки всех, просиял.

Желанием духа плоти желание укротил, и семя свое, блаженный, отдал супруге своей — чистоте, от которой все дети твои родились — добродетели приснославные, делающие тебя чадом невещественного света.

Богородичен. Змея Ты умертвила, смертным сделавшего Адама в рае, и Еве, праматери, принесшего печаль, жизнь породив, Дева Чистая; Ты от истления нас освободила, ибо Бог из Твоей утробы вышел непостижимо.

Седален. Глас 8. Подобен: Премудрости.

Избранному апостолу тезоименит, отче, подражатель, беды претерпел ты и гонения; подвиги повторяя пророка Илии и Крестителя, мужественно изобличил законопреступников и <святительский> престол благочестиво устроил. Как <и они> течение <жизни> завершив, ты словно милость тело свое на земле оставил, испускающее миро благоуханного аромат, и словно дождь изливающее духовный, наполняющий непостижимо бразды сердец наших, Филипп святитель, моли Христа Бога прощение грехов даровать почитающим с любовью святую память твою. <Дважды>.

Песнь 4. Ирмос: Пророк Аввакум духовными.

Живущие во зле на тебя, кроткого агнца, словно звери дикие, восстали, слов твоих, как уколов острых, не перенося, завистью побуждаемые, святитель богомудрый.

Почитает тебя мир весь как заступника и помощника в битвах, поборника за веру и скорого посредника <перед Богом>, ибо <всех>, к твоей пастве приобщающихся, от напастей и бед избавляешь священными своими молитвами.

Совершив подвиги добродетели, равноименный <апостолу>, нетленного, богомудрый, сподобился бессмертия, когда с радостью венец победный обрел ты, так восклицая: Слава силе Твоей, Слава, Христе, пришествию Твоему.

Богородичен. Силу всех врагов, Богородица, низложи оскорбляющих воспевающих Тебя, как родившую Господа Великого; невредимой Свою паству сохрани от напастей злых, для того постоянно Тебя прославляем.

Песнь 5. Ирмос: Мрак души моей отгони.

Лучом праведного солнца, светом добродетелей миру явилось заступничество твое, святитель Филипп, разгоняя тучи пришедших бед; и ныне воспевающих тебя в мире сохрани и прославь их красотою <духовною> и просвети.

Мечом обоюдоострым язык твой явился, страхом Христовым вооружился, блаженный, духом своим изобличил властителей, во свидетельство представляя Христа, всех Царя, и Божественных Его учеников.

Новый явился служитель Божий, подобный второму Моисею, не знамениями страшными удивляющий, а словами Божественного учения наставляющий, к тихому пристанищу новый <народ> Израиля из неправедного Египта выводящий.

Богородичен. Облаком духовным Тебя называем, ибо из Тебя Христос воссиял, Непорочная, и бесконечней небес Тебя Он явил, Его Ты родила, не познав мужа, Чистая, обретшего плоть <человеческую> милосердием неисповедимым.

Песнь 6. Ирмос: Иону в ките, Господи, одного оставил.

Дело общее творя, душа <твоя> и сердце в едином <порыве> взывали к пребывающим во Христовой вере, языческие же безвозвратно отвергали установления, и разделения избегать разумно научил ты.

Ревностью во Христе дерзновение <свое> заострив, непреклонен был, слушая речи о таких, откровение высшее возвещая от речений апостолов и пророков, Христовых заповедей исполнитель.

Светоносным лучом стал для живущих во мраке жития, святитель Филипп, видим тебя как свечу неугасимую, ибо с невещественным беседовал ты светом, освещающим все пределы и безумство жестоких неприемлющим.

Богородичен. Тебя некогда назвал скрижалью Бога прообразующей пророк Моисей; Ты светильник и сень <духовная>, и расцветший жезл, Всенепорочная, Ты сосуд, манну хранящий, Тобой возведены будем от земли к небесам.

Кондак. Глас 3. Подобен: Дева ныне.

Православию учителя и истины носителя, златоустого служителя <Божьего>, русского светильника Филиппа премудрого восхвалим, пищей своих поучений духовных детей своих питавшего, языком похвалу возглашая, устами же в пении прорицая, как посвященный в тайну Божественной благодати.

Икос. Придите, почитатели мучеников, со смирением и любовью, пением и песнями духовными память совершая, Божественно возвеселимся. Время нашей радости, все более умножающейся, — <день> празднества настал, <день> принятия дара избавления от страстей. Ибо новый столп огненный явился, попаляя головы нечестивцев, верным же просвещая души для постижения мудрости Божественной, и в Божественный град, небесный Иерусалим, словно новый народ Израиля вводя, как восприемник Божественной благодати.

Песнь 7. Ирмос: На поле молитвенном некогда.

Украшенный благолепно добродетельными подвигами, пред Господом предстал, венец нося страдания, испещрен кровавыми каплями, святитель Филипп; потому непрестанно поминай, совершающих светоносную память твою и поющих: Отцов наших Боже, благословен Ты.

Дьявольского нападения, подобного фараоновому, блаженный, ты избежал, легко поднялся ты к небесам, там поселившись, где и почести и славу получил за терпение — в мире праведных, со святыми радуясь и воспевая: Отцов наших Боже, благословен Ты.

Хвалят тебя, прославляя с любовью, припадающие ко гробу твоему, блаженный, ибо, целуя его, щедро благодать принимаем; ибо прикосновением <к нему> зрение исцелил ты; облегчил же и зубную боль поющим Создателю: Отцов наших Боже, благословен Ты.

Богородичен. От любви душевной воспеваю Тебя, Владычица, светлейшего солнца облако, дверь в спасение, небесные врата, лестница духовная. <От> всех христиан мольбу прими, Тебя, надежду душ наших, величающих и к Сыну Твоему взывающих: Отцов наших Боже, благословен Ты.

Песнь 8. Ирмос: Покрывающий водами высоты <небесные>.

Исцеляешь щедро с верой призывающих тебя, подобно тому, как представ перед немощным, излечил его, и больному печень прикосновением руки исцелил ты, в унынии пребывающего явлением своим в радость привел, непрестанно помогая всем, блаженный, вовеки.

Дар драгоценный на твою главу — страдания венец, словно победителю живоносною рукой Создатель возложил щедро, тело же твое сохранил невредимым в земле, испускающим благоухания аромат; так тебя прославил Подвигов свершитель на все времена.

Волнения вражды междуусобной укроти, и рассвирепевших волков от стада твоего, блаженный, молитвенной своею палицей далеко отгони, и царя нашего власть державную укрепи, и восставшие народы во смирение приведи, ведь как заступника <перед Богом> тебя воспеваем вовеки.

Богородичен. Щитом веры храм Твой святой, Богородица Дева, сохрани, и в нем всех, славословящих Тебя, славы Своей удостой, и от нашествия варварского и от мучительства их избавь, ума нашего волнения укроти милостью Своею, Всепетая.

Песнь 9. Ирмос: Благословен Господь Бог Израиля.

Троицы единого естества безмерную силу благословил <ты>, и всуе трудящихся дерзновенно, всемудрый, изобличил ты, и Божественными наставлениями ободрился; с ангелами живущий, святитель Филипп, празднующих <день> памяти твоей в покое сохрани.

Детскому лепету подобным такое приобщение бывает, как от недостойных <тебя>, прими от нас нынешнее благодарение, о, страстотерпец; дело это не наше, а ангельское — восхвалить тебя так, как подобает; мы же по усердию <нашему> дерзнули, насколько смогли.

Как с апостолами соцарствующий и к лику мучеников причтенный, со святителями равно почитаемый, страстотерпец Филипп, заступничеством твоим поющих в мире сохрани и православного царя нашего мощь возвысь, иноплеменных же мятежи низложи; да воспоем же, радуясь, величие твое.

Богородичен. Света вместилище, благодатью Божией обрадованная Владычица, святителям истинная опора и преподобным всем похвала, спаси и нас от бед и наваждений и от врагов нашествия, воспевающих Тебя, Многовоспетая.

Светилен. Подобен: Посетил нас.

Соименный целомудрию, с юности призванный <к Богу>, святитель Филипп, поусердствовал ты быть поносимым и преследуемым за истину, и смерть мучительную принял; и ныне на небесах, стоя перед престолом Святой Троицы, вечно о нас молись, верою и любовью почитающих тебя.

На хвалитех. Слава. Глас 6.

Ты — пастырь добрый и учитель теплый, святитель Филипп; тебя всегда восхваляя, восклицаем: Тобою Бог украсил церковь Матери Своей; тело твое, много лет сокрытое в земле, нетленным явил людям своим; молись непрестанно о хвалящих и чтущих память твою, прося оставления грехов и спасения душам нашим.